АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. НЕЧКИНА

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. В. НЕЧКИНА

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ТОМ
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1955

Глава XI

БОРЬБА ЗА СОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СОВЕЩАНИЯ 1824 г.

1

Мы оставили В. Давыдова в 1823 г., в момент выезда из Киева в столицу с ответственными поручениями Пестеля. Очередная задача — объединение сил двух организаций — была прежде всего вопросом программы. Южное общество только что приняло свои конституционные решения, отвергло минскую редакцию Конституции Никиты Муравьева, и Давыдов, кипевший в спорах Киевского съезда 1823 г., вез с собой краткое изложение «Русской Правды», которое мог использовать для переговоров с Н. Муравьевым. Однако обстановка оказалась куда более сложной, чем думалось, и переговоры встретились со значительными затруднениями.

Положение внутри Северного общества в начале 1823 г. было чрезвычайно сложным. Еще на Московском съезде 1821 г. было решено учредить на новых началах северную организацию, и Николай Тургенев повез в Петербург проект ее только что выработанного, весьма умеренного «статута». Однако Никита Муравьев — в тот момент представитель более передового течения — не согласился, как мы помним, с предложенной линией, выработал и отлитографировал вместе с Луниным другой проект устава, имея в виду действовать заодно с Пестелем. Но хрупкая дворянская революционность северного лидера вступила в полосу кризиса под давлением общего наступления разыгравшейся реакции, подалась вправо. В Северном обществе «опять явились монархические предположения»,— писал с горечью Пестель.

Минский вариант Конституции Никиты Муравьева не имел успеха и среди северных членов. Однако суть спора Муравьева с югом была вовсе не в конституционно-монархической форме как таковой. Хотя Пестель сожалеет о возобновлении монархических предположений в Северном обществе, он все же не эту сторону вопроса делает центром своего «предлинного письма». «Ужасная аристократия богатств», политические права, врученные богатым и только им, исключение широких слоев населения из политической жизни — вот что вызывало законные возражения Пестеля и его товарищей. Равным образом атаковались искусственная децентрализация власти, отказ от идеи единой и неделимой революционной России, создание искусственно расчлененной на «уделы»-державы и ослабленной этим великой страны. Все эти стороны вопроса и отталкивали возражающих. Муравьев, определивший к 1822 г. свою новую, более умеренную политическую ориентацию, почувствовал в этой обстановке, что программа его требует перемен, что она уже не отражает того пони-

мания очередных требований, выдвинутых жизнью, которое складывалось у его товарищей по обществу, тревожа своими новыми вопросами и его самого. Около прежней программы не создавалось активного и убежденного ядра сторонников. Тактика медленного действия «на умы», лишенная прежних теоретических посылок, в которых когда-то был убежден Союз Благоденствия, конечно, в известной мере заполняла деятельность общества, но уже никак не могла удовлетворить северных членов. Дело было не в «общественном мнении» самом по себе, а в решительном революционном военном ударе, успех которого немедленно выявил бы передовое общественное мнение, создал бы его силу и тысячекратно умножил бы ряды сторонников нового, — это всегда было убеждением декабристов, чувствовавших связь с окружающей передовой средой и крепко на нее надеявшихся. Поэтому вся программа Никиты Муравьева, как он ни бился вокруг ее пропаганды, явно теряла свою притягательную идейную силу и организующее воздействие.

Первой реакцией Никиты Муравьева на «предлинное письмо» Пестеля было возмущение и негодование. Нельзя не заметить, что пришло оно к Никите, к слову сказать, в очень неподходящий момент его личной жизни. Именно в феврале 1823 г. Никита Муравьев находился на вершине личного счастья — 22 февраля состоялась его свадьба с обаятельной красавицей, блестящей представительницей рода Чернышевых, графиней Александрой Григорьевной, которую он страстно любил. Вхождение в богатейшую и знатную семью Чернышевых не поколебало его позиций дворянского революционера; заметим кстати, что в самой семье Чернышевых было представлено революционное движение (братом жены Захаром). Но реакция Н. Муравьева на критику Пестеля была резко окрашена классовыми тонами. Он был убежден в своей правоте [1].

Он специально пригласил к себе Давыдова и читал ему свою — отвергнутую южной организацией — конституцию. Очевидно, в порыве негодования он не очень вник во французскую тетрадку Сергея Муравьева, где была изложена конституция Южного общества, только что принятая на Киевском съезде. Тетрадки этой Давыдов не отдавал ему совсем: он должен был привезти ее обратно на юг и вернуть Сергею Муравьеву Никто не помешал бы, вероятно, Никите снять копию, но ему, повидимому, было не до копии. Он сознательно не сообщил никому в Северном обществе содержания этой тетради, и Матвей Муравьев позже свидетельствовал, как возмущался Пестель тем, что Никита Муравьев скрыл южную конституцию от северян, даже никому не показал ее! Более того, сам Никита Муравьев показывает, что, будто бы ясно осознав разрыв с прежним политическим союзником, он вообще перестал писать в Южную думу и сжег какой-то список «Русской Правды» именно в 1823 г.

Какую же рукопись он мог сжечь? Речь, очевидно, шла не о только что полученной французской тетрадке Сергея Муравьева, — ее надо было вернуть, и она, действительно, была возвращена по принадлежности, как показывает Давыдов. Речь могла идти лишь о том, чем Никита Муравьев сам обладал: о снятой им в Тульчине в 1820 г. французской копии пестелева проекта. Очевидно, в 1823 г. была сожжена именно эта рукопись [2].

Все случившееся создавало новую ситуацию для прежнего лидера передового направления петербургских декабристов. Сначала Никита Муравьев усиленно пропагандирует свою политическую платформу. Он дает Давыдову не только письмо на юг к Сергею Муравьеву, своему родственнику, но и передает ему через Давыдова экземпляр своей минской конституции. Ведь, действительно, на юге ее экземпляра уже нет, он

возвращен Пестелем «как неудовлетворительный»! Возможно, что Н. Муравьев и дал Давыдову тот самый экземпляр, который вернул ему Пестель. «Дал он (Никита Муравьев.— *М. Н.)* мне письмо к С. Муравьеву и его мысли о правлении (монархическое представительное)»,— кратко показывает Давыдов [3].

Но, несмотря на всю остроту создавшегося положения, разрыва между двумя обществами не произошло. Очень важно отметить, что Пестель, посылая Никите Муравьеву «предлинное письмо», во-первых, отнюдь не брал на себя инициативы разрыва: возвращая Муравьеву его Конституцию «как неудовлетворительную», он делал это вовсе не для того, чтобы оскорбить его, а для того, чтобы добиться «исправления» его проекта. Общая позиция юга оставалась предложением сотрудничества, объединенного действия. Во-вторых, и Никита Муравьев, по понятным причинам используя на следствии все изложенные обстоятельства как доказательство происшедшего разрыва, фактически сохранил сознание необходимости дальнейшей выработки объединенной программы и общих действий. Об этом очень ясно говорит Давыдов, комментируя свою поездку в феврале 1823 г.: «Мне в сей раз поручали просить его (Никиту Муравьева.— *М. Н.*) о соглашении обоих обществ насчет образа правления, которое было бы общею целью, он обещал о том стараться и письменно дать знать. Исполнил ли он сие, не думаю» [4].

Сам Давыдов был активен в этот приезд, не однажды виделся с Никитой Муравьевым, слушал чтение его Конституции, встретился и с Николаем Тургеневым. Одно из показаний Никиты Муравьева в живой форме доносит до нас его разговор с Давыдовым, сохраняя даже «вопросоответную» форму: «Подполковник Давыдов во время своего нахождения в Петербурге предложил мне заняться с ним в рассуждении преобразования правительства и плана действий общества, дабы окончательно утвердить оное. Согласясь на его мысль, я предложил ему для большего порядка в суждении, чтобы он взялся назначать вопросы, а что я буду на каждый давать свое мнение, после чего мы станем рассуждать о том и таким образом все постановим. Первый вопрос его был об увольнении крестьян (т. е. об уничтожении крепостной зависимости. — *М. Н.*). Я объяснил ему мое мнение на сей счет. «У нас положено иначе», сказал он мне. Я стал разбирать их постановления о том и делать на оное возражения. Выслушав их, он мне отвечал: вы судите справедливо, я сам этого мнения, но у нас так положено и этого переменить нельзя. За сим он не приступил к следующему вопросу и наше толкование кончилось» [5].

Это свидетельство замечательно: оно очень отчетливо дает понять, что после второго съезда 1823 г., которым полон был Давыдов, он, несмотря даже на какие-то свои сомнения, полагает, что постановления съезда имеют для него обязательную силу, что «у нас положено иначе». Он не сказал Никите: «Пестель думает иначе» или что-либо в этом роде,— он сказал: «У нас так положено и этого переменить нельзя». Он чтит святость не личного мнения Пестеля, а постановление съезда — это очевидно. Этот разговор очень важен для исследователя «Русской Правды»,— речь идет не о личном авторском документе Пестеля, а о проекте, принятом южной организацией [6].

Однако эти данные отнюдь не исчерпывают картину идейной жизни северной организации. Да, в ней заметно увядание прежней ведущей «муравьевской линии», которая сыграла такую важную роль в самом образовании Северного общества после постановлений Московского съезда 1821 г. Но вместе с тем в ней — и именно в то же время — намечается линия новой жизни, идущая не от Никиты Муравьева и Тургенева, а от

продвинувшегося вперед более демократического авангарда, звавшего всех за собой.

На рубеже 1822 и 1823 гг. мы можем отчетливо заметить ростки этой новой жизни в двух петербургских декабристских группах. Первая тяготеет к Оболенскому и средоточием ее жизни являются те же Преображенские казармы, уже видавшие в своих стенах конспиративные собрания. Вторая возглавлена другом А. С. Пушкина — И. И. Пущиным. Около Оболенского мы встречаем Шипова и Митькова, тут копится старая ненависть к самодержавию, уже выражавшаяся в предложениях Шипова, также тут представленного. Линия «медленного действия на мнения», отстаиваемая Никитой Муравьевым, не встречает здесь сочувствия. Оболенский говорил, что совсем охладел в это время к не удовлетворявшей его линии Северного общества и стал заниматься философскими вопросами. Другим очагом недовольства муравьевской политикой была пущинская группа, которую на этом этапе, пожалуй, даже можно назвать пущинским обществом [7].

Как мы помним, И. И. Пущин вошел в движение декабристов на раннем его этапе — вступил в члены Союза Спасения через Священную артель. Он был подготовлен к этому еще вдохновенный лицейским периодом. Время, о котором идет речь, было переломным для Пущина: 26 января 1823 г. он уволился в отставку, «сбросил конно-артиллерийский мундир и преобразился в судьи уголовного департамента московского надворного суда», как пишет он об этом в своих «Записках о Пушкине». Именно здесь, «на гражданском поприще», стремился он принести теперь пользу отечеству. В апреле 1823 г. он поступил сверхштатным членом в Петербургскую уголовную палату, а в декабре 1823 г. был назначен судьей Московского надворного суда, передвинувшись, таким образом, на жительство из Петербурга в Москву. О своем переходе из гвардейской конной артиллерии в надворные судьи Пущин говорит: «переход резкий, имевший впрочем тогда свое назначение» [8].

Попытка службы по гражданской части была результатом разочарования в службе военной, поисками живой формы служения родине, попыткой поставить преграды «злу существующего у нас порядка вещей». Примеров подобной перемены службы было тогда немало.

Кондратий Федорович Рылеев, вышедший в отставку еще в конце 1818 г., в январе 1821 г. тоже перешел в штатскую службу, стал заседателем в Петербургской палате уголовного суда. Как пишет его друг Александр Бестужев, Рылеев «стал служить в палатах для показания, что люди облагораживают места, и для примера бескорыстия». В 1820 г. вышел в отставку декабрист С. Кашкин, родственник Е. Оболенского, поступивший в первый департамент Московского надворного суда. Декабрист Оболенский, глубоко вникавший в существо явлений, писал: «Из-за желания помочь несчастным при тогдашнем судопроизводстве Рылеев променял военное поприще на место судьи в Петербургской уголовной палате, как сделал и другой декабрист — Пущин, надеясь своим примером побудить других принять на себя обязанности, от которых дворянство устранялось, предпочитая блестящие эполеты той пользе, которую оно могло бы принести, внося в низшие судебные инстанции тот благородный образ мнений и те чистые побуждения, которые украшают человека в частной жизни и на общественном поприще» [9].

Из приведенных выше дат видно, что Пущин был в Петербурге и действовал там как член Северного общества в течение почти всего 1823 г., — его назначение судьей Московского надворного суда относится к декабрю этого же года. Пущин показывает, что вступил в тайное общество, «убежденный в горестном положении отечества моего». В Северном обществе

мы видим его в тесном содружестве с Оболенским. С «карантинных» маневров гвардии И. Пущин вернулся в июле 1822 г. в Петербург и еще гвардейским офицером возобновил свои связи по обществу и составил вслед за этим свою управу, которая держала себя независимо. В начале 1823 г., бросив военную службу «для определения к статским делам», Пущин вскоре принял в общество К. Ф. Рылеева, бывшего тогда «в полном революционном духе». Рылеев был, повидимому, принят не ранее февраля и во всяком случае не позже июня 1823 г.[10]

Пущин просил у Рылеева «деятельности в принятии других членов», и Рылеев был высоко активен. Оболенский говорит о Рылееве: «Как новый член он был поражен высокой нравственной идеей Общества и потому с чрезвычайным рвением старался о распространении оного». Вскоре Рылеев принял в общество Александра и Николая Бестужевых, которые сыграют такую значительную роль в дальнейшей истории общества[11].

В управу Пущина входили: Пущин, Оболенский, Рылеев, Александр и Николай Бестужевы, а также Павел Черевин, позже уехавший на Кавказ. Замечательно, что управа действовала настолько самостоятельно, что избрала свою собственную «Думу». Последняя состояла, по показанию Пущина, из Оболенского, Бестужева и самого Пущина (какого именно Бестужева — Николая или Александра — он имеет тут в виду, нельзя сказать с полной определенностью).

Дальнейшая история движения декабристов тесно связана с этим новым, поднимающимся, активным течением, неразрывно соединенным в дальнейшем с именем К. Ф. Рылеева.

2

Миссия Давыдова, таким образом, не увенчалась успехом. Нарастала необходимость в гораздо более глубокой и отчетливой договоренности с Северным обществом. Объективно дело обстояло как раз так, что в этот момент в Северном обществе развивались процессы, шедшие навстречу этой жизненной потребности движения: в северной организации новые активные силы начали вливаться в общество,— полагалось начало формированию рылеевского течения. Правда, эти новые силы еще находились в самой ранней стадии развития, и южная организация не знала и не могла знать об этом конкретно, но она сама представляла близкую по духу линию и заранее предполагала наличие подобных же общественных сил на севере, убеждая Северную думу усилить работу и проявить активность.

Для нового натиска на Северную думу и для поисков единомышленников в столице в данный момент уже не вполне подходили люди типа Давыдова и Волконского, в которых Пестель чувствовал мало жара к делу,— они недостаточно активно действовали в Петербурге, скорее, лишь передавали письма, видимо, слабо защищая программу южан. Чувствовалась полная необходимость в новом, решительном и энергичном делегате, убежденном стороннике «Русской Правды». В числе тех задач, которые должен был выполнить в Петербурге этот убежденный сторонник Пестеля, была важнейшая: создать на севере особое отделение Южного общества, которое не только имело бы наблюдение за ходом дел в северной организации, но могло бы явиться и центром, берущим на себя инициативу переворота в Петербурге, этом «средоточии властей», в котором, по плану Пестеля, должна была начаться революция.

Образование такой южной ячейки в Петербурге не только не означало отказа от борьбы за единый фронт, а, напротив, подчеркивало необходи-

мость общих действий. Пестель решил продолжать борьбу за единство действий, но как опытный стратег предварительно обеспечивал тыл. Конечно, действовал он смело и не совсем выдержанно: он создавал филиал южной организации на севере, что вызвало сильное и понятное недовольство северян. Однако в защиту Пестеля необходимо сказать, во-первых, что тайные общества севера и юга ведь еще не объединились в единое целое и Пестель, возглавляя пока еще совершенно самостоятельную организацию, имел право создавать и ее филиалы. Во-вторых, Барятинский в тот же приезд 1823 г. сам сообщил Никите Муравьеву об организации южного отделения на севере. Правда, Никита Муравьев был поставлен уже перед свершившимся фактом возникшей и оформляющейся организации, но все же информация шла от Барятинского. Негодование главы Северного общества не имело пределов: «Муравьев мне сие никогда не простил»,— показывает Барятинский.

Во всяком случае тот гонец на север, которого избрал на этот раз Пестель, имел значительно более серьезные и сложные поручения, чем первые посланцы Пестеля. Гонцом этим был Александр Петрович Барятинский — решительный и убежденный сторонник Пестеля.

Барятинский поехал в Петербург именно как делегат от Директории Южного общества, а не как случайный посланник, подвернувшаяся «оказия» для передачи письма. Давыдов и Волконский дали согласие на его поездку от имени Каменской управы. Пестель нашел нужным заручиться их согласием не только вообще на поездку Барятинского, но и на существо инструкций, ему данных, хотя формально Давыдов и Волконский и не являлись членами Директории Южного общества. Барятинский показывает: «Данные мне поручения словесные и письменные все получил я от Пестеля с согласием Давыдова, Юшневского, князя Волконского». Сергей Муравьев-Апостол также был информирован о поездке Барятинского, о чем свидетельствует в своих показаниях[12].

Предлог для поездки Барятинского был очень удобен: главнокомандующий П. Х. Витгенштейн опять собирался весной в Петербург, и адъютант получил приказание сопровождать генерала. Вероятнее всего предположить, что главнокомандующего требовали в Петербург в связи с предполагавшимся осенью царским смотром второй армии. Витгенштейн двинулся в столицу в мае. Пестель находился в Липовце с ротой для его встречи. Барятинский как адъютант поехал впереди П. Х. Витгенштейна, чтобы приготовить ночлег. Этим и воспользовался Пестель, заранее уговорившийся, что тут вручит Барятинскому письмо к Северной думе. Пестель показывает, что не только успел написать и передать Барятинскому письмо к Никите Муравьеву, но, кроме того, еще и устно подробно условился обо многом с Барятинским. Последнему было вручено также и другое послание для передачи в Петербург — письмо от Давыдова к его родственнику («племяннику» —Александру Поджио, хотя это не совсем точно), члену тайного общества, находившемуся в Петербурге. А. Поджио имел репутацию решительного члена общества, кипевшего желанием действовать. Он должен был свести Барятинского с Н. Муравьевым и содействовать успешному выполнению поручений Южного общества [13].

Письмо Пестеля было написано в решительном тоне. Он требовал от Никиты Муравьева сведений о состоянии общества, о готовности к выступлению в этом же году (очевидно, подразумевалось выступление на предполагавшихся царских маневрах). Руководитель южной организации спрашивал о числе членов общества и о количестве войск, на которые можно рассчитывать во время предстоящего выступления. Он напоминал, что восстание должно начаться в Петербурге по первому сигналу юга, берущего на себя инициативу выступления. С неменьшей отчетливостью Пестель

сообщал о решении Южного общества истребить всю царскую фамилию. В письме стояла знаменитая фраза, позже громко прозвучавшая на следствии: «Les demi-mesures ne valent rien, ici nous voulons avoir la maison nette» *. Письмо было в известной мере «дипломатическим». Вопрос об убийстве всех членов царствующего дома в Южном обществе еще не был, как мы помним, решен единогласно, предстояло его дальнейшее обсуждение. Но вопрос, поднятый в письме к главе Северной думы, имел определенную цель: Никита Муравьев и в его лице Северное общество ставились перед необходимостью мобилизовать все силы накануне решительного выступления, выявить все свои возможности, — «роковое время», или время, соответствующее открытому выступлению, могло наступить скоро. Царский смотр, на котором южане якобы должны были выступать, резко менял всю ситуацию: «средоточие властей», обычно находившееся в Петербурге, вдруг передвигалось на юг в лице особы императора и широкого круга высших военных властей. Нанесение первого удара в этих условиях могло произойти на юге, но дальнейшие действия требовали немедленного и энергичного содействия северян в столице империи.

Содержание письма Пестеля было известно Барятинскому, ему даны были также устные инструкции. «Препоручения, мною упомненные, состояли в следующем,— показывает Барятинский:— упрекнуть Северное общество в его бездействии, стараться дать им высокое понятие о Южном обществе и его деятельности, сказать им, что мы непременно решились действовать в сей год, и требовать от них решительного ответа, могут они, хотят ли содействовать нашим усилиям. Хотя и не намеревалось Южное общество начать в сем году, но для того должно было им сие сказать, чтобы возбудить в них более деятельности». Характерно это двойное: «могут ли, хотят ли»,— вопрос поставлен был резко и прямо. Показание Пестеля о содержании письма и устной инструкции Барятинскому очень отчетливо: Пестель показывает, что в письме «просил Муравьева откровенно говорить с Барятинским и упрекал в недеятельности, говоря, что лучше совсем разойтиться, нежели бездействовать и все-таки опасностям подвергаться» [14]. Пестель ставил, следовательно, в пробном порядке даже вопрос о роспуске общества, конечно, опять-таки с целью полного уяснения отношений,— о действительной ликвидации организаций он, разумеется, не думал.

Отметим еще один очень важный момент устной инструкции Пестеля, сохраненный в показании самого Барятинского: Пестель думал поставить делегата Южной директории в сношения не только с Н. Муравьевым, но и со всем Северным обществом, сделать его встречу с северянами, так сказать, «официальной», организовать по всей форме заседание, чтобы иметь постановление всей организации в целом. Барятинский показывает, что не имел «тайного препоручения к одному только Н. Муравьеву, а должен был объясниться со всеми северными членами... Мне было сказано, чтобы я им в собрании всех членов мои поручения объявил...» [15].

Такова была цель поездки Барятинского в Петербург.

Судя по показанию А. Поджио, Барятинский прежде всего посетил Муравьева и передал ему письмо от Пестеля. Но это был, повидимому, беглый визит,— письмо было лишь передано, а не прочитано при Барятинском, и ответ обещали дать позже. Видимо, Барятинский счел необходимым заранее узнать этот ответ не лично, а через третье лицо, чтобы подготовиться к действию, обдумать ход дальнейших событий и своих поступков согласно той или иной позиции Н. Муравьева. Этим третьим ли-

---

* Буквально: «Полумеры ничего не стоят, мы тут хотим, чтобы весь дом был очищен», в смысле: нужно уничтожить весь царствующий дом.

цом оказался, как и следовало предполагать, решительный А. Поджио, к которому у Барятинского было письмо от родственника (свойственника) Поджио — Василия Львовича Давыдова.

А. Поджио в это время жил в Преображенских казармах, и, придя к нему, Барятинский попал, можно сказать, почти в самый центр одной из передовых и активных группировок северян. Поджио «стоял» в это время на одной квартире с Е. Оболенским и Шиповым. Все трое присутствовали при свидании Барятинского с Поджио. С Оболенским Барятинский увиделся тут впервые. В Преображенских казармах на холостой офицерской квартире можно было говорить свободно, без свидетелей.

А. Поджио узнал из письма Давыдова, что «податель оного — член и потому должен был открыться ему. Он спросил меня о делах здешнего общества, я ему сказал на сие, что я был принят строго, не имел права сообщаться и принимать, и что сношения мои — с одним Никитой Муравьевым, с которым однако мы редко видимся и о сем сносимся».

«Я его видел,— ответил Барятинский Поджио,— съезди, пожалуйста, к нему и узнай, что он думает о письме Пестеля и на что хочет решиться» [16].

Естественно предположить, что при этом свидании говорилось и о многом другом, тем более что в письме Давыдова к Поджио прямо содержалась просьба «открыться» Барятинскому. Через несколько дней мы увидим Поджио участвующим в начальном формировании филиала южной организации в Петербурге, обсуждающим кандидатуры членов в этот филиал. Надо думать, что почва для этого была найдена при первом же свидании с представителем юга.

Поджио съездил к Никите Муравьеву в первый раз один, без Барятинского. Отношение Н. Муравьева к письму Пестеля было ясно — он был в ужасе. Он прочел Поджио вслух письмо Пестеля, прочел «убедительные самые допросы Пестеля об успехе общества, о числе членов и о силе войска, к цели склонного». Поджио запомнил также вопрос Пестеля, — может ли Муравьев «отвечать за преданность членов, силы их, одним словом, чтоб пояснил, когда думает быть достаточно сильным, чтобы быть готовым к восстанию по первому требованию его». Запомнилась и знаменитая фраза об уничтожении всего царствующего дома («Les demi-mesures ne valent rien, ici nous voulons avoir la maison nette»). Никита Муравьев взволнованно говорил: «Ведь они бог весть что затеяли. Они всех хотят...». Он занял по отношению к требованиям юга резко отрицательную позицию: Северная дума еще не готова к выступлению [17].

Ответ Н. Муравьева был передан Барятинскому, который разработал план дальнейшего наступления на северного лидера. Было устроено в ближайшие же дни свидание Барятинского с Н. Муравьевым в присутствии А. Поджио. Обстановка свидания была не совсем обычна: в целях конспирации местом встречи избран был Летний сад и раннее время — семь часов утра. В эти часы в саду было безлюдно, а если кто и заметил бы трех гвардейцев среди белых статуй и майской зелени знаменитого сада, то едва ли обратил бы на это внимание. По крайней мере традиционные пушкинские персонажи утреннего Петербурга — купец, разносчик, извозчик, тянущийся на биржу, и охтенка, спешащая с кувшином молока, вероятно, не раз видывали в этот утренний час группы гвардейских офицеров, возвращающихся с только что кончившегося бала.

Барятинский настойчиво требовал от Н. Муравьева решительного ответа («я несколько раз говорил, что прислан за решительным ответом»). Н. Муравьеву пришлось оправдываться, давать объяснения, кое-что обещать—сразу по многим пунктам. Он говорил (и справедливо), что

членов в Северном обществе недостаточно, численного роста почти не происходит (он сам в значительной мере был виновником этого), недостаточны поэтому и военные силы. Причина этого — якобы настроение гвардии. «Муравьев мне твердил,— показывает Барятинский,— что гвардейские офицеры только думают, как на балах веселиться, а вовсе не склонны к тому, чтобы быть членами общества». «Молодые люди не к тому склонны», — передает те же слова Н. Муравьева А. Поджио. Барятинский, уже готовый приступить к организации в Петербурге южного отделения, конечно, никак не соглашался с этим: «Я же ему говорил, что это невозможно, ибо верно он всех гвардейских офицеров не знает и не может решить, чтобы не было между ними способных для общества».

«Nous commencerons absolument par la propagande» («Мы обязательно начнем с пропаганды»), — говорил Никита Муравьев. Барятинский напомнил о близости восстания, о том, что Южное общество выступает в этом году. Ответное восклицание Муравьева передано Барятинским во всей его непосредственности: «Ради бога! не начинайте,—ибо вы там восстанете, а меня здесь генерал Гладков возьмет и посадит». Эту известную реплику Никиты Муравьева никак нельзя, однако, толковать как испуг (он был отнюдь не из трусливых) и тем менее как желание остановки дел в обществе. Она имеет единственный смысл — желание точно согласованных действий (носящее в то же время оттенок опасения сепаратных действий далеко идущего юга) и требования умеренной программы [18].

Последнее свидание с «беспокойным Никитой» произошло накануне отъезда Барятинского, вечером, на квартире Никиты. Как раз в то же время с юга приехал еще один член — Матвей Муравьев-Апостол, настроенный тогда очень решительно. Вечер был заполнен оправданиями Н. Муравьева, чтением его Конституции и обещаниями наладить дело. «До 11 или 12 часов, — показывает Барятинский, — Никита Муравьев оправдывался насчет малой своей деятельности и читал нам свою конституцию...». «Мне и Матвею очень ею наскучил», — добавляет он. Это и понятно: Конституция Никиты Муравьева в ее минском варианте была на юге давно известна. Южное общество было с нею хорошо знакомо и в корне с нею несогласно.

Итак, по линии воздействия на Никиту Муравьева кое-что все же было сделано и результат уяснился, но именно в силу противодействия Никиты Муравьева не удалось полностью выполнить намеченную программу — сделать доклад на собрании Северной думы. Это оказалось невозможным. Разговор с Никитой Муравьевым, конечно, был разговором не с частным лицом, а с главой северной организации. Ценнее всего было согласие на совместные действия. Вопрос Пестеля — не лучше ли «разойтиться» — получил отрицательный ответ, на который и рассчитывала южная организация: нет, будем действовать вместе, несмотря на программные разногласия; что касается севера, — мы будем собираться, будем пропагандировать, набирать членов, готовиться к действию. Было дано прямое обещание использовать близящиеся маневры для «пропаганды» и набора в Северное общество новых членов. Об этих результатах переговоров Барятинского с Никитой Муравьевым показывает и А. Поджио. По его словам, Никита «однако же обещал ему (Барятинскому. — *М. Н.*) содействие свое... После сего приступили мы к принятию членов, и Муравьев созвал к Пущину всех тогда находившихся здесь членов...». Характерно, что созвать членов собрания Северного общества в присутствии Барятинского оказалось якобы невозможным, а когда он уехал, Муравьев это собрание немедленно собрал [19].

Но, несмотря на обещание содействия, данное Северным обществом, Барятинский тотчас приступил к организации отделения Южного обще-

ства на севере. В ходе переговоров с Никитой Муравьевым выяснилось, что тут можно действовать уже не в одиночестве: А. Поджио и Е. Оболенский были готовы содействовать этому, Матвей Муравьев-Апостол тоже не соглашался с недостаточно активной позицией, занятой Никитой Муравьевым. Образовывалась компактная группа членов, готовых действовать в этом смысле наперекор настроениям Муравьева и его единомышленников: «Матвей Муравьев очень сетовал, что Никита и другие члены все умствуют и ничего не делают».

А. Поджио передал Давыдову через Барятинского решительное письмо, обещая Южному обществу «все возможное мое содействие». Он вполне соглашался с Барятинским и на тот счет, что самый подбор членов Никита Муравьев произведет не в том духе, в каком нужно бы обществу для революционных действий. Нашлись северяне, заговорившие о новых установках: «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями», — метко сказал остроумный А. Поджио. Действительно эти слова дают довольно точную формулу положения в Северной думе. Поджио разочаровался в Муравьеве еще при первых свиданиях его с Барятинским: Муравьев «вообще не брал того участия, как я о нем слыхал».

Важным доказательством искренности решения Поджио содействовать цели Барятинского было его согласие на «изведение всего царствующего дома». «Я согласился в мере сей преступной», — прямо признается А. Поджио на следствии. На такое смелое признание не решился почти никто.

В образующееся северное отделение Южного общества Барятинский принял первыми корнета кавалергардского полка Ф. Вадковского и полковника кавалергардского полка И. Ю. Поливанова. Для целей подготовки приближающегося выступления нужно признать эти приобретения довольно крупными. О важности участия полковника в деле военной революции и говорить не приходится: ведь именно полковник только и мог собрать и двинуть полк. Ф. Ф. Вадковский же обратил на себя внимание своей решительностью и смелостью: «C'est un bon bras, et c'est ce qu'il nous faut» *,— характеризовал его Барятинский в разговоре с А. Поджио. Конечно, «un bon bras» («хорошая рука») звучало полной противоположностью понятия «толкователь Бентама».

Вероятно, А. Поджио в свою очередь заботился о наборе членов и пробовал их пригодность в качестве представителей активной линии юга на севере на испытанном оселке — именно на вопросе об убийстве всей царствующей семьи, которое было так решительно и с таким ужасом отвергнуто Никитой Муравьевым. «Я согласился в мере сей преступной и сообщил ее князю Валериану Голицыну, который также согласен был. Тогда такого же мнения были полковник Митьков, корнет Вадковский...». Лично Барятинский не принял больше никого, но, видимо, дал директиву принимать в образованное им отделение Южного общества как можно больше новых членов. По крайней мере Ф. Ф. Вадковский развил в том же году высокую активность в этом направлении. За короткое время он принял девять членов, в том числе корнета кавалергардского полка П. Н. Свистунова, который в решительный момент восстания примет на себя поручение оповестить южан о том, что в Петербурге «началось».

Важно отметить и деятельность Е. П. Оболенского, который, сидя в Петербурге, совершал прием членов в Южное общество и отправлял их прямо к Пестелю. Известен подобный случай с приемом в общество де-

* Франц.: «Хорошая рука,— как раз то, что нам нужно».

кабриста Н. И. Лорера, бывшего гвардейца, ставшего позже другом и секретарем П. И. Пестеля. Характерно, что принятие Лорера относится уже к весне 1824 г., иначе говоря, деятельность начатого Барятинским отделения не заглохла и в дальнейшем. Н. И. Лорер пишет в своих «Записках»: «Оболенский... решил, что мне следует перейти в Вятский полк к Пестелю, заверил меня, что я буду доволен начальником, а он во мне найдет человека, которого ему нужно». После этих многозначительных слов Лорер (еще в тот момент не член общества) написал свою просьбу о переводе в Вятский пехотный полк. Далее дадим слово Лореру, чтобы представить себе живую обстановку принятия в общество нового члена и конспиративные формы первой информации о тайном обществе.

«Не забуду я никогда, как Е. П. О[боленский], по исполнении всей этой процедуры, стал ходить по комнате в задумчивости, и я спросил, о чем он думает. Остановившись и пристально взглянув на меня, он отвечал:

— Знаешь ли, любезный друг, что многие из наших общих знакомых давно желают иметь тебя товарищем в одном важном и великом деле и упрекают себя в том, что ты до сих пор не наш. Скажу же тебе я, что в России давно уже существует общество, стремящееся ко благу ее... Покуда тебе довольно знать... Желаешь ли вступить в число нас?

Хотя я был поражен [внезапностью] известия, но чувствовал тогда же, что не могу отказать человеку, которого уважал и любил без меры. Однако я не сейчас отвечал, а спросил:

— Из кого же состоит ваше общество и какая его цель?

— Покуда я не могу и не в праве ничего сообщить, но скажу только, что цель нашего общества есть распространение просвещения, искоренение зла, пожертвование личными выгодами для счастия человечества, замещение нами мест самых невидных, опять-таки для проведения идеи правды, истины, бескорыстия, нелицеприятия.

— Почему же, любезный друг, ежели это такое благодетельное и филантропическое общество, почему, спрашиваю я, оно тайное? Благой цели нечего скрываться, и прекрасное не должно быть скрываемо — его же так мало на этом свете!

Обол[енский] мне отвечал на это, что покуда только оно тайное, чтоб избежать насмешек и пересудов большинства, которое, не поняв сей высоты намерений, может однако мешать ему на первой поре, в дальнейшем развитии.

— Итак, друг мой, ты колеблешься подать нам братскую руку твою, заключил Обол[енский].

Смутно понимая важность шага, который я готов был сделать, я и на это не сейчас отвечал: но тут, как нарочно, вдруг солнечный луч весело осветил довольно мрачную квартиру — а он ведь посылается от бога, — я встал и только осведомился о трех лицах, дорогих, близких моему сердцу, с нами ли они?

— С нами, отвечал Обол[енский].

— Я — ваш, проговорил я, и мы братски, горячо обнялись. Вошли писаря и помешали нашему дальнейшему разговору» [20].

Ясно, с какой целью предпринимала южная организация столь важное и ответственное действие, идущее явно вразрез с «официальной линией» Северной думы и ее тогдашнего главы — Никиты Муравьева, как организация в северной столице, этом «средоточии властей», особого отделения Южного общества. Цель эта вполне понятна: южная группа на севере была призвана стать опорой юга в момент революционного переворота. Она должна была стать живой инициативной силой, действующей по общему плану, т. е. как раз тем, чем не могла стать Северная дума, поскольку она в тот момент представляла собой в лице своего руководства

силу, несколько отстававшую от движения в целом. Вместе с тем важно подчеркнуть и тревогу северян, — эта попытка была расценена Северным обществом как нечто очень значительное и крайне опасное. С особой отчетливостью свидетельствует об этом князь С. Трубецкой. Он даже пытается на следствии, хотя явно неубедительно, оправдать все существование Северного общества противодействием Пестелю, борьбой с его решением основать отделение своего общества в Петербурге. Если бы Северное общество не воспротивилось этому, Пестель якобы (по мнению Трубецкого) завладел бы Петербургом, простер бы и сюда свои щупальцы. и тогда все пропало бы, — так звучат довольно неискусно построенные признания Сергея Трубецкого. Он передает, полностью соглашаясь с ними, слова Никиты Муравьева, «который мне тогда сказал, что... непременно нужно иметь здесь в С.-Петербурге общество хотя в малом числе членов для того, чтобы члены Южного общества не могли здесь распространять своего общества, — как то они уже начали делать, — ни своего образа мыслей; я с ним в этом согласился». Еще отчетливее говорит он о том же в другом месте: «Полагали мы необходимым иметь здесь общество... боялись, если такого не будет, то Пестель найдет средства завести здесь отделение, которое будет совершенно от него зависеть и которого действия будут уже от нас тогда сокрыты». Разумеется, эти свидетельства говорят о борьбе двух тенденций, но Северное общество существовало не для этой борьбы, а для достижения тех конечных целей, которые крепко соединяли его с южной организацией [21].

Сейчас же после поездки Барятинского роль постоянного представителя южной организации на севере принял на себя старший брат Сергея Муравьева-Апостола — Матвей. К этому времени он вышел в отставку (в чине подполковника), был свободен, располагал своим временем и остался в Петербурге в качестве представителя южной организации с июня 1823 г. Эту роль он активно выполнял до августа 1824 г. О недовольстве Северной думы действиями Барятинского, иначе говоря, диктаторской линией Пестеля, южные члены знали именно от Матвея Муравьева, бывшего деятельным «посредником» [22].

Когда в июне 1823 г. Барятинский поехал обратно на юг из Петербурга и мысленно подводил итоги своей поездки, он мог признать известные ее результаты. Северное общество, во-первых, обещало действовать вместе с Южным и готовиться к выступлению; во-вторых, было организовано южное отделение на севере, была обнаружена и небольшая группа северных членов, решительно отличавшаяся по своему настроению от Северной думы. Барятинский мало знал о Пущине и Рылееве, но зато нашел опору для своих действий, особенно в Оболенском. Однако общий итог поездки не мог удовлетворить ни Барятинского, ни Южное общество. Перспектива общего выступления отодвигалась в неопределенное будущее, организация южной группы в Петербурге обострила отношения, о быстром согласовании южной и северной программ нечего было и думать, а южная конституция не вызывала согласия северян. Поездка Барятинского уяснила всю сложность создавшейся обстановки и побуждала предпринять новые действия с целью достижения объединения.

Барятинский уезжал из столицы в атмосфере тяжелых вестей об испанской революции: войска французской интервенции перешли Пиренеи, кровавый разгром революционной Испании уже становился фактом. Эти вести дошли и до Пестеля, — они ползли на Линцы из Киева, из главной квартиры в Тульчине. Армейские Скалозубы всех мастей с ликованием передавали их из уст в уста. Тучи сгущались над Россией и над революционной Западной Европой.

В рассматриваемый период движение декабристов протекало на фоне растущей реакции. Общеевропейская революционная ситуация, перешедшая в революцию в 1820—1821 гг., начинает в эти годы исчерпывать себя. Революционное движение встречается с новыми тяжелыми препятствиями, реакция начинает забирать все бо̀льшую силу, и история русской революционной организации близится к особо трудному периоду существования в обстановке все более крепнущего сопротивления сил самодержавно-крепостнического лагеря, усиливающейся слежки и возрастающей бдительности врага.

Вопрос о крестьянском движении именно этих лет исследован крайне недостаточно. Некоторый спад открытых проявлений крестьянской борьбы объясняется отнюдь не тем, что ослабел гнет крепостничества или самодержавие смягчило свои притеснения. Повидимому, одной из серьезных причин явления были особо тяжелые удары репрессий, которые правительство сумело нанести крестьянскому движению. Хотя общее число выступлений несколько снижается в эти годы (с 87 единичных и затяжных волнений в 1816—1820 гг. до 55 волнений в 1821—1825 гг., по подсчетам И. И. Игнатович [23]), движение не только не замирает, но в открытых проявлениях, прорывающихся через толщу аракчеевских предварительных мер, приобретает иной раз особенно острый характер. На движение начала 20-х годов несомненно наложил свою печать голод 1820—1823 гг., охвативший центральные губернии и наиболее тяжело сказавшийся, как уже указывалось выше, в Смоленской губернии и в Белоруссии. Материалы министерства внутренних дел отмечали в 1821 г. «неповиновение» помещичьих крестьян в Симбирской, Орловской, Минской, Херсонской, Ярославской и Петербургской губерниях, а также волнения крепостных рабочих на заводах в Воронежской губернии. Всеподданнейшие жалобы крестьян на помещиков поступали в 1821 г. из Витебской губернии, те же голоса слышались из Костромской губернии. Крестьяне жаловались на «развратные и жестокие поступки» своих господ. Им вторили жалобы из губерний Тамбовской и Воронежской, из Ярославской и Казанской. Такое «множество жалоб» обратило на себя внимание правительства, и Комитет министров даже вынес специальное общее постановление: «а) по справедливым жалобам крестьян помещиков предавать суду, а имения их брать в опеку; б) по справедливым жалобам дворовых людей освобождать их от услуг помещику, выдавать паспорты для снискания пропитания, с обложением однако чрез губернские правления оброком в пользу владельцев; в) за несправедливые жалобы предавать крестьян суду» [24].

В 1822 г. неповиновение помещичьих крестьян было в губерниях Курской, Смоленской, Тверской, Костромской, Саратовской, Витебской, Воронежской, шла волна жалоб на помещиков из Тверской, Олонецкой и других губерний. Многочисленные жалобы крестьян на господ посыпались непосредственно в министерство внутренних дел. Что касается заводских крестьян и рабочих людей, то в том же 1822 г. произошли волнения на Камбарском заводе Демидова, на Виндреевском заводе в Тамбовской губернии и на заводах княгини Белосельской-Белозерской. На пасхальной неделе начались волнения рабочих Березовских рудников, жаловавшихся на необеспечение продовольствием и воскресную работу. Кроме того. 1822 год был годом нескольких значительных стихийных и довольно длительных восстаний «заводских людей», которые были подавлены лишь вооруженной силой [25]. В июне 1822 г. во Владимирской губернии мастеровые Гусевского металлургического завода вдруг прекратили работу и, «оставя завод, в числе более пятисот человек самовольно идут во

Владимир», чтобы принести жалобу на неполучение заработной платы и крайнюю ее мизерность. Наиболее встревожило начальство то обстоятельство, что совершенно одновременно и по явному сговору в тот же день прекратили работы также мастеровые Сынтульского завода наследников Баташева в Касимовском уезде Рязанской губернии. Они так же самовольно бросили работу на заводе и отправились с аналогичной жалобой в Касимов. Когда в тот же день и явно по тому же сговору поднялись рабочие третьего, близкого к Гусевскому, Колпского завода, страх начальства был уже неописуем. Арест зачинщиков вызвал волну ответных действий рабочих, которые осадили квартиру исправника, «азартным образом кричали», почему берут мастеровых, заявили, что только «тогда повиноваться будут, когда пришлется воинская команда», и вообще оказывали «буйство погрома». Волнения коснулись еще Еремшинского, Мердушанского, Вознесенского, Илекского заводов, а также соседней стеклянной фабрики. Такие вожаки движения, как мастеровой Еремшинского завода Егор Тимофеев, «оказывая дух буйства, произносил в конторе к лицу управляющего Кочанова ругательства и сквернословия, потерял всю благопристойность, а потом, отозвав мастеровых от конторы, возмущал идти в город Темников». Волнения приобрели явно затяжной характер, мастеровые на кресте приносили «присягу, чтоб не выдавать друг друга». Волнения были усмирены военной силой [26].

Еще более яркую картину волнений дает борьба крепостных рабочих на уральских заводах купца Расторгуева. В марте 1822 г. 54 мастеровых Кыштымского завода, бросив работу, явились в Екатеринбург и принесли тамошнему начальству жалобу по случаю неполучения ими провианта и денежного жалованья. Все это стояло в явной связи с голодными годами, так как рабочие обстоятельно описывали дороговизну хлеба (пуд ржаной муки стоил 3 руб.), малое его количество, поступающее в продажу, и «крайнее изнурение и голод», которые они претерпевали.

Поскольку жалоба не улучшила положения, то в конце 1822 г., как доносил посланный позже для расследования на заводы царский флигель-адъютант граф Строганов, «жалобы и слезы их превратились в дерзкие требования»; рабочие «вышли из повиновения и уже одно присутствие войск могло водворить в заводах сих надлежащий порядок». Многих подвергли наказанию и ссылке в Сибирь. В 1823 г. дело еще не было закончено, в то время как новое волнение, под предводительством выдающегося вожака рабочих Клима Косолапова [27], вспыхнуло с еще большей силой.

Неповиновение помещичьих крестьян в 1823 г. имело место в Саратовской, Слободско-Украинской, Казанской, Астраханской, Киевской, Владимирской, Тверской, Херсонской и Калужской губерниях. Волнения заводских людей наблюдались на Урале, в Пермской губернии. Волновались мастеровые бумажной и полотняной фабрики Носова в Шуйском уезде, были отмечены беспорядки на Сергинских заводах Губиных, вспыхнуло «неповиновение и буйство» мастеровых на Богословском заводе Глазова. Казенные крестьяне подняли волнения в Минской губернии. Волной шли жалобы помещичьих крестьян на их господ из Витебской, Псковской, Ярославской, Подольской, Новгородской, Казанской, Калужской губерний «и из других мест» [28].

Все эти факты отчетливо складываются, употребляя выражение декабристов, в «общую картину народного неблагоденствия».

Свирепо расправляясь с волнующимся крестьянством кнутом и вмешательством воинской силы, правительство именно в эти годы три раза подряд (в 1822, 1823 и в 1824 гг.) напоминало помещикам об их праве ссылать крестьян в Сибирь на поселение. Ссылка эта всемерно облегча-

лась. Выразительно само заглавие сенатского указа, например, от июня 1823 г.: «О ссылке крепостных людей, представляемых помещиками за дурные поступки в Сибирь на поселение, чрез губернские правления, не производя о том никаких расследований в судебных местах». Были случаи, что в Сибирь высылались в эти годы целые деревни восстававших крестьян. Реакции удалось если не сломить, то надломить крестьянское движение помещичьими руками: «цари в своих имениях» — помещики, отлично знавшие «зачинщиков», сумели нанести решающие удары разрозненному, локальному, политически темному крестьянскому сопротивлению. Там, где применение этих законов встречало в силу особых условий (уральские заводы и вообще на мануфактурах, в промышленности) известные трудности применения и естественные ограничения, массовая борьба, как видим, не замирала [29].

На этом фоне народного движения особенно явственны лицемерие и уловки правительства, под ногами которого начинала колебаться крепостная почва. В робких, формального характера правительственных полумерах, пример которых мы видели выше в постановлении Комитета министров о «справедливых жалобах» крестьян, преследовалась цель внести хоть кое-какое «смягчение» и «приличие» в ужасы крепостного права». Та же царская рука, скреплявшая своей подписью настойчивые законодательные напоминания помещикам о праве их ссылать неповинующихся крестьян в Сибирь, подписывала в сентябре 1822 г. новый указ — «Об остановлении публикации в сенатских объявлениях о продаже людей без земли». Продавать было можно, запрещалось лишь публиковать об этом...[30].

Всматриваясь в общую картину народного движения и тяжелых правительственных репрессий, нельзя не заметить особой строгости кар и особой свирепости подавления, характерных для аракчеевщины. Эта строгость не могла, разумеется, не сказаться на общей картине развития и характере волнений: подавляя менее стойких, правительству приходилось выдерживать прямую вооруженную борьбу с более настойчивыми и смелыми. Оно, разумеется, выходило победителем — посылало воинские команды в волнующиеся деревни, разгоняло вооруженной силой восстающих владимирских и уральских крепостных рабочих, расправлялось кнутом с приписными Березовских рудников, топило в крови восстание военных поселений.

Волнения в армии в интересующее нас время дают картину подъема. Начатые жестоко подавленным выступлением Семеновского полка, они не прекращались и в дальнейшем, несмотря на всю тяжесть репрессий и удесятерившийся надзор. В армии продолжается планомерная смена аракчеевцами популярных командиров, но все усилия армейских и гвардейских Скалозубов не могут остановить усиливающееся движение. По подсчетам Вл. Федорова, из 15 известных солдатских волнений 13 падают на 1820—1825 гг. Хищения солдатских провиантских сумм явилось причиной волнений в лейб-гвардии Финляндском полку в апреле 1821 г. О волнениях 1821 г. в Камчатском полку говорилось выше. Жестокие расправы и непосильное военное учение, сопровождаемое издевательствами командиров, вызвали выступление солдат Охотского полка в январе 1822 г.; близки к этим же причинам были и побудительные мотивы выступления 33-го егерского полка, в котором произошли волнения в 8-й роте в феврале 1822 г. Волнения в Брестском пехотном полку (в 5-й мушкетерской роте) в декабре 1822 г. также были вызваны беспощадными, мучительными наказаниями и непосильной муштрой. За вспыхнувшее в феврале 1823 г. восстание одного из эскадронов Екатеринославского кирасирского полка 18 участников волнений были сосланы в Сибирь и

весь эскадрон был расформирован. Пестель и южные декабристы знали об этом восстании, и А. В. Поджио ездил от Южного общества узнавать об его обстоятельствах (на следствии он прикрыл этот факт якобы неудачей поездки). Лето 1823 г. принесло новые события того же рода: в июне произошли волнения в 1-й гренадерской роте Тобольского полка [31].

Явственное единение солдатского и крестьянского протеста бросалось в глаза негласным наблюдателям правительства. Всеподданнейшая записка «Неизвестного», сохранившаяся в кабинете Александра I, привлекла к себе специальное внимание Николая. Она сохранилась в составе фонда Следственной комиссии по делу декабристов и носит название дела «О рассмотрении в комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного Государя». «Неизвестный» писал свою записку на год с небольшим позже происшествия в Семеновском полку, т. е. как раз в то время, которое особенно нас интересует в данной главе. «В заключение всего, государь, не могу оставить в молчании замечания почти общего, — писал «Неизвестный», — что никогда поселянин казенной или помещичей с оруженосцом (т. е. с солдатом.— *М. Н.*) в такой дружбе друг к другу не пребывали, как теперь». Автор записки описывал далее, как воин приходит на постой к поселянину «в крайней усталости от частых и беспрестанных учений, а взаимно и воин гораздо прежнего снисходительнее к хозяину и обходится с ним много ласковее...». «Неизвестный» в тревоге спрашивает: «Беседы откровенные между воином и поселянином не вредны ли для общего спокойствия?» [32].

Вот эти-то дружные с солдатами «поселяне» оказывались одновременно дружны и с солдатами военных поселений, несчастными «ракчеевцами», тяжелое положение которых было им особенно понятно. Еще в декабре 1820 г. правительственный осведомитель слышал на Сенной площади толки новгородских мужиков, приехавших в Петербург продавать рыбу: «У нас в деревнях не даром говорили, что семеновский полк сбесился, — сказывали об этом ракчеевцы». Они были убеждены в том, что семеновцев выслали из Петербурга в другую тюрьму (в Свеаборг) именно для того, чтобы «и ракчеевцы не сбесились так же, как семеновские». Столичные гвардейцы, как передавал осведомитель, толковали, что семеновцы «не так повели дело: коли б за роту, от полка отлученную, [Семеновский] полк пошел к военным поселянам сказать, что случилось, не так бы скоро уняли». Все это ярко говорит о солдатских настроениях после «семеновской истории» и о стихийном духе солидарности солдат, крестьян и военных поселян. Расчеты декабристов на военные поселения по-новому выглядят на фоне подобных свидетельств [33].

Таким образом, лозунги декабристов, под которыми они вывели гвардейские полки на Сенатскую площадь, — уменьшение срока службы и облегчение ее условий (эти обещания были подробно разработаны декабристами в «Манифесте к русскому народу») — были, несомненно живыми, конкретными солдатскими лозунгами.

На юге, во второй армии, в обстановке которой жило и работало тайное Южное общество, семеновские солдаты явились опытными агитаторами. Общий солдатский протест сливался с их волнениями, лозунги в основном были едины, а огромный военный опыт, авторитет бывалого и заслуженного воина, соединенный с ореолом правительственной кары, павшей на весь полк, усиливал их значение. Солдатские волнения на юге (например, волнения в Камчатском полку) прямым образом переплетаются с движением декабристов. Усиливающееся дезертирство и побеги «за Прут» привлекли внимание Михаила Орлова. Яркая демонстрация протеста в Одесском полку также вливается в общую кар-

тину. Южные декабристы уделили этому происшествию большое внимание, — о нем подробно рассказано в «Записках» члена тульчинской организации Н. В. Басаргина. Командир Одесского пехотного полка Ярошевицкий, «человек грубый, необразованный, злой», обращался с офицерами полка «дерзко и неприлично», был вторым Шварцем, его ненавидели в полку, как пишет Басаргин, «начиная от штаб-офицеров до последнего солдата». «Вышед из терпения», офицеры решили от него избавиться и избрали для этого смелый способ, требовавший большого личного мужества и самопожертвования: по жребию решили выделить офицера, который избил бы ненавистного начальника перед фронтом и тем самым сделал бы невозможным его дальнейшее пребывание на посту командира. Собравшись вместе, офицеры кинули жребий, «и судьба избрала на погибель штабс-капитана Рубановского». Жребий метали накануне дивизионного смотра. Дивизионный командир генерал-лейтенант Корнилов принимал смотр. «Штабс-капитан Рубановский с намерением стоял на своем месте слишком свободно и даже разговаривал. Ярошевицкий, заметив это, подскакал к нему и начал бранить. Тогда Рубановский вышел из рядов, бросил свою шпагу, стащил его с лошади и избил его так, что долгое время на лице Ярошевицкого оставались красные пятна. Офицеры и солдаты, стоявшие во фронте, не могли выйти из рядов до того времени, пока дивизионный командир не прискакал с фланга, где он находился, и не приказал взять Рубановского». При следствии, как свидетельствует Басаргин, удалось скрыть, что «все почти офицеры участвовали в заговоре против своего полкового командира». Рубановского разжаловали и сослали в Сибирь на каторгу. Позднейшие исследования подтвердили архивными материалами рассказ декабриста. Инцидент относится к июню 1822 г.[34].

О всей полноте брожения в армии в изучаемые годы судить очень трудно, потому что после семеновских происшествий начальство усиленно скрывало события в полках, близкие к столичным. А они, несомненно, происходили. Слухи о них распространялись по армии и среди населения, запрошенное начальство прикрывало события рассказом о каком-либо незначительном недоразумении по поводу «плохо сложенной в цейхгаузе амуниции» (случай, имевший место в Камчатском полку) или о чем-либо подобном.

О том, что действительно удавалось подчас скрыть серьезнейшие инциденты, свидетельствует происшествие в Нарвском драгунском (позже гусарском) полку. Молодой офицер Д. О. Бебутов, ротный командир, любимый солдатами за гуманное обращение, отказался в своей роте от телесных наказаний, причем сделал это демонстративно: вывез на смотру все розги и палки, сложил перед построенной ротой и торжественно сжег. Штабс-капитан Попов, начальник Бебутова, не поддержал линии Бебутова и жестоко тиранил солдат. Бебутов «явно осуждал тиранство» Попова и расправился с ним перед фронтом примерно в той же манере, что и Рубановский. Начав с рукопашной, Попов применил оружие и оцарапал Бебутову руку саблей, а тот, по собственному свидетельству, «начал валять его по голове и плечам фухтелем». Перепуганный полковой командир Алексеев предпочел замять дело, нежели предать огласке: в деревенской глуши, где тогда стоял полк, это как-то удалось ему, — все кончилось временным арестом Бебутова, затем дуэлью его с Поповым, после чего дело совершенно заглохло. Заметим, что Д. О. Бебутов — приятель А. С. Грибоедова — позже оказался в Кавказском корпусе А. П Ермолова [35].

В 1821 — 1823 гг. был установлен секретный надзор за 114 офицерами, заподозренными правительством. В 1822 г. была отобрана у всех

чиновников подписка о непринадлежности к тайным обществам. Гонение на передовые идеи вылилось осенью 1821 г. в постыдный «профессорский процесс» над учителями декабристов, лучшими профессорами Петербурга К. Ф. Германом, К. А. Арсеньевым, Э. В. Раупахом. Процесс тяжело задел прославленного Пушкиным друга декабристов профессора Куницына, ранее причастного к Журнальному обществу Союза Благоденствия,— Куницын потерял в результате гонений преподавательскую работу. Передовых профессоров судили за вольнодумное содержание их лекций и принудили «отречься» от своих «заблуждений». «Профессорский процесс» протекал в тягостной инквизиторской обстановке насилия над выдающимися учеными и унижения их личности. На профессоров, «упражнявшихся в расколах и безверьи», яростно обрушились Хлестовы, Фамусовы и Скалозубы реакционного лагеря.

Архимандрит Фотий кликушествовал против «вольнодумцев» и вопил во дворце о близости революции и недостаточности принимаемых против нее мер. Декабрист Штейнгель писал Николаю I во время следствия из тюрьмы, поясняя обстановку, в которой сложился и развивался Союз Благоденствия: «Представилось соблазнительное торжество известного Фотия, представляющего святого ревнителя церкви и в то же время обирающего знаменитую свою поклонницу». Официально одобряемый мистицизм был в полном разгаре. Отсталое, постыдное существо самодержавия, опирающегося на таких «сторонников», как Фотий, вызывало омерзение.

Декабристам пришлось бороться с реакцией, усиливать конспирацию, в более трудных условиях вести агитацию и вербовать сторонников. Им пришлось наблюдать в своих рядах отходы и метания под ударами реакции менее стойких членов. Особо свойственные дворянской революционности либеральные колебания усилились в эпоху реакции. И в этих необычайно трудных условиях движение декабристов не погибло и организация их не разрушилась. Напротив, движение шло вперед и втягивало в себя новых сторонников, создавало крупнейшие идеологические документы, созывало свои совещания, готовилось к битвам. В этой стойкости была замечательная черта первого русского революционного движения.

4

Вернувшись на юг, Барятинский явился с докладом к Пестелю, затем ко второму директору Южного общества — Юшневскому, т. е. действовал, как и полагалось по строгой, военного типа, революционной субординации южных конспираторов. Пестель, видимо, высоко оценил энергию Барятинского и его преданность делу,— с этого момента дружба их еще более укрепилась, о чем показывает и сам Барятинский. Тут же вручил Барятинский Пестелю ответ Никиты Муравьева «на лоскутке». Пестель кратко передает содержание этого «лоскутка» на следствии. Муравьев «отвечал, что делает все, что только можно». Заметим, что это свидетельство противоречит утверждению Муравьева, что он, получив в начале 1823 г. от Пестеля критику своей Конституции, якобы порвал с ним и совсем перестал ему писать.

Повидимому, о результатах поездки были извещены сейчас же и другие члены, в первую очередь те, с кем поездка была согласована. Барятинский говорит об этом: «Возвратясь, я все, что знал, сказал Пестелю, Юшневскому, кажется к[нязю] Волконскому, Вольфу и другим, не помню именно кому» [36].

Барятинский вернулся во вторую армию в момент напряженной подготовки к царскому смотру.

Вскоре после его возвращения в Южном обществе произошли существенные события, возник первый конкретный замысел открытого выступления, уже подготовленный к реализации и чуть было не состоявшийся, — так называемый «Бобруйский план».

Сергей Муравьев-Апостол, возглавивший вместе с М. Бестужевым-Рюминым Васильковскую управу Южного общества, занял, как мы помним, особо активную позицию на Киевском съезде 1823 г. по вопросу о необходимости быстрейшего выступления. Эта необходимость казалась С. Муравьеву-Апостолу самоочевидной. Он и выступил инициатором подобного выступления, когда Черниговский пехотный полк, где он служил, был передвинут в составе 9-й дивизии в Бобруйскую крепость летом 1823 г. Уже давно ходил слух о том, что в конце этого же лета состоится царский смотр расположенных в Бобруйске воинских частей. Этот момент и решили руководители Васильковской управы выбрать для открытого выступления: «Южное общество предполагало начать свои действия открыто 1823-го года в лагере 9-ой дивизии при к[репости] Бобруйской»,— показывает С. Муравьев-Апостол [37].

Участниками замысла, кроме С. Муравьева-Апостола (Черниговский пехотный полк) и М. Бестужева-Рюмина (Полтавский пехотный полк), были еще полковник Саратовского пехотного полка Повало-Швейковский и Норов (18-й егерский полк); последний был переведен из гвардии в армию за упоминавшуюся выше «норовскую историю» — организованный офицерский протест против грубости великого князя Николая Павловича. Четыре командира ставили вопрос о четырех полках, которые могли бы принять участие в предполагаемом выступлении.

Доводы инициаторов за организацию выступления именно в Бобруйске были следующие. Во-первых, казалось необходимым использовать редкий случай царского смотра тех полков, которые тут были сосредоточены и находились под непосредственным воздействием четырех членов тайного общества. Во-вторых, представлялась чрезвычайно важной близость Москвы — столицы, куда восставшие полки двинулись бы после успешного «овладения особой государя», т. е. после ареста Александра I. Вместе с тем наличие Бобруйской крепости представлялось, в-третьих, моментом благоприятным: крепость «в случае неудачи может служить убежищем». Чьим убежищем? Как выясняется из следственных дел, речь шла, собственно, не просто о том, что проигравшие дело заговорщики стали бы отсиживаться в крепости, а также и о том, что они могли бы удерживать там арестованного императора. Иначе говоря, создавалась бы возможность сильно продлить ситуацию выступления и в случае неудачи сохранить какие-то шансы на выигрыш революционного выступления через «обезглавление» царизма. Однако все же бобруйским заговорщикам их «средства» к действию, по справедливости, казались скудными, а число участников предполагаемого переворота крайне недостаточным. Поэтому на совещании в Бобруйске положено было ни на что не решаться, не узнав предварительно, во-первых, что делает тайное общество в Москве (после ликвидации Союза Благоденствия точных сведений о положении дел в Московской управе у находившихся в Бобруйске декабристов не было), во-вторых, решено было «спросить мнение Пестеля, и какое может дать он нам пособие». Это показание С. Муравьева-Апостола свидетельствует о двустороннем процессе: с одной стороны — о том, что без «совета» Пестеля они выступить не решались, но, с другой стороны, и о чрезвычайной самостоятельности Васильковской управы. Решительная инициатива действия оставалась, таким образом, за Сергеем Муравьевым, Бестужевым, Швейковским и Норовым [38].

Для сношения с Пестелем особым письмом вызвали из Каменки отставного В. Давыдова, чьи разъезды не могли вызвать никаких подозрений, а для предварительных сношений с Москвой выделили Бестужева-Рюмина, имевшего там родителей и родственников. Уведомлены были о замысле также С. Г. Волконский (Каменская управа), Артамон Муравьев и первый помощник Пестеля — А. П. Барятинский.

Сергей Муравьев-Апостол подробно показывает: «Так как главная цель наша под Бобруйском была возмущение, а не убиение государя, то хотя о сем предмете и было говорено на совещаниях наших, но ничего не было положено решительного. Мнение же, к коему мы склонялись, было, буде возможно будет увериться в карауле, который будет стоять у государя, в одно время овладеть им ночью и произвесть возмущение в лагере, и в след за сим, оставя гарнизон в крепости, двинуться быстро на Москву. В сем же лагере находился в 18-м егерском полку Норов, переведенный из гвардии: ему, как члену общества, сообщаемо было о намерении нашем, хотя он сам на совещаниях наших не участвовал» [39]

До последнего времени в литературе о декабристах считалось, что бобруйский смотр 1823 г. не состоялся. Как недавно установлено И. В. Порохом, в действительности царский смотр в Бобруйске имел место, что доказывается найденным приказом начальника Главного штаба И. Дибича от 13 сентября 1823 г. о результатах смотра с объявлением царского «благоволения» командующему 3-м корпусом генерал-лейтенанту Роту и другим представителям командного состава и участникам смотра. Очевидно, смотр состоялся в день приезда царя в Бобруйск— 12 сентября 1823 г. Но предположенного выступления тайного общества не произошло.

Наскоро задуманный бобруйский план не встретил одобрения в Южном обществе. Пестель, как сам показывает, «находил... тысячу причин, доказывавших невозможность ожидать успеха от сего предприятия». Давыдов даже не поехал в Бобруйск для переговоров, Волконский и Барятинской отнеслись к предприятию отрицательно. В Москве Бестужев-Рюмин обсуждал план выступления с Якушкиным и Иваном Фонвизиным и также встретил крайне отрицательное отношение к бобруйскому замыслу, о чем подробно рассказывает Якушкин в своих «Записках» [40].

Таким образом, по мнению подавляющего большинства южных декабристов, бобруйский план рухнул еще в замысле в силу своей неподготовленности. Арест императора представлялся Пестелю крайне недостаточной мерой, не обеспечивающей успеха дела. Из «тысячи причин», которые Пестель выдвигал против бобруйского замысла, он указал следствию в сущности одну — неподготовленность солдат. Он сам в живой форме рассказал о разговоре на эту тему с Бестужевым-Рюминым: «Причем [я] вопрошал его, что они сделали бы, ежели бы приставленные часовые не исполнили бы возложеного на них? ибо, говорил я, солдат, поставленный [на посту], никогда не задержал бы (т. е. не арестовал бы.—*М. Н.*) государя императора. На сие он мне ответствовал, что они бы тогда покусились на его жизнь» [41].

Отсюда следовала гораздо более настоятельная, нежели ранее, и все яснее осознаваемая необходимость подготовки солдат к выступлению. Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин в дальнейшем все глубже станут входить в вопросы непосредственной агитации среди солдатской массы. Обдумывает эти темы и Пестель. Тут видно воздействие провала бобруйского плана 1823 г.

Вместе с тем отказ от бобруйского плана заставил уже вплотную и конкретно заняться тактикой «военного удара», военного натиска на

самодержавие. Декабристы считали возможным начать восстание не только в Петербурге, но и на периферии — в момент пребывания там царя. Однако в этом случае одновременно с периферийным выступлением должно было начинаться восстание и в столице как в центре управления страной, «средоточии властей». Провал бобруйского плана еще раз поставил перед сознанием декабристов задачу исключительно важной для восстания связи с центром. Отсюда еще и еще раз возникал вопрос о значении Северного общества и его деятельности, о необходимости выработки общего плана и объединения усилий.

Восстание в столице давало возможность захватить основные учреждения царизма, перерезать нити его управления, ликвидировать не только царя, но и царизм. Убийство же царя на каких-нибудь маневрах, вдали от столицы не могло само по себе обеспечить цели переворота и могло ограничиться лишь сменой царей на престоле. Цареубийство поэтому было лишь одним из средств достижения декабристами их целей, но отнюдь не самоцелью. Это был элемент их республиканского плана. Не было самоцелью и выступление. До объединения с Северным обществом нельзя было организовать выступления необходимого характера,— нужно было провести большую работу и получить желаемые результаты.

Отсюда ясно, что вслед за провалом всесторонне обсужденного бобруйского плана не возникло и замысла использовать для цареубийства и переворота царский смотр около Тульчина, в селении Кирнасовке, где оказался Александр I через две недели после Бобруйска и где действительно между 30 сентября и 5 октября 1823 г. произошли царский смотр и последующие маневры.

Александр I приехал во вторую армию в конце сентября. «Записки» Басаргина оставили живую картину суеты и хлопот начальства по случаю приезда «высокого» гостя. Они же сохранили и картину царского смотра и маневров.

Через два года в той же Кирнасовке, около которой дефилировали на царском смотру в составе 7-го корпуса стройные ряды Вятского полка, два члена Тульчинской управы будут зарывать «Русскую Правду» Пестеля под «берег» придорожной канавы. В тот осенний день 1823 г. во время царского смотра, когда автор «Русской Правды» навытяжку стоял на смотру перед императором, конечно, никто не мог предположить ничего, даже отдаленно сходного с тем, что произошло в дальнейшем.

«Превосходно! Точно гвардия», — сказал Александр I, когда перед ним прошел Вятский полк под командой полковника Пестеля. Полк был вручен Пестелю в 1821 г. в самом ужасном состоянии, и Пестель за два года сумел превратить его в «гордость 2 армии». Полковнику было пожаловано в награду 3 тыс. десятин земли, но без крестьян. К слову сказать, полковник так и не стал их обладателем, — уже в каземате Петропавловской крепости он вспомнил, что дал кому-то «верующее письмо» (доверенность) «о хождении в Саратовской казенной палате для получения во владение высочайше мне пожалованных трех тысяч десятин земли», но из хлопот ничего не вышло. Он даже не мог вспомнить, кому именно он дал эту доверенность [42]. Царская награда Пестелю едва ли могла успокоить общество и уверить его в притуплении правительственной бдительности. На этом же смотру Александр I неожиданно бросил С. Г. Волконскому резкую фразу, воспроизведенную декабристом в его «Записках»: занимайтесь полками, «а не управлением моей империи, в чем вы, извините, толку не имеете». Было ясно, что правительство «ничего не забыло» и то ли помнило старые доносы, то ли имело новые сведе-

ния. Тревожащая реплика, брошенная императором, однако, не охладила рвения заговорщиков и не приостановила их действий, а скорее, как мы убедимся из дальнейшего, оказала на них стимулирующее влияние [43].

На следующий день был смотр корпуса генерала Сабанеева, потом двухдневные маневры. «Вся вторая армия участвовала в них, — повествует Басаргин,— и зрелище, действительно, было великолепное: до 70 тысяч под ружьем с кавалерией и артиллерией маневрировали на пространстве 4 или 5 квадратных верст. Маневры кончились на второй день, часу в первом пополудни. Все войска пришли к назначенному для обеда месту и образовали каре в три фаса. Четвертый фас этого каре занимал нарочно устроенный полукруглый павильон, где накрыт был стол человек на триста. По концам павильона поместились музыканты всех полков армии, а подле них устроены были в три яруса скамьи для почетных зрителей и дам. Артиллерия заняла место на высотах позади пехоты, а кавалерия — часть одного из фасов. В средине каре было устроено место для молебна. К прибытию государя все уже было в порядке. Отслужив молебен, во время которого при многолетии артиллерия и пехота сделали оглушительный залп, пошли к обеду в павильон. Тогда войскам приказано было стоять вольно...» [44].

Несколько раньше произошел аналогичный торжественный обед после смотра 7-го корпуса, во время которого южные декабристы и узнали от Александра I последнюю, страшную для них весть об Испании. В лагере генерала Рудзевича накрыли полукругом стол и только что пригласили к нему царя и высший командный состав, как фельдъегерь привез пакет на высочайшее имя. Басаргин рассказывает, что письмо было от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел. «Messieurs, je vous félicite,— сказал Александр I окружавшим его генералам, вскрыв пакет: — Riego est fait prisonnier» *.

«Все ответили молчанием и потупили глаза,—пишет далее Басаргин,— один только N. N. (повидимому, М. Воронцов. — *М. Н.*) воскликнул: «Quelle heureuse nouvelle, Sire!» **. Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию» [45].

Настроения декабристов выразил Пушкин. Он уехал из Кишинева в июле 1823 г., новым местом его ссылки стала Одесса. Очевидно, слух о происшествии на обеде дошел до него, может быть, с некоторым опозданием. Риэго был арестован 15 сентября (н. ст.), а казнен почти через месяц — 12 октября. Пушкин «увековечил» подлость Воронцова в своей знаменитой эпиграмме («Сказали раз царю, что наконец мятежный вождь Риэго был удавлен»), где говорилось уже не об аресте, но о казни Риэго, чем усиливалась глубина эпиграммы. Пушкина не было на царском смотре в Кирнасовке, но чья-то дружеская передача довела до его сведения слова подлеца и биение возмущенного сердца друзей свободы.

Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

---

* Франц.: «Господа, поздравляю вас,— Риэго арестован».
** Франц.: «Какая счастливая новость, ваше величество!».

Эта эпиграмма Пушкина — памятник его дружеской и идейной близости с декабристами.

Совещание в Каменке 24 ноября 1823 г. было следующим узловым событием жизни Южного общества (напомним, что в этот день праздновались именины матери Давыдовых, и в имении в обстановке праздничного приема можно было с полной свободой организовать конспиративные совещания). В жизни общества назрело много очередных вопросов. Прежде всего внутренняя обстановка в стране изменилась на глазах декабристов. Положение родины стало еще тяжелее. Аракчеевщина вошла в полную силу, чувствовала себя хозяином положения. Лагерь реакции спешно сомкнул свои ряды. Крестьянское движение надламывалось под ударами репрессий и стало ослабевать. Движение в армии было подавлено,— за восставшими семеновцами давно захлопнулись тяжелые ворота Петропавловской крепости. В 1822 г. ото всех служащих была отобрана подписка о неучастии их в тайных обществах (декабристы также дали ее). Восставшая Испания — последний оплот торжествовавшей революции — падала под ударами французской интервенции. Как всегда, времена реакции закаляли подлинных борцов, отсеивали колеблющихся.

Поражение испанской революции в свою очередь ставило важные вопросы в идейной жизни тайного общества. Чаще всего в литературе о декабристах вопрос об испанских событиях берется в целом, статически, без внимания к внутреннему развитию революции, к тому, что ее победное начало и трагический конец по-разному отразились в политических размышлениях декабристов. Попрежнему декабристы вдумывались в революционную борьбу других народов, размышляли над их революционным опытом.

Совещания в Каменке были этапом дальнейшего укрепления членов тайного общества в республиканской идеологии, — из испанских событий нельзя было не сделать вывода о значении республиканского принципа. «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние, — показывал Пестель. — Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей». Из контекста ясно, что речь идет об исходе революций, в частности испанской [46].

На совещаниях присутствовали Пестель, Давыдов, Волконский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин (Юшневского не было).

Подробные показания о совещаниях в Каменке дал Сергей Муравьев-Апостол. Он и тут отстаивал точку зрения «неотложного начатия действий», причем не в Петербурге, «а там, где мы сами находимся». Большое место занял на совещаниях вопрос о причинах поражения революции в Испании. Обсуждалось, что нужно делать, чтобы «не следовать дурному примеру Испании и оградить себя от возможности неудачи» [47].

Следственная комиссия заинтересовалась собраниями в Каменке особенно потому, что там еще раз обсуждался вопрос о цареубийстве. Многочисленные вопросы следствия сводились к одному: всю ли семью Романовых было решено уничтожить или не всю? Всех великих княгинь и с детьми или не всех и без детей? И кто первый предложил это? Но наиболее существенно на совещаниях другое — признание введения монархической конституции и сохранения короля и его семьи ошибкой испанцев. Волконский, Давыдов, Сергей Муравьев и Бестужев, ранее возражавшие

против уничтожения всего дома Романовых, теперь стали склоняться в эту сторону.

С Волконский даже показывал, что С. Муравьев первый поднял вопрос об уничтожении всего царствующего дома, и Пестель подтвердил правильность этого показания: «Объявил Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, что они мнения свои переменили и ныне совершенно так же судят, как и мы прочие судили на контрактах 1823 года: о сем начали говорить они, и кажется, что именно Сергей Муравьев, а потом участвовали и мы все остальные в сем разговоре, продолжая держаться прежних наших суждений контрактов 1823 года» [48].

Пестель, как и прочие участвовавшие в собрании члены, считал, что уроки испанских событий еще раз подтверждают необходимость полного уничтожения царствующего дома. Он показывал, что в связи с этим в Каменке еще раз обсуждался вопрос о создании отряда цареубийц («cohorte perdue»), и вновь приводил все доводы о необходимости разделить действие революции на «заговор» и «переворот». «Заговор», действовавший как бы самостоятельно, ликвидировал бы царствующий дом, а «переворот» реализовал бы основные революционные цели: вводил бы временное правительство с диктаторской властью и объявил бы «Русскую Правду» наказом народу и правительству.

Одно показание С. Муравьева-Апостола ясно свидетельствует, что тема о диктатуре временного правительства вновь подробно обсуждалась в Каменке. Защищаясь от показаний, уличавших его в согласии на уничтожение всего царствующего дома, С. Муравьев-Апостол сообщил: «На означенных совещаниях в Каменке было действительно говорено о Испании, но не в поддержание необходимости истребления всей царской фамилии, а в доказательство необходимости введения конституционного порядка в России посредством временного правления, ибо рассуждаемо было, что испанцы не в том сделали ошибку, что сохранили жизнь королю и всей королевской фамилии, а в том лишь, что они королю вверили введение опровергнутой им однажды конституции» [49].

Вопрос о диктатуре временного революционного правительства связывался с опасностью Вандеи. Контрреволюция сможет, пользуясь как знаменем именем члена царствующего дома, оставшегося в живых, поднять против революции часть отсталых народных масс. «Вы успели уговорить их (членов Южного общества. — *М. Н.*) и на истребление всей императорской фамилии,— обвиняет Пестеля одна из следственных анкет, основываясь на показании ряда свидетелей. — Убеждая в особенности тем, что если останутся великие князья, то неминуемо произойдет междуусобная война, что не только в войсках, н о и в н а р о д е найдется много лиц, которые сделают частные бунты или волнение, и что это воспрепятствовало бы ввести новый порядок вещей, о с о б е н н о в п р о в и н ц и я х». Очевидно, в Каменке обо всем этом говорилось открыто и гораздо подробнее [50].

Самый замысел военного удара без активного участия широких масс медленно, но неотвратимо начал становиться под знак вопроса. Возникал вопрос о внутренних «междоусобиях», активности реакции и гражданской войне. Пестель, как и прочие, не отказывался от принятой тактики, защищал ее на совещаниях в Каменке. Но события внутри страны и в революционном движении за ее рубежами уже накладывали на принятую, обдуманную и, казалось бы, столь правильную тактику тень сомнения.

Корней внутреннего разлада Пестеля, ясно проявившегося в последующих событиях, нужно искать именно тут.

Сергей Муравьев-Апостол еще раз решительно настаивал на необходимости немедленного выступления: нужно было спешить с использова-

нием всеобщего недовольства и, опираясь на него, взять инициативу в свои руки. «Я с 1823 года в Киеве, в Каменке при всяком случае уговаривал всегда членов отбросить всякую медленность, доказывая им, что, решившись раз на толикое дело, они поступили бы безрассудно, оставаясь в бездейственности, что они сим умножают лишь опасности, на каждом шаге нам угрожающие»[51].

Таким образом, совещания в Каменке 1823 г. надо признать важным моментом в движении декабристов. Обо многом догадывавшийся П. Д. Киселев недаром говорил своему приятелю С. Г. Волконскому: «Уклонись от всех этих пустяшных бредней, которых столица Каменка... Повторяю, это пахнет Сибирью» (едва ли «бредни» были «пустяшными», если «пахли Сибирью»). Весь комплекс поднятых вопросов был важнейшим и для предстоящих переговоров с севером. Матвей Муравьев-Апостол — представитель Южной директории в Петербурге — торопил с этими новыми переговорами, а после совещаний в Каменке они стали еще настоятельнее[52].

Новыми гонцами на север были избраны те же Давыдов и Волконский. Они посылались в Петербург, как и Барятинский, в качестве представителей Южной директории. «Мне было поручено в 1823 году взойти в сношение с Северным обществом,— показывает Волконский.— Сношения мои были в 1823 г. и 1824 вначале как доверенного члена от Южной управы». Тем же официальным представителем был и Давыдов. Оба они были участниками совещаний в Каменке около 24 ноября 1823 г., что дает основания для датировки их поездки. Так как Каменка праздновала день Екатерины не менее недели, — надо думать, что Давыдов и Волконский двинулись в Петербург в начале декабря 1823 г. Пребывание их в северной столице захватило также и начало следующего года, в соответствии с этим они и датируют свою поездку концом 1823 — началом 1824 г.

Между тем в северной организации жизнь шла своим чередом и — что замечательно — вставали и разрешались в основном те же вопросы, которые вставали перед южной организацией.

5

Северное общество далеко не бездействовало в изучаемое время. На следствии ссылки на «бездействие», «охлаждение» к делам общества были наиболее удобным способом уйти от ответов на самые острые вопросы, и поэтому замечания такого рода требуют тщательной проверки. Замечательной чертой жизни Северного общества в 1823—1824 гг. явилось формирование течения, которое по праву можно назвать «рылеевским». Останавливает на себе внимание усиливающееся, расширяющееся значение этого течения, которое, наконец, окажется руководящим и вынесет на себе восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

К. Ф. Рылеев и вся группа как новых, так и старых членов Северного общества, тяготеющих к нему, вносят нечто новое в северное движение. К. Ф. Рылеев, Е. П. Оболенский, братья Бестужевы — Николай, Александр и Михаил, несколько позже П. Г. Каховский, затем А. И. Одоевский, друг и родственник Рылеева К. П. Чернов, Вильгельм Кюхельбекер и, конечно, А. С. Грибоедов, как раз в это время вернувшийся в Москву, а затем надолго осевший в Петербурге по возвращении с Востока, также и некоторые другие члены, вливающиеся на этом этапе в движение, чем-то существенным отличаются от группы прежних основателей Северного общества. Это отличие лишь в первый момент кажется неуловимым, оно уясняется далее при более внимательном рассмотрении.

Весь этот круг декабристов отмечен большей демократичностью идеологии и общего облика. Все они принадлежат к мелким и средним дворянским слоям и гораздо ближе сталкиваются в своей деятельности с той русской действительностью, которая питает их революционные замыслы. Особенно видно это на примере К. Ф. Рылеева, воочию наблюдавшего бедствия народа в своей должности надворного судьи; и ранее, в незначительном чине армейского прапорщика, никогда не входившего в гвардию, он, так сказать, снизу, с гораздо менее «привилегированных» позиций вникал в русскую жизнь, а затем активно участвовал в ней, работая на скромном судебном поприще. Его мировоззрение рано оформилось, и сфера поэтического творчества превратилась для него в арену агитации. Смелое и вдохновенное обличение Аракчеева уже было как бы подготовкой его вступления на путь сознательной борьбы, — хотя он и не был в 1820 г. членом тайной организации, но знаменитое стихотворение «К временщику» сразу вошло в первый ряд агитационных произведений эпохи и обратило на Рылеева внимание друзей свободы.

Все братья Бестужевы, сыгравшие столь значительную роль в движении,— из высококультурной дворянской семьи — почти не имеют непосредственно «помещичьего облика». Русская свободолюбивая литература и сама русская литературная жизнь, в частности декабристские литературные организации, воспитывали сознание Бестужевых: и Александр и Николай были одаренными литераторами, крепко связанными с «Вольным обществом любителей российской словесности». Пребывание адъютантом у генерала Бетанкура вводило Александра Бестужева в круг, где формировались молодые кадры русских инженеров, обсуждались вопросы архитектуры, техники, искусства. В его сознании скопилось немало фактов, говоривших о стеснении русских возможностей, о сдавленных строем производительных силах, об отвергнутых и гибнущих дарованиях. Все братья Бестужевы жили только на жалованье, и впервые изобретенные ими вместе с бедняком Рылеевым «капустники» были не модой или прихотливым вымыслом пресыщенных господ, а просто естественным выходом из положения небогатых людей: на рылеевских званых литературных завтраках— «утренниках» подавались в качестве угощенья только квашеная капуста да черный хлеб с рюмкой водки.

Лицеист Кюхельбекер, преподаватель русского языка в Университетском пансионе и певец свободы, своими глазами видавший революционное движение Запада, читавший революционные лекции в Париже, конечно, не имеет ярко выраженного «помещичьего облика». Богатый Одоевский, двоюродный брат Грибоедова, представляется исключением, но это увлеченный и убежденный друг Рылеева, страстно преданный Грибоедову юноша, «дитя его души», поэт и пламенный энтузиаст задуманного переворота.

Несколько позже других к рылеевскому кругу примкнет П. Г. Каховский, человек, уже репрессированный в прошлом, претерпевший кавказскую ссылку, выходец из семьи Каховских—гнезда вольнолюбцев XVIII в., человек широкого образования и страстной натуры. Каховский — совсем бедняк, даром что числится по гвардии, и для исследователя не совсем понятно, откуда у него в формуляре 230 душ крестьян: никакого следа этого имения нет в позднейших материалах об его имущественном положении. Известно, что небогатый Рылеев материально помогал Каховскому, давал ему деньги на питание и обмундирование. Именно бедность более всего помешала ему жениться на любимой девушке Софье Салтыковой, которая отвечала ему горячей взаимностью. Вместе с тем замечателен культурный облик Каховского, человека, перечитавшего неимоверное количество книг, знавшего наизусть бесконечное количество стихов,

вникавшего в сложные литературные вопросы времени. Нельзя заодно не обратить внимания на некоторые общие черты имущественного положения членов тайного общества. Оно, разумеется, не играет решающей роли в существе их идеологии, но придает своеобразные черты их облику. Все эти новые члены тайного общества не принадлежат к знатному и богатому дворянству, не имеют огромных земельных владений, разбросанных по всей стране, подобно Никите Муравьеву. Рылеев, конечно, не мог существовать за счет доходов с ничтожного имения в Царскосельском уезде, полученного как приданое жены (всего-навсего 48 душ крепостных!). После ареста сыновей, на службу которых возлагались все надежды, мать Бестужевых осталась обладательницей всего 34 душ крестьян и незначительного имения в Новоладожском уезде. Мы узнаем из официальных материалов, что родной брат Каховского «отставной капитан лейтенант Никанор Каховский имеет в Смоленской губернии 15 душ крестьян, совершенно расстроенных по случаю неурожая хлеба, через что он задолжал разным людям значительною для него суммою. После брата его (т. е. казненного декабриста Каховского.— *М. Н.*) хотя осталось имение, заключающееся в 13 душах крестьян, но оное подвержено в залог (так!) майору Гернгросу и сверх того с сего же имения взыскивается по заемному обязательству смоленского купца Нольчина (содержателя трактира в Смоленске) 2300 руб.». Богатым владельцем является А. Одоевский, но он еще никак не занят управлением своими имениями: все передоверив дядюшке Ланскому, он не уделял этим вопросам ни внимания, ни времени [53].

Таким образом, вникая в особенности рылеевского течения, мы имеем основание признать его отличающимся известным, хотя и не принципиальным, своеобразием от той группы основателей Северного общества, которая возглавлялась богатейшим Никитой Муравьевым и весьма состоятельным Николаем Тургеневым. Заметим далее, что дворянская ограниченность мировоззрения членов тайного общества — участников рылеевского течения — выражена менее сильно, нежели у основателей Северного общества.

«Рылеев всегда расхваливал правление народное»,— свидетельствовал отлично его знавший предатель Яков Ростовцев. «Обними за меня Рылеева искренне, по республикански»,— пишет Грибоедов Александру Бестужеву. Недаром и близко знавший всю группу декабрист Штейнгель был вынужден в письме к Николаю I из крепости заговорить не о чем ином, как об «истинном корне республиканских порывов» [54].

Рылеевское течение оформлялось и развивалось поэтому несколько по-иному, чем прежнее направление Северного общества. Оно легче влеклось вперед движением жизни, более чутко откликалось на ее запросы, делало из этих запросов более радикальные выводы. Да невозможно себе вообще представить рылеевскую группу в роли защитницы крупного дворянского землевладения, это никому из «рылеевцев» просто не могло бы прийти в голову. Тема о народе ближе, органичнее входит в сознание Рылеева и его товарищей, они радикальнее судят о народных массах, хотя искренно не хотят повторения пугачевских событий. Замечателен рассказ Александра Бестужева о его принятии Рылеевым в общество: как сообщил ему принявший его, тайная организация намерена действовать в момент смены императоров на престоле, однако необходимо опереться на народ: «Кончина императора Александра Павловича назначена была знаком к началу действия, если позволят силы; но это говорено было только вначале, потом, когда сочлен привыкал уже к этой мысли, ему открывали: что если общество будет довольно сильно, то надобно действовать и при жизни его (императора.— *М. Н.*),— поднять народ,

войска и если это удастся, то принудить императора подписать конституцию». О народе тут говорится совсем не так, как у Трубецкого или Никиты Муравьева [55].

Да, этих дворян-революционеров также пугали «междоусобия и все ужасы народной революции», как об этом прямо говорил К. Ф. Рылеев [56], но у них была более легкая надежда ввести народ в русло организованного переворота. Изучая их деятельность и мировоззрение, исследователь чувствует бо̀льшую веру этих декабристов в преобразующую роль революционера, сознательного организатора народной стихии. Поэзия Рылеева, сыгравшая огромную агитационную роль в движении декабристов, является ярким памятником их идеологии. По мнению Рылеева, юноши-дворяне должны стать на путь революции именно для того, чтобы руководить восставшим народом:

Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназна̀ченья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Они опомнятся, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И в бурном мятеже, ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги...

Поэтому и тема о цареубийстве (элемент республиканизма) органически и естественно вошла в развивающуюся идеологию рылеевского течения. «Роковое время» — так называли декабристы время приступа к революционному действию, начала революции — приковывало внимание Рылеева: «Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан?». В понимании Рылеева это — время решительных действий. Заметим, что термин «роковое время» входит в революционный язык Пестеля: с поляками надо вступить в связь, чтобы «предупредить вред, который от России сделать бы могли в Роковое Время», — показывает Пестель. Не столь важно, кто первый придумал этот термин — Рылеев или Пестель, сколько то, что они оба его употребляли [57].

Цареубийство в форме уничтожения всех членов дома Романовых представлялось Рылееву важным условием правильного хода революции: «...Мне самому часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии. Я полагал, что убиение одного императора не только не произведет никакой пользы, но напротив, может быть пагубно для самой цели общества, что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии, и что все это совокупно неминуемо породит междуусобие и все ужасы народной революции. С истреблением же всей императорской фамилии, я думал, что поневоле все партии должны будут соединиться или по крайней мере их легче можно будет успокоить»,— ясно и последовательно рассуждал Рылеев [58].

Имя Риэго недаром уже прозвучало в рылеевской стихотворной прокламации. И для севера и для юга опыт революции на Западе подлежал учету. Именно та молодежь, которая потянулась за новым течением,— Беляевы, Гангеблов, а затем в известной мере и Торсон и даже Завалишин, — все эти новые участники движения оживленно обсуждали опыт Испании, возможно, в те же самые дни, когда эти же вопросы обсуждались на юге в Каменке.

«Завалишин доказывал, что необходимым условием переворота есть истребление императорской фамилии, говоря, что революцию во всяком случае должно начинать с головы, и приводил пример Испании в дока-

зательство, что половинные меры не годятся. Когда же Беляевы возражали ему противу сего — то Завалишин всегда говорил: «вот вы говорите, что вы любите свое отечество, а не желаете ему истинного блага; разве лучше, чтобы после была междоусобная война и чтобы все хорошие учреждения были напрасным трудом, да еще к тому несколько человек истинных патриотов погибло бы подобно Риеге». Гангеблов рассказывал, как при встречах с Лаппой, Назимовым, Семеновым они хотели как-то заниматься древней историей, но немедленно «свернули на Риего, недавно повешенного в Испании, а затем и на другие подобные материи и так протолковали до поздна. Следующее заседание прошло почти в таком же роде». Торсон, думая над тяжелым исходом испанской революции, также приходил к выводу о необходимости принять какие-то меры, чтобы отечество не было предано «ужасам» испанской революции [59].

Вот эта новая, более радикальная, более демократическая струя движения и дала ему основную силу стремиться дальше, она осуществила на этом этапе движение организации вперед.

Нет сомнений, что приезд Барятинского активизировал северных декабристов, заставил их по-новому сорганизоваться, продумать дальнейшую линию развития и усилить работу над документами идеологического характера. К числу важных и переломных в этом разрезе являются собрания Северного общества осенью 1823 г.

За месяц до южных совещаний в Каменке северные декабристы собрались на заседание на квартире Пущина. Тут были Никита Муравьев, Николай Тургенев, Поджио, Пущин, представитель юга Матвей Муравьев, Бригген, Нарышкин, Оболенский, Митьков, Вольховский, Назимов (Рылеева не было). На повестке дня стояло обсуждение вопроса об основном программном документе и об уставных правилах Северного общества. Никита Муравьев говорил тут о своей Конституции, явно желая, чтобы она была обсуждена и принята Северным обществом, подобно тому как «Русская Правда» была обсуждена и принята Южным обществом. Речь шла пока о плане и общих установках Конституции Н. Муравьева. Принятия Конституции Н. Муравьева как программного документа всего Северного общества так и не состоялось.

На этом собрании Оболенский взял на себя написать «Об обязанностях гражданина», Митьков говорил о работе в крестьянской среде и о подготовке крестьян к свободе, что, разумеется, само собой обертывалось вопросом агитации среди крестьян, — речь уже не шла о простом, так сказать, «одноактном» пожаловании крестьянам свободы сверху [60].

«За сим приступили к выбору трех директоров по примеру Южной управы»,— коротко формулирует следственный опросный лист. Директорами общества выбрали Никиту Муравьева, Трубецкого и Оболенского. Введение Оболенского в состав Директории свидетельствовало о победе передовых настроений. А самый факт заседания — такого важного, почти что «учредительного» по характеру — на квартире Пущина также говорил о возникновении в обществе новой инициативы. Был разработан также вопрос об условиях приема в члены, об обязательных еженедельных заседаниях директоров [61].

После этого совещания, очевидно, происходило еще одно весьма важное заседание на квартире Рылеева. Оно было посвящено обсуждению Конституции Никиты Муравьева, но и тут она не была одобрена. На совещании, как показывает Матвей Муравьев, были Оболенский, Пущин, Митьков, Вольховский и Михаил Нарышкин.

Те разнообразные возражения, которые появляются в дальнейшем на полях Конституции Никиты Муравьева, являются поэтому не заметками

случайных любопытствующих читателей, — нет, это явные следы работы организованного коллектива, который желает вдумчиво обсудить важнейший программный документ организации и приходит к выводу о своем с ним несогласии по очень существенным принципиальным моментам [62].

В декабре 1823 г. (можно допустить связь с приездом представителей Южной директории Давыдова и Волконского) состоялось еще одно, чрезвычайно важное совещание Северного общества на квартире Митькова на Васильевском острове. В нем участвовали Рылеев, Пущин, Митьков, Оболенский, Нарышкин, Никита Муравьев, Николай Тургенев, Поджио и некоторые другие. Хотя Никита Муравьев и обещал выступить с докладом о своей Конституции, он почему-то воздержался от этого, — очевидно, он еще не подготовился к ответу на вопросы тех, кто критиковал его проект, или еще не получил всех на него замечаний. Рылеев предлагал написать «Катехизис свободного человека» — «содержания весьма преступного», как показывает Поджио. Обсуждались также вопросы о судьбе семьи Романовых после переворота и важный вопрос о создании особой организации тайного общества в Кронштадте — филиале северян среди моряков.

Предложение написать «Катехизис свободного человека» вновь ставило вопрос об агитации среди народа. Рылеев на этом же собрании говорил о необходимости создать революционные песни для народа. Это предложение было принято.

Центральными на всех этих совещаниях были вопросы программного характера и вопросы об уставе. Решено было выделить ведущее ядро организации под названием «убежденных». Права их были очень значительны. Они прежде всего руководили жизнью организации: только они могли принимать новых членов, выбирать Думу тайного общества, принимать отчет Думы об ее действиях, давать согласие на основные мероприятия, принимать принципиальные решения. Состав «убежденных» мог пополняться только по их желанию и с их согласия.

Прочие, вновь принимаемые члены должны были получить название «согласных», — это был прежде всего испытательный разряд. Принадлежавшие к нему знали о цели общества, но не участвовали в его совещаниях, не имели права принимать новых членов. «Согласный» член должен был знать (это правило фактически не соблюдалось) только принявшего его члена и обязан был беспрекословно повиноваться решению руководителей.

Но как же теперь понимало Северное общество конечную цель своей борьбы? Приняло ли оно вновь идею конституционной монархии? Нет, оно не приняло этой идеи, — оно явно склонялось в сторону республики. Это видно из того, что на описываемом совещании в устав ввели формулировку: «доставить государству конституцию, подобную американским штатам» [63].

Но ведь Конституция Никиты Муравьева и была в сущности республиканской конституцией, кстати во многом сходной с американской,— могут возразить некоторые декабристоведы. Такое возражение опровергает не кто иной, как Рылеев: он был республиканцем, считал, что республика — самое удобное для России правление, «о чем говорил я многим членам и между прочим Никите Муравьеву, склоняя его сделать в написанной им конституции некоторые изменения, придерживаясь устава Соединенных Штатов...». Следовательно, Рылеев не соглашался именно с Конституцией Муравьева в том виде, в каком она была им переписана. Как бы ни оценивать «республиканизм» муравьевской Конституции, поставленный вопрос решает мнение Рылеева. Из соображений, им изложенных, он даже шел на то, что конституция может сохранить монархическую форму,— ему и нужно-то было в этом

споре существо дела, а не форма. Пусть даже монархической по форме остается ваша конституция, но внесите в нее поправки по существу — вот о чем шел спор («...придерживаясь устава Соединенных Штатов, оставив однако ж формы монархии»). Следовательно, факт налицо: Рылеев, своей рукой списавший конституционный проект Никиты Муравьева (и, очевидно, никак не ранее середины 1823 г., когда он вступил в общество), был этим проектом не удовлетворен и критиковал его по существу. Рылеев не соглашался с муравьевской Конституцией, отдававшей огромную страну во владычество небольшой кучки капиталистов и земельных магнатов, он требовал коренного изменения этой Конституции [64].

Еще одним важным доказательством победы более радикального, демократического течения является свидетельство Рылеева об обновлении внимания к старому республиканскому документу движения — «Любопытному разговору» Никиты Муравьева. Рылеев показывает, как на совещании у Митькова («кажется, у Митькова») он читал в присутствии Никиты Муравьева его «Любопытный разговор», так и оставшийся недописанным с 1820 г. «Я сказал, — показывает Рылеев, — напрасно вы не кончите. Такими сочинениями удобнее всего действовать на умы народа. Но Муравьев отозвался недосугом и предлагал начатое им кончать мне. Я обещал; но также за разными обстоятельствами исполнить того не успел и по прошествии некоторого времени упомянутое начало возвратил Муравьеву...» [65].

Этот случай очень выразителен: общее продвижение вперед, рост республиканизма и демократических элементов, несомненно, оказывают воздействие и на Никиту Муравьева. Он никогда не считал форму конституционной монархии только конспиративной формой, как это характерно для Пестеля, из соображений конспирации иногда облекавшего в конституционно-монархическую оболочку свои республиканские положения. Но на совещаниях у Митькова и Рылеева Никита Муравьев молчит об этой стороне дела и даже вынимает свой стародавний республиканский документ «Любопытный разговор» как удостоверение в своем прежнем радикализме. Этот документ с согласия Никиты все читают, обсуждают и чрезвычайно одобряют. Никиту Муравьева просят закончить документ, столь нужный для агитации. Он «отзывается недосугом» — действительно, ему некогда, ведь он работает сейчас над конституционным проектом, готовится к ответственнейшему докладу перед новым составом общества, но он ничего не имеет против того, чтобы Рылеев кончил его «Любопытный разговор»! Рылеев, вдохновенный поэт, захваченный в тот момент собственным замыслом создания революционных песен, не может, конечно, кончить чужое, делового «муравьевского» стиля, суховатое, подкрепленное библейскими цитатами и несколько «учебное» по вопросо-ответной форме произведение. Это — не стихия Кондратия Рылеева, который облекал те же мысли в гораздо более увлекательную, живую поэтическую форму. Важнейшее в этом эпизоде — симптом движения вперед Никиты Муравьева: его начинает влечь вперед общее движение.

Не менее важно принятие северянами ясных решений о военном характере революционного удара на совещаниях конца 1823 г.: член Северного общества принимал на себя обязательство «идти со своею командою туда, куда будет приказано». Эти решения не были новыми — Северное общество принимало их еще в момент своих учредительных совещаний, но было важно их подтверждение [66].

Сверх всего подтверждалось и старое декабристское решение, возникшее еще во времена Союза Спасения: приурочить время открытого выступления к моменту смены императоров на престоле.

И еще раз было крепко подтверждено — выступать только совместно с Южным обществом.

Важность всех этих совещаний у Митькова, Пущина и Рылеева трудно переоценить: это были переломного значения, почти что «учредительные» совещания северного — «рылеевского» — течения. Северное общество ощутимо принимало новый облик, к его руководству притекали свежие силы.

За этими совещаниями последовали новые — у Рылеева и Нарышкина, развивавшие ту же линию и состоявшиеся в конце 1823 — начале 1824 г. Они также имеют известную связь с пребыванием в столице посланцев юга — Давыдова и Волконского. На совещаниях речь шла о временном революционном правлении в связи с созывом Великого собора, т. е. учредительного собрания. Речь идет, следовательно, не о диктатуре временного правительства — любимой идее Пестеля, а о временном правительстве, слагающем свои полномочия в момент окончания работ учредительного собрания и подчиняющегося его решениям.

«При разговоре о создании Великого Собора рассуждали и о временном правлении. Это, кажется, было у Митькова, — показывает Рылеев. — М. Муравьев-Апостол предлагал назначить в оное директоров общества: Пестеля, еще одного из южной директории и Н. Тургенева или Трубецкого. На это сей последний возразил, что во временное правление надобны люди, уже известные всей России, и предлагал к тому Мордвинова и Сперанского. На что все согласились. Я также был с ним согласен, и с самого того времени по 14 декабря мысль сия еще в Северном обществе оставалась неизменною» [67].

Сопоставляя линию развития Северного общества с ходом дел в южной организации во второй половине 1823 г., мы видим, что и там и тут стремились разрешить общие, самой жизнью поставленные задачи. Организация революции, открытое выступление, имеющее целью захват власти, и там и тут остается общей целью, она нигде не снимается и нигде не теряет характера основной задачи. Однако отношение к ней в обеих организациях разное. Южное общество, только что в начале года единодушно принявшее свою программу, уяснившее себе характер своих конституционных требований (а наличие конституции, по убеждению декабристов, — обязательное условие для выступления), горит желанием действовать, но не может приступить к действию в силу отсутствия договоренности с Северным обществом. Последнее же запаздывает в своем развитии от Южного — не имеет принятой программы, располагая лишь ее проектом, вызывающим возражения как среди северных членов, так и на юге. Создавшееся положение наносит удар прежнему руководству северной организации — Никите Муравьеву и Николаю Тургеневу. Новые силы, притекающие в Северное общество, группируясь вокруг К. Ф. Рылеева, стимулируют дальнейшую разработку программы и принятие решений. Приезды гонцов с юга в свою очередь содействуют активизации и ускорению этой работы. С осени 1823 г. по начало 1824 г. усиливается оживление этой работы. Север начинает втягиваться в русло активизации, работая над программой, способом действия, агитацией в народе и среди солдат (новая тема!), вопросами учредительного собрания и временного правительства. Ряд намечающихся решений отличен от южных при единстве основной тематики: север высказывается против диктатуры временного правительства, отстаивая, как и ранее, необходимость учредительного собрания, расходится и в ряде программных установок. Однако в этой работе, несмотря на разногласия, на севере крепнет сознание необходимости совместного выступления и намечается общее усиление демократических тенденций, что — объективно — ведет к некоторому сближению программных позиций. Северное общество идет вперед.

Пестель имел все основания считать Южное общество сильно укрепившимся зимой 1823/24 г. Силы общества явно возрастали.

Еще во время киевских контрактов 1823 г. Бестужев-Рюмин предложил начать переговоры с польским тайным обществом. Он с основанием говорил о том, что, поскольку «Русская Правда» уже принята всей организацией как документ программный, она сама по себе представляет платформу для этих переговоров: содержа существенные положения о восстановлении Польши в самостоятельное государство с помощью революционной России, она обладает важнейшим исходным положением для переговоров с поляками. Киевский съезд руководителей после серьезных прений принял это предложение, и переговоры с революционным Польским обществом были поручены инициатору предложения Бестужеву-Рюмину и Сергею Муравьеву-Апостолу, т. е. Васильковской управе [68].

К сожалению, нет точных данных о том, какими именно сведениями о польском революционном движении обладали к этому моменту южные декабристы. Ясно, что они имели какие-то конкретные данные, если внесли и приняли предложение о переговорах с польской революционной организацией. Васильковская управа взяла на себя решающую инициативу в создании русско-польского декабристского союза, и ее деятельность в этом отношении должна быть отмечена. Но одновременно была проявлена и польская инициатива, — поляки отнюдь не были в этом деле пассивной стороной. Надо подчеркнуть, что русское революционное офицерство не опасалось поляков, ведя с ними и при них «вольнодумческие» разговоры: русская передовая молодежь была уверена, что среди поляков не найдется предателей и царской агентуры. Напротив, в них чувствовали расположенных к свободолюбию собеседников, что и объясняет нам ту откровенную атмосферу общения и политических разговоров, в которой декабристы и представители революционной Польши легко заметили друг друга. Варшавский следственный комитет, несколько утрируя создавшуюся обстановку, с недоброжелательством пишет в своем «Донесении», что в Киеве и на Волыни было заметно в 1823 г. «между офицерами находившихся там войск неудовольствие, которое они без малейшей осторожности изъявляли в речах самых нескромных и при множестве свидетелей. Иные говорили даже, что нынешний порядок не может продолжаться, потом носились слухи о тайном обществе, составившемся для изменения образа правления в России».

Узел первых сношений и первой взаимной информации завязывается около графа Александра Ходкевича, «отставного польских войск генерала», посетителя киевского дома генерала Н. Н. Раевского-старшего, героя Отечественной войны 1812 г. На следствии Ходкевич отрицал свою принадлежность к польскому Патриотическому обществу, и, действительно, ее не удается со всей ясностью установить. Конечно, то обстоятельство, что он согласился быть посредником между русским и польским обществами и дал Муравьеву и Бестужеву письмо об этом к графу Прозору, говорит, что он был в курсе весьма конспиративных отношений. Ходкевич в беседе прямо сказал Муравьеву и Бестужеву, беседуя о тайных обществах: «Знаю, что и у вас такое же составилось». Декабристы же со своей стороны просили Ходкевича ввести их в сношения с обществом польским. Все это говорит об уже далеко продвинувшейся взаимной информации. То обстоятельство, что, дав письмо к графу Прозору, проживавшему в своих имениях в Минской губернии, Ходкевич вскоре взял его обратно и объявил, что к декабристам в Бобруйске, где на лето 1823 г. дислоцировалась 9-я пехотная дивизия и где служили оба дека-

бриста, прибудет представитель польской организации, показывает, что Ходкевич имел какие-то связи. В Бобруйск, правда, никто от поляков не прибыл, но появление польского представителя на следующих киевских контрактах может быть в какой-то степени связано с деятельностью Ходкевича, хотя и не его одного. В поисках связей, которые не наладились в Бобруйском лагере, Бестужев по поручению Директории Южного общества ездил в 1823 г. в Вильну, где виделся с князем Константином Радзивиллом, членом совета литовского филиала Патриотического общества. Константин Радзивилл давал свои показания уже после казни Бестужева и начисто отрицал тему переговоров в своих сношениях с декабристом, в чем, конечно, уже не мог быть кем-либо опровергнут. Он заметил, правда, что Бестужев в разговорах с ним «не скрывал от него своих либеральных понятий». Принято считать, что поездка в Вильну кончилась неудачей Бестужева. Однако по поводу этого можно выразить некоторые сомнения. Откуда же взялись в Киеве в 1824 г. представители польского Центрального комитета? Кто их вызвал? Ответить со всей точностью на вопрос нельзя, но совершенно ясно, что связи наладились [69].

Общее положение, создавшееся в руководящем центре Польского общества, выявилось как благоприятное по отношению к декабристам. Ведь отдельные члены польской организации не имели полномочий что-либо самостоятельно решить, — для ответа декабристам им надо было снестись со своим руководящим центром, а центру, находившемуся в Варшаве, надо же было время, чтобы обдумать свое решение. Поскольку откровенность Бестужева-Рюмина с К. Радзивиллом в Вильне вне сомнений, то вопрос о последующих действиях члена польской организации остается открытым. Если имеются сомнения в членстве Ходкевича, то никаких сомнений подобного рода не вызывает Константин Радзивилл. Он не только вообще член Патриотического общества, но и член его литовского совета. Трудно представить себе, чтобы он, получив от Бестужева-Рюмина сведения о существовавшей в России революционной организации, желающей войти в сношения с поляками, не сообщил этого своему революционному центру, являясь членом Польского общества и находясь в сношениях с руководителями. Он мог ничего не ответить Бестужеву и даже утверждать в разговоре с ним, что Польского общества не существует, но едва ли можно сомневаться, что Варшава получила какую-то информацию об этом разговоре от К. Радзивилла. Если так, то поездку Бестужева-Рюмина нельзя безоговорочно признать бесплодной и неудачной. Во всяком случае факт притока в Варшаву информации о русской южной организации вне сомнений: «...Носились неясные слухи о тайном обществе, составившемся для изменения образа правления в России. Сии слухи, достигнув Варшавы, возбудили внимание так называемого Верховного Совета Патриотического общества, — повествует «Донесение» Варшавского следственного комитета. — Зная, что цель русского тайного общества не иначе может быть достигнута, как посредством революции, они в мятежах, угрожавших России, видели один благоприятный случай для исполнения собственных своих намерений...» [70].

В Верховный совет Патриотического общества входили граф Солтык, князь Антоний Яблоновский и подполковник польской армии Северин Крыжановский; первый из них был главой Патриотического общества, два последних — его ближайшими, притом энергичными помощниками, без которых ничего не предпринималось. В свою очередь Яблоновский и Крыжановский давали главе отчет во всех своих действиях. «Отселе все в Обществе и делалось и предпринималось по направлениям оного», —

заключает «Донесение» Варшавского комитета о Верховном совете. Таким образом, приезд в начале 1824 г. в Киев совместно Крыжановского и Яблоновского был ответом Центрального комитета или Верховного совета Польского Патриотического общества на предложение южных декабристов. В их лице прибывали в Киев для переговоров не рядовые члены, участники случайной встречи, а ответственные представители руководства польской организации. Все переговоры вел лишь Крыжановский, но он непрерывно советовался в ходе дела с Яблоновским. Какая-то причастность к обществу Ходкевича вновь встает как вопрос в связи с тем, что прибывший представитель Верховного совета Крыжановский остановился именно у него, хотя Ходкевич на следствии пытался утверждать, что не знал о связи Крыжановского с руководящим центром Польского общества.

Первое свидание Бестужева и Муравьева с Крыжановским состоялось, повидимому, на квартире Ходкевича, затем на квартире самого Крыжановского; на следующий день свидание имело место у него же. Третье свидание состоялось у Бестужева. Крыжановский предупредил, что не имеет полномочий заключать какие-либо окончательные условия, но его дело — установить между обоими обществами дружественные отношения и связи, «дабы дать им способы приступить ко взаимному соглашению». Эта позиция весьма убедительна и не вызывает каких-либо вопросов.

По свидетельству Крыжановского, С. Муравьев при свидании сказал следующие замечательные слова: «Чувства народной ненависти, родившиеся во времена варварства, должны исчезнуть в просвещенном веке, когда известно, что пользы всех народов одни и те же; что на сем основании Русское общество предлагает Польше возвращение прежней ее независимости и готово всеми средствами способствовать к искоренению взаимной нелюбви двух наций». Это, очевидно, было основной установкой Южного общества в переговорах с революционной Польшей [71].

Таким образом, переговоры декабристов с представителем польского центрального руководства в 1824 г. состоялись, причем фактическое присутствие двух руководителей польского центра (хотя переговоры вел, собственно, лишь один из них) усиливает значение того предварительного соглашения, которого удалось достичь как по вопросам программы, так и в области тактики. Дело Бестужева-Рюмина, наиболее энергичного участника переговоров, сохранило довольно подробное свидетельство о соглашении и даже содержит воспроизведенный по памяти документ — обоюдный договор организаций. Он столь важен, что его необходимо привести полностью.

Бестужев-Рюмин свидетельствует, что русское революционное общество приняло на себя следующие обязательства:

«1. Россия, предпочитая признательных союзников скрытым врагам, обещает (тотчас как кончится революция) предоставить Польше независимость.

2. Будет сделано новое начертание границ, и области, не настолько обрусевшие, чтобы слиться душой с интересами нашего Отечества, будут возвращены Польше.

3. Тем не менее будут соблюдены местные удобства таким образом, чтобы Россия имела хорошую военную границу.

4. Поляки могут, однако, рассчитывать на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской.

5. С момента ратификации договора Общество будет оказывать покровительство всем полякам, которые будут иметь дела в России — если оные справедливы.

6. Общество будет также стараться уничтожить вражду, которая существует между двумя нациями, считая, что в просвещенный век, в который мы живем, интересы всех народов одни и те же и что закоренелая ненависть присуща только варварским временам.

7. Для дальнейших сношений будут назначены с той и другой стороны два комиссара, функции которых следующие:

1) Комиссары будут передавать своим Директориям обоюдно все то, что потребуется сообщить от одного общества другому.

2) Польские комиссары будут постоянно осведомлять русское Общество о том, что происходит в Европе.

3) Строго запрещается комиссарам называть имена и требовать наименования членов обоих Обществ.

4) Если же они вскроют таковых, то не должны сообщать им об отношениях, которые существуют между Обществами обеих наций; но пусть все передается от Директории к Директории посредством комиссаров.

5) Комиссары не могут ничего ни обещать, ни на что-либо соглашаться от своего собственного имени».

Со своей стороны представители польского революционного общества брали на себя следующие обязательства:

«1. Поляки обязуются употребить действительные меры, каковы бы они ни были, чтобы помешать великому князю Константину прибыть в Россию, когда начнется революция.

2. Восстать в то же самое время, как и мы.

3. Выступить против Литовского корпуса в случае, если он объявит себя против нас.

4. Оказывать нам всякую помощь, какая будет только им возможна.

5. Поставить нас в сношения с тайными политическими обществами, существующими в Европе.

6. Ставить нас в известность о всех важных делах, о которых они будут осведомлены.

7. Действовать во все время продолжения революции таким образом, как им будет предписано нашим Обществом, которому они признают себя подчиненными.

8. Признать республиканский порядок» [72].

Анализируя приведенный текст, мы обращаем внимание на точную реализацию в данном договоре положений «Русской Правды»: Польша получала политическую самостоятельность и устанавливала у себя политический строй, аналогичный революционной России. Шестой пункт, осуждающий национальную неприязнь, почти точно воспроизводит слова Муравьева-Апостола, очевидно, восходя к каким-то точным формулировкам, принятым на Киевском съезде. Группа пунктов обеспечивает спокойное передвижение восставшей южной армии от угрожающего ей Литовского корпуса под командой Константина,— поляки берут на себя нейтрализовать опасность и даже выступить против Литовского корпуса, если он оказал бы поддержку Константину.

В 1824 г. приведенный договор был еще проектом. Но фактическое принятие договора двумя активнейшими членами польского Центрального комитета из трех было очень серьезным подтверждением его действительности. В дальнейшем мы встретимся с многочисленными доказательствами того предположения, что договор действительно был заключен.

Особого внимания заслуживает вопрос территориальный. Пестель и южные декабристы брали на себя слишком много, решая отдать Польше часть исконных русских земель, возвращенных в результате польских

разделов. Предпосылкой этого решения было положение о якобы имеющемся там преобладании поляков. Однако «преобладание» это могло относиться лишь к польским помещикам. Южные декабристы проявляли в этом вопросе свою сословную помещичью ограниченность, не принимая во внимание русской и украинской национальной принадлежности основной массы крестьянского населения. Главное же — было еще неизвестно отношение к этому Северного общества (оно оказалось резко отрицательным), действовать без которого признавалось невозможным. Поспешное территориальное решение южных руководителей отразилось и в сохранившейся карте будущей революционной России, где граница проведена в соответствии с приведенным выше договором. Однако поездка Пестеля в Петербург внесет, как мы увидим далее, серьезные изменения в предполагаемое решение. Договор мало касается внутреннего строя послереволюционной Польши, оговаривая его однотипность с русским послереволюционным строем лишь в самом общем виде: конкретно упоминается лишь республиканская форма правления. Обратим на это внимание,— возвращаясь в дальнейшем к анализу последующих взаимоотношений русских и польских революционеров, мы встретимся с этой особенностью. Она сыграет свою роль в проявившихся далее трудностях. Южные декабристы встретят сопротивление преимущественно «правого» течения польского движения, боровшегося за государственную самостоятельность Польши в прежних границах, но глухого к социальным реформам.

Третий Киевский съезд руководителей Южного общества открылся в обычное время — в январе 1824 г. Пестель уехал до конца съезда, лишь открыв его, проведя начало заседаний и передав председательствование Юшневскому. Он торопился оформить отпуск, чтобы двинуться в Петербург. Важнейший момент съезда — докладная записка Бестужева-Рюмина о начале сношений с польским тайным обществом и об успешном ходе этих переговоров — прошел без Пестеля: председатель Юшневский обнял Бестужева-Рюмина и благодарил от имени общества «за соревнование его успешное в сношениях с польским обществом».

Беря на этом этапе вопрос о русско-польских отношениях в целом, можно понять, на чем, собственно, остановились переговоры. Было достигнуто чрезвычайно содержательное и важное предварительное соглашение сторон, ложившееся в основу русско-польского революционного союза. Но оно требовало окончательной двусторонней «ратификации» (термин, примененный поляками). С одной стороны, его должен был окончательно рассмотреть и утвердить Верховный совет Польского патриотического общества. С другой стороны, требовалась ратификация русского тайного общества. Какого именно? В этом-то и был весь вопрос в начале 1824 г. Дело не стало бы за «ратификацией» договора со стороны Южного общества, это было бы можно сделать, задержавшись на тех же киевских «контрактах» 1824 г. Но на очереди стояло другое — «соединение» Южного общества с Северным. Следовательно, было необходимо и согласие северян на революционный договор России и Польши. На вопрос об отношении к договору Северного общества ответить еще было нельзя,— надо было этот вопрос поставить в Петербурге. Для поездки Пестеля, которой с основанием придавали решающее значение, скопилось, таким образом, много вопросов принципиального характера.

Из декабристских следственных материалов мы узнаем, что Бестужев-Рюмин написал на французском языке обстоятельный доклад о своих переговорах с Польским обществом. Доклад носил, как вспоминает А. Поджио, заглавие «Rapport au Directoire secrète sur les conférences avec la société Polonaise» («Доклад тайной директории о переговорах с

польским обществом»). Едва ли такой документ был нужен для внутреннего обращения среди южан, где устное сообщение руководителям общества легко могло быть сделано в самой подробной форме во время их Киевского съезда, тем более что хранение подобного документа представляло величайшие опасности. Доклад, очевидно, был написан для петербургской поездки Пестеля, он был необходим для подробной и точной информации Северного общества [73].

Наконец, в результате переговоров с представителями Польского центрального комитета (Верховного совета) были выделены обеими сторонами посредники для переговоров: со стороны русского тайного общества ими оставались Сергей Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин, со стороны поляков — дворянский заседатель Киевского главного суда, член польского тайного общества Анастасий Гродецкий и владелец имения недалеко от Умани А. Чарковский, член областного совета Польского общества в Киевской губернии. Бестужев вскоре был в Умани для установления связи с Чарковским, но не застал его; можно предполагать, что в ближайшее время после третьего Киевского съезда в 1824 г. связь эта все же была установлена через С. Волконского [74].

Центральным событием 1824 г. является поездка Пестеля в Петербург. Это был решительный шаг, который предпринимал Пестель для «соединения» обществ. Он выступал здесь в качестве руководителя политики всего тайного общества в целом. Северяне уже давно говорили о необходимости приезда в Петербург Пестеля, чтобы всесторонне и окончательно договориться о дальнейших действиях. Пестель выехал в Петербург для этих переговоров в феврале 1824 г.

7

Петербургские совещания 1824 г. явились вехой крупнейшего значения во всем движении декабристов.

Горячие политические споры вокруг еще не уясненных до конца политических вопросов свидетельствуют о богатой идейной жизни декабристских обществ. Уже были продуманы многие основные вопросы идеологии движения: никто не спорил, нужно или не нужно освобождать крестьян от крепостного права, — было ясно, что нужно, спорили лишь о способах и форме освобождения. Никто не сомневался в том, что абсолютная власть неограниченного монарха должна быть ликвидирована, спорили лишь о характере этой ликвидации. Однако разногласия в этих, пока еще нерешенных вопросах тревожили как Южное, так и Северное общество. Необходимость действовать день ото дня становилась настоятельнее, но степень подготовленности к действию никого не удовлетворяла. Важнейший вопрос об общности действий обеих организаций также не составлял предмета спора; конечно, действовать надо было сообща, в этом никто не сомневался. Но именно для того, чтобы действовать, надо было уяснить себе вопросы программы. Не выходить же на Великий собор (учредительное собрание) с проектами двух различных конституций, — это могло бы породить лишь те самые «междоусобия», которых так опасались в «роковое время». Оно в значительной мере именно поэтому и называлось «роковым». Все это было вполне ясно как для севера, так и для юга, поэтому и назрел вопрос о решающих по значению объединительных совещаниях. Те многочисленные гонцы с юга на север и с севера на юг, о которых говорилось ранее, лишь ставили наболевший вопрос, выясняли его с разных сторон, но не разрешали его. Поэтому в 1824 г. на север и двинулся сам Пестель.

Пестель вез не просто личный набросок будущего основного закона, — он должен был убедить северян в правильности утвержденного голосованием проекта всей южной организации, тщательно обсужденного в течение последних трех лет и принятого в обществе. Пестель готов был сделать уступки по ряду тактических вопросов, но только не по основным программным решениям. От них он не намерен был отступать ни на иоту и готовился к решительной борьбе.

Перед отъездом в Петербург Пестель повидался в феврале 1824 г. с Сергеем Муравьевым-Апостолом и подробно изложил ему платформу объединения обществ. Свидание произошло в Киеве и длилось «целые сутки», в нем участвовал и Бестужев-Рюмин. Сергей Муравьев всецело стоял за объединение с севером. Платформа объединения подробно была изложена Пестелем при свидании и, видимо, не вызвала возражений его товарищей. Пестель провел в Киеве «целые сутки», обсуждая свою будущую петербургскую позицию.

«Перед отъездом... своим в Петербург Пестель говорил мне, — показывает Сергей Муравьев-Апостол, — что он намерен все средства употребить, чтобы совершенно слить в одно оба общества, что для сего намерен он предложить Северному обществу признание над собою директорства Южного, обещая им таковое признание и со стороны Южного; что он более всего ожидает сопротивления на щет принятия Русской Правды, тем паче, что в Северном обществе существует конституция, соч[иненная] Н. Муравьевым, и что сопротивление сие тем более ему неприятно будет, что он не может отступиться от Русской Правды, признанной всем Южным обществом, но что во всяком случае употребит он возможное старание для совершенного соединения и введения единодушия между обоими обществами»[75].

С. Муравьев не возражал против плана Пестеля. Очень важно это предварительное согласование платформы объединения с С. Муравьевым перед отъездом в Петербург. А. В. Поджио заявил, что в 1824 г. Пестель подозревал обоих братьев Муравьевых — Сергея и Матвея (последний был, как сказано, представителем Южного общества на севере) в том, что они «хотят отделиться», — «сие решило Пестеля ехать в Петербург и видеть все своими глазами». Если даже это так, то ясно, что в момент отъезда Пестель хотел сгладить разногласия и еще раз убедиться, что действует от Южного общества в целом.

Таким образом, Пестель перед отъездом в Петербург согласовал в основных чертах свои действия и будущую программу объединения с Васильковской управой. Что касается управы Каменской, то и с ней отъезд Пестеля в Петербург был согласован еще раньше и не менее крепко. Декабрист С. Г. Волконский показывает, что еще в течение 1823 г. он «убеждал Пестеля ехать в Петербург» и полагал, «что сие было чинимо и другими членами». Пестель, как показывает Волконский, решился ехать в Петербург «в исходе 1823 года и вскоре после высочайшего смотра исходатайствовал себе отпуск». Как раз в исходе года сам Волконский был в Петербурге и должен был присутствовать на совещаниях вместе с Пестелем. Но в назначенное время Пестель выехать не смог, о чем уведомил Волконского письмом, и тот выехал из Петербурга на юг, не дождавшись Пестеля. Показания Волконского хорошо отражают единодушное желание южан видеть Пестеля в Петербурге и их надежды на разрешение спорных вопросов именно Пестелем: «Соединение и действие по одной цели Северной и Южной управы было общим желанием и почиталось необходимым большей частью членами Южной управы, и всеми полагалось, что Пестелем одним может быть сие учинено по прежним его сношениям и связи в Союзе Благоденствия с Никитой Муравьевым, который

как со мною, так и с прочими членами, доверенными от Южной управы обращался весьма недоверчиво и не давал положительных ответов». Таким образом, Пестель ехал по полномочию всех управ Южного общества, и в Петербурге даже предполагалось присутствие во время совещаний представителя Каменской управы. Поскольку мы увидим далее, что представитель другой управы — Васильковской, а именно И. С. Швейковский, находится во время пребывания Пестеля в Петербурге и держит с ним связь, можно заключить, что на петербургских совещаниях предполагалось представительство обеих управ Южного общества [76].

При этом достойно внимания показание Волконского, что Пестелю при переговорах с Петербургом в 1824 г. «дано было право по соображению обстоятельств делать по его рассмотрению изменение в постановлениях, принятых южными членами, — лишь бы согласить оных к общему постановлению и точному соединению» [77].

Северяне также хотели приезда Пестеля, чтобы лучше разобраться в разногласиях, и питали надежду добиться той же цели — соединения обществ. Оболенский еще до приезда Пестеля говорил представителю юга в Петербурге — Матвею Муравьеву-Апостолу о желательности появления Пестеля в Петербурге: «Князь Оболенский просил меня настоятельно вызвать Пестеля в Петербург, уверяя меня, что коль скоро члены Северного общества услышат все, что делается в Южном обществе, об его единодушии для достижения намерения, они все пристанут к оному вопреки князя Трубецкого и Никиты Муравьева» [78].

Пестель не указывает сам даты своей поездки, но ее можно довольно точно установить на основании косвенных данных. Главным источником для датировки являются письма его родителей, из которых видно, что Пестель был в 1824 г. в Васильеве дважды: в первый раз по пути в Петербург, во второй — по пути из Петербурга. Эти даты и определяют начало и конец поездки. Дата первого приезда Пестеля к родителям в 1824 г. точно устанавливается по письму его матери, относящемуся к 1825 г.: «Depuis le 25 fevrier, anniversaire de votre l-ière arrivée à Wassiliewo, nous comptons tous les jours ce que vous faisiez l'année passée...»*,— пишет она сыну. Отсюда следует, что Пестель приехал к родителям 25 февраля 1824 г. Первое письмо матери после отъезда Пестеля из Васильева датировано 10 марта 1824 г., — по всем данным, Пестель выехал из Васильева в Петербург в начале марта. В письме Ивана Борисовича Пестеля к сыну-декабристу (датированном 30 апреля 1824 г.) сказано, что до отца дошло сообщение о предположении сына выехать из Петербурга обратно в Васильево 26 апреля 1824 г. Предположение это носило характер твердого решения, поскольку привело практического отца к ряду конкретных действий: мы узнаем из письма, что он уже списался с почтмейстером насчет заготовки почтовых лошадей, а приписка матери в том же письме дает наставления насчет дороги. Сына ждут со дня на день: «Je vais faire votre lit» («Иду готовить вашу постель»), — пишет Пестелю мать. На обратном пути из Петербурга Пестель приехал в Васильево 6 мая [79].

Таким образом, Пестель в 1824 г. выехал из Васильева в Петербург в начале марта 1824 г., а из Петербурга в Васильево — в конце апреля того же года. Значит, он пробыл в Петербурге в 1824 г. не менее полутора месяцев — срок значительный, допускающий частые встречи с деятелями Северного общества и подробные обсуждения назревших вопросов.

---

* Франц.: «С 25 февраля,— дня годовщины вашего первого приезда в Васильево,— мы вспоминаем по дням все, что вы делали прошлый год».

По письмам родителей можно установить и дату отъезда Пестеля из Васильева обратно в Линцы. Глава Южного общества вновь оказался на юге лишь в июле 1824 г. Он выехал из родительского имения лишь 18 июля. Таким образом, он отсутствовал на юге целых пять месяцев — с половины февраля по конец июля. В Петербурге Пестель остановился в кавалергардских казармах у своего брата (офицеры кавалергардского полка располагали прекрасными отдельными помещениями) [80].

Приезд Пестеля был крупным событием в жизни Северного общества. Созывался ряд заседаний, происходили и отдельные встречи и длительные споры. Руководители Северного общества приняли живое участие в обсуждении. «В бытность мою в Петербурге виделся я преимущественно с тремя директорами»,— показывает Пестель. Он упрекал Северное общество в бездеятельности и, по словам Трубецкого, «выхвалял» Южное общество. Н. И. Лорер в «Записках» передает слова Пестеля, позже обошедшие литературу о декабристах: «Chez nous au midi les affaires vont mieux» («У нас на юге дела идут лучше») [81].

Петербургские совещания 1824 г. слагаются из разнообразного чередования двух типов заседаний — заседаний Северной думы (иногда совместно с членами Северного общества) вместе с Пестелем и совещаний Думы и наиболее активных членов общества без Пестеля для обсуждения его предложений и выработки предлагаемых ему условий. Этим совещаниям предшествовали отдельные встречи Пестеля с руководителями Северного общества, во время которых он «склонял» их на свою сторону. Наиболее подробно о заседаниях, проведенных совместно с Пестелем, свидетельствует он сам, но его показания не могут, разумеется, отразить заседаний Северного общества, проведенных без его участия. В этом отношении особо ценны показания Оболенского, Рылеева, Никиты Муравьева, а также Матвея Муравьева-Апостола, активных участников петербургских совещаний. Однако исключительная их важность и политическая острота вопросов, на них разбиравшихся, менее всего располагали узников Петропавловской крепости давать о них подробные показания. Характерно в этом отношении, что первые свидетельства о них отличаются крайней лаконичностью, сбивчивостью и туманностью и лишь последующие более настойчивые допросы вырывают более подробные данные. Например, С. Трубецкому, активному участнику совещаний, удалось до конца остаться на позиции самых кратких и сбивчивых свидетельств. В силу всего этого невозможно, на мой взгляд, установить с полной точностью число и последовательность многочисленных встреч, переговоров и заседаний, совокупность которых и является петербургскими совещаниями 1824 г., тем более что в памяти ряда участников, несомненно, произошло слияние («контаминация») ряда совещаний, близких по своему содержанию. Однако уже то обстоятельство, что более десяти встреч и заседаний, посвященных основной проблеме — соединению обществ, поддаются характеристике на основании первоисточников, говорит об активности декабристов, сложности тем и значительном объеме энергично проведенной работы, захватившей обе совещавшиеся стороны.

Не следует затушевывать и противоречий, проявившихся на совещаниях, они видны уже в двух формах заседаний, на них примененных,— с Пестелем и без Пестеля; этим Северное общество подчеркивало свою самостоятельную, «автономную» позицию.

Пестель действовал осторожно и продуманно, проявив отличную осведомленность об общем положении в Северном обществе. Прежде всего, немедленно по приезде он встретился с «посредником» Южного общества и вошел в курс сложившегося к моменту его приезда положения. Далее, он

при посредстве Матвея Муравьева поспешил увидеться с представителем Васильковской управы И. С. Швейковским, которого ранее лично не знал, посетил его в знаменитом Демутовом трактире, где тот остановился, подробнейшим образом ввел его в курс дел Южного общества («он ему открыл весь ход Южного общества»), о чем тот, конечно, уже многое знал от Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина. Пестель очень подробно изложил ему содержание «Русской Правды». Свидание закончилось принятием Швейковского в «бояре», т. е. повышением его сразу в высшую степень Южного общества, что расширяло его полномочия.

Далее Пестель при посредстве Матвея Муравьева приступил к личным встречам с руководителями северной организации. До общего их совещания он решил видеть их «по одиночке», чтобы яснее представить себе их позицию и попытаться склонить их на свою сторону. В Северную думу в тот момент входили трое директоров Северного общества — С. Трубецкой, Никита Муравьев и Е. Оболенский, избранные на три года. Правильно ориентированный предшествующими гонцами юга на север, в том числе Барятинским, о наиболее передовой и демократической позиции Оболенского, Пестель поспешил увидеться именно с ним. Пестель решил каждому директору персонально объяснить свою Конституцию и в длинном свидании с Оболенским отдал этому вопросу немало времени. Оболенский всецело стал на сторону Пестеля — «оказал желание мое соединить общества нераздельно между собою» и даже полагал возможным принятие предлагаемой им Конституции. В дальнейшем произошло еще несколько свиданий Пестеля с Оболенским, оставивших у главы Южного общества обоснованное впечатление, что этот представитель северной Директории наиболее других склонен к соединению обществ и одобрению «Русской Правды» [82].

Далее Пестель виделся с Сергеем Трубецким, который считает, что его встреча с Пестелем состоялась «на другой день» по приезде Пестеля в Петербург. Еще до свидания Пестеля с Трубецким Никита Муравьев настроил последнего против Пестеля, представляя его «опасным» и «себялюбивым» человеком. Отсюда можно предположить, что Никита Муравьев успел снестись с Трубецким и был с самого начала осведомлен о прибытии Пестеля в Петербург [83].

Как показывает Трубецкой, Пестель при свидании «выхвалял» свое общество, говорил, «как оно хорошо устроено, как оно хорошо идет», и рекомендовал те же организационные принципы для Северного общества. Он доказывал Трубецкому, что «надобно слить оба общества вместе и чтоб управление у них было одно и то же, то-есть одни управляющие члены». Он подчеркивал и необходимость «совершенного и беспрекословного» повиновения членов руководителям. Он познакомил Трубецкого с «Русской Правдой» — очевидно, в принятом обществом в 1823 г. ее варианте; Трубецкой, опуская в первом свидетельстве вопрос об освобождении крестьян и разделении земель, подчеркивает лишь республиканский характер решений и идею многолетней диктатуры временного революционного правления, состоящего «из пяти директоров, облеченных во всю верховную власть». Отношение Трубецкого ко всему изложенному Пестелем было резко отрицательным: по собственным словам Трубецкого, он пришел «в ужас» от услышанных предложений. Не найдя сочувствия в Трубецком и еще не имея возможности видеться с Никитой Муравьевым (болезнь жены более недели не давала Муравьеву возможности принимать участие в петербургских совещаниях), Пестель, вероятно, до свидания с Никитой Муравьевым увиделся с К. Ф. Рылеевым через посредство того же Оболенского. Рылеев передает в превосходной живой форме свой «долгий разговор» с Пестелем (продолжавшийся около двух часов).

Пестель вызывал его на откровенность и меткими репликами направлял беседу в нужное русло,— он впервые виделся с Рылеевым и, очевидно, хотел во всей полноте представить себе его политическое мировоззрение. Рылеев вспоминал, что Пестель, «вероятно желая выведать меня, в два упомянутые часа был и гражданином Северо-Американской республики и Наполеонистом и террористом, то защитником английской конституции, то поборником испанской». Заметим, что широкий политический горизонт собеседников также виден в этом замечательном разговоре. Начав с защиты американского строя и согласившись, что образ правления Соединенных Штатов «самый приличный и удобный для России», Пестель начал было «выхвалять» английские порядки, но быстро согласился со словами Рылеева, что «Устав Англии уже устарел, что теперешнее просвещение народов требует большей свободы и совершенства в управлении, что английская Конституция имеет множество пороков и обольщает только слепую чернь, лордов, купцов... «Да близоруких англоманов, подхватил Пестель.— Вы совершенно правы». Затем Пестель похвалил испанскую конституцию и восторженно отозвался о Наполеоне, встретив решительного противника в Рылееве: «Сохрани нас бог от Наполеона, сказал тот. Да впрочем этого и опасаться нечего. В наше время даже и честолюбец, если только он благоразумен, пожелает лучше быть Вашингтоном, нежели Наполеоном». Выяснив симпатии Рылеева к республиканскому правлению, Пестель узнал и его мнение, что при этом строе будто бы может существовать и конституционный монарх, с тем, однако, чтобы его власть не превосходила власти президента Штатов. «Пестель задумался и сказал: «Это щастливая мысль! об этом надо хорошенько подумать» [84].

Нет сомнений, однако, что одной из центральных проблем в разговоре с Рылеевым оказался вопрос о длительной диктатуре временного революционного правительства, энтузиастом которой был Пестель. Но введение революционного строя без учредительного собрания, путем диктатуры, вызвало решительные возражения Рылеева,— он считал это нарушением прав народа. Свидетельство это чрезвычайно важно для понимания дальнейших событий: «Хотя я и убежден в совершенстве предлагаемого мною образа правления,— говорил Рылеев,— но покоряюсь большинству голосов членов общества, с тем однако ж, чтобы и тот устав, который будет принят обоими обществами, был представлен великому народному Собору как проект и чтоб его отнюдь не вводить насильно». Хотя Пестель и возражал против этого, но Рылеев остался непреклонен. Они согласились лишь в том, что надо «стараться», чтобы как можно более членов тайного общества попало в число депутатов учредительного собрания, именно этим, по мнению Рылеева, должны были «сохраниться законность и свобода принятия государственного устава». Уже изложенный материал говорит, что Пестель и Рылеев хотя и нашли многочисленные точки соприкосновения, по позиции их не совсем совпали; так, они решительно разошлись по вопросу о диктатуре временного революционного правительства, причем Пестель не формулировал по этому вопросу решительного несогласия с Рылеевым, оставив вопрос до времени открытым [85].

Немалое место в разговоре занял и вопрос о разделении земель. Пестель, скрывая все многочисленные политические темы, затронутые в разговоре с Рылеевым и изложенные выше, признает лишь этот вопрос: «С Рылеевым виделся только один раз и говорил про одно только разделение земель»,— показывает он. Воззрения Рылеева на характер освобождения крестьян и земельный вопрос — трудная и мало освещенная в источниках тема, поэтому его изложение аграрного проекта Пестеля

представляет особый интерес. Он правильно отметил, что все земли, как помещичьи, так и экономические и удельные, по проекту Пестеля делились на две половины. В соответствии с проектом «Русской Правды» он отметил, что удельные и экономические крестьяне, приписанные (как, впрочем, и все граждане) к своим волостям (у Рылеева — «к деревням и селам их»), получат по своему требованию наделы общественной земли, причем распределение начинается с тех, кто требует меньшее число участков. Не менее точно понял Рылеев, что этим средством Пестель предполагал «уничтожить в России нищих». Однако в передачу вопроса о разделении помещичьих земель Рылеев внес свое толкование, которое решительно расходится с содержанием «Русской Правды». Помещичья земля, передает Рылеев, в каждом селе и деревне делилась также на две половины, одна из которых оставалась во владении помещиков, а другая будто бы делилась «поровну крестьянам (с правом дара и продажи в вечное и потомственное владение)». Последнего положения в «Русской Правде» нет. Крестьянин волен продавать, дарить и т. д., т. е. иметь в своей личной собственности, любую купленную или иным образом полученную землю из той частнособственнической половины фонда, которая предназначалась для производства «изобилия», но землей первой — общественной — половины (единого ли государственного фонда или второй доли помещичьей земли, отбираемой у помещиков именно для создания «общественной половины» этого государственного фонда,— в данном случае вопрос стоит одинаково) крестьянин владеть не мог. Крестьянин, по проекту Пестеля, не имел в первой половине общественной земли своей частной собственности и не мог ни дарить ее, ни продавать, ни закладывать,— толкование Рылеева решительно противоречит проекту Пестеля [86]. Вообще, согласно его положениям, крестьянин от государства ничего не получал в частную собственность, он мог лишь облегченным образом (через беспроцентные ссуды) по желанию приобретать ее. Откуда же у Рылеева столь тщательная и точная передача положений, не соответствующих проекту Пестеля? Приходится отвести предположение о допущенной Рылеевым «путанице»,— против нее превосходное и подробное изложение всего разговора с Пестелем и значительная точность примененных формулировок. Допустимо, на мой взгляд, лишь следующее предположительное объяснение этого противоречия: будучи сторонником частной собственности крестьянина на землю и частичной конфискации помещичьей земли, Рылеев, не соглашаясь с судьбой «общественной половины» земли по проекту Пестеля и с тем, что революция не принесет крестьянам частной земельной собственности, задал по ходу разговора Пестелю вопросы об этом в порядке уточнения его положений. Пестель же, продолжая «прощупывание» Рылеева, не стал формулировать своих окончательных возражений и создал у Рылеева впечатление, что его уточняющие предположения правильны. Мемуарная литература, заслуживающая доверия, сохранила свидетельства, что Рылеев был за наделение крестьян в порядке их частной собственности не только огородной, но и полевой землей. Записанное сыном декабриста Е. И. Якушкиным, это свидетельство, несомненно, восходит к воспоминаниям ряда членов Северного общества, лично знавших К. Ф. Рылеева и восстанавливавших его взгляды и общий облик на сибирской каторге.

Можно легко понять, что Никита Муравьев и Тургенев настойчиво отстаивали тезис «земли помещиков остаются за ними», но нельзя предположить той же позиции у Рылеева. Рылеева, повидимому, более всего тревожило отсутствие частной собственности на землю.

Таким образом, известные разногласия наметились и с Рылеевым, хотя общее отношение его к Пестелю, особенно при первом свидании,

оставило впечатление о возможности столковаться. Это подтвердилось и последующим совещанием у Рылеева, о котором он сам подробно повествует. Оно, несомненно, было собрано еще до свидания Пестеля с Никитой Муравьевым и до первого отдельного совещания (без Пестеля) трех директоров. По свидетельству Рылеева, на совещании этом присутствовали, кроме самого хозяина квартиры К. Ф. Рылеева, «Николай Тургенев, Митьков, Трубецкой, Муравьев, Оболенский и, кажется, еще Пущин» (под Муравьевым в данном случае надо разуметь «посредника» северян и южан — Матвея Муравьева-Апостола).

На этом предварительном совещании у Рылеева С. Трубецкой выставлял в качестве важнейшего аргумента против слияния обществ разный характер конституций Никиты Муравьева и Пестеля (муравьевская Конституция «в духе своем была совершенно противуположна образу мыслей и конституции, составленной самим Пестелем» — передача Рылеевым мнения С. Трубецкого). Какую же позицию занял Рылеев? Он не только не проявил себя сторонником Конституции Никиты Муравьева, но решительно разбил доводы Трубецкого указанием на то, что ни та и ни другая конституция, а какой-то третий проект, который заслужит одобрение большинства членов обоих обществ, и будет рассмотрен учредительным собранием, получит силу закона. Поэтому вопрос о споре двух конституционных проектов на данном этапе — не только не довод против соединения, но пустой спор самолюбий. Рылеев был глубоко прав, и его сильная аргументация вызвала общее согласие. Ему удалось найти прекрасную формулу, которая и легла в основу принятого далее на том же собрании объединения обществ. Отрицая идею диктаторского введения южной конституции временным революционным правительством, Рылеев более всего не соглашался с отрицанием прав Великого собора: «По моему мнению,— говорил он,— мы вправе только разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества, и потом тот государственный устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора, как проект. Насильное же введение оного я почитал нарушением прав народа. С сим мнением были тогда все согласны». При этой постановке вопроса довод о конституционных разногласиях на данном этапе вообще отпадал, выдвигалась решающая по значению задача создания объединенными усилиями третьей конституции, предоставляемой учредительному собранию [87]. На том же собрании Рылеев, отражая некоторое недоверие к Пестелю, созданное первым с ним свиданием, именно это впечатление сделал доводом за соединение. Если Пестель — «человек опасный для России и для видов общества», стало быть, его надо держать в орбите общественного внимания, «не выпускать из виду и знать все его движения».

С основной формулой Рылеева — о третьей конституции и учредительном собрании — согласились все: она явилась единодушным решением совещания. Итог совещания был ясен и хорошо сформулирован Рылеевым.

«Всем совещанием полагали, что соединение [обществ] полезно и необходимо, и поручили членам Думы произвести окончательные переговоры по сему с Пестелем»,— даже эта категорическая формулировка Рылеева не оставляет сомнения, что решение еще было условным и предварительным. Оно еще требовало «окончательных переговоров», в состав которых входили как обязательный момент и проект признанной большинством общества третьей конституции и решение об учредительном собрании. Уже отсюда ясно, что никакого особо благоприятного Пестелю безоговорочного решения о присоединении, которое потом пришлось отменять, на совещании у Рылеева принято не было. Принятое предварительное

решение содержало много нового для Пестеля и ставило перед ним условия, противоречащие духу его конституционных положений.

После совещания у Рылеева и произошла встреча Пестеля с Никитой Муравьевым — первая личная встреча после «отвержения» Пестелем муравьевской Конституции. Трудно со всей точностью сказать, был ли Пестель полностью осведомлен о предварительном решении совещания у Рылеева, но, вернее всего, был, поскольку «посредник» между севером и югом — Матвей Муравьев-Апостол на совещании у Рылеева присутствовал и, очевидно, информировал о нем Пестеля. Никиты же Муравьева не было на совещании у Рылеева, и поэтому нет никаких оснований принимать за действительность ни ту взволнованную передачу постановлений совещания у Рылеева, которая содержится в показаниях Никиты Муравьева, ни ту его последующую роль спасителя общества от козней Пестеля, которую он себе приписывает (в ходе следствия эта роль ограждала его от многих обвинений и почти полностью парализовала значение сыпавшихся со всех сторон свидетельств об его предшествовавшей близости и единомыслии с Пестелем). В своем январском показании 1826 г. Никита Муравьев утверждает, что на предшествующем его свиданию с Пестелем совещании (таким могло быть лишь совещание у Рылеева) было будто бы принято безоговорочное решение о слиянии обществ, причем все внимание фиксирует на организационной стороне слияния, полностью умалчивая о конституционном вопросе. Простое сопоставление этого показания с многочисленными свидетельствами реальных участников совещания у Рылеева показывает, как неправильна передача решений совещания у Никиты Муравьева. Но когда последующие свидетельства разрушили январскую позицию Муравьева на следствии, доказали прежнюю близость его с Пестелем и даже рукопись «Любопытного разговора» оказалась в руках следователей,— тон показаний о рылеевском совещании становится у Никиты Муравьева совершенно другой. В конце апреля 1826 г. он показывает: «По прибытии Пестеля в Петербург в 1824 году происходило собрание, о котором я ничего положительного сказать не могу, поелику на оном не находился, что Комитету уже известно из прежних моих показаний. Мне объявил к[нязь] Трубецкой, если не ошибаюсь, что на оном положено было слитие в одно обоих обществ, что мне весьма не понравилось с первого даже раза». Понятна пристрастная информация о рылеевском совещании у С. Трубецкого [88].

Встреча Пестеля с Никитой Муравьевым была сначала заполнена, как того и следовало ожидать, спором о конституции. В свете предварительных постановлений рылеевского совещания спор этот уже не мог иметь решающего значения. Но Пестель, упорствуя в своей идее диктатуры временного правительства, настоятельно хотел доказать ее правильность Никите Муравьеву, что не удалось ему. После цареубийства Сенат и Синод должны были объявить, что власть переходит к облеченному диктаторскими полномочиями временному правительству, которое принимает присягу от Сената, Синода и всей России, и «раздав министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам общества, мало-помалу в продолжение нескольких лет будет постепенно вводить новое образование». При этом и в дальнейшем только члены общества облекались бы военной и гражданской властью. Изложенный план Пестеля показался Никите Муравьеву «столь же несбыточным и невозможным, сколько варварским и противным нравственности». Далее Никита Муравьев приписывает своей инициативе созыв собрания, якобы уничтожившего постановление о соединении обоих обществ, но тремя строками он, в некотором

противоречии с этим утверждением, говорит лишь об отсрочке этого соединения на два года. Последнее не отличается принципиально от главных постановлений рылеевского совещания, которые также требовали времени и для создания общей конституции и для выработки общего плана действий. Надо заметить, что и без инициативы Никиты Муравьева предполагалось совещание Думы, т. е. трех директоров,— это и было поручением рылеевского совещания, однако без Никиты Муравьева, как одного из трех директоров общества, оно не могло было быть собрано. На этом первом совещании трех директоров (без Пестеля) Оболенский изложил было свое согласие с пестелевой Конституцией, выслушав возражения относительно невыгод двухстепенного голосования («двойного избирательства») и «общественных имений». Поэтому начальная попытка Оболенского сразу провести «Русскую Правду» как проект объединившихся обществ не только не встретила поддержки, но он сам снял свое предложение. Было принято: получить в письменном виде от Пестеля «Русскую Правду», а от Никиты Муравьева его конституционный проект и составить «нечто общее», избрав «все хорошее и полезное» как из «Русской Правды», так и из Конституции, предлагаемой Никитой Муравьевым «с о в с е м и н а ш и м и з а м е ч а н и я м и». Далее «утвердить сей новый план и предложить Южному обществу». Это предложение и есть рылеевское предложение о проекте третьей конституции, изложенное на совещании у него на квартире, еще несколько смягченное стремлением северян учесть все положительное в проекте Пестеля и самим представить объединенный проект на утверждение Южному обществу. Собрания по рассмотрению этого проекта, сравнению его с южным и по выработке какого-то общего решения и явились бы съездом обоих обществ. Таким образом, директора в основном подтвердили важнейшее решение рылеевского совещания о выработке третьей конституции и о предстоящем съезде обоих обществ [89].

За этим совещанием последовало, как то и надо было предполагать, заседание совместно с Пестелем для обсуждения с ним выработанных директорами условий. Как вспоминает Матвей Муравьев, совещание собралось на квартире Николая Тургенева. Трубецкой показывает, что присутствовали, кроме Пестеля, он, Трубецкой, Никита Муравьев, Оболенский, а также хозяин квартиры Николай Тургенев. Матвей Муравьев упоминает еще себя (но пропускает Трубецкого). Состав присутствующих рисуется поэтому так: Пестель, три директора, «посредник» и хозяин квартиры Николай Тургенев (которого Пестель в этот приезд видел только раз). Тургенев, как и следовало ожидать, выступил против аграрного проекта Пестеля, очевидно, мобилизовав свою экономическую эрудицию. «С Тургеневым имел я также только одно свидание и предмет разговора был разделение земель, против которого он спорил»,— замечает Пестель. Матвей Муравьев показывает: «Н. Тургенев не согласился на принятие плана конституции Пестеля — он никак не хотел допустить разделения земли, говоря, что, не мешая промышленности, земли неприметным образом сами собою разделятся. Мнение Н. Тургенева очень подействовало на всех членов Северной управы». Трудно поверить С. Трубецкому, что на этот раз Пестель подал вид, что отступается от своей Конституции, но последующий ход событий показывает, что, не отступая от ее основных положений, Пестель склонен был сделать уступку лишь в вопросе об учредительном собрании — теперь он убедился, что «Конституцию устроить может только собрание народное». Это положение явно противоречит свидетельству того же С. Трубецкого строкой выше, что Пестель будто бы отказался от республики и признал за благо конституционную монархию. Ясно, что первое свидетельство снимает второе, так как если

признать право народа в учредительном собрании избрать себе форму правления, то нельзя заранее сказать, какою она будет — конституционно-монархической или республиканской, показать это может только голосование. Следовательно, признав право народа самому избрать форму правления, Пестель вынужден был заговорить о возможности победы конституционной монархии, что Трубецкой поспешил выдать за позитивное решение,— только так можно устранить получившееся у него противоречие. Вопрос, однако, полностью уясняется при анализе итогов, подведенных Пестелем петербургским совещаниям, где он признает эту важнейшую свою уступку: «Условие о единодушном действии было заключено со всеми тремя директорами, причем замечались некоторые оттенки: единодушнее всех с к[нязем] Оболенским, а менее всех с Никитою Муравьевым. С Трубецким говорили между прочим, что ежели не республика будет принята, то избрать Александра Николаевича в императоры при регентстве». Следовательно, Пестель уже допускал учредительное собрание и возможность конституционно-монархического решения, принятого не тайным обществом как проект (тут Пестель оставался республиканцем), а Великим собором — как решение депутатов народа, на которое не удалось повлиять. В таком случае уж лучше избрать в императоры шестилетнего ребенка (будущий Александр II родился в 1818 г.) при регенте [90].

Организационные вопросы также были в центре внимания Пестеля. «Я никогда не требовал... от северных членов слепого повиновения одному директору,— говорил Пестель,— а предлагал им составить одну общую Директорию. Они отозвались, что южные директоры назначены непременные, а северные на три года, а потому по окончании сих трех лет можно будет приступить к составлению одной общей Директории. Южный округ имел уже двух непременных директоров, следовательно по одной сей уже причине не мог я предлагать для всего общества только одного. Слепого повиновения я также никогда не требовал, но говорил, что надобно единство в действии и порядок в устройстве общества. Их же директоры жаловались, что нет достаточного порядка за неимением должного влияния у Директории над членами. Честолюбия моего напрасно они опасались, есть ли справедливо что имели сие опасение по словам Рылеева и Поджио, ибо отклонение себя от главных должностей и намерение по окончании революции удалиться от света не суть черты честолюбца». Из этого свидетельства видно, что «соединение» затруднялось структурой обществ и что предложение Пестеля могло лишить северян равенства с южанами в самостоятельном действии. Никита Муравьев очень выразительно и точно передал как свои возражения, так и точку зрения Пестеля: Пестель между прочим жаловался «на различие устройств на Севере и Юге... На юге были бояре, у нас их не было. И потому он предлагал соединить оба общества в одно, признать Боярами главных северных членов, признать в обоих обществах одних и тех же начальников — дела решать большинством голосов Бояр и обязать Бояр и прочих членов слепо исполнять решение большинства голосов». Это предложение Пестеля даже было сначала принято, но потом Никита Муравьев добился отмены решения. Доводом Никиты Муравьева было то, что в Южном обществе «не было никакого противуречия мнениям Пестеля: итак большинство голосов всегда бы было выражением одной его воли. Притом он не определял, сколько именно он мог иметь Бояр, и предоставлял себе право вместе с своими Боярами принимать новых. К тому же я объявил, что никогда не соглашусь слепо повиноваться большинству голосов, когда решение их будет противно моей совести, и предоставлял себе право вытти из общества во всяком случае». Последнее

замечание Никиты Муравьева было явно излишним: этого права — покинуть общество — у него никогда никто не отнимал, им обладал любой член, и речь шла не об этом.

Однако Пестель, кроме того, попрежнему настаивал на организационном слиянии обоих обществ под одним управлением и с обязательством беспрекословного повиновения членов, но это также было сочтено преждевременным — очевидно, до выработки общей конституции. Тогда Пестель вскоре, возможно, через день, посетил Трубецкого с предложением в известном смысле компромиссного решения — сохранить трех директоров, как это было в Северном обществе, и сойтись на реальных кандидатурах: Трубецкой, Пестель, Юшневский. Доводом за Юшневского являлась его... бездеятельность. «Юшневской только одно имя носит члена их правления, но... он просил оставить его в покое и от дел общества удалился, — почему было бы нас действующих только двое». Себе же Пестель освобождал поле действия довольно своеобразным способом: он — в Тульчине, Трубецкой — в Петербурге, расстояние громадное, сноситься по каждому вопросу невозможно, остается одно — заранее согласиться на любые обоюдные действия, выдать, так сказать, один другому carte blanche с предварительным согласием на все. «Каждой из нас, — показывает С. Трубецкой об этом проекте,— даст другому клятву, что он будет согласен на все, что товарищ его будет делать, следовательно, ни один связан другим не будет. Я ему ответил, что на это никак согласиться не могу». Поэтому чрезвычайно важный пункт объединительной платформы Пестеля — создание единой Директории — также не встретил сочувствия [91].

Ясно, что, принимая план учредительного собрания, Пестель не только не отказывался от своего республиканского плана, а, напротив, предвидел возможности энергичной борьбы за него и множество шансов успеха. Его надо было отстоять в Великом соборе, учредительном собрании. От мобилизации сторонников, искусства аргументации, а самое главное — от позитивного содержания его предложений, удовлетворяющих нужды народа, зависело чрезвычайно многое, если не все. Поэтому Пестель еще ни от чего не отказывался по существу и ничего не терял, всецело полагаясь на высокую справедливость предлагаемых им решений.

Матвей Муравьев описывает последнее заседание петербургских совещаний как особенно бурное. Оно состоялось на квартире у Оболенского и, по свидетельству Пестеля, вечером. «Пестель, видя, что никто из членов Северного общества не склоняется на его предложение насчет введения нового порядка посредством временного правления и насчет соединения обоих обществ, ударил по столу и сказал: «Так будет же республика!» (Пестель отрицал этот возглас). Это свидетельство обошло всю литературу о декабристах, но, собственно, ни разу не сопровождалось пояснениями. В чем же состоит логическая связь между приведенным восклицанием и отказом северян действовать через диктатуру временного правительства. Мне представляется возможным данное выше объяснение связи: убежденный в правоте существа своих конституционных положений, Пестель в этой форме изъявил уверенность, что они все равно будут приняты учредительным собранием. Республиканская «Русская Правда» завоюет большинство депутатов народа, даже если будет голосоваться в Великом соборе, а не вводиться путем диктатуры временного революционного правительства [92].

Матвей Муравьев-Апостол рисует это собрание как заключительный акт петербургских совещаний 1824 г., Пестель же свидетельствует, что за ним следовало еще несколько совещаний: «В последующих свиданиях, бывших между мною и теми директорами, особенно с к[нязем]

Трубецким и к[нязем] Оболенским постановили мы действовать заодно, друг другу во всем воспомоществуя, и принимать взаимно приезжающих членов как членов одного общества». Верить в этом расхождении приходится Пестелю. Возможно, что Матвей Муравьев, «весьма сильно» доказывавший необходимость диктатуры временного правительства (свидетельство Пестеля), угнетенный неудачей, не посещал последних собраний. Но петербургские совещания действительно не могли кончиться на полдороге,—необходимо было еще договориться об общем плане действий или даже «Плана действий» с большой буквы, как писали декабристы. В силу этого знаменитое заседание, где Пестель ударил рукой по столу и сказал: «Так будет же республика!», нельзя признать последним. Вопрос о Польше также вызвал серьезные разногласия на петербургских совещаниях 1824 г. Предположение юга отдать Польше русские территории встретило решительные возражения К. Ф. Рылеева. Упомянув, что южными директорами положено было признать независимость Польши и возвратить ей принадлежащие России «провинции» — Литву, Подолию и Волынь, Рылеев показывает: «Я сильно восставал против сего, утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия, что подобные дела должны быть решены на Великом соборе». Мы увидим в дальнейшем, что и это решение К. Ф. Рылеева было признано окончательным и подтверждалось буквально накануне восстания 14 декабря. Доводом Рылеева служила национальная принадлежность основной массы населения указанных «провинций», причем он с большой убедительностью ссылался на язык народа: «Границы Польши, собственно, начинаются там, где кончаются (в подлиннике ошибочно: «кончаться». — *М. Н.*) наречия малороссийское и русское или по-польски хлопское; где же бóльшая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедуют греко-российскую или униатскую религии, там Русь, древнее достояние наше». Никита Муравьев также решительно возражал на петербургских совещаниях против территориальных уступок Польше, ссылаясь на ущерб национальному достоинству России, который будет нанесен подобными уступками. Заодно свидетельство Никиты Муравьева подтверждает, что вопрос о Польше разбирался не только на совещании у Рылеева, но и на заседаниях директоров совместно с Пестелем: «Члены Северной Думы доказывали... Пестелю, сколь мера сия противна духу и самолюбию народа, привыкшего в продолжении двух веков приобретать, а не отдавать области» [93].

Хотя тот же Никита Муравьев, спеша размежеваться с Пестелем и по этому вопросу, утверждает, что глава южной Директории (как и ранее Давыдов) остался на прежней точке зрения, это опровергается дальнейшим ходом событий. Пестель в последующих переговорах с поляками сохраняет это условие с севером и, подтверждая поддержанное всеми решение о независимости Польши, воздерживается от прямых обещаний территориальных уступок. Великий собор мог бы согласиться или не согласиться на них, но до его решений невозможно было давать положительные обещания (как увидим далее, Васильковская управа заняла в этом вопросе несколько иную позицию) [94].

Таким образом, и в польском вопросе победила линия К. Ф. Рылеева.

В обстановке неспокойного внутреннего состояния страны, напряженного международного положения, нередких смотров и передвижений царя и явного брожения в армии, постоянной угрозы быть открытыми правительством могли возникнуть самые неожиданные ситуации, требующие немедленного выступления. Поэтому немаловажным результатом петербургских совещаний была выработка плана действий. Некоторые его практические стороны сопровождались единодушным решением Пестеля и севе-

рян. «Со всеми же тремя [директорами] положено было, что ежели они найдутся в необходимости действие начать, то мы их должны поддержать и обратно они нас,—свидетельствует Пестель.—Если же необходимости не встретится, то перед приступом к действию долженствовало предшествовать взаимное соглашение, по которому решится тогда, где, как и что делать. При сем было говорено и об объявлении через Сенат нового порядка вещей. О сообщении сего заключения прочим членам остался я в безвестности, но сказывали они, что оное будет сделано» (сообщение, действительно, было сделано) [95].

Обратим внимание на определение роли Сената. Мы присутствуем при возникновении того реального плана, попытка реализовать который и была осуществлена в день 14 декабря на Сенатской площади. Следовательно, Пестель вложил немалый вклад в план восстания 14 декабря.

Кроме третьей конституции, в предвидении близости открытого выступления необходимо было составить и сообща утвердить другой важнейший документ — «О способах, предполагаемых к начатию решительных действий». О ходе подготовки обоих Оболенский дает важнейшее и очень точное показание: «Касательно конституции положено было, дабы полковник Пестель, изложив оную письменно, прислал нам для рассмотрения и определения о принятии или отвержении оной; равномерно письменный проект Южного общества о способах предполагаемых к начатию решительных действий. По получении как конституции, так и проекта мы должны были составить свой Проект и Конституцию, приняв от полковника Пестеля все, что нами было бы одобрено, и с мнением нашим обратить Южному обществу для решительного определения о способе действия и принятии конституции» [96].

Показания Никиты Муравьева добавляют важнейшее решение к итогам поездки Пестеля: «Пестель согласился на следующее определение: оставить оба общества в их настоящем положении, сколько помню до 1826 года, а тогда собрать уполномоченных от обоих обществ, которые бы уже согласились в началах и избрали бы вместе общих правителей для всего общества». Другими словами, было принято решение об объединительном съезде обоих обществ в 1826 году.

Все решения, принятые на петербургских совещаниях 1824 г., имели чрезвычайную важность и не могли в силу этого считаться окончательно принятыми по решению только Северной думы, даже если она заседала с представителем Директории Южного общества. Поэтому, в соответствии с уставными правилами, решение было сообщено управам и поставлено на голосование. Оболенский прямо показывает, что «сделанное нами определение в Думе» было предложено «на утверждение всех членов общества». Сам он сообщил об этом решении Нарышкину и Пущину, Рылеев и Николай Тургенев были извещены Пестелем. Кто известил Вольховского, Оболенский точно не помнил,— или Никита Муравьев, или сам Оболенский. Тургенев известил Митькова. «Когда все вообще были извещены о всех сих подробностях, последовало общее решение большинства голосов, о котором выше упомянуто»,— показывает Оболенский. Таким образом, решения петербургских совещаний 1824 г. были приняты правильным образом, по всей форме и имели обязательную силу. С таким же «отобранием голосов» мы встретимся и при выборе диктатора накануне восстания 14 декабря [97].

Итоги петербургских совещаний 1824 г. надо признать весьма значительными, хотя «Русская Правда» как платформа всего декабристского движения и не была принята. Но вызывало решительное несогласие принципиальное отрицание Великого собора и владычество над всей Россией диктаторской власти временного революционного правительства. Побе-

дило предложение рылеевского круга — признание, что выбор формы правления зависит от воли народа, а волю народа должно выразить учредительное собрание. Решение о разработке третьей конституции, выработке общего плана действий и общем выступлении было результатом большого принципиального значения, а решение выступать совместно было принято единодушно.

Глубокое обсуждение вопросов о форме будущего правления, об освобождении крестьян, о земле, о Великом соборе и временном правительстве обняло весь круг основных вопросов программы и тактики и продвинуло общество вперед. Мы встретимся с явными результатами этого обсуждения в дальнейшей жизни общества. Было бы все же неточно называть эти итоги результатом «поездки Пестеля». Это — результаты работы всего общества декабристов над идеей объединения его течений и дальнейшим продвижением вперед его программы и тактики.

8

Передача Пестелю вновь принятого на севере декабриста Николая Лорера была живым и немедленным применением только что принятого на совещаниях принципа общего членства в организациях: принятый на севере Оболенским Лорер, ехавший на юг по переводу в армию, непосредственно передавался Пестелю. В дальнейшем Пестель найдет в нем ревностного члена организации и личного друга, по ряду данных — и секретаря организации. Лорер переводился из лейб-гвардии Московского полка в пестелев Вятский пехотный полк майором. Свидание свое с Пестелем он колоритно описал в своих «Записках». В них зарисован Пестель во время петербургских совещаний, и его портрет заслуживает внимания.

По свидетельству Лорера, свидание с Пестелем состоялось дня через три после того, как Лорер написал просьбу о переводе своем в армию (в Вятский полк); поскольку приказ о переводе датирован 26 марта 1824 г., встреча с Пестелем должна быть отнесена к концу марта [98].

«Не прошло и трех дней, как я получил записку от Е. П. Обол[енского], в которой он меня уведомлял, что П. И. Пестель — в Петербурге и советовал мне к нему представиться, вызываясь сам это сделать на другой день. Я согласился и утром отправился в кавалергардские казармы, где Пестель остановился у своего брата, тогда ротмистра этого полка. Оболенский, тут же находившийся, прямо назвав меня, прибавил: «из наших».

И вот где я в первый раз увидел человека умного, оригинального, игравшего тогда и впоследствии большую роль в нашем тайном обществе и бывшего одним из главных деятелей его. Пестель был небольшого роста, брюнет, с черными, беглыми, но приятными глазами. Он и тогда и теперь, при воспоминании о нем, очень много напоминает мне Наполеона I. На нем был длинный, широкий, армейский сюртук с красным воротником, штаб-офицерскими почерневшими эполетами, лежавшими на плечах более назад, нежели наперед. Сначала он принял меня холодно, но при известии, что я член общества, Пестель улыбнулся и подал мне руку и тут же, как бы кстати, сказал Оболенскому:

«У вас, в Петербурге, ничего не делается, сидят, сложа руки, chez nous au midi les affaires vont mieux *. А об вас я уже давно слышал — и много хорошего, а вы теперь только приняты... Это непростительно Северному обществу. Я думаю, — продолжал он, — скоро можно будет начать дело».

---

* «У нас на юге дела идут лучше».

Быв новичком еще, о многом догадываясь только, и не зная вполне, что это за дело, я помню, что слова его меня тогда и удивили и навели какую-то робость. Мы расстались с тем, чтоб свидеться уже в полку как сослуживцам» [99].

Однако «передача» Лорера Пестелю и вообще постановление об общем членстве не могли исчерпать всех требований Пестеля к подготовке восстания. Петербургские совещания не только не изменили решения Пестеля и южных декабристов иметь свой форпост в северной столице, а скорее даже укрепили его. Южный филиал на севере, организованный в 1823 г. Барятинским, привлекает пристальное внимание Пестеля. Создание этого филиала далеко не ограничивалось простой задачей — показать северянам, что вокруг них есть люди, которые достойны войти в общество и которых северные руководители по «бездеятельности» не замечают. Нет, как и раньше, форпост юга на севере имел прежде всего значение оперативного опорного пункта южан на случай восстания, он органически входил в концепцию «Плана действий», развиваемого Пестелем. Активной силой южного форпоста в Петербурге был Ф. Вадковский, обратившийся к Пестелю по приезде его в Петербург «в надежде получить от него более доверия и прав». Организация и укрепление филиала становилась новой важной функцией «посредника» между севером и югом, представителя последнего — Матвея Муравьева-Апостола, который отмечает желание Пестеля, чтобы Северное общество ничего не знало об этом филиале. Его никак нельзя назвать новой и только что возникшей организацией: новые силы, привлеченные Вадковским (направляемым Пестелем) в кавалергардском полку, вливались в ту форму, начало которой год тому назад уже было положено А. П. Барятинским. Пестель со всем вниманием и даже с сознательной торжественностью открыл заседание петербургского филиала южан. Все завербованные лица были кавалергардами, т. е. в известном смысле однополчанами самого Пестеля, прежде служившего в кавалергардском полку. 24-летний, кавалергардский корнет, горячий и энергичный Федор Вадковский, рвавшийся к действию и к тому же поэт, некогда был воспитанником Московского университетского пансиона, затем служил вместе с братьями в Семеновском полку, и лишь служебный перевод в кавалергарды за несколько месяцев до восстания отвел от него кары, посыпавшиеся на однополчан после известных волнений. Та же связь с Московским университетом была в биографии Ивана Поливанова, кавалергардского ротмистра, бывшего на три года старше Вадковского, приятеля А. С. Грибоедова. Едва ли не самым молодым из них был 20-летний кавалергардский корнет Петр Свистунов, только в прошлом году со скамьи Пажеского корпуса поступивший в кавалергардский полк. 22-летний Иван Анненков, поручик кавалергардского полка (в прошлом студент Московского университета) и 20-летний кавалергардский корнет Николай Депрерадович (сын командира полка) замыкали состав петербургской группы. Несмотря на молодость, у членов группы был свой путь развития вольнодумства не только через университетское учение, но давнее общение с передовой молодежью и страстное чтение книг. В военном отношении Пестель выигрывал в их лице прочные связи с сильнейшим кавалерийским полком столичной гвардии. Кроме перечисленных лиц, на собрании присутствовал «посредник» Матвей Муравьев, который и должен был в дальнейшем явиться их связью с Южным обществом. Пестель торжественно принял вновь вступающих в общество и сделал обстоятельный и проникнутый жаром убеждения доклад о своей конституционной концепции. Он ясно изложил содержание «Русской Правды» и развил положение о необходимости республики. Был обстоятельно выяснен вопрос о неизбежности цареубийства; так как создаваемой группе раньше

всех пришлось бы действовать в Петербурге в обстановке начинающейся революции, вероятность ее участия в акте цареубийства была очень велика. Присутствовавшие ответили полным согласием на все предложения Пестеля. Как всегда в практике декабристов, вскоре после первого собрания, посвященного программным вопросам, последовало (на квартире Вадковского) организационное заседание, на котором Вадковский и Свистунов (подобно Швейковскому) получили высшее звание «бояр» и функции управления филиалом. Пестель позаботился и о письменном изложении программы «Русской Правды» для вновь организованного филиала. Полный текст он обещал прислать позже, а пока дал Матвею для кавалергардов «копию вкратце». Надо предположить, что она излагала именно тот план, который был принят всем Южным обществом на съезде 1823 г. В деле Матвея Муравьева-Апостола сохранилось показание, что после отъезда Пестеля в филиале состоялось заседание, на котором изучалась оставленная Пестелем «копия вкратце», уничтоженная перед обысками и, к величайшему сожалению, не дошедшая до нас.

Петербург в 1824 г. оказался для Пестеля местом самой интенсивной работы над «Русской Правдой», — рукопись под этим названием и начата им в этом году. Работе этой будет посвящена ближайшая глава. Сейчас остановимся на последующих событиях. Уезжая из Петербурга, Пестель сохранял особо крепкую связь с Оболенским — лицом, через которого, по поручению Северной думы, он и должен был поддерживать тесную связь с петербургской организацией. В Оболенском он чувствовал союзника по многим кардинального значения вопросам.

Оболенский показывает, что Пестель во время своего пребывания в Петербурге в 1824 г. «в частных совещаниях со мною находил меня более склонным к соединению обоих обществ и одобряющим более предлагаемую им конституцию, нежели князь Трубецкой и Муравьев, сочлены мои в Думе». Более того, Пестель поручил «князю Волконскому иметь со мною (т. е. с Оболенским. — *М. Н.*) частное по предмету сему совещание». Оболенский добавляет: «При свиданиях моих с полковником Пестелем я ему оказал желание мое соединить Общества нераздельно между собою, — и даже полагал возможным принятие предлагаемой им конституции. Сверх сего я, поистине полагая, что соединение сие необходимо для успешного действия Общества... сколько помню, обещал ему содействовать по возможности к сему соединению. С сими мнениями о мне уехал полковник Пестель».

Погостив у родителей в Васильеве, Пестель отправился обратно на юг, в армию. С ним ехал объемистый манускрипт его «Русской Правды».

По приезде Пестель первым делом заехал к Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину в Белую Церковь и пробыл с ними два дня. Это было свидание с основным ядром тогдашней Васильковской управы. Здесь Пестель сообщил управе о результатах петербургских совещаний.

Перед отъездом из Белой Церкви Пестель, Сергей Муравьев, Бестужев-Рюмин и Тизенгаузен обедали вчетвером у Швейковского,— собрался весь основной актив Васильковской управы: «Прежде, нежели к Швейковскому поехали, просили меня Бестужев и Муравьев в разговоре с Тизенгаузеном прилагать много жару и говорить о начале действия в 1825 году, ибо они мне сказывали, что Тизенгаузен непременно ожидает начала действий в 1825 году, а им для управления Васильковскими членами необходимо, чтобы и я в сем духе говорил с Тизенгаузеном, ибо по его характеру сие им нужно. Посему и исполнил я сие согласно их желанию». Уже это одно говорит о боевом настроении Пестеля, о его желании собирать силы и готовиться к выступлению [100].

Давыдов, Волконский, Поджио, Лорер также узнали о результатах непосредственно от Пестеля. От него же узнал о результатах поездки будущий предатель Майборода, пользовавшийся в тот момент его неограниченным доверием.

У южных членов, информированных Пестелем, сложилось в общем благоприятное впечатление о результатах петербургских совещаний. Заметно, впрочем, что Пестель представил им эти результаты в более благоприятном виде, нежели это было в действительности. «Полковник Пестель, ездивший в Петербург, точно брал с собою сочиненные им законы Русскую правду и насчет будущего образа правления имел с Муравьевым и другими тамошними членами рассуждения, после коих они согласились с мнением его, Пестеля»,— показывает Н. И. Лорер [101]. Сводку показаний дает одна из анкет Следственного комитета, адресованная Пестелю: «По словам князя Волконского и подполковника Поджио северная управа во время бытности вашей в Петербурге в 1824 году приняла преступное предложение Южного общества, в Киеве начатое, а в Каменке у Давыдова утвержденное в 1823 о введении республиканского правления силою и о истреблении всей императорской фамилии... По возвращении вашем из Петербурга в 1824 вы удостоверительно рассказывали младшему Поджио, Лореру и Майбороде..., что хотя в сношениях ваших с северными членами и много встретили сопротивления, но, наконец, вы успели согласить их на все свои предположения, ударив по столу рукою и сказав им решительно: «так будет же республика», и... что хотя также много спорили в Петербурге против написанной вами Русской Правды, а некоторые не соглашались на покушение против жизни императрицы Елизаветы Алексеевны, но силою доводов своих вы убедили северных членов принять вашу конституцию и согласиться на все без изъятия и что Никита Муравьев должен был сжечь конституцию, им написанную». Кое-что тут нужно отбросить как явное преувеличение. Но ясно, что тенденция к увеличению успехов дана была рассказом Пестеля, представлявшего результаты поездки как полную победу.

Последующие месяцы были временем оживленной деятельности Пестеля. Он прежде всего вновь садится за «Русскую Правду» и усиленно работает над ней (ниже будут характеризованы результаты этой работы). Вместе с тем он предпринимает новые организационные меры по укреплению общества, стремясь стянуть к нему максимальные силы.

Глава XII

РАБОТА НАД КОНСТИТУЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ (1824—1825 гг.)

(поздние редакции «Конституции» Никиты Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля)

1

После петербургских совещаний 1824 г. работа над конституционными проектами вступила в совершенно новый этап как на севере, так и на юге. Намеченный объединительный съезд тайных обществ был сильнейшим стимулом работы. Оба проекта, как южный, так и северный, должны были быть готовы к съезду, чтобы на их основе путем подробного обсуждения был создан третий, общий для объединяющихся организаций проект конституции будущей революционной России, с которым было бы можно выступить на Великом соборе — учредительном собрании. На подготовительном же этапе оставалась все же известная возможность доказать преимущества одного из проектов и провести его как программу всей организации, взятой в целом, с его северной и южной «отраслями». Поэтому и для Пестеля и для Никиты Муравьева оставалось широкое поле для борьбы за свои концепции и возникала лишь необходимость учесть те многочисленные соображения, которые роились в уме каждого из авторов конституционного проекта после петербургских совещаний. Второй вариант Конституции Никиты Муравьева (сохранившийся в бумагах Пущина и поэтому иногда носящий в литературе условное название «пущинского») и был написан, как обоснованно предполагает Н. М. Дружинин, осенью 1824 г., после петербургских совещаний [1]. Обязательное условие обсуждения проекта Никиты Муравьева в среде северных членов предполагалось само собой,— принятого проекта северная организация еще не имела, и на будущем съезде было бы нужно отстаивать не личную концепцию одного из членов северной организации, а общий для них проект. Заслуживает внимания та формулировка решения петербургских совещаний о работе над проектом, которую дал Оболенский. Он указал три источника, на основе которых будет построена новая конституция: 1) «Русская Правда» Пестеля, — из нее будет «избрано все хорошее и полезное», 2) Конституция Никиты Муравьева, — из нее «равномерно» будет избрано «все хорошее и полезное», 3) замечания северян на конституционный проект Муравьева (в контексте: «из Конституции Муравьева... со всеми нашими замечаниями») [2].

Теперь понятно, для чего делались письменные замечания на конституционный проект в конце 1824 — начале 1825 г., почему они оформлялись даже в виде отдельных рассуждений (Торсон): это был особый источник для написания третьего конституционного проекта. Из контекста «со всеми нашими замечаниями» явствует, что их было много и

что говорящий эти слова Оболенский предполагал быть в числе их авторов. В устной или письменной форме он сделал эти замечания, мы этого не знаем. Замечания Оболенского не дошли до нас в письменном виде, а может быть, и вообще не были зафиксированы, но, повидимому, они существовали в живом обмене мнений. Не дошли до нас и возражения Рылеева, но их несомненное наличие уже было констатировано выше. Северное общество, особенно рылеевская группа, настойчиво требовало «Русскую Правду» Пестеля в письменном виде. Это было нужно как для «избрания» из нее всего «хорошего и полезного», так и для письменных на нее замечаний. Очевидно — если брать личные свидетельства Оболенского, — его замечания на «Русскую Правду» содержали бы в числе прочих, скажем, и возражения против двустепенности выборов и наличия «общественных имений».

В свете изложенного приобретает особое значение и другое свидетельство Оболенского: он показывает, что в последнее время существования общества занятия северян состояли «более в беседах о состоянии государства, о разных пунктах будущей Конституции, преполагаемой ввести в Отечестве нашем». Очевидно, здесь речь идет именно о подготовительной работе для проекта третьей конституции [3].

Таким образом, оба «лидера» и теоретика движения, Пестель и Никита Муравьев, в сущности почти одновременно сели за письменный стол: сначала оба в Петербурге, один — в богатейшем дворянском доме Чернышевых, другой — в кавалергардских казармах на квартире брата, где он остановился, а потом в Тульчине, в скромной полупоходной квартире армейского офицера. Оба принялись за переработку конституционных проектов в одинаковой и очень своеобразной ситуации, которая сложилась в тайном обществе после петербургских совещаний 1824 г. И тот и другой хотели «соединения» обоих обществ для совместного революционного выступления, и тот и другой понимали, что прошедшие только что совещания двигали вперед их борьбу, как-то приближали к цели и в то же время грозным голосом предупреждали о неготовности общества к действию. Поэтому надо было усовершенствовать основной закон, отразить в нем чаяния передового общественного слоя, сделать точнее, определеннее и притягательнее для участников конечную цель движения, готовясь к решающему «роковому времени», когда надо будет положить текст основного закона на трибуну Великого собора во время доклада депутатам народа.

Поэтому и стали двигаться по бумаге два пера, одно из них держала рука Никиты Муравьева, другое — Пестеля. Поэтому авторская рука и стала откладывать в сторону и там и тут написанные и переправленные листы — Конституции Никиты Муравьева в Петербурге и «Русской Правды» Пестеля (теперь она уже получила это авторское название) сначала в Петербурге, потом на юге.

Нужно всмотреться в эти переправленные и вновь написанные листы. В них — рост и дальнейшее созревание идеологии декабристов.

Всмотримся сначала в то, что пишет в 1824 г. в Петербурге Никита Муравьев.

2

Да, теперь для Никиты Муравьева было ясно, что старый текст его Конституции не подходит к требованиям общества. Он уже испытал гнетущее чувство отставания от идейного движения организации еще тогда, когда в 1821—1822 гг. никак не удавалось вдохнуть настоящую жизнь в Северное общество. А теперь, когда жизнь забурлила вокруг и в сосуды

общества влилась рылеевская кровь, отставание стало совершенно недопустимо в свете интересов дела. Или остаться вне общего движения (этого не допускало вполне живое в Никите существо революционера-дворянина), или идти за общим движением. Выбор был ясен, избиралось второе. Но для этого можно и нужно было продвинуть свою Конституцию вперед, вслед за растущей вокруг жизнью, вновь переработать ее.

Поэтому авторская рука и стала перечеркивать старые тексты, вносить в них изменения и дополнения, переправлять, уточнять, одним словом, по мере возможностей подтягивать отстававший текст к требованиям развивающейся жизни.

Под этим движущимся по старому тексту гусиным пером слегка заколебался даже основной устой системы — помещичья собственность на землю. Ей пришлось слегка поджаться и безвозмездно выделить на долю крестьянской собственности территорию крестьянской оседлости — «огороды» крестьян вместе с их домами, земледельческими орудиями и скотом. Правда, уступки были небольшими, — в этом пункте попрежнему помещичья ограниченность Муравьева проявлялась наиболее открыто. Но все-таки революционер-дворянин немного потеснил помещика, когда на этот раз перо Никиты Муравьева написало измененную формулу и вычеркнуло часть старой. Вот сопоставление обеих редакций:

Старая редакция, найденная в бумагах С. П. Трубецкого (минский вариант, 1822):	Новая редакция, сохранившаяся в портфеле Пущина (1824):
«25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место — за временное прервание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли».	«24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим»[4].

Как видим, старые ограничения в пользу помещиков уже не вошли в основной закон: Трубецкой еще раньше справедливо указал, что «при срочных свободных условиях сие постановление не нужно». Но никак нельзя изменение этого важнейшего устоя приписать только воздействию Трубецкого. Новая редакция создавалась после петербургских совещаний, после жарких споров об аграрном проекте Пестеля, после разностороннего обсуждения аграрного закона, в котором принимали участие многие северные декабристы (несомненно, и Рылеев, столь подробно входивший в обсуждение закона о земле, предложенного в «Русской Правде») и сам Пестель. Исчезло и «вознаграждение», которое должны были платить крестьяне помещикам за уход в другую местность. Собственность на крестьянский двор отныне должна была стать экономической силой, держащей крестьянина вблизи помещичьего имения. Признание дворов частной собственностью крестьян влекло за собой, разумеется, право продажи, заклада, завещания двора. Это облегчало мобилизацию населения и объективно слегка приоткрывало двери капиталистическому процессу пролетаризации. Однако именно эта связь с помещичьим имением при крестьянском малоземелье продолжала создавать условия для «прусского пути» капиталистического развития и предоставлять помещику в лице живущих близ имения крестьян дешевых батраков для капи-

талистического помещичьего хозяйства и дорогих арендаторов барской земли. Земля, на которой жили экономические, удельные крестьяне и вольные хлебопашцы (освобожденные по закону 1803 г.), признавалась их собственностью и предоставлялась им в общественное владение. Однако это положение, так же как и в первом варианте, признавалось временным, пока последующие законы не определят, каким образом будет произведен раздел общественной земли, поступающей после этого в частное владение крестьян. Эти разряды крестьян оказывались поэтому в лучшем положении, нежели помещичьи крестьяне. Но все же шаг вперед был, несомненно, сделан [5].

Под натиском как северных, так и южных критиков заколебался далее и столь важный устой старой избирательной системы Никиты Муравьева, как имущественный ценз. Очевидно, возражения против «ужасной аристократии богатств» были продуманы и в какой-то мере приняты Никитой Муравьевым. Имущественный ценз как условие русского гражданства, столь дружно атакованный всеми декабристами, от Пестеля до Сергея Трубецкого, претерпел серьезные изменения. Пятая статья «пущинского» варианта, перечисляя тех, кто является гражданами Российской империи, полагала:

«Чтоб быть Гражданином, необходимы следующие условия: 1) не менее 21 года возраста, 2) известное и постоянное жительство, 3) здравие ума, 4) личная независимость, 5) исправность платежа общественных повинностей, 6) непорочность перед лицом закона». Это было все, — других общих требований уже не было. Сопоставляя этот пункт с минской редакцией Конституции, мы видим, что в новой редакции имущественный ценз вычеркивается из обязательных предпосылок русского гражданства [6].

Авторское перо заколебалось, когда подошло к дальнейшей разработке активного и пассивного избирательного права. Хорошо, — пусть с тех, кто будут считаться гражданами, не надо спрашивать доказательств их материальной обеспеченности. Но с тех, кого выбирают, с кандидатов в депутаты — неужели же ее не спрашивать? И с тех, кто будет выбирать наиболее ответственных государственных деятелей, — тоже не спрашивать? Тогда начинал колебаться в представлении Никиты Муравьева уже весь будущий политический строй, твердо стоявший на имущественном устое, вверявший руководство жизнью страны не безграмотному бедняку, от которого всего можно ожидать, а солидному, более или менее образованному, устойчивому собственнику. А с тех, кто выбирает,— во всех ли случаях снять в соответствии с тем же мотивом требования ценза? Это представилось автору Конституции невозможным. Никита Муравьев не посягнул на высокий имущественный ценз для «верхних этажей» правительства и вместе с тем вновь открыл двери цензу при определении активного избирательного права. Он лишь несколько смягчил и довольно сильно упростил прежнее положение, в чем, несомненно, сделал уступку более демократическому течению. Будут составляться только два списка граждан: в один будут вноситься капиталисты, имеющие не менее 60 тыс. руб. движимого имущества, а также помещики или вообще владельцы недвижимости, обладающие имением ценностью не менее чем в 30 тыс. руб.; во второй список включаются граждане, которые обладают сравнительно небольшой недвижимостью, стоимостью не менее 500 руб. сер. или движимостью на 1000 руб. (в этот же список попадал, например, также и помещик, чье имение оценивалось, скажем, в 29 тыс. руб. сер., или капиталист, владеющий, скажем, капиталом в 59 тыс. руб.). В депутаты Верховной думы, в правители и наместники держав, в уездные тысяцкие, в члены державных дум и державных судов, т. е. во

все «верхние этажи» власти, всюду, где осуществлялось наиболее реальное и ответственное руководство жизнью страны или ее больших федеративных автономных территорий, избирались попрежнему только богатые. Вся власть — богатым! От этого никак не могло отступиться политическое сознание Никиты Муравьева. Но граждане второго списка все-таки теперь имели право голосовать при избрании в депутаты (т. е. фактически имели право выбрать более или менее «подходящее» лицо в фиксированном ряду капиталистов и земельных магнатов), а также получали право быть присяжными. Все-таки был сделан небольшой шажок по пути к демократизму по сравнению с минским вариантом. Устранилось требование имущественного ценза для избираемых в нижние палаты общесоюзного парламента и нижние палаты державных парламентов. Но более высокие цензовые нормы попрежнему охраняли классовые преимущества собственников для избрания в члены державных дум и державных судов. Лишь к участию в выборах самой низшей должности всей лестницы нового управления — волостного старейшины — были допущены «все граждане без различия и изъятия».

Вместе с тем к гражданским свободам Никита Муравьев прибавил свободу составлять гражданам «всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения». Но это еще не все: список «свобод» дополнительно расширился новой формулировкой о религиозной веротерпимости и исчезновением политических прав духовенства. Был прямо сформулирован принцип религиозной веротерпимости, которого не было в минском варианте. «Никто не может быть обеспокаиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности», — приписал Никита Муравьев последний — 42-й — пункт в конце III главы своей Конституции. В новую редакцию включилось и право петиций. Граждане получили право обращаться со своими жалобами и желаниями к Народному вече, императору и правительствам держав [7].

В практическом применении федеративного принципа (который был сохранен, несмотря на все возражения Пестеля и южан) появилось большее внимание к учету национальных особенностей территорий. Н. М. Дружинин справедливо отмечает этот момент в сосредоточении в Ботнической державе сплошной территории Финляндии, в новых границах Балтийской державы, получившей более точные национальные границы прибалтийских народов [8]. В новом варианте уже не Нижний Новгород, а Москва объявлялась столицей будущей Федерации и вместе с тем центром Московской области (отпала прежняя «Окинская держава» с Москвой в качестве областного центра). Был произведен еще ряд поправок и уступок, не лишенных принципиального значения и свидетельствовавших о той же линии движения к демократизму. Однако сближение с наиболее демократическим декабристским вариантом оставалось чрезвычайно относительным и особые черты «прусского типа» развития потеряны не были.

Осенью 1824 г., когда новый вариант Конституции Никиты Муравьева был закончен, он был пущен по рукам для ознакомления, и уже к концу года, по обоснованной датировке Н. М. Дружинина, на его полях и в качестве отдельных рукописей возникли многочисленные критические замечания членов Северного общества.

Копия нового варианта, переписанная, повидимому, рукой Рылеева, оказалась в распоряжении Штейнгеля, Николая Бестужева и Торсона. Последние два были моряками. Как справедливо предполагает Н. М. Дружинин, Рылеев вручил в их лице проект Конституции будущей

опорной ячейке тайного общества в Кронштадте — форпосте столицы. Роль острова Леона, откуда началась испанская революция, могла быть суждена Кронштадту. Работа над созданием морской группы Северного общества была результатом инициативы К. Ф. Рылеева.

По строкам новой рукописи муравьевской Конституции (очевидно, старательно несколько раз скопированной членами тайного общества) забегали внимательные глаза. Копия К. Ф. Рылеева вызвала замечания Штейнгеля, Николая Бестужева, Торсона. Но невозможно на основании сохранившегося документа утверждать, что новый текст Конституции читали только эти лица. Не говоря уже о Рылееве, который делал свои замечания на конституционный проект в устной форме (об этом говорилось выше), мы знаем, что проект читали и критиковали другие декабристы: И. И. Пущин, С. Кашкин и, конечно, Е. Оболенский, а также, вероятно, еще некоторые северные члены тайного общества. Но, к сожалению, их замечания и поправки не дошли до нас, поэтому мы можем судить об общем характере критики только на основании сохранившихся данных.

Необходимо признать, что преобладающее количество критических замечаний атаковало новый текст конституционного проекта попрежнему «слева». Конституция Никиты Муравьева и в новом своем варианте 1824 г. давала народу, по мнению северных декабристов, недостаточно прав, — надлежало сделать ее демократичнее. Около явно продвинутого вперед пункта о признании собственностью поселян домов с огородами Николай Бестужев кратко, но выразительно написал чернилами: «Ежели огород, то земля». Он стоял за наделение крестьян землей, и невозможно предположить, чтобы его братья Михаил и Александр, не говоря уже о ближайшем друге — Рылееве — были другого мнения. Очевидно, это замечание и выражало мнение рылеевского течения, которое к концу 1824 г. стало явно преобладающим [9].

Важнейший «устой» — имущественный ценз — был решительно атакован Штейнгелем: около пункта о высоком имущественном цензе и о двух списках граждан Штейнгель кратко, но сильно написал: «Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законами нравственными». В разделе об императорской власти один из пунктов муравьевской Конституции утверждал, что император есть «Верховный начальник сухопутной и морской силы». Штейнгель разумно и сильно возразил: «Худо вверять такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе». Это великолепное замечание глубоко характеризует расхождение между автором Конституции и другими членами по линии понимания монархической стороны конституционного проекта, а стало быть, и борьбы с самодержавием.

«Никакой должностной человек в службе общественной находящийся не может быть членом ни той ни другой Палаты, пока он будет сохранять свою должность», — гласила Конституция Никиты Муравьева. Иначе говоря, практически подавляющая масса служащих исключалась бы из русского «парламента» (обеих палат). Этот весьма существенный пункт был дружно атакован как Штейнгелем, так и Николаем Бестужевым: «Ежели членами палат будут одни не служащие обществу * — это обида для тех, которые служат ему и не имеют права вступать в распоряжение». Дальнейшее развитие той же мысли в следующем пункте Конституции вызвало замечание Николая Бестужева: «Ежели будет

* В данном случае явно имеется в виду не тайное общество, а вообще общество, совокупность граждан данного государства.

(много? — *М. Н.*) злоупотреблений по службам — не должно ли бы сих служб иметь своих представителей?»[10].

Пункт, где говорилось о председателе Верховной думы, вообще лишал его права голоса в прениях, превращая его в торжественно-формального регулятора обсуждений, делая в сущности мертвой фигурой парламента. «Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет голоса», — утверждал конституционный проект Никиты Муравьева. «За что лишить силы ума достойного человека, избранного Думою?», — остро опровергал этот немаловажный пункт Николай Бестужев.

Насколько внимательно вникал Николай Бестужев в существо предложений Никиты Муравьева, видно из одного на первый взгляд «мелкого» замечания. Пункт 40-й конституционного проекта 1824 г. гласил: «Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей». Николай Бестужев приписал: «Полицейский надзор, но не пожарная команда». Иными словами, он напоминал, что в составе полицейского надзора имеются пожарные команды, — ликвидировать их и замещать вновь избранными работниками не надо: пожарные должны сохранить непрерывность своего действия, разгонять старых полицейских и выбирать на их место новых надо только по линии полицейского надзора. Очевидно, Николая Бестужева встревожило, что в период «рокового времени» города могут остаться без пожарной охраны, которая также будет переизбираться наравне с чинами полицейского надзора. Это, действительно, могло бы привести к бедствиям и облегчить контрреволюционные акты, — ведь огромная часть городских строений была деревянной, пожары в старой России были нередким явлением и наносили огромный ущерб даже в «мирное время», а в столь напряженное время, как в революционное, в самый момент перехода правительства из одних рук в другие это могло представить собой еще бо́льшую опасность. Поэтому оговорку Н. Бестужева надо признать разумной и заботливой[11].

Обстоятельное рассуждение о Конституции было отдельно написано декабристом К. П. Торсоном (не в виде замечаний на полях текста, а в виде особой рукописи). Торсон также атаковал основной «устой» политического мировоззрения Никиты Муравьева — имущественный ценз, или, говоря декабристским термином Южного общества, «аристократию богатств»: «... Как предупредить, чтобы купец или мужик с большим богатством не вошел в сонм верхо́вных судей, тогда как умнейшему, опытнейшему и поседевшему в государственных делах человеку дверь в палату остается закрытою потому только, что он не имеет достаточного для сего капитала?», — спрашивал Торсон. И продолжал свое рассуждение: «Конечно, никто не может доказать, чтоб мужик не был способен рассуждать, но многие ли из них могут занять место столь важное, и что последует из верхней палаты, есть ли в ней половина членов будет собрана из людей только богатых, а не таких, которые своим умом, добродетелями, опытностью и любовью к отечеству должны представить собою римский сенат во времена Пирра...». Как видим, богатый деревенский кулак как фигура управления не только не прельщал, но по нескольким причинам тревожил Торсона. Имущественный ценз никак не казался критику гарантией политической мудрости. Напротив, бедность (он так прямо и говорил о ней), по его мнению, ничуть не мешала праву управления страной через систему народного представительства: «Не справедливее ли будет, есть ли в члены верховной палаты единожды, по общему выбору назначить людей с помянутыми качествами, поместя в оные некоторых хотя бедных, но заслуженных и определя их число...»[12].

Вероятно, и другие замечания читателей нового проекта — замечания, до нас не дошедшие, нападали на проект примерно с тех же позиций.

Во всяком случае дальнейшее движение проекта Никиты Муравьева явно говорит об этом.

Обращает на себя внимание чрезвычайная хронологическая близость двух последних вариантов Конституции Никиты Муравьева: «пущинского», датируемого осенью 1824 г., и последней «вольной» редакции, созданной ранее 12 сентября 1825 г. Процесс обсуждения новой («пущинской») редакции и получения замечаний от членов Северного общества не мог быть завершен ранее первой половины 1825 г., поскольку именно в это время принят в члены общества Торсон. Следовательно, новая редакция возникает в результате спешной работы, примерно в рамках летнего периода 1825 г. — до сентября. Она также размножается и дается для чтения членам, а не хранится как черновик для последующей неспешной авторской работы. Не являлась ли эта третья редакция текстом, подготавливаемым к обсуждению на съезде 1826 г.?

Все происшедшие события в жизни Северного общества своеобразно отразились на Никите Муравьеве. Конечно, роль его в обществе сильно поколебалась после сговора о «соединении» и явного и широкого признания неудовлетворительным его последнего конституционного варианта. На петербургских совещаниях 1824 г. явно победило рылеевское течение. От Никиты Муравьева потребовали новый переработанный конституционный текст,— но для чего потребовали? Для того чтобы новый его вариант стал лишь материалом для третьей конституции. Конечно, у бывшего идейного вождя северной организации оставалась та же теоретическая возможность, которая была и у Пестеля: во время будущего объединительного съезда обществ доказать преимущества своей Конституции и добиться одобрения своего проекта как проекта всей организации. Однако уже петербургские совещания 1824 г. доказали явную нереальность подобных надежд. Но жизнь тайного общества, кипевшая вокруг Никиты Муравьева, влекла его вперед, к дальнейшему движению по пути к демократизму, и, надо сказать, он прислушивался к ее голосу и хотя и отставая, но шел за ней. Получив замечания на проект 1824 г., он вновь сел за работу над своей Конституцией, вновь замелькало перо над текстом, перечеркивая, исправляя и дописывая знакомые формулировки. К его чести, он успел кончить свой новый — третий — проект и осенью 1825 г. вручил его членам Северного общества. Это совершилось как раз перед отъездом Никиты Муравьева из Петербурга, и поскольку отъезд этот датируется 12 сентября 1825 г., конституционный проект был, следовательно, закончен ранее этого срока.

В подлинном виде этот так называемый «третий» вариант — последний, написанный на воле, не сохранился. Но, вероятно, в измененном виде (измененном, конечно, в данном случае в худшую, а не в лучшую сторону) проект отчасти дошел до нас в четвертом — тюремном — варианте Конституции, записанном Муравьевым по требованию Следственного комитета. Конечно, камера Петропавловской крепости и крепкие тюремные засовы никак не могли содействовать дальнейшей радикализации проекта, но все же и тюремный вариант донес до нас некоторые следы движения вперед этого важного идеологического документа движения декабристов. Мы должны попытаться рассмотреть интересующий нас текст третьей редакции 1825 г. через искаженные черты тюремной записи.

В тюремном варианте Никита Муравьев вновь переделал один из кардинальнейших пунктов своей Конституции — о собственности на землю, изменил избирательный ценз и реализовал еще некоторые существенные переделки. Сопоставим опять пункты о земельном наделе:

Вариант 1824 г., сохранившийся в портфеле Пущина.	Тюремный вариант 1826 г., отразивший текст Конституции, написанной в 1825 г.
«24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим» [13].	«Крепостное состояние отменяется. Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины на каждый двор для оседлости их» [14].

Как видим, пресловутое муравьевское положение «земли помещиков остаются за ними», обошедшее всю литературу о декабристах, довольно существенно изменилось к осени 1825 г. под натиском более демократического течения и в результате собственных размышлений автора. Разумеется, и теперь львиная доля земли помещиков фактически оставалась в их распоряжении, но мысль о крестьянской доле земли возобладала и исчез даже самый тезис «земли помещиков остаются за ними», хотя тезис этот мог бы своим «благоразумием» несколько порадовать душу следователей-крепостников. Но Никита Муравьев устоял перед этим соблазном. Исчезновение тезиса замечательно: не только более демократическое декабристское течение, но и обездоленное русское крестьянство наступало на политическое сознание и совесть дворянина-революционера, теснило барина в революционере. Сначала домá, скот, инвентарь, потом и огород, а потом и две десятины земли отхлопотали себе крестьяне... Что было бы дальше? Но дальше за автором Конституции захлопнулась дверь тюремной камеры, и ответить на этот вопрос мы не можем.

Было бы неправильно, однако, обойти молчанием напрашивающийся вопрос, насколько точно передает тюремный вариант редакцию 1825 г. Ясно, что введение земельного надела не могло быть сделано в интересах следствия,— раз оно возникло в тюремной обстановке, значит, наделение землей в редакции 1826 г. существовало. Можем ли мы с уверенностью защищать положение, что размер надела, указанный в тюрьме, точно соответствовал редакции 1825 г.? Не располагая сравниваемым документом, мы не можем со всей точностью ответить на этот вопрос, его надо оставить открытым.

Как истолковать слова «для оседлости их» при указании на двухдесятинный надел? Сопоставляя это выражение с последовательно проведенным через все редакции Конституции Никиты Муравьева отрицательным отношением к крестьянской общине, надо признать, что, как правило, речь идет не о где-то в отдалении от крестьянского «огорода» нарезанном полевом наделе, а скорее о двухдесятинном хуторе, внутри которого находятся крестьянский двор, надворные постройки и упоминавшийся ранее огород. Никита Муравьев представлял себе крестьянское хозяйство будущей России как мелкое хуторское хозяйство.

В тюремном варианте отсутствует вопрос о круге прав и обязанностей императора, не характеризован крайне суженный Конституцией объем его прерогатив и почти полное неучастие в законодательстве. Причины этого исчезновения в обстановке допросов и тюрьмы вполне понятны. Не раскрыта опаснейшая в данных условиях тема — военная реформа. Подобные пропуски ярко свидетельствуют о разнице содержания между последней, «вольной» редакцией 1825 г. и четвертой, «тюремной» редакцией 1826 г.

Имущественный ценз еще раз уменьшился. Было совершенно устранено цензовое неравенство между землевладельцем и капиталистом (т. е. между владельцем недвижимой и движимой собственности), было расширено избирательное право: ценз дошел до «минимума в 500 руб. серебром» при одновременном увеличении максимальной нормы для верхней палаты. Предположение о том, что якобы под влиянием Торсона были расширены полномочия наследственного монарха, сильно сомнительно. Какой уж тут Торсон,— не отдать ли преимущество грозной и всевластной фигуре нового самодержца, отчетливо обрисованной за членами Следственной комиссии? Монарх, чьи права «увеличивал» тюремный вариант Конституции, ведь сам был и тюремщиком, и следователем, и верховным судьей автора проекта. Пожалуй, в этой обстановке Никите Муравьеву было не до Торсона...[15].

Но в тюремном варианте не отразились еще некоторые существенные решения Никиты Муравьева, имеющие непосредственное отношение как к его Конституции, так и к его своеобразной позиции, занятой им в результате сговора обоих обществ. Речь идет об окончательных «предположениях» Никиты Муравьева, изложенных им уже на позднем этапе следствия 27 апреля 1826 г.

В этот день Никита Муравьев получил ряд вопросов, связанных как раз с «соединением» Северного и Южного обществ. Следственный комитет, напоминая об усилиях Директории Южного общества употребить меры «к решительному преклонению» членов Северного на принятие республики и цареубийства, спрашивал, кем, где и когда было сообщено Никите Муравьеву вышеприведенное решительное намерение, не говорил ли о том с ним Николай Тургенев, кто еще разделял это мнение? Все вопросы тяготели к узлу «объединительных» споров, начавшихся с 1824 г., и тут же, на основе показания Матвея Муравьева (имя которого осталось неупомянутым), перечислялся следствием в качестве улики ряд имен северных декабристов, склонившихся к республике (Н. Тургенев, Оболенский, Рылеев, Александр Бестужев, Вал. Голицын, Митьков, Поливанов, Федор Вадковский, Свистунов, Анненков и Депрерадович). Никита Муравьев дал на все обстоятельный ответ, ведя изложение в историческом плане, начав «издалека» — с событий 1820 г. и постепенно продвинувшись к 1824 г. и приезду Пестеля. Подробно изложив переговоры, связанные с приездом последнего, доводя их до конца, Никита Муравьев так — с большой смелостью — подводил итоги:

«Изложив все мое поведение в сем случае, мне остается представить мои предположения. Я полагал:

1-е. Распространить между всеми состояниями людей .множество экземпляров моей Конституции, лишь только оная будет мною окончена.

2-е. Произвесть возмущение в войске и обнародовать оную.

3-е. По мере успехов военных, во всех занятых Губерниях и Областях приступить к собранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению Областных палат, а в случае великих успехов и Народного Веча.

4-е. Если б и тогда императорская фамилия не приняла Конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления»[16].

Существенен вопрос о датировке этого решения в период действия тайного общества. Встретившись с прямым вопросом следствия о цареубийстве и республике («... оставались ли вы в убеждении о необходимости введения в России республики и с уничтожением царствующей фамилии?»), Никита Муравьев, попрежнему решительно размежевываясь с Пестелем, открыл свой окончательный план. Текст этого ответа цитируется в литературе, как правило, без попыток датировки и анализа содержа-

ния, просто как некая общая позиция Никиты Муравьева, будто бы характерная даже для раннего этапа его работы над Конституцией. Но гораздо правдоподобнее предположение, что это позднее решение Никиты Муравьева, принятое им в результате «соединения» Северного и Южного обществ и споров с Пестелем.

Изложенные «предположения» возникли никак не ранее приезда Пестеля, а укрепились явно после его отъезда, поскольку Пестель как раз в личном разговоре с Никитой Муравьевым еще спорил в 1824 г. против начатков этого плана. В необходимости датировать план только 1824—1825 гг. и никак не более ранним временем убеждает и столь важный в этом вопросе документ, как воспоминания А. М. Муравьева, брата Никиты, сделанные на основе записей последнего на полях книг и, разумеется, также на основании многочисленных разговоров с братом в сибирский период о минувших революционных событиях. Александр Муравьев свидетельствует тут, что брат его объявил себя республиканцем перед Следственным комитетом. Значит, Никита Муравьев хорошо помнил означенное показание и придавал ему большое значение [17].

Обращает на себя внимание отсутствие в этом плане указания на учредительное собрание. Не упомянутое тут прямым образом, временное правительство явно предполагается в замысле: кто объявил бы собрания избирателей «по мере успехов военных», чья власть заставила бы избирать именно тысяцких, приказала бы выбирать именно областные палаты и не одну, а две и определила бы границы «областей», т. е. держав? Отсюда следует, что на последнем этапе своей деятельности в обществе Никиту Муравьева, повидимому, также посетила мысль о диктатуре временного правительства.

Но не противоречит ли этому то обстоятельство, что Никита Муравьев вводит в текст последнего (в данном случае тюремного) варианта особый отдел «О изменениях Устава»? В этом тексте как раз говорится о правилах созыва «Народного Собора», имеющего право «усовершенствовать или вовсе отменить» предложенную Муравьевым Конституцию. «Если б нашлась необходимость изменить, усовершенствовать или вовсе отменить сей Устав,—читаем мы тут,—то Народное Вече объявляет сие посредством обыкновенного закона и созывает в Столице или в другом каком-либо Городе на сей предмет Народный собор», равный по числу депутатов Народному вече и назначенный «теми же избирателями». Мы вправе отсюда сделать заключение об имущественном цензе избирателей,— ведь он не отменен и в последнем, «тюремном» варианте. Ведь «класс Избирателей», по последнему варианту Конституции, составляют лишь те жители, которые при прочих требованиях (непорочность перед законом, здравие ума, совершеннолетие и ненахождение в услужении при ком-либо) имеют «движимого или недвижимого имения на 500 серебряных рублей». Следовательно, значительная масса русского крестьянства все же исключается при этом из числа избирающих (не говоря уже об избираемых!) в Народный собор,— где уж им иметь имущества на 500 серебряных рублей! Далее подробно описывается, как должен созываться Народный собор, как потом его проект поступает на утверждение областей, т. е. держав (следовательно, эти области также уже должны предварительно существовать).

Кто же созывает этот Народный собор? Народное вече. Откуда же берется Народное вече? Оно избирается на основе Конституции Никиты Муравьева. Стало быть, оно предшествует Народному собору, сначала должно существовать именно оно, а потом в «случае надобности» усовершенствовать или вовсе отменить Конституцию Никиты Муравьева может быть собран Народный собор. Без Народного веча, т. е. россий-

ского парламента, следуя и духу и букве разбираемого текста, невозможно собрать новое народное собрание — Народный собор, который полномочен совершить указанные перемены. Таким образом, если предпосылкой созыва Народного собора является наличие русского парламента, то назвать этот Народный собор учредительным собранием можно лишь с очень серьезными оговорками. Муравьев хотел на последнем этапе своей деятельности в тайном обществе ввести свою Конституцию через распространение «великого множества ее списков», а в конечном счете, как он сам говорит, «силою оружия». В случае сопротивления дома Романовых объявлялась республика. Стало быть, республика, вводимая при указанных условиях, должна была фигурировать в конституционном проекте 1825 г., но, по причинам, вполне понятным, Никита Муравьев не включил ее в свой тюремный текст. Последний был им закончен 13 января 1826 г., а 27 апреля, через три с лишком месяца, Никита Муравьев имел мужество признаться перед Следственной комиссией в своих конечных республиканских решениях. Поэтому его важнейшее показание от 27 апреля 1826 г. должно, на мой взгляд, вносить коррективы в его тюремный вариант и учитываться при восстановлении по этому тюремному варианту утраченной редакции 1825 г.

Явно выраженная линия на «полевение» конституционного проекта Н. Муравьева, несомненное воздействие на него конституции южных декабристов и приближающегося срока для открытого выступления требуют, на мой взгляд, некоторых поправок в установившуюся периодизацию его политической эволюции. Если время с 1816 по осень 1820 г. действительно можно назвать «периодом революционных стремлений» в политической биографии Никиты Муравьева, то вызывает некоторые сомнения отнесение всего последующего развития (с 1820 по 1825 г.) к одному периоду «борьбы за умеренную программу». Этот период поглощает без каких бы то ни было внутренних подразделений всю работу над Конституцией с начала до конца. Отчетливая поступательная линия в развитии ее редакций, движение по направлению ко все более демократическим установкам остаются вообще неотмеченными и плохо покрываются понятием «борьбы за умеренную программу» [18]. Лучше было бы вместить его работу над конституционными проектами не в один период (при этом она вообще остается не периодизированной), а в два периода: первый охватил бы время с осени 1820 по 1823 г., а второй — с 1824 по 1825 г. Таким образом, минская редакция Конституции вместе с ее обсуждением в Северном и Южном обществах была бы отнесена к первому периоду, а петербургская редакция 1824 г. с последующим ее обсуждением вошла бы во второй период. Петербургские совещания 1824 г.— стимул возникновения позднего пестелевского, как и последнего «вольного» муравьевского варианта, являются рубежом, отчетливо разделяющим оба периода.

Дописав свой последний «вольный» проект 1825 г., Никита Муравьев вручил копию его Оболенскому и Одоевскому в Петербурге, другую передал, проезжая Москву, Пущину, Митькову и Нарышкину, а может быть, и Фонвизину, которого он вызвал в Москву для свидания. С Фонвизиным он переговорил еще раз об отклонении опасного предложения Якубовича о цареубийстве и отправился в Орловскую губернию, в имение жены. Может быть, он, покинув столицу не совсем в урочное время (в сентябре), хотел предоставить членам общества на полной свободе обсудить свой проект в отсутствие автора? В Тагине—имении Чернышевых он и был арестован. Но его не извлекли из орловского имения никакие слухи ни о болезни, ни о смерти императора, никакие признаки приближающихся решительных событий. На этом этапе он, прежний лидер движения, оказался на отлете и потерял связь с руководящим центром [19].

Арестовали его сравнительно поздно. Фельдъегерь привез его из орловского имения в Москву, и тут 23 декабря 1825 г. «в 9-ом часу утра», в доме московского генерал-губернатора ему был объявлен арест. В 9 часов вечера того же дня его отправили в Петербург, куда он прибыл в первый день рождества — сначала на главную гауптвахту, а 26 декабря 1826 г. за ним уже захлопнулись двери каземата № 4 в Петропавловской крепости, в бастионе царицы Анны Иоанновны [20].

3

Новый этап работы Пестеля над «Русской Правдой» начался даже не после петербургских совещаний 1824 г., а скорее во время этих совещаний. Жизнь двигала вперед и концепцию Пестеля. Но эволюцию его конституционного проекта невозможно изложить, не остановившись на некоторых особенностях его рукописи и истории ее изучения.

На следствии Пестель дал обширное и чрезвычайно важное для исследования вопроса показание о составе «Русской Правды». Она должна была состоять из 10 глав. «Первая глава рассуждала о границах государства и о разделении земельного оного пространства на области, областей на округи или губернии, округов на уезды, уездов на волости, и определяла значение и состав Волостей. Вторая глава рассуждала о жителях России, разделяла оные на Коренной народ Русской и на Племена подвластные и присоединенные и, указывая на средства, коими можно слить все сии различные оттенки в один общий состав таким образом, чтобы все жители России через некоторое время составляли истинно только один народ. Глава третья рассуждала о всех различных сословиях, в государстве обретающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждого из оных и представляя меры и действия, которые бы надлежало с каждым из оных предпринять, дабы слить все сословия в одно общее сословие Гражданское. Глава четвертая рассуждала о политическом или общественном состоянии народа, о правах гражданства, о равенстве всех перед Законом и об образе, коим устроивался представительный порядок в избирательных собраниях. Глава пятая рассуждала о гражданском или частном состоянии народа, то есть о главнейших правилах и постановлениях так называемого гражданского частного права в отношении лиц, имуществ и взаимных между граждан сношений. Глава шестая долженствовала рассуждать о верховной власти и быть написана вдвойне: одна в монархическом, а другая в республиканском смысле. Любую можно было бы избрать и в общее сочинение включить. Глава седьмая долженствовала рассуждать об образовании правительственных мест и начальств в волостях, уездах, округах и областях, а равно и представить общее учреждение министерств, доказывая, что оных должно быть десять, не более, не менее. Глава осьмая долженствовала рассуждать о частях правления, устроивающих государственную безопасность, как внешнюю, так и внутреннюю; то есть об Юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах и морских силах; говоря при том особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. Глава девятая долженствовала рассуждать о частях правления, заведывающих общественным благосостоянием, то есть о Финансах, народном хозяйстве или внутренних делах, просвещении и учебной системе, духовных делах и общем делосводе; говоря подобным же образом особенно о каждой из главных отраслей каждой из сих частей правления. Глава десятая, наконец, долженствовала содержать род наказа для составления общего государственного Свода Законов или Уложения и предста-

вить главнейшие правила или так сказать оглавление (Sommaire) сего полного и общего Государственного Уложения»[21].

Показание это Пестелем дано было в январе, в начале следствия. Несколько выше, в ответ на тот же вопрос следственной анкеты, Пестель выразил уверенность, что «Русская Правда» уничтожена, так как он приказал Крюкову 2-му, передавая ему в конце ноября запечатанные им рукописи, «в случае опасности предать огню». «Что же он с оными сделал, я не знаю, но полагаю, что их истребил». В действительности же «Русская Правда» в тот момент еще была зарыта в украинской земле, близ села Кирнасовка, «под берег придорожной канавы», и следствие получило ее лишь в феврале (6 февраля 1826 г. помечен рапорт штабс-ротмистра Слепцова, производившего для следствия поиски рукописи «Русской Правды» и сообщавшего об извлеченном из земли пакете). Поэтому 13 января (дата следственной анкеты) и в ближайшие дни, когда Пестель писал свой ответ, он чувствовал себя довольно «свободно» и писал о «Русской Правде» как об уничтоженном документе. Он осветил и степень готовности рукописи: «Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены, четвертая и пятая были начерно написаны; а последние пять состояли в разных отрывках»[22].

Это показание, по первому впечатлению чрезвычайно ясное и убедительное, ввело в заблуждение, собственно, всех историков дореволюционного периода, а частью и советских исследователей. Основываясь на нем, они сочли рукопись «Русской Правды» единой редакцией, рассматривая первые две главы и часть третьей как более или менее отделанный беловой текст, а другую часть третьей, четвертую и пятую — черновиком, органически продолжающим изложение, текстом, который развивает ту же самую, единую концепцию и лишь не «перебелен» и оставлен в черновом виде, потому что Пестель не успел этого сделать. Эта аберрация возникала тем легче, что чередование внутренней тематики рукописи также сохраняло вид последовательности, смыкая «беловую» часть третьей главы с ее «черновой» частью на одной теме — казенных крестьянах. При поверхностном чтении текста даже не получалось впечатления какого-либо тематического перерыва, и беловик довольно плавно переходил в черновик, чуть-чуть спотыкаясь на прерванной нумерации параграфов да на вклинившемся небольшом тексте о солдатских детях, но все же создавая иллюзию основного единства редакции. Некоторые противоречия в изложении параграфа о казенных крестьянах легко можно было отнести за счет чернового характера второй доли текста или вообще авторских противоречий, которые могут встретиться в любой концепции.

Во власти изложенной аберрации оказался не только генерал Н. Ф. Дубровин, для которого впервые скопировали «Русскую Правду», но и такой тонкий и опытный исследователь, как П. Е. Щеголев, издавший ее в 1906 г. по копии Н. Ф. Дубровина. Прекрасный знаток архива декабристов и один из первых исследователей, широко изучивший подлинники их дел Н. П. Павлов-Сильванский, составивший первую архивную опись следственного фонда, также поддался этому впечатлению и не отразил в своей работе о Пестеле никакого иного представления о подлиннике «Русской Правды». Глубоко изучивший по подлинникам следственное дело декабристов В. И. Семевский (списавший своей рукой многочисленные дела целиком или в значительной части; эти копии сохранились в его архиве) также остался при изложенном понимании состава памятника. В своей обширной и резкокритической рецензии на неисправное издание «Русской Правды», выпущенное в 1906 г. П. Е. Щеголевым, Семевский отметил многие погрешности, но не раскрыл «тайны

двух редакций» «Русской Правды». Многочисленные советские исследователи в этом отношении пошли без критики за Семевским[23].

«Тайну двух редакций» «Русской Правды» раскрыл лишь коллектив советских историков, много лет потративших на тщательное изучение подлинника «Русской Правды» и подготовку ее к печати (работа эта была начата еще в связи со столетним юбилеем восстания декабристов в 1925 г.). Основная заслуга этого очень существенного для декабристоведения открытия принадлежит ныне уже покойным С. Н. Чернову и А. А. Покровскому, положившим огромный труд на исследование сложного архивного комплекса «Русской Правды».

Эти исследователи установили, что через 139-й лист рукописи «Русской Правды», находящийся в системе текста третьей главы,— через четвертый пункт ее двенадцатого параграфа, посвященного вопросу о казенных крестьянах,— проходит пограничная линия стыка двух разновременных редакций «Русской Правды». «Черновая» рукопись оказывается принадлежащей более ранней редакции, «беловая» — более поздней. Они имеют между собой принципиальные отличия и относятся к разным этапам зрелости конституционного проекта Пестеля. В силу этого термины «беловая» и «черновая» рукопись, восходящие к словам самого Пестеля («четвертая и пятая [главы] были начерно написаны»), надо признать крайне условными: ведь любой беловик, как правило, в общем совпадает с черновиком в своем окончательном тексте,— только то, что беловик дает в «гладкописи», черновик может содержать в разнообразно переправленном виде. Понятие «редакций» в источниковедении существенно отличается от понятий «черновика» и «беловика». Редакции дифференцируются по содержанию и, как правило, знаменуют какие-то внутренние этапы развития излагаемой концепции. Как теперь ясно, «черновая» рукопись излагает конституционную концепцию на этапе ее сложения и развития в 1822—1823 гг. Такою она и была утверждена вторым Киевским съездом руководителей Южного общества в 1823 г., как программа последнего. «Беловая» же рукопись отражает переработанную более зрелую концепцию, относящуюся к 1824 г. и оформленную Пестелем после петербургских совещаний, возможно, и во время совещаний.

С. Н. Чернов и А. А. Покровский, готовя «Русскую Правду» к печати, установили, что четвертый пункт § 12-го ее третьей главы так и остался ненаписанным в беловой редакции. Дописав последнюю фразу третьего пункта: «Казна же является в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому казенные земли продавать может и право имеет, есть ли крестьянин купит у казны», — Пестель остановился, вероятно, перечитал написанное, счел условное придаточное предложение со слов «есть ли крестьянин купит у казны...» лишним, зачеркнул его до конца и, переменив запятую после «право имеет» на точку, закончил фразу. После этого он написал с новой строки обозначение следующего пункта данного параграфа («4») и далее *ничего не написал,*— «беловая» редакция на этом оборвалась.

На следующем, 140-м, листе подлинной рукописи «Русской Правды» начинается уже более ранняя редакция.

Она начинается концом параграфа о солдатских детях, предшествовавшим в более ранней редакции параграфу о казенных крестьянах, и далее переходит к последним, фиксируя около них принадлежавший им в более ранней редакции порядковый номер (№ 8). Таким образом, возникает разрыв в общей нумерации параграфов. Простое сопоставление чередования номеров параграфов «беловой» редакции с этим и последующими номерами говорит о явном стыке текстов: «беловая» редакция кончалась на § 12, а черновая начиналась с собственного § 8, присвоя

ему то же заглавие «Казенные крестьяне». Это совпадение названий старой и новой редакций облегчило аберративное слияние их обеих в общий последовательный текст,— самостоятельность нумеративных рядов для ранней и поздней редакций осталась незамеченной, и обе редакции неправомерно «слились» в восприятии первых исследователей текста в одно целое, хотя они и представляли собой разные идейные этапы развития текста. Цифра «4», которая разделяет раннюю редакцию «Русской Правды» от поздней на 139 листе подлинника, даже вообще не воспроизведена в издании «Русской Правды» П. Е. Щеголева[24].

Конечно, положение исследователей было крайне затруднено тем, что Пестель, перерабатывая старую редакцию и создавая новую, уничтожал те старые тексты, которые он заменял новыми. Повидимому, он делал это по мере переработки, отбрасывая использованный текст как уже не нужный ему. Поэтому старая редакция и сохранилась лишь в той части, в которой она еще не была заменена новой, и начинается лишь с того тематического пункта, до которого дошла новая.

Это создает чрезвычайные и во многих случаях непреодолимые в силу состояния первоисточника трудности для исследователя, желающего сравнить старую концепцию с новой: они разнятся по тематике: ведь старая уничтожена именно в той тематике, которая заменена новой. Поэтому положить перед собой с одной стороны раннюю, а с другой позднюю редакции по одной и той же теме и сопоставить их исследователь, как правило, не может. Коренным образом иное положение с текстом Конституции Муравьева, где такое сравнение возможно. Исследователь «Русской Правды» вынужден ограничиваться счастливой возможностью сопоставлений, собственно, лишь в тексте о казенных крестьянах, перерезанном линией стыка двух редакций и в этом месте еще не сведенном Пестелем воедино и поэтому содержащем в тематическом отношении повторения и параллели. Сличение остального текста ранней редакции с поздней дает возможность тематических сопоставлений лишь в редких случаях.

Этим, однако, еще не исчерпаны трудности. Ведь поздняя редакция 1824 г. содержит всего лишь введение, раскрывающее основные понятия, две с лишним главы, из которых первая, согласно определению Пестеля, была посвящена государственным границам и разделению на области, округи, уезды и волости, а вторая — жителям России, коренному народу русскому и подвластным племенам. Третья же, рассуждавшая о различных сословиях, доводила изложение, как указано, лишь до казенных крестьян, оставив и этот параграф незавершенным и не дойдя до крестьян помещичьих. Таким образом, не существует текста поздней редакции, на основе которого мы могли бы судить во всей полноте об эволюции взглядов Пестеля в 1824 г. по важнейшим вопросам. Особо чувствительно отсутствие главы четвертой, где должен был быть изложен в новой редакции аграрный проект Пестеля, и главы шестой — о верховной власти. Все эти задуманные Пестелем главы, числом семь с половиной, вообще не были написаны в поздней редакции 1824 г. Конечно, отдельные положения дошедших до нас первых глав, иногда даже их отдельные намеки, дают возможность построить некоторые выводы, к которым мы и перейдем.

4

Свой проект Пестель назвал в 1824 г. «Русской Правдой» в память древнего законодательного памятника Киевской Руси. Он хотел этим названием почтить национальные традиции и оттенить крепкую связь будущей революции с историческим прошлым русского народа.

«Русская Правда» согрета глубокой любовью к родине, которую Пестель ценит превыше всего. «Любовь к Отечеству — сей источник всех государственных добродетелей и сия сильнейшая подпора существования и благоденствия царств», — так определял он ее в раннем варианте. Эта же установка сохранила силу и для последнего варианта конституционного проекта — текста 1824 г.

Конституционный проект Пестеля не только неоднократно обсуждался на заседаниях и съездах руководителей Южного общества, но и к самой работе над текстом проекта привлекались отдельные члены общества. Юшневский признавался на следствии, что он кое-где «переправлял слог» «Русской Правды», но, очевидно, речь шла не только о стиле в узком смысле слова, а и о работе над содержанием; вносили свои поправки и другие декабристы; отдельную главу было поручено писать Сергею Муравьеву-Апостолу.

Таким образом, «Русская Правда», представляя собой плод огромного личного труда Пестеля, в то же время является идейным памятником целой революционной организации. Это — крупнейший памятник революционного прошлого первой четверти XIX в.

Новая редакция «Русской Правды» свидетельствует о значительном продвижении Пестеля вперед. Это видно прежде всего в особо интересующем нас вопросе, выделяемом на первое место в анализе, — в изменениях основы производственных отношений феодализма. В данном случае в силу состояния источника неизбежно начать с неполной собственности помещика на крестьянина — основную рабочую силу производственного процесса.

Новый проект Пестеля, как и ранее, провозглашал решительное и коренное уничтожение крепостного права. Страницы, посвященные крепостному праву, написаны в страстно негодующем тоне. Пестель со жгучей ненавистью говорил о «рабстве крестьян». Он объявлял, что крепостное право «есть дело постыдное, противное человечеству», «рабство должно быть решительно уничтожено и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Пестель подчеркивал, что отмена крепостного права — первое и главное дело временного Верховного правления: «Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление яко священнейшая и непременнейшая его обязанность». Если найдется среди дворян такой «изверг», который будет противиться мероприятиям Верховного правления по отмене крепостного права, надо «такового злодея безизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть строжайшему наказанию яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского».

Пестель чрезвычайно высоко ценил личную свободу человека. Будущая Россия, по Пестелю, — это общество прежде всего лично свободных людей. «Личная свобода,— говорится в «Русской Правде»,— есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия».

Основное положение о свободе крестьян формулировано в новой редакции еще более резко и отчетливо, чем в старой. Формулировки стали более отточенными, лишние слова устранены, введены новые, подчеркивающие оттенки мысли, отпали вводные слова: «Сверх того надобно также и о том в совести своей помыслить, что право обладать другими людьми как собственностью своею — продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей...» Эта вводная часть фразы ослабляла императивность положения, придавала основному

рассуждению некий оттенок добавочности к главному («сверх того надобно также...» — как будто не это самое основное) и начинала с апелляции к совести вместо точного преподнесения основной нормы.

Но самое существенное изменение мы находим, сопоставляя раннюю и позднюю редакции по вопросу о порядке освобождения казенных крестьян. Лишь эту возможность сопоставления предоставляет нам сохранность источника, о которой говорилось выше. Сопоставим лишь отдельные части раннего текста с одним общим текстом, заменившим их в более поздней редакции:

Старая редакция «Русской Правды» (1822—1823)	Новая редакция «Русской Правды» (1824)
«4. Крестьяне казенных поместий или селений продолжают обрабатывать как общественные, так и казенные земли теперешним порядком и платить казне тот же оброк за оные, который и ныне платят. 5. Сей порядок будет продолжаться десять или пятнадцать лет сряду, а после сего срока не будут крестьяне никакого оброка платить за общественную землю... 6. После десяти или пятнадцати лет, а если удобно будет, то и прежде, когда сей новый Порядок окончательное возымеет существование, ход и действие, будут крестьяне пользоваться совершенною свободою и будут объявлены совершенно вольными...»	«1. Признать, объявить, провозгласить всех казенных и удельных крестьян вольными и никакого рода крепости более не подлежащими, включить их всех в общий состав Российского гражданства на основании общих правил, признавая их Российскими гражданами и распространяя на них все права купечества и мещанства, так, чтобы они отныне впредь особого сословия более не составляли, но принадлежали бы к общему сословию Российских граждан».

Как видим, 10—15-летний срок переходного периода совсем исчез в новой редакции, крестьяне сразу объявлялись вольными, причем формулировке с самого начала придавался торжественный характер. Исчезали как отработки, так и платеж оброка в переходное время. Более общее значение положения было подчеркнуто соединением вопроса о казенных крестьянах с удельными крестьянами; подчеркнута ликвидация сословного строя и принадлежность крестьян «к общему сословию Российских граждан». Исчезли вместе с тем прежние повторения и некоторые длинноты, введены уточняющие мысль слова, и новая формулировка приобрела более отработанный характер.

От положения вопроса о казенных крестьянах можно умозаключить, что, вероятно, уничтожался и переходный период при освобождении помещичьих крестьян вместе со всеми отработками и оброком переходного времени. Новая редакция, как можно предположить, уничтожала и те условные элементы выкупа, которые некоторые исследователи усматривают в более раннем проекте. Но и раньше, надо сказать, Пестель представлял себе эти обязательные работы крестьян в переходный период скорее как гарантию спокойного и непрерывного хода хозяйственной жизни в годы диктатуры революционного правительства, нежели как прямое возмещение убытков, которые казна может потерпеть от временного перерыва в обработке земли, вызванного переменой в положении крестьян. Пестель делал оговорку и в ранней редакции, что 10- или 15-летний переходный период может быть досрочно сокращен, «когда

сей новый Порядок окончательное возымеет существование, ход и действие». Следовательно, устанавливаемые законом обязательные работы в прямом значении слова едва ли были выкупом.

Отчетливо видно дальнейшее революционизирование проекта Пестеля в вопросе об уничтожении сословного строя, особенно в части, касающейся дворянства. Как ни остроумна была идея пересмотра состава дворянского сословия и создания особого разряда условных «дворян» из граждан, оказавших большие услуги отечеству, — Пестель решительно отказывается от нее в новой редакции «Русской Правды». Перечислив те пять преимуществ, которыми пользовалось дворянство в царской России (обладание крепостными, освобождение от податей, телесного наказания, рекрутского набора, наименование «благородным сословием» с правом иметь гербы и титла), Пестель приходил к выводу: «Из всего до сих пор сказанного явствует, что все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены; а так как дворянское достоинство ничто иное есть как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено: члены оного, поступая в общий состав российского гражданства на основании общих правил ниже сего изложенных и долженствуя, подобно всем прочим Россиянам, по волостям быть расписаны». Отсюда ясно, что исчезают и те «грамотные дворянские собрания», которые должны были представлять проект освобождения крестьян. Отсутствуют главы, которые поясняли бы, каким именно образом будет теперь происходить освобождение. Лишь исходя из общего характера прерогатив правительства, на которое возлагается «священнейшая и непременнейшая» обязанность крестьянского освобождения, и из приведенного выше текста о торжественном и, надо полагать, немедленном освобождении казенных крестьян, можно думать, что крестьяне освобождаются непосредственно временным революционным правительством и сразу переходят на общегражданское положение.

Освобождение крестьян без земли, объявление им только личной свободы Пестель считал совершенно неприемлемым. Освобождение крестьян в Прибалтике, при котором они не получили земли, расценивалось как мнимое освобождение.

Вопрос о земле должен был быть рассмотрен в четвертой главе, отсутствующей в новой редакции. Некоторые данные для суждения об этом вопросе дает тот же текст о казенных крестьянах. В новой редакции подчеркивается, что казенные и удельные крестьяне переходят на общегражданское положение, расписываются по волостям на основании «общих правил» и подлежат «тем же законам и постановлениям, как и всех прочих Россиян». В силу этого самый последний дошедший до нас абзац новой редакции — 3-й пункт 12-го параграфа третьей главы «Русской Правды», относящийся к «разделению земель», — приобретает для нас особый интерес. Он полностью подтверждает основы аграрного проекта Пестеля прежней редакции, остающиеся неизменными и в новой. Мы читаем там, что, как и всюду, земли и в этом случае делятся на две половины, из которых одна отдается под названием общественной земли «в собственность волостному обществу», а другая под названием «казенной» остается в данном случае «собственностью казны, входящей в состав государственных имуществ». Общественную землю волостное общество не имеет права «ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная». «Казна же является в отношении к казенной земле в виде частного человека и поэтому казенные земли продавать может».

Таким образом, и по проекту 1824 г. вторая часть волостных земель, предназначенная для производства «изобилия», находится в частной собственности, частью же может принадлежать и государству; лишь эта часть земли может покупаться и продаваться; казенная доля этой земли также может быть продана. Каждый россиянин, желающий расширить свое земельное хозяйство, может прикупить землю из этой второй части земельного фонда.

В своем аграрном проекте 1824 г. Пестель попрежнему сознательно объединил два противоречивых принципа: он признавал правильным, что «земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц» и поэтому не может быть частной собственностью, но, поскольку «труды и работы суть источники собственности», тот, кто землю удобрил и обработал, имеет право владеть землей на основе частной собственности. И в проекте 1824 г. признаются за правильные оба положения,— основой решения аграрного вопроса у Пестеля является требование разделения земель пополам и признания каждого из указанных принципов лишь в одной из половин разделенной земли. Попрежнему каждый гражданин республики Пестеля обязательно должен быть приписан к одной из волостей и имеет право в любое время получить необходимый ему земельный участок. Это положение должно гарантировать граждан революционной России от нищенства, голода, пауперизма. «Каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не оставаясь в их зависимости, но от трудов, кои приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравне с прочими гражданами. Где бы он ни странствовал, где бы счастия ни искал, но все же в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может»[25].

Мы видим, что в редакции 1824 г. проект разделения земель остался. Но можно выдвинуть предположение, что его реализация стала сопровождаться явно выраженной тенденцией безвозмездного отчуждения половины крупнейших дворянских земельных владений. Действительно, для осуществления своих аграрных преобразований Пестель считал необходимым отчуждение помещичьей земли при частичной ее конфискации, — иначе его проект вообще не мог быть реализован. Ведь чтобы в каждой волости отдать во владение крестьян половину земли, земля эта должна была отчуждаться от помещиков или казны.

Но кроме этого общего соображения, есть и особое документальное подтверждение. В составе «Русской Правды» имеется один архивный листок, давно уже привлекавший внимание исследователей и носящий название «Дележ земель». Текст, расположенный на обоих сторонах 230-го листа, включен самим Пестелем в комплекс «Русской Правды» и написан его рукой. Он представляет собой, однако, не органическую часть ранее начатого и на последующих листах продолжающегося текста, а явно отдельный листок, вложенный в рукопись. В его текст включен цифровой расчет земельного дележа, очевидно, как материал для предполагавшейся четвертой главы новой редакции, где должен был излагаться аграрный проект. Как датировать этот листок? Возник ли он раньше новой редакции или одновременно с нею? Предназначен ли он для использования в новом тексте или принадлежит к старым наброскам ранней редакции? Бумажные филиграни в данном случае не помогают датировке, в тексте также нет опорных для датировки моментов.

Единственным, на мой взгляд, доводом датировки является то обстоятельство, что более или менее подробно излагавшая аграрную реформу четвертая глава старой редакции не содержит этих расчетов, исходя из чего и можно предположить, что листок возник позже старой редакции. Он является бесспорным доказательством, что Пестель и Южное общество считали необходимым конфискацию помещичьей земли в случае значительных латифундий и принудительное ее отчуждение с последующим возмещением понесенных владельцем убытков в случае имений меньшего размера. «Если у помещика имеется 10 тысяч десятин земли или более, тогда отбирается у него половина земли без всякого возмездия». Если же у помещика имелось менее 10 тыс., но не более 5 тыс. десятин, то половина земли у него тоже отбиралась, но за нее давалось возмездие — денежного характера, или земля где-нибудь в другой волости, с тем, однако, условием, чтобы общее количество десятин у него не превышало 5 тыс. Составленная Пестелем цифровая таблица, состоящая из семи параллельных колонок цифр, обычно остается неистолкованной (как правило, она и цитируется без расшифровки); получить смысл она может лишь при привнесении названий, определяющих смысл каждой цифровой колонки. Приводим далее таблицу в расшифровке Ф. М. Морозова (количество земли — в десятинах) [26].

Количество душ крестьян у помещика	Количество земли на душу	Количество всей земли у помещика	Половина земли, которая остается у помещика	Половина помещичьей земли, которая должна отойти в общественный фонд	Количество земли, которое должно додаваться помещику взамен отчужденной	Общее количество земли, которое должно оставаться у помещика после отчуждения
1000	1	9000	4500	4500	500	5000
1000	2	8000	4000	4000	1000	5000
1000	3	7000	3500	3500	1500	5000
1000	4	6000	3000	3000	2000	5000
1000	5	5000	2500	2500	2500	5000
1000	6	4000	2000	2000	2000	4000
1000	7	3000	1500	1500	1500	3000
1000	8	2000	1000	1000	1000	2000
1000	9	1000	500	500	500	1000

Таким образом, помещичье землевладение (при полном уничтожении крепостного права) все же частично сохранялось Пестелем. Беспощадно сметая устои феодально-крепостного общества, стремясь глубоко перестроить государство на буржуазный лад, Пестель, как видим, все же не решился отстаивать лозунг передачи всей земли крестьянам,— в этом резко сказывается его классовая ограниченность как дворянина-революционера. Но, разумеется, хозяйство на этой оставшейся в его собственности земле помещик должен был вести уже на буржуазный лад — при помощи вольнонаемного труда.

В записной книжке друга Пестеля декабриста Крюкова 2-го сохранились интересные заметки по аграрному вопросу, где ограничение земельной собственности не раз является темой: «Всякий имеет право объявить правительству, что такой-то гражданин нарушает закон, обладая свыше позволенного имением под чужим именем или каким бы то ни было другим образом». «Кто достигнет до количества положенного законами имения и захочет иметь больше, того отрешить от должности». «Бедных всегда будет больше богатых, следовательно, всегда будет до-

статочное число граждан для исполнения должностей. Исследовать могущее произойти зло». Замечательны следующие записи, очевидно, связанные с «дележом земель»: «Приказать измерить чиновникам количество земли каждой губернии и потом другим чиновникам измерить каждый уезд, а потом по исчислении можно узнать, верно ли показание помещиков о количестве их земли». Другая заметка: «Собрать сведения о доходах каждого помещика и о количестве и качестве земли, наметить подати, сообразные количеству земли. На показавших [не]точное количество земли имеет право донести всякий, наряжать для исследования верных людей и, если донос оказался несправедливым, наказать ложного доносчика». Отсюда ясно, что проект ограничения помещичьего землевладения конкретизировался, разрабатывался дальше, в чем принимал участие не только Пестель, а и ближайшие его единомышленники [27].

Поэтому имевшаяся в раннем проекте предпосылка возможности «равного» благополучия как для освобожденного крестьянина, так и для помещика теперь у Пестеля если не совсем исчезает, то отодвигается на задний план. Сама русская действительность теснит эту утопическую презумпцию и приковывает большее внимание к положению обездоленного народа. Права богатых урезываются острым ножом революционной конфискации имущества. Он, однако, не до конца разрезает дворянское землевладение. Отделив половину богатейших имений, нож останавливается в уверенном движении и далее наносит своим острием как бы пунктир по дворянским владениям, имеющим более или менее «средний» размер: эти владения не будут отбираться безвозмездно,— будучи отчуждаемы принудительно, они тем не менее будут возмещены другими владениями (в других местах) или деньгами. Это уже куда более смягченный по сравнению с конфискацией вид отчуждения.

Но тем не менее нельзя счесть и «Дележ земель» (если относить его к материалам новой редакции) чем-либо принципиально новым по сравнению с проектом деления земель в первой редакции. Дележ земель вообще невозможен без принудительного отчуждения помещичьих имений. Поэтому нам представляется, что в своих основах проект дележа земель второй редакции не претерпел принципиальных изменений, но был уяснен до конца, раскрыт и конкретизирован [28].

Несмотря на всю свою половинчатость, проект Пестеля был для того времени чрезвычайно радикальным. Накануне реформы крестьянская запашка, как известно, занимала лишь треть обрабатываемых земель — две трети земли были под барской запашкой. Пестель же отдавал крестьянам половину всей обрабатываемой в государстве земли, т. е. значительно увеличивал крестьянское землевладение по сравнению с тем количеством земли, которым крестьяне владели при крепостном праве. Крестьянская реформа 1861 г., как известно, еще отрезала от крестьянского землепользования $^1/_5$ крестьянских земель (знаменитые «отрезки») и выселила крестьян «на песочки». Ничего подобного в проекте Пестеля не было.

Аграрный проект Пестеля и в редакции 1824 г. выдвигал требование дать крестьянам значительно больше земли, чем дала через три десятка лет правительственная реформа. Отсюда следует, что аграрный проект Пестеля гораздо шире, чем реформа 1861 г., открывал дверь именно буржуазному развитию страны. Говоря о земельных наделах крестьян, закрепленных за ними крепостной реформой 1861 г., В. И. Ленин писал: *«...чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России,* тем выше был бы жизненный уровень на-

селения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, походило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки»[29].

Пестель предполагал, что по его проекту будущая российская республика будет жить оживленной и кипучей хозяйственной жизнью. Он попрежнему считал, что полезно будет в каждой волости завести «маленькие банки и ломбарды, а равным образом и страховые учреждения». Банки и ломбарды давали бы, как мы помним, ссуду как на первоначальное обзаведение, так и на расширение частного хозяйственного предпринимательства.

Таков, объективно, проект разрушения основы производственных отношений феодализма у Пестеля.

Проект Пестеля декларировал основные свободы: свободу печати, вероисповедания, полную свободу занятий для населения. За содержание печатных произведений виновные отвечали только перед судом. Каждая вера могла свободно исповедоваться в государстве, но запрещались некоторые вредные обычаи, например многоженство у мусульман. Конституционный проект Пестеля запрещал держать взаперти восточных женщин. Сословный суд, разумеется, отменялся, и вводился гласный суд присяжных заседателей, равный для всех граждан.

Конституция Пестеля провозглашала и основной буржуазный принцип — священное и неприкосновенное право собственности.

5

Новая редакция «Русской Правды» еще отчетливее первой формулирует решение Пестеля разрушить самодержавие, говоря объективно,— политическую надстройку над старой системой производственных отношений. Выразительно называя самодержавие «разъяренным зловластием», он выражает в «Русской Правде» желание изгладить даже самое воспоминание о прежнем торжестве этой тирании. Он запрещает даже вспоминать в будущем своде законов революционной России о крепостническом и самодержавном прошлом России. Он обвиняет царское правительство и дворянство в тяжелом положении России, полон негодования на виновников бедствий родной страны: «Россияне были доныне несчастными жертвами зловластия прежнего правительства и безжалостной, безрассудной, бессовестной корысти дворянского сословия». Пестель убедительно показывал антинародность самодержавия и приходил к выводу: «Прежняя верховная власть (она для Пестеля в момент составления «Русской Правды» была «теперешней»! — *М. Н.)* довольно уже доказала враждебные свои чувства противу народа русского».

Самодержавие в России, по проекту Пестеля, решительно уничтожалось. Уничтожался не только самый институт самодержавия, но физически истреблялся и весь царствовавший дом: Пестель был сторонником цареубийства, казни всех без исключения членов царского дома в самом начале революции.

«Русская Правда» — документ насквозь республиканский, несмотря на то, что ее шестая глава, трактующая вопросы верховной власти, по свидетельству Пестеля, еще не была написана. Общие республиканские установки Пестеля наиболее ясно сформулированы в «Государственном Завете» — кратком изложении его конституции в редакции 1823 г. — и в показаниях Пестеля на следствии: «Я сделался в душе республиканец

и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении». Пестель и его единомышленники «входили в восхищение и, сказать можно, восторг», когда представляли себе «живую картину всего щастия, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась»,— так показывал Пестель.

Пестель — сторонник революционной идеи верховной власти народа: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства». Изложенная идея народоправства Пестелем реализовалась в республиканской форме в тех документах, какие до нас дошли, и сам Пестель был республиканцем,— как же понять тогда неоднократное показание Пестеля, что глава о верховной власти «долженствовала быть написана вдвойне: одна в монархическом, другая в республиканском смысле». Это широко цитируемое заявление Пестеля в свете только что характеризованного его республиканизма, в котором не может быть никаких сомнений, требует комментария. Решительно надо отвести толкование этого заявления как некоторой эволюции Пестеля к монархии на этапе второй редакции «Русской Правды». Против этого не только его личные свидетельства о приверженности к республике, но и диктовка Бестужеву-Рюмину республиканского по характеру документа «Конституция Государственный Завет», переданного Обществу соединенных славян в сентябре 1825 г., свидетельствует об этом. Диктатура временного революционного правительства продолжала оставаться, по личному убеждению Пестеля, самой желательной формой введения новых порядков в жизнь. Если так, то зачем же двойное решение — как конституционно-монархическое, так и республиканское? Ведь диктатура временного правительства вводит форму центрального управления своей диктаторской властью, в силу «Русской Правды» — революционного наказа народу и правительству. Чтобы разобраться в этом вопросе, остановимся сначала на диктатуре временного правительства и затем на выборе формы правления.

Из текста «Русской Правды» в последнем варианте 1824 г. видно, что Пестель остался сторонником диктатуры временного верховного правления, считая ее решающим условием успеха. «Русская Правда» была и осталась не чем иным, как наказом временному верховному правлению, облеченному диктаторской властью. Полное название этого проекта теперь гласило: «Русская Правда», или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского, служащая заветом для усовершенствования Государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления»[30].

Уже было указано, какое большое тактическое значение приписывал Пестель «Русской Правде». Революцию вообще нельзя было, по его мнению, успешно совершить без готового конституционного проекта. Понятно, что, по мере приближения срока, назначенного для восстания, все острее чувствовалась необходимость в скорейшем окончании «Русской Правды»; «от меня часто требовали ею поспешить», — показывал Пестель на следствии. Это очень важное свидетельство.

«Русская Правда», — писал Пестель в своем конституционном проекте 1824 г., — есть наказ или наставление Временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может... Она содержит обязанности, на Верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что Временное верховное правление единственно ко благу

отечества действовать будет. Недостаток в таковой грамоте ввергнул многие государства в ужаснейшие бедствия и междоусобия, потому что в оных правительство действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам, не имея перед собою ясного и полного наставления, коим бы обязано было руководствоваться, и что народ между тем никогда не знал, что для него предпринимают, никогда не видел ясным образом, к какой цели стремятся действия правительства...».

Отсюда ясно, что республиканская форма центральной власти вводилась, по основной концепции Пестеля, диктаторской волей временного правительства, в силу чего не было никакой необходимости в двойной форме — республики или монархии в главе, трактовавшей о власти. Отпадает и прежнее объяснение от требований конспиративности, в силу которых в ранних проектах «царь» вставлялся в текст как псевдоним исполнительной власти. В данном случае республиканский текст все равно в наличии и никакой конспирацией его появление не объяснишь. Объяснение, на мой взгляд, может быть дано только при учете решений петербургских совещаний 1824 г., когда Пестель понял, что ему придется примириться с созывом Великого собора, который может принять два решения — за конституционную монархию или за республику. Пестель надеялся провести и свой аграрный проект, и освобождение крестьян, и избирательную систему — одним словом, в основном всю свою «Русскую Правду» — через Великий собор, конечно, в том случае, если он сумеет отстоять ее принципы как основы будущего конституционного проекта всего тайного общества. Свой «беловой» текст — новую редакцию он спешно писал в Петербурге в 1824 г., а затем на юге, именно с той целью, чтобы скорее вручить ее, как свой проект, северным декабристам и тем дать возможность созвать съезд с обсуждением третьей конституции.

Временное правительство, согласно концепции Пестеля, определяло внутреннюю структуру центральных органов, конституировало министерства, назначало министров. Напомним о рукописи Пестеля, имевшейся в распоряжении декабриста В. Давыдова и, несомненно, принадлежавшей к комплексу «Русской Правды». «У меня же никаких бумаг до общества касающихся не было, кроме учреждения десяти министерств на одном листе, сочинения Пестеля», — показывает Давыдов. Как только арестовали Пестеля, Давыдов сжег этот документ вместе с бывшими у него стихами Пушкина и некоторыми «выписками» из политических сочинений. Сам Пестель свидетельствовал о десяти министерствах. Структура министерств, относящаяся к вопросу об устройстве верховной власти, также не отражена в дошедшей до нас редакции «Русской Правды». Нельзя точно утверждать, предназначалась ли рукопись, которой располагал Давыдов, к использованию в поздней редакции «Русской Правды» и претерпел ли этот проект какие-либо изменения, но необходимо напомнить сейчас об этом документе, который конкретизирует наше представление о политической структуре революционного государства в проекте Пестеля.

Пестель формулировал два противоречивых принципа, разбирая в «Русской Правде» национальный вопрос и проблемы государственной самостоятельности народов: «право народности» и «право благоустройства». Сопоставляя более ранние записи Пестеля с поздним проектом «Русской Правды», мы отмечаем значительную устойчивость его предложений в этой области. Последний проект «Русской Правды» предлагает лишь особенно отчетливые формулировки этих предложений. Право народности рождается из внутренних требований народа, подвластного

«большому государству» и происходящего «не от господствующего в оном, но от других племен»; такие народы «желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования, утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное правом народности»[31]. Это требование противоположно, по мнению Пестеля, тому принципу, который кладется в основание самостоятельного бытия большой державы: «С другой же стороны стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого, соседственного большого государства, основывая сие стремление на праве безопасности и называя оное правом благоудобства»[32]. Найти общий теоретический выход из столкновения этих противоречивых принципов Пестель на уровне его мировоззрения, конечно, не мог и ясно чувствовал их конфликт между собой: «от двух противоположных желаний происходит затруднительность». Предпочитая всему силу и устойчивость централизованного государства, Пестель в основном высказывается в пользу «права благоудобства», находя при этом «право народности» естественным и не лишая его понятия «права». Но это право, по его мнению, можно признать «истинно существующим» только для тех народов, которые могут сами «оное сохранить». «Таким образом племена, подвластные большому государству, не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оное есть для них мнимое и несуществующее». В силу изложенного Пестель находил, выражая этим буржуазную ограниченность своего мировоззрения, что малые народы должны соединиться «духом и обществом» с большим государством и для них самих будет лучше, если они «совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ...».

Надо признать, что в соответствии с объективно-буржуазным содержанием политической идеологии Пестеля его взгляды на национальный вопрос носили на себе печать великодержавности. Права отделения от Российского государства других национальностей Пестель не признавал: все народы, населявшие Россию, должны были, по его мнению, слиться в единый русский народ и потерять свои национальные особенности. Пестель не понимал значения национального развития угнетенных народов и не сумел найти путей к разрешению национального вопроса. Он оправдывал это положение и тем, что русский народ не имел каких-нибудь политических преимуществ перед нерусскими народами, — все народы имели, по конституции Пестеля, равные права; все обитатели национальных районов России независимо от их национальной принадлежности получали одинаковые избирательные права, пользовались основными свободами (печати, вероисповедания, передвижения и т. д.). Политический строй был одинаков для всех народов. Но сопротивление авторитетно предлагаемой системе сурово каралось: в той же «Русской Правде» проектировались решительные меры против непокорных кавказских народов. Их предлагалось разделить на два разряда — «мирные и буйные», «первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Пестель считал желательным вселение русских колонистов на земли других национальностей.

Правило «благоудобства» с некоторым учетом принципа народности и было учтено Пестелем при определении государственных границ России. При этом безопасность границ, целость и единство великого государства являлись для Пестеля самым основным в поставленной задаче.

Границы Российской республики должны были, по конституционному проекту Пестеля, раздвинуться до своих «естественных пределов». Пестель считал необходимым закрепить за Россией Дальний Восток, «Киргизские земли», Монголию и Кавказское черноморское побережье (все эти территории в тот момент еще не входили в состав России). Проектировал Пестель также присоединение к России земель Молдавии в результате войны с Турцией под знаменем освобождения порабощенной ею Греции и славянских народов. Нельзя в деталях сопоставить представление о границах России в более ранней и более поздней редакции «Русской Правды», поскольку ранняя редакция не дошла до нас в главе, трактующей о границах государства, а «Конституция Государственный Завет», дошедшая до нас в копии П. Борисова, опускает перечисление границ, заменяя его рядом точек (возможно, что, диктуя этот документ в условиях спешного свидания с Бестужевым, Пестель и опустил в своей диктовке эту часть краткого изложения своего проекта). На одном из списков русских военных терминов, составленных Пестелем в 1819 г., и скопированных для него писарской рукою, имеется собственноручная надпись Пестеля: «Верховный предводитель Задунайского российского войска, войсковой боярин» (листок был взят при обыске в 1825 г. и обратил на себя внимание производивших обыск Чернышова и Киселева). Очевидно, такое звание присваивалось главнокомандующему русской армией на Балканском полуострове во время освободительной войны за угнетенные султанской Турцией народы. Именно освободительного характера войны должны были заменить прежнюю поработительскую политику царской агрессии.

Мы видим, что у Пестеля и южных декабристов было разработано известное представление о внешней политике будущей революционной России. Однако никак не следует приписывать этим планам преувеличенное значение. О «внешней политике» лишь весьма условно могло говорить еще не организовавшее выступления и не захватившее власти революционное тайное общество. Внешнеполитические проблемы «выравнивания границ» будущей революционной России рисовались в сравнительно туманном отдаленном плане. Было бы также крайне неправильно представлять себе будущую революционную Россию агрессивной державой, ощетинившейся штыками по всем своим границам и угрожающей войной чуть ли не каждому своему соседу. Для стремлений к «выравниванию» границ могли быть использованы разнообразные международные внешнеполитические ситуации, переговоры, дипломатические демарши. Одни пограничные проблемы были менее, другие гораздо более актуальны, некоторые могли быть отодвинуты в далекое будущее. Преувеличенный интерес некоторых историков к детальной реконструкции предполагаемой внешней политики декабристов в случае их победы едва ли оправдан с научной точки зрения.

В «Русской Правде» формулировался и другой основной — мирный — принцип: «Сильное же государство, опирающееся на народ великий, должно всегда помнить, что могущество ему дано от Провидения не для утеснения соседей, но для действий праведных и согласных с чистой справедливостью...». Оно обязано «не распространять своих пределов для пресыщения одного только тщеславия», — эти положения «Русской Правды» никак не надо затушевывать при анализе ее внешнеполитических установок. Чрезвычайно важен мирный принцип, выдвигаемый Пестелем

в новой редакции «Русской Правды»: «Многочисленно количество племен различных от Востока до Запада, от Юга до Севера, великому народу Российскому подвластных и к его государству присоединенных. Не число их нужно умножать, не о распространении пределов помышлять, но единственно стараться о водворении благоденствия в сих обширных владениях»[33]. Лишь сформулировав этот исходный принцип, Пестель переходит к рассмотрению государственных границ России.

Среди самых актуальных проблем, от ближайшего разрешения которых существенно зависел ход событий «рокового времени», была польская проблема.

Для Польши Пестель делал исключение из правила «благоудобства» и руководствовался в отношении к ней принципом «народности». Он признавал за Польшей право отделения от России при обязательном условии одновременного с Россией восстания и революционных преобразований того же характера, какие произойдут и в России. В Польше должно было быть уничтожено феодальное угнетение крестьян, ликвидирован сословный строй, установлена республика на тех же основаниях, что и в России, по принципам «Русской Правды», со всеобщим избирательным правом, «дележом земли» и пр. В результате этого польская республика получила право на самостоятельное политическое существование, отделялась от России, но сохраняла с ней самый «тесный союз» на мирное и военное время, «вследствие коего бы Польша обязалась все войско свое присоединить на случай войны к российской армии, дабы тем в полной мере доказать, что благодеяние, Россией Польше оказываемое, сия последняя с должной признательностью принимает и чувства искренней дружбы и преданности к России питает и питать будет».

План отделения Польши введен был в «Русскую Правду» «в предположении, что Польша заслужит самостоятельную независимость поступками своими и образом своего действия в роковое время Российского возрождения и государственного преобразования». Если бы Польша отказалась перестроить свое социальное и политическое устройство по принципам «Русской Правды», она, согласно проекту Пестеля, не получила бы политической самостоятельности.

Принцип «благоудобства» получал особо своеобразное преломление по отношению к евреям. Им рекомендовано было преодолеть обособленность и совершенно слиться с русским народом, отказавшись как от неограниченного повиновения своим раввинам (в чем Пестель усматривал особое зло), так и от той «неимоверно-тесной связи между собою», которую сохраняли евреи, противопоставляя себя русскому населению. Временному верховному правлению давался наказ: «Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для христиан влияния тесной связи, евреями между собою содержимой или против христиан направленной и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей». Чтобы преодолеть обособленность евреев, временное верховное правление должно «ученейших раввинов и умнейших евреев созвать, выслушать их представления и потом мероприятия распорядить, дабы вышеизложенное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим коренным правилам, имеющим служить основанием политическому зданию Российского государства». Это и было основным и обязательным для временного верховного правления мероприятием по отношению к евреям. Вторым — не обязательным для правительства мероприятием, а выполняемым лишь по желанию евреев и то по мере возможностей временного правительства — было «содействие евреям к учреждению особенного, отдельного государства в какой-либо части

Малой Азии. Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся в одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство». Но этот последний путь Пестель отнюдь не считал обязанностью верховного правления: как очень трудный и сложный, требующий «особенного хода внешних дел», он лишь упоминался в «Русской Правде», «чтобы намеку (так! — *М. Н.*) предоставить на все то, что можно бы было сделать».

Такое же право добровольного выселения из России Пестель признавал, например, за цыганами. Им предлагалось или стать оседлым народом и завести у себя такой же волостной строй, разделение земель и все прочее, что представляло по «Русской Правде» основу изменений народной жизни как для русского, так и для всех других народов, — или же добровольно удалиться из России.

Таков был в основных чертах конституционный план П. И. Пестеля, отраженный в последней редакции «Русской Правды».

Это был революционный проект буржуазного переустройства крепостной России. Он наносил сильный удар по производственным отношениям феодализма и надстройке феодально-крепостного государства. Он учреждал республику вместо отсталого абсолютистского государства. На нем лежит некоторая печать дворянской ограниченности, но в целом он представляет собой план сильного продвижения вперед отсталой феодально-крепостной России. Это был самый решительный, радикальный из конституционных проектов, созданных революционерами-дворянами.

7

Сопоставляя на этапе 1824—1825 гг. пестелевский конституционный план с планом Никиты Муравьева, мы вновь констатируем при значительных противоречиях элементы известного сходства. Новым в сопоставлении является для данного времени движение поздних редакций Конституции Никиты Муравьева к более демократическим установкам, т. е. к Пестелю, а не от него, — это чрезвычайно существенная сторона эволюции. Беря же эволюцию в целом — и сближения и остающиеся значительные различия, надо признать, что исследователи, справедливо отмечающие борьбу течений внутри движения декабристов, причем борьбу нередко острую и совершенно явную, неправы, если они останавливают анализ на этом утверждении. Необходимо идти дальше, брать вопрос в целом и вслед за констатацией расхождений учитывать отсутствие антагонистического разрыва внутри движения, его внутренние центростремительные силы и желание сохранить единство и слить течения в общей целеустремленной борьбе. Надо не упустить из поля внимания активные поиски общего выхода из назревших противоречий, значение превалирующего и ведущего в идеологии декабристов в представлении об едином враге — крепостничестве, сросшемся с самодержавием.

Утвердившееся за самое последнее время в литературе понимание движения декабристов как просто единого движения, обладающего лишь незначительными внутренними «нюансами», «оттенками» и только, является несомненным упрощением. Разница между аграрными проектами Муравьева и Пестеля никак не может быть сведена к «нюансу». Отождествление Конституции Никиты Муравьева с проектом Пестеля не выдер-

живает критики. Необходимо понять основное — нераспадающееся единство при серьезных и существенных противоречиях внутри движения [34].

Стремление разрешить революционным путем объективные исторические задачи, вызревшие в процессе развития родины, не только создавало, но и укрепляло то внутреннее единство движения декабристов, которое составляет их силу. Оно выразилось не только в признании самодержавия и крепостничества общим врагом, но и в выработке единых тактических планов наступления на этого врага.

Разногласные течения внутри движения декабристов наносили устоям строя удары разной силы, но направление удара у них было одинаковым. У них была и объективная возможность объединения своих усилий. Существенна разница в силе ударов по основному устою феодализма — феодальной собственности на землю, но разрыва основного ствола движения тем не менее не произошло. Он и не мог произойти в силу по крайней мере двух важных обстоятельств.

Первым из них является несомненное наличие движения проекта Никиты Муравьева к более демократическим установкам. Противоречивое сочетание «прусских черт» аграрного проекта с революционным решением относительно надстройки — самодержавия не могло быть стойким у Никиты Муравьева и властно влекло его проект вперед. Главная сторона противоречия у него лишь усиливалась в своем значении, углубляя разрыв между тем и другим. На конечном этапе развития его противоречивый император, бессильный в законодательной сфере, но сильный главнокомандованием в армии, почти совсем теряет почву под ногами, и альтернативное решение о республике грозно вздымается над его полунастоящим троном из картона и железа. Земельный же надел в проекте медленно и с трудом, но все же ползет вверх. Трудно, конечно, сказать, до какой границы он дополз бы и совершилось бы или нет более значительное приближение дворянского революционера, не побоявшегося признать себя республиканцем на последних допросах, к более демократическим решениям, — ведь проект Никиты Муравьева остался незаконченным. С большой осторожностью надо подходить к вопросу о земельном наделе в тюремном варианте. Никита Муравьев, несмотря на свою наиболее резкую из всех нам известных типов дворянскую ограниченность, не только остался как автор конституционного проекта дворянским революционером до конца своей деятельности, но и приблизил последние варианты своего проекта к более демократическим требованиям прошедшего вперед рылеевского течения. Это и объясняет, на мой взгляд, тот интересный факт, что в Сибири, в своем «Разборе Донесения следственной комиссии» Лунин и Никита Муравьев с уважением говорят о «Русской Правде» Пестеля. Лунин, как мы помним, весьма высоко ценил еще первый ее набросок 1820 г., когда получил его от Пестеля проездом через Тульчин. Никита же Муравьев, который знал историю южного проекта до самого конца его развития, конечно, мог бы наложить печать своего отрицательного суждения на оценку Лунина, вместе с которым жил и работал в те сибирские годы. Но Никита Муравьев (к слову сказать, так и не подавший на каторге прошения на высочайшее имя о прощении его «вины»), не осудил, вспоминая общую борьбу, «Русской Правды» Пестеля. В большой перспективе уходящего в прошлое восстания, в итоге проверки всей жизни стало видно то, что, может быть, не так ясно ощущалось в пылу ежедневных споров, — единый идейный антифеодальный ствол декабристского движения [35].

Вторым же и более важным проявлением общего тяготения движения к единению является возникновение внутри Северного общества сильного

рылеевского направления, быстро и устойчиво завоевавшего с петербургских совещаний 1824 г. ведущее значение и оттеснившего в ряды отстающих Никиту Муравьева с его конституционным проектом. Можно признать слабостью рылеевского направления отсутствие своей письменно зафиксированной конституционной разработки, которую можно было бы противопоставить Н. Муравьеву, но было бы школьным педантизмом обязательно требовать ее наличия от направления, лишь вчера победившего в обществе и только что в интенсивной форме определявшего себя самого. Ведь рылеевское направление просуществовало как ведущее всего около полутора лет, причем с нетерпением ожидало намеченного объединительного съезда, где успело бы проявить и развернуть себя. Но обстоятельства сложились иначе.

Глава XIII

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЕТОМ 1824 — ОСЕНЬЮ 1825 г. РАБОТА НАД «ПЛАНОМ ДЕЙСТВИЙ»

1

Весь период от петербургских совещаний 1824 г. до кануна восстания (ноябрь-декабрь 1825 г.) составляет особый этап в жизни тайного общества декабристов. Он менее других освещен в исследовательской литературе. Вся деятельность декабристской организации, выросшей, внутренне поднявшейся после принципиального решения окончательно объединиться в будущем и выступать только совместно, сосредоточивается на работе над программой и выработкой «Плана действий» (сохраняем этот выразительный термин Оболенского — с большой буквы, — прошедший через ряд его показаний). Предполагая возможным и сговориться об общей программе и сообща выступать в скором времени, декабристы думали уложить намеченную работу подготовки примерно в полтора года. Они справедливо полагали, что по сравнению с замыслом сделали мало и, когда неожиданно грянул решительный час выступления, оказались к нему неподготовленными. Это их мнение о себе было глубоко правильным. Они не успели выполнить задуманного — разработать проект новой конституции и окончательно завершить общую работу над «Планом действий». Но все же, обозревая сделанное ими за короткий годичный срок — от петербургских совещаний до кануна восстания, нельзя не удивиться, что первые деятели русской революционной борьбы, еще не имевшие никакого опыта, в трудной обстановке реакции, при наличии противоречий внутри самого движения сумели сделать так много.

За интересующий нас короткий период декабристы успели разработать не менее трех вариантов конституционных проектов (две редакции муравьевской Конституции — «пущинская», относящаяся к осени 1824 г., и последняя «вольная» редакция, относящаяся к концу лета 1825 г., а также последняя, наиболее зрелая, редакция «Русской Правды» Пестеля, относящаяся к 1824 г. и в отдельных своих поправках — к 1825 г.). В этот же период они приняли немало новых членов, причем главный актив революционных командиров, принявших основное участие в открытом выступлении в декабре 1825 г., в немалой доле вступил в общество именно в это время. Кроме того, как раз на этом этапе декабристы включили в свой состав целую большую самостоятельную организацию — Общество соединенных славян, которая приняла активное участие в подготовке декабрьского выступления и в самом выступлении. В это же время декабристы провели важные по содержанию переговоры с Польским обществом, продвинув вперед создание русско-польского революционного

союза. Была сделана попытка организовать военно-морскую Кронштадтскую группу и завязать связь с Доном. Тогда же было обсуждено не менее четырех конкретных планов выступления (на юге — первый и второй белоцерковские планы, а также план выступления во время лещинских лагерей, когда у полковника Швейковского отняли командование полком, на севере — вопрос о выступлении в связи с предложением Якубовича). Все четыре плана, говорившие о нетерпении начать действовать, были разумно отвергнуты Директорией на юге и Думой на севере в силу неподготовленности общества, — ведь еще не была закончена работа над общей программой и не был окончательно выработан общий план действий. Все предложенные планы отдавали сепаратизмом и поэтому были с основанием осуждены как ошибочные.

Работа над общим «Планом действий» явно проходит сквозь частные планы, помогая декабристам в подготовке конечного выступления. Сказанное еще не исчерпывает сделанного, но и то, что перечислено, заставляет признать значительной работу последнего года декабристского движения, даже если не говорить о кипучей деятельности в дни междуцарствия, выводя ее за рамки данного периода.

Конституционные проекты, разрабатываемые на данном этапе, имеют ту существенную особенность, что не только связаны с работой над предполагаемым «Планом действий», но органически входят в его состав. Нельзя приступить к восстанию, не имея готовой конституции, которую надо предъявить Великому собору. Но чтобы приготовить такой проект, надо сначала положить на стол два готовых варианта — северный и южный, сличить их, достичь соглашения об избранных сильных сторонах того и другого, создать третий. Для этого надо иметь в письменном виде исходные варианты, один из которых (муравьевский) обсуждался в обществе, другой (пестелевский), уже принятый Южным обществом, докладывался на Петербургском съезде. Эта общая ситуация многое освещает в напряженной работе над конституционными проектами осенью 1824 и зимой 1824/25 гг. Пестель создал имеющуюся в нашем распоряжении последнюю редакцию «Русской Правды», не успев, однако, завершить ее. Никита Муравьев, как мы видели, успел за указанный период создать две редакции своей Конституции, закончив последнюю и сдав ее для обсуждения в общество (до 12 сентября 1825 г.). Важен вопрос о том, насколько ушла вперед та живая человеческая среда, которой предстояло обсуждать ее и в скором времени — хотя в тот момент никто еще не мог предполагать этого — выступать на Сенатской площади.

2

После петербургских совещаний 1824 г., на которых победило рылеевское направление, основной актив Северного общества уходит далеко вперед от бывшего лидера северного движения. Этому активу, в значительной мере пополненному новыми людьми, менее связанными со старым массивом дворянского землевладения, легче изживать крепостнические пережитки в собственном сознании и прислушиваться к голосу закабаленных народных масс. Весь комплекс объективных задач декабристского движения отчетливее и точнее отражается в сознании «рылеевцев» по сравнению с прежними лидерами, чему помогает собственный жизненный опыт нового актива (гражданская и военная служба у Рылеева, Пущина, Батенькова, широкие литературные связи у Рылеева и Кюхельбекера, Каховского), расширенный круг наблюдений над сферой злоупотреблений царской администрации и военной системы (не только армия, но и флот

у Бестужевых, Торсона, Беляевых, Арбузова, Завалишина, а также отчасти инженерное и строительное дело), богатая и разносторонняя осведомленность через личные связи о положении русской буржуазии, купечества, мещанства (Штейнгель, Батеньков, Рылеев), широкий запас сведений и впечатлений о положении Сибири и Севера (Батеньков, Рылеев по службе в американской компании), наконец, конкретное и осознанное представление о положении на Кавказе (А. С. Грибоедов, Якубович и отчасти побывавший там Каховский). Поистине можно сказать, что прихлынувший в декабристское движение вместе с новыми людьми более широкий жизненный опыт и осведомленность о России много превосходили тот объем представлений, который был у Никиты Муравьева, несколько замкнувшегося в последние годы в узком круге гвардейской службы и высшего света, и у Николая Тургенева, связанного со сферой полумертвого Государственного совета, узкой избранной литературной средой да саратовскими имениями. К тому же Николай Тургенев, как и Трубецкой, подолгу отрывается от России заграничными путешествиями.

Особо надо отметить широким потоком вливающуюся в ведущий рылеевский круг русскую культурную жизнь, живые связи с литературной средой. Да, собственно, этот круг в значительной степени и является самой культурной и литературной жизнью России этого времени. Тут зреет национальное сознание передовой России, и культурные ценности, здесь создаваемые или осознаваемые, войдут в золотой фонд русской передовой культуры.

Тема о декабристском печатном органе — ежегоднике К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная Звезда» — выходит за хронологические рамки данной главы, но именно сейчас уместно напомнить об общем значении Альманаха и его месте в движении декабристов. Первая книга «Полярной Звезды», как мы уже упоминали, вышла в том же 1823 году, когда Рылеев вступил в тайное общество. Следующие две книги датируются 1824 и 1825 гг. Время, характеризуемое в настоящей главе, отмечено возрастанием популярности и влияния упомянутых литераторов-декабристов, сумевших сконцентрировать около «Полярной Звезды» лучших передовых писателей — А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Н. Гнедича, П. А. Вяземского, А. Дельвига, Дениса Давыдова, радищевца Остолопова, старого И. А. Крылова и некоторых других.

«Полярная Звезда» была предметом неоднократных подробных исследований литературоведов. Она явилась органом действенной и сосредоточенной декабристской пропаганды, оказав могущественную помощь процессу формирования двух лагерей и воспитанию революционного патриотического духа в молодом поколении. Борьба с крепостничеством и самодержавием — ее идеология. Удивительно, как сумел альманах, стиснутый царской цензурой, так много сделать для революционной пропаганды. «Полярная Звезда» содействовала воспитанию борцов против крепостничества. Последний момент требует особого внимания. Тема нового деятеля явилась основной как в поэтическом творчестве Рылеева, так и в «Полярной Звезде». Это была новая, глубоко-национальная и актуальнейшая тема времени, лишь в известной мере подготовленная работами Радищева и тираноборческим свободолюбием «Вадима», но в полной мере поставленная именно литературой декабристов и творчеством передовых писателей их эпохи, для которых первые русские революционеры были «друзьями, братьями, товарищами».

Центральный положительный герой высокой классической поэзии XVIII века не был противопоставлен старому строю: философ и покровитель муз, меценат и любовник, поклонник природы, прославлявший неисповедимость божества, прелесть сельского уединения и одновременно

восторгавшийся силой и могуществом царской России, громом ее побед — он при всех своих философских сомнениях и подчас возникавших скептических оценках окружающей жизни — как правило ощущал себя пассивным и прочным элементом окружающего строя. В силу этого он не ставил себе задач борьбы, не понимал себя как исторического деятеля. Основной поток жизни двигался сам по себе, вне его воли, нес его с собою, и вопрос об овладении его течением, чтобы повернуть его в другую сторону, создать жизнь на новой социально-политической основе — был чужд его представлению. Этот образ не претендовал на историческое творчество. Проблема деятеля, зачатая в радищевские годы, родилась в эпоху декабристов. «Думы» Рылеева ставили ее в историческом аспекте. «Полярная Звезда» многое сделала для воспитания деятеля и создания его образа. Она была подцензурным органом, и «Гражданин» Рылеева, опубликованный лишь Герценом в другой — свободной от цензуры — «Полярной Звезде», оказывается ключом к этому пониманию и вершиной рылеевского творчества, нелегальным программным произведением этого рода. Но появившаяся в последней книге рылеевской «Полярной Звезды» «Исповедь Наливайки» сумела пронести через царскую цензуру тот же критерий, создавший нового героя. Освобождение родины требует борьбы, нельзя «искупить свободу» без жертв, в борьбе за свободу родины приходится даже гибнуть,— но жребий этот благословенен. Пушкин, опубликовавший в первой книге «Полярной Звезды» послание «К Овидию», в скрытой форме противопоставлял себя деспотической власти и, в отличие от Овидия, не проливал слез и не просил Августа о помиловании. Сатира П. А. Вяземского (отрывок из «Петербурга», «Послание» к И. И. Дмитриеву) и острые басни И. А. Крылова («Крестьянин и овца», «Мельник», «Ворона») наносили разоблачительные удары по аристократии. Годичные литературные обзоры А. Бестужева, утверждая линию самобытной национальной критики, независимой от официальных воздействий, сумели выделить немало произведений, оставшихся в золотом фонде русской литературы, и поставить живые вопросы передового национального творчества, разрабатывавшиеся и в развитии русской критики и после декабристов.

Не надо все же забывать о цензурных стеснениях и трактовать «Полярную Звезду» как орган вольного слова. Этого не было, — творчество передового лагеря было сдавлено цензорской проверкой, и лишь малая доля нужных движению мыслей смогла «протиснуться» сквозь цензуру.

Учитывая роль рылеевского течения как в движении декабристов, так и в русской литературе, надо подчеркнуть его большое национальное значение, вполне определившееся к 1824 году.

Замечу, что после событий 1824 г. едва ли стóит укоренять в литературном обиходе выражение «отрасль» Рылеева, — надо говорить о рылеевском активе всего Северного общества, или о «рылеевском направлении», или как-либо еще, но только не об «отрасли». Нельзя ссылаться на применение термина «отрасль» самими декабристами. Они употребляли это выражение в другом смысле: «отрасль» у Рылеева, действительно, была, подобно тому как в Союзе Благоденствия «отделения» и «управы» назывались нередко «отраслями» Союза, но это понятие никак не покрывает после петербургских совещаний фактической роли Рылеева и его единомышленников, которая не может быть выражена термином «отрасль». Рылеевское направление было не «отраслью», а живым, ведущим элементом Северного общества в целом — в этом было его значение и сила, и это надо отразить в термине.

К. Ф. Рылеев с самого начала своего вступления в общество не проявил ни малейшего энтузиазма по отношению к Конституции Никиты Му-

равьева. Об этом уже говорилось выше, и это тем примечательнее, что Рылеев внимательно познакомился с текстом Конституции и, повидимому, списал ее собственной рукой. Позиция, занятая Рылеевым на петербургских совещаниях 1824 г., отчетливо говорит об этом несогласии. Рылеев, как и прочие члены Северного общества, спорящие и несогласные с Конституцией Пестеля, считал необходимым создание новой, третьей, конституции, которая была бы принята совместно как Северным, так и Южным обществом, явилась бы результатом обсуждений и споров, начатых в 1824 г. Если бы Рылеев отстаивал правильность Конституции Никиты Муравьева, он, очевидно, счел бы ошибочной и во всяком случае излишней идею создания какой бы то ни было новой конституции, для него была бы достаточна уже предложенная Н. Муравьевым. Между тем Рылеев уверенно отстаивает полную необходимость нового проекта, считает его обязательным и важным в подготовке общества к восстанию. Он говорит об этой новой конституции, или, говоря его словами, о «Государственном Уставе», не как о Конституции Муравьева, а в будущем времени, как о новом, имеющем возникнуть, третьем проекте: «тот Государственный Устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора». Буквально то же повторяет он в своем разговоре с Пестелем в 1824 г.: «...Чтобы тот Устав, который будет принят обоими обществами, был представлен Великому Народному собору как проект» [1].

Нет никаких сомнений в республиканском характере политического мировоззрения рылеевского актива и самого Рылеева. Вступив в общество как сторонник конституционной монархии, Рылеев после петербургских совещаний, а может быть, еще и в ходе этих совещаний, переходит на республиканские позиции. «В конце 1824 года,—свидетельствует А. Бестужев о Рылееве, — я увидел в нем перемену мыслей на республиканское правление, ибо дотоле мы мечтали о монархии, и из слов его о пребывании здесь Пестеля заключил, что это южное мнение». Воздействие Пестеля на укрепление республиканизма Рылеева несомненно. «После приехал Рылеев..., — читаем мы в деле Батенькова. — Разговор завел прямо о том, что в монархии не может быть ни великих характеров, ни остальных добродетелей... что в Европе даже и Англия пребывает в тяжком рабстве от аристократии, что она освободится после всех, а прочие должны ждать всего от России, где опыт 1812 года служит лучшим доказательством, что революция не как в Неаполе, Пьемонте и даже в Гишпании не может быть прекращена чужеземною силою. Я со своей стороны доказывал, что по обширности государства, по опыту тысячи лет и по нравам нашим республиканское правление нам не свойственно» [2].

Принятие в основном республиканской платформы соединения обществ в немалой мере является результатом работы рылеевского направления (даже Никита Муравьев в своем окончательном плане при известных условиях согласился на республику). Со стороны северян нет недостатка в общих свидетельствах о принятии республиканской платформы соединения Северного и Южного обществ: «Сказал мне Рылеев, что Южные отвергают монархию, и мнение их принято здесь», — свидетельствует А. Бестужев. «Здесь» в данном случае, бесспорно, означает Северное общество. Очень ясно и сильно свидетельство Сергея Муравьева-Апостола, который показывает, что первоначально главным препятствием к соединению обществ была «Русская Правда» Пестеля, «не во всем одобряемая Северным [обществом], согласным однако ж на введение Республиканского Правления в России, но с некоторыми изменениями против Русской Правды». Это свидетельство тем ценнее, что исходит от Сергея Муравьева-Апостола, очень осторожного в показаниях.

Когда 9 декабря 1825 г., т. е. за пять дней до восстания, Рылеев включает в движение своего старого — еще школьного — товарища Булатова, он сообщает ему о политической программе с каждой минутой близящегося и уже твердо решенного выступления в таких словах, передаваемых Булатовым: «Из открытия его узнал я следующее и главное то, чтобы уничтожить монархическое правление и власть тиранскую, как говорил Рылеев, которую присвоили себе цари над равным себе народом». «Весною 1825 года Бестужев объявил о революционном намерении общества и предположении ввести республику», — показывает Торсон, — по контексту речь идет о Николае Бестужеве. Существенно и такое свидетельство Давыдова: «Чтобы к[нязь] Волконской уверял определительно о совершенном согласии Северного общества действовать заодно с Южным обществом по предложениям Пестеля, я не говорил и не слыхал. А они сближались к цели южных членов и обещали быть деятельнее».

Матвей Муравьев-Апостол показывает: «Никита Муравьев и князь Сергей Трубецкой не были согласны на щет преступного предложения Южного общества Республики и истребление. Н. Тургенев, князь Оболенский, Рылеев, Бестужев (адъютант), князь Валериан Голицын, Митьков, Поливанов, Федор Вадковский, Свистунов, Анненков, Депрерадович разделяли сие мнение». Это свидетельство тем ценнее, что оно говорит даже о более раннем времени, нежели позднейший этап соглашения, связанный уже с отъездом Трубецкого на юг. К этому списку северных республиканцев, несомненно, надо сделать многочисленные добавления,— укажем Беляева 1-го, сводка данных о котором, составленная на основании его собственных свидетельств, гласит, что «питая свободный образ мыслей и увлекаясь мечтаниями о равенстве, он склонялся к республике». Николай Бестужев, один из самых стойких на следствии декабристов, не признался в своих республиканских симпатиях, но его «Записки о Голландии» 1815 г., написанные вне условий следствия, полны восхищения перед республиканским строем. Каховский придерживался «совершенно республиканского» образа мыслей, был сторонником «правления народного». Вся морская группа Северного общества настолько твердо была убеждена в необходимости введения в России республики, что, по свидетельству Д. И. Завалишина, не было даже и надобности кому-либо доказывать превосходство республики над конституционной монархией, — «сие было не нужно, ибо на сей счет никакого спора не было» [3].

Мы, к сожалению, не можем в желательной степени подробно раскрыть позиции рылеевского направления по вопросу о земле. К сказанному ранее можно добавить лишь немногое. Но важно отметить, что наша неосведомленность в этом вопросе никак не может быть свидетельством отсутствия мнения о земле в рылеевском активе или вообще «беззаботности» рылеевцев по отношению к столь важному вопросу. Доказательством, что такие мнения были, служит хотя бы принятое Рылеевым поручение написать особый «катехизис» для распространения в народе, причем, по свидетельству Оболенского, «назначение оного было образование простого класса людей обязанностям их касательно земли, на которой они поселены, и лиц, живущих на оной, вопросами и ответами, самым простым наречием» [4]. Под «лицами, живущими на оной» (земле) надо, очевидно, в данном случае подразумевать помещиков, в силу чего земля даже на конституционно-монархическом этапе развития Рылеева (свидетельство имеет в виду заседание общества в 1823 г.) представлялась ему, повидимому, разделенной между крестьянами и помещиками. Если послереволюционные аграрные отношения уже можно изложить для народа самым понятным языком, стало быть, автор изложения достаточно уяснил вопрос себе

самому. Отсюда и следует, на мой взгляд, что у Рылеева и его единомышленников существовали какие-то определенные позиции в вопросе о земле, входившие в круг их политических решений. Это сильно подтверждается и приведенным ранее разговором Рылеева с Пестелем о разделении земель по проекту последнего. Рылеев не формулирует своих возражений против Пестеля и в длительном двухчасовом разговоре не является пассивной стороной, — у него есть излагаемые им соображения по данному вопросу.

Острота политической проблематики, обсуждавшейся среди рылеевцев, чувствуется из отдельных реплик их переписки и из факта сосредоточенного внимания правительственных наблюдателей за рылеевским центром. «Да и ты сумасшедший: выдумал писать такие глупости, что у нас дыбом волосы стают, — пишет А. Бестужев В. Туманскому в январе 1825 г. — Где ты живешь? вспомни, в каком месте и веке! у нас что день, то вывозят с фельдъегерем кое-кого». «Здесь озираются во мраке подлецы, чтоб слово подстеречь и погубить доносом», — вставляет живущий среди «рылеевцев» А. С. Грибоедов собственные авторские строки в перевод из «Фауста» Гете. Уместно вспомнить, что Аракчеев, злобствующий на Рылеева еще с 1820 г., подсылал к нему специально подобранную шпионку (запись Матвея Муравьева-Апостола: «Полька К. действительно была подослана к Рылееву Аракчеевым»). Вспомним, что связанный перепиской с рылеевским кругом Пушкин просил Вяземского писать «если по почте, так осторожнее, а по оказии что хочешь». Каховский писал Николаю I из крепости о «разумноженном шпионстве» [5].

Необходимо заметить, что республиканская тема чрезвычайно сбита и искажена на следствии все заполонившим вопросом о цареубийстве. Следствие рассматривало цареубийство — частный момент республиканской идеологии в декабристском движении — как центральный вопрос всего выступления «мятежников» 14 декабря. Это и понятно: следствие над первыми русскими революционерами вела царская власть, царизм. Республиканская проблема на следствии в силу этого стала как бы синонимом цареубийства, потеснив вопрос о республике. Вместе с тем не было более легкого пути, чтобы спастись от этого центрального и самого страшного вопроса, как «скрыться» в область признания конституционной монархии. Ведь последняя не влекла за собой вопроса об убийстве самодержца,—наоборот, логически как бы отстраняла его: зачем убивать царя, а тем более членов его семьи при конституционной монархии, ведь и царь и его родственники еще могут понадобиться именно для введения таковой. Поэтому было бы крайней наивностью принимать на веру многочисленные клятвенные утверждения декабристов о том, что они были сторонниками конституционной монархии. В этом случае осмотрительнее отводить на второй план прямые свидетельства самих опрашиваемых лиц и относиться с особым вниманием не столько к их личным заверениям, сколько к свидетельствам о них. Особенно ценны, конечно, редчайшие свидетельства, свободно данные в конспиративной переписке. Слова Грибоедова о Рылееве, написанные в частном и пересланном не по почте письме к А. Бестужеву: «Обними за меня Рылеева искренне, по-республикански», больше и убедительнее говорят о Рылееве, нежели все свидетельства на следствии.

Рылеев и рылеевцы сыграли практическую решающую роль в том, что соединение обществ происходило на республиканской основе, и в том, что предполагаемая позиция революционной организации на будущем Великом соборе должна была быть республиканской. В. И. Ленин имел все основания вспомнить о республиканских идеях декабристов: подготовка к объединенному выступлению действительно имела республиканскую

базу. В свете всех этих фактов, ранее остававшихся как-то вне поля исследовательского внимания (на самый процесс «соединения» обществ перед выступлением также не обращали достаточного внимания в исследовательской литературе о декабристах), восклицание Пестеля «Так будет же республика!», которое он произнес во время совещаний 1824 г., получает особый смысл.

Нет никаких данных за то, что Рылеев и рылеевцы склонились в последний момент к диктатуре временного правительства и отказались от идеи учредительного Верховного собора. Решительно все материалы, которыми мы располагаем о Рылееве, свидетельствуют об обратном. Рылеев и его единомышленники были, кроме того, решительными противниками какой бы то ни было личной диктатуры, в этом ярко сказывается их демократизм. Временное же правительство всегда представлялось северным декабристам как очень ограниченная группа из двух-трех человек или немногим более с кратким сроком полномочий лишь на время действий Великого собора. Признание правильности диктатуры временного правительства было для Рылеева и его товарищей (в этом они сходны с Обществом соединенных славян) равносильно согласию с личной диктатурой, принципиальными противниками которой они были.

Решение о принятии республики конкретно означало в программе объединения решение бороться за республику в будущем учредительном собрании. Все члены тайного общества, принявшие решение бороться за объединенное выступление, были противниками диктатуры временного правительства и отстаивали идею Великого собора. Решить вопрос о выборе формы государства должен был Великий собор, члены тайного общества лишь принимали решение бороться за республику, отстаивать ее всею силой убеждения в Великом соборе. Вместе с тем должная подготовка Великого собора также была ясна для Рылеева: определение нормы и характера представительства от отдельных областей («оценка» того, «кто может выбирать и кто может выбираться», по показанию Каховского), самое руководство выборами в Великий собор, непосредственная организация его созыва — все это, разумеется, лежало, по мнению Рылеева, на временном правительстве. Некоторые исследователи ошибочно принимают эту сторону дела за согласие Рылеева с идеей диктатуры временного правительства, которая всегда была ему чужда. Для Рылеева была ясна необходимость направляющего воздействия революционной организации в «роковое время», но и этот вопрос никак нельзя смешивать с идеей диктатуры отдельных революционеров или временного правительства. Особо важным доказательством того, что Рылеев был сторонником созыва Великого собора, является составленный им совместно с Трубецким накануне восстания Манифест к русскому народу, на котором мы остановимся ниже. Манифест этот созывает Великий собор и объявляет программу его деятельности [6].

3

Особенно отчетлив демократизм ведущего рылеевского направления в вопросе об отношении к народу. Эта сфера деятельности Рылеева и рылеевцев заслуживает самого пристального исследовательского внимания. Тема о народных бедствиях была постоянной в круге Рылеева. Александр Бестужев в письме из крепости обращал особое внимание на крестьянское движение последних лет царствования императора Александра. «Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам, а угнетение дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей... Поселения парализовали не только умы, но и все промыслы тех

мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки, одним словом, все вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто даются места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины,— куда? не знали сами. Целые селения снимались и бродили наугад и многочисленные возмущения барщин ознаменовали три последние года царствования Александра»[7].

Полагая, что крестьяне начали «понимать права людей», рылеевский круг и разработал замечательный цикл агитационных песен для народа, недавно ставший гораздо более полно, нежели ранее, известным советской науке. «Подблюдные песни», насыщенные ярким революционным содержанием, и другие песни для народа интересны проявлением нового отношения к народу.

К. Ф. Рылеев и Александр Бестужев явились основными авторами этих замечательных памятников декабристской идеологии, однако не исключена возможность и дополнительного творческого участия в этих песнях других членов Северного общества. Сочиненные песни тут же и певались в декабристской среде, исполнители и друзья — слушатели, как вспоминают сами декабристы, делали тут же свои добавления, затем с общего одобрения включаемые в песню. В недавно найденных записках декабриста Вл. Толстого имеется, например, свидетельство, что в создании песен для народа принимал участие Ф. Вадковский, что очень правдоподобно. Первая подблюдная песня вновь найденного цикла удивительно сходна по стилю с песней в память восстания Черниговского полка, написанной в Сибири Михаилом Бестужевым[8].

Яркий демократизм песен, особо крепко роднящий эти памятники декабристской идеологии с радищевской традицией, говорит за себя.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ
И людями
Как скотами
    Долго ль будут торговать?

Народный язык песен свидетельствует о долгом и внимательном общении авторов с народом — и на полях войны 1812 г., и в суде, при отстаивании в невероятно тяжелых условиях царского строя правого дела бедняка, и непосредственно в деревне. Поскольку песни имели реальное распространение в народе и работали как агитационная литература, обстоятельство это должно быть особо отмечено.

Никак нельзя затушевывать то обстоятельство, что декабристы в этих песнях, во-первых, не скрывали от народа своих основных программных лозунгов, ничем их не подменяя, и, во-вторых, не исключали некоторой активной позиции народа в предстоящих событиях «рокового времени». Это было новым в движении.

По три шкуры с нас дерут,
Мы посеем — они жнут,
И свобода
У народа
    Силой бар задушена.
А что силой отнято, —
    Силой выручим мы то...

Здесь язык революционера-дворянина уже явно переходил в язык демократического агитатора. Трудно представить себе, чтобы такое стихотворение написал Никита Муравьев.

Встречается мнение, что эти революционные песни как-то «выпадают» из декабристской идеологии. Такое суждение основано на ложном представлении о декабристской идеологии, как о чем-то стабильном, застывшем. Между тем замечательные песни декабристов, созданные для народа и для солдат, представляют последний, наиболее зрелый этап идейного развития декабристов.

В сюжетном отношении, а следовательно, и по функции, взятые в разрезе поэтического замысла, песни декабристов, сочиненные для народа, делятся на два типа. Первый описывает тяжелое положение народа («по три шкуры с нас дерут, мы посеем — они жнут...»), характеризуя его отнюдь не как безвыходное. Выход рисуется как восстание, причем народ явится в нем в какой-то форме активной силой («А что силой отнято, силой выручим мы то...»). Особо ясен этот призыв к прямому восстанию в солдатской песне «Вдоль Фонтанки реки квартируют полки» (гвардейские казармы в Петербурге были расположены вдоль Фонтанки). Говоря о мучимых «князьками» гвардейцах, «подблюдная» песня спрашивала:

Разве нет у них * рук,
Чтоб избавиться от мук?
Разве нет штыков
На князьков-сопляков?
Да Семеновский полк
Покажет им толк,
Кому сбудется —
Не минуется.
Слава!

Относительно возраста ненавидимых в гвардии «князьков-сопляков» надо заметить, что таковой действительно не подходил к высоким постам, ими занимаемым: великому князю Николаю Павловичу (род. в 1796 г.) и его младшему брату Михаилу было немногим более 20 лет, когда первый был назначен бригадным командиром 2-й гвардейской дивизии, а другой — командиром 1-й гвардейской дивизии. Ни разу не нюхавшие пороху юнцы из царствующего дома со всей «широтой» романовского личного произвола издевались над солдатами и офицерами, ходившими под знаменами Суворова и побывавшими в дыму Бородина [9].

Подблюдная, рисующая восставшего крестьянина из района военных поселений, возбуждает ассоциацию о недавних волнениях новгородских крестьян, переводимых на военно-поселенное положение (А. Бестужев в июне 1824 г. как раз посетил Новгород):

Как идет мужик из Новагорода,
У того мужика обрита борода,
Он не плут, не вор, за спиной топор...

Одна из подблюдных песен содержала прямой призыв к восстанию, обращенный уже не к войскам, а к народу:

Уж вы вейте веревки
На барские головки,
Вы готовьте ножей

* «У них» в данном случае — у солдат, мучимых «князьками».

На сиятельных князей.
Если вместо фонарей
Поразвешивать князей,
Тогда будет тепло
И умно и светло.
Слава!

Второй сюжетный тип декабристских песен имеет другую функцию, совершенно новую в русской литературе. Он рисует радость революционной победы, торжество одолевшего неправду народа:

Уж как на́ небе
Две радуги,
А у добрых людей —
Две радости:
Правда в суде
Да свобода везде
И да будут они
Россиянам даны.
Слава!

Первая торжественная подблюдная и посвящена прославлению победившей свободы:

Слава богу на небе,
А свободе — на сей земле!
Чтобы правде ее —
Не изменяваться,
Ее первым друзьям —
Не состареться,
Их саблям, кинжалам —
Не ржаветься,
Их добрым коням —
Не изъезживаться.
Слава богу на небе,
А свободе — на сей земле!
И да будет она
Православным дана.
Слава!

Несколько песен обращено к женщинам, объясняя им существо совершившегося переворота и рисуя их участие в общем веселье по случаю революционной победы. Они также выдержаны в форме и стиле народных песен.

Сей, Маша, мучицу, пеки пироги:
К тебе будут гости, к тирану враги.
Не с иконами, не с поклонами,
А с желёзами да с законами.
Что мы спели — не минуется ему
И в последний раз крикнет:
«Быть по сему!»

«Железа» — в данном случае, очевидно, оковы — предназначены для тирана, а законы — для народа.

Другая песня, на память записанная в показаниях Матвея Муравьева, была тщательно зачеркнута военным министром Татищевым, уничтожавшим по царскому приказу все «возмутительные» песни. Через густой ряд зачеркнутых штрихов (от полного уничтожения песню спасло то, что на обороте ее страниц находились важные для следствия показания, которых нельзя было уничтожить) удалось с помощью особой аппаратуры разобрать текст песни от имени женщины (ранее известный в менее полном объеме):

Подгуляла я,
— Нужды нет, друзья,
Это с радости,
Это с радости.
Я — свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров,
Императоров!
На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов,
У сенаторов [10].

Повторение припевной строки хорошо передает плясовой мотив песни. Особый интерес этого стихотворения состоит в упоминании о сенаторах. Ведь декабристы написали ее до восстания на Сенатской площади. Нет сомнений, что это упоминание отражает принятый по предложению Пестеля на петербургских совещаниях 1824 г. план издания Манифеста к русскому народу от имени Сената, причем принуждение к этому сенаторов, которые едва ли согласились бы на это «добром», не только было уже до восстания обдумано декабристами, но даже отражено в песне народа: у сенаторов «развязывается язык» лишь в ответ на «крик» свободы.

Матвей Муравьев-Апостол записал, слив ее вместе с песней о гвардии, и другую подблюдную песню, с замечательной выразительностью образно говорящую о призыве к вооруженной борьбе.

Идет кузнец
Из кузницы,
Несет кузнец
Три ножа.
Один нож —
На господ, на вельмож.
Другой нож —
На попов, на [святош?].
А молитву сотворя,
Третий нож на царя,
На вампира на царя.
Слава! [11]

Разумеется, приведенные стихи не свидетельствуют о переходе декабристов на позиции революционного демократизма, но они говорят о движении вперед исторических лозунгов декабристского общества. Это движение вперед — очень важная черта декабристской идеологии, часто принимаемой за стабильную. Вместе с тем эти стихи свидетельствуют о стремлении сделать путем агитации понятным народу выступ-

ление декабристов, донести до народа в художественной форме основные лозунги движения, в том числе республиканский, связанный с цареубийством.

Датировка песенного цикла представляет большой интерес. Свидетельство А. Бестужева в 1822 г., что он один написал подблюдные песни, а вместе с К. Рылеевым песню «Ах, скучно мне», не может быть принято за достоверное: в 1822 г. ни Рылеев, ни Александр Бестужев еще не были членами тайной организации, и нет оснований приписывать им поэтически-оформленный призыв к народному восстанию. Можно предположить даже известную нарочитость этой отдаленной даты в показаниях А. Бестужева на следствии, объясняя ее стремлением декабриста вообще вывести песенный цикл за рамки вопросов о деятельности его в тайном обществе. Скорее датировка подблюдных песен может быть основана на том факте, что Матвей Муравьев-Апостол, близкий как Рылееву, так и Бестужеву, привез их из Петербурга на юг во второй половине 1824 г. Если бы подблюдные были гораздо более раннего происхождения, то Матвей Муравьев, очевидно, получил бы их от Рылеева в свое время и много раньше сообщил бы о них южанам. Датировке помогает и упоминание о сенаторах в песне «Подгуляла я...». Надо было составить вполне конкретное представление о натиске на Сенат, чтобы создать приведенный выше образ. Такое представление могло сложиться у декабристов лишь после петербургских совещаний 1824 г.

Датировка «подблюдного» песенного цикла иногда производится на основе переписанной вместе с ним песни «Царь наш, немец русский», в которой содержится упоминание о князе П. М. Волконском, как начальнике штаба («Князь Волконский — баба — начальником штаба»), что соответственно дает период между сентябрем 1823 и апрелем 1824 г., который и принимается за время возникновения песен. Едва ли этот прием бесспорен: в нашем распоряжении нет данных, свидетельствующих о полной одновременности сочинения песни «Царь наш, немец русский» с подблюдным циклом. Повидимому, песни для народа не были одноактным творчеством: создание их началось в 1823 г. и продолжалось далее, и последнее из них на основании изложенных выше данных можно предположительно датировать зимой 1823/24 г. [12].

А. Бестужев категорически отрицал на допросах распространение агитационных песен в народе («Мы певали их только между собою... в народ и между солдатами никогда их не пускали»). Но свидетельство парируется диаметрально противоположным утверждением его брата Николая, данным вне следственной обстановки и поэтому вызывающим более доверия. В своих воспоминаниях Николай Бестужев пишет: «В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева». Николай Бестужев неотразимо мотивирует этот факт соображением о невозможности истребить песни из памяти народа, несмотря на все старания правительства («Они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его (народа.— *М. Н.*) состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов...»). Особо важно его соображение, что песни не забывались не только потому, что народ видел в песнях «верное изображение своего настоящего», но и «в о з м о ж н о с т ь у л у ч ш е н и я в б у д у щ е м». Следовательно, Рылеев и его единомышленники далеко для дворянских революционеров продвинулись к демократизму и стали на путь агитации среди народа. Рылеев, Оболенский,

Бестужевы, Арбузов вели агитацию среди солдат и матросов, доводя до их сознания освободительные лозунги в доступной форме. Восстание 14 декабря покажет известную действенность этой агитации. Прекрасно поясняет цель песен Е. Оболенский: «Русские народные песни были действительно предлагаемы как средство к раскрытию ума простого народа» [13].

В описанной обстановке реализуется, таким образом, новый и чрезвычайно важный элемент движения — решение непосредственно действовать на солдатскую массу. В конце 1824 г. Оболенский обращается непосредственно к Пестелю с просьбой прислать «Русскую Правду» и оповещает его о начатой агитации среди солдат. «К князю Оболенскому я ни разу не писал, — кратко показывает Пестель, — но от него в 1824 году получил чрез князя Волконского письмо, в котором он извещает, что дела идут хорошо, что действует на нижних чинов, особенно унтер-офицеров, и просил ускорить присылкою Русской Правды». Слова об агитации среди солдат подчеркнуты в Следственной комиссии — очевидно, генерал-адъютантом Чернышевым — и на полях поставлено многозначительное «нотабене». «Новая жизнь появилась в обществе»,— писал Оболенский Пестелю. Как ни старался в этом же показании Оболенский отрицать свидетельство Пестеля, ему не удалось снять вопроса о начале подготовки солдат. Теперь, когда мы располагаем текстами прямо обращенных к солдатам подблюдных песен, отрицание Оболенского надо признать лишь самозащитой перед следствием, а агитацию Рылеева и Бестужева среди солдат петербургского гарнизона в дни междуцарствия — не началом, а продолжением ранее начатой агитационной работы [14].

Дело Депрерадовича сохранило драгоценное свидетельство, что Пестель, принимая его в филиал Южного общества в Петербурге, советовал влиять и на нижних чинов. Согласно доносу Майбороды, Пестель поручил ему в мае 1825 г. приготовлять солдат «к нашей цели», начиная с унтер-офицеров. Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин в своей агитации среди солдат опирались на разжалованных семеновских солдат. Таким образом, и юг и север приступили к агитации среди солдат. Поскольку в этой работе на юге активнейшее участие приняло Общество соединенных славян, мы в дальнейшем еще вернемся к этому вопросу.

4

Однако ведущее значение Рылеева и рылеевского актива в Северном обществе, столь значительно изменившее общий облик северной организации, было бы неполно без раскрытия связи рылеевского круга с передовой русской национальной культурой, живого участия в ее творчестве. Сюда в Петербург, к Рылееву и А. Бестужеву одно за другим идут письма из Михайловского от опального А. С. Пушкина. Тут рождаются горячие дружеские споры вокруг появляющегося в свет пушкинского «Евгения Онегина», вокруг «Дум» и «Войнаровского» К. Ф. Рылеева. Сюда с Кавказа приезжает А. С. Грибоедов с рукописью только что законченного «Горя от ума». Рылеевский круг включает в себя первых слушателей знаменитой национальной комедии и восторженных ее пропагандистов. Тут под диктовку Грибоедова сразу в несколько рук переписывают декабристы запрещенное цензурой «Горе от ума» и содействуют его распространению по России. Здесь во время страшного петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. декабрист Одоевский в ледяных невских волнах «плывет и тонет», чтобы спасти Грибоедова.

Квартира Одоевского — один из центров северного заговора — место, где поселяется автор «Горя от ума». «Революционное гнездо», в которое почти что сразу попадает Грибоедов по приезде в Петербург, является

одновременно и средоточием зреющего выступления и крупным центром передовой русской культуры. В нем живут и действуют пять известных писателей эпохи: Рылеев, А. Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, А. Одоевский, добавим Грибоедова; именно с этой группой в то же время состоит в самой оживленной переписке опальный А. С. Пушкин. Тут находятся причастные к литературе Николай и Михаил Бестужевы, считающие (первый отчасти, а второй всецело) литературу своим призванием. Завсегдатай этого дружеского круга А. О. Корнилович — один из значительных писателей-декабристов, историк, выдающийся по дарованиям и образованности человек.

Добавим, что сюда же приходит как друг и собрат гонимый царем польский поэт-революционер А. Мицкевич [15].

Казалось бы, почему не встретить в этом кругу человека, не чуждого литературе, бывшего члена «Арзамаса» и личного знакомого почти всех участников рылеевского окружения — Никиту Муравьева? Он в эту зиму — в Петербурге, он как будто бы смог сказать свое слово по всем этим животрепещущим темам передовой национальной культуры? Но его тут нет,— и работа над новой национальной проблематикой также идет мимо прежнего идеолога Северного общества.

«Евгений Онегин», обсуждавшийся в том же дружеском декабристском кругу, состоявшем в переписке с Пушкиным, по своей основной теме был тесно связан с темой д е я т е л я, глубоко занимавшей декабристов. Пушкин по-новому осветил ее, подойдя к основной проблеме времени с несколько неожиданной, так сказать, негативной стороны: почему молодой герой, презирающий «свет» и субъективно ему противопоставленный, казалось бы могущий по своим данным понять дух времени и вырасти в деятеля, остается в толпе праздных юношей, не «разгадавших судьбы» и не желающих постичь «предназначенье века»? Так, говоря рылеевскими словами, можно формулировать основную историческую коллизию знаменитого романа в стихах, захватившего современников. Онегин, который несомненно «в постыдной праздности влачит свой век младой», в перспективе своего последующего художественного раскрытия (Пушкин позже хотел привести его к стану декабристов, к Сенатской площади, переродив героя), повидимому должен был преодолеть основное противоречие. Критики-декабристы требовали более резкого и ясного противопоставления молодого героя отвергаемому им дворянскому обществу,— и дальнейшая эволюция образа, намеченная Пушкиным, как будто пошла именно по этой линии.

Как и при обсуждении «Евгения Онегина» — первого русского национального романа с огромным общественным полотном, одухотворенная, глубокая дружеская критика рылеевского круга сопровождала разбор великой русской национальной комедии «Горе от ума». Вместе с декабристами в этом разборе принимал живое участие и опальный Пушкин, приславший свой разбор комедии по адресу А. Бестужева («Покажи это Грибоедову», — пишет он в январском письме). Нельзя не вспомнить вместе с этим, что текст запретной комедии доставили Пушкину декабристы: одна из копий, вращавшаяся в рылеевском кругу, стала достоянием И. Пущина, который, безбоязненно посетив опального поэта, вручил ему рукопись комедии в день своего приезда в Михайловское 11 января 1825 г. [16].

Это свидание И. И. Пущина с Пушкиным — важный момент в истории взаимоотношений поэта и декабристов. Пущин, наконец, открыл Пушкину о существовании тайного общества, что прежде, как мы помним, от него скрывал. Он не видел друга с января 1820 до января 1825 г. — в течение пяти лет. За это время Пушкин, как мы знаем, еще

ближе чем в 1817—1820 гг. подошел к жизни тайного общества. Невероятная быстрота, с какой он сумел связать сообщение Пущина — члена Северного общества — с деятельностью южных декабристов, просто поразительна. «Незаметно коснулись опять подозрений насчет Общества,— пишет Пущин в своих воспоминаниях. — Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать».

Пушкин сумел объединить два явления, связь которых для правительства стала ясна только через год — во время следствия над декабристами. Только значительной осведомленностью Пушкина и его идейной близостью с тайным обществом можно объяснить эту молниеносную догадливость [17].

Внимательно оценивая свидетельство «Записок» декабриста Н. И. Лорера о том, что Пущин вызвал Пушкина письмом в Петербург перед восстанием (очевидно, пообещав поэту во время январского свидания 1825 г. сделать это), попрежнему представляется мне заслуживающим внимания. Обычно это свидетельство отводится общим соображением о том, что декабристы берегли Пушкина и не хотели подвергать его опасностям. Но этот довод крайне слабеет в такой ситуации, где действующим и решающим вопрос лицом уже является сам оповещенный о тайном обществе Пушкин. Он не стал бы сам оберегать себя. Нельзя было сказать о существовании тайного общества и членстве в нем И. И. Пущина, не сказав, во имя чего же общество существует, что собирается предпринять. А достаточно было Пушкину узнать хотя бы в самой общей форме о готовящемся восстании — и никакой иной реакции, как желания присутствовать в столице в момент решающих событий и принимать в них участие, мы и предположить не можем у Пушкина. Информация Н. И. Лорера, вероятно, восходит ко Льву Пушкину, который сам был участником событий на Сенатской площади (и даже получил на площади оружие из рук декабристов). Нельзя сомневаться, что Лев рассказал о событиях брату, получив от него то признание, которое и зафиксировано в «Записках» декабриста Н. И. Лорера («Однажды он (А. С. Пушкин. — *М. Н.*) получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем. Не долго думая, пылкий поэт собрался и поскакал в столицу...»). Пушкин попал бы в самый кипяток подготовки к восстанию — на заседания к Рылееву [18].

Рылеевский круг сыграл активную роль в защите «Горя от ума» от реакционной критики. Отсюда вышли защищающие «Горе от ума» статьи (А. Бестужева, О. М. Сомова). Бессмертная формула: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных», принадлежит декабристу Александру Бестужеву.

Очевидно, именно в это время, общаясь с Рылеевым и Бестужевым, Грибоедов задумывает написать пьесу о 1812 годе, замысел которой разительно совпадает с рассказом Александра Бестужева о ратниках ополчения («Еще война длилась, — писал Бестужев из крепости, — когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в народе: «Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине; мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа...»). Грибоедовский замысел возник из этого общения с декабристами зимой 1824/25 г. Героем пьесы был простой крепостной человек — ратник ополчения, который вернулся с войны с надеждой на освобождение, покрытый громкой славой воинских подвигов, чтобы попасть «под палки господина». Пьеса кончалась трагически: «Отчаяние (далее 11 точек означают

какой-то довольно длинный цензурный пропуск — рукопись Грибоедова не дошла до нас. — *М. Н.*). Самоубийство», — таков тяжелый финал задуманного произведения.

Грибоедов был полностью осведомлен о факте существования тайного общества и его программе. Планы вооруженного переворота вызывали, однако, его резкие критические отзывы: он боялся (и как оказалось потом, справедливо) за успех исхода задуманного дела. «Сто прапорщиков хотят перевернуть государственный быт России»,— с насмешливой горечью возражал он. Родственник Грибоедова Д. А. Смирнов, интересовавшийся вопросом об отношении Грибоедова к тайному обществу, в упор спросил об этом старика-сенатора А. А. Жандра, одного из самых близких друзей Грибоедова. Свидетельство Жандра замечательно и дает, как мне представляется, исчерпывающий ответ на вопрос об отношении Грибоедова к декабристам. Вот эта часть разговора Д. А. Смирнова с А. А. Жандром в записи первого:

«— Очень любопытно, Андрей Андреевич, — начал я, — знать настоящую, действительную степень участия Грибоедова в заговоре 14 декабря.

— Да какая степень? Полная.

— Полная? — произнес я не без удивления, зная, что Грибоедов сам же смеялся над заговором, говоря, что 100 человек прапорщиков хотят изменить весь правительственный быт России.

— Разумеется, полная. Если он и говорил о 100 человеках прапорщиков, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне».

К этому ответу полностью может примкнуть исследователь. Он точно соответствует документальному материалу [19].

Альманах ближайших друзей А. С. Грибоедова — В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского — «Мнемозина» был печатным органом, отражавшим декабристскую идеологию. Названный по имени греческой богини памяти журнал и наименованием своим хотел оттенить широту предполагавшегося тематического охвата, разносторонность своих интересов: согласно греческой мифологии Мнемозина была матерью всех девяти муз. Четыре книжки альманаха, вышедшие в Москве в 1824—25 гг., помещали на своих страницах произведения А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского, Е. А. Боратынского, Н. Языкова, В. К. Кюхельбекера, Вл. Одоевского, Н. Полевого, А. Боровкова. Проповедь высоких гражданских идеалов и русской самобытной национальной культуры роднила «Мнемозину» с «Полярной Звездой». Защита народности литературы была принципиальной позицией «Мнемозины». В программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» В. Кюхельбекер ратовал за народность свободной литературы, за раскрытие богатств русского языка, отстаивал права высокой гражданской романтики. При всем том не надо преувеличивать возможностей «Мнемозины»: стесненная цензурным надзором, она не могла развернуть ни прямой критики социального строя, ни коснуться политических проблем,— декабристская идеология в силу этого не могла проявить себя с самых важных сторон. Привлекавшая «любомудра» Вл. Одоевского немецкая идеалистическая философия, для пропаганды которой и был отчасти предназначен альманах, не была характерна для декабризма. Однако «Мнемозина» вложила свой вклад в дело декабристской пропаганды и позже заслужила положительный отзыв В. Г. Белинского.

Характеристика деятельности Северного общества была бы однако не полна без упоминания об его своеобразном открытом выступлении, связанном с дуэлью Чернова и Новосильцова.

Яркая общественная демонстрация 27 сентября 1825 г. на похоронах К. П. Чернова, убитого флигель-адъютантом Новосильцовым,— дело, организованное декабристами и прежде всего К. Ф. Рылеевым и его друзьями. Тысячи людей пришли проводить гроб скромного подпоручика, защитившего честь своей сестры, от брака с которой отказался представитель богатейшего и близкого ко двору дворянского рода только по причине нежелания его семьи родниться с «простой» дворянкой. Рылеев — родственник Чернова — был его секундантом. Состоявшаяся 10 сентября дуэль окончилась смертельным ранением обоих участников. Новосильцова хоронила ничтожная кучка придворной челяди, Чернова же пришли проводить в последний путь невиданные толпы людей, большинство которых никогда его не знало лично. Весь Петербург несколько недель только и говорил об этом невиданно-ярком проявлении общественного мнения, выразившего свое возмущение всесилием аристократии, общественного мнения, ставшего на сторону — как говорили сами декабристы — «демократического» принципа. Стихотворение Рылеева «На смерть Чернова» явилось одним из самых ярких агитационных документов декабристской литературы:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

В нарисованной выше общей картине жизни северной организации зимой 1824/25 г. приковывает к себе внимание намечающаяся связь с революционной Польшей. Если обстоятельства сложились так, что Южному обществу пришлось действовать в контакте с более или менее аристократическим Польским Патриотическим обществом, то на севере наметились связи с более демократической струей польского революционного движения. Выше уже упоминалось об А. Мицкевиче. Член «Общества филоматов», он гораздо ближе подошел к рылеевскому кругу, нежели польские союзники Южного общества. «Общество филоматов» возникло в Виленском университете в том же 1817 г., когда Союз Спасения принял свой устав. Эта организация дворянско-революционного характера тяготела к тем же основным общественным проблемам, что и общество декабристов: сословное неравенство и феодальное угнетение вызывали протест «филоматов». Задачи национального возрождения, хотя еще и в неясной форме, соединялись с целями социального преобразования, — это было сильной стороной течения. «Филоматы» хотели ликвидации феодального угнетения, не ограничиваясь восстановлением польской государственной территории в границах 1772 г. Задача формирования передового общественного мнения сближала «филоматов» с Союзом Благоденствия. Высланный из Польши в Россию А. Мицкевич быстро нашел общий язык с К. Ф. Рылеевым, А. Бестужевым и их кругом. Рылеев писал о Мицкевиче и его товарищах: «По чувству и образу мыслей они уже наши друзья». Назвав свое посвященное декабристам стихотворение «Друзьям-русским», А. Мицкевич засвидетельствовал такое же отношение со стороны представленного им польского движения.

Другой связью с польским революционным движением явился также принадлежащий к «филоматам» М. Рукевич — вдохновитель «Общества военных друзей». Последнее было организовано по его советам в Отдельном Литовском корпусе в 1825 г. М. Рукевич был обвинен в том, что своими советами содействовал «к заведению и усовершенствованию между военными офицерами тайных обществ». Целью «Общества военных дру-

зей», по определению следствия, было «якобы просвещение и взаимная помощь» (заметим, что и то и другое характерно также и для «Общества филоматов», хотя и не исчерпывает его программы). Более подробных данных о программе «Общества военных друзей» у нас нет, но, конечно, ни просвещение, ни взаимная помощь не исчерпывали его планов. Судя по его бурному выступлению в дни присяги Николаю I, общество носило явно противоправительственный характер. Одну из главных ролей в нем играл капитан К. Г. Игельстром. Членами общества были поручики А. И. Вегелин и Вильканец, подпоручики Петровский и Гофман, прапорщик Воехович. Можно предположить какие-то связи организации с Петербургом, потому что «возмутительные рассказы о двух партиях в Санктпетербурге» были во время междуцарствия одним из побудительных мотивов к выступлению. Но более полными и точными данными об этом мы не располагаем.

5

Работа над последними редакциями конституционных проектов шла неразрывно с вопросом о «Плане действий». Свидетельство Оболенского об истребовании от Пестеля «письменной конституции и Плана действий для обстоятельного суждения об оных» хорошо передает эту связь, как и дальнейшее его показание о составлении «Особенного Комитета» для суждения о письменной конституции и «Плане действий» [20].

Меры, которые принимал Рылеев для создания морской группы декабристов, относятся, несомненно, к практическим мероприятиям и — объективно — входят в сферу «Плана действий». Вскоре по вступлении в общество, Рылеев принял в него братьев Бестужевых — Александра и несколько позже Николая. Полагая, что во время революции необходима будет опора на море, Рылеев принимал энергичные меры к созданию отделения общества в Кронштадте — для защиты восставшей столицы и для решения судьбы царской семьи. Рылеев называл Кронштадт нашим островом Леоном, т. е. развивал план, что революционное выступление может н а ч а т ь с я с Кронштадта (Батеньков возражал ему, что «Леону нашему надлежало быть на Волхове или на Ильмене», намекая на военные поселения). Рылеев ездил и сам в Кронштадт, но уверился в невозможности создать там сильный филиал общества. Николай Бестужев показал, что Рылеев предполагал возможным отправить морским путем царскую семью за границу, «ежели оная не будет согласна на конституцию». Хотя создать группу в Кронштадте не удалось, Рылеев не переставал учитывать Кронштадт при разработке плана действий. Моряк Торсон свидетельствовал: «Рылеев сказал, что при восстании войск в Петербурге мне и Бестужеву ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матросов, сменить начальство и принять город и крепости под свою команду». Очевидно, речь идет в данном случае о моряке — Николае Бестужеве (Михаил Бестужев в это время уже перешел из флота в пехотный лейб-гвардии Московский полк). Торсон говорил на следствии о полной несбыточности этого плана. Хотя, как уже сказано, Рылеев, посетив Кронштадт, не стал возлагать на него особых надежд, но в данном случае нас интересует самый «План действий» и попытка его конкретной подготовки. Хотя кронштадтской группы и не удалось создать, но морская группа декабристов возникла и сложилась при энергичном участии Рылеева. Принятый за год до восстания Николай Бестужев, а также Торсон, Арбузов, Завалишин, Беляевы входили в ее состав. 14 декабря 1825 г. участники этой группы подняли на восстание гвардейский морской экипаж и привели его на Сенатскую площадь [21].

В начале 1825 г. в состав Северной думы вошел вместо уехавшего на юг князя Трубецкого К. Ф. Рылеев. Это было большим приобретением тайного общества и сыграло немалую роль в последующих событиях.

«Планом действий» должны были в северной организации заняться не только Дума Северного общества и петербургские управы, но и Московская его управа. Работа эта в исходе 1824 г. и в первой половине 1825 г. еще и не могла быть завершена: для нее пока что не хватало нужнейшей предпосылки — выработанного конституционного проекта. Никита Муравьев в это время еще работал над своей последней редакцией, Пестель еще не присылал с юга своей рукописи. Сердца томились по выступлению, но неподготовленность к нему общества была слишком ясна, а намеченный петербургскими совещаниями порядок действий был убедителен и никем не ставился под сомнение. Понятно поэтому, какое смятение в Северном обществе вызвало появление приехавшего с Кавказа А. Якубовича, предложившего план немедленного цареубийства и бравшего этот акт лично на себя.

А. Якубович, известный своей исключительной храбростью и прославленный военными подвигами на Кавказе, вступив или почти вступив в тайное общество, заявил о своем непременном желании убить Александра I (причем убить безотлагательно, не считаясь ни с какими планами общества) под предлогом личной мести императору за неправильный перевод из гвардии в армию.

«Храбрый кавказец», которого Пушкин считал одной из наиболее романтических фигур своего времени, был, как указывалось, переведен из гвардии в армию за секундантство в дуэли Шереметева и Завадовского, кончившейся смертью Шереметева. Вторым секундантом по этому же делу был Грибоедов, который также оказался после этого далеко на Востоке. В 1825 г. Якубович был в отпуске в Петербурге, к этому году и относится его намерение убить Александра I, открыто заявленное декабристам и чрезвычайно взволновавшее все Северное общество. Согласно формуляру Якубовича, приказ Ермолова об его отпуске «в Полтавскую и Черниговскую губернии сроком на 4 месяца» датирован 16 сентября 1824 г. Якубович выехал из Георгиевска 15 сентября 1824 г. Новый приказ Ермолова от 19 ноября того же года разрешил ему пребывание в Петербурге: «Уволен в отпуск до излечения раны, полученной в сражении пулею в голову, для пользования в клинике, учрежденной при С.-Петербургской медико-хирургической академии». Однако Якубович «проездом» в Петербург подолгу жил в других местах, в частности в Москве, и, по собственному свидетельству, приехал в Петербург лишь в июне 1825 г. Александр Бестужев, бывший в Москве в мае того же года, неоднократно виделся с Якубовичем: «Мы сошлись в приязнь..., либеральничали вместе». Эти свидетельства приводят к заключению, что предложение Якубовича Северной думе о покушении на жизнь императора не могло быть сделано ранее июня — это была летняя тревога 1825 г. [22].

Якубович предполагал совершить покушение во время летнего петергофского праздника. Рылеев картинно рассказывает, как Якубович вынимал полуистлевший от времени лист с приказом о своем разжаловании, лист, который он восемь лет, по его выражению, «носит у ретивого», как клялся отомстить императору, считал, что мщение и благодарность — «две страсти, которые движут мир», а все остальное — не страсти, а страстишки. Он даже срывал при этих словах черную повязку с головы, где крепко сидела кавказская пуля, срывал так, что «показывалась кровь...». На допросах по понятным причинам декабристы характеризовали предложение Якубовича как сумасбродное и подчеркивали момент личной

мести императору. Очень легко пойти по пути этой аберрации, собрав весь материал показаний о предложении Якубовича летом 1825 г. и ограничившись только им. Однако стоит выйти за границы этого сравнительно узкого по значению эпизода, как вопрос представится более сложным. Осложняет его прежде всего пронизанное вольнолюбием мировоззрение Якубовича (между прочим — воспитанника Московского университета), памятником которого остается его замечательное письмо из крепости императору Николаю I. Это — сильное и последовательное изложение декабристских взглядов, продуманное, страстно и стройно изложенное. Якубович рассмотрел в отдельных «главах» своего письма положение крестьян, воинов, купечества, духовенства, дворянства, он подробно рассмотрел в первой части произвол царского деспотизма и бедствия, порождаемые системой самодержавного управления, действительно нарисовав общую картину народного неблагоденствия. «Вся тягость налогов и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежит на сем почтённом, но несчастном сословии». Описав природные богатства России, Якубович ярко противопоставил им бедственное положение крепостного пахаря, самовластье и закоснелое невежество развратных помещиков, беззащитность трудового человека перед лицом закона. «Нет защиты утесненному, нет грозы и страха утеснителю!» Между тем искать правды в суде напрасно — «лихоимство заседает в судилищах, где не защищается жизнь, честь и состояние гражданина, но продают за золото или другие выгоды, пристрастные решения». Письмо Якубовича к императору всегда было и останется одним из ярких документов декабристской идеологии, и ограничить его предложение о цареубийстве единственно мотивами личной мести за разжалование из гвардии, конечно, невозможно. Вопрос сложнее: Якубовича нельзя ни изъять из числа декабристов, ни тем более — противопоставить его им [23].

В то время как Рылеев рисует весь замысел Якубовича как исходящий из личных мотивов мести царю, Оболенский, который тоже лично знал Якубовича и лично говорил с ним, рисует дело сложнее: «Причины, побуждавшие Якубовича к поступку сему, были следующие, сколько я мог оные вспомнить из слов Рылеева,— показывает Оболенский: — тяжелая рана Якубовича в голову, от которой он думал вскоре кончить жизнь, побуждала его кончить оную, ознаменовав избавлением России от покойного императора, которого он полагал причиною бедствий, терпимых народом, от [военных] поселений, непомерного лихоимства в судах, тяжести земских повинностей и проч. Сверх сего может быть побуждала его личность (т. е. личные мотивы.— *М. Н.*) против императора...». Письмо Якубовича Николаю I из крепости разительно совпадает с показанием Оболенского, поэтому надо признать, что Оболенский в данном случае ближе к истине, чем Рылеев [24].

Но вопрос о Якубовиче решался бы сравнительно просто, если бы сложность его состояла только в этом. Вопрос становится еще более трудным, когда он неизбежно соединяется с другим: существовало реально или не существовало то «Кавказское общество», первоначальные сведения о котором декабристы получили именно от Якубовича? Иначе говоря, явился ли перед декабристами летом 1825 г. некий одинокий ненавистник императора, предложивший себя в цареубийцы, или перед ними стоял член еще не известной им тайной организации? Разница в положении весьма существенна в том и в другом случае. В декабристской литературе почти без исключений принято суждение о «Кавказском обществе» как о мнимом, созданном лишь безудержной фантазией Якубовича, совравшего бог знает что в разговоре с Волконским на Кавказе во время поездки туда Волконского в 1824 г. Такое категорическое решение располагает един-

ственным доводом — решительным отрицанием Якубовича, данным на допросе в яркой форме (декабрист «сознался», что «Кавказское общество» им выдумано, что он о нем «бредил вздор»). Надо вообще любое отрицание подследственного лица по вопросу основной его вины всегда, как довод, принимать с большой осторожностью и искать более сильных доказательств. Заметим, что в отличие от большинства историков Николай I не поверил Якубовичу и ввиду большой важности вопроса вывел данную тему за рамки следствия по делу декабристов и повел дознание (результатов которого мы не знаем) по другой линии. Взвешивая всю совокупность данных о «Кавказском обществе», благоразумнее признать вопрос по меньшей мере открытым.

Дело Волконского является первостепенным источником для изучения этого сложного и мало выясненного вопроса. Учтем прежде всего, что в связи с изучением истории движения декабристов приходится констатировать действительное возникновение не одного, а ряда тайных обществ («Орден русских рыцарей», Общество соединенных славян, «Военных друзей», Польское революционное общество,— этим еще не исчерпывается список). Сами декабристы были глубоко убеждены, что наряду с их обществом существуют и другие, еще не известные им организации, и имели для этого основания. Предположение о том, что в Кавказском корпусе существует отдельное тайное общество, возникло в Южном обществе ранее поездки Волконского на Кавказ. Характерно, что, обращаясь к Якубовичу со своим предположением о существовании на Кавказе тайного общества, Волконский объявил ему «о пользе, ежели бы все общества в России, вероятно во многом числе существующие, могли бы состоять под одним управлением».

Самая возможность возникновения самостоятельной тайной организации на Кавказе представляется вполне правдоподобной. Кавказ в то время являлся местом ссылки, политический надзор в ермоловское время был там весьма ослаблен, личные особенности главы Кавказского корпуса генерала Ермолова — вольнодумца и политического протестанта — могли лишь поощрять возникновение тайной организации. На Кавказе до восстания декабристов побывали многие члены тайного общества и близкие их единомышленники. Декабрист Каховский, разжалованный в рядовые в декабре 1816 г., был сослан на Кавказ. Немногим позже туда же сослан Якубович (за секундантство в дуэли Шереметева—Завадовского). Побывали на Кавказе в корпусе Ермолова декабристы братья Борисовы, тогда уже основавшие свое первое тайное общество («Первого согласия»). Был на Кавказе до восстания и А. Авенариус, в то время уже член декабристского общества, принятый Пестелем в Союз Спасения; служили на Кавказе и декабристы Копылов и П. Сахно-Устимович в бытность членами тайного общества; там же побывали до восстания и декабрист Петр Муханов, Фурман. Из неопубликованного показания В. Кюхельбекера в «Деле о существовании (мнимого) тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе» мы можем узнать об интересном факте: дядя декабриста Якубовича Петр Максимович Сахно-Устимович, принятый в декабристское общество в 1821 г., едет на Кавказ вместе с Кюхельбекером и по дороге (оба находятся в этот момент в свите Ермолова, возвращающегося на Кавказ) пытается принять Кюхельбекера в члены тайного общества. Если Устимович пытается принять Кюхельбекера, подъезжая к Кавказу, то, повидимому, и приехав на Кавказ, Устимович может продолжать подобную же практику. Условия для нее на Кавказе были в те годы особенно благоприятны. Как видим, эти соображения возникают независимо от показаний Якубовича по вопросу о существовании тайного «Кавказского общества» [25].

Волконский показал, что он виделся с Якубовичем на Кавказе и неоднократно вел с ним переговоры о тайном обществе. Якубович дал столь подробные сведения о «Кавказском обществе», что трудно счесть их простой выдумкой,— в целях «хвастовства» выдумка едва ли могла нуждаться в таких подробностях. О встрече с Якубовичем Волконский написал обширную докладную записку для Директории Южного общества, ввиду важности вопроса сообщенную и Северной думе. Якубович, Воейков и Тимковский были обозначены в отчете Волконского как члены «Кавказского общества». В отчете Волконского сообщалось, что «Кавказское общество, как и наше, имеет цель произвесть революцию, но совсем в другом виде», что общество делится на три разряда: 1) Главное правление из 4 или 8 особ, 2) исполнительную власть из 8 или 16 особ и 3) прочих членов. Способом «приуготовления нижних чинов» было действие на солдатскую массу через разжалованных в солдаты офицеров (их на Кавказе было множество). «Также было упомянуто в сем отчете о средствах общества привлекать [к] себе людей через оказание [им] больших услуг»,— Якубович приводил в качестве примера «сделанную им по словам его услугу морским офицерам Каспийской флотилии, которые были будто бы уличены в вывозе медной монеты и которых он в Тифлисе по своему влиянию охранил от взыскания». Новейшие данные между прочим подтверждают, что в эти годы действительно производилось следствие по упоминаемому делу и вел его не кто иной, как близкий декабристам Александр Чавчавадзе. Якубович сообщил Волконскому, что Ермолов не состоит в «Кавказском обществе», но «оному покровительствует». Волконский предложил «Кавказскому обществу» вступить в сношения с Южным. На это Якубович отвечал, что их организация уже находится в сношении с Северным обществом и что от них уже послан туда человек (имел ли в этом случае Якубович в виду Грибоедова, действительно до этого уехавшего с Кавказа на север, сказать трудно). «О цели Кавказского общества сказывали,— показывает Пестель,— что оно ожидает революции в России, дабы содействовать оной или, смотря по обстоятельствам, служить убежищем при неудаче» (в последнем случае даже предполагалось отделение Грузии от России). С какой бы целью мог вольнолюбивый и умный человек выдумать все эти подробности, издеваясь над дорогим для него делом? Из Журнала Следственного комитета видно, что о существовании тайного общества в Кавказском корпусе «говорил князю Волконскому кроме Якубовича еще и Тимковский». Вопрос о «Кавказском обществе» поэтому лучше считать еще неясным и нуждающимся в дополнительном исследовании,— решать его отрицательно пока нет оснований [26].

Предложение Якубовича о цареубийстве или, скорее, даже его оповещение о нем членов Северного общества (он ни при каких условиях не хотел его откладывать) резко нарушало выработанный план. В самом деле, они только что договорились о серьезнейших вопросах, вступили в начало «соединения», находились в процессе разработки «Плана действий» (последний предполагал почти годичную подготовку),— и вот покушение Якубовича срывало все планы, осложняясь тем, что совершалось лицом, которому уже было известно существование тайного общества. Рылеев свидетельствует: «По приезде его сюда мы скоро сошлись, и я с первого свидания возымел намерением принять его в члены общества, почему при первом удобном случае и открылся ему». Отсюда ясно, что покушение Якубовича на цареубийство не только вообще срывало подготовку намеченного плана и заставало общество еще не готовым к выступлению,— оно

еще ставило общество под прямую угрозу полного провала, ибо покушение на императора брал на себя человек, уже осведомленный о существовании общества [27].

В тот же день Рылеев уведомил о намерении Якубовича Оболенского и Никиту Муравьева, т. е. весь состав Думы. Был также уведомлен Бриг-ген. «Все были того мнения, что надо всячески стараться отклонить Якубовича от его намерения, что и возложено было на меня». Вместе с Александром Бестужевым и Одоевским Рылеев безуспешно бился с Якубовичем, по собственному признанию, «около двух часов» и вышел от него «в чрезвычайном волнении и негодовании». Наконец, с величайшим трудом удалось склонить Якубовича «отложить свое предприятие на год». Годичный срок тут очень показателен: он совпадал с намеченным декабристами собственным планом выступления,— тогда Якубович мог бы пригодиться... [28].

Особенно же существенно то, что декабристы рассчитывали при подготовке восстания на корпус Ермолова и «Кавказское общество» в планах своего выступления.

6

Пестель ясно сознавал растущую активизацию общества, стремившегося к открытому выступлению. Это давало силу его собственным размышлениям над планом восстания и звало к работе над конституционным документом. Это подтверждало и правильность взятой им линии на сближение с активной северной группой, поддерживало и решение выработать совместный план реального выступления. Однако эта активизация несла в себе еще и неразрешенные противоречия, а с ними—новые опасности. Васильковская управа явно переоценивала готовность общества к выступлению и недооценивала необходимость в общем конституционном документе. Вместе с тем она переоценивала как собственные силы, так и то брожение в армии, на которое хотела опереться. Оно постоянно казалось Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину столь интенсивным, что при первой попытке выступления все вокруг «само собой» должно подняться и запылать,— смелого решения вождей, вот чего недостает ситуации. Об этом Сергей Муравьев открыто писал Тизенгаузену, вдохновляя его на борьбу и ссылаясь на пример греческого восстания. Муравьев с Бестужевым не уставали повторять, что, задерживая выступление, тайное общество лишь усиливает опасности, ему угрожающие, и ничего не выигрывает. Предложения Васильковской управы обгоняли решения Пестеля и обостряли внутренние разногласия. Центральным вопросом четвертого съезда руководителей Южного общества в Киеве в начале 1825 г. и был вопрос о предложенном Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым новом плане выступления, носящем в следственных материалах декабристов название первого Белоцерковского плана [29].

План этот возник как раз в конце 1824 г. В следующем 1825 г. опять предполагался царский смотр 3-го корпуса. Белая Церковь — имение графини Браницкой, где должен был остановиться Александр I, намечалось в плане как место выступления. Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, авторы плана, проектировали поставить к царю в караул членов тайного общества, переодетых солдатами, «захватить» императора и «нанести ему удар». План имел сходство с уже обсужденным и отвергнутым в 1823 г. Бобруйским планом с той поправкой, что теперь уже не солдаты, а члены тайного общества стояли «на часах у государя» и царя не арестовывали, а убивали. Пестель, как и в прошлый раз, решительно выступил на Киевском съезде против этого плана.

Личный состав последнего в жизни тайного общества съезда на киевских контрактах был несколько необычен. Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин не получили возможности приехать в Киев и отсутствовали на съезде. Их заменили другие представители Васильковской управы — Повало-Швейковский и Тизенгаузен. Кроме Пестеля и Барятинского, присутствовал также Юшневский; Каменская управа была представлена Давыдовым и Волконским. Большинство поддержало Пестеля, что и дало при голосовани провал первого Белоцерковского плана. Барятинский много помог Пестелю своими выступлениями и доводами, как и прочие сторонники [30].

О провале первого Белоцерковского плана Пестель показывает: «Я, Юшневский, Давыдов, князь Волконский и князь Барятинский сильно тогда спорили противу оного во время Киевских контрактов 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули». План был отвергнут как неподготовленный и вынуждающий общество действовать ранее, нежели оно могло и хотело; поддержка северян в нем не была обеспечена, периферийный характер выступления был неоспорим, опора на Петербург и действия по захвату «средоточия властей» оставались невыясненными. Опять возникала опасность легких условий для действия контрреволюции,— узкий заговорщический оттенок плана вызвал особую тревогу. Пестелю, в сущности, предлагалась роль главы полубездействующего обсервационного корпуса в Киеве. Незавершенность переговоров с Польшей также делала первый Белоцерковский план преждевременным.

Как ни горел жаждой действий Сергей Муравьев-Апостол, он покорился общему решению. Эта сторона дела заслуживает комментария. Хотя линия С. Муравьева-Апостола и не совпадала в данном случае с мнением всей Директории, в конечном счете он покорился решению если не Директории, то Киевского съезда. Тем самым он не вышел из основного декабристского единства, хотя своеобразие его позиции оставалось вне сомнений.

Вторым вопросом, обсуждавшимся на съезде, был вопрос о русско-польском союзе.

Еще в то время, когда Пестель был на петербургских совещаниях, а потом в Васильеве, отношения с Польским обществом имели дальнейший ход; во время свидания С. Муравьева и М. Бестужева-Рюмина с представителем Польши Гродецким, состоявшегося в Киеве в мае 1824 г., продолжались начатые переговоры. Как помним, они остановились на предложении, сделанном через Крыжановского Варшавскому центру. От него все не было ответа, и свидание представителей южан с тем польским «связным», который был выделен Крыжановским, имело целью ускорить получение окончательного суждения варшавского руководства. Неправильно поэтому сводить смысл свидания к простой попытке русской стороны установить более тесный контакт между двумя обществами. Такое толкование не отражает главного в свидании. Контакт уже был установлен раньше, и самый серьезный. Теперь дело вовсе не шло просто о более или менее тесном характере общения, а об окончательном решении польского центра. Не учитывать этого означает представлять отношения с Польшей не то вообще стабильными, не то все время непрерывно «начинающимися» и все с одного и того же места. Положение Гродецкого об этой встрече далеко не полно и именно создает указанную выше аберрацию [31].

Переговоры опять будто начались сначала, и Сергей Муравьев убедительно доказывал Гродецкому, что конечная судьба Польши зависит от судьбы русского революционного движения. Русский народ не хочет жить под самодержавным правлением, требует вольности и народной

конституции. Революционная «партия» в России сильна, войско большей частью на ее стороне,— если Польша не соединится с революционной Россией, то ей может угрожать полное падение. Передача Гродецким этих тем разговора очень правдоподобна, но дело было не в них. От самого Гродецкого фактически ничего не зависело, он был только посредником и мог и должен был лишь форсировать получение решений от центра. Однако в его свидетельстве есть важная сторона — возобновление спора о территориальном вопросе. По его словам, Сергей Муравьев полагал, что Польша в случае согласия действовать совместно «получит те же пределы, какие имела прежде, и будет иметь отдельное политическое бытие». Вместе с тем Муравьев задал вопрос: «могла бы Польша отыскать свои древние границы?» Ясно, что в последнем случае речь не могла идти о границе Польши перед польскими разделами, которые были отлично известны и не подлежали «отысканию». Речь шла, очевидно, о древних границах Польши, исходных в ее самостоятельной истории и не таких легких для определения. Практически же это означало другое решение территориального вопроса, и когда Гродецкий, по собственному признанию, обещал спросить об этих границах Варшавскую директорию, сомнительно, чтобы речь шла о простой исторической справке. Очевидно, Сергей Муравьев-Апостол вносил новое предложение о возможности изменения границ, предложенного при последних переговорах, отражая тем самым позицию петербургских совещаний, высказавшихся против передачи Польше таких значительных русских территорий. Совещания в Петербурге длились в 1824 г. с начала марта по конец апреля. Вернувшийся на юг Швейковский передавал от Пестеля бумаги в Васильковскую управу и вообще был живой связью. Поэтому свидание с Гродецким в мае 1824 г. легко истолковывается как учет петербургских решений и является попыткой внести видоизменения в предшествующий проект соглашения [32].

Напомним, что в Южном обществе переговоры 1824 г. Бестужева с поляками вызвали тревогу именно в этом отношении. Матвей Муравьев-Апостол в письме от 3 ноября 1824 г. из Хомутца отражал мнение, в сущности, большинства декабристов, когда писал: «Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла в кости судьбу моей родины». Смысл этой фразы, несомненно, относится к идее территориальных передач Польше русской земли, идее, возникшей уже в 1824 г. Отрицательное отношение большинства декабристов к этому проекту Пестеля не было «спокойным» теоретическим спором: земли, о которых шла речь, считались исконными русскими, и мысль об их отъединении вызывала резко отрицательное отношение.

В августе того же года Гродецкий поехал в Бердичев, где в то время находился волынский губернский маршал П. Мошинский, возглавлявший провинциальную управу Польского общества. Бердичевская ежегодная «ярмонка», как и Киевская контрактовая, также была местом свиданий для членов польской организации. Мошинский принял на себя передачу нового предложения Варшавскому центру. Появление на контрактах в Киеве в 1825 г. князя Яблоновского—члена Польского центра—и было ответом на данное предложение. Однако не только новый вариант территориального вопроса был на этот раз темой переговоров. Их состав был сложнее. Чтобы представить его во всей полноте, надо принять во внимание, что, возвращаясь с петербургских совещаний 1824 г., Пестель посетил Васильковскую управу и среди прочих вопросов, связанных с «объединением» обществ, ставил и вопрос о «Плане действий». Польша, как нависающий над русской революцией и еще необеспеченный левый фланг, крайне беспокоил его. Поскольку цареубийство было принято на петербургских совещаниях как начало действий, вставал вопрос о судьбе

цесаревича Константина — острый, как никогда при данной постановке. Обещание поляков употребить все средства, чтобы не дать Константину вернуться в Россию, естественно, уже не могло удовлетворить Пестеля: он опасался, показывает Бестужев, что поляки «воспользуются нашей слабостью во время переворота, чтобы вооруженной силой возвести на престол (разумеется, на престол Российской империи.— *М. Н.*) Константина Павловича, дабы он из благодарности возвратил им независимость». В силу этого прежнее условие в проекте договора с Польшей надо было заменить новым: убийство поляками цесаревича Константина в момент предстоящего восстания. Надо подчеркнуть, что речь отнюдь не шла о немедленном убийстве Константина в июле 1824 г. или в ближайшее к нему время, когда Пестель возвращался на юг. Напротив, «сепаратное» убийство Константина вне плана общего выступления спутало бы все карты и ничего, кроме вреда, тайному обществу не принесло бы. Речь шла об убийстве цесаревича в разрезе общего плана действий, в момент совместного выступления. Поэтому новое свидание С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина с тем же посредником Гродецким в октябре 1825 г. также было результатом изменений в прежнем проекте соглашения: в него надо было еще обязательно ввести уничтожение Константина. Это октябрьское свидание интересно тем, что во время него — в прикровенной форме — довели до сведения польского представителя факт соединения Южного и Северного обществ, запланированного на петербургских совещаниях. По свидетельству Гродецкого, Бестужев сообщил ему, «что их патриотическое общество значительно умножилось, что они надеются в скором времени увидеть оное в той степени зрелости, какой они могли бы желать посредством соединения с ним знаменитых и имеющих силу людей в народе». Предложение об уничтожении Константина также было передано Гродецкому. Острота положения требовала скорого ответа от Директории, а ответа все не было [33].

Отсюда и проистекла необходимость нового свидания с Гродецким — уже в начале зимы 1824 г., т. е., повидимому, месяца через два после предшествующего октябрьского свидания. По показанию Гродецкого, Бестужев горячился и упрекал поляков в вялом действии, «отклонении» и «нерадении давать нам сведение ни о чем важном». Можно понять Бестужева: Южное общество работало над «Планом действий», а уяснить его без представления о позиции революционной Польши было совершенно невозможно.

Одновременно Васильковская управа действовала через графа Олизара, богатейшего киевского и волынского польского помещика, поставив его в курс переговоров и новых предложений и предлагая форсировать переговоры с Варшавским центром [34].

Приезд члена польского Центрального комитета Антония Яблоновского в Киев «на контракты» в 1825 г. и был ответом на создавшуюся ситуацию. Нужно было договориться о новом проекте русско-польского договора, в который вводилось новое понимание территориального вопроса и новое существенное условие — уничтожение Константина. Записки графа Олизара прямым образом свидетельствуют, что южные декабристы «обусловили свое согласие соизволением на него С.-Петербургского комитета» — это ясное указание на решения петербургских совещаний [35].

Переговоры с А. Яблоновским вели в январе—феврале 1825 г. непосредственно Пестель и Волконский. Пестель не открыл при этих переговорах, что он — глава Южного общества, а действовал именем Петербургской директории. В свете объединительного плана обществ юг уже должен был стать отделением слившегося общества. Предварительные свидания (порознь) как Пестеля, так и Муравьева с Гродецким вводили

как того, так и другого в курс переговоров и сообщали просьбу свести их с приехавшим делегатом Польского центра во второй половине января 1825 г.

Встреча с Яблоновским произошла, по показанию Гродецкого, во второй половине января 1825 г. в Киеве, в квартире Волконского («на Печерске»). Надо подчеркнуть, что переговоры велись уже как от Южного, так и от Северного общества, — это свидетельство как никакое иное вводит нас в существо новой ситуации, создавшейся после петербургских совещаний. «Пестель себя объявил как уполномоченный (в подлиннике: уполномоченным.— *М. Н.*) от управления Петербургской директории, а меня,— показывает Волконский,— как члена, назначенного от Южной управы на будущие сношения по делам общества». Пестель точно — по пунктам — передает содержание переговоров: «Предметы оного были: 1) Независимость Польши. Глухо сказано, а о губерниях Литовских, Белостокской, Волынской и Подольской ни слова не было упомянуто. 2) Взаимное содействие на случай внешней войны. 3) Одинаковый образ правления. 4) Поступить им с цесаревичем так, как нами поступлено будет с прочими великими князьями. 5) Уведомлять им нас о всех своих сношениях с прочими тайными союзами в Европе и с Англиею и никаких обязательств им с кем не заключать без предварительного нашего согласия». Сопоставляя этот план с ранее приведенным у Бестужева-Рюмина и знаменующим более раннюю стадию переговоров, мы замечаем прежде всего иную постановку территориального вопроса. Она уже не вполне отражает ту карту Пестеля, составленную для «Русской Правды», которую Пестель пытался отстоять перед петербургскими декабристами. В договоре Бестужева говорилось, что поляки могут рассчитывать «на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской»,— теперь уже о значительной части этих территорий речи не шло. Новым было и условие относительно Константина. Однако расширились условия общения Польши с «тайными союзами в Европе» при условии, что никаких обязательств Польша не возьмет на себя без согласия русского революционного общества [36].

В поздней редакции «Русской Правды» имеется вклеенный на место вырезанного новый листок на французском языке, содержащий перечень, конкретизирующий, как мне представляется, условия с Яблоновским. В литературе выдвинуто мнение, что листок этот представляет, напротив, лишь набросок плана переговоров для последующей встречи с польским делегатом в Бердичеве в июне 1825 г. (встреча эта не состоялась). Сомнительно, чтобы в памятник основного законодательного значения Пестель вклеил план п р е д с т о я щ е г о разговора, план, который во время разговора мог претерпеть самые разнообразные изменения. Очевидно, в такой памятник включались результаты, уже закрепленные договоренностью. Однако основной результат переговоров остается тем же: новая редакция «Русской Правды» уже не определяет совершенно точно территориальных уступок Польше, предоставляя их позднейшей договоренности после победы революции и руководствуясь при определении этих границ «правилом благоудобства» [37].

Требует комментария и пункт относительно взаимных действий на случай внешней войны. Какой войны? И почему вопрос стоит особым пунктом? Вернее всего, в данном случае он выходит за рамки общего значения и означает не просто всегда и во всех случаях внешнеполитических осложнений действовать вместе с Россией. Тогда подобный пункт лишь воспроизводил бы общее положение более раннего договора Бестужева-Рюмина. Но в этом более раннем договоре такого именно пункта нет,— он, очевидно, означает что-то новое. Не относится ли он к обещанию

Пестеля в будущем отвоевать для независимой Польши и вместе с нею польские территории, оторванные при разделах Пруссией и Австрией? Это компенсировало бы изменения в предложениях по территориальному вопросу.

Взвешивая причины медлительности поляков, нельзя опять-таки не вспомнить о разнице русской и польской программ. Польское Патриотическое общество, отличаясь преобладанием аристократического элемента, ставило в центр своей программы восстановление независимости Польши на основе «Конституции 3 мая» (свидетельство С. Муравьева-Апостола и др.). Но конституция эта не содержала плана социального преобразования, не ликвидировала феодальное угнетение польского крестьянства. Декабристы же (особенно южные) при всей ограниченности их социальной программы ушли куда дальше польских дворян-революционеров из Патриотического общества. Разница социальных программ и была тормозом соглашения. Однако оно все же состоялось, хотя и в условной форме — до утверждения объединившимся обществом. Это соглашение было существенным элементом общего «Плана действий». Ведь Пестель действовал как представитель «Петербургской директории», т. е. обязан был представить договор к «ратификации» (выражение польских показаний) в Петербурге, будущему объединенному управлению. Его ответ отчетливо передает новую ситуацию: «Условий никаких еще заключено не было, ибо на то нужно было предварительное мнение и согласие всего Союза. Переговоры же только что начались и мало оных происходило. Заключение условий не мог я принять на свою ответственность, ибо без предварительного согласия всего Союза не мог удостоверять о принятии Союзом и при случае об исполнении условий. Я только бы себя компрометировал. По окончании переговоров представил бы оное Союзу на решение и утверждение условий» [38].

Следовательно, и русско-польский союз — существенное слагаемое большого «Плана действий» — тяготел к будущему объединительному съезду 1826 г.

7

Понятно в свете всего изложенного выше, какую важность представляла дальнейшая работа над «Русской Правдой» и как существенно было ее спешное окончание. Никита Муравьев на севере к сентябрю 1825 г. уже сдал свой последний проект, Пестель же все медлил. От него «часто» требовали поспешить с окончанием его проекта, жизненная необходимость этого для Пестеля была ясна более, чем для кого другого. И все-таки работа над «Русской Правдой» «не шла», перо останавливалось. Какой-то внутренний кризис идеолога южной организации не подлежит сомнению, отрицать его значит закрывать глаза на действительность.

Выше уже указывалось на обострившиеся противоречия внутри самого Южного общества. Они еще не доходили до разрыва, Сергей Муравьев-Апостол повиновался съезду в Киеве, но все же ситуация внутри Южного общества явно усложнялась.

Рост демократических элементов идеологии и программы начинал пугать менее стойких. Как всегда, на трудных и ответственных поворотах в жизни революционных организаций находились колеблющиеся. Колебания проявил прежний стойкий сторонник, постоянный представитель юга на севере, прежде верный защитник южной программы — Матвей Муравьев-Апостол. Письмо его к брату Сергею, датированное 3 ноября 1824 г., представляет собой редкий образец конспиративной переписки декабристов до восстания, дошедшей до нас в очень ограниченном ко-

личестве. Матвей Муравьев, видимо, подвергся и давлению Северной думы, стремившейся использовать его как орудие воздействия на брата: «К чести тамошних (т. е. членов Северного общества. — *М. Н.*) я должен сказать, что они с уважением отзываются о вас, чего с вашей стороны я не вижу», — с раздражением пишет он Сергею, сообщая далее о впечатлении, какое произвел в Петербурге Пестель в 1824 г. В этом сообщении легко видеть повторение мнения С. Трубецкого о том, что Пестель «бредит». В письме имеется и ясное указание на аграрный проект Пестеля как на уступку массе, как на рычаг, которым можно сделать массу сочувствующей планам переворота, «привести в движение». Действия Пестеля на севере даже объяснялись «ничтожным тщеславием»: «И все это делается из ничтожного тщеславия, ради того, чтобы тоном учителя навязывать писанные гипотезы, о которых одному лишь богу известно, применимы они или нет. Раздел земель, даже как гипотеза, встречает сильную оппозицию. И я спрашиваю вас, дорогой друг, скажите по совести: возможно ли привести в движение такими машинами столь великую инертную массу? Наш образ действий, по моему мнению, порожден полным ослеплением...». Письмо с предельной ясностью выявляло ограниченность дворянской революционности, давая классическую ее формулу: «Допустим даже, что вам легко будет пустить в дело секиру революции,— но поручитесь ли вы в том, что сумеете ее остановить?»[39].

В письме сравнивалось положение 1824 г. с восстанием Семеновского полка в 1820 г. и решительно подчеркивалась разница между линией солдатского восстания и направлением офицерства. Последнее стремилось к совершенно другому «порядку вещей». «Армия первая изменит нашему делу,— пророчит Матвей Муравьев.— Приведите мне хотя бы один пример, который бы, не скажу доказывал, а лишь позволил бы предполагать противное. Нашелся ли хотя бы один офицер Семеновского полка, который подверг себя расстрелянию? Вы меня спросите, зачем им подвергать себя этому. Но дело идет не о той пользе, которую это принесло бы, а о стремлении к другому порядку вещей...»[40].

В декабре 1824 г. верный друг Пестеля Н. Лорер, вернувшись из поездки «в Малороссию», прямо сообщил Пестелю о холодности Матвея Муравьева к делам общества и общему направлению Пестеля. Надо предполагать, что до сведения Лорера это обстоятельство мог довести сам Матвей Муравьев, которого тот посетил во время поездки на именины к Трощинскому. Имение Муравьевых Хомутец, где жил в это время Матвей Муравьев, находилось в той же Полтавской губернии. Матвей Муравьев отозвался о Лорере как агенте Пестеля с чувством величайшего недоброжелательства, о чем прямо написал в письме к брату Сергею от 3 ноября 1824 г., уже цитированном выше[41].

Настроение Матвея Муравьева вызвало и большое недовольство в круге членов тайного общества, остававшихся полностью на прежних революционных позициях. Пестель был осведомлен о них и взволнован ими. Воздействие брата и других членов общества как будто вернули Матвея на прежние позиции, но эпизод не мог оставить следа в сознании южного актива. Однако положение осложнялось и с другой стороны — со стороны прямого давления С. Трубецкого на южную организацию.

Еще во время петербургских совещаний С. Трубецкой отправил на юг вместе с отъезжавшим туда Швейковским «письмо к Сергею Муравьеву..., где описывал, как бредил Пестель и как я не понимаю, если он с ним в связи,— то как может оставаться, если он все знает»,— так

передавал содержание письма сам его автор. В одном из последующих показаний С. Трубецкой упоминает и о любопытной конспиративной форме, в которую он облек свой призыв к С. Муравьеву-Апостолу: «Я не осмелился... писать открыто и описал в виде трагедии, которую читал нам общий знакомый и в которой все лицы имеют ужасные роли».

В 1824 г. правительство вновь получило какие-то тревожные сведения о настроениях в армии: близкий к агентуре Николай Назарьевич Муравьев сообщал отцу Муравьевых-Апостолов, что «правительство имеет подозрение о расположении умов в полуденном крае», и отец, видимо, подозревая Сергея, поспешил произвести на него давление через старшего брата (Матвея) с тем, чтобы «остановить» сына. Письмо отца Пестеля от 3 сентября 1824 г. бьет тревогу в том же плане и советует «остерегаться Юшневского». Едва ли не в связи с этими сведениями стоит отмена смотра в Белой Церкви, предположенного в 1825 г. Он был отменен, повидимому, именно вследствие опасений «злоумышленников» в армии [42].

В конце того же 1824 г. князь Волконский ездил в Петербург и привез Пестелю письмо от Оболенского, в котором тот извещал его, что дела идут хорошо, и «просил ускорить присылкою Русской Правды». Эти сведения от друга на севере, конечно, обрадовали Пестеля. Повидимому, именно в связи с подобными требованиями о присылке «Русской Правды» стоят показания Пестеля: «От меня часто требовали ею поспешить». Однако положение внутри южной организации осложнялось позицией Трубецкого, приехавшего в 1824 г. на юг и надолго там обосновавшегося.

Князь Щербатов, назначенный командиром 4-го пехотного корпуса, предложил Трубецкому занять место дежурного штаб-офицера. Новое назначение требовало длительного переселения на юг — в Киев. «Высочайшее распоряжение» о назначении С. Трубецкого на эту должность последовало 22 декабря 1824 г., но Трубецкой появился на юге, повидимому, лишь в марте 1825 г. [43].

«В 1824 году, в исходе, отправился я в 4 корпус... Одна из обязанностей моих была наблюдать за Пестелем, ибо он вовсе отделился»,— показывает Трубецкой. Дело было, разумеется, не в том, что Пестель «отделился»,— он, напротив, был полон желания продвинуть дальше объединение общества, и указанная формула «удачно» найдена Трубецким на допросе, чтобы произвести впечатление на следователей. Но Трубецкой действительно относился к той старой руководящей группе тайного общества, которую особенно пугал и рост демократических элементов в программе и «Плане действий» и общее продвижение вперед по революционному пути.

По приезде, С. Трубецкой немедленно завязал сношения с Васильковской управой. «Князь Сергей Трубецкой по прибытии в Киев действовал с сею управою»,— лаконично показывает Пестель. Киевская квартира С. Трубецкого стала местом, где останавливались Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, когда приезжали в Киев. Особенно облегчились эти свидания, когда 9-я дивизия, где служил С. Муравьев, стала ходить в Киев на караул. Трубецкой был старым знакомым семьи Бестужева-Рюмина, что облегчало их общение. «Скоро по приезде моем в Киев увиделся я с Сергеем Муравьевым-Апостолом,— показывает С. Трубецкой,— который уверил меня, что он ни мало не вдался Пестелю и что он с другими членами общества, из их дивизии дали друг другу слово против Пестеля. Что они Пестеля не видят, но что Пестель имеет доверенность к Бестужеву, через которого они и наблюдают Пестеля, с которым нужна большая осторожность в сношениях, ибо он весьма подозрителен...». Показание это никак нельзя принимать на веру, так как нераз-

рывная связь Васильковской управы с Пестелем наблюдается вплоть до его ареста и никакими свидетельствами не подтверждена клятва («слово») против Пестеля. Но о возникших противоречиях между Васильковской управой и Пестелем уже говорилось выше: они отличались новым толкованием как плана действий, так и роли конституционного проекта, и тормозящее влияние Трубецкого шло именно по той же линии.

Решение обязательно выступить в 1826 г. было включено в общее соглашение Северного и Южного обществ. Между тем уже был совсем близко новый — 1825 — год, времени становилось все меньше. С. Трубецкой — один из директоров общества — даже вообще разочаровался в замысле и занял новую, отрицательную позицию: он нашел «меру сию вовсе ненужною». Он оперировал в защиту своего нового мнения двумя доводами: «Я возражал, что конституции мы написать сообразной с духом народа не можем, ибо не имеем довольного познания отечества своего, и что если б и написали какую, то не можем заставить ее принять». Последний довод был от Великого собора: конституцию будет разрабатывать учредительное собрание, никакой предварительный проект не может иметь обязательной силы. Подобные настроения сильно осложняли положение внутри общества [44].

Однако все изложенное еще едва ли может полностью объяснить замедление работы Пестеля над «Русской Правдой»,— нужно пристальнее всмотреться в этот вопрос.

«В течение всего 1825 года стал сей образ мыслей во мне уже ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская Правда не писалась уже так ловко, как прежде. От меня часто требовали ею поспешить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял. Я начинал сильно опасаться междуусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал» [45].

Но ведь и раньше Пестель постоянно учитывал возможность «междуусобий и внутренних раздоров» в связи с революцией, особенно в «роковое время». Почему же именно сейчас мысль об этом действовала на него столь угнетающе? Предположительный ответ дает тревога Пестеля за диктатуру временного революционного правительства — диктатуру, на которую шел натиск северных сторонников Великого собора и которой грозило исчезновение при победе северного плана. Ее уход колебал всю прочно поставленную и глубоко продуманную концепцию.

Диктатура временного верховного революционного правительства была, по Пестелю, оплотом от «ужасов безначалия» и «народных междуусобий», а также, разумеется, и аристократических мятежей под лозунгом отменяемого феодализма. Немедленное установление диктатуры временного революционного правительства после переворота и наличие готового «верного наказа» временному верховному правлению — «Русской Правды» обеспечивали, по мнению Пестеля, нужный ход событий в самое опасное для революции время: с момента революционного военного выступления до момента установления республики и введения в действие новых революционных учреждений. Между тем в объединяющемся тайном обществе явно превалировала идея Великого собора народных представителей, а не идея обязательного предварительного наказа временному правительству. Очень чувствительный к этой стороне дела Иван Якушкин даже высказал — не вполне точное, но очень характерное — суждение о Пестеле, называя Великий собор Земской думой (бытовало и такое наименование). Якушкин писал в своих «Записках», что Пестель «был слишком умен, чтобы видеть в Русской Правде будущую консти-

туцию России. Своим сочинением он только приготовлялся, как он сам говорил, правильно действовать в Земской думе и знать, когда придется, что о чем говорить» [46].

Отказ от диктатуры временного правительства заставлял Пестеля испытывать глубокую внутреннюю тревогу за судьбу революции.

Повидимому, наиболее раннее свидетельство о тяжелых переживаниях Пестеля принадлежит Ивашеву, к которому Пестель относился «как к брату». Он показывает, что Пестель говорил ему в начале 1825 г. о своем желании покинуть общество.

Очень важно и свидетельство Барятинского, вернувшегося в Тульчин из отпуска в самом конце 1824 г. или в начале 1825 г.: «Пестель однако уже часто мне по дружбе, которая нас соединяет, говорил, что он тихим образом отходит от Общества, что это ребячество, которое может нас погубить, и что пусть они себе делают, что хотят» [47].

Письмо к матери от 14 мая 1825 г. свидетельствует о внезапно нахлынувшем на Пестеля религиозном настроении. Мать была очень обрадована его апрельским письмом, где он сообщал ей о внезапном религиозном порыве на пасху 1825 г. «Vous vous êtes tujours montré de si bonne foi dans vos opinions, vos sentiments et vos recherches,— пишет ему мать — que je ne doute nullement de la solidité de vos sentiments pieux une fois que vous en êtes bien penetré» *. Письмо упоминает о неожиданном интересе к проповеднику Дрезеке: «Puisque vous vous occupez parfois de lectures pieuses je vous envoie ci-joint l'annonce d'un ouvrage de Draeseke qui est la suite d'une première collection» **. Упомянутое объявление было вырезано из гамбургской газеты. Мать жалеет, что у нее самой нет возможности купить эту новую работу и послать сыну. 20 мая 1825 г. отец Пестеля посылает ему какую-то работу Дрезеке. Именно в этом же 1825 г. Пестель внезапно был «у исповеди и святого причастия» после пятилетнего перерыва; ранее он отговаривался от исполнения этой обязанности «неимением лютеранского священника». Дворянский революционер с его колебаниями сказывался и в Пестеле...

Известный разговор Пестеля с Лорером, приведенный в «Записках» последнего, относится к ноябрю 1825 г., рисуя перед нами острый момент внутреннего разлада Пестеля. Предполагая, что общество выдано предателем, Пестель вдруг заговорил о плане... принести повинную Александру I, чтобы этой ценой купить конституцию. Будет хуже, когда начнутся «междуусобия», когда начнется гражданская война, как бы говорил Пестель правительству, лучше уступите во-время и тем спасете многое.

«Однажды, придя к Пестелю вечером, по обыкновению я застал его лежащим,— рассказывает Н. И. Лорер.— При моем входе он приподнялся и после краткого молчания, с челом сумрачным и озабоченным, сказал мне как-то таинственно:

— Николай Иванович, все, что я вам скажу, пусть останется тайной между нами. Я не сплю уже несколько ночей, все обдумываю важный план, на который решаюсь... Получая чаще и чаще неблагоприятные сведения от управ, убеждаясь, что члены нашего общества охладевают все более к notre bonne cause ***, что никто ничего не делает в преуспеяние

---

* Франц.: «Вы показывали себя всегда с такой хорошей стороны в ваших мнениях, чувствах и исканиях, что я ничуть не сомневаюсь в прочности ваших религиозных чувств, раз вы ими проникнуты так глубоко».

** Франц.: «Поскольку вы занимаетесь иногда религиозным чтением, посылаю вам приложенное тут объявление об одной работе Дрезеке, которая является продолжением первой серии».

*** Франц.: «К нашему делу».

ее, что государь извещен даже о существовании общества и ждет благовидного предлога, чтобы нас всех схватить, — я решился дождаться [18]26 года (мы были в ноябре 1825 г.), отправиться в Таганрог и принесть государю свою повинную голову с тем намерением, чтоб он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений прав, каких мы добиваемся».

Пораженный Лорер решительно отклонил «рискованное дело», вдруг пришедшее на ум Пестелю. В числе его доводов были и такие: «По-моему, вам одним не следует решаться на такой важный шаг и нужно непременно сообщить ваш план хотя бы некоторым членам общества, как, например, Юшневскому, Муравьеву, хоть для того только, чтоб никто не мог вас заподозрить, что́ вы ищете спасения личного»,— убеждал Пестеля Лорер [48].

Очень важно прозвучавшее в этом же разговоре с Лорером сомнение Пестеля в Польше. Он боялся, что союз с ней не приведет к желаемым результатам. Пестель говорил тогда же Лореру: «Недавно я ездил в Бердичев, в Житомир, чтоб переговорить с польскими членами, но у них не нашел ничего радостного. Они и слышать не хотят нам помочь и желают избрать себе своего короля в случае нашего восстания...» [49].

По мере того как душевный кризис самого Пестеля все замедлял его конституционное перо и, наконец, в сущности совсем остановил его в 1825 г., организация в целом жила интенсивной жизнью, двигалась вперед, требовала продолжения и завершения столь необходимой работы. Мало этого, она, очевидно, давала ему помощь и в момент его религиозных колебаний и вообще поддерживала Пестеля своей уверенностью в правоте предпринятого дела и дружеским вниманием. Пестель был окружен любовью и преданностью и сам платил товарищам тем же. Уже после исполнения приговора над Пестелем его друг Лорер, вошедший в состав Южного общества несколько позже описываемого времени, был переведен в тот же тюремный каземат, «где томился и откуда вышел на казнь мой незабвенный Павел Иванович Пестель. Когда я вступил в это святилище, то застал еще постель его в беспорядке. Жадно искал я по всем углам, по всем стенам какого-нибудь знака, письма, нацарапанного карандашом или пером, но напрасно: ничего не осталось после Пестеля»,— пишет Лорер в своих «Записках». Так можно писать только о близком друге [50].

Своему другу Пестелю Барятинский посвятил поэму, предпослав ей следующие строки (подлинник по-французски):

Товарищ первый наш! Я думаю с тоскою:
Четыре месяца в разлуке я с тобою.
Спокойных вечеров ты не забыл, конечно,
К беседам искренним влекомые сердечно,
Мы утешалися содружеством умов.
Тогда ты отдыхал от множества трудов,
И к нашему ты шел от строгих дум союзу,
Тогда твоя рука мою ласкала музу.
Тебе Начезов двух я начертал грехи.
Прости ошибки им, а мне — мои стихи [51].

Членов Южного общества связывало горячее чувство товарищества и общего дела. Пестель в их среде пользовался признанием и авторитетом. Пестель был человеком огромной одаренности, широкого и ясного ума, неотразимой логики и глубокого образования («Удивляюсь, как

Пестель занимается шагистикой, тогда как этой умной голове только и быть министром, посланником»,— говорил о нем корпусный командир Рудзевич) [52].

В Тульчине царило религиозное вольнодумство. «Деизм или по крайней мере равнодушие были господствующие в Тульчине вообще, несмотря на внешность и обряды, к которым принуждала политика начальства и отечественные постановления»,— показывает декабрист Бобрищев-Пушкин 1-й. Важно подчеркнуть вторую половину его утверждения: она предостерегает против безоговорочного пользования для характеристики религиозных взглядов декабристов их показаниями относительно «бывания у исповеди и святого причастия...».

В Тульчине господствовало безбожие, и едва ли не единственным исключением представляется в этом отношении верующий Николай Бобрищев-Пушкин 1-й, который тщетно боролся с господствующим мнением. Вольномыслие большинства членов сначала даже препятствовало ему согласиться на вступление в общество. Он говорил своему брату: «Да бог знает, хорошо ли это общество, ибо бóльшая часть из членов Безбожники» (в показаниях своих следствию он написал последнее слово с прописной буквы!). В спорах с Николаем Бобрищевым-Пушкиным тульчинские члены утверждали, что «религия упала совершенно и навеки и нечего стараться ее возрождать...», «даже думали одни, что религия ничтожна, другие, что она даже вредна» [53].

Вопрос о «вольнодумстве» декабристов и вообще об их религиозных взглядах интересен прежде всего потому, что дает ценный материал для анализа философской основы их мировоззрения. Философская основа идеологии — важный момент общей классовой характеристики. Пестель не занимал тут последовательной позиции. По его признанию, сердце его «было материалистично», но разум требовал признания бога. Более последовательным в этом вопросе был А. П. Барятинский. Можно предположить, что бурные споры на религиозные темы рождались именно в силу некоторых колебаний Пестеля. «Умом» Пестель признавал существование верховной силы, создавшей мир и управлявшей им. «Полковник Пестель, который впрочем не Атей...»,— замечает о нем Николай Бобрищев-Пушкин. Переписка Пестеля с матерью, с которой он, видимо, охотно обсуждал религиозные темы, вводит нас глубже в область его религиозных переживаний. К сожалению, письма самого Пестеля не сохранились, и лишь по дошедшим до нас ответным письмам его матери мы можем судить об их содержании. Разумеется, эти данные надо брать с поправкой на самый характер отношений вождя Южного общества к своим родителям. Не говоря уже о том, что Пестель, конечно, полностью скрывал от них существование тайного общества, он и в вопросах религии мог «щадить» горячо любимую мать, которая, судя по ее письмам, была очень религиозна. Но все же письма неоспоримо доказывают, что Пестель был деистом, рационалистом, не удовлетворялся религиозными объяснениями, решительно ставил в упрек божеству наличие в мире страдания и зла и т. д. Последняя тема живо обсуждалась в Тульчине.

Некоторые отголоски тех же горячих обсуждений находим мы в переписке Пестеля с матерью. Конечно, Пестель не посвящал мать в существо споров, но мы узнаем из ее писем, что сына интересовало стихотворение Ламартина «Отчаяние», основной темой которого было рассуждение о том, как может «всеблагой» бог допускать страдание невинных. Упадочный поэт реакции приходил к выводу, что единственную надежду человечество может возлагать на смерть. Декабристы восстали против этого вывода. Барятинский был атеистом, придя к нему на основании продуманных философских предпосылок. Наличие в мире страданий, зла, все-

общей борьбы приводило его к отрицанию религиозных положений о «всеблагом творце». Несколько грубых листов синей бумаги с неровными «тряпичными» краями, испещренные его трудно читаемым почерком, к счастью уцелели в одном из архивных дел следствия над декабристами. Они хранят черновик его атеистической поэмы. Начало ее, повидимому, уже перебелено, но все последующее представляет собой явный черновой текст с большим количеством зачеркнутых мест, вставок, поправок.

Обсуждение стихотворения Ламартина в переписке Пестеля с матерью начинается весной 1823 г. и вновь встречается в письме от 3 сентября 1825 г. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что бумага, на которой писал Барятинский, имеет водяной знак 1824 г., можно придти к выводу, что атеистические стихи Барятинского написаны не ранее 1824 и не позже осени 1825 г. Последнюю дату можно мотивировать тем, что с ноября 1825 г. Барятинскому уже было, очевидно, не до стихов: начались горячие дни междуцарствия, лихорадочная подготовка к революционному выступлению.

Стихотворение Барятинского, повидимому, осталось незаконченным. Оно было захвачено при обыске среди его бумаг. Генерал-адъютант А. Чернышев и начальник штаба 2-й армии П. Д. Киселев рапортовали главнокомандующему П. Х. Витгенштейну о Барятинском, что «стихи вчерне рукою его написанные обнаруживают вольнодумческий образ мыслей его насчет религии» [54]. Но во время следствия стихи, как указывалось выше, были забыты и удивительным образом уцелели, несмотря на варварское приказание Николая I, отданное 29 мая 1826 г., «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Вероятно, стихи Барятинского спаслись в силу того, что рукопись не походила с виду на поэтическое произведение: мелкие, длинные, со многими исправлениями и зачеркиваниями строчки заполняли почти всю страницу от края до края; они не производили на первый взгляд впечатления стихотворного текста и остались незамеченными при просмотре бумаг в период следствия (стихотворение велико — оно содержит более 120 строк).

Основной философский тезис: «если бы бог существовал, его надо отвергнуть», возник как антитеза вольтерьянскому положению: «если бы бога не существовало, его надо было бы выдумать». Страдание и зло, наполняющие мир, и необходимость активной борьбы с ними ведет Барятинского к отрицанию бога.

Гибель невинных, тот факт, что живое создание может существовать, лишь уничтожая другое, приводил Барятинского к отрицанию религиозных положений о существовании «всеблагого» творца, а отрицание «всеблагости» вело к отрицанию еще одного атрибута божества — «всемогущества». Божество лишалось, таким образом, своих существенных признаков и уже в силу этого переставало быть божеством.

Ah, brisons un autel qu'il n'a pas merité,
Il est bon sans puissance ou puissant sans bonté
Consultez la nature, interrogez l'histoire,
Vous y verrez enfin que pour sa propre gloire
En voyant tant de mal couvrir le monde entier
Si dieu même existait, il faudrait le nier *.

---

* О, разобьем алтарь, которого он не заслужил!
Он благ, но не всемогущ, или всемогущ, но не благ.
Вникните в природу, вопросите историю,—
И вы поймете, наконец, что во имя его собственной славы,
Видя столько зла, покрывающего весь мир,—
Если бы бог даже существовал, надо его отвергнуть.

Особый интерес имеет один из вариантов, помещенных на обороте рукописи. Декабрист спрашивал, обращаясь к богу:

Est-ce à toi que nous tous devons l'existence,
Est-ce à notre esprit que tu dois l'existence? *

Мысль о том, что не бог создал людей, а самое понятие бога создано человеком, — основной вывод декабриста [55].

Из всего сказанного можно сделать два существенных вывода. Во-первых, философские споры и работа над мировоззрением не прекращались в обществе декабристов даже в напряженное время работы над конституцией и поисков решений большого «Плана действий». Во-вторых, Пестель в момент своего кризиса и тяжелых колебаний не был одинок: он встречал поддержку товарищеской среды, находившей более правильные философские решения мучивших его вопросов, чем он сам, и тем оказывавшей ему значительную идейную и моральную помощь.

8

Внутренний кризис Пестеля не оторвал его, однако, от общего движения и хотя приостановил перо, писавшее «Русскую Правду», и заронил сомнения в плане действий, намечаемом в связи с соединением обществ, он все же не подорвал активности южного руководителя. Пестель все же деятелен как глава общества и даже сам свидетельствует на следствии, что, несмотря на сомнения, он «иногда воспламенялся» («в разговорах»,— добавляет он), а вести о том, что общество открыто правительством, пришедшие к нему поздней осенью 1825 г., не только не пресекли его деятельности, а, напротив, опять привели его «в движение». Можно перечислить немало примеров реальных действий Пестеля за указанный период. Так, он обсудил и подверг деловой критике несколько планов выступления, добившись отказа общества от них, он вел переговоры о вступлении новых членов — одобрял или отвергал их кандидатуры, обсудил и одобрил присоединение Славянского общества, продиктовал для него краткое изложение «Русской Правды», встречался с представителями Польского общества, вносил поправки и дополнения в проект «Русской Правды», несколько раз сносился с севером, производил поиски предполагаемых им новых организаций (через Ивашева), искал восстановления связей с Бурцовым, давал советы по подготовке к действию солдат, многократно обсуждал с членами общества намечаемый большой «План действий»[56].

План этот как бы поднимался изнутри возрастающей активности общества, участники общества настаивали на скором выступлении. Хотя сомнения закрадывались в сознание отдельных членов, были колеблющиеся и отстающие, все-таки основная линия тайного общества в 1825 г. была линией на скорое и обязательно объединенное выступление.

К осени 1825 г. работа над замыслом выступления еще не была доведена до конца, но уже вполне выяснились как некоторые стороны вопроса, отражавшие общее понимание дела, так и спорные моменты плана. В основном боролись две концепции выступления, освещенные Пестелем в его подробном показании от 13 января 1826 г. Первая, которую Пестель назвал «Главнейшим мнением», несмотря на существование множества «различных мнений и толков», состояла в следующем. Во-первых, «надлежало решить в подробности, какой новой образ правления общество

---

* Тебе ли мы обязаны своим существованием,
Или ты обязан своим существованием нашему уму?

желает». Этот главный пункт плана относился к выработке общей программы и имел, как уже указывалось, решающую важность. В наличии общей конституции организация видела залог единства движения: «Ежели не будет сие твердым образом постановлено, то легко родиться могут партии и разные козни». С этим в основном были все согласны. Во-вторых, общество должно было вести широкую пропаганду своих мнений и добиться того, чтобы «общее мнение революции предшествовало», — то, что всегда было целью тайного общества, начиная еще с Союза Благоденствия. Агитация расширила бы число членов тайной организации, которых должно было «по всему Государству распространить»,— тогда бы в момент переворота можно было бы посредством повсеместно находящихся членов тайного общества не только «повсюду пресечь всякое сопротивление», но даже «везде устроить содействие, когда бы революция началась». Мы видим, что старые жизненно важные решения ранних декабристских организаций усвоены последующей программой общества, присоединены к его новым установкам. В-третьих, «приступая к самой революции, надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений; а наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же могло бы оное произойти восстанием гвардии, а также и флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие краи, исключая покойного государя, созванием Сената, дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей...»[57].

Таковы были, согласно «Главнейшему мнению», основные моменты «начатия действий». Далее следовала альтернатива: учредительное собрание или диктатура временного правления. В одном случае Сенат опубликовывал «новый порядок вещей поручением Временному правлению оный вести... созванием через Сенат же народных депутатов», которые утверждали конституцию; если «народные депутаты» (в данном случае учредительное собрание) приняли бы решение о конституционной монархии, «монархом» объявлялся бы малолетний Александр Николаевич (будущий император Александр II), а временное правление «составляло бы регентство». «Начатие действий» по этому плану также имело двойной вариант: или оно происходило в момент естественной смены царей на престоле после смерти Александра I, или «время начатия долженствовало определиться преимущественно обстоятельствами и силою общества: в каковом случае и насильственная смерть покойного государя могла оказаться надобною». Заключая изложение «Главнейшего мнения», Пестель делает существенное замечание: «Вот образ действия, о котором более всего говорено было и с которым все члены общества как в Южном, так и в Северном округе были согласны: ежели о чем еще спорили, то единственно об образе введения нового порядка: чрез Временное ли правление, чрез Собор ли депутатов и тому подобное». Это «Главнейшее мнение» — результат петербургских совещаний — принимало цареубийство: «Революция не может начаться при жизни государя императора Александра Павловича... надобно или смерти его обождать или решиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будут. В сем точно поистине все были согласны». Таково было «Главнейшее мнение», и сам Пестель, как то показывают многочисленные свидетельства, примыкал к этому мнению, предпочитая, разумеется, в указанной альтернативе диктатуру временного правления, а не Великий собор[58].

Но в обществе было и «другое предположение»: начать революцию не в столице, а во время высочайшего смотра войск 3-го корпуса в 1826 г., т. е. не в центре, а на периферии. После цареубийства издавались две прокламации — к войску и народу, восставшие следовали на

Москву и Киев, присоединяя к себе другие войска в силу общего «духа неудовольствия»; и московский Сенат объявлял преобразование государства. Этот план принадлежал, как легко догадаться, не Пестелю, а Васильковской управе. Следственные дела не содержат никаких данных о том, чтобы в 1824 г. в Петербурге обсуждалось это предложение. Оно не было принято ни в Южном обществе в целом, ни на севере, и Пестель в своем показании от 13 января подчеркивает это обстоятельство. Самая датировка этого второго плана 1826 годом в показании Пестеля («Начать революцию во время ожиданного высочайшего смотра войск 3 корпуса в 1826 году») говорит о возникновении плана в 1825 г.: высочайшие смотры производились ежегодно, и вариант, о котором ведет речь Пестель, относился именно к этому году, — предшествующий («первый Белоцерковский план») ориентировался на смотр 1825 г. На совещаниях в Петербурге об этом варианте плана не было речи, и все приверженцы Пестеля на юге были информированы о том, что о б щ и м принципом выступления, принятым как на юге, так и на севере, является начальное действие революции именно в Петербурге — «средоточии властей»[59].

При диктатуре временного правления и введении республиканской «Русской Правды» царь уничтожался и новая конституция вводилась бы революционной властью. Но при всех вариантах замысел начального действия в с т о л и ц е считался после поездки Пестеля принятым, и декабрист А. Поджио был прав, когда утверждал на следствии, что «сие давно уже было предположено, чтобы в Петербурге возымело [действие] свое начало». Тот же А. Поджио показывает, что «на все покушения Муравьева управа сопротивлялась, положив начало действия в Петербурге и с совершением всей преступной цели (т. е. с цареубийством. — *М. Н.*). В 1824 году... полковник Пестель отправился в Петербург для установления сего предположения и в 1825 году мне говорил, что [оно] всеми там одобрено». К этому показанию А. Поджио делает под строкой примечание, в котором дополнительно подчеркивает: «В бытность мою в сношениях с Южной управой я также был того мнения, то есть: что начало действия быть в Петербурге должно». О том же свидетельствует Артамон Муравьев: «Все, что мне известно, то, что желание общества было, чтоб началось возмущение в С. Петербурге как центре Правления; но Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин, не надеясь на решимость членов, там находящихся, полагали удобнее всего для совершения и приведения в исполнение предполагаемый ими на будущий 1826 год смотр войск 3 корпуса покойным государем императором». Это свидетельство исходит от члена, принадлежавшего непосредственно к Васильковской управе и действовавшего вместе с ее главарями, поэтому оно достойно особого внимания. Барятинский подтверждает то же — «непременно надобно начать и совершить сие в С. Петербурге» — и объясняет этим свою поездку в Петербург еще в 1823 г. Он подтверждает это еще раз со всей уверенностью («Что касается до совершения сего в С. Петербурге, это было, как я имел честь объяснить... всегдашнее намерение общества»[60].

Никаких сомнений в этом не было и у северян: начинать должны были они, и Трубецкой не без злобного чувства «радовался», что это связывает Пестеля, ибо без Петербурга тот начать не сможет. В результате разговоров с ним в 1824 г. Трубецкой увидел, что Пестелю «необходимо содействие Петербургского общества, следовательно, что он не может привести намерения своего в действие по одному собственному произволу и собственными средствами». Можно было бы привести тому еще много доказательств, но вопрос уже ясен: в 1824 г. в итогах поездки Пестеля в Петербург было по тактической линии то единство в понимании «Плана действий» между севером и югом, что начальное действие

революции предполагалось в Петербурге. Сергей Муравьев-Апостол также подтверждает это обстоятельство. Оспаривая свое согласие на уничтожение всего царствующего дома, он говорит: «Если б я уверен был в необходимости истребления всей императорской фамилии, я б должен был утверждать также необходимость начинания действий не иначе как в Петербурге, как в едином месте, где можно улучить случай собрания всей царской фамилии, а напротив того, всегдашнее мое требование неотложного начатия действий... не в Петербурге, а там, где мы сами находились». Дополнительно о том же свидетельствует письмо Ф. Вадковского к Пестелю от 3 ноября 1824 г. («К сожалению, мы недостаточно уверены в своих силах в Петербурге и это, безусловно, обязывает к ожиданию»)[61].

При этом плане («Главнейшем мнении») Пестель должен был сейчас же после начала восстания ехать в Петербург, где развертывались основные события. Из прочих показаний к этому основному плану надо добавить обязательное «арестование главной квартиры» (штаба армии в периферийных армиях) и захват военных поселений. Для командования последними выделялся декабрист Давыдов[62].

Рассмотренный основной план с «начатием действий» в Петербурге разрабатывается Пестелем и всем Южным обществом, особенно центральной его Тульчинской управой, после возвращения Пестеля из Петербурга вплоть до кануна летних лагерей 1825 г. Но далее обстоятельства существенно меняются: чрезвычайно усиливается Васильковская управа, присоединившая к себе во время летних лагерей целую новую тайную организацию — Общество соединенных славян. Именно в Васильковской управе происходит тревожное событие, наводящее на мысль о том, что тайное общество открыто правительством: отнятие полка у члена общества полковника Швейковского. Давняя решимость Васильковской управы выступать засвидетельствована более ранними ей принадлежащими планами открытых действий — Бобруйским (1823) и первым Белоцерковским, отвергнутым в январе 1825 г. «на контрактах». Во время Лещинских лагерей в августе-сентябре 1825 г. возникает новая модификация общего плана, сообщенная Пестелю, воспринятая им как второй вариант белоцерковского выступления. Это план Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, имеющий довольно детальную военную диспозицию и приковывающий к себе внимание тайного общества со времени Лещинских лагерей до периода междуцарствия.

Если вспомнить, что Сергей Муравьев-Апостол горел жаждой выступления и уже неоднократно разрабатывал его конкретные планы, станет вполне ясно, что он стремился сохранить за собою инициативу восстания и в новой ситуации «соединения» обоих обществ. Как и раньше, он не считал обязательным начинать восстание в столице, — его надо было начать там, где находятся инициаторы и император, смерть которого и будет первым актом революции. План Пестеля тем глубоко отличался от плана Сергея Муравьева, что Пестель полагал необходимым совершить акт цареубийства в столице, чтобы немедленно вслед за тем захватить все центры управления государством («средоточие властей») и парализовать все нервы, идущие от них к сложному управленческому аппарату самодержавия. Сергей же Муравьев полагал достаточной смерть императора, где бы он ни находился, думая, что далее все управление придет в замешательство само собой, а вслед за этим начнется такое сильное движение и в Петербурге, и в Москве, и где угодно, что остановить «действие революции» будет просто невозможно. Здраво взвешивая эти два суждения и сопоставляя их с положениями об искусстве вооруженного восстания, разработанном много позже, конечно,

придется признать более правильным решение Пестеля. Оно все сосредоточено на основном вопросе революции — захвате власти, продуманная система мер конкретизирует и обеспечивает этот замысел. Но эта — важнейшая — сторона куда менее разработана в плане Сергея Муравьева, полагающемся более на движение стихийного недовольства и агитационную силу революционных манифестов. Объявление разработанной программы неизменно стоит в центре плана Пестеля, — Сергей Муравьев гораздо менее занят этим вопросом и недооценивает его значение, полагаясь на учредительное собрание, которое внесет нужные уточнения в недоработанный общий текст. Эта разница революционных концепций переворота, их противоречия были ясны Пестелю и глубоко тревожили его. Сближение Сергея Муравьева с С. Трубецким предвещало углубление противоречий и осложнение ситуации: правильная линия, казалось, столь твердо намеченная после петербургских совещаний, начинала колебаться и стушевываться в практике общества. Вместе с тем была налицо чрезвычайная активность Васильковской управы, и подсчет ею тех сил, на которые она рассчитывала опереться, был впечатляющим. Сергей Муравьев в октябре-ноябре 1825 г., еще до смерти Александра I, полагал, что на юге восстанут, по его призыву, не более не менее как 70 тыс. войска (это число сообщил в Петербурге приехавший с юга Трубецкой, почти эту же цифру несколько ранее сообщил северу другой гонец, посланный южанами,— Корнилович) [63].

Практический план военных действий, как он рисовался летом 1825 г. руководителям Васильковской управы, и был так называемый второй Белоцерковский план. Это был в основном прежний, отвергнутый еще в начале 1825 г. на четвертом Киевском съезде руководителей Южного общества план выступления на юге — предположительно в мае 1826 г., на царском смотре 3-го корпуса. План этот и «возродился» во второй половине 1825 г. Свидетельство Пестеля об этом ценно по своим подробностям и точности: «Другое предположение было следующее, — показывает он: — начать Революцию во время ожиданного высочайшего смотра войск 3 корпуса в 1826 году. Первое действие долженствовало состоять в насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потом издание двух прокламаций: одну к Войску, другую — народу. За этим — следование 3 корпуса на Киев и Москву с надеждою, что к нему присоединятся прочие на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений, полагаясь на общий Дух неудовольствия. В Москве требовать от Сената преобразования государства*. Между всеми сими действиями 3 корпуса надлежало всем остальным членам союза содействовать Революции. Остальной части Южного округа занять Киев и в оном оставаться. Северному округу поднять гвардию и флот, препроводить в чужие края всех особ императорской фамилии и тоже сделать требование Сенату** как и 3-й корпус. Потом ожидать от обстоятельств, что окажется нужным к дальнейшим действиям. 3-й корпус не требовал от остальной части Южного округа никакого содействия в первоначальном действии, но чтобы потом одинаковые с ним объявить чувства и намерения и завладеть войском» [64].

Против этого плана на Киевском съезде руководителей тогда сильно спорили, как мы помним, Пестель, Юшневский, Давыдов, Волконский и Барятинский, но тогда речь шла об его выполнении в середине 1825 г. Царский смотр в том году не состоялся, и план был возобновлен, как по-

---

* В этой связи надо напомнить, что во времена декабристов Сенат находился также в Москве (в Лефортове).

** В данном случае речь идет уже о Сенате в Петербурге.

казывает Пестель, во второй половине того же года и на этот раз с ориентацией на приблизившийся смотр этого же 1825 г.

Более всего руководители Васильковской управы рассчитывали на «дух недовольства» в войсках. «Первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие»,— в этом были убеждены как Сергей Муравьев, так и Бестужев-Рюмин: «посланные войска против нас, к нам же присоединятся». Заметим это положение — оно многое объяснит нам как в восстании Черниговского полка, так и в его поражении [65].

О трудностях и обострившихся в Южном обществе противоречиях выразительно говорит то обстоятельство, что Васильковская управа сначала согласовала возрожденный план с Трубецким и лишь затем с Пестелем,— вот как переменилось положение по сравнению с прошлым временем. Пестель показывает: «Когда Бестужев приезжал ко мне во второй половине 1825 года и мне о сем плане сообщил, тогда говорил он мне, что сей план уже известен к[нязю] Трубецкому и что к[нязь] Трубецкой совершенно на все согласен и все в полной мере одобряет» [66].

Не приходится сомневаться, что Пестель был против второго Белоцерковского плана и по тем же мотивам, как и первого. В свидетельстве Пестеля отчетливо отражены и приезд к нему Бестужева, и сообщение его о плане, и сдержанно-отрицательное отношение Пестеля к возобновлению Васильковской управой старого, уже однажды раскритикованного и непринятого предложения. Пестель настаивал на необходимости отложить выполнение плана и ожидать получения «верных сведений о Петербурге» [67]. Эта отсрочка, сверх того, как показывает на следствии Пестель, была для него способом расхолодить южан к выполнению плана, столь резко расходившегося с его собственным не только в практическом действии, но и в принципиальной основе. Пестель дополнительно вносит ясность в свое показание ответом на повторный вопрос в анкете. Он показывает, что «План сей составлен в Васильковской управе и есть тот самый Белоцерковский план», о котором он уже говорил выше [68].

В большой перспективе подготовки реального восстания нельзя не отметить отрицательного значения этого возродившегося и одобренного Трубецким второго Белоцерковского плана. Северной столице, где произошло реальное восстание на Сенатской площади, этим планом отводилась вторая роль. Это не могло не замедлить ее подготовку к восстанию и помешать правильному направлению подготовки. Петербург по этому плану вступал в революцию даже позже Москвы. В силу этого северная столица должна была некоторое время занимать выжидательную позицию. В перспективе реального поворота событий подготовка к выступлению в Петербурге велась бы совсем не в том плане, в каком пришлось выступать в действительности. Тут набирали новых членов, обдумывали состав временного правительства, работали над конституцией. Все это было важно и нужно, но тут в соответствии с основным замыслом муравьевского плана и не должны были думать об инициативном ударе, о первом приступе к революции. А случилось как раз обратное: первому пришлось выступить Петербургу.

Но тем же летом 1825 г. (повидимому, вскоре после предложения второго Белоцерковского плана Васильковской управой) Пестель принимает новое конкретное решение большого принципиального значения. Свидетельство об этом решении сохранено Бестужевым-Рюминым в следующем показании: «я очень помню, что было долгое толкование о возможности предприять действия в лагере того года (1825). С. Муравьев и я были того мнения, что первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие и что посланные войска против нас к нам же присоеди-

нятся. Пестель полагал, что нужно еще общество распространить — и все опять осталось неопределенным. Но в июле месяце я получил с нарочным письмо от Пестеля, в коем он просит меня прежде лагеря непременно с ним повидаться. Я немедленно поехал в Линцы, и там Пестель мне сказал, что он звал меня затем, чтобы дать нашей управе порученность самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий, на общем смотре в 1826 году»[69].

Вероятно, предложение о втором Белоцерковском плане, относящееся к «лету» 1825 г., и это новое решение Пестеля, относящееся к июлю того же года (оба падающие на время до летних лагерей), разделены сравнительно небольшим промежутком времени. В момент предложения о втором Белоцерковском плане, очевидно, царский смотр 1825 г. еще не был отменен. Трудно предположить, чтобы Бестужев слил в своей памяти оба случая: общие их ситуации слишком различны. Из его свидетельства явствует, что с середины 1825 г. Пестель практически разрабатывал новый план, включавший в себя активные действия Васильковской управы и цареубийство на майском смотре 1826 г. Имеются все основания предполагать, что этот новый план коренным образом отличается от типично «периферийного» Белоцерковского плана воплощением пестелевой идеи одновременного восстания в «средоточии властей» — Петербурге. Еще ранее А. Поджио показывал, что Пестель хотел в случае восстания ехать в Петербург самому, взяв с собой Барятинского. Таким образом, в июле 1825 г. Пестель твердо фиксирует момент царского смотра в 1826 г. как время начала действий, разрабатывая «Главнейшее мнение» в новом варианте. На допросах он смог прикрыть этот совершенно новый вариант отвергнутым вторым Белоцерковским планом, смело и умно отведя натиск следствия, напавшего на след этих двух планов. «Касательно показания Поджио, что я дополнил: «сам же поеду в Петербург и возьму Барятинского с собою», не угодно ли заметить, что одни меня отсылают в Петербург, другие в Киев, третьи в Тульчин. Кто-нибудь же должен из них неправду говорить... Последние приведенные слова мои: «Впрочем поеду в Петербург» и далее также справедливы, как и показания о холодности Муравьева. Я только что возвращался из Петербурга и ни малейшего не имел намерения туды опять ехать». В этом весьма убедительном с виду и логически точном ответе Пестель сумел отвести внимание следователей от своего нового плана умелой подменой предполагаемой поездки в Петербург в случае восстания — своей реальной поездкой в Петербург на совещания 1824 г. Этот смелый прием увенчался успехом, и в сводке Боровкова о том, что показал Бестужев-Рюмин против Пестеля, приведенное выше свидетельство отсутствует, а две очные ставки Бестужева с Пестелем, которые пришлось им пережить, были посвящены другим темам[70].

Особенно важно, что Северное общество было оповещено о плане через Трубецкого и не встретило никаких возражений. Основываясь на показании Бестужева-Рюмина, Следственный комитет запросил С. Трубецкого, точно ли он одобрил «предназначенный для 1826 года революционный план действий — как о том знал и Пестель». Вопрос был убийственен для подследственного лица, предельно отягчая его вину, но Трубецкой при всей своей «уклончивости» не мог дать отрицательный ответ. «Я поручал Бестужеву-Рюмину уверить Пестеля, что я готов действовать, и давал ему полную волю сказать это Пестелю, как он найдет лучшим. Бестужев точно думал..., что я согласен действовать и одобряю их план действия, исключая того, что я ни в одном пункте не одобряю

Пестелевой конституции...», — показал С. Трубецкой. Он добавил к этому, отвечая на следующий вопрос: «При отъезде моем из Киева я обещал и Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, что я и в Петербурге и в Москве все устрою по их желанию...» [71].

Практическая подготовка Пестеля к близкому перевороту запечатлена во многих его набросках, включенных в состав «Русской Правды» и датируемых в ряде случаев более ранним временем, чем 1825 год. К их числу относится «первой приказ» по войскам после революции. Он содержит новую дислокацию войск после переворота и показывает, что армия стягивается к Киеву и молдавской границе — вероятно, для предполагавшейся войны с Турцией за освобождение Греции. Нельзя не обратить внимания на вывод гвардии из столицы в Киев. Впрочем трудно объяснить это только и единственно перспективой русско-турецкой войны. Одну из основных сил столичного военного переворота — гвардию — Пестель, вероятно, считал целесообразным вывести из столицы также во избежание ее давления на революционную диктатуру временного правительства. Точный список имений царской семьи с частичными заметками о судьбе этих имений после революции (часть их отходила министерству государственных имуществ) также говорит о тщательной конкретной подготовке к правительственным действиям после революционного захвата власти.

Заметим, что проект предложения Северного общества о временном правительстве был разработан еще до возвращения Трубецкого в Петербург и сообщен южанам через декабриста Бриггена, приехавшего в Киев летом. Решение было по всей форме сообщено Пестелю как главе Южного общества. Пестель показывает: «Бестужев-Рюмин, видевшись в Киеве с к[нязем] Трубецким и полковником Брыгиным (Бриггеном.— *М. Н.*), приезжал потом ко мне в Линцы и сказывал мне, что он от Трубецкого и Брыгина известился о намерении Северного общества назначить адмиралов Мордвинова и Синявина членами Временного Правления и что прежде хотели назначить и Раевского, но потом его отринули, а производителем дел при них долженствовал быть Николай Тургенев». Мы узнаем, таким образом, состав временного революционного правительства, как он был намечен к лету 1825 г. Рылеевым и Оболенским и через южную связь — Трубецким, директорами общества (на мнение Никиты Муравьева в данном случае мы не имеем ссылки). Предложение Северной думы, очевидно, не встретило возражений со стороны южной Директории. Поэтому можно считать, что летом 1825 г. именно этот состав временного правительства был предварительно утвержден тайными обществами. Перемены в предложениях по его составу будут произведены уже на позднейшем этапе — в дни междуцарствия [72].

Во время Лещинских лагерей произошло присоединение к Южному обществу новой тайной организации — Общества соединенных славян. Это значительно усилило движение декабристов. Общество присоединилось осенью 1825 г., за четыре месяца до открытого вооруженного выступления. В движение декабристов вливалась сильная и своеобразная струя, которой предстояло сыграть значительную роль в предстоящем восстании.

Что же это было за общество?

Глава XIV

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

1

Источники, на которых основывается изучение истории своеобразной декабристской организации — Общества соединенных славян, присоединившегося к Южному обществу в исходе лета 1825 г., имеют характерные особенности, на которые надо обратить внимание в первую очередь. Как обычно, следственные дела членов общества занимают важное место в документальном комплексе,— мы располагаем значительным количеством показаний на следствии как видных, так и второстепенных участников организации. Однако тут отсутствуют следственные дела лиц, судившихся на юге, в их числе столь активных, как И. И. Сухинов, А. Д. Кузьмин, В. Н. Соловьев, А. А. Быстрицкий и др. Отсутствие их дел тем чувствительнее, что названные декабристы являются участниками восстания Черниговского полка. Таких значительных пробелов нет в комплексах следственных дел, относящихся к другим декабристским обществам [1].

Дошедшие до нас следственные дела членов Славянского общества очень содержательны. Поскольку «славяне» вели наиболее активную агитацию среди солдат, подготовляя их к предполагаемому выступлению, их дела намного богаче других декабристских дел данными о связях с солдатской массой. В этом отношении лишь дела Сергея Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина можно сравнить с делами членов Славянского общества. Многочисленные свидетельства подтверждают, что в своей агитации славяне не только возбуждали личную преданность солдат революционным командирам, не только разъясняли солдатам тяжесть их положения, но и приоткрывали им революционные цели переворота. Это является замечательной чертой Славянского общества. В делах ярко отражена также своеобразная идеология демократического всеславянского единения, которую Общество соединенных славян самостоятельно разработало впервые в русском революционном движении. Некоторые, хотя и довольно редкие свидетельства об общении славян с более демократическими, нежели Польское Патриотическое общество, течениями революционной Польши также представляют особый интерес в материалах Славянского общества.

Некоторые следственные дела участников Общества соединенных славян отличаются большою смелостью и резкостью показаний (дела братьев Борисовых, Якова Андреевича, А. Усовского и др.). Протест против крестьянского угнетения, притеснения солдат выливается в де-

лах славян в особенно отчетливую форму. Можно предполагать, что утраченные дела членов Славянского общества были в этом отношении столь же примечательны. Выделяются дела славян из прочей массы декабристских следственных материалов и многочисленными данными о трудностях материального положения этой бедной офицерской массы. Дела содержат разнообразные факты, относящиеся к истории и Южного общества, особенно его Васильковской управы, присоединившей славян к Южному обществу. Особо ценны показания славян о последних планах выступления, разработанных П. И. Пестелем и принятых в южной организации, — о возникшем в августе 1825 г. плане обязательного выступления на будущем царском смотру летом 1826 г. и о другом, более позднем намерении, принятом уже в дни междуцарствия,— о «плане 1 генваря 1826 г.». Не дошедшие до нас дела славян должны были содержать богатые данные о восстании Черниговского полка (дела непосредственных участников восстания — Сухинова, Кузьмина, Соловьева, Щепиллы, Быстрицкого), и утрата их особенно чувствительна. Но зато драгоценный материал о разъездах славян по окрестным полкам и о попытках поднять восстание на помощь черниговцам содержится именно в славянских делах.

В целом следственный материал Славянского общества является важнейшим историческим первоисточником [2].

Что касается особо ценных для историка документов, возникших вне следственной обстановки, до восстания, то о Славянском обществе таких материалов осталось крайне мало. На первом месте тут стоят славянские «Правила» и «Клятва», текст которых отобран при обыске и сохранился в составе следственных дел. Это драгоценные идеологические документы, без которых невозможен анализ программы общества. Укажем также на два письма декабриста Петра Борисова к П. Ф. Выгодовскому и ответное письмо последнего, интересные конспиративной формой упоминаний о членах общества и употреблением терминологии революционной Франции. Особенно интересен отрывок письма П. Борисова к юнкеру П. К. Головинскому незадолго до восстания. Первостепенное значение имеют письмо П. Борисова к С. Муравьеву-Апостолу о ходе подготовки к восстанию и предложение славян о подготовке артиллерийских снарядов. Таким образом, хотя конспиративных документов немного, но их исследовательская ценность бесспорна [3].

Значительно своеобразие мемуарной литературы о Славянском обществе. Мы располагаем, собственно, лишь двумя текстами этого рода: «Памятной запиской» Ю. Люблинского на польском языке, найденной Н. П. Чулковым, и так называемыми «Записками Горбачевского».

Известно упоминание А. И. Герцена о «Записках» Ю. Люблинского в «Колоколе» 1862 г. (речь шла в нем именно об упомянутом выше недавно найденном мемуарном документе). Это не мемуары в общепринятом смысле слова, а написанная для какой-то определенной цели краткая биографическая справка, занимающая всего несколько страничек. Внося ряд ценных и ранее неизвестных штрихов в биографию одного из основателей Славянского общества, «Памятная записка» по крайней своей лаконичности и формальному тону дает довольно мало для истории Общества соединенных славян. Она лишь слегка приоткрывает завесу над участием Люблинского в польском революционном движении, однако автор явно не расположен вдаваться в подробности и хочет свести свое участие к минимальным доказательствам. Идеология польской организации, как и Общества соединенных славян, почти не раскрыта [4].

С какой именно целью написана «Памятная записка» Ю. Люблинского, точно установить пока не удалось, но не исключена возможность,

что эта памятка возникла по просьбе товарищей — декабристов, писавших свои мемуары и нуждавшихся в фактическом материале. Обращает на себя внимание дата «Памятной записки» — 12 июля 1829 г. Поскольку 30 июля 1829 г., т. е. через две с небольшим недели, Ю. Люблинский по окончании срока каторги переходил из Нерчинских рудников на поселение, то «Памятная записка», возможно, и писалась перед расставанием для товарищей, работавших над мемуарами. В дошедших до нас так называемых «Записках Горбачевского» она совершенно не использована, что, впрочем, может объясняться тем, что эти «Записки» начинают историю Славянского общества лишь с 1824 г. (возможно, что текст, освещавший более раннюю тематику, до нас не дошел). Содержание «Памятной записки» Люблинского, повидимому, было известно Горбачевскому, который привел близкие к памятке биографические данные в своем письме к М. Бестужеву от 7 июня 1861 г., где имеется обширный перечень декабристов, сопровожденный биографическими справками. Однако в момент написания письма Горбачевский этой справкой едва ли располагал, так как разошелся с нею в датировке привода Ю. Люблинского в цепях из Варшавы в Новоград-Волынск (1822 г. в «Памятной записке» и 1823 г. у Горбачевского). Поскольку «Памятная записка» хранилась в архиве И. Д. Якушкина, может быть, последний предполагал использовать ее при написании своих воспоминаний [5].

«Памятную записку» Ю. Люблинского, несмотря на весь ее лаконизм и явную сдержанность, надо, однако, признать конспиративным документом: Люблинскому удалось скрыть от следствия свою связь с польским революционным движением, и данные, имеющиеся об этом в «Памятной записке», могли бы осложнить его положение, если бы стали известны властям.

Исключительное место не только в документах славян, но во всем мемуарном наследии декабристов занимают «Записки Горбачевского», источник высокоценный, богатый фактами и весьма своеобразный по характеру.

Поскольку среди историков доселе идут споры вокруг этого важного документа, на нем необходимо остановиться более подробно. Отсутствие единодушия в его оценке, недавно проявившееся в декабристской литературе, связано именно с тем, что он еще не подвергался источниковедческому анализу. Ни один из его издателей — ни П. И. Бартенев, впервые издавший текст, ни Б. Е. Сыроечковский, дважды переиздавший его отдельной книжкой уже в советское время, не занялись выяснением этой стороны дела по существу, ограничившись рядом случайных и беглых замечаний. Между тем самые выводы исследования Общества соединенных славян зависят в своем содержании от понимания этого источника.

Полное изложение всех связанных с этим соображений потребовало бы много места, ограничимся лишь самыми главными [6].

В первой публикации «Записок Неизвестного», осуществленной Бартеневым, которая послужила исходным текстом для позднейших изданий, можно обнаружить грубейшую фальсификацию, произведенную царской цензурой. Не располагая подлинной рукописью «Записок», мы можем, однако, опереться на перебеленную наборную рукопись, с которой производился набор в редакции «Русского архива». Конечно, она едва ли целиком доносит до нас подлинный текст: сделанная для типографского набора, она, очевидно, уже отразила редакционную правку, предварительно проведенную на подлиннике или предшествующей копии. Но она все же сохранила в нетронутом виде ряд мест, которые подверглись позднейшей корректуре уже непосредственно в на-

боре. Таким образом, использованная нами наборная копия «Записок» представляет собой источник для восстановления некоторых мест подлинной рукописи; ее разночтения с опубликованным текстом говорят также об общей тенденции искажения «Записок» при первой публикации. Ниже нам придется ссылаться на найденную рукопись, употребляя для нее название «наборной рукописи».

Уже не раз обращалось внимание на неправомерность заглавия «Записки Горбачевского» для разбираемого памятника. Как правило, мемуары ведут повествование от авторского имени определенного лица, пропускают общественные события через призму личной биографии и строят изложение в соответствии с чередованием основных этапов жизни ведущего героя. Установилась и традиционная —вполне законная — структура такого вида памятников: они, как правило, последовательно освещают происхождение и детство автора, отроческие годы, учение, формирование мировоззрения, пробуждение общественных интересов, вступление на какое-либо общественное или служебное поприще, рассказ об основной деятельности автора. Ничего похожего нет в так называемых «Записках Горбачевского». В них отсутствует изложение «от автора», нет местоимения «я», исчезла и перечисленная выше тематика. Перед нами вовсе не «воспоминания», не личные мемуары, а нечто другое — обобщенный, на разных источниках основанный исторический труд, кем-то написанная история Общества соединенных славян, продуманное исследование с отчетливой концепцией и единой линией повествования. Являясь историческим трудом, история эта вместе с тем, несомненно, оказывается и первоисточником: автор — участник событий, он основал свое повествование на богатой личной осведомленности и собрал от разных лиц нужные ему дополнительные данные, многое из этого нигде, кроме как в его работе, не зафиксировано. Нет сомнений, что этот труд писал какой-то видный член Славянского общества[7].

Но кто же он? Записки анонимны. Их первый издатель П. И. Бартенев, получив мелко написанную рукопись, не располагал никакой информацией об ее авторе и, перебирая имена разных видных членов Славянского общества, предположительно остановил свое внимание на Иване Ивановиче Горбачевском. Однако Бартенев был очень осторожен: сообщив о своих предположениях в краткой заметке, он скромно и обоснованно озаглавил первую публикацию «Записок» в «Русском архиве» 1882 г.: «Записки Неизвестного из Общества Соединенных Славян». Выбор имени, как об этом пишет сам Бартенев, зависел только от того, что рукопись была доставлена в редакцию из Сибири, а Горбачевский — член Славянского общества, как известно, не уехал из Сибири после амнистии и остался жить на Петровском заводе. Аргумент этот весил чрезвычайно мало и никак не мог обосновать авторство Горбачевского: в Сибири побывала вся основная масса членов Общества соединенных славян, мало ли чьи рукописи могли остаться там после амнистии и придти оттуда в редакцию «Русского архива». Поэтому Бартенев искал для своей гипотезы дополнительных аргументов и стремился к сверке почерка. Племянник И. И. Горбачевского — О. И. Квист предоставил ему эту возможность; по мнению Бартенева, почерки предоставленного ему письма Горбачевского к сестре и рукописи «Записок» оказались идентичными, и Бартенев утвердился в своей гипотезе.

Позднейшие исследователи были лишены возможности воспроизвести сличение почерков, на которое ссылается Бартенев. Та рукопись, которая была прислана Бартеневу из Сибири, к величайшему сожалению, до нас не дошла. Позднейший издатель «Записок» Б. Е. Сыроеч-

ковский между тем с основанием усомнился и в этом единственном аргументе Бартенева. Последний указал на чрезвычайно мелкий почерк, каким была написана рукопись (из одной ее страницы выходило несколько печатных). Почерк же декабриста И. И. Горбачевского был размашистым, крупным, никак нельзя было представить себе, чтобы Горбачевский мог написать свой текст убористо и столь мелко. Самое же главное было в том, что вопрос об идентичности почерков отпадал вообще, так как в позднейшей переписке было найдено личное свидетельство Горбачевского, что он свою рукопись сжег. Он пишет в письме к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. из Петровского завода, что написал много лет тому назад «порядочную тетрадь», но сжег ее, когда вынужден был однажды надолго отлучиться из дому и не нашел «человека по нашему разумению», которому мог бы доверить рукопись. Поэтому Горбачевский бросил тетрадь в печку, «которая, как нарочно, тут же топилась» [8].

В недавно найденных Л. Н. Пушкаревым воспоминаниях И. Г. Прыжова о декабристе Горбачевском в Сибири подтверждается факт сожжения Горбачевским своих «Записок». «Еще сидя в каземате, он составлял записки о 14 декабря и читал их своим товарищам, но они не одобрили, сказав, что «это жестоко и грубо», и Горбачевский свои записки бросил в печь». И. Г. Прыжов лично знал Горбачевского, и свидетельство его имеет ценность [9].

Б. Е. Сыроечковский предполагает, что читатели рукописи (она ходила по рукам) успели снять с нее до сожжения копии, одной из которых и явилась, по предположению Сыроечковского, та убористая рукопись, которая из Сибири пришла к Бартеневу. Это рассуждение также гипотетично: есть свидетельство, что Горбачевский давал читать рукопись другим лицам, но нет ни одного прямого свидетельства, что с рукописи снимались копии. Это является лишь предположением.

Заметим, что рукопись, сожженная Горбачевским, была очень объемиста: «Едва достало терпения у меня бросать все в огонь, такая была масса исписанной бумаги», — пишет Горбачевский. Рукопись же «Записок Неизвестного» была невелика: поскольку из одной ее страницы выходило несколько печатных, то сотня с лишним страниц формата «Русского архива», опубликованных Бартеневым, представляли в рукописи во всяком случае менее 50 листов. Едва ли можно назвать это «массой исписанной бумаги», которую «едва достало терпения бросать в огонь» [10].

Как видим, у нас нет никаких возможностей идентифицировать сожженную Горбачевским рукопись с тем текстом, который опубликовал Бартенев. Аргумент от почерка уничтожен. Предположение, что автор «Записок» — Горбачевский, гуляет в литературе, основываясь единственно на честном слове Бартенева. А честное слово основывалось на почерке. Получился заколдованный круг. Поскольку подлинные записки Горбачевского сожжены автором, мы должны вернуть Бартеневу его честное слово о сходстве почерков и вместе с тем единственный аргумент в пользу авторства Горбачевского [11].

Правда, Б. Е. Сыроечковский выдвинул голословное соображение о близости изложения отдельных эпизодов «Записок» с передачей их в показаниях Горбачевского во время следствия и утверждение о «полном совпадении» приводимых в «Записках» общих оценок с действительно подлинным письмом Горбачевского к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г., трактующего те же события. Однако ни в первом, ни во втором случае комментатор не привел убедивших его сопоставлений и не предпослал своим обобщающим выводам никакого конкретного материала [12].

Сопоставим поэтому содержание «Записок Горбачевского» с указанным выше письмом Горбачевского к М. Бестужеву. Тревожные расхож-

дения текстов сразу бросятся в глаза. В «Записках Горбачевского» правильно говорится, что священник Черниговского полка Кейзер по просьбе С. Муравьева-Апостола прочел в Василькове перед восставшим полком революционный Катехизис Сергея Муравьева. Горбачевский же пишет М. Бестужеву, что священник будто бы прочел перед полком «краткую выписку» из «Русской Правды» Пестеля. Это расходится с «Записками» и вообще не соответствует действительности[13]. Автор «Записок Горбачевского» рассказывает, что, приехав накануне восстания Черниговского полка в Трилесы на квартиру отсутствовавшего в тот момент Кузьмина, Сергей Муравьев-Апостол оповестил Кузьмина, находившегося в Василькове, о своем приезде и вызвал его особой запиской, посланной «через рядового вверенной ему роты» (приводится далее и текст записки). Получив эту записку, Кузьмин вместе с другими членами Славянской управы — офицерами Щепиллой, Соловьевым и Сухиновым поспешили выехать из Василькова в Трилесы к Сергею Муравьеву. Горбачевский же в письме к М. Бестужеву рассказывает об этом важном моменте подготовки восстания совершенно иначе. Четверо упомянутых офицеров-черниговцев выехали из Василькова в Трилесы к Сергею Муравьеву будто бы не по записке С. Муравьева, а по записке самого Горбачевского, переданной им через подпоручика Андреевича [14],—расхождение разительное и касается существенного вопроса. Заметим, что и в этом случае прав автор «Записок Горбачевского», а не Горбачевский в письме к М. Бестужеву. Далее автор «Записок Горбачевского» пишет, что «Соловьев и Щепила поехали большою дорогою, а Кузьмин и Сухинов—проселочною». Горбачевский же в письме к М. Бестужеву пишет иначе: «Кузьмин и Соловьев поехали по одной дороге, Сухинов и Щепила по другой». Расходятся и даты, относящиеся к ходу восстания Черниговского полка. Автор «Записок Горбачевского» пишет, что 30 декабря восставший полк находился в Василькове, где 31 декабря в 9 часов утра был сбор полка на городской площади, тут и читался войскам «политический катехизис»; затем полк выступил в поход и остановился в Мотовиловке, где 1 января 1826 г. была объявлена дневка. Горбачевский же в своем письме к М. Бестужеву пишет, что 1 января восставший полк будто бы находился еще в Василькове, где перед ним была прочтена «выписка краткая из «Русской Правды»», затем 1-го же января полк двинулся в поход. Все это неправильно, и спор между автором «Записок Горбачевского» и Горбачевским и в данном случае решается в пользу первого. Реальный Горбачевский с его превосходной памятью не мог бы так расходиться сам с собой. Очевидно, он и в письме к М. Бестужеву и в своих «Записках» писал бы одно и то же.

Автор «Записок Горбачевского» весьма точно указывает место, где было разгромлено восстание: Черниговский полк встретился с отрядом Гейсмара, «едва выйдя» из околицы деревни Ковалевки и сделав «не более $^1/_4$ версты». Горбачевский же в письме к Бестужеву колеблется и определяет место разгрома неточно: «под Трилесами или за Трилесами» [15]. Едва ли такое расхождение могло бы возникнуть, если бы автором «Записок Горбачевского» и автором письма к М. Бестужеву было одно и то же лицо. В ходе событий немаловажное значение имел приезд в конце 1825 г. в Новоград-Волынск отставного Андрея Борисова, одного из основателей Славянского общества. Автор «Записок Горбачевского» пишет об этом так: «14 декабря неожиданно приехал в Новград-Волынск из Харьковской губернии Борисов 1-й». Горбачевский же в письме к М. Бестужеву пишет об этом совершенно иначе: Борисов 1-й «был в ы т р е б о в а н Г о р б а ч е в с к и м в Новград-Волынск после Лещинского лагеря», т. е. приехал вовсе не «неожиданно» и не из Харьковской губернии, как

пишет автор «Записок», а из Курской. Противоречие разительное, причем, как видим, участником события является сам Горбачевский. Следовательно, невозможно полагать, что автор «Записок» и Горбачевский — одно и то же лицо. В данном случае прав реальный Горбачевский, автор письма к Бестужеву. В рассказе о заговоре Сухинова, готовившего восстание в Зерентуйском руднике, автор «Записок Горбачевского» резко осуждает намерение Сухинова опереться в предполагаемом выступлении на сибирских ссыльных и дает крайне отрицательную их характеристику, сожалея об их глубоком нравственном падении («все служит к тому, чтобы низвести их на самую последнюю ступень нравственного существования»). Мысль эта автором «Записок Горбачевского» развита подробно, ей посвящено около двух страниц. Между тем в упомянутом письме Горбачевского изложено совершенно противоположное мнение о сибирских ссыльных: «А ссыльные, что за народ любопытный,— оклеветанный, убитый, но люди умные, рассудительные, даже — скажу тебе странную вещь — люди очень добрые и честные». Ясно, что автор «Записок» и Горбачевский стоят тут на противоположных точках зрения.

Но это не все. Время написания «Записок» устанавливается тем обстоятельством, что в их тексте о декабристе Лунине говорится как о живом человеке [16]. Лунин умер в 1845 г., следовательно, «Записки» написаны ранее этого срока. Между тем, как видно из письма к М. Бестужеву, Горбачевский еще в 1861 г. лишь мечтает о том, чтобы написать свои воспоминания. Он хочет «написать или описать свою жизнь», начиная с 1812 г., когда ему уже было 12 лет и «когда мы бегали от французов и за французами». Он хотел бы описать свое воспитание «в гимназиях, у иезуитов, потом в корпусе», описать вступление в тайное общество, деятельность в обществе, потом крепость, Сибирь... Он жалуется, что обстоятельства складываются так, что он лишен возможности выполнить это намерение: работа для куска хлеба, болезни, бедность мешают этому. Невозможность написать такие записки тем тяжелее для Горбачевского, что он связывает их создание с выполнением завещания Сергея Муравьева-Апостола. Оказывается, прощаясь с Горбачевским в лагере под Лещиным, Сергей Муравьев-Апостол сказал ему: «Ежели кто из нас двоих останется в живых, мы должны оставить свои воспоминания на бумаге; если вы останетесь в живых, я вам и приказываю, как начальник ваш по обществу нашему, так и прошу как друга, которого я люблю..., написать о намерениях, цели нашего общества, о наших тайных помышлениях, о нашей преданности и любви к ближнему, о жертве нашей для России и русского народа. Смотрите, исполните мое вам завещание, если это только возможно будет для вас». Ясно, что если бы в начале 40-х годов Горбачевский написал бы «Записки Горбачевского», то он считал бы, что выполнил завещание Сергея Муравьева и в письме своем к М. Бестужеву в 1861 г. скорбел бы о том, что он уничтожил рукопись, являвшуюся выполнением завещания, а не просто выражал бы огорчение, что он до сих пор не сумел взяться за работу, чтобы выполнить завещание. Описав сейчас же вслед за этим расставание с Сергеем Муравьевым, Горбачевский пишет далее в письме к М. Бестужеву: «Тут все я пропускаю, что мы говорили, и какие наши были тайные намерения и о чем я его упрашивал,— все это, все это должно быть в записках, если они когда-либо будут написаны». Ни о чем этом в «Записках Горбачевского» нет ни слова. Ясно, что такие записки еще никогда не писались Горбачевским, он только мечтал их написать и тем выполнить завещание друга. Между тем в «Записках» сцена последнего свидания «славян» с Муравьевым-Апостолом дана в сдержанных и суровых тонах, без оттенка глубокой теплоты, которым она отмечена в письме к Бестужеву, и без тех деталей прощания, которые ему были дороги. Бросается, напри-

мер, в глаза, что в «Записках Горбачевского» совершенно нет упоминания о завещании Сергеем Муравьевым Горбачевскому написать указанные «Записки»,— неужели реальный Горбачевский забыл бы об этом? [17].

Подобные сопоставления можно было бы продолжить, но в этом нет нужды: приведенных примеров достаточно, чтобы придти к выводу, что автор «Записок» и Горбачевский — два разных лица. Мы убедились вместе с тем в том, что сопоставление письма Горбачевского к М. Бестужеву с текстом «Записок» не только не может быть аргументом в пользу того, что автором «Записок» является Горбачевский, а, наоборот, решительно свидетельствует против этого. Проверка опровергает предположение Б. Е. Сыроечковского и заставляет придти к выводу, что Горбачевский — не автор приписываемых ему «Записок». Лучше поэтому было бы пока что вернуться к данному П. Бартеневым названию: «Записки Неизвестного из Общества Соединенных Славян».

Однако есть данные для выдвижения гипотезы об авторе «Записок», более обоснованной на мой взгляд, нежели авторство Горбачевского. Есть основания предположить, что автором «Записок Неизвестного из Общества Соединенных Славян» является Борисов 2-й (Петр Борисов).

Прежде всего, поскольку автор «Записок» должен удовлетворять признаку старого членства в Славянском обществе, активного участия в нем и подробной осведомленности в его истории, легко выделить группу лиц, отвечающих этому признаку: это — основатели общества Андрей и Петр Борисовы, Юлиан Люблинский, старые члены И. Горбачевский (член с 1823 г.), В. Бечаснов (принят в декабре 1823 г.), А. С. Пестов, П. Ф. Выгодовский, П. Ф. Громнитский (приняты в 1824 г.). Из них легко отводятся кандидатуры Бечаснова, Пестова и Громнитского как людей, непривычных к литературному труду, не оставивших после себя авторского наследия и никогда не выражавших желания написать воспоминания о Славянском обществе. Не может быть автором «Записок» и П. Ф. Выгодовский: он оставил большое литературное наследие, но отрывки последнего, до нас дошедшие, являют разительную противоположность со стилем и содержанием «Записок Неизвестного». Отпадает и Ю. Люблинский, по недостаточному знанию русского языка предпочитавший писать на родном польском. Отпадает по приведенным ранее доводам И. И. Горбачевский. Остаются, следовательно, лишь братья Борисовы, из которых надо отвести Андрея Борисова ввиду его психического заболевания в Сибири. В остатке, таким образом, лишь один «кандидат» — Петр Борисов [18].

Однако довод путем исключения далеко не единственный. Прежде всего из всех названных лиц (за исключением Горбачевского) Петр Борисов один изъявил еще до ареста желание написать историю Общества соединенных славян. Когда в тревожные дни кануна восстания Горбачевский по просьбе Андрея Борисова передал его брату Петру рисунки символических знаков раннего общества и выразил желание «изорвать и сжечь оные», Петр Борисов воспрепятствовал этому и сохранил их (они были взяты при обыске) со следующей мотивировкой, которую сам приводит на следствии: «Моя политическая жизнь кончилась, и я хочу, взявши отставку, жить подобно «друзьям природы» уединенно и предаваясь размышлениям... сии рисунки будут мне нужны, я буду писать историю о происхождении общества друзей природы и Славянского Союза и о их падении» [19].

Еще одним доводом за авторство Борисова 2-го является сопоставление его показаний с текстом «Записок Неизвестного». Оно дает разительные совпадения не только смыслового, но и непосредственно лексического характера. Приведем наглядные примеры. На одном из заседаний, посвященных объединению «славян» с Южным обществом, Петр

Борисов спросил у Бестужева-Рюмина, какие меры обуздают членов временного правительства от похищения самовластия. «На это Бестужев-Рюмин с жаром отвечал мне»:

«Как не стыдно вам о сем спрашивать, чтобы те, которые для получения свободы решились умертвить своего монарха, потерпели власть похитителей».

Показания Петра Борисова на допросе, 1826 г. (ВД, т. V, стр. 63).

«Как можете вы меня об этом спрашивать! — вскричал он с сверкающими глазами. — Мы, которые убьем некоторым образом законного государя, потерпим ли власть похитителей? Никогда! Никогда!».

«Записки Неизвестного», (стр. 74).

Как видим, в ответе там и тут совпадает не только общий смысл, но и отдельные речения, ответ «Записок» лишь литературно более обработан.

В ответ на приведенные выше слова Бестужева Петр Борисов убежденно возразил, ссылаясь на исторические примеры:

«Мне стало досадно. «Это хорошо сказано; но победитель Галлов и нещастного Помпея пал под ударами заговорщиков в присутствии всего сената, а робкий 18-летний Октавий сделался властелином гордого Рима», сказал я сквозь зубы...».

Показания Петра Борисова на допросе (там же)

«Это правда,— сказал Борисов 2-й с притворным хладнокровием и с улыбкой сомнения;— но Юлий Цезарь был убит среди Рима, пораженного его величием и славою, а над убийцами, над пламенными патриотами восторжествовал малодушный Октавий, юноша 18 лет...».

«Записки Неизвестного» (там же).

И тут перед нами ряд разительных дословных совпадений. Поскольку пользование более ранним письменным текстом для составления более позднего начисто исключено, то речь может идти лишь о выражениях, сохраненных авторской памятью. Заметим, что Горбачевский на допросах вообще не упоминал (хотя бы в вольном пересказе) слов Борисова 2-го ни о 18-летнем Октавии, ни о «власти похитителей».

Совпадает и последующее повествование:

«После меня многие из присутствующих начали делать Бестужеву различные вопросы и большею частью самые пустые...».

Показания Петра Борисова на допросе (там же)

«Борисов хотел продолжать, но был прерван другими вопросами, сделанными Бестужеву о предметах вовсе незначительных...».

«Записки Неизвестного» (там же).

Добавим, что терминологически редкое словоупотребление — название Петра Борисова президентом Общества соединенных славян, находящееся в «Записках Неизвестного» («По общему желанию Борисов принял должность президента...»), применено на допросах лишь Андреем Борисовым («Брат мой остался президентом Славянского общества»), т. е. бытовало в общении братьев Борисовых. У других членов Общества соединенных славян эта терминология вообще не встречается [20].

В показаниях Горбачевского начисто отсутствует линия сдержанного скептицизма по отношению к действиям Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина. Горбачевский, напротив, всю вину за участие в противоправи-

тельственных действиях возлагал на допросах на братьев Борисовых — это приметная отличительная черта показаний Горбачевского. В показаниях же Петра Борисова отчетливо чувствуется критическое отношение к действиям С. Муравьева-Апостола и Бестужева — черта опять-таки разительно совпадающая с общим тоном и концепцией «Записок Неизвестного». Это также довод в пользу авторства Петра Борисова.

Еще одним аргументом является совпадение или большая близость в показаниях Петра Борисова и в «Записках Неизвестного» детальных датировок с указанием не только года, но и числа и месяца. Довольно частое приведение подобных дат вообще характерно для показаний Петра Борисова, причем в ряде случаев только он один из всего состава Славянского общества мог знать приводимую дату. Так, он двукратно показал на следствии, что 15 сентября по приглашению Бестужева-Рюмина Спиридов, Горбачевский и Пестов явились к Сергею Муравьеву (ср. в «Записках»: «15 сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час»). Далее Борисов 2-й на другой день был о д и н у Бестужева, чтобы дать клятву стать цареубийцей. При этом и в показаниях и в «Записках» не только приведена одинаковая дата свидания — 16 сентября, но отмечено и время: «рано утром» в «Записках» и «рано поутру» в показаниях. Совпадает и месяц с е н т я б р ь как дата заседания Славянского общества в 1825 г. в Лещинских лагерях у Борисова («сентябрь» в показаниях и «3 или 4 сентября» в «Записках») и лишь на один день расходится дата последнего совещания в лагерях (12 сентября в показаниях на следствии и 13 сентября в «Записках») [21].

Заметим, наконец, что при гипотезе об авторстве Петра Борисова приобретает вновь известную силу и «честное слово» П. Бартенева о характере почерка «Записок»: почерк П. Борисова действительно крайне экономный, сжатый, убористый, и легко себе представить рукопись описанного Бартеневым характера как автограф Петра Борисова.

Все изложенные соображения и заставляют прийти к выводу, что автором «Записок Неизвестного из Общества соединенных славян», вероятно, был Петр Борисов.

В последнее время в литературе о декабристах проявилась тенденция к снижению облика Петра Борисова и к отрыву его от идеологии основного коллектива Общества соединенных славян. Ниже будет показана необоснованность этого мнения. Но сверх этого, в последнее время произведены нападки и на содержание исторического труда «Неизвестного» об Обществе соединенных славян. Их необходимо разобрать сейчас, чтобы уяснить возможность использования «Записок» как исторического источника. Конечно, как всякие мемуары, «Записки Неизвестного» содержат ряд фактических ошибок. Так, в них ошибочно датируется попытка поднять восстание в Полтавском полку, неверно обрисовывается роль Тизенгаузена в этом восстании, содержатся неточности в описании присяги Николаю I в Черниговском полку и в некоторых других случаях, в которых Борисов 2-й не являлся непосредственным свидетелем происшествия и говорил со слов других. Как и любые мемуары, «Записки» требуют критического к себе отношения. Но выдвинутое против их автора обвинение в «предвзятой концепции» и некоей «тенденциозности» остается не только необоснованным, но даже непонятным по существу. Обвинение, что в «Записках» деятельность С. Муравьева и М. Бестужева получила «извращенную трактовку», очевидно, есть обвинение в нарочитом (в силу чего же?) и сознательном (почему?) искажении автором истины. Это тяжелое обвинение решительно ничем не аргументировано. Автор «Записок» излагает свою концепцию дви-

жения, свое понимание событий, как правило, основываясь на фактическом материале. Можно спорить с автором или соглашаться с ним. Но голословные обвинения в «извращении» фактов, т. е. в сознательной неправде, крайне поспешны и не носят научного характера. «Записки Неизвестного», вероятно, принадлежащие перу Петра Борисова, были и остаются ценнейшим памятником Общества соединенных славян.

2

Мы уже упоминали, что вскоре после организации Союза Благоденствия, но совершенно независимо от него в армии возникла одна самостоятельная небольшая тайная организация — «Общество первого согласия». 13 мая 1818 г. в местечке Решетиловке Полтавской губернии два юнкера — братья Борисовы совместно с третьим юнкером Волковым основали тайное общество по правилам «Питагоровой секты». Древнее историческое название пифагоровых братств было использовано еще во время французской революции конца XVIII в. для революционных организаций. «Путешествие Пифагора» было одной из опасных вольнодумческих книг эпохи, и недаром Карамзин полагал, что книга эта «заражает умы». Сопиков перевел с французского «Пифагоровы законы и нравственные правила», которые, несомненно, были в некоторой мере учтены членами будущего Славянского общества на раннем этапе их деятельности [22].

Ю. Г. Оксман раскрыл связь «Питагоровой секты» братьев Борисовых с переведенными В. Сопиковым «Пифагоровыми законами и нравственными правилами» и «Путешествием Пифагора» Сильвена Марешаля, поэта и публициста времени якобинской диктатуры, ученика Бабефа и деятеля «Заговора равных». Эти яркие работы, с которыми Петр Борисов, владевший французским языком, мог быть знаком и в подлиннике, помогли основателям «Питагоровой секты» поработать над вопросами всеобщего равенства, презрения к богатству и ненависти к тирании. Не следует, однако, заслонять этим влиянием самостоятельно развитые черты антифеодальной идеологии.

Как показывает один из основателей «Общества первого согласия» Петр Борисов, общество организовал он и юнкер Волков. Андрей Борисов был в это время в служебной командировке и присоединился к обществу сейчас же по возвращении. «Целию сего общества сначала были одни правила Питагоровой секты: усовершенствовать себя в науках, художествах и добродетели, любовь и дружба». Потом, как пишет Петр Борисов, к этой первоначальной цели прибавились «усовершенствование нравственности» и «очищение религии от предрассудков». Вслед за этим в своеобразной форме вошла в тайную организацию и политическая цель: по словам Борисова 2-го к прежним целям присоединилось «основание известной Республики философа Платона». Вместе с этим общество переменило и свое название, приняв название «Друзей природы» [23].

Петр Борисов нарисовал и девиз первого общества: «две руки, соединенные вместе над жертвенником с надписью: «La gloire, l'amour et l'amitié». Предавшись сим мечтам и строя воздушные замки, в свободное время я рисовал иероглифы, вымышляя костюмы и прочее», — показывает Петр Борисов. Уже после восстания Черниговского полка, когда Общество соединенных славян было открыто и заговорщики спешно уничтожали все документы, Горбачевский в деревне Смолдыреве хотел сжечь рисунки Петра Борисова, имевшие отношение и к «Питагоровой секте». Петр решил сохранить их, желая, как уже указывалось, написать историю возникновения и падения тайных обществ, основанных им.

Андрей Борисов в своем показании опускает «Общество первого согласия», но берет на себя инициативу основания «Общества друзей природы», хотя и замалчивает его республиканскую цель. Таким образом, «Общество первого согласия» быстро переросло свои первоначальные формы: из последующей истории их организации видно, что участников уже не удовлетворяла разработка цели тайного общества, степень ее ясности и ее философское обоснование. «Наконец, я убедил Волкова и моего брата, которые мне в этом противились, присоединить к первой цели основание известной Республики философа Платона и принять имя «друзей природы»»,— свидетельствует Петр Борисов. Формы вновь давались идеологией революционной Франции, а не непосредственно древней концепцией платоновой республики. Очевидно, философия естественного права и мысли о природных правах человека имели отношение к перемене названия. Требование республиканской конституции до времени хранилось как «сокровенное намерение» общества. Число членов возросло: юнкеры 15-й артиллерийской бригады Корсун и 52-й батарейной роты Лукьянович примкнули к обществу. Петр Борисов написал для нового общества бо̀льшую часть «Правил», клятвенное обещание и устав. Вскоре после производства братьев Андрей все это «предал огню». «Девизом оного, — пишет Петр об «Обществе друзей природы», — сделал солнце, выходящее из-за горного хребта и рассеивающее своими лучами собравшиеся над ним тучи с надписью: «Взойду и рассею мрак»».

14 июня 1826 г. подпоручик Василий Иванович Корсун, живший и работавший тогда при императорском военно-сиротском доме, дал подписку в отказе состоять членом каких-либо тайных обществ и упомянул об «Обществе друзей природы», именуя его «Орденом» и указывая, что в нем не получил никаких «степеней». Он говорит, что принят был в «Орден» в местечке Будищах Полтавской губернии Зиньковского повета, где в то время квартировала 9-я артиллерийская бригада. По словам Петра Борисова, «Корсун и Лукьянович хотя были Друзьями Природы, но им нравилась только наша дружба, они не думали о нашей цели и даже не понимали оной, в то время они еще мало читали, все их сведения ограничивались одною математикою». Правдоподобно предположение, что такое показание давалось на следствии, чтобы не запутать в дело друзей [24].

Следственный комитет отнесся к «Ордену» снисходительно и не стал разбираться в его сути. «Орден Друзей Природы, — рапортовал дежурному генералу Главного штаба полковник Адлерберг 1-й, — не имел политической цели, а единственно нравственную, и предполагаемые средства к достижению оной, равно как и правила, были не что иное, как ребяческие умствования». Нельзя согласиться с этой пренебрежительной характеристикой. Основатель общества Петр Борисов, по собственным словам, «с младенчества был влюблен в Демократию» и еще в детстве под влиянием чтения Плутарха и изучения античной истории стал питать «любовь к вольности и народодержавию». По признанию Борисовых на следствии, они были движимы «любовью к отечеству», и «Общество друзей природы» интересно тем, что воспринимает лозунг республики. Основатели росли, росла их сознательность, окружающая их жизнь шла вперед, происходили первостепенные по важности события, а расширяющийся круг знаний давал все больший материал для организационных форм и идей, в которых можно было бы воплотить протест против окружающего. Возникла потребность в новой реорганизации общества.

«Я любил читать, — показывает Петр Борисов на следствии, — всякую новую мысль хотел прежде, нежели сделаю ее своею, разобрать и доказать самому себе истину оной, но, будучи ослеплен любовию к Демократии и свободе, каждую вольную мысль находил справедливою и

не мог ничем опровергнуть оной. Для чтения избирал сочинения только тех писателей, коих мысли и дух были сходны с моими. Таким образом я нечувствительно сделался либералом. Желание быть полезным человечеству занимало меня всегда, я положил себе за правило искать истины и думал, что, образовываясь в мнениях, меня погубивших, я ищу ее и найду. Общее благо есть верховный закон — вот максима, которая была основанием и моей религии и моей нравственности». После производства в офицеры Петр Борисов, по собственному показанию, «совершенно предался» изучению «Натуральной Истории, Философии и Морали». Материалистические философские установки братьев Борисовых — вне сомнений. Особенно ясно это видно из научных и философских работ Петра Борисова [25].

Основатель общества Борисов 2-й прямо признается в чувстве страстного протеста против крепостнического угнетения: «Несправедливости, насилие и угнетения помещиков, их крестьянам причиняемые, рождали во мне всегда подобное чувствование и укрепляли в моем уме либеральные мысли» [26].

Наблюдение указанных несправедливостей и угнетения крестьян не могло иметь места в имении родителей Борисова 2-го, как то нередко бывало в биографиях других декабристов: «крестьян не имеет» значится в его формуляре. Ряд других документов подтверждает, что ни Борисов 2-й (Петр), ни брат его Борисов 1-й (Андрей), ни отец их Иван Андреевич Борисов, отставной майор 8-го класса, не имели ни земли, ни крестьян. Следовательно, наблюдения над тяжким угнетением крестьян были сделаны им не в отцовском поместье, а в чьих-то других имениях, по которым или около которых проходил его жизненный путь. Поскольку сам Борисов указывает местечко Решетиловку Полтавской губернии как место возникновения тайного общества, им основанного, то предположение, что сильнейшее восстание, вспыхнувшее тут же и около того времени, имеет какое-то отношение к изучаемому нами факту — напрашивается само собой. Ряд соображений приводит к выводу, что можно несколько расширить круг событий эпохи, непосредственно близкий к формированию новой организации на первых ее этапах. Вникая в историческую обстановку, в которой возникло и развилось это самостоятельное политическое общество — зародыш будущего Общества соединенных славян, историк движения декабристов невольно должен насторожиться при названии места возникновения первого общества Борисовых — местечка Решетиловки Полтавской губернии. Ему уже встречалось это название и именно в связи с изучением декабристского движения. Уже чья-то политическая биография, формирование чьего-то политического мировоззрения проходило каким-то образом через этот географический пункт. Сопоставление двух показаний, данных на следствии, не оставляет сомнений: через это украинское селение прошла также биография «первого декабриста» Владимира Раевского. Название Решетиловки прозвучало в его биографии как раз в связи с возникновением ненависти декабриста к рабству крестьян и описанием крестьянского восстания. В произведении Вл. Раевского «О рабстве крестьян» имеются следующие строки: «Ниже сего я примерами изложу, сколь вредно рабство для народа русского, рожденного быть свободным. Александр в речи своей к полякам обещал дать конституцию народу русскому. Он медлит, и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры...» [27].

Последняя следственная комиссия по делу Вл. Раевского, работавшая в 1827 г., допытывалась до смысла рукописи «О рабстве крестьян» и, в частности, желала вникнуть в текст, цитированный выше. 5 февраля 1827 г. военно-судная комиссия потребовала ответа на вопрос: «До

какой первой искры миллионы скрывают свое отчаяние?» Вл. Раевский, настойчиво отказывавшийся от авторства рукописи, сначала хотел уклониться от ответа и утверждал, что «не знает, что разумел здесь сочинитель», но под давлением комиссии вынужден был высказаться обстоятельнее: «Вот как понимаю мысль сию: автор, может быть, видел и знал много примеров жестокого положения крестьян; может быть, он читал жизнь яикского казака Пугачева, против которого верховная власть должна была послать сперва генерала Михельсона, после того — победителя народов Суворова. Но я нахожу мысль сию * недостаточною или несправедливою, ибо многие не скрывают отчаяния своего. Я сам был свидетелем лет 10 тому назад в Полтавской губернии близ селения Решетиловки — ужаснейшего бунта 700 душ крестьян помещика Кирьякова, против коих было выслано войско и артиллерия...» [28].

Действительно, сильнейшие волнения крестьян в этих местах, где были расположены имения С. М. Кочубея, непрерывно длились с 1815 по 1821 г. Одним из поводов волнений была попытка переселить полтавских крестьян в херсонское имение. Часть крестьян была продана помещику Кирьякову, и жестокая расправа в деревнях, принадлежавших Кирьякову и Кочубею, производилась воинской силой. Лозунгом крестьян стало полное освобождение, переход на положение казаков и казенных крестьян. При усмирении некоторые селения были разрушены до основания, были случаи выселения в Сибирь, по представлению Кочубея, целых деревень. Можно понять свидетельство Вл. Раевского, что все происходившее в Решетиловке Полтавской губернии напоминало события пугачевского восстания. Нельзя не задать вопрос: не предшествовали ли эти события возникновению интересующего нас тайного общества? Не явились ли все три юнкера свидетелями сильного крестьянского восстания и последующего кровавого усмирения? Вероятно, да. Пока нет возможности подробного ответа, но есть основания для постановки этого вопроса. Ясно, что в Решетиловке и вокруг нее было неспокойно и совпадающие по времени впечатления содействовали вызреванию политической идеологии в предшествующих Славянскому обществу организациях. Интересно, что пути Раевского и Борисовых могли скреститься в той же Решетиловке, но точных данных об этом мы не имеем [29].

По свидетельству обоих братьев, их первые тайные общества падают на время до их производства в офицеры, т. е. до лета 1820 г. Едва ли мы ошибемся, если предположим, что «дух преобразования», который «заставлял умы клокотать», породил и это общество. Оно возникло в провинциальной российской глуши и стало постепенно завоевывать ту же идеологию преобразований, выводящих страну — объективно — на дорогу к новой жизни, свободной от феодального угнетения. Горячее сочувствие угнетенному крестьянству сопровождает это развитие, выливаясь во все более сознательные формы. Петр Борисов постоянно вел разговоры «об уничтожении крестьян» (т. е. об уничтожении крепостного состояния крестьян, об уничтожении крепостных крестьян) и проявлял свою приверженность к идее «уничтожения сословий», «к свободе, равенству и народодержавию». Андрей Борисов хорошо резюмировал основную причину вольномыслия обоих братьев: «Причина, побудившая нас к сему, была: угнетение народа, к облегчению его участи. Я решился из патриотизма жертвовать собою...». Подчеркнуть и документально обосновать эти убеждения Борисовых тем более необходимо, что в литературе недавнего времени была выдвинута неправильная концепция, крайне прини-

* Т. е. мысль, что миллионы крестьян скрывают свое отчаяние «до первой искры» (подчеркнуто всюду мною. — *М. Н.*).

жающая мировоззрение и общий облик Петра Борисова, одного из активнейших основателей Славянского общества, будто бы не имевшего интереса к социально-политическим вопросам и равнодушного к положению крепостного крестьянства. Подобный вывод решительно противоречит фактическому материалу [30].

Но если горячий интерес к судьбам крепостного крестьянства роднит членов нового общества даже на ранних этапах его развития с общими установками движения декабристов, то в этой новой организации имеются и некоторые своеобразия.

Изучая биографию основателей будущего Славянского общества — братьев Петра и Андрея Борисовых, мы сразу чувствуем себя в существенно иной обстановке, нежели та, в которой протекали юношеские годы других декабристов. Тут нет ни отцовского имения, ни дворни, ни Московского университета, лицея или школы колонновожатых, тут нет обжитого дворянского дома, иностранных гувернеров и лекций Германа и Куницына, гвардейской службы, участия в офицерских артелях. Жизненная дорога основателей будущего Общества соединенных славян вьется в стороне от этой столбовой дороги. Семья отставного майора Ивана Андреевича Борисова, в которой, кроме упомянутых старших сыновей, воспитывалось еще трое младших детей — две дочери и сын, жила очень бедно. У отца не было ни земли, ни крестьян. Скудный казенный «пансион» (пенсия) отца в 200 руб. в год был в 1826 г. главнейшим средством содержания этой семьи. 20-летним юношей, прямо со школьной скамьи, отец Борисовых стал учителем — первоначально в Петербургском морском кадетском корпусе, затем в Черноморском кадетском корпусе и в Черноморском штурманском училище, в 1804 г. вышел в отставку и поселился в Курской губернии. С осени 1825 г. он жил в селе Боромле Ахтырского уезда, в наемной квартире. Едва ли жизнь семьи во время детства Петра и Андрея была лучше в материальном смысле, чем в 1826 г., когда ахтырский земский исправник донес слободско-украинскому гражданскому губернатору, что отец Борисовых «находится в самом бедном положении». Отец занимался архитектурой, чертил планы провинциальных домов, следил за их постройкой. По всему видно, что это был образованный для того времени человек. Он сам учил сыновей, а в программе обучения была не только грамота и уменье считать: братья учились у него русскому языку, географии, истории, математике и первым началам астрономии. Отставной майор, очевидно, имел разносторонние интересы и познания, которыми, вероятнее всего, обязан был самому себе. Характерной чертой является и то, что в семье не было ни показного ханжества, ни приверженности к церковной обрядности, ни постоянных религиозных «упражнений». «Мой родитель, — писал позже Петр Борисов,— не старался влить в меня чрезмерной набожности, он часто говорил мне, что богу приятнее всех жертвоприношений видеть человека честным и делающим добро, что бог смотрит не на полные, но на чистые руки, а еще более на чистое сердце».

Обстановка бедной, свободной от религиозного дурмана семьи давала закал воле, рано знакомила с тяжелыми сторонами жизни. Пытливый ум братьев находил пищу в чтении, они рано к нему пристрастились. Первые понятия о «демократии, республике, народоправстве» были почерпнуты братьями из чтения жизнеописаний великих мужей Плутарха и Корнелия Непота, из занятий греческой и римской историей. «Я с младенчества был влюблен в Демократию», — показывает Петр (и не боится прямо сказать об этом на следствии!) [31].

Оба брата — Андрей 18, а Петр 16 лет — поступили юнкерами в июне 1816 г. в 52-ю легкую роту 26-й артиллерийской бригады. Первое,

что бросилось им в глаза в дворянско-бюрократической александровской армии, были жестокость и произвол, жертвой которых они вскоре сделались и сами. «В штрафах и под судом не был,— пишет Андрей,— но неудовольствия по службе разного роду случались почти ежедневно, которые правительством в счет не ставятся: от них терпит одно самолюбие, а более ничего». Тяжелое угнетение солдат будило чувство протеста. Однажды во время наказания солдат палками Петр Борисов, не выдержав страшной картины, «вышел из фронта и давал самому себе клятвы уничтожить наказание такого рода, хотя бы сие стоило мне жизни» [32].

Едва ли не самой интересной чертой военной биографии Петра и Андрея Борисовых является то, что они, уже будучи основателями тайного общества, побывали на Кавказе у Ермолова. Ермоловский корпус представлял весьма своеобразное явление, недаром его называли самостоятельной «республикой» александровской армии. В лице Ермолова — обаятельного, притягивавшего все сердца вольнодумца и «проконсула Иберии» — мы имеем редкий пример крупного военачальника александровского времени, в биографии которого числилось пребывание в Алексеевском равелине. Братья Борисовы 10 июня 1816 г. были назначены в 26-ю артиллерийскую бригаду, которая в апреле 1819 г. была переименована в Грузинскую гренадерскую артиллерийскую бригаду и включена в Кавказский корпус. В формуляре Петра Борисова значится: «1819-го года Октября 23 дня, переправясь [через] реку Терек, Декабря 19 числа того же года в сражении против Акушинцов под селением Ловбашей действительно находился» (та же запись имеется в формуляре Андрея Борисова). Оба они пробыли в ермоловском корпусе до лета 1820 г. (в формулярах перевод из Грузинской гренадерской артиллерийской бригады в 8-ю артиллерийскую датирован 6 июля 1820 г.). Таким образом, знаменитый ермоловский приказ от 1 января 1820 г., где солдаты названы «товарищами», прошел, очевидно, и через их сознание. Приказ этот произвел сенсацию в корпусе, молодые вольнодумцы пришли от него в восторг: «Мы беспрестанно читали, повторяли этот приказ и вскоре знали его наизусть», — пишет один из «ермоловцев». Сам Ермолов гордился приказом и писал Денису Давыдову: «Немногие смели называть солдат товарищами...» [33].

Таким образом, определяется и некоторая новая черта в истории первоначальных стадий Славянского общества — пребывание на Кавказе. «Общество Первого согласия» основано 13 мая 1818 г., а поход в Грузию состоялся в октябре следующего 1819 г. Очевидно, подобно другим декабристским обществам, и ранние формы Славянского общества передвигались вместе с армией. Кстати дополнительно подтверждается, что на Кавказ в корпус Ермолова приезжали члены уже ранее организованных тайных обществ.

Усиление реакции в начале 20-х годов и слежка за вольнодумцами в армии не только не приостановили деятельности тайного общества, основанного П. Борисовым, но стимулировали его дальнейшее развитие. В 1823 г. организация приняла новый вид — возникло Общество соединенных славян.

«Несправедливая взыскательность со стороны начальников и насмешки над патриотическими моими мнениями, коих не скрывал, утверждая во мне чувство негодования, решили, наконец, учредить такое общество, которое бы ближе соответствовало сокровенному моему намерению», — показывает Андрей Борисов. «Жестокое обращение некоторых командиров с их подчиненными, притеснения, делаемые многими помещиками их крестьянам, равно и собственно мною иногда несправедливо получаемые неудовольствия по службе, усилили, а желание оказать услугу человече-

ству и надежда быть счастливее внушили мне пагубный дух преобразования», — такие планы «разгорячили» голову Петра Борисова. Решено было образовать новое тайное общество.

3

Остановимся сначала на общем ходе событий и внешних обстоятельствах, связанных с организацией Общества соединенных славян, чтобы затем, охарактеризовав особенности личного состава участников, перейти к более подробному анализу их идеологии.

В 1823 г. полк, в котором служили братья Борисовы, стоял в Новоград-Волынске. В этом году молодой шляхтич Юлиан Казимирович Люблинский, студент Варшавского университета, был в цепях приведен из Варшавы в свой родной город Новоград-Волынск и отдан под надзор полиции за участие в польском революционном движении. Повидимому, Ю. Люблинский принадлежал к Союзу вольных поляков (Związek wolnych Polaków), который издавал политическое повременное издание «Dekada polska». В мае 1821 г. к очередному номеру газеты (от 3 мая) был выпущен в качестве приложения текст Конституции 3 мая 1791 г. Ю. Люблинский в своей «Памятной записке» пишет, что студенческий кружок, к которому он принадлежал, был репрессирован в связи с тем, что молодежь «соблазнилась приятным и интересным для нее воспоминанием о конституции 3 мая». Это и дает основания для гипотезы о принадлежности Люблинского к Союзу вольных поляков [34].

Борисовы, как сообщает Ю. Люблинский в той же «Памятной записке», были еще ранее знакомы с его родственниками и через них быстро завязали знакомство и с высланным из Варшавы студентом.

Борисовы нашли в Люблинском много созвучного своим политическим настроениям. Он откликнулся на лозунги демократии, «народодержавия» и республики, хотя и критиковал за незрелость прежних установок. Поиски новых форм нашли в нем внимательного участника. В сотрудничестве с ним братья Борисовы ввели новый момент в революционную идеологию: всеславянское революционное единение. Было решено вместо прежнего, изжившего себя кружка, организовать Общество соединенных славян с целью объединения всех славянских племен в одну федеративную республику.

«Славянские страны» — Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация, Кроация *, по замыслу членов тайного общества, должны были объединиться в республиканскую федерацию. Каждый из объединяемых народов должен был иметь свою конституцию, приспособленную к его особенностям. Ежегодно должен был собираться съезд представителей этих республик в центральном городе федеративного союза (город не назван).

Союз славянских республик представлялся основателям Славянского общества оживленной федерацией с бурно растущей промышленностью, кипучей торговлей, мощными торговыми портами на берегах четырех морей — Черного, Белого, Балтийского и Адриатического. Он обнимал бы значительную часть Европы, вводил бы в свой состав большую долю Балканского полуострова и утвердил бы свое влияние в восточной и центральной частях Средиземного моря. Обладание берегами Адриатического моря — любопытнейшая черта проекта федерации.

Многочисленные пересказы обстоятельств возникновения Общества соединенных славян, встречающиеся не только в исследовательской ли-

* Население всех перечисленных стран, в том числе и венгров, члены общества считали славянами.

тературе, но и в декабристских источниках, восходят к свидетельствам основателей общества, которых всего трое: Петр и Андрей Борисовы и Юлиан Люблинский. Анализ именно этих наиболее достоверных свидетельств и представляет основной интерес, они находятся в следственных делах и даны на допросах. Вне следствия (и то предположительно) упоминает об образовании Общества соединенных славян лишь один документ — написанная на польском языке краткая автобиография Ю. Люблинского, новый материал, только сейчас входящий в исследовательский оборот. К сожалению, такой важный документ, как «Записки Неизвестного» (так называемые «Записки Горбачевского»), ни слова не говорит ни об обстоятельствах основания Общества соединенных славян, ни о его предистории, поэтому почерпнуть что-либо из этого ценнейшего первоисточника, относящегося к чрезвычайно немногочисленному кругу памятников, возникших вне следствия и Петропавловской крепости, мы не можем, — он начинает историю Славянского общества лишь с 1824 г.

Спор о том, кто первый предложил идею всеславянского единения — Люблинский или братья Борисовы, не имеет большого научного значения [35]. Важнее всего общая работа над программой и совместные организованные действия. Рассмотрим факты.

«Я согласил брата моего и поляка Люблинского вспомоществовать мне в труде сем. Мы выдумали отдаленную цель — соединения Славянских племен в одну республику...»,—смело показывает Андрей Борисов. Казалось бы, чего проще — свалить на Люблинского далеко не нейтральный для следствия вопрос о «зачинщике» новой организации и показать сущую правду, что Люблинский, а не кто иной, первый придумал Славянскую федерацию. Но Борисов не пошел на это и, конечно, не из желания что-то скрыть, так как при формулировке «мы выдумали» вина инициативы падает на всех троих. Последующие показания Андрея Борисова не противоречат этому, а предшествующие еще раз утверждают демократический характер политического идеала. Чрезвычайно важен и самый контекст показания Петра Борисова. Напомнив о своей приверженности «к демократическому правлению», сославшись на жестокое обращение командиров с солдатами и на «притеснения, делаемые многими помещиками их крестьянам», Петр Борисов показывает: «Разгоряченный подобными мечтами, в 1823 г., познакомившись с поляком Люблинским, который показался мне сначала человеком опытным, предложил я моему брату составить тайное общество, целию коего был бы отдаленный и сделанный без больших потрясений государственный переворот, и пригласить к сему помянутого поляка, как человека с хорошими сведениями. После некоторых размышлений мы открылись в сем Люблинскому, который, уступая моим просьбам, дал мне слово помогать в учреждении общества такового рода. Соединить все славянские поколения и сделать оные свободными показалось мне предприятием блистательным, ибо я думал через то доставить щастие не только моим соотечественникам, но даже другим народам» [36].

Это замечательное свидетельство опять приводит нас к общему замыслу: слова «я думал через то...» подчеркивают инициативный момент. Замечание П. Борисова об «опытности» Люблинского осталось нерасшифрованным царскими следователями, — заполнение этого понятия прежней революционной деятельностью уже репрессированного Люблинского вне сомнений (эту деятельность Люблинский, как уже упоминалось, скрыл от следователей, не выдали его и братья Борисовы, конечно, отлично о ней знавшие) [37].

Люблинский строит свое показание о начале Славянского общества иначе: он с самого начала берет линию на отрицание демократических

тенденций. Интерес его к политической литературе — якобы чисто теоретический, имевшие место революции «только на смех заслужили», он — якобы противник республики, и пример Дании, добровольно избравшей самодержца, вызывает его сочувствие. Встретившись с Борисовыми и узнав об их замыслах (каких? Ясно — о замыслах реализации «народодержавия» и политического переворота), он будто назвал Борисовых «маленькими философами». Он-де вовсе не примкнул к их демократическим мечтам, а предложил только искоренить вражду между русскими и поляками. Вошел же он в организацию Борисовых главным образом по «нерасторопливости» и по «безрассудному самолюбию». Ясно, что менее всего был склонен Люблинский отстаивать перед следователями свой «приоритет» в основании Славянского общества. Он просто ухватился за формулу, которая могла представиться (и действительно представилась!) следователям весьма скромной и некриминальной в политическом отношении,— искоренить враждебное отношение поляков к русским. На фоне разоблачающих республиканских симпатий это звучало «нейтрально». Этого впечатления и добивался Люблинский.

Но следователям было невдомек, что именно эта идея, взятая в разрезе польского революционного движения, была осколком демократического течения. Лозунг единения польского и русского народов под знаменем единства их кровных общих интересов не был свойственен аристократическим «белым» направлениям, преобладавшим тогда в общественном движении Польши. Польское Патриотическое общество ставило в центр своей идеологии лозунг независимого польского государства, восстановленного в границах 1772 г., и было чуждо изложенной Люблинским идее: «Лучше будет искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то чрез соединение отраслей Славянских, посредством Катехизиса или правил — ибо мы все, говорил [я] им, есть Славяне и из одного племени происходим», — так не говорили польские аристократы.. В «Памятной записке» 1829 г. Люблинский сжато формулирует ту же цель: полагая, что «большое значение имеет уничтожение ненависти, которую питают друг к другу русские и поляки», он «изложил свои мысли по этому поводу». Жаль, что мы не имеем этих мыслей в развернутом виде, но принадлежность этого осколка к демократическому целому вне сомнений: это — идея И. Лелевеля и А. Мицкевича. Последний не случайно приковывал внимание своих русских друзей, вдохновенно раскрывая перед ними картину будущего, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся» [38].

Но, вдумываясь в ход показаний Ю. Люблинского и в то, какой именно образ себя самого хотел он создать перед следователями, можно сразу заметить глубокое противоречие между его первым и последующими показаниями. Арест Люблинского был из числа самых поздних (15 февраля 1826 г.), он долго был во власти надежды, что о нем забыли. Потрясенный арестом, Петербургской главной гауптвахтой, допросом у царского генерал-адъютанта, он сначала выдал больше правды о себе, чем хотел: «Намерение н а ш е было соединить все славянские народы и составить федеративную р е с п у б л и к у»,— ясно записано в его первом показании. Но эта «февральская» следственная позиция сменяется «мартовской»: 10 марта Люблинский, весьма мало «разоблаченный» прочими показаниями, становится смелее и уже затушевывает февральское показание: «С Борисовым младшим разговаривал я о федеративной республике, но на то никакого постановления не было». Нет, было, — об этом с величайшей ясностью говорят принятые Люблинским, как и другими членами, «Правила» Общества соединенных славян. Но показание не вызвало недоверия следователей [39].

Не встретив опровержения, Люблинский идет еще дальше, и в биографической анкете, которая раздавалась заключенным в мае 1826 г., незадолго до суда, он уже совсем осмелел и объявил, что «никогда не был за Республикою» и что революции заслуживают один «смех». Такова его «майская позиция». Неразоблаченность его связи с польским революционным движением, скрытой при первом допросе, и сдержанность невыдавших его русских товарищей (у него не было на допросах ни одной очной ставки), конечно, способствовали указанному «возрастанию» его смелости.

Поскольку Люблинский не принимал участия в восстании и не был членом Южного общества, следствие постепенно ослабило к нему внимание и, к счастью для него, отодвинуло декабриста в довольно далекий «разряд» осужденных.

Но после всего сказанного мы можем с уверенностью вложить характеризованный выше осколок демократической идеологии польского революционера в программное демократическое целое. Ю. Люблинский, как и братья Борисовы, представляет идеологию социальных реформ — ликвидации феодально-крепостного угнетения; он — сторонник республики, а следовательно, уничтожения самодержавия. Идея республиканского всеславянского единения, лишенного эгиды двуглавого орла, основанная на прочном социальном преобразовании — отмене крепостного права, решительно отмежевывает общую идеологию Борисовых и Люблинского от течений великодержавного панславизма.

Основное значение в вопросе имеет, разумеется, не «приоритет» первого предложения о славянском объединении, а роль его основателей в разработке новой программы. Главная роль тут принадлежит братьям Борисовым и прежде всего Петру, о чем с полной ясностью свидетельствует сопоставление всех показаний. Авторство основного — идеологического документа Общества соединенных славян — «Катехизиса» (а также и «Клятвенного обещания») принадлежит братьям Борисовым, а не Люблинскому, который сделал с этого документа лишь польский перевод. «Я говорил некоторым членам,— показывает Петр Борисов,— будто бы я Клятвенное обещание и Катехизис на польском языке получил от Люблинского, но это несправедливо, ибо они буквально переведены Люблинским на польский язык с оригинала, мною написанного» [40].

Андрей Борисов настоятельно подчеркивает свою активную роль в основании общества и составлении основных его документов: «Я обще с братом моим Петром и поляком Люблинским составил общество Соединенных Славян». Более подробное его свидетельство о том же гласит: «Я согласил брата моего и поляка Люблинского вспомоществовать мне в труде сем... Мы написали для оной правила и катехизис и клятвенное обещание. Большую часть правил и клятвы писал я». Таким образом, на основе свидетельств всех трех основателей нужно признать инициативную роль в с е х т р о и х в первичном замысле общества и особо активную роль братьев Борисовых в программной разработке замысла [41].

Вместе с идейным ростом Славянского общества стали множиться и принимаемые члены. В. А. Бечаснов, П. Ф. Выгодовский, И. И. Горбачевский, И. И. Иванов были в числе первых принятых в Славянское общество, следующим славянским «призывом», относящимся преимущественно к 1824 г., были П. Ф. Громнитский, А. В. Усовский, А. С. Пестов, А. Д. Высочин, П. К. Головинский, В. Н. Соловьев, Н. Красницкий, А. Д. Кузьмин, Ф. А. Жебровский. Весной 1825 г. принято было много новых членов, в том числе А. В. Веденяпин 1-й, Костыра, Я. А. Драгоманов, П. Д. Мозган, А. Ф. Фролов, Н. Ф. Лисовский и А. И. Тютчев (по-

следний, единственный из всех славян, был гвардейцем — состоял раньше в лейб-гвардии Семеновском полку). Позже, осенью во время лагерей было также принято много новых членов, среди которых выделяются: поручик Я. М. Андреевич 2-й, И. В. Киреев, И. И. Сухинов, юнкер В. И. Шеколла, поручик П. А. Зарецкий и М. А. Щепилло. Общество быстро росло.

В списке декабристов, осужденных Верховным уголовным судом, значится 23 члена Общества соединенных славян. В донесении Следственного комитета без поименного перечисления указано, что славян — 36, но на основании изучения дошедших до нас архивных материалов 51 член общества известен нам поименно, и есть указания на существование других членов, имена которых до нас не дошли [42].

Члены Общества соединенных славян значительно отличались от участников Северного и Южного обществ декабристов по своему имущественному положению. Это обстоятельство не играет решающей роли ни в идеологии, ни в тактике общества, но оно должно быть отмечено как своеобразная черта славян, без которой их характеристика была бы неполна. Подавляющее большинство славян — малоимущие дворяне, часто вовсе не имевшие ни земли, ни крестьян и более по форме, нежели по существу, принадлежавшие к дворянскому сословию. Чаще всего это военные в небольших чинах, живущие «с одного жалования». Добавим справку об офицерском жалованье: подпоручик получал с 1816 г. увеличенное жалованье, а именно 690 руб. в год, а прапорщик — 600 руб., иначе говоря — 50 руб. в месяц. Жалованье более высоких чинов (капитана, штабс-капитана и т. д.) нас в данном случае не интересует,—таких чинов среди членов Славянского общества не было. Члены общества располагали, таким образом, лишь маленьким «чиновничьим» жалованьем, из которого ухитрялись подчас помогать и своим родителям. Материальное, имущественное положение членов Общества соединенных славян было поэтому резко отличным от имущественного положения других декабристов [43].

Как уже указывалось, основатели общества, братья Борисовы — сыновья отставного майора 8-го класса, обремененного семьей в пять человек, живущего на скудный казенный «пансион» в 200 руб. в год. Чтобы поддержать семью, отец занимается архитектурой, иными словами, живет на заработок. Ю. Люблинский, как уже указывалось, жил у матери в Новоград-Волынске, и ее единственное имущество — деревянный домишко на окраине города; после ареста сына она жила продажей вещей и имела только «дневное пропитание». Когда арестовали В. А. Бечаснова, одного из первых членов Славянского общества, его мать, «дворянка» Бечаснова, осталась без всяких средств; по полицейскому донесению, единственным ее движимым имуществом было «необходимое одеяние» и ее «из жалости» приютило знакомое дворянское семейство. Типична картина разорения семьи А. Пестова, у матери которого ранее было два имения, одно в 125, другое — в 200 душ, но «содержание многочисленного семейства и некоторые имущественные обстоятельства вовлекли фамилию сию в неоплатные долги»; имения продали, и семья осталась почти без всяких средств. Секретарь Общества соединенных славян И. И. Иванов — провиантский чиновник 10-го класса, родом «из почталионских детей», на свое жалованье содержал мать, унтер-офицерскую вдову, и после его ареста семья «осталась в самом бедном положении». Мелкий шляхтич Жебровский служил на «приватной службе» у сенатора Ильинского, своего имения у него не было. П. Ф. Выгодовский — сын крестьянина; он подделал дворянское свидетельство и поступил на должность мелкого канцеляриста в канцелярию волынского губернатора. Семья надворного советника И. В. Горбачевского, из которой

вышел еще один типичный славянин И. И. Горбачевский, хранила в своих семейных преданиях воспоминания о лучшей доле: мать его «была когда-то помещицей», но ко времени сознательных лет ее сына главным источником существования семьи было жалованье отца, служившего в Витебской казенной палате. Можно наметить четыре основных типа славян: поручик или вообще военный мелкого чина, безземельный и «бескрестьянный»; дворянин, владеющий ничтожным имением или двумя-тремя крепостными без земли; отставной военный в малом чине, служащий на частной службе, нашедший «приватное» занятие у богатого графа, тоже, конечно, без земли и без крестьян, и, наконец, недворянин, служащий в канцелярии или на какой другой службе. Типично, что все живут на жалованье [44].

4

Анализируя идеологию Славянского общества, своеобразный состав которого уже был отмечен выше, поставим перед собой в соответствии с ранее принятым планом основные вопросы: каково было отношение славян к основе феодализма, как разрешались в программных документах общества вопросы о крепостном праве и самодержавии?

Мы обладаем немногими, но первостепенными по значению источниками для разрешения этих вопросов: «Клятвой», «Правилами», «Катехизисом» Общества соединенных славян, драгоценными показаниями на следствии, уже цитированными выше, и исключительными по значению мемуарного характера «Записками Неизвестного» (Петра Борисова). Перечисленные первоисточники дают немало достоверного и подробного материала, на котором уверенно можно основать свои суждения. Конечно, в реальном историческом процессе этих программного значения документов было больше. До нас не дошел, к сожалению, статут «Общества друзей природы», написанный Борисовым, не обладаем мы и «проектом окончательного образования общества» или «устава», который был написан декабристом Борисовым во исполнение постановлений «долгого совещания» Славянского союза 6 декабря 1824 г.; утрачено «Мнение о заседаниях», переписка 1818—1825 гг. (уцелели лишь случайные письма) и многое другое. Тем не менее оснований для решений поставленных вопросов имеется вполне достаточно [45].

Члены Общества соединенных славян были последовательными противниками «рабства» крестьян, т. е. крепостного права. «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом не хочешь»,— гласил их «Катехизис». Обращает на себя внимание своеобразная мотивировка: «когда сам быть рабом не хочешь». Мы не встречаем аналогичной в идеологических документах других декабристских обществ. Знатному и богатому дворянину Никите Муравьеву и Пестелю — члену дворянской семьи, прочно укрепившейся в царской службе, не пришло бы в голову поставить себя на место крепостного и погрозить себе его судьбой, хотя бы в порядке поэтической метафоры. Они шли к судьбе крепостных с высоты сословных привилегий, добровольно отказываясь от них как от несправедливых и сознавая величие жертвы. В разбираемом же случае указанная «высота» или сама давно рухнула, или практически вообще не существовала: дворянам, в большинстве вообще не имевшим ни земли, ни крестьян, собственно, почти что не от чего было благородно отказываться. Им приходилось судить о крепостном праве уже при несколько ином повороте вопроса, привнося в него менее личной заинтересованности. Общечеловеческие требования равенства легко создавали иной довод: поставь себя на место раба и суди о его положении [46].

Дела Славянского общества чрезвычайно богаты резко отрицательными высказываниями о крепостном праве. Оно решительно отвергается и осуждается. Его наличие — постоянный довод, объясняющий, почему славянин стал принимать участие в противоправительственном движении и каким образом зародились у него вольнодумные мысли. Мы уже приводили выше соответствующие свидетельства Петра Борисова, основателя Славянского общества. Формулировки славян, относящиеся к этой теме, поражают своей отчетливостью, яркостью и высокой степенью сознания. Вместе с тем они свидетельствуют об отношении славян к народу; богатство этих свидетельств даже превосходит дела других декабристов.

«Причина, побудившая нас к делу,— сжато и просто говорит Андрей Борисов,— была: угнетение народа. К облегчению его участи я решил из патриотизма жертвовать собой».

«Стоны жен, вопли детей, плач вдов мужей военных, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и измученные, разорение в деревнях крестьян,— не есть ли доказательство, что отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые нещастья посылает для пагубы соотечественников? — восклицает пылкий Яков Андреевич, которому принадлежит самая горячая защита бесправного народа. — Я не знаю, для чего Россию называют благоденствующей, когда народ и войско обливаются слезами... Теперь скажите,— видевши ежегодно негодование и ропот сих несчастных столпов отечества, можно ли было не чувствовать их положения человеку тому, который исполнен чувств человеколюбия и который добровольно приносил жизнь свою в жертву для искупления сего несчастного народа?». Замечательно это выражение о крестьянстве и солдатах — «столпы отечества». Это явный вызов сословному строю, аристократической системе и находившемуся в их власти привычному словоупотреблению. Для старого мира «столпами отечества», конечно, были вельможи, знать, аристократия, но демократическое мировоззрение славянина смело спорило с этим словоупотреблением и дерзко противопоставляло ему свое, новое понимание: столпы отечества — это крестьяне и солдаты.

«Оправдывать себя не могу против чувств своих... Я с удовольствием предаю себя строгости законов. Для меня собственно нет счастия, но в счастии народа был бы и я счастлив...,— продолжает Андреевич.— Человеку с чувствами сострадательными трудно жить в сем мире, где ежедневные картины несчастий человеческих поражают взор такого человека, а сим самым стесняют грудь и дыхание. На смерть взираю я с большим хладнокровием, нежели на страдание человека. Благоденствующие потомки почтут мою смерть».

Член Славянского общества Киреев присоединяет свой голос к этому протесту: «Ропот людей разного состояния на тягость податей, жалобы состояния поселян, угнетенных беспредельною работою, и невозможность, в которой видел их, облегчить свою участь, наконец, негодование между военными на строгость дисциплины и худые примеры, слышанные мною, с людьми, известными по своим заслугам и достоинству,— были первым побуждением к мысли о перемене существующего образа правления» [47].

В этой общей программе на центральном месте стоит вопрос крестьянский. Все славяне единогласно стояли за освобождение крестьян. Их описание тягостей крепостного права превосходит по яркости многие подобные описания у декабристов других обществ [48].

«Служа большей частью в армии, квартируя в домах у самих крестьян, признаюсь, входя в подробный разбор их положения, видя обращение с ними их господ, часто я ужасался,— пишет Спиридов: —

виноват, причину сему находил в принадлежности их (т. е. в их крепостном состоянии.— *М. Н.*). В Малороссии видел в одной и той же деревне казенного жителя, изобилующего во всем, а господского — томящегося в бедности. Потом, сделав переход в Житомирскую губернию, более был приведен в скорбь общею бедностию поселян. Видел там, что плодородная губерния отдает дань одним владельцам, видел неусыпную деятельность хлебопашца, плоды которой служили обогащению их панов, видел неисчислимые богатства хлеба на токах, а у поселян к окончанию года недоставало ни зерном ни печеным, — не токмо для продажи, но даже и для пропитания: повсеместная дешевизность далеко чтоб нужна им в пользу, ибо непременное принуждение покупать всего необходимого в домоводстве в корчмах, у евреев, ввергает их в бедную нищету. Сознаюсь, сердце мое содрогалось, жалея их».

Член Общества соединенных славян Фурман пишет в письме Николаю I из крепости: «С мужика требуют деньги, когда ему хлеба некому продать...» [49].

Многочисленны свидетельства о непрестанных разговорах о вреде крепостного права, которые велись в среде славян. «Таковые разговоры при свидании почти всякий день были обновляемы новыми видами грабительства тех граждан, кои кормят целое государство своими трудами»,— совершенно правильно оценивает роль крестьян в государстве Я. Андреевич. Но едва ли не самый яркий протест против крепостного права принадлежит члену Общества соединенных славян А. Усовскому, поручику Полтавского полка. «Сознаюсь,— пишет он,— что принадлежал к обществу людей, искавших благоденствия России... Привлекая солдат на свою сторону, представлять им, сколь они обременены тягостною и долговременною службою, сколь жалованье их мало, и выставлять им на вид рабство и угнетение их отцов, матерей и братьев... Предполагаемо было уничтожить крестьян *. Сознаюсь, что сие предположение было главнейшее средство, превозмогшее мою нерешимость вступить в общество сие, в котором я не мог уже предполагать вредного и опасного для государства, видя столь благие его намерения... Я не мог взирать без сердечного соболезнования на сие гибельное введение крестьянства **, унижающее человечество. Сие исчадие грубого невежества, лишающее тысячи людей свободы — сего драгоценнейшего права природы,— обрекает их на всю их жизнь на одни бедствия. Сии люди, жертвы роскоши и удовольствий своих помещиков, презрены и унижены как нельзя более, доставляя государству и богатство и защиту, они не имеют никакого голоса, никакого участия в политическом своем существовании. Воля и прихоть помещика есть им закон. Рабствовать и повиноваться,— вот их права. Не знаю, как описать состояние людей, которых и свобода, дети и собственность — все есть для них чужое, все есть собственность их владельца. Не знаю, что сказать о людях, которые родятся затем только, чтобы трудиться и жить для удовольствия других...». Голос славянина и голос Радищева как бы сливаются в этом протесте [50].

«Записки Неизвестного» дают обильный дополнительный материал для суждения об отношении членов Славянского союза к крепостному праву.

Желание освободить крестьян вылилось у славян в предложение практической меры: «Во исполнение сего намерения *** они положили

---

* Т. е. уничтожить крепостное состояние крестьян, крепостное право (часто встречающаяся в показаниях терминология).

** Т. е. введение крепостного права.

*** Т. е. намерения освободить крестьян.

определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей». Такое постановление было принято полунищими славянами, которые жили «с одного жалованья» и семьи которых влачили полуголодное существование. Мера эта относится к деятельности до предполагаемого славянами переворота.

В свете всего приведенного материала, всех перечисленных выше многочисленных свидетельств нас не может удивить один интереснейший и своеобразный эпизод из биографии члена Славянского общества И. И. Горбачевского. Он раскрывает отношение славян к вопросу о земле. Напомним предварительно авторитетную характеристику Горбачевского, данную Борисовым 2-м: «Горбачевский не мечтатель». Действительно, как мы сейчас увидим, он поступил вполне практически и совершенно уверенно — у него не было, судя по следующему далее рассказу, ни малейших колебаний. Речь идет именно о поступке, а не общем высказывании его о свободе крестьян, и для нас это обстоятельство особенно важно [51].

Главным источником материального обеспечения семьи Горбачевского было жалованье отца — скромного надворного советника. Мать его, из фамилии Конисских, «была когда-то помещицей» и, умирая, завещала сыну какое-то имение. В июне 1820 г. молодой Горбачевский, только что выпущенный из Дворянского полка прапорщиком в 1-ю батарейную роту 8-й артиллерийской бригады, по дороге (бригада стояла на Украине) заехал к отцу и узнал о смерти матери и о завещании. Перед отъездом сына отец вынул связку бумаг и сказал: «Ты теперь получил звание; вот тебе документы на владение имением после твоей матери, делай что хочешь». Мать Горбачевского, как пишет он в письме к Е. П. Оболенскому, «не знаю уже каким образом, сделала так, что имение, тоже не знаю, большое или малое, передала мне и моему брату». Передавая документы на владение, отец попросил сына при посещении своих новых владений обязательно влезть на ту яблоню, «на которую он (отец.— *М. Н.*), бывши мальчиком, туда лазил; она стояла на берегу ручья, особенно». Сын бросил на дно чемодана связку (которую так и не развязал). В губернском городе какой-то родственник («дурак набитый и чиновник») привязался к «помещику» и стал настаивать, чтобы тот съездил в свою деревню. Тот твердил ему в ответ, что «всякая деревня помещичья для меня отвратительна», но, вспомнив, что «надо побывать на яблоне — исполнить волю и завещание отца», согласился, тем более, что деревня расположена была по дороге в Полтавскую губернию, где тогда стояла бригада. «Не входя в дом», Горбачевский побежал к яблоне, сбросил с себя сюртук, полез на дерево, «чуть себе шею не свернул, посмотрел кругом, опять долой и прихожу к дому, а чиновник уже собрал там народ — посмотреть на нового барина. Увидевши толпу хохлов, не знаю кому, я приказал лошадей запрягать, дальше ехать; чиновник вытаращил глаза: «Куда так скоро? Вот ваши крестьяне». Я, чтобы кончить развязку, подошел к толпе и сказал им речь, конечно, она не Цицерона и Демосфена, но по-своему, потому что меня вся эта глупость взбесила: «Я вас не знал и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте, убирайтесь к чорту». Сел в тележку и уехал в ту же минуту, даже не поклонившись родственнику чиновнику, который за это жаловался на меня отцу, а тот хохотал до упаду» [52].

Уже через много времени Горбачевский вспомнил о связке и послал ее в Грузию к своему брату (там в то время стояла его часть), «предлагая ему эти бумаги взять и владеть имением», говоря в письме, «что я не хочу быть помещиком, что я не хозяин, что я не знаю в этом толку и что я так же отказываюсь от всего того, как и отец...». Брат прислал

бумаги обратно и написал, что «он таких мерзостей не чтец и что ты, брат Иван (извини),— глупец». Сестра писала брату, что «крестьяне поставили в своей церкви образа Иоанна Богослова и Николая Чудотворца (имя мое и брата моего) и молятся им. Сестра моя об этом писала с восхищением и умилением, а я ей отвечал, что всегда я малороссиян считал глупцами и всегда буду их таковыми почитать и об них так думать; тем вся эта история и кончилась...». Последнее замечание о «малороссиянах» в устах украинца Горбачевского, разумеется,— добродушная шутка. Заметим вместе с тем еще раз, какой невосполнимой для декабристоведения потерей является утрата настоящих, подлинных «Записок» И. И. Горбачевского, уничтоженных им самим.

В свете этого замечательного свидетельства ясно отношение славян к вопросу о земле. Они полагали землю крестьянской собственностью. Вопрос, вероятно. казался им самоочевидным, и не потому ли они не уделили ему какого-либо преимущественного внимания в дошедших до нас идеологических документах?

Новые воспоминания И. Г. Прыжова о И. И. Горбачевском также доносят до нас аналогичное свидетельство: «У него был дом в Малороссии; брат его уже был убит, и сестра его думала продать этот дом за 600 р. и спрашивала его мнения. Но Горбачевский отвечал, чтоб она отстала с этим домом, пусть он сгорит, и сестра после писала ему: «О доме ты не беспокойся — он уже сгорел»» [53].

На фоне всего сказанного выше понятно и отношение славян к сословному строю и самодержавию — они решительно отрицали и то и другое. 10-е «правило» Общества соединенных славян гласило: «Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний (т. е. сословий.— *М. Н.*) касающиеся и в то время станешь человеком, когда будешь узнавать в другом человека». Член Славянского общества Ап. В. Веденяпин свидетельствует, с каким вниманием относились славяне к теме о равенстве сословий: в разговорах «коснулись неравенства состояний, причем Пестов говорил, что в каждом государстве все граждане должны быть равны». Славяне были противниками самодержавного строя, противопоставляя ему понятие «свободной жизни», «свободы», основывая его на «естественных правах» человека[54].

«По прибытии в бригаду,— говорит Яков Андреевич,— строгость военной дисциплины еще более размышлять заставила о праве каждого человека. Воззрение на природу меня в том совершенно уверяло, что каждый человек, как и другие животные, должен иметь волю». «Я любил вольность, так, как и всякое творческое создание... Виды разных наказаний, горестные положения несчастных, заключенных в темницах, и другие тому подобные страдания людей — все мне говорило, сколь драгоценна должна быть для человека свобода». Принимая в члены П. К. Головинского, Петр Борисов толкует вместе с Вл. Бечасновым «против правительства», сводя общий протест в одном слове: «лучше было, если б у нас существовала вольность». Слово «вольность» для славян, как и для всех декабристов вообще, было не пустым звуком, туманным отвлеченным понятием, а конкретным политическим планом, включавшим в себя требования уничтожения монархической власти, освобождения крестьян, представительного правления.

Указанные черты идеологии Славянского общества еще более отчетливо проявляются в формулировках конечной цели общества — создании всеславянской федерации. В точных и не допускающих двусмысленных толкований определениях конечной цели общества, приводимых в «Записках Неизвестного», прямо указывается на необходимость ликвидации

«самовластия» и введения «демократического представительного правления».

«Общество,— говорится в «Записках»,— имело главной целию освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений». Такова основная формулировка славянами идеи всеславянского единства.

Идея эта имела реальные исторические корни — она постепенно вырастала из живой почвы развивающегося освободительного процесса славянских народов. Эпоха «славянского возрождения» питала его. Антифеодальная борьба в истории южных славян органически сочеталась с борьбой против наихудшей формы феодального угнетения архиотсталой Турции, их национальной поработительницы. Часть славянских племен, вошедших в федеративные планы славянского общества, была тяжело угнетена австрийской монархией. Разодранная разделами Польша в каждой из трех своих насильственно разрезанных частей испытывала то же феодальное угнетение, только в различных формах—прусской, австрийской, русской. Таким образом, очередной «всеславянской» исторической задачей было вырваться из феодально-крепостнических пут, освободить производительные силы одаренных и жизнеспособных славянских народов, бившихся в тисках наихудшего феодального порабощения. Описанный процесс был неотделим от национальной славянской идеи, охватывавшей, таким образом, демократические, передовые, прогрессивные проблемы славянского развития.

Таким образом, до 1823 г. в идеологии ранних форм интересующего нас тайного общества мы еще не наблюдаем идеи всеславянского единения. Она возникает лишь в 1823 г. и кладется в основу новой программы. Хотя этот замысел является яркой отличительной чертой Общества соединенных славян, тем не менее он отнюдь не чужд вообще всему движению декабристов. Напомним, что даже ранние формы его предыстории уже были отмечены темой славянского единения: так, «Орден русских рыцарей», основанный в 1814 г. М. Орловым и М. Дмитриевым-Мамоновым, включал в своеобразной форме мысль о славянском единении в свои «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения». Но, конечно, его предположение о необходимости «присоединения» Венгрии, Сербии и всех славянских народов к России вовсе не то же самое, что демократическая идея всеславянского единения, выдвинутая в 1823 г. Славянским обществом. В программе «Ордена русских рыцарей» наличествуют элементы великодержавности и панславистская тенденция, которой лишено Общество соединенных славян. Но все же интерес к единению славянских народов, возникший в идеологии ранних преддекабристских обществ, должен быть отмечен. Пестель совсем с другой точки зрения также был заинтересован консолидацией славянских стран вокруг России и в своем балканском проекте учитывал интересы этой консолидации. Точно так же интересовал и декабриста С. Г. Волконского «соединенный славянский элемент», совершенно независимо от Общества соединенных славян. Возникновение независимой от Славянского общества ложи «Des Slaves réunis» («Соединенные славяне») также не лишено связи с интересующим нас вопросом. По-

этому та быстрота, с какой была воспринята и разработана в основанном Петром Борисовым тайном обществе идея славянского единения, сама по себе свидетельствует о предварительной подготовке общества к ее восприятию. Присоединяя Славянское общество к Южному, Бестужев-Рюмин вовсе не отверг принципиально идеи всеславянского революционного единства. Он, как утверждается в «Записках Неизвестного», принимал основную программную установку славянской организации, но лишь отодвигал ее в будущее, считая освобождение самой России от крепостничества и самодержавия обязательной предпосылкой для реализации всеславянского единения: «Он доказывал, что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского Союза — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеративным союзом». Можно уловить те же ноты и в Северном обществе (декабрист Каховский с симпатией говорил о сербском освободительном движении). Но Общество соединенных славян выразило ее иным образом и насытило новым содержанием. Именно оно внесло в русское революционное движение демократическую идею славянского единения. В основу его легла не только мысль о кровном единстве народов, близких по культуре и говоривших на славянских языках, но и (что особенно важно) демократическая идея нового, завоеванного революцией строя, в котором уничтожалось как крепостное право, так и самодержавие, — ведь «Общество имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия». Предполагалось единение преобразованных революцией славянских стран, завоевавших демократическое представительное правление [55].

Этот план глубоким и коренным образом отличается от планов реакционного панславизма, противоположен ему. Реакционный панславизм предполагал «единение» славянских народов под главенством русского самодержавия — угнетателя трудовых масс, задавленных феодальным гнетом, тюремщика народов. Идея панславизма обычно лишь прикрывала захватнические цели российского самодержавия, отражая интересы хищнических эксплуататорских классов — поработителей трудовых народных масс. Таким образом, революционную идею славянской демократической солидарности никак нельзя смешивать с идеей реакционного панславизма [56].

Обязательство выступать с оружием в руках по первому требованию фигурировало и в Обществе соединенных славян. Из показаний члена общества Киреева мы узнаем, что аналогичное требование М. Бестужева-Рюмина на одном из объединенных заседаний было воспринято как уже известное («хотя Бестужев о том и говорил у Андреевича, но сие было не что иное, как повторение уже известного»). Член Славянского общества Громнитский показывает, что средства к достижению цели соединения всех славянских народов в один союз заключались «в умножении членов, в точном исполнении правил и *силе оружия*».

Характерной чертой идеологии Славянского общества является еще одна особенность. Пестель и его товарищи полагали, что богатые «всегда будут существовать» — и это очень хорошо. Никита Муравьев, как известно, шел гораздо дальше и вообще предполагал в первых вариантах своей Конституции отдать богатым все управление страной, вводя высокий имущественный ценз. В принципиальном отличии от этих двух линий славяне вообще были утопическими противниками богатства: «Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым». Два пред-

шествующих «правила» гласила: «Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку ласкать не будешь» и другое: «Простота, трезвость, и скромность, сии блюстительницы свободы *, сохранят твое спокойствие».

В Славянском обществе чувствуется живой интерес к опыту французской революции: даже свою переписку члены общества помечают датами эпохи Конвента; Борисов 2-й, например, датирует свои письма «28 мессидора» и «24 прериаля». Клятва общества была составлена с учетом опыта карбонарских клятв: вступивший в Общество соединенных славян клялся на мече, что вступает в тайную организацию «для освобождения себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому», и что «самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать тиранам моих друзей и их намерения...». «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян»[57].

«Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и твоего оружия,— друзья тебе помогут, оружие тебя защитит», — гласило первое правило, причем понятие «оружия» было зашифровано условным изображением солдатского штыка.

Вообще же тактические планы и способы осуществления славянами своей программы были недостаточно разработаны. Это признавали сами славяне, постановившие более подробно разработать их во время летних лагерей 1825 г. Общая тенденция этой разработки выявляется и в процессе присоединения Славянского общества к Южному (ниже в своем месте мы более подробно остановимся на этом вопросе). Пока необходимо подчеркнуть основные характерные черты отношения славян к революционной тактике.

«Наборная рукопись» «Записок Неизвестного», о которой сказано выше, позволяет утверждать, что текст, говорящий, что славяне гнушались «насильственных мер, какого бы рода они ни были», очевидно, оказался объектом цензорского вмешательства. Тайное общество, которое ввело в свой «катехизис» правило не надеяться ни на кого, кроме своих друзей и оружия, едва ли могло претендовать на приведенную выше оговорку, являющуюся вероятной интерполяцией публикаторов. Что особенно интересно, конец интересующего нас текста читается в «наборной рукописи» совершенно иначе, нежели в общеизвестном опубликованном тексте. Приведем начало цитаты по последнему (второму) изданию «Записок Горбачевского», а конец ее—в двух параллельных чтениях, причем левая колонка является текстом второго издания «Записок», а правая принадлежит наборной типографской рукописи:

«Славянское общество желало радикальной перемены, намеревалось уничтожить политические и нравственные предрассудки; однако ж всем своим действиям хотело дать вид естественной справедливости и потому, гнушаясь насильственных мер, какого бы рода они ни были(?), почитало всегда самым лучшим средством законность».

Далее:

во втором издании 1925 г.	в «наборной рукописи»:
«Посему Борисов 2-й и некоторые из его товарищей осуждали убийство Павла 1-го, Людовика XVI,	«Посему Борисов 2-й и некоторые из его товарищей осуждали убийство Павла I и все вообще дворцовые

* Слово «свободы» передано условным конспиративным знаком — цветущей ветвью.

изгнание Иакова II и заточение Фердинанда VII»[58].	революции, н о одобряли суд Карла I, Людовика XVI, изгнание Иакова II и заточение Фердинанда VII»[59].

Отсюда вполне ясно, о какой «законности» говорил предшествовавший текст: он говорил о революционной законности.

Фальсификация разительна и сразу бросается в глаза. Выкинув из фразы «Записок» несколько рядом стоящих слов с союзом «но» в центре, цензор или П. Бартенев придал тексту смысл, противоположный авторскому.

Отношение к народу является замечательной чертой идеологии Общества соединенных славян. Как свидетельствует автор «Записок» — лицо, превосходно осведомленное в его идеологии, активный участник событий — члены Общества «были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно: собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире». Это важнейшее исходное положение и приводило славян к выводу, что военные революции «бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются».

Это убеждение является своеобразной чертой мировоззрения славян, во многом отличающей их от других декабристов. Правда, наиболее передовые декабристские отряды — рылеевское направление на севере и ведущее ядро южан, несомненно, двигалось по направлению к этому же решению, а не от него. Однако славяне, отставая в других вопросах и уступая основным обществам декабристского движения в ясности и глубине разработки ряда важных сторон идеологии и тактики (они не разработали конституционного проекта, оставили мало идеологических документов, недостаточно выяснили тактические планы, не успели провести решающие коллективные обсуждения о своей реорганизации, запланированной в марте 1825 г. в Чернихове, и т. д.), в данном вопросе ушли от них вперед[60].

Как уже указано, славяне на своем опыте убедились, что самое горячее желание и самая напряженная воля группы преобразователей «ничтожны» (их слово) без народа, «без сего всемощного двигателя в политическом мире». Отсюда — поставленный ими вопрос о привлечении народа на сторону революционного переворота. Они «вознамерились» в этой области именно сделать, а не только задумать «все, что зависит от них и ведет, хотя и медленно, к предпринятой цели». Поэтому их решение «заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ» тем существенно отличается от нередких либерально-просветительных замыслов дворянства, что имело целью не просто распространение грамотности в народе, а пробуждение в нем революционного духа, побуждение народа к активному участию в собственном освобождении [61].

Это предельно ясно формулировано мемуаристом Славянского общества в словах, поясняющих существо задуманного славянами агитационного просветительства (цитирую наборную рукопись «Записок», лишь двумя подчеркнутыми словами отличающуюся от общеизвестного текста): «Внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом возбудить в них желание свободы и изменить унизительное состояние рабства». Кажется, ясная формулировка[62].

Отсюда, разумеется, вытекала медленность действий, потому что без того, чтобы открыть народу глаза и поднять его на движение, действовать, по мнению славян, было невозможно. Медленность действий при данном понимании вопроса и данном конкретном положении была совершенно неизбежна, и славяне ее сознавали и заставляли себя мириться с нею, хотя и рвались к действию. За этот медленный план действий исследователи нередко «упрекают» славян, выставляя его доказательством их революционной ограниченности и противопоставляя ему более активные планы ближайших действий, вызревшие в основных декабристских обществах—Южном и Северном. Но этот упрек неправомерен, — он основан на разрыве причинности, на трактовке явления без породивших его условий. Славяне понимали неизбежность медленных действий, потому что она вытекала из существа замысла — провести революционную агитацию в народе для подъема его на сознательную борьбу. Это требовало много времени, но что же было делать? Какие другие способы, кроме агитации в крестьянстве и среди солдат, могли бы они предложить, не изменяя основного замысла? Других способов при данной концепции борьбы с включением в нее народных масс у них, естественно, не было, и никто из исследователей, хотя бы в порядке запоздалого совета, и не предложил их славянам.

Отсюда выросло и убеждение славян, что «никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации; посему прежде всего должно приготовить народ к новому образованию гражданского существования и потом уже дать ему оный». Все предыдущее хорошо поясняет, что̀ именно разумелось славянами под этим основным положением: опять-таки революционная агитация. Ничего общего с широко распространенным тезисом либерализма — сначала сделать народ культурным и грамотным, а потом сверху октроировать ему права — данное положение славянской идеологии не имеет. Оно готовило народ как силу революционной борьбы, т. е. поступало принципиально иначе[63].

Всему этому хорошо соответствовала республиканская идеология славян. Сознание необходимости открытой схватки с самодержавием во главе и в рядах пробудившегося народа было важной стороной их идеологии. В «Записках» — этом драгоценном идеологическом документе Славянского общества — прямо сказано: «Мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны как можно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения». Мысли, тут приводимые, столь ясны, что не требуют комментария: славяне готовились к вооруженной борьбе с самодержавием и, что бы они ни говорили царским следователям, стояли под республиканским знаменем. Отсюда и подчеркиваемый автором «Записок» «отпечаток какой-то воинственности», который носил на себе Славянский союз[64].

Все это своеобразие за последнее время смутило некоторых (немногих) исследователей. Они сделали попытку снизить значение приведенных свидетельств двумя доводами. Первым является указание на какую-то никак не комментированную и недоказанную «тенденциозность» так называемых «Записок Горбачевского». Возражение это не имеет силы, поскольку лишено конкретного содержания. «Довод» этот не раскрыт критиками, остается их тайной. Ведь не выдумали же славяне в сибирских казематах свою идеологию, — они излагали в «Записках» именно ту, которая руководила ими до ареста, на свободе, в то время, когда они были участниками движения. В силу чего стали бы они в Сибири измышлять несуществовавшие у них ранее идеи и «опрокидывать их в прош-

лое»? Вторым аргументом выставлялось следующее: свидетельствам так называемых «Записок Горбачевского» об отношении славян к народу нельзя дать веры, потому что показания славян на следствии будто бы не содержат подобного отношения к народу. Аргумент этот дважды несостоятелен. Во-первых, при исследовании любой темы революционного движения показание, данное в свободных условиях, без учета царской цензуры и тем паче вне тюремной обстановки, всегда по достоверности ценится выше тюремного показания. Такому показанию всегда и вполне обоснованно отдается предпочтение перед тюремным, и проверка тюремным показанием свободного в данном случае ничего не дает. Исследователи справедливо предпочитают обратную проверку. Не все же говорится на следствии следователям, которых, кстати, этот вопрос не интересовал, — они ни разу и не спросили славян об их отношении к народу. Мы знаем многое скрытое и даже отрицаемое на следствии именно из мемуарной литературы. Во-вторых, отношение славян к народу кое-когда по собственной инициативе приоткрывалось даже на следствии, несмотря на всю опасность подобных признаний для подследственного лица. Особое внимание к теме о народе — отличительная черта славянских дел, приведенные выше материалы об отношении славян к солдатам и крестьянской массе говорят об этом. Член Славянского общества Я. Андреевич предлагал при совершении восстания в каждом населенном пункте объяснять народу цели восстания. В этом духе Я. Андреевич и вел агитацию, когда работал в Киевском арсенале: «Здесь я также время не терял и деятельно действовал в пользу общества на людей всякого состояния». При агитации среди солдат славяне открывали солдатам цели переворота и делали это много последовательнее других декабристов. Самые споры о тактике по данному вопросу, разгоревшиеся при присоединении Славянского общества к Южному, — лучшее свидетельство несовпадения тактик. Общее же принятие славянами программы и тактики Южного общества после слияния лишь доказывает факт их слияния и их сознательную дисциплинированность, — как же могло быть иначе? Факт слияния отнюдь не снимает вопросов о некоторых идейных (программных и тактических) различиях славянской организации до ее слияния с Южным обществом. Повышенная же активность славян в момент самого восстания — их замечательная и неоспоримая черта. Поэтому отношение славян к народу как к активной силе революционного переворота было и остается их характерной особенностью.

Таким образом, мы наметили существенное сходство и совпадение славянской идеологии с освободительной идеологией всего движения декабристов по линии борьбы с крепостным правом и самодержавием. Однако выявились и некоторые отличия, игнорировать которые невозможно: отношение к народу как к активной силе («в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно...»), отрицательное отношение к военной революции (военные революции бывают «не колыбелью, но гробом свободы, именем которой они совершаются») [65].

В указанных новых моментах легко узнать элементы, отличающие будущую идеологию революционно-демократической разночинской революционности. Эти элементы вкраплены в славянскую идеологию и составляют ее характерную черту. В этом отношении славяне являются предшественниками русских революционеров-разночинцев и в этом нет решительно ничего удивительного. Идеологии дворянской и разночинской революционности имеют глубокие отличия одна от другой, но эти отличия не являются антагонистическими. В идейном отношении декабристы и Чернышевский глубоко различны, но, поскольку речь идет о сменяющих друг друга периодах русского революционного движения, анта-

гонистичности между ними нет: как указал В. И. Ленин, «декабристы разбудили Герцена», Герцен «развернул революционную агитацию», которую не опровергли или отвергли, утвердив свою новую идеологию, а как раз «расширили, укрепили, закалили» революционеры-разночинцы. Лучшим доказательством этой мысли является сам Герцен — человек второго поколения дворян-революционеров, принадлежавшей к дворянской, помещичьей среде, но возвысившийся до победы демократа над либералом в себе самом, несмотря на все либеральные колебания.

Конечно, коль скоро идеология теряет свое революционное качество, она становится в антагонистическое противоречие с идеологией революционной. Она может в этом случае играть роль серьезнейшего тормоза дальнейшего революционного развития. Но вся постановка вопроса, о которой идет речь, основана на предпосылке сохранения этого революционного качества.

Отсутствие антагонизма между революционными идеологиями, связь их, смена их не снимают вопроса о характерных чертах этих идеологий, об их отличиях. «Шире стал круг борцов, ближе связь их с народом»,— определяет это отличие В. И. Ленин. Следовательно, основное отличие идеологии революционно-разночинской от дворянско-революционной лежит в характере отношения революционера к народу. Дворянские революционеры-декабристы действуют во имя народа и для народа, но не через народ, боятся народа как самостоятельной активной силы. Революционер-разночинец действует во имя народа и для народа и вместе с тем через народ, видя в народе активную и сознательную силу переворота.

Были ли эти разночинские элементы славянской идеологии действенными, выявились ли они в практике? Выявились очень мало. Славянам не удалось принять как организации, хотя бы как «Славянской управе», участие в открытом выступлении. Лишь четверо черниговских офицеров (при 51 члене Славянского общества!) участвовали в восстании Черниговского полка. Участие этих офицеров в восстании отмечено несомненным своеобразием, что будет показано и разобрано далее, однако практически славянские предложения и планы не привели к победе и вся их изумительная по активности деятельность практически влилась после слияния с Южным обществом в русло дворянского революционного выступления.

Взаимопроникновение, тесная взаимосвязь элементов дворянской и разночинской революционности на рубеже их смены и во время приближения к нему — исторически вполне реальное явление. В. И. Ленин назвал Белинского предшественником революционных демократов. Изучая юношескую драму Белинского «Дмитрий Калинин», относящуюся к 1829—1830 гг., мы с уверенностью говорим об идеологии революционно-разночинского характера. Так почему же мы не допускаем возможности более далеких предшественников той же идеологии пятью-шестью годами ранее? Такой вывод ничуть не меняет положения, что ведущей и основной идеологией в движении является идеология дворянской революционности. Ведь считается вполне допустимым говорить о революционно-демократических элементах в идеологии А. Н. Радищева, действовавшего за три-четыре десятка лет до появления Славянского общества.

В силу этого падает и то чрезвычайно общее и абстрактное возражение, что В. И. Ленин не сделал каких-либо оговорок для Общества соединенных славян в своих высказываниях о декабристах. Но почему же он должен был сделать их? Он характеризовал основное в явлении и ничуть не обязан был заниматься его особенностями, не имеющими веду-

щего значения. Об Обществе соединенных славян он вообще не высказывался.

Ленинское положение о наличии предшественников революционеров-разночинцев в период дворянской революционности не нуждается в доказательствах — они общеизвестны. Не только о Белинском идет речь, можно вспомнить и о великом революционном демократе Шевченко, который выпустил первый вариант «Кобзаря» в 1840 г., в то время как в соответствии с ленинской периодизацией самостоятельный период разночинской революционности еще не начался,—он начинается лишь с революционной ситуации 1859—1861 гг. Современные исследователи находят элементы разночинской идеологии у петрашевцев, и в этом нет решительно никакого противоречия с ленинской периодизацией.

Лишь скрытая предпосылка «антагонистичности» сменяющих одна другую революционных идеологий может породить спор против изложенного выше наблюдения. Но коль скоро сохранено и признано качество революционности в изучаемом явлении, вопрос об антагонистичности падает сам собой.

Член Славянского общества П. Ф. Выгодовский и в Сибири не оставил своей революционной идеологии. В нарымской ссылке у него был произведен обыск, причем отобрано было 3588 листов рукописи, наполненных, по заключению начальства, «самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях, с превратными толкованиями некоторых мест священного писания и даже основных истин христианской религии». Вот образцы рассуждений Выгодовского: «Дворяне, проклятый хамов род, вообще состоящий под монархиею, для того только держит себе царей, чтобы было кому служить, иметь честь и счастье рабом их быть, да их именем воровать. Республика обыкновенно существует до тех пор, пока в ней не наплодится вдоволь богачей, которые, вместо того чтобы дорожить своим достоинством свободного человека, требуют себе, как на пакость, царя, чтобы было кому собакой служить и придворным подлецом быть». Русские дворяне «могут без всякой помехи мошенничать, лгать, воровать, грабить бедных и драть, а если хочешь, то, пожалуй, и лежать на боку, занимаясь мечтами завоеваний и преобразований на свой лежачий лад. Словом, такой дворянин делается никому и ничем необязанным и напротив—ему уже все обязаны раболепством и повиновением, какой бы он ни был бездельник. Законы составлены в защиту его такими же, как и он, ворами, и сверх того он еще защищен и чинами и орденами—этой антихристовой блестящей заманкой и ловушкой, на дурней расставленной. От богачей, кроме вреда, бед и порабощения, не жди себе ничего лучшего, рабочий народ. Богачи—эта антихристова челядь—поклоняются только одному мамону. Они при своих богатствах дышат одними пакостями и злодеяниями»[66].

Эти строки насыщены острой классовой ненавистью. Хотя они написаны Выгодовским много позже восстания декабристов, в период сибирской ссылки, но развивают они в общем ту же—демократическую, разночинскую — линию идеологии. Это, конечно, не «дворянская революционность». Заметим, что за свои рукописи и за дерзкие выражения в прошениях начальству Выгодовский подвергся вторичной ссылке — в Вилюйск (туда, куда позже был сослан великий революционер-демократ Н. Г. Чернышевский).

Таким образом, идеология Общества соединенных славян, имея яркие черты основного сходства с идеологией ведущих декабристских обществ, имела и отчетливые своеобразные черты, именно ей присущие.

Республиканский идеал, отношение к народу как к активной силе борьбы, цель демократического всеславянского объединения, протест

против крепостного права, решение «обнажить меч против своего государя» и надежда только на свое оружие, символически изображенное при помощи солдатского штыка, — опровергают попытку неправильной трактовки Славянского общества как организации, якобы не выходившей «из рамок чистого просветительства» (как соединить штык с «чистым просветительством»?) и вышедшей на «большую историческую дорогу революции» только после отказа от своих целей и соединения с Южным обществом. Эта концепция глубоко неправильна. Мировоззрение славян и до этой встречи имело все признаки революционной идеологии антифеодального характера, и в силу этого славяне с полным основанием принадлежали к основному руслу революционной борьбы своего времени.

5

К моменту встречи с Южным обществом декабристов славяне переживали внутренний кризис, искали новых путей деятельности, были не удовлетворены найденными ими организационными формами. Они чувствовали, что «время не сближает их с целью» — всеславянским объединением, а «удаляет от оной». Жизнь требовала удовлетворения «российских» нужд — ликвидации крепостного права, революционной замены самодержавной монархии республикой. Число членов Общества соединенных славян возрастало, прибывали новые, с настоятельными запросами, с требованиями решительных действий. Подобно тому как формы Общества истинных и верных сынов отечества и Союза Благоденствия оказались для декабристов временными, преходящими, так и форма Общества соединенных славян потребовала усложнения и расширения, которые отражались в процессе ее развития. Не только программные положения требовали уточнения,— тяготили и неясные организационные формы. Собраний в обществе было мало, встречи были случайны, тактика не разработана. Назревала необходимость реорганизации. Работа в этом направлении началась со второй половины 1824 г., и до нас дошло упоминание о проявлении ее —о письме Пестова к Петру Борисову с так называемым «мнением об учреждении собраний». 6 декабря того же года Петр Борисов (Борисов 2-й) долго совещался с Горбачевским, вырабатывая новый устав общества и общий проект его реорганизации. В марте 1825 г. был съезд славян в местечке Чернихове в 25 верстах от Житомира, где устав и проект этот были приняты, но лишь в предварительном порядке, впредь до соединения всех частей в лагере под местечком Лещиным, где его предполагалось рассмотреть и утвердить на общем собрании всех славян. В Чернихове Петр Борисов был выбран председателем (президентом) общества, И. Иванов, провиантский чиновник 10-го класса,— секретарем и Громнитский — заместителем председателя. Были установлены членские взносы. Все с нетерпением ждали летних лагерей, чтобы окончательно оформить новую организацию общества [67].

Летом 1825 г. 3-й корпус второй армии был собран на маневры под Лещиным, в 15 верстах от Житомира. «Полки 8-й и 9-й пехотных дивизий ушли на сборное место еще в начале августа месяца; артиллерия же дивизий и 3-я гусарская дивизия с принадлежащей к ней конною артиллериею прибыли в лагерь 1 сентября», — повествуют «Записки». Достаточно беглого взгляда на карту окрестностей Житомира, чтобы убедиться, как близко одна от другой расположены те местечки и деревни, по которым были разбросаны отдельные части. Два будущих центра славянских свиданий — местечко Лещин, где жили Борисов 2-й и Пестов, и Млынищи находились совсем рядом, что облегчало сношения «славян» между собой [68].

В Лещинском лагере и произошла встреча Общества соединенных славян с Южным и осуществилось последующее соединение обоих обществ.

В «Записках» говорится, что славяне «с давнего времени» замечали противоправительственные настроения бывших семеновских офицеров, и Борисов даже с умыслом принял Тютчева, зная о близком его знакомстве с С. Муравьевым и намереваясь поручить ему связать офицеров-семеновцев со Славянским обществом.

Сбор корпуса дал Тютчеву возможность повидаться со старыми товарищами по полку — С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Видя резко оппозиционное настроение Тютчева, собеседники решились открыть ему тайну: «Нам надо самим отыскивать свободу. Не хочешь ли вступить в тайное общество?» — спросили они Тютчева.

Таким образом, Тютчев получил предложение вступить в Южное общество. Между тем сам он только что вступил в Общество соединенных славян. Чувствуя единомышленников и доверяя своим старым товарищам, Тютчев открыл им существование Общества соединенных славян. Цель Славянского общества была при этом определена Тютчевым, по собственному признанию, как «достижение революции и уничтожение [царских] законов». Собеседники попросили принести им правила и клятву общества, разузнали кое-что о его личном составе и взяли слово с Тютчева, что он познакомит их с кем-нибудь из славян. Тот выполнил все просьбы полностью: не только в одно из следующих свиданий рассказал все подробности о славянах, а даже принес писаный экземпляр «Катехизиса» и клятвы. В то же время он сообщил о своем открытии секретарю Славянского общества Иванову, и когда 8-я артиллерийская бригада проходила через Житомир, Иванов в свою очередь информировал Горбачевского и Петра Борисова, что Тютчев «открыл» новое тайное общество. «Сие известие поразило всех славян», — пишет П. Борисов в «Записках».

На другой день после разговора с Ивановым Борисов увиделся с Тютчевым. Затем обсуждал его сообщение с Ивановым, Горбачевским и Киреевым. Сначала он высказал мысль о необходимости Южное общество присоединить к Славянскому, «не зная, что сие общество было очень многочисленно и какая цель оного». Между тем товарищ Тютчева по полку подпоручик Громнитский несколько раз (по его подсчету три раза) заходили вместе с первым в «шалаш» к С. Муравьеву-Апостолу, который жил вместе с Бестужевым-Рюминым, и многое узнали. Полковник Тизенгаузен в их присутствии откровенно говорил с Муравьевым «о предмете, касающемся общества»: услыхал, «что постыдно для России пребывать долго под игом деспотизма — так называли они существующее у нас правление,— что наступило время свергнуть это иго, что средства все в наших руках, что большая часть 2-й армии уже приготовлена, что 4-й корпус готов, 2-й также; 7-я дивизия и гусарская нашего корпуса также готова, дабы двинуться при первом знаке, что революция должна быть военная, и тогда, как говорили они, ежели в наших руках войска, тогда обойдется без кровопролития,— некому уже будет противиться, и мы достигнем с успехом исполнения тех предприятий, которые предположены в 1825 г. Говорили, что конституция кончена еще в 1824 г., что остается теперь преимущественно обратить внимание на войска, что главнейшая цель конституции — в уничтожении крестьян (т. е. крепостного состояния.— *М. Н.*) и улучшении солдатского состояния». Борисов 2-й и Иванов хотели как можно скорее созвать намеченное в Чернихове совещание, другие же члены, кроме того, требовали, чтобы переговоры с Южным обществом были как можно скорее открыты. Тютчев и

Громнитский со своей стороны передавали, что Муравьев хочет познакомиться со славянами.

Действительно, 29 августа С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин приезжали к Борисову 2-му и Горбачевскому в Лещин и, не застав их дома, оставили записку, в которой просили к себе. «Опасаясь потерять случай, благоприятный их желаниям, Славяне положили, не дожидаясь общего собрания всех членов, препоручить Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношения с Сергеем Муравьевым и Бестужевым, но отнюдь не приступать к решительным мерам, не объявить им ничего и ни на что не соглашаться без общего согласия всех членов Славянского общества» [69].

На следующий же день, 30 августа, Тютчев и Громнитский, окончательно взявшие на себя роль посредников, заехали за Борисовым 2-м и Горбачевским и все вместе поехали к С. Муравьеву и Бестужеву. Хозяева обласкали гостей «как можно лучше». Муравьев, вспоминает Борисов в «Записках», принял их «с особенным радушием, осыпал их ласками и лестными отзывами» Бестужев-Рюмин, «бывший при сем свидании, говорил много и в пылу разговора излил всю душу». «Говорили нам о необходимости реформы, о соединении Славян с Южным обществом и о том, что целью сего последнего общества есть введение Демократической Конституции в наше отечество». Славяне были чрезвычайно удивлены, что Муравьев и Бестужев уже все знают о Славянском обществе — нескромность Тютчева была очевидна. Южане открыто критиковали поставленную славянами цель: «Ваша цель, — говорил Муравьев, — очень многосложна, а потому едва ли можно достигнуть ее когда-нибудь, к тому же надобно более думать о своих соотечественниках, нежели о иноземцах». Говорили многое против правительства, критиковали действия корпусного командира, остановились и на вопросе чрезвычайной остроты: «Между разговорами Муравьев сказал, что нельзя думать, дабы кто-либо из особ императорской фамилии согласился на требование народа, и приводил в пример Испанию». Как говорит Борисов 2-й, о цареубийстве еще не было речи, но после таких разговоров до него был только один шаг. Узнали славяне и о связях Польского общества с Южным. Но о всем, касающемся последнего, говорилось туманно и неопределенно: славяне чувствовали, что о них знают больше, чем им сообщают о себе» [70].

Узнав от своих уполномоченных обо всем, бывшем у Муравьева, славяне «разделились в мнениях»: некоторые из них чрезвычайно радовались этому случаю и предлагали, не медля нимало, соединиться с Южным обществом; другие, напротив того, вознегодовали на Тютчева и, «желая, чтобы Славянский союз удержал свои формы, требовали его смерти, как примерного наказания за нескромность и нарушение правил Славянского общества, и тем пресечь все дальнейшие сношения с Муравьевым». Иванов поддерживал первоначальное мнение Борисова 2-го: или Южное общество присоединить к славянам, или взять с Муравьева честное слово, «что существование Славянского Общества останется тайною для других членов Южного общества и уверить его, что все Славяне готовы принять участие в перевороте, когда он начнется, и будут споспешествовать оному всеми силами». П. Борисову и его единомышленникам было жаль расстаться с целью всеславянского единения. Но кризис в Славянском обществе назрел, желание действовать было слишком кипуче, и мнение Борисова и его группы не получило большинства, вызвав сильный раздор. Решено было собрать всех славян, пригласить Муравьева и Бестужева и совместно переговорить об основаниях слияния двух обществ [71].

Первое собрание было назначено на квартире Борисова 2-го и Пестова в Лещине: по «Запискам» Борисова, оно состоялось 3 или 4 сентября

1825 г. За ним последовало несколько других собраний. Быстрое следование одного собрания за другим, совпадение вопросов, разбиравшихся на каждом, а также естественное желание подследственных декабристов как можно больше скрыть привели к тому, что в показаниях содержание различных собраний смешивается и излагается в общем виде. Многие расходятся и в показаниях о числе собраний: Борисов показывает в одном месте, что у Андреевича было два собрания, в другом — что четыре, а сам Андреевич говорит, что у него было лишь два собрания. В Сибири при написании «Записок» автор проделал большую работу сводки материалов и сопоставлений данных, сохранившихся в памяти участников. В силу этого лучше принять за основу его исчисление как позже проверенное коллективной памятью сосланных в Сибирь славян[72].

Еще до приезда Бестужева и Муравьева (ожидали обоих) на первое собрание славяне, собравшиеся на квартире Борисова 2-го, начали обсуждение вопроса о соединении обществ. «Открытие» Тютчева внезапно разрешило назревший в Славянском обществе кризис: «славяне узнали, что существует сильное общество с определенными революционными целями, опирающееся на большие войсковые силы, располагающее готовой конституцией. Это было как раз то, чего желали славяне, мечтавшие о немедленном действии. Поэтому еще до приезда представителей Южного общества «мысль безусловного соединения уже начинала преобладать над умами Славян, которых желание действовать обращалось в непреодолимую страсть» [73].

В этом собрании, ожидавшем Бестужева, находились Борисов 2-й, Пестов, Бечаснов, Фролов, Лисовский, Усовский, вероятно, и Громнитский. Но были и новые лица, недавно, во время лагерей принятые в Славянское общество (Бечаснов называет Андреевича 2-го и Киреева).

С. Муравьев и М. Бестужев-Рюмин, очевидно, ища связей со Славянским обществом, привлекли к нему майора Пензенского полка М. М. Спиридова, хотя, собственно, не имели права «принимать» его в еще не присоединенное общество. Спиридов также появляется на собраниях Славянского общества [74].

На следующих собраниях появятся еще новые члены, — Бечаснов говорит, что на первом собрании присутствовавших «находилось менее, нежели сколько на последующих».

Бестужев-Рюмин приехал на собрание вместе с Тютчевым и объявил, что будет вести переговоры один, так как С. Муравьева-Апостола задержали важные дела. Бестужев был прекрасным агитатором. Повидимому, к сообщению о Южном обществе он сделал удачное введение, широкими штрихами очертил бесправие и угнетение армии, тяжкое положение солдата и офицера, притесняемых начальством, крайнее угнетение и бесправие крестьян, систему самодержавного правления, «несправедливость высших властей и прочее, чего всего не припомню», показывает Веденяпин 1-й. Затем Бестужев заговорил «о необходимости у нас в России перемены правления». «Довольно уже страдали, — говорил он, — стыдно терпеть угнетение... Все благородно мыслящие люди решили свергнуть с себя иго, все унижены и презрены слишком, а в особенности офицеры. Благородство должно одушевлять каждого к исполнению великого предприятия — освобождения несчастного своего отечества... Слава для избавителей в позднейшем потомстве—вечная благодарность отечества...» [75].

Была объявлена цель Южного общества — введение конституции. Славяне узнали, что конституция у южан обдумана, готова (якобы с 1815 г.), явится причиной легкости и безболезненности переворота: «Что всего лучше, то это то, — вспоминает слова Бестужева Веденяпин 1-й, — что у нас это будет без всякого шума, для того, что к этому

все совершенно готово и только нужно одного мановения». Конституцию южан князь С. Трубецкой, по словам Бестужева, возил на одобрение к известнейшим французским публицистам и получил его (это было придумано Бестужевым). В спорах и толках, пошедших по лагерю после первого собрания, эта деталь охотно комментировалась. Копию с конституции Бестужев обещал дать славянам. Кто-то из присутствовавших усомнился, точно ли революция пройдет гладко, без кровопролития и насилий, едва ли одобренная западными публицистами конституция будет понятна «черни», — народ, по мнению славян, должен был понимать свою конституцию. Бестужев с некоторой насмешливостью отвечал, что «это пустой страх, что уж очень давно все обдумано, одним словом, это только неизвестно здесь...». Он исчислил силы Южного общества. Оказывалось, по его словам, что готова вся армия, и имена южан, среди которых было немало полковников и подполковников, говорили за это: полковник гвардии князь Трубецкой, полковники Пестель, Тизенгаузен, Повало-Швейковский, Артамон Муравьев (командир Ахтырского гусарского полка), Фролов 4-й (командир артиллерийской бригады), капитан Пыхачев (командир 5-й конно-артиллерийской роты). Кроме «всей армии», «в Москве около 300 чиновников находятся определившимися на своих местах, и по первому знаку все примет свой вид. На счет же кровопролития, я вам божусь, что тут не будет ни единой капли». Тот же передатчик бестужевской речи Веденяпин 1-й продолжает, что Бестужев «после изъяснялся, что мы имеем в виду две революции — одну французскую, которая началась чернью, и потому произошли все ужасные безначалия, а другую испанскую, которая началась хотя довольно обдуманно, но она оставила власть королю». Сравнение двух революций было любимой мыслью Муравьева-Апостола и Бестужева [76].

Неясное сообщение Бестужева о Верховной думе, управляющей Южным обществом, и отказ его открыть ее личный состав и местопребывание встревожили и задели славян: «Сомнение вкралось в сердца многих», — говорится в «Записках» [77].

Все рассказанное Бестужевым не вполне соответствовало действительности: конституция («Русская Правда» Пестеля) еще не была готова, никто ее за границу на одобрение не возил, количество приверженцев Южного общества было им сильно преувеличено.

Осторожность заставила славян переменить место следующего собрания: оно состоялось не в Лещине, а во Млинищах, на квартире подпоручика Андреевича. Квартиру выбрали как «выгоднейшую для произведения разных объяснений, каковые редко обходились без споров. Но, как моя квартира была на берегу реки с самого краю, то и самые горячие доказательства спорящих не могли быть слышны», — показывает Андреевич 2-й.

Второе совещание славян, судя по так называемым «Запискам Горбачевского», состоялось спустя два-три дня после первого. Бестужев сдержал свое слово и утром на следующий день после первого собрания дал славянам через Пестова изложение основных положений «Русской Правды» Пестеля под названием «Конституция Государственный Завет», написанный под диктовку Пестеля. Списывая «Конституцию», славяне сидели ночами. В их делах и сохранился единственный дошедший до нас экземпляр этого документа (в деле Шимкова). В показаниях славян встречаются подробнейшие пересказы полученного изложения «Русской Правды», например в делах Борисова 2-го, подполковника Берстеля. В тот же день вечером Горбачевский и Борисов 2-й виделись с С. Муравьевым, «который, подтверждая все сказанное Бестужевым, просил их снова собраться и кончить скорее дело соединением двух обществ»[78].

Второе собрание было более многочисленно. Бестужев вновь приехал вместе с Тютчевым. Из новых членов, неизвестных еще нам, на этом собрании, по показанию Борисова 2-го, были Н. И. Тиханов, подпоручик артиллерийской бригады, приглашенный Пестовым, и подпоручик той же бригады Шультен. Черниговские офицеры не были, их задержали служебные дела.

На втором собрании Бестужев читал выдержки из «Государственного Завета», но занял отчетливую позицию нежелания обсуждать их по существу. Это, по мнению Бестужева, было бы «совершенно лишнее», ибо «из сего могут произойти споры и несогласия и потеря времени, что оная (конституция. — *М. Н.*) уже одобрена великими умами». Требование оказать без всяких рассуждений неограниченное доверие Верховной думе нового общества вызвало ропот славян. «Нам нужны доказательства, мы требуем полного объяснения»,— восклицали некоторые из них. Некоторые офицеры во главе с Бестужевым противились расспросам: «Зачем такое любопытство? должно поставлять себе счастием быть в таковом обще-полезном важном деле». Но требования протестующих взяли верх. Бестужев вынул лист бумаги и начертил схему Южного общества: посредине круг — Верховную думу, от нее радиусы — посредники и в конце каждого маленькие кружки — округа. Славянам предложено было составить такой отдельный округ с выбранным посредником. Были названы члены Южного общества, мелькали имена «многих генералов», штаб- и обер-офицеров разных корпусов, дивизий и полков. «Все сии благородные люди, — сказал Бестужев в заключение, — забывая почести и блаженства, поклялись освободить Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо своего отечества». Несколько больше сказал он также и о Польском обществе, которое вступило в сношение с Южным, причем назвал посредников с польской стороны — князя Яблоновского и графа Мошинского, а со стороны южан — Сергея Муравьева и себя. Упомянул и о следах тайного общества в Литовском корпусе, розыски которого поручены полковнику Повало-Швейковскому [79].

Эта откровенность «обворожила Славян», доказательства силы Южного общества были налицо. Но небольшая группа колеблющихся с Борисовым во главе еще пыталась отстоять первоначальную цель своего общества — освобождение всех славянских племен и объединение их в федеративный союз. «Подчинив себя безусловно верховной думе Южного общества, — спрашивал Борисов, — будем ли мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы, которая, может быть, высокую цель Славянского Союза найдет маловажною и, для настоящих выгод жертвуя будущими, запретит нам иметь сношение с другими иноплеменными народами». Бестужев отвечал, что цель Южного общества — предпосылка для целей славянского, «что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто способствовать цели Славянского Союза». Энтузиазм Бестужева взял верх над сомнениями Борисова 2-го, и было положено немедленно соединиться с Южным обществом на основаниях, предлагавшихся Бестужевым [80].

Посредник между Славянским и Южным обществами, которого должны были выбрать славяне, обязан был сноситься только с Бестужевым или Муравьевым, и новых членов мог принимать только он или другие с его дозволения. Раз в год посреднику необходимо было отдавать отчет Верховной думе о Славянской управе. Бестужев высказался против приема гражданских чиновников, которые в его глазах «были не только бесполезны, но даже вредны». Было запрещено принимать поляков, — их велено было направлять к графу Мошинскому, в Польское общест-

во. Организационные формы, в которые Бестужев вливал Славянский союз, противоречили по существу его широкому демократизму, пониманию блока с поляками и связи с разночинными массами.

Важно, что Бестужев сообщил славянам о последнем плане Пестеля: начало открытого выступления назначено на осень 1826 г., когда будет общий царский смотр, — к этому времени необходимо приготовить солдат. Последняя задача была выделена Бестужевым как особое поручение Славянской управе. Уезжая, Бестужев просил к следующему заседанию приготовить списки членов и все бумаги, касающиеся Славянского союза, а также наметить посредника [81].

Третье совещание вновь состоялось на квартире Андреевича на другой день после второго (начались совещания к вечеру, часам к семи-восьми, поближе к темноте, после окончания дневных занятий). Бестужев не явился. Послали нарочного узнать, в чем дело, тот встретился с посланным Бестужева, который запиской к Спиридову извещал собрание, что приехать не может, не объясняя причин. Решено было вести собрание без него. Борисов 2-й представил списки и бумаги по Славянскому обществу, отчет о его деятельности, проект нового его образования; после этого решено было приступить к избранию посредника, которым единогласно был избран Спиридов, пехотинец (на том собрании, по свидетельству Бечаснова, артиллеристов было немного).

Избранный посредником Спиридов тотчас явился к С. Муравьеву сообщить о решениях собрания. В разговоре выяснилось, что в тайное общество без ведома С. Муравьева вступают офицеры его полка. Муравьев стал «осуждать сию деятельность», говоря о излишности приема в члены тех людей, «коих, по его мнению, можно возбудить к восстанию, объявив о том накануне дела». Спиридов возразил, что Кузьмин и Соловьев уже два года состоят в Обществе соединенных славян и невозможно ставить преграды их деятельности, основанной на правилах общества. «Эти правила, — сказал Муравьев (по передаче «Записок»), — уничтожены соединением обществ; они могут быть пагубны нашему делу. План наших действий совсем иной: солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будут орудиями и произведут переворот. Вы знаете, что за люди русские солдаты и офицеры?..». Спиридов больше не спорил и «с прискорбным молчанием» удалился [82].

Воспользовавшись обстановкой общего смотра, Муравьев и Бестужев пригласили офицеров-славян к себе на собрание представителей Южного общества. Киреев, Горбачевский, Андреевич, Веденяпин 1-й, Борисов 2-й, Громнитский, а также Бесчаснов и Пестов застали у Муравьева и Бестужева собрание видных военных. Горбачевский помнит, что тут были полковники Враницкий, Швейковский, Тизенгаузен; потом приехали командир Ахтырского полка Артамон Муравьев, капитан Пыхачев, подполковник Фролов. «Господа, это — наши члены», рекомендовали им славян Муравьев и Бестужев. «Муравьев старался дружескими разговорами сгладить разницу в летах и чинах и внушить им взаимную доверенность». Говорилось главным образом о злоупотреблениях правительства, о необходимости переворота, о силе общества «благонамеренных» (так условно называли южане свое общество). «Артамон Муравьев произносил беспрестанно страшные клятвы купить свободу своею кровью. Славяне видели в нем не только решительного республиканца, но и ужасного террориста» [83].

Горбачевский задал Муравьеву естественный вопрос: почему общество не начинает действовать немедленно, ведь корпус в сборе? «Я и мои товарищи,— продолжал Горбачевский,— могут ручаться за себя и

за своих подчиненных; вы сами сему свидетели. По вашим словам, большая часть полковых командиров разделяют наши мысли и готовы на все; все остальные более или менее склонны последовать их примеру: 1-я батарейная и 2-я легкая роты 8-й бригады начнут первые, если...». В это время Пыхачев, командир 5-й конной роты, схватил Горбачевского за руку и сказал с жаром: «Нет, милостивый государь, я никогда не позволю первому выстрелить за свободу моего отечества. Эта честь должна принадлежать 5-й конной роте. Я начну! Да, я!..». «С. Муравьев бросился Пыхачеву на шею и оставил Горбачевского без ответа».

«Когда мы шли домой, то они прощались с нами, как будто с давно знакомыми друзьями, просили нас к себе, а особливо Артамон Муравьев» [84].

Однако Бестужев-Рюмин считал Спиридова неудачно выбранным посредником и просил членов к ближайшему собранию обдумать вопрос вторично; «причина же сему обдумыванию была та, что Бестужеву не нравилось, что Спиридов, коему он не доверял вероятно потому, что сей последний хотел было делать свои замечания насчет бывшего у него «Государственного Завета», попал в посредники». Бестужев решил назначить совещание для «поправления сей ошибки, дабы каким-нибудь образом Спиридова отдалить от сего поста, для сего-то самого и было назначено 3-е собрание». Говоря с Борисовым 2-м, Бестужев прибавил в рассеянности: «Сделайте милость, не выбирайте Борисова 2-го»... Выразительная оговорка дала понять, что и Борисов 2-й нежелателен как посредник. Поправив оговорку, Борисов хладнокровно ответил, что убежден в невозможности «переменить избрание», — оно «происходило в присутствии избранного; почти все голоса были в его пользу. Устранить его значит нанести оскорбление не только ему, но и всем избирателям. Впрочем, если вы имеете на сие достаточную причину, объясните ее и при будущем совещании предложите новый выбор».

Эта выразительная сцена, конечно, говорит о желании М. Бестужева закрепить свою власть над славянами и твердо «управлять» новым обществом. Ясна и причина, по которой Бестужев-Рюмин хотел отстранить бывшего «президента» Славянского общества от руководства новой управой: Борисов 2-й не во всем был согласен с ним, пользовался популярностью в славянской среде. В. Бечаснов вывел всех из затруднительного положения, «предложив разделить Славянское общество на два округа таким образом, что артиллерия будет составлять одну управу, а пехота— другую, из которых каждая будет иметь своего посредника». Предложение было принято [85].

Следующее собрание славян для окончательного решения вопроса о посреднике решено было устроить в селении Песках на квартире Веденяпиных, но Бестужеву по каким-то причинам казалось удобнее собраться опять у Андреевича. Поэтому за несколько часов до собрания было изменено его место. Борисов 2-й и Горбачевский взялись предупредить близлежащие части, а Бестужев — черниговских офицеров. Собрались с опозданием. Когда приехал Бестужев, черниговцев еще не было, но по его предложению собрание все же было открыто. Спиридов доложил выработанные им правила — о необходимости присоединять новых членов только через посредников, о запрещении до восстания выходить в отставку или просить о переводе в другую часть и об ответственности каждого члена за бездействие, неосторожность в разговорах, упущение по делам общества или уклонение от совещаний. За значительную вину предлагалось немедленное наказание смертью. Подавляющее большинство во главе с Бестужевым оказалось против проекта Спиридова, повидимому, серьезного и обдуманного. На сторону проекта, кроме его авто-

ра, стали лишь Борисов 2-й, Горбачевский, Аполлон Веденяпин и Драгоманов. «Они доказывали, что заговорщики не могут быть свободны в своих действиях, что, принимая на себя священные, необходимые, вместе с тем ужасные обязанности, они более нежели кто-либо должны сами подчинить обществу личную свою свободу и соблюдать с точностью правила и постановления, служащие к достижению цели, к сохранению союза и к безопасности членов оного: безнаказанное нарушение каких бы то ни было обязательств неминуемо разрушает всякое сообщество, и совесть каждого не всегда может быть верным и надежным блюстителем принятых обязательств» [86].

Противники апеллировали к революционному порыву, личной честности и благородству. «Для приобретения свободы, — вскричал Бестужев, — не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принуждения, — нужен один энтузиазм. Энтузиазм пигмея делает гигантом! он разрушает все, и он создает новое!». Спор длился долго, голосование было не в пользу Спиридова. Вероятно, явным несогласием собрания с только что избранным посредником и воспользовался Бестужев, чтобы пересмотреть вопрос о персональном составе «посредников». Он предложил придуманное Бечасновым деление общества на две управы, что и было принято после некоторых споров. При этом Бестужев указал, что члены 9-й артиллерийской бригады будут сноситься с Южным обществом через Пестова, которому удобно взять на себя эту роль, так как он находится при корпусной квартире, а члены 9-й дивизии поступят в непосредственное ведение С. Муравьева. Противники предлагали хотя бы отложить новое избрание посредников, но их мнение вновь было отвергнуто. Новое избрание все же дало не совсем благоприятные для Бестужева результаты. 8-й пехотной дивизией вновь был избран Спиридов, а со стороны артиллеристов выставлены были две кандидатуры: Борисова 2-го и Горбачевского. Первый отказался, второй был избран. Наметили и обязанности посредников: они должны были «сохранять порядок, последовательность и единство в действиях управы, наблюдать за поведением и поступками членов. Они одни имели право сноситься с верховною думою через С. Муравьева или Бестужева-Рюмина и представлять думе разные проекты и мнения членов, которые через них получили предписание думы относительно действий, восстания и пр. Равным образом для принятия кого-либо в члены общества необходимо было согласие посредника, который, впрочем, сам имел право принять в члены общества...». Было решено, что члены общества должны слепо повиноваться Верховной думе [87].

В конце собрания Бестужев произнес страстную, захватившую всех речь, в которой говорил о пользе соединения двух обществ, о необходимости переворота в России и красноречиво убеждал «в несомненном успехе оного». Он восхищался намерением и целью Славянского общества, хотя ему не нравилась «отдаленность цели». «Сделать народ участником переворота казалось ему весьма опасным». Развивая один из сильных аргументов Южного общества, он сравнивал будущую русскую революцию с французской и испанской и находил ошибкой у французов отсутствие заранее подготовленного конституционного проекта, а ошибкой испанцев — сохранение в живых короля. Именно в этом и были, по его мнению, причины гибели революции. Заблаговременная подготовка конституции и цареубийство являлись в силу этого гарантией русского успеха. Концепция, как видим, противоречила славянскому пониманию вещей. Французская «чернь» взбунтовалась — и все погибло, пока французы сочиняли и меняли конституцию. «Избежание Вандеи» было одним из существенных принципов в тактике Южного общества. «Наша револю-

ция, — говорил Бестужев, — будет подобна революции испанской. Она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа. Москва и Петербург с нетерпением ожидают восстания войск. Наша конституция утвердит навсегда свободу и блаженство народа. Будущего 1826 года в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами. Мы поднимем знамя свободы и пойдем на Москву, провозглашая конституцию»[88]. Как видим, цареубийство существенно отличало план Бестужева от испанской революции 1820 г.

Оратор предложил членам «объявить ему свои сомнения, ежели они имеют оные о переводных мерах и цели: — Я буду стараться, — говорил он, — по возможности вывести вас из оных и пояснить вам то, что кажется для всех вас невразумительным». Борисов 2-й взял слово по существеннейшему вопросу: «Какие меры приняты обществом для удержания временного правительства в пределах законности и для обуздания его властолюбия и честолюбивых видов, могущих быть весьма пагубными для новорожденной республики?». Где гарантии от «похищения» диктаторами «самовластия»?

Подлинный текст этого замечательного обмена мнений уже приводился выше. Бестужев апеллировал к личной чести революционеров и цареубийц, которые не могут же стать узурпаторами. П. Борисов умело парировал возражения ссылкой на пример истории Рима, доказывавший, что Юлий Цезарь пал под ударами заговорщиков, а 18-летний Октавий стал властелином Рима. Вопрос носил принципиальный характер.

Как показывает Борисов 2-й, Бестужев не сумел отвести его доводы и, ничего не ответив, поспешил уехать вместе с Пестовым, прося еще раз собраться для принесения клятвы.

Славяне уже расходились, когда в комнату вбежал поручик Черниговского полка Щепилло и взволнованно объяснил, что он и его товарищи не были предупреждены о перемене места собрания: все они были на Песках у Аполлона Веденяпина, долго ждали товарищей и, случайно встретив Мозгана, узнали, что собрание перенесено к Андреевичу. Щепилло был предубежден, что Бестужев сделал это сознательно, желая отвести черниговцев.

Горбачевский на следующий день поехал к черниговцам Кузьмину и Сухинову, желая уладить конфликт, и отправился с ними для объяснений к Муравьеву. Вопрос был поставлен в упор: «почему он удаляет от совещаний черниговских офицеров и по какому праву он это делает?». Муравьев хладнокровно ответил, что «все, касающееся до Черниговского полка, принадлежит ему исключительно, и он не позволит никому другому вмешиваться в его распоряжения»[89].

«Но каким образом, — возразил Горбачевский, — мы можем прекратить сношения с теми, которые уже около двух лет считаются нашими сочленами? Мне кажется, для сего нужно наше и их согласие?». Настойчивость и хладнокровие С. Муравьева привели Кузьмина в бешенство. Как передается в «Записках», «Черниговский полк, — вскричал он вне себя от ярости, — не ваш и не вам принадлежит. Я завтра взбунтую не только полк, но и целую дивизию. Не думайте же, господин подполковник, что я и мои товарищи пришли просить у вас позволения быть патриотами». С этими словами он повернулся и вышел вон. Сухинов сказал Бестужеву в сильном гневе: «Если он когда-нибудь вздумает располагать мною и моими товарищами, удалять нас от тех, с которыми мы хотим

быть в связи, и сближать с теми, которых мы не хотим знать, то клянусь всем для меня священным, что мы сами найдем дорогу в Москву и в Петербург».

Нет никаких оснований сомневаться в истине обрисованной в «Записках» сцены или тем более замалчивать ее в истории движения декабристов. Действительность не была гладкой, в ней наличествовали противоречия. Надо отметить, что С. Муравьев старался добиться примирения, сказал много лестного о революционном жаре и патриотизме славян и, наконец, потушил конфликт. Основное единство движения завоевывалось в борьбе противоречий и напряженной идейной работе.

Последнее (пятое) собрание славян было назначено на 13 сентября 1825 г. у Андреевича. Оно особо запечатлелось в памяти всех членов, на нем приносилась клятва революционной верности[90].

На этом собрании Бестужев произнес одну из своих самых ярких политических речей, которую задолго тщательно готовил. Вот она в передаче самого Бестужева: «Век славы военной,— говорил Бестужев,— кончился с Наполеоном. Теперь настало освобождение народов от угнетающего их рабства. Неужели русские, ознаменовав себя столь блистательными подвигами в войне, истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе? Взгляните на народ, как он угнетен! Торговля упала. Промышленности почти нет. Бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах нетрудно было нашему обществу распространиться и прийти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат, или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшим оплотом самовластия—сего источника всех зол, — уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в общество, ибо все люди благородно мыслящие ненавистны правительству: они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество по своей многочисленности и могуществу — важнейшее для них убежище. Скоро оно восприемлет свои действия, освободит Россию и, может быть, целую Европу. Порывы всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века»[91].

Память Андреевича 2-го сохранила детали этой речи, не воспроизведенные Бестужевым: он говорил опять о цели общества, «которая состояла в освобождении целого отечественного народа от ига, его угнетающего, и во введении в России конституции. Сказал притом, что их общество очень обширно, и в приобретении членов нет никакой нужды, и что от нас ничего не требуется, как только действие на солдат». Надо было показывать и объяснять солдатам «несправедливость нынешнего правительства, выставляя на вид пользу от перемены оного, вселять в них любовь к отечеству и открывать, сколь важен пост солдата, что̀ он значит и для чего именно служит, что согласием и решимостью своею они могут облегчить свое состояние и своих соотечественников, приводя в пример, что и сами решаемся приносить жизнь свою в жертву для освобождения себя, а более—вас (солдат.—*М. Н.*), от рабства, которое вас до такой степени угнетает и лишило вас возможности пользоваться настояще всеми дарами природы». Это свидетельство замечательно: оно требует открытия солдатам одной из основных целей общества. Бестужев говорил, «приводя в пример слова священного писания, сколь их намерение

благо, говоря притом, сколько человек каждый должен любить ближнего и стараться делать ему добро, и что человек, поступающий по сим правилам, исполняет закон божий. Тот же, который делает противно человеколюбию, есть не человек, а враг, и истреблять его — значит истреблять самое зло, увидев пользу для сограждан моего отечества, желая облегчить их участь»[92].

После этой речи Бестужев снял образок, висевший у него на шее, произнес клятву быть верным тайному обществу и взяться за оружие при первом сигнале руководителей. Некоторые протестовали против клятвы на образе, но она в конце концов всеми была принесена[93].

В «Записках» сказано: «Невозможно изобразить сей торжественной и трогательной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страстные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!..». Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга, с горящими на глазах слезами радовались, как дети...». Андреевич 2-й, вспоминая эту минуту, тоже описывает ее в восторженных выражениях: «В знак согласия целовал крест и объявил свою готовность на все, что оное общество ни потребует для блага народа, решился мстить тому, кто есть причиною тиранства, слез, притеснений для моих соотечественников, решился и действовал сообразно постановлениям Бестужева... Каждый чувствовал справедливость сих убеждений и, соображая с собственными своими обстоятельствами, соглашался жертвовать своею жизнью, клялись мстить своему мучителю, кто бы он ни был, хотя бы даже в царствующей особе заключалась причина их угнетения».

Проект высылки царя с семьей за границу не встречал сочувствия Бестужева: «Если же устранить его и выслать за границу с целой фамилией, он наберет партию, республика может поколебаться», — передает Лисовский.

Во время всеобщего ликования Бестужев обронил, что не только благо народа будет достигнуто, а личные почести посыплются на победивших революционеров. Славяне взволновались, найдя замечание неуместным: «Не для наград, не для приобретения почестей хотим освободить Россию... Сражаться до последней капли крови — вот наша награда», — раздались «неистовые» крики.

Этим совещанием завершилось слияние обществ.

Невозможно обойти эти яркие картины внутренней жизни декабрьского движения, отчетливо рисующие революционный энтузиазм первых русских революционеров, их горячий революционный патриотизм, жажду действий и готовность к самопожертвованию во имя блага Родины. Вместе с тем нельзя замалчивать и внутренние трудности и противоречия движения. Корни этих противоречий уходят не в почву личных трений и индивидуальных самолюбий, а в особенности встретившихся идеологий. Как ни отставали славяне в ряде вопросов, в проблеме тактики и понимания роли народа они вырвались вперед. По их разумению, успех революции зависел от активной роли народа. Это была плодотворнейшая революционная идея, которой было суждено огромное будущее в истории русской революционной борьбы. Личная храбрость и высокая честь руководителей были, по их справедливому мнению, недостаточны для конечного успеха. Славяне не были первыми, выдвинувшими эту идею. Радищев уже был ее провозвестником в исходе XVIII в. Рылеевское направление и основное руководящее ядро Южного общества, как уже указывалось, шли по направлению к ней.

Объединительные собрания Лещинских лагерей в конце августа — начале сентября 1825 г. не исчерпали, однако, более сложного замысла Васильковской управы. Надо было не просто объединиться и тем усилить южную организацию накануне предполагавшегося в 1826 г. открытого выступления. Славянам предстояла и очень трудная практическая роль в предполагаемом перевороте: из их состава предполагалось набрать отряд цареубийц, по терминологии Южного общества, — «заговорщиков». Для набора этой «cohorte perdue» Бестужев и просил заехать к нему на следующий день избранных на собраниях посредников — Спиридова, Горбачевского и Пестова — для получения последних наставлений.

Согласно «Запискам», это свидание состоялось 15 сентября 1825 г. С. Муравьев и Горбачевский обсудили вопрос и о подготовке к восстанию нижних чинов. Горбачевский настаивал на проведении в этом вопросе единой линии и излагал принятый славянами план. Основное в нем заключалось в открытии солдатам цели революционных действий, в сообщении им основных программных установок тайного общества. Славяне оказались на передовых позициях в этом вопросе и содействовали движению вперед главарей Васильковской управы. Они стремились убедить еще колебавшегося С. Муравьева, которому сначала казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо о цели общества. Он был убежден, что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для солдат загадкой сфинкса. Горбачевский возражал, что «на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями», т. е. считал возможным простым языком растолковать солдатам важнейшее. Спор касался существенной проблемы [94].

С. Муравьев полагал, что на солдат лучше всего действовать религией, что надо прибегнуть к библии как средству пропаганды. «Некоторые главы, — продолжал он, — содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя». «Я с вами не согласен, — отвечал Горбачевский. — Вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могут иметь влияние на русских и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них думать, что запрещение израильтянам избрать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию».

Спорам о «религиозности» русского народа было суждено не раз возрождаться в идейных дискуссиях века, и тут позиции славян надо признать передовыми.

Наконец, Бестужев привел разговор к нужной для него теме. «Мне мало того, что нужно членов. Нужно таких людей, которые бы имели дух покуситься на жизнь государя». «Если вам угодно, — отвечал Пестов, — то двадцать таких найти можно».

Затем Спиридов, взяв карандаш, прежде всего отметил в списке себя самого как согласного на цареубийство, а потом Громнитского, Тютчева и Лисовского, так показывает следственной комиссии Горбачевский.

Все члены Славянского общества, бывшие у Муравьева и Бестужева, признают, что никто не принуждался к помещению себя в список цареубийц, — вызывались добровольцы. Перечень всех членов, на котором

делались отметки о согласии, Борисов 2-й написал своей рукой и дал Горбачевскому. Пестов отметил себя и двух братьев Борисовых. Бестужев отметил Бечаснова, за которого, как говорил, сам мог ручаться, Кузьмина Соловьева и Сухинова. Таким образом, из славян было отмечено не менее 12 цареубийц. Бестужев предложил поклясться «в неизменном исполнении возложенного на них поручения и до исполнения оного никому из членов общества не открывать своего назначения и даже никому не говорить о сей мере Южного общества».

Когда Горбачевский отмечал Борисова 2-го, это вызвало недовольство Бестужева, считавшего, что Борисов «слишком холоден» и «неспособен к энтузиазму». Прощаясь, С. Муравьев и Бестужев просили сказать Борисову, чтобы он повидался с ними до выхода полков из лагерей (войска уходили на зимние квартиры 15 сентября) [95].

Борисов исполнил их просьбу и зашел к ним на следующий день рано утром, чтобы подтвердить свое согласие быть цареубийцей. Разговор был краток. Борисов передает его на допросе в живой форме. На вопрос Бестужева-Рюмина: «Слышали ли вы? Сказывал ли вам Горбачевский?»— Борисов ответил: «Слышал и знаю все».

— Решитесь ли вы на это?

— Я назначен и не отказываюсь.

— Помните, это — тайна для других членов.

— Знаю.

— Клянитесь».

Борисов 2-й поклялся и поцеловал образок, висевший у Бестужева-Рюмина на шее [96].

Так совершилось присоединение к Южному обществу Общества соединенных славян.

Мы намеренно остановились на этом присоединении с достаточной подробностью, потому что объединительные заседания не только рисуют особенности идеологической работы эпохи, не только свидетельствуют о живом интересе к программным вопросам и об упорной работе над тактикой и выработкой планов реальных действий, но прекрасно доносят до нас и самый облик эпохи, когда «дух преобразования» заставлял «умы клокотать».

6

С формальной стороны на лещинских собраниях Общество соединенных славян прекратило свое существование и слилось с Южным обществом. В «Записках» Петр Борисов посвящает несколько страниц вопросу о различии Южного общества и Общества соединенных славян. Он указывает, что первое действовало в среде людей высшего круга, богатого, чиновного, со связями, сначала принимало в свой состав преимущественно штаб- и обер-офицеров. Южане были более зрелы по возрасту, занимали более видные места в армии. «Привычка повелевать», по мнению автора «Записок», невольно брала верх, мешала повиноваться равному себе и тем более «препятствовала иметь доверенность» в сношениях по обществу с лицами, стоящими ниже в служебной иерархии.

Запрещение принимать в члены общества поляков и невоенных, по мнению автора, тяжело отразилось на личном составе Общества соединенных славян. Действительно, Шахирев, например, свидетельствует, что достойнейший славянин, юнкер Шеколла, любимый солдатами и, как мы увидим ниже, сыгравший большую роль в деле агитации среди них, не был принят Бестужевым в члены после слияния обществ. «Бестужев, когда Спиридов рекомендовал ему Шеколлу, очень холодно обошелся и не сказал ему ничего. Так как Бестужев играл первое лицо в бывшем тогда

собрании и от него зависело включить Шеколлу или нет в список, то по неудовольствию, которое заметно было тогда на лице Бестужева, я Шеколлу исключил, не давая ему о сем знать». Основатель общества Люблинский как поляк тоже не был принят в новое общество, а направлен к графу Мошинскому, к которому не захотел обращаться. В силу этого Люблинский «осмеял» слияние обществ и занял по отношению к нему такую позицию, что Борисов 2-й с некоторого времени даже начал его опасаться. Второй основатель общества — Борисов 1-й тоже сначала не был включен в состав новой Славянской управы как отставной, и лишь позже из уважения к заслугам Борисова 2-го Бестужев предложил Андрею Борисову связаться с ним лично при условии возврата на военную службу. Революционное дело было слишком дорого для Андрея Борисова, и он, бросив отца, решил опять вернуться к военной службе, чтобы участвовать в восстании. Характерно, что Бестужев соглашался внести его в число заговорщиков, но отказал в просьбе зачислить членом. Деятельнейший член общества, посредник между ним и польским населением, отставной подпоручик Красницкий также не был включен в состав преобразованного общества. Борисов 1-й и Бечаснов держали его в курсе постановлений объединительных собраний, и Красницкий, несмотря на формальный отказ, долго и напрасно добивался принятия в члены. Он нарочно приезжал для этого после маневров в местечко Барановку к Горбачевскому, просил, чтобы тот написал о нем письмо Бестужеву. Достойно замечания, что, несмотря на исключение из общества, Красницкий вновь появится в нем как деятельный член в момент восстания. Как штатский был исключен и П. Ф. Выгодовский. Конечно, эта политика М. Бестужева свидетельствует об его дворянской ограниченности [97].

Так или иначе кризис, назревший в Славянском обществе к концу 1824 г., разрешился в Лещинском лагере через слияние Славянского общества с Южным. Славяне рвались к деятельности, и момент выступления ощутимо приблизился к ним. Все ожидали начала выступления.

Изложенный материал говорит о многом. Прежде всего ясен смысл объединения двух тайных обществ, возможность и историческая необходимость этого объединения. У обоих обществ — Славянского и Южного — была общая и на данном историческом этапе важнейшая цель антифеодальной борьбы, их объединяла общая борьба против устоев феодального строя, против крепостного права и самодержавия. Объединение сил революционного движения во имя этой великой задачи диктовалось исторической необходимостью.

Но вместе с тем ясно, что не происходило слияния двух абсолютно однородных организаций. Были немаловажные различия и в идеологии, и в линии действия, и в программе, и в понимании способов ее осуществления. Происходили трения, столкновения по существенным вопросам. Отношение к народу и его активной роли в перевороте, проблема «народодержавия» (говоря языком времени) стояла в центре этих столкновений. Славяне хотели активного участия народа, открытия солдатам основной цели переворота, создания из армии накануне переворота сознательно действующей и активной силы, осведомленной в основных вопросах революционной программы. Южные декабристы опасались активного участия народа в революционном перевороте, хотя и стремились «сделать революцию» во имя интересов народа. Они шли ко все более демократическому пониманию этого важнейшего вопроса, но им не удалось до конца изжить тут дворянскую ограниченность. Цели народного движения могли перерасти цели дворянской революционности, перехлестнуть через них, сбить их, народное движение решало бы вопросы по-своему, могло бы смести руководство дворянских революционеров. Однако самая идея руково-

димого восстания прочно входит в состав декабристской идеологии. В характере ее истолкования сказалась их классовая ограниченность, но в самой постановке вопроса они пытались подойти к важной задаче. Говоря о стихии народного движения, называя ее «анархией», декабрист в лице Пестеля заявлял себя «ревностнейшим врагом» подобных «беспорядков». Славяне не проявляли страха перед этой стихией, предполагали обязательным участие в восстании «всех сословий» и активную роль как крестьян, так и солдат, причем те и другие сразу (а не после переворота!) рассматривались ими как граждане. Но славяне не разработали и не предложили ясных форм руководства восстанием — в этом была их слабость.

Южные и северные декабристы полагали надежду на движение в армии и не мыслили своего выступления без этого движения. Они начали с убеждения, что солдаты не должны были знать до восстания об основных целях переворота: их приготовление должно было состоять в общем возбуждении недовольства и лишь в редчайших случаях — в намеках на истинную цель. Ясно, что эта тактика обеспечивала бы всецело руководство восстанием за дворянскими революционерами. Но по мере роста и углубления движения, по мере приближения момента выступления они шли вперед и в своей тактике, мало-помалу вовлекаясь в «открытие цели» народу, во имя которого они и хотели действовать.

Южным руководителям импонировала славянская решительность, однако вместе с тем она как раз и тревожила их. «Собак-славян», как не очень тепло выражались они, надо было «держать на цепи». Поэтому, несмотря на то, что славянам открыли очень многое, им не хотели открывать всего. С одной стороны, Южное общество представлялось им более многочисленным и более сильным, нежели оно было, с другой — от славян скрыли некоторые существенные стороны Южного общества [98].

Поэтому, когда во время Лещинских лагерей Бестужев-Рюмин посетил Пестеля, чтобы получить от него для славян краткое изложение «Русской Правды», которого они настоятельно требовали, Пестель, несомненно, оказался в затруднительном положении. Он работал над новым, сильно продвинувшимся проектом конституции, готовя его к будущему объединительному съезду. Но мог ли он поделиться с присоединяемым обществом новыми, еще никем не утвержденными замыслами? [99].

Ясно, что в тот день 1825 г., когда Бестужев-Рюмин, присоединявший Славянское общество к Южному, обратился к Пестелю с просьбой дать ему требуемую славянами конституцию, принятую Южным обществом, Пестель мог поступить только тем единственным и правильным образом, каким он и поступил: продиктовать ему основное содержание принятой в 1823 г. Южным обществом конституции, ибо другой какой-либо принятой Южным обществом конституции не существовало. Пестель готовил свой новый, более зрелый проект, в своих основах уже отражавший идейную эволюцию всего Южного общества, но это был еще не законченный и не принятый, не проголосованный проект. Пестель поступил строго «по уставу», так поступил бы на его месте и любой другой сознательный член организации [100].

С присоединением Славянского общества к Южному силы последнего значительно возросли.

1825 год близился к концу. Приближалось декабристское «роковое время» — время открытого выступления, хотя декабристы еще и не подозревали об этом. Им пришлось выступить, не завершив всей большой намеченной работы, почти годом ранее намеченного ими самими срока.

Глава XV

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

1

Работа среди солдат была, по замыслу декабристов, обязательным элементом подготовки выступления. Дворянские революционеры считали опасным начать эту работу преждевременно. Но, двигаясь к демократическим позициям, они переступили собственные запреты в деятельности Рылеева, Бестужева и их товарищей, в создании агитационных песен для народа. Оболенский, как мы помним, также начал агитацию среди солдат. На юге — в сфере действий Васильковской управы она развернулась более планомерно. В Вятском полку Пестеля пропаганда в сущности еще не была начата. Пестель был строгим командиром, и атмосфера в его полку несколько отличалась от обстановки, созданной в других полках, где работали декабристы. Были в составе полка и вообще в окружении Пестеля лично преданные ему солдаты. Так, например, поражает самоотверженность денщика Пестеля Савенко, проявленная им на следствии именно по линии важнейших дел тайного общества (вопросы о сокрытии «Русской Правды», о связях Пестеля и др.). Но пропаганды среди солдат в том духе, в каком действовала Васильковская управа и особенно члены Славянского общества, Вятский полк еще не знал. Однако подготовка солдат к перевороту была несомненной установкой Пестеля. «Мы рассуждали,— показывал он,— что солдаты последуют за тем начальником, кого лично любят, и что дабы на их содействие и последование надеяться, достаточно их к себе лично привязывать». Майборода подтверждал на допросе (и можно этому верить), что Пестель рекомендовал ему «приуготовлять» свою роту «к нашей цели», потому что «скоро настанет время, когда надобно не говорить, а действовать». Именно Пестелю, повидимому, принадлежит мысль использовать солдатскую субординацию и начать действовать на солдат с унтер-офицеров. Общей установкой пропаганды среди солдат на юге была мысль использовать разжалованных из Семеновского полка, уже имевших опыт открытого выступления. Пестель признает, что семеновские солдаты были готовы к возмущению «по единодушному поведению их во время Семеновского происшествия». Однако кроме этого была еще директива возбуждения лишь общего духа неудовольствия солдат и личной привязанности их к командиру. Открывать цели восстания Пестель не рекомендовал, считая это излишним и опасным. Последний момент ярко раскрывает дворянское существо революционности Пестеля. Однако глубокая внутренняя связь восстания декабристов с рядом кровных назревших нужд народа этим самым не опо-

рочивается, ибо разъяснение солдатам причин их тяжелого положения и разжигание «общего духа неудовольствия» в армии как раз и идут по линии осторожного использования именно этой глубокой внутренней связи. Солдатская масса осталась бы глухой к агитации декабристов, если бы у солдат не было своих кровных интересов в восстании. «Негодование солдат существовало прежде возмущения», — глубоко обобщает эту сторону дела молодой Бестужев-Рюмин: «Без того возжечь оное не мог бы Муравьев, не взирая на приверженность к нему всех подкомандующих». Это очень верные слова. Движение декабристов опиралось на солдатское недовольство и в той мере, в какой учитывались кровные интересы солдат и крестьян, оно — объективно — связывалось с нуждами народа. Бестужев-Рюмин в одной из своих речей (передача Борисова 2-го) говорил, что «неудовольствия, столь часто обнаруживающиеся между солдатами в полках против командиров, разорение крестьянства податьми и прочее подает нам несомненную надежду в успехе нашего предприятия». Отсюда ясно, что агитация среди солдат опиралась и на связь с тяжелым положением той родной для солдат крестьянской массы, из которой вышли они сами [1].

Но стихия общего созревания декабристской идеологии, движение к завоеванию демократических позиций оказались сильнее первоначальных установок. Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, вплотную приступившие к агитации среди солдат во время Лещинских лагерей, переступили эту запретную черту, открыв солдатам более, нежели первоначально предполагалось.

Солдаты-семеновцы были горячо привязаны к своим бывшим начальникам по штрафному Семеновскому полку — Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину. Последние, как и члены Славянского общества, конечно, знали, что следственная комиссия считала пропаганду в войсках тягчайшим преступлением, и в силу этого единодушно смягчали эту сторону деятельности: говорили-де они с солдатами лишь вообще о тяжести службы, советовали терпеть, истинной цели тайного общества не открывали. Это — обычный трафарет ответа «славян» и других агитаторов из декабристской среды на тот пункт следственной анкеты, который запрашивал о связи с войсками. Опасность агитации в армии вела к тому, что эта деятельность декабристов труднее всего поддается учету: солдаты показывали скупо, отговаривались незнанием, несмотря на «строжайшие» допросы, вероятно, сопровождавшиеся рукоприкладством. Письменных документов о пропаганде в войсках почти не сохранилось, да и было их, очевидно, очень мало, это дало возможность декабристам скрыть от правительственного следствия в этом вопросе больше, чем в других. Если прибавить, что разыскана лишь небольшая часть показаний солдат-декабристов, то будет ясно, как скуден материал, освещающий эту важнейшую область деятельности декабристов.

Сопоставление различного следственного материала, данные очных ставок и мемуарная литература представляют дело в другом виде: пропаганда имела место, была гораздо более серьезной, чем изображали ее во время следствия декабристы, и это правильно почуяло правительство, жестоко расправившееся с замешанными в деле солдатами. Пропаганда шла вглубь, знакомила с существованием тайного общества и его главной целью, поднимала солдат на восстание и наметила в солдатской массе определенную организацию, влиявшую через унтер-офицеров и фейерверкеров на рядовых.

Солдат Федор Анойченко знал Муравьева-Апостола в продолжение многих лет: «Подполковника Муравьева,—показывает он на следствии— узнал я в 1817 или 1818 году, хорошо не припомню, но только тогда, когда

поступил я к нему из 4-й в 3-ю фузилерную роту, где он, Муравьев, был ротным командиром лейб-гвардии Семеновского полка. А Бестужева-Рюмина, Полтавского пехотного полка, знал я также в Семеновском полку еще портупей-прапорщиком, потому что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами, в числе коих и я бывал». Длительное знакомство Анойченко с двумя крупными представителями декабристского движения дало, конечно, свои плоды. В показаниях он сдержан и скрытен, но и они дают не мало указаний на то, как этот выдающийся и талантливый солдат тянулся к пропаганде против правительства, с жадностью ловил всякое слово против ненавистного ему гнета. Анойченко исполнял поручения Муравьева по агитации в войсках и вызывал к нему солдат бывшего Семеновского полка, рассеянных по различным воинским частям. Комиссия, судившая декабристов на юге, потратила немало усердия, чтобы разузнать, кто из солдат ходил в лагерях в палатку Муравьева, о чем говорили с ним, часто ли это случалось. Анойченко — неизменный член этих свиданий солдат-декабристов с их руководителем.

В первый раз Анойченко попался Муравьеву случайно: он шел в лагерь под Лещиным вместе с солдатом Василием Турковым, тоже бывшим семеновцем, и некоторыми другими рядовыми за провиантом. Им навстречу двигался на ученье батальон Муравьева, последний сам шел впереди рядом с Бестужевым-Рюминым. Муравьев узнал Василия Туркова, подозвал, спросил, куда он идет и поинтересовался: «А нет ли тут еще семеновских солдат?». Ему назвали Анойченко; он расспросил его о полке и роте, где служит, и велел солдатам прийти к нему в «балаган» после приемки провианта. Когда они пришли, в палатке Муравьева было собрание офицеров, человека четыре или пять; сам он сидел за столом. Произошла первая агитационная беседа. Во второй раз Анойченко один пришел к Муравьеву «после застрельщичьего ученья». Тот вместе с Бестужевым повел с Анойченко разговор о тяжести службы. «Они оба говорили мне, что служба тяжелая, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, причем Муравьев произносил против его особы дерзкие и непристойные ругательства. Говорили, что немного потерпеть, и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее; чтобы мы слушали только его, Муравьева, голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за нами, если откроется бунт». Как видим, речь прямо шла о восстании. В третий раз Анойченко пришел к Муравьеву с рядовым Макаром Пересеткиным, который раньше также знал Муравьева и был знаком с Бестужевым; возобновились разговоры о тяжести службы, о связях с другими рядовыми. Можно уверенно предположить, что Анойченко сообщил Муравьеву, что удалось ему сделать: «Мы обещались ему склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьева, делу, которому он, однакож, названия никакого не давал, но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое через Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти».

Анойченко признается, что во время стоянки в лагере был у Муравьева до пяти раз. Кроме Василия Туркова, с ним был и Антон Янтарев (Янтарь), Петр Гульбин, Николай Погодаев, Федор Николаев Бобылев. Муравьев предупреждал их о необходимости вести себя осторожно и не вызывать подозрения начальства.

Анойченко утверждает, что он вел агитацию лишь среди семеновских солдат, но этому все же трудно поверить. Из его показания ясно, что семеновцы представляли собой сплоченное ядро: «О том, что слышал

от Муравьева и чему он меня научал, в полку и в роте своей не открывался, кроме семеновских же солдат, кои сами про себя уже все о том знали».

Анойченко деятельно поддерживал связь и с членами Общества соединенных славян. Рассматривая его связи, отметим, что он сблизился со Спиридовым, служившим ранее капитаном в Саратовском полку. Во время лагеря у Лещина он часто приходил к нему, иногда вместе с другим гренадером — Федором Юрашевым (Юраш), даже тогда, когда Спиридов ушел из их полка. Они жаловались на тяжесть жизни, на то, что изменяются заведенные Спиридовым порядки, на непомерную строгость ротного командира. Спиридов показывает, что отвечал гренадерам: «Надо терпеть, может, еще год, и все переменится. Отстойте лагерь и после возвратитесь для отдыха на квартиры». — «Да и там мало покою будет», — возражали солдаты.—«Надейтесь на начальников, которые вас не покинут и которые готовы за вас пропасть»,— намекнул им Спиридов на давно известное им дело.— «И мы за таковых начальников готовы лечь», — единодушно ответили гренадеры. Годичный срок, упомянутый Спиридовым, как раз соответствовал плану декабристского выступления в 1826 г. Немудрено поверить после всего рассказанного об Анойченко и других солдатах, что первый из них поклялся Муравьеву-Апостолу привести, когда начнется восстание, весь Саратовский полк без офицеров (этот факт не раз отмечается в материале Следственной комиссии). Бестужев-Рюмин, не отрицая факта, вносит лишь ту поправку, что Анойченко обещался привести не полк, а лишь свою роту. Важно отметить, члены Южного общества надеялись, что Саратовский полк примкнет к восстанию, потому что в нем был Анойченко [2].

Славяне также стремились воздействовать на солдат по линии субординации: офицеры агитировали фейерверкеров и унтер-офицеров, т. е. солдатскую верхушку, и побуждали ее воздействовать в свою очередь на стоявшую ниже рядовую массу. Агитация проводилась планомерно, образовался даже, правда, небольшой, кадр «поверенных» из нижних чинов при офицерах-декабристах: поверенные агитировали в солдатской массе и доносили декабристам о результатах. Офицеры-артиллеристы особенно усердно влияли на фейерверкеров — эту отборную часть солдат артиллерии, пользовавшуюся обычно особым уважением среди рядовой массы. Фейерверкер Зенин является здесь примером.

Когда следствие задавало вопрос о причине появления у подсудимого вольнодумных мыслей, редко какой из славян не указывал на тяжелую жизнь солдат, которую имел случай наблюдать. Для некоторых, например для Борисова 2-го, сцены насилия над нижними чинами и зверское с ними обращение послужили поворотным моментом в душевной жизни. Тяжелая жизнь солдата, нещадные побои, им получаемые, были одной из причин «вольномыслия» Спиридова. Андреевич в своих показаниях, как всегда резкий и пылкий, говорит, что и в войсках и среди граждан распространен дух мщения, Усовский также упоминает о чрезвычайной тяжести солдатской службы. Фурман в своем своеобразном «Рапорте» пишет: «Вашему императорскому величеству донести честь имею, что вся армия, солдаты и офицеры, убиты совершенно духом и терпят крайность в голоде, а через то жаждут по необходимости войны или смерти... от солдат [требуют] службу, когда ему совершенно есть нечего и он провианта не видит...». Юнкер Драгоманов горячо заступается в своих показаниях за солдат: «Солдаты, при всей тягости своей долговременной службы, будучи за малые вины, а иногда и по одному капризу низшего начальства весьма строго наказываемы, самую службу сию несут нередко больше положенного государем императором 25-летнего времени,

а если уже и доживут оную, то, пожертвовав службе отечества здоровьем своим, наконец, дряхлые, немощные и старые бедняки сии, не могущие питаться собственными трудами, скитаются почти без пропитания, а нередко и без приюта...»[3].

Все славяне были гуманны и мягки с подчиненными им нижними чинами. «Не бывши еще членом Южного общества и не имея в виду никакой цели, обходился я всегда с моими подчиненными ласково, был снисходителен к их ошибкам, а иногда в годовые праздники и торжественные дни, ежели у меня случались деньги, давал им на водку, чем и внушил в них к себе некоторую привязанность...»,— сдержанно пишет Борисов 2-й, подчеркивая, как и многие, момент дачи «на водку» для видимой «обыденности» отношения к солдатам. Своеобразно подходил к телесному наказанию Андреевич, по его собственной меткой характеристике, «от природы жадный быть первым в делании добра». Провинившихся солдат он не бил, а показывал им, как за подобные же проступки били нижних чинов других воинских частей. Спиридов был мягок в обращении с нижними чинами. Адъютант главного штаба первой армии Сотников, специально посланный в места квартирования мятежных войск для разведывания об их «духе», особое внимание обратил на части, где начальствовал Спиридов. 1-я гренадерская рота Саратовского полка проявляла непокорный дух и вела себя особенно подозрительно: в ней как раз и имело место одно из довольно значительных для того времени солдатских волнений: «Рота сия состояла прежде в команде капитана Спиридонова, того самого, который служил потом майором в Пензенском пехотном полку и после возмущения Муравьева-Апостола арестован и отправлен в Санкт-Петербург. Спиридов, как видно, поселил в ней дух своеволия, ибо говорят, что он солдатам давал много воли и обходился с ними за панибрата». Поручик Аргиров, при роте которого позже находились 26 солдат из 1-й гренадерской роты, жаловался, что они «до того избалованы, что ему весьма нелегко удерживать их в порядке». Андреевича 2-го солдаты очень любили, часто приходили к нему жаловаться на свои невзгоды. Он, по собственному признанию, привязанность солдат почитал делом своей чести. Донесения упомянутого выше Сотникова пестрят указаниями на привязанность солдат к начальникам-славянам. «Об офицерах, взятых из их полка» (речь идет о Пензенском полке), солдаты «весьма сожалеют, а в особенности о Тютчеве и Громнитском, о которых говорят, что они для них были весьма хороши». «О подпоручике Мозгалевском, который состоял в сей роте» (3-я мушкетерская рота Саратовского пехотного полка), «солдаты сожалеют и говорят, что он для них был весьма добр».

Влияние славян-офицеров среди солдат, конечно, распространялось прежде всего на подчиненную им часть. Пропагандой были затронуты полки Саратовский, Пензенский и 9-я и 8-я артиллерийские бригады. Как и Муравьев с Бестужевым, члены Славянского общества особенное внимание обращали на солдат бывшего Семеновского полка, уже имевшего революционное прошлое, семеновцы наиболее горячо откликались на всякий противоправительственный призыв. Однажды Фролов говорил с Тютчевым о том, как строго обращается батальонный командир Рихтер с нижними чинами Троицкого полка. «Это может служить к лучшему для нас,— сказал Фролов, намекая на членов Общества соединенных славян,— ибо нижние чины тем более вознегодуют, только жаль, что нет там из нашего общества ни одного офицера».— «Там есть из Семеновского полка унтер-офицер,— отвечал Тютчев,— которому я уже говорил и на-

деюсь, что более успею, нежели через какого-нибудь другого офицера». Славяне стремились использовать прежний бунтарский опыт (сам Тютчев — бывший офицер Семеновского полка).

Спиридов, кроме уже упомянутой связи с Анойченко и Юрашом, приглашал к себе для разговора и давал поручения многим бывшим семеновцам. У него перебывали уже упомянутый Янтарь, Андреев, Камбалюк, Кожевников, Максимов, Георгиевский, Воронов, Матвеев, Мякушка, Пономарев, Кирпиченко и еще некоторые другие. Из унтер-офицеров Спиридов держал связь со Стаценкой, Ляшко, Ивановым, Яцуком. Когда Спиридов переводился из Саратовского полка в Пензенский и приехал для окончательной сдачи роты в город Острог, он и на этот раз вел агитационную работу среди солдат, хотя пробыл в Остроге всего лишь дня четыре. Можно подозревать, что он приезжал если не специально, то во всяком случае также и для этого: ведь было горячее время — начало декабря, когда многие ждали важных событий, а сам Спиридов, несомненно, предчувствовал их, заботясь уже об уничтожении своих бумаг. «Проживая в г. Остроге дня четыре, Спиридов призывал к себе унтер-офицеров, капральных, ефрейторов, артельщиков и некоторых других гренадер и стрелков и, подчивая их всегда водкою и испивая сам с ними целыми стаканами, внушал им, что служба ныне чрезвычайно тяжелая, что не только солдатам, но и офицерам нет возможности служить, и что он весьма не рад майорскому чину и охотно согласился бы опять командовать тою же ротою, говорил, что государь не наблюдает справедливости, увещевал потерпеть немного, обнадеживая, что служба скоро переменится и будет легче, только бы они держались его, Спиридова, стороны, когда что начнется». Передавая это, Анойченко, Янтарь и Андреев утверждали, что речи Спиридова очень сходны были со словами Муравьева-Апостола. Анойченко был у Спиридова четыре раза — следовательно, по меньшей мере ежедневно, Янтарь — три раза, Андреев — два, «прочие ходили в разное время, слышали одни и те же внушения». Анойченко назвал 10 рядовых, посещавших Спиридова в Остроге, кроме того, портупей-прапорщика Щикалина и двух унтеров — Ганусовского и Мартынова,— размах агитации М. М. Спиридова — выдающееся явление [4].

В своей роте влиял на солдат и прапорщик Киреев. В сводке «Сила вины», обычно предшествующей личному делу декабристов, у Киреева значится: «Разделял предположение товарищей и обязывался всеми средствами действовать на дух народный и особенно на солдат, долженствовавших быть главною причиною к достижению мятежной цели общества» [5].

Едва ли можно сомневаться, что такие славяне, как Кузьмин, Сухинов, Щепилло, вели планомерную и успешную агитацию среди солдат. К сожалению, отсутствие их личных дел не позволяет подробно осветить эту деятельность. Отзвуки ее сохранились в специальном деле «по показаниям поручика Сухинова и рядового Ракузы, о возмутительном духе в 8-й, 9-й дивизии и 8-й артиллерийской бригаде, или о нравственном состоянии 3-го пехотного корпуса». У Кузьмина была мысль начать восстание во время Лещинских лагерей. «Не посоветовавшись ни с кем из своих сочленов, — рассказывает мемуарист Славянского общества, — этот пылкий человек собрал роту и объявил преданным своим солдатам о замышляемом перевороте; в коротких словах изъяснил им причину, цель и средства достигнуть оного. Получив от подчиненных согласие и клятву умереть с ним для блага отечества, он с радостным лицом явился на собрание и торжественно объявил, что его рота готова и ожидает только приказания идти». Соловьев и Щепилло, «следуя примеру Кузьмина», деятельно подготовляли солдат [6].

Лисовский и Громнитский, очевидно, правы, говоря, что не влияли на солдат. Их влияние во всяком случае значительно менее влияния других славян. К числу славян, мало проявивших себя в этой области, относится еще Шахирев, адъютант генерала Тихановского, оторванный от солдатской массы родом своей службы, оба Веденяпины, Черноглазов, Берстель и некоторые другие члены.

В какой бы части Андреевич 2-й ни служил, он всюду пользовался привязанностью солдат: «Приобретение любви от оных,— сознается Андреевич,— сделалось моею страстью». Он пользовался всяким случаем общения с солдатами, чтобы развивать пропаганду. В разъездах по поводу утопившегося фейерверкера Ведякина, он ехал однажды в Новоград-Волынск вместе с рядовым Григорием Крайниковым и готлангером Ефремкой, дорогою говорил им о перевороте в выражениях, очень точных: «Вот, ребята, скоро будет поход в Москву, где соберется армия, чтобы требовать от государя нового положения и облегчения для войск, ибо теперь служба чрезвычайно тяжела; солдат теперь тиранят, бьют палками, занимают беспрестанно учениями и пригонкою амуниции...; все это выдумывается вышним начальством, которое по большей части из немцев... В лагере под местечком Лещиным собирались многие офицеры и положили между собою стараться об облегчении службы». Андреевич уговаривал солдат никогда не оставлять своих офицеров и внушать то же другим солдатам, говоря: «все это для вас же делается». Когда месяц спустя Крайников ехал в Новоград-Волынск с прапорщиком Бечасновым, тот ему подтвердил то же самое, про поход на Москву.

Из других солдат, имевших связь с декабристами, выделяется уже упомянутый выше фейерверкер Иван Зенин, служивший под непосредственным начальством Борисова 2-го. Мы знаем о нем очень немного: вероятно, это был человек сравнительно немолодой, так как он имел «за беспорочную службу» нашивки на рукаве (этот знак отличия давался лишь нижним чинам, прослужившим много лет). Умный, осторожный, он, повидимому, отличается от пылкого Анойченки, сразу решавшегося на действие. Зенин действовал медленно, глубоко обдумывая решения. Несмотря на свой возраст, он чрезвычайно любознателен: Борисов 2-й по его настоятельной просьбе «показывает» ему в свободное время арифметику и геометрию. Зенин готов был участвовать в деле и обещал не щадить во время восстания самой жизни.

Деятельно работали в области агитации среди солдат также Горбачевский и Бечаснов. По 8-й артиллерийской бригаде привлечено было к делу 27 солдат, «развращенных» этими офицерами. Андреевич 2-й в своих показаниях совершенно откровенно рисует картину пропаганды. Он указывал солдатам яркие примеры жестокости командиров, сравнивал с этим обращение с солдатами членов Общества соединенных славян, внушал необходимость перемены правительства. При этом обещано было, что «убавят им лета их службы, прибавится жалованье, уменьшится строгость, через которую теперь они так мучимы бывают». Андреевич удачно ставил в центр пропаганды мысль об огромном значении солдата. Он говорил им, что солдаты «есть основание всему, что на них держится вся слава государства и крепость сего рода правительства, которое к ним столь несострадательно, и что стоит только им пожелать перемены законов и тотчас все сделают». Подобного рода приемами, как известно, пользовались многие позднейшие революционеры, работая в войсках. Для действия на солдат Андреевич выбрал самых выдающихся в своей роте фейерверкеров — Гончарова и Фадеева.

Мы знаем об этих двух замечательных людях несколько больше, чем о других солдатах-декабристах: они были сначала с юга вытребованы в

Петербург, подверглись там допросу, затем увезены обратно на юг, — поэтому их личные показания с собственноручными подписями сохранились среди петербургских дел. Оба они из крепостных крестьян. Иван Семенович Фадеев — из помещичьих крестьян Нижегородской губернии, 40 лет, на царскую службу вступил в 1806 г.; следовательно, в том году, когда его судили и прогнали сквозь строй за участие в восстании декабристов, исполнилось 20 лет его солдатчины. Вполне зрелый человек, женатый, старый служака, очевидно, остановил на себе чем-то приметным внимание Борисова 2-го и Андреевича. Они несколько раз специально призывали его к себе и вели с ним разговоры о том, что должно солдатам «в случае нужды решиться умереть за свои права, что ежели они (нижние чины. — *М. Н.*) исполнят все это, то лета их службы уменьшатся», командиры и офицеры «не будут их обижать более по своим капризам, а ошибки во фронте не навлекут им палочных ударов». Офицеры поручили Фадееву все «пересказать тем солдатам, которые понадежнее, дабы их приготовить», тот согласился и выполнил обещание. На допросе он признался, что передал все рядовым своего взвода Никифору Зиновьеву и Андрею Васильеву. Андреевич утверждал на допросе, что эти рядовые также дали согласие на восстание, и на очной ставке с Фадеевым остался при своем показании. Не нужно большой проницательности, чтобы догадаться об успехе агитации Фадеева. Его согласие и убежденность очевидны.

Его товарищу Ивану Леонтьевичу Гончарову было 35 лет, родом он был из помещичьих крестьян Воронежской губернии. В памятный 1812 год он вступил на военную службу, и на пятнадцатый ее год был судим за участие в восстании декабристов. Борисов 2-й и особенно Андреевич «старались внушить ему, Гончарову, что солдаты служат долго, жалованья получают мало, а переносят все строгости начальников и взыскательность по службе, и что потому положение солдат есть бедственное, и они погружены в уныние, тогда как они составляют основание силы и славы государства. Причем сказывал Андреевич, что есть общество, которое желает улучшить судьбу их, уменьшить срок службы, прибавить жалованья и сделать самую службу для них легче, т. е. избавить от теперешней строгости и взыскания, но что общество сие без действия солдат не может исполнить своей цели, а если солдаты будут с ними согласны, то перемена в их положении тотчас совершится». Перед нами — явное свидетельство, что о самом существовании тайного общества было сообщено солдату.

Гончарову было поручено Андреевичем приготовить солдат понадежнее. Трое рядовых взвода Гончарова — Андрей Васильев, Никифор Зиновьев и Василий Матвеев — названы им перед следственной комиссией: он передавал им слова Андреевича, и они ответили ему, что «если вся рота будет согласна, то и они не отстанут, а сами действовать на товарищей не могут, опасаясь худых из того последствий». Агентами Андреевича по указанию Гончарова стали фейерверкеры Зенин, Васильев, Кузнецов.

В показаниях Андреевича ответы Гончарова имеют несколько более сложное содержание: «Оные фейерверкеры мне доносили мнение солдат, что если все сие, что я говорил, будет выполнено, то каждый солдат с удовольствием на то решится, ибо солдату все равно умирать, так лучше умереть со славою за отечество».

Многие славяне по роду своих обязанностей имели особенно благоприятные условия для агитации: так, Бечаснов заведовал школой солдат во 2-й легкой роте 8-й артиллерийской бригады. Один из агитационных способов, им придуманных, воспроизводит опыт Владимира Раевского.

Он составил прописи «для учащихся» и вставил в них цитату из Эккартсгаузена о том, что человек должен пользоваться правами, которыми природа его одарила. Адъютант Сотников, посланный после восстания расследовать настроение войск, конечно, не мог всего разузнать, но уловил кой-какие штрихи. Например, «Бечаснов, по его утверждению, недели за две до своего ареста, придя в школу, приказал сложить солдатам книжки и сказал: «Авось нам будет хорошо и вам лучше, нежели в лагере»». Сотников объяснял этот намек тем, что перед выходом из лагеря в нем случилась голодовка из-за крупной недостачи провианта — его не хватило на три дня. Возмущенные солдаты пошли жаловаться фельдфебелю, а тот некоторых «за сию жалобу» наказал, «отчего между солдатами произошел ропот, и они жаловались старшему по ротном командире офицеру». По донесению Сотникова, ученики Бечаснова «о намерении, с коими Бечаснов сказал упомянутые выше слова, вовсе не знают». Но в ярком противоречии с этим заявлением стоит сообщение того же Сотникова о впечатлении, произведенном на солдат арестами их товарищей: из этой роты 12 человек были арестованы в местечке Барановке и четыре в Новоград-Волынске, где они находились в учебной команде. «Нижние чины во 2-й легкой роте говорят, что упомянутые люди должны быть арестованы по показанию той же роты прапорщика Бечасного, у которого они обучались арифметике...». «Нижние чины об арестованных людях своей роты весьма сожалеют и арестом их так напуганы, что опасаются, чтобы их всех не забрали». Едва ли цитата из Эккартсгаузена и слова «авось будет лучше» были единственным агитационным грехом Бечаснова. Солдаты не могли бы запомнить одной такой фразы, как приведенная выше. Очевидно, Бечаснов говорил нечто большее и значительное, а приведенное изречение характеризует лишь один из его агитационных приемов. Ясно, что сочувствие учеников было полное, иначе необъяснима боязнь ареста у оставшихся.

Тот же Бечаснов, выполняя поручения по производству мелких военных следственных дел, вращался среди солдат различных воинских частей, вероятно, продолжая дело агитации. Сам он жил в местечке Острожке, постоянно передвигаясь то в Барановку, то в Новоград-Волынск. В Барановке работала комиссия по расследованию дела об утоплении фейерверкера Ведякина, — в ней участвовали вместе с Бечасновым Борисов 2-й и Горбачевский. Разъезды облегчали пропаганду, а свидания членов тайного общества, встречи их на одном служебном деле теснее сближали их. Андреевич 2-й, которого перевели из его роты в Киевский арсенал, тоже пользовался своими переездами для расширения пропаганды: он вел ее, кроме своей роты, в Киеве среди рабочих арсенала.

Система пропаганды славян ясна: необходимость перемены, переворота связывалась с тяжелой жизнью солдата, с его нуждами, потом переходили к вопросу — что же делать, отсюда двигались и дальше, открывали наличие тайного общества и замысел восстания. В этом смысле характерны действия Борисова 2-го и Андреевича 2-го, особенно усиливших пропаганду с половины октября 1825 г. во исполнение решений, принятых на объединительных собраниях по слиянию Славянского общества с Южным. «Сначала замечали дух солдат и видели, что они были недовольны своим состоянием и иногда даже жаловались на свой жребий», затем говорили о надежде «переменить их нынешнюю участь». Далее рядом искусных вопросов, толкавших мысль к нужному выводу, одобрялась, поддерживалась и питалась столь естественная в александровском солдате ненависть к высшему начальству и вообще к правительству. На одном из бурных собраний у Андреевича 2-го Мозган среди шума и гула многих взволнованных голосов слышал громкие слова Спиридова, утвер-

ждавшего, что «довести до цели иначе не можно, как войти стараться в доверенность нижних чинов и возбуждать их к ненависти начальства, осуждая их строгости и муки, которые терпеливо сносят от них нижние чины...». В документах есть данные о прямой связи пропаганды славян с крестьянским вопросом. Член общества, поручик Полтавского полка Усовский, говорит о необходимости «привлекая солдат на свою сторону, представлять им, сколь они обременены тягостною и долговременной службою, сколь жалование их мало, и выставлять им на вид рабство и угнетение их отцов, матерей и братьев».

Приготовление солдат, метко говорит Андреевич, состояло в возбуждении ненависти к правительству. Но ограничивались ли славяне сделанным или шли дальше, открывая существование тайного общества, его цель, заинтересовывая в его планах? Фактические данные дают на эти вопросы положительный ответ, — да, славяне шли дальше в своей пропаганде.

Выразительный материал дает общение Борисова 2-го с фейерверкером Зениным; это яркое солдатское имя, выплывающее перед нами из среды солдат-декабристов, связанных со славянами. После уже приведенного выше приглашения солдатам «быть твердыми и в случае нужды решиться умереть за свои права», солдаты «колебались, но, обольщенные представляемою им золотою будущностью, говорили мне неоднократно, что рады со мною умереть. Однако на [других] солдат действовать опасались, хотя я о перевороте говорил слегка и требовал только, дабы они старались извлечь солдат из уныния, в коем они погруженными находятся, удалить от них безнадежность, что жребий их никогда перемениться не может, заставить жить в согласии друг с другом, повиноваться фейерверкерам, удаляться пьянства, быть твердыми и готовыми на все». Прямое свидетельство разговоров о предстоящем перевороте (хотя и «слегка») говорит за себя, какие бы оговорки его ни сопровождали.

Донесения правительственных чиновников о состоянии «духа» какого-нибудь полка или другой военной части не всегда совпадают с таким ценным материалом, как показания очных ставок. «По учиненному на месте исследованию в роте Тютчева никаких беспорядков или вредных внушений солдатам не оказалось». Но вот Фролов показывает о Тютчеве обратное, и на очной ставке Тютчев признает правильность сведений Фролова: в 1-й гренадерской роте Саратовского полка имели место волнения (подробнее о них будет сказано ниже). Через два или три дня в балаган к Тютчеву пришли шесть рядовых этой роты, которые служили прежде в гвардейском Семеновском полку и хорошо знали Тютчева. В балагане происходил оживленный разговор. Внезапно вошедший Фролов застал Тютчева на такой заключительной фразе, обращенной к солдатам: «Ну так, ребята, потерпите! Рано не надобно начинать; а когда будет время, тогда вам скажут». Вскоре за Фроловым подошли подпоручик Радкович и Мозган; солдаты ушли. Через несколько времени Фролов спросил Тютчева, зачем приходили к нему рядовые Саратовского полка. «Они служили с нами в Семеновском полку, — отвечал на это Тютчев, — и я говорил им теперь, что мы начали в Петербурге дело, но не кончили; а вы старайтесь подготовить своих товарищей. Из них, — продолжал Тютчев, — есть такие, кои служили в роте Муравьева, который просил меня, чтобы прислать их к нему, и я говорил тем солдатам, чтобы сходили к Муравьеву». О задуманном декабристами перевороте было, следовательно, не только сообщено солдатам, а была установлена даже идейная связь между неудавшимся восстанием Семеновского полка и новым предполагающимся восстанием («начали в Петербурге дело, но не кончили»). Кроме того, была известная агитационная планомерность: Тютчеву сообщалось, каких

солдат направлять для агитации к Муравьеву-Апостолу, и Тютчев следовал этим указаниям. «Родичев и Крайников были более склонны следовать моим внушениям, так же как и их сослуживцы; к сему их располагали более всего притеснения, ими получаемые. Мои обещания имели над ними более власти: многие солдаты 2-й легкой роты, по их словам, готовы были идти за нами туда, куда мы их поведем... Для нас лучше умереть, — говорили они, как доносили мои поверенные, — нежели вести такую жизнь».

Сообщенное солдатам было очень важно, иначе декабристы не стали бы беспокоиться о том, как бы шпионы чего не выведали от солдат. По возвращении из Бердичева Бечаснов сказал Горбачевскому, солдатам Крайникову и Сидорову: «Теперь ничего не говорите о том, что вы от меня слышали, ибо всюду разосланы шпионы и если вас подслушают, то вы пропадете». В этом свидетельстве — любопытный штрих: глава целого артиллерийского округа тайного общества Горбачевский предупреждается наряду с солдатами. Очевидно, важные сведения о тайном обществе были у них у всех.

Из массы упомянутых выше солдат-декабристов особенно выделяется рядовой Саратовского полка Федор Анойченко, 35 лет, из экономических крестьян Киевской губернии. В войска он был зачислен в 1812 г. Он раньше служил в Семеновском полку, в роте под командой Сергея Муравьева, пережил восстание и по расформировании полка оказался в Саратовском полку. С первого же знакомства с делом перед нами встает яркая личность солдата-революционера: он пылок, горяч, быстр в решениях, уверен в своей правоте и успехе. Он горел желанием революции, и действия декабристов огорчают его своей медленностью. В роте он пользовался большим уважением, и влияние его было велико. Все, что мы знаем об Анойченке, рисует его как человека необыкновенного. Один из самых ярких моментов, нам известных, это — волнения в 1-й гренадерской роте Саратовского полка, к которой принадлежал Анойченко. Осторожный и боязливый в своих показаниях подполковник Берстель и тот говорит, что события развернулись с такой быстротой, «что стало походить на бунт, и едва могли их (солдат. — *М. Н.*) усмирить». До нас дошли, к сожалению, лишь отрывки об этом примечательном происшествии, дополняющие один другой: о нем рассказывает и Горбачевский в своих «Записках», адъютант главного штаба первой армии Сотников собрал о нем слухи, полковник Тизенгаузен со слов Сергея Муравьева-Апостола дает об этом обширное показание. Общая картина рисуется в таких чертах.

Первая гренадерская рота состояла под командой майора Спиридова, позже переведенного майором в Пензенский пехотный полк, и отличалась «духом своеволия». В этом главнокомандующий первой армией граф Сакен винил Спиридова, человека «разгоряченного и испорченного ума и сердца, поселившего в роте разврат». За несколько времени перед выступлением в Лещинский лагерь рота была сдана поручику Березину, бесчеловечному фронтовику, который пожелал восстановить в роте «порядок» после «недопустимого» режима Спиридова. Даже по выражению чрезвычайно преданного власти Сотникова этот поручик «поступал с нижними чинами весьма строго, что произвело между ними ропот». Славяне знали об этом недовольстве солдат [7].

Когда началось второе собрание у Андреевича, настроение было особенно напряженное, страсти разгорелись и, по словам мемуариста, «одна искра могла произвести пожар». Все горели желанием действовать не откладывая, сейчас же, сию минуту. Один из славян сообщил в этот момент о жестокостях поручика Березина, превышавших всякую меру: он даже запрещал солдатам своим разговаривать с бывшими семеновцами

из нижних чинов, которые возбуждали в своих товарищах ненависть к правительству. Пылкий и решительный поручик Кузьмин в исступлении вскричал: «Взбунтовать роту!». Слышались восклицания, что Березин «должен быть наказан за свою жестокость» [8].

На следующий день после учения рота сложила свои ружья в пирамиды и отправилась к палатке полкового командира, полковника Брычева [9], куда спрятался струсивший поручик Березин. Солдаты, волнуясь и крича, предъявили требование о смене Березина и назначении вместо него штабс-капитана Клементьева. Рота заявляла, что с Березиным «служить не может». «Он нас мучает, — кричали солдаты,—недостает сил терпеть... не дает покоя не только днем, но и ночью. Посмотрите на нас, — на кого мы похожи? — одна тень!.. И часу не удается поспать... И еда на ум нейдет, почти и богу некогда помолиться». Офицеры уговаривали солдат «не дурачиться», но все было напрасно. Возбуждение росло с каждым часом, солдаты решили в знак протеста не выходить из лагерей, когда дивизию отпустят домой. По словам Сергея Муравьева-Апостола, волнения в роте продолжались несколько дней. Полковник Брычев, боясь, чтобы в конце концов его не лишили полка, пошел на уступки, предложил роте потерпеть Березина до конца лагерей, обещая затем назначить Клементьева, забыть нарушение дисциплины и никого не наказывать за выступление. Брычев сдержал свое слово, ротный командир был сменен, но происшествие это было таким вопиющим нарушением александровской дисциплины, что начальство принялось тщательно хоронить концы в воду. Когда старший адъютант главного штаба первой армии Сотников стал наводить справки об этом деле, ему пришлось восстанавливать картину лишь на основании ходивших в городе Остроге толков да из расспросов нижних чинов. Командование уверяло, что вообще ничего не было, только, мол, «из 1-й гренадерской роты приходили к нему... каптенармусы докладывать, что амуниция сложена в цейхгаузы дурно...». Начальник 8-й пехотной дивизии Засс точно так же отрицал происшествие и (в рапорте Роту от 22 февраля 1826 г.) подменял его историей с дурно сложенной амуницией. Вот во что превратились в изложении испуганного начальства волнения 1-й гренадерской роты Саратовского полка [10].

Однако нельзя затушевывать и обнаружившееся противоречие по отношению к агитации среди солдат, сказавшееся в той же Васильковской управе. Крайняя дворянская ограниченность командиров Тизенгаузена, Пыхачева и других, проявившаяся позже в отказе участвовать в восстании, проявилась и в отношении их к агитации среди солдат.

Вся солдатская масса в целом, со всеми своими горестями и нуждами, стояла в центре внимания славян и имела самодовлеющее значение, тогда как для упомянутых членов Южного общества она была лишь неизбежным средством переворота. Характерна для славян мысль о том, что солдаты — основание силы и славы государства, что все покоится на них и без них ничего нельзя сделать. Полковник же Тизенгаузен говорил, что для него довольно будет, если он, выстроив полк, выкатив несколько бочек вина, выдав несколько денег, вызвав песенников, крикнет: «Ребята, за мной!»,— чтобы полк двинулся и «действовал в смысле его». Бригадный командир 3-й гусарской дивизии подполковник Фролов и ротный командир 5-й конной роты капитан Пыхачев говорили то же самое, прибавляя еще, что достаточно дать несколько кусков сала в кашу, и русские солдаты пойдут за ним. Бывший командир 27-й конно-артиллерийской роты подполковник Ентальцов однажды спросил у Горбачевского: «Зачем в 8-й артиллерийской бригаде объявили солдатам и фейерверкерам о замышляемом перевороте?». — «Затем,— отвечал ему Горбачевский,— чтобы им знать, за что они будут сражаться, и поэтому быть совершенно убе-

ждену в их содействии и усердии и быть уверену всякую минуту в готовности их к восстанию». «Этого никогда не должно делать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкою»,— возразил Ентальцов [11].

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что пропаганда Васильковской управы и славян среди солдат была успешна. Андреевич считал готовой артиллерию, Спиридов ручался за свою роту, Тютчев подготовил свою. Борисов 2-й писал Бестужеву-Рюмину через Горбачевского, что бо́льшая часть солдат 1-й батарейной роты и 2-й легкой с нетерпением ждет восстания. Горбачевский утверждает в письме к Бестужеву, что 8-я артиллерийская бригада с восторгом приняла предложение восстать и что теперь члены не знают, как обуять рвение солдат [12].

В работе среди солдат накануне восстания движение декабристов еще больше продвинулось вперед к завоеванию демократических позиций.

2

Период от Лещинских лагерей до междуцарствия выделяется как время напряженной подготовки к предполагаемому в будущем году выступлению. Но эта линия резко и неожиданно сталкивается с сильно изменившейся общей ситуацией, решительно торопящей события и властно меняющей все ранее задуманные планы. Ситуация слагается из умножающихся доносов и последующих событий междуцарствия, в корне переменивших обстановку. Ход дел тайного общества на юге и на севере в этом отношении сплетается в сложное и неразрывное целое, предваряющее открытое выступление. С этой точки зрения те два с небольшим месяца, которые протекают между присоединением Славянского общества и началом междуцарствия, т. е. время с середины сентября до второй половины ноября 1825 г., являются чрезвычайно напряженными.

Рассмотрим всю совокупность создавшихся обстоятельств, в которой ясно заметны два стремительных противоборствующих движения: наступление царизма на общество и наступление общества на царизм. Борьба между первым русским революционным движением и гигантом — российским самодержавием завязывается уже не на жизнь, а на смерть. Еще шаг — и она перейдет в открытую схватку с оружием в руках. Наступал «двенадцатый час» декабристского движения.

Вернемся к прерванному рассказу об общем ходе событий. Лещинские маневры кончились, тайное общество пополнилось новой организацией — Обществом соединенных славян. Царь не сделал смотра южной армии осенью 1825 г. — что-то этому серьезно помешало.

Еще в июле 1825 г. лейб-медик Виллие получил странное анонимное письмо. В конверте, собственно, было два письма: анонимная записка, покрывавшая второй запечатанный конверт, умоляла лейб-медика вручить последний императору, заверяя, что он не содержит ничего предосудительного. Обдумав положение, лейб-медик решился выполнить просьбу анонима. Нетрудно судить о его мотивах: передавая письмо при соответствующем объяснении, Виллие, конечно, ничем не рисковал, но, отказавшись передать пакет, он принял бы на себя огромную ответственность. Постоянно видевший царя врач, улучив удобную минуту, передал своему «пациенту» пакет от неизвестного.

Распечатав пакет, Александр I, вероятно, не без удивления, увидел под письмом подпись какого-то ничтожного унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка, состоявшего в корпусе южных военных поселений. Фамилия унтер-офицера — Шервуд, может быть, и показалась знакомой царю (в ней было что-то связанное с Александровской мануфактурой), но

ничего не объясняла. Унтер-офицер настоятельно просил под каким-нибудь предлогом арестовать его и увезти в Петербург, чтобы он мог лично доложить об одном крайне важном деле, касавшемся собственно императора. Письмо поступило для исполнения к Аракчееву (военные поселения находились к тому же в его ведении). На юг отправился фельдъегерь—поручик Ланге с предписанием об аресте унтер-офицера Шервуда, который и был доставлен 12 июля 1825 г. в Грузино к Аракчееву.

Примерно в это же время декабрист Бригген спешил из Петербурга на юг, чтобы сообщить Сергею Муравьеву-Апостолу и прочим членам тайного общества о решении Северной думы арестовать царскую семью и препроводить ее в начале революции «в чужие края».

Шервуд был англичанином по национальности, родился в Кенте, близ Лондона, приехал в Россию в весьма юном возрасте в составе семьи переселившегося сюда механика Шервуда, которого Павел I выписал, чтобы наладить механическое ткачество на Александровской мануфактуре. Сын, видимо, оказался непригоден к намеченному делу и поступил вольноопределяющимся в 3-й Украинский уланский полк. Тут, несомненно, наличествует какой-то нераскрытый поворот его биографии, так как едва ли по собственной воле молодой англичанин поступил рядовым в царскую армию крепостного времени. Шел уже шестой год, как он тянул унтер-офицерскую лямку, хотелось выслужиться. Шервуд сообщил Аракчееву, что дело в заговоре против императора [13].

В своих воспоминаниях Шервуд подробно описывает встречу с Александром I в уединенном Каменноостровском дворце и свою информацию. Беседа предателя с царем состоялась 17 июля 1825 г.

Взвешивая все данные об осведомленности этого первого и наиболее опасного добровольного шпиона за декабристами, надо прийти к выводу, что он действительно имел важные и проверенные сведения о заговоре, но мог назвать еще мало имен. Два-три «незначительных» имени — Федора Вадковского, Булгари — немного говорили царю, но за этими именами стояли важные факты. Шервуд впервые почувствовал «что-то» в воздухе, когда в конце 1823 г. попал на обед к генералу Высоцкому, в имение Златополь на границе Киевской губернии (имение прилегало к Миргороду, где стоял полк Шервуда). Среди гостей был друг Пестеля Барятинский, побывавший, как мы помним, в том же году в Петербурге для переговоров об объединении Южного общества с Северным. Какой-то поручик попросил лакея подать напиться, а лакей в суете забыл и не подал: «Эти проклятые хамы всегда так делают!», — воскликнул поручик. Барятинский не выдержал, вступился за слугу и с горячностью потребовал от поручика объяснений, как мог он назвать слугу «хамом», — разве он не такой же человек, как и все? Закипело горячее столкновение, и дело чуть ли не дошло до дуэли. В ссоре Барятинский бросил поручику, что «недолго» таким, как он, «тешиться над равными себе». Ссору замяли, но выступление декабриста за равенство людей запомнилось английской ищейке.

Идя по следу, Шервуд пришел для подтверждения своих подозрений и в Каменку Давыдовых. Но однажды ему особенно «повезло»: брат полкового командира, которому был подчинен Шервуд, попросил его передать какое-то поручение графу Якову Булгари, в город Ахтырку Харьковской губернии. Граф еще спал, когда лакей тихо ввел Шервуда в маленькую, соседнюю со спальней комнатку, вроде передней, и предложил подождать, пока хозяин проснется. В одной комнате с Булгари ночевал декабрист Вадковский. Проснувшись и не заметив человека в соседней комнате, Вадковский заговорил с Булгари о желательной для России конституции. Он наизусть цитировал какой-то конституционный текст и, наконец, пред-

ложил перерезать династию Романовых. Булгари, родом грек, был в некоторой мере причастен к гетерии и восстанию Ипсиланти и, хотя не был сам членом тайного общества декабристов, вероятно, настолько завоевал их доверие, что легкомысленный Вадковский решался вести с ним разговоры на подобные темы. Тут-то лакей и доложил о Шервуде...

Войдя в доверие к Вадковскому, Шервуд вскоре получил от него приглашение стать членом тайного общества. Надо обратить внимание, что Шервуд был принят в члены через Вадковского после того как сделал донос Аракчееву и царю. Конечно, легкомыслие и неосторожность Вадковского — факт неоспоримый. Взвешивая его поступок, нельзя не признать, что принятие в тайное общество человека, который, как понимал Вадковский, подслушал описанный разговор, было, может быть, самым последним шансом выйти из создавшегося трудного положения.

По всей вероятности, донос Шервуда и сыграл роль в отмене царского смотра во время летних лагерей 1825 г. Было сочтено благоразумным не показываться перед войсками, в составе которых таились заговорщики.

По указанию царя и Аракчеева Шервуд отправился на юг для новой разведки. Он сочинил (а Александр I и Аракчеев подтвердили) историю, что его арестовали по подозрению в причастности к похищению денег и вещей поручиком Сивинисом у богатого грека Зосимы (это было всем известным и шумевшим в то время уголовным делом), но что Шервуд оказался к этому делу непричастен. Дошедшее до нас письмо Ф. Вадковского к Пестелю, где первый рекомендует Шервуда как активного и преданного члена общества, свидетельствует о том, какой широкий круг сведений о тайном обществе оказался в распоряжении предателя: он знает о «Русской Правде», о планах восстания, о надеждах на военные поселения (фиктивной подготовкой последних к восстанию и занят Шервуд) [14].

Связь с Вадковским и помогла Шервуду многое выведать и дополнить свой донос правительству, но вскоре у него оказались «соперники». Не один Шервуд с жадным вниманием подслушивал у запертых дверей, за которыми зрело дело тайного общества. Наиболее подробный рапорт Шервуда датирован 18 ноября. Агент начальника военных поселений графа Витта Бошняк уже с апреля 1825 г. вел не менее пристальное наблюдение за обществом. Его жертвой оказался служивший в военных поселениях декабрист Лихарев. После первых бесед с Лихаревым в Ново-Миргороде и Златополе шпион «через несколько дней» уже виделся с Давыдовым в Каменке, сообщив о «согласии» не кого иного, как крупного начальника южных военных поселений графа И. О. Витта, командира 3-го резервного кавалерийского корпуса, вступить в тайное общество. В «Записках» Н. И. Лорера живо передан разговор с Пестелем о предложении Витта: принять его, как считали Пестель и Лорер, означало получить для выступления 40 тыс. человек под его командой. Очевидно, в целях конспирации письмо Пестеля о Витте Юшневскому доставил Барятинский, а ответ последнему на квартиру привез от Пестеля Лорер. Лорер описывает в воспоминаниях, как ездил к Юшневскому посоветоваться о предложении Витта и получил решительно отрицательный ответ. Как передает Лорер, Юшневский был осведомлен, что Витт «не знает, как отдать отчет в нескольких миллионах рублей, им истраченных, и думает подделаться правительству, продав нас связанными по рукам и ногам, как куропаток» («как курей», — еще колоритнее передает Н. И. Лорер на допросе). В доказательство «истинной» готовности Витта действовать в пользу общества, Бошняк «предупреждал» Давыдова об осведомителях в их среде, выдавая за правительственных шпионов декабристов Корни-

ловича и Аврамова. Бошняк сообщил также со слов Витта, что правительству известен Белоцерковский план.

Пестель, по показанию И. Поджио, ответил отрицательно на предложение Витта, передав Давыдову этот ответ через Барятинского, а вместе и «выговор словесной г-ну Лихареву за неосторожность». Давыдов занял позицию, что «венты распущены», общества нет и в силу этого прием не может состояться. Но осведомленность шпиона все же зашла слишком далеко, и (двумя неделями позже Шервуда) в руках у Витта оказался датированный 3 августа 1825 г. донос Бошняка. Донос самого Витта вместе с этим приложением был направлен к Александру I с просьбой об аудиенции для личного доклада. В середине августа в Петербурге уже располагали доносом Бошняка и Витта. В соединении с информацией Шервуда это давало уже группу имен, но правительство еще выжидало, надеясь узнать больше. Однако ряд действий все же был предпринят, и если отмену царского смотра можно поставить в связь с доносами, то едва ли не к ним же, как к причине, восходит «отнятие» у Швейковского полка во время летних лагерей в Лещине (приказ от 31 августа 1825 г.). Из Алексопольского полка, которым декабрист командовал много лет, Швейковский был внезапно переведен в Саратовский полк. Известие об этом поразило декабристов, как громом, и Васильковская управа, к которой принадлежал Швейковский, даже серьезно обсуждала инцидент как повод для открытого выступления тайного общества. Отсюда ясно, что «отнятие полка» у Швейковского рассматривалось декабристами в качестве симптома того, что общество или открыто, или надзор уже находится на пути к этому. П. Д. Киселев около этого времени делает серьезные намеки С. Г. Волконскому — это, повидимому, также стоит в связи с доносом Бошняка — Витта [15].

1 сентября Александр I выехал из Петербурга в Таганрог, куда и приехал к нему 18 октября граф Витт с личным докладом. В доносе Витта сообщалось о Южном обществе и, в частности, о деятельности Пестеля. Действия правительства против тайного общества задержала лишь болезнь императора.

Наиболее поздним является донос капитана Вятского пехотного полка А. Майбороды, члена Южного общества, датированный 25 ноября 1825 г. Это — первый случай, когда предателем оказался член Южного общества (принятый осенью 1824 г.), человек, который работал бок о бок с Пестелем и которому тот всецело доверял. Донос Майбороды на имя Александра I был представлен через командира 3-го пехотного корпуса, генерал-лейтенанта Рота. Пестель и деятельность Южного общества были в центре доноса; Майборода назвал правительству 46 имен декабристов с именем Пестеля во главе и с упоминанием Никиты Муравьева. Донос Майбороды был получен И. И. Дибичем в Таганроге уже после смерти Александра I [16].

Тучи сгущались над декабристским движением. Рука правительства, столько раз шарившая у горла заговора, теперь уже нащупала нужный ей путь.

Наступили тревожные дни. Бобрищев-Пушкин 1-й показывает, что первые слухи о том, что общество открыто, появились летом 1825 г. [17].

Пестель получил от Давыдова письмо о предательстве Бошняка в августе 1825 г. По этому поводу Пестель вызывал Сергея Муравьева-Апостола в Линцы для предупреждения. С. Трубецкой был тогда еще в Киеве — он уехал оттуда в Петербург лишь в начале ноября 1825 г. (сам С. Трубецкой показывает, что вернулся с юга в Петербург 8 или 10 ноября 1825 г.). Следовательно, С. Трубецкой еще на юге должен был узнать о том, что общество выдано правительству [18].

В создавшейся обстановке Южное общество не только не приостановило действий, но усилило работу над дальнейшей подготовкой выступления. По собственному признанию Пестеля, «опасения, что общество наше открыто правительством», привело его «в движение». Особенно активной в этих труднейших условиях оказалась Васильковская управа.

3

В октябре, после Лещинских лагерей, Пестель виделся с Бестужевым-Рюминым, приехавшим к нему с важным докладом — о присоединившемся Славянском обществе. В том же октябре в Киеве на обратном пути вновь побывали Нарышкин и Бригген. Если при первом своем проезде (в июне) они привезли важные сообщения от Северной думы (сообщение Рылеева передать Трубецкому о проекте создания кронштадтской группы и о месте ее в системе общего действия), то на возвратном пути они повезли полученную на юге информацию [19].

В период лещинских маневров и в ближайшее время после них возникли и быстро исчезли еще два замысла немедленного выступления, инициатива которых исходила от Васильковской управы. Оба замысла были тесно связаны между собой. Один являлся уже упомянутым выше предположением действовать немедленно, после того как у члена Васильковской управы полковника Повало-Швейковского «отняли полк», другой был планом «Таганрогского покушения», предполагавшим посылку цареубийц в Таганрог для «нанесения удара государю». Как уже указывалось, Александр I 13 сентября прибыл в Таганрог, — это и дает основание для датировки возникновения последнего упомянутого плана второй половиной сентября. Оба замысла были быстро оставлены, силы сосредоточились на быстрейшей подготовке ранее принятого общего плана выступления в 1826 г. [20].

Этот план нуждался теперь в прочном организационном закреплении. Необходимо было ввести Сергея Муравьева в состав Южной директории, где до сих пор находились лишь Пестель и Юшневский.

Вопрос о пополнении Южной директории обсуждался еще в начале пребывания в Киеве С. Трубецкого. Он показывает, относя это, повидимому, к начальному своему ознакомлению с делами Южного общества, что было решено «достать» от Пестеля «причисление Муравьеву к их главному Правлению» [21].

В исходе октября Трубецкой должен был двинуться в Петербург (он получил служебный отпуск). Как член Северной думы, он являлся живой и самой авторитетной в тот момент связью юга с севером: он вез в северную столицу наиболее подробное сообщение о принятом плане выступления в 1826 г. и, очевидно, ряд предложений о важнейших конкретных мероприятиях. В числе вопросов принципиального значения был, возможно, и перечень тех «отмен» в составе «Русской Правды», на которые соглашалась Васильковская управа перед лицом приближающегося выступления, чтобы в южном конституционном проекте, с некоторыми, впрочем, «отменами», получить столь необходимый для начала действий документ революционного законодательства.

Юшневский показывал следствию, что Пестель потому согласился ввести Сергея Муравьева в Директорию, что «боялся его силы». Это свидетельство надо учитывать, оно говорит о значительной активности Сергея Муравьева. Вместе с тем перед лицом приближающихся решительных событий Пестель предполагал заменить в составе Директории колеблющегося Юшневского решительным, энергичным и всецело стоящим на линии Пестеля Барятинским. Организатором этой внутренней перестройки руководства Южного общества и подготовки его к практическим дейст-

виям явился тот же Барятинский. В октябре он привез от Пестеля Юшневскому записку «о наименовании Сергея Муравьева третьим начальником». Воспротивившись проекту Пестеля, Юшневский выдвинул четвертым директором Давыдова («Юшневский, опасаясь властолюбия Муравьева, отвечал, что он на сие не иначе согласится, как с назначением в четвертое лицо сего правления Давыдова, которого правила ему были известны»). Сам Юшневский стремился истолковать свою позицию в этом вопросе как доказательство полного отстранения от дел общества: Барятинский покажет, утверждает он, «если только захочет быть откровенен, что когда привез он мне записку от Пестеля о наименовании Сергея Муравьева третьим начальником, я говорил ему, что желал бы оставить мое звание, которое лучше меня исполнять может полковник Давыдов» [22].

Слабый протест Юшневского не помешал Пестелю привести свое намерение в исполнение. «Смешно, говорил я, — так передает Пестель свои переговоры с Юшневским, — что он (Сергей Муравьев. — *М. Н.*) не в числе председателей, когда его управа гораздо значительнее и сильнее обеих других вместе, — да и ради нашей ответственности перед Союзом: ибо Васильковская управа гораздо независимее прочих действует, надо, чтобы Сергей Муравьев принадлежал к Директории. Юшневский согласился на то и тогда был Сергей Муравьев к Директории приобщен». Заметим, что эти слова показывают, что Пестель активно участвовал в делах общества в роли руководителя [23].

В том же письме, в котором Юшневскому сообщалось о Сергее Муравьеве как о третьем члене Южной директории, содержалось еще одно важное известие: Барятинский назначался председателем Тульчинской управы. Пестель уходил с этого ответственнейшего поста, который занимал еще в Союзе Благоденствия и которого не покидал в течение всего времени существования Южного общества, — немногим менее пяти лет. Барятинский этим самым становился на ответственнейший пост, и от его деятельности в значительной мере ставилось в зависимость сохранение централизации руководства. Пестель относит назначение Барятинского председателем Тульчинской управы к ноябрю 1825 г. Сам Барятинский в показаниях на следствии не дает датировки, но Бобрищев-Пушкин 2-й, показания которого вообще отличаются точностью, свидетельствует: «Князь Барятинский точно был сделан Пестелем начальником Тульчинской управы в половине ноября 1825 года». На эту дату и приходится опираться как на наиболее достоверную. Таким образом, Барятинского выбрали председателем Тульчинской управы совсем незадолго до смерти Александра I [24].

Барятинский получил от Пестеля наставления держать центр Южного общества в боевой готовности — «поддерживать дух» в членах, говорить с ними чаще о делах общества и для того собирать их «по нескольку», а главное устроить «коммуникацию» между Тульчином и Линцами, где квартировал Пестель. Барятинский показывает, что «все сие исполнил». Это свидетельство — краткое, но выразительное — вошло и в «силу вины» Барятинского.

Важность Тульчинской управы и председательствования в ней Барятинского отмечена тою же «силой вины», где написано: «Барятинского называют деятельнейшим членом, который как председатель Тульчинской управы был весьма силен по обществу» [25].

Мы увидим далее, что Барятинский, кроме указанных в «силе вины» поручений, важность которых не подлежит сомнению, имел задания еще более важные.

Самостоятельность действий Барятинского отмечена в показаниях Юшневского: «...Барятинский, живший в одном со мною городе, как пред-

седатель Тульчинской управы, действовал сам собой...», — показывает он. Юшневский, как член Директории, по просьбе Пестеля известил членов Тульчинской управы о назначении Барятинского начальником: он показывает, что сначала хотел это сделать через Бобрищева-Пушкина 1-го, не являвшегося обитателем Тульчина (он жил в Кирнасовке), а потом объявил об этом через доктора Вольфа, старого члена общества, постоянно находившегося в Тульчине при главной квартире второй армии. Позже, как показывает сам Барятинский, и Пестель «приехал в Тульчин и объявил всем членам мое назначение» [26].

В половине ноября положение уже было особо тревожным. С того момента как стал известен донос Бошняка и провокационный характер предложения графа Витта, можно было с минуты на минуту ждать начала арестов. «После сношения с Бошняком находились мы в беспрестанном опасении», — показывает Пестель.

Донос Бошняка и письмо Витта сосредоточивали внимание декабристов на фигуре начальника штаба армии — П. Д. Киселеве. Именно он должен был, как предполагалось, получить запрос, связанный с доносами, и держать ответ перед императором по вопросам, связанным с тайным обществом. А известно было Киселеву более, чем достаточно. Поэтому одной из очередных задач руководства Барятинским Тульчинской управой была слежка за штабом армии — «главной квартирой», в особенности за Киселевым. Малейший признак того, что правительство принимает меры, что скоро начнутся аресты, уже должен был явиться сигналом к началу «решительных действий». Киселев ни на минуту не уходил из поля внимания Барятинского. «Арестование главной квартиры» в начале действий было, согласно мнению Пестеля, обязательным действием в начале восстания. Поэтому и надо было внимательнейшим образом следить за главной квартирой и не «выпускать из виду» ее движений [27].

Но события резко изменили свой ход в середине ноября 1825 г.

4

В штабе второй армии среди высшего начальства в середине ноября началась подозрительная суета. Из Таганрога, где в то время пребывал император, фельдъегерь спешно привез какие-то секретнейшие бумаги в 4-ю дивизию, где в то время находился П. Д. Киселев. Получив бумаги, последний спешно выехал навстречу возвращавшемуся в то время из отсутствия главнокомандующему Витгенштейну, не дожидаясь его прибытия в Тульчин. Встретив его на дороге и о чем-то переговорив, Киселев «поехал далее, но тогда не было известно, куды». Приехав в Тульчин, главнокомандующий «казался очень пасмурен» и никому ничего не говорил. Все это понималось декабристами как признак того, что момент правительственных действий наступил, общество открыто, Киселев приступил к своему делу... Молодой Витгенштейн, член общества, принятый Барятинским, был использован для осведомления. От отца ему, видимо, ничего не удалось узнать, но с Киселевым он успел бегло поговорить и уловить в его полуответах на вопрос «что случилось?» загадочную фразу «Nous aurons beaucoup de fils à retordre» *. Фраза еще раз подтвердила подозрения, — казалось, наступил момент решительных действий [28].

Барятинский поспешил послать к Пестелю в Линцы с известием обо всем происходящем надежнейшего члена Тульчинской управы Крюкова 2-го. Вместе с предположением об «открытии» общества правительством Барятинский поручил Крюкову 2-му сообщить Пестелю о полной готов-

* Франц.: «Много нитей нам придется распутать».

ности членов Тульчинской управы к ответному выступлению: «Все свицкие офицеры пылают ревностью к цели общества». Вопрос об усилении личного состава управы принимал в создавшихся обстоятельствах особую остроту, поэтому Барятинский поручал также довести до сведения Пестеля, что «скоро примутся в члены... квартирмейстерской части поручик Леман, инженерный капитан Семенов и может быть доктор Шлегель». Кроме этого, Крюков должен был передать Пестелю «дабы он постарался склонить генерал-майора Кальма на принятие в члены полковника Васильевского, который был ему знаком»[29].

Любопытный штрих предусмотрительности Барятинского: он поручил Крюкову 2-му предостеречь Пестеля, чтобы он «опасался говорить в комнате, когда открыта труба». Насчет Лемана в показания Крюкова 2-го вкралась неточность — может быть, и сознательная для следственной комиссии. Леман был принят в общество самим Пестелем в августе 1825 г. Речь шла о Лемане, повидимому, в другом смысле: Барятинский хотел ехать в местечко Немирово, где проживали вновь принятые члены Мартынов и Леман, и лично сговориться с ними, как удобнее установить через Немирово коммуникацию с Линцами, чтобы можно было посылать Пестелю известия, не вызывая подозрений начальства. Вопрос о коммуникации стоял действительно очень остро: в начинавшееся тревожное время действий по обществу она должна была быть непрерывной, а частые отлучки офицеров подавали повод к подозрению[30].

Из соображений конспирации Крюков 2-й отпросился у начальника киевской съемки, под командованием которого состоял, в Немирово, откуда он уже без разрешения должен был отправиться в Линцы. В тех же целях Крюков 2-й доехал на своих лошадях лишь до Брацлава и оттуда на перекладных прибыл в Линцы «часу в 11-м пополудни»[31].

Крюков доложил Пестелю (при нем в этот момент находился его верный секретарь Н. И. Лорер) обо всем замеченном в «главной квартире». Казалось, сомнений не было — общество открыто и в ближайшие дни должны были начаться аресты. Следовало тотчас предупредить всех начальников управ, в первую очередь Сергея Муравьева-Апостола. Это очень рискованное поручение Крюков самоотверженно взял на себя и спешно выехал в Васильков с письмом Пестеля к С. Муравьеву.

Самый факт извещения С. Муравьева вновь говорит, что Пестель до конца оставался главным руководителем Южного общества. Крюков обязался привезти Пестелю сообщение о планах Муравьева. Близкая опасность и неотложная необходимость действовать возбудили активность Пестеля.

Крюков приехал к С. Муравьеву на следующий день, «часу во втором пополуночи». У Муравьева он застал Бестужева-Рюмина и Матвея Муравьева-Апостола[32].

С. Муравьев просил передать Пестелю, что остается на стороне прежнего принятого в августе «Плана действий», согласованного и с Трубецким, но что в случае необходимости он готов выступить и раньше. Он подчеркивал при этом свою готовность выступить, о чем говорят как сдержанное свидетельство Крюкова 2-го, так и показание Бобрищева-Пушкина 1-го, сделанное со слов Крюкова. От Муравьевых и Бестужева Крюков узнал, «что судя по известиям, недавно полученным, кажется, нельзя было предположить никакой опасности, что, напротив того, все идет очень хорошо. Что у них все уже совершенно готово к начатию возмутительных действий, которые предположено было открыть в мае 1826 года, когда войска выступят в лагерь; что если нужно будет, то начнут и прежде; что если правительство начнет арестовывать тульчинских чле-

нов, т о г д а п у с т ь д а д у т и м з н а т ь о с е м; что у них готовы 12 или 15 человек, решившихся на все, что им прикажут, и что теперь Бестужев едет в Бобруйск, но что если Пестель уведомит его о необходимости начинать, то он отправится сперва, кажется, в 8 дивизию, а оттуда во 2-й, кажется, корпус» [33].

В этом рассказе необходимо комментировать сообщение о готовых на все «12 или 15 человек» и о 8-й дивизии, — речь идет, конечно, о членах Общества соединенных славян. Список согласившихся на цареубийство славян находился у Бестужева, как указывалось, уже в половине сентября [34].

Бобрищев-Пушкин 1-й добавляет со слов Крюкова 2-го, с которым он увиделся тотчас по его возвращении в Тульчин, выразительную сцену из того же свидания с С. Муравьевым. «Он (Крюков 2-й.— *М. Н.*) мне сказал..„ что Муравьев этот в таком расположении, что хоть сей час в поле. Что сказал ему: «У нас ничего не бойтесь, — говорите все при всех, я вам это докажу». После чего вывел его перед какую-то команду и спросил: «Ребята! Пойдете за мной, куда ни захочу?» — «Куда угодно ваше высокоблагородие»».

Вероятно, к этому времени и относится важнейшее и доселе ускользавшее от исследователей революционное назначение Сергея Муравьева.

В составе следственного дела Артамона Муравьева есть замечательное свидетельство — показание об одном важном документе, данном Пестелем Сергею Муравьеву-Апостолу. Артамон Муравьев показал, что видел у Сергея Муравьева записку — «назначение его в Главноначальствующие и Бестужева над войсками в обитаемом ими крае. Писана она была Пестелем, причиною сего назначения дает большие его занятия». Об этой записке Артамон Муравьев говорит еще один раз: «Сергей Муравьев, показав мне записку Пестеля о его с Бестужевым назначении в какие-то Главноначальствующие...».

Как же объяснить это загадочное свидетельство? В каких условиях мог возникнуть документ, написанный лично Пестелем, о назначении Сергея Муравьева каким-то главнокомандующим («Главноначальствующим»)? Мы не имеем ни одного аналогичного показания о подобных же документах, адресованных другим декабристам, хотя, безусловно, многие из них имели соответствующие военные назначения в большом плане предполагаемого переворота. В этом большом плане Сергей Муравьев-Апостол должен был действовать не в «обитаемом им крае», а двигаться во главе восставших войск на Москву и Петербург. Следовательно, интересующий нас документ еще не мог возникнуть летом 1825 г., когда роль Сергея Муравьева определялась иначе. Датировке документа помогают данные, содержащиеся в том же показании. Если основываться на них, то Артамон Муравьев видел документ у С. Муравьева-Апостола в Василькове в те дни, когда был у него вместе с ротмистром Семичевым, ехавшим к брату в десятидневный отпуск. Из отпуска Семичев, как мы узнаем из дальнейшего текста, вернулся примерно между 6 и 8 декабря, следовательно, к Муравьеву-Апостолу они заезжали в последних числах ноября 1825 г. Учитывая тревожную обстановку, создавшуюся в период междуцарствия, и ожидание Пестелем ареста, мы можем с известной долей вероятности предположить, что Пестель в ноябре дал письменные полномочия Сергею Муравьеву на руководящие действия в обществе в случае своего ареста. Этот документ, разумеется, до нас не дошедший, и является существенным соединительным звеном между Пестелем — главой Южного общества — и восстанием Черниговского полка; этого звена до сих пор сильно недоставало при изучении вопроса о самом последнем периоде работы Южного общества.

Получив в Васильковской управе письма к Пестелю и две бумаги «об успехах общества» (о них будет речь дальше), Крюков 2-й возвратился к Пестелю в Линцы.

В его отсутствие Пестель получил от С. Г. Волконского письмо, содержавшее новость, поразившую всех, как громом, и повелительно продиктовавшую новый поворот в плане действий. Это была весть о внезапной смерти Александра I.

5

Заболевание Александра I (повидимому, тяжелая форма малярии) приобрело тревожный характер в первых числах ноября. Вскоре о тяжелой болезни царя было извещено высшее начальство, в частности, в Одессе и штабе второй армии. В Тульчине и началась в середине ноября та суета, о которой говорилось выше и которая была ошибочно принята Барятинским и членами Тульчинской управы за доказательство «открытия» тайного общества.

Когда пришло известие и о неминуемом смертельном исходе болезни императора, декабристы узнали об этом через Волконского раньше, чем Тульчинский главный штаб получил официальное сообщение: Волконский перехватил эту весть в Умани через проезжавших фельдъегерей (документы вообще рисуют Умань важным информационным пунктом). В 6 часов вечера 15 ноября 1825 г.—за четыре дня до смерти Александра I — Волконский уже сообщал из Умани Киселеву о безнадежном характере заболевания императора.

Осведомленность Волконского обратила на себя внимание Следственного комитета. Возникло целое дело с характерным заголовком: «Дело о дошедших до комитета сведениях, что генерал-майор кн. Волконский рассказывал о болезни и о смерти блаженной памяти государя императора прежде, нежели о том и о другом происшествии были официальные известия». Это дело сохранило три интересных письма Волконского к Киселеву, пересланные последним в Петербург по запросу комитета. На вопрос же следствия Волконский ответил, что известия эти получил «через проезжавших из Таганрога в Варшаву фельдъегерей, а от кого именно — по незнанию их имен не могу объяснить» [35].

Александр I умер 19 ноября 1825 г. Весть об этом со значительной для того времени быстротой разнеслась повсюду. Волконский узнал об этом опять-таки раньше тульчинского начальства и немедленно известил Пестеля. Последний указывает, что майор Азовского полка Дрешерн (не член общества) доставил ему письмо Волконского, содержащее это известие, в Линцы. В показании Пестеля об этом дана и довольно точная датировка: «От к[нязя] Волконского узнал я 28 или 29 ноября о кончине государя императора чрез письмо, доставленное ко мне Азовского полка майором Дрешерном, который однакоже не был членом тайного Общества. Кроме известия о кончине государя императора не содержало письмо к[нязя] Волконского никакого другого извещения» (дата эта, впрочем, мало чем отличается от официальной) [36].

Смерть Александра I в корне меняла всю обстановку. Сразу рушился тщательно разработанный план действий соединившихся обществ. Действовать надо было иначе, причем медлить с выступлением не приходилось.

Стечение двух важнейших обстоятельств — открытие общества правительством, предполагаемое начало арестов, с одной стороны, и смерть императора, с другой, — прекращало все колебания. Наступил тот давно предвиденный Пестелем момент, когда самый «ход событий» делал вы-

ступление неотложным. Ранее, когда подобной ситуации еще не было и для восстания можно было назначить срок, основной момент революционной инициативы был в руках восставших. Теперь обстоятельства складывались иначе.

В новой обстановке Пестель создает новый конкретный план реального выступления и назначает его точный срок. Это план, носящий в следственном материале не вполне точное название «плана 1-го генваря 1826 г.».

Предпосылкой этого плана была твердая убежденность в необходимости совместного выступления Северного общества с Южным. Основная схема восстания, бывшая для Пестеля аксиомой, — обязательное совместное восстание севера и юга в создавшихся условиях, казалось, была обеспечена.

Позже ряд показаний объяснял точную дату «плана 1-го генваря 1826 г.» тем, что в это время Вятский полк должен был вступить в караул в штабе второй армии, т. е. в «главной квартире» — в Тульчине. Но Пестель в наиболее подробном показании о своем последнем плане, данном следствию в апреле 1826 г., с основанием опровергал эту условную связь: «Намерение арестовать главную квартиру не возникло в виде перемены плана Действия по получении известия о кончине государя императора, но всегда входило яко подробность в общее предначертание Революции, где бы оная ни началась: в Петербурге или в другом ли каком-нибудь месте. Удобнейшим случаем не могло в общих суждениях признаваемо быть то именно время, когда Вятский полк вступит в караул: ибо никто не мог наперед знать, какой полк будет в карауле находиться в то время, когда надлежать будет действие начать, и назначение времени к начатию действия никогда не подчинялось и не могло никогда подчиняться тому соображению, какой полк будет в карауле находиться». Это объяснение надо признать исчерпывающим. «Начатие действий» зависело от описанной выше большой ситуации, а не от того обстоятельства, какой полк назначен в караул. Большая же ситуация пока еще не определяла «начатия действий»: Пестель до конца понимал революцию как захват власти, а в обстановке конца ноября — начала декабря захват власти мог реализоваться только в Петербурге. Но создавшиеся обстоятельства могли вырвать из рук революционеров инициативу и в случае начавшихся арестов п р и н у д и т ь к южному выступлению.

4 декабря 1825 г. Пестель отправился на свидание с Каменской управой, виделся с Волконским и Давыдовым и определил план. «В начале декабря, когда виделся с к[нязем] Волконским и Давыдовым, тогда имели мы две причины рассуждать о могущей последовать необходимости к скорому начатию действия. Во-первых, по случаю какого-нибудь смятения, а во-вторых, для собственной обороны, ежели действительно общество открыто будет и где-нибудь действие начнется». Второй вариант носил не наступательный, а оборонительный характер, и Пестель в своем последнем плане продолжал считать наиболее желательным такой поворот, когда захват власти начался бы в Петербурге: «Рассуждали мы также при том и о том, что ежели обстоятельства нас не вынудят начать действия, то мы будем продолжать истинно-удобного времени дожидаться, дабы не иначе начинать как вместе с Петербургом и при объявлении чрез Сенат нового правления». Этот момент (когда-то вызывавший возражения Сергея Муравьева, осведомленного лишь о майском плане выступления на царском смотру 1826 г.) был ему в качестве практического решения ближайшего времени еще не известен, как и весь новый план Пестеля, окончательно обсужденный лишь 4 декабря 1825 г. в Каменской управе. Пестеля это тревожило, и он обязал Волконского и Давыдова

«снестись с Сергеем Муравьевым, дабы по случаю тогдашних обстоятельств он не начал бы неосторожно» [37].

Итак, и в последнем плане Пестеля действие в Петербурге было решающим, потому что там осуществлялся захват власти. Выступление же на юге в ответ на восстание в столице должен был, согласно этому наступательному варианту плана Пестеля, начать Вятский полк. Пестель называл при этом январь не по признаку вступления полка в караул в Тульчине — в штабе армии (что само по себе, конечно, было благоприятным моментом), а потому, что январь казался ему правдоподобным сроком полного общего уяснения ситуации. Он очень ясно показывает об этом: «О действии же Вятского полка было говорено не потому, что подчиняли начатие действий прибытию полка, но потому, что ожидали в генваре развязки критических тогдашних наших сомнений и недоумений и что Вятскому полку был назначен караул в Тульчине в сем же месяце: ибо ежели бы обстоятельства нас вынудили начать действия и мы бы успели начать, то надобно бы было уже действовать теми способами, коими бы овладеть могли».

Соединяя далее конкретные детали, указываемые в том же показании самим Пестелем, а также другие его показания и показания членов, осведомленных о последнем плане Пестеля, мы получаем следующую общую картину предполагавшихся действий.

Почин восстания на юге принадлежит Пестелю во главе Вятского пехотного полка. Вятский полк идет в Тульчин, где происходит арест главной квартиры. Тульчинские члены должны «пристать к Вятскому полку» [38].

Тут имелись в виду не только Барятинский, Крюковы и другие члены, но и ряд находившихся на непосредственной штабной службе других членов общества, например состоявший при штабе полковник Враницкий (чех), — в его распоряжении была бы квартирмейстерская часть. Арест главного штаба армии, т. е. Витгенштейна, Киселева (если Киселев не «пристанет» к восставшим!), является сигналом к восстанию для других воинских частей. Размах этого восстания рисовался Пестелю необычайно широким: сейчас же вслед за этим восставала Васильковская управа и все — очень значительное — количество связанных с нею полков. Рассчитывали на Черниговский пехотный (Сергей Муравьев-Апостол), Полтавский пехотный (полковник Тизенгаузен, Бестужев-Рюмин), Алексопольский пехотный и, может быть, Саратовский пехотный (Повало-Швейковский), Ахтырский гусарский (Артамон Муравьев), возможно, Александрийский гусарский (была надежда на А. З. Муравьева, полковника, командира полка, связанного с Муравьевыми родственными связями). Далее восставали артиллерийские части, где работали «славяне», Пензенский пехотный полк (капитан Тютчев) и некоторые другие — всего, по подсчетам Сергея Муравьева, около 70 тыс. человек. Мощность «левого фланга», располагавшего не только большим количеством пехоты, но конницей и артиллерией, была вне сомнений. Одновременно восставал бы «правый фланг» общества с Волконским во главе (19-я дивизия). Арест главной квартиры, естественно, парализовал бы главное командование второй армии. Это создало бы благоприятную обстановку для присоединения к восставшим многочисленных воинских частей второй армии, а затем, вероятно, и первой. На выявление общего «недовольства» в армии декабристы прочно рассчитывали. По планам выступления, огромная часть Украины сразу оказалась бы охваченной пламенем военного восстания. Но это было лишь частью грандиозного плана. Далее Давыдов должен был «броситься в поселения» (лично Пестель сохранял еще известную надежду на честные намерения Витта — может быть, и Витт мог бы «пристать»...).

Важным моментом плана являлось освобождение из тюрьмы майора В. Ф. Раевского, арестованного еще в 1822 г. и заключенного в Тираспольскую крепость; он был чрезвычайно популярен среди солдат и мог бы, конечно, сыграть большую роль в восстании, имея связи с 16-й дивизией. Наконец, надеждой южного восстания было одновременное выступление Ермолова на Кавказе, на которое Пестель продолжал рассчитывать. Осколок этой части плана — последнее поручение, данное Пестелем Крюкову 2-му, о котором тот показывает: «просить Юшневского, дабы он как можно постарался принять в члены Тимковского..., который будто бы принадлежал к Тайному обществу Ермоловскому». Если представить себе план Пестеля осуществившимся в предполагаемых грандиозных размерах, то весь юг России — от западных границ Украины до Кавказа — был бы объят пламенем восстания, отвечающего восстанию в Петербурге, за которым остается почин. В центре этого восстания в начальный момент стоял бы Пестель, и штабом восстания некоторое время предполагался бы Тульчин. Но далее, когда силы восстания уже пришли бы в движение, Пестель передавал командование Вятским полком Лореру, а сам ехал бы в Петербург вместе с Барятинским [39].

Смысл этой предполагаемой поездки совершенно ясен: главное в восстании — захват власти совершался бы в столице, тут и нужен был бы Пестель. Влияние восставшего юга было лишь огромной силы давлением на центральную власть, вопрос о которой должен был решиться в Петербурге [40].

С. Муравьев-Апостол о принятом плане выступать «1-го генваря» предупрежден не был: «О предполагаемом действии Вятского пехотного полка в начале 1826 года и арестовании главной квартиры 2 армии я не был извещен и слышу в первой раз», — удивленно отвечает он на вопрос Следственного комитета 31 января 1826 г. Не знали об этом плане ни Бестужев-Рюмин, ни Матвей Муравьев-Апостол. Этот момент немаловажен в общей картине начала восстания Черниговского полка [41].

Принятый план немедленно возлагал ряд конкретных поручений на его участников. Большое стратегическое значение приобретала Тульчинская управа с Барятинским во главе. Если бы Вятскому полку пришлось выступить, не дождавшись того срока, когда его дежурство в тульчинском карауле полностью законспирировало бы его движение в Тульчин, то короткий период между его самовольным выходом из Линцов и прибытием в Тульчин мог бы дать возможность главному штабу приготовиться к отпору «мятежникам» и подавить восстание в самом его зародыше. Важнейшей задачей Барятинского было неусыпное наблюдение за главным штабом. Наблюдение облегчалось для него званием адъютанта Витгенштейна, — его присутствие в штабе не могло вызвать ничьих подозрений. Правда, уже замеченное Барятинским охлаждение к нему Витгенштейна несколько осложняло картину. В связи с этим было необходимо наметить еще какой-либо прочный наблюдательный пункт, и им была избрана квартира другого адъютанта Витгенштейна — Горленко, женатого на племяннице жены Витгенштейна. Через последнюю, бывшую в дружбе с Барятинским и рядом других декабристов, тянулась нить к самому Витгенштейну и открывалась легкая возможность узнать такие вещи, о которых нельзя было узнать другим способом.

Бобрищев-Пушкин 1-й показывает, что Барятинскому и тульчинским членам Пестель поручил наблюдать за главной квартирой, чтобы она как-нибудь не выскользнула из их рук, — «чтобы его сиятельство главнокомандующий и господин начальник штаба не скрылись и тайком не уехали и что в таком случае за проглядку мы будем отвечать головою». На случай выступления Тульчинской управы Пестель дал Крюкову 2-му

духовое ружье. Пестель показывает, что оно имело особое назначение: и его легко было спрятать, и оно могло сыграть роль при предполагавшемся освобождении майора В. Ф. Раевского. Освободить последнего Пестель полагал необходимым: «Ежели бы действительно мы нашлись в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского, находившегося тогда в Тирасполе, в корпусной квартире генерала Сабанеева...» [42].

6

Другой важнейшей задачей стало сохранение «Русской Правды», — в свете принятого Пестелем военного плана оно принимает особый и значительный смысл.

Сохранение «Русской Правды» было обязательной предпосылкой проведения южной программы при победе революции. Стоило погибнуть «Русской Правде» — и погибла бы, по мнению Пестеля, самая возможность успеха революционного действия, обеспечение захвата власти, прочность этого захвата. «Русскую Правду» нужно было сохранить во что бы то ни стало: ведь ее нужно было издать вместе с манифестом о низвержении старого правительства и о вступлении в деятельность временного верховного правления как наказ последнему или же — если на худой конец победит северная идея учредительного собрания — представить ее последнему как проект. Рукопись Пестеля приобретала в этих обстоятельствах остро-практическое значение. Хранить ее при себе, в Линцах, когда каждую минуту мог нагрянуть обыск или арест, было очень опасно. Надо было спрятать ее в надежном месте, чтобы потом, выждав события, в нужный момент отвезти ее в Петербург. Сохранение «Русской Правды» имело, таким образом, самую непосредственную связь с принятым планом восстания.

Таким надежным местом хранения «Русской Правды» было первоначально намечено местечко Немирово, находившееся в 30 верстах от Тульчина, а хранителем выбран был убежденный республиканец майор Мартынов, принятый Заикиным в общество в мае 1825 г. Мартынов уже несколько лет страдал водяной болезнью и жил в Немирове для лечения, — начальство легко могло упустить из поля внимания больного старика, и «Русская Правда» могла находиться у него некоторое время в полной безопасности. Николай Крюков взял «Русскую Правду» и еще две бумаги, полученные им от С. Муравьева-Апостола, отвез в Немирово и оставил их у Мартынова под видом «собственных книг». Это происходило еще в ноябрьские дни, до смерти Александра I. Крюков в этой поездке разминулся со вторым посланным Барятинского — подпоручиком квартирмейстерской части Н. Заикиным, ехавшим к Пестелю с известиями о смертельном характере болезни императора. К этому сообщению Заикин должен был добавить, «что господин начальник штаба Киселев отправились в Таганрог, приказав за собою следовать доктору Шлегелю, что генерал от инфантерии господин Сабанеев командования шестым корпусом не принимает, и граф Воронцов, получив какие-то важные бумаги чрез курьера, отправился тотчас в Таганрог». Пестель, таким образом, был информирован о болезни императора и Волконским и Барятинским [43].

Пестель был в тот момент в состоянии напряженного ожидания ареста. Услышав стук Заикина в дверь, он открыл ему и с облегчением сказал Лореру: «Нет! Это — наш, а я всякую минуту ожидаю, что меня идут хватать». И прибавил значительные слова: «Пусть берут — теперь уже поздно!».

Он был в тот момент уверен: события уже таковы, что хода их остановить ничто не может.

Поручив Заикину известить членов о заболевании царя, Пестель велел ему взять у майора Мартынова «Русскую Правду», чтобы спрятать ее еще надежнее [44].

Сейчас же вслед за Заикиным Барятинский послал к Пестелю третьего вестника — Загорецкого с известием о смерти Александра I. Загорецкий в целях конспирации должен был доехать только до Немирова и передать сообщение Леману, а тот — отвезти его Пестелю. Узнав в Немирове, что Пестель уже знает о смерти царя из письма Волконского, Загорецкий вернулся обратно [45].

Вернемся и мы несколько обратно, чтобы подробнее остановиться на судьбе «бумаг Пестеля» — «Русской Правды» и двух таинственных бумаг, полученных от С. Муравьева-Апостола. Прежде всего, что это были за две бумаги? В литературе о декабристах нигде нет исследования этого вопроса и бумаги считаются совершенно неизвестными. В делах декабристов также нигде нет выводов следствия на эту тему. Между тем, собрав весь материал высказываний об этих бумагах в следственных делах и сопоставив его с рядом известных фактов, можно, как нам кажется, с полнейшей точностью установить, о каких именно бумагах идет речь [46].

В первую очередь отметим, что эти две таинственные бумаги все время фигурируют в делах как бумаги об «успехах общества». Бестужев-Рюмин посылает их Пестелю с Крюковым 2-м для сведения, так как они заключают важные сообщения. Бестужев послал их в копиях, сохранив у себя подлинник. Пестель также сохранил у себя копии,— секретарь Пестеля майор Лорер вновь скопировал их для отправки Барятинскому. Из этого опять-таки видно, что бумаги имели практическое значение. Крюков 2-й определяет содержание бумаг с большой точностью: «В одной извещалось о принятии новых членов и духе солдат, а в другой советовалось подать начальству мнение о исправлении артиллерийских снарядов». Пестель сначала дал об этих бумагах довольно глухой ответ: «Сии две записки прислал ко мне Бестужев через Крюкова 2-го в доказательство усердия и деятельности приобщенных им к нашему обществу членов Соединенных славян, артиллерийских офицеров. Одна долженствовала быть отдана адъютанту начальника артиллерии 3 корпуса. Чьи же имена намекались в другой записке, мне сообщено не было». Конечно, Следственный комитет не удовлетворился столь туманным, а в последней части и явно неправдоподобным ответом (зачем же было посылать список неизвестных лиц в Тульчинскую управу?). На второй запрос Пестель не без горькой иронии ответил, что если «Русская Правда» разыскана, то ведь и эти две бумаги, бывшие с ней, разысканы,— нечего, мол, спрашивать, если бумаги у вас в руках. Бумаг же в руках комиссии еще не было. В третий раз Пестель вновь отговорился тем, что имена славян, писавших бумаги, он запамятовал. Концы всего этого, как и следует ожидать, находятся в делах славян и в «Записках» об их обществе,— оба источника в данном случае свидетельствуют об одном и том же.

Оба письма были отправлены славянами Бестужеву-Рюмину в конце октября одновременно. Передавал их Бестужеву член Общества соединенных славян Андреевич 2-й, который в то время был командирован в Киевский арсенал для черчения планов и использовал свою служебную поездку для свидания с Бестужевым. Одно письмо было от Горбачевского, который был избран при соединении обоих обществ в «посредники» и должен был рапортовать Бестужеву о состоянии Славянской управы,— это письмо не носило частного характера. Другое письмо было написано Петром Борисовым.

Вот что написано о содержании этих двух писем в так называемых «Записках Горбачевского»: «В конце октября месяца командирован был начальством Андреевич 2-й в киевский арсенал для черчения планов. Горбачевский послал с ним письмо к Бестужеву, где описывал действия славян на нижних чинов, готовность их к восстанию и принятие новых членов. В сем письме успехи славян нисколько не были преувеличены: они желали чистосердечно переворота, потому действовали смело и были уверены в скором исполнении их желаний. Тут же было приложено мнение Петра Борисова относительно приготовления артиллерии и переделки снарядов: он предложил управляющему обществами найти способы внушить начальству чрез кого-нибудь из близких к оному мысль об отдании приказа по корпусу насчет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие по крайней мере в тех ротах артиллерии, где находятся члены общества». К этому месту в «Записках» Славянского общества сделано следующее важное примечание: «В артиллерийские роты для практических учений порох и снаряды принимались всякий год в Киеве и расходовались во время лагеря. Между тем, по небрежению ротных командиров, заряды, находящиеся в ящиках, никогда не переменялись. Это делалось почти везде, и Борисов, будучи в сражении против горцев с бригадою, которая перешла на Кавказ из первой армии и пошла тотчас в действие, не успев переменить и осмотреть снарядов, и будучи свидетелем неудачного действия гранат, брандскугелей и картеч, боялся чтобы сего не случилось и при восстании». Заметим, что оба эти письма крайне характерны для славян, практически подходивших к вопросам восстания. Характерно также, что никто, кроме славян, даже Пестель, не вспомнили об особенностях зарядов в артиллерийских частях и не позаботились об их проверке.

Пестель счел очень важным это предложение славян, — его необходимо было передать в Тирасполь адъютанту начальника артиллерии 3-го корпуса. Бобрищев-Пушкин 1-й сообщает о содержании письма Горбачевского: там «было написано, что эти господа (т. е. славяне, *—М. Н.)* насилу могут удержать остервенение солдат».

Итак, Крюков 2-й отвез майору Мартынову в Немирово еще письмо П. Борисова и письмо И. Горбачевского. Эти бумаги содержали практически важные сведения, их нужно было осторожно переправить в Тульчинскую управу к Барятинскому [47].

Мы помним, что эти бумаги вместе с «Русской Правдой» Крюков 2-й забрал в Немирове и оставил все вместе у майора Мартынова под видом «собственных книг». «Русская Правда», очевидно, в Линцах перед отправкой в Немирово была зашита в полотно, по которому надписано было «Логарифмы». Сдана она была Мартынову с приложением двух, отдельно от нее сложенных бумаг. Мы помним далее, что Заикин, уезжая из Линцов от Пестеля, заехал к Мартынову в Немирово и взял «Логарифмы», чтобы отвезти в Тульчин. Тут «Русскую Правду» зашили в подушку, вероятно, огромную, так как рукопись очень объемиста. Зашивали ее Заикин и Леман, об этом имеется свидетельство младшего брата Заикина — Федора [48].

Зашитая в подушку «Русская Правда» приехала в Тульчин к Барятинскому и, видимо, пробыла там некоторое время. Ища для нее более безопасного места, Барятинский наметил для ее хранения село Кирнасовку и поручил «Русскую Правду» жившим там Заикину и Бобрищевым-Пушкиным. Судя по делу Бобрищева-Пушкина 2-го, которому не противоречат показания Федора Заикина, «Русскую Правду» привезли в Кирнасовку не позже 5 декабря вместе с двумя славянскими бумагами. Заикин и Бобрищев-Пушкин 2-й зашили «Русскую Правду» в клеенку и зарыли

ее «в пол» хаты, в которой квартировали. Это было доведено до сведения Барятинского, который, видимо, счел убежище безопасным[49].

В Тульчин из Линцов от Пестеля между тем приходил «Пестелев человек» к Барятинскому справиться о бумагах Пестеля, и Барятинский ответил ему, что бумаги в полной безопасности, чтобы Пестель не беспокоился.

«Пестелев человек» — денщик Савенко — проявил, как уже упоминалось, исключительную стойкость: он знал тайну, которой упорно добивался Следственный комитет, — знал, что бумаги Пестеля находились в Тульчине и что о местопребывании их знает Барятинский. Он подвергался длинным мучительным допросам и, вероятно, истязаниям и все-таки не выдал тайны. Бобрищев-Пушкин даже написал удивленно в ответе: «О человеке сем никак я не думал, чтобы при допросе не показал он этого случая, хотя меня и раза три уверяли в его верности» [50].

7

Около 6 декабря Вятский полк присягнул новому императору Константину. Никаких известий о «начатии действий» на севере не было, никаких арестов — тоже. Сигналы к выступлению, стало быть, отсутствовали. Показалось только крайне подозрительным то обстоятельство, что из Тульчина от главной квартиры почему-то прислан был адъютант для присутствия при присяге. Но более ничего тревожного не было. Присяга прошла спокойно. «Как теперь вижу Пестеля, мрачного, серьезного, со сложенными перстами поднятой руки...,— пишет в своих «Записках» Н. И. Лорер.— Мог ли я предполагать тогда, что в последний раз вижу его перед фронтом и что вскоре и совсем мы с ним расстанемся? В этот день все после присяги обедали у Пестеля, и обед прошел грустно, молчаливо, да и было отчего. На нас тяготела страшная неизвестность...» [51].

Тем временем в Тульчине и Кирнасовке разыгрывается борьба вокруг «бумаг Пестеля» — вокруг «Русской Правды». Ее хотят уничтожить как документ страшной уличающей силы члены общества, теряющие веру в успех восстания. Ее хотят сохранить как документ огромного практического значения те, кто верит в успех восстания. В эту борьбу вступает дотоле молчаливый Юшневский. Требование его коротко и определенно: немедленно сжечь «Русскую Правду». В свете принятого плана действий это требование означало и отказ от защиты программы: уничтожалась материальная предпосылка возможности издать «Русскую Правду» как наказ временному верховному правительству вместе с манифестом Сената. В то же время требование Юшневского было отказом от решительных действий. По вопросу о «Русской Правде» Юшневский вступает в борьбу с Барятинским, верным до конца Пестелю и принятому плану. Юшневский действует своим авторитетом члена Директории, отменяя приказ не члена Директории — председателя Тульчинской управы. Декабрист Аврамов послан в Кирнасовку со строгим приказом сжечь «Русскую Правду». В деле Бобрищева-Пушкина 1-го сохранились живые подробности о том, как Аврамов верхом примчался в Кирнасовку с приказом Юшневского. Полученный отпор показался ему подозрительным, — по крайней мере и он и Юшневский поняли после переговоров, что «Русскую Правду» не сожгут. Послан был поэтому другой гонец — более решительный и влиятельный в обществе доктор Вольф. Бобрищев-Пушкин 1-й показывает: «Барон Черкасов сказывал, что [к н]ему штаб-лекарь Вольф поспешно приехал и говорил. — «Я важную вещь имею вам сообщить, — скорее велите сжечь бумаги Пестеля». Но и на этот раз

приказ Юшневского не был выполнен. Он встретил отпор от кирнасовского обитателя и верного сторонника Пестеля Черкасова. «Барятинский за несколько до сего ден говорил нам, что Юшневский и Вольф потеряли головы и что полковник Пестель говорил Заикину, что сии бумаги только в крайнем случае жечь позволяется». Бобрищев-Пушкин 1-й тоже показывает, что приказ Юшневского «причина тому, что Вольф и особенно Юшневский потерялись и что крайней опасности еще нет» [52].

«Крайней опасности нет» явственно означало: революция еще может начаться и выиграть. Во имя этого и надо было беречь «Русскую Правду», как зеницу ока. Но, несмотря на настойчивость Юшневского, члены тайного общества, находившиеся в Кирнасовке, распустили слух, что бумаги Пестеля уже сожжены.

Важно, что после поездки Вольфа Юшневский уже верил, что «Русскую Правду» сожгли. При допросах это дало ему основание решительно утверждать, что «Русская Правда» вообще, собственно говоря, еще не была написана и что целью общества была «конституционная монархия». «Русская же Правда, как я и прежде объяснил, не была еще изготовлена», — показывает он. Напрашивается сопоставление показания Юшневского о «конституционной монархии» с показанием Заикина, хранителя «Русской Правды» в Кирнасовке: «Цель сего общества состояла в том, чтоб дать России Республиканскую конституцию силою оружия». Сохранивший «Русскую Правду» декабрист давал точное показание о содержании, декабрист же, полагавший, что «Русская Правда» уничтожена, давал нарочито неправильное, ослабляющее значение документа показание, рассчитывая не быть уличенным[53].

Между тем Тульчинская управа усилила работу по приему новых членов. Это дело сосредоточилось в руках Барятинского и велось им совершенно самостоятельно, вероятно, по согласованию с Пестелем. Следственные допросы показали, что Пестель не был осведомлен о приеме Горленко и Лачинова,—оба эти новые члена были приняты при непосредственном участии Барятинского вскоре после известия о смерти Александра I, т. е., вернее всего, в начале декабря. Горленко был принят непосредственно Барятинским, Лачинов — Крюковым 2-м и Черкасовым по указанию Барятинского. Близость выступления и острота создавшейся обстановки, очевидно, были причинами того, что вновь принимаемому сразу открывали секретнейшие стороны дела, целиком рассчитывая на него в предстоящих действиях и полностью ориентируя его в замыслах общества: люди были чрезвычайно нужны. Так, Лачинову в день приема сообщили о «Русской Правде» и о том, что она зарыта в Кирнасовке.

Прапорщик Юрасов, судя по показанию Крюкова 2-го, принят после известия о смерти императора. Вопрос о приеме Юрасова трагически осложнился его психическим заболеванием, и Тульчинская управа была очень озабочена этим, опасаясь, что Юрасов в состоянии «сумасшествия» может многое выдать или просто рассказать в бреду. Бобрищев-Пушкин 1-й показывает, что «Юрасовская история многих напугала». Юшневский на вопрос комитета ответил, что «едва ли не вступление в общество было причиной помешательства Юрасова в уме». Загорецкий был специально послан в больницу к Юрасову, чтобы удостовериться в его состоянии и выяснить степень грозящей опасности.

6 декабря в Кирнасовке была произведена присяга Константину, и Бобрищев-Пушкин 1-й и Заикин сейчас же после присяги поехали в Тульчин: чувствовалось, что присяга — важный момент, могущий повлиять на подготовку выступления; могли быть важные сообщения. 8 или 9 декабря мы видим Заикина вновь в Тульчине. Приехав после присяги, Боб-

рищев-Пушкин и Заикин сообщили Барятинскому, что славянские бумаги сожжены. Это в действительности произошло, но в этом не было для общества никакого ущерба, так как содержание их уже было известно, неоднократно скопировано, дошло до революционного штаба и было принято во внимание.

Около того же времени (повидимому, в непосредственной связи с присягой Константину) Барятинский принял в общество Семена Юшневского (младшего брата А. П. Юшневского) и Рынкевича со специальной целью иметь связных с Линцами. Пестель глухо показывает, что Рынкевич передал ему записку от Барятинского, где говорилось, что «податель Записки — член общества, мне важное известие сообщит». Известие, повидимому, состояло в сообщении о присяге Константину [54].

За несколько дней до рокового 13 декабря Пестель получил еще письмо от Волконского, «до действий общества касавшееся». Письмо передал капитан Фохт; Пестель уничтожил его в ближайшие же дни и на следствии кратко ответил комитету: «Сие письмо содержало род лексикона, составленного князем Волконским для дальнейшей переписки со мною». Но шифрованная переписка не удалась, — слишком быстро приблизилась роковая развязка.

В тот же самый день, 4 декабря 1825 г., когда Пестель приехал в Каменскую управу для свидания с Давыдовым и Волконским и выработки плана выступления «1-го генваря 1826 г.», в Таганроге, где находилось тело императора, начальник штаба И. И. Дибич писал донесение неведомо какому «его императорскому величеству в собственные руки» (подразумевался новый император Константин). В этом донесении новый император уведомлялся о доносах Шервуда, Витта и Майбороды. Дибич предполагал ввиду важности доносов «буде не получит других распоряжений» отправить «завтра» (т. е. 5 декабря) генерал-адъютанта Чернышева в Тульчин, «где он, откроясь одному Главнокомандующему, приступит к должным мерам для арестования полковника Пестеля и показанных бумаг».

10—12 декабря в Тульчин прибыли генерал-адъютанты П. Д. Киселев и А. И. Чернышев. Приезд их вызвал тревогу в революционном штабе. Вероятно, Тульчинская управа и тут нашла способ передать об этом Пестелю, по крайней мере «Записки» декабриста Лорера сохранили такие сведения. «Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля», — пишет Н. И. Лорер. Можно представить себе, какое огромное количество ценнейших документов погибло в эту ночь для историка движения декабристов. Очевидно, не случайно — по открывшимся подозрениям — начальство решило удалить из штаба Барятинского: его послали в Тирасполь под предлогом служебной командировки на чумную эпидемию. Однако сигналов к восстанию — первых арестов или сообщения о начале выступления на севере все еще не было [55].

Числа 12-го декабря в Вятском полку был получен приказ всем полковым командирам немедленно явиться в Тульчин. Бригадный командир Пестеля уговорился выехать с ним на следующий же день: «Чуя приближающуюся грозу, но не быв уверены совершенно в нашей гибели, мы долго доискивались в этот вечер какой-нибудь задней мысли, дурно скрытого намека в приказе по корпусу, но ничего не нашли особенного, — разве то, что имя Пестеля было повторено в нем три раза...», — пишет в «Записках» Н. И. Лорер. Но все-таки это еще не было принято за сигнал к выступлению.

Предчувствуя развязку, Пестель сказал бригадному командиру: «Я не еду, я болен... Скажите Киселеву, что я очень нездоров и не могу явиться...». Поездка в Тульчин была отложена. Чувствовалось, что в

тревожную ночь на 13 декабря Пестель то принимал, то вновь отбрасывал какое-то решение. В нем шла какая-то глухая внутренняя борьба [56].

Только что Лорер ушел от Пестеля, узнав, что он завтра не поедет в Тульчин, сказавшись больным, как ночью к нему спешно прибежал «пестелев человек» и вновь позвал его, извещая, что полковник сейчас едет в Тульчин. «Не постигая таких быстрых перемен, — пишет Лорер, — я наскоро оделся и побежал к полковнику. Пестель был уже одет по-дорожному, и коляска его стояла у крыльца...

— Я еду... Что будет, — то будет, — встретил он меня».

Заметим, что Пестель, приготовившись к отъезду в Тульчин, взял с собой яд. Еще во время кампании 1813 г. после Лейпцигского сражения яд был куплен Пестелем «за червонец» у аптекаря в Лейпциге, чтобы покончить с собой в случае тяжелого ранения. На этот раз яд был взят с другой целью: «Яд взял он с собою для того, чтобы, приняв оный, спасти себя насильственной смертью от пытки, которой опасался», — записано в протоколе Следственного комитета [57].

Предупредив Лорера, что, может быть, он с дороги пришлет ему записку, Пестель попрощался с ним. «Мы обнялись. Я проводил его до коляски и, встревоженный, возвратился в комнату... Свечи еще горели... кругом была мертвая тишина. Только гул колес отъехавшего экипажа дрожал в воздухе» [58].

Когда подъезжали к Тульчину, сопровождавший Пестеля денщик, как рассказывает Н. Лорер, еще издали увидел у заставы взвод кавалеристов с обнаженными саблями. Он сказал об этом Пестелю. Пестель успел будто бы написать ему какую-то записку и послать с верным слугой, но посланного перехватили на дороге и записку отняли. В официальных материалах эти обстоятельства отсутствуют.

У самого шлагбаума Пестеля остановили и передали приказ дежурного генерала второй армии — генерал-майора Байкова немедленно явиться к нему. Пестель повиновался. Байков объявил его арестованным и поместил у себя «на квартире», приставив караул.

Приказ о вызове Пестеля в Тульчин был послан ему для того, чтобы арестовать его вне дома и сделать у него обыск в Линцах в его отсутствие. Генерал-адъютанты Чернышев и Киселев уже принялись за обыски и следствие по полученным доносам. Найти «Русскую Правду» было их главнейшей целью. Искать ее по доносу Майбороды они были намерены в Тульчине. 13 декабря утром генерал-адъютанты выехали из Тульчина «в то самое время, когда въезжал туда полковник Пестель» [59].

Итак, первый арест по обществу произошел — сигнал к восстанию был дан. Но первый арест оказался арестом Пестеля. Из общества сразу был изъят именно тот, кто и думал дать сигнал о восстании. Никаких известий из Петербурга еще не было, и приказа о восстании пока не отдал никто.

8

Сомнения Пестеля, ехать или не ехать ему в Тульчин, были, повидимому, внешним проявлением более глубоких колебаний: начинать восстание или нет. Часто встречающееся в литературе замечание о том, что Пестель «не мог» принять участия в восстании, потому что был арестован накануне 14 декабря, требует комментария. Пестель не считал возможным выступить без Петербурга, — начинать должна была северная столица, «средоточие» властей. Революция представлялась для Пестеля прежде всего захватом власти. Но власть нельзя было захватить в Тульчине.

Только этим можно объяснить то, что выступление на юге не состоялось 13 декабря 1825 г. Но не добавить ли к этому — основному — соображению еще и внутренний кризис Пестеля? Нельзя отклонить этих соображений. Пестель мог бы попытаться дать приказ о начале восстания. Он не только предугадывал свой арест, но почти точно предвидел его дату. Он мог попытаться бежать из-под ареста — в условиях домашнего содержания в квартире дежурного генерала Байкова можно было сделать такую попытку. Он виделся, будучи под арестом, с Волконским, Юшневским, Шлегелем — членами организации. Ведь освободили же силой оружия арестованного Сергея Муравьева члены тайного общества. Но попытка А. Поджио уговорить Волконского выступить во главе восставшей части и освободить Пестеля силой оружия осталась без успеха.

Главная квартира в Тульчине узнала 23 декабря о присяге Николаю I, а следовательно, и о восстании 14 декабря. Пестель был увезен в Петербург через три дня. Он мог бы дать сигнал о восстании из-под ареста. Но он не сделал этого. Не потому ли, что он не верил в восстание одного юга и в создавшейся ситуации не считал возможным выступать без столицы, откуда и ждал сигнала к восстанию?

Арест Сергея Муравьева-Апостола, как известно, явился непосредственным поводом к восстанию Черниговского полка. Почему же арест Пестеля не явился таким же поводом для восстания хотя бы одного Вятского полка? Когда-то, в 1824 г., Пестель в разговоре с Поджио предполагал, что в случае ареста его, Пестеля, может освободить Барятинский. Едва ли Пестель, сообщая Барятинскому, Крюкову 2-му и другим членам Тульчинской управы планы действия при начале восстания, не учел возможности собственного ареста. Из слов, сказанных Пестелем при встрече с Заикиным, уже описанной выше («Нет,— это наш, а я всякую минуту ожидаю, что меня идут хватать»), ясно, что Пестель ожидал своего ареста. Нет сомнений, что какие-то директивы на этот счет им были даны. Также можно естественно предположить, что директивы эти были даны Барятинскому как председателю Тульчинской управы и были известны Волконскому и Давыдову. Однако ясно лишь одно: прямого приказа о выступлении в этих директивах, очевидно, не было.

Но Барятинский был в «командировке»—в чумном Тирасполе, окруженном карантинным кордоном, поэтому сношения с ним были крайне затруднены, если не вообще невозможны. Когда и как узнал он об аресте Пестеля — неизвестно, но печальная весть об аресте самого Барятинского очень скоро дошла до Тульчина. Барятинский был арестован гораздо позже Пестеля. Дата его ареста не установлена точно ни в документах, ни в исследованиях. Единственная известная нам попытка установить ее принадлежит Б. Л. Модзалевскому: он полагает (повидимому, основываясь на «Записках» Басаргина), что арест произошел 14 декабря 1825 г. Эта дата, как мы увидим ниже, неправильна. Основной опорой при определении даты ареста Барятинского является его показание о том, что его арестовали в конце декабря и что он в Тирасполе присягал Николаю I. Второй момент значительно важнее первого: арестованных к присяге не приводили. Точных сведений, когда имела место присяга Николаю I в Тирасполе, у нас нет, но она не могла, конечно, произойти ранее присяги главной квартиры в Тульчине. Между тем Тульчин узнал о присяге Николаю I лишь 23 декабря. Известна точная дата присяги Николаю I в Троянове — 26 декабря, 10 часов утра. Едва ли в Тирасполе она могла быть раньше Троянова. Все эти соображения заставляют нас предположить, что Барятинский был арестован во всяком случае не ранее 26 декабря, но и не позже 27-го. Рапорт генерал-адъютанта Чернышева и Киселева графу Витгенштейну, где говорится

о необходимости «ныне же отправить Барятинского в Петербург по важности открывшихся против него подозрений», несмотря на то, что его имени не упоминалось в первоначальном приказе военного министра, помечен 25 декабря. На этом же основании приходится отбросить показание А. Поджио о том, что он услышал об аресте Барятинского 21 декабря на обеде у Давыдова от приехавшего Волконского, который сообщил о первых арестах. 21 декабря ни о какой присяге Николаю I никто даже не знал, арест же Барятинского, как указано, произошел после присяги. Тут могла произойти легкая ошибка памяти: речь, возможно, была не об аресте самого Барятинского, а об аресте бумаг Барятинского, который был наложен около 17 декабря в Тульчине и о котором Поджио, конечно, мог услышать от Волконского за обедом 21 декабря [60].

Известие о присяге Николаю I, как только что упомянуто, дошло в главную квартиру в Тульчине 23 декабря. Но не только это известие и «присяжные листы» привезли фельдъегери в Тульчин, — они привезли и известие о восстании 14 декабря.

В свете этого приобретает особый интерес свидание арестованного Пестеля с Волконским. Оно состоялось после ареста Барятинского, т. е. никак не раньше 26 декабря и не позже 27-го, когда Пестель был увезен в Петербург. Наиболее вероятно, что Волконский сумел пройти к арестованному Пестелю 26 декабря, но разговор их мог быть лишь мимолетным: «Prenez courage»,—сказал Пестелю Волконский. «Je n'en manque pas, nevous inquietez pas» *, — ответил тот. Второй дошедшей до нас фразой Волконского были брошенные наскоро слова: «Le Bègue est aussi arrêté»**.

Волконский свидетельствует еще о том, что Пестель сказал: «Не беспокойтесь, ничего не открою, хотя бы меня в клочки разорвали, спасайте только «Русскую Правду»». Пестель не подтвердил последних слов[61].

Однако едва ли можно сомневаться, что Волконским в разговоре с Пестелем была сказана еще одна фраза. Она не дошла до нас и осталась скрытой от Следственного комитета, но по всему ходу событий она просто не могла не быть сказанной. Волконский не мог не сказать Пестелю о событиях в Петербурге — о восстании 14 декабря, вернее о разгроме восстания. Нельзя утверждать, что Пестель под арестом впервые узнал об этих событиях от Волконского — возможен и какой-либо другой путь. Но не может быть, чтобы 26-го или 27 декабря, вскоре после того знаменательного дня, когда Тульчин узнал о восстании 14 декабря в Петербурге, Волконский не сказал Пестелю ничего о делах декабристов в столице. Арестованный Пестель, которого везли в Петербург, уже должен был знать о петербургском восстании 14 декабря, и он не отдал Волконскому никаких приказаний, кроме распоряжения о спасении «Русской Правды». Не потому ли, что он узнал, собственно, не о восстании, а уже о разгроме восстания?

Зачем же отдал Пестель распоряжение о «Русской Правде»? Разумеется, только для практических целей. Перед арестом он вместе с Лорером «всю ночь» жег свои письма и бумаги. Он мог бы отдать распоряжение и о сожжении «Русской Правды» — центрального идеологического документа тайного общества, страшной судебной улики. Но какая-то практическая возможность использования «Русской Правды» для целей революции еще представлялась Пестелю реальной. Видимо мучительные колебания не привели его к какому-то единому решению. Он не отдал и, повидимому, не мог отдать приказ о восстании, но ему все же

* Франц.: «Мужайтесь». «Мужества у меня достаточно, не беспокойтесь».
** «Заика тоже арестован» («Заика» — прозвище Барятинского).

представлялись какие-то — очевидно, вне его воли находившиеся — революционные возможности, когда «Русская Правда» могла бы еще понадобиться. Мысль о том, что восстание «все равно произойдет», была глубоким убеждением многих декабристов.

Протоколы Следственного комитета сохранили свидетельство о свидании Юшневского с арестованным Пестелем. Он успел сообщить ему о доносе Майбороды, служившего с Пестелем в одном полку. И тут Пестель не отдал никаких распоряжений о восстании. Но у других членов Южного общества расчеты на возможную победу восстания все же существовали. «Русскую Правду» стали прятать еще тщательнее. Бобрищевы-Пушкины на допросе не знают, что и придумать в свое оправдание, чтобы объяснить, почему они не уничтожили «Русскую Правду». Прибегают они, например, к такому неправдоподобному объяснению: «Русская Правда» якобы была так велика, что ее трудно было сжечь. Не менее наивно и другое объяснение, будто бы «Русскую Правду» прятали так тщательно, чтобы «потом прочесть», нет ли в ней «чего замечательного». Опасаясь, что их комната не является надежным местом для хранения «Русской Правды» (все время ожидались аресты и обыски), братья Бобрищевы-Пушкины извлекли рукопись из ее убежища и зарыли ночью в поле недалеко от Кирнасовки, под берег придорожной канавы. Это произошло уже после ареста Пестеля и после того, как опечатали бумаги Крюкова 2-го и Барятинского в Тульчине. Рапорт об опечатании бумаг помечен 17 декабря, следовательно, «Русскую Правду» зарыли, вероятно, позже и во всяком случае не ранее этого дня. 24 декабря Бобрищев-Пушкин 2-й показал младшему брату Заикина, подпрапорщику Федору Заикину место, где зарыты бумаги, и якобы сказал: «Тут лежит моя и брата твоего головы» (слов этих Федор Заикин не «упомнил») [62].

На следствии Бобрищев-Пушкин 1-й, бывший в крайне нервном состоянии, проговорился, что, зарыв бумаги, они с братом опасались, как бы их не отрыли случайно крестьяне,— они могли подумать, что тут зарывали клад и, убедившись в ошибке, могли бы истребить бумаги, в то время как «по ходу дела могут они и понадобиться» [63].

Не менее характерно другое показание, касающееся на этот раз прямо плана выступления «1-го генваря». 27 декабря Пестель был уже увезен в Петербург, но какие-то надежды на то, что его план выступить, начать восстание «1 генваря» осуществится, еще были. Когда 1 января братья Бобрищевы-Пушкины в Тульчине шли «по улице на двор его сиятельства главнокомандующего», то Павел сказал Николаю: «Говорят, что сегодня Пестель будто бы должен был прийти в Тульчин». Николай спросил: «Разве это говорят?» — «Говорят»,— отвечал тот. Стало быть, надежды на начало восстания Пестеля были у некоторых южных членов даже после его ареста [64].

Тем временем через Васильковскую управу был послан «связным» гонец в Петербург — Корнилович. Ждали вестей из северной столицы. План действий, разработанный на юге, рушился сам собой — и безвозвратно. Но возникал другой — северный — вариант.

9

Инициатива восстания при создавшихся условиях как бы сама собой переходила к Петербургу.

Обстановка междуцарствия стимулировала работу над подготовкой восстания и глубоко изменила первоначальные планы. Вернувшийся около 10 ноября с юга в Петербург С. Трубецкой еще тогда сообщил о юж-

ном плане выступления в будущем году и получил на него согласие Северной думы. Но все изменили обстоятельства создавшегося междуцарствия, когда в северную столицу пришла весть, что 19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно скончался Александр I («Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге»,— ходила сочиненная по этому случаю эпиграмма). Детей у императора не было, и по правилам российского престолонаследия после его смерти должен был воцариться следующий за ним брат — Константин.

Но в царской семье было известно, что Константин отрекся от прав на престол еще при жизни брата. Обстоятельства этого отречения довольно темны: видимо, тут сыграл роль брак, заключенный Константином с особой не царской крови — польской графиней Иоанной Грудзинской, позже получившей титул княгини Лович; указывали также на участие Константина в заговоре против Павла I, на его удивительное сходство с отцом и т. д. Существенно лишь то, что его отречение стало фактом, и в Государственном совете, Сенате, Синоде и в Москве, в Успенском соборе, где обычно происходили коронации русских царей, хранились пакеты с отречением Константина. На пакете, хранившемся в Государственном совете, имелась надпись Александра I: «Хранить в Государственном Совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». Отречение Константина держалось в глубокой тайне [65].

Таким образом, царский престол должен был перейти к следующему брату Александра I — Николаю, ярому крепостнику, ограниченному и тупому военному, поклоннику муштры, ненавидимому в войсках и непопулярному в стране. Положение дел было достаточно запутанным и осложнялось еще тем, что все три «действующие лица» этой путаницы находились на огромных расстояниях друг от друга: мертвый Александр — в Таганроге, Константин — в Варшаве, а Николай — в Петербурге; стороны этого «треугольника» простирались на тысячи верст. Глубокая осень (конец ноября), плохое состояние дорог — все усложняло создавшуюся обстановку. Николай боялся сразу объявить себя наследником, так как неосведомленное об отречении население считало «законным наследником» Константина. Николай вынужден был считаться и с тем, что присяга Константину прошла спокойно,— опасно было вызвать недовольство новой присягой. Участь, постигшая Павла I, стояла перед глазами Николая. Сведения об открытом заговоре бросали в дрожь. Генерал-губернатор Петербурга Милорадович высказался против вступления на престол, прямо намекнув будущему царю на возможные осложнения (сами, мол, знаете,— «в гвардии вас не любят»). Боясь «незаконных» действий и осложнений, Николай в Петербурге присягнул Константину и стал выжидать. 27 ноября войско и население Петербурга были приведены к присяге Константину. Оба брата непрестанно гоняли фельдъегерей между Варшавой и Петербургом,— по образному выражению современника, «играли короной в волан» («Корону подносят, как чай, и никто не хочет»,— острили в Петербурге). Константин не хотел ехать в Петербург для выяснения дела, очевидно, надеясь выиграть ожиданием ускользавшую от него корону. Николай не хотел ехать в Варшаву и добивался нового официального отказа от престола теперь уже не цесаревича, а императора Константина, отказа, в котором тот, видимо, был мало заинтересован.

Формально в России уже царствовал новый император Константин I. Уже было отчеканено несколько новых монет с его курносым профилем и в магазинах появились портреты нового царя с соответствующей надписью. Подорожные выписывались на имя Константина I.

Принимая во внимание все законы и обычаи российского престолонаследия, никакого «междуцарствия» в России не было — оно создалось не «формально», а фактически. В соответствии с законами и обычаями в России воцарился после смерти императора Александра новый император Константин I. Сам Константин, официально уже ставший русским императором, не очень торопился содействовать изменению ситуации (он присягнул Николаю только 21 декабря 1825 г.), мысль о том, что события повернулись в его пользу, повидимому, нравилась ему. По крайней мере, никакого официального акта отречения император Константин I послать в Петербург не пожелал, и курьеры продолжали летать из Петербурга в Варшаву; вопрос о наследовании престола приобретал вид домашних споров о какой-нибудь вотчине. Среди населения и войска поднимался глухой ропот. Наступали смутные дни междуцарствия.

Декабристам уже давно была ясна необходимость использовать этот момент для открытого выступления тайного общества. Как уже указывалось, еще в Союзе Спасения было решено выступить в момент смены императоров на престоле. Смерть императора давно рассматривалась как сигнал к началу действий.

Рано утром 12 декабря Николай получил рапорт от начальника штаба барона Дибича, где излагалось содержание доносов Шервуда и Майбороды и назывались имена главных заговорщиков. Вечером в тот же день Николаем был получен новый донос, уже идущий из самого Петербурга, где нашелся предатель в близких декабристам кругах: приятель Оболенского подпоручик Яков Ростовцев (впоследствии участник подготовки реформы 1861 г.) сообщил Николаю о «таящемся возмущении», не назвав, правда, имен. На следующий день Ростовцев сам рассказал о своем поступке Оболенскому и Рылееву. Декабристы с возмущением узнали, что они преданы. Откладывать выступление было нельзя. Момент второй присяги был особо благоприятен для поднятия восстания: в солдатской массе «переприсяга» усилила брожение, рассказывали о жестоком отношении будущего императора к солдатам и о том, что покойный царь будто бы оставил грамоту, по которой убавлял срок солдатской службы, но что эту грамоту хотят скрыть. Ходили слухи о том, что Константин будто бы хотел дать льготы войску. Солдатские массы глухо волновались.

«Случай был удобен», случай был «такой, какого упускать нельзя» [66].

10

Революционный план декабристов всегда, с самого своего возникновения, был планом захвата власти в государстве. Сколько бы и о чем бы ни спорили декабристы в процессе своей работы над программой и тактикой,— об указанном характере плана никогда не было споров, он принимался всеми и считался вполне ясным. Так и только так декабристы понимали восстание, замысел именно такого восстания они всегда разрабатывали.

Конкретные планы менялись в зависимости прежде всего от того, где и в каких условиях находился тот центр власти, который надо было захватить, чтобы обезглавить и ликвидировать старую власть и возглавить новую. Начинать всегда надо было с «главы», т. е. с самого царя, а затем сразу приниматься за овладение зависящим от него «средоточием властей». Если царь находился вне Петербурга, действие тайного общества должно было начаться там, где находился царь, но последующие действия в Петербурге все равно оставались органическим и исключительно важным звеном плана. В том же случае, если место пребывания

царя и «средоточия властей» было практически одним и тем же, т. е. если царь находился в Петербурге, инициативное действие революции сосредоточивалось именно в северной столице, а юг лишь помогал ей широким восстанием — от Молдавии до Кавказа. Роль Петербурга, как неоднократно выяснялось выше, всегда имела место в замыслах декабристов, как того и требовала логика дела. Но эта роль менялась в соответствии с реальной ситуацией. Без каких-то действий в Петербурге не было и не могло быть у декабристов ни одного плана действий.

Ситуация резко изменилась по сравнению с первоначальными предположениями и чрезвычайно осложнилась в ноябре 1825 г. Вопрос о характере действий в случае смерти императора в общей форме не раз обсуждался декабристами. Но Александр I был еще далеко не стар (в 1825 г. ему исполнилось только 48 лет), вполне здоров и никто не ожидал его скорой смерти. План цареубийства, насильственного освобождения престола обсуждался в силу этого гораздо чаще и представлялся более реальным,— он стоит в центре внимания южан с самого основания их общества. Но планы, вызванные создавшимся в ноябре-декабре 1825 г. реальным междуцарствием, разумеется, никогда не обсуждались и не могли заранее обсуждаться. Дальнейшие события разыгрались чрезвычайно быстро и неожиданно, в этом историк должен отдать себе полный отчет.

Однако это неожиданное и никогда не обсуждавшееся декабристами положение междуцарствия со сменой практически трех императоров (Александра I, Константина I, Николая I) отнюдь не является одной новой ситуацией, в которой члены тайного общества могли бы сразу прочно ориентироваться. Создавшееся положение представляет собой смену ряда конъюнктур. Смена эта особенно отчетливо дала о себе знать на юге, поскольку период возможных, с точки зрения декабристов, выступлений оказался там гораздо более длительным по сравнению с севером. Если брать только время со смерти Александра I (19 ноября 1825 г.) до подавления восстания Черниговского полка (3 января 1826 г.), то период этот занимает на юге всего полтора месяца. На севере же он составляет всего 26 дней: с 19 ноября до 14 декабря 1825 г. Практически же из этого короткого срока как на юге, так и на севере надо вычесть время от момента смерти Александра I до дня, когда весть об этом дошла до декабристов. В Петербурге узнали о смерти императора 27 ноября, на юге Пестель узнал о том же из письма Волконского даже несколько позже: по собственному показанию, «28 или 29 ноября» (о болезни императора он узнал раньше). Следовательно, длительность интересующей нас ситуации уменьшается на 9—11 дней. Если же расширить хронологические рамки обсуждения вопроса и учесть время, начиная с первого решения о подготовке конкретного плана выступления, т. е. с пестелевского августовского плана, то смена конъюнктур обозначится еще полнее [67].

Первая конъюнктура (и порожденный ею план конкретных действий) относится к предполагаемому царскому смотру 1826 г. Удар императору должен быть нанесен на юге. Инициативный момент принадлежит Южному обществу. После цареубийства или даже одновременно с ним организуется восстание в Петербурге, Северное общество спешит на помощь югу, новое положение в стране объявляется манифестом через Сенат. В результате петербургского восстания захватываются все нити управления в «средоточии властей». Эта конъюнктура была лишь теоретической, предполагаемой, но она имела исходный характер и известное время направляла движение и подготовку декабристов. Практически она оказалась близкой к задуманному плану с 13 сентября

1825 г.— с момента приезда царя в Таганрог и длилась до первых известий о его смертельном заболевании, т. е. примерно до 15 ноября *, иначе говоря, два месяца. Инициативный удар оставался за Южным обществом и принял у декабристов форму замысла послать в Таганрог «обреченный отряд» цареубийц. Мысль эта, однако, была оставлена как преждевременная, — было отдано предпочтение большому плану 1826 г., чтобы использовать нужное для подготовки время, отделявшее предполагаемый царский смотр в мае или летом 1826 г. от времени после Лещинских лагерей.

Вторая конъюнктура возникает с момента получения декабристами известия о смертельном заболевании императора, т. е. на юге приблизительно с 15 ноября до присяги Константину, иначе говоря, до 27 ноября. Смерть Александра I (19 ноября) включается в эту конъюнктуру. Последняя длится, таким образом, примерно 12 дней. Старое решение выступать в момент смены императоров на престоле входит в силу для всего общества. Вопрос об аресте нового императора (Константина) или цареубийстве должен был выясниться в ходе дальнейших событий. Открытое выступление должно было начаться там, где находился новый император, и место его неясно. Скорее можно было предположить, что действия развернутся в северной столице, куда, вероятно, передвинется новый император из Варшавы, но для этого необходимо было выжидать. Местом инициативного выступления оказался бы в этом случае Петербург и основной действующей силой — Северное общество, но для уяснения этого требовалось время. Юг также поднимал бы в этом случае восстание в помощь северу. Соответствующие планы выступления, как увидим далее, разрабатывались декабристами (особенно конкретно у северян), однако остались нереализованными: создавшаяся конъюнктура была неясной не только в силу местонахождения императора, но и общей его позиции, а также внутренних взаимоотношений в государстве. Она промелькнула и оказалась быстро снятой последующими событиями.

Третья конъюнктура возникает с того момента, когда декабристы узнают, что Константин не будет царем и что воцаряется третий император — Николай I. На юге это положение возникает позже, чем на севере, буквально накануне объявления о новой присяге, на севере же оно слагается в самом начале декабря. Инициативная и вместе с тем центральная по значению акция восстания может в данных условиях реализоваться только в Петербурге. Здесь находится новый претендент на власть, тут приносится первая присяга. Здесь — через петербургский Сенат — и должна быть объявлена декабристами новая революционная власть «Манифестом к русскому народу» и учреждено временное правительство. Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади приходится именно на этот период. По первоначальному замыслу юг должен поддержать северное восстание мощным военным выступлением, охватывающим вторую и первую армии, южные военные поселения, корпус Ермолова.

Восстание на юге должно было возникнуть в условиях именно этой, третьей конъюнктуры, которая для севера длилась около двух недель, а для юга — гораздо менее. Пестель арестован — объективно — в исходе третьей конъюнктуры. Но поскольку арест Пестеля (13 декабря 1825 г.) произошел в то время, когда южные декабристы еще не были осведомлены о назначенной присяге новому императору Николаю I и не знали

* Дата, когда декабрист С. Г. Волконский в Умани перехватил курьера с известием о смертельном заболевании императора.

и не могли знать о том, что Северное общество предполагает выступать именно 14 декабря (хотя понимание неизбежности и обязательности выступления тут уже было полным), на юге была — субъективно — в исходе еще та конъюнктура выступления, которую выше мы назвали второй: царем на юге еще считался Константин (формально он с 27 ноября уже был российским императором, поскольку ему была повсеместно принесена присяга), и нужного положения вещей для инициативного выступления на юге в момент ареста Пестеля не было,— инициатива логикой вещей передвигалась к северу. Только в этом можно найти разгадку выжидательной позиции Пестеля.

Северное общество не пропустило создавшейся ситуации и организовало восстание — первое революционное восстание в истории России.

Глава XVI

ПЛАН ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ДЕНЬ ВОССТАНИЯ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

1

Восстание 14 декабря 1825 г. не было для декабристов самоцелью. Все действия, предпринятые по их инициативе,— вывод на площадь восставших полков, боевое каре около памятника Петру I, заградительная цепь, отражение атак конной гвардии и другие действия — были лишь средством для достижения основной цели: совершения революционного государственного переворота. Все происшедшее на площади является лишь осколком большого замысла. Осколок этот совершенно непонятен без представления о целом. Чтобы понять, что́ произошло на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., надо уяснить себе, что́ именно было задумано декабристами. Тогда определится и то, какая часть замысла была выполнена и почему все остальное выполнено не было.

Многочисленные описания событий 14 декабря 1825 г. в литературе о декабристах дают преимущественно общую картину восстания и не излагают подробно замысла декабристов в целом. Тем самым они крайне затрудняют понимание событий. Плану государственного переворота, задуманного декабристами, в литературе уделено немного внимания. Его крайне бегло касались почти все авторы, писавшие о событиях 14 декабря, но он ни разу не был предметом специального исследования. Даже автор довольно обширной монографии о дне 14 декабря 1825 г. А. Е. Пресняков уделил общему плану декабристов — замыслу их действий — всего лишь три страницы в довольно обширном труде, причем заполнил их вопросом о «личных» намерениях Трубецкого и Рылеева, чем в сущности и подменил общий вопрос о плане восстания. Несколько большее внимание плану действий уделяет Н. Ф. Лавров в своей статье «Диктатор 14 декабря», являющейся попыткой реабилитировать декабриста С. Трубецкого. Однако статья Н. Ф. Лаврова, дискуссионная по характеру, повертывает всю тему о плане восстания по линии своей основной цели — реабилитации незадачливого диктатора. Автор априорно принимает предположение А. Е. Преснякова — наличие двух последовательных планов действий в день 14 декабря, на чем и строит объяснение поведения Трубецкого; таким образом, он оперирует темой о плане восстания лишь как готовым материалом для своей основной задачи и не имеет в виду цели самостоятельного исследования вопроса. Вообще Н. Ф. Лавров всецело находится во власти концепции А. Е. Преснякова и не дает чего-либо оригинального [1].

М. Муравьев в своей работе «Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты», несомненно, занят составной частью инте-

ресующей нас темы. Но он рассматривает ее лишь в общем идеологическом плане истории как Северного, так и Южного общества, основное же внимание уделяет личному составу кандидатов во временное правительство и их характеристике [2].

Поставим перед собой задачу — изучить на основании всей совокупности декабристских первоисточников существенный вопрос — план государственного переворота, разработанный декабристами непосредственно перед выступлением 14 декабря, иначе говоря, именно тот план, для выполнения которого и предпринималось восстание. В эту тему входит, разумеется, в качестве составной части и замысел вооруженного выступления, т. е. способ осуществления государственного переворота. Таким образом, цель настоящей главы состоит в изучении не того, что произошло, а того, что предполагалось к совершению замысла, а не выполнения.

2

Всякое военное восстание, задуманное революционерами, предполагает наличие предварительного плана. Оно требует подготовки и вывода войск, а также каких-то последующих действий, служащих определенной цели. Выступление декабристов было военным восстанием, к которому они готовились и для которого они собирали силы не менее пяти лет, поскольку самая идея военной революции стала руководящей в движении с 1820 г. Опыт западноевропейского революционного движения 20-х годов был, несомненно, учтен декабристами. Но отдельные существенные элементы плана много старше: исследование первоисточников показывает, что замысел открытого выступления с требованием конституции был принят еще в Союзе Спасения, самой начальной организации тайного общества, возникшей в 1816 г. Еще тогда было решено и записано в уставе, как передает Якушкин: «Если царствующий император не даст никаких прав независимости своему народу, то ни в каком случае не присягать наследнику, не ограничив его самодержавия». Это решение лишь видоизменялось, но никогда не отменялось в последующей истории тайной организации. Собственно, оно и лежало в основе выступления декабристов в день 14 декабря 1825 г. Таким образом, общий замысел выступления вызревал постепенно и был не новым, внезапно принятым решением, а давним, обдуманным комплексом мыслей. В этом сами декабристы отдавали себе отчет, формулируя, например, свое решение выступить в день 14 декабря таким образом: «... Теперь по смерти покойного государя есть самое удобное время произвести в действо прежнее намерение» [3].

Слух о смертельном характере заболевания императора уже был поводом для спешных собраний и обсуждения плана действий. Так, Трубецкой, встретив Рылеева в доме Лаваля, передал ему слух о ходе болезни царя в таких словах: «Говорят опасен; нам надо съехаться где-нибудь». Смерть императора настолько отчетливо воспринималась как сигнал к действию, что Николай Бестужев «тотчас бросился к Рылееву», как только узнал о смерти царя; к нему «присоединился Торсон». Штейнгель свидетельствует, что непосредственное обсуждение выступления началось с 27 ноября, т. е. с того дня, когда в Петербурге узнали о безнадежной болезни и смерти Александра I. В этот день, «рано поутру», Рылеев прислал Штейнгелю записку, чтобы он пришел к нему «поговорить о болезни государя». С этого дня обсуждение плана выступления и сосредоточивается в квартире Рылеева, «которого единственная цель, одно помышление, был переворот». Поэтому понятно, что первоначальное решение возмутить полки, оказывается, относится ко дню присяги импера-

тору Константину I, т. е. к 27 ноября 1825 г.: «Я знал, что были некоторые, хотевшие возмутить полки еще в день присяги, данной государю цесаревичу»,— показывает С. Трубецкой. В соответствии с этим стоит и уверенное предположение С. Трубецкого, что и на юге весть о присяге Константину будет сигналом восстания; Трубецкой говорил Рылееву 27 ноября, что «надобно приготовиться, сколько возможно, дабы содействовать южным членам, если они подымутся». В силу этого междуцарствие как начало долгожданного переломного «рокового времени», как несомненная ситуация возможного начала действий поднимало дух членов тайного общества, вдохновляло их мыслью о приходе нового исторического этапа в истории родины. Об этом хорошо говорит Оболенский, который, по собственному признанию, действовал «будучи увлечен... энтузиасмом, рождающимся в сердце человека, который видит перед собою новую эпоху народную любимого им Отечества» [4].

Но мало было издавна в общих чертах знать, в какой именно момент неизбежно и необходимо военное выступление. Реальное наступление этого момента требовало конкретизации плана.

Следственный материал свидетельствует о том, что план был выработан в результате долгих и страстных прений на совещаниях декабристов в дни междуцарствия. Непрерывные совещания шли на квартире Рылеева. Однако необходимо отметить, что обсуждение предстоящего выступления велось и в других местах — в тесной связи с теми же совещаниями у Рылеева. Так, «отрасль» Оболенского отдельно голосовала за диктатора Трубецкого, что падает, очевидно, на какой-то из дней около 9—10 декабря. Для переговоров с офицерами Финляндского полка вечером в пятницу 11 декабря было собрано совещание на квартире штабс-капитана Н. П. Репина. На этом совещании, как показали Розен и Оболенский, присутствовали подпоручики Финляндского полка Базин, Бурнашов, Насакин 1-й, Насакин 2-й, Богданов, прапорщики Моренцшильды 1-й и 2-й, Голтгоер и Нуммерс. Совещание вел Оболенский, бывший тут представителем рылеевского центра. На следующий день — 12 декабря — во второй половине дня («после обеда», по показанию Розена) имело место собрание заговорщиков у Оболенского; тут были Рылеев и офицеры — представители разных полков, в том числе Финляндского, отдельное совещание офицеров этого полка произошло накануне. В ночь на 14 декабря имело место собрание в гвардейском морском экипаже, на которое поехали Якубович и А. Бестужев. Все эти собрания имеют подчиненный, распорядительный характер, что делает их особо важными для нашей темы: на них подготовлялась реализация замысла. Они созывались именно потому, что в силу принятых у Рылеева решений надо было привлечь определенных новых людей и дать поручения, соответствующие намерениям [5].

Необходимо обратить внимание на борьбу мнений, происходившую на совещаниях у Рылеева, где выявились различные направления. Обозначилась было группа мнений, отмеченная чертами особой решительности и даже намерением привлечь стихию народного мятежа: «Якубович говорил, что надобно разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу. Все это говорено им было в самых сильных выражениях и с чрезвычайным жаром»,— свидетельствует Рылеев. Оболенский и «другие» увлеклись было этим предложением и присоединились к нему. Оболенский показывает об этом так: «Якубович при мне действительно предлагал разбить солдатам один кабак, по крайней мере для возбуждения рвения солдат. Его красноречие и особенно мнение, основанное на опыте о солдате нашем, что ему нужны сильные средства для возбуждения к действию

увлекли меня и еще других к согласию на его предложение или, лучше сказать, к одобрению его мысли». Кто были эти «другие» — Оболенский не сказал, но допустимо, что этой мыслью мог временно увлечься, например, Каховский, который доказывал, что «крови бояться не должно», а по другим свидетельствам, предлагал «резать да и только» или говорил: «политики — политики, а рубиться надобно». Александр Бестужев нередко придерживался также крайних мнений. Но предложение Якубовича в результате прений было, как утверждает Рылеев, «единодушно отвергнуто». Этому свидетельству Рылеева вполне можно поверить — настолько привлечение к перевороту пьяных из народа и солдат чуждо самому духу декабристской тактики военного переворота, идущего строем. Вообще боязнь народного движения — характернейшая черта декабризма. К этим же крайним предложениям можно отнести предложение Каховского—идти к Зимнему дворцу в ночь на 14 декабря до присяги и захватить его. Предложение его также было отвергнуто: сочтено было невозможным вести на восстание воинские части, еще не знающие о приказе присягать новому императору[6].

Выявились и наиболее умеренные мнения. Трубецкой вначале предлагал вообще придать выступлению характер вооруженной демонстрации с выводом за город полков, отказавшихся присягать, и последующих мирных переговоров с правительством. Трубецкой в дальнейшем настаивал на движении восставших полков от казармы к казарме и лишь в конечном счете, когда налицо будет достаточная масса восставших солдат, предполагал выход и на площадь. Он неоднократно говорил об этом плане и о том, что решение идти каждому полку прямо на площадь было предложено не им и взяло верх лишь в последний момент. К этой же группе умеренных предложений относится предложение Штейнгеля объявить возведение на престол императрицы Елизаветы. Штейнгель, защищая свое мнение, составил даже соответствующий проект манифеста («приказа войскам»). Известную склонность к этому решению проявил и Батеньков, который хотел узнать, «как расположены полки к имп. Елизавете, чтобы действовать ее именем». Трубецкой, как свидетельствует А. Бестужев, также «подавал мнение, чтобы возвести Елизавету, потом говорил и о Александре Николаевиче*; но когда и в одно ли время — не упомню». Чрезвычайно интересна мотивировка Штейнгеля, неожиданно вскрывающая его конечные республиканские симпатии. Один из его доводов за императрицу Елизавету таков: «Можно даже надеяться, что впоследствии — если бы то уже необходимо было нужно — она совсем откажется от Правления и введет республиканское; особливо, если б Ей предоставлено было приличное содержание, воздвигнут монумент и поднесен титул Матери Свободного Отечества: «ибо чего Ей оставалось более желать, кроме славы». Последнее свое «покушение» на Рылеева с целью провести в жизнь этот план сам Штейнгель датирует «9 или даже 11 числом декабря»[7].

Разумеется, при разработке плана действий сыграли огромную роль еще ранее обсужденные решения о характере выступления, принятые обществом во время петербургских совещаний в 1824 г. Идея использования Сената в момент государственного переворота принадлежала Пестелю, была выдвинута им еще в Союзе Благоденствия и подробно разработана тайным обществом в последующие годы. Соглашение об общем выступлении, заключенное между Северным и Южным обществами, содержало в себе и этот момент. Однако при сложившейся ситуации междуцарствия отпадали некоторые существенные стороны прежнего плана:

* Малолетнем наследнике, будущем Александре II.

ранее решено было начать революционный переворот цареубийством во время императорского смотра второй армии (дислоцированной на юге); далее революционные войска двигались на Москву и Петербург и требовали от Сената издания манифеста о низложении прежнего правительства и созыве учредительного собрания. Это и был июльский план Пестеля, сообщенный в Петербург. Но теперь все неузнаваемо менялось. Центр действий оказывался в северной столице. Нужда в цареубийстве отпадала,— царь умер, а новый (Константин I) отказывался от престола. Царя, следовательно, не было. Двигаться на столицу тоже пока не приходилось: события явно должны были и могли начаться лишь в Петербурге — «средоточии властей».

Теперь, с учетом новой обстановки, в жарких спорах на квартире Рылеева вырабатывался новый план восстания. Было бы неправильно сказать, что в этом плане победило мнение определенной группы, с которым не согласилась бы какая-то другая. Нет, лица, которые первоначально спорили против победивших в дальнейшем предложений, в конце концов примкнули к ним. Трубецкой уже «не возражал», когда отпал его первоначальный план вести войска от казармы к казарме и победил план идти прямо на площадь. Оболенский не настаивал на плане Якубовича разбить кабаки и опереться на «чернь». Штейнгель явно отказался от мысли возвести на престол Елизавету, поскольку рано утром 14 декабря написал новый текст манифеста, в котором о Елизавете уже не было ни слова. Каховский уже не настаивал на взятии Зимнего дворца в ночь на 14 декабря. Он стал говорить о движении полков на Сенатскую площадь утром 14-го, после присяги и сам явился туда в назначенное время. Трубецкой, поддержавший было мнение об императрице Елизавете, отказался затем от него и в собственноручно написанном тексте манифеста ничего не говорил о ней. Подобные примеры можно умножить[8].

Накануне решительных действий, несомненно, сформировалось некоторое общее мнение, в основном принятое и поддержанное (правда, с разной степенью убежденности) всей руководящей группой. О согласии на общий план действий и признании его необходимости ясно свидетельствует самая идея выдвинуть диктатора, с которой согласились все.

«Решительные и каждодневные совещания», происходившие у Рылеева, собственно, и собирались для выработки и обсуждения именно конкретного общего плана действий. Наличие последнего доказывается, сверх приведенных доводов, и тем существенным обстоятельством, что восставшие полки, выйдя из разных казарм, сошлись в одно место — на Сенатскую площадь, и тем, что туда пришли также отдельные многочисленные участники событий — декабристы, и общей осведомленностью всех руководителей, для чего именно все это предпринято. О плане государственного переворота с той или иной степенью подробности осведомлены не только неудачный диктатор князь Трубецкой и душа заговора К. Рылеев, но еще целый ряд участников событий. Об этом неосуществленном замысле или плане говорили на следствии декабристы Е. П. Оболенский, Александр, Николай и Михаил Бестужевы, Каховский, Пущин, Якубович, Булатов, Батеньков, Сутгоф, Розен, Штейнгель, Краснокутский, Торсон, Арбузов, Репин, Панов, Свистунов. По свидетельству Оболенского, «о плане 14 декабря» были извещены им самим Ростовцев и Коновницын, а также декабристы Львов, Кожевников и те офицеры Финляндского полка, которые собрались перед восстанием у Репина. Список этот можно дополнить. На следствии одни рассказывали об общем замысле восстания многократно и подробно, другие — редко и глухо, но их показания, несомненно, говорят о наличии плана и о том, что принятое решение

стало общим достоянием. В этом же отношении любопытно свидетельство Розена, что на некоторые возражения и замечания, касавшиеся общего плана действий, Оболенский и Булатов сказали с усмешкой: «Ведь нельзя же делать репетиции». Накануне выступления, вечером в воскресенье 13 декабря, декабристы расстались, чтобы встретиться завтра на Сенатской площади — стало быть, общий замысел стал переходить в действие. В своих свидетельствах декабристы отличают первоначальные предположения и споры от общего решения, принятого накануне выступления. Это всегда надо принимать во внимание при восстановлении плана.

Но этого мало: есть еще один чрезвычайно важный признак наличия плана — это факт целой системы предварительных поручений: наличие определенного поручения — несомненный признак запланированного, предположенного действия [9].

К этому надо добавить одну интересную деталь. Сами декабристы воспринимали свой замысел как «план» и постоянно употребляли этот термин. Рылеев показывает: «В совещаниях участвовали все, план же предложен был Трубецким». Штейнгель показывает: «На все, что он (Рылеев.— *М. Н.*) мне ни говорил о последнем плане, я отвечал: «хорошо». Впрочем, самый манифест, мною написанный, есть следствие сего плана». В самом начале междуцарствия, в начале совещаний Рылеев жаловался: «Мы не имеем установленного плана». Рано утром 14 декабря, еще до сбора войск, Пущин и Рылеев шли по Дворцовой площади и бульвару, «натурально рассуждая о плане нашем». «Тебе объявлен план общества»,— говорит Рылеев Каховскому. Арбузов, оказавшись на совещании у Рылеева, по собственному признанию, хотел узнать, «на чем у них основано исполнение и какой план». Как уже сказано, Оболенский показал, что сам известил Коновницына и Ростовцева «о плане 14-го декабря». Подобные примеры можно умножить. Для доказательства самого наличия плана действий существенно и такое свидетельство Александра Бестужева о дне 13 декабря: «С вечера, сделав распорядок, кому где быть и как идти — разошлись. Перед делом я зашел к нему спросить, нет ли каких новых распоряжений». Или свидетельство декабриста Штейнгеля о том же дне: «Наконец, сказали, чтобы все шли по своим местам и готовились». Существенны также поиски карты Петербурга и плана Зимнего дворца, а также намерение составить диспозицию. Весь комплекс приведенных фактов говорит о наличии общего плана, предварительного замысла [10].

Конечно, историк не располагает всеми материалами, отражающими задуманный декабристами план государственного переворота. Однако данных об этом плане и способе его осуществить—великое множество. Они сосредоточены преимущественно в многочисленных показаниях во время следствия, опубликованных лишь частично. Важные показания на эту тему находятся в уже опубликованных делах декабристов, в издании Центрархива «Восстание декабристов» (дела Трубецкого, Рылеева, братьев Бестужевых, Пущина, Якубовича, Арбузова, Панова, Репина, Суттофа и др.). Не менее важные данные черпает исследователь из неопубликованных дел Батенькова, Штейнгеля, Булатова, Корниловича, Краснокутского, Свистунова, Торсона, Розена и ряда других. В этих делах, кроме того, находится немало неопубликованных показаний Рылеева, Трубецкого, Бестужевых, Пущина и других декабристов, тексты которых чрезвычайно важны для нашей темы.

В мемуарной же литературе данные об интересующей нас теме крайне скудны, и привлекать их следует с чрезвычайной осторожностью: в центре внимания мемуариста, писавшего через много лет после событий, естественно, была скорее трагическая действительность, нежели несовершив-

шиеся планы; многое вообще забылось, а цензура середины и второй половины XIX в., когда публиковалось большинство мемуаров, была непреодолимым препятствием для рассказа о замысле ликвидировать самодержавие и ввести конституционный строй.

Обильный материал следствия позволяет установить многочисленные бесспорные факты и восстановить план декабристов, почти не прибегая к гипотезам. Мы вводим гипотетические предположения очень редко — лишь при восстановлении некоторых небольших звеньев всей цепи, каждый раз особо оговаривая их предположительный характер.

3

В каком порядке разумнее всего вести разбор отдельных составных частей нашей темы? Очевидно, прежде всего надо отделить основные цели переворота от его средств, центральные задачи от способов их достичь. Поэтому вынесем на первый план вопросы программного характера: во имя чего предпринимался переворот, какого именно характера ближайшие перемены в государственном и социальном строе страны предполагалось осуществить? Далее следует вопрос о способах или средствах достижения этих желаемых перемен. Смешение основных целей переворота со средствами, характерное для литературы о 14 декабря, затрудняет понимание вопроса: нередко средство (например, выведение войск на площадь) рисуется как самоцель.

Вдумываясь в богатый и разнообразный материал свидетельств о плане государственного переворота, исследователь приходит к выводу, что в центре плана находится идея сокрушения самодержавно-крепостного строя и введения представительного правления, а стало быть,— принятия конституции. Существеннейшим моментом плана является созыв учредительного собрания, которое декабристы называли «Великим собором». Великий собор созывается для того, чтобы заменить устаревший и унизительный самодержавно-крепостной строй России новым — представительным строем. Однако декабристы при всем их уважении к Великому собору как к институту вовсе не были намерены предоставить ему полную и неограниченную свободу выбрать для России любую форму правления и установить любой строй. У них имелась некоторая минимальная программа преобразований, которую они хотели еще до созыва учредительного собрания объявить всенародно особым манифестом, всколыхнуть этим страну, завоевать обширную массу сторонников и заранее как бы очертить круг действий будущего Великого собора. Идея учредительного собрания и идея всенародного революционного манифеста, объявляющего о преобразовательной программе до созыва учредительного собрания — в их тесной взаимосвязи — и являются, на наш взгляд, важнейшими организационными вопросами государственного переворота 14 декабря 1825 г.

Решение созвать учредительное собрание выражено декабристами многократно и в очень ясных и отчетливых формулировках накануне выступления. Рылеев показывает на следствии, что было решено «созвать на Великий собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства». 6 мая 1826 г. на очной ставке с Рылеевым Трубецкой согласился с правильностью этой формулировки. Декабрист И. И. Пущин полагал, что тайное общество «должно по произведении переворота предоставить собранным от всех сословий депутатам назначить тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным». Еще более подробна формулировка Рылеева о «собрании Великого собора, на ко-

торый должны были съехаться выборные из каждой губернии, с каждого сословия по два». Здесь дана даже норма представительства. Она варьирует у Трубецкого: он говорит об «одном или двух» депутатах от каждого сословия. Оболенский говорит о «собрании всеобщего Собора, который рассудить должен, какому правителю у нас быть». Александр Бестужев дает формулировку: «Великий же собор должен решить, какого рода избрать правление или кому царствовать». Подобные формулировки можно умножить, но в этом нет нужды, так как вопрос представляется вполне ясным: чрезвычайно важным и «непременным» моментом декабристского плана было созвание Великого собора, или учредительного собрания, которое определило бы форму правления в России, приняло бы конституцию [11].

Имелось в виду передать учредительному собранию, в частности, и решение польского вопроса. Повидимому, остались колебания, в какой именно форме это сделать, но самый вопрос о Польше, несомненно, занимал твердое место в плане, о чем свидетельствует такое, например, показание Трубецкого: «Касательно Царства Польского я также думал, что нужно пригласить члена во временное правление или депутатов для определения мер для сохранения единства державы». Этот вопрос не остался личным мнением Трубецкого, а стал известен членам тайного общества. Об этом свидетельствует лунинский разбор «Донесения» Следственной комиссии, позже опубликованный Герценом: там имеется указание, что «накануне восстания» члены тайного общества решили, «чтобы представители Царства Польского были также созваны для постановления мер к сохранению единства державы». Польская проблема всегда живейшим образом занимала декабристов [12].

Как указывалось выше, ранее созыва учредительного собрания предполагалось издание манифеста к русскому народу, оповещавшего его о ряде существеннейших изменений строя, которые носят несомненный конституционный характер. Самая идея издания манифеста, как мы помним, принадлежала П. И. Пестелю и была развита им на петербургских совещаниях 1824 г. Очевидно, учредительное собрание могло бы пойти дальше этого документа. Но движение учредительного собрания назад от программы манифеста было бы чрезвычайно затруднено. Революционный манифест как бы предвосхищал некоторые важнейшие меры и незыблемо устанавливал их с первых же дней переворота; это была основная программа, отправная точка, первый идейный плацдарм революции. Каково же было содержание этого важнейшего документа?

В силу изложенного ясно большое идеологическое значение манифеста к русскому народу в истории движения декабристов. Остановимся на важнейших моментах, характеризующих программное содержание манифеста.

Манифест к русскому народу, захваченный при обыске в бумагах Трубецкого, включен в состав его следственного дела. Он опубликован в деле Трубецкого в издании Центрархива «Восстание декабристов» и по общему порядку документов в данном деле занумерован № 43. В подлинном деле документ заключен в особую обложку; на обороте служащего обложкой листа находятся начальные слова молитвы за отечество: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!» Слова эти служат как бы эпиграфом к документу и являются единственным элементом его вводной части. Собственно текст документа начинается с фразы: «В Манифесте Сената объявляется» — и далее следует нумерованный перечень 15 основных мер, составляющих содержание первой части манифеста. Вторая его часть относится непосредственно к назначению временного правительства; после общего распорядительного текста, не имеющего

порядкового номера, следует перечень семи важнейших мероприятий, исполнение которых поручается Временному правительству [13].

Манифест не имеет заглавия, но в следственных показаниях декабристов иногда носит упомянутое выше название «Манифест к русскому народу». Кратко называется он также «Манифест»; Трубецкой иногда условно называет его «известной запиской». Манифест написан рукой Трубецкого, признан им, известен как документ и другим декабристам, и в подлинности его нет ни малейших сомнений.

В документе, как уже указано, явно нет вводной части, но известно, что работа над нею производилась. Ввиду важности дела она была поручена одновременно ряду лиц — очевидно, предполагалось выбрать наиболее удачный текст или соединить отдельные удачные части разных текстов. Содержание вводной части видно из показаний Штейнгеля: она должна была содержать объяснение сложившегося междуцарствия и необходимости ликвидировать прежнее правительство, что вполне соответствует характеру документа. Следственные материалы содержат свидетельства того, что вводную часть писали Рылеев и Николай Бестужев; Рылеев, видя, что не успеет выполнить поручение, передал его Штейнгелю. Рылеев показывает на следствии: «Манифест и был написан бароном Штейнгелем, которому я передал сие поручение, почитая его способнейшим себя для написания акта подобного роду». Штейнгель успел написать свой проект рано утром 14 декабря и прочесть его Рылееву. Николай Бестужев также выполнил поручение рано утром в этот же день и написал черновик проекта, который читал Торсону. Оба — и Николай Бестужев и Штейнгель— уничтожили свои черновики, убедившись в крахе восстания; уцелел лишь текст в бумагах Трубецкого, о котором говорилось выше [14].

«Манифеста изготовить я не поручал, потому что почитал это собственною моею принадлежностью, и не полагал, что до времени издания его можно было определительно его написать, достаточным казалось мне содержание оного как я написал в известной Записке»,—показывал С. Трубецкой на следствии. Эта «Записка» и есть сохранившийся текст манифеста, опубликованный в следственном деле Трубецкого. Принимая во внимание всю обстановку совещаний, остроту прений о конституции в Северном обществе и длительные переговоры с Южным обществом, которые в течение года вел только что вернувшийся из Киева Трубецкой, мы имеем все основания полагать, что текст манифеста отражал мнение не одного Трубецкого, а был результатом длительных переговоров и обсуждения соответствующих вопросов в тайном обществе.

Весьма правдоподобно, что весь манифест был написан полностью и находился у Трубецкого. Вероятно, при обыске был взят лишь его конспект. Манифест имел слишком большое практическое значение, чтобы его не заготовили заблаговременно. Найденный текст был написан К. Ф. Рылеевым и С. Трубецким. Это засвидетельствовано самим Трубецким — существенно, что это сделано в свободной от условий следствия обстановке. В Сибири, незадолго до амнистии, он «рассказал свой арест» Е. И. Якушкину (сыну декабриста), приехавшему в Иркутск. Трубецкой описал, как его арестовали и доставили во дворец и как Николай во время допроса предъявил ему текст манифеста в качестве решающей улики: «Вы не все написали, сказал он мне, видите ли вы, что это такое?» и он показал мне бумагу. Это была программа 14-го, которую мы составили вместе с Рылеевым 13-го вечером. Ее взяли, вероятно, вместе с моими бумагами». Подчеркнутые слова ясно говорят о происхождении документа и снимают вопрос об единоличном авторстве Трубецкого. Это свидетельство надо признать решающим: в свободном

разговоре с сыном декабриста, к которому Трубецкой испытывал полное доверие, он мог сказать полную правду [15].

Проанализируем программное содержание манифеста, систематизируя его по важнейшим вопросам.

Манифест объявлял «уничтожение бывшего правления», иначе говоря, объявлял старое правительство низложенным. Этот пункт имеет чрезвычайную важность. Вслед за этим надо поставить 5-й пункт манифеста— уничтожение крепостного права: «Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей». Манифест далее объявлял «равенство всех сословий перед законом» (вторая формулировка: «уравнение прав всех сословий»), иначе говоря, полагал начало юридическому уничтожению сословного строя — строя крепостной России. Манифест объявлял и о гражданских свободах: свободе печати («свободное тиснение и потому уничтожение цензуры»), свободе совести («свободное отправление богослужения всем верам»), свободе занятий («объявление права всякому гражданину заниматься, чем он хочет...»). Объявлялась «гласность судов» и «введение присяжных в суды уголовные и гражданские», иначе говоря, разрушался старый сословный суд и осуществлялась крупная буржуазная судебная реформа—судопроизводство становилось гласным при участии присяжных заседателей. Особо интересен 18-й пункт манифеста: «Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых». Таким образом, объявлялась коренная реформа государственного аппарата, состоявшая в замене чиновников выборными лицами. Манифест объявлял и о проведении серьезной военной реформы, провозглашая «уничтожение рекрутства и военных поселений», «уничтожение постоянной армии» и «образование внутренней народной стражи», а также «уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями». Кроме того, манифест объявлял значительное сокращение срока военной службы — на 10 лет. В манифесте (пункт 11) содержалось также и практическое указание: «Убавление срока службы военной для нижних чинов и определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями». Военная реформа, тут изложенная, не нуждается в комментариях. Это типичная буржуазная реформа, широкого для того времени размаха, предусматривающая введение всеобщей воинской повинности и отмену старых феодальных институтов (рекрутства, военных поселений и т. д.); она идет столь далеко, что отменяет вообще старую «постоянную армию», заменяя ее вооружением народа — народной милицией («внутренней народной стражей». Можно предположить, что это одно из временных мероприятий — на срок действий Великого собора). К этому надо добавить, что манифест уничтожал подушную подать и все недоимки по ней («сложение подушных податей и недоимок по оным»), а также ликвидировал правительственные монополии — соляную, водочную и пр. («уничтожение монополий, как то: на соль, на продажу горячего вина и пр., и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли с уплатою за промышленность с количества соли и водки») [16].

Сопоставляя эту программу с известными нам конституционными проектами декабристов, мы не находим полного совпадения ни с одним из них. Совпадая с конституционными проектами в объявлении отмены крепостного права и утверждении основных гражданских свобод—свободы печати, совести, занятий, передвижения, в уничтожении сословного строя, в гласности судов и введении присяжных, в замене чиновников выборными людьми, в военной реформе и ликвидации правительственных моно-

полий, манифест содержит и ряд своеобразных отклонений. Особенно важно констатировать отклонения от Конституции Никиты Муравьева. Манифест не содержит никакого упоминания о земле. Он явно обходит этот вопрос, не выдвигая знакомой нам формулы Никиты Муравьева: «Земли помещиков остаются за ними». В манифесте нет ни слова о выкупе крестьянами своей свободы. Манифест совершенно обходит вопрос об имущественном или каком-либо другом цензе для выборов в учредительное собрание и явно заботится о равном представительстве в нем всех сословий, ни о каких изъятиях в манифесте не упомянуто. Манифест объявляет «сложение подушных податей и недоимок по оным»; Конституция же Никиты Муравьева «до будущих установлений Народного веча», наоборот, распространяет подушную подать «на всех остальных граждан». Конституция Никиты Муравьева более робка и в области военной реформы. Она не формулирует прямым образом изложенных в манифесте принципов, а откладывает весь вопрос до вступления в действие Народного Веча, ограничиваясь лишь декларацией об уничтожении военных поселений и о военных прерогативах императора. В последнем же (тюремном) варианте муравьевской Конституции военные реформы вообще отсутствуют[17].

Особо подробное освещение военных реформ в манифесте необходимо, на мой взгляд, объяснить опорой восстания на армию, военным характером восстания. Щедрыми льготами и резким изменением положения к лучшему вся армия приводилась в движение, этим стимулировалась ее служба революции.

Таким образом, представляется несомненным, что манифест, оставаясь в рамках дворянской революционности, пошел значительно дальше Конституции Никиты Муравьева. Можно с уверенностью сказать, что ни один участник восстания не шел на Сенатскую площадь под знаменем муравьевской Конституции. Говоря образно, знамени, на котором был бы написан лозунг «Осуществим Конституцию Никиты Муравьева», вообще не было на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Восставшие пошли на борьбу под лозунгами, ушедшими дальше этой конституции.

Отметим и другое чрезвычайно существенное отличие манифеста от конституционного проекта Никиты Муравьева. Последний являлся проектом основного закона, незыблемо устанавливающего характер строя, манифест же являлся лишь установлением грани справа, допуская широкие возможности дальнейшей прогрессивной работы Великого собора. Передавая некоторые важнейшие вопросы (например, вопрос о земле) на решение Великого собора, он тем самым не предрешает исхода споров о нем, допускает возможность движения от менее прогрессивных формул к более прогрессивным (обратное движение более затруднено, о чем уже говорилось выше), в то время как тезис Конституции Никиты Муравьева «Земли помещиков остаются за ними»—фиксировал решение. В этом отношении манифест и Конституция принципиально различны по существу, причем различие говорит в пользу манифеста.

Вместе с тем на манифесте, несомненно, лежит печать ограниченной дворянской революционности. С этой стороны характерен и пропуск вопроса о земле в общих положениях манифеста: этот лозунг был слишком острым и спорным, и его не внесли в манифест, оставили до учредительного собрания, не только не желая взволновать крестьянство, но и боясь раздражить помещиков. Боязнь народных волнений не только сквозит в манифесте, но и прямо выявлена в свидетельстве Трубецкого о содержании манифеста: «Сим же Манифестом объявить, что даются равные гражданские права всем сословиям (не произнося однакож слова вольности для крестьян, чтобы тем не сделать возмущения)».

Несомненно, однако, что, несмотря на всю ограниченность своей революционности, манифест прогрессивен. Он движет исторический процесс вперед, нанося серьезный удар по устарелому и тормозящему развитие России феодально-крепостному строю; он уничтожает крепостное право и сословность, слагает подушные подати и недоимки, разгоняет старых чиновников, вводит буржуазные свободы, новый суд, новое устройство армии и для окончательного определения оснований нового строя созывает учредительное собрание[18].

Опубликовать манифест к русскому народу предполагалось в самый день восстания — 14 декабря 1825 г. Собственно, издание манифеста и было основной ближайшей целью восстания 14 декабря. Трубецкой свидетельствует: «Манифест сей должен бы был быть разослан в тот же день и по рассылке только его полки отвести на место, которое будет избрано для стояния им до собрания депутатов»[19].

Учредительному собранию оставалось немалое поле деятельности, несмотря на важность вопросов только что очерченного и уже предопределенного манифестом круга. Разработка и принятие конституции, решение вопроса о земле, вопрос о форме правления—конституционно-монархической или республиканской—всем этим должен был заняться Великий собор. Эта сторона дела была для руководителей восстания вполне ясна и многократно ими формулирована. В декабристской среде было немало сторонников как республики, так и конституционной монархии. Группа Рылеева держалась в основном республиканских воззрений, хотя и внутри нее было немало споров в связи с этим вопросом. Некоторые республиканцы по убеждениям могли все-таки «почитать» Россию еще «неготовою» к республике и практически становиться на сторону конституционной монархии, — Рылеев на следствии передает споры на эту тему и свои собственные сомнения. Как правило, литература о декабристах довольно прямолинейно выносит свое суждение об объективном историческом значении идеологии декабристов, отправляясь только от оценки отдельных воззрений того или другого члена тайного общества. Такой метод суждения связан с несомненным упрощением действительности. Существенной чертой замысла является то обстоятельство, что весь задумавший и руководивший восстанием 14 декабря революционный коллектив полагал, что вопрос о форме правления—республике или конституционной монархии — решит Великий собор. Собору можно представить любые конституционные проекты и любые мнения, но решать будет он. Вот это-то нередко отсутствующее в рассуждениях исследователей декабристского движения звено и надо восстановить в своих правах для правильного определения объективного исторического значения выступления 14 декабря. «Вообще,—говорил на следствии Рылеев,— о преобразовании правления в России как на совещаниях, так и в частных беседах с разными членами, с самого вступления моего в общество по 14 декабря я говорил одно, что никакое общество не имеет права вводить насильно в своем отечестве нового образа правления, сколь бы оный ни казался превосходным, что это должно предоставить выбранным от народа представителям, решению коих повиноваться беспрекословно есть обязанность каждого». Не менее выразительно и ясно следующее свидетельство Рылеева: «Мы вправе только разрушить то правление, которое почитаем неудобным для своего отечества, и потом тот Государственный Устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, предоставить на рассмотрение Великого собора, как наш проект. Насильное же введение оного я почитаю нарушением прав народа. С сим мнением были тогда все согласны». Очень выразительна и формулировка Александра Бестужева о том, что с момента открытия Великого

собора, решающего «какого рода избрать правление», члены тайного общества уже не имели особого голоса: «Тогда мы входили уже в ряд всех граждан». Каховский свидетельствует, что депутатам Великого собора можно было «представить Конституцию, которую они вправе принять или что в ней переменить, или совершенно отвергнуть». Совершенно ясно свидетельствует Рылеев: «Проект конституции, составленный Муравьевым, должно было представить Народному собору как проект». Батеньков считал созыв Великого собора вообще самым важным вопросом в плане государственного переворота; он советовал, как показывал Александр Бестужев, «единственно стараться о собрании депутатов из губерний»[20].

Совершенно иным было отношение к этому вопросу в Южном обществе. Напомним, что Пестель и его сторонники решительно отвергали самую идею созыва учредительного собрания и полагали необходимым ввести диктатуру временного правления. Сергей Муравьев-Апостол, с 1824 г. вступивший в непосредственные переговоры с Северным обществом, был сторонником учредительного собрания; Васильковская управа, им возглавленная, разделяла эту же точку зрения.

Такова была программная сторона государственного переворота. Программа эта была для того времени высоко прогрессивной. Как же обеспечивалось ее проведение в жизнь практическим планом государственного переворота?

4

Проведение в жизнь намеченной революционной программы обеспечивалось: 1) всенародным опубликованием манифеста—в представлении декабристов актом чрезвычайно значительным; 2) созданием временного правительства, которое должно было обеспечить созыв Великого собора и руководить жизнью страны до тех пор, пока съедутся делегаты и пока Великий собор не выполнит своих задач; 3) особыми мерами по отношению к царской семье, которые обеспечили бы возможность свободной деятельности как временного правительства, так и Великого собора. Рассмотрим по порядку все перечисленные вопросы.

Дворянские революционеры-декабристы, боявшиеся самостоятельных действий народа и во что бы то ни стало стремившиеся избежать «ужасов народной революции», искали «законных форм» для опубликования манифеста. Они и не помышляли опубликовывать его от своего имени или от имени какой-либо общественной группы. Создавшееся междуцарствие вновь сосредоточило их внимание на Сенате. Во-первых, это было учреждение, которое пользовалось, по мнению декабристов, особым авторитетом среди народа. Любопытно свидетельство Арбузова: «Сенат чорной народ полагает более государя». Об этом, несомненно, говорили во время прений о плане на заседаниях у Рылеева. Во-вторых, Сенат именно и был тем учреждением, которое, по сложившейся государственной практике, оповещало население после смерти царя о перемене правительства, назначало новую присягу и рассылало по губерниям соответствующий документальный материал. Текст «присяжных листов» шел непосредственно «от Сената» и печатался в сенатской типографии; новые «присяжные листы», оповещение о смерти старого императора и вступлении на престол нового развозили по стране сенатские курьеры. Перед всеми этими существенными действиями Сенат сам приносил присягу новому императору. Все это было общеизвестно[21].

Вот этой-то присяге Сената императору и надо было помешать. Необходимо было принудить Сенат не присягать, а подписать «Манифест к русскому народу» и опубликовать его во всенародное сведение. Все это и

было бы началом революции. В этом решении обратиться к Сенату с большой яркостью видна ограниченность дворянской революционности — боязнь разбить старую государственную машину, попытка опереться именно на нее и поиски старых «законных» форм для революционного по существу действия («должно делать с видом законности»,— показывал Трубецкой).

Вопрос о Сенате не только был продиктован сложившейся обстановкой междуцарствия и практической ролью Сената в этой обстановке. Этот вопрос, сверх того, был старым элементом плана, на нем еще до междуцарствия сосредоточивалось внимание декабристов. Как уже упоминалось выше, даже в 1824 г., во время приезда Пестеля в Петербург с текстом «Русской Правды», велись споры, в частности, и о Сенате: «Пестель показывает, что он в 1824 г. рассуждал с Краснокутским об установлении республиканского правления и провозглашения оного чрез Сенат»,— гласит сводка в деле декабриста Краснокутского. Очная ставка Пестеля с Краснокутским по этому вопросу привела в общем к подтверждению этого разговора, тем более интересного, что декабрист Краснокутский — отставной семеновский полковник — сам был обер-прокурором Сената (в 1-м отделении 5-го департамента) [22].

Функция Сената в плане государственного переворота не ограничивалась только публикацией манифеста. Новым обстоятельством, не учтенным в литературе о декабристах, является свидетельство Оболенского: «В обеспечение же исполнения требований наших Сенат должен был указом назначить начальника гвардии из людей нам известных, равно и дивизионных начальников». Это обстоятельство чрезвычайно существенно. Внезапная перемена руководства гвардией, назначение новых начальников, сочувствующих революции, было, разумеется, исключительно важно в общем плане переворота [23].

Декабристы выделили и людей, которые должны были обратиться к Сенату с предложением подписать манифест. Любопытно, что эта были именно штатские декабристы, по субординации своей подчиненные Сенату и служившие по судебному ведомству,— Пущин и Рылеев. Повидимому, был момент, когда в этой делегации числился и Батеньков, заменявший Рылеева. «Подпоручик Рылеев утвердительно показывает, что князь Трубецкой поручил ему вместе с вами в случае успеха в намерении общества идти в правительственный Сенат для представления оному к подписанию Манифеста к народу Русскому о введении нового правления в России»,— утверждает обращенная к Пущину следственная анкета. «В полной мере утверждаю показание сие Рылеева,— категорически отвечал Пущин,— с присовокуплением, что поручение сие не было сделано князем Трубецким, а было обще нами признано в совещании за нужное. Кроме сего, я никаких поручений не имел к исполнению 14 декабря» [24].

Важно подчеркнуть, что переговоры с Сенатом вовсе не мыслились декабристами в мирной форме. Начать предлагалось, повидимому, мирно, в чем убеждает и вежливая формула о «представлении оному (Сенату.—*М. Н.*) к подписанию Манифеста». Но дальнейшие переговоры, в случае несогласия Сената, несомненно, должны были перейти в принуждение Сената с помощью военной силы. «Созвать Великий собор мы надеялись посредством Сената, а Сенат принудить к тому силой»,—вполне ясно говорит Рылеев. «Вытребовать от Сената Манифест»,— говорит Трубецкой. «Принудить Сенат повиноваться нашей воле»,— показывает Михаил Бестужев. «Заставить Сенат сделать это»,— вторит им сенатор Краснокутский. «Захватить Сенат и вынудить сенаторов»,— свидетельствует Каховский. «Насильно заставить Сенат объявить конституцию»,—

заявляет Штейнгель. Выразительна формулировка Александра Бестужева: «Или мы ляжем на месте, или принудим Сенат подписать конституцию». Эта формула, несомненно, говорит о предполагаемой возможности применения оружия. В связи со всем этим предполагалось занятие Сената восставшими войсками [25].

«Принуждение Сената» и было поэтому одним из начальных и весьма существенных элементов плана. Это должно было быть первым крупным революционным действием восставших войск. Отсюда и следовала необходимость идти именно на Сенатскую площадь, а не куда-нибудь в другое место. Когда в суматохе начавшихся событий и уже движущихся полков кто-то спрашивал Бестужева, «не собраться ли лучше на Дворцовую площадь, то я,— показывает он,— настоял, чтобы не туда, а на Сенатскую». Даже предполагалось, в случае если понадобится объяснение, говорить солдатам, что цесаревич заперт в Сенате, «потому определено вести на Сенатскую площадь».

Все участники восстания хорошо знали, куда идти. Даже одиночки не нуждались в разъяснениях: весьма слабо связанный с революционным коллективом декабрист Коновницын, и тот утром 14 декабря, как вспоминает Пущин, «скакал верхом к Сенату», освободившись от ареста. Михаил Бестужев, проведший ночь перед восстанием в Зимнем дворце, объяснял караульным офицерам, чтобы они, даже в том случае, если за ними не пойдут их полки, шли бы одни, без солдат «прямо на Сенатскую площадь» [26].

Перейдем теперь к следующему звену плана. Между «принуждением Сената» и «сзовом» Великого собора, естественно, должно было протечь какое-то время: оно, очевидно, складывалось из дней, потребных для распространения манифеста, дней, или, вернее, недель, потребных для организации выборов в учредительное собрание — от всех сословий, по каждой губернии отдельно, а также из дней или даже недель, нужных для передвижения депутатов в Петербург на лошадях, по зимним дорогам. Сами декабристы отводили на это месяца три, т. е. предполагали созыв учредительного собрания примерно в половине марта 1826 г. Было даже предложение не дожидаться депутатов, едущих из особо отдаленных районов, а открывать учредительное собрание без них. Но как ни хотелось торопить события, они должны были взять немало времени, и вопрос о создании временного правительства становился во весь рост [27].

Вопрос этот также был давним, неоднократно обсуждавшимся вопросом и возник не в последние дни на совещаниях у Рылеева — о нем многократно говорили и спорили также и в предыдущие годы. Назывались имена кандидатов во временное правительство — М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского, сенатора И. М. Муравьева-Апостола, Столыпина, Баранова и др. Из этого ряда имен на рылеевских собраниях звучали перед восстанием, собственно говоря, лишь имена Сперанского и Мордвинова. Оба они находились в столице в момент интересующих нас событий, передовая политическая репутация обоих была общеизвестна, с обоими у рылеевского круга были личные связи. Декабрист Г. С. Батеньков, сблизившийся со Сперанским еще во время работы последнего в Сибири, был правителем его канцелярии, жил у него в доме и был своим человеком в семье Сперанского (он постоянно бывал, например, в комнатах дочери Сперанского, куда заходил «вышивать по канве»). Вхожи в дом к Сперанскому на правах близко знакомых людей были также Рылеев, Краснокутский, Корнилович [28].

Рылеев помнил и о самом первом предложении Сперанского и Мордвинова в члены временного правительства, имея в виду одно из ранних собраний членов Северного общества: «При разговоре о создании Вели-

кого собора, рассуждали и о Временном правлении. Это, кажется, было у Митькова. М. Муравьев-Апостол предлагал назначить в оное директоров Общества Пестеля, еще одного из Южной директории и Н. Тургенева или Трубецкого. На это сей последний возразил, что во Временное правление надобны люди уже известные всей России, и предлагал к тому Мордвинова и Сперанского. На что все согласились. Я также был с ними согласен, и с самого того времени по 14 декабря мысль сия в Северном обществе оставалась неизменною» [29].

Сенатор Мордвинов, близкий к Рылееву, родственник Муравьевых, был широко известен своим либерализмом. Высокий отзыв дает о нем декабрист Николай Бестужев. Он показывает, что Рылеев «не переставал мне выхвалять качества Николая Семеновича Мордвинова, в чем и я принимал участие, видя, что сей человек часто один останавливал многие ко вреду государства предложения в Государственном совете. Образ мыслей его, изложенный во многих его мнениях, которые ходили по городу как образцы государственного красноречия и любви к Отечеству, был тот, что Государству Российскому необходимо потребны коренные постановления и устройство по всем частям». Декабрист Сутгоф показывает, что Каховский давал ему читать «некоторые из мнений г. Мордвинова, которые он получал от Рылеева». Существенно и то, что Мордвинов все же не считался декабристами идеалом гражданина и деятеля вообще — его считали лишь подходящим членом временного правительства, и только. Источники донесли в свидетельствах Каховского и следы несомненного скептицизма декабристов по отношению к Мордвинову, которого Рылеев называл «аристократом» [30].

Другим кандидатом во временное правительство был известный своим либерализмом Сперанский. Правдоподобно предположение, что он в какой-то форме знал о заговоре декабристов. Чрезвычайно интересно показание Штейнгеля о разговоре Батенькова со Сперанским в день воцарения Константина, т. е. 27 ноября. «Когда получено было известие о смерти покойного государя, и присяга была сделана цесаревичу,— показывает Штейнгель,— подполковник Батеньков говорил мне, что он со стариком своим рассорился (так называл он г-на Сперанского) за то, что упустили день, который в столетие едва повторится, и ничего не сделали для отечества. Сперанский ему отвечал, что же мне делать одному. Здесь я токмо узнал, что, вероятно, он ведал о намерении и о существе общества». Сперанский, очевидно, ждал лишь победы декабристов. Рылеев и прочие члены Северного общества не без основания полагали, что «от высших трибуналов люди в свое время покажутся». «Только бы удалось, а там явятся люди»,— говорили в среде декабристов. Характерны слова Рылеева, в которых выражалась полная уверенность в согласии Сперанского войти во временное правительство: «Признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во Временном правительстве. Это основывал я на его любви к отечеству и на словах Батенькова, который мне однажды сказал: «во Временное правительство надо назначить людей известных». И когда я ему на это сказал, что мы думаем назначить Мордвинова и Сперанского, то он сказал: «Хорошо»» [31].

«Манифест к русскому народу», подписанный Сенатом, должен был содержать и назначение временного революционного правительства. Декабристы, обсуждая план, прямо указывали и на эту функцию «принуждения Сената»: он назначает временное правление. «Надобно принудить Сенат назначить Временную Правительственную Думу и стараться, чтобы в нее попали люди, уважаемые в России, как например: Мордвинов или Сперанский, а к ним в правители дел назначить подполковника Батенькова»,— передает Рылеев слова Трубецкого, и эта формула была,

повидимому, последним решением плана государственного переворота. В манифесте Трубецкого с большой отчетливостью перечислены все функции временного правительства. Приведем текст полностью ввиду его большого значения для нашей темы.

«Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных Правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судебной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок Правления и Государственное Законоположение»[32].

Текст этот в силу своей ясности не нуждается в комментариях. Можно лишь сделать к нему добавления, почерпнутые из предыдущего текста манифеста. В этом тексте определено число лиц временного правительства и его взаимоотношения с министерствами, Государственным советом, армией и флотом, а также установлен общий характер хода делопроизводства в государственных учреждениях на переходное время. Манифест Сената к русскому народу учреждал временное правительство «из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то-есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии и флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судную. Для сей последней остается министерство, подчиненное временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената—уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления». Таким образом, Сенат закрывался по объявлении о сборе депутатов учредительного собрания — оставался только его департамент для судебных дел и учреждался департамент гражданский[33].

Рассматривая все эти тексты, нельзя не прийти к выводу о том, что вопрос о временном правительстве и его компетенции был обдуман довольно подробно.

5

Однако мы еще не можем представить себе во всей полноте план государственного переворота, пока не рассмотрим вопроса о царской семье — существенном препятствии для реализации плана и предмете постоянных обсуждений, споров и раздумий декабристов. В России начиналась революция. Сенат принуждался силой оружия к подписанию «Манифеста к русскому народу», рушилось крепостное право, вводились гражданские свободы, чиновники становились выборными, всюду по губерниям шли выборы в учредительное собрание, депутаты съезжались в Петербург, где власть была в руках временного правительства. Где и в какой момент реализации этого плана дворяне-революционеры сталкивались с царской семьей? Необходимо подчеркнуть, что речь не случайно идет не о царе, а о царской семье, ибо царя в силу создавшейся ситуации и ее понимания декабристами в России нет: Александр I умер в Таганроге, Константину присягнули, но он присяги не принял и отказался от престола, Николаю еще не присягнули и не желают присягать. Царя, следовательно, нет —

есть лишь претендент на престол и многочисленная царская «фамилия», т. е. бесконечный источник дальнейших претендентов. Обращение к Сенату и вытекает из этого понимания ситуации: не царя просят дать конституцию и править страной по-новому или даже убраться совсем, просить об этом некого—царя в России пока что не существует. Это понимание ситуации прекрасно выражено, например, в первом проекте введения к манифесту, написанном Штейнгелем, но уничтоженном и приведенном им по памяти на следствии: «Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставя Россию в бедственном положении. В завещании своем наследие престола он предоставил Николаю Павловичу. Но великий князь отказался, объявив себя к тому не готовым, и первый присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят, они не умеют быть отцами народа» [34].

Судьбу царской семьи окончательно решало учредительное собрание, которое принимало конституцию. В том случае, если Россия становилась республикой, исход был ясен; но если учредительное собрание утверждало конституционную монархию, представитель царской семьи был бы нужен как власть исполнительная. Поэтому, ожидая решения судьбы государства от учредительного собрания, логически и нельзя было сопроводить первые же шаги революции цареубийством. По логике событий возможного претендента на престол убивать было еще рано — он мог потребоваться по ходу дела как император конституционной страны. Поэтому практически вставал вопрос не о цареубийстве, а лишь об аресте царской фамилии на все время действия манифеста до решений учредительного собрания.

Летние предложения 1825 г. оживили обсуждение вопроса о судьбе царской семьи во время переворота. В этой связи Северная дума приняла решение о насильственном вывозе царской семьи за границу на корабле, команда которого станет на сторону революции. Специальному посланцу от Северного общества — декабристу Бриггену было поручено передать это решение членам Южного общества и бывшему в то время на юге Трубецкому [35].

Уже упоминалось, что планы переворота стали обсуждаться сразу же после смерти Александра I, еще в связи с первой присягой Константину — 27 ноября. В этой же связи обсуждался и план цареубийства в Москве во время предполагаемой коронации Константина; при обсуждении вносилась поправка: не во время коронации (это поздно), а за несколько дней до нее. На следствии об этом в живой форме рассказал Каховский: «Предполагалось в первых днях по известии о кончине императора, если цесаревич не откажется от престола, или если здесь не успеют, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации; сие тоже говорил Рылеев, а барон Штейнгель сказал: лучше пред тем днем захватить их всех, у всеночной в церкве Спаса за Золотой решеткой*. Рылеев подхватил: „славно! Опять народ закричит: Любо! любо" в Петербурге же все перевороты происходили тайно, ночью» [36]. Это обсуждение было мимолетным. События развертывались быстро. Днем позже все заговорили об отречении Константина, и вопрос о его коронации в Москве сам собой был снят с порядка дня. Вопрос о царе вступил в ту фазу, в которой он уже непосредственно сплетен с реальным планом государственного переворота, обсуждавшимся накануне восстания. Как всегда при обсуждении, вносились разнообразные предложения, отражавшие борьбу основных течений.

---

* В Московском Кремле.

На совещании у Рылеева выявилась радикальная группа, сразу заговорившая о необходимости цареубийства. По свидетельству Штейнгеля, к ней принадлежали Александр Бестужев (еще летом 1825 г., как указывалось выше, вызвавшийся на цареубийство), Якубович, Оболенский, «который показывал личное неудовольствие на государя и произносил ужасные слова», и Каховский. Все эти лица утверждали, что «изменение без крови быть не может». Александра Бестужева и Каховского Штейнгель называет даже «пламенными террористами». По свидетельству Рылеева, крайнюю позицию занял Якубович. Как мы уже упоминали, он предложил даже сделать народ в какой-то мере участником переворота, разбить кабаки, «позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу», но это предложение «единодушно было отвергнуто». Батеньков полагал, как передает Трубецкой, что «дворец должен быть священное место, что если солдат до него прикоснется, то уже ни черт его ни от чего не удержит». Не только мнение Якубовича, но и точки зрения радикальной группы потерпели поражение. План действия через Сенат с последующей публикацией манифеста и созывом Великого собора имел свою логику сцепления отдельных звеньев, которая отводила вопрос о цареубийстве: царя, прежде всего, не было, были отказавшийся от престола царь и претендент на престол, которому еще не присягнули. Великий собор мог остановиться на конституционной монархии; кроме того, солдат побуждали на борьбу именем Константина. В этих условиях акт цареубийства не только не находил себе логического места, но был бы не нужен и даже противоречил бы ходу дела. Торсон убедительно показывает, что «дней за 10 до 14 числа» Александр Бестужев «объявил мне, что отменили покушение на жизнь великих князей и, может быть, изберут из них того, который согласится принять предложение». Доказывая, что последнее общее решение не говорило о цареубийстве, Александр Бестужев убедительно аргументирует, утверждая: «Мы совершенно переменили прежний план действия и, увлекая солдат именем Константина Павловича, могли ли не открыть им глаза таким поступком против его фамилии?!» Было сообща принято новое решение: арестовать («задержать») царскую фамилию до решения Великого собора, а далее поступать с нею смотря по обстоятельствам: или — в случае принятия монархической конституции — «избрать» великого князя, который согласится с нею, или — в случае сопротивления царской семьи — вывезти ее за границу. В последнем случае декабристы лишь возвращались к летнему проекту 1825 г. Об этом общем решении имеется много свидетельств. «Положено же было захватить императорскую фамилию и задержать оную до съезда Великого собора, который долженствовал решить: кому царствовать и на каких условиях»,— свидетельствует Рылеев, относя принятие этого плана к «решительному совещанию». «Тебе объявлен план общества: захватить царскую фамилию и предоставить решение судьбы ее Великому собору»,— говорил Рылеев Каховскому. «Смотрите, господа, будете раскаиваться»,—утверждал Каховский, и его с трудом заставили согласиться («успокоили», как говорит Рылеев). О плане ареста царской семьи свидетельствует также Пущин. Рылеев в одном неопубликованном показании свидетельствует, что Штейнгель, как и все, знал и одобрял план «посредством Сената созвать Великий собор и до съезда оного задержать императорскую фамилию» [37].

Необходимость ареста императорской фамилии впредь до решения Великого собора влекла за собой захват Зимнего дворца. Этот вопрос также был предметом споров и разнообразных суждений, которые увенчались решением захватить дворец. Не забудем, что Зимний дворец был в то время также местом заседаний Государственного совета. Радикаль-

ная группа твердо отстаивала этот план. Александр Бестужев едва ли не из первых подал мысль, что «можно забраться во дворец». Решительным сторонником этого был и Рылеев. Трубецкой также примкнул к этому решению. В конце апреля 1826 г. Рылеев свидетельствовал: «Занятие дворца было положено в плане самим Трубецким», а 6 мая Трубецкой вынужден был, наконец, на очной ставке с Рылеевым подтвердить это показание [38].

Внимательное исследование всего круга показаний на эту тему приводит к выводу, что лицами, которым поручалось выполнение этой части плана, были Якубович, Арбузов, Рылеев, Александр и Николай Бестужевы. Воинской силой, которая должна была осуществить эту ответственную задачу, были балтийские матросы — гвардейский морской экипаж, а также Измайловский полк.

«Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что и изъявил свое согласие Трубецкой», — свидетельствует Рылеев. «Якубовичу назначено было взять дворец»,— показывает Каховский. Сам Якубович говорит о любопытном факте: Арбузов — лейтенант гвардейского экипажа — передал ему просьбу офицеров гвардейского экипажа принять над ним командование. Рылеев и Александр Бестужев также имели явное отношение к этому важнейшему предприятию; очевидно, они должны были принять непосредственное участие в подготовке этого акта. Николай Бестужев, как моряк, должен был участвовать в выводе матросов на площадь. Из дела Александра Бестужева мы узнаем, что Рылеев накануне выступления искал план Зимнего дворца «на случай ареста» (царской фамилии. — *М. Н.*). «На что я, засмеясь, возразил, что это глупость, что царская фамилия не иголка, и если удастся увлечь войска, то она, конечно, не скроется»,— показывает Александр Бестужев [39].

В тревожную ночь с 13 на 14 декабря Якубович и Александр Бестужев отправились вместе на Крюков канал в казармы гвардейского экипажа, чтобы ознакомиться с его расположением и знать, где найти Арбузова. «Я приезжал с 13-го на 14-е ночью с А. Бестужевым... узнать, где расположен гвардейский экипаж и как могу отыскать вышеописанного ротного командира, дабы по условию на другой день мог вести людей в назначенное место»,— показывает сам Якубович. Сутгоф передает слова Рылеева, сказанные ему: «Я же и Якубович, говорил он, возьмем гвардейский экипаж, с которым зайдем за Измайловским полком и отправимся к Зимнему дворцу». При встрече с офицерами гвардейского экипажа Якубович говорил ободряющие слова, обещал в своем лице показать пример, как стоять под пулями. Якубович был популярен в армии, и его слова вызывали доверие. Храбрый кавказец, раненный в голову пулей, застрявшей в черепе, и носивший на лбу черную повязку, конечно выглядел внушительно, и словам его можно было верить. Интересно отметить, что функция Якубовича в восстании сказалась и в том, что он на следствии несколько раз указывал не только Петровскую (Сенатскую), но и Дворцовую площадь как цель, к которой он должен был двинуться. Подобного указания нет более ни у кого другого [40].

6

Необходимость захватить Зимний дворец, чтобы арестовать царскую семью, была для Рылеева бесспорной, но накануне восстания арест уже стал представляться ему недостаточной мерой. Внутренне Рылеев был еще ранее сторонником цареубийства, причем считал нужным уничтожить не только претендента в цари, а всю царствующую фамилию. Он с потрясающей откровенностью сказал об этом на следствии: «Я полагал,

что убиение одного императора не только не произведет никакой пользы, но, напротив, может быть пагубно для самой цели общества, что оно разделит умы, составит партии, взволнует приверженцев августейшей фамилии и что все это совокупно немедленно породит междоусобие и все ужасы народной революции. С истреблением же всей императорской фамилии, я думал, что поневоле все партии должны будут соединиться или, по крайней мере, их легче можно будет успокоить»[41]. Характерно, что одним из мотивов цареубийства — с виду решительного и смелого шага — парадоксальным образом явилась, как видим, та же боязнь широкого массового движения. В дальнейшем Рылеев примкнул к мнению об аресте и согласился с мыслью, что участь царствующего дома решит Великий собор, но сомнения стали особенно терзать его с утра 13 декабря. О них он с той же поразительной откровенностью сказал следующее: «Поутру того дня (т. е. 13 декабря.— *М. Н.*), долго обдумывая план нашего предприятия, я находил множество неудобств к щастливому окончанию оного. Более всего страшился я, если ныне царствующий государь император не будет схвачен нами, думая, что в таком случае непременно последует междуусобная война. Тут пришло мне на ум, что для избежания междуусобия должно его принести на жертву, и эта мысль была причиной моего злодейского предложения». «Злодейское предложение» состояло в том, что Рылеев, в несомненном противоречии с общим планом действий, на свой страх и риск вечером 13 декабря обратился с предложением убить Николая к Каховскому, который еще ранее, в течение всего 1825 г., выражал согласие на цареубийство. Рылеев предложил ему прийти на Дворцовую площадь в офицерском лейб-гренадерском мундире (Каховский был отставным) и рано утром 14 декабря, еще до сбора войск на Сенатской площади, проникнуть во дворец или, дождавшись на крыльце, убить претендента на престол — Николая Павловича. «13 декабря ввечеру,— показывает Рылеев,— я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя и говорил, что это можно исполнить на площади». Сам Каховский показывает об этом так: «13 декабря, ввечеру» Рылеев сказал ему, обнимая его: «Я знаю твое самоотвержение, ты можешь быть полезнее, чем на площади, истреби императора». «Я совершенно не отказывался, возражал ему, что сего сделать невозможно, какие я найду к сему средства; он представлял, чтобы я вошел во дворец рано поутру прежде восстания, в офицерском мундире; или на площади, если выедет император, убил его». Каховский показывает далее: «Признаюсь откровенно, увлеченный бедствиями отечества и, может быть, заблуждаясь в цели и намерениях, для общей пользы не видал [в этом] преступления». При другом допросе, говоря об этом же случае, Каховский приводит и полные смысла слова Рылеева, поясняющие цель его предложения: «Ввечеру 13 декабря Рылеев мне предлагал убить государя, говоря: «открой нам ход»»[42].

Смысл этих слов полностью уясняется, если сопоставить это с решением занять войсками Зимний дворец и арестовать царскую семью. Выполнение этой задачи, действительно, видоизменилось бы и облегчилось, если бы главный претендент на престол — Николай Павлович — был убит в порядке частного террористического акта в самом начале событий. Тогда пришлось бы занимать уже не столь крепкий и не столь страшный Зимний дворец, глава которого уже погиб, и арестовывать не всю царскую семью, а как бы менее существенный ее остаток, который еще не имел бы времени прийти в себя, сорганизоваться и разобраться в обстановке. «Ход» в Зимний дворец для гвардейского экипажа действительно был бы «открыт». Так Рылеев хотел особым способом закрепить успех революции.

Разумеется, это предложение Рылеева резко видоизменяло общий план действий тайного общества, но Рылеев вносил это видоизменение на свой страх и риск. Рылеевскому предложению воспротивился Александр Бестужев. Узнав о предполагаемом акте, он решительно отговаривал от этого Каховского и брал последствия на себя. В живой форме он передает на следствии свой разговор с Каховским. Поручение Рылеева Каховский получил, видимо, очень поздно вечером 13 декабря, скорее в ночь на 14-е, так как Бестужев, ездивщий в ту ночь с Якубовичем в морской экипаж, успел уже вернуться домой. Каховский, знавший о плане выступления в деталях, конечно, не мог не понимать, что он выступит цареубийцей не по плану, а по личным предположениям Рылеева, расходящимся с общим планом. Положение осложнялось еще бывшим ранее столкновением Рылеева с Каховским по этому вопросу (осенью 1825 г. у Рылеева был план, перекликающийся, между прочим, с планом южных декабристов о создании «cohorte perdue» — «обреченного отряда» цареубийц).

Таким образом, занятие Зимнего дворца стояло в плане декабристов. «О царской фамилии Рылеев, помнится, кончил споры тем, что обстоятельства сами покажут, что делать будет должно»,— показывает Штейнгель. Это едва ли не самое последнее решение. После Зимнего дворца положено было занять революционными войсками и Петропавловскую крепость. Трубецкой сознался в этом также лишь на последней очной ставке, признав правильность следующего свидетельства Рылеева: «Занятие дворца было положено в плане действия самим кн. Трубецким. Якубович брался с Арбузовым сие исполнить, на что кн. Трубецкой и изъявил свое согласие. Занятие же крепости и других мест должно было последовать по его же плану после задержания императорской фамилии». Что надо разуметь под «другими местами»? В своих записках Трубецкой говорит о предположении занять также арсенал. Декабрист Розен в своих воспоминаниях говорит о нескольких намеченных пунктах: по его свидетельству, кроме Зимнего дворца и крепости, было положено занять «главные правительственные места, банки и почтамт для избежания всяких беспорядков». О плане занятия Петропавловской крепости осведомлен также Оболенский. «В обеспечение наше мы требовали занятие и управление крепостью войсками, нам приверженными...», — показывает он. Трубецкой возводит предложение занять крепость к Батенькову и Рылееву, причем приводит мнение последнего, что крепость должны занимать лейб-гренадеры. Последнее было связано с тем существенным обстоятельством, что Петровские казармы, в которых квартировали гренадеры, находились за Невой, на берегу Большой Невки на Аптекарском острове, совсем близко от Петропавловской крепости. Путь их на площадь лежал через Петропавловскую крепость. Заметим, что 2-я и 3-я фузилерные роты 1-го батальона лейб-гвардии гренадерского полка занимали в Петропавловской крепости караулы [43].

Остановимся теперь на вопросе о предполагавшейся позиции войск после первых успехов восстания. Защищаясь от обвинения в согласии на цареубийство, Трубецкой раскрывает эту сторону дела как довод своей защиты. Поскольку мы пришли к выводу, что в общий план государственного переворота цареубийство действительно не было включено, можно поверить его свидетельству. «За непременное было определено мною,—показывает он,—чтоб войска после издания Манифеста от Сената вышли из города и стали близ оного лагерем и таким образом ожидать Собрание губернских депутатов, не касаясь нимало высочайшей особы государя императора и августейшей фамилии». Разумеется, это «нимало» требует существеннейшей поправки, поскольку «августейшая

семья» сидела бы под арестом в Зимнем дворце, если не в Шлиссельбурге, но к остальной части показания Трубецкого надо прислушаться. Действительно, в случае успешного «принуждения Сената» и издания манифеста крайне опасно было бы распустить восставшие войска по казармам — они должны были быть в полной боевой готовности, чтобы защищать революционную столицу. Батеньков на заседаниях у Рылеева предположительно говорил о «Пулковой горе» как о районе расположения войск, выведенных за пределы города. Вдумываясь, какой же смысл вкладывали в это мероприятие декабристы, можно предположить следующее: не требовало ли этого вывода опасение, что к столице могут подойти из разных пунктов империи контрреволюционные войска? Возможно, что именно от них надо было обезопасить столицу. Кроме того, лагерное, а не казарменное положение держало бы войска в боевом напряжении. Любопытно также мелькнувшее при обсуждении предположение Рылеева, что восставшие полки, выведенные за город, смогут «остановить» цесаревича Константина, «буде он приедет» в столицу. Этим еще раз подчеркивается функция охраны успехов революционного переворота со стороны выведенных за город войск [44].

Но наиболее интересна в этом плане другая сторона: какая же сила держала бы войска в напряжении? Ведь не вера же в «законность» Константина как императора? Не кто иной, как Трубецкой, с большой ясностью отвечает на этот вопрос: сила того, что солдаты получили бы от революционного переворота, идейная сила манифеста, его содержание: «После же обнародования Манифеста от Сената, надеялись удержать их (солдат.— *М. Н.*) в сборе до собрания Депутатов объявлением уменьшения срока службы и содержанием самого Манифеста». Следовательно, «законность» Константина служила поводом лишь для первоначального сбора солдат на Сенатскую площадь [45].

Однако, по давнему мнению декабристов, успех в столице должен был сопровождаться военным выступлением на местах. Важнейшее значение имело выступление на Украине — во второй армии. Трубецкой провел в Киеве почти год, вступив в тесную связь с деятелями Южного общества и немало «поработав» для того, чтобы изолировать Пестеля и его группу. Он закрепил связь Северного общества с группой Сергея Муравьева-Апостола. На совещаниях у Рылеева, несомненно, шла речь и о выступлении Южного общества, которое надо было своевременно известить о «начале действий». Трубецкого чрезвычайно тревожил вопрос о южном выступлении. В этой связи важно показание Александра Бестужева, что на совещании у Рылеева, примерно 12 декабря, Трубецкой «просился уехать, чтобы удержать от присяги 2-й корпус, но ему сказали, что он здесь надобен». Допустим, что Трубецкой ухватился за этот предлог просто для того, чтобы отлучиться, следуя тайному влечению уклониться от участия в тревоживших его событиях. Но в данном случае этот внутренний мотив не имеет значения: для нас важен самый факт споров вокруг этого вопроса на рылеевских совещаниях, показывающий, что вопрос, несомненно, шел о каком-то согласовании действий с югом. Прямым доказательством того же является и письмо Трубецкого к Сергею Муравьеву, врученное им брату Сергея — Ипполиту, прапорщику квартирмейстерской части, который спешно отправлялся из Петербурга на юг именно в эти дни. Таким образом, одновременность северного и южного восстаний была важным моментом замысла [46].

В это же время на рылеевских совещаниях возникает вопрос о спешном вызове в Петербург из Москвы Михаила Орлова. Речь идет не о личном обращении к Орлову Трубецкого, а об обращении к нему группы Северного общества, руководящей восстанием. В литературе есть тенден-

ция объяснить это обращение опять-таки желанием боязливого «диктатора» как-нибудь уклониться от надвигающихся событий и передать диктаторство Орлову. Но речь идет не об индивидуальном решении Трубецкого, а именно об обсуждении вопроса на рылеевских совещаниях, явно после того, как диктатор Трубецкой уже избран и признан за диктатора. Розен в своих записках свидетельствует, что у Рылеева говорили о приглашении Орлова 12 декабря. Как истолковать этот факт? Не уясняется ли он сопоставлением с другим предложением Трубецкого, сделанным в тот же день,—с его желанием быть на юге, чтобы обеспечить изоляцию Пестеля и нужное направление тревожившего северян южного восстания? Тогда уясняется и необходимость иметь надежного заместителя диктатора на севере в случае последующего отъезда основного диктатора — Трубецкого — на юг [47].

Так или иначе вызов Михаила Орлова был известен всей рылеевской группе, одобрен ею и сделан явно после выбора Трубецкого диктатором и без отмены этого выбора. Следовательно, этот вызов в глазах участников рылеевских совещаний как-то совмещался с диктаторством Трубецкого, что и может быть объяснено указанным выше образом. К тому же совершенно очевидно, что по вызову, посылаемому в воскресенье 13 декабря, вызываемый Орлов мог оказаться в Петербурге — при самых благоприятных условиях и максимальной спешности действий — никак не ранее 19 декабря. Даже по снежному пути (санное передвижение быстрее летнего на колесах) и при самой быстрой езде дорога из Петербурга в Москву брала около двух суток, а тут этот срок увеличивался вдвое — как время движения гонца и самого Орлова. Отсюда ясно, что Трубецкой вызывал Орлова по поручению тайного общества никак не для завтрашних действий, а для каких-то более отдаленных. Руководство завтрашним днем и ближайшими четырьмя-пятью днями он брал на себя,— это не подлежит никакому сомнению.

Письмо Трубецкого к Михаилу Орлову было вручено корнету Свистунову, который выехал из Петербурга вместе с Ипполитом Муравьевым-Апостолом в воскресенье 13 декабря в шестом часу пополудни. Свистунов должен был остаться в Москве, а Муравьев-Апостол — ехать дальше на юг [48].

Письмо Трубецкого к Орлову, разумеется, не сохранилось: оно было уничтожено декабристами сейчас же после разгрома восстания. Орлов приписывает уничтожение письма себе, Свистунов — себе, но этот момент не имеет существенного значения. Важно, что устное изложение письма по требованию следствия — это единственное, чем располагает исследователь. Вот изложение этого письма в передаче Свистунова: «Трубецкой говорил Орлову, чтоб приехал в Петербург немедля, что войска, конечно, будут в неустройстве и что нужно воспользоваться первым признаком оного: что он вскоре пришлет к нему заемное письмо Пирошкова (sic!), что происшествие, конечно, будет — и желательно бы было, чтоб он ускорил своим приездом» [49]. Можно не останавливаться на том, стоит или не стоит вопрос о денежном документе, упомянутом в письме, в непосредственной связи с восстанием, так как этот вопрос потребовал бы большого отступления. Нельзя, конечно, высказать полной уверенности и в точности переданного Свистуновым текста — он мог чего-то не досказать. Но основной смысл сказанного им вполне соответствует событиям и не оставляет сомнения, что разговор об Орлове обсуждался на совещании у Рылеева 12 декабря, а письмо Трубецкого к Орлову от 13 декабря было результатом обсуждения. Иначе говоря, Орлова вызывали в Москву в соответствии с решением руководящего ядра рылеевской группы и вовсе не для руководства восстанием в день 14 декабря.

Существенно, что одновременно Трубецкой вручил Свистунову и второе письмо, адресованное к старому и активному члену декабристского общества — С. М. Семенову, известному радикализмом своих убеждений. Семенов (из орловских семинаристов) был редким примером разночинца в Северном обществе декабристов. Можно предположить, что, вызывая Орлова в Петербург, Трубецкой не хотел вместе с тем лишить руководства московскую группу в столь важный момент и поручал наиболее активному члену заменить Орлова в Москве в решительные дни предполагавшегося выступления. Представление о содержании письма к Орлову может дать и записка, адресованная И. И. Пущиным Фонвизину, находившемуся в Москве. Она воспроизведена по памяти Михаилом Орловым и записана им в показаниях следствию. По словам Орлова, Пущин писал Фонвизину: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено... Мы всякий день вместе с Трубецким и много работаем... Нас здесь [в Петербурге] 60 членов. Мы уверены в 1.000 солдат, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться... Случай удобен. Ежели мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов. Покажите сие письмо Михайле Орлову» [50].

7

Теперь необходимо уяснить себе, каким образом был избран день для выполнения задуманного плана. Ведь события развивались довольно неожиданно: неожиданной была смерть Александра I, неожиданным — отказ Константина. Неясно было, что последует в результате этого отказа. Когда именно будет назначена новая присяга,— это хранилось в строжайшей тайне. Между тем декабристам нужно было по всему смыслу задуманного плана заранее знать о присяге, чтобы не допустить до нее войска и Сенат. Им по самой сути их замысла надо было действовать между решением Николая привести войска и население к присяге и самой присягой. После присяги Николаю выводить войска на площадь, по мнению декабристов, было уже поздно. А до того как решение претендента на престол о второй присяге стало бы известно населению, действовать, согласно концепции восстания, принятой декабристами, было еще рано: не было предлога вести на восстание войска, мирно присягнувшие императору Константину I еще 27 ноября. По меткой формуле декабриста Розена, восстание имело предлогом «вторичную присягу, при коей одна клятва нарушала другую клятву и обнаруживала незаконность первой» [51].

Достаточно вспомнить, что новая присяга обычно объявлялась гвардии непосредственно перед самим приведением к присяге, чтобы представить себе нередко забываемые историками и читателями книг о 14 декабря чрезвычайные трудности организации задуманного декабристами выступления.

С формальной точки зрения, в согласии с законами и обычаями российского престолонаследия, с 27 ноября по 14 декабря 1825 г. (т. е. в течение 17 дней) в России царствовал император Константин I. Его брат Николай Павлович вступал, следовательно, на российский престол как бы в качестве наследника отрекшегося императора Константина I. Вступление на престол считалось совершившимся с момента освобождения престола предшественником (обычно в силу смерти последнего). В данном случае император Константин I не пожелал дать формальный акт отречения от престола, и дело ограничилось семейной перепиской, что явно противоречило обычной практике. Николай счел подобные семейные письма достаточными и объявил себя вступившим на престол с момента получе-

ния пакета из Варшавы в субботу 12 декабря 1825 г. Для составления и объявления манифеста о вступлении на престол «высшему сословию в государстве» — Государственному совету, как и для последующего распоряжения о присяге, требовалось время. Вступление на престол и последующая присяга всегда были неизбежно разделены известным промежутком времени. Александр II, например, считался воцарившимся в первом часу дня 18 февраля 1855 г. (момент смерти Николая I), а манифест о его воцарении и присяга Государственного совета имели место более чем через сутки — днем 19 февраля. На этот незначительный промежуток времени между воцарением и присягой только и могли рассчитывать декабристы. Возможное время, допускавшее выступление, было, таким образом, исключительно коротко. Поэтому оказалось необходимым заранее и совершенно точно знать о моменте второй присяги, чтобы быть в полках до ее официального объявления и начать агитацию за восстание и вывод войск на площадь сейчас же после объявления присяги начальством и до самой присяги. Дело шло в данном случае буквально о минутах, которые только и могли решить успех начала восстания.

Чтобы узнать заранее о дне и часе присяги, которая служила сигналом к выступлению, надо было иметь хорошие и непосредственные связи с дворцом. Это, разумеется, было чрезвычайно трудно, но тем не менее это было выполнено. Эти связи у декабристов были. Члены тайного общества нередко стояли во внутренних караулах Зимнего дворца, встречали высших сановников, разговаривали с ними. Якубович был знаком с петербургским генерал-губернатором Милорадовичем (с которым провел у драматурга А. А. Шаховского значительную часть воскресенья 13 декабря). Трубецкой имел наиболее широкие знакомства в «свете» и как полковник гвардии был связан с Гвардейским генеральным штабом. Батеньков был секретарем самого Сперанского, Корнилович был вхож в дом Сперанского и т. д. В период междуцарствия все эти связи активно действовали и обеспечивали полную осведомленность заговорщиков в квартире Рылеева о том, что происходило во дворце. Так, например, Рылеев подробно рассказал Штейнгелю о том, что происходило в Зимнем дворце 27 ноября — в тот день, когда во дворце впервые узнали о смерти Александра I и Николай присягнул Константину. Рылеев, как показывает Штейнгель, обо всем «получал верные сведения». Источники позволяют, однако, еще более точно установить, каким именно образом декабристы узнали о присяге и как они назначили день выступления. Сведения эти чрезвычайно любопытны: все нити неожиданно ведут к самому осведомленному после дворца пункту — к квартире Сперанского, кандидата во временное правительство [52].

Как известно, присягнув Константину 27 ноября, Николай в дальнейшем переживал «муки» и колебания, не решаясь в силу общеизвестных причин сразу объявить себя императором. Жадно ожидая от Константина формального текста отречения от престола, Николай проигрывал время. Наконец, в субботу 12 декабря, во время обеда, из Варшавы в Зимний дворец пришел долгожданный пакет, по вскрытии, однако, обманувший все надежды: в нем содержались лишь частные письма Константина, притом составленные в резких выражениях, не допускавших обнародования. Тогда Николай, наконец, решил махнуть рукой на форму и вступить на престол без обнародования официального документа, так как его попросту не было и добиться его было невозможно. После обеда Николай набросал кое-как проект манифеста о присяге на 14-е декабря и в строжайшей тайне беседовал о своем решении со Сперанским, которому и поручил составить окончательный текст манифеста. Сперанский

изготовил проект манифеста вечером 12 декабря, и в ночь с субботы на воскресенье, т. е. с 12 на 13 декабря, проект манифеста переписывается в строжайшей тайне только в трех экземплярах. Утром 13 декабря Николай подписал манифест (нарочно пометив его вчерашним днем — 12 декабря) и на восемь часов вечера того же дня (т. е. воскресенья 13 декабря) назначил собрание Государственного совета.

Замечательно, что декабристы узнали о назначении присяги в то же воскресенье 13 декабря днем, до заседания Государственного совета.

Первым узнал о предполагавшейся присяге Николай Бестужев, по собственному свидетельству — 13 декабря «около полудня», иначе говоря, через несколько часов после того, как Николай подписал свой манифест. Эту новость сообщил Бестужеву секретарь Сперанского декабрист Батеньков, которого Бестужев встретил едущим в коляске (не к Рылееву ли?) [53].

Трубецкой еще раньше просил декабриста сенатора Краснокутского немедленно сообщить ему о дне и часе ожидаемой присяги. В тот же день, 13 декабря, Краснокутский выполнил свое обещание. Откуда он сам узнал о присяге? Передадим слово Краснокутскому [54].

«Узнав в 3 часа от встретившегося мне г. Стрекалова о восшествии на престол государя, я обедал у Багреева, зятя г. Сперанского, где услышал о присяге завтрашней. В восьмом часу явился туда Корнилович и предложил мне ехать к Трубецкому, в 8 часов мы отправились». Слова «у Багреева» надо понимать как «у Сперанского», ибо вдовый Сперанский не вел своего самостоятельного хозяйства, с ним жили замужняя дочь и зять, и стол Фроловых-Багреевых был столом Сперанского [55].

Корнилович, по собственному показанию, поехал к Сперанскому в воскресенье 13 декабря в шесть часов пополудни и пробыл до семи часов вечера. Во время обеда, согласно своеобразному показанию Корниловича, «Краснокутский сказал Сперанскому (!), что на другой день присяга». Сперанский будто бы отвечал: «Скажите, пожалуйста, как вы это знаете? Это тайна». Конечно, правдоподобнее показание самого Краснокутского, что он узнал о присяге за столом во время обеда. От кого бы Краснокутский ни узнал это — от Багреева, от Сперанского или еще от кого,— весть, столь важная для декабристов, была, несомненно, получена ими в квартире Сперанского [56].

Сперанский велел тем временем закладывать экипаж, чтобы ехать в Зимний дворец на назначенное в восемь часов вечера заседание Государственного совета, а Корнилович вместе с Краснокутским поспешили с известием о завтрашней присяге к Трубецкому, но, не застав его дома, поехали с этой вестью к Рылееву. В своем показании Рылеев со свойственной ему живостью повествует: «Краснокутский сказал мне: «Решено, завтра присяга, берите свои меры. Мы были с этим известием у Трубецкого, но не застали его дома и приехали к тебе». Р[ылеев] спросил: «Точно ли?» — Краснокутский сказал: «Точно. Я знаю, это наверно. Делайте, что хотите. Теперь собранье Совета, а завтра в 7 часов утра — Сената»» [57].

Краснокутский показывает, какое оживление вызвало его извещение в среде декабристов, и передает характерные слова: «Тут, узнав о присяге, говорили они: смотри завтре, присяга — сигнал». В другом месте Краснокутский так передает это восклицание: «Завтре, сигнал— присяга» [58].

Чтобы закончить вопрос о составных частях общего плана, необходимо остановиться на последнем его элементе — на предполагаемых действиях в случае неудачи. Общим свидетельством декабристов является ответ: в случае неудачи восставшие войска отступают на новго-

родские военные поселения. Следственный материал показывает, что об этом плане знали не только Трубецкой, Рылеев, Оболенский, Александр Бестужев — главные участники разработки плана, но также Николай Бестужев, Батеньков, Штейнгель, Арбузов и др. «...Если бы все сие так не удалось, то идти к военным поселениям, присоединить их и ожидать окончания» — эта формула Трубецкого в разных вариациях повторяется чрезвычайно часто. Рылеев в одном из показаний вносит существенное дополнение: в случае неудачи имелось в виду дожидаться коронации в Москве и «отложить свое действие до Москвы, есть ли бы здесь не удалось начать» [59].

Однако эта мысль, повидимому, вплотную никого не занимала — все думали о ближайших событиях. Александр Бестужев при обсуждении вносил дополнение о денежных суммах, потребных для сложного марша на поселения. «Рылеев думал, что если не удастся, то с поднятыми полками ретироваться на поселения. Я сказал, что для марша надобны деньги и для этого не худо захватить положенные в Губернском правлении, заимообразно. Он очень рассердился на такое мнение и сказал, что это будет грабеж — что собственность должна быть неприкосновенна». Николай Бестужев неожиданно рисует за этим этапом отступления любопытный отдаленный план, неожиданно связанный даже с непосредственной агитацией среди крестьян: «В случае же неуспеха, ежели останется часть войска, то ретироваться на военные поселения и стараться поднять их; если же и это не удастся, то уже идти во внутренность России и объявлять вольность крестьянам». Трубецкой, как уже указывалось выше, боялся даже в «Манифесте к русскому народу» употребить слово «вольность» из опасения крестьянских волнений. Сведения о настроениях военных поселений были известны декабристам из общих слухов, из таких фактов, как волнения 1819 г., а также были почерпнуты от Батенькова, бывшего членом совета главного над военными поселениями начальника. Рылеев свидетельствует в одном из своих неопубликованных показаний: «Батеньков, замещающий столь видный пост при графе Аракчееве, сказывал, что поселения, особенно Старорусские, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае» [60].

В показаниях Булатова мелькает также план — в случае неудачи перенести выступление на день коронации Николая I. Булатов пишет, что «сделано было два плана»: первый — выступать 14 декабря, а «другой план, если по какому-нибудь случаю во время присяги не будет действия, то в таком случае отложить до коронации». Это предположение кажется нам индивидуальным мнением Булатова, лица сравнительно нового в заговоре и не знавшего, очевидно, что заговор уже известен правительству. Основные руководители знали, что они открыты и что аресты не замедлят последовать, поэтому они, думается, никак не могли питать подобные иллюзии [61].

8

Итак, план государственного переворота слагался из следующих звеньев: утром 14 декабря восставшие полки собираются на Сенатской площади и силой оружия принуждают Сенат издать «Манифест к русскому народу» с объявлением низложения прежнего правительства, гражданских свобод, освобождения крестьян от крепостной зависимости, созыва учредительного собрания и назначения временного правительства из определенных лиц. Тем же утром 14 декабря моряки-гвардейцы и измайловцы занимают Зимний дворец и арестовывают царскую семью. После этого Финляндский полк и гренадеры занимают Петропав-

ловскую крепость. Царская фамилия находится под арестом в течение всего времени, пока соберется и будет заседать учредительное собрание, дающее России конституцию и определяющее судьбу царской семьи. Во время работы учредительного собрания восставшие войска выводятся за город, чтобы охранять революционную столицу. В случае же неудачи всего «предприятия» восставшие войска выходят из столицы и пробиваются к новгородским военным поселениям, в которых находят свою опору.

Рассматривая этот план с точки зрения участия в нем военных сил, мы видим решающую их роль на всех этапах плана. Народные массы не принимают активного участия в революционном перевороте ни на одном его этапе. Они должны с благодарностью принять результаты переворота, делаемого в их пользу, но сами они не являются активной силой этого переворота. Переворот, правда, происходит на площади перед лицом собравшегося народа, пассивное присутствие сочувствующего народа даже рассматривалось как желательное: «Батеньков говорил, что надобно и в барабан приударить, потому что это соберет народ»,— свидетельствует Трубецкой [62]. Однако бездействующий народ — лишь фон переворота. Восставшие же войска идут на восстание, движимые общим духом недовольства, доверяя своим начальникам и побужденные к началу движения неправильностью новой присяги. Желательно избежать пролития крови—преобладает вера в то, что войска не будут стрелять в войска; однако в этом нельзя дать гарантии: в случае необходимости придется стрелять. Такова концепция восстания в замысле декабристов.

Все эти положения многократно и многообразно раскрываются в следственном материале. Центральное значение военной силы в заговоре хорошо выражено в формулировке Пущина на следствии: «Возможность сего предприятия основывал я на военной силе, которая в состоянии будет отстранить царствующий дом от престола и, руководимая членами общества, требовать от высших правительствующих мест учреждения временного правления впредь до собрания государственных чинов для совещания о государственном новом устройстве». Общей предпосылкой возможности сделать армию орудием переворота была субъективная уверенность всех членов общества в наличии брожения в войсках, растущего недовольства: «дела в армии в таком состоянии, что едва можно удерживать». Без армии, без солдат переворот считался невозможным: когда у декабристов создалось впечатление, что 27 ноября солдаты охотно присягают Константину I, они решили было замыслы о восстании вообще отложить, и даже Рылеев говорил: «Теперь нечего [делать] — солдаты преданы цесаревичу, надобно остановиться в предприятиях и посмотреть, что будет» [63].

Разумеется, на всех этапах выполнения плана можно было предполагать вооруженное сопротивление правительства. Декабристы хотели по возможности не проливать крови совсем или пролить ее как можно меньше, но они не зарекались от пролития крови вообще. Об этом надо сказать совершенно отчетливо, так как около этого вопроса в литературе о декабристах нагромождено чрезвычайно много фантастических утверждений. Действительно, у декабристов была некоторая надежда, что дело может обойтись без крови и что солдаты не станут стрелять в солдат. «Повторяю,— свидетельствует Рылеев,— думали, что солдаты не будут стрелять в солдат и, напротив, присоединятся к нам и что в таком случае все кончится тихо». В деле Штейнгеля есть неопубликованное свидетельство Рылеева: «Полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив еще соединятся с возмутившимися и что тогда посредством силы можно будет сохранить устройство и порядок». Однако,

если бы эти предположения не сбылись, действовать предполагалось иначе. Рылеев говорит об этом чрезвычайно ясно: «Решено стрельбы не начинать, а выждать выстрелов с противной стороны». Это, конечно, далеко не принципиальный отказ от стрельбы. «Мы всячески должны избегать крови и стрелять только в необходимом случае — нападения на наш отряд»,— ясно говорит Пущин. На уговоры митрополита «не лить кровь одноземцев» Каховский отвечал: «Мы сами сего страшимся, но можем быть к тому вынуждены». Рылеев находил, что в иных случаях стрелять неизбежно придется, например в случае неудачи восстания и отступления на поселения. Он полагал, что пробиваться на военные поселения, бесспорно, придется с боем, не только с оружием в руках, но и применяя оружие. В деле Штейнгеля есть выразительное свидетельство Рылеева об этом, которое необходимо привести. В связи с показаниями Штейнгеля о его личных усилиях избежать беспорядка и кровопролития Рылееву на следствии был задан вопрос: точно ли Штейнгель убеждал в этом Рылеева? Рылеев ответил: «Барон Штейнгель не имел никакой надобности убеждать меня, что неприлично дело свободы Отечества и водворения порядка начинать беспорядками и кровопролитием. Ссылаюсь на всех членов, бывших на совещаниях, что я всегда был против кровопролития и беспорядка... На щет же того мнения, что до кровопролития не дойдет и не допустят, то повторяю, что не я один думал так, но почти все, случившиеся на совещаниях, ибо полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив еще соединятся с возмутившимися и что тогда посредством силы можно будет сохранить устройство и порядок. Можно утвердительно сказать, что это почти всеобщее мнение и решило нас начать действия. Уверять же барона Штейнгеля, что никак не дойдет до кровопролития, я не мог; ибо это противуречило бы плану общества в случае неудачи ретироваться на поселения»[64].

В связи со всем изложенным выше представляет интерес и тот факт, что часть войск, вышедших на площадь, взяла боевые патроны, хотя перед восстанием декабристы и находили непреодолимые для этого препятствия (патроны лежали в ротных цейхгаузах, и не было «никакого благовидного предлога раздавать их по рукам перед присягою»[65]). В Московском полку Михаил Бестужев утром перед выступлением роздал боевые патроны (ниже мы остановимся на этом подробнее). Лейб-гвардии гренадеры также вышли на площадь с боевыми патронами, как свидетельствует собиравший о них сведения полковник Малинин, а также и по показаниям декабриста Сутгофа, поручика лейб-гвардии гренадерского полка. Полковник Мышин, которому специально было поручено собрать свидетельства о поведении декабриста Сутгофа в день восстания, писал в своем донесении, что Сутгоф приказал своей роте зарядить ружья еще в казармах, перед самым выходом на Петровскую площадь. Существенно, что за Сутгофом пошла рота, только что присягнувшая Николаю I. Декабрист Щепин-Ростовский, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, свидетельствует, что в его роте взяли по 10 боевых патронов на человека и зарядили ружья боевыми патронами. Михаил Бестужев подтверждает в своих воспоминаниях, что московцам были розданы патроны. Часть гвардейского экипажа в спешке вышла без патронов и даже с деревянными учебными «кремнями» вместо боевых. Однако другая часть матросов, несомненно, имела боевые патроны и зарядила ружья. Характерно колоритное оправдание лейтенанта гвардейского экипажа Арбузова: «Приказал я заряжать ружья, хоша у меня тогда уже спросились, когда патроны и шомпола были в дулах»[66].

Какова же была численность воинской массы, на которую рассчитывали декабристы? Они рассчитывали на большее количество войск, не-

жели то, которое вышло на площадь. Трубецкой предполагал, что нужно вообще около 6 тыс. солдат. Декабристы надеялись поднять шесть гвардейских полков — Измайловский, Егерский, Финляндский, Московский, лейб-гренадерский и гвардейский морской экипаж. Перечисление именно этих полков преобладает в следственном материале. Позже, в своих воспоминаниях о 14 декабря, Михаил Бестужев писал, что декабристы могли бы рассчитывать также на Преображенский полк и Конную гвардию, но в следственных делах достаточного материала об этом нет [67].

Изучая план декабристов, надо указать и на предварительное распределение военных функций как на элемент плана. На последней очной ставке с Рылеевым Трубецкой признал, что декабрист Оболенский был назначен начальником его штаба. Если вспомнить, что в конце восстания декабристы выбрали вместо неявившегося Трубецкого диктатором Оболенского, то надо признать, что они действовали согласно воинскому уставу. Во главе лейб-гренадеров по плану должен был стать полковник Булатов. Имеется очень важное показание Рылеева в деле Батенькова: «Полки привести на Сенатскую площадь, где должны будут принять начальство Трубецкой, а под ним Булатов и Якубович». Прочее распределение функций отчетливо видно из основной части бестужевской диспозиции: «Распорядок был следующий, — показывает он: — Якубовичу с Арбузовым, выведя Экипаж, идти поднимать Измайловский полк и потом спуститься по Вознесенской на площадь. Пущину вести с ними Эскадрон. Брату Николаю и Рылееву находиться при Экипаже. Мне поднять Московский полк и идти по Гороховой. Сутгофу вывести свою роту, а если можно и другие по льду на мост и на площадь (Панов повел ошибкою по набережной). Финляндскому полку — через Неву. Полковник Булатов должен был ждать лейб-гренадеров, а кн. Трубецкой — все войска, чтобы ими командовать и там сделать дальнейшие распоряжения» [68].

Таким образом, мы подошли к последнему моменту плана — к диктатору Трубецкому. Мысль о том, что необходимо для военного восстания избрать начальника, облеченного диктаторской властью, и вручить ему исполнение разработанного плана, была общей для декабристов. Нет ни единого свидетельства о каком-либо возражении против самой идеи диктаторской власти. Была ясна и возможность многообразных и трудных оперативных решений и видоизменений плана. «Обстоятельства покажут», что делать — эти слова твердит на собраниях сам Трубецкой, и все справедливо соглашаются с ним. Трубецкой выбран диктатором «по важности стекшихся обстоятельств». «Подробности плана действий определяются обстоятельствами»,— повторяет Рылеев, и он, конечно, прав [69].

Важно подчеркнуть, что Трубецкой был и з б р а н диктатором. В литературе о 14 декабря в этот вопрос внесено немало путаницы, основанной более всего на неполном изучении первоисточников. На этом вопросе можно проиллюстрировать и ошибочные выводы работы А. Е. Преснякова о дне 14 декабря, основанной на очень узком круге случайных первоисточников, преимущественно мемуарных, опубликованных до юбилея восстания декабристов в 1925 г. Он утверждает что «Рылеев объявил его (Трубецкого.— *М. Н.*) диктатором», очевидно, даже не подозревая, что Трубецкой был выбран г о л о с о в а н и е м, а Рылеев лишь предложил его кандидатуру. «Голоса в пользу Трубецкого» отбирались от участников заговора поименно. Отдельное голосование на своем собрании произвела «отрасль» Оболенского. Характерно, что самая идея диктатора возникла под впечатлением внутренней борьбы течений на совещаниях у Рылеева. Вот показания самого Рылеева: «Видя, как обыкновенно бывает, несогласие во мнениях, я предложил Оболенскому избрать началь-

ника и, отобрав от Бестужевых и Каховского голоса в пользу Трубецкого, на другой день сказал о том Оболенскому, прибавив к тому и свой голос. Оболенский объявил, что и он со своею отраслью на выбор Трубецкого согласен, и потом он уже сказал про то Трубецкому». Процедура поименного голосования потребовала времени. Сам Трубецкой свидетельствует о том, что узнал об избрании лишь через «несколько дней» после первого предложения, причем указывает также и на то, что «члены собирались у князя Оболенского и избрали меня в диктаторы». Александр Бестужев показывает, что Трубецкой избран начальником «дни за 4 — до событий 14 декабря» (т. е. около 10 декабря), причем добавляет: «для чего и я через Рылеева дал свой голос». Говоря об избрании Трубецкого диктатором, Рылеев добавляет: «Все изъявили на то свое согласие». Имеется свидетельство, что в избрании Трубецкого участвовал и даже недавно приехавший из Москвы Штейнгель, причем он передал свой «голос» или «слово» (т. е. сообщил о своем согласии) через Рылеева (с которым жил в одном доме). Так опровергается неправильная точка зрения А. Е. Преснякова и восстанавливается истина [70].

Таков был в основных чертах план восстания. Он разрабатывался в бурных спорах на «каждодневных совещаниях» в дни междуцарствия, иными словами, между 27 ноября и 13 декабря 1825 г. Главным образом его обсуждали на квартире Рылеева — Александра Бестужева (они жили рядом в одном доме), но также и на квартире Оболенского и в ряде других мест. Как уже отмечалось выше, несмотря на споры и столкновения мнений, все пришли в основном к соглашению.

Наступал день 14 декабря 1825 г.

Глава XVII

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

1

Итак, план был выработан, функции участников намечены. Наступала ночь на 14 декабря 1825 г. Нужно признать, что в эту ночь каждый участник восстания сравнительно ясно представлял себе, что̀ именно он должен делать завтра. Это завтра неотвратимо приближалось с каждой минутой, тая в себе решающие испытания для замыслов дворянских революционеров, вводя в действие огромный круг неучтенных ими сил и непредвиденных обстоятельств.

Необходимо со всей тщательностью восстановить действительный ход событий первого русского революционного восстания, открывшего собой эру революционной борьбы в истории нашей родины. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма»,— писал В. И. Ленин [1]. Впервые в истории революционной борьбы в России делалась попытка открыто, на площади, перед лицом народа, с оружием в руках разрешить «вековую тяжбу русского народа с самодержавием» (Сталин).

Восстановление действительного хода событий в их хронологической последовательности и причинной взаимосвязи необходимо для общего анализа и оценки восстания. Это восстановление сопряжено с большими трудностями. Следственный комитет никогда не задавался целью полностью восстановить во всех деталях ход событий дня 14 декабря и выяснить их точную последовательность—царское следствие не имело в этом нужды. Комитет десятки раз возвращался в своих вопросах к этому дню. но всегда преследовал при этом лишь цель уяснения вины того или иного участника событий, более всего интересуясь замыслом цареубийства и «возбуждением мятежа» в войсках. Следствие интересовалось вопросом, предполагалось ли убить царя, арестовать царскую семью, захватить Зимний дворец, оно доискивалось, кто брал на себя инициативу в отказе от присяги, кто вел агитацию среди солдат, кто вывел на площадь такой-то восставший полк, кто убил Милорадовича, кто ранил свитского офицера. Но общая картина последовательно развивавшихся событий дня не интересовала следствие. Между тем с разрешения именно этой задачи должен начать историк восстания, желающий проанализировать события. В силу необходимости он должен черпать свои данные более всего из того же следственного материала. Воспоминания, написанные через много лет после восстания, хотя и восстанавливают иногда те или иные чрезвычайно ценные детали, но в восстановлении целой картины весьма часто ненадежны: долгие годы заточения многое стерли в памяти, последова-

тельность событий перепуталась, рассказы товарищей стали восприниматься авторами воспоминаний как собственные впечатления, предположения о тех или иных действиях — как реальные действия. Порядок событий нередко смещался, подчиняясь той или иной и предвзятой концепции; кроме того, условия написания мемуаров, как правило, исключали возможность широкой проверки и сопоставлений. Правда, в воспоминаниях открывалось в некоторой мере то, что скрывалось на следствии, но лишь в очень малой мере: царская цензура Николая I, Александра II, Александра III ставила декабристам—авторам воспоминаний—в общем те же самые преграды, что и следствие: именно то, что скрывалось на следствии, оставалось преступным и в последующие царствования.

Отсюда — большие трудности в восстановлении общей картины событий, еще увеличивающиеся тем обстоятельством, что никто из участников не мог дать сведений обо всем многостороннем и сложном потоке событий: восставшие полки поднимались в разных казармах, двигались к Сенатской площади из разных мест; свидетель, наблюдавший события у одного фаса каре, не мог видеть то, что совершалось у противоположного фаса; события в правительственном лагере не могли точно наблюдаться в стане «мятежников», а свидетель с правительственной стороны зачастую совсем не знал того, что происходило внутри или около «мятежного каре».

В этих условиях всегда необходимо, констатировав те или иные бесспорные действия, события, намерения, уяснить себе их взаимосвязь, сцепление событий, найти их внутреннюю логику, причинную зависимость друг от друга — тогда выясняется общая картина их хода. Иногда эта последовательность выясняется чрезвычайно легко в силу простых логических соображений: бесспорно, что Якубович должен был сначала согласиться вести на восстание гвардейский морской экипаж, чтобы затем отказаться это сделать; если матросы-гвардейцы приходят на площадь, не зная об убийстве Милорадовича, то, стало быть, последнее совершилось ранее их прихода, и т. д. При сопоставлении друг с другом события довольно отчетливо располагаются в общий взаимообусловленный поток. При этой работе чрезвычайно помогает учет предварительных намерений декабристов, выработанного ими плана восстания. Столкновение плана революционеров-дворян с действительностью помогает разобраться в ходе и смысле происходящего на площади. Только сопоставляя замысел с реальным ходом событий, можно установить действительную картину восстания.

Многочисленные описания этого знаменитого дня, как правило, не учитывали плана действий. Такой подход к изложению неизбежно влек за собой неясности в главном: в уяснении смысла восстания. Восстановленные факты или не складывались в целое и рассыпались, или слагались в непонятную картину «стоячего» и совершенно бессмысленного не столько восстания, сколько «стояния». Картина этого «стояния» постоянно делалась в реакционной историографии мишенью для невежественных насмешек или классово враждебных издевательств.

Между тем ясно, что в основу осмысленного описания событий должно лечь представление о замысле восстания и о его столкновении с действительностью.

2

Никто из организаторов восстания не ложился спать в ночь на 14 декабря. В то время как Александр Бестужев и Якубович ездили в гвардейский морской экипаж и, как уже говорилось выше, сговаривались о завтрашнем выступлении, Рылеев той же ночью ездил в Финляндский

полк, еще надеясь, очевидно, переубедить Моллера и организовать выступление финляндцев. Перед отъездом Рылеев, как уже указывалось выше, договорился с Каховским о цареубийстве, которое открыло бы путь восстанию («открой нам путь»). Вывод матросов-гвардейцев на Дворцовую площадь для захвата Зимнего дворца представлялся вполне обеспеченным: это дело не только взял на себя Якубович, но он уже успел той же ночью договориться об этом с офицерами гвардейского морского экипажа, и Рылеев знал об этой договоренности. Михаил Пущин дал слово присоединить к восставшему Измайловскому полку свой конно-пионерный эскадрон. На вечернем совещании 13 декабря его брат Иван Пущин ручался, что Михаил будет действовать. Казалось, все было предусмотрено. Приехавший в полночь к брату Александру мичман Петр Бестужев остался ночевать и, проснувшись, видел, как брат заряжал пистолеты. Один из пистолетов Александр Бестужев дал Михаилу «в случае надобности, чтоб себя застрелить». Михаил Бестужев спрятал пистолет в рукав шинели. Но это вовсе не значило, что декабристы не рассчитывали на успех и якобы шли «на верную гибель» — мотив, пущенный в широкий оборот А. И. Герценом. Нет, в ночь на 14 декабря задуманное и обдуманное восстание представлялось могущим победить [2].

Рано утром, еще затемно (повидимому, не позже пяти часов утра) к Рылееву приезжал начальник штаба предстоящего восстания Оболенский и, «условившись в действиях дальнейших», отправился к себе, чтобы затем, в седьмом часу утра, выехать в объезд казарм.

Последуем сначала за ним. Назначенный диктатором Трубецким начальником штаба Оболенский раньше всех, еще в полной темноте, двинулся верхом в объезд тех пунктов, где решалась судьба вывода восставших войск на площадь. Действительно, можно признать, что он действовал «по обязанностям службы», как он и пишет в своих воспоминаниях. В седьмом часу утра, в полной темноте, еще до присяги он сначала по Фонтанке подъехал к Измайловским казармам, осведомился о положении у измайловцев и заехал к Михаилу Пущину в конно-пионерный дивизион (ему сказали, что Михаила Пущина уже нет дома). Всюду Оболенский осведомлялся о присяге и оказывался, таким образом, в курсе положения в полках. Будучи с апреля 1825 г. старшим адъютантом в дежурстве пехоты гвардейского корпуса, он имел легкий служебный доступ в гвардейские казармы. Вернувшись на квартиру к своему шефу — командующему гвардейской пехотой генерал-адъютанту Бистрому, Оболенский, не застав его, узнал от его брата о начавшихся осложнениях с присягой и поспешил затем верхом к казармам гвардейского морского экипажа, потом Измайловского (вторично), Семеновского, Егерского и Московского гвардейских полков, всюду «брав сведения, учинена ли присяга или нет». «Измучив лошадь», он сел на извозчика и поехал в те казармы Преображенского полка, которые были расположены у Таврического сада; тут он узнал от махального, что присяга совершена четверть часа назад. После этого Оболенский направился в казармы конной артиллерии, откуда вновь в казармы Московского полка. Был уже одиннадцатый час утра. В этот свой приезд в Московские казармы Оболенский узнал, что Московский полк отказался от присяги и вышел на Сенатскую площадь. Оболенский тотчас отправился вслед за восставшим полком, нашел его на Сенатской площади выстроившимся в каре и «дав слово, взошел в оной». Он, очевидно, чувствовал высокую торжественность минуты и сопроводил свое присоединение к каре какой-то клятвой («дав слово...») [3].

Таковы были действия начальника штаба восстания — декабриста Оболенского. Если вспомнить, что руководители восстания рассчитывали

именно на Московский, Измайловский и Егерский полки, гвардейский морской экипаж, конно-пионерный эскадрон, отчасти на гвардейскую конную артиллерию, а также на Финляндский и лейб-гренадерский полки, надо признать, что Оболенский в сущности троекратно объехал те казармы из числа именно этих перечисленных полков, которые были расположены по эту сторону Невы. Он держал себя, таким образом, полностью в курсе событий, непрерывно обновляя свои сведения о ходе присяги и степени готовности войск к выходу на площадь. Он примкнул к первому восставшему полку. Надо признать, что он был весьма активен и действовал, как должно было действовать начальнику штаба. Он не посетил лишь казарм Финляндского и лейб-гренадерского полков, расположенных по ту сторону Невы в значительном отдалении от основного скопления казарм «вдоль Фонтанки реки», но он и так загнал лошадь и вынужден был переменить способ передвижения. Казармы же Семеновского полка, на который декабристы не рассчитывали, были расположены рядом с казармами Егерского полка, и миновать их при объезде было невозможно, да, собственно, и осведомиться о положении в полку, соседнем с тем полком, на который рассчитывали, было необходимо. Что касается посещения Оболенским казарм Преображенского полка, то это, очевидно, надо объяснить их ближайшим соседством с казармами конной артиллерии, а также и тем, что некоторые надежды возлагались декабристами и на этот полк. Об этом по крайней мере свидетельствовал Михаил Бестужев в своих воспоминаниях [4].

Вернемся к последним предрассветным часам в квартире Рылеева, откуда только что выехал Оболенский. Что происходило там, в революционном штабе восстания, между шестью и девятью часами утра, когда Оболенский совершал первый и второй туры своего объезда казарм, собирая сведения об общем ходе присяги?

Именно в эти ранние часы на квартире Рылеева—Бестужева произошло первое трагическое осложнение с выполнением задуманного плана. Этот план, который, казалось, был столь детально обдуман, стал надламываться уже в исходе ночи на 14 декабря, когда полки еще не выходили из казарм. Якубович, вернувшись к себе домой в ночь на 14 декабря со свидания с офицерами гвардейского экипажа, почувствовал, как сам свидетельствует, с трех часов ночи, жестокие сомнения и терзания. Его тревожило, по собственному признанию, то, что «без крови не обойдется». Очевидно, это выражение надо читать: «без царской крови», ибо едва ли храброго кавказца пугало пролитие крови вообще. В шесть часов утра Якубович поехал к Бестужеву, жившему в одном доме с Рылеевым, и в присутствии Каховского «отказался от сего поручения», тем самым, конечно, грубо нарушив принятый план. Это была первая измена слову, вторгшаяся в исполнение плана восстания. В этой связи становятся понятными с горьким отчаянием произнесенные после восстания слова Рылеева, который поручил декабристу Оржицкому спешно ехать на юг и передать южным декабристам, что «Трубецкой и Якубович изменили» [5].

Правда, тогда же, в шесть часов утра 14 декабря, Якубович дал слово все же быть перед Сенатом, когда соберется гвардия, и это слово сдержал.

Вдумываясь в причины, которые могли заставить его взять обратно данное слово, не приходится, конечно, говорить о «робости» Якубовича. Ограниченный характер дворянской революционности очень своеобразно преломился в его лице. Акт цареубийства, к которому он лично был готов, долгие годы связывался в его сознании в какой-то мере с актом личной мести: он хотел убить не кого иного, как именно Александра I за несправедливый перевод из гвардии в армию, который был карой за

секундантство Якубовича в дуэли Завадовского—Шереметева (1817), имевшей смертельный исход. Якубович был в отчаянии, узнав, что Александр I умер. «Это вы его вырвали у меня!» — говорил он декабристам. Кто-то из декабристов вспомнил на допросах, что Якубович при этом даже «скрежетал зубами», и вопрос следователей, точно ли Якубович скрежетал зубами, обошел чуть ли не все опросные листы Северного общества. Но на «нового» царя у него не так легко поднималась рука: личного врага в Зимнем дворце не было, и Якубович боялся, чтобы ничего не сделавший ему Николай не был случайно убит при взятии Зимнего дворца [6].

Предположение о том, что в момент занятия Зимнего дворца царскую семью могут «истребить», приходило в голову не одному Якубовичу, но и Каховскому. Законно спросить, кто бы «истребил» царскую семью в «неизбежном» при занятии дворца «беспорядке»? Несомненен ответ: повидимому, не офицеры, не руководители захвата Зимнего дворца — ведь их цель была арестовать царскую фамилию, а не убивать ее. Вероятно, акт этот мог угрожать лишь со стороны матросов-гвардейцев, массы, идущей на захват дворца под руководством революционных офицеров. Так, повидимому, и надо понимать слова Каховского: «С занятием дворца, если не истребят царствующую фамилию в беспорядке, обыкновенно в таких случаях бываемом...». Характерно, это слово «обыкновенно». Оно является лишь подтверждением того, что действия Якубовича заморозила ограниченность дворянской революционности [7].

Тем же утром — одновременно с Якубовичем — отказался выполнить «внеплановое» цареубийство Каховский. О самом замысле этого цареубийства уже говорилось в предыдущей главе. Каховский не мог согласиться выступить одиночкой, выполнителем «случайного» и частного террористического акта, обломка давнего замысла «cohorte perdue». Актом цареубийства Каховский становился вне революционной организации и даже подлежал последующему изгнанию из России. «Мы сказали ему, на всякий случай, что с сей поры мы его не знаем и он нас не знает и чтобы он делал свое дело как умеет», — передает характер договора с Каховским Николай Бестужев [8].

Еще осенью 1825 г. у Рылеева был план совершить цареубийство руками человека, обрекшего себя на жертву и стоящего вне общества, а позже дать этому лицу «средства бежать из России». Аналогичный замысел принадлежал и Пестелю. Декабристы мотивировали этот план тем, что цареубийство может показаться народу преступлением. Александр Бестужев показывает, как возмутило это предложение Каховского. «Бестужев сказал мне, — показывает Каховский, — а Рылеев все толкует о тебе, что ты на все решишься. Я отвечал: напрасно сие говорит Рылеев, если он разумеет меня кинжалом, то, пожалоста, скажи ему, чтобы он не укололся, я давно замечаю Рылеева, он тонко меня склоняет, но обманется; я готов собою жертвовать отечеству, но ступенькой ему или кому другому к возвышению не лягу». Учитывая это осеннее столкновение и сопоставляя его с последним предложением Рылеева Каховскому, мы ясно видим, что Каховского заставили отказаться от предложения совсем иные причины, нежели Якубовича. Каховский не захотел быть в роли террориста-одиночки, отвергаемого революционной организацией, бегущего из России. Он хотел действовать в рамках общего плана. Это его настроение поддерживал и Александр Бестужев: «Возвратясь к Рылееву из Экипажа, я встретил некоторых членов, которые прощались с Каховским, — тут впервые Рылеев сказал мне, что он назначается для нанесения удара государю императору — такое решение меня изумило, и я сказал Каховскому: «Зайдите ко мне поутру», что он

и сделал. «Вас Рылеев посылает на площадь Дворцовскую» [сказал я]. Он отвечал: «Да, но мне что-то не хочется». «И не ходите, возразил я, это вовсе не нужно». «Но что скажет Рылеев?» «Я беру это на себя; будьте со всеми на Петровской площади». Попросив меня еще раз извинить его перед Рылеевым, он ушел». Бестужев передал Рылееву отказ Каховского, на что Рылеев «не сказал ни слова» [9].

Таким образом, рано утром 14 декабря — в семь часов утра — от плана откалывались два важнейшие звена, хотя и имевшие разный характер: «неплановое», якобы «случайное» цареубийство, которое должно было «открыть путь» восстанию, и вполне «плановое» согласие Якубовича вести гвардейский экипаж на Зимний дворец для захвата царской резиденции и ареста царской семьи. В штабе восстания создавалось чрезвычайно трудное положение. Возникала необходимость немедленных распоряжений «главнокомандования». Случилось так, что именно в этот момент уже возникшего «хода событий» «диктатор» (в первый и в последний раз в течение дня 14 декабря!) оказался налицо и, очевидно, вник в обстоятельства. «Часов в семь поутру» Трубецкой был у Рылеева. Он узнал тут об отказе Якубовича вести гвардейских матросов на Зимний дворец. Возможно, что он осведомился в какой-то мере и о позиции Каховского. «Я был рад»,— не скрывает Трубецкой вздох облегчения, который вырвался у него. Однако все остальное оставалось по-старому, и все в целом еще как бы зависело от воли диктатора. События «имели свой ход». Будучи у Рылеева, Трубецкой, например, убедился, что Штейнгель работает над текстом революционного манифеста. «Пойду дописывать манифест», — сказал Штейнгель Трубецкому. Повсюду в разных местах столицы уже звучали в казармах страстные речи о необходимости выходить на Сенатскую площадь [10].

Намерение изменить восстанию уже в тот момент зародилось в душе Трубецкого (упомянутое «я был рад» об этом свидетельствует). Но особенно важно то, что его товарищи по руководству событиями еще ничего не знают об этом и пребывают в твердой уверенности, что руководство в руках Трубецкого. Сенат еще не присягнул — он лишь собирается для присяги к семи часам утра. Трубецкой, живший рядом с Сенатом, уже видел, выходя из дома к Рылееву, начавшийся съезд сенаторов и известил об этом Рылеева и его товарищей. При Трубецком к Рылееву приехал из Финляндского полка штабс-капитан Репин и сказал, что офицеров Финляндского полка только что потребовали к командиру для отдельной присяги. Подтвердив о своей готовности идти против присяги и содействовать выходу финляндцев, Репин уехал. Трубецкой ушел, удостоверившись, что дела хотя и очень осложнились, но все же идут своим ходом. Дал ли он какие-либо распоряжения по поводу отказа Якубовича, мы не знаем, но наличие подобных мер, принятых в штабе, несомненно. Трудно думать, что они принимались Рылеевым и Бестужевым без совета с только что бывшим у Рылеева «диктатором» [11].

В силу отказа Якубовича в плане образовалось разорванное звено: кто же выведет на площадь гвардейских матросов, ожидающих Якубовича по предварительному уговору? Так как далее мы видим Рылеева, принимающим спешные меры для замены Якубовича и организации вывода морского экипажа на площадь, надо думать, что эти меры согласованы с только что покинувшим его квартиру Трубецким. Трубецкой осведомлен о решении Рылеева направиться в морской экипаж. Но сам Рылеев как человек штатский не может, разумеется, принять команды над восставшими моряками. Эту команду должен взять на себя моряк Николай Бестужев. Надо спешно связаться с Бестужевым и предупредить Арбузова, находящегося в казармах морского экипажа, о переме-

нах в плане, связанных с отказом Якубовича. Но вот еще один надлом в плане: приехавший в восемь часов утра к Рылееву И. И. Пущин сообщил, что брат Михаил отказывается вывести на площадь конно-пионерный эскадрон.

В этой напряженной обстановке Рылеев и Александр Бестужев спешно принимают меры для восстановления важнейшего разорванного звена. Прежде всего, как уже указывалось, необходимо было сообщить Арбузову об отказе Якубовича и направить в экипаж Николая Бестужева. Арбузова надо было предупредить, чтобы он не ждал Якубовича, а поднимал матросов, призывая их отказаться от присяги, и рассчитывал на Николая Бестужева. С этими важными инструкциями мичман Петр Бестужев поехал в морской экипаж с запиской от брата Александра [12].

Роль, которую сыграл этот молодой декабрист в важнейшем вопросе выхода на площадь гвардейского морского экипажа, настолько существенна, что стоит кратко характеризовать степень сознательности его отношения к происходящим событиям. Третий брат в семье Бестужевых (младше Александра и Михаила) Петр был принят в тайное общество братом Александром. Выпущенный в мичманы из Морского кадетского корпуса в феврале 1820 г., Петр Бестужев уже пять лет служил на флоте и хорошо знал флотские порядки (в частности, в 1824 г. совершил плавание в Исландию на фрегате «Легкий»). Ко времени восстания Бестужев был в чине мичмана 27-го флотского экипажа и состоял адъютантом вице-адмирала Моллера 2-го. Он знал о существенных сторонах декабристской идеологии: на допросе он показал, что целью общества было введение конституции и что в конституцию входило «дать права крестьянам, огранича власть помещиков, и уменьшить солдатам срок службы». Его тетради сохранили копии пушкинских вольнолюбивых стихов и выписки из «Горя от ума». Грибоедов был другом его брата Александра и кумиром Петра Бестужева. По собственному признанию, Петр Бестужев «в особенности любил поэзию». За месяц с лишним до восстания Петр Бестужев принял в тайное общество лейтенанта 2-го флотского экипажа (тоже поэта) Чижова, с которым вместе жил в Кронштадте; он звал его в тайное общество во имя «священного чувства любви ко благу моих соотечественников». Цель общества принятый Петром Бестужевым Чижов сформулировал отчетливо и возвышенно: «Цель общества, сколько мне известно, состояла в том, чтобы ограничить самодержавие по примеру других европейских народов, облегчить участь низшего класса людей и доставить им средства пользоваться благами, доставляемыми просвещением» [13].

Учтя все это, мы приходим к выводу, что рано утром 14 декабря из революционной штаб-квартиры Рылеева—Бестужева спешил с ответственным поручением в гвардейский морской экипаж не случайный человек, а убежденный и сознательный участник революционных событий. Записка от Александра Бестужева, которую он нес, кончалась словами: «Бог за правое дело». Дело действительно было правым, и Петр Бестужев сознавал это. Ему удалось проникнуть в казармы гвардейского морского экипажа. Он предупредил Арбузова об изменении плана, подтвердил, что, несмотря на отказ Якубовича, все начинается, уверил, что сменяющий Якубовича Николай Бестужев сейчас явится. Связь со штабом у гвардейских моряков была, таким образом, восстановлена, дух поднят, разрыва событий не произошло. Кроме Арбузова, Петр Бестужев видел в этот приезд и других готовых к действию моряков, например Дивова, Беляевых.

Выйдя из дому в восемь часов утра, капитан-лейтенант флотского экипажа Николай Бестужев, намеченный заменить Якубовича, направ-

лялся к Рылееву. Тут он, очевидно, узнал об отказе Якубовича, получил «наставление» Рылеева, как действовать, и направился в морской экипаж. Было около девяти часов утра [14].

И раньше, по предварительному плану, Николаю Бестужеву надлежало быть как моряку при морском экипаже, поэтому в направлении его туда не было ничего нового. Но функция его там существенно изменилась: самая ситуация делала теперь его главным действующим лицом, на которое революционный штаб возлагал все надежды в важнейшем вопросе — примкнет или не примкнет к восстанию гвардейский морской экипаж [15].

Начинался поздний декабрьский рассвет: солнце в этот день вставало в четыре минуты десятого *.

Возвращавшийся из морского экипажа мичман Петр Бестужев встретил старшего брата Николая уже на пути от Рылеева. Самого Рылеева Петр Бестужев еще застал дома и успел доложить ему о выполнении поручения.

В девять часов утра из революционной штаб-квартиры выехал в лейб-гвардии Московский полк Александр Бестужев. Он не имел прямого отношения к Московскому полку — он был штабс-капитаном лейб-гвардии драгунского полка и являлся адъютантом герцога Вюртембергского. Он избрал Московский полк именно как труднейший («ибо мало на московцев надеялся») и поехал туда как представитель революционного руководства. Около этого же часа явился «человек» от Трубецкого, спешно требуя к барину Рылеева. К Рылееву присоединился Пущин (оба они, как мы помним, были избраны делегатами для переговоров с Сенатом), и оба поспешили к Трубецкому. На этом вызове Рылеева к Трубецкому мы подробнее остановимся ниже, а пока подведем некоторые итоги описанному [16].

Таким образом, в девять часов утра все пришло в движение. Все декабристы, бывшие у Рылеева, направились по назначенным местам: Николай Бестужев поехал в казармы гвардейского морского экипажа, Александр Бестужев двинулся в казармы лейб-гвардии Московского полка, а Рылеев и Пущин спешно поехали к вызвавшему их диктатору. Революционная штаб-квартира опустела. В соседней квартире остался лишь Штейнгель, дописывавший введение к революционному манифесту.

В течение всего ноября и двух недель декабря 1825 г., в особенности же в последние дни междуцарствия, накануне восстания, квартира Рылеева и Бестужева фактически была центром готовящегося восстания. Сюда стекались все узнать о ходе дел, здесь выработан был план действий, тут были распределены поручения, здесь был намечен диктатор, отсюда были организованы его выборы, в этом же месте, наконец, в день восстания — еще до рассвета — были приняты важнейшие новые решения, вызванные внезапными переменами в подготовленном плане. Но примерно в девять часов утра 14 декабря центр действий резко передвинулся: революционная штаб-квартира перестала быть таковою. Это произошло не случайно: в силу развивавшихся событий она теряла и должна была окончательно потерять свою реальную функцию руководя-

---

* Институт теоретической астрономии АН СССР произвел специальные вычисления с целью точного определения времени восхода и захода солнца в день 14 декабря 1825 г. Результаты таковы: восход Солнца — 9 ч. 04 м.; заход Солнца — 14 ч. 58 м.

Моменты указаны по тому времени, которым пользовались в Петербурге в 1825 г., и вычислены с некоторым средним значением рефракции, которое может отличаться от зрительно наблюдаемого на 1—2 мин. Приношу благодарность директору Института члену-корреспонденту АН СССР М. Ф. Субботину и сотрудникам, сделавшим по моей просьбе указанные вычисления.

щего центра. Эта роль переходила к единогласно избранному диктатору и его штабу. Так и должно было быть в соответствии с планом. Эта передвижка центра руководства — чрезвычайно существенный момент в ходе восстания. Все должно было теперь передвинуться на площадь и принять совершенно новую форму.

Когда поехавший вслед за братом в Московский полк мичман Петр Бестужев спешно вернулся с дороги обратно на квартиру Рылеева — Бестужева, чтобы заменить морскую фуражку шляпой, он не застал там уже никого — все пошли по назначенным местам [17].

3

По самой своей функции диктатора, соединенной со счастливым расположением его квартиры в непосредственной близости к Сенату, князь Трубецкой должен был явиться главным осведомителем восставших о положении в Сенате. Не приходится распространяться о том, какую важность для хода восстания имел этот вопрос. Восставшие войска недаром выходили на Сенатскую площадь: принуждение Сената к отказу от присяги новому императору и к изданию от имени Сената «Манифеста к русскому народу» играло в начальных действиях задуманного плана важнейшую роль. В манифесте Сената должно было быть объявлено, что великие князья Константин и Николай «отказались от престола, что, после такого поступка их, Сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать на Великий собор народных представителей изо всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства. К сему следовало присовокупить увещание, чтобы народ остался в покое, что имущество как государственное, так и частное остается неприкосновенным, что для сохранения общественного устройства Сенат передал исполнительную власть Временному правлению, в которое назначил адмирала Мордвинова и Сперанского». Так в сжатом виде передал показания Рылеева по этому вопросу Следственный комитет. Делегация к Сенату с требованием об издании этого манифеста состояла, как уже указывалось, из штатских декабристов, служивших именно по судебному ведомству, — Рылеева и Пущина. В те утренние часы перед восстанием, о которых сейчас идет речь, вся деятельность рылеевского штаба восстания, естественно, сосредоточивалась на подготовке полков к выводу на площадь и на получении информации о ходе присяги в полках. Сенат между тем уже съезжался для присяги. Об этом было известно, об этом рассказал сам Трубецкой, пришедший рано утром к Рылееву. Как ни горели сердца для действия, предпринимать что-либо по линии обращения к Сенату еще было невозможно: на Сенатской площади еще не было восставших полков. Она была пуста.

Но всякая новая информация о положении в Сенате представляла чрезвычайную важность. Поэтому можно понять, каким важным показался Рылееву и Пущину внезапный — около девяти часов утра — приход слуги от только что ушедшего от Рылеева князя Трубецкого. Диктатор спешно вызывал Рылеева и Пущина — делегатов в Сенат. Николай Бестужев, пришедший к Рылееву около девяти часов утра, застал Рылеева уже собравшимся «ехать со двора» к Трубецкому — извозчичья карета стояла у дверей дома. Введя Николая Бестужева в курс создавшегося положения и направив его в морской экипаж, Рылеев и Пущин спешно поехали к Трубецкому [18].

Трубецкой держал связь с Сенатом через обер-прокурора Сената декабриста Краснокутского. От последнего ему удалось рано получить манифест о вступлении на престол Николая I, печатавшийся в сенатской

типографии. В этот момент был отпечатан лишь манифест, а приложения к нему еще не были готовы. Делегатам в Сенат Рылееву и Пущину Трубецкой дал прочитать манифест Николая и сообщил о том, что конная гвардия уже приведена к присяге (Трубецкой узнал об этом только что в девять часов). Шефом конной гвардии был Константин Павлович, поэтому Николай особенно торопился привести ее к присяге, надеясь, что согласие конной гвардии будет примером для других полков [19].

Но важнее всего было другое. Трубецкой в этот момент уже знал, что в Сенате закончилась присяга, о чем сообщил ему Краснокутский, посетивший Трубецкого сейчас же после присяги. Час присяги Сената, конечно, был известен декабристам заранее. Они знали о нем не только от Краснокутского, но также от сенатора И. П. Пущина — отца декабриста И. И. Пущина, от сенатора Дивова — дяди декабриста Василия Дивова, а также из других источников. Напомним, что сбор сенаторов для присяги был назначен на семь часов утра. На столь раннем часе настоял Николай I и, повидимому, не случайно. Именно этот час подтвержден и записью в дневнике сенатора Дивова и рядом других свидетельств. Присутствовавший при присяге Сената дьякон Прохор Иванов свидетельствует, что манифест о восшествии на престол Николая I был прочтен в Сенате в 7 часов 20 минут [20].

Общеизвестно, что приятель декабриста Оболенского Яков Ростовцев, принятый в общество незадолго до выступления, оказался предателем. Он сообщил Николаю письмом о готовящемся заговоре, был вызван будущим императором и лично с ним беседовал. Ростовцев будто бы не назвал имен заговорщиков и сообщил лишь о факте готовящегося выступления, но это обстоятельство ничуть не умаляет значения его информации для Николая. В тот момент дело было не в именах, — многие имена членов тайного общества уже были в руках правительства после получения доносов Шервуда, Майбороды, Бошняка. Ростовцев, знавший подробно о ходе совещаний у Рылеева, мог сообщить будущему самодержцу нечто гораздо более ценное для последнего — план восстания. Об этом реальном, выработанном у Рылеева плане ничего не могли сообщить предшествующие предатели, так как план был им неизвестен. Другое дело — Ростовцев. Он знал о плане, его сведения были самыми свежими. Это была информация о последних решениях. Правдоподобно поэтому предположить, что Николай был информирован о роли Сената в надвигающихся событиях и именно поэтому поспешил с присягой сенаторов, назначив для нее самый ранний час [21].

Не может быть никаких сомнений, что Трубецкой договаривался с Рылеевым и Пущиным о дальнейших действиях. Уговоры эти, по единодушным свидетельствам как Трубецкого, так и пришедших к нему декабристов, велись в плане дальнейшего развития восстания. С Трубецким говорили как с диктатором, и он держал себя как таковой. Хотя в душе он уже изменил восстанию и решил не явиться на площадь, он не подал об этом вида и ничего не сказал товарищам: «Я не имел довольно твердости, чтоб просто сказать им, что я от них отказываюсь», — сознается он на следствии [22].

Рылеев ушел от Трубецкого в уверенности, что тот появится на площади, как только выйдут на нее войска. Пущин же позже показывал на следствии, что у него уже тогда зародились какие-то смутные подозрения в ненадежности диктатора.

Трубецкой сознался позже, что вызвал Рылеева именно потому, что боялся, чтобы он не поехал в морской экипаж и не взбунтовал его — для собственного спокойствия диктатор желал-де убедиться, что Рылеев еще дома. Вызов Рылеева давал выигрыш каких-то существенных минут, в

которых и было в тот момент все дело: самая присяга — в войсках ли, в Сенате ли — занимала совсем немного времени [23].

Выйдя от Трубецкого, Рылеев с Пущиным встретили на еще пустой Сенатской площади декабриста Одоевского, который, проведя ночь на карауле в Зимнем дворце, возвращался с внутренним караулом. Они сказали Одоевскому, чтобы он, отведя караул, сейчас же шел к Сенату. Затем Рылеев и Пущин направились на Дворцовую площадь, оттуда спустились по Гороховой к казармам морского экипажа, затем прошли к казармам конно-пионерного эскадрона, где виделись с Михаилом Пущиным, побывали у казарм соседнего с эскадроном Измайловского полка и двинулись к казармам гвардейского морского экипажа. По показанию Рылеева, они приезжали «узнать, что делается» [24].

В казармы во фраках войти было невозможно, но от часовых и входящих и выходящих офицеров можно было не только узнать, что делается, но и вести агитацию за отказ от присяги. «Офицерам разных полков, принадлежащих обществу, я передавал план Трубецкого и приказание не допускать солдат к присяге, стараться увлечь их за собою на Сенатскую площадь и там ожидать приказаний князя Трубецкого», — в полном соответствии с ходом дела передает Рылеев. «Наставления же, как поступать на площади, я давать не мог, ибо это зависело от обстоятельств и от князя Трубецкого». В те же полки, куда за дальностью расстояния Рылеев не мог поспеть, он успел послать записки. Так, Розен, обещавший принять участие в выводе Финляндского полка, казармы которого были расположены за рекой (на Васильевском острове), получил рано утром 14 декабря записку от Рылеева, призывавшего его действовать [25].

Потом Рылеев с Пущиным долго ходили по бульвару «все в ожидании войск; долго ходивши и не видя никого, мы возвратились домой, натурально рассуждая о плане нашем...» (и «отчаиваясь в успехе», — показывает Пущин) [26].

Отчаиваться в успехе все же было несколько рано: восстание еще не началось. Полки бурлили и волновались в казармах, обсуждая вопрос о новой присяге. Гвардия в целом была неспокойна, и присяга происходила далеко не гладко.

В девять часов утра в Измайловском полку еще не присягнули. Очевидно, Рылеев и Иван Пущин были у Михаила Пущина или во время, или сейчас же после присяги соседнего с конно-пионерным эскадроном Измайловского полка [27].

Отказ Михаила Пущина выводить на восстание конно-пионерный эскадрон был тесно связан с вопросом о присяге Измайловского полка и с общей нетвердой, колеблющейся позицией младшего Пущина по отношению к восстанию. Принятый в тайное общество «за два дня до происшествия», Михаил Пущин еще не успел глубоко войти в жизнь тайного общества, продумать его планы. Из неопубликованного показания Трубецкого, находящегося в деле Михаила Пущина, ясно, что последний ставил выступление своего эскадрона в зависимость от действий Измайловского полка, занимавшего соседние казармы. Конно-пионерный эскадрон был расквартирован в доме Гарновского на Измайловском проспекте, а рядом в «Ротах» и отчасти в том же доме Гарновского был расположен и лейб-гвардии Измайловский полк. Поскольку конно-пионерный эскадрон и Измайловский полк «стояли вместе», и выступать они должны были, по мысли Михаила Пущина, совместно. Имелись серьезные основания надеяться на отказ измайловцев присягать и на их выступление [28].

С 1818 г. 2-й бригадой 1-й гвардейской дивизии (т. е. Измайловским и Егерским полками) командовал великий князь Николай Павлович.

Известная «измайловская история» — протест офицеров против грубого обращения Николая — всколыхнула офицерство полка и оставила в нем глубокие следы. Декабристы рассчитывали на измайловцев. Когда 14 декабря командир Измайловского полка ехал во дворец, «мятежники» прямо спрашивали его: «что же нейдет сюда ваш полк?» Именно этот вопрос так обеспокоил командира, что заставил его отказаться от поездки во дворец и вернуться обратно в полк [29].

Перед 14 декабря в полку велась подготовительная работа, шла агитация среди солдат, были люди, взявшие на себя инициативу протеста против новой присяги. Члены Северного общества, измайловские офицеры — капитан И. И. Богданович и подпоручик А. Н. Андреев — агитировали среди солдат и офицерского состава, уговаривали не присягать Николаю. Подпоручики князь А. П. Вадбольский, А. А. Фок и племянник Рылеева М. П. Малютин хотя и не были формально членами тайного общества, но обещали участвовать в выступлении, знали о целях общества и также вели агитацию среди солдат, убеждая их не присягать и идти на площадь, взяв боевые патроны.

Интересна фигура декабриста Нила Павловича Кожевникова, подпоручика Измайловского полка, родственника поэта Г. Р. Державина. Хотя Кожевников прямо и не указывался как член тайного общества, однако он с конца лета 1825 г. не только знал от декабриста Назимова и подпоручика Лаппы о существовании революционной организации, имеющей целью ввести в России конституцию, но и о том, что последняя вводится в случае смерти императора «или внезапного восстания». Эти сведения падали на почву пылкого преобразовательного патриотизма: Кожевников говорил о тайном обществе, которого цель «стремиться к пользе отечества, но так как в таком предприятии главнейшая сила есть войско, то мы — части оного и как верные сыны отечества должны помогать сему обществу». За несколько дней до восстания Кожевников уже знал от Оболенского, Щепина-Ростовского и Одоевского, что положено «собраться на площадь близ Сената». На заседаниях у Оболенского Кожевников был не один раз и знал о выборе Трубецкого диктатором. Таким образом, он знал очень многое. Кожевников писал члену общества Лаппе накануне восстания, что несколько офицеров Измайловского полка решились «лучше умереть, нежели присягнуть». Подпоручик Фок накануне 14 декабря написал отцу письмо, «в коем он говорит, что может быть, с ним более не увидится, но чтобы не огорчался, ибо если падет, то за отечество» [30].

Понятно после этого, что на полк в какой-то степени можно было рассчитывать — присяга в нем прошла далеко не гладко. Николай I в своих записках о вступлении на престол отмечает, что «в Измайловском полку происходил беспорядок и нерешительность при присяге». Декабрист Розен замечает в своих воспоминаниях, что Измайловский полк в тот день был «весьма ненадежен». Во время присяги, когда полковой командир Мартынов читал присяжный лист и произнес имя Николая, капитан Богданович и за ним несколько солдат закричали: «Константину!» Существует рассказ, что уже после присяги измайловцы, выведенные из казарм, приветствовали Николая как «высочество», а не «величество». Но подготовка не дала результатов, попытка выступления сорвалась. В ночь на 15 декабря капитан Богданович кончил жизнь самоубийством («в ту же ночь бритвою лишил себя жизни... упрекнув себя в том, что не содействовал», — пишет об этом декабрист Розен).

Сложившаяся ситуация объясняет поведение младшего Пущина и дает возможность понять, о чем шел разговор между ним и посетившим его утром Рылеевым: измайловцы присягнули, попытка поднять их полк

не удалась, выступление конно-пионерного эскадрона в силу этого крайне затруднилось, эскадрон присягнул вслед за измайловцами. К тому же Михаил Пущин был в этот день сильно болен [31].

Отказ Михаила Пущина хотя и не наносил плану того огромного ущерба, который причинил ему отказ Якубовича, но все же был весьма существенен. Напомним, что кавалерия была нужна для возможных действий против артиллерии противной стороны. Эскадрон Пущина, по мнению Рылеева, «мог годиться занять артиллерию, естли генералу Сухозанету вздумалось бы стрелять» (свидетельство Михаила Пущина) [32].

4

Как мы помним, в девять часов утра 14 декабря Александр Бестужев поехал в Московский полк. Только что перед этим офицерский состав полка был вызван к полковому командиру генерал-майору барону Фредериксу для ознакомления с манифестом, приложениями к нему и всей создавшейся ситуацией смены только что вступившего на престол императора Константина I новым императором Николаем I. Ротным командирам было приказано объяснить солдатам смысл нового распоряжения и тем временем готовить в главном дворе казарм аналой для присяги солдат.

Александр Бестужев, как мы уже указывали, выбрал Московский полк именно как трудный и менее других надежный: «Я ожидал, что кончу жизнь на штыках, не выходя из полку, ибо мало на московцев надеялся и для того избрал это место как нужнейшее», — показывает он. Бестужев прибыл в полк в роту своего брата Михаила, из нее перешел в роту Щепина-Ростовского, потом в роты Волкова и Броке. Агитацию среди солдат вел он, Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский; последние два командира, Волков и Броке, не возражали против агитации упомянутых декабристов, но сами не агитировали. Возражая однажды на следствии словам одного декабриста, утверждавшего, что именно он готов был принести себя в жертву отечеству, Александр Бестужев спросил: «Что это значит? — Мы все без исключения несли себя на жертву отечеству...» [33].

Основной темой в речах декабристов, обращенных к солдатам, был, конечно, призыв остаться верными присяге Константину, недавно принесенной. Говорить солдатам в казармах прямо о целях восстания декабристы не решались. Они решались на значительно большее в тайной агитации накануне восстания, обходя караулы и прямо говоря об освобождении от крепостного права. Но в казармах в основном речь шла о верности первой присяге. И солдаты и Александр Бестужев именно так передают на следствии основное содержание его речи. Александр Бестужев говорил солдатам, что их обманывают, напоминал, что только недавно солдаты присягали Константину, целовали крест, что об обмане знают и офицеры и ротный командир. Говорилось, что шеф полка великий князь Михаил Павлович задержан в Варшаве. Константин-де вовсе не отказывается от престола и обещает солдатам 15-летнюю службу. «Государь ваш жив, и вас хотят принудить присягнуть другому». Так восстанавливается содержание агитационных речей по показаниям самих солдат Московского полка, унтер-офицера Александра Сергузеева, фельдфебеля Григорьева, фельдфебеля Карпа Нежинцева и др. Но обратим внимание на то, что в благонадежный по виду призыв соблюдать верность присяге все же ворвалось даже в показаниях терроризованных фельдфебелей признание о лозунге социального значения: обещалось

облегчение каторжного крепостнического строя царской армии — уменьшение срока солдатской службы до 15 лет (т. е. на целых восемь лет в гвардии, где в то время служили 23 года, и на 10 лет в армии, где срок службы равнялся 25 годам). Обещание сократить срок службы точно соответствовало одному из пунктов «Манифеста к русскому народу» (пункт 12: «Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет»). Таким образом, даже в эту с виду как бы «благонадежную» агитацию все-таки был включен один реальный лозунг «Манифеста к русскому народу» [34].

Агитация офицеров-декабристов звала к вооруженному сопротивлению,— это совершенно несомненно. Решительно все — и допрашиваемые офицеры и пришедшие на площадь солдаты — показывают, что декабристы, звавшие на площадь, велели взять боевые патроны, и солдаты взяли их, хотя сознавали противоречие этой видимой «законности» лозунга принятым правилам, сознавали и самовольность поступка: «Из казарм люди взяли боевые патроны самовольно, без позволения»,— показывает фельдфебель 5-й фузелерной роты Григорьев. Унтер-офицер Сергузеев (2-я фузелерная рота) также показывает, что Александр Бестужев сказал людям, «чтобы они взяли на всякий случай боевые патроны». Щепин-Ростовский показал, что люди «начали надевать кивера, брать ружья с боевыми патронами по 10 [патронов] на человека». К этому месту декабрист в подстрочном примечании еще приписал: «зарядив ружья боевыми патронами». И воспоминания, т. е. источники, возникшие вне обстановки следствия, как принадлежащие самим декабристам, так и восходящие к лицам, представляющим противную сторону, говорят о том же. Михаил Бестужев в своих воспоминаниях пишет, что роздал боевые патроны; генерал-лейтенант Фелькнер также свидетельствует, что московцы вышли «разобрав боевые патроны, зарядив ружья». Щепин-Ростовский велел какому-то унтер-офицеру зарядить свой пистолет, и когда ружейная пуля туда не взошла, унтер «нарезал из нее картечей» [35].

Одна деталь с замечательной яркостью рисует отношение самих солдат к происходящему. Унтер-офицер Сергузеев по собственной инициативе велел солдатам взять с собой «артельные и, у кого есть, собственные деньги, говоря, чтоб и с нами не случилось того, что с Семеновским полком». Вот, оказывается, с чем сами солдаты в самый момент выхода восставшего Московского полка из казарм сравнивали происходящее событие! Они вспоминали восстание Семеновского полка в 1820 г., т. е. прекрасно осознавали «незаконность» выступления, хотя бы и под флагом верности первой присяге.

Рота Михаила Бестужева построилась первой и двинулась к выходу с Александром и Михаилом Бестужевыми во главе, за ними — рота Щепина-Ростовского. Тут Щепина-Ростовского потребовали к полковому командиру, в ответ на что он дерзко ответил при солдатах 6-й и 3-й рот, что «не хочет знать генерала» [36].

Зарядив ружья, солдаты рот Михаила Бестужева и Щепина-Ростовского побежали на большой двор казарм, где уже был установлен аналой и готовилась присяга. Барабанщики восставших рот били тревогу [37].

Выйдя из полкового двора на Фонтанку, солдаты, заметили, что впереди нет знамени, и вернулись обратно за знаменем на полковой двор. Знамена находились в учебном зале, охраняемые гренадерским взводом. Восставшие силой овладели знаменем и двинулись с ним опять к выходу. Второе — батальонное — знамя полка также оказалось в руках восставших. По ошибке часть восставших приняла движение второго знамени за вынос его к аналою для присяги. Поэтому около этого второго знамени

произошло столкновение своих со своими и борьба за знамя. Увидя, что у знаменного унтер-офицера знамя отнимает рядовой Андрей Красовский, Щепин-Ростовский ранил его саблей, на что рядовой ответил декабристу: «Ваше сиятельство, вы ошиблись, я за императора Константина». Поразителен этот солдатский ответ. При столкновении солдат древко знамени было изломано, отломан также верхний крест и кисти у древка и оторвался кусок полотнища (рядовой Павел Васильев кисти, крест и часть полотнища спрятал в рукав шинели). Лавина восставших солдат, по образному выражению Щепина-Ростовского, «рухнулась со двора». Как раз в это время наперерез восставшей толпе спешило высшее начальство — полковой и бригадный командиры. Восставшим ротам преградили путь у ворот казарм полковой командир барон генерал-майор Фредерикс и бригадный командир генерал-адъютант Шеншин. «Отойдите прочь, генерал!» — крикнул Александр Бестужев, наведя пистолет на Фредерикса. Несколько солдатских голосов сзади закричали: «Поди прочь, убьем!». В этот же момент подоспевший Щепин-Ростовский ударом сабли по голове свалил Фредерикса с ног («поверг его с разрубом головы на землю»). Бригадного командира Шеншина, вслед за полковым командиром пытавшегося задержать выходящие из казарм восставшие роты, Щепин-Ростовский сначала сбил на землю рукой, а затем нанес ему несколько сабельных ран. Полковнику Хвощинскому, который также стремился помешать выходу солдат, Щепин-Ростовский нанес три кровавые раны саблей. Спасаясь от Щепина с поднятыми вверх руками, полковник Хвощинский вызвал хохот солдат. Вновь вырвавшись таким образом на Фонтанку, восставший Московский полк — около 800 человек — почти бегом двинулся по Гороховой на Сенатскую площадь с развевающимся полковым знаменем впереди и с барабанщиками, бившими тревогу [38].

На Гороховой улице восставшие встретили декабриста Якубовича, который, закричав: «Ура! Константину Павловичу!», надел шляпу на обнаженную саблю и пошел вслед за полком на Сенатскую площадь. К Якубовичу мы вернемся несколько позднее.

5

Итак, первый восставший полк — Московский лейб-гвардии полк — шел на Сенатскую площадь. Шло около 800 солдат под командой всего трех офицеров. Они презрели волю самого высокого военного начальства и противопоставили ей свое решение. Кто же были эти солдаты и почему они шли на Сенатскую площадь?

Лейб-гвардии Московский полк был одним из самых молодых полков гвардии. Он был сформирован только в 1811 г. и первоначально носил название лейб-гвардии Литовского. Именно в его составе 19-летний прапорщик Павел Пестель проделал кампанию 1812 г. и был ранен на Бородинском поле, защищая батарею Раевского. 12 октября 1817 г. Литовский полк был переименован в лейб-гвардии Московский во время пребывания Александра I и всей царской семьи в Москве на празднествах по закладке храма Христа Спасителя. В это время в Москве организовывался Союз Благоденствия. Название было дано полку в честь Отечественной войны 1812 г. Московским полк был назван недаром — полк защищал в 1812 г. Москву и на Бородинском поле принял свое первое боевое крещение. За героическое участие в Бородинском сражении полк был награжден георгиевскими знаменами. Именно поэтому и было ему присвоено почетное наименование лейб-гвардии Московского. Ясно, что полк особенно крепко

был связан с традициями Отечественной войны. Эти традиции воспитали декабристов, воспитали они и солдат Московского полка.

Во имя чего с точки зрения солдатской массы двинулся полк на площадь? Чрезвычайно широко распространен следующий схематический ответ на поставленный вопрос: солдаты были-де подняты во имя законного императора, которому они присягнули менее трех недель назад, их движение якобы было основано на признании святости и нерушимости только что принесенной присяги и незнании истинных целей восстания. С этим объяснением легко соединяется и другое: солдаты были-де слепым орудием в руках начальников-декабристов, последовали их приказанию, сознательного участия в событиях они не приняли, они пошли за тем начальником, который повел их.

Однако беспристрастное рассмотрение описанных выше событий дает материал против обеих версий. Если присяга царю Константину, ее святость и нерушимость играли такую решающую роль в действиях солдат, то на площадь выходили бы только неприсягнувшие полки. Между тем на площади оказались как солдаты, не принесшие присяги (Московский полк, морской экипаж), так и солдаты, присягнувшие Николаю (лейб-гренадеры). Раскрывая существо этой версии, мы легко находим в ее глубине основные моменты теории официальной народности, утверждавшей, что русский крестьянин искони царелюбив и глубоко религиозен. Еще Белинский в своем письме к Гоголю протестовал против этого. Солдаты отнюдь не слепо шли за призывавшими их офицерами. Вся картина восстания полка показывает, что они усматривали в своих действиях значительный смысл и шли на большое и рискованное дело, представлявшееся им, по их собственному признанию, явно похожим на восстание Семеновского полка.

Каков был прежде всего основной состав «преступления» полка, в чем был его «бунт», его «мятеж»? Ведь именно эти определения были применены начальством к действиям восставшего полка, и начальство со своей точки зрения было совершенно право. В полку нарушен был закон воинского повиновения, гласивший: «не рассуждать и повиноваться начальству». Призывы ротного командира остаться верными Константину должны были — так воспитывался солдат — полностью побледнеть и стушеваться перед приказом более высокого начальства: командира полка и тем более бригадного генерала. Этот приказ был предельно ясно выражен и полковым командиром генералом Фредериксом, и еще более высоким начальством — бригадным командиром генерал-адъютантом Шеншиным, наконец, полковником Хвощинским, которые все втроем заградили восставшему полку выход из казарм. Одно движение брови каждого из этих начальников, взятых по отдельности, отменяло приказание такой мелкоты, как ротный командир. Но восставшие солдаты решили рассуждать о присяге, жить своим умом, а не волей начальства. Свою волю они именно противопоставили «воле начальства», на которую сначала ссылались. Когда декабристы в начале событий, прибыв в полк, спрашивали солдат, как же это они решаются присягать новому императору, когда его предшественник еще жив, солдаты сначала отвечали, что на то воля начальства. Вот это коллективное неповиновение воле начальства и противопоставление последней своего солдатского решения и было неслыханно новым элементом в действиях полка. «Константиновская легенда», бытовавшая в армии, хотя и была внешне связана с идеологией крестьянского наивного монархизма, но объективно выражала антикрепостнические настроения солдатской массы, их протест против той формы крепостного гнета, которая выражалась в особенностях царской службы и тяготела над армией. В идеологию солдатской массы, вышед-

шей на Сенатскую площадь за декабристами, включилась реальная надежда на облегчение именно этого гнета — надежда на уменьшение солдатской службы на 10 лет.

Таким образом, солдатская масса далеко не «слепо» нарушила первый крепостнический закон слепого повиновения дворянскому военному начальству. Решению царя Николая о второй присяге, рассылавшемуся по гвардейским полкам, в десятках и сотнях устных генеральских и полковничьих приказов, в силу которых приводили солдат к аналою на казарменных дворах, солдатская масса, вышедшая на площадь, противопоставила свое решение — не присягать. Смутные и разноречивые, недостаточно осознанные мотивы этого противопоставления содержали в себе элементы стихийного протеста против крепостной неволи, против всего строя крепостной жизни. За предводителями-декабристами шла та солдатская масса, которая ознакомилась пять лет назад с воззваниями, связанными с восстанием Семеновского полка, крепко думала над восстанием и судьбой восставших и не испугалась перспективы испытать судьбу семеновцев. Огромное большинство солдат состояло из героев Бородина, Красного, Смоленска, Тарутина, Малоярославца, героев Лейпцига и взятия Парижа.

Вспомним о том, что в гвардию отбирались наиболее смышленые, а подчас и грамотные солдаты. Как и всякие солдаты-гвардейцы, жившие в столице и много повидавшие на своем военном веку, они понимали гораздо больше, нежели предполагало начальство. Все сказанное приводит к заключению, что смысл событий, в которых они участвовали, понимался ими гораздо более сложно, нежели принято думать. Эти люди многое передумали, и невозможно их отказ от повиновения начальству назвать «слепым». Это был далеко не «слепой» отказ, а сложный идеологический комплекс, в котором, наряду со старым, билось неодолимое новое — протест против крепостнического угнетения прежде всего.

Вернемся теперь к ходу событий. Итак, первый восставший полк — лейб-гвардии Московский — пришел на Сенатскую площадь.

6

Когда именно пришел на Сенатскую площадь первый восставший полк? Его приход определяет собой начало открытого восстания на площади перед лицом собравшегося народа. Длительность восстания может быть определена лишь при наличии ответа на поставленный вопрос.

В литературе встречаются весьма разноречивые утверждения о начале восстания на Сенатской площади. Наиболее обширная исследовательская работа о дне 14 декабря, принадлежащая А. Е. Преснякову, дает явно неверное указание часа прихода на Сенатскую площадь Московского полка («шел уже десятый час утра»). Как мы помним, Александр Бестужев приехал в Московский полк лишь в десятом часу утра. Далее следовала длительная подготовка выхода рот, вооруженное столкновение в казармах и, наконец, движение к площади. Все это взяло немало времени. Николай узнал о восстании в Московском полку от начальника штаба гвардейского корпуса генерал-майора Нейдгардта. Последний сообщал Николаю, что Московский полк «est en pleine insurrection» («в полном восстании») и движется к Сенату, причем сам Нейдгардт с трудом обогнал его, чтобы сообщить об этом Николаю. Николай вышел из Зимнего дворца на площадь и тут получил такое же сообщение от взволнованного петербургского генерал-губернатора Милорадовича. «Cela va mal; ils marchent au Sénat, mais je vais leur parler» («дело плохо, они идут к Сенату, но я поговорю с ними»), — сказал ему Милорадович. В этот

момент, по словам Николая, съезд во дворец уже начинался, «и вся [Дворцовая] площадь усеяна была народом с перекрещавшимися экипажами». Это свидетельство и определяет интересующий нас час. 14 декабря велено было от двора собираться во дворец «всем, имеющим право на приезд» к одиннадцати часам утра, как пишет Николай в своих «Записках». Съезд во дворец и движение восставшего Московского полка на Сенатскую площадь совпали. Отсюда можно заключить, что Московский полк пришел на Сенатскую площадь около одиннадцати часов утра. Тот же час съезда во дворец засвидетельствован в записях Михаила Павловича и сыном дворцового коменданта Башуцкого; совпадает с этим и указание часа в рассказе сопровождавшего митрополита дьякона Прохора Иванова, а также и у других свидетелей. В неопубликованных записках Бутенева о дне 14 декабря сообщается, что он услышал о приходе московцев на Сенатскую площадь «за половину 10-го часа утра» (сначала в рукописи стояло «в исходе 10-го часа утра»). Это также подтверждает, что первый восставший полк пришел на Сенатскую площадь около одиннадцати часов утра [39].

Сенатская площадь еще была пуста, полк пришел первым. Александр Бестужев и Щепин-Ростовский выстроили пришедший Московский полк боевым построением — каре. Построение это было вызвано наличием площади, давало возможность наступательных действий полка и отражения нападения с четырех сторон и в военном отношении было целесообразно. Вместе с тем построение это облегчало возможность единого командования. Пестель переводил иностранное слово «каре» (четырехугольник) придуманным им русским словом «всебронь», отражая этим высокие боевые качества построения. Суворов нередко действовал «кареями». Декабристы подчеркивали наличие именно этого построения на Сенатской площади: когда барон Корф, представитель лживой официальной версии восстания, написал в своей книге «Восшествие на престол императора Николая I»: «мятежные роты Московского полка стояли в густой неправильной колонне», — декабрист Сутгоф, возражая, написал против этих слов: «каре». Очевидец А. Н. Оленин, в прошлом опытный военный, отметил, что восставшие построились в каре «и заняли въезд в Сенат на Исаакиевской площади». Это замечание заслуживает внимания [40].

К боевому построению восставших надо добавить, что именно пришедший первым Московский полк выделил заградительную стрелковую цепь, для чего прибывшему на площадь декабристу А. И. Одоевскому дали под команду взвод. Цепь, по свидетельству очевидца Бутенева, разместилась «супротив» бульвара в расстоянии от него с небольшим в 7 саженях». Восставшие в этот момент чувствовали себя хозяевами площади и контролировали движение по ней. Так, генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, посланный Николаем за конной гвардией, был остановлен на площади Каховским и Якубовичем, которые спросили, куда он направляется. Бибикова избили прикладами, когда он пытался пробиться через заградительную цепь. Вообще в эти часы настроение восставших было боевым. Александр Бестужев на глазах выстроившихся в каре солдат точил свою саблю о гранит памятника Петру I. Московцы стояли в большом порядке. Все офицеры были в мундирах, шарфах и киверах. Парадный вид Александра Бестужева поразил, например, очевидца Бутенева. Бестужев на его глазах скинул шинель, бросив ее в сани, и остался «в мундире, белых панталонах, гусарских сапогах, при сабле и шарфе». Позже говорили, что Александр Бестужев был одет «как на балу» [41].

Несколько дней сряду перед 14 декабря были оттепели. По дневнику Андреева, накануне дня восстания, в воскресенье 13 декабря был «день

изрядный — градуса 2 холода, барометр опустился до ясного». В понедельник 14 декабря довольно сильно похолодало. Отсутствие точных официальных записей температуры не позволяет с бесспорностью установить температуру дня и ее колебания. Николай замечает, что к вечеру стало холоднее. Очевидец событий И. Я. Телешов (позже курский вице-губернатор) свидетельствует, что утро 14 декабря «было ясное и довольно теплое». По словам Фелькнера, «мороз к вечеру усилился». Несколько современников дают точное определение температуры в градусах. Сафонович вспоминает, что утром было «не более 5 градусов мороза», сын коменданта Зимнего дворца Башуцкого говорит о температуре «до 9 градусов» мороза, декабрист Розен пишет о десяти градусах мороза. Историк царствования Николая I Н. К. Шильдер говорит о восьми градусах мороза. Современник Вахтин вспоминает, что в этот день «был довольно сильный мороз». Из этих данных явствует во всяком случае, что мороз был сильнее, нежели накануне (показание барометра на «ясно»), и к вечеру 14 декабря еще усилился. Разумеется, и при этой температуре и особенно при усилившемся ветре, о котором свидетельства единогласны, солдатам, вышедшим на площадь в одних мундирах, стоять было нелегко [42].

Толпы народа, которые начали стекаться еще к казармам восставших полков во время присяги, теперь становились все гуще и гуще. Народ заполнил Дворцовую и Сенатскую площади, все время переходя с одной на другую, собираясь большими группами, обсуждая происшествие. Несколько ниже мы остановимся на подробной характеристике собравшегося на площадь народа. Сейчас же надо остановиться на выдающемся событии дня восстания — убийстве петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича. Это событие произошло в то время, когда другие восставшие полки еще не прибыли на площадь и на ней находился только один Московский полк.

7

Обстоятельства выезда Милорадовича к восставшим войскам, его переговоров с ними и убийства графа рассказываются в обширной декабристской литературе главным образом по «Донесению» и книге барона Корфа. Даже А. Е. Пресняков, посвятивший целую книгу дню 14 декабря, уделил этим событиям лишь полстранички, кратко повторив те же данные. Однако изучение следственных дел декабристов, а также такого замечательного, но мало использованного в специальной литературе источника, как воспоминания А. П. Башуцкого, проливают новый и несколько неожиданный свет на отдельные стороны этого события.

Сын коменданта Зимнего дворца А. П. Башуцкий был адъютантом Милорадовича, сопровождал его при переговорах с восставшими, присутствовал при его ранении и смерти. Рассказ его, изобилующий подробностями, неоднократно воспроизводился рукописно, и даже какая-то его рукопись была передана для использования барону Корфу. Николай, просмотревший предварительно весь представленный Корфу материал, отнесся к рукописи Башуцкого отрицательно, в силу чего Корф и не использовал ее. Рукопись рассказа Башуцкого оказалась затем в руках А. И. Герцена, который, не называя, разумеется, имени автора, использовал ее для публикации «Смерть Милорадовича» во второй книге «Исторического сборника» вольной русской типографии в Лондоне. Несомненно, Н. П. Огарев пользовался рассказом Башуцкого, когда писал свою книгу «14 декабря», где разбирал книгу Корфа. Рассказ Башуцкого оказалось возможным напечатать лишь после революции 1905 г., — его опубликовал в 1908 г. «Исторический вестник» с правленой писарской ко-

пии, сохранившейся каким-то образом в бумагах митрополита новгородского и петербургского Никанора Клементьевского. Удивительно, что А. Е. Пресняков в своей книге не воспользовался этим источником, который, повидимому, вообще остался ему неизвестен [43].

Башуцкий рассказывает, что, посетив Милорадовича утром 14 декабря «прежде половины девятого», он застал его «довольно веселым» и совершенно одетым — в полной парадной форме и голубой андреевской ленте. Высокая грудь его была буквально покрыта «двумя дюжинами всех наших и главнейших европейских звезд и крестов». Это описание внешности графа дополняет очевидец Бутенев: Милорадович был «в мундире, при шарфе, в белых панталонах, в ботфортах, с андреевскою через плечо лентою». Накануне Милорадович, сказавший адъютанту в ответ на его опасения о неспокойстве в полках, что «знает все на свете», отдал распоряжение об увеличении числа своих разъездных полицейских и жандармов и об усиленном дежурстве по канцелярии. Затем, несмотря на явную сложность создавшейся утром 14 декабря обстановки, Милорадович все же заявил адъютанту, что на минутку забежит к балерине Катеньке Телешовой, которой дал слово быть у нее на утренней кулебяке... Вновь появился граф лишь около одиннадцати часов утра на Дворцовой площади, но в несколько странном виде. Вся внешность его говорила о том, что он уже встретился с «мятежниками» где-то по пути их к Сенатской площади: «Мундир его был расстегнут и частью вытащен из-под шарфа, воротник был несколько оторван, лента измята, галстук скомкан и с висящим на груди концом...». По словам Башуцкого, Милорадович «резко взял» Николая «за локоть и почти оборотил его к себе лицом». «Sire, ils m'ont mis dans cet état, il n'y a plus que la force qui puisse agir» («государь, вот в какое состояние они меня привели, — теперь только сила может воздействовать...»). Николай в своих «Записках» передает лишь слова Милорадовича, что мятежники идут (но еще не пришли!) к Сенату и что он хочет говорить с ними. Заметим, что слова Милорадовича несомненно свидетельствуют о каком-то разговоре графа с мятежниками, иначе откуда он мог знать, что они «идут к Сенату»? Только они и могли сказать ему это [44].

Кроме этого свидетельства Николая о каком-то предварительном «контакте» Милорадовича с мятежниками до его выезда на площадь, есть и другое существенное свидетельство о том же. Оно находится в судном деле унтер-офицера Московского полка Луцкого и рядового Поветкина. Тут говорится еще о пешем Милорадовиче, который столкнулся с заградительной цепью, выставленной восставшими. Унтер-офицер Луцкий был наряжен Александром Бестужевым в эту заградительную цепь и получил строгий приказ никого через площадь не пропускать. К нему подошел Милорадович и сказал: ««Что ты, мальчишка, делаешь?» На это Луцкий, назвав графа Милорадовича изменником, спросил его: «куда девали шефа нашего полка?» После сего противу подъехавшего жандармского солдата для разогнания народа действовал он ружьем, ранив лошадь его штыком, и кричал при этом «измена!», сими словами возбуждал народ и солдат». Ясно, что пеший Милорадович вполне мог быть смят, а может быть, и побит при этих обстоятельствах, — ведь при аналогичной обстановке был избит Бибиков, позже пытавшийся пробиться через заградительную цепь. Таким образом, рассказ Башуцкого получает серьезное подтверждение в аудиториатском деле Луцкого и Поветкина [45].

Пораженный сообщением Милорадовича, Николай отдал ему приказание привести на площадь уже присягнувшую конную гвардию, и Милорадович отправился за ней. Захватив первые попавшиеся извозчичьи сани (Башуцкий стал на запятки), Милорадович попытался пробиться че-

рез Исаакиевскую площадь, на которой уже строились «мятежники», но за густой массой народа это оказалось невозможно. Объездом по Вознесенской, по Мойке и через Поцелуев мост Милорадович с адъютантом подъехали к Конногвардейским казармам. Адъютант побежал по конюшням, торопя офицеров, но в подготовке к выходу полка, несмотря на все увещания и уже принесенную присягу, чувствовалась медлительность. Позже ее ставили в связь с агитацией декабриста Одоевского, который, возвратившись в свои Конногвардейские казармы с караулом после разговора на Сенатской площади с Пущиным и Рылеевым, призывал не выходить на площадь против восставших войск. «Что же полк?» — нетерпеливо спрашивал Милорадович. «Тотчас»,— отвечал адъютант. Но конная гвардия из конюшен не появлялась, лишь прискакал на больших рысях ее эскадрон, стоявший в других казармах, и занял место на левом фланге. А. Ф. Орлов с его адъютантом Бахметевым также выехали на конногвардейский двор и стали в ожидании выхода полка. «Там-сям усатый кирасир, выведя свою лошадь, ставил ее в принадлежащий ряд и, застегнув за луку трензель, уходил. «Куда ты?» «Забыл рукавицы, ваше благородие»,— отвечал он или что-нибудь подобное. Время бежало. Не было и 30—40 лошадей, выведенных таким образом»,— рассказывает Башуцкий. Так исполнялся конной гвардией приказ нового императора. Прождав свыше 20 минут, Милорадович, вне себя от ярости, обиды и гнева, потребовал лошадь, сел на коня, предложенного ему Бахметевым, и, не слушая заверений Орлова о том, что полк скоро выйдет, отвечал ему с запальчивостью и привычными крепкими выражениями: «Нет, нет, je ne veux pas de votre ...t... de régiment! Да я и не хочу, чтобы этот день был запятнан кровью... je finirai seul cet affaire» *. Своему адъютанту Башуцкому, у которого не было лошади, Милорадович велел следовать за ним пешком [46].

Таким образом, «знавший все на свете» петербургский генерал-губернатор появился на площади перед восставшим Московским полком после неудавшейся попытки вывести конную гвардию с тою степенью быстроты, которая была прилична императорской гвардии в данной обстановке. Но конная гвардия явно не хотела торопиться... Милорадович подъезжал к мятежному каре с яростной уверенностью одним своим видом, одной бурной речью покончить все.

По воспоминаниям Бутенева, Милорадович подъехал к правому фасу каре, с трудом пробравшись через толпу, и остановился, как говорит Башуцкий, шагах в 10—12 от восставших. Гвардия, разумеется, прекрасно знала генерал-губернатора, и некоторые ряды, по свидетельству Башуцкого, отдали графу честь. Но по тому же свидетельству, генерал-губернатору пришлось пять раз скомандовать «смирно!», раньше чем он получил возможность говорить. «Граф, как известно, говорил с солдатами превосходно» [47].

Башуцкий весьма подробно передает речь Милорадовича, упоминая о множестве деталей — интонации, жестах, произведенном впечатлении. Конечно, невозможно полностью доверять этой передаче, хотя адъютанту Милорадовича приходилось без конца со всеми подробностями сотни раз рассказывать эту речь любопытным после совершившихся событий. Милорадович любил и умел говорить речи, и в некоторых сторонах пересказ Башуцкого (пафосные обращения, театральные движения, крепкие ругательства и пр.) производит впечатление правдоподобия. Отметим, что Милорадович начал с упоминания об известных сражениях: «Солда-

* Как всегда, Милорадович переплетал свою русскую речь французскими выражениями. Перевод французского текста: «Нет, нет, я не хочу вашего... (крепкое ругательство) полка... я кончу один это дело...»

ты! Солдаты!.. Кто из вас был со мной под Кульмом, Люценом, Бауценом...» (Башуцкий, явно преувеличивая, считает, что Милорадович назвал 40—50 сражений; это явно неправдоподобно по длительности речи и потребного для нее времени). «Говорите, скажите! Никто? Никто не был, никто не слышал?!» Как раз присутствовавшие на площади московцы, получившие первое боевое крещение в огне Бородинской битвы, были затем не только под Люценом и Бауценом, но и под Лейпцигом и под Парижем. Однако ответом графу было полное молчание. Тогда Милорадович, приподнявшись на стременах, перекрестился и провозгласил: «Слава богу! Здесь нет ни одного русского солдата». За этим следовал аналогичный призыв к офицерам, за которым также следовало молчание и аналогичное театральное восклицание Милорадовича: «Бог мой, благодарю тебя! Здесь нет ни одного русского офицера!». Вынув из ножен шпагу, подаренную ему цесаревичем Константином, Милорадович громко прочел надпись на шпаге: «Другу моему Милорадовичу». Потрясая этим подарком, он восклицал, что «Милорадович не может быть изменником своему другу и брату своего царя», и не жалел крепких слов для очернения морального облика тех, кто отказался от присяги и вышел на площадь: «Нет тут ни одного офицера, ни одного солдата! Нет, тут мальчишки, буяны, разбойники, мерзавцы, осрамившие русский мундир, военную честь, название солдата! Вы пятно России! Вы преступники перед царем, перед отечеством, перед светом, перед богом! Что вы затеяли? Что вы сделали?» Милорадович призывал немедля пасть к ногам Николая, зовя всех с площади следовать за собой.

Однако в течение всей речи «молчание святое, мертвое» (слова Башуцкого) ее сопровождало. Башуцкий утверждал, что в солдатской массе уже возникал и даже возник перелом. Это предположение можно оставить на его совести, но момент действительно был чрезвычайно опасным. Колеблющиеся могли найтись. Милорадовича гвардия знала превосходно. Солдаты молчали в ответ на его призывы, но знакомые имена Люцена, Бауцена, Лейпцига, конечно, находили отклик в их сердцах: под знаменами восстания стояли герои 1812 г. и заграничных походов. Александр Бестужев признается, что боялся, «чтобы граф не уговорил солдат». Отступив за линию фронта с угла каре, декабрист «подстрекал солдат кричать, «да здравствует император Константин!» [48].

Напомним, что диктатора на площади не было, никто не отдавал распоряжений, и начальник революционного штаба декабрист Оболенский, как то и полагалось ему по его функции, решительно вмешался в ход событий. Он находился впереди с патрульной цепью и, увидев, что граф «довольно долго разговаривает с нижними чинами», подойдя к Милорадовичу, стал требовать, чтобы он удалился. «Ваше сиятельство, извольте отъехать и оставить в покое солдат, которые делают свою обязанность». «Почему же мне не говорить с солдатами?» — запальчиво крикнул губернатор. Трижды предложив графу отъехать и не добившись выполнения требования, Оболенский схватил ружье у соседнего солдата и с возгласом «прочь!» повернул штыком лошадь графа, ранив при этом и его самого в правую ляжку. В тот же момент прогремел выстрел Каховского. Пуля прошла «в андреевскую ленту» Милорадовича, в левый бок и остановилась в правой части груди. Граф стал валиться с лошади, шляпа упала с головы, испуганная, раненая лошадь вырвалась из-под всадника, его ноги тяжело брякнули шпорами о землю. Адъютант Башуцкий еле успел подставить плечо и принять на себя тяжесть рухнувшего на него грузного тела. Каховский свидетельствует, что выстрелил не один: «Я выстрелил по Милорадовичу... выстрел мой был не первый, по нем выстрелил и весь фас каре, к которому он подъезжал». Окружавшая гу-

бернатора толпа отхлынула в момент выстрелов. Значительная опасность, грозившая восстанию, была устранена.

Позже А. Д. Боровков, характеризуя Оболенского, писал в своих записках, что рукой декабриста «водил холодный расчет — устранить препятствие в успехе предприятия». Характеристика эта служит к чести Оболенского. Сам он передает свое состояние так: он «был в... смятенном положении от встречи... с графом и едва минувшей опасности, угрожавшей нам от разговора его с солдатами» [49].

Чрезвычайно важны свидетельства, что почти одновременно с Каховским (последний утверждает, что даже до его выстрела) в сторону Милорадовича полетели пули из солдатских рядов. Специальная «Записка», составленная в результате следствия в Московском полку («О подробных действиях лейб-гвардии Московского полка штабс-капитана князя Щепина-Ростовского в день происшествия 14 декабря 1825 года»), говорит о том же: когда к каре подъезжал Милорадович для увещания, то «по приказанию его, Щепина, и Бестужевых нижние чины стреляли по нем». Это же подтверждает в своих записках декабрист А. Е. Розен. Можно добавить, что о том же свидетельствует и адъютант Милорадовича Башуцкий, относящий эти выстрелы к моменту, когда Милорадович уже упал, сраженный пулей Каховского. Башуцкий подхватил упавшего Милорадовича,— «вдруг раздались выстрелы и несколько пуль из стаи бунтовщиков, свистя, полетели в толпу народа, стоявшую позади нас». Такое большое количество свидетельств, идущих с разных сторон, должно быть принято во внимание.

Несмотря на крики и призывы Башуцкого, по его собственному свидетельству, н и к т о из огромной толпы народа, собравшейся на площади, не подошел к упавшему губернатору. Толпа была на стороне восставших. Башуцкий сам поволок графа ногами по земле, направляясь к манежу, где было посвободнее, положил его прямо на снег и «криком, ругательством, кулаками, пинками, побоями» принудил четырех первых попавшихся человек, стоявших в толпе, помочь ему поднять его. Милорадовича перенесли в Конногвардейские казармы, в пустую комнату бывшего в отпуске офицера Конногвардейского полка Игнатьева (Башуцкий хотел было понести его в квартиру А. Ф. Орлова, но Милорадович решительно запротестовал). В той комнате Милорадович и скончался в ночь на 15 декабря [50].

Чрезвычайно интересно свидетельство того же Башуцкого, что никто из конногвардейцев, на глазах которых через двор казарм несли графа, не подошел к нему и не предложил своих услуг.

Когда же произошло убийство Милорадовича? Определение часа существенно для хода событий в целом и, в частности, чтобы установить, сколько времени Московский полк был один на Сенатской площади. Милорадович, покинувший Николая около одиннадцати часов утра, как мы помним, вскочил в извозчичьи сани, попробовал пробиться через Сенатскую площадь, но не смог и отправился в объезд к Конногвардейским казармам. Затем он ждал в казармах более двадцати минут выхода полка, после чего направился к мятежникам. Сохранилось прямое свидетельство современника о длительности его «переговоров» с восставшими. Бутенев полагает, что граф говорил «минут с 20». Это не противоречит словам Оболенского, что Милорадович разговаривал с солдатами «довольно долго». С другой стороны, Башуцкий запомнил, что когда живший в конце Конногвардейской улицы полковой доктор Габерзанк, приведенный им к графу, стал считать его пульс и посмотрел на часы, «было около десяти минут второго часа». Сам Башуцкий на основании этого полагал, что граф был ранен «в половине первого или около» [51].

«Парламентером» от правительственной стороны явился и командующий гвардейским корпусом генерал-от-кавалерии Воинов. Утром, еще до выстрела в Милорадовича, Николай встретил Воинова на Салтыковской лестнице Зимнего дворца, в тот момент, когда весть о возмущении Московского полка только что стала ему известна. Старик был, по свидетельству Николая, «в совершенном расстройстве». Николай «строго припомнил ему», что его место не во дворце, «а там, где войска, ему вверенные, вышли из повиновения». Этот начальственный окрик не был, разумеется, прямым поручением о «переговорах», но призывал Воинова действовать.

Сев на коня, Воинов доехал до края площади и тут, по свидетельству Евгения Вюртембергского, «чернь» чуть было не стащила его с коня. Поскольку далее очевидцы видели генерала-от-кавалерии пешим, надо думать, что или «черни» удалось ее намерение, или сам генерал решил, что благоразумнее спешиться. Учитывая горький опыт Милорадовича, он действовал совсем на другой манер, что хорошо передает очевидец Бутенев: выполняя через силу служебный «долг», Воинов «понуро» шел пешком в шарфе к цепи, «походкой медленною» и говорил с солдатами «равнодушно и тихо», будто разговор шел «о форме одежды сих людей» и дело происходило «на полковом дворе». Как передает Бутенев, Якубович подошел к Воинову, коснулся его плеча и громко проговорил: «Извольте отойти, генерал, здесь не ваше дело!». На это Воинов тоном увещания сказал Якубовичу: «Как тебе не стыдно, Якубович, что ты делаешь, побойся бога»,— и с последними словами, повернувшись, тихо пошел назад, не изменив походки.

Никто не засвидетельствовал прямо, что в Воинова стреляли из рядов восставших солдат. Декабрист Сутгоф утверждает, что в Воинова не стреляли, но его «народ чуть не убил камнями». Розен пишет в своих записках, что кто-то из толпы запустил в Воинова поленом, и так сильно ударил в спину, «что у старика свалилась шляпа». Конечно, сравнительно столь «счастливому» для Воинова исходу переговоров, очевидно, способствовала описанная выше своеобразная манера его «переговоров». Николай пишет о выстрелах в Воинова, однако он стоял очень далеко и сам картины переговоров не наблюдал. Вероятно, не все даже заметили переговоры понурого генерала с восставшей гвардией [52].

8

Сейчас же после убийства Милорадовича, несмотря на отсутствие диктатора и царившее в рядах восставших безначалие, декабристами была реализована слабая попытка разведки для сбора сведений о состоянии противника. Документальный материал убедительно говорит об организующей роли Рылеева в этом вопросе. Речь идет о посылке в стан противников Якубовича. Этот сложный эпизод оброс разнообразными и нередко противоположными толкованиями, в частности, противоречиво его истолкование и в мемуарах декабристов. Ни одно описание событий 14 декабря не обходится без этого эпизода, и все-таки в характеристике события не достигнуто ясности. Из многочисленных и довольно сбивчивых свидетельств выделим важнейшие фактические данные. Дело может быть на их основе обрисовано в следующем виде.

После своего отказа вести матросов-гвардейцев на Зимний дворец и тем осуществить важнейшее звено плана, Якубович явно поставил себя в двусмысленное и тяжелое положение среди декабристов. Он мог бы вообще не прийти на площадь, как Трубецкой, но совесть мучила его, и он все же явился туда вместе с восставшим Московским полком. Уловив момент, когда полк шел по Гороховой, Якубович, как уже упоминалось,

вышел из своей квартиры и, высоко подняв на сабле шляпу с султаном, провозгласил: «Ура, Константин!» и присоединился к полку.

Неясность общего положения поставила вопрос о разведке — надо было разузнать, что делается в стане противника, выяснить его общее состояние, обсудить предположения о его действиях. Но только ли эти соображения руководили Рылеевым? Не вернулись ли к мысли о цареубийстве Рылеев и группа его друзей, вполне и в деталях знавшая задуманный план и, несомненно, крайне встревоженная отсутствием Трубецкого? Не будем пока давать ответ на этот вопрос, перейдем к фактам. Якубович сейчас же после убийства Милорадовича из стана восставших направился сначала на Сенатскую гауптвахту, где прикинулся сторонником Николая и объявил караульному офицеру, что «гнушается» замыслами преступных. Затем Якубович обогнул Исаакиевский собор и оказался в расположении правительственных войск. Здесь, встретив дежурного генерала, он сказал ему то же, что и караульному офицеру, после чего они вместе (Якубович и дежурный генерал) пошли на конец Адмиралтейского бульвара, т. е. к месту пребывания императора и его свиты, «чтобы взглянуть на мятежников». Далее Якубович от бульвара двинулся к дворцу, где и встретил Николая в тот момент, когда он продвигался к бульвару. Встреча с Якубовичем, согласно «Запискам» самого Николая, произошла у него на углу Вознесенской. Якубович, очевидно, обратился к Николаю, тот подозвал его к себе и спросил, чего он желает. «На сие он мне дерзко сказал: «я был с н и м и, но услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам»».

Сначала Николаю, очевидно, понравился этот ответ, он пожал, по собственному признанию, Якубовичу руку («я взял его за руку») и сказал ему: «Спасибо, вы свой долг знаете»[53].

Очень важно свидетельство Кюхельбекера, что на чей-то вопрос «где Якубович?» Рылеев отвечал: «Он там нужен». Из этого ответа видно, что Якубович был п о с л а н декабристами к Николаю. Это — первый вывод. Свидетельство Рылеева в соединении с неоднократным (не менее двух раз) возвратом Якубовича в лагерь восставших и передачей им каких-то сведений непреложно говорит о том, что, явившись в императорский лагерь, Якубович выполнял не личное свое желание, а имел какие-то поручения от бывшего штаба восстания, на некоторое время еще сохранившего на площади слабый оттенок прежней руководящей роли. Второй несомненный вывод — это то, что Якубович был послан отнюдь не в качестве парламентера, а именно как разведчик. Это ясно из всей картины: если бы он был послан парламентером, он что-то передал бы Николаю. Но Николай твердо показывает, что никаких конкретных предложений со стороны Якубовича не последовало, он лишь сказал ему, что Московский полк «почти весь» участвует в бунте, и это не являлось преуменьшением силы, показание было дано в пользу «мятежников». Добавим, что если бы Якубович был парламентером, то зачем бы ему было следовать обходными путями, сначала являться на Сенатскую гауптвахту, затем обходить Исаакиевский собор? Восставшие легко могли бы пропустить Якубовича через свою заградительную цепь. По показанию Щепина-Ростовского, Якубович спрашивал товарищей, о чем ему говорить с Николаем, и это очень существенный момент. Если Якубович просто захотел бы изменить восстанию и спасти свою жизнь, то кто мог помешать ему не выходить на площадь, не присоединяться к Московскому полку и попросту остаться у себя на квартире или даже поспешить с доносом, опережая события? Этого он не сделал[54].

По словам очевидца событий флигель-адъютанта Дурново, Николай поручил Якубовичу предложить восставшим сложить оружие, обещая

полное прощение. Якубович отправился к каре, развернув белый платок, был принят, как пишет Бутенев, с криком «ура!» и, по воспоминаниям Михаила Бестужева, сказал товарищам: «Держитесь, вас крепко боятся» (в передаче воспоминаний Башуцкого: «Держитесь, ребята, здесь все трусят, держитесь»). После этого Якубович получил от декабристов еще какое-то поручение и вновь отправился к Николаю. По словам Дурново, он заявил на этот раз, что восставшие «решительно отказываются признавать императором кого-либо, кроме великого князя Константина». Николай поручил Якубовичу передать восставшим, что Константин «отрекся добровольно еще несколько лет назад». Якубович, по дневнику Дурново (последний лично наблюдал весь эпизод), якобы отказался передать эти слова «мятежникам», боясь быть убитым, потом согласился, но вместо него Николай поручил передать эти слова Дурново [55].

Дурново весьма красочно описывает, как «выполнил» он эту миссию: «Перекрестившись, я отправился к мятежникам. Я приблизился на расстояние четырех шагов от каре, и едва я открыл рот, чтобы говорить, как один из командиров крикнул мне, чтоб я убирался или он прикажет убить меня; и он действительно приказал двум солдатам заколоть меня штыком. Но я был проворнее этих мошенников и со всех ног добежал до наших, подвергаясь большой опасности, так как два солдата довольно долго преследовали меня, но не смогли настигнуть».

Якубович же вновь вернулся к восставшим, и тут произошла на первый взгляд загадочная сцена. Щепин-Ростовский, как говорит Сутгоф, оскорбил на площади Якубовича («Якубович был оскорблен на площади кн. Щепиным-Ростовским»), а солдаты хотели за что-то заколоть Якубовича. Произошло какое-то бурное объяснение, результаты которого не к чести Якубовича. Что именно произошло, мы точно не знаем. Но тут же Якубович исчезает с площади, и его товарищи с насмешкой говорят, что он ушел потому, что у него «болит голова». Правда, у Якубовича был прострелен череп (он постоянно носил на лбу черную повязку), и ссылка на головную боль в этом случае звучит не совсем обычно; ссылка эта зафиксирована как в показаниях на следствии, так и в мемуарной литературе [56].

Мы не располагаем прямым ответом на вопрос, в чем была причина столь бурной сцены. Можно лишь добавить к общей картине, что в некоторых мемуарах декабристов, особенно у Михаила Бестужева, ясно выражено резко отрицательное, даже презрительное отношение к Якубовичу. Можно предположить, что Якубович не выполнил какого-то важного поручения. Не шла ли речь о цареубийстве, на которое «храбрый кавказец» столь рьяно вызывался незадолго до этого? Трудно предположить что-либо иное, но точного ответа на этот вопрос нет. Может быть, при новом столкновении, при новом невыполнении ответственного поручения товарищи припомнили и утренний отказ Якубовича вести матросов на Зимний дворец, отказ, который нанес такой тяжелый ущерб выполнению плана восстания. О том, что декабристы припоминали Якубовичу этот отказ на площади, есть прямое указание в воспоминаниях Михаила Бестужева [57].

Якубовича явно мучила совесть, что «многими сей поступок (т. е. его поведение на площади. — *М. Н.*) будет истолкован как измена». В каземате, желая передать по камерам свое последнее объяснение, Якубович написал на заглавном листе разрешенного к чтению в тюрьме журнала «Московское ежемесячное издание», который передавали из камеры в камеру, такие слова: «Я имел высокие намерения, но богу, верно, не угодно было дать мне случай их выполнить. Братцы! Не судите по наружности и не обвиняйте прежде времени». Во всяком случае приходится признать,

что если не считать Трубецкого, то дворянские колебания в момент решительных действий ни в ком не проявились столь наглядно в день восстания, как в Якубовиче. Но в отличие от Трубецкого, он мучительно ощущал свою вину перед восставшими [58].

9

Но диктатора все не было.

Положение на площади, как видим, было крайне напряженным. Диктатор же не появлялся, главнокомандования не было, царило безначалие.

По ходу изложения нам приходилось уже не раз упоминать об отсутствии на площади диктатора. Следственный материал насыщен вполне достоверными свидетельствами о том, какое большое значение придавали декабристы избранию диктатора, как ждали его на площади, как верили в обоснованность его отсутствия. Нельзя забывать о военных навыках того времени, о профессиональной привычке повиноваться начальнику, о строгой дисциплине. «Трубецкой был избран здесь главным и полновластным начальником, которому положено было повиноваться беспрекословно»,— показывает Рылеев. «С самого начала избрали мы Трубецкого начальником,— и сами подчинились ему во всем»,— свидетельствует Оболенский. «Князь Трубецкой должен всем управлять»,— говорит Пущин. «Как князь Трубецкой избран был начальником, то от него мы долженствовали принимать на площади приказания и мало об этом рассуждали, полагаясь на него»,— показывает Александр Бестужев. В этом же духе пишет и Михаил Бестужев. «Вы соединитесь там (на площади. — *М. Н.*) с Московским и Финляндским полками и получите приказание от кн. Трубецкого, который будет и командиром вашим, — давал Рылеев последнее распоряжение Сутгофу, по признанию этого последнего. «Когда вышли на площадь, то все мы — князь Оболенской, Бестужевы, князь Одоевской, Пущин, я и все прочие ждали Трубецкого»,— показывает Каховский, и это показание действительно передает напряженность и всеобщий характер ожидания.

«Где же Трубецкой?» — передает Кюхельбекер взволнованный вопрос Ивана Пущина. Кюхельбекера послали искать Трубецкого в дом Лаваля. Но там его не было. Декабрист Розен передает раздраженные слова Пущина о Трубецком: «пропал или спрятался» [59]. Подобные свидетельства можно умножить Особенно ясно выражен трагизм положения в словах Каховского, обращенных к митрополиту Серафиму: «Мы объявим наши требования Сенату...». Между тем Сенату никто ничего не объявлял, декабристы стояли на Сенатской площади перед пустым Сенатом, а Каховский верил, что Трубецкой еще поведет переговоры с Сенатом... Главную причину неудачи Рылеев склонен был приписать неявке Трубецкого. «В день действия обещал он ждать войска на площади, но отчего там не явился — не знаю. Это имело решительное влияние на нас и на солдат, ибо с маленькими эполетами без имени принять команду никто не решался»,— показывает Александр Бестужев.

Нельзя недооценивать это обстоятельство — неявку диктатора на площадь, измену главнокомандующего. Это — своеобразное и индивидуальное явление, параллель которому нелегко найти в истории общественного движения. Г. С. Габаев совершенно прав, когда указывает на очень большое значение этого обстоятельства. Рассматривать эту неявку можно лишь как измену делу восстания. Необходимо признать несостоятельной попытку Н. Ф. Лаврова реабилитировать Трубецкого с этой стороны и софистически утверждать, что Трубецкой изменил «не делу, а товарищам» (?!). Фантастична и не выдерживает соприкосновения с первоисточ-

никами гипотеза А. Е. Преснякова и Н. Ф. Лаврова, будто Трубецкой сидел в Генеральном штабе, выжидая, пойдут ли войска на Зимний дворец (словно он не мог с тем же успехом «выжидать» этого на площади!) и, якобы убедившись, что декабристы «сорвали» его план движения на дворец, остался в бездействии. Выше было выяснено, что план идти на Зимний дворец надломился утром 14 декабря после отказа Якубовича, о котором Трубецкой несомненно з н а л, и ясно, что именно от распоряжения диктатора на площади зависело то или иное восстановление этого движения.

Вождь, изменивший революции в самый решительный момент, конечно, является в некоторой мере (но лишь в некоторой!) проявлением ограниченности дворянской революционности. Вдумываясь в мотивы беспрецедентного поведения Трубецкого в день 14 декабря, можно сказать следующее: Трубецкой — один из основателей тайного общества декабристов и деятельный его член в течение всей его десятилетней истории. Он — в числе основателей Союза Спасения, он — член Союза Благоденствия, он — участник основания Северного общества. Он — старый участник 1812 г. и заграничных походов, боевой командир, опытный военачальник, известный в войсках. С этих точек зрения выбор его диктатором вполне понятен. Однако, следя за деятельностью Трубецкого в тайном обществе, обращаешь внимание на одну его постоянную особенность: он рано отметил наличие в обществе противоборствующих течений и стал постоянно появляться в его истории в роли тормоза нарастающей радикализации. Уже в 1817 г. — через четыре месяца после принятия Пестеля в Союз Спасения — он чувствует себя противником Пестеля (уже во время программной речи последнего, в которой восхвалялось блаженство Франции под управлением Комитета общественной безопасности). Он сам не принял ни одного члена в Союз Спасения. Сам возбудив своим необдуманным письмом о предполагаемом разделе России в 1817 г. сильное движение в Союзе Спасения, вылившееся в московский заговор 1817 г., и вызвав этим письмом предложение Якушкина о цареубийстве, Трубецкой, приехав в Москву, стал принимать меры для умиротворения. Он более организаторская фигура, нежели участник в творчестве идей: его страшит одновременно и радикализм рылеевской группы и крайняя позиция Пестеля. Он проводит целый год на юге, добиваясь программных уступок со стороны Муравьева-Апостола и соглашения с Васильковской управой помимо Пестеля. В плане государственного переворота 14 декабря он отстаивает идею формальной «законности» обращения к Сенату, глубоко противоречащую существу предпринимаемого революционного действия. Эта линия и дает свои результаты в его поведении на площади.

«Трагизм» положения Трубецкого был в том, что эта идея «законности» потерпела свой довольно естественный крах в первые же часы восстания. Конечно, не трусости вообще и не отсутствию военного мужества надо приписать поведение Трубецкого в день 14 декабря. Он был опытным военным, в течение войны 1812 г. и последующих кампаний бывал в труднейших положениях и с честью выходил из них. Но тут приходится согласиться с Д. И. Завалишиным, замечающим, что декабристы, выбирая диктатора, «недостаточно различали военную храбрость от политического мужества, редко совмещаемых даже в одном лице» [60].

Вместе с тем надо обратить внимание на то, что Трубецкой находился вблизи, в трех шагах от Сенатской площади, даже выглядывал на площадь из-за угла, как свидетельствует об этом Николай в своих «Записках». Почему Трубецкой не спрятался подальше? Он мог бы даже вообще тайком уехать из столицы куда-нибудь в Петергоф, на дачу к Лавалям, в Царское село или еще дальше. Там он чувствовал бы себя в

отдалении и полной личной безопасности. Но он не сделал этого,— очевидно, ему мешали остатки совести и ожидание, не соберется ли так много восставших полков, что будет прямой расчет вступить в права диктатора.

Рылеев показывает на следствии, что, увидев на площади «совершенное безначалие, побежал искать князя Трубецкого, а после уже не был перед Сенатом». Это страшное свидетельство особенно ясно говорит о том, что́ именно было потеряно: в понимании декабристов мероприятия избранного ими диктатора были решающими в событиях. Все надежды возлагались на диктатора. Он должен был действовать «по обстоятельствам», направить ход событий,— «дальнейшие распоряжения должны были выйти из обстоятельств». Эти слова принадлежат Александру Бестужеву, приведшему на площадь первый восставший полк, человеку, чья революционная активность вне всяких сомнений. Даже на последних очных ставках с Рылеевым в мае 1826 г. Трубецкой не без надменности утверждал, что «не полагал, чтоб диктатору нужно было просить советов у членов, что должно делать». Действительно, таково было декабристское понимание существа дела. На площади должно было быть военное командование диктатора. Такова была декабристская концепция восстания — руководство событиями вверялось диктатору [61].

Людям, знакомым с последующим опытом революционной борьбы и завоеванным революцией искусством восстания, искусством, которым овладел революционный народ под гегемонией пролетариата, под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным, трудно сразу ясно представить себе особенности дворянской революционности на заре русской революционной борьбы. Вверив диктатору выполнение плана (выполнение, зависевшее «от обстоятельств»), декабристы на первый взгляд непонятно долго «ждали» диктатора. Но при сложившихся обстоятельствах к этому были известные основания, и в них надо вникнуть.

Трубецкой только что — между девятью и десятью часами утра — сказал Рылееву и Пущину, что придет на площадь. Они ушли от него на площадь убежденными, что и он сейчас явится туда. Диктатору, согласно выработанной диспозиции, надлежало появиться на площади лишь в тот момент, когда туда прибудут восставшие войска. Пока же войск на площади еще не было.

Но восставшие войска пришли, а диктатор не появлялся. Некоторое время прошло в ожидании. Можно было предполагать, что диктатор не появляется в силу каких-то важных причин. Не мог же он изменить, — очевидно, он предпринимает нечто важное для восстания, действует в его пользу.

Восставшие ждали. «Время, столь важное в положении их, без пользы уходило»,— замечает даже реакционный, враждебный им наблюдатель — Бутенев. А пока уходило время, восставшие неизбежно заняли оборонительную позицию, смертельную для вооруженного восстания [62].

Мысль об измене восстанию возникла у Трубецкого лишь утром 14 декабря, хотя почва для нее создавалась постепенно. Ранее Трубецкой все же думал действовать и даже запасся ядом (мышьяком) на случай неудачи и необходимости «оградить себя от пыток». Именно утром и совершился, повидимому, окончательный перелом у Трубецкого, и количество колебаний перешло в качество несомненной измены революционному делу. Ситуация была такой: удобные обстоятельства для входа войск в Сенат и предъявления как бы законных по форме требований были и промелькнули. От продуманного общего плана революционного выступления отламывалось только одно логически-первое звено, но его

отпадение от всей цепи запланированных действий роковым образом меняло структуру всего плана. План перерастал в более решительный, неизбежно радикализировался, требовал натиска, нападения. Зимний дворец поднимался перед незадачливым диктатором уже как основная и неизбежная цель движения — с новым царем (ранее его не было, а был лишь претендент на престол), с сенаторами и членами Государственного совета, только что присягнувшими новому царю. Вот этого-то логического полевения плана и не мог перенести диктатор [63].

Кажется все же, что никакого «выхода» диктатору не было, и он неизбежно повлечется за событиями, властно диктующими линию действия. Дилеммы, выбора не было. Но Трубецкой ухитрился создать дилемму, найти возможность «выбора» между решениями: идти или не идти на площадь. Он решил не идти. Более того, он ушел из дому со специальной целью,— чтобы товарищи не знали, где его найти... «Я боялся...,— с позорной трусостью пишет он, — что за мной придут, почему и ушел из дому». В том же показании он дополнительно мотивирует свои действия: «Терзаем совестию, мучим страхом грозящих бедствий, я видел, что во всяком случае и я погиб неизбежно; но решился, по крайней мере, не иметь еще того на совести, чтобы быть в рядах бунтовщиков».

На наш взгляд, Трубецкой не имел оснований апеллировать к совести — он грубо нарушал ее высокие законы. Необходимо установить принципиальное различие между поведением Якубовича, отказавшегося вести моряков на Зимний, и поведением Трубецкого: Якубович отказался д о назначенного ему срока, поставил в известность о своем отказе руководителей и все же пришел на площадь. Трубецкой же прикрыл свои действия прямым обманом — он не сказал о своем решении никому, хотя имел к тому сколько угодно поводов и возможностей. Хотя тяжелые стороны классово-ограниченного дворянского мировоззрения и предстают перед нами в поведении Трубецкого во всей обнаженности, но все же никак нельзя назвать этот случай типичным для дворянской революционности. Революционности тут уже вообще никакой нет. В этом индивидуальном акте измены революционному делу утеряно самое качество революционности. О поведении других участников, приведших с разных концов города восставшие войска и стоявших под царской картечью, всего этого, разумеется, сказать нельзя. При всей их классовой ограниченности они остаются дворянскими революционерами.

Позже Боровков, близко наблюдавший Трубецкого во время следствия, определил его следующим образом: «Надменный, тщеславный, малодушный, желавший действовать, но по робости и нерешительности ужасавшийся собственных предначертаний — вот Трубецкой». Эта характеристика действительно отражает важные типические черты характера диктатора. Не случайно сам Трубецкой в своих записках полностью опустил весь «эпизод» со своим предательством, никак не попытавшись объяснить свое поведение и подсунув в изложении другую фигуру диктатора — полковника Булатова (согласно плану — своего помощника), чья неявка будто бы и отразилась на ходе восстания [64].

Многочисленные свидетельства декабристов говорят о том, что заместителем диктатора был избран полковник Булатов — «приятель с детских лет Рылеева». Долго служивший в лейб-гвардии гренадерском полку, любимый солдатами (раненый в 1812 г., он был вынесен рядовыми с поля сражения), он перешел в 1823 г. в армию и был назначен командиром 12-го егерского полка. Привлеченный к делу декабристов незадолго до восстания, он обещал ожидать на площади у Исаакиевского моста прихода лейб-гренадер (они должны были прийти из своих казарм с другой стороны Невы). Булатов, конечно, мог оказать большую помощь

в руководстве восстанием (заметим, что в лейб-гренадерском полку служил его брат), и, бесспорно, был в деталях осведомлен о плане государственного переворота. Заметим, что и роль Якубовича, который должен был вести матросов на Зимний дворец, понималась декабристами также как роль заместителя диктатора. В этом отношении важно учесть неопубликованное показание Рылеева: «Поручения сделаны были за несколько дней разным командирам от Трубецкого в случае переприсяги не присягать и стараться роты свои, а если можно и полки привести на Сенатскую площадь, где должны будут принять начальство Трубецкой, а под ним Булатов и Якубович» [65].

Накануне событий Булатов, видимо, решался на гораздо большие и ответственные действия и готовился к любым опасностям. Трогательно, как бы на вечную разлуку, попрощался он с маленькими дочерьми. Накануне действий он говорил: «Может быть, увидят, что есть и в России Бруты и Риэги». Можно предположить, что к нему, старому товарищу, Рылеев также обратил просьбу о цареубийстве. Поручение овладеть Петропавловской крепостью и арсеналом, несомненно, было дано Булатову. Его трагическое «дело», со всеми своими многочисленными разветвлениями, свидетельствует также об острой борьбе самолюбий и о сепаратной договоренности с Якубовичем. И Булатов и Якубович, видимо, остро переживали свое подчиненное диктатору положение и договорились было накануне восстания действовать в известной мере самостоятельно и с обоюдным учетом действий друг друга. Обширный материал об этом имеется в показаниях Булатова. Отклик этих «сепаратных» и уже заранее «оскорбленных» настроений помощника Трубецкого слышится в записи декабриста Розена: «Булатов имел способность и храбрость, но избрал себе сам отдельный круг действий».

Однако намерения Булатова сразу быть и Брутом и Риэго не перешли в действие,— революционер в нем надломился утром 14 декабря. Он не решился открыто примкнуть к восстанию. Несколько раз с пистолетом в кармане приближался он в толпе к Николаю, рука сжимала оружие, но Булатов не выстрелил. Лейб-гренадеры пришли поздно, и командовал ими не он. В личном его поведении и облике есть, однако, глубокое отличие от Трубецкого: он со страшной силой пережил раскаяние в том, что не решился действовать. Хотя ничто не мешало ему использовать выгоды своей позиции — неучастия в восстании, он сам явился к царю, сознался в намерении цареубийства и был заключен в крепость. Нет сомнения, что именно раскаяние в пассивной позиции во время восстания и муки совести, что не сдержано слово, данное товарищам, привели его к трагическому концу: он разбил себе голову о стены каземата той самой Петропавловской крепости, которую должен был захватить со своими гренадерами, и умер через несколько дней от сотрясения мозга. Когда плац-адъютант Николаев рассказал в тюрьме декабристу Розену о самоубийстве Булатова, добавив, что тот решился на смерть «от угрызений совести и глубокого раскаяния», Розен с основанием спросил: «В чем же он раскаивался, когда он никого не убил и все стоял в стороне, как прочие зрители?» «То господу богу единому известно»,— глубокомысленно отвечал плац-адъютант. Источники, на наш взгляд, не оставляют никаких сомнений: Булатов раскаивался в том, что не действовал, что не выполнил революционных поручений [66].

10

Войска были не единственной живой силой восстания 14 декабря: на Сенатской площади в этот день был еще один участник событий — огромная толпа народа.

Общеизвестны слова Герцена — «декабристам на Сенатской площади не хватало народа». Они давно стали ходовой формулой для характеристики дворянской ограниченности движения декабристов. Понимать эти слова надо не в том смысле, что народа вообще не было на площади,— народ был, а в том, что декабристы не сумели опереться на народ, сделать его активной силой восстания [67].

В течение всего междуцарствия на улицах Петербурга было оживленнее обычного. Особенно это было заметно в воскресенье 13 декабря, когда прошел слух о новой присяге, о новом императоре и отречении Константина. Народ собирался небольшими группами, обсуждал события, легко переходил от толков о причинах отречения Константина к рассуждениям о том, как вообще идут дела в государстве, хорошо или плохо живется, что принесет трудовому люду смена царей на престоле и принесет ли она вообще что-нибудь. В день восстания, еще затемно, народ стал скопляться то тут, то там у ворот казарм гвардейских полков, привлеченный толками о готовящейся присяге, а возможно, и широко распространившимися слухами о каких-то льготах и облегчениях для народа, которые «сейчас объявят при присяге». Слухи эти, несомненно, шли и от прямой агитации декабристов незадолго до восстания, о которой было сказано выше.

Декабрист Оболенский еще рано утром, до событий объезжал казармы, и «ехав... мимо московских казарм, увидел большое стечение народа...» [68].

Свидетельства о скоплении народа на площади, его поведении и отношении к восставшим, с одной стороны, и к новому царю и его приспешникам — с другой, чрезвычайно многочисленны и отражены самыми разнообразными первоисточниками. Изучение этого вопроса опирается на чрезвычайно большое количество данных.

На Сенатской и Дворцовой площадях скопление народа стало увеличиваться с рассветом — события влекли народ к дворцу и Сенату, где шла присяга. С появлением на площади первого восставшего полка стечение народа еще более увеличилось, и вскоре вся площадь заполнилась народом.

Сенатор Оленин, наблюдавший Дворцовую площадь из «фонарика» Зимнего дворца еще до утреннего съезда во дворец, увидел «площадь, покрытую волнующимся народом...» Бутенев, появившийся на площади к началу событий, записал в своем еще не опубликованном свидетельстве, что Дворцовая площадь была заполнена «тысячами посторонних всякого звания людей». Адъютант Милорадовича Башуцкий даже выразил свое впечатление в цифрах: на Дворцовой площади уже в самом начале событий, по его мнению, «было, конечно, более 20 тысяч человек»; в другом месте своих записок он пишет даже о 20—30 тысячах.

Н. Попов, тщательно собиравший сведения о событиях от очевидцев, по свежим следам записал: «Толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, в концах ближайших к ней улиц, на Исаакиевском мосту и набережных обеих сторон Невы» [69].

Говоря о Сенатской площади, особо нас интересующей, можно привести огромное количество свидетельств о размерах скопления на ней народа. Все они единогласно говорят о чрезвычайно большом, невиданном стечении народных масс. Декабрист Чижов, пришедший на площадь с гвардейским морским экипажем, свидетельствует, что нашел «множество простого народа, с восклицаниями волнующегося на площади...». Оставивший воспоминания Фелькнер пишет о «густых массах народа, запружавшего Сенатскую площадь». Подросток Арнольд, пробравшийся на площадь и просидевший бо̀льшую часть восстания в нише Адмиралтей-

ства, наблюдая события, свидетельствовал, что «около забора строившегося храма теснилась весьма густая масса самого черного народа». Башуцкий вспоминает, что на «Исаакиевской площади была сплошная масса народа, обращенная лицом к монументу». Бутенев пишет: «Время уже было к полудню, когда Петровская площадь от тысячей посторонних людей, заваленная еще гранитным камнем, сделалась почти невместимою». Далеко не склонный к преувеличениям генерал-адъютант Толь и тот записал, что «на стороне бунтовщиков была довольно значущая толпа черни, к ним приставшая». Принц Евгений Вюртембергский говорит о «густой толпе народа из всех сословий». Декабрист Розен, которому хорошо была видна с Исаакиевского моста Сенатская площадь со стороны восставших, также упоминает о «густой толпе народа», полагая, что народ собрался «тысячами» и что народу на площади было вдесятеро более солдат [70].

Гранитные камни для строившегося тогда Исаакиевского собора были сложены не только на берегу Невы, но находились также на площади около самой стройки. Они служили возвышением для любопытных. «Спертый почти со всех сторон войском, народ, торчав посередине площади Сенатской на разбросанных гранитных камнях, совершенно закрывал собою мятежное каре»,— пишет Бутенев [71].

Любопытно впечатление Телешова о том, как «пусто» в этот момент было в прочих частях Петербурга: «Чем далее отходил я от Адмиралтейства, тем менее встречал народа; казалось, что все сбежались на площадь, оставив дома свои пустыми». Очевидец, фамилия которого осталась неизвестной, рассказывал: «Весь Петербург стекался на площадь, и первая адмиралтейская часть вмещала в себе до 150 тысяч человек, знакомые и незнакомые, приятели и враги забывали свои личности и собирались в кружки, рассуждали о предмете, поразившем их взоры» [72].

Надо отметить поразительное единодушие первоисточников, говорящих об огромном скоплении народа. Нет ни единого свидетельства, утверждавшего обратное.

Цитирование свидетельств о необычайном, поразившем современников, стечении народа можно было бы продолжать сколько угодно, но в этом нет нужды — картина вполне ясна. Когда молодой Арнольд, протискивавшийся через толпу на площадь для посещения сестры, жившей на Гороховой, вспоминал после о «волнах этого людского океана», он, очевидно, отражал общее мнение. Недаром и Михаил Бестужев пишет, что народ «как есть вплотную запрудил всю площадь и волновался, как бурное море» [73].

Ясно, что перед этим натиском народа полиция была бессильна. Имея постоянную директиву разгонять даже небольшие скопления, блюстители «порядка» в этом случае оказались совершенно беспомощными. «Народ со всех сторон хлынул на площадь; полиция молчала», — пишет декабрист Розен. Это прежде всего означает, что сопротивление полиции было сломлено народом и приходом восставших войск. Когда к концу восстания правительственные войска окружили со всех сторон «мятежников», полиция, по наблюдениям Розена, стала смелее, и ей иногда удавалось проталкивать народ вдоль перил Исаакиевского моста на Васильевский остров. Недаром аристократия вину за события с раздражением возлагала, в частности, и на полицию и на генерал-губернатора, ею ведавшего. В связи с этим можно понять раздраженное восклицание Гурьевой-Нессельроде: «Да простит милосердный господь Милорадовича, но из всего этого видно, какова была его полиция» [74].

Хотя и невозможно точно характеризовать социальный состав собравшейся на площадях толпы, но подавляющее преобладание «простона-

родья», «черной кости» — вне сомнений. Николай вспоминает о рабочих Исаакиевского собора. Бутенев заметил, что народ на Сенатской площади состоял «более из простолюдинов, особенно мастеровых, приказнослужителей, виднелись кое-где и мелкие чиновники». Декабрист Розен пишет о «людях рабочих и разночинцах». Арнольд полагает, что толпа состояла «большей частью» из людей «среднего сословия» — «либо лавочники, либо ремесленники». Заметим его наблюдение, что в толпе были и женщины. Есть немало свидетельств, проливающих свет на состав толпы. В подметном письме, найденном на лестнице Зимнего дворца в марте 1826 г., говорилось о подрядчике-печнике И. Ф. Симакове, который «во время происшествия в 14 день бунту» «множество» рабочих печников «напоил пьяных и послал на площадь бунтовать». Один сапожник оставил свои воспоминания о 14 декабря. Крестьяне, шедшие с обозом из Петербурга, подробнейшим образом были осведомлены о событиях восстания 14 декабря и рассказывали о них декабристу Кюхельбекеру во время его бегства. Несомненно, в толпе было огромное количество дворовых, которыми был полон Петербург, немало ремесленников и чиновников, а также купцов и их приказчиков. Купец Егор Полилов счел нужным отправиться на Сенатскую площадь в самый разгар событий, хотя жена и дети не пускали его туда. Какой-то каретник сообщил флигель-адъютанту Дурново прямо на улице о выходе на площадь Московского полка. Были в толпе и студенты, ученики средних школ, кадетских корпусов, частных пансионов. Так, Иван Головин, учившийся в то время в пансионе Журдана, вспоминал позже, что хотя их и заперли в пансионе, но «два или три больших ученика были на плацу». В толпе было немало военных — в отпуску или в отставке, кое-где стояли иностранцы, некоторые из них оставили свои мемуары о событиях (например, англичанин Charles Eaerle и др.) [75].

В связи с вопросом о составе толпы на Сенатской площади интересно вспомнить общие данные о петербургском населении. В 1821 г. в Петербурге, согласно официальной статистике, проживало:

Дворян	40 253	чел.	— 9,5%
Духовных	1 991	„	— 0,5%
Военных	66 910	„	— 15,8%
Купцов	10 023	„	— 2,4%
Мещан	24 167	„	— 5,7%
Цеховых	7 187	„	— 1,7%
Дворовых	91 828	„	— 21,7%
Разночинцев	59 241	„	— 14,0%
Крестьян	107 983	„	— 25,5%
Иностранцев	13 308	„	— 3,2%
Всего	422 891	чел.	— 100%

Отсюда ясно, как велика была численность трудового населения столицы. Если выделить крестьян, дворовых, разночинцев, мещан и цеховых, мы получим огромную массу в 290 406 чел., составляющую 68,7% всего столичного населения. Подчеркнем, что в этом расчете не учитывается солдатская масса, весьма многочисленная в столице и дающая при добавлении к только что приведенному числу свыше 80% всего населения.

Собравшаяся толпа вела себя крайне активно, отнюдь не жалась к сторонке, не молчала, не «глазела» или просто выжидала. Целый поток свидетельств твердо удостоверяет, что она находилась в состоянии непрерывного брожения, громко выражала свое отношение к событиям и, наконец, действовала в пользу восставших. Бутенев говорит о постоянных

«восклицаниях» и «беготне» народа «с места на место с подбрасыванием шапок»; по его же выражению, народ «бурлил на площади». Фелькнер вспоминает о «волнениях в народе». Священник Виноградов говорит, что был «страшный шум народа на Петровской площади у памятника Петрова, раздающийся во все концы столицы». Арнольд вспоминает, что с Сенатской площади «неслись неистовые, буйные крики». Адъютант Милорадовича Башуцкий злобно пишет, что собравшаяся на площади масса «орала и ревела». К этому надо прибавить и неоднократное свидетельство Николая, что его личные упрашивания разойтись не помогали,— толпа и не думала расходиться [76].

Хотя масса собравшегося народа была на стороне восставших, в толпе подчас встречалось известное расслоение мнений о происходящих событиях. Любопытно свидетельство Измайлова в письме к племяннику по свежим следам происшедшего: «Сказывают, будто 14 декабря одного купца били у Дворца за Константина, а у Сената за Николая». Этому вполне можно поверить. По свидетельству Телешова, один крестьянин в присутствии царя выражал свои восторги по поводу слов Николая, а какой-то человек в синем кафтане зажал ему рот, говоря: «Погоди, брат, погоди» [77].

Но основным, ярко выраженным настроением народа было, по всеобщему и единогласному свидетельству, сочувствие «мятежникам». Особенно интересно, что одинаковые свидетельства по этому вопросу исходят как от самих декабристов, с одной стороны, так от Николая и его сторонников — с другой. Резкое, явное сочувствие толпы восставшим сразу заметили все. Декабрист Розен прямо пишет о собравшихся вокруг «тысячах» народа, «готового содействовать». Николай сам пишет о том, как народ «перебегал» к «мятежникам» и, не обинуясь, указывает, что дал приказ стрелять картечью, чтобы положить всему происшествию «скорый конец» («иначе бунт мог сообщиться черни»). Жена Николая, Александра Федоровна, очень ясно выразила итог наблюдений обитателей Зимнего дворца, записав в своем дневнике: «Подлая чернь была вся на стороне мятежников». Привыкший точно оценивать положение с военной точки зрения начальник штаба первой армии генерал-адъютант Толь точно определил: «На стороне бунтовщиков была довольно значущая толпа черни, к ним приставшая». Идиллическая картина переговоров «царя-отца» с народом и объяснения ему своих прав на престол, нарисованная официальной версией, особенно бесстыдной у Корфа, опровергается огромным количеством источников. Так, в своей неопубликованной записи Бутенев, несмотря на самую ярую преданность царскому престолу, зафиксировал следующую картину: Николай «объяснял права свои обступавшему его народу», приказывал кричать «ура», для ободрения сам начинал. Царское «ура» вторилось, «но редко, отрывисто, не с тем одушевлением, которого ожидать или желать бы надлежало». Хотя народ якобы и «не возражал» против притязаний Николая, но, по наблюдению Бутенева, в отношении народа к царю была видна «неласковость», выражавшаяся «в самом молчании мирных граждан». По словам священника Виноградова, некоторые служащие Академии художеств «сунулись было» на ту сторону реки узнать, в чем дело, «но любопытным досталось... иных потащили в каре бунтующих, а одному почтенному чиновнику за ослушание попался сильный толчок, более бы получил, да Рылеев закричал: «не тронь, — это артист!». Заметим, что другой артист — Борецкий, по рассказу Михаила Бестужева, действовал вместе с народом и «метнул одно полено в бок кавалеристу...» [78].

Нельзя не отметить и таких интересных штрихов, как передача в каре нужных для восставших сведений добровольцами из «посторонних» зри-

телей. «Кто-то из посторонних, нас окружающих, прибежал к нам с известием, что Преображенской баталион двинулся ближе к нам»,—показывает декабрист Евгений Оболенский. Александр Бестужев также упоминает о «волонтерах» из толпы, кричавших «ура» вместе с восставшими. В последний момент, когда началась пальба картечью, какой-то незнакомый человек из толпы предложил декабристу Панову свою партикулярную шинель, чтобы тот мог скрыться. Упомянутый выше анонимный доносчик — автор подметного письма сообщал, что печник Иван Симаков «бунтовщикам давал своих лошадей ездить в полки», а «после за город бунтовщиков вывозил в глиняных и песочных коробах под рогожками» и раздавал мужикам деньги, «неизвестно чьи и какие, во время бунта». Чрезвычайно характерно отношение «черни» к Милорадовичу, о чем уже говорилось выше: казалось бы, должно было найтись достаточное количество добровольцев, чтобы броситься на помощь раненому губернатору, хотя бы для того, чтобы выслужиться. Но этого добровольно не сделал никто, и адъютант Милорадовича Башуцкий принуждал к этому «чернь» ругательствами и кулаками [79].

Как же все-таки понимала «чернь» суть происходящего?

Разумеется, ее понимание не было и не могло быть вполне ясным. Если на площади и велась открытая агитация, то именно правительственная: даже самодержец принял в ней непосредственное участие, читая манифест и торопливо изъясняя народу свои «права». Но эта агитация не убедила народ. Декабристы же в основном не только не вели агитации, но боялись активности народа, желая удержать его в пассивно-сочувственном состоянии. В этом отчетливо проявлялась классовая ограниченность революционеров-дворян. Тем не менее какие-то догадки о смысле происходящего, несомненно, проникали в народ. Важно свидетельство современника, что народ знал от солдат причину восстания и был осведомлен, что солдаты — «за Константина». С другой стороны, очевидец Сафонович передает замечательную подробность: «Всем очень странно казалось, отчего бунтующие так долго стоят на площади и никуда не двигаются, и почему они прямо не пошли во дворец, где могли бы захватить государя и других, кого им надобно было». Это свидетельство ясно говорит о довольно глубоком понимании существа дела [80].

Чрезвычайно любопытен рассказ одного сапожника, бывшего в толпе. Сапожник работал в какой-то лавчонке около Сенатской площади, а потом переселился в поволжское село, где его рассказ и был записан А. Александровским. «Господа офицеры», по мнению сапожника, вышедшие на Сенатскую площадь, «волю крепостному народу требовали». Пришли они «не с просьбòю, а с грозьбòю и полки с собой привели; полки привели с ружьями, а пушки забыли: пушками их и перестреляли...» Волю народу «господа офицеры», по мнению сапожника, «требовали за двенадцатый год». Далее давалось и «документальное» обоснование требования: царь Александр в манифесте объявил русскому простому народу за войну благодарность, «а уж известное дело,— царское спасибо только вольный человек может получить, а не раб». Все дело, оказывается, было в «невежестве» Сената, напечатавшего от себя неправильный указ, по которому крепостных людей и после 1812 г. попрежнему можно было продавать «и семьями и вразбродь — как угодно». Сенат и взялся «за пушки», чтобы взять верх «над господами офицерами, которые крестьян жалели» и «отстоять свой указ». Сапожника в деревне называли «декабристом»; и царская благодарность и сенатский указ были у него в рукописных выписках [81].

Свидетельство это замечательно: в рассказе сапожника налицо ясная продекабристская тенденция и превосходное понимание антикрепостни-

ческого лозунга, как известно, скрытого от народа и царскими официальными сообщениями о мятеже, и «Донесением», и Корфом. Из «Донесения» все сведения о желании декабристов освободить крестьян были, по личному приказу Николая I, тщательно вычеркнуты. Явная связь событий 14 декабря с Отечественной войной 1812 г. — выдающаяся черта рассказа. Он служит живой иллюстрацией к замечательному афоризму декабриста Лунина: «Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание» [82].

В русском потаенном фольклоре XIX в. есть народная песня о декабристах. Песня обычно в большинстве вариантов начинается словами: «Собирайтесь, мелка чернядь, собирайтесь на совет». Далее во всех вариантах имеются в том или ином виде слова: «Не в показанное время царя требуют в Сенат». В рассказе В. Гаршина «Из воспоминаний рядового Иванова» песню эту запевает ефрейтор Федоров, запевала роты, а остальные солдаты подхватывают как хорошо знакомую. Песня эта, несомненно, отдаленно отражает план восстания: военный захват Сената и принуждение сенаторов к подписанию манифеста. Исследователи русского фольклора (Н. Е. Ончуков) давно и совершенно правильно определили песню как «декабристскую», но вопрос о Сенате крайне затруднял всех исследователей. Изучение плана восстания и роли в нем Сената вносит в этот вопрос полную ясность [83].

Народная песня о декабристах «Собирайтесь, мелка чернядь» довольно широко распространилась по России, хотя была и в сознании самого народа «потаенной», пелась редко и лишь при верных людях. Собиратели русского фольклора записали ее в Мосальском уезде Калужской губернии (1883), в Череповецком уезде Новгородской губернии (1895 и 1909), в Минусинском уезде Енисейского округа (1895—1897), во многих местах Архангельской губернии, в Переяславль-Залесском уезде, в Каргопольском уезде Вологодской губернии, в советское время — в ряде пунктов Карельской АССР (1926) [84].

Активность народа и сочувствие его восставшим ярко засвидетельствованы и ее боевым настроением. «Чернь» бросала камнями и поленьями в Николая и его свиту. Недостатка в метательном материале на площади не было: на площади было сложено немало дров для отопления правительственных зданий и строительного материала для Исаакиевского собора. Бутенев неожиданно прибавляет к составу метательного материала еще «рогожные кульки», очевидно, принесенные приказчиками из соседних лавок. Англичанин — очевидец, бывший на площади, заметил, что толпа сломала «палисадник напротив Исаакиевского собора» и вооружилась «копьями» (очевидно — кольями). Смерзшиеся комья снега также летели в царскую свиту. Полковник Вельо запомнил «шайку мятежников» из народа, вооруженную «палками с гвоздями, ружьями и ножами». Очевидец, оставшийся неизвестным, говорит о «черни с ножами, тесаками и пистолетами» [85].

Лошадь Николая шарахалась в сторону от летевших в нее поленьев. Принц Евгений Вюртембергский записал следующие выразительные строки: «...Собравшаяся чернь стала также принимать участие в беспорядке. Начальника гвардейского корпуса генерала Воинова чуть было не стащили с лошади: мимо адъютантов императора летали камни, в меня попало несколько комков снега. Наскакав на виновного и опрокинув его конем, я закричал:

— Ты что делаешь?

— Сами не знаем. Шутим-с мы, барин, — отвечал опрокинутый, еще не поднявшись с земли» [86].

Народ бросал поленьями в конную гвардию. Карамзин сам рассказывал Сербиновичу, что в него запустили на площади камнями в ре-

зультате его попыток «вразумлять простодушных невежд». Он признается в письме к Дмитриеву: «Камней пять-шесть упало к моим ногам». Какого-то адъютанта императора «чернь» «измарала грязью». Очевидно, народ довольно отчетливо отличал одну сторону от другой, сразу узнавая противника даже по внешнему виду: генерал-лейтенант Бутковский, проходя по площади, спросил только кого-то из народа всего-навсего, в чем тут дело, а ему закричали в ответ: «убирайся, пока цел». Англичанин—очевидец, упомянутый выше, видел, как «чернь», окружив полковника конной гвардии, «угрожала его жизни». И. И. Пущин свидетельствует, что видел «толпою влекомого» свитского офицера без шляпы, «у которого на лице была кровь». На его вопрос незнакомые ему лица из толпы отвечали, «что это шпион». Характерно, что при этом «чернь» вела заподозренного в шпионстве офицера «в каре», что явно говорило о правительственном шпионе и о том, что народ стоял на стороне восставших, действовал в их пользу и стремился вступить с ними в связь. Декабрист Оболенский подтверждает, что со свитского штаб-офицера народ срывал шинель и эполеты. И. И. Пущин уговаривал народ оставить заподозренного в покое, а самого офицера просил «удалиться с площади». Повидимому, скопление «черни» перед Исаакиевским собором вызвало какое-то столкновение со священником собора, который был, кстати говоря, духовником Милорадовича: когда священника потребовали к раненому графу, он приковылял к нему после столкновения с толпой «на деревянной ноге»[87].

В деле Кюхельбекера имеется свидетельство, что народ разоружил жандармского офицера (отнятый от жандарма палаш был вручен брату А. С. Пушкина—Льву Сергеевичу, пришедшему на площадь и ставшему на стороне восставших). Александр Бестужев спас от «черни» «какого-то невысокого роста павловского капитана». В офицеров конной гвардии братьев Головиных—«в одного попали бревном в плечо, а в другого булыжником в ногу, так что он хромал». Уже упоминалось, что генерал-адъютанта Алексея Орлова, командира конной гвардии и любимца Николая, какой-то сенатский чиновник «ухватил за ногу», когда тот сидел верхом на коне. Народ избил пристава 1-й Адмиралтейской части Александрова, который вздумал, по словам Бутенева, «сунуться в толпу для ее разогнания». Народ «приколотил» его так, что его «едва ли не вынесли из толпы замертво избитого». Корф замечает, что в генерала Воинова стреляли,—Сутгоф возражает ему на полях: «В г. Воинова не стреляли, его народ чуть не убил камнями»[88].

Об активности народа на площади говорит и то обстоятельство, что нашелся самозванец, назвавший себя «предводителем всей толпы волновавшейся черни». Об этом свидетельствует Кюхельбекер, показывая на следствии, что к нему подошел на площади незнакомый человек небольшого роста лет за сорок и ломаным французским языком, назвав себя, как сказано выше, упоминал об оружии, «будто бы у него собранном, и вызывался доставить оное во множестве». Назвался он отставным ротмистром не то Розенталем, не то Розенбергом «или подобным, сходным с оными немецким именем». Декабристы отнеслись к нему недоверчиво, имея, конечно, к тому серьезные основания. Но все же и этот факт еще раз отражает общую повышенную активность толпы в день 14 декабря[89].

Декабрист Д. И. Завалишин, собиравший в Сибири сведения о восстании 14 декабря от самих участников событий, передал в своих «Записках» чрезвычайно ценные данные о народе на Сенатской площади. Он узнал от декабристов—участников восстания, что народ требовал оружия и говорил: «Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном пере-

вернем». Тот же Завалишин узнал, что «некоторые офицеры» (он не назвал их имен) «объявили народу цель восстания», и народ отвечал им: «Доброе дело, господа. Кабы, отцы родные, вы нам ружья, али какое ни на есть оружие дали, то мы бы вам помогли, духом все бы переворотили». Тот же Завалишин свидетельствует далее, что «на объяснение, что при новом порядке вещей все без изъятия одинаково будут нести повинности, и что тогда солдатам можно, не ослабляя армии, значительно облегчить срок службы, в народе отвечали: «Так как же им родным (солдатам) и не драться, ведь значит за свое дело стоят». Когда говорили народу, продолжает Завалишин, что «вот теперь немцы всем заправляют и угнетают народ, то из народа кричали: «Дали бы нам волю, то мы бы немцев переколотили...» [90].

Декабристы действовали для народа, но не через народ. Они боялись самостоятельной активности народной массы. Их, несомненно, пугала перспектива ухода из их рук революционной инициативы и развития событий не по тому руслу, в которое они хотели эти события ввести. В этой позиции декабристов ярко выражено существо дворянской революционности.

Однако, несмотря на все это, когда дело доходило на площади до столкновения императорских войск и народа, декабристы стояли на стороне последнего. Пущин, остановивший стрельбу против конной гвардии при ее атаках на восставшее каре, сам скомандовал солдатам взять ружья «от ноги», т. е. подготовиться к стрельбе, когда царская кавалерия пошла на «чернь». Эпизод этот имеет очень большое значение в общей картине восстания, и на нем необходимо остановиться, тем более, что он совершенно не освещен в литературе.

В следственных материалах имеется веское свидетельство И. И. Пущина о «наступлении кавалерии на чернь» на Сенатской площади. Это свидетельство, на которое до сих пор историки 14 декабря не обращали внимания, имеет чрезвычайную важность. Оно сообщает нам о новой черте восстания. Оказывается, кавалерия ходила в атаку не только на восставших, но и на толпу народа. Найденная уже в советское время запись замечательного рассказа Андреева конкретизирует свидетельство Пущина. В связи с тем, что рассказ Андреева мало известен и еще не вошел в оборот декабристоведения, позволим себе привести из него сравнительно большую выдержку.

«На Петровской площади между тем смущение час от часу увеличивалось более и более, толпа черни умножалась и неистовство оной возрастало. Драгун полиции, хотевший их попятить, был увлечен и стащен с лошади и оборван, некоторые офицеры разных полков пытались угрожать им, и чернь бросалась на них с неистовством, стараясь увлечь к себе. Один гусар, завлеченный ими, выхватил саблю и по двум ударил на стороны и положил двух мужиков. Прочие, устрашась, отбежали, и он почти бегом возвратился назад. Драгунский офицер полиции, равно желав удержать их буйство, подошел к толпе, но она бросилась на него, уже повлекла к себе, как несколько офицеров с обнаженными саблями бросились и освободили его. Чернь с дерзостью, кидая шапки вверх, кричала «ура» и кулаками грозила*. И как она более и более продвигалась вперед, то Орлов приказал первым двум рядам эскадрона ударить на них в атаку. Во весь опор пустились рейтары. Но чернь без страху встретила их, начала хватать за узды лошадей и бросаться на

* «В это время Николай Павлович, подъехав к углу бульвара для распоряжений, услышал от толпы на площади крик: — Пойди сюда (опущено грубое ругательство), самозванец, мы тебе покажем, как отнимать чужое. И он, поворотив коня, уехал к присутственным местам» (примеч. Андреева).

рейтар и, они, обратив лошадей, отступили назад. Раза четыре подобно эскадрон шел в атаку и всякий раз обращался [назад], быв не в состоянии уничтожить их. Последний раз она («чернь».—*М. Н.*), набрав булыжнику, палок и досок, встретив эскадрон, начала все сие в них бросать. Град всего, брошенного чернью, принудил эскадрон обратиться вспять» [94].

Таким образом кавалерийская атака на «чернь» была отбита.

Ничто не характеризует так ясно классовой ограниченности дворянских революционеров, как их отношение к собравшемуся на площади народу. Они очень дорожили пассивным сочувствием масс и некогда, разрабатывая планы восстания, думали даже «в барабан приударить», чтобы собрать народ, — не быть же одним на площади. Но действительность превзошла их ожидания, в барабан ударить не пришлось: народ пришел сам в огромном количестве и занял сочувственную позицию. Активность народа испугала дворянских революционеров. Солдаты—тот же народ—могли поддаться на активный пример «черни», и инициатива масс перешагнула бы через волю дворян-начальников. Поэтому декабристы, как командиры, всячески стремились пресечь связь между восставшими солдатами и собравшимся на площади народом. «Чернь же, когда приближалась к рядам, мы всячески старались удалить, опасаясь расстройства солдат и напрасного кровопролития»,—свидетельствует Кюхельбекер. Он прав, утверждая, что не декабристы восстанавливали «чернь» на буйство[92].

Таким образом, народ, собравшийся на Сенатской площади, отнюдь не был сборищем праздных зевак, привлеченных простым любопытством. Стихийно собравшаяся огромная толпа смутно, но несомненно понимала или приближалась к правильному пониманию смысла событий, была активно настроена и в огромном большинстве стояла на стороне восставших. Столкновения, то там, то тут вспыхивавшие между сторонниками правительства и народом, даже атака (или атаки), предпринятая конной гвардией на народ, говорили о том, что антагонизм между народом и правительством получил самое отчетливое выражение. Но декабристы боялись активности народа и стремились не потерять инициативной позиции, боялись, что народное восстание перехлеснет через их цели. Они «оберегали» солдат от народа, не сумели воспользоваться намечающимися связями, не достигли и не могли достичь соединения двух волн восстания — солдатской и народной.

11

Между тем на Сенатскую площадь по приказу Николая стягивалось все больше и больше правительственных войск, располагавшихся вокруг площади по определенному плану.

Мысль об окружении восставших пришла Николаю и его военным помощникам, как только сделалось известно, что «мятежники» стали у Сената. Когда начальник штаба гвардейского корпуса Нейдгардт «в совершенном расстройстве» сообщил Николаю, что «les mutins marchent au Sénat» («мятежники идут к Сенату»), Николай, которого эта весть поразила «как громом», все же не совсем растерялся и сразу приказал выходить 1-му Преображенскому батальону. Приказание об этом было передано Нейдгардту; этот же приказ одновременно был отправлен в Преображенский полк дежурным при Николае генералом Стрекаловым для скорейшего исполнения[93].

Первый батальон Преображенского полка был ближайшей к Николаю гвардейской частью. Он был размещен на Миллионной, рядом с Эрмитажем, и при нужде мог быть введен из казарм непосредственно в Зимний дворец. Встретив затем в передней Зимнего дворца командира

кавалергардского полка флигель-адъютанта генерала Апраксина, Николай передал ему приказание сейчас же ехать в полк и вести кавалергардов на площадь. Таким образом, своими первыми же распоряжениями Николай сразу вызывал и пехоту, и кавалерию [94].

В этот момент в Зимнем сменялись караулы, и на главную дворцовую гауптвахту вступила 9-я егерская рота лейб-гвардии Финляндского полка. Удостоверившись в том, что финляндцы уже присягали, Николай велел зарядить ружья и скорым шагом повел караул к главным воротам дворца. Поставив караул у ворот, Николай начал этим ограждение Зимнего дворца.

Между тем вызванные войска все еще не подходили. Надо было выиграть время. С этой целью Николай, выйдя на площадь, стал, по собственному признанию, с замиранием сердца читать народу «тихо и протяжно» манифест, толкуя каждое слово. Затем, получив сообщение от генерал-майора Стрекалова о выходе 1-го Преображенского батальона, Николай приказал коменданту дворца Башуцкому командовать заградившим вход во дворец караулом, а сам пошел сквозь толпу к Преображенскому батальону и повел преображенцев мимо заборов достраивавшегося в то время дома министерства финансов и иностранных дел к углу Адмиралтейского бульвара. Здесь он остановил батальон и велел зарядить ружья. Вслед за этим Николай послал своего адъютанта Перовского в конную гвардию с приказанием выезжать на площадь.

Именно в это время на Сенатской площади раздались выстрелы и Николаю сообщили о смертельном ранении Милорадовича. Следовательно, было уже около половины первого. На площади был в это время лишь один восставший Московский полк. Вызвав стрелков 1-го Преображенского батальона на фланги, Николай дошел с батальоном до угла Вознесенской улицы и отсюда послал бывшего при нем рейткнехта конной гвардии Лондыря поторопить выход конногвардейского полка [95].

Распоряжение Николая о выводе конной гвардии требует особого внимания. В первый раз, по его утверждению (в «Записках»), он приказал конной гвардии «седлать, но не выезжать». Это было сделано одновременно с приказом о выводе кавалергардского полка. Вторично Николай послал приказание конной гвардии выезжать, продвинувшись с преображенцами к углу Адмиралтейского бульвара, иначе говоря, значительно приблизившись именно к казармам конной гвардии, протянувшимся вдоль канала и узкой своей стороной выходившим прямо на Исаакиевский собор, углом к Сенатской площади. Таким образом, передвижение вызванного полка на площадь должно было бы исчисляться буквально минутами. Но полк все не выходил [96].

Стоявший рядом с казармами, император посылал в полк одного гонца за другим. В чем же была причина медлительности полка? Как мы знаем, там было неспокойно, полк не хотел повиноваться приказанию, задерживал выход на площадь под разными маловажными предлогами. Милорадович не мог вывести полка, с полком бился генерал Алексей Орлов, а время все уходило. Когда смертельно раненого Милорадовича несли в казармы того же полка, никто не двинулся ему на помощь. Вывел полк на площадь Алексей Орлов лишь после больших усилий.

Наконец, конная гвардия прибыла под командой генерал-адъютанта Алексея Орлова; обогнув Исаакиевский собор, она выехала на Сенатскую площадь между собором и домом князя Лобанова и сначала построилась спиной к дому. Отсюда Николай тотчас направил ее далее на площадь, приказав «выстроиться так, чтобы пресечь елико возможно мятежникам сообщение с тех сторон, где их окружить было можно». Из этих слов Николая можно понять, что мысль об окружении мятежных

войск возникла у него в самом начале событий. Николай поясняет обстановку: «Площадь тогда была весьма стеснена заборами от стороны собора, простиравшимися до угла нынешнего синодского здания; угол, образуемый бульваром и берегом Невы, служил складом выгружаемых камней для собора, и оставалось между сими материалами и монументом Петра Великого не более как шагов 50. На сем тесном пространстве, идя по шести, полк выстроился в две линии правым флангом к монументу, левым достигая почти заборов». Таким образом, лейб-гвардии конный полк стал правым флангом к Исаакиевскому мосту в пяти эскадронных колоннах, тылом к Адмиралтейству, а два его эскадрона стали тылом к Неве. Произошло это поздно, около часу дня, и на площади в это время был, как мы уже сказали выше, только один восставший полк—Московский[97].

После этого Николай направил одну роту Преображенского полка («роту его величества») через бульвар занять Исаакиевский мост, «дабы отрезать сообщение с сей стороны с Васильевским островом и прикрыть фланг конной гвардии». Преображенцы стали в батальонной колонне. Прибывшую часть Московского полка, не примкнувшую к восстанию и приведенную к присяге Михаилом Павловичем, Николай «в доказательство моей к ним доверенности» поставил «на углу у забора против мятежников», в то время как 2-й батальон Преображенского полка примкнул к конной гвардии.

Прибывший затем кавалергардский полк, которому Николай менее доверял, был оставлен им в резерве у дома Лобанова. Появившемуся затем Семеновскому полку Николай приказал идти прямо вокруг Исаакиевского собора к манежу конной гвардии и занять мост. С этой стороны площади правительственными войсками командовал великий князь Михаил Павлович. К окружению примкнули и гвардейцы Павловского полка, в это время возвратившиеся из караула и, как говорит Николай, «составлявшие малый батальон». Николай послал их по Почтовой улице и далее «мимо конногвардейских казарм на мост у Крюкова канала и в Галерную улицу»[98].

Пока сведений о гвардейском морском экипаже Николай еще не имел и рассчитывал на него. Задержка с приходом моряков-гвардейцев его сильно беспокоила, и он послал за ними своего флигель-адъютанта И. М. Бибикова. Но его не пропустила заградительная цепь восставших: солдаты сильно избили его, повидимому, при активном участии народа. Задержать матросов не удалось,—они примкнули к восстанию, выйдя на площадь с Галерной улицы, — но прибыли на площадь поздно. О причинах позднего выхода моряков будет сказано ниже. Пока можно предположить, что Николай з н а л о волнениях в морском экипаже и с основанием предполагал, что моряки скоро появятся на площади и не с императорской стороны.

Таким образом, окружение было завершено и можно было предпринять конные атаки на «мятежную» пехоту. «Мятежников» в тот момент было всего около 800 человек, а собравшихся вокруг них правительственных войск — уже свыше 10 тыс. Казалось, раздавить восставших можно было мгновенно и без затраты особых усилий[99].

12

Николай приказал конной гвардии атаковать восставший Московский полк.

По «Запискам» Николая выходит, что он предпринял атаки на каре восставших лишь после увещаний митрополита Серафима и переговоров великого князя Михаила Павловича. Безуспешность последних при-

нудила Николая сначала пустить конную гвардию в атаку, а затем, когда атаки не увенчались успехом, он приказал стрелять картечью.

Эта схема, созданная Николаем, принадлежит правительственной «концепции» восстания, она усвоена Корфом и незаметно просочилась в общепринятое изложение событий 14 декабря. Между тем перекрестная проверка данными широкого круга источников, возникших вне правительственной версии, говорит об ее неточности. Первые атаки конной гвардии на восставших произошли тогда, когда на площади находился только Московский полк и еще не приходили ни лейб-гренадеры, ни матросы гвардейского экипажа. Об этом свидетельствуют прежде всего записки полковника Вельо, активного участника атак, одного из командиров конной гвардии, во время атак лишившегося руки. Вельо, надо думать, очень хорошо запомнил обстоятельства столь важного для себя события.

Вельо пишет, что в то время, как его ранили, гвардейского морского экипажа еще не было на площади—лишь после ранения Вельо увидел, что экипаж «шел присоединяться». Очевидец Андреев, дающий весьма достоверное описание событий 14 декабря, также пишет, что лишь после атак конной гвардии показался гвардейский морской экипаж. Достоверный свидетель — дьякон Прохор Иванов — говорит, что, когда митрополит Серафим только направлялся к «мятежникам», между восставшими войсками и «от полка Конногвардейского... сделалась сильная перепалка». «Перепалка», как мы знаем, сопутствовала атакам конной гвардии на мятежное каре. Митрополит же Серафим, как это точно устанавливается свидетельством Сутгофа и рядом совпадающих с ним показаний, был направлен на площадь ранее прихода морского экипажа. Рота Сутгофа (лейб-гренадеры) пришла на площадь немногим раньше экипажа, и переговоры митрополита Серафима закончились в момент прихода моряков. Следовательно, перестрелка с конногвардейцами, испугавшая митрополита Серафима, имела место до прихода лейб-гренадер и матросов[100].

Таким образом, совпадение единодушных и столь разнообразных свидетельств приводит нас к выводу, что Николай в своих «Записках» искусственно создал более «благопристойную» для правительства и скрывавшую его растерянность версию: сначала-де уговаривали, уговоры не подействовали — пустили в ход конницу, конница не смогла справиться —прибегли к картечи. На самом деле все было несколько сложнее: атаки на мятежное каре были предприняты тогда, когда сконцентрировались правительственные войска и на площади находился только один восставший Московский полк. Когда атаки не дали результата, испуганный Николай вновь прибег к переговорам, послав столь авторитетное в делах присяги лицо, как митрополита Серафима. Во время переговоров митрополита к каре как раз подоспела рота Сутгофа (первый отряд примкнувших к восстанию лейб-гренадер), затем, почти одновременно, гвардейский морской экипаж. Часом позже подошел и второй отряд лейб-гренадер под командой Панова. Ниже мы более подробно остановимся на всех перечисленных событиях, а пока вернемся к первым атакам конной гвардии на небольшое, всего около 800 человек, каре Московского полка.

Как мы помним, конная гвардия довольно поздно выехала на площадь, уже после выстрела Каховского в Милорадовича: смертельно раненого генерал-губернатора пронесли мимо ее рядов, когда конногвардейцы были еще во дворе своих казарм. Многочисленные источники подробно освещают вопрос об их выезде на площадь, построении и атаках[101].

Пять эскадронов конной гвардии, как уже указывалось, выстроились вдоль Адмиралтейства, от берега Невы, где были сложены камни для постройки Исаакиевского собора, по направлению к собору, а два других ее эскадрона построились тылом к Неве, перед Исаакиевским мостом.

Судя по «Запискам» Николая, атаки конногвардейцев начались около трех часов дня, когда уже начинало смеркаться. Полковник Вельо также пишет в своих воспоминаниях, что был ранен около трех часов пополудни. Заметим, что и неизвестный нам по имени очевидец, оставивший воспоминания о дне 14 декабря, также определяет время атак конной гвардии — «в 3-м часу» дня [102].

Именно конные атаки на мятежное каре (а не картечь, как обычно рисуется в литературе) Николай и мотивировал известными словами: «Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были б в самом трудном положении»[103].

Вельо прострелили руку, поднятую с палашом как раз для команды в наступление. Именно в эту минуту «пуля ударилась в мой локоть и проскочила через него»,— повествует он[104].

Восставшие московцы с успехом отбили атаки конной гвардии ружейным огнем, и каре не дрогнуло. Но неуспех атак объяснялся далеко не только ружейным огнем восставших, но также и тем, что конная гвардия действовала неохотно.

Причины явного неуспеха атак конной гвардии, отступившей перед малочисленной пехотой, интересовали современников и не могут не интересовать историков. Николай объяснял это гололедицей и тем, что палаши не были «отпущены» (т. е. наточены). Любопытно, что ставшего позже наиболее распространенным объяснения, что лошади-де не были подкованы на зимние шипы, — нет в записи Николая. Видимо, Николай чувствовал некоторую неубедительность ссылки на «шипы»: действительно, зима уже давно вступила в свои права, конная гвардия выезжала из казарм ежедневно, сколько парадов и разводов по зимнему покрову уже было проведено, — обходились же без «шипов». «Неотпущенные» палаши, конечно, были несколько более серьезным обстоятельством. Существенно соображение полковника Вельо — «большая часть выстрелов ударялась о наши кирасы, не причинив нам вреда». Действительно, конная гвардия, как и кавалергарды, принадлежала к числу кирасирских полков; кавалергарды носили тяжелые черные железные кирасы (как отметил Г. С. Габаев, все ранения кавалергардов 14 декабря были вне поля кирас). Но казалось бы, столь надежное военное снаряжение могло лишь содействовать успеху кирасир. Однако и в своих кирасах они не разогнали восставших. Более важным было то, что, ожидая перехода царских войск на свою сторону, восставшие щадили конногвардейцев. Сутгоф говорил своим гренадерам: «чтобы в людей не стрелять, а вверх». Кюхельбекер и Бестужев объясняли на следствии, что декабристы давали приказание стрелять не в людей, а в морды лошадям. Было немало и холостых выстрелов, а также выстрелов вверх. Сам Николай свидетельствует, что выстрелы «мятежников» «перелетали через войска». И наступавшая императорская конница, и восставшая гвардейская пехота обоюдно щадили друг друга, поэтому атаки конной гвардии и шли не в полную силу [105].

Позже даже официальный историк лейб-гвардии гренадерского полка Пузанов утверждал, что восставшие не стреляли в полную меру, считая, что в своих стрелять недопустимо: «В своих боевыми патронами стрелять не следует, да и грешно» [106].

Отсюда ясно, что какие-то невидимые нити единства, несомненно, связывали гвардейскую солдатскую массу обеих сторон — и императорскую, и восставшую; солдатское единство не было абсолютно снято даже вооруженным столкновением, хотя против восставших войск и стояли грозной стеной императорские войска. Единство это было, разумеется, не в пользу императора. В силу этого положение Г. С. Габаева о разделении петербургской гвардии «на два враждебных стана» требует серьезной оговорки: основной антагонизм разделял стан императора и его приспешников, с одной стороны, и восставшую солдатскую массу, возглавленную дворянскими революционерами, — с другой. По этой линии и шло основное разделение противников на два стана, а не по линии, делившей солдатскую массу на два враждебных лагеря. Солдатская же масса императорской стороны явно колебалась.

Именно поэтому закаленная в боях императорская гвардейская конница — более тысячи вышколенных всадников в тяжелых кирасах, на превосходных лошадях — не смогла разогнать восемьсот человек пехоты, выстроившихся в каре около памятника Петру I [107].

13

Нет сомнений, что Николай чувствовал себя растерянным и неоднократно говорил об этом даже в своих «Записках». Эти места его мемуаров, несомненно, противоречат правительственной версии о ничтожестве «бунта», затеянного горстью «шалунов» и «мальчишек», обманувших солдат. Мысль о возможной победе «мятежников» не оставляла Николая и с большой ясностью говорила о том, как он оценивает общее положение и силы противника.

Николай еще до прихода лейб-гренадер и морского экипажа сомневался в своем успехе, «видя, что дело становится весьма важным и не предвидя еще чем кончится». Его распоряжение о заготовке экипажей для царской семьи с намерением «выпроводить» их под прикрытием кавалергардов в Царское село говорило о том, что Николай считал Зимний дворец ненадежным местом и предвидел возможность сильного расширения восстания в столице. О том же говорило поручение охраны дворца саперам: очевидно, мерещились даже какие-то наспех возведенные укрепления для батарей, защищающих Зимний дворец. Николай еще яснее выразил эти настроения, записав, что в случае кровопролития под окнами дворца «участь бы наша была более чем сомнительна». И позже Николай много раз говорил Михаилу: «Самое удивительное в этой истории это то, что нас с тобой тогда не пристрелили». В этих словах мало оптимистической оценки общего положения. Надо признать, что в этом случае историк должен полностью согласиться с Николаем [108].

В этих условиях Николай и прибег к посылке для переговоров с восставшими митрополита Серафима. Эта мысль пришла ему в голову как способ пояснить законность присяги ему, а не Константину через духовное лицо, авторитетного в делах присяги «архипастыря». Казалось, кому бы лучше знать о правильности присяги, как не митрополиту? Решение ухватиться за эту соломинку могло укрепиться у Николая тревожными вестями о выходе на площадь лейб-гренадер и приближении гвардейского морского экипажа. Переговоры митрополита Серафима начались до прихода роты Сутгофа (лейб-гренадер) и моряков-гвардейцев, а завершились в момент прихода тех и других. «Лейб-гренадер и гвардейского экипажа еще не было на площади, когда митрополит подходил уговаривать возмутившихся», — замечает Сутгоф на полях книги Корфа. Это замечание требует комментария. Следственные дела Михаила Кю-

хельбекера, обоих Беляевых, Арбузова, Бодиско 1-го и ряда других моряков-декабристов неопровержимо свидетельствуют, что митрополит говорил и с представителями гвардейского морского экипажа. Очевидно, слова Сутгофа надо понимать в том смысле, что митрополит начал переговоры с одними московцами, когда моряков и гренадер еще не было на площади, — тогда его свидетельство согласуется со следственными делами. Завершены же были переговоры митрополита во время прихода гренадер и моряков [109].

Наиболее подробный и подтверждаемый перекрестным сопоставлением документов рассказ об обращении к «мятежникам» митрополита Серафима принадлежит сопровождавшему митрополита дьякону Прохору Иванову (записан А. А. Алфеевым). По свидетельству дьякона, митрополит Серафим прибыл в большую придворную церковь в первом часу дня. Надев облачение зеленого узорчатого бархата, бриллиантовый крест, панагию и украшенную бриллиантами митру, он стал дожидаться приказания начинать благодарственный по случаю присяги его величеству молебен. Вместе с митрополитом Серафимом прибыл в церковь и киевский митрополит Евгений, облекшийся в бархатное пунцовое облачение. Царский приказ отправиться на площадь передал митрополитам «стремглав» ворвавшийся в церковь генерал-адъютант Стрекалов, с большой поспешностью побуждавший обоих: «Поскорее, как можно, время не терпит» [110].

Почему митрополитов стремились препроводить на площадь с такой необычайной поспешностью, не подходившей ни к их сану, ни к возрасту? Ни Милорадовича, ни Воинова, ни позже посланных Дурново или Сухозанета так не торопили, — их просто посылали, и они передвигались тем темпом, который избирали сами. Нам представляется правдоподобным лишь одно объяснение: митрополитов торопили для того, чтобы они успели прийти ранее уже двинувшихся на площадь лейб-гренадер и моряков. Если бы митрополиты успели уговорить восставших разойтись, то новые полки, пришедшие на помощь восставшим, нашли бы уже основной стержень восстания надломленным и сами могли бы выдохнуться.

Подгоняемые митрополиты спешно двинулись на площадь в сопровождении дьяконов Прохора Иванова и Павла Иванова. Стрекалов стал на запятки кареты. Подъехав к каре и выйдя из кареты, митрополиты заколебались. Грозный вид войск и свист летавших время от времени пуль устрашил стариков (митрополиту Серафиму было более 60 лет, Евгению — 58). Сначала они до такой степени перепугались, что повернули было обратно и даже опять уселись в карету, но Николай, зорко следивший за их действиями, во-время заметил отступление и вторично послал к митрополитам своего генерал-адъютанта — на этот раз Васильчикова. Как вспоминает дьякон Прохор Иванов, Васильчиков «заклинал» митрополита Серафима выполнить царский приказ, «будучи сам в слезах». «С кем же я пойду?» — спрашивал перепуганный старец. «С богом!» — отвечал генерал. Хотя ответ был не особенно утешителен, митрополит внял, наконец, заклинаниям генерала, к которым присоединился еще и полицмейстер. Приложившись ко кресту, оба митрополита двинулись к каре, высоко подняв кресты над головой [111].

Необычайный вид приближающейся духовной делегации был довольно внушителен. Узорчатый зеленый и пунцовый бархат облачений на фоне белого снега, сверкание бриллиантов и золота на панагиях, высоких митрах и поднятых крестах, два сопровождающих дьякона в пышных, сверкающих парчой стихарях, надетых для торжественного придворного богослужения, — все это должно было приковать к себе внимание солдат.

Но в ответ на речь митрополита о законности требуемой присяги и ужасах пролития братской крови «мятежные» солдаты стали кричать ему из рядов, по авторитетному свидетельству дьякона Прохора Иванова: «Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул... Ты — изменник, ты дезертир, николаевский калугер. Не верим вам, пойдите прочь!.. Это дело не ваше: мы знаем, что делаем...» [112]. Декабрист Каховский изъяснялся с митрополитом несколько более вежливо, но твердо. Он сам передает на следствии, что́ именно он сказал: «На слова митрополита, что цесаревич точно отказался от престола, я сказал ему: Вы также можете быть обмануты, как и прочие». Митрополит «уверял крестом» истину своих слов и, протянув Каховскому распятие, сказал «поверь хоть ему!», предлагая приложиться к кресту. Каховский приложился, но тем не менее продолжал прежнее. «Митрополит уговаривал, — продолжал Каховский, — не лить кровь одноземцев, на что я отвечал: мы сами сего страшимся, но можем быть к тому вынуждены; просил его уговорить противную сторону не нападать на нас, а что мы объявим наши требования Сенату и никак не хотим и не с тем сошлись, чтобы лить кровь, но лишь желаем законного порядка». Особенно интересно в этих речах Каховского убеждение, что еще есть возможность «предъявить требования Сенату», — возможность будто бы еще не потерянная.

У Боровкова, пристально наблюдавшего за ходом следствия, сложилось убеждение, что митрополита удалил Каховский. Штейнгель передавал слова Каховского: «Полно, батюшка, не прежняя пора обманывать нас». Фелькнер пишет, что для заглушения речей митрополита «мятежники» стали бить в барабан. Очевидец переговоров Сафонович, стоявший в толпе, говорит, что в каре «поднялся крик с угрозами, и митрополит ускакал назад». Дьякон Прохор Иванов со всей простотой рассказывает, что, увидев безуспешность переговоров и встретив отпор от восставших («со всех сторон окружила толпа с ружьями»), митрополиты с дьяконами были «принуждены поспешно удалиться в разломанный забор к Исаакиевскому собору». Близ Синего моста они сели на двух извозчиков, на запятки стали дьяконы в стихарях, и таким образом митрополиты возвратились в Зимний дворец.

На вопрос придворных к вернувшемуся Серафиму: «Чем нас утешите? Что там делается?» — тот выразительно отвечал: «Обругали и прочь отослали». Так сам Серафим опроверг благодушно-мирный характер переговоров, усвоенный официальной и либеральной историографией при описании данного события.

Подведя итог, нельзя не вспомнить справедливых слов декабриста Розена: солдаты «не пошатнулись перед митрополитом». Этот случай очень ярко говорит о твердом настроении восставшей солдатской массы [113].

Во многих источниках описание переговоров митрополита с восставшими сопровождается указанием, что именно в этот момент, в самом конце переговоров митрополита восставшие на его глазах убили полковника Стюрлера, и это было последним устрашением, которое заставило митрополита столь поспешно удалиться в пролом загородки Исаакиевского собора. Для убедительности добавляется, что над головой самого митрополита «скрестились шпаги». Такова официальная версия [114].

Правда, можно усомниться в том, что над головой митрополитов «скрестились шпаги» (офицерское оружие). Но повод для поспешного бегства митрополитов явно был, причем какая-то сила гнала их именно влево от мятежного каре, от берега Невы и от того места, где митрополитов ждала придворная карета. Они поспешили не к своей карете,

а ринулись бегом влево, к Исаакиевскому собору. Почему? И отчего митрополиты, скрывшись в пролом загородки Исаакиевского собора, поспешили нанять простых извозчиков, а не вызвали свою карету? На все эти весьма естественные вопросы можно дать вполне удовлетворительный ответ: к восставшим подходило подкрепление — первые лейб-гренадеры роты Сутгофа, а из Галерной — моряки. Сутгоф вел свою роту прямо по льду Невы и, преодолев сопротивление императорских войск, стоявших на этой стороне площади, влился в мятежное каре справа от митрополитов. Восставшие лейб-гренадеры, вливавшиеся в каре при ликующих криках московцев, очевидно, и явились той силой, которая прервала переговоры митрополитов и погнала их влево от того места, где они вышли из кареты. «По пути» митрополиты и встретили моряков, бегло «поговорив» и с ними. Михаил Кюхельбекер (моряк), согласно «Запискам» Завалишина, также уговаривал митрополитов поскорее удалиться с площади.

Стюрлер же был убит позже, в момент прихода второго отряда лейб-гренадер под командой декабриста Панова. Ссылка на его убийство могла возникнуть позже в официальной версии как объяснение испуга митрополита по поводу «бесчинств» «мятежников». Ясно, что если бы Стюрлера убили на глазах митрополита, последний, вероятно, как-то реагировал бы на это и как духовное лицо подошел бы к умирающему. Но даже самые благожелательные по отношению к нему летописцы не зафиксировали ничего на этот счет, поэтому предположение, что убийство Стюрлера на глазах митрополита заставило его бежать с площади, надо отвести как несостоятельное.

А. Е. Пресняков, описывая встречу митрополита с восставшими, ограничивается указанием на то, что солдаты встретили митрополита «почтительно». Так как у Преснякова не сказано, как они проводили митрополита, то приведенная выше характеристика «почтительного» разговора при чтении книги Преснякова волей-неволей распространяется на переговоры митрополита в целом. Но прямое свидетельство дьякона Прохора Иванова о речах солдат и слова самого митрополита («обругали и прочь отослали») говорят за себя. Характеристику Преснякова надо поэтому признать неправильной [115].

Итак, переговоры митрополита Серафима с восставшими кончились ничем, и на площади появилась новая сила, которую всем существом ждали, по которой томились восставшие. Солдаты нового полка — лейб-гвардии гренадерского — примыкали к восстанию, а за ними шел и третий полк — восставший морской экипаж. Это было крупнейшее событие дня в лагере восстания. Силы восстания сразу увеличились более чем вчетверо.

«Гвардейской экипаж, следовавший на Петровскую площадь, встречен был лейб-гвардии Московским полком с восклицаниями «ура!», на что гвардейский экипаж ему ответствовал, что и повторялось на площади несколько раз», — показывает Михаил Кюхельбекер.

14

Каким же образом произошел выход из казарм новых полков, присоединявшихся к восстанию?

Остановимся прежде всего на том, в каком порядке присоединились к восстанию эти новые силы. Порядок прихода полков на площадь, как удается установить по первоисточникам, таков: Московский полк, первый отряд лейб-гренадер (рота Сутгофа), гвардейский морской экипаж и позже — остальная часть лейб-гренадер, значительный отряд, приведенный Пановым.

Сутгоф показал на следствии: «Прежде всех на площади были Московский полк, потом 1 фузелер[ная] [рота] Гренадер[ского] полка, потом гвардейской экипаж и, наконец, остальные роты Гренадерского полка подошли» [116].

Имеется еще одно веское свидетельство Сутгофа о последовательности прихода полков. Делая свои заметки на книгу барона Корфа, Сутгоф около текста, говорящего о появлении на площади гвардейского морского экипажа, написал: «Гораздо прежде гвардейского экипажа пришла 1-я рота лейб-гренадерского полка». Конечно, выражение декабриста «гораздо прежде» надо понимать условно: все восстание длилось несколько часов, гренадеры же примкнули к восстанию более чем через два часа после его начала. До конца восстания, как мы увидим из приводимых ниже расчетов, оставалось всего часа два с небольшим. Поэтому вполне правдоподобно и на наш взгляд не противоречит Сутгофу идущее с противной стороны свидетельство о том, что приход гренадер и появление матросов были почти одновременны. «Записки» Николая I и воспоминания принца Евгения Вюртембергского о дне 14 декабря почти сливают время появления этих частей. «Роты лейб-гренадерского полка и гардемарины в беспорядке направлялись мимо нас», — пишет Евгений Вюртембергский. «К начальной массе Московского полка прибыл весь гвардейский экипаж и примкнул со стороны Галерной, а толпа гренадер стала с другой стороны», — свидетельствует о том же Николай I. О порядке прихода говорит и запись в дневнике Александры Федоровны, современном событиям: «Мы узнали, что к ним (т. е. к восставшим. — *М. Н.*) примкнули не только лейб-гренадеры, но присоединился и батальон гвардейского экипажа». Серьезным доказательством в пользу правильности свидетельства Сутгофа является и самое построение восставших на площади: рота Сутгофа примкнула к каре, а матросы построились рядом отдельно — «колонной к атаке» между каре и Исаакиевским собором, ближе к каре. Если бы матросы пришли раньше роты Сутгофа, они, очевидно, примкнули бы к каре. Но каре оказалось уже в процессе перестройки, поэтому и возникла мысль об отдельном самостоятельном построении гвардейского морского экипажа [117].

Пришедшие позже лейб-гренадеры, если верить карте, начерченной в Главном штабе вскоре после восстания для цесаревича Константина, составили отдельное — третье — построение (вторую «колонну к атаке»), расположенную на левом фланге восставших, ближе к Неве. Это и был наиболее поздно — последним — пришедший отряд лейб-гренадер под командой поручика Панова. Адъютант Бенкендорфа Голенищев-Кутузов указывает даже на то, что в момент присоединения отряда Панова начало смеркаться: «Начало смеркаться. В это время бегут роты лейб-гренадерского полка по площади от дворца». Любопытно совпадение этого показания с записью в дневнике Александры Федоровны: после слов «...подошел батальон лейб-гренадеров. Они хотели проникнуть во дворец, но, увидев сильный караул, двинулись дальше», — непосредственно следуют слова: «Начало смеркаться». Записи флигель-адъютанта Дурново также говорят о позднем прибытии отряда Панова. Они относят его приход ко времени после обращения к «мятежникам» митрополита Серафима, которое было одним из последних. В записках декабриста Розена имеется свидетельство о том, что лейб-гренадер ввели внутрь каре Московского полка для того, «чтобы там расчитать и построить их поротно», однако выполнить этого не успели, так как уже началась пальба картечью. Очевидно, это свидетельство Розена может относиться только к отряду Панова: рота Сутгофа, пришедшая в своем обычном составе, не нуждалась в пересчете и построении «поротно», а Панов привел раз-

ные роты гренадерского полка и их надо было пересчитывать и строить поротно. Согласно свидетельству Розена, отряд Панова влился, таким образом, в ряды восставших незадолго до картечи. Сам Сутгоф говорит, что Панов с основной массой гренадерского полка пришел на Сенатскую площадь «спустя полчаса или более» после прихода Сутгофа. Но за полчаса Панов не мог бы совершить столько действий, а Стюрлер, бросившийся вдогонку за Сутгофом, также не успел бы не только догнать роту на Дворянской улице и безуспешно уговаривать ее, но и вновь вернуться в казармы, отдать распоряжение об их охране, опять помчаться за уходившими лейб-гренадерами и догнать их на площади и т. д. [118].

Отсюда ясно, что восстание не «стояло» на площади, а собирало свои силы — в течение времени с одиннадцати часов утра до трех часов дня происходил трудный и сложный процесс стягивания на площадь воинских сил восстания.

Установив таким образом порядок прибытия восставших полков на площадь, перейдем к анализу того, как совершился выход этих двух новых примкнувших к восстанию полков. Поскольку невозможно разрывать описание положения в лейб-гренадерском полку на две части, соответственно разновременному выходу роты Сутгофа и отряда Панова, сосредоточимся сначала на морском экипаже, а затем перейдем к гренадерскому полку и последовательно расскажем о том, чтó там происходило.

Гвардейский морской экипаж был сравнительно молодой частью императорской гвардии (сформирован как гвардейская часть в 1810 г.), но вобравшей в себя лучших, испытанных в битвах, закаленных и бывалых моряков. Они приняли самое активное участие в сражениях Отечественной войны 1812 г. Архивные документы свидетельствуют, что волнения Семеновского полка вызвали брожения и в гвардейском морском экипаже.

Подготовка гвардейского морского экипажа к восстанию шла уже давно. Агитацию в нем вели многие декабристы. Особенно активен был лейтенант Арбузов, придерживавшийся республиканских убеждений еще до вступления в Северное общество. На совещаниях у Рылеева он ручался за 300—400 моряков, и в течение последних дней перед 14 декабря «делал солдатам неблагонамеренные внушения». Участвуя в совещаниях у Рылеева, он детально знал о плане выступления. «Зная любовь и доверенность к себе солдат гвардейского экипажа», он уверен был в возможности поднять матросов. Вдумываясь в скупые данные о характере агитации Арбузова, обращаешь внимание на то, что она шла несколько дальше обычного. 12 декабря, призвав к себе фельдфебеля Боброва (Арбузов сознается в четырехкратной с ним беседе), Арбузов говорил о необходимости отказаться от второй присяги (с ироническими словами «куда же денем другого царя?»), о выходе на Сенатскую площадь, о том, что там будут ожидать гренадеры и финляндцы, что «мы все вместе возьмем завещание покойного государя, по коему нижним чинам назначено только 12 лет службы, и предпишем свои законы». Тут налицо прямое указание на гораздо более широкую агитацию и на прямые разговоры с матросами о конституции, о «своих законах». Говорилось матросам прямо и о том, что рота Арбузова зайдет за соседним Измайловским полком. Фельдфебелю Боброву было велено не более не менее, как объявить все это среди матросов экипажа, «хорошим и надежным людям». Кроме всего изложенного, Арбузов, по собственному сознанию, говорил фельдфебелю какие-то слова, «повторить кои я не в состоянии ни письменно ни словесно». Фельдфебель Бобров передал слова лейтенанта матросам и даже явился

к нему с рапортом о выполненном поручении. В агитации были замешаны и другие офицеры гвардейского экипажа — братья Беляевы, Бодиско и др. [119].

После утреннего приезда Петра Бестужева, привезшего записку от брата Александра, сообщение об отказе Якубовича и дальнейших предположениях, картина в достаточной степени уяснилась. Обещанное в записке подтвердилось: капитан-лейтенант Николай Бестужев вскоре после отъезда Петра явился в экипаж. В это утро — до выступления — экипаж был вообще в центре внимания декабристов в связи с создавшимися затруднениями, и революционная штаб-квартира Рылеева — Бестужева непрерывно держала связь с матросами. После Петра Бестужева в экипаже побывал до прибытия Николая Бестужева еще прапорщик I гвардейского генерального штаба Палицын, затем Каховский и Цебриков (поручик Финляндского полка). Каховский проник в казармы в штатском платье («в лиловом сертуке»), был задержан матросами и освобожден по распоряжению мичмана гвардейского экипажа декабриста Бодиско 2-го (Михаила Андреевича).

Николай Бестужев в своих воспоминаниях о Рылееве крайне скупо говорит о себе. Все события в морском экипаже до выхода его на площадь он вовсе пропускает и прямо начинает рассказ о восстании «когда я пришел на площадь». Его значительная роль в событиях выясняется лишь на основании анализа и перекрестного сопоставления многих следственных дел [120].

Появившись в казармах, Николай Бестужев прежде всего связался с офицерами-декабристами. «Кажется, мы все здесь собрались за общим делом, и никто из нас не откажется действовать», — передает его слова Арбузов. Очевидно, вопрос стоял о том, кто именно поведет матросов на площадь. «С вами мы готовы идти...», — ответил Николаю Бестужеву кто-то из молодых офицеров. Но вопрос был очень важным, и Николай Бестужев имел основания для того, чтобы не брать сразу роль на себя, а согласовать это с офицерами. Уже несколько лет он состоял при адмиралтейском департаменте для составления истории российского флота в должности историографа и к практической морской службе и казармам морского экипажа фактически отношения уже не имел. Правда, среди моряков-декабристов он был в данный момент самым старшим по чину — капитан-лейтенантом, а Арбузов был несколько младше — лейтенантом. Однако сначала Николай Бестужев уговаривал всех подчиниться именно команде Арбузова: «Откиньте самолюбие; пусть начальником вашим будет Арбузов и что мне (т. е. Арбузову.— *М. Н.*) можно вввериться»,— показывает Арбузов. На вопрос «приготовлены ли люди», офицеры дали утвердительный ответ (по показанию Дивова, «спрашивал, приготовлены ли у вас роты, и тут каждый уверял о своей роте») [121].

Повидимому, Николай Бестужев имел в виду полностью выполнить намеченный ранее план вывода моряков: как мы помним, первоначально предполагалось, что моряки зайдут за измайловцами. В связи с этим Николай Бестужев попросил съездить в соседний Измайловский полк и узнать, что у них делается. На это вызвался мичман Тыртов. Еще утром во дворе казарм морского экипажа Тыртов утверждал, что Измайловский полк присягать не будет.

Тыртов пытался проникнуть в казармы измайловцев, но туда, по приказанию начальства, никого не впускали, и он смог проникнуть лишь на квартиру к подпоручику Миллеру, который сказал, что сам не знает, что у них происходит, и показал Тыртову прощальное письмо, написанное подпоручиком Фоком отцу. Повидимому, именно в это время в Измайловском полку происходила присяга и все вызванные ею последующие

осложнения, описанные выше. Поскольку с Измайловским полком не оказалось возможным связаться, расчеты на него приходилось отложить и организовывать выход гвардейского морского экипажа самостоятельно [122].

Николай Бестужев, повидимому, обошел квартиры всех офицеров-декабристов морского экипажа, кроме тех, с которыми он увиделся у Арбузова. В частности, побывал он на квартире друга Петра Бестужева— лейтенанта Чижова и, как показывает последний, уведомил его, что «все гвардейские полки присягать не будут», и сказал, чтобы он находился на Исаакиевской площади, «куда возмутившиеся сойдутся» [123].

Большим своеобразием положения в морском экипаже, как совершенно правильно отмечает А. Е. Пресняков, была особая позиция Сергея Шипова, бригадного командира, под начальством которого находился экипаж. Бывший член Союза Спасения и Союза Благоденствия, искренне действовавший в его видах и проникнутый освободительными идеями, Сергей Шипов не смог и, очевидно, не захотел занять с самого начала позицию властного, приказывающего командира — сторонника Николая I. Приехав в экипаж, Шипов попытался уговорить моряков присягать, но, по выразительному показанию Николая Бестужева, «единогласно все офицеры, кроме штаб-офицеров, и все рядовые отказались» [124].

Увещаний Шипова никто не слушал. Офицеры то требовали «подлинного» акта отречения, то самого цесаревича. Поднимался общий крик о том, что надо идти на Сенатскую площадь. Как показывает Беляев 1-й, во дворе морского экипажа утром 14 декабря «все были в каком-то безумном восторге». Происходили невиданные ранее в гвардии нарушения дисциплины. «Когда батальон был выведен на двор... нижние чины, оказав свое неповиновение, не сделали на караул...». Вызванный «на середину пред командующего бригадою» лейтенант Вишневский «сильнее прочих возражал ему и даже осмелился требовать для своего убеждения оригинального акта отречения, за что и был отделен от батальона с прочими возражавшими». Свои сомнения в акте отречения лейтенант Бодиско 1-й позже изъявлял на Сенатской площади даже митрополиту Серафиму [125].

Шипов приехал в экипаж поздно, по показанию Бодиско 1-го, «в двенадцатом часу», стал вызывать к себе поодиночке офицеров и продолжал уговоры, но безуспешно. Тогда последовал арест морских офицеров, — оружие потребовали сначала у одного Вишневского, но немедленно стоявшие рядом офицеры демонстративно вручили генералу и свое оружие. Все это явно походило на открытый мятеж. Матросы тем временем стали самовольно собираться во дворе казарм. Почти невероятно звучит показание Бодиско 1-го о том, что Шипов «хотел прочесть манифест, скомандовал было «на караул», но люди не сделали того и потому манифеста не читали», но это показание подтверждается и другими свидетельствами. Моряки начали открытый мятеж уже в своих казармах.

Восставший Московский полк держал с гвардейским экипажем прямую связь, и связным был тот же мичман Петр Бестужев, который рано утром уже привозил в экипаж важнейшие директивы из революционной штаб-квартиры Рылеева [126].

По уговору с братом Александром, Петр Бестужев в одиннадцатом часу поехал в Московский полк со специальной целью узнать, вышел ли он уже на площадь, чтобы сообщить об этом морскому экипажу. Он проник в казармы Московского полка и нашел брата Александра и Щепина-Ростовского в «фельдфебельском покое 6-й роты», как раз в момент, предшествовавший выводу полка. Александр Бестужев прямо показал на следствии, что поручил брату Петру сказать в экипаже, что Московский

полк выходит. Об этой связи между выходящим на восстание Московским полком и морским экипажем, установленной Петром Бестужевым, в следственных делах имеется ряд показаний (Щепина-Ростовского, Арбузова, самого Петра Бестужева и др.). Аналогичную роль связных между восставшими полками играли Рылеев и Каховский [127].

Таким образом, связь между двумя восставшими полками существовала. Во второй раз Петру Бестужеву было очень трудно передать в морской экипаж нужные сведения, потому что в ворота казарм, по приказу Шипова, уже никого не впускали. Он сумел проникнуть в квартиру своего друга Чижова и сообщить нужные данные. Позже Петру Бестужеву, очевидно, при посредстве того же Чижова, все же удалось оказаться на полковом дворе во время сбора там морского экипажа.

Существенен вопрос о боевых патронах. Острота положения внутри экипажа сделала этот вопрос более сложным, чем в других полках: роты морского экипажа провели большее число часов в казармах в состоянии неповиновения начальству, обсуждая вопрос о присяге и споря, нежели московцы. Это создало и бо́льшую возможность перекрестных сталкивающихся приказаний, их отмены и затруднений при выходе. Утверждение, что часть рот гвардейского экипажа «сгоряча» вышла без патронов, нуждается в уточнении. За вооружение выходящих на площадь матросов шла борьба. Инициатива захвата боевых патронов и заряжения ружей подчас шла от самих солдат, и командиры-декабристы тут не всегда поспевали за матросами. Характерно уже упомянутое признание Арбузова: «Приказал я заряжать ружье, хоша у меня тогда уже спросились, когда патроны и шомпола были в дулах». Фельдфебель Чирков просил у лейтенанта Вишневского позволения взять на площадь боевые патроны. Тот разрешил. Но когда фельдфебель пошел, по приказу Вишневского, доставать боевые патроны из цейхгауза и, достав, понес их в роту, на лестнице он встретился с самим Шиповым, который приказал нести патроны обратно. Тем не менее рота Вишневского имела на площади боевые патроны и стреляла. Имеются сведения, что командир гвардейского экипажа капитан первого ранга Качалов будто бы «догадался» подмочить часть патронов возмутившегося экипажа, что сомнительно [128].

Узнав от Петра, что Московский полк вышел на площадь, Николай Бестужев велел декабристам Беляевым спешно подняться наверх в казармы и освободить арестованных командиров. Беляевы по пути встретили бригадного командира Шипова, который приказал им возвратиться, однако Беляевы пошли наверх и выполнили распоряжение Николая Бестужева. Замечательной особенностью восстания в гвардейском морском экипаже было то, что арестованных по приказу Шипова декабристов освободили их товарищи. В это время с Сенатской площади и послышались выстрелы. Это было, очевидно, отражение первых атак конной гвардии на Московский полк. Лейтенант Чижов объявил во всеуслышание, что в Московском полку убит командир (очевидно, имелся в виду Фредерикс) и что восставший полк уже находился на площади. Услышав выстрелы, мичман Петр Бестужев крикнул: «Ребята, что вы стоите? Слышите стрельбу? Это наших бьют!» Решающее значение имела громкая команда Николая Бестужева: «За мной! На площадь! Выручать своих!» Вслед за этим восставший морской экипаж двинулся «со двора» и направился на Сенатскую площадь со знаменем впереди [129].

В воспоминаниях Николая Бестужева имеется и общее указание на время прихода на площадь матросов: «Когда я пришел на площадь с гвардейским экипажем, уже было поздно». Соответствует этому и показание Бодиско, что окончательное решение идти на площадь определилось у моряков только «около 1 часу дня» [130].

Почему же гвардейский морской экипаж вышел на площадь?

Анализируя этот вопрос, мы не только приходим к выводам, аналогичным высказанным ранее соображениям о причинах выхода Московского полка. Очевидно, в данном случае мы обязаны эти выводы даже несколько усилить. Противоречие приказу начальства, «воле начальства», отказ от слепого повиновения, решение действовать по своему разумению, прямые и невиданные нарушения приказов самого высшего начальства (бригадного командира) не только ротными командирами, но непосредственно матросской массой (отказ взять «на караул» при чтении манифеста, захват патронов, несмотря на прямое запрещение начальства и т. д.) бросаются в глаза. В некоторых случаях решение матросов опережает решение командира-декабриста (заряд ружей по своему почину ротой Арбузова). Но наиболее замечательным является еще более отчетливое вторжение революционных антикрепостнических лозунгов, прорывающих якобы «законную» оболочку протеста против «незаконной присяги». Тут уже в агитации офицеров-декабристов речь идет прямо о «новых законах» (фактически — конституции), которые противопоставлены старым, несправедливым, крепостническим законам. Заметим и такую деталь: агитация ведется под лозунгом 12-летней, а не 15-летней службы в армии, как значилось в манифесте декабристов, — агитация моряков несколько «улучшила» этот лозунг в пользу народа. Кроме того, очень важна обстановка выхода на площадь и последний, непосредственный предлог к выходу, решивший дело: надо заступиться за своего брата солдата, уже вышедшего на площадь.

Таким образом, и тут, при анализе причин выхода на площадь морского экипажа, приходится решительно отвести легенду о религиозных мотивах верности первой присяге и легенду об обманутых солдатах, слепо пошедших неизвестно во имя чего за любимыми начальниками. Нет, матросы вышли не поэтому, причины выхода были более сложными, ненависть к крепостному угнетению прорывала внешне «легальную» форму выхода, билась в этом акте, как живое сердце угнетенной солдатской массы. И подобные выводы напрашиваются сами собой, возникают на основе крайне трудного и всячески затушеванного следствием материала, добытого посредством допросов, во время которых именно этот момент и солдаты и офицеры-декабристы всячески скрывали. Этот характер материала служит, на наш взгляд, дополнительным доводом в пользу данного вывода. Сопоставление их с историей солдатской массы гвардейских полков и ее настроениями содействует укреплению этих выводов и крушению дворянско-либеральной легенды.

Прибыв на площадь, встреченный ликованием Московского полка, гвардейский морской экипаж выстроился, как пишет Сутгоф, «в большом порядке», в «колонне к атаке» между каре и Исаакиевским собором. Петр Бестужев, который находился все время в роте Арбузова, показывает, что экипаж расположился «взводами на две половины, одна лицом к Адмиралтейству, другая — к манежу Конной гвардии» [131].

15

Перейдем теперь к вопросу о том, каким образом произошел выход на площадь восставшего лейб-гвардии гренадерского полка. Прежде всего возобновим в своей памяти историю этого полка.

Лейб-гвардии гренадерский полк был сформирован в 1756 г. по приказу императрицы Елизаветы Петровны и носил первоначально название 1-го гренадерского полка. Формировал полк лично будущий генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский. Полк участвовал в Семилет-

ней войне 1756—1762 гг. и в сентябре 1760 г. получил награду «за взятие города Берлина» (две серебряные трубы с серебряными кистями на темлячной тесьме). Полк участвовал в турецкой войне 1769—1774 гг., прославился в сражении при Кагуле и по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира был переименован в лейб-гренадерский. Шведская война 1788—1790 гг. посадила основную массу гренадер на суда (на три стопушечных корабля из эскадры адмирала Грейга) и двинула в Копенгаген; полк участвовал в морских сражениях, а потом в сухопутных — на территории Швеции [132].

В Аустерлицкой битве 1805 г. лейб-гренадеры участвовали под командой великого князя Константина Павловича и вернулись из Австрии в Россию лишь в апреле 1806 г. 1807 год бросил полк к границам Пруссии, и в июне гренадеры бились под Фридляндом в составе находившихся под командой цесаревича Константина резервов, отступив вместе с другими войсками к Тильзиту. В 1808 г. финляндская война вновь увидела гренадер на полях сражения, они приняли участие в знаменитом ледовом походе в Швецию, бились на шведском берегу и вернулись домой лишь после заключения Фридрихсгамского мира, получив серебряные медали с надписью: «За переход на Шведский берег». Ко времени Отечественной войны 1812 г. полк уже имел огромный боевой опыт и поистине исходил Центральную Европу: от турецких владений на юге — через Австрию и Пруссию — до северных берегов Балтийского моря и шведских владений [133].

При дислокации войск в 1812 г. гренадеры в основной своей массе влились в первую армию Барклая де Толли, следовали через Витебск к Смоленску, дрались с французами во время отступления и с начала до конца, как и московцы, участвовали в Бородинской битве, где им выпала почетная миссия сорвать обходной маневр французов около Утицких высот под командой генерал-лейтенанта Тучкова. Корпус Понятовского, которому был позже придан корпус Жюно, брошенный Наполеоном в обход левого фланга, был перехвачен Тучковым и в жестоком бою остановлен в дальнейшем движении. Тут немалую роль сыграли гренадеры при непосредственной помощи московского народного ополчения [134].

Одна из рот полка — 2-я гренадерская — была в составе сводного гренадерского батальона и приняла участие в центре Бородинского сражения, у Курганной батареи Раевского, потеряв 72 человека из нижних чинов убитыми и 87 ранеными.

Гренадеры прошли в понедельник 2 сентября 1812 г. через оставляемую Москву и, отступив далее со всей армией по Рязанской дороге, повернули у Красной Пахры, атаковали корпус Мюрата при Тарутине, сражались затем под Красным, совершенно разбив Даву и Нея; гнали врага через Березину и первого января 1813 г. перешли по льду Неман, опять оказавшись в Пруссии. Тут гренадеры сражались у Люцена, потом у Бауцена, приняли участие в Дрезденской битве, в знаменитом сражении у Лейпцига, переправились через Рейн в пределы Франции и в марте 1814 г., после битвы под стенами Парижа, торжественно вступили в столицу Франции. В Париже гренадеры расположились в казармах Де-ла-рю-верт и держали городовые караулы вместе с другими войсками гвардии. Они могли довольно долго наблюдать Париж — и город и окрестности, куда они выступили после отъезда Александра I в Лондон. 28 мая 1814 г. гренадеры двинулись в Россию сухим путем через Мо, Шалон, Витри, Кола, Наумбург, Берлин и Любек до Травемюнда, где 17 августа погрузились на корабли и проследовали морем до Кронштадта. Высадившись на берег в Петергофе, они 5 сентября церемониальным маршем вступили в Петербург и вновь оказались в своих «Петровских» лейб-гренадерских казармах, откуда и вышли на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. [135].

Учитывая обязательный срок службы в гвардии, необходимо сказать, что не только участники 1812 г., но и те, кто сражался в более ранних войнах, еще ходили под знаменами гренадерского полка. Память же о прошлом полка жила среди солдат и передавалась из поколения в поколение. Опытный, бывалый, покрытый славой полк пришел под знаменами восстания на Сенатскую площадь.

Существенным источником для восстановления картины выхода восставшего полка на площадь является рукописное «Описание участия лейб-гренадер в происшествии 14 декабря 1825 года, случившемся в С.-Петербурге», составленное полковником Пузановым [136].

Первый и 2-й батальоны лейб-гвардии гренадерского полка находились ко дню восстания в «Петровских казармах» по ту сторону Невы, сравнительно далеко за Петропавловской крепостью, на Большой Невке, 3-й батальон был расположен за городом по деревням Софийского и Ораниенбаумского уездов. На карауле в Петропавловской крепости с утра в день восстания стояли две роты 1-го батальона — рота его величества и 1-я фузелерная; днем после присяги их должны были сменить 2-я и 3-я фузелерные роты полка [137].

Лейб-гвардии гренадерский полк давно был в поле внимания декабристов. Большую работу вел в нем Каховский, влиявший на офицеров полка Сутгофа, Панова, Кожевникова, Палицына, Глебова и вообще державший тесную связь с полком. «Истинно говорю, я причиной восстания лейб-гренадерского полка», — твердил Каховский на следствии. Когда Сутгоф привел на площадь свою роту полка, Каховский воскликнул: «Каков мой Сутгоф!» Сутгоф знал о плане восстания и участвовал в его разработке. Чрезвычайно важно свидетельство Александра Бестужева, что рота Сутгофа была готова к выступлению уже перед «первой присягой», т. е. присягой Константину в конце ноября [138].

Немалую роль в подготовке лейб-гренадер сыграл и полковник Булатов, ранее бывший батальонным командиром полка. Он проделал с ним много военных походов, был несколько раз ранен, гренадеры выносили его из-под огня, и вообще, как пишет даже официальный историк полка Пузанов, Булатов «оставил по себе хорошую славу».

Булатов, друг Рылеева еще по детским и отроческим годам совместного учения в кадетском корпусе, был привлечен Рылеевым к подготовке восстания и участию в нем незадолго до 14 декабря. Он участвовал в совещаниях декабристов накануне выступления и знал о намеченном плане. Незадолго до восстания («дня за два», как пишет историк полка) Булатов обедал вместе с Пановым и другими офицерами полка, потом вызывал поодиночке солдат полка и вел среди них агитацию. Заметим, что он вызывал к себе именно тех рядовых, которые в 1812 г. вынесли его—раненого—с поля сражения. Существенно, что уже после первой присяги, в конце ноября, Сутгоф говорил Александру Бестужеву, что его рота «вся готова к выступлению» [139].

Имелась и связь восставших полков с лейб-гренадерским и в самый день 14 декабря. Оболенский в своих воспоминаниях свидетельствует, что Рылеев был послан в гренадерский полк «для ускорения его прихода» («он отправился по назначению и исполнил поручение»). Сам Рылеев признает этот факт, лишь стремясь смягчить его тем, что будто он узнал о выходе роты Сутгофа из казарм еще «не доехав до оных» от Корниловича, который уже знал о выходе лейб-гренадер. В силу этого свидетельства в числе лиц, служивших связью между восставшими на площади и еще не вышедшими лейб-гренадерами, надо упомянуть и Корниловича. Можно назвать еще имена декабристов Александра Одоевского, Коновницына. Александр Бестужев послал их к лейб-гренадерам с площади сразу после прихода

московцев сказать, что они уже на месте. Эти данные полностью совпадают с фактом, рассказанным в рукописной истории полка: каких-то два офицера проезжали в санях мимо казарм полка утром 14 декабря «и говорили не присягать». Заметим, что имеется еще одно чрезвычайно любопытное свидетельство о связи лейб-гренадер и гвардейского экипажа: в подметном письме, найденном на лестнице Зимнего дворца в марте 1826 г., неизвестный осведомитель сообщал, что печник Семаков во время восстания «сам два раза ездил к лейб-гренадерам и в экипаж гвардии, известия о заговоре переносил». У нас нет материалов по расследованию, предпринятому Николаем I в связи с этим письмом, но свидетельство это нельзя оставить без внимания [140].

Полковой командир лейб-гренадерского полка полковник Стюрлер сравнительно поздно приступил к организации присяги. Он послал за батальонными командирами и объявил им о восшествии на престол нового императора и о предстоящей присяге «часу в 8-м утра», как записано в полковой истории. Лишь в десять часов утра солдат собрали во дворе офицерского корпуса, принесли знамена и начали приведение к присяге. Во время присяги поручик А. Л. Кожевников (однофамилец, но не родственник другого Кожевникова — Нила Павловича, подпоручика гвардейского Измайловского полка, уже упоминавшегося выше участника событий) вышел на верхнюю галерею офицерского флигеля и оттуда стал кричать солдатам, чтобы остановить присягу: «Отвага! Зачем забываете клятву, данную Константину Павловичу? Кому присягаете? Все обман!» Кожевникова арестовали, и присяга была доведена до конца. Но Сутгоф имел смелость показать перед следственной комиссией: «У присяги был, но в душе не присягал на верность подданству царствующему государю императору». Характерно и его свидетельство: «Я видел, что многие солдаты не поднимали рук и говорили между собой во время присяги». Таким образом, какие-то результаты агитация все же дала, и присяга у лейб-гренадер прошла далеко не гладко. Ту же позицию занял Панов: «Мог ли я в душе своей присягать, когда я готовился к возмущению?» Но формально присяга была принесена, прапорщика барона Врангеля послали в Зимний дворец с рапортом о «благополучной присяге», а рядовые гренадеры сели обедать.

Однако агитация против присяги и призыв идти на площадь продолжались и после окончания обряда. В рукописной полковой истории записано, что после присяги два неизвестных офицера (один с белым, другой с черным султаном) явились перед казармой и «корили» гренадер за присягу Николаю. Столь глухое свидетельство явно говорит о нежелании солдат дать более точные сведения, ибо кто же может усомниться, что солдаты-гвардейцы не могли по форме определить принадлежность «неизвестных» офицеров к полкам. Речь идет, очевидно, об А. Одоевском и Коновницыне, которые явились в казармы гонцами с площади от восставших и обратились не только к Сутгофу, но и непосредственно к солдатам.

Декабрист Сутгоф поднял свою роту словами о напрасной присяге, об обмане солдат начальством и сообщением, что все полки уже на Исаакиевской площади. Характерно, что свои переговоры с ротой Сутгоф называет «собранием роты». Полковое следствие, совершавшееся по свежим следам событий, установило, что Сутгоф велел своим людям «надеть шинели (прочие участники восстания вышли на площадь в мундирах.— *М. Н.*) и амуницию», а также зарядить ружья и взять боевые патроны. Сутгоф по собственной инициативе захватил полковое жалованье,— надо признать, что он собирался на площадь основательнее других. В приговоре Верховного уголовного суда о Сутгофе было записано: «Команда его стреляла» [141].

Рота вырвалась из ворот казарм и со знаменем впереди двинулась самым прямым путем через Петропавловскую крепость, где солдаты того же гренадерского полка держали в то время караул («через Еспланаду крепости к Мытному», как говорит об этом специально наряженное полковое следствие). Далее рота Сутгофа, спустившись к Неве, двинулась прямо по льду реки к Сенатской площади и, поднявшись через парапет набережной, вступила на площадь. Заметим, что официальная версия неправильно указывала маршрут восставшей роты — из Петропавловской крепости на Васильевский остров. Возражая против соответствующего утверждения в книге Корфа, Сутгоф пишет на полях, что его рота пошла «не на Васильевский остров, а прямо через лед от крепости к Сенатской площади». Необходимо прежде всего отметить, что Сутгоф действовал в данном случае в соответствии с диспозицией, принятой на совещаниях у Рылеева: «Сутгофу вывести свою роту... по льду на мост и на площадь» (показание Александра Бестужева). Отклонением было лишь то, что мостом уже нельзя было воспользоваться: он был занят Финляндским полком. Вторым существенным обстоятельством является то, что один из восставших полков прошел через гласис (в другом случае — «Еспланаду») крепости, твердыни царизма, не встретив, естественно, сопротивления, так как охрана крепости была в тот момент в руках тех же лейб-гренадер, очевидно, беспрепятственно пропустивших своих однополчан. Это весьма примечательно: восставшие побывали и в Петропавловской крепости, захват которой намечался по предварительному плану восстания. Тем существеннее отметить, что полковой командир Стюрлер в это время гнался за восставшими гренадерами на извозчике (этого также не могла не видеть охрана крепости) и догнал роту Сутгофа уже на Дворянской улице. Скомандовав роте «смирно», Стюрлер стал уговаривать солдат. Но Сутгоф вступил в спор с командиром, кричал солдатам, что командир обманывает их, что «он-то вас и губит». «Ребята, не выдавай, не слушайте его, а подавайся вперед»,— так передает его слова полковое следствие. «Усилия полкового командира остались тщетны», рота пошла за Сутгофом, и Стюрлер в отчаянии вернулся в полк. Характерно признание полкового следствия, что рота «бросилась» за поручиком Сутгофом «с бо́льшим еще противу прежнего стремлением» [142].

Пройдя гласис крепости и достигнув берега, рота Сутгофа перешла на невский лед и, пройдя остальную часть пути по замерзшей реке, прибыла на Петровскую площадь и присоединилась к каре восставших [143].

Но существенен еще и такой вопрос: к моменту прихода роты Сутгофа Николай уже успел стянуть к площади значительную часть императорских войск и выставить два эскадрона конной гвардии вдоль Невы у Исаакиевского моста, а пять — вдоль Адмиралтейства. Как же пробилась рота Сутгофа, поднявшись прямо по берегу реки перед мостом, на площадь? Или она не пробилась, а конногвардейцы просто пропустили ее к восставшим? Точным ответом мы не располагаем, но самый факт прохода роты Сутгофа от реки на площадь через царские войска весьма примечателен.

Даже архиблагонадежный с точки зрения царской власти историк полка Пузанов не может скрыть, что после того как рота Сутгофа вырвалась из казарм на площадь, все оставшиеся в казармах «были так наэлектризованы, что достаточно было одной искры от малодушных (т. е. сторонников восстания. — *М. Н.*), чтобы поколебать сильных» (т. е. сторонников правительства.— *М. Н.*) [144].

Александр Бестужев — в тот момент начальник каре — распорядился построением вновь прибывших и с ликованием встреченных гренадер. Бестужев «поставил свежих лейб-гренадер на фасы [каре]». Прибыв на пло-

щадь, Сутгоф целовался со Щепиным-Ростовским и многими другими, в том числе с какими-то «партикулярными» людьми (наверное, с И. Пущиным и Каховским). Следственная комиссия не преминула и это ликование при встрече восставших полков вменить в вину Сутгофу [145].

Вернувшийся в казармы полковой командир Стюрлер, как уже указывалось, нашел полк «наэлектризованным». Солдаты были в величайшем волнении. Стюрлер приказал немедленно расставить вокруг казарм цепь, никого не пропускать и охранять вход гвардейским полувзводом. Охране было приказано стрелять по гренадерам, которые попытаются выйти из казарм. Именно в таких — очень нелегких — условиях батальонный адъютант 2-го батальона поручик Панов поднял на восстание и вывел из казарм подавляющую часть оставшихся после ухода роты Сутгофа лейб-гренадер.

На примере подсчета пошедших за Пановым солдат видно, как стремилось правительство скрыть данные о численности восставшей солдатской массы. Барон Корф, прикрывая истину, пишет, что «часть» гренадерского полка устремилась вслед за поручиком Пановым на площадь, а «другая часть» осталась в казармах. Сутгоф в своих заметках на книгу Корфа пишет по этому поводу: «Рота гр. Ливена одна осталась в казармах, все прочие, за исключением немногих солдат, вышли на площадь». Можно согласиться с подсчетами Г. С. Габаева, что на Сенатскую площадь вышло около 1250 лейб-гренадер; наибольшую часть этого количества привел Панов. Надо подчеркнуть, что в лице лейб-гренадер в восстание вливалось, таким образом, самое большое по численности людей слагаемое [146].

Панов, как известно, был принят в тайное общество Каховским всего примерно за месяц до восстания. Начало своему вольнодумству он получил, по собственному признанию, «от чтения книг о революциях». Каховский, умоляя правительство облегчить участь его товарищей, особенно просил о Панове («Панов имеет невесту, он помолвлен, посудите о его положении!»). Но помолвка, как видим, не помешала Панову рисковать и судьбой и жизнью во имя общего дела.

Надо признать, что Панов сумел вывести полк в особенно трудных условиях: он продолжал вести агитацию и после принятых полковником Стюрлером мер (ограждение выхода из казарм), успел сделать самые меры исходным моментом для своей агитации («вот как начальники боятся — становят цепь...»); когда с Сенатской площади послышались ружейные выстрелы (очевидно, шла очередная атака конной гвардии), Панов бросился «с энтузиазмом», как пишет полковой историк, в уже построенную им колонну: «Слышите, ребята, там уже стреляют! Побежим на выручку наших, ура!»

Колонну Панова пытались остановить полковой командир, батальонный и ротные командиры, а также полковой священник с крестом в руке, но ничто не могло удержать порыв солдат. «Все солдаты предались какому-то исступлению»,— пишет полковой историк. Под предводительством Панова с обнаженной шпагой в руке колонна восставших лейб-гренадер опрокинула гвардейский полувзвод, охранявший выход из казарм. Более того, она даже увлекла с собой, по признанию того же полкового историка, «нескольких людей» из этого же полувзвода. Полковое знамя было в руках восставших, так же как и батальонное знамя (2-го батальона). Сам командир полка полковник Стюрлер пытался выхватить знамя, но Стюрлера у ворот казарм «сжали и оттерли от знаменщика». Полковника Шебеко, стремившегося помочь Стюрлеру, сбили с ног. Бросившийся вдогонку уходящим войскам Стюрлер приказал бежавшему вместе с ним поручику барону Зальца отнять знамя от унтер-офицера Пивоварова, но восставшие гренадеры, по приказу Панова, остановились, вернулись и

«с исступлением, с ударами ружейных прикладов, вырвали знамя из рук барона Зальца и опять передали унтер-офицеру Пивоварову». Панов все время твердил знаменосцу Федотову, «чтобы знамя не отставало и чтобы не допускать к нему офицеров» [147].

Лейб-гренадеры были при боевых патронах. Согласно бестужевской диспозиции, они должны были идти на площадь прямо по льду реки, между тем «Панов повел ошибкою по набережной»,— замечает Бестужев. «С какой целью вели вы полк во дворец?» — спрашивала следственная анкета Панова. «Когда мы подходили ко дворцу,— отвечал Панов,— то в него вступали саперы; я принял их за Измайловских и думал тут же найти Московских, а так как цель моя была соединиться с ними, то я и взошел на двор, но только что увидел, что тут их нет,— то и воротился». В еще более подробной сводке сведений о Панове, составленной для следствия полковником Малининым, приведены некоторые подробности: поручик Панов «с правым флангом своего отряда зашел во двор Зимнего дворца, но увидев саперов, стоявших там в карауле, закричал: «Ребята это не наши, налево кругом, на Петровскую площадь. Ура!» и таким образом привел их в толпу мятежников».

Можно усомниться в том, что действия Панова были ошибочны или случайны. Панов, знавший о плане восстания, был осведомлен о предполагавшемся захвате Зимнего дворца. Войска, выступившие под его предводительством, вливались в восстание поздно, и Панов имел основание предполагать, что Зимний дворец уже занят восставшими. Отсюда — его движение не по льду Невы, а по Дворцовой набережной и вступление в ограду Зимнего дворца. Саперы заняли двор царской резиденции много раньше прихода Панова, и он не мог поэтому видеть самого момента их прихода во дворец. Ясно, что направление по набережной было взято гренадерами до того, как они увидели, что́ делается в ограде дворца, так как с набережной, если следовать за движением гренадер, дворцовой ограды вообще не видно.

К этому известному эпизоду надо лишь добавить, что вокруг Зимнего дворца до прихода лейб-гренадер уже были выставлены караулы с распоряжением никого за ограду не пропускать. По личному приказу Евгения Вюртембергского, которому Николай велел заняться охраной Зимнего дворца, особо «крепко» было предложено охранять главные ворота. Если тем не менее Панову удалось войти со своим отрядом в дворцовые ворота,— очевидно, он сумел смять и отбросить караул. Корф спешит объяснить это тем, что комендант дворца Башуцкий по ошибке сам приказал пропустить восставших. Однако благодушию комендантской «ошибки» что-то уже очень резко противоречил внешний облик коменданта: Башуцкий-сын сообщает, что отец после разговоров с лейб-гренадерами испугал его «окровавленною на лице повязкою», и, кроме того, рассказал, что был сбит с ног и измят гренадерами. Очевидно, имело место столкновение и бой в рукопашную [148].

Николай встретил отряд Панова на Дворцовой площади около здания Главного штаба и «изволил кричать», как подобострастно сообщает полковой историк: «Гренадеры, куда вы? Остановитесь!» Узнав, что они «за Константина», он якобы спокойно указал им дорогу на Сенатскую площадь и скомандовал окружающим войскам «раздаться», т. е. пропустить их. На рукописи Пузанова имеется карандашная заметка Николая I, еще раз — в соответствии с книгой Корфа — подтверждающая этот факт. В эту «идиллическую» картину вносит немаловажную «поправку» показание Панова на следствии: на первом же допросе он свидетельствует, что на Дворцовой площади, «встретив кавалерию, нас останавливающую, я выбежал вперед, закричал людям «за мною» и п р о-

бился штыками». Это свидетельство убийственно для официальной версии. Очевидно, на Дворцовой площади произошло вооруженное столкновение между восставшими лейб-гренадерами под предводительством Панова и верными Николаю войсками, и Николай, желая приостановить столкновение, вышел из положения довольно простым способом, отступив перед натиском лейб-гренадер и пропустив их на площадь. Важно учесть и свидетельство Гурьевой-Нессельроде, весьма осведомленной в событиях, которая утверждала, чтой войска Панова оттеснили окружавших Николая преображенцев и прошли сквозь их ряды на Сенатскую площадь. Факт военного столкновения гренадер с правительственными войсками зафиксирован и в следственных вопросных пунктах: Панову указывалось, что он прошел с полком на Сенатскую площадь «несмотря на встреченное противодействие кавалерии» [149].

Нельзя не согласиться с совершенно правильным замечанием Огарева в работе «14 декабря 1825 г. и император Николай I», разоблачающей книгу Корфа: «Чему же приписать поступок Николая?.. Да просто тому, что если бы он не пропустил возмущенных лейб-гренадер, то ему самому пришлось бы плохо, потому что он был бы должен участвовать в рукопашной» [150].

Полковник Стюрлер все еще бежал за восставшими гренадерами. Даже на Сенатской площади он все еще «увещевал людей». Однако увещания его были тщетны. Восставшие с ликованием встретили новое — столь значительное — пополнение. Пресекая «увещевания» Стюрлера, Каховский выстрелил в него, а Оболенский нанес ему по голове два сабельных удара. Еще одна опасность, грозившая восстанию, была устранена. Вопреки распространенному в литературе мнению, что Стюрлер был убит на Сенатской площади, надо заметить, что он был там лишь смертельно ранен и умер 17 декабря 1825 г. [151].

Корф передает официальную версию о стрелковом взводе лейб-гвардии гренадерского полка, якобы возвращенном командиром взвода поручиком Тутолминым к повиновению. Это утверждение попало как достоверное и в работу Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». Между тем имеется веское свидетельство Сутгофа, опровергающее этот факт: «...Тутолмин ровно ничего не сделал, весь стрелковый взвод государевой роты пришел за полком на Сенатскую площадь и пристроился к 1 роте» [152].

Спросим теперь себя, подобно тому, как спрашивали о других полках: почему выступили лейб-гренадеры? Вопрос этот в данном случае особенно интересен, так как официальная версия о верности первой присяге тут поколеблена самой создавшейся ситуацией: солдаты гренадерского полка уже принесли вторую присягу и выступили после нее. Ясно, что дело тут не в верности присяге. Еще более значительно приведенное выше свидетельство, что Сутгоф говорил о готовности гренадер выступить сейчас же после смерти Александра I перед первой присягой Константину. Следовательно, самое имя Константина не имело значения для гренадер. Отряду Панова пришлось преодолеть такое сопротивление, что и речи быть не может о слепом повиновении солдат командиру, которое так тонко высмеял Огарев в своем испепеляющем разборе книги Корфа. Как и в предыдущих случаях, напрашивается вывод: солдаты-гренадеры действовали отнюдь не слепо и не из побуждений религиозной верности присяге или чувств «наивного монархизма». Своим выходом на Сенатскую площадь они резко нарушали крепостническое повиновение, они шли против крепостного строя, протестуя против гнета, стремясь к новому, лучшему положению. Конечно, они были мало осведомлены в офицерских замыслах, но зато они предельно отчетливо ощу-

щали угнетение всей крепостнической военной системы. Розен в своих воспоминаниях признает, что солдаты были выведены на площадь под общим «законным» предлогом верности первой присяге, но тут же прибавляет: «Но также правда и то, что гренадерам и надежным унтерофицерам были объявлены другие причины,— а в толпе посторонних хорошо знали эти причины!» Свидетельство весьма веское, которое необходимо принять во внимание [153].

16

Следующий за митрополитом «парламентер» правительственной стороны — великий князь Михаил Павлович направился к восставшим в несколько иной обстановке. На площадь прибыли новые войска, и перед каре, составленным из московцев и гренадер, выстроилась «колонна к атаке» из гвардейских матросов. Михаил, собственно, обращался не к каре, с которым только что вел переговоры митрополит, а к матросам, но цель обращения Михаила была та же — разъяснить войскам «законность» присяги Николаю. Митрополит Серафим не справился с этой задачей. Но Михаил — шеф восставшего Московского полка, только что вернувшийся в столицу будто бы от Константина (хотя он не был в Варшаве, а сидел на станции Ненналь), Михаил, давно известный войскам, сам член царствующего дома, конечно, мог иметь в этом вопросе больший авторитет. Только что перед этим Михаилу удалось привести к присяге оставшуюся в казармах часть Московского полка. А. Е. Пресняков прав, когда говорит, что, увлеченный своим выступлением перед оставшимися в казармах московцами, Михаил просил у Николая разрешения на переговоры с войсками, уверенный в успехе. Николай объехал кругом Исаакиевского собора и, подъехав к стоянке Михаила перед манежем около канала, дал согласие на переговоры, «желая испытать все способы». Михаилу был «придан» для переговоров генерал-адъютант Левашов. Не был ли «придан» и еще кто-нибудь? По крайней мере у Александра Бестужева осталось впечатление, что Михаил Павлович приехал с «генералами» [154].

До каре Михаил, как уже говорилось, не доехал. Он приблизился лишь к колонне Николая Бестужева, которая выстроилась перед каре, повидимому, обратившись к «мятежникам» с правого фаса колонны. И сам Михаил в своих воспоминаниях, и Николай свидетельствуют, что Михаил говорил именно с моряками, хотя, конечно, ему, как шефу Московского полка, надлежало бы проехать подальше — к московцам. На это у Михаила нехватило пороху, и он, остановившись у первой восставшей — морской — части, по военной субординации имевшей к нему наименьшее отношение, повел переговоры с матросами. Ни Рылеев, ни Оболенский, ни Щепин-Ростовский ничего не могут сказать об этих переговорах. Михаил уверял матросов, что присяга законна, что он сам уже присягнул, что он был будто бы «личным свидетелем» того, как великий князь Константин по доброй воле отрекся от престола. Но ничто не помогало. По свидетельству мичмана Петра Бестужева, Михаил «объявил, что он сам изволил быть в Варшаве». Если это так, то Михаил не останавливался в уговорах солдат и перед вымыслом [155].

«Солдаты, подстрекаемые нами, заглушали слова даже великого князя Михаила Павловича»,— показывает Александр Бестужев. И. Пущин, заметив пистолет в руках Кюхельбекера, предложил ему «ссадить» Михаила Павловича, но пистолет дал осечку. А. Е. Пресняков разоблачает правительственную легенду о «спасении» Михаила Павловича тремя матросами, справедливо указывая на явные несообразности в показаниях последних. Каховский показывает, что он сам не выстрелил в

Михаила Павловича лишь потому, что было уже поздно и восставшие все равно были окружены [156].

Заметим, что переговоры Михаила и с виду имели мало эффекта, были мало замечены восставшими. Повидимому, они велись наспех, без помпы и вообще без желания привлечь внимание основной массы восставших. Любопытно в этом отношении свидетельство одного из очевидцев — Бутенева, который убежденно уверял в своих записках, что Михаил Павлович даже вообще не подъезжал к восставшим и никаких переговоров не вел [157].

Переговоры Михаила Павловича, как видим, кончились ничем. Он был последним правительственным парламентером. Далее уже следовало возобновление попытки разогнать восстание силой. Николай опять прибегнул к атакам правительственной конницы на мятежное каре, но на этот раз уже не только конной гвардией, но кавалергардами и конно-пионерным эскадроном.

Атаки были усилены, несомненно, в связи с сильным пополнением восставших: с приходом последнего отряда лейб-гренадер под командой Панова число восставших увеличилось более чем вчетверо, и это не могло не испугать Николая и его приближенных.

В «Записках» Николая не указано число конных атак. Розен, которому с его позиции на Исаакиевском мосту была прекрасно видна именно та сторона Адмиралтейства, по которой расположилась конная гвардия, пишет, что конногвардейцы ходили в атаки пять раз. Но это число, видимо, менее действительного: к нему надо добавить еще атаки кавалергардов, о которых пишет и сам Николай, а также атаку или атаки конно-пионерного эскадрона [158].

В литературе широко распространено описание восстания 14 декабря как восстания «мирного», «стоячего», даже как «демонстрации» без выстрелов, «мирно» явившейся на площадь и затем разогнанной. Необходимо поэтому напомнить, что выстрелов на площади было не так уж мало, и если до атак конной гвардии они были случайны, то атаки, по всеобщему признанию, отбивались боевым («батальным») огнем. О стрельбе и залпах многократно пишет и Николай. Между прочим, и в формуляре Николая записано, что он стоял 14 декабря «под огнем мятежников». Евгений Вюртембергский пишет об отдельных выстрелах, а под конец — залпах. Свидетельства о выстрелах на площади идут и со стороны самих восставших. Декабрист Евгений Оболенский говорит о солдатских выстрелах: «Я остановил огонь, производимый задним фасом (каре.— *М. Н.*) против конно-пионер без всякой команды». «Вдруг услышал с правого фланга выстрелы»,— свидетельствует декабрист Арбузов,— причем пальба была прекращена по отбою. Декабрист Бодиско подтверждает на следствии, что моряки стреляли по наступавшей кавалерии. Многократные упоминания о выстрелах имеются в деле декабриста Цебрикова. Свидетельствует о неоднократных залпах и Петр Бестужев. Возвращаясь к показаниям противной стороны, можно вспомнить упоминание о выстрелах в «Записках» Бенкендорфа. О том, что «бунтовщики» встретили конную гвардию ружейным огнем, вспоминают очевидцы Комаровский, Фелькнер и многие другие. Полковник конной гвардии Вельо видел в момент начала атаки, как «весь левый фланг мятежников целился в нас»; «в момент нашего натиска нас осыпали градом пуль из этого каре». Иван Головин со слов своих братьев—офицеров-конногвардейцев — рассказывал, как во время атак конной гвардии на них «посыпались пули». Анонимный очевидец пишет, как декабристы, «приткнувшись к стене Сената», «открывают залб (sic!) из ружей». Гурьева-Нессельроде пишет, что по конной гвардии «был дан залп». Студент

Михаил Измайлов стоял у Адмиралтейства, и через его голову летели пули. Можно было бы не множить эти свидетельства, если бы общий облик «мирного», «стоячего» восстания, созданный либеральной историографией, не был бы столь живуч в литературе [159].

Сохранился и список раненых конногвардейцев. Он очень невелик — зарегистрировано всего девять человек с серьезными ранениями (в их числе рядовой Лобанов ранен в грудь, Хватов — в правое плечо с раздроблением кости, Панюра — в бок навылет, в результате раны умер). Список этот стоит в некотором противоречии с записью Николая I, что в конногвардейском полку «многих тяжело ранили» [160].

Очень важно учесть уже упомянутое показание самого Николая, не очень склонного говорить «в пользу» восставших: «Большая часть солдат на стороне мятежников стреляли вверх». Щепин-Ростовский приказывал стрелять в лошадей, а не в людей. Ясно, что общая картина атак не может не вызвать естественного вопроса,— каким образом свыше тысячи конногвардейцев, свыше тысячи кавалергардов, наконец, более трехсот человек конно-пионер, а в целом чуть не три тысячи первоклассных, с огромным боевым опытом конников, прославленных в боях, не смогли разогнать три тысячи пехотинцев, выстроившихся на Сенатской площади? Дело тут, разумеется, не в «шипах» и не в степени остроты палашей, а в глубоко затаившейся внутренней солидарности солдат, сводившей на нет результаты кавалерийских атак. Ничто не характеризует столь выразительно подлинного настроения солдатской массы, стоявшей на императорской стороне, как эпизод с Финляндским полком [161].

Присяга в Финляндском полку прошла не совсем гладко. Еще до рассвета весь командный состав полка был собран у полкового командира генерала Воропанова, который, как это делалось и в прочих полках, прочел офицерам манифест Николая о восшествии на престол и приложенные к нему документальные материалы. Офицерский состав выслушал все это в молчании, но после чтения начал задавать вопросы. Декабрист А. Е. Розен выступил вперед и «объявил» генералу, «что если все им читанные письма и бумаги верны с подлинниками, в чем не имею никакой причины сомневаться, то почему 27 ноября не дали нам прямо присягнуть Николаю?» Вопрос был столь логичен и прям, что озадачил командира, и он «в замешательстве» ответил Розену: «Вы не так рассуждаете,— о том думали и рассуждали люди поопытнее и постарше нас; извольте, господа, идти по своим батальонам для присяги». Присягу приняли, присягнул и сам Розен. Лишь один стрелковый взвод, состоявший под командой Розена, не мог принести присяги, так как находился накануне в карауле Галерной гавани и еще не успел смениться. Из казарм Розен поехал во дворец к разводу второго батальона Финляндского полка, который держал в тот день караулы по 1-му отделению — во дворце и в городе. Сенатская площадь была в тот момент еще пуста. Поскольку финляндцы в тот день держали в городе караулы, караул на Сенатской гауптвахте также был наряжен от лейб-гвардии Финляндского полка, и начальником караула был член тайного общества подпоручик Яков Насакин, человек, причастный к подготовке восстания и участвовавший за два дня до событий на совещании у декабриста Репина. Вопрос о том, «как следует поступать тому, кто в день восстания будет в карауле», обсуждался декабристами, и накануне выступления была дана директива «держаться на занимаемом посту» (свидетельство Розена). Яков Насакин выполнил революционную директиву и, естественно, остался вне репрессий: Николай наградил его как оставшегося «непоколебимым» в своей обязанности. Позже Розен в своих «Записках» выражал удовлетворение таким исходом дела. Д. И. Завалишин,

специально собиравший в Сибири среди сосланных декабристов сведения о ходе событий 14 декабря, пишет о Насакине: «Офицер этот был сам член общества и поставил караул во фронт по приказанию Александра Бестужева, которого сам спросил, что ему следует делать». Во всяком случае вход в Сенат был в течение всего дня восстания закреплен за декабристами [162].

Но возвратимся к Розену. Вернувшись утром домой с еще пустой Сенатской площади, Розен нашел записку Рылеева, призывавшего его к действию. Было десять часов утра. Розен поехал опять на площадь, где нашел уже построившееся каре московцев, и обратил внимание на отсутствие диктатора. На площади Розен успел подтвердить инструкцию о карауле, данную Насакину (Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский спрашивали об этом), спросил, где ему отыскать Трубецкого (на это никто не мог дать ответа), и получил от И. И. Пущина поручение: «достань еще помощи». С этим он и уехал обратно в Финляндский полк.

В Финляндских казармах, расположенных за Невой на Васильевском острове, находился в этот момент лишь первый батальон полка — второй, как мы помним, занимал в этот день караулы во дворце и в городе, а третий зимовал за городом в деревне Гостилицах. Розен прошел по ротам, приказал солдатам проворно одеться, взять патроны, вложить боевые кремни и выстроиться на улице перед казармами, говоря, что «должно идти на помощь нашим братьям». Построение батальона взяло полчаса. В это время к бригадному командиру Головину прискакал адъютант от командующего гвардии генерала Воинова с приказанием вести батальон на площадь. Николай рассчитывал на Финляндский полк как на присягнувшие ему правительственные войска и назначил ему свое место в окружении восставших войск. Полк (батальон) тронулся. У Морского кадетского корпуса финляндцев встретил генерал-адъютант Комаровский, посланный Николаем поторопить полк. Так дошли финляндцы до половины Исаакиевского моста, где остановились подле будки и зарядили ружья. Бо́льшая часть солдат, как вспоминает Розен, при этом перекрестилась [163].

Розен, шедший со своим взводом вторым, сначала предполагал пробиться через стоявший впереди него карабинерный взвод и через роту преображенцев под командой капитана Титова, заградившую весь проход от моста на площадь. Но замысел этот Розен не решился реализовать, да он и действительно был очень труден: карабинерный взвод и рота преображенцев по силе едва ли не вчетверо превосходили пехотный взвод Розена по численности. Но Розен пишет в своих записках, что не был «в состоянии оставаться в рядах противной стороны». Поэтому в ту минуту, когда граф Комаровский и бригадный командир генерал-адъютант Головин скомандовали всему батальону «вперед!»,— Розен скомандовал своему взводу «стой!», и эту неожиданную команду преданный Розену взвод повторил так уверенно и громко, что даже стоявший впереди карабинерный взвод финляндцев, к которому команда не относилась, дрогнул и тронулся не весь. Капитан Вяткин, не щадя ругательств и знаменитых мощных кулаков, с трудом заставил первый взвод повиноваться. Взвод же Розена остался стоять и этим сковал еще три роты — шесть взводов. Эти взводы уже не слушались своих командиров и не двигались с места, говоря, «что впереди командир стрелков (Розен.— *М. Н.*) знает, что он делает». Лишь командир третьей роты капитан Белевцов с трудом отвел свою роту назад и прошел с нею через Неву от Академии художеств к Английской набережной.

Был уже второй час пополудни. Пробиравшийся вдоль перил Исаакиевского моста народ,— «люди рабочие и разночинцы», отлично понимав-

шие, в чем дело, просили Розена «продержаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно». В этом положении Розен и простоял неподвижно, по собственному признанию, «слишком два часа», выжидая открытых действий («атаки») на площади, готовый поддержать их «тремя с половиною ротами или восемью стами солдат, готовых следовать за мною повсюду» [164].

Эпизод этот полностью смят в книге Корфа, стремившегося истолковать его как случайную заминку, не нарушившую военных планов Николая. Г. С. Габаев в своем анализе военных событий 14 декабря, давая правильную общую оценку действий Розена, на мой взгляд, неправ, относя его войска к разряду «нейтральных». Было бы точнее назвать эти войска «колеблющимися» или «сочувствующими»; объективное значение акции Розена, конечно, действовало, хоть и слабо, в пользу революционных войск. Смысл его действий как раз не в том, что он не хотел служить «ни тем, ни этим» (нейтралитет), а именно в том, что он, как сам свидетельствует, не был в состоянии «оставаться в рядах противной стороны». Николай хорошо разобрался в существе дела и сослал Розена сначала на каторгу в Сибирь, а потом на поселение. Едва ли это свидетельствует о «нейтралитете» Розена.

Продекабристская позиция Розена быстро уяснилась и во время следствия. В своих «Записках» Розен рассказывает, что член Следственного комитета Дибич, оценивая на допросе остановку взвода Розена, а за ним и трех последующих рот полка на Исаакиевском мосту, заметил: «Понимаю, как тактик, вы хотели составить решительный резерв». На это Розен, по собственному признанию, «ничего не возразил».

Понятны действия Розена, их причины, колебания декабриста, его отношение к восставшим. Но как понимали создавшееся положение и свою в нем роль солдаты Финляндского полка? Действовали ли они просто в силу слепого повиновения командиру? Источники сохранили следы их настроений и некоторый ответ на этот вопрос. Нет,— и тут не было просто слепого повиновения командиру,— и тут были проблески сознания, смысла предпринимаемого дела. На этот путь мысль исследователя толкают прежде всего обращенные к Розену просьбы рабочих людей и разночинцев «продержаться еще часок». Очевидно, если окружавшему простонародью из криков, ругани и неисполняемых приказаний начальства и то стало понятно, в чем дело,— очевидно, это было еще более ясно самим солдатам полка. Очень интересно в этом плане свидетельство самого Николая, который приписывает ослушание взвода Розена особому его составу: взвод, оказывается, был «почти весь из кантонистов». По свидетельству посланного за полком генерал-адъютанта Комаровского, непрерывно кричавшего на непокорных и выходившего из себя из-за невозможности выполнить царское приказание, финляндцы взвода Розена твердо отвечали ему, объясняя свое поведение: «Мы не присягали, худого ничего не делаем, по своим стрелять не будем». Отсюда ясно, что только что зарядившие ружья солдаты (перекрестившиеся при зарядке) понимали движение с моста как подготовку к стрельбе по восставшим и не двигались не только в силу исполнения приказа командира, но и потому, что не хотели стрелять. Но есть еще один замечательный источник, показывающий настроение финляндцев,— это воспоминания М. Ф. Каменской, дочери знаменитого медальера Федора Толстого, бывшего ранее членом Союза Благоденствия. При разгроме восстания картечью финляндцы, среди которых, в силу их близости к площади, были убитые и раненые, разбежались и затем тесной толпой заполнили двор дома Толстого, квартировавшего около Академии художеств. Солдаты чувствовали себя, по описанию М. Ф. Каменской, за-

одно с восставшей массой. В кухню Толстого перенесли раненного в грудь заслуженного унтер-офицера, и раненый говорил следующее о царских войсках: «Они, предатели, по своим стреляли... срамота какая, от родной руки умереть, точно преступник...». Толстой всячески уговаривал солдат идти к Зимнему дворцу и молить о прощении (в то же время Толстой со своим родственником разряжал солдатские ружья). Но финляндцы не последовали его совету и, выйдя со двора его дома, побежали к Большому проспекту, а не к дворцу [165].

Все сказанное освещает общий вопрос: если таково было настроение в рядах войск, стоявших вокруг восставших полков, то какое же настроение царило в рядах восставшей солдатской массы, как сами солдаты понимали цель восстания?

17

Если даже собравшаяся на площади толпа проявляла известные признаки понимания событий и заняла бесспорную позицию сочувствия восстанию, то тем более оснований спросить себя о том, как же осознавала себя на площади солдатская масса, построенная в каре? Мы уже уяснили себе, что выход на площадь восставших полков отнюдь не был результатом слепого повиновения начальству или религиозных настроений, порожденных «святостью» первой присяги. Решительно отпадает и беспомощная попытка создать версию о преданности солдат российскому закону о престолонаследии, которую пытался выдвинуть в своих записках великий князь Михаил Павлович: «Известно и с достоверностью раскрыто, что действуя в их руках (т. е. в руках «мятежных» офицеров.— *М. Н.*), как орудие, солдаты ослеплены были отнюдь не мечтаниями о каком-либо ином порядке вещей, а единственно призраком законности». Эта версия о «легитимных» настроениях солдатской массы падает при первом соприкосновении с фактами. Наоборот, словами этой же цитаты можно сказать, что солдаты были охвачены стремлением к «иному», лучшему для них «порядку вещей» и именно поэтому вышли на площадь. Замечательно глубокое замечание декабриста Чижова, вышедшего на площадь с гвардейским морским экипажем: «Общество могло надеяться, что народ и войска поймут собственные свои пользы и будут его подпорою, и что все благомыслящие люди примут в сем деле участие, хотя бы к обществу и не принадлежали». Соответствует этим словам и мнение Розена о том, что солдаты знали и другие причины восстания, а не только лозунг «за Константина» [166].

В самых разнообразных разговорах о присяге, которые слышались в гудевшей толпе, как и в рядах восставших солдат, отчетливо прорывается классовый антагонизм между закабаленным народом и правящим классом. «Вам, изменникам генералам, нужды нет всякий день присягать»,— ответил один из восставших солдат генерал-адъютанту Комаровскому, пытавшемуся «вразумить» взвод. Бутенев в своих любопытных записках о 14 декабря рассказывает, как он захотел лично удостовериться «в собственном желании солдат и, подойдя к левому фасу каре, спросил одного из них: «Кому желаете присягать? — Кому же больше как не Константину! Мы знаем, где он... Не хотим Николая, мы испытали его»,— ответил ему солдат «резким голосом» и «угрюмо». Солдаты знали очень хорошо, кто такой Николай — имя Константина служило лишь условной формулой «лучшего порядка вещей» [167].

Желание этого «лучшего порядка вещей» и порождало активность солдат, которую декабристы стремились сдерживать: в воспоминаниях М. Ф. Каменской рассказывается, как ее знакомая Шарлотта Вульферт «поправила» солдата, когда он кричал «Константин» словом «Николай»,

и за эту поправку солдат хотел проткнуть ее штыком. Сестру Греча (она была корректором в его редакции) солдат чуть ли не «благословил» прикладом за то, что она сказала: «Как Константин? Николай!» («Подержала корректуру!» — сострил Греч). Начальника 1-го кадетского корпуса Черкасова, который в полной генеральской форме шел по Сенатской площади, унтер-офицер Московского полка «с дерзостью» схватил за ворот и «поддернул к себе», спрашивая, кому он присягает. На растерянный переспрос генерала унтер-офицер резко подтвердил ему: «Да, я вас спрашиваю». Выразителен штрих, переданный Одоевским на следствии: когда прозвучал выстрел Каховского и полковник Стюрлер упал, оглянувшийся солдат, увидев пистолет в руке Одоевского, подбежал к Одоевскому и поцеловал его [168].

Когда посланный Бистромом в Финляндский полк предатель Яков Ростовцев пробирался через Сенатскую площадь и вздумал было уговаривать восставших солдат Московского полка, они избили его прикладами. Отправленный к себе на квартиру, Ростовцев, по собственному свидетельству, «был болен около месяца». Анонимный очевидец свидетельствует: «Одного рядового жандарма в моих глазах заколол штыком унтер-офицер Московского полка». Бутенев свидетельствует, вероятно, о том же случае, добавляя, что жандарма «приколол» «патруль от бунтовщиков». На следствии давались показания, что уже во время продвижения Московского полка на Сенатскую площадь «буянили люди дорогою». Евгений Вюртембергский заметил, что шедшие на площадь солдаты, увидев принца, насмехались над ним, — по его выражению, — «кривлялись». Таким образом, активность рядовой солдатской массы восставших и ее противопоставление себя правительственной стороне вне сомнений [169].

На самой площади солдаты нападали лишь на «увещевателей», не стесняясь и высокими их чинами, но не на солдат противной стороны, ощущая с ними тесную связь. Декабрист Беляев свидетельствует: «Во время нашего стояния на площади из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам; это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальников днем...» [170].

Эту солдатскую солидарность учитывали декабристы в своих планах: «Мы не верили, чтоб можно было подвинуть полки на полки»,— показывал Трубецкой. Рылеев и все его товарищи, готовившие восстание, «полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив еще соединятся с возмутившимися...». Гвардия, несомненно, знала еще до восстания о лозунге отмены крепостного права из агитации Рылеева, Александра и Николая Бестужевых. Необходимо еще раз напомнить это свидетельство. Николай Бестужев показывает, что, отказавшись от прокламаций к войску, он, Рылеев и Александр Бестужев после присяги Константину ходили по городу, останавливаясь у каждого часового, останавливали каждого встречного солдата и передавали им, что их обманули, не показав завещания покойного царя, «в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба». Две ночи напролет декабристы распространяли эти слухи. «Нельзя представить жадности, с какой слушали нас солдаты, нельзя изъяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам». Нельзя не отметить, что агитаторов никто не выдал, добавим мы. Не выдал, несмотря на общую директиву задерживать «подозрительных», несмотря на наличие у караулов и часовых оружия и легчайшей возможности задержать всякого, кого бы они захотели задержать. Потаенная солдатская песня о декабристах «Собирайся, мелка чернядь» с ясностью говорила о том, что

солдатской массе были известны какие-то элементы декабристского замысла о «принуждении» Сената («царя требуют в Сенат...») [171].

Можно только удивляться, с какой быстротой разлетелись по городу в тысячах слухов сведения о ряде реальных элементов декабристского плана. Известная подготовка к этому была проведена еще в дни междуцарствия. Боровков свидетельствует, что как только пришло известие о смерти Александра, по городу уже «носились несвязные толки о конституции». О том, что у декабристов есть свои конституционные проекты, стало известно сейчас же после подавления восстания и первых допросов. «Представь себе, сочинили конституцию (верно хороша!)», — злобно писал Измайлов в одном из писем того времени [172].

Современники немедленно распространили слух, что декабристы «стали около Сената, желая захватить сенаторов» и потребовать конституцию. Очень толково передает план декабристов Гурьева-Нессельроде. Даже сидевший в Софийских казармах поручик лейб-гвардии Семеновского полка Гаккель, который записал первые дошедшие до него из Петербурга слухи, уже осведомлен во вторник 15 декабря и о конституции, и о причинах, почему войска собрались именно на Сенатскую площадь, и о плане проникнуть в Зимний дворец. Среди массы фантастических сведений и преувеличенных рассказов о силах сторон и числе жертв несомненно наличие сведений о реальных элементах революционного замысла.

Возгласы «Конституцию!» непрерывно звучали на площади,— этот факт засвидетельствован десятками самых разнообразных первоисточников.

Правительственная версия широчайшим образом распространила ходкий и легко запоминающийся анекдот о том, что солдаты, кричавшие «Конституцию!», не понимали, в чем смысл возгласа, и полагали, что конституция — это имя жены цесаревича Константина Павловича. Этот каламбур, тонко намекавший на «неизвестность» худородной с аристократической точки зрения польки Жанетты Грудзинской, широко обошел придворные круги, а отсюда проник и в литературу о декабристах. Попал этот анекдот, разумеется, и в «Записки» Николая I. Правда, он остерегся приписать его восставшей гвардии, отнеся непосредственно к «черни» (««Ура! Конституцию!» раздавалось и принималось чернию за ура, произносимое в честь супруги Константина Павловича»). «Обыграл» этот анекдот, разумеется, и Корф в своей книге «Восшествие на престол императора Николая I» [173].

Даже советские исследователи подчас являлись доверчивыми передатчиками этого анекдота, иллюстрируя им якобы полное непонимание солдатами существа дела, глубокое солдатское невежество и темноту. Заслуживает внимания, что первый протестующий против этого анекдота голос раздался из каземата Петропавловской крепости: Каховский, бывший на площади с начала и до конца восстания, гневно возражал против него в письме из крепости к генералу Левашову: «Несправедливо донесли вашему превосходительству, будто бы при восстании прошлого 14 числа декабря месяца кричали: да здравствует конституция, и будто народ спрашивал, что такое конституция, не жена ли его высочества цесаревича? Это забавная выдумка!» К свидетельству Каховского необходимо прислушаться. Оно достоверно еще и потому, что гвардия знала наизусть имена всех членов царствовавшего дома, и их родственные связи, это входило в обязательный круг обучения солдата-гвардейца. Гвардеец обязан был знать всех Романовых, их жен и детей, твердо называть степени родства и свойства с царем и обязательно узнавать членов царствующего дома в лицо (для приветствия). О Константине же и его свое-

образной жене солдаты-гвардейцы отлично были осведомлены, в частности, именно в силу своеобразия брака Константина, вызвавшего в свое время много толков. Это служит дополнительным доводом против правительственной версии [174].

А. Е. Пресняков считает анекдот «тенденциозно раздутой наивностью» и полагает, что он мог произойти от какого-то единичного реального случая. Любопытен рассказ Бутенева, якобы присутствовавшего на площади в момент рождения этого анекдота. Бутенев рассказывает, что толпа кричала: «Ура, Константин! Конституцию!» и кто-то для смеха прибавил в толпе народа: «Жену его!» «От сего хохот, слившийся с возглашением заговорщиков, служил как бы укором их затеям»,— добавляет Бутенев. Толпа в этой трактовке понимает ироничность возгласа и сама является автором каламбура. Необходимо упомянуть еще об одном — наиболее вероятном на наш взгляд — объяснении возникновения этого анекдота. Щепин-Ростовский не был членом тайного общества и в течение всего следствия отстаивал позицию своей полной непричастности к деятельности организации и ее революционной идеологии, в частности, всячески доказывал, что не был сторонником конституции, а лишь сторонником Константина. Последнее утверждение он постоянно развивал в своих показаниях, стремясь продемонстрировать перед следователями свое якобы полное равнодушие к конституции. В доказательство этого в одном из показаний он утверждал: «Самые восклицания солдат, мною приказанные: ура, да здравствует император Константин и императрица супруга его, показывают, за что я шел». Если так, то ясно, что анекдот о Конституции — супруге императора Константина — возник во время допросов на следствии из выдумки остроумного Щепина-Ростовского, который искал способа уменьшить свою огромную в глазах следствия вину (участие в выводе на площадь первого восставшего полка, ранение полкового и бригадного командиров и т. д.) непричастностью к идеологии тайного общеста и равнодушием к конституции. Члены следственного комитета поспешили ухватиться за это показание и, разорвав его связь со следствием, слегка переделав и обобщив его, сделали из него придворный анекдот, легко запоминаемый, основанный на созвучии слов (Константин — конституция) и крайне выгодный для официальной версии [175].

Однако анекдот этот, самое его наличие входит в число несомненных доказательств того, что восклицание «Конституцию!» раздавалось на площади. Именно поэтому оно потребовало своего объяснения, иначе и самый анекдот не мог бы возникнуть. Конечно, и без него свидетельств о наличии лозунга более чем достаточно — редкое показание о дне 14 декабря или воспоминание о нем обходится без указания на возгласы «Конституцию!» Таким образом, перед историком восстания возникает необходимость ответить на вопрос: кому же лозунг принадлежал, кто провозгласил его? Сами декабристы? Кто-то в толпе? Повидимому, организаторы движения, только что обходившие по ночам солдатские караулы и толковавшие с солдатами, хотя и в прикрытой форме, об отмене крепостного права и об уменьшении срока службы (т. е. о важных вопросах конституции), воздерживались от прямой формулировки лозунга на площади. По крайней мере об этом говорит письмо Каховского из крепости: «Мы очень желали бы заменить Конституцию законом и имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе: свобода! Но нами ничто не было провозглашено, кроме имени Константина» [176].

Между тем в план восстания входило важнейшей частью объявление и войску и народу полной и истинной цели восстания через «Манифест

к русскому народу», в котором объявлялось освобождение крестьян от крепостного права, «уничтожение бывшего правления», провозглашались гражданские свободы (слова, печати, вероисповедания, выбора занятий и др.) и созывался Великий собор для выработки российской конституции. Но это предполагалось сделать не в начале восстания, а после «принуждения Сената»; пока же последнее еще не совершилось, войска призывались на площадь лишь именем Константина. Однако, поскольку истинные цели восстания в важнейших моментах (ликвидация крепостного права и значительное сокращение срока солдатской службы) уже были объявлены солдатам руководителями движения во время ночных обходов Петербурга в дни междуцарствия, истинные лозунги движения уже ходили в народе.

Дворянские революционеры заняли в этом вопросе крайне противоречивую и двойственную позицию, выявлявшую их классовую дворянскую ограниченность. Боясь сразу начать с ломки старых учреждений центральной власти, они в старые формы власти (Сенат и его манифест к народу) стремились втиснуть явно новое, революционное содержание: «уничтожение бывшего правления» (а Сенат как раз был элементом этого «бывшего правления»!) и объявление о новом революционном порядке и созыве Великого собора. Декабристы сами тайно, в условной форме («завещание императора») распространяли слух о готовящейся ликвидации солдатской службы, а на площади те же руководители, если прав в своем свидетельстве Каховский, не объявляли этого явно. Все это ярко говорило о классовой ограниченности дворян-революционеров.

Но всецело ли прав Каховский? Откуда же постоянное свидетельство массы первоисточников о криках «Конституцию!» Ведь даже анекдот о «жене Константина» пришлось потом пустить в ход той же правящей верхушке, чтобы смазать этот опаснейший лозунг. Не смог же ни Николай, ни Корф «засвидетельствовать», что никаких криков о конституции не было,— а насколько легче было бы им создать лживую правительственную версию о восстании, если бы дело обошлось без этого страшного для них лозунга, смысл которого они хотели убить и для потомков почти убили созданием острого, ходкого, запоминающегося анекдота. Ясно, что лозунг «Конституцию!» был всенародно провозглашен на Сенатской площади в день 14 декабря, ясно и то, что во всяком случае первые провозгласившие его понимали значение лозунга и что подхватившие этот лозунг тоже понимали, в чем дело. Некоторые, конечно, могли и не понимать его, но объяснить лозунг словом «закон», как признает сам Каховский, было недолго.

Таким образом, кто-то обнародовал лозунг, кто-то всенародно заявил о нем раньше, нежели предполагалось по плану,— раньше «принуждения Сената» и объявления манифеста к русскому народу. Это бесспорно. Лозунг о конституции мог родиться и в толпе, где среди массы трудового народа, очевидно, были и люди, знакомые со смыслом слова. Но есть свидетельства, вновь возвращающие нас к каким-то группам самих декабристов. Среди 30 декабристов — строевых командиров восстания — были люди, которые еще перед выходом на площадь гвардейского морского экипажа уже произносили слово «закон» (этот факт приводился выше). Внимание исследователя останавливает на себе также одно существенное свидетельство «Записок» Завалишина. Сам он, как известно, 14 декабря был в Казани и в петербургских событиях не участвовал, но он принадлежит, несомненно, к числу немногих декабристов — историков дня 14 декабря: он внимательно и тщательно изучал ход событий, ставя себе сознательную цель восстановления его для потомства и уяснения причин поражения. Он собирал материал по свежим следам собы-

тий, в сибирских казематах, среди непосредственных участников восстания и даже еще «на воле», между своим первым и вторым арестами. Завалишин пишет, что среди декабристов после восстания, уже в Сибири, звучали упреки друг другу, «зачем они не провозгласили открыто настоящей цели восстания, соответственно тому, как было то предположено прежде». В ответ на эти упреки некоторые участники событий утверждали (не на следствии, а в разговорах друг с другом), что они говорили солдатам и народу на площади об истинной цели восстания. «Но,— замечает Завалишин,— если они объясняли это каким-либо кучкам солдат или народа, то это не имело никакого значения; надо было заявить цель восстания всенародно и торжественно». Конечно, в данном случае основное зерно критической мысли у декабриста правильно, но невозможно согласиться с тем, что указанная агитация «не имела никакого значения». Во всяком случае именно тут легко найти ответ на интересующий нас вопрос: провозглашенный на Сенатской площади 14 декабря лозунг «Конституцию!» пошел частично и от агитации некоторых декабристов, которые решились объяснить стоявшему около них народу и солдатам истинные цели восстания, а частично и от каких-то людей, собравшихся на площади, сочувствовавших восстанию, сразу понявших суть дела и легко разобравшихся в событиях. Таких должно было быть немало [177].

Таким образом, на Сенатской площади прозвучал один из значительнейших революционных лозунгов — лозунг устройства государства по новым законам, а каким именно, — это должна была сказать революция.

18

И восставшие солдаты, и их революционные командиры томились в вынужденном бездействии. Но все же следует отметить, что события развертывались. Напомним об их ходе.

Восстание началось около одиннадцати часов утра, а пушки загремели, как будет показано ниже, около четырех часов дня или в начале пятого. Таким образом, восстание длилось около пяти часов. В эти пять часов вместились следующие действия восставших: приход на площадь и организация боевого построения (каре) Московского лейб-гвардии полка в числе около 800 человек, что было не так легко, по признанию руководителей, так как роты перемешались и не все были в полном составе. Далее следовало выделение восставшими московцами заградительной цепи и патрулей, посылка связных в другие полки с сообщением о выходе на площадь. Затем следует появление перед восставшими московцами генерал-губернатора Милорадовича. Его обращение к восставшим, вмешательство Оболенского и Каховского, смертельное ранение Милорадовича были последующим этапом развертывающихся событий. Далее идет обращение к восставшим командира гвардейского корпуса Воинова, обращение вялое и нерешительное, но все же имевшее характер переговоров.

В это время уже начинаются лихорадочные поиски Трубецкого, строятся разнообразные предположения о причине его отсутствия; принимается решение послать Якубовича в противный лагерь для сбора информации о положении у противников и для предположительных решений, на каких действиях противник остановится, а возможно, и для акта цареубийства; Якубович «держит связь» с противником и неоднократно «переходит границу», то появляясь перед Николаем и говоря с ним, то вновь отправляясь к восставшим. В это же время или вскоре Николай предпринимает первые атаки на восставших московцев, бросая на них только что подошедшую конную гвардию. Атаки отбиты, командир од-

ного из эскадронов полковник Вельо лишился руки, есть убитые и раненые. Николай опять возвращается к мерам «кротости» и посылает для переговоров митрополитов Серафима и Евгения с дьяконами, но напрасно.

Как раз во время переговоров митрополита волнующая весть проходит по рядам восставших: идет подкрепление! Сначала подошла рота лейб-гвардии гренадер под командой декабриста Сутгофа, ее встретили с ликованием, она пристраивается (всякое военное построение требует времени!) к каре. Сразу вслед за этим ряды восставших пополняются пришедшим почти в полном составе гвардейским морским экипажем, который строится отдельной колонной к атаке. Николай, убедившись в неудаче переговоров митрополита Серафима, посылает для переговоров своего брата Михаила Павловича в сопровождении генерала Левашова, который довольно скромно и с опаской разговаривает с фасом морской «колонны к атаке», но тоже безуспешно.

Тем временем подходит основная колонна лейб-гвардии гренадерского полка, предводительствуемая Пановым (она заходила во двор Зимнего дворца). Гренадер пытается удержать от участия в восстании их полковой командир Стюрлер,— он смертельно ранен восставшими (Каховским). Николай, узнав об этом и о безуспешном исходе переговоров брата Михаила, вновь возвращается к мысли атаковать конницей восставшую пехоту. Конники идут в атаку, конная гвардия несколько раз повторяет ее, но безуспешно. Не имеет успеха и атака кавалергардов, а также конно-пионерного эскадрона. Николай, как видим, попробовал атаковать каре со всех сторон: со стороны Адмиралтейства и Исаакиевского моста, наискось со стороны Исаакиевского собора и Конногвардейского манежа (кавалергарды) и, наконец,— также наискось — с угла Сената, со стороны Невы, где был расположен конно-пионерный эскадрон. Все напрасно. Революционное каре, морская колонна к атаке и колонна лейб-гренадер устояли под натиском царской кавалерии, атаки отбиты боевым (батальонным) ружейным огнем.

Таким образом, несмотря на томительное выжидание и отсутствие единоначалия и решительных действий, восстание декабристов все же нельзя назвать просто «стоянием» или «топтанием» на месте, как нередко называют его в литературе. Восстание не «стояло», а собирало свои силы: на площадь, преодолевая значительные затруднения, стягивались восставшие полки. Преодоление различных затруднений и влекло за собой разновременность прихода полков на площадь — характерное явление дня. События на площади, как видим, все же развертывались, сменяли одно другое, требовали разнообразных действий. Конечно, каре выжидало, но на то были свои причины, существенные с точки зрения восставших и явно ошибочные, если к восстанию приложить иные требования.

Вникая в мотивы выжидания восставших в те часы, когда каре состояло из одного Московского полка, мы ясно видим, что каре ждало не только диктатора, но и присоединения новых полков. В этой связи опять-таки нужно учесть представление декабристов о плане, о желательном ходе восстания и обязательных предпосылках их действия, без этого невозможно понять происходившее.

Представление декабристов о ходе событий было, несомненно, таково: сейчас, пока Московский полк один находится на площади, очередная важнейшая задача — присоединение к нему других восставших полков. Восстание одного полка бессильно, обречено на неудачу; оно никогда и не предполагалось как достаточное: с одним полком ничего нельзя «начать»; на площади, полагали декабристы, будет или много войск, или

никого: или пример восставших рот, которыми командуют революционные начальники, увлечет за собой полки, или пример полков удержит роты — вот основная предпосылка плана сбора полков. Поэтому, если учесть точку зрения членов тайного общества, являвшихся строевыми начальниками восстания (а их во время пребывания на площади одних московцев было немного — Александр Бестужев, Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский; конногвардеец Одоевский получил под команду заградительную цепь; Якубовича, присутствовавшего на площади, в этом ряду не приходится упоминать, потому что под его командованием никаких частей не было), то станет ясен отправной пункт их концепции: пока не прибыли новые силы восставших, «начинать» нечего, надо всячески торопить прибытие новых сил и ждать их.

Оборона — смерть вооруженного восстания. «Выжидающее», бездействующее восстание дает время противникам сорганизоваться и подготовить разгром восстания. Эти общеизвестные положения марксистского учения о восстании как искусстве принадлежат позднейшему — пролетарскому — поколению революционеров. Декабристы совершенно не владели искусством вооруженного восстания и на их горьком примере русское революционное движение начало учиться этому искусству. Эта тяжелая ошибка еще раз свидетельствует об ограниченном характере дворянской революционности.

Итак, характерная для дворянских революционеров ошибка — выжидание — была, как указано выше, не просто «вообще» выжиданием, а выжиданием прихода других восставших частей. Это выжидание заняло для московцев не менее половины всего времени восстания: примерно с одиннадцати часов утра и по крайней мере до второго часа дня они находились на площади одни, и к ним еще никто не присоединялся,— и они ждали этого присоединения.

Но их противник не терял времени и успел замкнуть окружение. Наконец, новые восставшие полки пришли! Они пробились через это окружение. Силы восставших возросли между двумя и четырьмя часами дня более чем вчетверо. Теперь — с точки зрения декабристов — может быть, и могла бы наступить пора для каких-то действий. Слабым признаком улучшившегося положения и явились выборы нового диктатора. Совещания по выбору нового диктатора среди строевых начальников восстания начались примерно за час до картечи. Диктаторство предложили сначала Николаю Бестужеву как штаб-офицеру и старшему в воинском чине после Трубецкого. Бестужев, как показывает Оболенский, «представил нам, что на море он мог бы принять начальство, но здесь, на сухом пути, он в командовании войсками совершенно не имеет понятия» [178]. Во время этих колебаний и предположений о том, кому же командовать и как быть, называлось несколько имен. Есть даже смутные сведения, что кто-то предлагал принять командование отставному статскому советнику О. В. Горскому, который явился на площадь восстания в военном мундире. Но это указание, ничем серьезным не подтверждаемое, надо принять за чье-то мимолетное предположение, случайно нашедшее отражение в следственном материале. Короткое время среди царившего безначалия командующим оказался даже штатский И. И. Пущин. По крайней мере Александр Бестужев показал: «Иван Пущин был на площади, ободрял солдат и даже, когда никто не принял команды, он взял это на себя, сказав солдатам, что служил в военной службе». За час до картечи диктатором был выбран вместо отсутствовавшего Трубецкого декабрист Е. П. Оболенский. Нельзя не обратить внимания, что выбор этот в какой-то мере соответствовал воинскому уставу: место отсутствующего главнокомандующего занял начальник его штаба [179].

Оболенский был видным и хорошо известным солдатам офицером-гвардейцем: он являлся старшим адъютантом командующего всей гвардейской пехотой генерал-лейтенанта Бистрома и по характеру своей службы находился в постоянной связи с гвардейскими пехотными полками. Оболенский сам признал на следствии (причем рассказал это по собственной инициативе), что был избран диктатором; факт этот подтвержден и другими свидетельствами. Будучи избран высшим начальником, Оболенский был представлен как таковой гвардейскому морскому экипажу.

Можно перечислить следующий ряд фактов, имеющих известное отношение к действиям Оболенского как диктатора: 1) самое избрание диктатором при согласии на это избираемого; 2) объявление гвардейскому морскому экипажу, что Оболенский — диктатор, и представление его экипажу как такового (данный факт необходимо объяснить тем, что избрание происходило в каре, а моряки стояли отдельно в колонне к атаке и должны были быть отдельно оповещаемы о подобных общих решениях); 3) Оболенский, как только что избранный начальник, остановил огонь заднего фаса каре против конно-пионерного эскадрона в момент его продвижения мимо фаса; 4) Оболенский трижды пытался созвать военный совет, чтобы обсудить, что делать дальше, посылал за созываемыми товарищами, но посланные, считая положение безнадежным, действовали вяло и не могли выполнить его поручения о созыве совета; 5) наконец, Оболенский в момент разгрома каре картечью примкнул к морякам и передвинулся вместе с ними с площади в их казармы, т. е. остался в момент картечи в строю и при воинской части, которой он был объявлен диктатором и которая сохранила строй [180].

Выбор Оболенского произошел поздно. Бибиков, избитый московцами при попытке прорваться сквозь заградительную цепь в момент появления моряков на площади, уже мог сообщить Николаю, что «Оболенский предводительствует толпой». Розен не был непосредственно на площади, но, очевидно, отражая мнение декабристов, окончательно выясненное в сибирских казематах при обсуждении происшествий 14 декабря, записал в своих воспоминаниях: «Навязали, наконец, начальство князю Е. П. Оболенскому, не как тактику, а как офицеру, известному и любимому солдатами. Было в полном смысле безначалие; без всяких распоряжений,— все командовали, все чего-то ожидали, и в ожидании дружно отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и дружно отвергли обещанное помилование» [181].

19

Тем временем замкнутое Николаем окружение восставших войск, состоявшее до тех пор из конницы и пехоты, получило подкрепление артиллерией. Но приход артиллерии также не обошелся без колебаний и значительных заминок.

Николай отдал приказание послать за артиллерией, судя по его «Запискам», непосредственно перед прибытием на площадь первого отряда лейб-гренадер под командованием Сутгофа. Артиллерия прибыла на площадь после прихода отряда Панова, но без зарядов, хранившихся в лаборатории. Довольно подробно рассказывает обо всем этом эпизоде генерал-адъютант Толь, начальник штаба первой армии: он прибыл в Петербург в день восстания и встретил около Адмиралтейства, едучи из дворца на площадь, полковника артиллерии Нестеровского, идущего со своей ротой к Сенатской площади. Толь спросил полковника, имеет ли он с собой «картечи». Тот ответил отрицательно, сославшись на то, что не было «приказано их брать с собою». Николай подтвердил распоряжение

о привозе снарядов, но и этого оказалось мало: командир лаборатории полковник Челяев требовал письменного предписания, и посланник императора грозился выломать двери сараев, где хранились снаряды, если таковые не будут сразу выданы. Снаряды, наконец, получили, хотя и с большим трудом, и привезли их на площадь на извозчиках, нанятых частным образом [182].

Нельзя иначе расценить всю эту историю с задержкой снарядов, как чью-то работу в пользу восстания. Позже Корф объяснял все это как недоразумение, якобы связанное с тем, что полковник Челяев сомневался, не выдает ли он снаряды мятежной стороне, и лишь свидетельство очевидца о присяге в артиллерии рассеяло его подозрения. Против версии Корфа говорят два обстоятельства: во-первых, тесная связь лабораторной прислуги и всего персонала лаборатории с артиллерийскими казармами, во-вторых, поздний час инцидента. Дело происходило значительно позже полудня, и трудно поверить, чтобы за истекшие более чем три-четыре часа после присяги артиллерии персонал артиллерийской лаборатории все еще не знал, кто кому присягает [183].

Измайловский полк, шефом которого был Николай, прибыл поздно — там также были «беспорядки и нерешительность при присяге», крайне обеспокоившие Николая (заметим, между прочим, что в течение всего дня 14 декабря Николай был в мундире Измайловского полка). Полк прибыл почти одновременно с приходом на площадь отряда лейб-гренадер под командой Панова и появлением артиллерии с императорской стороны. Николай велел измайловцам при себе зарядить ружья и направил полк под командой командира бригады генерал-майора Мартынова на площадь, «велев поставить в резерв, спиной к дому Лобанова». Последним из правительственных войск в распоряжение Николая поступил лейб-гвардии Егерский полк (сосед Московского по смежным казармам). Декабристы «на Егерский полк полагались по уверениям Арбузова». Арбузов на следствии показал, что слышал от Акулова, «будто бы егерские солдаты говорят, что ежели будут заставлять их переменять присягу, то они готовы на все». Николай, мало доверявший егерям, поставил их за пешей гвардейской артиллерийской бригадой на площади против Гороховой. К этому надо добавить, что вход на Английскую набережную у Сената был закрыт двумя эскадронами конно-пионер и что один конно-пионерный взвод находился на Галерной. Так было окончательно завершено и закреплено окружение императорскими войсками революционного каре и морской колонны к атаке [184].

Спор о том, кому принадлежит «приоритет» в решении пустить в дело картечь,— самому Николаю, Васильчикову или Толю, имеет мало значения, хотя, несомненно, решается «в пользу» Николая. Толь в своих воспоминаниях-дневнике упорно отстаивает свое первенство, отнимая инициативу у Васильчикова, но признавая лишь «совпадение» своих мыслей с царскими. Николай в своих «Записках» подчеркивает вынужденность решительных мер и охотно делает Васильчикова инициатором картечи. Корф становится на сторону Толя. Поскольку именно Николай послал за артиллерией (причем не за конной, в которой были заминки при присяге, а за более надежной пешей), надо думать, что вызывал он ее не для парада, а для действия. Было бы «справедливее» всего отдать инициативу ему.

Перед картечью имела место посылка к восставшим последнего «парламентера» — начальника всей гвардейской артиллерии генерал-майора Сухозанета, ненавидимого в войсках. Сухозанет уже не имел поручения разъяснять «законность» присяги — речь шла лишь о последнем предложении сдаться. Как поясняет Николай, Сухозанет был послан «объявить

им (восставшим.— *М. Н.*), что ежели сейчас не положат оружия, велю стрелять» (подразумевается картечью). По Корфу, в Сухозанета также последовали выстрелы, от которых посыпались перья с султана на его шляпе. Правда, письмо генерал-адъютанта Философова, которое послужило Корфу основанием для дополнений его рукописи, передает последнюю деталь не в столь романтической форме: Сухозанет явился к царю с докладом о выполненном поручении вообще «без султана на шляпе». Но существеннее другое. Сутгоф вносит поправку к Корфу: «Сухозанет не доехал до фронта гвардейского экипажа, остановил лошадь, хотел что-то сказать, но только что его узнали, со всех сторон закричали ему — «Подлец!», и в ту же минуту его превосходительство лег на лошадь и помчался обратно: выстрелами его не удостоили». К словам Корфа о докладе Сухозанета царю: «Ваше величество, сумасбродные кричат «Конституцию!»», Сутгоф вновь замечает на полях: «Кричали подлеца!». Эта поздняя запись Сутгофа перекликается со свидетельствами на следствии о том, что Сухозанету, подъехавшему с последним предупреждением, «громогласно прокричали подлеца». Так пишет и Александр Бестужев в своих воспоминаниях о 14 декабря. Штейнгель показал, что при появлении Сухозанета, когда часть солдат намеревалась в него стрелять, другая кричала: «Не троньте его, это подлец Сухозанет!» Как истолковать последние слова? Почему же нельзя трогать подлеца? Казалось бы, наоборот. Повидимому, можно дать только одно объяснение: подлеца надо оставить в живых, чтобы потом судить его. Розен кратко пишет, что Сухозанета «спровадили и сказали: «стреляйте» »[185].

В воспоминаниях Толя имеется указание, что после Сухозанета к каре якобы еще посылался бригадный командир 3-й бригады 2-й гвардейской дивизии генерал-майор Мартынов с тем же предупреждением. А. Е. Пресняков, положившись на Толя, включил этот эпизод в свой рассказ о событиях 14 декабря. Можно сильно усомниться в этой детали: о посылке Мартынова после Сухозанета больше нет нигде никаких достоверных сведений. О нем не упоминает ни Николай, который не мог бы забыть о последнем парламентере, ни Михаил Павлович, ни Евгений Вюртембергский, вообще никто из наилучше осведомленных о ходе мероприятий правительственной стороны. Повидимому, или Толь спутал Сухозанета с Мартыновым (он ничего не упоминает о Сухозанете), или же эта деталь является его вымыслом. Заметим, что посылка именно Сухозанета как начальника артиллерии гвардейского корпуса с предупреждением о последующей артиллерийской пальбе вполне понятна. Но почему командовавший в тот момент пехотным Измайловским полком генерал Мартынов должен был еще раз обратиться с тем же предупреждением — остается неясным. Повидимому, «парламентера» Мартынова вообще не было[186].

Последнее пополнение восставших — колонна лейб-гренадер под командой Панова — подошло, по свидетельству Сутгофа, непосредственно к каре и именно в тот момент, когда промерзшие московцы «столпились в середину каре» и были в беспорядке. Пришедшие лейб-гренадеры соединились с первой гренадерской ротой Сутгофа и «заняли остальные три фаса каре». Заметим, что это свидетельство Сутгофа противоречит правительственной карте, упоминавшейся выше[187].

Атаки гвардейской конницы приостановились. «...Мы были окружены со всех сторон,— пишет Александр Бестужев в своих воспоминаниях.— Бездействие поразило оцепенением умы, дух упал, ибо тот, кто на этом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атаки на нас и стрельба наша прекратились; ура солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели

что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны, и батарея артиллерии стала между ними с разверзнутыми зевами, тускло освещаемая серым мерцанием сумерек» [188].

Но все же в этот момент, несмотря на замкнутое окружение и почти безысходное положение, надежда все-таки еще не совсем покинула декабристов: картечь прогремела как раз в тот момент, когда Пущин обернулся к Александру Бестужеву и сказал, что «надобно еще подождать темноты... — тогда, может быть, перейдут кой-какие полки на нашу сторону...» [189].

Николай принял решение стрелять картечью именно в связи с нарастанием событий: только что к восставшим прибыло пополнение, увеличившее их численность почти вчетверо; «бунт» явно нарастал; быстро наступавшая темнота грозила и тем, что «бунт мог сообщиться черни». Он, собственно говоря, уже сообщился ей. Кроме того, перебежка войск на сторону восставших, усиление состава восстания переходящими на его сторону полками было немалой и вполне реальной угрозой. Гвардейские конники не смогли разогнать восставшую пехоту, державшуюся стойко. Таким образом, Николай принял решение о применении картечи в обстановке явно нараставшей опасности [190].

Уже стемнело,— солнце заходило в этот день без двух минут три [191].

Характеристика замеченной Николаем опасности была бы неполна без анализа одной фразы его «Записок», постоянно цитируемой, но остающейся без развернутого комментария: «Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни и тогда о к р у ж е н н ы е ею войска были б в самом трудном положении» (подчеркнуто нами.— *М. Н.*). Ясно, что в этой фразе речь идет об императорских войсках; «трудное» же положение их состояло бы в том, что они были бы окружены «чернью». Дело в том, что петербургская «чернь» продолжала прибывать к площади и после того, как Николай замкнул окружение, но теснилась она теперь уже сзади кольца императорской гвардии, стянутой к месту восстания и окружая его. Теперь уже стекавшемуся к площади народу нельзя было пробиться к самому месту происшествия через расставленные Николаем гвардейские полки — более 10 тыс. человек в военном строю. Та же «чернь», которая успела прийти на площадь до окружения, продолжала оставаться внутри кольца — между гвардией и каре. Правда, ее численность все же несколько уменьшилась стараниями полиции, которая проталкивала народ через Исаакиевский мост на Васильевский остров, о чем упоминается в «Записках» Розена. Но все же оставалось достаточно народа и внутри кольца окружения.

Эта часть вытесненного с середины площади за кольцо окружения народа в свою очередь не уходила, а вливалась во второе кольцо народа, становившееся все более густым за кругом императорской гвардии. Николай во время неоднократных объездов своих войск по тыловой линии мог лично убедиться в том, что в то время, когда он окружал каре, народ в свою очередь образовал два кольца, окружавшие его окружение: внутреннее, стоявшее перед каре, и внешнее, охватившее тыл императорских войск. Так значителен, оказывается, смысл этой царской записи.

Час стрельбы картечью, а стало быть, и время конца восстания определяется довольно точно: около четырех — начала пятого.

Когда Михаил вернулся после своих безуспешных переговоров, «был уже третий час», как отмечает Николай в своих «Записках». Далее следовали еще кавалерийские атаки на каре, длительные хлопоты по привозу артиллерийских снарядов (по показанию флигель-адъютанта Дурново, их привезли «в пятом часу») и подготовка орудий к выстрелу. Дурново в своем дневнике записал, что пальба картечью началась в пятом

часу вечера, а в шесть часов Сенатская площадь была уже полностью очищена и «бунтовщиков» уже «не было в помине». Сенатор Дивов также относит картечь к пятому часу вечера, о том же единогласно свидетельствуют очевидцы Телешов и Бутенев.

По записи императрицы Марии Федоровны, Николай вернулся во дворец около шести часов вечера. По свидетельству современников, «пальба продолжалась с час». Это еще раз подтверждает, что первые выстрелы картечью раздались около четырех или в начале пятого. В это время, по всеобщему свидетельству, уже стемнело. Чиновник Сербинович, биограф Карамзина, видел, как каждый новый выстрел освещал «огнем своим окрестные здания», а видеть это можно было только в темноте [192].

Царская, уже обреченная историей старая Россия стреляла картечью в первое в истории России восстание против самодержавия, стреляла в то неодолимое новое, которое хотя и оказалось в тот момент более слабым, но за которое было будущее. «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа»,— пишет Карамзин, и исследователям его исторической концепции не следует забывать этих страшных, разоблачающих Карамзина слов.

Одно орудие первой легкой пешей батареи Николай послал, как уже говорилось, к Михаилу Павловичу — к стороне Конногвардейского манежа и канала, а остальные три орудия поставил перед Преображенским полком, наискось от дома Лобанова к Сенатской площади. Командовал этими тремя орудиями гвардии штабс-капитан И. Бакунин. После того, как предупреждение Сухозанета осталось безрезультатным и под крики «подлец» он должен был с позором скрыться, Николай отдал приказ о стрельбе. Однако после царских слов: «Пальба орудиями по порядку, правый фланг, начинай, первая...»—выстрела не последовало, хотя приказ и был повторен Бакуниным. Солдат-артиллерист не решился вложить запал. «Свои, ваше благородие...»,— отвечал он подбежавшему Бакунину. «...Человек, у которого еще было живо чувство связи народной»,— пишет об этом солдате-артиллеристе Н. П. Огарев. Как передают современники, Бакунин выхватил фитиль у фейерверкера и сам сделал первый выстрел [193].

На этот первый выстрел картечью «мятежники», как пишет Николай I, ответили «неистовыми криками и беглым огнем». Розен пишет, что на первый залп картечью восставшие отвечали ружейным залпом и криками «ура!». Бутенев даже запомнил, что число ответных залпов будто бы было «сряду три». Адъютант Бенкендорфа Голенищев-Кутузов записал, что «мятежники не двигались» в ответ на первый залп картечью, а анонимный очевидец событий свидетельствовал: «Убийственные орудия бросают тучи картечи, враги отпаливают из ружей» . Другой очевидец — англичанин — также запомнил, что после картечи «мятежники дали несколько залпов по войскам» [194].

«Первая пушка грянула, картечь рассыпалась,— пишет Александр Бестужев,— одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетом снег и пыль столбами, другие вырвали несколько из рядов фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского дома и на крышах соседних домов. Разбитые окна зазвенели, падая на землю, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижно. С первого выстрела семь человек около меня упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения — столь жестоко поражала картечь на этом расстоянии» [195].

При втором выстреле картечью каре дрогнуло, заколебалось, падали убитые и раненые. По впечатлению Толя, «по второму [выстрелу] начали бунтовщики отступать по Крюкову каналу, по Галерной улице и по Аглин-

ской набережной». Толпа хлынула в устье этих улиц вместе с отступающими войсками. На снегу площади осталось много трупов — мертвые солдаты и люди из толпы. Были раненые и убитые женщины. «В промежутках выстрелов можно было слушать, как кипящая кровь струилась по мостовой, растопляя снег, потом сама, алея, замерзала», — пишет Александр Бестужев [196].

Число выстрелов картечью различно запомнилось современниками. Приведем подсчет, сделанный самим Николаем, который специально выправил соответственное место в книге Корфа: «Всего с перьвой (sic!) позиции у меня сделано три выстрела, — писал Николай, — и у Михаила Павловича два, из которых второй по бегущей толпе вдоль Крюкова канала, где ныне Конногвардейский бульвар. Затем я велел взять вперед на передки и вновь [зарядить] у монумента [Петра I], откуда сделать опять два выстрела по бегущей толпе по Неве». Сделав этот подсчет, Николай почему-то приходит к выводу, что выстрелов было сделано всего пять. Очевидно, он согласен считать лишь первые указанные выстрелы — три свои и два у Михаила. Но так как нет никаких оснований исключать последние два выстрела, сделанные от памятника Петру I (по толпе и, как увидим ниже,— и по вновь выстроившейся на льду колонне восставших войск), то надо считать, что всего было сделано не менее семи выстрелов картечью [197].

Радиус обстрела был сравнительно велик. Не только здание Сената сохранило на себе многие следы картечи, но и в Академии художеств, расположенной на Васильевском острове, некоторые окна по 4-й линии были выбиты и через стеклянный купол мастерской Толстого (медальера) пролетали картечные пули. В квартирах преподавателей Академии были раненые. На Казанской улице, по свидетельству купца Полилова, картечью убило чиновника, смотревшего в окно [198].

Официальному подсчету жертв 14 декабря (около 80 трупов на площади) верить, конечно, нельзя. Даже лица царствовавшего дома, не склонные к расхождению с официальной версией, дают бо́льшие цифры. Евгений Вюртембергский говорит о «нескольких сотнях» невинных жертв картечи. Сенатор Дивов говорит о 200 человеках. Бутенев, склонный преуменьшить бедствие, пишет о том, что «молва» насчитывала «до 300 душ убитых и раненых». Речь идет, разумеется, о тяжело раненных, которые вынуждены были оставаться на месте и не могли скрыть своих ран. Все более или менее легко раненные стремились скрыться, так как одно наличие раны уже было доказательством участия в событиях. Что же касается правительственных войск, то на основании сохранившейся довольно странной ведомости о числе «людей и лошадей», убитых и раненых 14 декабря, числится убитыми лишь два человека, раненых — 33, из них на 24 декабря 1825 г. умерло от ран двое. Очевидно, речь идет лишь о подсчете конников-гвардейцев, пытавшихся разогнать восстание [199].

По свидетельствам, собранным Н. Поповым, известно, что, очищая по правительственному приказу площадь и лед Невы, полиция сбрасывала не только трупы, но и раненых в проруби.

Однако картечь не сразу положила конец сопротивлению «мятежников». Дважды декабристы пытались восстановить боевое построение и под градом картечи.

Михаил Бестужев остановил бегущие войска и стал строить их повзводно на льду Невы, несмотря на свистевшие над головами пули. Спустившись на Неву, «остановил солдат и с помощью моих славных унтерофицеров начал строить густую колонну с намерением идти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее. Если бы это удалось, мы имели бы прекрасный point d'appui, куда бы могли собраться все наши и

откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры, при пушках, обращенных на дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лед и прыгая рикошетами вдоль реки. Я оборотился назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из нее то ряд справа, то слева. Солдаты не унывали, и даже старики подсмеивались над молодыми, говоря им, когда они наклонялись при визге ядер: „Что раскланиваешься? Аль оно тебе знакомо?"» Об этом же построении находим мы свидетельство и у Розена. Построение этой колонны на льду Невы засвидетельствовано и в правительственных источниках. Даже Корф вынужден сквозь зубы процедить, что от памятника Петру I артиллерия «сделала еще два выстрела по скопищу, начинавшему было снова выстраиваться в некотором порядке на льду Невы» [200].

Михаил Бестужев говорит, что колонна уже была почти построена, как вдруг раздался крик: «Тонем!» Он увидел огромную полынью, в которой тонули солдаты. Лед под тяжестью собравшихся людей, разбиваемый ядрами, не выдержал, треснул и осел вниз. «2 взвода рухнули в воду», свидетельствовал позже М. Бестужев. Уцелевшие солдаты выбрались на берег к Академии художеств, попытались было закрепиться, но были рассеяны несшимся во весь опор эскадроном кавалергардов [201].

Вторая попытка построения бегущих под обстрелом принадлежала Николаю Бестужеву. В своих воспоминаниях он рассказывает, как он с братом Александром в узком входе в Галерную улицу остановили несколько десятков человек, «чтобы в случае натиска конницы сделать отпор и защитить отступление». Но продолжающиеся картечные выстрелы положили конец и этой попытке [202].

Добавим к этому, что декабрист Панов уже под вторым выстрелом картечи «старался удержать» рассыпавшихся людей. Некоторые декабристы остались на площади под градом картечи. К их числу, например, относятся Щепин-Ростовский, приведший Московский полк, и Сутгоф, приведший лейб-гренадер. Отметим, что и солдаты и некоторые лица из толпы думали под градом пуль не о себе. Сутгоф рассказывает, что лейб-гренадеры уговаривали его скрыться, и «он отвечал, что этого никогда не сделает и что к тому же их жалованье у него в кармане». Солдаты сказали тогда, что они без жалованья обойдутся, лишь бы он не попал в руки правительства. Минут за пять до картечи, как показывает Панов, какой-то неизвестный человек предложил ему свою «партикулярную» шинель, чтобы он мог незаметно скрыться. В этой шинели и ушел Панов с Сенатской площади [203].

Восстание было разгромлено.

20

Облава на участников восстания началась сейчас же после того, как Сенатскую площадь «очистили» картечью. Будущему шефу жандармов генерал-адъютанту Бенкендорфу во главе шести эскадронов конной гвардии было поручено «сбирать спрятанных и разбежавшихся», как пишет Николай в своих «Записках». Бенкендорф орудовал «на сей стороне Невы», а на Васильевском острове то же поручение исполнял генерал-адъютант Алексей Орлов (брат декабриста), которому под команду был дан гвардейский конно-пионерный эскадрон.

По приказанию полиции все ворота и двери давно были заперты и большие толпы восставших, бежавших вдоль улиц, окружались и арестовывались войсками, отряженными для облавы. Кое-где случайно или не случайно отворенные ворота и двери принимали беглецов. Так, большая

группа их укрылась было во дворе Академии художеств. Группа бежавших солдат пряталась некоторое время во дворе, где жил священник Виноградов. Сорок солдат успели спрятаться в погреб Сената, где вскоре и были арестованы. У прорубей на Неве находили наскоро сброшенные солдатские мундиры и шинели. Четверо рядовых, переодетых в крестьянское платье, допрашивались в Зимнем дворце генералом Левашовым уже вечером 14 декабря после торжественного молебна. Ведь кто-то дал им это крестьянское платье [204].

Раскрывались двери и перед офицерами — участниками восстания. Николай Бестужев вместе с двумя другими беглецами вошел в «полуотворенные ворота» одного из домов на узкой Галерной улице. Все трое были укрыты хозяином дома, который велел запереть все засовы и напоил декабристов чаем. Хозяин укрывал Николая Бестужева в своем доме до позднего вечера, хотя тот и сказал ему, что входит в число офицеров, которые привели на площадь восставшие войска. Сам хозяин дома (имени его Николай Бестужев так и не назвал) находился в толпе на Сенатской площади, наблюдал за всем ходом восстания и полагал, что требования восставших «были очень справедливы» [205].

Отряженные для облавы войска сгоняли «пленных» на Сенатскую площадь, где строили их рядами для отправки в Петропавловскую крепость. Эта трагическая колонна «пленных», выстроенная у памятника Петру, не может быть забыта историком 14 декабря. Но обычно о ней ничего не пишут в работах, посвященных дню восстания.

В письме к Константину Николай писал, что захваченных солдат было около 500 человек, но число это явно преуменьшено: сохранилась «Ведомость о числе нижних воинских чинов лейб-гвардии Московского и гренадерского полков и гвардейского экипажа, помещенных для содержания в казематах в Санктпетербургской крепости», датированная 20 декабря 1825 г. В ней числится 680 человек. В тюрьму «многих везли в санях раненых»,— пишет Комаровский. Колонну пленных, очевидно, не случайно конвоировал в Петропавловскую крепость тот самый специально подобранный Семеновский полк нового состава, который был сформирован вместо восставшего в 1820 г. Семеновского полка. Декабристы недаром не рассчитывали на этот полк, строя свои планы и готовясь к восстанию [206].

Охрану центральной части города Николай поручил генерал-адъютанту Васильчикову, под командой которого были Семеновский полк, два батальона Измайловского, сводный батальон Павловского и Московского полков (имеется в виду не участвовавшая в восстании часть московцев), а также два эскадрона конной гвардии и четыре орудия конной артиллерии. Охрана Васильевского острова после розысков и поимки участников восстания поручалась также Бенкендорфу, которому к шести прежним эскадронам конной гвардии придавались еще батальон Финляндского полка и четыре орудия пешей артиллерии. Петербург имел вид завоеванного врагами города. Всюду на улицах были войска, на Сенатской площади, на месте революционного каре, где только что дворники засыпали свежим снегом следы крови, чернели ряды конной гвардии. Вход в Гороховую улицу охраняли два батальона лейб-гвардии Егерского полка и четыре эскадрона кавалергардов. У Малой Миллионной, у Большой Миллионной, у казарм Преображенского полка и на Большой Набережной у театра были расставлены пикеты егерей и тут же две пушки. Против углов Зимнего дворца, выходящих на Неву, были поставлены батареи: восьмипушечная и четырехпушечная. Парадный подъезд Зимнего дворца с набережной охранял целый батальон Измайловского полка, а левее, против угла дворца, расположились два эскадрона кавалергардов. На самой Дворцовой площади, тылом к дворцу стоял Преображенский полк и при нем че-

тыре пушки. Во дворе Зимнего дворца стояли оба гвардейских саперных батальона и первая «гренадерская» рота. Ничто не может красочнее изобразить страха Николая перед революцией, как эта «диспозиция» в ночь на 15 декабря, изложенная нами по его «Запискам». Посылая генерал-адъютанта Комаровского в Москву с распоряжениями о присяге, Николай на вопрос, тотчас ли ему возвращаться, отвечал: «Желал бы, но как богу будет угодно». Разгромив восстание картечью, он еще ощущал декабристов как неубитую, живую, действующую силу! По сведениям, занесенным в дневник сенатора П. Г. Дивова, правительство ждало новой вспышки, и в арсенале спешно изготовляли снаряды, начиненные картечью [207].

Анонимный очевидец описал вид города после подавления восстания: «В 7 часов вечера я отправился домой, и вот необычайное в С. Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят пикеты, у всякого пикета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики часовых, пушки, обращенные жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнаженных мечах кавалергардов и треск горящих дров, все это было наяву в столице...». Он вспоминал и о «простреленных стенах Сената, выбитых рамах частных домов по Галерной улице...» [208].

Поздно вечером несколько декабристов собрались на последнее совещание в квартире Рылеева. На совещании присутствовали Рылеев, Каховский, Оржицкий, Штейнгель, Батеньков. Полный список его участников установить трудно: это было одно из тех конспиративных собраний, о которых декабристы старались не говорить на следствии. Они договаривались, как держать себя на допросах, прощались друг с другом. Отчаянию участников восстания не было границ — гибель всех замыслов была очевидна. Рылеев взял слово с Н. Оржицкого, что тот сейчас же отправится во вторую армию и известит Южное общество, что «Трубецкой и Якубович изменили...» [209].

В тот же вечер 14 декабря к некоторым декабристам приезжали сочувствующие друзья, не бывшие участниками тайных обществ, и предлагали свою помощь по сокрытию нужных бумаг. К И. И. Пущину приехал друг Пушкина поэт П. А. Вяземский и взял у него на хранение запертый портфель, содержавший копию Конституции Никиты Муравьева, переписанную рукой К. Ф. Рылеева, рукописи стихов А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева и А. А. Дельвига. Тридцать два года хранился портфель у П. А. Вяземского, избежав захвата жандармами Николая I. Осенью 1856 г., когда И. И. Пущин вернулся из Сибири после отбытия срока каторги и поселения, портфель вернулся к нему. Не все поступали таким образом: когда вечером 14 декабря декабрист Корнилович просил Илью Львова передать участнику событий—подпоручику Измайловского полка Кожевникову несколько тысяч рублей, Львов побоялся это сделать и ответил отказом [210].

«Немного спустя после полуночи» Николай уже отдавал приказ об аресте К. Ф. Рылеева тому самому флигель-адъютанту Дурново, который по трусости не решился переговорить с «мятежниками» на площади. В ночь на 15 декабря в Зимний дворец стали свозить арестованных. Первое открытое сражение, которое молодое русское революционное движение дало старому строю, было проиграно.

Священник Виноградов еще 15 декабря видел на Сенатской площади многочисленные кровавые пятна. Он не решился написать эти слова по-русски и написал по-латыни: «Sanguinis multa signa». Дворники засыпали кровь свежим снегом. По приказу Николая спешно штукатурили сенатскую стену, изрешеченную пулями [211].

21

Обобщим теперь особенности хода событий на Сенатской площади. Ответим себе прежде всего на вопрос, правильно ли распространенное представление о «стоячем» восстании? Обычно события в схематическом виде представляются таким образом: утром на площадь собрались три полка и стояли в течение четырех-пяти часов, пока их не расстреляли картечью — то ли дожидаясь диктатора, то ли вообще не зная, что предпринять. Факты показывают, что с этой неправильной схемой необходимо расстаться,—она в корне ошибочна. Речь должна идти не о «стоянии» собравшихся полков, а о процессе сбора восставших полков на площади, о процессе их соединения, концентрации сил восстания. Этот сбор был очень медленным и трудным. Полки пришли на площадь разновременно. Николай разгромил не «стоячее», а численно возрастающее восстание.

Вникнем в представление самих декабристов о причинах их «бездействия» на Сенатской площади. Как они сами поясняли себе свою пассивную позицию? Чтобы лучше разобраться в этом, учтем, что в те примерно пять часов, которые длилось восстание, в нем сменились две существенно отличных одна от другой ситуации. Первая длилась те часы, когда на площади находился только один полк — Московский. В это время, покуда не соберутся все силы восстания, не примкнут другие полки, собственно, и не предполагалось начинать действия. Никто не думал, что может возникнуть положение, когда на площади в течение двух или двух с лишним часов будет только один восставший полк или, точнее говоря, даже лишь часть одного полка — около 800 человек. Представляя себе накануне ход событий, декабристы совершенно не обдумали этой ситуации, считая ее нереальной. Все их показания о предполагаемом ходе событий пронизаны мыслью: или полков соберется много, или вообще полки не соберутся.

Начинать действовать предполагалось, разумеется, сомкнутыми силами. Взятие Якубовичем Зимнего дворца рассматривалось как часть общего плана, но даже эта часть должна была осуществляться более чем двумя полками — гвардейским морским экипажем и измайловцами, поддержанными конно-пионерным эскадроном. Следовательно, согласно этой концепции, наличие на площади только одного полка принуждало к выжиданию. По мнению декабристов, необходимо было ждать присоединения новых частей для действия.

Во время этой первой ситуации отсутствие диктатора сначала могло и не вызывать особых волнений: во-первых, диктатор на то и диктатор, чтобы знать, где ему находиться и что предпринимать. Может быть, он уже ведет переговоры с Сенатом? Во-вторых, он вообще должен появиться на площади только тогда, когда соберутся полки, они же пока еще не собрались.

Именно в это время, пока на площади был только один Московский полк, и заглядывал Трубецкой на Сенатскую площадь, что засвидетельствовано наблюдениями Николая, который видел Трубецкого. Таким образом, Трубецкой тоже по-своему «ждал», и легко допустить некоторые колебания в его «мнительной» душе: если, мол, много полков придет, тогда еще, может, и возглавлю восстание.

Но время шло, а полки не шли. Прошло не менее, а вернее всего, более двух часов. Сенат был пуст, и входить в Сенат с требованиями было бесцельно. Первая продуманная и наиболее «законная» с виду ситуация терялась сама собой, и план действий, очевидно, надлежало резко перестроить в более активной и более революционной форме. Но диктатора

нет, а полк только один, «начинать» что бы то ни было не с кем. Наивное представление некоторых декабристов, что Сенат можно собрать «восклицаниями», явно не соответствовало действительности: восклицаний было сколько угодно, вся площадь гудела от криков, но Сенат и не думал собираться.

В конце этой первой ситуации резко нарастает тревога, а затем прямое негодование на обман диктатора, и, конечно, у декабристов — военных людей — не мог не возникнуть вопрос о выборе нового диктатора. Но по концепции восстания, принятой декабристами, все же надо было еще «ждать» прихода новых сил. Из кого же выбирать и над кем командовать? Московский полк на площади имел своих начальников. Ни один из них — ни Александр, ни Михаил Бестужевы, ни тем более Щепин-Ростовский — не рассматривали и не могли рассматривать себя как кандидатов в диктаторы. По их представлению, диктатор выбирался голосованием. Чье-либо предположение о возможности захватить в этот момент диктаторство они восприняли бы как тяжелое обвинение, даже рассматривали бы как оскорбление, нанесенное их чести. Согласно их пониманию вещей, они не претендовали быть руководителями и гордились тем, что соглашались быть в военном подчинении избранного начальника.

Как держало себя революционное каре в эти трудные первые часы? Геройски. Нельзя дать иного ответа. Оно не дрогнуло перед генерал-губернаторскими уговорами, оно решительно смело со своего пути Милорадовича — эту препятствующую силу, оно презрело уговоры начальника всей гвардейской пехоты генерала Воинова, оно не склонилось перед митрополитом с крестом в руках. Заградительная цепь восставших прекрасно выполняла на площади свою задачу: через нее, повидимому, не удалось пробиться ни свитским офицерам, ни жандармам, ни Бибикову, ни первоначально самому Милорадовичу. Наконец, будучи одни на площади, московцы геройски отразили атаку или атаки конной гвардии — натиск тысячи первосортных конников, двинувшихся на их ряды.

Декабристы-начальники в этот момент вели себя, несомненно, стойко. Каховский убил Милорадовича, Оболенский штыком повернул лошадь генерал-губернатора и ранил его, прервав его речь к войскам. Оболенский — начальник штаба — вообще был активной и в известной мере централизующей силой. Мы видим его во все решительные и трудные моменты восстания: он совершил быстрый и целенаправленный объезд казарм еще до рассвета, причем загнал лошадь и переменил ее. Он был полностью осведомлен о том, как идет присяга. Он был на своем месте во время переговоров Милорадовича и резко прервал их, он — налицо во время переговоров митрополита, он прервал и эти переговоры. Он активно и решительно охраняет стойкость, боеспособность каре восставших. Надо думать, что разведка Якубовича тоже организована была с его согласия. Таким образом, у Оболенского была явно стойкая и последовательная линия поведения.

Каховский, убивший Милорадовича и ранивший свитского офицера, активно вмешавшийся в проповедь митрополита, явно хотел «искупить» свой утренний в известной степени обоснованный отказ от цареубийства. Можно сказать, что пуля, предназначенная для Николая, полетела в Милорадовича. Каховский, сверх того, ездил связным в гвардейский морской экипаж, побуждая его к выходу. Каховский немало сделал и для выхода лейб-гренадер, недаром же он воскликнул: «Каков мой Сутгоф!», когда первая рота лейб-гренадер влилась в ряды восставших.

А Рылеев? Его полномочия как фактического начальника штаба подготовки восстания, естественно, истекали в предрассветные часы. Он, по

давно задуманному плану, уступал место избранным революционной организацией военным руководителям с диктатором во главе. Все было задумано и устроено именно так, что на площади все полномочия передавались диктатору. Рылеев не мог и не имел права, с точки зрения декабристов, диктаторствовать на площади. С утра он держал самую тесную связь с Трубецким. Еще затемно Трубецкой был у него, и потом Рылеев с Пущиным поехали к нему. Рылеев был полностью в курсе событий, не имея возможности знать лишь об одном и самом главном — об измене Трубецкого. На площади некоторым слабым отблеском, «последействием» его прежней роли является его участие в посылке Якубовича на разведку, его хлопоты о связи с другими полками. Он сыграл активную роль в выводе на площадь лейб-гренадеров. А дальше он «побежал искать Трубецкого» и больше на площади не появлялся — все искал его! Сколько трагизма в этом свидетельстве. И каким поклепом на этого выдающегося дворянина-революционера является домысел одного из позднейших исследователей, по которому вся трагедия Рылеева заключалась якобы в том, что «Рылеев-революционер выкипел в словесном пламени предыдущих дней» [212] — дней разработки плана восстания! Разве дело было в том, что он много ораторствовал? Да он всю бы кровь свою отдал, чтобы «найти» Трубецкого, восстановить задуманный ход событий, во имя которого он давно хотел отдать и действительно отдал свою жизнь. Он предвидел свою гибель и думал, что «все-таки надо». История показала, что он был прав.

Между часом и двумя на площади создается вторая ситуация, резко отличная от первой. По всему видно, что эта ситуация несколько короче первой по времени. Первая длится более двух часов, с одиннадцати часов утра до второго часа дня; вторая длится несколько более двух часов — со второго часа дня примерно до четырех — начала пятого, кончаясь появлением артиллерии в царском окружении и картечью.

Отличие второй ситуации от первой создается приходом новых восставших войск. Пришло два новых полка: почти в полном составе гвардейский морской экипаж — свыше 1100 человек и лейб-гвардии гренадеры — около 1250 человек, всего не менее 2350 человек, т. е. сил прибыло в общей сложности более чем втрое по сравнению с начальной массой восставших московцев (около 800 человек), а в целом число восставших увеличилось вчетверо [213]. Впервые между часом и тремя возникает долгожданная ситуация сбора войск. Это увеличение сил восставших отражено в факте выбора нового диктатора. По концепции восстания выбор нового диктатора, собственно, и мог быть совершен только после сбора восставших войск на условленном месте.

То, что декабристы предполагали совпадающим или почти совпадающим во времени (прибытие на площадь отдельных восставших полков), реально оказалось резко разорванным во времени, отделенным друг от друга двумя или более часами. Создалось даже вообще совершенно непредвиденное и противоречившее концепции декабристов положение: на площадь пришли присягнувшие Николаю полки (лейб-гренадеры).

Почему же произошло это непредвиденное запоздание сбора воинских частей? О трудностях, создавшихся в связи с выводом новых частей, уже говорилось. Отказ Якубовича, казалось, срывал весь план выхода моряков, но своевременные распоряжения Рылеева в известной мере восстановили разорванное звено: моряков вывел Николай Бестужев. Для вывода моряков пришлось силой освободить из-под ареста их командиров. Должен ли был Николай Бестужев полностью восстановить функцию Якубовича, т. е. вести матросов на захват Зимнего дворца? Очевидно, он не имел никаких иных поручений, нежели те, какие выполнил:

вывести моряков и влить их в число участников восстания. Моряки, следуя правилам военного устава, «спешили на выстрелы». Все дальнейшее зависело от воли диктатора. Поздний выход моряков, таким образом, вполне объясняется чрезвычайно сложной ситуацией, создавшейся в казармах, неявкой Якубовича, сменой предводителя, арестом начальников восставших частей, их освобождением.

Поздний выход лейб-гренадер (после присяги) имеет также свои мотивы, разобранные выше. Учтем и дальность расстояния гренадерских казарм от Сенатской площади. И матросы (отчасти) и лейб-гренадеры, особенно последние, не просто пришли на Сенатскую площадь, а явно пробились через плотное кольцо окружения императорской гвардии. Противопоставление восставших сил императорской России было очень резким, их антагонизм был фактически выявлен очень отчетливо.

Но именно в момент сбора полков, когда, согласно концепции декабристов, и можно было что-то предпринять и «начать» действовать, — действовать было уже поздно. Окружение правительственными войсками, более чем втрое превосходившими восставших по численности, было уже завершено. По подсчетам Г. С. Габаева, против 3 тыс. восставших солдат было собрано 9 тыс. штыков пехоты, 3 тыс. сабель кавалерии, итого, не считая вызванных позже артиллеристов, не менее 12 тыс. человек. Из-за города было вызвано и остановлено на заставах в качестве резерва еще 7 тыс. штыков пехоты и 22 эскадрона кавалерии, т. е. 3 тыс. сабель, иначе говоря, в резерве стояло на заставах 10 тыс. человек, не считая гарнизонных частей и разбросанных в окрестностях Петербурга других резервных частей, могущих быть вызванными по первому требованию [214].

Даже во время нашествия Наполеона столица Российской империи охранялась куда слабее — только одним корпусом Витгенштейна.

Декабристы искали форм организованного восстания. Они были противниками «пугачевщины» — стихии народного «мятежа», лишенного единого руководства (они имели в виду свое руководство дворян-революционеров). Декабристы стремились к организованному восстанию. Организующей его силой должна явиться диктаторская воля революционера-дворянина (избранного революционной организацией диктатора), ведущая войска во имя блага народа при пассивном сочувствии последнего. Понятие народа отделялось декабристами от понятия «черни» — силы безначалия и грабежа, лишенной, по их представлению, каких бы то ни было идейных мотивов борьбы. В этом отношении замечательны слова Булатова, сказанные на совещании у Рылеева: «Итак, друзья, вместо невиданного добра чтобы не сделать нам вреда народу; не забудьте при открытии нами огня чернь во всех частях города может опустошать домы и наносить большое зло народу и городу». Завалишин так формулирует причину, почему декабристы не хотели принять содействия народа: декабристы боялись, «чтоб вместо содействий восстанию от народа не дать ему скорее только случай к грабежу и насилию, тем более, что подобные опасения вполне оправдывались тем, что, требуя оружия, кричавшие прибавляли: «Мы вам весь Петербург в полчаса вверх дном перевернем»». Необходимо отметить, что Завалишин уже в 30-х годах критикует это положение, т. е. осознает урок, данный горьким опытом декабристов, и пишет, что с тактикой декабристов в этом вопросе «нельзя, однако, вполне согласиться» [215].

Величайшая сила движения — конечная, глубинная солидарность правительственных частей с восставшими частями — сознавалась декабристами. Расчет, что свои не будут стрелять в своих, характеризует идеологию восстания. Но декабристы не сумели использовать этой силы и

по причине классовой ограниченности своей революционности не только заняли пассивную позицию, но даже, так сказать, затормозились этой силой, не сумев стать хозяевами ситуации. Завалишин следующим образом формулирует это своеобразное положение: декабристы не хотели начать «собственной атаки», чтобы «не вынудить внезапным нападением какой-нибудь благоприятно расположенный полк к действию против себя в видах собственной обороны». Он, правда, критикует эту тактику в годы, когда писал свои мемуары, и приходит к справедливому выводу: «Неподвижность явно была принимаема всеми за знак нерешительности, что парализовало решимость всех полков, готовых и ждавших случая принять также участие в восстании... Через тех же нестроевых, которые приходили от полков, легко можно было предупредить их, что предпринятое движение будет вовсе не с враждебною целью против них, а чтоб дать им возможность и удобный случай объявить себя на стороне восстания, хотя бы бросившись навстречу и смешавшись в рядах». Но все это — уже позднейшие рассуждения [216].

Анализ причин разгрома восстания прежде всего выявляет классовую ограниченность той дворянско-революционной концепции восстания, с краха которой и началось великое накопление Россией революционного опыта. Этот опыт и был исходным для последующего создания теории искусства восстания, окончательно выработанной на последнем периоде русского революционного движения. Тезис Герцена «декабристам на Сенатской площади нехватало народа» и был первым усвоением горького урока, который был дан общественному движению в разгроме восстания декабристов.

Вдумчивый Николай Бестужев, описывая восстание 14 декабря, записал: «Бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто на этом поприще раз остановился, уже побежден вполовину» [217]. Эта глубокая мысль, как бы готовит последующие поколения для восприятия важнейшей идеи: «Оборона — смерть вооруженного восстания».

Но все же честь первого вооруженного выступления против царизма принадлежит декабристам. Они не только задумали, но и организовали первое в истории России выступление против самодержавия с оружием в руках. Они совершили его открыто, на площади русской столицы, перед лицом собравшегося народа. Они действовали во имя ликвидации крепостничества и свержения самодержавия, иначе говоря, — во имя сокрушения отжившего феодального строя и движения своей родины вперед по пути общественного развития. Идеи, во имя которых они восстали, оказались жизненными и долгие годы собирали под знамена революционной борьбы последующие поколения.

22

В Москве выступления декабристов не произошло.

Петербургские члены тайного общества предупредили московскую группу о решении выступать. С. П. Трубецкой прислал в Москву письмо на имя М. Орлова через ехавшего туда декабриста П. Н. Свистунова. Кроме того, И. И. Пущин, выехавший 5 декабря из Москвы в Петербург и оказавшийся в центре подготовки северного восстания, прислал в Москву письмо декабристу С. М. Семенову от 12 декабря с сообщением о замысле петербургского выступления. Подлинники этих писем по понятным причинам были уничтожены и до нас не дошли. Но текст письма И. И. Пущина был во время следствия воспроизведен по памяти М. Орловым: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено, — писал

И. И. Пущин.—Мы всякий день с Трубецким и много работаем... Нас здесь (в Петербурге. — *М. Н.*) 60 членов. Мы уверены в 1000 солдат, коим внушено, что присяга, данная Константину, свято должна наблюдаться... Случай удобен. Ежели мы ничего не предпримем, то заслужим во всей силе имя подлецов. Покажите сие письмо Михаилу Орлову». Содержание письма дополняет И. Д. Якушкин. Он пишет в «Записках», что Пущин предлагал членам общества, находившимся тогда в Москве, «содействовать петербургским членам, насколько это будет для них возможно» [218].

В этом письме не давалось указаний об организации в Москве открытого выступления. Но по свидетельству И. Д. Якушкина, приехавшего в Москву из своего смоленского имения еще 8 декабря, в Москве все время происходили совещания присутствовавших там членов тайного общества, связанные с происходившими событиями. Мемуары и следственные дела перечисляют, сверх Якушкина и М. Орлова, имена других участников совещаний: Ивана и Михаила Фонвизиных, М. М. Нарышкина, М. Ф. Митькова, С. М. Семенова, А. Шереметева, С. Ю. Нелединского. Якушкин пишет о «многих других», однако трудно установить, кого именно он подразумевает. «На этих совещаниях, — пишет он в своих «Записках», — все присутствующие члены, казалось, были очень одушевлены и как будто ожидали чего-то торжественного и решительного». Только что приехавший с юга М. М. Нарышкин сообщал, что «там все готово к восстанию и что южные члены имеют за себя огромное число штыков». М. Ф. Митьков, приехавший из Петербурга, «со своей стороны также уверял, что петербургские члены могут рассчитывать на большую часть гвардии» [219].

Узнав о назначении «переприсяги» Николаю I (весть об этом дошла до Москвы 15 декабря), московские декабристы, несмотря на поздний час, съехались на квартире Фонвизиных и оттуда глубокой ночью поехали на квартиру к полковнику М. Ф. Митькову, чтобы решить, что же делать московским членам тайного общества «при теперешних обстоятельствах». Возник план московского военного выступления, но неосуществимость его бросалась в глаза. Якушкин предложил отставному генерал-майору М. А. Фонвизину надеть генеральский мундир, проникнуть в Хамовнические казармы и попытаться поднять войска. Полковник М. Ф. Митьков, не располагавший в тот момент полком, должен был вместе с Якушкиным воздействовать на старого члена Союза Благоденствия полковника Гурко, являвшегося начальником штаба 5-го корпуса. При помощи войск, которые выведут Гурко и Фонвизин, надлежало арестовать корпусного командира Толстого и московского градоначальника князя Д. В. Голицына, а также тех представителей власти в Москве, которые могли бы противодействовать восстанию своими распоряжениями. Затем Алексей Шереметев, как адъютант корпусного командира, должен был поехать к полкам, расквартированным в окрестностях Москвы, и поднять их именем начальника. На походе Шереметев, полковник Нарышкин и несколько офицеров, служивших в старом Семеновском полку, должны были подготовить войска к восстанию. Весь этот сложный план был явно нереален. Связи с войсками у московских декабристов не было. Не приходится удивляться, что, просидев у Митькова до четырех часов ночи, московские члены разошлись, придя к заключению, что выступление невозможно. Все же на следующее утро решено было увидеться с М. Орловым.

Но утро (16 декабря) принесло весть о разгроме восстания 14 декабря в Петербурге. В Москву прискакал генерал-адъютант граф Комаровский, чтобы провести присягу Николаю I. «Мы здесь только что потушили пожар, примите все нужные меры, чтобы у вас не получилось

чего-либо подобного», — писал Николай московскому генерал-губернатору. Еще несколько заседаний московских декабристов ни к чему не привели. П. А. Муханов на совещании с М. Орловым предложил было поехать в Петербург, убить Николая I и выручить из крепости заключенных туда товарищей, но его планы «были так безумны, — пишет И. Д. Якушкин, — что присутствующие слушали Муханова молча и без малейшего возражения» [220].

Позиция московских декабристов в эти решающие дни особенно ясно демонстрирует отсутствие связи с массами у дворянских революционеров и классовую ограниченность их замыслов.

Однако восстание все же еще не кончилось.

Ответом на петербургские события была попытка выступления во время присяги Николаю I в Отдельном литовском корпусе, организованная «Обществом военных друзей» 24 декабря 1825 г., через 10 дней после восстания на Сенатской площади. События были стимулированы слухами «о двух партиях в Санктпетербурге». Во время приведения к присяге пионерного батальона заранее распропагандированные солдаты отказались присягать, роты вышли из каре, прозвучало требование «яснейших доказательств» в правильности присяги. Слышались крики: «Ура императору Константину!». Капитан Игельстром грозил «опрокинуть аналой», если церемония присяги продлится. С криком «ура» он увел свою роту из каре. Присяга Николаю I в тот день не состоялась.

Несмотря на большие трудности, члены «Общества военных друзей» пытались распространить волнения на соседние воинские части, но в ближайшие же дни были арестованы.

Через две недели после выступления на Сенатской площади, 29 декабря 1825 г., на юге, на Украине, вспыхнуло новое вооруженное восстание, организованное декабристами, — восстание Черниговского полка.

Глава XVIII

ЮЖНОЕ ВОССТАНИЕ

(ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА ПОПЫТКА ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПОЛТАВСКОМ ПОЛКУ)

1

Восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади было разгромлено. Но восстание декабристов еще не закончилось, — оно продолжалось.

Как только весть о северном восстании дошла до юга, там вспыхнуло ответное восстание, тесно связанное с северным,— восстание Черниговского полка. Оно длилось около шести дней: началось 29 декабря 1825 г. и было разгромлено 3 января 1826 г.

Восстание Черниговского полка отражено довольно обширным кругом источников. Доклад Аудиториатского департамента с подробной передачей показаний подсудимых, дела Сергея Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Матвея Муравьева-Апостола, где несколько раз излагается фактический ход восстания, сообщается об его замысле и внутренних отношениях, а также правительственная переписка по делу о восстании и мемуарная литература — основные источники, дошедшие до нас. В них довольно подробно освещен ход событий восстания и в известной мере отражена его идеология, драгоценными памятниками которой являются революционный «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина и их революционное воззвание к народу.

Однако изучение восстания встречается и с рядом существенных трудностей: аудиторский доклад нельзя сверить с подлинниками дел, так как южное следственное делопроизводство до нас не дошло; отсутствуют личные дела активнейших участников восстания — членов Славянского общества Сухинова, Кузьмина, Щепиллы, Соловьева. С. Муравьев-Апостол умышленно не открывал следователям всей правды и благородно брал основную вину на себя, стремясь оправдать товарищей. Отметим и то, что он давал показания, будучи тяжело раненым. М. П. Бестужев-Рюмин не был щедр на подробности и не отличался «откровенностью» на следствии. Переписка во время восстания подробно передает действия правительства и ход разгрома восстания, но не отражает совсем или затрагивает лишь крайне поверхностно и редко внутреннюю жизнь восстания, давая о ней, как правило, грубо искаженное представление. Активные участники восстания — С. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, Кузьмин, Щепилло — не могли написать воспоминаний: первые два были казнены, третий застрелился, четвертый убит; оставшийся в живых член Славянского общества И. И. Сухинов, попав в невероятно тяжелые условия зерентуйской каторги, не сравнимые ни с Читой, ни с Петровским заводом, разумеется, не мог заниматься мемуарами; попытавшись организовать восстание в Зерентуйском руднике, он кончил

жизнь самоубийством накануне приведения в исполнение смертного приговора. Мы располагаем поэтому лишь немногими показаниями и воспоминаниями, принадлежащими лицам, непосредственно участвовавшим в восстании. Из числа главных участников восстания лишь Матвей Муравьев-Апостол, Соловьев, Мозалевский да коллективная память широкого круга косвенным образом прикосновенных к восстанию лиц (их воспоминания отражены у А. Ф. Вадковского — автора «Белой Церкви») приходят на помощь исследователю. Можно с основанием предположить, что воспоминания Соловьева и Мозалевского, двух оставшихся в живых участников восстания, отражены в «Записках Неизвестного» из Общества Соединенных Славян, — их обширная глава, посвященная восстанию Черниговского полка, вообще не могла бы быть написана в Сибири без участия перечисленных лиц, но их авторским текстом она все же не является. Руликовский, владелец имения в Мотовиловке, через которую прошло восстание, также оставил свои воспоминания (на польском языке) и сохранил некоторые ценные штрихи событий. Всеми этими свидетельствами, разумеется, надо чрезвычайно дорожить, особенно относится это к сравнительно точному и богатому фактами рассказу «Записок Неизвестного», хотя они все же неполны и написаны много времени спустя после восстания [1].

Таким образом, особенности документального комплекса создают значительные трудности при изучении восстания Черниговского полка. Они состоят в том, что наиболее полно освещены в документальном материале наименее важные для исследования движения декабристов стороны: разгром восстания, правительственное преследование подлежащих аресту участников выступления, обстоятельства ареста, фактический ход и детали подавления восстания правительственными войсками. Наименее освещены, а подчас и нарочито искажены наиболее важные для исследования стороны дела — идеология восставших, внутренние взаимоотношения в лагере восстания, планы восстания и их реализация. Однако тщательный учет и сопоставление документальных данных все же дают возможность уяснить основные моменты внутренней истории восстания.

Необходимо понять сложную связь восстания Черниговского полка с предшествующими замыслами открытого выступления, которые были разработаны декабристами, иначе невозможно проанализировать возникновение и ход восстания.

2

Мысль об открытом вооруженном выступлении на юге неразрывно и органически связана не только с историей Южного общества, но и со всем движением декабристов в целом. Южное восстание не может быть понято в отрыве от основного, длительно созревавшего общего замысла восстания, который разрабатывался в тайном обществе с момента его возникновения, т. е. с Союза Спасения. Васильковская управа Южного общества — активный участник этой работы: она решалась на открытое выступление по меньшей мере четырежды: в первый раз, как мы помним, в 1823 г., когда 9-я дивизия стояла в Бобруйской крепости (восстание намечалось во время царского смотра), затем дважды предлагала планы выступления при ожидаемых царских смотрах в 1824 и 1825 гг. (так называемый первый и второй «Белоцерковские планы» 1824 и 1825 гг.) и, наконец, в 1825 г. при сборе корпуса под Лещиным. Неуверенность в успехе заставила отложить действия, но было твердо решено, что 1826 год никак не будет пропущен. Последнее решение, разрабатывавшееся Пестелем, имело особенно важное значение для всего движения.

В свете вопроса о «соединении» обоих обществ, при их сговоре выступать совместно, южное восстание особенно отчетливо предстает как неразрывное звено общего декабристского плана. Это — общеизвестное положение, и во всей литературе о декабристах, как дореволюционной, так и советской, никто никогда не высказывал мнения, что восстание Черниговского полка—одинокая случайность, оторванная от общего хода событий, от основной истории декабристов.

Восстание Черниговского полка не могло бы возникнуть в той форме, в какой возникло, если бы не произошло восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. Но оно осуществилось в совершенно новой для декабристов обстановке рухнувшего основного — петербургского — восстания. В силу этого иногда встречающееся в литературе прямолинейное утверждение, что восстание Черниговского полка было «заранее задумано» декабристами чуть ли не за несколько лет до событий, задумано как органическое звено всего их плана в том виде, в каком осуществлялось,— не выдерживает критики. Будучи глубочайшим образом спаяно с основным планом, оно тем не менее возникло и развилось в столь новой обстановке, что необходимо специально остановиться на особенностях последней. Для этого предварительно надо вспомнить ту реальную смену конъюнктур, которая произошла в дни междуцарствия, и уяснить себе, какие формы приобрела она в своем дальнейшем развитии, после разгрома северного восстания.

Разгром восстания 14 декабря создает совершенно неожиданную и совершенно н о в у ю конъюнктуру, на которую и падает восстание Черниговского полка. По счету эта конъюнктура, как видим, четвертая и коренным образом отличная от предшествующей,— в этом суть события.

Южное восстание, по плану — восстание многих полков, захватывающее, по предположениям Васильковской управы, около 70 тыс. человек, должно было в соответствии с общей конъюнктурой, создавшейся в первой половине декабря, развернуться для поддержки и помощи восстанию в северной столице. Выше (см. XV главу) мы назвали эту конъюнктуру по общему подсчету третьей. Одна из трагических сторон восстания декабристов состоит в том, что реальное южное восстание, первичный замысел которого органически принадлежит этой конъюнктуре, фактически выпало из нее: восстание в Петербурге началось и кончилось в один и тот же день — 14 декабря — и кончилось разгромом. Весть об этом пришла на юг на одиннадцатый день после разгрома — 25 декабря. Поддерживать в этот момент уже было нечего. С восстанием в столице было покончено, захвата власти не произошло, за первыми борцами против царизма захлопнулись двери тюремных камер Петропавловской крепости, присяга новому императору состоялась. Никакой героизм южных единомышленников не мог в тот момент возродить движение в столице и не мог реализовать главное в революции — захват власти. В этом и состоит принципиальное отличие новой, четвертой по счету конъюнктуры, в условиях которой произошло восстание Черниговского полка, от первых трех. Захват власти уже был невозможен.

3

Прошла томительная неделя со дня ареста Пестеля. Юг ничего не знал о петербургском восстании, несмотря на то, что оно произошло на следующий же день после ареста Пестеля. Длились мучительные дни напряженного ожидания. Из Петербурга не было вестей, хотя отбывший туда гонец — Корнилович — уже должен был осуществить связь. Проект поездки Бестужева-Рюмина в Москву, возникший было в этот

момент,— очевидный осколок замысла скорейшей связи с Северным обществом. Штрафных семеновских офицеров в отпуск не пускали, но личные обстоятельства Бестужева-Рюмина внезапно сложились так, что возникла, как представлялось Васильковской управе, возможность просить об исключении из правил: Бестужев получил внезапное известие о смерти матери (семья жила в Москве), казалось реальным получение разрешения на поездку в Москву. А из Москвы, где уже было немало связей с обществом, можно было в случае нужды промчаться и в Петербург,— ведь южные декабристы еще ничего не знали о разгромленном восстании. Мог при этом вспоминаться и тот вариант южного выступления, в котором активную роль играл московский Сенат (согласно одному из планов Васильковской управы, революционный манифест мог быть издан через м о с к о в с к и й Сенат). Москва была более близкой, более достижимой для южан, пунктом, менее охраняемым силами старого строя. Поэтому попытка Васильковской управы послать Бестужева-Рюмина в Москву — это, разумеется, акция, осмысленная планом тайного общества, входящая составной частью в общий план восстания. Это — попытка расставить силы в предположении определенного плана действий.

Командир Полтавского полка Тизенгаузен — член тайного общества — не мог сам отпустить Бестужева-Рюмина в Москву, но, чтобы дать ему случай попытать счастья у генерал-лейтенанта Рота, послал его из Бобруйска в Киев для принятия полкового жалованья. Предлог был фиктивным: жалованье уже было принято квартирмейстером, и «донеся» об этом Тизенгаузену, Бестужев из Киева передвинулся в Васильков, чтобы направить Сергея Муравьева в Житомир с просьбой об отпуске для Бестужева [2].

С. Муравьев, оставив ждать его в Василькове, двинулся вместе с братом Матвеем в Житомир к генерал-лейтенанту Роту (кстати сказать, уже знавшему из доноса Майбороды, что Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин — члены тайного общества). Предварительно по команде был подан соответствующий рапорт Бестужева генералу Тихановскому — командующему дивизией (22 декабря). Настроение Сергея и Матвея Муравьевых было крайне тревожным. Выехали они 24 декабря [3].

Поскольку они еще не знали о состоявшемся и затем разгромленном восстании Северного общества, они могли придерживаться лишь давно принятого общего плана с о в м е с т н ы х с севером действий. Они полагали, что восстание на севере еще не состоялось, и считали его возможным, хотя уже была принесена присяга Константину. Обстоятельства междуцарствия доходили до них в крайне смутной форме. Инициатива выступления уже ушла от юга, ее вероятность была сведена к нулю ходившими предположениями о новом императоре — Николае. В случае объявления присяги Николаю инициатива выступления непререкаемо закреплялась за севером, поскольку захват власти как основная цель декабристского выступления продолжал быть душой замысла, а с момента объявления присяги Николаю власть в государстве уже нельзя было захватить на юге.

Не забудем, что Сергей Муравьев в этот момент действует уже не как председатель Васильковской управы. По свидетельству Артамона Муравьева, приведенному выше, он, в силу сложившихся на юге обстоятельств, выступает перед нами в другой функции: он — «главнокомандующий» южным восстанием после ареста Пестеля. Вдумываясь в его планы и всю совокупность его распоряжений, мы видим, как пытается он организовать не только восстание Черниговского полка, а южное восстание в целом.

Сергей Муравьев, придерживаясь, как и все декабристы, общего плана выступления, в тот момент, следовательно, полагал, что выступают как юг, так и север, совместно действующие и распределяющие между собой функции, преследующие общую цель. Поэтому мы вправе спросить, нет ли еще данных о том, что́ именно задумал сделать отправлявшийся в Житомир Сергей Муравьев, еще не знавший о разгроме восстания 14 декабря. В деле самого Сергея Муравьева по понятным причинам отсутствуют свидетельства об этих нереализованных замыслах. Но по этому вопросу имеется ценное показание офицера Черниговского полка Соловьева (члена Славянского общества), которому другой черниговский офицер Щепилло (также «славянин») передал, что «Муравьев под предлогом отпуска поехал в Корпусную квартиру для того, дабы известить всех сообщников о времени начала действия, предполагая начать с Черниговского полка, будет у братьев своих, командующих Ахтырским и Александрийским гусарскими полками, которые, равно как Алексопольский пехотный и 17-й егерский присоединятся к ним, а в Корпусной квартире встретит их 8-я дивизия и артиллерийская бригада». К сожалению, дело Соловьева не дошло до нас; Щепилло же — активный участник южного восстания—был убит при его подавлении. Приведенное выше свидетельство Соловьева сохранилось лишь в рапорте комиссии военного суда при главной квартире первой армии. По прямому смыслу свидетельства оно относится ко времени отъезда Сергея Муравьева в Корпусную квартиру, т. е. к тому интересующему нас моменту, когда Сергей Муравьев еще не знал ни о восстании 14 декабря в Петербурге, ни о его разгроме. Свидетельство Соловьева раскрывает общий с севером план. С минуты на минуту ожидая известия о начале северного восстания, Сергей Муравьев решил объехать полки, на которые рассчитывали декабристы, и дать указания «о времени начала действий». Сигналом к выступлению должно было явиться предполагаемое известие о северном восстании, которого ждали с минуты на минуту [4].

Как видим из приведенного выше перечня полков, Сергей Муравьев-Апостол надеялся на значительные силы, которые выступили бы на помощь северу. Соловьев со слов Щепиллы при своей явно неполной информации перечисляет пять полков (Черниговский, Ахтырский и Александрийский гусарские, Алексопольский пехотный и 17-й егерский), а также всю 8-ю дивизию и артиллерийскую бригаду. В предполагаемом составе восставших частей, таким образом, и в этот момент налицо пехота, конница и артиллерия. Существенно и дополнительное замечание Соловьева: «Сверх того Щепилло говорил ему о других корпусах, готовых последовать за ними, и о всеобщем ропоте войска». Таким мощным в тот момент рисовалось Сергею Муравьеву-Апостолу южное восстание, поднимающееся на помощь северному. Оставалось лишь ждать сигнала о захватывающем власть северном восстании [5]. Заметим, что даже Николай I в момент первого известия о восстании Черниговского полка ждал присоединения к нему Полтавского и Ахтырского полков.

На последней перед Житомиром станции братья встретили сенатского курьера, развозившего листы для присяги Николаю I. Он сообщил им о восстании 14 декабря и его трагическом исходе.

Эта весть как громом поразила декабристов. Она в корне меняла ситуацию. Она меняла ее самым глубоким, принципиальным и непредвиденным образом.

Можно представить себе волнение братьев. Оно усиливалось уверенностью, что Южное общество открыто, — вести об этом носились в воздухе еще до ареста Пестеля.

За обедом у генерал-лейтенанта Рота еще раз подтвердилось сообщение сенатского курьера. Да, в Петербурге произошло восстание. Произошло — и было разгромлено.

Самым грозным, самым неожиданным, самым роковым было то, что получена была весть не о восстании, а о разгроме восстания, причем о разгроме, происшедшем в тот же день, когда началось восстание. Это было как раз то, что менее всего предвидели... Предположение, что восстание хотя сколько-нибудь продержится и можно будет успеть выступить для его поддержки, было чрезвычайно твердой, всеми принятой презумпцией южного выступления. Но ее-то сейчас и не было — она рушилась под напором сложившихся обстоятельств.

Не имея еще никакого точного решения, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы продолжают намеченный путь и приезжают в Траянов к Александру Муравьеву, который не был членом общества. Вспыхнувшая было надежда на выступление полка Александра Муравьева тут же и гаснет. Граф Шуазель только что получил из Петербурга письмо, где подробно описывалось восстание 14 декабря. Вероятно, именно к этому визиту в Траянове и относятся слова Матвея Муравьева в его воспоминаниях: «Во время стола не было другого разговора, кроме как о петербургском событии: поминали о смерти графа Михаила Александровича Милорадовича». Сам Матвей Муравьев относит этот разговор к пребыванию у Рота, но это едва ли верно: писавший свои показания по горячим следам происшествий его брат Сергей сообщает, что в Житомире они обо всем узнали глухо и без всяких подробностей; в Траянове же информация о 14 декабря была основана не на курьерском сообщении, а на подробном частном письме. Создавшееся общее положение стало еще более ясным.

Сведения о том, что Северное общество уже выступило, выступило с целью захвата власти и оказалось разгромленным, сопровождались подробностями. Картечь, десятки арестованных, захват правительством всего руководящего ядра общества — все это сразу и всем стало известно. Все говорило о том, что новой попытки восстания в северной столице уже не будет, тайному обществу на севере нанесен смертельный удар. Курьер развозит присяжные листы, завтра на юге начнется присяга новому императору — Николаю I. В этой совершенно новой обстановке нельзя было восстановить основное в замысле декабристского восстания — захват власти.

При всех вариантах декабристских практических планов восстания последние были отнюдь не самоцелью, а лишь средством достичь основного. В декабристских планах — всех без исключения, начиная даже с фантастического лунинского плана 1816 г. (нападение в масках на царя посреди большой дороги), совокупность первых практических действий всегда строилась в расчете на достижение основной цели.

Теперь эта цель была потеряна. Сколько полков на юге ни удалось бы поднять Сергею Муравьеву-Апостолу, прежняя основная задача восстания теперь уже оказывалась недостижимой.

Во всех последних планах, начиная с Бобруйского, да и раньше, восстание с первых же шагов, в соответствии с основной целью, мыслилось декабристами как совокупное и согласованное действие двух обществ — Северного и Южного. Иначе и не могло быть. Инициативный момент и «захват правительства», естественно, выпадал на долю того общества, которое в данной ситуации могло это сделать. Разумеется, в Бобруйском и Белоцерковском вариантах это решающе важное первое действие оказывалось задачей южан, ибо царь находился бы в тот момент на юге, на войсковом смотре, и лишь южане, а не северяне

при данной ситуации могли «захватить» царя или «нанести ему удар». В других вариантах, в том числе и в реальном плане выступления 14 декабря 1825 г., захватить царя или, вернее, претендента на престол могли лишь северяне. Другое общество должно было оказать мощную поддержку восстанию, развертывая его на периферии в помощь огромному, решающему по значению первому акту — «захвату» правительства. Таковы были планы. Но теперь все коренным образом менялось.

Таким образом, южное восстание объективно становилось лишь стихийным выступлением, показателем народного недовольства, антифеодальным натиском на старый строй, силой, его расшатывающей, — и только. Это было немало, но не это, а захват власти был целью декабристов. Участие в стихийном возмущении войск, выражающих протест против угнетения, было принципиально новой перспективой, далеко не столь обдуманной, если даже совсем не обдуманной революционерами-дворянами. Не всякий соглашался на это новое дело, и, как увидим далее, хрупкая дворянская революционность многих членов Южного общества, которых нельзя заподозрить в личной трусости, не выдержала этого испытания.

Немедленно здесь же в Житомире Сергей Муравьев известил представителя Польского общества графа П. Мошинского, как тот показывает на следствии, о необходимости убить цесаревича Константина. Показание это явно неполно и неясно. О необходимости полякам убить Константина говорилось много раньше, и это сообщение не было новостью для Польского революционного общества. Очевидно, не желая сказать о всем содержании разговора, П. Мошинский заменил деталью целое. Сергей Муравьев предупреждал о только что узнанных петербургских событиях Польское общество и настаивал на его выступлении — очевидно, совместно с предполагаемым южным восстанием. Упоминание о необходимости убить цесаревича Константина было, очевидно, лишь моментом приступа к действию. Отсюда ясно, что Сергей Муравьев при всех колебаниях уже в Житомире, узнав о разгромленном северном восстании, решил действовать: организовать южное выступление, причем, в силу прежней договоренности, совместно с Польским обществом.

Тут же в Житомире Сергей Муравьев спешно послал со своим дворовым человеком Никитой, его сопровождавшим, французское письмо Бестужеву-Рюмину в Васильков. Письмо не дошло до нас, но, поскольку оно было прочтено и устно переведено на русский язык в присутствии Грохольского, его показание доносит до нас, хотя бы частично, содержание письма. В письме находилось «извещение Муравьева о бывшем в Петербурге происшествии 14 декабря», упоминалось «имя князя Трубецкого, Якубовича и о смерти генерала Милорадовича» и содержалось указание, чтобы Бестужев «немедленно ехал в Киев к полковнику Ренненкампфу, но зачем не сказано». Ренненкампф был обер-квартирмейстером второй армии и, допрошенный П. Киселевым, показал, что Муравьев «перед самым возмущением предлагал ему действовать для перемены правления». Отсюда ясно, что Киев входил в орбиту первоначально предполагаемого Сергеем Муравьевым района действия южного восстания. Письмо С. Муравьева не было доставлено Бестужеву, поскольку он незадолго до прибытия дворового Никиты сам выехал на поиски Муравьевых, но оно — важный документ первоначальных планов С. Муравьева, возникших еще в Житомире, сейчас же вслед за вестью о восстании 14 декабря [6].

Под предлогом необходимости торопиться в Васильков для присяги Сергей и Матвей Муравьевы поспешили из Траянова в Любар к Артамону Муравьеву, командиру ахтырских гусар.

В Любаре и настигло их новое известие. Бестужев-Рюмин нагнал Муравьевых и сообщил, что получен приказ об их аресте и жандармы уже гонятся по их следам.

Оказывается, в то время, как Муравьевы были в пути, 25 декабря к командиру Черниговского полка Гебелю явились два жандармских офицера — поручик Несмеянов и прапорщик Скоков — и передали ему секретное предписание начальника главного штаба первой армии генерал-адъютанта барона Толя о немедленном аресте С. Муравьева-Апостола и опечатании его бумаг («По воле государя императора покорнейше прошу ваше сиятельство приказать немедленно взять под арест служащего в Черниговском пехотном полку подполковника Муравьева-Апостола с принадлежащими ему бумагами, так, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под строжайшим присмотром в С.-Петербург прямо к его императорскому величеству»). Гебель с жандармами немедля ринулись в васильковскую квартиру Муравьева, где в то время, как мы помним, еще находился Бестужев-Рюмин. Там же был разжалованный в рядовые офицер-семеновец Башмаков. Бумаги, письма и книги Муравьева были забраны жандармами при обыске. Приказом об аресте Бестужева-Рюмина жандармы еще не располагали. Утром 26-го жандармы с полковником Гебелем со всей поспешностью выехали в Житомир, чтобы захватить и арестовать Сергея Муравьева.

Через несколько минут после обыска в квартиру Муравьева вбежали четыре славянина, бывшие на балу у Гебеля. Приезд жандармов, остановивших бал, был всеми замечен и сразу дал славянам понять, что наступил решительный момент в жизни общества. Сначала славяне попытались было собрать солдат, чтобы арестовать Гебеля и жандармов, но была уже ночь и по праздничному времени солдаты давно разошлись по деревням. Это решение арестовать полкового командира Черниговского полка говорит за себя. Оно доказывает, что славяне самостоятельно решили, что настал момент восстания. Прежнее решение Сергея Муравьева начинать южное восстание выступлением Черниговского полка было им известно, и они хотели самостоятельно приступить к его реализации, полагая, что вопрос ясен. Но возможности арестовать Гебеля, как видим, у них не оказалось. Тогда решено было, что Бестужев-Рюмин сейчас же отправится в путь, постарается всеми силами обогнать жандармов и раньше, чем они настигнут Муравьевых, предупредить их о грозящем аресте. Тем временем славяне будут готовиться к восстанию. Все было выполнено с такой скоростью, что Бестужев четвертью часа раньше Гебеля был на первой станции и нагнал Муравьевых в Любаре.

Тем временем на той же квартире Муравьева в Василькове появляются два новых вестника о событиях. Первым был дворовый человек Сергея Муравьева Никита с упомянутым письмом к Бестужеву-Рюмину. Письмо ввиду отсутствия адресата было распечатано членом Славянского общества поручиком Щепиллой. Из него славяне узнали о восстании 14 декабря и его разгроме. Вторым вестником был член Славянского общества Андреевич 2-й. Он выехал из Киева в Васильков 26 декабря, узнав о восстании в Петербурге и присяге новому императору, и немедленно явился на квартиру Сергея Муравьева, которую члены тайного общества после ареста Пестеля не без оснований рассматривали как штаб южного восстания. По показаниям Грохольского, на квартире Сергея Муравьева, кроме упомянутых М. Бестужева-Рюмина, его самого, Щепиллы и Сухинова, находились еще поручики Кузьмин, Петин, Войнилович, штабс-капитан барон Соловьев и разжалованный Башмаков. Находившиеся там офицеры Черниговского полка, которые «почти не покидали квартиры Муравьева, ожидая его возвращения», сообщили Андреевичу

обо всем, что только что произошло, и потребовали, чтобы он также немедленно поехал по следам С. Муравьева, отыскал его, попросил его остановиться в 8-й дивизии или в каком-нибудь гусарском полку и там поднял «знамя бунта». Вместе с тем, как свидетельствуют «Записки» о Славянском обществе, «славяне» попросили Андреевича успокоить Муравьева на их счет, «ибо коль скоро они узнают о восстании, то немедленно взбунтуют Черниговский полк и придут на сборное место». Сверх всего этого, Андреевича просили, «чтобы он известил всех известных ему членов как Южного, так и Славянского общества о начале восстания», и наконец, если Муравьев арестован, — чтобы он «действовал к освобождению арестованного». Андреевич принял поручение, несмотря на все трудности и явную его опасность. Он поспешно отправился в путь с чужой подорожной в кармане (на имя декабриста И. Сухинова), рискуя каждую минуту быть арестованным. Поскольку у него не было денег, славяне собрали ему в складчину какую-то небольшую сумму (по «Запискам Неизвестного» — 25 руб.) [7].

Из всего сказанного ясно, что члены Славянского общества, уже давно ожидавшие революционного выступления и осведомленные о нем, не только, нимало не колеблясь, приняли в трудных условиях самостоятельное решение о начале восстания, но сразу стали весьма активно действовать, принимая все зависящие от них меры для его подготовки.

Мы оставили Сергея Муравьева в Любаре в тот момент, когда догнавший его Бестужев сообщил ему приказ об аресте. Это известие было последним доводом за необходимость восстания. И раньше обсуждалась возможность начала восстания в том случае, если начнутся аресты.

Аресты воспринимались как сигнал к началу выступления, но какого? Того же самого большого революционного выступления, давно продуманного как план захвата власти. Однако сейчас оно уже не могло сохранить этот характер, перерождаясь в стихийное восстание антифеодального протеста. Сергею Муравьеву приходилось выступать уже «одному» — без северян, он мог надеяться только на одно Южное общество. И Сергей Муравьев и Бестужев трагически сознавали это. Сознавали — и все же решились выступить, в этом новизна положения. На что же они рассчитывали? Конечно, на помощь южных полков, но эта помощь являлась лишь средством, способом, а не самоцелью. Расчет был опять-таки на дух всеобщего недовольства в армии и народе. Хотел этого Муравьев или нет, но восстание, на которое он шел, помимо воли его руководителей, начинало перерастать именно в ту форму, которой декабристы боялись: оно апеллировало к активной форме сочувствия народа, иначе теряло смысл. Положим, намеченные полки поддержат восстание, — что же дальше? Ни в Киеве, ни в Житомире власти не возьмешь, власть остается в руках Петербурга. Но вот если в силу южного почина и объявления свободы крестьянам раскачается страна, тогда вопрос о власти вновь приобретает значение, однако решаться он будет уже иными способами. Новизна положения, конечно, была еще крайне смутна для руководителей, но потеря непосредственной цели ощущалась ими ясно и крайне усиливала их колебания. Именно эта новая ситуация и явилась основной силой, размежевавшей ту декабристскую среду, через которую теперь проходили со знаменем восстания в руках Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин с их н о в ы м призывом: все-таки восставать, хотя восстание уже не могло опираться на столицу. Все-таки восставать, хотя восстание уже не могло преследовать цели непосредственного захвата власти. Такого восстания декабристы раньше никогда не задумывали.

Первым выявил размежевание Артамон Муравьев, пылкий дворянский революционер, до этого многократно предлагавший себя в

цареубийцы, торопивший с выступлением и обещавший пожертвовать всем.

Вернемся же в Любар, где Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин после сильных колебаний приняли совместное решение выступать. Именно в Любаре, когда мысль Муравьевых и Бестужева лихорадочно работала в поисках планов действий, Матвей Муравьев предложил было даже самоубийство, но это предложение было отброшено. Возникало даже намерение «скрыться», но и эта мысль была решительно отвергнута: «Обдумав, что мы несомненно будем найдены, Муравьев решился действовать, надеясь на вспомоществование прочих членов общества». Первым членом общества, к которому они обратились, и был Артамон Муравьев, командир Ахтырского гусарского полка, квартировавшего в Любаре.

Артамон Муравьев был старым участником декабристского движения. Принятый еще осенью 1817 г. в Союз Спасения, он не «отстал» от общества ни на одном из крутых поворотов его истории— ни в 1820 г., ни после Московского съезда 1821 г., ни в момент основания Южного общества. Как мы знаем, он постоянно стоял за скорейшее выступление, и было бы наивно и непродуманно приписать его более чем восьмилетнее пребывание в тайной организации и позицию, которую он занимал в ее ответственных решениях, простому бахвальству. Правда, сам Артамон Муравьев на следствии усердно развивал именно эту версию: во все преступления он якобы был вовлечен необузданным языком, «страстью врать и казаться решительнее других», но сердце его якобы «никогда в оных не участвовало». Следствие отвергло это выгодное для подсудимого простецкое объяснение, и Верховный уголовный суд приговорил Артамона Муравьева за его «бахвальство» к лишению чинов, дворянства и вечной каторге. Источник его колебаний в решающие дни декабря 1825 г. надо признать более сложным. Ситуация была явно новой, и хрупкая дворянская революционность Артамона Муравьева сломалась, не выдержав напора новых обстоятельств. Он давал когда-то согласие на несколько иное восстание и даже не раз заявлял о своем решении взять на себя инициативу. Но теперь положение коренным образом изменилось, и он проявил самые постыдные для революционера колебания.

Тщательно сопоставив многочисленные и нередко противоречивые свидетельства о характере предложения, адресованного Артамону, можно прийти к следующему выводу. Сергею Муравьеву и Бестужеву-Рюмину нужно было прежде всего поднять Черниговский полк и надо было торопиться именно туда. Ближайшим к главной квартире полком, обещавшим действовать, оставался именно Ахтырский (конница). Поэтому Сергей Муравьев хотел поручить Артамону весьма серьезную и в ближайших условиях основную задачу: «Немедленно собрать Ахтырский полк, идти в Траянов, увлечь за собой Александрийский гусарский полк (что и прежде обещал Артамон Муравьев), явиться нечаянно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру». Артамон Муравьев в страхе отказался от этого центрального по значению акта и, дойдя до предела либеральных колебаний, предложил другой выход: добиться исполнения своих преобразовательных планов через... завоевание на свою сторону самой власти, ныне обновляемой вступлением на трон нового царя. Иначе говоря, поехать в Петербург к новому царю, познакомить его с благородными целями общества и убедить в правоте декабристских планов не только царя, но и часть лиц из его окружения. Этот капитулянтский, либеральный и наивно-фантастический план Сергей Муравьев с негодованием отверг. Артамон в своих колебаниях ссылался на то, что принял полк недавно (в декабре 1824 г.). Ротмистр Семичев, бывший при раз-

говоре, стал убеждать его все же начать действие, уверяя, что полк готов восстать. Артамон вновь пообещал было действовать. Согласились на том, что начнет восстание Сергей Муравьев с Черниговским полком, а Артамон Муравьев поднимет свой полк вслед за этим и присоединится к восставшим. Бестужев-Рюмин, свидетельствуя об этом, вместе с тем отмечает трудности принятого варианта: «Артамон обещал присоединиться к нам, если мы выступим, но расстояние, которое необходимо было покрыть для достижения этого соединения, было велико» [8].

Сверх того, Артамон Муравьев принял на себя и обязательство оповестить славян о начале действий. Он оставался ближайшим к славянам соседом, и подобная функция напрашивалась сама собой. С. Муравьев написал славянам Спиридову и Тютчеву записки о начале действий и просил Артамона сейчас же отправить их с нарочным. Артамон обещал. Взялся он также передать славянам записку Бестужева о начале восстания (славяне были «подведомственны» Бестужеву). Однако как только Бестужев и Сергей Муравьев уехали, Артамон Муравьев записку тотчас, по собственному признанию, «истребил», скатившись к позорному обману руководителей тайной организации. Создавшаяся ситуация сломила его решимость. Восстание представлялось ему обреченным на гибель [9].

«По возвращении с маневров, — показывает Артамон Муравьев следственной комиссии, — жена моя, узнав мои переговоры и сношения с С. Муравьевым, требовала от меня со слезами, окруженная детьми, оные прервать и пощадить мое семейство». Тот обещал ей это сделать и сдержал слово. Об этом говорят многие факты и характернейший из них таков: 27 декабря у Артамона были в Любаре братья Муравьевы, и он, как мы видели, все же обещал действовать, а 29 или 30-го числа, по его собственному признанию, он подал начальству рапорт об увольнении его по болезни от командования полком на 28 дней.

Из Любара Муравьевы вместе с Бестужевым направились через Бердичев на Паволочь. План действий все еще не был достаточно ясен, что и было естественно: положение оказывалось, несмотря на всю подготовку, новым, необдуманным. Возникали и отпадали предположительные решения, мысль лихорадочно искала правильного выхода из сложнейшей и почти невероятной по трудности обстановки. Колебания не исчезли у самого Муравьева. У него мелькала мысль: доехать через Бердичев к Паволочи до своего полка и «скрывшись там, узнать все обстоятельства изыскания нашего и по сим известиям решиться уже на что-нибудь». Но обстановка еще не вполне уяснилась. Поддержат ли восстание другие полки? Это был важнейший в данный момент вопрос.

Тем временем жандармы и Гебель, узнав в Житомире, что Муравьевы уехали, бросились по их следам в Любар по бердичевской дороге, но и там никого не застали. У корчмы они неожиданно съехались еще с одним жандармом. Жандармский поручик Ланг вез приказ о новом аресте: правительство приказывало захватить поручика Полтавского пехотного полка Бестужева-Рюмина... Ланга из первой армии отправил с этой целью генерал-лейтенант Рот, который только что получил приказ.

Сначала Ланг поскакал в Бердичев, где «хозяин квартиры» Бестужева сказал, что тот уехал в Любар. Гебель сообщил Лангу, что в Любаре Бестужева уже нет, и теперь весь состав погони ринулся опять в Бердичев, где было выяснено, что Муравьевы выехали в Паволочь. Тут жандармы решили разделиться: Ланг остался с Гебелем, а Несмеянов и Скоков разъехались в разные стороны искать Муравьевых.

В это время Муравьевы и Бестужев-Рюмин, опять перегнав жандармов, проехали Паволочь и направились дальше, как объяснили в корчме, на Фастов. Действительной же целью их движения были Триле-

сы. Там они уже оказывались в районе квартирования Черниговского полка (в Трилесах была расквартирована 5-я рота полка, которой командовал член тайного общества поручик Кузьмин, в то время, как мы помним, находившийся в Василькове в квартире самого Муравьева). Сергей Муравьев немедленно послал с рядовым 5-й мушкетерской роты Савицким записку в Васильков, в которой просил Кузьмина приехать в Трилесы, никому не разглашая о присутствии там Муравьева. Кроме Кузьмина, приглашались еще барон Соловьев и Щепилло [10].

В этот же час из Трилес куда-то выехал Бестужев-Рюмин с каким-то спешным поручением. Каким же?

Сергей Муравьев и сам Бестужев в своих показаниях согласно говорят о том, что он поехал к славянам в Новоград-Волынск, но, узнав в Брусилове, что Муравьева ищут жандармы, возвратился. У Бестужева сказано, что он узнал это от графа Олизара. Это упоминание имени польского революционера в данной обстановке чрезвычайно важно. Бестужев должен был в этот решающий момент связаться с поляками, побудить их действовать в силу ранее принятых решений. Однако свидетельство, что от Олизара Бестужев узнал об ищущих Муравьева жандармах и потому возвратился, явно требует критики. О том, что жандармы ищут Муравьева, все уже знали (весть об этом привез сам Бестужев), поэтому правильнее другое сообщение в показаниях Бестужева: он узнал, что жандармы ищут именно его самого. Но предположение, что Бестужев действительно хотел проехать к славянам, вызывает сомнения. Мы знаем, что он обещал вернуться к рассвету. Доскакать из Трилес в Новоград-Волынск и вернуться обратно в одну ночь невозможно. К тому же у Артамона Муравьева уже была оставлена записка для передачи славянам. Очевидно, Бестужев преполагал отправиться к славянам позже, а в ближайшую свою поездку рассчитывал связаться с более близкими воинскими частями, может быть, с полком Швейковского. Доехать в одну ночь до Брусилова и даже Радомысля и вернуться вполне возможно. В Радомысле же стоял Швейковский, на которого надеялись, что он поднимет Алексопольский полк, а в Брусилове — Кременчугский полк, на который также возлагались надежды. С этим предположением совпадают два мемуарных свидетельства: в «Записках» о Славянском обществе написано, что Бестужев был у Швейковского; по рассказу Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского, записанному Вадковским, также видно, что Бестужев был у Швейковского и Набокова, командира Кременчугского полка. В обоих местах его постигла неудача: бывшие пылкими на словах члены общества отказались вывести полки. Их колебания и конечная позиция повторили линию Артамона Муравьева. Еще раз надо подчеркнуть,— ситуация была коренным образом иная, нежели ранее предполагалось, и в обстановке рухнувшего петербургского восстания члены общества не решались поднять на восстание свои южные, «окраинные полки». Это было совсем не то, что предполагалось раньше, и дворянская революционность не выдерживала этого испытания [11].

Гебель с Лангом между тем узнали в Паволочи, что Муравьевы выехали на Фастов. Погоня продолжалась. По дороге из Паволочи на Фастов погоня остановилась в Трилесах кормить лошадей. Жандармы с Гебелем зашли на квартиру поручика Кузьмина обогреться и узнать, не проезжали ли Муравьевы. В квартире было темно. Гебель и Ланг засветили огонь, вошли в комнату и... увидели там Сергея Муравьева.

Он стоял среди комнаты, совсем одетый, хотя было 4 часа ночи. Матвей спал в соседней комнате.

Расставив вокруг дома стражу, Гебель предложил Матвею одеться и прочел братьям приказ об их аресте. Муравьевы наружно приняли при-

каз спокойно и даже пригласили Гебеля напиться чаю, «на что он охотно согласился». Итак, арест стал фактом. Правительственная рука уже не только лежала на горле революционного выступления, но и крепко сжимала его. Все положение невероятно и на первый взгляд безвыходно осложнялось.

Наступало утро. От денщика Кузьмина Гебель узнал, что Бестужев-Рюмин куда-то выехал накануне вечером и что Муравьевы наказывали ему непременно возвратиться в Трилесы на рассвете. Гебель стал ждать возвращения Бестужева, желая захватить всех вместе. Но о записке, посланной накануне С. Муравьевым поручику Кузьмину, Гебель не знал.

В ночь на 29 декабря Кузьмин получил записку от Муравьева, вызывавшую его в Трилесы. Настроение Кузьмина и других славян, бывших с ним неразлучно, отличалось колебаниями другого рода. Они все время колебались, начать ли действовать без Муравьева или ждать от него известий. И вдруг эти известия пришли. Сразу стало ясно, что наступил момент решительных действий. Сухинов поехал в Трилесы на зов Муравьева вместе со всеми, хотя его и не звали. Предположение, что Гебель мог нагнать С. Муравьева в Трилесах и арестовать его, возникало у черниговских офицеров, и единодушно было решено в таком случае Муравьева освободить силой оружия. Славяне, давно решившиеся действовать, были в данном случае вполне последовательны. Предполагая, что Гебель поедет с арестантом в Васильков, куда из Трилес вели две дороги — большая и проселочная, славяне, чтобы не пропустить его, разделились: Кузьмин и Щепилло поехали проселочной дорогой, а Соловьев и Сухинов — большой. Первыми приехали Кузьмин и Щепилло; вскоре за ними — Сухинов и Соловьев. Это было на рассвете 29 декабря [12].

Сергей Муравьев рассказывает дальше, что Кузьмин, войдя в комнату арестантов, спросил у Матвея, что делать. На это Матвей отвечал: «ничего», а Сергей сказал: «освободить нас». В эту минуту возвратился расставлявший часовых Гебель и набросился с криком на приехавших офицеров, негодуя, как посмели они говорить с арестантом и отлучиться без позволения от своих рот. Гебель требовал немедленного возврата офицеров к своим воинским частям. Кузьмин напомнил Гебелю, что он у себя на квартире, и отказался повиноваться. Гебель, у которого уже зародились подозрения, послал поручика Ланга узнать, готовы ли лошади, но как только тот, отворив дверь, хотел войти в избу, где были караульные солдаты, туда ворвались за ним и черниговские славяне. Как передается в «Записках» о Славянском обществе, они объявили солдатам роты Кузьмина о начале восстания. «Успех был неимоверный: солдаты изъявили готовность во всем повиноваться своим офицерам». Щепилло и Соловьев вышли в сени, отделявшие караулку от помещения арестованных, и стали совещаться «о начале предприятия». Увидя Ланга, направлявшегося к караулке, Щепилло, думая, что он подслушал их разговор, схватил солдатское ружье, стоявшее у дверей, и хотел пронзить Ланга штыком со словами: «Этого первого надо убить!». Ланг успел спрятаться за дверь и держал ее до тех пор, «пока Щепилла не отстал от оной» [13]. Метавшийся Гебель отдавал в это время приказания солдатам охранять арестованных Муравьевых, но не успел он еще кончить своего приказания, как в кухню ворвались четыре славянина и потребовали у Гебеля отчета, за что арестован Муравьев. Получив ответ, что это не их дело, Щепилло с криком: «Ты, варвар, хочешь погубить Муравьевых!», схватил из рук одного из стоявших там караульных ружье и «пробил Гебелю штыком грудь». Остальные три черниговских офицера также схватили ружья, бросились за Гебелем во двор и стали колоть его штыками. Гебель звал

на помощь и кричал солдатам, чтобы возмутителей «кололи», но те не двинулись с места.

Сергей Муравьев, услышав шум, разбил окно и выскочил на улицу вместе с братом. «Часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел было воспрепятствовать мне в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук». Налево от квартиры Муравьев увидел Гебеля в борьбе с Кузьминым и Щепиллой и нанес Гебелю штыком рану в живот. Гебель вырвался, нагнавший его Щепилло переломил стволом ружья правую руку Гебеля и нанес ему сильную рану штыком. Гебель «в жару» бросился на него, вышиб ружье и бегом побежал к корчме. Раньше чем офицеры нагнали его, он успел вскочить в стоявшие около корчмы порожние крестьянские сани с парой лошадей и погнал их, истекая кровью. Вдогонку за Гебелем был послан Сухинов, которому удалось было поворотить лошадей назад, но встретившийся рядовой 5-й мушкетерской роты Иванов, вскочив в сани и узнав от Гебеля, кто он, привез его по его же приказанию к корчме, несмотря на все запрещения и угрозы Сухинова, приказывавшего Иванову везти Гебеля на ротный двор.

Иванов доставил Гебеля в господский дом, а оттуда степью в селение Снитинку «в 1-ю гренадерскую роту к капитану Козлову». Вероятно, уже оттуда Гебель был перевезен к себе на квартиру в Васильков.

Таким образом, инициатива восстания представляла собой совокупность решительных действий Сергея Муравьева-Апостола, членов Общества соединенных славян Кузьмина, Щепиллы, Соловьева и Сухинова и активной поддержки солдат, державших караул у арестованного Муравьева. Не поддержи солдаты активности декабристов, усилия офицеров-славян и Сергея Муравьева пропали бы даром. Не появись славяне с их безоговорочной решимостью действовать, одному Муравьеву не удалось бы освободиться из-под ареста. Роль славян и солдат в событиях чрезвычайно велика.

Сам Муравьев приписывает огромное значение событиям в Трилесах: «Происшествие сие решило все мои сомнения; видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицера, я положил, не отлагая времени, начать возмущение».

Таков был пролог восстания Черниговского полка.

4

Теперь предстояла важнейшая задача — поднять на восстание первые роты полка, а затем собрать полк и сделать восстание его общим делом. Как показывает Матвей Муравьев-Апостол, солдаты ненавидели полкового командира Гебеля, «сочувствовали своим офицерам и питали к ним полное доверие». Что касается самого Сергея Муравьева, «они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел».

На солдатском согласии выступать против ненавистных крепостников-командиров, против крепостнических порядков в армии объективно основано все восстание Черниговского полка. Тут не было агитации именем цесаревича Константина, использования наивно-монархической стороны солдатского миропонимания или обещаний дать народу «доброго царя». Тут не было сложной ситуации с отказом присягать одному монарху во имя верности другому — более «законному» и более «народному». Черниговцы уже принесли присягу и Константину и Николаю, равным образом им ненавистным. Восстание сразу развернулось под республиканскими лозунгами, которые, как увидим, не только не скрывались от восставших солдат, а которые им прямо были объявлены.

Сергей Муравьев-Апостол дал отчетливые распоряжения о сборе восставшего полка. Он показывает, что «отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5-ю роту и идти на Ковалевку, сам поехал вперед для сбора 2-й гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков».

Вечером 29 декабря 5-я рота, первая из числа восставших, пришла в Ковалевку. Была сильная метель, и Муравьеву с солдатами пришлось там переночевать. Из Ковалевки Муравьев послал унтер-офицера Какаурова в Белую Церковь к подпоручику 17-го егерского полка А. Ф. Вадковскому, уведомляя его, что восстание в Черниговском полку началось и предлагая подымать 17-й егерский полк. Кроме того, он приглашал Вадковского приехать для переговоров в Васильков.

С. Муравьев выступил в Васильков с двумя ротами — 5-й мушкетерской и 2-й гренадерской поутру 30 декабря. По дороге в Мытнице, недалеко от Василькова, его нагнал приехавший из Брусилова М. Бестужев-Рюмин и присоединился таким образом к восстанию.

Появление восставших сильно взволновало жителей Василькова. Они еще раньше узнали о возмущении. По приказанию майора Трухина, приехавшего с конвоем того же 30 декабря (до прихода Муравьева), были всюду удвоены караулы, а барон Соловьев и Щепилло взяты под арест [14].

В Василькове Муравьев провел около суток: он пришел туда с восставшими солдатами 30 декабря, а выступил в Мотовиловку 31-го. В Василькове Муравьев увидел себя во главе пяти рот (недоставало 1-й гренадерской и 2-й мушкетерской), и здесь же был намечен конкретный тактический план восстания, при разработке которого выявились внутренние противоречия, затушевывать которые при исследовании восстания было бы недопустимо.

Перед восставшими сразу встали две задачи: во-первых, спаять восстание, сомкнуть его в единое целое, привлечь участников, держать в повиновении примкнувших, регулировать внутреннюю жизнь восстания, заботиться о ресурсах восстания, деньгах, провианте; вторая задача — большой важности — выработка плана действий: что делать, куда идти?

Кто решал обе задачи? Документы дают несомненные указания, что военный совет, фактически руководивший восстанием, состоял из возглавившего восстание Сергея Муравьева, Бестужева-Рюмина и четырех офицеров-славян: Сухинова, Кузьмина, Щепиллы и Соловьева. Об этом «штабе» восстания говорит сам С. Муравьев, указывая вместе с тем, что брат его Матвей, как отставной, влияния на восстание иметь не мог. Мы узнаем при этом деталь: Матвей Муравьев был в штатской одежде (во фраке). Разумеется, правдоподобнее другое, — что и Матвей влиял на выработку планов.

«Из черниговских же офицеров самое большое участие находил я в четырех, вышеназванных мною. Прочие же все участники — Маевский, Петин, Войнилович, Апостол-Кегич, Белелюбский, Сизиневский и другие — большею частью разбежались и никакой роли не играли»,— показывает С. Муравьев. Поручик Петин уверяет, что ничего не знал о планах Муравьева и «заметил, что Муравьев имел секрет с братьями своими и офицерами: Соловьевым, Сухиновым, Щепиллою и Кузьминым». Этот «штаб» неотлучно находился при Муравьеве — это отметили главнейшие очевидцы восстания.

Северный гонец с известием о решении восстания в Петербурге, посланный самими восставшими, прибыл в Васильков только в этот момент. Это был юный — 19-летний — Ипполит Муравьев-Апостол, родной брат

Сергея и Матвея Муравьевых, прапорщик квартирмейстерской части. Наконец он встретился с братьями — и встретился уже в момент начавшегося восстания. Скорее нельзя было действовать, но как поздно и с какими трудностями установилась связь!

Обе основные задачи, вставшие перед руководителями восстания, решались не совсем одинаково Муравьевым и Бестужевым, с одной стороны, и славянами — с другой. Известное разногласие прежде всего проявилось в создании планов дальнейших действий. Тактика Муравьева была выжидательной, он все время ожидал присоединения новых частей. Особенностью этого ожидания была надежда, что полки, высланные против него, к нему же присоединятся,— эта тактика близко напоминала тактику восстания в Петербурге на Сенатской площади. Сергей Муравьев поэтому несколько медлил, стремясь узнать, какие полки пришли в движение и кого именно двинули на восставших черниговцев. Необходимо подчеркнуть, что Муравьев делал ставку на полки членов Южного общества, но поездка Бестужева-Рюмина кончилась неудачей: в поддержке отказали и Кременчугский и Алексопольский полки, еще ранее обманула надежда на Артамона Муравьева и ахтырских гусар. Вызванный запиской А. Ф. Вадковский дал обещание содействия 17-го егерского полка (иначе нельзя объяснить движения восставших на Белую Церковь), но, очевидно, не смог выполнить обещания. Удачных попыток связаться со славянами, сосредоточенными вокруг Новоград-Волынска, не было: оставленная Бестужевым записка к славянам в Любаре у Артамона Муравьева и неприведенное в исполнение намерение из Трилес приехать в Новоград-Волынск — вот слабые попытки соединиться с ними и поднять там восстание. Посылка к славянам разжалованного Башмакова, который должен был также ехать в Ахтырский и Александрийский полки, тоже кончилась неудачей.

Медлительность Муравьева и выжидательная позиция резко не соответствовали настроению солдат, не говоря уже об офицерах. Чувствуется, что надежда на членов Южного общества не оставляла Муравьева даже после явных признаков их нежелания действовать: Брусилов все время мелькает в показаниях Муравьева как некий сборный пункт частей, руководимых южанами.

Славяне же поддерживали идею не выжидания, а быстрого наступления. Еще до того момента, когда они узнали, что Муравьев в Трилесах, они выработали в Василькове план идти на Киев. Это совпадало с одним из вариантов первоначального плана С. Муравьева, позже им оставленного. По их мнению, сделать это необходимо было с предельной быстротой, упасть на Киев «как снег на голову». Попытка занять Киев, как полагали славяне, имела много шансов на успех и, если бы увенчалась им, произвела бы огромное влияние «на умы». «В Киеве, — значится в «Записках» о Славянском обществе, — он (С. Муравьев. — *М. Н.*) мог бы надеяться на присоединение Курского пехотного полка и даже других полков, стоявших в окрестностях города. Кроме того, артиллерийские офицеры, находившиеся при арсенале, вероятно, сдержали бы слово, данное ими Андреевичу...». План наступления на Киев славяне усиленно поддерживали и во время пребывания восставшего полка в Василькове.

Муравьев сначала противился, потом пошел на уступки: он послал из Василькова в Киев Мозалевского с четырьмя рядовыми, во-первых, для разведки, во-вторых, для разбрасывания воззваний, призывавших к восстанию. Разбрасывание воззваний по городу — прямая апелляция к населению — замечательная черта восстания Черниговского полка.

«Записки Неизвестного» сохранили память о трех письмах Муравьева: какому-то генералу, подполковнику (майору?) Крупенникову и одному члену Польского общества. По «Запискам Горбачевского», два первые письма были отданы по назначению, третье же Мозалевский проглотил, когда был захвачен жандармами. Следствие знает лишь одно письмо — к майору Крупенникову или Крупникову, передать которое Мозалевский не смог, так как майора не удалось разыскать. Важно показание С. Муравьева о том, что майора Курского полка Крупенникова указал Кузьмин и настоял, чтобы сам Муравьев отправил к нему записку: «По сему разговору с Кузьминым решился я на всякий случай написать и сему майору Крупенникову письмо, которое вручил я для отдачи вызвавшемуся добровольно на сию поездку прапорщику Мозалевскому, и дал ему четыре солдата и четыре «Катехизиса» для раздачи в Киеве». К делу восстания Мозалевский был привлечен славянами. Он по болезни находился в Василькове, в полковом штабе, когда 30 декабря в четвертом часу пополудни Муравьев вступил в Васильков. Щепилло, Кузьмин, Сухинов и Соловьев прислали к нему разжалованного из штабс-капитанов в рядовые Грохольского с просьбой присоединиться к восстанию («почему я и пришел к ним»,— пояснял Мозалевский). И в дальнейшем ходе восстания славяне все время поддерживают с ним связь и сообщают ему о всех важнейших решениях. Посылка Мозалевского — осколок плана славян двинуться на Киев. Мозалевский прибыл туда в ночь на новый год, как раз в тот момент, когда Киев узнал о восстании Черниговского полка и готовился действовать. Если бы в Киев в этот момент явился не Мозалевский, а весь восставший полк, как предполагали славяне, дело, возможно, получило бы несколько другой оборот [15].

Мозалевский был арестован около Киева, на возвратном пути оттуда к Муравьеву. Видя, что он не возвращается, и Муравьев и славяне поняли, что ставка на Киев безнадежна. Приходилось придумывать и разрабатывать новый план, и тут восторжествовала политика Муравьева — выжидание. Полк двинулся из Василькова в деревню Мотовиловку. Целью движения был Брусилов.

Вторая задача — забота о внутренней спайке восстания, об его внутреннем управлении также вызывала известные разногласия. Как поступать с нежелающими примкнуть к восстанию или с колеблющимися? Сергей Муравьев тем, кто не желал примкнуть к восстанию, разрешал уйти. Эту политику С. Муравьева обрисовывают и «Записки Неизвестного» и материал показаний, собранных аудиториатом: «Ротным же командирам,— показывает подпоручик Войнилович о пребывании С. Муравьева в Василькове, — между прочим, приказал Муравьев объявить, что если они не пожелают следовать за ним, то могут остаться. Посему он, Войнилович, первоначально приехав в 1-ю мушкетерскую роту, бывшую под командой капитана Вульферта, застал оную собравшуюся у корчмы, где и объявил Вульферту означенное приказание». Последние два слова относятся ко всему предписанию Муравьева, указанное выше распоряжение — лишь часть его. Кроме того, было отдано предписание объявить солдатам, что цесаревич Константин никогда не отрекался от престола, а «письма о сем предмете фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польский офицер с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву». О всем распоряжении в целом и о праве нежелающим ротным командирам уйти, если они не хотят участвовать в восстании, изумленный Вульферт, как рассказывает Войнилович, потребовал письменного предписания, «которое он, получив и не прочтя оного от замешательства, возвратил ему обратно». Это же приказание было передано им капитану Козлову. Славянская же часть «штаба»

Муравьева действовала иначе: держать всех восставших вместе, запрещать уход, препятствовать измене и бегству, поддерживать высокую степень революционной спайки и напряжения, каких бы жертв это ни стоило,— такова была позиция славян. И по всему ходу событий видно, с каким удивительным бесстрашием и самопожертвованием выполняли свою роль славяне. На первом месте среди них и тут приходится назвать Сухинова.

5

И. И. Сухинов играл немалую роль в поддержании внутренней дисциплины восстания. Эта роль его отразилась в показаниях всех колеблющихся, нерешительных или прямо изменивших делу восстания. Для всех этих лиц Сухинов — первый объект жалоб. Многие решительные революционные действия приписываются его инициативе, он — якобы главная причина всех «несчастий» дезертиров. При вступлении в Васильков Сухинов нес ответственную роль командира авангарда, и от его поведения и личной храбрости зависело очень многое. «В 3 часа пополудни,— говорится в «Записках» о Славянском обществе, — авангард С. Муравьева под командою Сухинова спокойно вошел в город, достиг городской площади, без всякого сопротивления, и не обнаружил никаких неприязненных расположений против жителей». Такова передача лица, всецело преданного восстанию. Штабс-капитану Маевскому, который был захвачен восстанием позже, картина представлялась несколько иною: «...Между тем временем 2-я гренадерская и 5-я мушкетерская роты шли с Муравьевым уже в Васильков,— показывает он,— при вступлении означенных рот Сухинов, идя впереди солдат с заряженными ружьями, в большом азарте буйствовал по городу». Документы при сопоставлении показывают, что никаких особых «буйств» вроде бесчинных грабежей и т. п. не было — был обычный ряд революционных мероприятий для захвата города восставшими. Но «он, Маевский, от испуга, что намерены были лишить его жизни за то, что приказал бить тревогу, ушел и, скрывшись в клуне, просидел там до ночи, и хотя искали его, но не нашли».

Майор Трухин — заместитель Гебеля по полку во время отлучки последнего для поисков С. Муравьева — тоже испытал на себе решительную руку Сухинова, с которым заодно действовал и Бестужев-Рюмин. Трухин встретил восставший полк при вступлении его в Васильков. В «Записках» передается, что «миролюбивый вид мятежников ободрил майора Трухина; надеясь обезоружить их одними словами, он в сопровождении нескольких солдат и барабанщика подошел к авангарду и начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями; но, когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбие солдат: они бросились с бешенством на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, разорвали на нем в куски мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями». Сам Трухин передает дело так: эполеты сорвал с него Сухинов, «бросил на землю и топтал их ногами, потом оторвали у него, Трухина, шпагу и взяли его в шайку бунтовщиков, где толкали его, и вскоре отвели на гауптвахту под строгий арест, отколь даже без конвоя по собственной надобности не выпускали его...», а «шайка» Муравьева целую ночь кричала «ура!». «Очень часто приходили к нему на гауптвахту Щепилло и Мозалевский с заряженными пистолетами и пробовали, есть ли порох на полке; кроме того, был и Сухинов, спрашивая, спит ли он, Трухин, или нет. В таком опасном положении провел он на гауптвахте целую ночь»[16].

Ответственное поручение Муравьева в начале пребывания в Василькове — захватить знамена и полковой ящик — также выпадает на долю Сухинова. По словам Горбачевского, Сухинов пошел вместе с Мозалевским на квартиру Гебеля. Входя в дом, Мозалевский заметил, «что на левом фланге взвода, назначенного под знамена, недостает несколько рядов; тут же услышал он в комнатах шум и крик. Он тотчас догадался, что солдаты, оставив ряды, ворвались во внутренность дома и предаются бесчинству. Догадки свои он сообщил Сухинову, который, обнажив саблю, бросился в комнаты и увидел пред собою толпу разъяренных солдат, готовых принести Гебеля в жертву мщению. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а некоторые даже предполагали убить ее вместе с малолетними детьми... Сначала Сухинов угрожал наказать смертью тех, которые, забыв военную дисциплину, оставили ряды без приказания офицера, осмелились нарушить спокойствие бедной женщины... Но, видя, что его слова не производят никакого действия, он решился подтвердить оные делом и наказать немедленно первого виновного. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары, и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимого офицера. Сухинов, не теряя духа, бросился в штыки, осыпал сабельными ударами угрожавших ему убийц и выгнал их из дома». Мозалевский поддерживал дисциплину у дверей дома. Мужество Сухинова сохранило дисциплину.

Уже упомянутый штабс-капитан Маевский, по словам его, усиленно просил С. Муравьева «уволить его» от восстания. «На сие Муравьев согласился с тем, что, когда полк утром будет выступать, то, отойдя версту или более, под видом откомандировки его, Маевского, отпустить». Это слышал Щепилло и сейчас же попросил Маевского идти на квартиру Кузьмина ночевать вместе. Дело было уже в Мотовиловке. Когда ночью Маевский вышел из комнаты, «Кузьмин, Соловьев, Щепилла и Сухинов начали один другому говорить, что никого выпускать не должно, и положили намерение, если только он, Маевский, отлучится, лишить его жизни, что слышала хозяйка дома и после рассказывала Маевскому». Ранее в Василькове, после того как Маевский вышел из «клуни», Кузьмин и Щепилло несколько раз приходили к нему на квартиру с пистолетами, и Кузьмин говорил притом: «Счастлив его бог, что его, Маевского, не застали; однако... не избегнет он наших рук, за ним послано искать».

Поручик Петин, командовавший 2-й гренадерской ротой Черниговского полка, жаловался, что никак не мог «отстать» от бунта, «потому что приверженцами его (Муравьева. — *М. Н.*) Сухиновым, Кузьминым и бароном Соловьевым был везде преследован, которые, дабы увеличить шайку свою, наблюдали за ним, Петиным, неотступно, а он никак не мог до 3 генваря уклониться от их партии». Сопоставим это с разрешением Муравьева нежелающим следовать за восставшими ротным командирам идти, куда они хотят. Подпоручик Войнилович, призванный к восстанию, получил от Муравьева распоряжение относительно снабжения полка провиантом. Он отложил исполнение поручения, так как был поздний вечер, «а поутру на другой день,— как показывает он сам,— в 7 часов пришел к нему, Войниловичу, на квартиру поручик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы он, Войнилович, не оставался, а шел за полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, в чем и требовал от него клятвы». Таким образом, Сухинов, вынудив от Войниловича согласие, ушел от него. После Муравьев позвал его к себе, велел ему принять провиант. Когда Войниловичу сам Муравьев дает ответственное поручение — приказать капитану Козлову привести 1-ю гре-

надерскую роту туда же, где находится 1-я мушкетерская, то он ссылается на Сухинова, уже явно признавая его значительную роль как одного из первых своих помощников и, вероятно, сознавая, как заметна для окружающих роль Сухинова в качестве восстановителя дисциплины. Войнилович передает, что Муравьев говорил ему, «что если он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним поручик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не преминут поймать и лишить его, Войниловича, жизни». Многие ответственные распоряжения, в частности тому же Войниловичу, Муравьев дает через Сухинова.

Подпоручик Рыбаковский, услыхав тревогу при вступлении восставших в Васильков, вышел из своей квартиры и едва только показался на улице, как «в то же время поручик Сухинов, вооруженный пистолетами, подойдя к нему с толпою солдат, требовал от него согласия на их сообщничество». Согласие это Рыбаковский дал и был поставлен у Киевской заставы с приказанием никого не пропускать, останавливать проезжающих, отбирать у них бумаги и направлять к Муравьеву. Подпоручик Кондырев, по его показанию, получил от Гебеля важнейшее поручение: заколоть барона Соловьева и Щепиллу, если они покусятся освободить себя (они в тот момент сидели в Василькове под арестом, а С. Муравьев еще только вступил в город). Кондырев для этого бросился на гауптвахту и «был там схвачен Сухиновым». С него сорвали эполеты и шпагу и отвели самого на гауптвахту под арест. Сухинов и тут сыграл, таким образом, большую роль, помешав убить двух важнейших участников — руководителей движения. Общее заключение Кондырева таково, что «насилия и угрозы более всех были оказываемы Кузьминым, Сухиновым и Щепиллой, в чем равномерно участвовал и Соловьев».

Прапорщик князь Мещерский, бывший в Василькове, показывает, что также услышал вечером 30 декабря тревогу и выехал верхом посмотреть, что делается в городе. «Вдруг поручик Сухинов с толпой солдат, окружа его, князя Мещерского, и приставя к груди его пистолет, говорил, чтобы он согласился быть участником их». По мнению Мещерского, Муравьев тогда еще в город не вступил, а пришел немного позже. К Муравьеву же «представил» Мещерского тот же Сухинов. Когда Мозалевский арестовывает у заставы поручика Несмеянова и прапорщика Апостола-Кегича, он отправляет их сначала на квартиру к Сухинову, Щепилле, Кузьмину и Соловьеву (они так и жили все вместе), где его допрашивают и привлекают к восстанию, а лишь затем посылают Несмеянова на гауптвахту, а Кегича отпускают на его квартиру. Даже нижние чины 5-й мушкетерской роты показали, что по приходе в Васильков были помещены в одном доме с Соловьевым, Кузьминым, Сухиновым и их «никуда не выпущали при строгом за тем наблюдении» этих офицеров. На эту роль Сухинова и его товарищей обратил большое внимание аудиториат и ранее военный суд при главной квартире первой армии.

Ночь с 30 на 31 декабря была проведена восставшими в Василькове. Судя по «Запискам Неизвестного», С. Муравьев вечером отдал приказ всем ротам собраться на площади в 9 часов утра. Час исправляется показаниями Муравьева: он приказал собраться около 12 часов дня. Офицеры-славяне всю ночь не спали, готовились к походу, вели деятельную агитацию среди солдат, проявляя заботливость, предусмотрительность и ясное, практическое отношение к делу. «Каждый занимался своим делом, забывая опасность; деятельность и усердие членов общества были беспримерны: они старались одушевить солдат новым мужеством и поддержать бодрость их духа. Чтобы успешнее действовать на них, они всеми силами старались обеспечить их продовольствием. Сами солдаты в приготовлении к походу показывали не менее ревности: ружья, патроны и вся амуниция

были осмотрены с величайшим тщанием и все недостатки были исправлены»[17].

С. Муравьев в эту решающую ночь дописывал свой «Катехизис», в агитационную силу которого он глубоко верил. Действительно, «Катехизис» является замечательным идеологическим памятником южного восстания и революционного республиканизма декабристов вообще.

На разведку в Киев был послан Мозалевский с приглашением прибыть в Брусилов, а на следующий день решено было выступить из Василькова в Мотовиловку в надежде соединиться там с ротами Черниговского полка, еще не присоединившимися к восстанию. Мотовиловка лежала по дороге в Брусилов. С. Муравьев говорит, что он сразу склонялся к движению и на Брусилов и к движению на Киев. Из Брусилова (в случае удовлетворительного ответа Крупенникова) был один переход на Киев, «в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира».

Ценнейшие показания о смысле похода в Брусилов дал Мозалевский. При приглашении последовать в Брусилов ему сказано было, что там «собраны будут Алексопольский и Кременчугский пехотные, Ахтырский и Александрийский гусарские полки, которые, равно и другие полки, бунтуются, и из Брусилова пойдут к Житомиру, где будто бы собрана уже и 8-я пехотная дивизия». Когда рота Кузьмина просилась из Василькова на ротный двор в Трилесы «для забрания своих вещей», то он, Кузьмин, дав на роту 200 руб. ассигнациями, говорил: «Мы ни в чем нуждаться не будем, сходим только в Брусилов и Житомир, а потом опять в Васильков». Достаточно вспомнить, что на Алексопольский полк имел влияние Повало-Швейковский, а во главе Ахтырского стоял Артамон Муравьев, чтобы понять, что Брусилов был новой ставкой С. Муравьева на изменивших членов Южного общества,— надежда, что они останутся верны обществу и выполнят обещание, все же не покидала С. Муравьева.

6

В Василькове особенно высоко поднялся дух восставших.

31 декабря 1825 г. по сборе рот на площади Василькова был прочитан перед восставшим Черниговским полком революционный «Катехизис», один из замечательнейших идеологических памятников движения декабристов, освещающий своим идейным светом южное восстание.

Исследование идеологии декабристов было бы неполно без привлечения этого памятника. Он сосредоточен непосредственно на вопросе о свержении самодержавия. Таких документов в силу их особой конспиративности и остроты темы сохранилось не так много в документальном комплексе движения декабристов. Революционный «Катехизис» ярко и точно свидетельствует о республиканской идеологии восстания.

По примеру ранее возникавших в истории революционной борьбы катехизисов, созданный Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым документ состоит из вопросов и ответов и написан простым языком, рассчитанным на читателя и слушателя — солдата, человека из народа.

Быть счастливым и свободным русскому народу, согласно «Катехизису», препятствует именно царизм и не что иное. Цари являются тиранами, мучителями народа. Цари «похитили» свободу у народа, утверждает революционный «Катехизис», «цари тиранят только народ». Лишь то правление сходно с законом божиим, «где нет царей»[18].

Царизм неоднократно именуется в документе «тиранством», дважды русские люди призываются «ополчиться против тиранства». Русский на-

род и русское воинство страдают потому, что «покоряются царям». Необходимо низложить «неправду и нечестие тиранства».

Более того, документ особо интересен тем, что отвергает не только самодержавие, абсолютизм, но также и избрание царей. Революционный «Катехизис» смело и убежденно защищал тезис о том, что «избрание царей противно воле божией», и подкреплял его цитатой из священного писания — известным текстом из Книги Царств, где бог разъяснил Самуилу всю нежелательность избрания царей и запретил это избрание.

Насколько важен был именно этот лозунг для составителей революционного «Катехизиса», показывает и свидетельство, изложенное в «Записках Неизвестного». В разговоре с автором — членом Славянского общества Сергей Муравьев пояснял: «Чтение библии может внушить им (солдатам.— *М. Н.*) ненависть к правительству. Некоторые главы содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя...».

Таким образом, не остается сомнений в том, что идейная платформа южного восстания была республиканской. Она вместе с тем явилась и основанием для сговора двух обществ — Северного и Южного. Возглавивший южное восстание Сергей Муравьев-Апостол вместе с Бестужевым-Рюминым составил революционный «Катехизис», активно участвовал в борьбе за «соединение» обоих обществ и за решение действовать совместно. Этим еще раз подтверждается общий республиканский характер этого сговора. В этом отношении совершенно точно утверждение Сергея Муравьева: «Катехизис же составлен мною для воззвания к возмущению против монархической власти»[19].

Документ пронизан идеологией равенства людей — одной из важнейших идейных основ революционной борьбы в эпоху смены феодализма капитализмом. Именно эта идеология и обосновывает в «Катехизисе» свержение самодержавия и установление справедливого строя без царей: «*Вопрос.* Какое правление сходно с Законом Божиим? *Ответ.* Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на Землю, избрал апостолов из простого Народа, а не из знатных и царей».

Отлично представляя себе, как отягощает вину в глазах следствия признание в авторстве такого революционного документа, Сергей Муравьев-Апостол сначала берет всю вину на себя. Еще 31 января 1826 г., уже находясь в Петербурге и не раз допрошенный, он твердит следователям, что «катехизис, читанный нижним чинам Черниговского полка при возмущении, сочинен им, Муравьевым, без участия других и без ведома Директории». Однако это не убеждает следствие,— в его руках уже имеется свидетельство, данное Матвеем Муравьевым-Апостолом еще 9 января: «Катехизис сей сочинен Бестужевым и братом». А 27 января 1826 г., т. е. за четыре дня до упомянутого выше допроса Сергея Муравьева, безоговорочно сознался в авторстве «Катехизиса» и сам Бестужев-Рюмин: «Обе прокламации и катехизис были сочинены Сергеем Муравьевым и мною»,— показывает он. Далее в той же следственной анкете он свидетельствует, что полковой священник прочел перед восставшим полком «написанный нами катехизис». Ту же формулу применяет он на более позднем допросе 15 апреля: «Я дал Ушакову написанный **нами** катехизис». Таким образом, не остается сомнений, что у этого замечательного документа русского революционного движения два совместно работавших автора: Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. С этими двумя именами и должен связываться документ,— обычное его наименование «Катехизисом» Сергея Муравьева надо признать неточным[20].

В специальной работе П. Е. Щеголева, посвященной революционному «Катехизису», основные усилия автора посвящены поискам его литературного прототипа. Последний найден в испанском революционном катехизисе 1809 г. Поводом сочинения русского «Катехизиса» является, согласно П. Е. Щеголеву, французский роман «Дон-Алонзо или Испания», сочиненный Н. А. де Сальванди и прочтенный С. Муравьевым незадолго до восстания. Даже самая «страстность призывов к уничтожению тирании» будто бы, по Щеголеву, была перенесена в русский катехизис из испанского! Выходит, что если бы декабристы — авторы «Катехизиса» не прочли бы указанного романа и не вдохновились страстностью испанских революционных призывов, не было бы и «Катехизиса» южного восстания с его революционным пафосом.

Надо отметить глубокую, принципиальную разницу между русским революционным документом и испанским катехизисом 1809 г., которым (в беллетристическом пересказе Сальванди) оперирует П. Е. Щеголев. Испанский катехизис — конституционно-монархический документ, русский — республиканский. Испанский катехизис призывает защищать «свое отечество и своего короля», его текст должен воодушевлять «всякого верноподданного». На вопрос, «какого счастья мы должны искать», испанский катехизис отвечает, что желательно «монархическое правление по испанским конституциям», а на вопрос, кто должен совершить освобождение страны от иностранного ига, следует ответ: «Наш дорогой Фердинанд VII». Уже этих сопоставлений достаточно для констатации глубокой разницы между русским и испанским революционными документами. Разница еще и в том, что идеи природного равенства всех людей испанский текст не содержит, в то время как русский документ пронизан этой мыслью [21].

Анализ идейного содержания русского революционного «Катехизиса» был бы неполон без вопроса о народе. Прямые упоминания о последнем характерны для него. Хотя «Катехизис» обращен непосредственно к солдатам, наряду с ними он упоминает о народе и несчастья солдат и народа одинаково и без малейшего различия возводятся к самодержавию. «Катехизис» спрашивает: «Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?» Ответ: «От того, что цари похитили у них свободу». Доводом решающего значения является утверждение, что цари «тиранят только народ». Далее утверждается, что «русский народ и русское воинство страдают потому, что покоряются царям» [22].

Не подлежит никакому сомнению, что основная общая идея протеста против самодержавия адресована, по прямому смыслу текста, не только к воинству, но и к народу. *«Вопрос:* Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?» Ответ требует ополчиться «против тиранства» не только воинам, а вообще «всем чистым сердцем». Именно они должны «взять оружие и смело следовать за глаголящим во имя господне». Далее в конце декабристского «Катехизиса» есть самостоятельный текст, адресованный специально «христолюбивому российскому воинству», которое (тут уже особо, отдельно) призывается «ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России».

В полном соответствии с этим находится и отдельная прокламация к народу, написанная рукой Бестужева-Рюмина. Кроме нее, его же рукой набросан третий документ — прокламация к воинству, развивающая мысль «Катехизиса». Таким образом, перед нами — несомненный замысел создать систему одновременно действующих агитационных документов.

Все три документа имеют разные функции. Прокламация к народу объясняет ему смысл восстания, глухо, как и «Манифест к русскому на-

роду», доводя до его сведения весть об освобождении от крепостного права. Как и северный документ, она воздерживается от прямых формулировок (очевидно, с тою же целью не вызвать народных волнений, которых декабристы боялись, и сохранить столь нужное для них «спокойствие» народа): «Мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна»,— вот и все, что сказано в прокламации на эту тему. По линии же политической набросанная Бестужевым прокламация говорит лишь о том, что будет восстановлено «Правление народное», которое заменит самодержавие. В полном соответствии с классовой ограниченностью дворянских революционеров прокламация не призывает народ к прямому революционному действию, хотя цитированные выше строки революционного «Катехизиса» призывали «ополчиться против тиранства» не только воинство, но вообще народ и «всех чистых сердцем». Сочувствие народа совершаемой революции крайне нужно декабристам, но они хотят только сочувствия: «Итак да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умолит всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего».

Идейное содержание этих документов выявляется и в том замечательном обстоятельстве, что они были совершенно свободны от «Константиновского» лозунга, вовсе не оперировали именем цесаревича Константина. Это существенное отличие южного восстания от северного, где лозунг верности Константину служил в некоторых случаях внешним поводом для вывода солдат на Сенатскую площадь и некоторым прикрытием истинных целей, о которых солдаты должны узнать не сразу, а постепенно и немного позже. Правда, это положение не было основным. В данном же случае этого лозунга вообще не было. Южные декабристы прямым образом обратились к солдатам с призывом свержения самодержавия и установления республики. Этого не провозглашали в петербургских гвардейских казармах перед выходом на Сенатскую площадь, — это был дальнейший и более решительный шаг к демократическим позициям. Эта особенность чрезвычайно важна и характерна.

Революционный «Катехизис» имел, сверх всего этого, еще чисто военную функцию: это был документ, освобождающий войско от только что принесенной присяги и призывающий его к восстанию. Черниговский полк принес присягу царю и восстал после присяги — чрезвычайно важное обстоятельство. Черниговцы в данном случае сходны с лейб-гренадерами, вышедшими на Сенатскую площадь после принесения присяги. Отсюда возникла необходимость освободить воинство от принесенной присяги и тем облегчить последующие революционные действия.

Этот момент очень многое объясняет в избранной религиозной форме: в цитатах из священного писания, доказывающих невозможность и «богопротивность» клятвы царям, в подробном объяснении, откуда взялась эта нечестивая клятва царям и почему царей поминают в церкви. *Вопрос*: «Стало, присяга царям богу противна?». *Ответ*: «Да — богу противна, цари предписывают принужденные присяги народу для губления его». Эти и подобные утверждения имели чрезвычайно важную для восставшего полка функцию — освободить солдата от только что принесенной присяги и поднять его на восстание. Заметим, что лично руководителей восстания этот момент не касался: Сергей Муравьев, по собственному показанию, «на подданство ныне царствующему императору не присягал, ибо меня во время присяги не было налицо при полку». Бестужев-Рюмин, как подпоручик Полтавского пехотного полка, также не присягал по той же причине [23].

Однако дело этим не ограничивается. Следственные документы дают ряд точных доказательств того, что революционный «Катехизис» имел

еще другую ясную и весьма важную цель: он был предназначен для того, чтобы в создавшихся конкретных условиях полки, только что присягнувшие новому царю, поднять на восстание и в этой связи заменить присягу царю присягой революции. Это была важнейшая функция революционного «Катехизиса»: «А кто отстанет, тот яко Иуда предатель будет анафема проклят. Аминь».

С целью поднять на восстание окрестные полки и были спешно переписаны полковыми писарями 11 экземпляров «Катехизиса». Они были предназначены для полков, которые должны были, по мысли Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина, примкнуть к восстанию. Их также не должна была связывать принесенная присяга Николаю. Вероятно, руководителям Черниговского восстания представлялось, что молебны, подобные отслуженному в Василькове, чтения «Катехизиса», снятие только что принесенной клятвы царю и принесение клятвы в верности революции и республике также должны иметь место на сборе тех полков, которые примкнут к восстанию.

Посланный в Киев Сергеем Муравьевым прапорщик А. Мозалевский поехал поднимать на восстание киевской гарнизон, а не просто передать какие-то письма и бросить на киевских улицах три «Катехизиса». Эта довольно туманная и общая картина уточняется и приобретает ясную функцию, если обратиться к документам.

Личное показание Мозалевского, к счастью сохранившееся в составе дела Сергея Муравьева (дело Мозалевского не дошло до нас), сообщает, что Сергей Муравьев, будучи в Василькове, вызвал Мозалевского, дал ему надеть «партикулярное платье», сделал ему наставления быть осторожнее и вручил запечатанные в конверт три «Катехизиса», приказав по приезде в Киев распечатать конверт и отдать «Катехизисы» сопровождавшим его трем рядовым и одному унтер-офицеру «с тем, чтобы они роздали те катехизисы состоящим в Киеве солдатам». Вместе с Мозалевским были посланы рядовые Павел Прокофьев, Аким Сафронов и Алексей Федоров, а также унтер-офицер Иван Харитонов. С солдатских шинелей С. Муравьев сам отпорол погоны в целях конспирации, чтобы рядовые и унтер-офицеры не могли быть опознаны. Показание об основном целевом назначении «Катехизиса» — раздача солдатам киевского гарнизона имеет чрезвычайную важность и вносит ясность в вопрос. Эта формулировка, несомненно подтвержденная и устным допросом, нашла себе место и в докладе Аудиториатского департамента по делу Соловьева, Быстрицкого, Мозалевского, Сухинова и других участников восстания Черниговского полка — как в части констатирующей, так и в «мнении» главнокомандующего графа Сакена, отлично знавшего все материалы по южному следствию и судопроизводству (не дошедшему до нас). Сакен, осведомленный во всей сумме показаний Мозалевского, а также и в прочих не дошедших до нас материалах южных допросов, передал их содержание по интересующему нас вопросу таким образом: Мозалевский обвинялся в принятии «от него, Муравьева, сочиненного им с дерзкими против монаршей власти изречениями катехизиса для доставления оного в Киев к произведению там подобного в войсках возмущения». Эта формулировка заслуживает внимания [24].

Аудиториатский же доклад в четвертом своем подразделении, посвященном специально Мозалевскому, приходит даже к выводу (очевидно, основываясь на каких-то не дошедших до нас показаниях), что «сии катехизисы по прибытии в Киев брошены солдатами в разных местах, на тот конец, чтобы оные были сысканы воинскими чинами» [25].

Конечно, трудно себе представить, чтобы «Катехизисы» разбрасывались с тем, чтобы именно солдаты и никто иной разыскали их на киев-

ских улицах,— это позднейшее осмысление события на основе показаний о первоначальной цели. Мозалевскому, как известно, не удалось раздать «Катехизисы» именно солдатам, поскольку, согласно следственным материалам, не удалось добиться связи с сочувствующими полковыми командирами («майором Крупниковым» или «Крупенниковым», личность которого следствию так и не удалось идентифицировать). Если же опираться на свидетельство «Записок Неизвестного», мы узнаем, что писем к военачальникам, на которых тайное общество возлагало надежды, у Мозалевского было не одно, а три: одному генералу, которого фамилия не названа, но дана лишь примета местожительства («он жил на Печерске» — не Ренненкампф ли?), тому же (неразысканному) «подполковнику Крупенникову» (названному в делах следствия майором) и «одному поляку». Все эти лица призывались активно содействовать восстанию — очевидно, организацией выступления тех войсковых частей, которые были под их командой. Заслуживает внимания формулировка поручения Мозалевскому в передаче «Записок Неизвестного»: Муравьев просил Мозалевского пересказать ему («одному генералу, которого фамилия неизвестна») о событиях и узнать от него, что думают другие члены о происшествии 14 декабря и о восстании Черниговского полка, «расспросить его о мерах, какие они с своей стороны думают принять, объявить ему о надеждах С. Муравьева на Киев, где находится так много членов русского и польского обществ...». Из контекста совершенно ясно, о каких «надеждах» С. Муравьева идет речь: поставлен вопрос о поддержке восстания воинскими частями. Сопоставляя это с данными следствия, мы можем внести в вопрос дополнительную ясность: по показанию Грохольского, письмо С. Муравьева сообщало «Крупенникову», «чтобы он следовал на сборный пункт». По «Запискам Неизвестного», подполковник Крупенников — реальное лицо; он, как сообщают «Записки», дал положительный ответ на письмо Муравьева («Буду иметь случай соединиться с вами, исполнить данное обещание и разделить общую опасность») [26].

В свете этого понятен и эпизод со штабс-ротмистром гусарского принца Оранского полка Ушаковым, проезжавшим через Васильков во время восстания. Он был задержан на заставе и приведен к Муравьеву. В полку его были близкие по настроениям люди,— сам Ушаков проявил сочувствие к делу восстания и возбудил надежды руководителей. Было желательно присоединить к восстанию и этот полк. Бестужев-Рюмин показывает об Ушакове: «Видя, что мы восприняли действия, он воспламенился и желал нам успеха». Руководители восстания поручили Ушакову уведомить о виденном офицеров его полка (рассчитывали на Жукова, Паскевича, Веселовского, Поздеева и Рославлева). Ушакову вручили один экземпляр революционного «Катехизиса». Очевидно, и в этом случае документ должен был иметь указанную выше функцию на случай, если гусарский принца Оранского полк примкнет к восстанию [27].

Все это объясняет также и то обстоятельство, что Сергей Муравьев-Апостол раздал не все переписанные катехизисы: повидимому, он предполагал, что при встрече с присоединяющимися полками в них может возникнуть надобность. По свидетельству Матвея Муравьева, последние копии революционного «Катехизиса» сохранялись до самого последнего момента, и лишь тогда, «когда отряд [Гейсмара] забрал Черниговский полк, сии копии были истреблены» [28].

В пересказах мемуарной литературы эта ближайшая практическая функция документа оказалась необъясненной. Рассказ о поездке Мозалевского в Киев в «Записках Неизвестного» уже занят непосредственно объяснением не первоначальной цели (раздать «Катехизис» солда-

там), а того особого поворота, который получился в действительности,— раздачи «Катехизиса» народу просто как революционной прокламации. Конечно, и такую роль могла сыграть эта замечательная прокламация русского революционного движения, но задумана и подготовлена она была прежде всего как практический и крайне необходимый документ восстания: снять только что принесенную присягу царю, тормозящую восстание, и заменить ее присягой революции и лозунгу республики, выходя с этим на восстание.

Аналогичное сопоставление показаний, данных на следствии, и последующего освещения вопроса в мемуарной литературе позволяет внести некоторые уточнения и в эпизод с Даниилом Кейзером, священником Черниговского полка, который прочел перед восставшими черниговцами революционный «Катехизис». Как известно, Муравьев, желая хоть несколько ослабить вину священника во время следствия, подчеркивал в своих показаниях, что дал ему за выполнение приказания 200 руб., т. е. снял вопрос идейного характера и заменил его узкоматериальной причиной. Между тем священник Кейзер соглашался на предложение Муравьева из идейных соображений (в «Записках Неизвестного»: «Готов умереть с вами для общей пользы»), но в то же время, ссылаясь на семью — жену, детей, проявлял колебания: «Если ваше предприятие не удастся, что будет с ними? Бедность, нищета и даже позор ожидают мою жену и моих сирот». Тогда Муравьев, «желая успокоить справедливое опасение священника насчет его семейства, дал ему 200 рублей, после чего он согласился». Но столь небольшая сумма не могла же устроить судьбу семьи священника в том случае, если бы она потеряла кормильца. Опять-таки непосредственные документы следствия, в первую очередь допросы самого Даниила Кейзера и церковников Дмитрия Краскова и Ивана Ахлестина, вносят ясность в этот вопрос. Сергей Муравьев встретил согласие со стороны Кейзера прочесть «Катехизис» перед полком, и согласие это, очевидно, было дано вполне сознательно. Но далее Муравьев потребовал, чтобы Кейзер следовал за восставшим полком. Между тем подъемных средств у Кейзера не было. Двести рублей, данные ему С. Муравьевым, и сыграли роль «подъемных»: на эти деньги сейчас же была куплена священником «брычка», следовательно, речь вовсе не шла непосредственно о материальной поддержке его семьи. С. Муравьев, по показанию Кейзера, дал ему 200 руб., чтобы он мог «сколько ни есть исправиться с семейством и следовать в поход»,— отсюда немедленная покупка Кейзером у васильковского экспедитора дорожной брички за 70 руб., т. е. единовременная трата более нежели трети всей суммы. Следовательно, этот поступок С. Муравьева, как и действия Кейзера, был понятен, целенаправлен и в данной обстановке имел вполне практическое значение. Таким образом, нельзя давать веры показанию Сергея Муравьева, что после того как Черниговский полк выстроился на площади в Василькове, — «священник, коему, дабы склонить на сие дал 200 руб., отслужил молебен, прочел катехизис, мною сочиненный». Как видим, это показание нельзя признать точным, — деньги имели иное назначение и вовсе не были «покупкой» согласия священника [29].

Имя священника Даниила Кейзера (впервые в литературе упомянутое П. Е. Щеголевым и прокомментированное в его работе о революционном «Катехизисе») по праву занимает свое место в истории декабристского движения.

С. Муравьев показывает, что «Катехизис» будто бы остался непонятен солдатам, и он вынужден был для поднятия их духа опять прибегнуть к имени цесаревича Константина, даже отмечает на следствии якобы

отрицательное впечатление, которое произвело на солдат чтение революционного «Катехизиса» на площади в Василькове. Однако это свидетельство, несомненно, опровергается его собственными поступками: почему же он посылает из того же Василькова прапорщика Мозалевского в Киев для раздачи солдатам киевского гарнизона катехизисов? Очевидно, он не сделал бы этого, если бы в действительности заметил отрицательное воздействие этого документа.

Важно учесть, что «Катехизис» многократно разъяснялся и комментировался солдатам. Прапорщик Апостол-Кегич свидетельствует, что Сухинов, Кузьмин, барон Соловьев и Щепилло, «часто читая солдатам «Катехизис», говорили им о вольности...». Что же иное может разуметься под «вольностью», как не освобождение от крепостного права? Без сомнения, это частое чтение есть толкование солдатам революционной прокламации, объяснение непонятных мест и заодно развитие революционных политических мыслей, прикрытых религиозной формой. Кроме указания на необходимость «вольности», солдатам сообщалось, что вся армия в движении и что царя быть не должно. По показанию прапорщика Белелюбского, солдатам говорили, что «они идут за веру и свободу, внушая им не признавать царя, а быть только им послушным». Агитацию эту, по его же словам, вели не только славяне Сергей Муравьев, а также его братья Матвей и Ипполит. Замечательно упоминание последнего: Ипполит Муравьев, следовательно, быстро вошел в существо дела и оказался преданным восстанию человеком [30].

Агитация «доходила» до солдат, держала их на подъеме и возбуждала доверие к командирам в течение тех шести дней, когда длилось восстание Черниговского полка. Инвалидный поручик показывает, что встретил в Василькове солдата, кричавшего: «Теперь вольность!». На очных ставках Сухинов утверждал, что «он, Сухинов, действительно внушал солдатам о вольности». Вспомним, что командовавший авангардом Сухинов ворвался с солдатами в Васильков с криком: «Ура! За свободу!». Очевидно, солдатам был понятен этот призыв, они вкладывали в него какое-то конкретное содержание. Писарь Хоперский, переписывавший «Катехизис», показывал, что в нем упоминалось «более о независимости и свободе»,— так он воспринял его содержание. Сергей Муравьев-Апостол обещал солдатам десятилетнюю службу (иначе говоря, сокращение солдатской службы на 15 лет). Встречаются свидетельства, что службу обещали уменьшить даже до пяти лет. По свидетельству «Записок Неизвестного», «ни один солдат, в продолжение всего сего несчастного восстания даже и не думал покинуть своих товарищей», в то время как несколько офицеров покинули полк [31].

Действительно, в следственных документах нет сведений о дезертирстве солдат во время восстания, о побегах с целью доноса правительству и т. д. Правительственная сторона получала сведения о восстании только из допросов насильственно захваченных и арестованных правительственными властями участников восстания. Из всего этого нельзя не вывести, что основной смысл и «Катехизиса» и восстания оказался понятен солдатам.

Знал ли что-либо окружавший восстание трудовой народ и прежде всего угнетенное украинское крестьянство о смысле того, что вокруг него происходило? По этому вопросу есть несколько важных свидетельств. Ф. Ф. Вадковский в рассказе «Белая Церковь» записал воспоминания о восстании Черниговского полка со слов Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского. По их свидетельству, Сергей Муравьев сказал речь после чтения «Катехизиса», поясняя его содержание и лозунги восстания. С. Муравьев «говорил короткую речь, внушая солдатам их права на сво-

боду, призывая их к защите этой свободы и для себя и для отечества, обнадеживая их прибавкою жалованья, уменьшением срока службы для них и облегчением тягости для поселян». Последние слова замечательны: в южном восстании лозунги открытой агитации соединились с лозунгами о крестьянах. Что последовало за этим? В Мотовиловке (а очевидно, и в Василькове) «солдаты по-своему растолковали хозяевам причину восстания»: крестьяне, выходя из церкви, обращались к проезжавшим в это время братьям Муравьевым — Сергею, Матвею и Ипполиту и кричали им: «Помогай бог тем, кто за нас старается» [32].

Нет никаких оснований сомневаться в правильности этого коллективного свидетельства, тем более, что оно прямым образом совпадает с «Записками Неизвестного». В последних восстанавливается довольно подробная картина пребывания восставшего полка в Мотовиловке. Там рассказывается о том же эпизоде так: С. Муравьев, объезжая караулы, был окружен народом, возвращавшимся из церкви. Крестьяне приветствовали его с новым годом, желали ему счастья, повторяя беспрестанно: «Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш!». Хотя последние слова сами говорят за себя, они еще очень выразительно комментированы в «Записках Неизвестного»: тронутый до слез Муравьев благодарил крестьян и говорил им, что «радостно умрет за малейшее для них облегчение... Казалось, крестьяне при всей их необразованности понимали, какие выгоды могут иметь от успехов Муравьева». Следовательно, перед нами свидетельство о том, что лозунги восстания в какой-то мере дошли до крестьян [33].

Эти свидетельства, очевидно, парализуют злобное шипение мотовиловского помещика И. Руликовского, который утверждает, что крестьяне будто бы не обращали никакого внимания на то, что происходило у них перед глазами, и отделывались молчанием. Но в этих же воспоминаниях сохранено свидетельство, которое не может не приковать внимание читателя: Руликовский утверждает, что «два офіцери на цвинтарі перед церквою, коли селяни виходили з церкви, почали читати якусь прокламацію до народу». Комментатор записок Руликовского полагает, что речь идет о чтении крестьянам революционного «Катехизиса». Однако по точному смыслу цитаты мы должны прежде всего предположить, что речь идет о той прокламации к народу, которую написали Бестужев-Рюмин и С. Муравьев [34].

После всего сказанного понятно, что правительство квалифицировало революционный «Катехизис» южного восстания как опаснейший документ. Это, по формулировке «сентенции» южного судопроизводства,— «дерзновенный» катехизис, наполненный «неизреченными непристойностями, как в оскорбление священной вашего императорского величества особы, так и в отношении спокойствия и тишины всего государства». Недаром тайная агентура в войсках, наблюдавшая за состоянием умов в армии после восстания Черниговского полка, имела директиву обратить особое внимание «не замечаются ли где понятия, сходные с возмутительным катехизисом».

Даже через год после восстания декабристов Николай вдруг спохватился, что не покарал писарей, переписывавших революционные «Катехизисы», и затеял целое дело по выяснению имен переписчиков, числа экземпляров «Катехизиса», производства дополнительных розысков невыявленных экземпляров и т. д. Революционный «Катехизис» Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина (в тот момент уже мертвых) все еще продолжал пугать царское правительство [35].

7

В село Мотовиловку С. Муравьев пришел в сумерках 31 декабря. Несмотря на уговоры, 1-я гренадерская рота к нему не присоединилась, но примкнула часть 1-й мушкетерской.

На следующий день «по случаю нового года» объявлена была дневка. Повидимому, под предлогом отдыха в день нового года С. Муравьев выжидал, не приедет ли Мозалевский (но тот так и не явился). Он надеялся также на присоединение новых частей, руководимых членами Южного общества. Навстречу этому предположению идет и тот факт, что разжалованный Башмаков был опять послан в это время в Кременчугский и Алексопольский полки.

В «Записках Неизвестного» говорится, что Муравьев принимал все меры, чтобы не упало настроение солдат: «На дневке С. Муравьев осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободрял их и более всего заботился об их нуждах».

Особенно важно отношение крестьян к восставшему полку. Мотовиловские крестьяне принадлежали скупой и богатой графине Браницкой. Крестьяне с радостью, как написано в «Записках Неизвестного», принимали восставших солдат на постой (роты, по приказанию Муравьева, были размещены на тесных квартирах), в то время как вообще эта повинность была одной из наиболее тяжелых и ненавистных для крестьян. Они заботились о восставших солдатах, «снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников». Крестьянам, очевидно, была растолкована «воля» — цель восстания. Взволнованный С. Муравьев, благодаря крестьян и говоря им, что рад будет умереть за малейшее для них облегчение, добавлял, что «солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить». Новый год, этот последний в его жизни, Муравьев, как говорит мемуарист, считал для себя счастливейшим. Но попыток поднять к активному действию крестьянскую массу сделано не было.

1 января в Мотовиловку прибыл подпоручик Быстрицкий со 2-й мушкетерской ротой. Это было новое присоединение, которого дождался Муравьев. 30 декабря, до прихода Муравьева в Васильков, Гебель отдал приказание Быстрицкому привести эту роту из Германовки, что тот и выполнил. В Василькове он узнал обо всем происшедшем от разжалованного в рядовые Грохольского,— С. Муравьев нарочно оставил его в Василькове, в ожидании, что кто-нибудь подойдет туда и будет справляться о пути Муравьева. По приказанию Муравьева рота была сдана Соловьеву (это была рота, командиром которой он и состоял).

По свидетельству мемуариста, склонить роту к восстанию Быстрицкому помог уважаемый солдатами унтер-офицер Аврамов, решительно и твердо поддержавший присоединение к С. Муравьеву и объявивший, что и он и вся рота знают цель восстания. Мемуарист передает, что Толь позже спрашивал Быстрицкого, почему он не удержал роты, и получил ответ: «Ваше превосходительство, я, может быть, сделал глупость, но подлости никогда!».

2-я рота пришла с Быстрицким в прекрасном моральном состоянии. Унтер-офицер Кучков, как говорит Горбачевский, спросил Соловьева при всей роте, куда хочет Муравьев идти и в каком месте соединятся они с другими полками. Соловьев назвал Житомир и сказал, что другие полки присоединятся по пути. Кучков возразил с радостью, которая выражала некоторое нетерпение: «Что нам медлить, зачем еще дневка? Лучше бы без отдыха идти на Житомир!». Солдаты одобряли слова Кучкова. «Про-

ницательность и опытность старого служивого внушили ему сие здравое размышление». Соловьев чувствовал всю справедливость этого замечания, но, желая успокоить солдат, хладнокровно сказал: «Полковник лучше вас знает, что делать. Надобно подождать, а тем временем проведать, какие полки идут против нас».

Однако неясность положения и медлительность действий дали свои результаты: в Мотовиловке произошло заметное изменение в настроении солдат. Когда 2 января роты были на сборном месте, их унылое и подавленное состояние испугало черниговских офицеров. Они обратились к Муравьеву, прося принять меры, приободрить солдат. Особенно тяжело действовало на рядовых, что некоторые офицеры дезертировали. Еще раз С. Муравьев сумел поднять революционное настроение. Его твердая речь, убеждавшая солдат в том, что не надо обращать внимания на бегство подлых людей, приободрила полк. Восставшие двинулись по направлению к Белой Церкви.

Почему было взято именно это направление?

В «Записках» о Славянском обществе автор недоумевает, почему С. Муравьев кружился вокруг Василькова, и не знает, имело ли это какую-либо цель. Между тем вопрос этот уясняется документальным материалом. Все движение Муравьева состоит из начатых и брошенных вариантов плана, осколков больших маршрутов. Движение из Василькова в Мотовиловку было объяснено выше: это начало движения на Брусилов. План этот брошен, очевидно, Муравьевым после того, как ни дневка, ни ночь с 1 на 2 января не дали никаких результатов: никто не присоединился. Повидимому, большая надежда полагалась на А. Ф. Вадковского; возможно, что после мотовиловской дневки она одна и осталась у Муравьева. Ожидая присоединения 17-го егерского полка, С. Муравьев начинает двигаться к Белой Церкви. Это была последняя и — опять проигранная — ставка на присоединение нового полка.

Муравьев полагал, что Мозалевский арестован или в Киеве, или в Брусилове, куда он мог бы направиться, если поручение, данное ему Муравьевым, было бы выполнено удачно. Если же он арестован в Брусилове, то, стало быть, там уже были приняты меры против Муравьева и находились готовые двинуться на него войска.

К ночи со 2 на 3 января полк дошел до местечка Пологи, которое находилось в 15 верстах от Белой Церкви. Здесь получил С. Муравьев горькое известие: 17-й егерский полк незадолго до того вышел из Белой Церкви и двинулся на г. Сквиру. Надежда на А. Ф. Вадковского была потеряна. Командование спешно отвело ненадежный 17-й егерский полк, предвидя возможность его соединения с восставшими черниговцами. Об отходе егерей Муравьев узнал от крестьян в деревне Пологи. Для большей достоверности ночью Сухинов настоял на разведке и сам взялся ее провести. В «Записках Неизвестного» даны подробнейшие сведения об этой рекогносцировке. «При наступлении вечера Сухинов взял несколько надежных солдат и, составив из них конный отряд, отправился к Белой Церкви. За $1^1/_2$ версты от сего местечка он встретил казаков графини Браницкой, посланных для разведывания и охранения ее имения от так называемых бунтовщиков. Сухинов воспользовался встречею. Подъехав на довольно близкое расстояние к казачьему отряду, он обнажил саблю и бросился на них с громким криком «вперед!». Испуганные нечаянным и смелым нападением, казаки рассеялись; один из них, пойманный самим Сухиновым, хотел было сопротивляться, но Сухинов ударом сабли сшиб его с лошади и начал расспрашивать. Хотя, повидимому, казак чистосердечно говорил, что 17-й егерский полк уже другой день как вышел из Белой Церкви неизвестно куда, но Сухинов, желая удостовериться в

истине сего показания, сам подъехал к местечку и старался узнать от некоторых жителей все, касающееся до выхода сего полка. Ответы жителей, с которыми говорил Сухинов, подтвердили сказанное казаком. В самом деле, полковой командир, арестовав Вадковского, в ту же ночь выступил с полком из Белой Церкви в противоположную сторону от Василькова, не сказав никому, куда идет». Как оказалось, полк отправился в Сквиру [36].

По данным допросов, дело обстояло несколько иначе. Щепилло посылал в Белую Церковь рядового 3-й мушкетерской роты, переодетого в крестьянское платье, узнать, где находится 17-й егерский полк. Разведчик сообщил Щепилле о выходе полка на Сквиру. Но рассказ о разведке Сухинова, переданный в «Записках» о Славянском обществе, и данные допросов, возможно, и не противоречат, а лишь дополняют друг друга. Первый источник, несомненно, восходит к сибирским воспоминаниям И. Сухинова, позже записанным со слов его товарищей, поэтому к нему надо прислушаться. Вопрос о выяснении того, какой полк стоит в Белой Церкви, был слишком важен для декабристов, — они могли организовать для этого не одну разведку.

Ночь в Пологах была одной из самых тревожных ночей на всем протяжении восстания. Рушились все планы. Где-то далеко, около Новоград-Волынска, были славяне, еще не обманувшие надежд. Приходилось вернуться к плану, много раз предпринимавшемуся, но ни разу не доведенному до конца — идти на Житомир, чтобы соединиться с ними, хотя Житомир в стратегическом отношении был тупиком, не обещавшим никаких перспектив. «Не имев уже никакой цели идти на Белую Церковь,— показывает С. Муравьев, — я решился поворотить на Трилесы и старался приближаться к славянам по первому предположению». Это свидетельство имеет большое значение: из него ясно, что с самого начала Муравьев хотел соединиться со славянами и оставил это предположение, не будучи в силах его осуществить. Теперь он вновь возвращался к нему как к последней нереализованной возможности. Однако терпение солдат истощалось, нарастала их тревога. Путь опять лежал через Ковалевку и Трилесы: движение замыкалось, приходило к исходной точке, вертелось как в заколдованном кругу. Но ему все же не пришлось замкнуться. Путь на Трилесы лежал через деревню Ковалевку, а к последней вели две дороги: одна степью, по совершенно открытому месту, вторая — через деревни; в этом месте, что видно и на современной карте, сливаются семь деревень, идущих полукругом: Устимовка, Ковалевка, Пилиничинцы, Червонная, Кишинцы, Пилиповка и Королевка. Из последней-то и предполагалось совершить переход в Трилесы. Сухинов настаивал на необходимости идти через деревни, — он предчувствовал опасность и с минуты на минуту ждал встречи с правительственными войсками. В этом случае отряд, идя через деревни, мог бы, как пишет мемуарист Славянского общества, «защищаться против гусар стрелками; тем более, что тогда артиллерия не вредила бы ему картечью» (нападающий отряд не решился бы сжечь селения). Кроме того, возможно было бы переменить направление и послать несколько рот в обход нападающим. С. Муравьев отверг это предложение и пошел степью [37].

Внезапно — в первый раз во время своих скитаний — полк увидел вооруженный конно-артиллерийский отряд, к нему приближавшийся. Немедленно воскресла первоначальная надежда Муравьева, что посланный против них отряд к ним же и присоединится. «Всеобщая радость,— пишет Матвей в своих воспоминаниях, — конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член тайного союза». «По приходе в Ковалевку, — показывает Сухинов, — Муравьев, узнав о приближении

к ним кавалерии и артиллерии, начал еще более ободрять всех солдат, говоря, что они будто бы следовали к ним для присоединения и что присоединится также к ним и драгунская дивизия». Настроение солдат поднялось, в высшей степени напряглось ожидание.

Но раздался залп. В рядах восставших стали падать убитые и раненые. Отряд генерала Гейсмара, один из посланных генерал-лейтенантом Ротом на «поиски» восставшего полка и для общей разведки против восставших, стрелял картечью. Выстрелы следовали один за другим. «Можно ли было полагать,— спрашивает мемуарист Славянского общества, — что средством к разбитию Черниговского полка будет употреблена конная артиллерийская рота, в которой не только командир, но и все, без исключения офицеры, принадлежали к Южному тайному обществу?». Это предположение, однако, неправильно. Лишь через 35 лет после восстания (в 1860 г.) Матвей Муравьев узнал, что полковник Пыхачев был арестован накануне того дня, когда рота его выступила против Черниговского полка.

Отряд Гейсмара был лишь одной из воинских частей, двинутых на подавление восстания. Полки, находившиеся под влиянием декабристов, были отведены с поля действий и заменены более надежными — Александрийским, гусарским принца Оранского, Мариупольским и рядом других частей, среди которых была и артиллерия. Были приняты меры для окружения восставшего полка. Генерал-лейтенант Рот, взявший на себя командование главным отрядом, рассчитывал, что именно ему будет принадлежать окончательный разгром восстания. Гейсмар перехватил у него инициативу и разгромил восставший полк. Рот в своем рапорте от 3 января 1826 г. писал о трехстороннем окружении восставших и о «двухдневном» преследовании Черниговского полка.

Щепилло был убит на поле восстания. Раненый Кузьмин застрелился через несколько часов после поражения. Упрямый Сухинов — единственный из всех — бежал, «видя невозможность остановить и собрать рассеянных солдат». Солдаты помогли ему перебраться через засыпанный снегом овраг и скрыться по направлению к деревне Пилиничинцы. Некоторые солдаты бежали вместе с ним. Нескладно, но довольно точно объясняет его поведение одна фраза Аудиториатского доклада, излагающая его показание: «... По первому выстрелу из орудия, он, Сухинов, видя совсем несогласное сказанному Муравьевым, бросился с некоторыми нижними чинами бежать...»[38].

Сергей Муравьев был тяжело ранен в голову картечью. Кровь ручьем текла по его лицу. Не помня себя, он направлялся к обозу, отвечая на все вопросы подбежавшего Соловьева: «Где мой брат? Где мой брат?». Юный Ипполит Муравьев выстрелом из пистолета покончил с собой на поле восстания, видя его полное поражение.

Как передает мемуарист Славянского общества, к Муравьеву в этот момент приблизился один рядовой из 1-й мушкетерской роты. Отчаяние изображалось на его лице. «Обманщик!», — вскричал он и с этими словами хотел заколоть С. Муравьева штыком. Соловьев защитил Муравьева. Тогда солдат, «сделав несколько шагов назад..., прицелился в Соловьева, грозя застрелить его, если он не откроет С. Муравьева. Соловьев схватил на земле лежавшее ружье и сделал наступательное движение...». Солдат удалился, «не сказав ни слова»[39].

С. Муравьев говорит, что, когда он пришел в себя, он «нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их...».

И Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были взяты на поле восстания с оружием в руках.

Так кончилось восстание Черниговского полка.

В сущности оно было разгромлено в аналогичных условиях, что и восстание на Сенатской площади. Позже (1861 г.) член Общества соединенных славян Горбачевский, который «всегда... жалел о проигранном», писал из Сибири своему другу М. Бестужеву: «С. Муравьев-Апостол заразился петербургской медленностью..., когда славяне отбили его и вырвали из когтей арестовавших его, эти же славяне упрашивали его и умоляли идти в один переход и упасть, как снег на голову, на Киев, и взять его, тем более, там была бригада в карауле с готовыми членами тайного общества, ожидавшими его. Он и тут не послушал, отговариваясь, что к нему придут войска для усмирения и к нему же присоединятся; ходил, ходил, пока ему картечь лоб не расшибла, и все кончилось веревкою и Сибирью». Основная черта восстания Черниговского полка — ожидание присоединения новых частей, поиски их, стремление усилить себя, но не тактика нападения. «Оборона — смерть вооруженного восстания», — этот тезис своеобразно преломлен в тактике восстания Черниговского полка: полк не оборонялся в прямом смысле слова, но и не нападал, он ждал союзников и не нашел их [40].

8

Что же делала во время восстания Черниговского полка Славянская управа Южного общества, которая и после Лещинского лагеря организационно представляла собой самостоятельную единицу?

В середине декабря, как уже упоминалось выше, приехал из Киева Андреевич 2-й с письмом от Бестужева-Рюмина о том, что восстание начнется скорее, чем предполагалось. Петр Борисов показывает, что Андреевич приехал 20 декабря, и через него Бестужев словесно уведомлял славян, что «обстоятельства переменились, план сделан другой; через два месяца мы непременно пойдем в Москву и там, провозгласив конституцию, водрузим знамя вольности; вторая армия первая откроет действия». Из этих слов можно заключить, что еще в конце декабря Бестужев-Рюмин придерживался плана объявить новый революционный порядок через московский Сенат, что было элементом прежних решений Васильковской управы и одновременно соответствовало июльскому плану Пестеля. 14 декабря — в знаменательный день — из Харьковской губернии в Новоград-Волынск приехал Борисов 1-й к своему брату, как передают «Записки» о Славянском обществе. Царило напряженное ожидание.

По «Запискам», в Новоград-Волынске о петербургских событиях 14 декабря узнали утром 26 декабря. Это очень правдоподобно: как мы знаем, в своих воспоминаниях Матвей Муравьев-Апостол говорит, что он с братом Сергеем услышал эту весть около Житомира от сенатского курьера, развозившего присяжные листы 25 декабря. К утру 26-го ей естественно было достичь Новоград-Волынска. Сейчас же утром собрано было спешное совещание славян. На нем среди других присутствовал и Горбачевский, он в это время приезжал из своей роты в Новоград-Волынск за получением жалованья. Славяне были уверены, что Южное общество немедленно начнет восстание. Мемуарист Славянского общества пишет, что члены Славянской управы «убедились в скором восстании, думая, что члены Южного общества пожелают довершить начатое в столице».

На этом собрании был принят ряд деловых и существенных постановлений. Все они касаются тактики восстания и ближайших мероприятий, с ним связанных. Было постановлено: «держать своих подчиненных в

строгой дисциплине, стараться предупреждать беспорядки, обходиться с жителями как можно лучше, тотчас по восстании образовать в городе временное правление и выдать прокламации об освобождении крепостных людей». В этом трезвом и правильном плане чувствуется руководящая мысль Борисова 2-го. Брат его, без сомнения, также принимал в этом собрании участие. Но вспомним, что общество уже было тесно связано в своей деятельности с Южным обществом и твердо усвоило, что все приказы о начале действий будут исходить оттуда. Прибавим к этому еще военную закалку общества, привычку к субординации и выполнению военных приказов. Славянская управа и после этих постановлений решила ждать «положительных известий от Муравьева» и не могла поступить иначе. Но как бы то ни было, все-таки времени нельзя было терять — была дорога каждая минута. Борисов 1-й, по «Запискам» о Славянском обществе, во время своего пребывания в Харьковской губернии, принял в Общество соединенных славян несколько офицеров стоявших там конных рот. Он вызвался немедленно выехать туда и попытаться поднять восстание. При проезде же в Харьковскую губернию через Житомир он взял на себя сообщить находившимся там членам Славянской управы о постановлениях, принятых только что на заседании 26 декабря. Немного подождав известий от Муравьева, числа 29 или 30 декабря Андрей Борисов выехал из Новоград-Волынска в Житомир. Эти предложения Борисова говорят о широком понимании славянами общего замысла восстания: они смело решают включить в общий план действий сравнительно отдаленную от них территорию — Харьковскую губернию. Южное восстание рисовалось им как выступление большого размаха.

Известие о восстании 14 декабря на Сенатской площади достигло Киева несколько ранее, чем Житомира. Как мы помним, Андреевич 2-й, бывший в то время в Киеве, именно с этим известием спешно выехал из Киева в Васильков к Сергею Муравьеву, предполагая, что выступление неизбежно. Вспомним, что Андреевич вел агитацию среди киевских солдат, и в случае восстания в Киеве мог бы оказаться нужнейшим человеком. Он выехал оттуда в Васильков 26 декабря, не спросив дозволения начальства и, конечно, не получил бы такового, поскольку только что вернулся из Новоград-Волынска, куда ездил под предлогом свидания с братом. Это свидание было использовано, как упоминалось, для посещения квартиры С. Муравьева в Василькове и выполнения поручений тайного общества. Вернулся он 25 декабря вечером, как сказал возивший его денщик Горбузаст поручику Алейнику, служившему вместе с Андреевичем при Киевском арсенале. Командир Киевского арсенала генерал-майор князь Абамелик 15 января рапортовал киевскому коменданту, что «находящемуся в прикомандировании при Киевском арсенале для показания искусственной части по арсенальным работам 8-й бригады артиллерии подпоручику Андреевичу на отъезд его в Васильков и другие места никогда позволено от меня не было, и об отлучке туда из Киева 26-го числа декабря я не знал». «Казенный денщик» Андреевича Никита Боков знал об отлучке подпоручика и показывал, что тот приехал «из бригады» в Киев на квартиру «в самое рожество ввечеру», а на другой день уехал на биржевом извозчике. Денщику он сказал, что едет «на старой Киев», но, несмотря на это, «не возвращался на квартиру три дни, на 4-й день прибыл,— где же он был в сие время ему, Никите Бокову, неизвестно»[41].

Очевидно, в ночь с 25 на 26 декабря Андреевич и побывал в Василькове. О поручении связаться с Муравьевым и другими членами общества мы уже знаем. Из этих двух поручений второе — поднятие восстания в окрестных полках — было основным. Черниговские офицеры-славяне не

имели возможности выполнить такое поручение: они ожидали восстания своего полка, которое не могло бы осуществиться без их активного участия. Кроме того, им опасно было отлучаться из города, где за ними уже следили. Эти обстоятельства отражены и в показаниях самого Андреевича: «Если любите Муравьева, сделайте ему и нам одолжение и услугу, вы совсем посторонний человек...»,— говорили Андреевичу черниговские славяне. Документы целиком подтверждают эту догадку: Андреевич из Василькова взял лошадей на Белгородок, а оттуда направился в Радомысль, где стоял Алексопольский полк и находился его бывший командир Повало-Швейковский. В «Записках» Славянского общества подробно излагаются обстоятельства пребывания Андреевича в Радомысле. Юнкер Энгельгард, живший у Швейковского, объявил, что полковника нет дома, он будто бы уехал в гости к соседнему помещику. «Сгорая от нетерпения приступить скорее к объяснению, Андреевич был в ужасной досаде», написал записку Швейковскому, прося его поспешить домой, отдал ее Энгельгарду для немедленной отсылки и расположился ждать, попросив дать себе чаю, так как «жестоко прозяб». Чай был подан, замешательство юнкера возрастало, Швейковский не возвращался. Андреевич стал догадываться, что его обманывают, и, не будучи в состоянии дольше владеть собой, как повествуют «Записки», изо всей силы ударил ногой запертую дверь, которая вела во внутренние комнаты (ранее за ней слышался шопот и тихий стук шагов). Замок соскочил, «дверь отворилась с шумом, и к удивлению, он увидел перед собой Швейковского, который в замешательстве отступил назад, не зная, с чего начать разговор с неотвязчивым гостем...».

— «Г. полковник, — сказал Андреевич, приняв важный вид, — я друг Бестужева-Рюмина, вероятно, вы догадываетесь, о чем дело идет...».

Далее в «Записках» вероятная ошибка: Андреевич будто бы спросил Швейковского, не проезжал ли только что Бестужев-Рюмин, на что тот ответил утвердительно.

— Оставьте скорее мой дом,— был ответ полковника на предложение выступать,— я ничего не могу для вас сделать. Он отказал решительно во всем: даже не дал Андреевичу оружия, о котором он просил [42].

Как говорит Андреевич в своих показаниях, он узнал от Швейковского, что С. Муравьев в Любаре у брата, и поэтому направился туда якобы с целью догнать Муравьева. Это утверждение неправильно: даже если Андреевич приехал в Радомысль в ночь на 27 декабря, Швейковский никак не мог знать, что С. Муравьев-Апостол в Любаре: последний был 26 декабря еще в Траянове, где обедал у Александра Муравьева, и лишь после обеда поехал к Артамону в Любар, откуда в ночь на 28-е выехал на Паволочь. Очевидно, Андреевич имел независимое поручение черниговских офицеров поехать к полковнику Ахтырского гусарского полка и пытаться поднять восстание. Исполняя это намерение, он, прозябший и, вероятно, голодный, выехал из Радомысля. Стояли жестокие морозы конца декабря.

Однако, как устанавливает сопоставление источников, он поехал вовсе не в Любар (как он показывает следственной комиссии), а сначала в Житомир. Хотя этот город лежит на дороге из Радомысля в Любар, остановка в нем Андреевича еще раз говорит о цели его поездки: в Житомире находилось много членов Славянского общества, нужно было предупредить их о развертывающихся событиях. Пока меняли лошадей, Андреевич направился к бывшему секретарю Общества соединенных славян Иванову, квартира которого и раньше служила центром, куда стекались все важнейшие известия. Ему и прапорщику Кирееву (а заодно, вероятно, и присутствовавшим там братьям Веденяпиным) Андреевич сооб-

щил, что С. Муравьева ищут, что отдан уже приказ об его аресте, что черниговские славяне решили немедленно восстать со своим полком и готовы умереть с оружием в руках.

«Записки» Славянского общества сообщают, что из Житомира Андреевич поехал в Траянов. Это правдоподобно, так как Траянов лежит по дороге в Любар. Однако действовать в духе общества Андреевич в Траянове не мог: там стоял Александрийский гусарский полк, командир которого Александр Муравьев членом общества не был. Из Траянова Андреевич поехал в Любар к Артамону Муравьеву и, вероятно, приехал туда 29 декабря (эту дату обосновывают «Записки» Славянского общества и показания Артамона Муравьева). Вспомним, что на рассвете этого дня арестованного Гебелем С. Муравьева освободили черниговские славяне и началось восстание Черниговского полка.

Андреевич сообщил Артамону Муравьеву, что общество открыто, призывая к действию, уверяя, что армия готова. В ответ на это Артамон отвечал, как передает Андреевич: «Поезжайте, ради бога, от меня, я своего полка не выведу, делайтесь вы там как хотите, меня же оставьте и не губите: у меня семейство». «Записки» Славянского общества передают, что Артамон сначала отказал Андреевичу и в деньгах, потом в лошади, но все же дал, наконец, 400 руб. для покупки лошади у ротмистра Малявина, чтобы продолжать путь. Там же рассказано, что Андреевич вступил в переговоры с ахтырскими гусарами помимо Артамона Муравьева. Гусары обещали содействовать, но восстать немедленно не могли: полк был разбросан по деревням, и нужна была воля командира для его сбора. Офицеры рассказали, что Артамон Муравьев слабо вел агитацию, а работы среди солдат и вовсе не проводил. «Большая часть офицеров ничего не знает; полковой командир никогда не говорил нам о намерениях общества и не имел никаких сношений с нами». Особенно сочувствовали Андреевичу ротмистр Семичев и поручик Никифораки. Последний отыскал лошадей, и Андреевич двинулся по дороге на Фастов. Показание Артамона Муравьева относительно пребывания Андреевича в Любаре содержит еще одну интересную деталь: он приехал к Артамону Муравьеву с запиской «от Башмакова», последнего же, как мы знаем, С. Муравьев послал в Ахтырский и Александрийский полки из Трилес. Очевидно, в этот момент пути посланца Муравьева и посланца славян скрестились, они взаимно оповестили друг друга, и часть поручения, возложенного на Башмакова, взял на себя Андреевич, передав записку Сергея Муравьева Артамону Муравьеву. Здесь переплетаются действия участников черниговского восстания и славян, находившихся вне восстания, но стремившихся ему содействовать [43].

Итак, вечером 29 декабря Андреевич выехал на Фастов. Дорога была по зимнему времени чрезвычайно трудна. В «Записках» Славянского общества рассказывается: «Отъехав верст 40 от Любара, под самым селением Пятками, извозчик его сбился с дороги. Ночь была темная. Порывистый ветер, начавший дуть с вечера, поднял сильную метель. Андреевич не имел на себе никакой теплой одежды, одна офицерская шинель сверх мундира не могла его защитить от пронзительного холодного ветра. Поле было ровное и не представляло никакой защиты. К счастию, лошади сами собой набрели на крестьянскую избу, где жили майданщики (делающие селитру). Эта нечаянность спасла ему жизнь. Обогревшись и дав отдохнуть измученным лошадям, Андреевич поскакал проселочными дорогами прямо в Васильков...» (последнее неточно,— мы уже знаем, что Андреевич отправился на Фастов). «Проезжая же через местечко, от Василькова в тридцати верстах лежащее, Хвастов,— показывает Андреевич, по-украински произнося названия,— и остановясь там

переменить лошадей, узнал... что Муравьев находится в Василькове и что там теперь уже почти нельзя проехать, ибо всех хватают, и что солдаты взбунтованы совершенно целого полка. Наконец, что он хотел выйти скоро из Василькова в Белую Церковь». Последнее показание является, может быть, уже дошедшим до Фастова отголоском переговоров Муравьева с Вадковским [44].

«Записки» Славянского общества сохранили свидетельство, что Андреевич посетил и Васильков, но сам он это обстоятельство обходит молчанием.

Несмотря на овладевшее им отчаяние после его неудач, он все же хотел сообщить пославшим его черниговским славянам о результатах и узнать, что делается в Василькове. В «Записках» рассказывается, что Андреевич уже не застал там С. Муравьева, к тому времени восставший полк уже выступил в Мотовиловку. «Город был в величайшем страхе и никто не принимал проезжающих к себе на квартиру: местное начальство замечало за всеми подозрительными людьми. Угрожаемый каждую минуту попасться в руки правительству, Андреевич спрятался к одному еврею, который согласился его принять в дом за несколько рублей серебром. Потом просил он его достать ему лошадь, чтобы догнать Черниговский полк. Еврей старался сыскать, но не мог, хотя Андреевич обещал ему тотчас заплатить вдесятеро. Видя невозможность оставаться в Василькове, он решил выйти из города пешком. В дальней деревне, в стороне от большой дороги, нанял у крестьянина пару лошадей и поехал в Киев». Он старался доехать туда как можно скорее, поспешая объявить всем киевским членам о действиях С. Муравьева. Как раз в тот же вечер в Киев выехал Мозалевский с письмами и катехизисами: объявить в это время о восстании членам общества и попытаться их поднять на восстание было своевременно. Киев узнал о восстании лишь в ночь на новый год [45].

Но почему все же Андреевич не поехал в Мотовиловку к Муравьеву? На это много убедительных причин, главные из которых указаны в «Записках» Славянского общества. Во-первых, что значил бы он для восстания один, без солдат? Ничего, и он это сознавал. Отчаяние, что он не добился никаких результатов в своей трудной поездке, вероятно, владело им. Его поддерживала единственная надежда — быть в Киеве и там поднять восстание. В Киев Андреевич вернулся, вероятно, 30—31 декабря.

К концу декабря относятся разъезды еще одного члена Общества соединенных славян с целью поднять восстание. Это — Вл. Бечаснов. Такой богатый источник, как «Записки» Славянского общества, не сохранили свидетельств об этой поездке, но она точно устанавливается по материалам следствия. Бечаснов выехал из центра Славянской управы, и конечной целью его поездки опять-таки оказались Любар и ахтырские гусары.

По просьбе Бечаснова командир 2-й легкой роты 8-й артиллерийской бригады подполковник Корф отпустил его 28 декабря в Бердичев якобы «для сделания некоторых для себя покупок». В эти дни, как мы знаем, только что распространилась весть о 14 декабря и аресте Муравьева и Бестужева. Рапорты начальников об этой непонятной для них поездке Бечаснова полны конкретных подробностей. Бечаснов вернулся в роту лишь 3 января (день разгрома Черниговского восстания). Ездил с ним «кузнечный ученик» Петр Курильной на паре гнедых лошадей. На возвратном пути из Бердичева, как рассказывал Петр Курильной, за несколько часов до рассвета в ночь на 1 января они оказались в хорошо знакомом нам Любаре и остановились в корчме. Корчмарь запомнил внешние приметы офицера: «молодой, сухощавый, белокурый, малого

роста». Офицер велел распрячь лошадей, пил чай, спрашивал у хозяйки дома, где полковник. У Артамона Муравьева уже шел обыск, но в местечке об этом, повидимому, еще не знали или не хотели говорить, поэтому хозяйка ответила: «Кажется, что полковник уехал, а полковница должна быть дома». Офицер поинтересовался и подполковником (тогда полком уже командовал подполковник Арсеньев вместо Артамона Муравьева). «Люди» полковника Муравьева говорили, что в ночь на 1 января, когда уже все спали, «зашел какой-то человек в кухню и спрашивал, дома ли полковник». Отвечали, что нет. Денщик Артамона Муравьева Старков также показал, что какой-то офицер приходил к нему во двор на рассвете и спрашивал о полковнике. У часового Ситникова, стоявшего перед домом Артамона, тот же офицер повторил вопрос и опять-таки интересовался, кто вместо Муравьева командует полком. Часовой ответил, что не знает, но офицер правильно предположил, что, наверно, командует Арсеньев. У входа во флигель офицер (он все не уходил) попросил вызвать «камердинера или человека». Мальчик Тимофей вызвал из дома «человека Александру». С четверть часа о чем-то говорил офицер с «Александрой». Когда опечатывали бумаги Артамона Муравьева, полковой адъютант поручик Алексеев 2-й вышел на крыльцо и опять встретил того же «худова, маладова, белокурова офицера» в артиллерийском сюртуке и шинели. Он задал ему тот же, очевидно, мучительный для него вопрос: «Где же Артамон Муравьев?» — «Не знаю», — ответил Алексеев 2-й. Офицер повернулся было и ушел, но опять вернулся и спросил, когда же полковник приедет? Тогда Алексеев грубо попросил «сего офицера» удалиться, так как имел приказ от господина ротмистра подтвердить часовым, чтобы в горницы никого не пускали. Уходя, офицер все же твердил, что будет дожидаться полковника, и Алексеев, выведенный из терпения, послал денщика Старкова сказать, что «полковника нечего ждать, ибо он не будет».

Но того же 1 января, когда начали описывать бумаги Артамона, «собственный его человек Александр» поехал верхом в Траянов, по чьему приказанию — неизвестно. Встретив полковницу Муравьеву и, очевидно, узнав от нее об аресте мужа, он вернулся и затем уехал с ней в Петербург. Из дела мы узнаем, что посланец «Александра» что-то передал Бечаснову. Более ничего не удалось узнать подполковнику Арсеньеву, но сам Бечаснов рассказал несколько больше. Из Бердичева, где две дороги в Барановку — через Чудново и через Любар, он выбрал последнюю, чтобы «остановиться в Любаре кормить лошадей и между тем зайти к полковнику Артамону Муравьеву, от коего надеялся узнать причину скорого их похода, куда именно выступают — и все сие потом сообщить Горбачевскому и Борисову (Петру), дабы не упрекали в недействии...». Посланный дворовый Александр сообщил Бечаснову местонахождение Артамона Муравьева — более ничего. Иначе говоря, передал ему, что хозяин арестован. «...В исходе 10 часа услышал я от стоявших около ворот евреев и от хозяйки, что у полковника Муравьева печатают квартиру». Тогда Бечаснов, «будучи побуждаем любопытством», пошел «посмотреть», но гусар, стоявший на часах, не пустил его, после чего ему пришлось уехать. Думается, сомнений нет: Бечаснов был последним гонцом от Борисовых к Артамону Муравьеву с поручением поднять на восстание ахтырских гусар: многие пути скрестились у его порога. Но было уже поздно: вечером 31 декабря Артамон Муравьев был арестован [46].

Разъезды Борисова 1-го, об активности которого в дни восстания мы уже упоминали, также заслуживают внимания. В его лице перед нами — активный член Общества соединенных славян, формально даже не при-

нятый в Славянскую управу Южного общества по причине своей отставки из армии (отставных, по директиве Бестужева-Рюмина, в Славянскую управу не принимали). И все же он настолько ясно сознает себя членом революционного коллектива, что принимает на себя самые опасные поручения. Мы помним, что Борисов 1-й выехал из Новоград-Волынска в Житомир (по дороге в Харьковскую губернию) 30 декабря, т. е. в тот день, когда Андреевич 2-й уже из Фастова направлялся в Васильков. В Житомире он поспешил к тому же центральному лицу — Иванову, чтобы передать ему план действий, выработанный на совещании славян, о котором говорилось выше. Тревога в Новоград-Волынске поднялась уже за несколько дней до того, и Иванов был в курсе событий. Все планы славян, только что выработанные на совещании в Новоград-Волынске, рухнули под тяжестью вестей, которые сообщил Борисову 1-му Иванов.

Незадолго до приезда Борисова 1-го Илья Иванов, как мы помним, виделся с проезжавшим Андреевичем 2-м. Иванов узнал от него, что общество открыто и многих берут под арест, что есть уже приказ арестовать Муравьева и что «теперь одно средство избегнуть жесточайшего наказания есть умереть с оружием в руках». Сам Иванов всецело стоял на той же точке зрения. Было решено немедленно собрать совещание присутствовавших в Житомире членов, для чего Иванов отправился с Борисовым 1-м в дом Уварова, где в то время квартировали оба брата Веденяпины и Киреев; у них же столовался поручик конной роты Нащокин, принятый в тайное общество Бестужевым-Рюминым. Кроме этих лиц, на собрании присутствовал неизвестный нам Андреев «и некоторые другие», как передают «Записки» Славянского общества, но в материале показаний эти имена не отразились. Иванов настаивал на необходимости не сдаваться без вооруженного сопротивления. Это мнение и было принято собранием. Однако славяне решили «отнюдь не делать отдельного бунту», как показывает Борисов 1-й, они рассчитывали, что их восстание немедленно сольется с восстанием, поднятым Муравьевым. «Записки» дополняют принятые постановления: было решено освободить Муравьева, если он арестован, и действовать «по обстоятельствам, согласно с планом, принятым артиллеристами 8-й бригады, который состоял в том, чтобы идти на Киев или на Бобруйск, запереться в которой-нибудь из сих крепостей и ожидать присоединения 2-й армии и полков 3-го и 4-го пехотных корпусов, на содействие которых можно было надеяться по уверениям членов Южного общества». По «Запискам», этому предложению противился поручик Нащокин, «почитая такого рода восстание безрассудным поступком, внушенным отчаянием». По материалу следственного дела можно заключить, что братья Веденяпины (особенно Веденяпин 2-й во всяком случае не очень поддерживали это предложение, если не вовсе противились ему. Борисов 1-й на очной ставке с Веденяпиным 2-м, вероятно, справедливо показал, что оба брата «не изъявляли большой готовности к мнению прочих». «Мы должны погибнуть, — возражал Борисов 1-й,—и погибнуть позорно: нашему выбору представляется смерть или заточение. Мне кажется, лучше умереть с оружием в руках, нежели жить целую жизнь в железах», — так передают «Записки». Эта фраза подтверждается и материалом следствия. Очевидно, все совещание было сосредоточено на этой теме. В «Записках» утверждается, что это мнение одержало верх, он Борисов 1-й не решился в таком важном деле довериться одной «пылкости убеждений» и потребовал от членов подписки в том, что они согласны содействовать восстанию [47].

Мысль о Бобруйске как о центре восстания, очевидно, нашла в этом совещании ярого защитника в лице Борисова 1-го. Он признается в сво-

ем последнем плане восстания и Следственному комитету. Здесь же на совещании в Житомире выработаны были некоторые стратегические линии будущего восстания. По слухам, 7 и 9-я дивизии и много полков (?) второй армии уже приступили к восстанию, а гусары 3-го корпуса с артиллерией будто идут уже им на подкрепление. Но 8-я артиллерийская бригада не могла тронуться без прикрытия (об этом, как мы помним, славяне еще прежде писали из Новоград-Волынска Бестужеву в письме, посланном с Андреевичем 2-м).

Нужное подкрепление должен был, по мнению житомирского совещания, дать Пензенский полк, поэтому необходимо было сейчас же ехать в Старо-Константинов и известить об этом служивших в полку членов общества Лисовского и Громнитского. Письма к ним дали Киреев и Иванов, последний приписал, что необходимо обратиться к содействию Троицкого полка, так как ротные командиры его — капитан Киселевич и поручик Ярошевич — были членами общества. Отдельной записки к этим лицам Иванов, судя по материалам следствия, не писал, хотя это утверждается в «Записках» Славянского общества.

Необходимость возвратиться немедленно в Новоград-Волынск для извещения артиллеристов о всем случившемся и затем ехать в Пензенский полк была ясна. Киреев написал письмо Борисову 2-му о своей готовности действовать и о предположении, что восставший Муравьев, вероятно, пойдет на Житомир, — в этом случае ему понадобится помощь артиллеристов под прикрытием пензенцев. Иванов, очевидно, сделал со своей стороны соответствующую приписку на письме к Борисову, кроме отдельной приписки о Киселевиче и Ярошевиче на письме к Громнитскому. Письма к пензенцам были совершенно необходимы Борисову 1-му, так как он не был лично с ними знаком (вспомним, как рано оторвался он от общества). Добавим, что на этом совещании и Веденяпины в первый раз видели Борисова 1-го. Веденяпин 2-й показывает, что даже не знал, был ли Андрей Борисов членом общества. Формально он действительно уже тогда им не был. Отметим еще одну важную деталь, сохраненную в показаниях Киреева: Борисов 1-й вез письмо из Новоград-Волынска к М. Бестужеву-Рюмину, и Киреев (вероятно, и другие) указали, что ввиду приказа об аресте Бестужева письмо везти к нему нечего, так как передать его все равно не удастся. После этого совещания немедленно на деньги Киреева были наняты лошади и Андрей Борисов выехал обратно в Новоград-Волынск, куда приехал, по свидетельству его брата, 1 января. В это время восставший Черниговский полк дневал в Мотовиловке [48].

Борисов 2-й (в это время у него был и Горбачевский) был изумлен, вновь увидев брата. Все сообщенное Андреем встретило решительную поддержку Петра, только Горбачевский еще колебался. Быстро выработали сложный и смелый план действий, интересный тем, что в некоторых своих частях он совпадал с намерениями С. Муравьева-Апостола. Борисов 2-й дает подробнейший рассказ об этом плане в разных местах своих показаний. Борисов 2-й — артиллерист — справедливо полагал, что одна артиллерия выступить не может, ей необходимо кавалерийское и пехотное прикрытие. Поэтому видя, что Горбачевский «колебался и был в нерешительности», Борисов сам написал письма к Тютчеву и Громнитскому, «в коих изобразил грозу, собирающуюся над головами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбудя в солдатах революционный дух, идти в г. Новоград-Волынск». Он думал «с помощью их, арестовавши полковника и офицеров, которые бы не согласились на мое предложение, и овладевши лошадьми и резервом, взять артиллеристов и, преклонив на свою сторо-

ну канониров, следовать к Житомиру. Там предлагал я получить помощь от командира Ахтырского гусарского полка, слышавши, что сей полк собирается в штаб, и от полковника Швейковского, полагая, что он был в Алексопольском пехотном полку, которым прежде командовал...». В Житомире предполагалось «завладеть корпусною квартирою» (вспомним план С. Муравьева и Бестужева об аресте генерал-лейтенанта Рота) и потом идти на Киев, а оттуда прямо на Бобруйск «или прямо из Житомира в Бобруйскую крепость, смотря по обстоятельствам». В Бобруйске же Борисов 2-й «думал найти Тизенгаузена с его полком и укрепиться в оном или идти к Москве, ежели 5-й и 4-й корпуса последуют нашему примеру, поднимут оружие и сделают с нами коммуникацию и ежели 2-я армия поступит таким же образом».

Кроме письма к Тютчеву и Громнитскому, Борисов 2-й написал еще Лисовскому, а Горбачевский обратился с письмом к Спиридову, но просил Андрея отдать его только в том случае, если Тютчев найдет это нужным. Петр Борисов, провожая брата, просил со своей стороны «сказать Тютчеву, что буде они имеют средства, то дабы дали знать о сем офицерам Саратовского полка, принадлежащим к обществу, и ежели будет нужно, то дабы он, мой брат, не отказался исполнить сего нового препоручения» [49].

Итак, Андрей Борисов спешно выехал к пензенцам в Старо-Константинов. Горбачевский в «Записках» пишет, что ему долго не могли найти лошадей, так как у евреев был праздник, а почтовых никому не давали даже по подорожной без особенного дозволения местного начальства, вероятно, по случаю происходивших событий. В силу этих обстоятельств он выехал лишь поздно вечером 3 января, как показывает его брат. Согласно выработанному плану, Борисов 2-й должен был ждать прихода пензенцев. К тому же он не мог сам выехать, не возбуждая подозрений начальства, а его отставному и приезжему брату было легко это сделать. Стечение обстоятельств возложило на Андрея Борисова роль вестника восстания, но на пути его встретились огромные трудности: как члена общества его знали лишь немногие члены, принятые в 1823 или 1824 гг., а таких было очень мало. Он давно был в отъезде, не присутствовал на лещинских совещаниях, решивших судьбу Славянского общества, не знал нового ядра членов, принятых в Лещине и отличавшихся особой активностью. Фактически он даже не был членом общества. Все эти обстоятельства имели тяжелое отрицательное влияние на результаты его поездки.

Отправляя брата, Борисов 2-й принял и ряд других мер, бросающих свет на жизнь Славянской управы после слияния славян с Южным обществом. Он сейчас же попытался привлечь к восстанию поляков, — это было решено еще до известия об аресте С. Муравьева и изложено в коллективном письме к Бестужеву, которое увез Андреевич. Близ Новоград-Волынска находилось имение покойного генерал-адъютанта Уварова «Новый Звягель», где служили польские шляхтичи Островский, Невенгловский и отставной подпоручик Красницкий, являвшийся посредником между Борисовым 2-м и мелкой польской шляхтой той местности. Красницкий и привел к Борисову 2-му, как значится в «Записках», четырех поляков (как он показывает следственной комиссии, «двух или трех»). В их числе были Островский, Невенгловский.

«Когда я пришел на квартиру, где были Борисовы, — показывает Горбачевский, — то в сенях квартиры встретились мне два или три незнакомых во фраках человека, выходящих из дверей квартиры Борисова, между которыми был один, с которым я был знаком и его знал, отставной поручик Красницкий...». В «Записках» о Славянском обществе указывается,

что эти поляки дали «клятвенное обещание действовать и погибнуть вместе с артиллеристами за общее дело» [50]. Это свидетельство — замечательная деталь вопроса о русско-польском революционном союзе.

С двумя из этих поляков Борисов 2-й послал письмо к юнкеру Головинскому, служившему в 4-й парочной батарейной роте 8-й артиллерийской бригады, «чтобы он сколько может бунтовал бы и взмутил бы солдат». «Записки» передают, что 4-я парочная рота квартировала тогда в Некорости Овручского повета, где дядя упомянутого Головинского занимал должность поветового маршала. Поэтому Головинскому поручалось еще стараться узнать мнение шляхты Овручского повета и, если можно, склонить к участию в деле, «а также убедить своего дядю содействовать восстанию». Славяне думали во время восстания послать Киреева из Житомира в парочную роту для окончательного воздействия на солдат, которые могли быть полезны 8-й бригаде. «С этим письмом к Головинскому двое поляков отправились в Овруч, взяв на себя обязанность действовать там на шляхту; третий поехал в Заслав, с тем чтобы, узнав расположение тамошних поляков, действовать на них и при первом известии о начале восстания поднять оружие. Четвертый из них остался в Новоград-Волынске при Борисове 2-м, надеясь иметь некоторое влияние на шляхту, живущую в окрестностях сего города» [51].

Письмо Борисова 2-го к юнкеру Головинскому было, таким образом, частью только что выработанного плана восстания. Причины, побудившие его писать к Головинскому, были следующие: 4-я парочная рота квартировала на дороге к Бобруйску, а Борисов 2-й не думал, чтобы все канониры 1-й батарейной роты и 2-й легкой согласились на его предложение; поэтому он «предполагал заменить недостающее число солдатами 4-й парочной, коих удалось бы склонить к возмущению, почему и написал к Головинскому, дабы он узнал дух и мысли солдат сей роты...». Все это показывает, насколько конкретно продумал Борисов 2-й со своими товарищами план захвата Бобруйска. Достойно внимания, что он не оставил связи с поляками даже после формального запрещения принимать их в общество на собраниях в Лещинском лагере [52].

«Записки» Славянского общества сохранили еще одну деталь поездки Борисова 1-го в Старо-Константинов. С дороги (из местечка Полонного) он прислал брату записку с одним неизвестным евреем, «в коей было сказано, что Ахтырский полк собирается в штаб-квартиру в местечко Любар; что артиллерия 2-й армии и Литовский корпус, квартирующие в Полонном, находятся уже в сборе и что везде замечается движение войск. Надежда возбудилась в сердцах Славян...». 3 января Борисов 1-й приехал в Старо-Константинов на квартиру к Лисовскому, где в то время находился и Громнитский, и объявил им, «что 9-я и гусарская дивизии 3-го корпуса уже выступили в поход, что 2-я армия должна скоро начать свои действия, что он прислан к ним, дабы они со своими частями выступили в Новоград-Волынск, где соединятся они с артиллериею, а оттуда вместе следовать на Житомир, потом на Киев и, наконец, в Бобруйск, где ожидать дальнейших распоряжений». Были отданы и письма. Громнитский дал согласие действовать; Лисовский в своих показаниях говорит, что очень испугался и якобы даже намерен был выдать общество правительству, но его удержал поручик Зарецкий, который «вооружился против сего и, пока не уехал Борисов, он от меня не отставал». Отсюда ясно, что в переговорах участвовал еще один член общества, и, как видно, стойкий. Намерение Борисова ехать сейчас же в Троицкий полк к Киселевичу и Ярошевичу было отклонено, так как путь пензенцев в Новоград-Волынск все равно лежал через место расположения этого полка, они

могли бы захватить его в своем движении и вместе придти в назначенный пункт. Из Старо-Константинова Борисов 1-й немедленно выехал к Тютчеву, передал ему письмо от Борисова 2-го и Горбачевского, а также записку Киреева на имя Громнитского, которую последний после прочтения возвратил Борисову 1-му для передачи Тютчеву[53].

Тютчев квартировал верстах в 10 от Старо-Константинова, в деревне Кузмине. Громнитский и Лисовский советовали Борисову не возвращаться от Тютчева к ним, а прямо поехать в Новоград-Волынск, но так как Тютчев сразу согласился выступить и захотел посоветоваться с пензенцами, то он очень быстро вернулся в Старо-Константинов вместе с Борисовым 1-м. Тютчев обещал ему выступить в тот же день. Громнитский с Лисовским уверяют, что они всячески стремились отсрочить это выступление и настояли, чтобы Борисов 1-й сейчас же уехал, обещав известить его с верховым нарочным о приближении их рот, но когда тот уехал, они якобы стали отговаривать Тютчева от выступления. В 10 часов вечера 4 января, как показывает Спиридов, к нему приехал Тютчев и сообщил, все, что говорил ему Борисов 1-й, сам же последний у Спиридова не был [54].

«Записки» Славянского общества сохранили согласие Громнитского и Лисовского действовать в революционном духе. Тютчев выезжал с Борисовым 1-м в Старо-Константинов, отдал приказание фельдфебелю собрать и раздать боевые патроны. Свидание с Громнитским и Лисовским происходило не у них на квартире, а в корчме на краю города (Тютчев не хотел возбуждать подозрений). После отъезда Борисова 1-го Тютчев по просьбе Громнитского и Лисовского поехал за Спиридовым и привез его в Старо-Константинов для совещания. Спиридов до отъезда написал записку Шимкову, чтобы он действовал по первому уведомлению, а также записку Горбачевскому о готовности действовать. Обе записки передал он «своему верному человеку».

Однако свидание Спиридова со всеми этими лицами в Старо-Константинове выяснило, что дело далеко не так блестяще, как это было представлено Борисову 1-му. Громнитский и Лисовский говорили, что не приготовили солдат, — мы знаем это из предыдущего изложения. Когда Спиридов стал их за это упрекать, Лисовский с жаром — и вполне резонно — вскричал: «С. Муравьев требовал, чтобы мы действовали на солдат медленно; Бестужев-Рюмин говорил мне лично, равно как и всем, что восстание начнется не ранее августа 1826 года; поэтому я действовал сообразно с принятыми на себя обязанностями. Клянусь всем, что для меня свято, что к назначенному времени вся рота пойдет за мною в огонь и в воду». Громнитский оправдывал свое поведение тем же условием — действовать лишь в расчете на восстание 1826 г. и, кроме того, сказал: «Нам предлагает начать бунт простой член общества Борисов 2-й; приглашение сие привез его брат, но мы не имеем никакого уведомления ни от С. Муравьева, ни от Бестужева, которым мы дали слово действовать. Я не обязывался сломить себе шею для каждого. Пускай приедет сам Муравьев, или пускай покажут мне приглашение к восстанию, написанное его рукою,— я тотчас взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовлением солдат» [55].

«Верный человек» Спиридова, пережив в дороге арест и побег, вернулся с запиской Шимкова: «Саратовский полк с нетерпением ожидает начала восстания. Я ездил в Тамбовский полк и принял там пять ротных командиров, которые поклялись при первом случае соединиться с нашим полком и готовы содействовать нам со своими подчиненными». При записке Шимкова была замечательная записка капитана того же полка Ефимова: «К сожалению моему, я так несчастлив, что не заслужил вашей

доверенности и не был членом общества; это моя вина. Но теперь будьте уверены и знайте, что при первом известии начинать я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, и надеюсь на помощь своих товарищей; осмеливаюсь ручаться не только за несколько рот, но и за весь полк». Но было уже поздно: весть о разгроме восстания Черниговского полка вскоре дошла до Спиридова [56].

По дороге из Старо-Константинова в Новоград-Волынск Борисов 1-й заехал в местечко Барановку к Горбачевскому, где встретил и Бечаснова. Он рассказал им обо всем, происшедшем в Старо-Константинове. Между прочим здесь он и оставил у Горбачевского «девизы для печатей» «Общества друзей природы» и символические рисунки с просьбой доставить их Борисову 2-му. К Бечаснову он заехал вечером и заверил его, что «четыре роты Пензенского полка завтра выступят и будут в Барановке...», прося содействовать. В показаниях своих Бечаснов говорит, что очень волновался и твердил Андрею Борисову, чтобы тот скорее уезжал, так как «теперь обстоятельства ужасные»: «Ты все шатаешься, тебя схватят, а через тебя и меня, что принял...». Из-под Житомира Борисов 1-й послал брату письмо, в котором выражал совершенное отчаяние, — вероятно, он уже видел, что восстание погибло. В Новоград-Волынск он так и не заехал. В Житомир он прибыл 5 января проселочными дорогами, — третьего дня было подавлено восстание Черниговского полка, и город был окружен военной цепью. «Он отпустил извозчика и пешком прошел заставу». Здесь он был у Веденяпиных и Киреева, сообщил и Иванову обо всем происшедшем (Иванов от этого отрекается в своих показаниях). Монахини католического ордена сестер милосердия (польки?) предлагали некоторым членам тайного общества «скрыть их от поисков правительства и вывезти за границу». Борисов 1-й отказался от этого, просил только дать ему лошадей, чтобы выехать из города.

Он направился в Киев. В дороге, совершенно измученный, он сильно захворал, остановился у Андреевича и через три дня был вместе с ним арестован [57].

Приезд к славянам Бестужева-Рюмина, таким образом, нашел бы подготовленную почву. Неудачная организация слияния Южного общества и Общества соединенных славян, сделавшая, между прочим, Борисова 2-го «простым членом», принесла много вреда. Отсутствие точных известий от Бестужева и Муравьева сыграло свою роль. Не было слаженности, не было революционного опыта. Длительное ожидание известий от руководителей Васильковской управы, медленный приход вестей, а главное разгром восстания Черниговского полка — все эти обстоятельства содействовали полному крушению планов. Вестник восстания Борисов 1-й не мог выполнить свою миссию: большинство членов его не знало и поэтому не могло сразу довериться незнакомому человеку. «Мы не можем не заметить,—справедливо говорится в «Записках» Славянского общества, — сколь много вредил делу неопределенный и двусмысленный язык членов Южного общества. Слова, беспрестанно повторяемые С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым и прочими: медленно, постепенно, исподволь — заставили многих членов вовсе не действовать... Не менее сего вредно было явное желание Муравьева и Бестужева сосредоточить всю власть в своих руках: они хотели двигать членами, разбросанными в разных полках, и запрещали им иметь между собой сношения. Таким образом, не имея возможности уведомить о начале восстания, они доставили случай многим членам искренно или только наружно сомневаться в необходимости местных возмущений, направленных к одной цели».

Спиридов также «охуждал» С. Муравьева, что тот восстание «начал безвременно и об оном не известил».

Попытка прапорщика Степана Ивановича Трусова, принятого в Славянское общество Драгомановым, поднять восстание в Полтавском полку—одно из самых поздних усилий осуществить революционный замысел. Событие это неполно отражено в документах, неправильно изложено в «Записках Неизвестного» и поэтому остается несколько неясным.

В феврале 1826 г. подполковник Левицкий-Лазницкий, принявший командование полком после ареста Тизенгаузена, делал смотр. Трусов стоял на Слуцком форштате 1-го батальона. По окончании смотра 1-го батальона он выбежал вперед с обнаженной шпагой и крикнул солдатам: «Ребята! Бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость ни от кого, у нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран». Рапорт подполковника Лазницкого не решается передать остальное, — прапорщик Трусов «даже такие произносил выражения в присутствии целого баталиона на особу его императорского величества и всю царскую фамилию, которых я не смею выразить на бумаге». Трусова схватили не сразу: он не только крикнул все, что хотел, а успел подбежать еще и к 1-му взводу и повторить ему то же. Штабс-капитан Домбровский приказал ему замолчать, но он не унимался и грозил штабс-капитану шпагой. Наконец, по приказанию подполковника, Трусова схватили и отвели на гауптвахту, а в квартире его сделали обыск, но ничего не нашли.

На допросе он объяснял свое поведение «болезненным припадком», утверждал, что не принадлежал к тайному обществу, на солдат не влиял и не был знаком ни с Тизенгаузеном, ни с Бестужевым-Рюминым, и вообще о тайных обществах знал якобы только из книги «Тоска по родине», которую дал ему его двоюродный брат Иван Алексеев, умерший в 1825 г. Последний будто бы и объяснил ему, что́ такое тайное общество. Ссылка на умерших нередко служила прикрытием какого-то существенного факта, который подследственное лицо пыталось скрыть. Выяснилось еще одно важное обстоятельство: накануне своей попытки Трусов был в госпитале у Троцкого, подпоручика Полтавского полка. По «Запискам» Славянского общества, Троцкий тоже был принят Драгомановым в Общество соединенных славян. В палате они долго с жаром говорили о чем-то, — офицеры в соседней комнате слышали разговор. Начальство спохватилось почти через месяц, генерал-майор Нагель делал «о сем разговоре разыскание», но офицеры из соседней комнаты уверяли, что они хотя и слышали разговор, «однако не вслушивались в содержание оного», а сам Троцкий тоже ни в чем не сознался и в присутствии Нагеля дерзко отвечал своему полковому командиру.

Выступление Трусова, повидимому, не было случайным, его осведомленность о только что происшедших событиях — восстании 14 декабря в Петербурге и восстании Черниговского полка — вне сомнений. Ясно, что он сочувствовал восстаниям декабристов, только что подавленным, верил, что «дух неудовольствия», царящий в армии, еще жив и может быть опорой восстания. Нельзя, разумеется, верить его показаниям о том, что он не был знаком с Бестужевым-Рюминым: офицеры-однополчане всегда были знакомы между собой. Противоцаристская идеология выступления засвидетельствована обращением к солдатам, — его слова во время присяги Трусова направлены непосредственно против Николая I. О прочих обстоятельствах документы молчат [58].

Николай I приказал судить Трусова при полку в 24 часа и заранее предписал решение суда: лишить чинов и дворянского достоинства, переломить над головой шпагу перед полком и, заковав в цепи, отправить в Бобруйскую крепость на крепостную (каторжную) работу. Приговор был

приведен в исполнение. Троцкий был на год посажен в крепость с содержанием в каземате.

«Записки Горбачевского» неправильно освещают выступление Трусова. Они ошибочно относят его к началу января и неверно рисуют фактическую картину событий, в которых злодейскую роль отводят члену Южного общества полковнику Тизенгаузену. Мы видели выше, что Тизенгаузен отказался выступать со своим полком на помощь южному восстанию, но в жестоком подавлении февральского выступления он неповинен: он сам был арестован в ночь на 5 января 1826 г., т. е. задолго до выступления Трусова. «Записки» Славянского общества, резко осуждающие Тизенгаузена за его поведение во время восстания Черниговского полка, повторяют чью-то вымышленную версию о злодейской роли Тизенгаузена, якобы приказавшего схватить и связать Трусова и Троцкого как «негодных бунтовщиков», набить им кандалы на руки и ноги и в рапорте по начальству всячески очернить их. Ничего этого Тизенгаузен не мог делать, — он сам уже томился в это время в Петропавловской крепости [59].

Попытка выступления в Полтавском пехотном полку не может быть оторвана от агитации Бестужева-Рюмина, следовательно, и от сферы воздействия Васильковской управы, поэтому она также входит в проблему южного восстания.

Как видим, вопрос о последнем перерастает рамки восстания Черниговского полка, и не только потому, что имела место еще одна попытка выступления, хотя и не сравнимая с ним по размаху и силе. Восстание Черниговского полка занимает важнейшее, центральное место в южном восстании. Однако самая проблема южного восстания несколько шире: в это понятие входит более широкий план действий с расчетом на ряд других полков, система которых была связана с руководством декабристов и должна была по их сигналу придти в движение. Попытки членов Южного и Славянского общества поднять восстание в полках намеченной системы органически включаются в понятие южного восстания. Меры, предпринятые для установления связи с поляками, являются составной частью общей картины. Вопрос о том, как стремился Сергей Муравьев-Апостол осуществить свою роль главнокомандующего восстанием, также относится к общей проблеме южного восстания. Значительная тема об идеологии восстания, отраженная в его основных документах — «Катехизисе» и воззваниях, перерастает рамки восстания Черниговского полка и имеет связь с попытками распространить восстание за его пределы.

Южное восстание рухнуло под ударами царизма. Движение декабристов было разгромлено.

Глава XIX

СЛЕДСТВИЕ. СУД. ПРИГОВОР

1

Итак, — восстание декабристов было разгромлено.

Первая открытая битва молодого русского революционного движения с самодержавием была выиграна последним. Массовые аресты членов тайного общества начались в ночь на 15 декабря 1825 г.

Открытый характер восстания на площади столицы предоставил властям многочисленные данные об участниках движения. Восстание обнаружило тайную организацию и сразу выявило перед царским следствием десятки членов общества. Немало имен царизм знал уже раньше от доносчиков. Затруднений в составлении списка лиц, подлежавших аресту, собственно, не было. Первые аресты и допросы дали новые списки фамилий, и невиданная ранее волна арестов обрушилась на передовую Россию.

Арестованных доставляли непосредственно к Николаю I в Зимний дворец, из которого, по меткому выражению декабристов, в эти дни «устроили съезжую» [1].

Первым после восстания был арестован повидимому Щепин-Ростовский, его привели в Зимний дворец со связанными руками. Одним из первых арестовали К. Ф. Рылеева. Николай I поручил это флигель-адъютанту Дурново, о чем последний рассказывает в своем дневнике. Рылеев и был первым доставлен в Петропавловскую крепость в 12 часов ночи. За ним последовал ряд других активных участников восстания, в том числе несколько офицеров-моряков (Вишневский, Бодиско, Арбузов, М. Кюхельбекер). Александр Бестужев сам явился во дворец и 15 декабря в 9 часов утра был уже заключен в Петропавловскую крепость. Обманувший товарищей «диктатор» С. Трубецкой, арестованный в ночь на 15 декабря на квартире австрийского посла Л. Лебцельтерна (сестра его жены была замужем за послом), оказался в Петропавловской крепости на следующий же день после восстания около 10 часов утра [2].

Допросы происходили в первой зале Эрмитажа, примыкающей к Зимнему дворцу. Генерал-адъютант Левашов записывал первые показания. Николай сам выступал в роли следователя и допрашивал арестованных.

Новый царь проявил незаурядные способности тюремщика и допросчика, «индивидуально» подходя к арестованным. Одних он запугивал, крича на них и топая ногами, другим обещал прощение за полную откровенность, напоминая им об их дворянстве и возможном высоком положении. «Меня позвали. Император пошел ко мне навстречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки против моего лба, сказал: «что

было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией вошли в такое дело? Гвардии полковник, князь Трубецкой!.. Как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью (по другой версии — сволочью.—*М. Н.*), ваша участь будет ужасная...»». Посадив Трубецкого писать показания, Николай продолжал восклицать: «Какая фамилия, — князь Трубецкой, гвардии полковник и в каком деле! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену... Вы счастливы, что у вас нет детей...». Получив письменные показания, царь приказал Трубецкому написать письмо жене и к словам, что Трубецкой «здоров» приписать: «буду жив и здоров». Иначе допрашивал Николай И. Д. Якушкина (решительно отказавшегося на первых допросах называть имена): «Если вы не хотите..., чтобы с вами обращались как со свиньей, то вы должны во всем признаться», — кричал император. Якушкин сослался, что дал честное слово никого не выдавать и уже сказал об этой клятве «его превосходительству» (генерал-адъютанту Левашову). «Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом...,—завопил Николай.— Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог» [3].

«Знаете ли, какая участь вас ожидает? Смерть!», — кричал Николай на Н. И. Лорера и проводил рукой по своей шее, «как будто моя голова должна была отделиться от туловища тут же. На этот красноречивый жест мне нечего было отвечать, и я молчал» [4].

После первого допроса арестованных отсылали в Петропавловскую крепость, в большинстве случаев с личными записочками царя (всего Николай написал 150 таких записок!), где указывалось, в каких условиях должен содержаться данный арестант. К. Ф. Рылеева, приведенного в числе первых, Николай прислал со следующей запиской: «Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский равелин, но не связывая рук, без всякого сообщения с другими, дать ему бумагу для письма, и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно». Александр Бестужев был послан с запиской: «Присылаемого Бестужева посадить в Алексеевский равелин под строжайший арест». В своей работе «Император Николай I — тюремщик декабристов» П. Е. Щеголев отметил несколько градаций в предписывавшемся царскими записками режиме арестованных — от лаконичного «содержать в крепости» без указания на особенности заключения и от простого предписания «содержать строго» до высшей степени: «содержать наистрожайше». Комендант Петропавловской крепости генерал Сукин, составив точный реестр высочайшим предписаниям, видимо, знал, как конкретизировать оттенки царской воли. Заковaние «в железа» стало применяться к «государственным преступникам» по царскому указанию нередко с первых же дней пребывания в крепости. И. Д. Якушкин был прислан с запиской Николая I: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать как злодея». В записке, сопровождавшей С. Трубецкого, значилось: «За ним всех строже смотреть, особенно не позволять никуда не выходить (так!) и ни с кем не видеться». Конкретные царские распоряжения сопровождали и отсылку в тюрьму Е. П. Оболенского, вызывавшего особую ярость царя и придворной камарильи: «Оболенского посадить в Алексеевской равелин под строжайший арест, без всякого сообщения — не мешает усилить наблюдение, чтоб громких разговоров не было между арестантов, буде по месту сие возможно» [5].

Вместе с тем налет истерической растерянности чувствуется в несоответствии распоряжений с реальным значением арестованного в движении и отражает как отрывочность сведений о заговоре, так и настроение минуты: «Присылаемого злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистроже» (объяснения в существе дела записка не находит).

Записка, препровождавшая в тюрьму Пестеля, гласила: «Пестеля поместить в Алексеевский равелин, выведя для того Каховского или другого из менее важных». Пестеля привезли с юга поздно, и к этому времени самое «надежное» место Петропавловской крепости — Алексеевский равелин — было уже заполнено арестантами. Скоро основная цитадель самодержавия перестала вмещать арестованных — были заняты даже служебные ее помещения. Пришлось направлять менее значительных арестантов на гауптвахту Генерального штаба и в некоторые другие места заключения.

Аресты сразу приняли массовый характер. Власти не успевали управляться в Петербурге, во все стороны из столицы скакали курьеры с предписаниями о захвате «государственных преступников», находившихся на юге, в отдаленных полках, разбросанных по разным имениям и городам. Кибитки с арестованными в сопровождении фельдъегерей одна за другой летели к Петербургу по зимнему тракту. В сотнях семей оплакивали мужей, отцов, братьев. Царила невиданная тревога. Многие ожидавшие ареста ложились спать, заранее приготовив нужные вещи на случай стука в дверь и появления фельдъегерей, — об этом пишет в своих «Записках» А. И. Кошелев и ряд других мемуаристов. Аресты производились не только в столице и местах расквартирования частей, в которых служили декабристы, но и во многих других городах и отдаленных имениях. Аресты шли под Екатеринославом, Орлом, Черниговом, Борисполем, Херсоном, в Москве и Житомире, в Киеве и Нижнем Новгороде, в Касимове и Симбирске, Одессе и Харькове, в Вилькомире и Петергофе, в кавказской крепости Грозной и Смоленске, в Дубно и Елизаветграде, в Полтаве и Воронеже, в Кишиневе и предместье Варшавы — Праге, в Могилеве и в самой Варшаве, в Каменец-Подольске и Хотине, в Бердичеве и Тамбове.

Общее число арестованных по делу декабристов точно не учтено, и имеющиеся в литературе попытки подсчета явно неполны. Из 579 человек, прикосновенных к делу о тайном обществе и зарегистрированных в известном «Алфавите», составленном правителем Следственного комитета для Николая I, подавляющее большинство подверглось аресту, но «Алфавит» включал не всех привлеченных по делу лиц. Сверх того, в первые же дни после восстания Петропавловская крепость вместила в себя 624 арестованных солдата, задержанных в ночь после восстания и собранных генерал-адъютантом Комаровским на Сенатской площади. Среди них преобладали московцы (334 чел.) и гренадеры (246 чел.), было также немного матросов (44 чел.). В дальнейшем численность арестованных солдат возрастала, — в начале января 1826 г. Следственный комитет предложил перевести уже 700 нижних чинов из Петропавловской крепости в Кексгольм и Выборг. Однако небольшая часть арестованных солдат и дворовых людей декабристов продолжала оставаться в Петропавловской крепости до конца следствия. Учитывая южные аресты офицеров и солдат, можно считать, что всего по делу декабристов в течение декабря 1825 г. — марта 1826 г. было арестовано более 3 тыс. человек, преимущественно офицеров (свыше 500 чел.) и солдат (свыше 2,5 тыс.), причем основная масса арестов приходилась на вторую половину декабря 1825 г. и январь 1826 г. [6]

17 декабря 1825 г. начал действовать «высочайше учрежденный тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества» (с 14 января 1826 г. его приказано было не именовать «тайным»). 26 мая 1826 г., уже в конце своей работы, «комитет» был переименован в «комиссию». В архивных материалах того времени он чаще всего сокращенно именуется «высочайше учрежденным комитетом» (до 14 января — «тайным комитетом», после 26 мая соответственно — комис-

сией); в литературе о декабристах чаще всего применяется сокращенное общее название «Следственного комитета» без излишних для существа дела уточнений. Председателем Следственного комитета с начала до конца его действий был военный министр А. И. Татищев. Николай I не постеснялся назначить членом Следственного комитета представителя царствовавшего дома великого князя Михаила Павловича, своего родного брата, оказавшегося следователем «в собственном деле». Кроме этих лиц, в Следственный комитет входили один из столпов реакции действительный тайный советник князь А. Н. Голицын («холопская душа» и «просвещения губитель» по пушкинской эпиграмме), петербургский военный генерал-губернатор генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов и еще четверо генерал-адъютантов: А. И. Чернышев, В. В. Левашов, А. Н. Потапов и А. Х. Бенкендорф (будущий шеф жандармов). Члены комитета были назначены не все одновременно: Потапов несколько позже других (26 декабря), а генерал-адъютанты А. И. Чернышев и И. И. Дибич — 2 января 1826 г. Генерал-адъютант Адлерберг позже был также включен в комитет.

Состав Следственного комитета был, как видим, подобран соответствующим образом — в него входили наиболее надежные слуги царского престола.

Правителем дел Следственного комитета состоял симпатизировавший декабристам А. Д. Боровков, знавший многих из них ранее. Около комитета денно и нощно работала канцелярия, к которой принадлежали чиновники Вахрушев, Ивановский, Хлудович и др.

Следственный комитет провел 147 заседаний — с 17 декабря 1825 г. по 17 июня 1826 г. (обычно заседания начинались в 6 часов вечера и кончались около полуночи). В конце его работы заседания проводились дважды в день. Царь торопил с окончанием следствия, и поэтому комитет работал и в праздники (например, в первый день рождества, нового года и т. д.). Сначала комитет заседал в Зимнем дворце, потом — в комендантском помещении Петропавловской крепости. Арестованных по особому, предварительно составленному, списку вызывали в комитет (обычно их приводили с завязанными глазами, лишь перед комитетом снимая повязку) и подвергали допросу. После каждого допроса, обычно кончавшегося постановлением «дать допросные пункты», арестованный получал, уже вернувшись в камеру, индивидуальную рукописную следственную анкету (иногда заключавшую несколько десятков вопросов, требовавших подробного ответа) и собственноручно писал на нее ответы, передававшиеся затем в комитет. Поэтому в части показаний подследственных лиц процесс декабристов оставил огромное количество подлинного автографического материала, что чрезвычайно ценно для исследователя [7].

Основное направление следствия было предвзятым и крайне узким — сосредоточенным на вопросе о цареубийстве. Выше при разборе особенностей источников (см. главу II) эта сторона дела уже была рассмотрена. Следствие велось как бы по делу потенциальных цареубийц. Вопросы идеологии движения не столь интересовали следователей, как вопрос, считал ли Пестель по пальцам будущие жертвы императорского дома. «Русская Правда», хотя и вырытая из земли, не оказалась темой разбора следствия и вопросов, адресованных подследственным лицам. Во всем гигантском материале следствия по делу декабристов можно с трудом найти считанные вопросы, касавшиеся содержания «Русской Правды». Николай I вернул ее из дворца обратно Следственному комитету с такой быстротой, что нельзя с уверенностью сказать, успел ли он хотя бы перелистать ее.

Но, разумеется, несмотря на указанное направление следствия, важные, уличающие царизм показания о желании декабристов освободить крепостных крестьян, уничтожить самодержавный строй, преобразовать

армию отражались в ответах подследственных лиц и из допросов проскользнули в какой-то малой доле и в официальный материал отчета по следствию. Казалось бы, их нельзя было обойти, говоря о причинах восстания. Николай понимал, где скрывается наибольшая опасность,—нельзя было доводить до сведения народа правду об этих вопросах, эта правда сама по себе шла против царизма, разоблачала его. Николай отдал поэтому приказ начальнику главного штаба барону Дибичу изъять из официальных материалов суда и составленного Д. Блудовым донесения Следственного комитета, все то, что относилось к уничтожению крепостного права, облегчению положения солдат и вообще к преобразованию строя. Характерно распоряжение Дибича Следственному комитету: «Предлагается, исключив из доклада, представить государю императору в особенном приложении: 1) об убавке срока службы солдатам; 2) о разделении земель; 3) освобождение крестьян, 4) о намерении возмутить военных поселян; 5) о государственных лицах». Этот документ, на который выше уже приходилось ссылаться по другому поводу, является одним из самых обличительных для царизма: он показывает, насколько ясно знали палачи декабристов, в чем сила подавляемого ими революционного движения. Эту-то силу они и пытались скрыть от народа, не дать ей возможности хотя бы слабейшим образом отразиться в царском отчете о следствии.

Боязнь побеждающей силы новой идеологии сказалась особенно ясно в одном частном вопросе. Николай по-особому боялся стихов: они могли легко распространиться, их могли списать или запомнить наизусть даже писцы Следственного комитета. Стихов же в движении декабристов было великое множество. Во время следствия очень быстро — при первых же допросах — прозвучало имя А. С. Пушкина. Открылось, какое огромное значение имели для декабристов его произведения. Немало и других вольнодумных стихов — Рылеева, А. Бестужева, Языкова и многих иных известных и безвестных поэтов нашлось при обыске и было записано при допросах. Открылось немало ранее неизвестных армейских поэтов (Жуков и др.), сочинявших стихи в подражание Пушкину и Рылееву. «В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу,— писал Жуковский томившемуся в Михайловском Пушкину.—Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» [8].

Во время следствия Николай I отдал приказ, которого никогда не забудет историк русской литературы: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Приказ был выполнен — стихи были сожжены; среди них было немало стихов, так и оставшихся нам неизвестными, немало и ценнейших пушкинских текстов. Случайно уцелело лишь одно пушкинское стихотворение «Кинжал». Его записал на память по требованию следствия декабрист Громнитский (член Славянского общества). Бестужев-Рюмин, показал он, «в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно... не менее вольнодумное. Вот оно...». Далее следовал записанный наизусть текст пушкинского «Кинжала». Его не удалось «вынуть и сжечь» согласно царскому приказу; он расположился на двух смежных страницах показаний, обороты которых были заняты важными текстами допроса, не подлежавшего уничтожению. Тогда военный министр Татищев, председатель Следственного комитета, все же нашел выход из положения: он густо зачеркнул текст пушкинских стихов, в начале и конце их поставив «скрепу» следующего содержания: «С высочайшего соизволения вымарал военный мини[стр] Татищев» [9].

Ту же судьбу имели песни для народа, сочиненные Рылеевым и Бестужевым. По требованию следствия декабрист Матвей Муравьев-Апостол был вынужден записать их текст на память при допросах. Речь идет о пес-

нях «Вдоль Фонтанки-реки квартируют полки» и «Подгуляла я, нужды нет, друзья». Эти песни тот же военный министр «вымарал» так густо, что в течение 125 лет их не мог полностью прочесть ни один исследователь.

Не прошло и десяти дней после восстания декабристов, как в Следственном комитете, где велись допросы участников восстания, прозвучало имя автора «Горя от ума» — Александра Сергеевича Грибоедова. 26 декабря 1825 г. Следственный комитет вынес решение об его аресте. Николай I утвердил решение на следующий же день, и на Кавказ к генералу Ермолову понесся фельдъегерь с приказом об аресте Грибоедова. Его арестовали 22 января 1826 г. и 11 февраля привезли в Петербург. В делопроизводстве Следственного комитета возникло особое «дело» о Грибоедове, многими нитями связанное с другими документами следствия. Следственное дело о Грибоедове подробно разобрано в специальной моей работе, и поэтому я не останавливаюсь на нем. Грибоедов, несомненно, знал о тайном обществе декабристов и, повидимому, был в какой-то форме принят в него Рылеевым. Ему удалось избежать кары более всего в силу осторожнейшего поведения на следствии и влиятельных родственных связей [10].

Поведение декабристов на следствии было различно. Многие из них не проявили революционной стойкости, потеряли почву под ногами, каялись, называли имена. Хрупкая дворянская революционность легко надламывалась перед лицом явной победы царизма, общего разгрома движения, полной гибели планов и массовых арестов участников. Но были случаи и личного героизма, отказа давать показания и выдавать заговорщиков. Пестель сначала отвечал на все вопросы полным отрицанием: «Не принадлежа к здесь упоминаемому обществу и ничего не знав о его существовании, тем еще менее могу сказать, к чему стремится истинная его цель и какие предполагает оно меры к достижению оной», — отвечал он, например, на вопрос о цели тайного общества [11].

«Я никем не был принят в число членов тайного общества, но сам присоединился к оному, — гордо отвечал следствию декабрист Лунин. — Открыть имена их (членов. — *М. Н.*) почитаю противным моей совести, ибо должен бы был обнаружить братьев и друзей». Длительное время отказывался называть имена И. Д. Якушкин. Замечательно одно место следственного дела Михаила Орлова. Даже под арестом, во время допросов, прорвалась у него внезапно мысль о том, что восстание могло бы победить при других обстоятельствах. На вопрос, почему он не выдал заговорщиков, хотя знал об их планах даже в самое последнее время, Орлов ответил: «Теперь легко сказать: «должно было донести», ибо все известно, и преступление совершилось. Но тогда не позволительно ли мне было по крайней мере отложить на некоторое время донесение. Н о к н е щ а с т и ю и х о б с т о я т е л ь с т в а с о з р е л и п р е ж д е и х з а м ы с л о в и в о т о т ч е г о о н и п р о п а л и». Последнюю фразу Николай I дважды подчеркнул, а над словами «Но к нещастию» поставил 11 восклицательных знаков, причем справа на полях около этого места поставил еще один дополнительный восклицательный знак огромного размера. Много стойких и гордых перед лицом следствия людей было и среди членов Общества соединенных славян. В их числе назовем Борисова 1-го, Андреевича 2-го, Усовского, Люблинского. В числе стойких и державших себя с достоинством арестованных и Якушкин — член Северного общества [2].

Но вместе с тем многие следственные дела декабристов содержат многочисленные покаянные обращения к царю и членам комитета, слезные письма раскаявшихся «преступников», клятвы заслужить прощение. За заключенными в Петропавловской крепости участниками восстания 14 декабря не стояло революционного класса. Они не чувствовали в нем опо-

ры, и многие упали духом. В тюрьме происходили и случаи самоубийств (так разбил себе голову о стену тюремной камеры декабрист Булатов). Заковывание «в железа» было формой физической пытки, но не менее тяжелы были и моральные пытки — запугивание, обнадеживание, влияние на семью и пр. Чрезвычайно впечатлительный и резко подавленный тюрьмой декабрист Оболенский подвергся воздействию особого рода: он был допущен в пасхальные дни «к исповеди и святому причастию» и ему, которому до этого было решительно отказано в переписке, внезапно вручили письмо от престарелого и больного отца. Потрясенный всем этим, Оболенский написал покаянное письмо.

Царские власти были заинтересованы в широком оповещении дворянского общества о «глубоком раскаянии» заключенных, якобы признающих «ошибочность» выступления и восхваляющих «милосердие» царской власти. Между прочим, для этой цели широко распространялся через полицию и губернскую администрацию особый документ, представлявший собой объединение трех писем — так называемого «предсмертного письма» Рылеева к жене, письма декабриста Оболенского к отцу и покаянного письма Якубовича, также к своему отцу. Все три письма распространялись правительством официальным путем, об этом свидетельствует особое «дело» канцелярии петербургского гражданского губернатора, в котором эти покаянные письма аккуратно подшиты к рассылаемым правительством официальным сообщениям о следствии и суде, выдержкам из сенатских ведомостей и пр. [13].

Однако описанные только что особенности «покаянного» поведения ряда декабристов в тюрьме — особенности, которые нельзя замолчать — требуют исторического объяснения. Чтобы дать последнее, нужно, как всегда, весь комплекс подлежащих объяснению явлений брать в целом, а не частично. Любое объяснение неполно подобранного комплекса фактов поведет к неточности в их общей оценке. В поставленнном вопросе нас интересует прежде всего степень стойкости декабристской идеологии. Сломил ли ее разгром восстания, пытка тюрьмой и цепями на руках и ногах, мучительность допросов, — запугивание, воздействие на допрашиваемого через судьбу его семьи? Ответить на этот вопрос невозможно только на основании фактов, относящихся к допросам в Петропавловской крепости. К этим данным нужно добавить еще и другие, почерпнутые из последующей жизни и поведения декабристов. Лишь тогда получится полный комплекс явлений, на основе которого можно дать ответ о стойкости их идеологии.

Вот перед нами сдержанный на допросах и выражающий раскаяние Никита Муравьев, в последние годы тайного общества далеко не «крайний» по убеждениям декабрист. Но в сибирский период жизни Никита Муравьев пишет воспоминания о своей революционной деятельности в целях конспирации на полях книг из собственной библиотеки, и брат его Александр после его смерти собирает эти потаенные заметки в одно целое; в этих записях не только нет раскаяния и признания прошлой деятельности ложной, а наоборот, наличествует несомненная концепция правоты дела тайного общества. Эта же точка зрения проведена и в разборе «Донесения» Следственного комитета, в основном принадлежащем двоюродному брату Никиты Муравьева — Лунину, но, несомненно, отражающем и точку зрения Никиты Муравьева. Добавим, что, несмотря на сильнейшее давление семьи и самую легкую возможность переслать из Сибири прошение на высочайшее имя с мольбой о помиловании, Никита Муравьев не сделал этого. Употребляя позднейший термин русского революционного движения, он не стал в Сибири «подаванцем» (т. е. не подал царю прошения о помиловании). Добавим к этому и то, что, работая в Сибири над вопросом о развитии производительных сил России, он написал большое исследование

о создании густой сети каналов, соединяющих русские реки (работа о так называемой «канализации» России). Эту работу он вынужден был сжечь, когда в Сибири началось новое дело, связанное с агитационной деятельностью его двоюродного брата Лунина. Очевидно, работа о «канализации России» не представляла собой такого благонадежного проекта, который можно было поднести его императорскому величеству с целью заслужить его похвалу. Ясно, что она содержала элемент рассуждений такого рода, который заставил ее автора поспешить с уничтожением рукописи перед угрозой второго обыска и ареста. Следовательно, для суждения о стойкости преобразовательной идеологии Никиты Муравьева нельзя ограничиться фактами времени следствия и задавать вопрос, каялся он или нет на допросах. Нужно взять факты, принадлежащие и к последующему периоду его жизни, и вынести суждение по интересующему нас вопросу на основании всей совокупности данных. Совокупность эта явно говорит за то, что, несмотря на покаянные срывы во время следствия, Никита Муравьев все же не стал защитником идеологии «православия, самодержавия и народности», официальной идеологии царизма в 1830—1840 гг. Нет, его дворянско-революционная идеология в целом проявила несомненную устойчивость и осталась характерной для него и в последующее время [14].

Следственное дело юного декабриста А. И. Одоевского (двоюродного брата А. С. Грибоедова) нередко производит на читателя самое тяжелое впечатление. Он горько кается и обещает в отчаянии дать показания даже по тем вопросам, о которых он заведомо не был осведомлен. Это впечатление может усугубиться тем, что и в последующий период каторги, когда декабрист стремился вырваться в другую ссылку — на Кавказ (где он и погиб), он также проявлял нестойкость, умоляя о прощении. Но тем не менее нельзя выносить общее суждение о степени стойкости его идеологии только на основании этих фактов. Мы располагаем замечательным идейным документом А. И. Одоевского — его ответным посланием А. С. Пушкину. Это знаменитое, всем известное стихотворение с гордостью можно занести в число лучших событий биографии Одоевского; оно написано рукой, закованной в цепи, как ответ поэту от всего декабристского коллектива.

Но будь покоен, бард, цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы,
Как встарь смеемся над царями.

Конечно, создавая и распространяя этот ответ, Одоевский несомненно подвергал себя, уже будучи в Сибири, большой опасности. Следовательно, нельзя судить об его идеологии после восстания только и единственно на основании следственного дела, надо расширить круг фактов, ложащихся в основу суждения. Лермонтовское стихотворение о встрече с Одоевским на Кавказе идет навстречу этому суждению: декабрист и в последние годы сохранил свою «веру гордую в людей и жизнь иную». Мы вправе поэтому говорить, что А. И. Одоевский до конца жизни оставался верен освободительной идеологии.

Тайная организация выявила себя восстанием и была в целом обнаружена, захвачена и брошена в Петропавловскую крепость, не оставив после себя таких организованных элементов своего движения, которые могли бы возродить его после разгрома. Об отсутствии этих элементов декабристы знали, и они ощущали за стенами крепости пустоту, окровавленную Сенатскую площадь, покрытую трупами, снежное поле, залитое их кровью около деревни Ковалевки недалеко от Василькова на Украине и гибель своего дела. Это было ошибкой декабристов, проявлением ограниченности их

движения, говорило об узком характере дворянской революционности. Отсутствие опоры на народ и явилось глубокой подосновой их покаянных срывов в Петропавловской крепости. Но на основе только одних этих покаянных срывов нельзя судить о стойкости их идеологии.

Было необходимо остановиться на этой стороне вопроса, потому что именно она, а никакая иная служила «школе» М. Н. Покровского первым «основанием» для отрицания революционности декабристов, а следовательно, и для искажения ленинской концепции движения. Цитата из покаянного письма Пестеля к генералу Левашову, еще одна о раскаянии Одоевского в тюремной камере, один-два уничижительных эпитета, которыми наградил себя на следствии Александр Бестужев, — и вопрос считался исчерпанным. Какие же, мол, декабристы революционеры? Слышите, что они о себе говорят? Подобный «метод» не выдерживает критики, — вопрос гораздо сложнее и требует тщательно собранного комплекса фактов и научного метода для своего решения.

2

1 июня 1826 г. Николай I подписал манифест об учреждении Верховного уголовного суда «для суждения государственных преступников». 3 июня суд открыл свои заседания чтением «Донесения» Следственного комитета и подробных сведений о каждом подсудимом.

Если следствие над декабристами можно было организовать в глубокой тайне и любым образом проявлять тут самодержавный произвол, то положение несколько менялось, когда дело подошло непосредственно к судебной процедуре. Николай I страшился общественного мнения внутри страны и откликов Западной Европы. Но слабые потуги хоть в какой-то мере соблюсти внешние «приличия» неумолимо превращались в дым при столкновении с желанием реакции как можно скорее раздавить гидру революции, вызывая минимум толков. Желая все же действовать по возможности осторожно, Николай нашел единственное лицо, которому мог доверить проведение еще нового для царизма мероприятия — суда над участниками первого в России революционного выступления. М. М. Сперанский, член Государственного совета, декабристский кандидат в революционное временное правительство, оказался этим единственным лицом. Своим энергичным участием в подготовке и проведении суда он призван был «искупить» как этот «грех», так и подозрительные связи с Батеньковым, смутные слухи о своем согласии на участие во временном правительстве в случае революционной победы и значение для «государственных преступников» того потока важнейшей информации в дни междуцарствия, который шел именно из его дома. Нет сомнений, что поручение нового царя было большой личной трагедией для Сперанского. Дочь не раз замечала слезы на его глазах во время этой страшной работы, от которой Сперанскому все время хотелось уклониться. В один из ответственных моментов накануне решающих судебных заседаний он, видимо, и сделал эту попытку, но Николай I сумел переломить его, и Сперанскому пришлось «принести повинную».

Уже в мае 1826 г. велись подготовительные работы для проведения суда. Сперанский уже тогда стал главным двигателем этой подготовки. «Чинить ли вновь допросы обвиняемым в суде, как то обыкновенно бывает, или положиться на следствие без призыва обвиняемых»,— таков был, согласно записи М. Сперанского, один из вопросов, подготовленных им для совещания с царем и И. И. Дибичем. Решено было не допрашивать на суде обвиняемых! Судебное следствие свелось к смехотворной процедуре опроса каждого подсудимого через особую «реви-

зионную комиссию», его ли рукой подписаны показания, данные на следствии, добровольно ли они подписаны и были ли даны ему очные ставки. Получение ответа на эти три вопроса, возложенное на «ревизионную комиссию», было проведено с неимоверной быстротой. Опрашиваемые декабристы и понятия не имели о цели бегло и без объяснений заданных вопросов. О быстроте процедуры, имевшей место 9 июня 1826 г., свидетельствует то, что 121 подсудимый, преданный Верховному уголовному суду, был опрошен в один день [15].

«Ревизионная комиссия, — гласит лицемерный доклад суда, — исполнила порученное ей дело с точностию. Все подсудимые без исключения подтвердили пред нею собственноручным подписанием прежние их показания». На полях отчета около этого места декабрист И. И. Горбачевский, располагавший документом в издании А. И. Герцена, написал: «Л о ж ь» и пояснил: «Подсудимые не были призываемы к суду, не знали об его существовании и узнали о нем, когда читали сентенцию. Этому однако не противоречит и Донесение, говоря, что суд нашел удобным, чтоб их в суд не вызывали...». И. Д. Якушкин пишет в «Записках», что сенатор Баранов «даже не выпускал из рук» те бумаги, подлинность которых подсудимый призывался заверить, и декабристу пришлось перелистать бумаги «кое-как» и «подписать листок, не читая». «В этом случае,— добавляет И. Д. Якушкин,— верховный уголовный суд хотел сохранить ежели не самую форму, требуемую в судебных местах, то по крайней мере хоть тень этой формы». Аналогичные свидетельства находим мы в ряде декабристских мемуаров [16].

Вопрос о смертной казни главнейших подсудимых был предрешен заранее и ни в малейшей мере не ставился в зависимость от решения суда. Это видно уже из отчетной записки Сперанского от 1 июня 1826 г. относительно результатов его совещания с министром юстиции, в котором, в частности, обсуждался вопрос о дополнительном привлечении членов суда из лиц духовного сана. Предложение это было отвергнуто на том основании, что «сим умножится число членов, к о и в о к о н ч а т е л ь н о м п р и г о в о р е п о с а н у и х о т с м е р т н о й к а з н и о т р е к у т с я». Опасения, однако, оказались преждевременными: как увидим далее, лица духовного сана и не подумали отречься от смертного приговора.

Рвавшийся к окончанию тревожного для него дела и к скорейшей расправе, Николай I сначала хотел было покончить с главными «извергами» посредством импровизированных «полковых судов». Еще 4 января 1826 г. он писал цесаревичу Константину, что те участники восстания, которые «первые подняли руку против своих начальников» (он приводил пример Александра Бестужева и Щепина-Ростовского), должны быть «попросту» судимы в 24 часа в самом Московском полку «только за самый факт» и подвергнуты смертной казни «при посредстве солдат, выбранных из самого полка». Решение подкреплялось и тем, что дальнейшие показания означенных «извергов» уже не имеют-де значения для следствия; к сожалению, по мнению Николая, так нельзя было поступить, например, с Оболенским, изобличенным участником убийства Милорадовича, «ибо его очные ставки со многими из злодеев необходимы в виду того, что он был одним из вождей партии или думы, как они ее называют» [17]. Письмо это ясно показывает, что смертная казнь давно была предрешенным царем вопросом, а дальнейшее осложнение следствия и расширение сведений о «заговоре» пугало Николая, который охотно пошел бы на «сужение» процесса; демонстрация же «народной преданности» через осуществление казни верными царю солдатами должна была, по мнению Николая, лишний раз продемонстрировать «преданность» на-

рода престолу. Однако страх перед общественной реакцией на такой «попросту» организованный суд, видимо, пересилил, и замысел Николая осуществлен не был.

Разрабатывая самый «обряд» судопроизводства, Сперанский заимствовал его образец из суда над Пугачевым. В его бумагах обнаружены также сделанные в связи с процессом декабристов выписки по делу Мировича и по делу о Московском бунте 1771 г.

Состав суда, общей численностью в 72 человека, слагался из представителей трех «государственных сословий»: Государственного совета, Сената и Синода. Государственный совет был представлен 18 членами, Сенат (как высшая судебная инстанция) — 36 сенаторами и Синод — тремя духовными особами. В состав суда, сверх этого, было введено 15 особо назначенных военных и гражданских чиновников. «...Жалкие старики, поседелые в низкопоклонстве и интригах, созванные в какой-то импровизированный суд...», — пишет Н. П. Огарев о составе придуманного царем судилища.

10 июня 1826 г. суд выслушал сообщение «ревизионной комиссии» об указанном выше «опросе» обвиняемых и избрал новую комиссию из девяти человек «для установления разрядов разных степеней виновности государственных злоумышленников». Главную роль в этой комиссии опять-таки играл избранный туда наибольшим числом голосов М. М. Сперанский. Комиссия провела семь заседаний с 11 по 27 июня (во время работы комиссии суд не собирался) и произвела то распределение подсудимых по разрядам, которое в основном с некоторыми, сравнительно незначительными, изменениями и сохранилось в окончательном приговоре. По определенной схеме, составленной М. Сперанским, были изготовлены особые записки о «силе вины» каждого подсудимого, ложившиеся в основу отнесения его к тому или иному разряду. Сперанский сам составил в виде образца пять записок, избрав типичные примеры разной силы вины (он взял Каховского, Арбузова, Лаппу, Фока и Кожевникова).

В результате работы комиссии был составлен под активным руководством Сперанского разделенный на 11 разрядов и одну внеразрядную группу «Список лиц, кои по делу о тайных злоумышленных обществах предаются по высочайшему повелению Верховному уголовному суду в силу Манифеста от 1-го числа июня сего 1826 года». По этому списку предавались суду: 61 член Северного общества декабристов, 37 членов Южного общества и 23 члена Общества соединенных славян — всего 121 человек [18]. Это число не исчерпывает, разумеется, всех декабристов, понесших правительственные кары, — количество сосланных и разжалованных без суда гораздо более значительно.

Среди преданных Верховному уголовному суду нет имени Михаила Орлова, которому, казалось, нельзя было не быть в списке... Его брат Алексей — правая рука Николая I по разгрому восстания — вымолил брату-декабристу помилование у царя. 15 июня по царскому приказу Следственный комитет сделал особый доклад о Михаиле Орлове, и велено было, продержав его еще месяц под арестом, в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять и по выходе из тюрьмы сейчас же направить в деревню для безвыездного там проживания под бдительным тайным надзором. Декабрист Н. И. Лорер видел из окна своего каземата, как ночью приехал за генералом возок, как плац-майор Подушкин сильно суетился, с низкими поклонами усаживая генерала, и как увезли его из Петропавловской крепости...

М. М. Сперанский сам составил календарный план заседаний суда, определив сроком его занятий время с 28 июня по 9 июля и указав, в

какой день какой разряд подсудимых должен был обсуждаться. Записка эта особо важна как доказательство предрешенности приговоров. Время с 28 июня по утро 3 июля отводилось на чтение доклада комиссии о разрядах и разбор того, правильно ли произведено распределение подсудимых по разрядам. Вынесение приговоров должно было начаться в субботу вечером 3 июля. О каждом разряде подсудимых в плане был написан уже заранее заготовленный приговор, формулированный в качестве вопроса, не найдет ли суд справедливым определить таким-то подсудимым такую-то казнь. Однако в указанном порядке было сделано два исключения: приговор о пяти подсудимых «высшего рода» и о подсудимых первого разряда Сперанским не был определен,— заранее формулированные приговоры начинались лишь с подсудимых второго разряда.

На вынесение 121 приговора по плану отводилось всего четыре заседания. Утром в понедельник 5 июля предполагалось полностью закончить этот основной вопрос и избрать комиссию для составления доклада о результатах работы суда; два дня было положено на доклад комиссии и в пятницу 8 июля предполагалось представить доклад императору. Суд «уложился» в назначенные ему сроки: 8 июля 1826 г. был утвержден «всеподданнейший доклад», по всей вероятности, в тот же день доставленный в Царское село. Весь текст доклада суда был написан Сперанским.

«Законность» обвинения рушится при первой проверке, обнаруживающей все лицемерие царизма. Блестящее разоблачение этой стороны дела произведено Н. П. Огаревым в его работе о книге барона М. Корфа. Из доклада суда было видно, что самодержавие поспешило измыслить особые «законные» основания именно для данного обвинения в виду недостаточности таковых в имеющемся законодательстве: «Обряд производства уголовных дел установлен общими законами; но в деле высших государственных преступлений общий уголовный суд не мог быть достаточен». Почему? Потому, что законов, так сказать, не хватило. Поэтому предрешенная заранее казнь требовала новой, спешно сочиненной именно для этого случая законной видимости (Н. П. Огарев бросает меткое определение: «солганный вид законности»). Верховный уголовный суд, согласно его же собственному отчету, «признал единогласно, что все они (т. е., «преступления, в актах следственной комиссии обнаруженные».— *М. Н.*) принадлежат к преступлениям государственным, под именем двух первых пунктов в нашем законодательстве известным», причем далее утверждалось, что эти преступления «подлежат все без изъятия смертной казни». Н. П. Огарев и А. И. Герцен первые предприняли поиски указанных в отчете суда «двух первых пунктов» законов. Они сразу установили, что смертная казнь за преступления против царственных особ вошла как первые два пункта уголовного законодательства только в XV том Свода законов, изданный десятью годами позже восстания 14 декабря. В предшествовавшем же законодательстве никаких «первых двух пунктов» не существовало. В Судебнике Ивана Грозного эти преступления относились к статье 61-й, а в Уложении царя Алексея начинали вторую главу и содержались не только в первых пунктах, но еще в пунктах 11 и 21. В воинском же артикуле эти преступления относились к главе III, артикулу 19. Таким образом, Верховный уголовный суд не постыдился вставить в свой отчет фиктивную ссылку на законы в надежде на юридическое невежество большинства будущих читателей, т. е. пошел по пути прямого обмана. Фактически он вставил недопустимую ссылку на некое будущее законодательство, которое и было реализовано Сперанским в его дальнейшей кодификационной работе. Большинством членов суда все же эта фальсификация, видимо, была замечена, так как при поименном голосовании члены суда ссылались преимущественно на

19-й артикул, на соответствующий пункт морского устава и даже на решение по делу Пугачева, а не на фиктивные «два первых пункта», которые никому не были известны [19].

Сосредоточенность судебных решений на вопросе о цареубийстве видна из исходной формулировки его постановления: «Все и действовавшие и соглашавшиеся и участвовавшие и даже токмо знавшие, но не донесшие об умысле посягательства на священную особу государя императора или кого-либо из императорской фамилии, также об умысле бунта и воинского мятежа, все без изъятия подлежат смертной казни и по точной силе законов все одним общим приговором считаются к сей казни присужденными».

Как сказано в докладе Верховного уголовного суда, приговоры выносились «или по большему числу голосов всего собрания или же по большему числу голосов одинакового мнения». Это фактически означало, что приговор мог быть вынесен абсолютным меньшинством голосов в том случае, если голоса разбивались. Было постановлено принимать за большинство не число голосов, превышающее половину присутствующих членов, а то мнение, которое собрало наибольшее число голосов по сравнению с другими мнениями, хотя бы абсолютное число голосов было и менее половины. В результате при наличии на разных заседаниях от 65 до 70 членов суда были случаи, когда «большинством» признавались 16 или 17 голосов какого-либо одного мнения, если прочие голоса разбивались и распределялись в меньшем количестве по другим мнениям. Из этого разделения голосов не следует, однако, что суд высказывал склонность к смягчению предположенных правительством кар,— общей тенденцией было, наоборот, усиление жестокости наказаний. Подбор суда, составленного преимущественно из столпов реакции или покорных низкопоклонников, которым безразлично было, что подписывать, лишь бы угодить правительству, сделал свое дело: смертная казнь была проголосована даже для таких разрядов «преступников», по которым она в правительственном предложении не предусматривалась. Отдельные случаи некоторых колебаний в пользу подсудимого крайне редки при баллотировке. Можно отметить такое колебание в случае голосования кары для Никиты Муравьева, что можно приписать широкому кругу знакомств его матери. При голосовании относительно Захара Чернышева, на майорат которого претендовал, не имея на то никаких прав, член Следственного комитета генерал-адъютант А. Чернышов, наоборот, несколько приятелей последнего высказались даже за смертную казнь [20].

При голосовании приговора первым пяти «преступникам», поставленным «вне разрядов», один только сенатор Н. С. Мордвинов воздержался от смертного приговора. В баллотировочном листе место его подписи пустует, а особое мнение, им поданное в письменном виде, гласило: «По древним российским узаконениям заслуживают смертную казнь. Но, сообразуясь с указами императрицы Елисаветы 1753-го апреля 29 — 1754-го годов сентября 30-го, также с наказом императрицы Екатерины Великие и с указом императора Павла 1799 г. апреля 20-го, я полагаю: лиша чинов и дворянского достоинства и положив голову на плаху, сослать в каторжную работу. Н. Мордвинов». Чтобы написать такое смелое мнение, его надо было не только заранее обдумать, но и подготовить нужные ссылки на упомянутые законы.

Это был единственный голос, поданный против смертной казни. Все остальные голосовавшие, в том числе Сперанский, собственноручно записали смертный приговор. Голоса разделились тут следующим образом: за четвертование было подано 63 голоса, за казнь «постыдной смертью», т. е. повешение,— два голоса (за это голосовали старый князь Лобанов-

Ростовский и член суда Ланской). Два голоса были поданы просто за «смертную казнь» (граф Морков и сенатор Карцов) [21].

При поименном голосовании указывались различные законодательные постановления о четвертовании, в том числе (реже других) ссылка на сентенцию 10 января 1775 г., т. е. на постановление по делу Емельяна Пугачева. Двое членов суда — Сумароков и Хвостов — сочли необходимым прямо упомянуть имя последнего. Так, Сумароков написал: «Всех четвертовать и в вине поступить по примеру Пугачева» (не содержался ли тут намек на то, что фактически Пугачев не был четвертован,— палач, вопреки утвержденному Екатериной II постановлению суда, сразу отрубил ему голову?). Сперанский подал голос за четвертование («поступить воинского устава 1716-го арт[икул] 19») [22].

Трое членов от Синода — митрополиты Серафим, Евгений и архиепископ Авраам написали совместно: «Согласны с Г. Председателем». Поскольку председатель князь Лопухин голосовал за четвертование, то по точному смыслу записи надо и трех духовных особ отнести к числу голосовавших за четвертование.

Верховный уголовный суд пришел к выводу, что «все разнообразные части сего обширного дела, в совокупном их обозрении, представляют один главный умысел: умысел на потрясение империи, на испровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка». Под «превращением» понималась революция.

Ко «Всеподданнейшему докладу» Верховного уголовного суда прилагалась «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям». Вне разрядов этой «Росписи», предпосланные списку остальных осужденных, были поставлены «государственные преступники, осуждаемые к смертной казни четвертованием». В этот список входили: Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский.

Далее следовали «государственные преступники первого разряда, осуждаемые к смертной казни отсечением головы» — всего 31 человек. Из состава Северного общества сюда вошли: С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, В. К. Кюхельбекер, А. И. Якубович, Александр Бестужев, Никита Муравьев, И. И. Пущин, И. Д. Якушкин, А. П. Арбузов, Д. И. Завалишин, Н. А. Панов, А. Н. Сутгоф, Д. А. Щепин-Ростовский, В. А. Дивов и Н. И. Тургенев. Из южан в этот разряд были зачислены: Матвей Муравьев-Апостол, А. П. Барятинский, А. В. Поджио, Артамон Муравьев, Ф. Ф. Вадковский, В. Л. Давыдов, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский и В. И. Повало-Швейковский. Из членов Общества соединенных славян: Петр и Андрей Борисовы, И. И. Горбачевский, М. М. Спиридов, В. А. Бечаснов, Я. М. Андреевич и А. С. Пестов. Главным образом в этот разряд вошли лица, давшие личное согласие на цареубийство, а также совершавшие убийство на Сенатской площади [23].

Далее следовали «государственные преступники второго разряда, осужденные к политической смерти по силе указа 1753 года апреля 29 числа, т. е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу». В этот разряд вошли 17 человек: из Северного общества — М. С. Лунин, П. Н. Свистунов, М. Ф. Митьков, И. А. Анненков, К. П. Торсон, Николай и Михаил Бестужевы, из Южного общества — Александр и Николай Крюковы, Н. В. Басаргин, Ф. Б. Вольф и В. П. Ивашев. Более всего по связям с Васильковской управой и по личной вражде к нему Николая I сюда же был отнесен член Союза Благоденствия В. С. Норов. Из состава Славянского общества ко второй группе государственных преступников были отнесены А. И. Тютчев, П. Ф. Громнитский, И. В. Ки-

реев и А. Ф. Фролов. Главным признаком зачисления в этот разряд было согласие с умыслом цареубийства.

Под рубрику «государственных преступников третьего разряда, осуждаемых к ссылке вечно в каторжную работу» подошли, по определению Верховного уголовного суда, лишь двое — Штейнгель и Батеньков, оба члены Северного общества.

16 декабристов были зачислены в четвертый разряд, который осуждался «к временной ссылке в каторжную работу на 15 лет, а потом на поселение». Из Северного общества сюда были отнесены брат Никиты Муравьева Александр, участники восстания на Сенатской площади моряки братья Беляевы Александр и Петр и А. И. Одоевский, а также М. М. Нарышкин. Из южан сюда зачислили И. В. Поджио, П. И. Фаленберга, Н. И. Лорера, П. В. Аврамова и П. С. Бобрищева-Пушкина (2-го). Из числа славян сюда попали секретарь Славянского общества Илья Иванов, П. Д. Мозган и И. Ф. Шимков. Сюда же были отнесены члены Союза Благоденствия отставной генерал-майор М. А. Фонвизин, организатор Московского съезда Союза Благоденствия в 1821 г., и близкий как югу, так и северу П. А. Муханов, — оба обсуждали в исходе 1825 г. в Москве вопрос о помощи северному восстанию.

Пятеро декабристов (Н. П. Репин, М. Н. Глебов, А. Е. Розен, Михаил Кюхельбекер и М. А. Бодиско 2-й) были отнесены к государственным преступникам пятого разряда, которые осуждались «к временной ссылке в каторжную работу на 10 лет, а потом на поселение». Все они, за исключением Глебова, были членами Северного общества. Глебов же, хотя и отказался вступить в него, участвовал с оружием в руках на Сенатской площади. Знание цели тайного общества и личное участие в восстании были главными основаниями для зачисления в этот разряд.

Основатель общества декабристов Александр Н. Муравьев был вместе с активным организатором Славянского общества Юлианом Люблинским отнесен к шестому разряду, который приговаривался «к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение».

15 декабристов были зачислены в седьмой разряд, главным основанием для чего служило знание умысла на цареубийство, осведомленность в цели тайного общества и в иных случаях «приуготовление к мятежу». Из северян сюда вошли С. И. Кривцов, Вл. С. Толстой и два члена организованного Пестелем южного филиала на севере, позже переприпятые в Северное общество — И. Ю. Поливанов и А. И. Черкасов. Последний по переезде на юг стал членом Южного общества и принимал участие в сокрытии «Русской Правды» Пестеля. Из членов Южного общества тут числятся осуществлявший связь с военными поселениями В. Н. Лихарев, южане И. Б. Аврамов, Н. А. Загорецкий и Н. Я. Булгари, а также не вышедшие на восстание со своими полками А. В. Ентальцев и В. К. Тизенгаузен. Из славян тут Н. Ф. Лисовский, А. К. Берстель и единственный крестьянин в декабристской среде — П. Ф. Выгодовский. К этому разряду отнесли члена Союза Благоденствия А. Ф. Бриггена, хотя и не вступившего формально в последующие общества, но осуществлявшего связь между севером и югом в позднейшее время и пользовавшегося неограниченным доверием обоих обществ. Седьмой разряд осуждался «к каторжной работе на 4 года, а потом на поселение».

Восьмой разряд, включавший в себя 15 имен, был осужден «к лишению чинов, дворянства и к бессрочной ссылке на поселение». Из северян сюда были отнесены А. Н. Андреев, Н. А. Чижов, В. М. Голицын, М. А. Назимов, Б. А. Бодиско 1-й, из южан — Н. С. Бобрищев-Пушкин (1-й), Н. Ф. Заикин, А. Ф. Фурман, И. Ф. Фохт и В. И. Враницкий, из Славян-

ского общества — Ап. В. Веденяпин (1-й), Н. О. Мозгалевский и А. И. Шахирев. К этому же разряду отнесли члена Союза Спасения Ф. Шаховского, в 1817 г. вызывавшегося на цареубийство, но позже не принимавшего участия ни в Северном, ни в Южном обществах, и обер-прокурора Сената С. Г. Краснокутского, члена Союза Благоденствия, не прекратившего позже связи ни с Южным, ни с Северным обществами. К восьмому разряду относили преимущественно по признаку принадлежности к тайному обществу и знания его цели или «участие в умысле бунта».

Девятый разряд осуждался «к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь». В этот разряд суд включил всего троих декабристов (все связаны с Северным обществом) — П. П. Коновницына, Н. Н. Оржицкого и Н. П. Кожевникова. Отличием от предшествующего разряда было «неполное понятие о сокровенной цели относительно бунта».

Десятый разряд состоял всего из одного лица — Михаила Пущина. Его присуждали «к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги». Вина его формулировалась кратко: «Знал о приготовлении к мятежу, но не донес». Такой формулой можно было определить вину и других (во всяком случае А. С. Грибоедова). Предназначенная Михаилу Пущину кара практически была тяжелее ссылки на поселение.

Последний, одиннадцатый разряд по приговору Верховного уголовного суда присуждался «к лишению токмо чинов с написанием в солдаты с выслугою». Сюда отнесены были последние восемь декабристов, преданных Верховному уголовному суду, в том числе члены Северного общества: младший Бестужев (Петр), Е. С. Мусин-Пушкин, моряки Ф. Г. Вишневский и Н. П. Акулов, а также не являвшиеся членами общества подпоручики А. А. Фок и Н. Р. Цебриков, принявшие некоторое участие в восстании на Сенатской площади (Цебриков, сверх того, «ввечеру дал пристанище одному из первейших бунтовщиков князю Оболенскому»), и подпоручик М. Д. Лаппа. Членов Южного общества в этом разряде не было совсем, к Славянскому принадлежал включенный в этот разряд прапорщик А. В. Веденяпин (2-й).

Николай I, «рассмотрев доклад о государственных преступниках, от Верховного уголовного суда нам поднесенный», нашел «приговор, оным постановленный, существу дела и силе законов сообразным», однако внес в него ряд видоизменений и смягчений» и отягощений — передвижкой «преступников» из одного разряда в другой и изменением сроков каторги. Изменения эти перечислены в указе Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г.

Для преступников первого разряда смертная казнь была заменена вечной каторгой. Дополнительное изменение было произведено относительно входивших в этот разряд Матвея Муравьева-Апостола, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, Никиты Муравьева, С. Г. Волконского и И. Якушкина: они приговаривались к 20-летней каторге и последующей ссылке на поселение. Всем осужденным по второму и третьему разрядам вечная каторга заменялась 20-летней с лишением чинов и дворянства и последующей ссылкой на поселение. Входившему в этот же разряд Норову вечная каторга заменялась 15-летней с последующей ссылкой на поселение. Всем осужденным четвертого разряда 15-летняя каторга заменялась 12-летней с последующей ссылкой на поселение. По пятому разряду десятилетняя каторга заменялась восьмилетней для Репина и М. Кюхельбекера; мичман Бодиско 2-й ссылался в крепостную работу, что было гораздо хуже каторги, а для коллежского секретаря Глебова и поручика Розена приговор о десятилетней каторге и последующем поселении оставался в силе без всяких изменений. Из шестого разряда выде-

лялся основатель общества Александр Муравьев, и «по уважению» к его раскаянию постановлялось сослать его «на житье в Сибирь, не лишая чинов и дворянства»; Ю. Люблинскому же срок пребывания на каторге сокращался на один год (вместо шестилетнего срока — пятилетний). Для седьмого разряда четырехлетний срок каторги заменялся двухлетним, исключение делалось для подполковника Берстеля и поручика Булгари, которые ссылались на два года «в крепостную работу». По восьмому разряду никаких изменений приговора не последовало за исключением лейтенанта Бодиско 1-го, которому ссылка на поселение заменялась разжалованием «в матрозы» (т. е. в матросы). По десятому разряду для Коновницына, Оржицкого и Кожевникова ссылка в Сибирь заменялась разжалованием в солдаты «в дальние гарнизоны», что, конечно, было значительно более тяжелым приговором; для М. Пущина приговор суда оставался без изменений. Не менялся также по форме и приговор суда по одиннадцатому разряду (написание «в солдаты с выслугою»), хотя он ухудшался добавкой о выписке «в дальнейшие гарнизоны». Однако из разряда выделялся декабрист Цебриков, приговор которому изменялся в сторону резкого ухудшения: «по важности вредного примера, поданного им присутствием его в толпе бунтовщиков в виду его полка, как недостойного благородного имени, разжаловать в солдаты без выслуги и с лишением дворянства».

Некоторые из принятых в указе «смягчений» не только не были реализованы, а напротив, без всякого указа и приговора заменились гораздо более тяжелыми произвольно наложенными карами. Так, Батеньков, приговоренный к каторжным работам, был по неизвестным причинам заключен в Свартгольмскую крепость, а затем в Алексеевский равелин и до 1846 г. (т. е. фактически 20 лет) находился в одиночном тюремном заключении. Не потому ли, что он слишком много знал о Сперанском?

Учитывая тяжелое впечатление от приговора, Николай I в том же манифесте от 13 июля, который оповещал о казни декабристов, заверил родственников осужденных, что прошедшие события никак не отразятся на их судьбе: «Склоняем мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные их члены. Во все продолжение сего дела, сострадая искренне прискорбным их чувствам, мы вменяем себе долгом удостоверить их, что в глазах наших союз родства передает потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачает бесчестием за личные пороки и преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон гражданский и более еще претит закон христианский».

В конце указа особо выделялся вопрос о каре пяти декабристам, поставленным «вне разрядов». Тут было принято характерное для Николая I глубоко лицемерное решение: поставленные «вне разрядов» декабристы предавались «тому окончательному решению, какое о них в сем суде состоится». Суд в силу этого возвращался к вопросу о судьбе Пестеля, Рылеева, Каховского, Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Но и это решение было фикцией, — все предрешалось заранее.

В тот же день, когда был подписан царский указ о приговоре — 10 июля, председатель князь Лопухин получил от начальника Главного штаба И. И. Дибича из Царского села письмо, излагавшее негласные царские инструкции по данному вопросу: «На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и словом ни

на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную». Николай I не желал проливать кровь! Лицемерное письмо, как оказывается, было составлено и собственноручно в черновике написано тем же М. М. Сперанским. Суд понял самодержца. Выписка из протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 г. гласила: «Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленным..., Верховный уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти приговорил вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, — сих преступников за их тяжкие злодеяния, — повесить» [24].

3

В ночь на 13 июля на кронверке Петропавловской крепости, при свете костров, устроили виселицу и рано утром вывели заключенных в крепости декабристов для совершения казни. На груди у каждого из присужденных к повешению была доска с надписью: «Цареубийца». Руки и ноги были закованы в тяжелые кандалы. Пестель был так изнурен, что не мог переступить высокого порога калитки — стража вынуждена была приподнять его и перенести через порог.

Утро было мрачное и туманное. В некотором отдалении от места казни собралась толпа народа. Начальник кронверка позже рассказывал: «Когда отняты были скамьи из-под ног, веревки оборвались, и трое преступников... рухнули в яму, прошибив тяжестью своих тел и оков настланные над ней доски. Запасных веревок не было, их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, все было заперто, почему исполнение казни промедлилось. Однако операция была повторена и на этот раз совершилась удачно». К этому страшному рассказу можно добавить цинически-лаконическое «всеподданнейшее донесение» петербургского генерал-губернатора Голенищева-Кутузова, где указаны имена сорвавшихся с виселицы: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неуменью устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре были опять повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему величеству всеподданнейше доношу» [25].

Всех прочих заключенных декабристов вывели во двор крепости и разместили в два каре: в одно — принадлежавших к гвардейским полкам, в другое — прочих. Подавляющее большинство приговоров сопровождалось разжалованием, лишением чинов и дворянства: над осужденными ломали шпаги, срывали с них эполеты и мундиры и бросали в огонь пылающих костров. Первым палач ломал шпагу над Якушкиным и так сделал это, «что всю ее окровавил» [26].

Декабрист А. Е. Розен пишет: «По старшинству разрядов вызывали нас вперед по одиночке; каждый должен был стать на колени, палач ломал шпагу над головою, сдирал мундир и бросал его в пылающий костер. Став на колени, я сбросил с себя мундир прежде, чем палач мог до меня дотронуться, за что генерал закричал ему: «дери с него мундир»! Шпаги и сабли были заранее уже подпилены, так что палач без всякого усилия мог переломить над головою, — только с бедным Якубовичем поступил он неосторожно, прикоснувшись его головы, пробитой черкесской пулею над правым виском. С И. Д. Якушкина также неосторожно содрали кожу с чела» [27].

Моряков-декабристов отвезли в Кронштадт и в то же утро исполнили над ними приговор разжалования на флагманском корабле адмирала Кроуна. Мундиры и эполеты были сорваны и брошены в воду. «Можно сказать, что первое проявление либерализма старались истреблять всеми четырьмя стихиями: огнем, водою, воздухом и землею», — пишет в своих воспоминаниях декабрист В. И. Штейнгель.

Тела пяти казненных декабристов увезли из крепости и тайно похоронили на острове Голодае.

К числу казненных смертью надо прибавить еще насмерть запоротых солдат-декабристов, иные из которых были прогнаны сквозь строй через тысячу человек 12 раз, т. е. получили 12 тыс. шпицрутенов. Смерть от такой расправы принадлежала к числу самых мучительных.

Но пока готовилась и совершалась казнь, Николай I и весь «дом Романовых» вместе с придворной кликой испытывали, по собственному признанию, «смертельную тревогу». Почему же? Следствие, казалось, было благополучно закончено, суд совершился, желательный приговор был вынесен, казнь назначена. Откуда же эта «смертельная тревога» палачей? Пронизывающий их страх рождался сознанием неустраненной опасности. Старый мир ощущал живым, неубитым то, что породило движение — борьбу народа против старых порядков, а стало быть, и вырастающую из нее возможность появления новых сознательных борцов. Они боялись этих новых людей России — даже в смертных саванах, даже поднимающимися на эшафот. А вдруг вот сейчас, именно в эту июльскую ночь накануне казни что-то совершится? Какие-то тени двигались за шторами Зимнего дворца. В стране было неспокойно. На юге все еще не кончили расправы с солдатами — участниками восстания. Идут вести о вспыхивающих то тут, то там волнениях крестьян и рабочих людей, — манифест 12 мая не внес «успокоения»... Множатся слухи, — народ ждет освобождения, возлагают надежды на коронационный манифест. Главное, надо спешить с коронацией, вступивший на престол, но еще некоронованный самодержец жадно ждал этого акта: тогда уже все будет «в порядке».

И вот казнь свершилась.

Ликование Николая и придворной клики было тем шумнее, чем более хотелось им скрыть свою тревогу. Николай продумал и ритуал своего «торжества»: «очистительное молебствие» на Сенатской площади, именно на том месте, где убили Милорадовича, фейерверк на Елагином острове — летней резиденции императора в то лето, гром пушечного салюта...

«14 числа молебен с поминкой на самом месте бунта, — писал Николай великому князю Михаилу: — все войска, бывшие в деле, — в ружье, а стоять будут случайно почти так, как в тот день». То же самое должно было происходить в Москве, где уже все было готово к коронации и где находилась почти вся царская семья. Аналогичные торжества назначались в других городах. «Во время молебна, — продолжает Николай излагать ритуал, — знамена и штандарты, за процессией следовавшие, должны быть при налое, войско, то есть пехота, становится на колени...».

«Очистительное молебствие» состоялось в Москве 19 июля 1826 г., в Кремле. И случилось так, что первая — еще детская — клятва о продолжении революционной борьбы была дана именно в этот день и в этот же час.

«Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийство. Вся царская фамилия молилась, около нее — Сенат, министры, а кругом, на огромном пространстве, стояли густые массы гвардии, коленопреклонен-

ные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля. Никогда виселицы не имели такого торжества: Николай понял важность победы. Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками...».

Эти слова принадлежат А. И. Герцену — продолжателю дела декабристов.

4

Героические участники восстания 1825 г. — солдаты-декабристы — понесли тяжелые кары за первое русское революционное выступление. Им было вынесено немало смертных приговоров, только в другой форме, чем в основном решении суда по делу руководителей восстания. Прогнание сквозь строй через тысячу человек до 12 раз часто кончалось мучительной смертью солдата. Каторга, шпицрутены, ссылка в Сибирь, отправление штрафных частей на Кавказ, сопровождавшееся лишением права выслуги, т. е. обречением на пожизненную солдатчину,— таковы были основные формы николаевской расправы с солдатами-декабристами.

Применение физического насилия во время допросов принимало самые тяжелые формы,— солдат жестоко избивали во время следствия, добиваясь нужных показаний.

Следствие по делу солдат-декабристов было рассредоточено и велось в разных местах. Всю подследственную солдатскую массу можно разбить на три группы: 1) участники восстания 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, 2) участники восстания Черниговского полка, 3). «вовлеченные в заговор» солдаты расположенных на Украине воинских частей (преимущественно во второй армии, в 3-м пехотном корпусе). Первая группа относится к солдатам-гвардейцам, вторая и третья— к армейцам. Численно в солдатской массе, захваченной движением декабристов, было около трети армейцев.

Выше было выяснено, что основная гвардейская масса, так же как и армейская, пошла на восстание не «за Константина», а была поднята основным антифеодальным смыслом декабристского движения, пошла во имя борьбы со старым угнетательским феодально-крепостным строем. Поэтому нет оснований считать, как это иногда делают, что на юге декабристские солдатские массы пошли за главными призывами движения, а в северной столице—за какими-то иными. Ни там, ни тут солдаты не знали декабристской программы во всех ее деталях, во всех особенностях ее содержания. Но и там и тут солдаты понимали, что идут против ненавистного крепостного строя за свободу крестьянам, за серьезную военную реформу с большой убавкой срока солдатской службы, за глубокую ломку ненавистной старой жизни. При этом на юге в силу более открытой и заранее проведенной пропаганды сознание декабристских лозунгов было в солдатской массе более отчетливым и детализованным, включая в себя даже момент цареубийства.

По первой группе солдат — участников восстания на Сенатской площади следствие велось особо раздробленно и глухо: по отдельным полкам и в глубокой тайне. Объясняется это бесспорным желанием Николая I всячески замять вопрос об участии солдат гвардейцев в восстании, представить это участие не только случайным, а даже якобы основанным на царелюбии (лозунг «за Константина»), хотя и ложно понятом, возникшем в результате обмана верноподданных солдат «злодеями».

Этой официальной версии коренным образом противоречил самый факт следствия и кар, посыпавшихся на солдат. Зачем было расследовать дело о «царелюбии» и тем более карать преданных и лишь случайно обманутых верноподданных. Тем более после торжественного «примирения» царя с гвардией сейчас же после восстания? Отсюда особый — затушеванный характер следствия отдельно по гвардейским полкам.

В лейб-гвардии Московском полку следствие велось под председательством полковника барона Шлиппенбаха («презуса» комиссии), в лейб-гренадерской следственной комиссии председательствовал полковник Малинин, комиссия в гвардейском морском экипаже работала под председательством капитан-лейтенанта Лермантова. Эти полковые следственные комиссии работали параллельно с основным следствием, но в большинстве случаев вынесли свои решения ранее основного приговора суда [28].

По официальным подсчетам, которые никак нельзя назвать точными (они, несомненно, занижены, так как ряду солдат удалось скрыть свое участие в выступлении, а убитые во время картечного расстрела на Сенатской площади и на Неве не во всех случаях входили в подсчеты), из Московского полка в восстании участвовало 671 человек, из состава лейб-гренадерского—около 1250 и из гвардейского морского экипажа—около 1100, всего свыше 3 тыс. человек.

Результаты полковых следствий по гвардейским делам восходили затем к командующему гвардейским корпусом великому князю Михаилу Павловичу, от него — к начальнику главного штаба и далее — на окончательное утверждение к Николаю I. Из солдат-декабристов в лейб-гвардии Московском полку двое — активный участник событий на площади унтер-офицер Александр Луцкий и отказавшийся присягать Николаю I фузилер Николай Поветкин были присуждены к вечной каторге и сосланы в Сибирь. 459 человек было сослано на Кавказ в составе Сводного гвардейского полка, а 369 человек переведено в разные полки Кавказского корпуса. Последняя кара была тяжелее предшествующей, так как выключала солдат из состава гвардии.

Из числа выходивших на Сенатскую площадь матросов гвардейского морского экипажа в Сводный гвардейский полк, посланный на Кавказ, вошло, по данным Г. С. Габаева, не более 70 человек, а в полки Кавказского корпуса переведено 52 человека [29].

Из лейб-гренадер, принявших участие в восстании 14 декабря, шесть человек были прогнаны сквозь строй через 1000 человек от шести до восьми раз и сосланы на вечную каторгу. В их числе — рядовой Пантелей Долговязов, участник восстания, отнявший у офицеров батальонное знамя и унесший его на площадь, прогнанный через 1000 человек восемь раз и сосланный в Сибирь на вечную каторгу; тот же приговор был вынесен унтер-офицеру лейб-гренадерского полка Трофиму Федотову, принадлежавшему к числу наиболее деятельных участников восстания и находившемуся все время на Сенатской площади «впереди нижних чинов с батальонным знаменем в руках». К прогнанию сквозь строй через 1000 человек шесть раз и затем к пожизненной каторге были приговорены рядовые Семен Рытов и Даниил Соловьев, который «насильственно ушел из казармы на площадь и дал способ уйти другим», а также барабанщик Федор Трофимов, обвиненный в том, что во время восстания «вырвался, когда его удерживали в казармах, и ушел на площадь».

807 лейб-гренадер было сослано на Кавказ в составе Сводного гвардейского полка и 277 переведено в разные армейские полки Кавказского корпуса.

Дело о 987 восставших солдатах Черниговского полка разбиралось особой комиссией военного суда в Белой Церкви. Фельдфебель Михей Шутов, унтер-офицер Прокофий Никитин и рядовой Алимпий Борисов были приговорены к прогнанию сквозь строй через 1000 человек 12 раз и к последующей пожизненной каторге. Шутов был начальником караула, приставленного Гебелем в Трилесах к арестованным Сергею и Матвею Муравьевым, склонившим караул примкнуть к восстанию. Его поведение в самый ответственный исходный момент начала выступления сыграло большую роль в событиях. Шутов, посланный подымать полк, встретил в ходе восстания своего дивизионного командира и устоял перед его уговорами и приказом; он остался на стороне восстания и сказал, что знает, что происходит в полку, и именно поэтому не повинуется начальнику. Сознательность действий этого солдата должна быть особо отмечена. Прокофий Никитин был в числе особо доверенных лиц Сергея Муравьева, сыграл значительную роль в присоединении к восстанию 1-й гренадерской и 2-й мушкетерской рот Черниговского полка. Рядовой 2-й гренадерской роты Алимпий Борисов участвовал в аресте коменданта города в Василькове и в освобождении из-под ареста декабристов Соловьева и Щепиллы. К меньшему количеству шпицрутенов — через 1000 человек от одного до шести раз с последующей ссылкой на Кавказ были приговорены 103 солдата Черниговского полка, в том числе разжалованные из офицеров Грохольский и Ракуза и 52 унтер-офицера (с разжалованием в рядовые). В числе приговоренных упомянем унтер-офицера Ивана Лазыкина, обещавшего умереть с Муравьевым, участвовавшего в захвате знамен восставшего полка и «наиболее других изобличенного» в «добровольном последовании за возмутителем Муравьевым и его сообщниками и в исполнении всех злодейских их предприятий» (6 тыс. шпицрутенов); унтер-офицеров Тимофея Николаева и Ивана Корчагина, активнейших участников восстания Черниговского полка, также причастных к захвату знамен полка и полкового денежного ящика на квартире полковника Гебеля в Василькове (по 6 тыс. шпицрутенов); унтер-офицера Архипа Дубова, «наиболее других» изобличенного «в исполнении всех злодейских предприятий» мятежников (6 тыс. шпицрутенов); активного участника восстания унтер-офицера Черниговского полка Егора Тимофеева, бежавшего от ареста на поле восстания и пойманного лишь через два дня (6 тыс. шпицрутенов); переписчика революционного «Катехизиса» полкового писаря Ивана Дмитриевского, который выразил желание не только идти за восставшими, но и умереть с ними (приговорен к 5 тыс. шпицрутенов); унтер-офицера Ивана Харитонова и рядовых Павла Прокофьева, Акима Сафронова и Алексея Федорова, посланных в Киев для распространения революционного «Катехизиса» и пытавшихся вернуться к восставшему полку (по 4 тыс. шпицрутенов); денщика полковника Гебеля — Алексея Григорьева, участвовавшего в Трилесах в освобождении из-под ареста С. и М. Муравьевых (4 тыс. шпицрутенов); фельдфебеля Клима Абрамова (2 тыс. шпицрутенов); унтер-офицера Василия Кушкова, разжалованного в рядовые и прогнанного сквозь строй (1000 шпицрутенов).

Рядовые Черниговского полка Андрей Молодцов и Иван Поляков умерли во время следствия, вероятно, не выдержав истязаний и суровых условий содержания.

15 солдат Черниговского полка получили по 200 «лозанов» и были посланы на Кавказ. Разжалованный полковник Башмаков был лишен дворянства и сослан в Сибирь на поселение.

Основная масса солдат Черниговского полка в составе 805 человек была послана на Кавказ, в гущу боев и перестрелок с горцами, уцелели из них немногие.

Из массы солдат, «вовлеченной в заговор» через связи с Сергеем Муравьевым-Апостолом и членами Общества соединенных славян, было судимо Белоцерковской военно-судной комиссией 177 человек, из них — 110 бывших солдат Семеновского полка, участников выступления 1820 г., 14 «армейских солдат», изобличенных в связях с «семеновцами» и восприятии их пропаганды, и 53 солдата, связанных с членами Общества соединенных славян, главным образом из 8-й артиллерийской бригады и 1-й гренадерской роты.

Из этих солдат, «вовлеченных в заговор», на первом месте надо поставить рядовых Саратовского пехотного полка Федора Николаевича Анойченко и Федора Николаева и рядового Тамбовского пехотного полка Петра Малафеева. Отношение главнокомандующего первой армией на имя начальника Главного штаба И. Дибича, сообщая о решениях Белоцерковской следственной комиссии, называет этих солдат-декабристов «главными содейственниками Муравьеву в изменнических его замыслах, к которому они приходили по нескольку раз и выслушивали... дерзновеннейшие поношения блаженной памяти государя императора и возмутительнейшие внушения и подговоры к мятежу». Анойченко и Николаев «видели явно, что оные клонятся к бунту», однако «обещевались Муравьеву содействовать в злодейских его предприятиях, а Анойченко обещал даже во время восстания привести всю роту без офицеров» (уличенный рядом показаний, он, однако, не сознался в этом). Все трое — бывшие «семеновцы». Федор Николаев уже давно выслужил свой срок, но, принадлежа в прошлом к штрафному Семеновскому полку, не имел перспектив окончания службы (С. Муравьев прямо говорил с ним о необходимости цареубийства — не грех тебе «из чистого ружья застрелить государя»). Все трое были прогнаны сквозь строй через 1000 человек 12 раз и, по всей вероятности, погибли [30].

Рядовые Саратовского пехотного полка Антон Янтарь, Макар Пересеткин, Алексей Андреев, Тамбовского полка — Федор Михайлов, Гаврила Резников, Степан Никитин, Григорий Сорокин, Павел Мартынов, Семен Кулаков, Тихон Рослов, Игнатий Максимов, Филипп Щербинин, Ефим Колодченко, Пензенского полка — Петр Гульбин и Троицкого — Анисим Пестерев, Макар Прокофьев и Василий Кирьяков были приговорены к 6 тыс. шпицрутенов как «оказавшиеся виновными в... посещении Муравьева, в выслушивании от него дерзновеннейших поношений на службу, начальство и на особу государя императора, с изъявлением согласия содействовать его преднамерениям» и подговаривать к тому прочих своих товарищей.

Унтер-офицер Тамбовского полка Игнатий Иванов за посещение Сергея Муравьева и за «ослушание и грубость» приговаривался к 5 тыс. шпицрутенов. Рядовые Саратовского полка Василий Турков, Андрей Бобылев, Петр Греков, Василий Иванов, Гурьян Афанасьев, Григорий Никитин, Андрей Никитин, Федул Латышев, барабанщик Петр Сорокин и горнист Михаил Коколов, Пензенского — рядовой Андрей Муркин, Троицкого — Макей Проскурин, Яков Антипов и 16-го егерского — Андрей Тазильцев, Федор Шевченко, Александр Потапов и Яков Василенко приговаривались к прогнанию сквозь строй каждый через 1000 человек по четыре раза.

Рядовые егерских полков Козьма Алексеев и Козьма Кляпов были приговорены к 3 тыс. шпицрутенов. Рядовые Тамбовского полка Николай Погодаев и Пензенского — Иван Бородин — к 2 тыс. шпицрутенов.

Рядовые Саратовского полка Федор Козейчук, Григорий Маковой, Василий Гурин, Тамбовского — Емельян Лукьянов, Иван Ефимович, Евсей Рышков и Матвей Матюшка приговаривались к публичному наказанию перед полком палками («по триста лозанов») за недонесение о том, что их товарищи посещали Муравьева и передавали другим его слова. Фельдфебель Фамилят за недонесение о пропаганде разжаловался в рядовые. 45 рядовых, по следствию оказавшихся неповинными, но «могущими знать» о пропаганде, были оставлены «в подозрении» [31].

Приговор над 27 нижними чинами 8-й артиллерийской бригады, «склоненными и введенными подпоручиками Андреевичем 2-м, Борисовым 2-м, Горбачевским и прапорщиком Бечасновым в заговор к мятежу противу правительства», дело о которых разбирала та же Белоцерковская судная комиссия, гласил: фейерверкеры Иван Гончаров и Иван Фадеев, оказавшиеся «по суду и по собственному признанию виновными в добровольной готовности последовать внушаемому им офицерами зловредному замыслу и в преклонении к тому некоторых рядовых своих взводов», были приговорены к разжалованию в готлангеры, лишены нашивок за беспорочную службу и прогнаны сквозь строй каждый через 1000 человек по три раза. Фейерверкеры Федор Васильев, Никита Кузнецов, Иван Родичев, Федор Брагин, Николай Евдокимов, Иван Занин, канонир Григорий Крайников и готлангер Федор Бухарин за недонесение о зловредных замыслах своих офицеров и за безрассудную готовность «последовать за преступными офицерами всюду, даже с пожертвованием самой жизни» были приговорены по разжаловании и лишении отличий к прогнанию сквозь строй через 1000 человек по два раза. Бомбардир Никифор Зиновьев, готлангер Василий Матвеев и Андрей Васильев, обещавшие не отстать, «если вся рота будет на то согласна», приговаривались к прогнанию сквозь строй через 1000 человек по одному разу. Все приговоренные, сверх того, ссылались на Кавказ. Царь утвердил решение суда, особо оговорив, что все оставленные без наказания нижние чины должны быть переведены в другие бригады второй армии [32].

Существовало мнение, что на каторгу в Сибирь солдаты-декабристы не ссылались, но в сибирских архивах отысканы документы о сосланных в Сибирь солдатах, причем начальство приняло все меры, чтобы они не столкнулись там с сосланными офицерами. Так, в Сибирь был сослан унтер-офицер лейб-гвардии гренадерского полка Трофим Федотов, получивший 8 тыс. шпицрутенов и чудом выживший. Он более года шел по этапу на сибирскую каторгу и в 1829 г. был зачислен на Петровский завод, но как только туда решили перевести декабристов-офицеров, его отправили на Нерчинскую каторгу. Рядовой Московского полка Николай Поветкин, не пожелавший присягать даже после «уговоров» великого князя Михаила Павловича, 17 лет был в Сибири на каторге и лишь в 1849 г. обращен на поселение на Александровском заводе (скончался в 1855 г.) [33].

Вчитываясь в следственный материал и приговоры по делам солдат-декабристов, нельзя не поражаться стойкости солдатской массы. Нет сомнений, что она знала много больше, чем показала на следствии. Ведь обсуждала же она развернувшиеся на ее глазах события, поведение офицеров-декабристов и начальства, оставшегося верным правительству, сопоставляла события со столь знакомым разжалованным семеновцам выступлением их полка в 1820 г. Ничего этого не проскользнуло в ответах. Классическое отрицание всего, что только можно было отрицать, проходит через эти стойкие и скупые показания. Но самая множественность приведенных выше солдатских имен, список которых к тому же заведомо неполон, говорит за себя. Восстание декабристов не было чисто

офицерским восстанием,— за ними глухо всколыхнулась и солдатская масса. Ограниченность дворянской революционности положила и тут свои пределы в опоре на народ. Но народ все же не остался «равнодушным зрителем» восстания, как думал А. И. Герцен. Восстание нашло свой отклик в массах и врезалось в народную память.

5

Каковы были общественные отклики на открытое выступление декабристов, его разгром и приговор над его участниками? Происшедшие события вызвали в разных кругах резко различную оценку.

В антинародном лагере дворянской реакции, возглавленном николаевским правительством, проклинали «злодеев», «мальчишек» и «извергов», бурно изъявляли преданность самодержавию. Позиции победившего реакционного лагеря отразились, как в зеркале, в следствии, суде, приговоре, а также в многочисленных письмах, дневниках, воспоминаниях. Реакционеры восхищались «Донесением» Следственного комитета. Любопытный документ этого рода, правда, ведомственного характера, дошел до нас в виде докладной записки М. Я. фон Фока, адресованной А. Х. Бенкендорфу, с 25 июня 1826 г. ставшему во главе вновь учрежденного корпуса жандармов и III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. Записка развивала основное исходное положение правительственной концепции: «шайка нынешних заговорщиков составляла скопище, неведомое народу, чуждое ему и ненавистное». Правда, тут бросались в глаза по меньшей мере два явных противоречия. Каким образом «неведомое» может быть ненавистным? Чтобы ненавидеть что-либо, необходимо иметь хоть какое-то об этом представление. Затем общеизвестно было поведение «черни» на площади, и, поскольку III Отделение об этом прекрасно знало, фон Фок спешил сейчас же добавить: «Толпа мужиков, присоединившихся к ним (заговорщикам.— *М. Н.*) на Петровской площади, не есть ни публика, ни нация: это — чернь, встречающаяся во всяком большом городе и ищущая случая при смятении пограбить и попить». Кого именно грабили и что пили на Сенатской площади, агент по понятным причинам умолчал, поскольку ни того ни другого вообще не было, о чем он, разумеется, превосходно знал. Но так выходило убедительнее для начальства. Льстивый докладчик проговаривался об истине: «чернь» присоединилась к восставшим (именно это отрицало «Донесение»!) и внутри III Отделения об этом, очевидно, было возможно говорить более или менее открыто. Следы двух правительственных концепций, о которых уже говорилось ранее, выступают тут вполне отчетливо — одна для III Отделения, более близкая к истине, другая — для публики, искажавшая истину в желательном духе [34].

Восторгаясь «Донесением», фон Фок восхвалял мнимую «безусловную гласность в деле толикой важности» (хотя на заседания суда никого не допустили), восклицал, что «удивительная точность и верность в изложении дела поразительны», и полагал, что «Донесение» (кстати, написанное якобы «образцовым слогом») «уничтожит все слухи и толки» (о которых тем не менее шла волна осведомлений и доносов!).

Близкие III Отделению чиновники и служащие всех рангов торопились распространить эту версию в публике, подчас слегка проговариваясь об истине подобно фон Фоку. Как передает Д. Н. Свербеев, фельдъегерь, приехавший в Швейцарию передать русскому представительству сообщение о 14 декабря, в таких словах рассказывал о событиях: «Ничего, все обошлось благополучно. Убили только графа Милорадовича да немногих

из черни, которая вздумала было пошуметь вместе с толпой хмельных солдат на Сенатской площади». Все-таки и в этих словах признавалось, что «чернь» пошумела вместе с солдатами, а не против них[35].

Такова была официальная позиция. За ней стояли придворная клика, столичные ретрограды и примкнувшая к ним тупая масса перепуганных Собакевичей, благодарившая небо за спасение престола. «Мерзавцы! — восклицала на французском языке в своем дневнике Варвара Шереметева. — Дай бог их всех переловить и совершенно уничтожить этот адский заговор, который всех сделал бы несчастными...». «Какие чудовища и какой адский замысел! Все их великие планы не что иное, как желание ограбить других и взять все, что можно». Последнее замечание примечательно: как ни скрывало «Донесение» намерение декабристов освободить крестьян, слухи об этом все же распространились повсюду,— графиня никак не могла бы только по «Донесению» узнать о предположении декабристов «ограбить других», так как о свободе крестьян «Донесение» по царскому приказу молчало, как набрав воды в рот. Любопытно, что еще в феврале 1826 г., т. е. значительно ранее появления «Донесения» Следственного комитета, в дворянстве уже распространялись слухи о конституционных проектах декабристов и, в частности, даже об их федеративном варианте. Дворянская реакция на декабристов — крикливая и шумная — не охватывала, конечно, всего дворянства. Тут имели место и весьма своеобразные исключения. Так, старый генерал-аншеф Ю. В. Долгоруков, сподвижник Орлова при Чесме, отказался присягать Николаю и умер подданным Константина. Дворянская фронда старого чудака, конечно, не имела ничего общего с движением декабристов, но свидетельствовала о своеобразиях, встречавшихся и в дворянском лагере[36].

Один из секретных правительственных агентов, С. И. Висковатов, довольно плодовитый писатель-драматург, доносил, что и в дворянской среде были разные мнения о казни декабристов, и восклицания «Quelle horreur!» («Какой ужас!») слышались повсеместно. Агент злобно шипел при этом на родственников декабристов (он обвинял в этом «особливо женщин, из коих первый разряд: сто двадцати одного преступника жены, сестры, матери, родственницы, приятельницы...»). Действительно, в сотнях дворянских домов были казненные, сосланные, разжалованные...

В стане антифеодальной борьбы, уже лишенной в тот момент своего передового отряда и скованной усилившимся царским надзором, горячо откликались на еще невиданные в России события, обсуждали их с взволнованным сочувствием, вникали в причины поражения, задумывались над дальнейшим движением.

На первый план в этом антикрепостническом стане выступают после разгрома декабристов сами народные массы, до сознания которых, несмотря на все препоны и преграды, чинившиеся властями, дошел основной смысл событий.

В течение всего XIX в. не происходило ни одного события революционной борьбы, которое стало бы более известно народным массам, чем восстание декабристов. Оно произошло всенародно, на площади столицы. Его видели многие тысячи простых людей, проявивших тогда же свое к нему сочувствие. В течение нескольких часов многотысячные массы народа следили за восстанием, ловили то там, то тут предлагавшиеся объяснения происходящим событиям, расспрашивали о причине восстания солдат и офицеров. Многие кидали в Николая камни и поленья, никто из «черни» не захотел помочь нести раненого петербургского губернатора. Тысячи дворовых, множество приезжавших в столицу крестьян — с оброком или по иной надобности, толпы петербургских мещан и ремесленни-

ков, мелкая городская голытьба, масса «разночинцев» — свидетелей и участников событий — все эти люди все видели своими глазами. Три тысячи восставших солдат не исчерпывают числа свидетелей происшествий из солдатской массы. К ним надо прибавить еще свыше 10 тыс. правительственных войск, стянутых на площадь и участвовавших в разгроме. Вовсе не все из них сочувствовали своему жестокому мучителю Николаю. Они тоже распространили немало свидетельств, разнообразных объяснений как событий в целом, так и своего поведения. Если добавить сюда восставших черниговцев и немалое количество солдат, участвовавших в подавлении их выступления, а также крестьян украинских сел, по которым проходило восстание, и жителей Василькова, то надо прийти к выводу, что никогда еще, ни раньше, ни позже — в течение всего XIX в.— революционные события не имели стольких участников и очевидцев из массы «простого народа». Конечно, они стремились вникнуть в события и обсуждали их в своей среде. К тому же сотни арестов происходили на глазах дворни и возбуждали жгучие толки: за что это увезли на фельдъегерской тройке молодого барина, который как будто никого не обидел... Сотни солдат, державших караул в Петропавловской крепости, толпы людей, увидевшие страшную казнь на рассвете 13 июля 1826 г.,— все это создавало невиданной широты народную общественную среду, воспринявшую события, толковавшую о них, пояснявшую их смысл тем, кто их сам не видел и жадно допытывался у очевидцев, что же именно произошло и почему произошло.

Отсюда и стоустая молва о событиях, разнесшаяся по России. Правительственная агентура смогла уловить тут лишь малую долю «слухов». Столица и «провинция», особенно Украина, быстро наводнились осведомителями. Армия была первой по близости к событиям средой, носительницей сведений о событиях и передатчицей первых объяснений. Правительственная агентура ринулась искать проявления крамольных настроений, невыявленных сторонников движения, остаточных «корней и корешков». «У нас повсюду агенты»,— писал Николай «дорогой матушке» — вдовствующей императрице Марии Федоровне 24 июня 1826 г. Но расследовать надо было столько, что буквально руки не доходили до всего, особенно пока велось следствие. «Видно у вас на наш счет такие же нелепости распущают, как у нас про вас,— писал Николай брату Михаилу в Москву 17 мая 1826 г.,— но я надеюсь, когда дело кончится с молодцами в крепости, так все придет в рассудок. А не мешало б очень добраться источников (так! — *М. Н.*) или разглашателей, но трудно». Действительно, было трудно. Агентов действовало немало, но результаты их работы были незначительны: солдаты держались настороже, обыватели испуганно помалкивали, большое количество осведомителей обнаруживало себя, жители легко угадывали агента в собеседнике, таились и от любого незнакомого человека, молчали или говорили нарочито благонамеренные речи,— об этом непрестанно свидетельствовала агентура [37].

Но к скупым данным, выловленным агентом, мы можем присоединить народные и солдатские толки, дошедшие до самих декабристов и ими записанные позже в их воспоминаниях, а также свидетельства сочувствовавшей им стороны. Сводя воедино эти скупые штрихи, нельзя не признать значительной осведомленности народа. О петербургской трудовой массе и ее поведении на площади и понимании ею событий уже говорилось выше. Добавим несколько штрихов. Ехавшие с обозом из Петербурга крепостные крестьяне во всех подробностях рассказывали бежавшему после восстания переодетому В. Кюхельбекеру, принятому ими за своего, о событиях на Сенатской площади, убийстве Милорадовича и исходе событий. Замечательный разговор между солдатами на площади

слышал пытавшийся уйти незамеченным и задержанный патрулем Михаил Бестужев. Павловский солдат упрекал измайловского: «Приколотили Ростовцева, не хотели здороваться с новым царем, посылали сказать московцам, что готовы идти с ними, а теперь ловите их, чтобы предать распятию. Нет брат, говорил он, подбоченясь и выставя ногу вперед,— у меня хоть медяной налобник, но лоб то не медный. Если б я сказал: пойду, так и пошел бы.— И мы бы пошли, прервал его измайловец.— А что же вы не шли к нам, вставил вопрос один из московцев.— А что же вы (московцы.— *М. Н.*) стояли на одном месте, как будто примерзли к мостовой?..». Появление офицера прервало многозначительный разговор солдат [38].

Ходили слухи, свидетельствовавшие и о непонимании существа событий и даже враждебные восставшим, но вместе с тем окрашенные яркой ненавистью к дворянству и уверенностью в скорой гибели несправедливого строя. По записям петербургской агентуры среди кантонистов шли толки: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хоть бы одного кнутом отодрали и с нами поравняли; да долго ли, коротко ли, им не миновать этого» [39].

Однако отчетливо преобладало сочувствие восставшим. Поведение караула в Петропавловской крепости говорило о многом. Тайная передача писем декабристов на волю обнаружилась с первых же дней после восстания, и уже 20 декабря 1825 г. одна из записочек Николая I коменданту крепости Сукину требовала расследования подобных случаев (передача «на волю» письма М. Пущина). Измайловские солдаты, караулившие заключенных в Петропавловской крепости солдат — участников восстания, жалели, что в нужное время к ним не присоединились: «Уж ежели погибать, так погибать молодцами, как московцы и гренадеры, а то погибнем-то мы и без того, да где-нибудь под палками...». Доносчик сообщал, что в начале января 1826 г. «от солдат разных гвардейских полков слышал о недовольстве нынешним образом правления и что ожидать и впредь хорошего нельзя». Стоя на карауле во дворце, караульные жалели арестованных: «А жалко, брат! Много молодцов запирают в крепость». Имеются свидетельства декабристов о знаках сочувствия, которые им оказывали караульные солдаты в крепости (тайный принос продовольствия, отправление записок родным и пр.). Известный рассказ Николая Бестужева о разговоре с матросом, знавшим наизусть запрещенные песни Рылеева и Бестужева (во время отправления моряков-декабристов на казнь на флагманский корабль адмирала Кроуна),— свидетельство о настроениях матросов, сочувствовавших декабристам. Рядовые Московского полка, служившие в роте Н. И. Лорера, тайком устроили через стражу свидание в крепости с любимым командиром, чтобы, рискуя головой, попрощаться с ним перед его отправкой в Сибирь. В неурочный час унтер-офицер Соколов вывел его на прогулку к воротам крепости. «У ворот стояло человек двенадцать гвардейских солдат в шинелях и фуражках... — Здравия желаем, ваше высокоблагородие. Рота послала нас проститься с вами...». Солдаты были представителями роты. Глубоко растроганный Лорер крепко обнялся с усачом-ефрейтором и навсегда простился с солдатами своего полка.

Общую атмосферу возбуждения умов рисует и военно-судное дело фельдшера псковского внутреннего гарнизонного батальона Константина Иванова, судившегося в 1826 г. за произнесение «дерзких слов противу его императорского величества» и за разглашение ложных слухов, «нарушающих общественное спокойствие».

В дневнике сенатора Дивова от 5 апреля записано: «Ходят слухи о возмущении крестьян; они отказываются платить подати помещикам, го-

ворят, что покойный император дал им свободу, а ныне царствующий император не хочет этого исполнить. Подобные слухи несомненно являются последствием заговора 14 декабря». Заключение Дивова о причинах слухов вполне соответствует историческим материалам: это — слух, который К. Рылеев и А. Бестужев распускали по Петербургу накануне восстания, дивясь, с какой молниеносной быстротой он распространяется.

О сочувствии народа и какой-то степени его осведомленности о происшедших событиях свидетельствуют своеобразные демонстрации во время отправки декабристов на каторгу. Путь в Сибирь закованных в цепи Никиты Муравьева, его брата Александра, Анненкова и Торсона лежал через Тихвин, Ярославль, Кострому, Вятку, Екатеринбург, Омск. «Публика догадывалась о причине, по которой мы пострадали, — пишет в своих воспоминаниях Александр Муравьев. — Несмотря на оковы, нас всюду встречали с живейшим радушием. С позволения фельдъегеря нас кормили, отказываясь получать вознаграждение от представителя власти. В Тихвине, недалеко от Петербурга (старом центре народного антифеодального брожения! — *М. Н.*), несмотря на побои фельдъегеря, народ с непокрытыми головами желал нам счастливого пути. То же произошло в Ярославле. В Костроме, пока перепрягали лошадей, один молодой человек, оттолкнув наших стражей, ворвался в комнату, где мы находились, и сказал нам: «Господа, мужайтесь, вы страждете за самое прекрасное, самое благородное дело. Даже в Сибири вы встретите сочувствие»» [40].

В Кашинском уезде Тверской губернии помещицы Пономаревой «вышли совершенно из повиновения и сделали возмущение» 700 крестьян, бурмистр от них «едва живый ушел, а они выбрали другого по себе бунтовщика», как сообщает частное письмо одного помещика. 4 мая для усмирения крестьян потребовалась военная сила. Прямой связи с петербургскими событиями обнаружено не было, но волнения вблизи столицы говорили об общем возбуждении.

Наличествовали данные о связи солдат с крестьянами, — артиллерийские нижние чины подговаривали крестьян помещика Кусовникова к возмущению (в районе Новгородских военных поселений).

Сочувственные отголоски событий слышались и в районе Владимира, в старом гнезде мануфактур и вольнонаемного труда, причем они возникли там довольно рано. В конце января 1826 г. приказчики купца Посылина привели в шуйскую полицию рабочего ситцевой фабрики Николая Рогожкина, который рассказывал фабричным о событиях 14 декабря и «дерзновенно говорил, будто его императорское величество вступил на престол усильно (т. е. насильно.— *М. Н.*), будто присяга требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов, наконец, что если бы он в это время был в Петербурге, то также взял оружие и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били». Рогожкина отдали под суд, но к чему присудили — неизвестно [41].

В Москве и вокруг Москвы также распространялось множество слухов. Несколько тысяч крестьян Московской губернии, как говорили, отказались платить помещикам оброк, и хотя произведенная московским губернатором проверка уменьшила количество неповинующихся до тысячи, все-таки положение оставалось крайне тревожным. Ждали каких-то открытых волнений в момент провоза гроба с телом Александра I. Усиленные наряды войск и полиции охраняли город. Повсеместно были организованы наблюдения за настроением народа — не только в городе, но и в деревне. Изучение молвы о восстании декабристов, ходившей по городам, ясно показывает, что крестьянство, дворовые, солдаты, городские низы самым непосредственным образом связывали восстание декабристов с вопросом о «воле», об отмене крепостного права. Обеспокоенное дво-

рянство требовало, чтобы на улицах не разрешали собираться «толпами по десяти человек» и чтобы «пушки были готовы для истребления всякого, спокойствие нарушающего, движения». Особенно характерно требование не дозволять солдатам «сообщаться с жителями»: в солдатской массе перепуганному дворянству был также отчетливо виден крепостной крестьянин, готовый бороться «за волю».

Федор Федоров, дворовый человек поручика Зимбулатова, по собственному почину повел запись московских «слухов» и составил целую тетрадь под любопытным заглавием: «Московские новости, или новые правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утвердить ни одних не могу, но решился на досуге списывать для дальнего времени незабвенного, именно 1825 года с декабря 25 дня». Всего в тетрадке — под номерами — записан 51 слух. Среди них «13-й слух» гласит: «В Москве во время государева привозу (имеется в виду провоз через Москву гроба с телом Александра I. — *М. Н.*) очень многие говорят, будет бунт, даже многие имение прячут, а купцы 1-й гильдии уезжают из Москвы от страху». «15-й слух» утверждал: «Всех в оном заговоре замарано господ 60 000 тысяч»,— общее возбуждение и ожидание «бунта» проявляется в фантастическом преувеличении численности участников заговора. «49-й слух» свидетельствует о сознании прочности причин, породивших заговор, и мысль о неизбежности его повторения: «Один адъютант, разговаривая с государем, вынул из кармана заряженный пистоль и уставил против его величества, сказав оные слова: «Тебе смерть и мне смерть!» и выстрелил выше головы, немножко не утрафил. И как его схватили, то сказал он, никак сего [царь] не выведет уже: оный корень так глубоко посажен, что вывесть нельзя, а государь сказал: «Я стану обрезать, чтоб не разрастался»» [42].

Запись последнего «слуха» останавливает на себе внимание. По сведениям агентуры, он стал распространяться с февраля 1826 г. и впервые был записан в Петербурге. Эпизод приписывается Бестужеву (очевидно, Александру, если сопоставить это с приведенной выше записью, где говорится об адъютанте). Агент сообщал: «Рассказывают, что, когда по повелению государя императора представлен был к его величеству Бестужев и был им самим спрошен, то между прочим сказал, что ими уже посеяно, корень вырос, а плоды соберут другие,— заключив сими словами: «И самая смерть наша будет полезна отечеству»» [43].

В Нижегородской губернии, где находилось имение Бестужевых-Рюминых, записано народное предание, объясняющее трагический эпизод со вторичным повешением декабристов, сорвавшихся с петель во время казни. Древняя традиция требовала помилования сорвавшегося с петли смертника. Участники приготовлений к казни — люди из народа, по этому преданию, нарочно делают петли из гнилых веревок, чтобы спасти царские жертвы. Но Николай нарушает святость древнего обычая и велит повесить приговоренных вторично. Юный Бестужев-Рюмин в этом народном предании значится в числе сорвавшихся с петель. Народный рассказ полон к нему сочувствия, рассказчик осведомлен о том, что декабрист погиб за то, что «требовал у царя Николая Павловича освобождения крестьян» [44]. Заметим, что наличие подобных слухов иначе объясняет упомянутый трагический эпизод казни, — обычно он толкуется лишь как проявление «неуменья» палачей, грубости, жестокости и «нерасторопности» начальства («И повесить-то в России не умеют!»). Все приписываемые казнимым декабристам слова, при этом произнесенные, связаны именно с таким толкованием. Но нельзя совершенно исключить предположение о нарочитой подготовке эпизода чьими-то сочувственными руками, людьми, действовав-

шими по своему разумению в пользу казнимых, полагавшимися на силу древнего обычая, гласившего, что сорвавшийся с виселицы осужденный обязательно будет помилован...

Какое-то смутное представление о наступлении «новых времен» мелькало в сознании народа. Характерный случай произошел в мае 1826 г.: сторож-инвалид при Московском архиве Коллегии иностранных дел передавал явно нелепый слух караульным солдатам, наряженным от Тульского пехотного полка: «Господа хотят извести царскую фамилию, чтоб и звания не было, а дабы не могла при сем взбунтоваться российская армия, приготовлено для раздачи 300 миллионов рублей... к начальнику его, генералу, который при конторе, съезжаются и собираются многие знатные господа и, бывая там с восьми по второй час ночи, говорят все про царскую фамилию, намереваясь перевести их по одиночке». Когда инвалид ушел, караульные стали было толковать, не надо ли довести до сведения царской фамилии об этом новом заговоре. Но унтер-офицер Горбунов, сидевший тут же на лавке, сказал: «Кто может допустить [до царя]? И кто доложит об этом? Так и быть! Не наша воля». Рядовой Яковлев, соглашаясь, подтвердил: «Верно такие годы приходят, нечего делать». Никакого настроения сообщить по начальству о новом заговоре не было,— напротив, событие описанного рода казалось довольно естественным в наступившие новые годы [45].

Спускаясь далее на юг, к Украине, мы видим ту же картину, дополнительно обостренную тем, что тут оказался второй центр событий.

Начальник 25-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ф. Г. Гогель, которому было поручено еще до восстания декабристов наблюдать за настроениями войск первой армии, всюду разослал многочисленных агентов и собрал наблюдения над «духом» поднадзорных войск. Капитан гвардии В. С. Сотников, тайный агент штаба первой армии, посланный на розыски еще до восстания Черниговского полка, объездив войска, в общем пришел к утешительному для правительства заключению, что в войсках царит в основном хороший «дух», но и он сделал несколько любопытных наблюдений. Воспоминания современников и фольклорный материал дополняют картину [46].

Распространялся рассказ об ответе декабриста царю о корнях, которые уже проросли и дадут плоды для позднего потомства, т. е. народная молва, приписывавшая на севере уже этот упомянутый выше ответ «адъютанту Бестужеву», на юге соединяла его с именем Пестеля, — сюжет явно становился «бродячим». Среди крестьян не утихали толки о восстании Черниговского полка. В Пензенском и Саратовском полках и 8-й артиллерийской бригаде солдаты жалели арестованных командиров. Осведомитель писал, что в Вятском пехотном полку «все нижние чины и офицеры не примерно жалеют Пестеля, бывшего их командира, говорят, что им хорошо с ним было, да и еще чего-то лучшего ожидали; и стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такого командира не было и не будет». Сожалели в Ахтырском полку и об Артамоне Муравьеве, называя его «отцом». Рядовой Рошков, карауливший арестантов Черниговского полка, произносил на службу «непристойные ругательства» и говорил: «мы теперь содержим караул, а после сами будем, быть может, под караулом». В конце февраля 1826 г. один солдат вновь формирующегося Черниговского полка не приветствовал проходившего адъютанта и на вопрос, почему он так поступил, отвечал: «Мы ведь разных команд,— я служу Константину». «Константиновская легенда», широко распространившаяся и в армии и в народе, свидетельствовала не только о наивном монархизме ее носителей,

но была и псевдонимом антифеодальной борьбы. Недаром начальство запрещало принимать от народа прошения на имя Константина.

Описанная картина широкой народной осведомленности и заинтересованности в событиях объясняет связь усилившихся в 1826 г. крестьянских волнений и слухов о том, что весной выйдет народу «воля». Народные волнения 1826 г. поэтому объективно связаны с первым русским революционным выступлением, содержат в себе элемент откликов на него, поскольку стимулированы общей напряженной обстановкой, создавшейся в стране, и отмечены ясно выраженным антифеодальным характером. Крестьянское движение на Украине в 1826—1827 гг. развернулось в тех местах, где прошло восстание Черниговского полка. Среди крестьян тех мест жила память о восставших черниговцах, и непосредственная связь крестьянских выступлений с только что подавленным восстанием декабристов была ясна царскому правительству, потратившему немало усилий на ликвидацию движения.

Восставший Черниговский полк прошел по украинским деревням, расположенным главным образом на землях графини Браницкой, во владении которой находилось в общей сложности 27 тыс. крепостных. Племянница всесильного Потемкина, близкая ко двору, графиня вышла замуж за верного сторонника Екатерины, коронного гетмана Браницкого, и ее вес в придворных кругах был столь велик, что она могла невозбранно обращать по своему произволу в крепостную зависимость ранее свободное население, проживавшее в ее владениях, в том числе старинных украинских казаков. Современники восстания Черниговского полка позже говорили, что в Белой Церкви восставших ожидало для соединения не менее 4 тыс. крепостных Браницкой, готовых поддержать восстание. Не удивительно поэтому, что архивы сохранили довольно большое количество дел, связанных с крестьянским движением 1826—1827 гг. Общее брожение облекалось в разнообразные «слухи» и «толки». Имеются дела о распространении «нелепых слухов» и «разглашении мнений к общему возмущению», «об ослушании и бунтах», «о подговорах крестьян к произведению бунта» и т. п. Крепостной крестьянин Браницкой Иван Медведенко подговаривал в шинке четырех рядовых поднять восстание «подобно тому, как произошло с Черниговским пехотным полком». Крестьянка Александра Ткачукова грозила помещику: «Не бейте и не лайте нас — на третий день праздника (близилась пасха. — *М. Н.*) наступит резанина и колиивщина»; Зиновия Самодаенко призывала резать богачей, когда «москали» начнут восстание. В южной части Киевской губернии рассказывали, будто священники получили указ закончить исповедь прихожан и освящение куличей обязательно к четвергу на страстной неделе, потому что на пасху все церкви будут запечатаны, так как все крестьяне от мала до велика должны идти «истреблять панов». На Уманщине ходили слухи о появлении «Гонтина сына», который будто бы разослал панам указы с требованием отдать всю землю крестьянам, а который пан «до светлого праздника» не отдаст, тот будет убит. Выступления крестьян сопровождались отказом работать на барщине. Когда пасха прошла, а всеобщее восстание не вспыхнуло, крестьянская молва перенесла его срок на фомину неделю. «Когда бы Черниговского полка солдаты пришли в Белую Церковь, то мы бы зачали свое дело», — говорили крестьяне графини Браницкой. В некоторых селах даже составлялись на случай восстания списки «ополчения» — привычной для крестьян формы набора военной силы. Ожидание восстания, конечно, привело и к появлению самозванных руководителей. Таким явился в Уманском уезде солдат Днепровского полка Алексей Семенов, возвращавшийся 3 апреля 1826 г. в полк. Он назвался майором, посланным от государя «забирать помещиков и

везти их всех в Петербург». С толпой сторонников Семенов ездил по селам Уманского уезда и поднимал крестьянские волнения: имущество помещиков делилось между крестьянами, всенародно объявлялось освобождение от барщины, управляющих имениями пороли розгами, администрация имений и вообще противники восстания подвергались арестам и заковывались в кандалы. Семенов объездил несколько имений и не одного помещика и поссессора заковал в железа: «Нет, пане..., полно тебе пановать, я за это отвечаю». На допросах Семенов раскрыл и прямую связь своих действий с междуцарствием и последующими событиями. Константину «хорошо присягали», когда Николаю присягали, «то был большой холод, и одни поднимали персты вверх, а другие имели оные опущенными... и присяга была без евангелия. Мы теперь не знаем, кто у нас государь...». Массовые же аресты после воцарения Николая создавали впечатление, что действительно господ «начали хватать». Семенов был приговорен судом к колесованию. По конфирмации его присудили к выключению из воинского звания, наказанию 50 ударами кнута и, по выжжению штемпельных на лице знаков, ссылке в каторжную работу. Из 150 арестованных по этому делу крестьян часть была сослана в Сибирь, на каторгу или поселение, часть подвергнута наказанию плетьми [47].

В ответ на донесение об уманском «самозванце» главнокомандующий второй армией Витгенштейн, находившийся тогда в Петербурге, писал, что при докладах Николаю I об этих событиях оказалось, что «эта самая история происходила и во многих других губерниях, все в том самом смысле, что помещиков берут в Петербург, а крестьянам дается вольность. Наиболее неповиновений мужиков в С. Петербургской, в Нижегородской, в Псковской, Рязанской и еще некоторых других губерниях. Правительство берет меры в некоторых местах и усмирило оных».

На Украине близ Золотоноши крестьяне села Еремеевки коллежского асессора Оболенского вышли из повиновения, — некоторых усмирили военной силой; по приговору Николая I трое главных зачинщиков были наказаны кнутом и ссылкой на каторгу, ряд других прогнали сквозь строй через 1000 человек и отослали в крепостные работы.

Волнения крестьян были столь значительны, что Николай I за два месяца до казни декабристов поспешил издать манифест от 12 мая 1826 г., посвященный крестьянскому движению. В манифесте указывалось, что во многих губерниях распространились ложные слухи об освобождении крестьян «от повиновения господам», от платежа податей, поэтому крестьянам предписывалось «беспрекословно повиноваться установленным над ними властями под страхом наказания ослушников по всей строгости законов, а равно подвергать суду и составителей просьб, вызванных этими слухами и представляемых на имя государя». Так как манифест этот, конечно, не прекратил волнений, царь распорядился в случаях неповиновения, которые произойдут после оглашения манифеста, виновных крестьян на месте предавать военному суду. «Судя по манифесту о крестьянах, у нас большие беспорядки», — логически заключает поручик Литовского полка Обручев в частном письме [48].

Манифест 12 мая не усмирил движения. Оно захватывало не только крестьянство помещичьих имений, но городских господских дворовых, рабочих людей и кантонистов. Один из тайных агентов правительства в доносе «о настроении умов» в Петербурге после казни декабристов писал: «Манифестом мая 12-го очень недовольны и до сих пор толкуют, что это господа принудили царя издать оный».

Манифест было велено повсеместно читать в течение шести месяцев, и это обстоятельство, по донесению того же агента, «простым народом»,

т. е. теми же городскими низами, дворовыми и кантонистами, толковалось так: «Только шесть месяцев господа будут владеть нами, а там мы будем вольные». Агент на основании собранных «слухов» и «толков» предрекал неизбежность возрастания волнений: «Всеобщая безденежность, нищета у многих и у некоторых совершенная невозможность существования имеют свою опасность. Голодный превращается в зверя и, не имея никаких способов к пропитанию, неимущие могут решиться резать и грабить тех, кои имеют что-либо». В июне был дан рескрипт на имя министра внутренних дел Ланского (повторенный в сентябре) о необходимости «христианского», согласного с «законами» обращения дворян с крестьянами.

Сведения об усилении массового движения дошли и до иностранных посольств. Так, французский посол в России Лаферроннэ в своих донесениях от апреля-мая сообщал, что «отказ платить оброки... стал всеобщим», крестьяне не платят их якобы потому, что ждут объявления завещания Александра I об их освобождении [49].

Правительство настороженно следило и за волнениями в рабочей среде, будучи ими сильно обеспокоено. Рабочие заводов Расторгуевых, уже восстававшие в 1822 г., поднялись вновь в конце 1826 г. Прямой связи с петербургскими событиями эти волнения не имели, но общая конъюнктура была такова, что это восстание представлялось в условиях 1826 г. особо опасным. За Расторгуевыми значился ряд заводов: Каслинский, Верхнекыштымский, Нижнекыштымский, Шемахинский и Нязепетровский; вспыхнув на одном заводе, волнения могли передаться на другой. Правительство в «чрезвычайно секретном» порядке разослало всем заводчикам строжайшее предписание идти на уступки рабочим и обращаться с ними «по-христиански» (об этом всеобщем обращении к фабрикантам в архивах сохранилось особое секретное дело). Еще не утихшие волнения на Ревдинском заводе наследников Зеленцова, вспыхнувшие до восстания декабристов, также входят слагаемым в общую картину брожения тревожной для царизма весны 1826 г. Отношение к этим волнениям правительства характерно для момента: с февраля 1826 г., в разгар следствия над декабристами, Николай приказал пермскому гражданскому губернатору, «буде дело об оказанном неповиновении крестьянами Ревдинского Зеленцовых завода еще не кончено», лично отправиться на завод и выяснить истинную причину волнений с последующим донесением императору «в собственные руки». Волнение происходило «за меру угольного короба» (углежоги требовали ее уменьшения, заводское управление не соглашалось), но пермский гражданский губернатор считал, что причина волнений лежит глубже, и желал «открыть причину сию с корня», опасаясь распространения волнений («если возгорится по всем заводам, может, не говоря о несчетных убытках, и частных и казенных, быть гибелью для губерний». Делу приписывалось столь важное значение, что оно слушалось в апреле 1826 г. в Комитете министров. Напряженность положения на Ревдинском заводе соединилась с общей тревогой [50].

В мае 1826 г. Николай I лично запрашивал об исходе волнений рабочих на золотых приисках Ярцева. Владелец Богословского медеплавильного завода (Оренбургская губ.) П. А. Глазов в том же 1826 г., ходатайствуя о «приведении в повиновение» волнующихся рабочих, полагал единственную свою надежду на манифест от 12 мая 1826 г., разрешавший предавать виновных на месте военному суду. Исследователи уже давно обратили внимание на волнения рабочих на бумажной фабрике князя Гагарина (Ярославская губ.), где в феврале 1826 г. фабричные люди, «отклонясь от работы на фабрике вышли из повиновения», само-

вольно составляли сходы, производили денежные сборы для посылки ходоков в Петербург, отслужили в церкви молебен об избавлении от господской работы и принесли в церкви же клятву с целованием креста добиваться воли. Представители власти выяснили, что основной причиной волнений был распространившийся между крестьянами слух «об ожидаемой к весне вольности». Несмотря на все принятые меры, крестьяне остались «непреклонными к повиновению». Лишь в июле «при сильном отряде внутренней стражи» произошла расправа с крестьянами. Двое крестьян были биты кнутом, 29 — плетьми, 23 человека были отправлены в крепостные работы, один зачинщик сослан на поселение. Эти волнения, несомненно, в известной мере стимулированы общей ситуацией после восстания декабристов, возникли в атмосфере общенародных слухов, что к весне объявят волю [51].

К общей картине народного отклика на выступление первых русских революционеров можно добавить напоминание о солдатско-крестьянском потаенном фольклоре — песне о выступлении декабристов («Собирайся, мелка чернядь...»), о которой уже говорилось выше в главе, посвященной восстанию 14 декабря 1825 г. В песне отражалась осведомленность народа о планах декабристов, она поэтически дорисовывала картину восстания рассказом о том, будто бы частично осуществились планы восставших. В песне пелось о том, что «царя требуют в Сенат». Согласно песне, царь вынужден был туда явиться к ответу. Отражает песня и ожидание прибытия с вестями великого князя Михаила Павловича. В песне «мелка черднядь» — активный участник происшествий, ей надо судить о них, принимать какие-то решения («собирайся, мелка чернядь, собирайся на совет»). «Мелка чернядь» самостоятельно судит о событиях. Гибель замысла связывается с предательством солдата «с черным глазиком» (вспомним, что Шервуд был солдатом, нижним чином, имея унтер-офицерское звание). Л. В. Домановский правильно проанализировал эту декабристскую песню в своей диссертации, посвященной освободительному движению первой четверти XIX в. в народном творчестве [52]. Широкое распространение потаенной песни — от Череповецкого уезда и Архангельска до Енисейского округа останавливает на себе внимание.

Охватывая общим взглядом всю картину народного брожения, в разных формах связанную с восстанием декабристов, нельзя не прийти к выводу, что она подтверждает наличие органической связи декабристского выступления с русским историческим процессом, рисует декабристов выразителями назревшей исторической потребности русского общества в ликвидации феодально-крепостного строя. Конечно, эта же картина брожения в сопоставлении с тактикой декабристов еще раз свидетельствует о классовой ограниченности их революционности: декабристы не могли и не умели привлечь эту массу к активному революционному действию, к живому участию в решении своей судьбы. Но вместе с тем именно эта волна народного движения объективно поднимала д е л о первых русских революционеров, ставила его на очередь перед следующим революционным поколением, передавала его шедшей на смену декабристов молодой России.

Глава XX

КАТОРГА И ССЫЛКА. МЕСТО ДЕКАБРИСТОВ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Движение декабристов является самостоятельным и своеобразным этапом большого периода русской революционной борьбы, длящегося по 1861 г. и названного В. И. Лениным периодом дворянской революционности. В этом периоде зачинатели русского революционного движения — декабристы — заполняют своей борьбой целое десятилетие. Пришедшие им на смену борцы разрабатывают и углубляют их опыт, преодолевают ряд его противоречий и поднимают русское освободительное движение на новую степень. Подъем этот характеризуется прежде всего глубокой работой революционной мысли над причинами поражения первого русского революционного выступления и над осознанием роли народа в освободительной борьбе. Тенденция, которая столь отчетливо проявляется в самом движении декабристов, — постепенное завоевание все более демократических позиций, — получает сильнейшее выражение и дальнейшее раскрытие в последующем русском революционном движении.

Вливающиеся в общий поток борьбы новые дворянские революционеры более глубоко осознают проблематику времени и, завоевывая более последовательные позиции, постепенно изживают свои либеральные иллюзии. В движении появляются и предшественники революционеров-разночинцев, представленные в 40-х годах страстным борцом за демократическую идеологию — В. Г. Белинским. Столь богатое разночинскими элементами общество петрашевцев развивает свою деятельность во второй половине 40-х годов. Почти одновременно великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский формирует свое мировоззрение. Полное напряженной идейной работы время между восстанием декабристов и первой русской революционной ситуацией (1859—1861) подготовило утверждение нового — разночинского, революционно-демократического периода русского освободительного движения.

Чтобы подготовить его, надо было пройти большой и трудный путь, изучение которого является самостоятельной темой и не входит в задачу настоящей работы.

Общественное движение, представленное первыми русскими революционерами, пресеклось разгромом восстания, арестом участников, тюрьмой. Оно кончилось тюремными воротами Петропавловской крепости, и лязг закрывающихся за декабристами сотен тюремных дверей обрывает тот особый и своеобразный этап русского революционного движения, который отмечен их именем. Казалось бы, остается лишь кратко сказать

об их страданиях на сибирской каторге, о тяжелой жизни ссыльно-поселенцев, о том культурном вкладе, который сделан ими в развитие Сибири, напомнить о судьбе сосланных на Кавказ и закончить работу признанием общего значения их дела. Но, вдумываясь в последующую жизнь декабристов, приходишь к выводу, что подобный подход грешил бы узостью и неполнотой. Он искусственно изолирует декабристов от последующего движения исторической жизни, в которой они, несмотря на тюремные затворы, принимают своеобразное участие. Николай I и Бенкендорф думали, что, повесив пятерых и захлопнув двери тюремных казематов за остальными сотнями декабристов, они начисто вырвут их из общей жизни. Царю и его палачам в значительной мере удалось задуманное, но все-таки не до конца.

К декабристам тянется мысль последующих поколений русского освободительного движения, их не забывают, судят об их опыте, обсуждают их цели и способы борьбы. Мысль о заточении «друзей, братьев, товарищей» наполняет сердца гневом и жаждой действий. В этом смысле они живы в последующем движении. Но дело не только в этом, — «из глубины сибирских руд» они сумели в какой-то мере участвовать в движении, их голос слышится то тут, то там в идейной жизни последующего времени. Иногда он доходит до слуха тех, кто пришел им на смену, и явно участвует в общей борьбе, иногда глохнет в «каторжных норах», услышанный лишь узким кругом заключенных. Но и в этом последнем случае он принадлежит эпохе, входит в общую картину идейной жизни последующих десятилетий. Если агитационные письма М. С. Лунина к сестре и его работы о тайном обществе прорвали тюремный кордон и ценой жизни декабриста дошли до молодой России, то песни Михаила Бестужева о восстании Черниговского полка или рассуждения Петра Борисова о возникновении планет остались в более узком кругу. Но и песня Бестужева и материалистический трактат Борисова тем не менее *принадлежат той эпохе, когда возникли*, т. е. трудным 40-м годам. Тесно связанные со своим — «декабристским» — периодом, они тем не менее вышли за его пределы и являются своеобразным штрихом последующей русской жизни. Изучение вопроса показывает, что декабристы явились вкладчиками в русское общественное движение и русскую культурную жизнь и в последекабристское время.

Однако это их участие уже не есть *движение декабристов*. Оно принципиально отличается от времени 1816—1825 гг., когда действовало тайное общество. Теперь идет уже новый этап, дальнейшая разработка их опыта и приобретение нового, осуществляется подъем движения на новую ступень. Рождается новая постановка вопроса об участии народа в революционной борьбе, наступает время глубокой проверки революционного мировоззрения, явственно видно сильное продвижение философских установок к материализму, возникает социалистическая идеология в ее утопической форме. Полное развитие кризиса феодальной системы, падающее на вторую четверть XIX в., создает по-новому выявленную глубокую подоснову движения со своими специфическими особенностями. Строго говоря, вопрос этот уже выходит за рамки нашей темы и представляет собой самостоятельную и с указанной точки зрения еще не исследованную проблему. Коснемся его кратко в порядке заключения работы.

2

Отправка в Сибирь осужденных декабристов началась в конце июля 1826 г.; «преступники» ехали в повозках скованными, в сопровождении фельдъегерей и жандармов. Первыми отправили на каторгу Е. Оболенского, С. Волконского, С. Трубецкого, В. Давыдова, А. Якубовича, бра-

тьев Борисовых и Артамона Муравьева. Сначала Трубецкой и Волконский оказались на Николаевском железоделательном заводе, Артамон Муравьев, Борисовы и Давыдов — на Александровском заводе, а Оболенский и Якубович — на Усольских соляных варницах. Но вскоре всех вновь собрали в Иркутске и направили в Нерчинский горный округ, на Благодатские рудники, где они в самых тяжелых условиях протомились целый год — с октября 1826 по сентябрь 1827 г.

В Благодатске добывалась свинцовая руда, содержащая серебро. Все селение заключалось в единственной улице. «Тюрьма стояла у подошвы высокой — горы, то была покинутая казарма, мало поместительная, грязная, отвратительная», — пищет М. Волконская в своих «Записках». Камера, в которой помещались Е. Оболенский, С. Волконский и С. Трубецкой, имела три аршина в длину и два в ширину. Она была так низка, что в ней трудно было стоять. Каторжная работа производилась под землей, в «ужасных подземных ходах». Эти ходы были так низки, что, как вспоминает Е. Оболенский, заключенные версты полторы должны были идти согнувшись, чтобы добраться до места работы. Позже декабристов перевели наверх, на сортировку руды. Строгий каторжный режим, грязь и паразиты в тесных «чуланах» — казематах, грубое и оскорбительное обращение тюремного начальства делали пребывание в Нерчнских рудниках чрезвычайно тяжелым.

Очень трудным было и положение ссыльно-поселенцев: каторга в Сибири, вопреки предположениям правительства, оказалась чуть ли не более «легким» наказанием, чем поселение. Нередко «город» или селение, выбранные царскими жандармами для ссылки, оказывались «поселком» из нескольких юрт. Ссыльно-поселенцы страдали от невыносимо тяжелых условий, скудости питания и отсутствия медицинской помощи.

Многих приговоренных к каторжным работам «государственных преступников» рассредоточили на первое время мелкими группами по разным государственным тюрьмам, некоторые побывали в Шлиссельбурге, другие в Динабурге, Кексгольме, Свеаборге, Бобруйске. Объединить осужденных в одном месте без предварительной постройки особой надежной тюрьмы правительство опасалось. Пребывание в тюремном заточении было много хуже каторги. И. Д. Якушкин, Матвей Муравьев, Александр Бестужев, А. П. Арбузов и А. И. Тютчев были заточены в крепость «Форт Слава» близ Роченсальма и размещены по одиночным казематам. Через полтора года Якушкин и его товарищи двинулись закованными в Нерчинские рудники, куда прибыли в декабре 1827 г., соединившись по дороге с другой партией ссыльных, в которую входили Пущин, Муханов, А. Поджио. Первый из них ранее содержался в Шлиссельбурге, второй — в Выборге, третий — в Кексгольме. В Шлиссельбурге находились также Юшневский, Николай и Михаил Бестужевы, Дивов, Пестов. Поджио был заключен вместе с Ф. Вадковским, Барятинским, Горбачевским и Вильгельмом Кюхельбекером. С Мухановым были заключены Лунин и Митьков.

Мало-помалу Нерчинск сосредоточил многих декабристов, однако условия тюремного пребывания в нем казались ненадежными, а соседство сосланных политических преступников с массой уголовных каторжников из «простого народа» тревожило начальство. После коронации особо учрежденный в Петербурге Комитет наметил было Акатуй Нерчинского округа в качестве центра декабристской каторги. Тут стали строить общую тюрьму в самой сырой и нездоровой местности, непосредственно у свинцовых рудников, чтобы спуск в шахты осуществлялся внутри тюремного двора. Вскоре этот замысел был, однако, оставлен и

центром, где соединились сосланные на каторгу декабристы, оказалась Чита.

В эти годы Чита была небольшим забайкальским селением из 45 домов, с одной деревянной церковью и горным комиссионерством с прилежащими к нему провиантским и соляным магазинами. Острог сначала был очень тесен — состоял всего из двух небольших строений, затем в четыре месяца построили новый, более обширный, куда в конце августа 1827 г. переселили заключенных (только М. С. Лунин остался в отдельной избушке). В каждой комнате жило от 10 до 17 человек. Каторжные работы были тут много легче, чем в Нерчинских рудниках. Летом и осенью до морозов декабристы занимались по пять часов в день земляной работой, как пишет А. Е. Розен, «копали сами фундамент к новому острогу, вырыли ров для частокола, подымали дорогу по главной улице и два лета сряду заваливали овраг глубокий, который был промыт стоком с гор снежной воды и дождя и уже прорезал дорогу через селение; мы [его] так плотно и крепко завалили, что по новой дороге стали ездить. Заступ, лопата, кирка и топор были нашими рабочими орудиями, а песок и землю возили мы в тачках или носили на носилках». С наступлением морозов, «когда заступ уже не входил в землю», декабристы мололи ржаную муку на ручных мельничных жерновах. Тут работа продолжалась также пять часов в день, но уроки были более умеренные (каждый должен был смолоть по два пуда ржи «на урок»). Здоровые заканчивали «уроки» за больных и слабосильных. Возродилось артельное хозяйство: все по очереди дежурили на кухне и из своей среды избирали одного «хозяина», который должен был закупать нужные припасы, выдавать продукты и вести отчет общих расходов. Для закупки продуктов «хозяин» выходил из острога под вооруженным конвоем. Хозяйство было довольно обширным — в Чите собралось около ста декабристов [1].

В тесном товарищеском общежитии в Читинском остроге возникали страстные обсуждения и споры о только что пережитом. Читались книги, журналы, газеты, выписывавшиеся в изобилии, особенно позже на Петровском заводе, обсуждались политические новости и крупные общественные проблемы. Очень мешал сначала непрерывный звон цепей почти сотни сосредоточенных в одном помещении живых и подвижных молодых людей, — А. Е. Розен и И. Д. Якушкин жалуются на этот звон в сибирской переписке. Потом к кандальному звону привыкли. К концу пребывания в Чите декабристов расковали.

В Чите декабристы пробыли до осени 1830 г.

Что же — связанное с декабристами — происходило в это пятилетие за стенами тюрьмы?

Это пятилетие (1825—1830) было особенно тяжелым для русской революционной борьбы. После разгрома восстания был уничтожен центр русского революционного движения. Значительная для тех лет организация, стянувшая к себе наиболее живые силы России, централизовавшая русское общественное движение в течение десяти лет, рухнула. Однако жизненность основ движения, неодолимость нового сказалась в том, что, несмотря на бушевавшую после разгрома реакцию, живые ростки пошли то тут, то там от того же идейного корня. Они были подчас слабы и неприметны, принимали своеобразные скрытые формы, однако, несомненно, существовали и были полны жизненных сил для дальнейшего развития. Их питал основной здоровый корень, их насыщало жизнью то значительнейшее явление эпохи, которое состояло в прогрессирующем кризисе феодализма, в движении страны вперед, в росте производительных сил, в развитии нового, капиталистического уклада, расшатывавшего основы обвет-

шалого феодально-крепостного строя. На воле, за дверями тюремных камер возникала новая жизнь движения. Вступало в жизнь второе поколение дворянских революционеров, не тождественное первому, уходившее от него вперед. Именно во имя этого, объективно говоря, и действовали декабристы.

Николай I приехал в Москву на коронацию через неделю после казни и в ближайшие же дни обнаружил проявления, как казалось ему, той же самой крамолы в старой столице. Из доноса на Московский университет он узнал, что профессора знакомят юношей «с пагубной философией нынешнего века»,— цитаты из ходившей по рукам рукописной поэмы «Сашка» студента А. И. Полежаева иллюстрировали мысль доносчика: слова о том, что России необходимо свергнуть иго «своих презренных палачей», удивительно подходили к обстановке. Однако поэма, вдохновленная вышедшим в свет еще в феврале 1825 г. началом «Евгения Онегина» и являвшаяся его своеобразной антитезой (герой «Сашки»—разночинец, а не дворянин), была написана еще до восстания декабристов. «Я положу предел этому разврату,— кричал Николай в Кремлевском дворце на вызванных пред его очи автора-студента и министра народного просвещения А. С. Шишкова.— Это все еще следы, последние остатки, я их искореню!». Полежаев был отдан в солдаты [2].

Но признаки того, что идейное движение живо, что борьба продолжается, все множились, причем явственно то тут, то там выступала их связь с декабристами. Первое место здесь принадлежит А. С. Пушкину. Через пять дней после коронации Николая I последовала высочайшая резолюция о привозе ссыльного А. С. Пушкина из Михайловского в Москву («не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря»). На заре 4 сентября А. С. Пушкин выехал из Михайловского и утром 8 сентября был в Москве. По рассказу близких друзей поэта, его в дорожном платье ввели прямо в Кремлевский дворец и провели в кабинет императора. Долгий разговор с Николаем шел без свидетелей. На вопрос царя, был ли бы он на площади 14 декабря вместе с «мятежниками», если бы оказался в то время в Петербурге, Пушкин ответил царю утвердительно. Можно догадываться, что Николай I пытался «купить» Пушкина обещанием скорого прощения сосланным,— не отсюда ли «стансы» поэта с напоминанием об обещанном декабристам прощении («В надежде славы и добра»)? Николай «всемилостивейше простил» опального поэта и пообещал сам быть его цензором — «милость», страшную тяжесть которой А. С. Пушкин ощутил на себе сразу.

Отправляясь в Москву по вызову того, кого он считал убийцей декабристов, А. С. Пушкин, несомненно, переживал тяжелую драму. Отослав царю сдержанную просьбу о прекращении ссылки после окончания следствия над декабристами (еще до приговора), Пушкин, потрясенный казнью, писал друзьям, что не направил бы этого прошения после приговора. По пути в Москву Пушкин создавал новый текст своего «Пророка», который кончался, по преданию, сохраненному М. П. Погодиным и А. С. Хомяковым, словами, позже опущенными:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди и с вервием вкруг выи
К у[бийце] г[нусному] явись.

Сохранилось предание, будто А. С. Пушкин потерял листок с этим стихотворением на лестнице Кремлевского дворца, нашел его и позже уничтожил. Все эти сведения получили в Москве конспиративную общественную гласность.

Своего «Андрея Шенье» Пушкин опубликовал еще до казни — в январе 1826 г.; цензура не разрешила публиковать стихотворение полностью и изъяла обширный текст, представлявший собою гимн свободе, вложенный в уста идущему на казнь поэту. В числе изъятых строк были, например, такие:

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!..

Последние строки относились к французскому Конвенту.

Штабс-капитан лейб-гвардии конно-егерского полка А. И. Алексеев получил в Москве, якобы «неизвестно от кого» (он так и не признался, от кого именно), копию этого обширного непропущенного цензурой пушкинского отрывка осенью 1825 г. и передал стихи прапорщику конно-пионерного эскадрона Молчанову, который увез их с собой в Петербург. Летом 1826 г. эти стихи, писанные «на желтой четвертушке», увидал у Молчанова в Москве «русский учитель Леопольдов»—в тот момент «своекоштный кандидат Московского университета», одновременно работавший «в Университетском пансионе по найму в должности надзирателя». Он с основанием отнес эпитет «убийцы» к Николаю I и понял стихотворение как посвященное только что миновавшим декабрьским событиям. Поэтому (уже «от себя») он дал стихотворению заглавие «На 14 декабря», переписал вместе с ним циркулировавшее в Москве предсмертное письмо К. Ф. Рылеева к жене и в таком виде пустил рукопись дальше по рукам. Один из секретных сотрудников надзора передал рукопись в III Отделение в качестве нового пушкинского «пасквиля», ходящего по Москве. Донос был получен Бенкендорфом в конце июля или начале августа 1826 г., повидимому, вскоре после отдачи Полежаева в солдаты. Дело о стихах «На 14 декабря» уже было известно Николаю I в момент приезда Пушкина в Москву. 8 сентября — именно в тот день, когда Пушкин в сопровождении фельдъегеря въезжал в Москву, здесь был арестован Молчанов по делу распространения крамольного пушкинского отрывка. Весь сентябрь и последующие месяцы Алексеев и Молчанов томились в московском тюремном замке. За распространение пушкинских стихов Алексеев первоначально был приговорен к смертной казни, позже она была заменена тюремным заключением. А. С. Пушкину удалось оправдаться перед III Отделением и доказать, что стихотворение написано до декабрьских событий и не имеет к ним отношения [3].

Именно в эти тревожные для А. С. Пушкина дни, когда тучи новой кары вновь стали собираться над его головой («Снова тучи надо мною собралися в вышине»,— писал поэт), возникло знаменитое пушкинское стихотворение, прямо и непосредственно адресованное декабристам: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...».

«Послание к декабристам» не только выражало глубокое сочувствие Пушкина осужденным и сосланным «друзьям, братьям, товарищам», но было проникнуто уверенностью в конечной победе их дела. В одной из сибирских копий послание кончалось немного иначе, чем привычно для нас:

Мужайтесь! Русского народа
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«Примыслил» ли неизвестный сибирский читатель первую из цитированных строк, или она находилась в полученном им списке (подлинник стихотворения не дошел до нас),— она говорила, в какую сторону направлялось восприятие стихов: по линии довершения борьбы декабристов во имя освобождения народа новым поколением борцов — «братьев» декабристов [4].

Отправка пушкинского стихотворения в Сибирь была связана с отъездом туда жен декабристов.

Слух об их отъезде широко распространился по Москве. Подвиг самоотверженных женщин вызвал взволнованное сочувствие. В конце декабря 1826 г. Мария Николаевна Волконская (которой только что минул 21 год) приехала в Москву, чтобы отправиться в Сибирь к сосланному на каторгу мужу. Она остановилась у своей невестки Зинаиды Волконской, женщины выдающейся и талантливой, салон которой являлся центром притяжения для лучших артистических и литературных сил Москвы. Нельзя усомниться в том, что проводы в Сибирь юной М. Н. Волконской содержали в себе элемент общественной демонстрации. Поэт Д. В. Веневитинов, оставивший описание прощального вечера, вспоминает, как много людей собралось 26 декабря 1826 г. на проводы жены декабриста. Собравшиеся не расходились до 2 часов ночи. Среди провожавших был и А. С. Пушкин.

«В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей третьей невестки; она меня приняла с нежностью и добротой, которые остались мне памятны навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, бывших тогда в Москве, и нескольких талантливых певиц московского общества. Я была в восторге от чудного итальянского пения, а мысль, что я слышу его в последний раз, еще усиливала мой восторг. В дороге я простудилась и совершенно потеряла голос, а пели именно те вещи, которые я лучше всего знала; меня мучила невозможность принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще, подумайте, ведь я никогда больше не услышу музыки». Тут был и Пушкин, наш великий поэт; я его давно знала», — так вспоминала об этом вечере Мария Волконская [5].

За несколько дней до отъезда М. Н. Волконская снова увиделась с А. С. Пушкиным: «Он хотел мне поручить свое «Послание к узникам» для передачи сосланным,— вспоминает она,— но я уехала в ту же ночь, и он его передал Александре Муравьевой». Подобно М. Н. Волконской, жена Никиты Муравьева отправилась в Сибирь, чтобы разделить судьбу мужа. Самоотверженная женщина, несмотря на большой риск, передала эти стихи декабристам. Над нею нависала страшная опасность, но она презрела ее. Находясь под бдительным присмотром жандармов, она могла бы в любой момент подвергнуться обыску, аресту, допросу. За передачу такого стихотворения ей самой грозила тюрьма. И Пушкин вверил ей свою судьбу. Но стихи были доставлены по назначению, и можно представить себе, какую радость доставили они заключенным и как взволновали их.

Ответ А. И. Одоевского Пушкину, датируемый началом 1827 года и написанный в Читинском остроге,— выдающийся памятник идейной жизни первого пятилетия после разгрома восстания. «Из каторжных нор» Сибири он распространился по России:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Стихи декабриста так же были проникнуты верой в жизненность непогибшего дела, как и послание в Сибирь А. С. Пушкина. Одоевский от имени декабристов выражал уверенность, что будет вновь зажжено «пламя свободы» и наступит миг, когда из цепей можно будет сковать мечи для новой борьбы.

Но откликом А. И. Одоевского не ограничился декабристский вклад в идейную жизнь этого трудного пятилетия: в 1827 г. раздался другой голос — из Шлиссельбургской крепости. В стихах «Тень К. Ф. Рылеева» декабрист В. Кюхельбекер воспел казненного «поклонника пламенной свободы», одного из пяти повешенных вождей движения.

Несу товарищу привет
Из той страны, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечный свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью —
И ты, я знаю, пламенел
К отчизне чистою любовью.

Явившийся к заключенному призрак Рылеева раздвигает стены, растворяет затворы и показывает будущую Россию, в которой уже осуществились надежды декабристов, в которой царит «свобода, счастье и покой». В. Кюхельбекер как бы продолжил замысел «Дум» К. Ф. Рылеева, включив образ его самого в венок воскрешаемых поэзией героев прошлого [6].

14 октября 1827 г. на станции Залазы А. С. Пушкин случайно повстречался с лицейским другом В. Кюхельбекером, которого переводили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. «Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили,— записал Пушкин,— фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством. Я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали».

Вскоре клятва двух юношей на Воробьевых горах в исходе лета 1827 г. явилась символом продолжения революционной борьбы молодой сменой. Друг А. Герцена Н. Огарев также принадлежал к поколению, разбуженному громом пушек на Сенатской площади. В недавно найденной «Исповеди» Н. П. Огарева рассказано о том, как через дружеские и отчасти родственные связи с семьей Кашкиных влияние декабристов проникло в семью Огаревых еще до восстания 14 декабря. Знакомство с Челищевыми было другим источником осведомления и воздействия (один из Челищевых был причастен к движению). Сейчас же после восстания, когда в реакционных дворянских семьях кляли «извергов», выступивших на Сенатской площади, мальчик Огарев, случайный свидетель домашней беседы своей бабушки со старухой Челищевой, услышал, как последняя убеждала его бабушку не верить тем, кто называет участников восстания 14 декабря преступниками и изменниками. Кто же они? «Истинные приверженцы отечества»,— объясняла старуха Челищева. Это определение запало в сердце Огареву, будущему преемнику декабристов и другу Герцена. Когда подростки познакомились и подружились, оказалось, что они оба не только испытывали жгучий интерес к событиям 14 декабря, но и относились к ним с одинаковым сочувствием. Клятва на Воробьевых горах идейно

скрепила дружбу двух выдающихся представителей русского общественного движения [7].

«В Лужниках мы переехали на лодке Москву-реку, — вспоминает А. И. Герцен об этом дне.—... Отец мой, как всегда, шел угрюмо и сгорбившись; возле него мелкими шажками семенил Карл Иванович... Мы ушли от них вперед и, далеко опередивши, взбежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах. Запыхавшись и раскрасневшись стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы постояли, оперлись друг на друга и вдруг, обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» [8].

Так были заронены первые семена в благодарную, ждущую посева почву. Но этими фактами не исчерпывается развитие освободительного движения в это трудное пятилетие.

В августе 1827 г. был раскрыт тайный политический кружок братьев Критских, вдохновленных выступлением декабристов. Михаил Критский, «выхваляя конституции Англии и Гишпании, представлял несчастным тот народ, который состоит под правлением монархическим, и называл великими преступников 14 декабря, говоря, что они желали блага своему отечеству»; на одной из бумаг, взятых при обыске, имелась печать с надписью: «Вольность и смерть тирану». В кружке переписывалась песня Рылеева «Ах, где те острова». В план действий входило покушение на жизнь Николая I. Критские рассчитывали на помощь генерала А. П. Ермолова, на привлеченного по делу декабристов масона М. П. Баратаева и на отца декабриста В. П. Ивашева. Члены кружка питали «тайное желание видеть Россию под конституционным правлением с уверениями пожертвовать для того самой жизнью». Самые истоки этой слабой студенческой организации, не имевшей, разумеется, никаких шансов на реальное выступление, связаны с впечатлением от выступления декабристов; так, Петр Критский показал, что «погибель преступников 14 декабря родила в нем негодование». Достойно внимания, что замысел переворота, вынашиваемый в кружке, уже не содержал в себе элементов военной революции. Он отличался своеобразной апелляцией к широким кругам населения: заговорщики хотели поднять восстание («сделать революцию») в первую годовщину коронации Николая I — 22 августа 1827 г., для этого разбросать по всей Москве «возмутительные записки», а у монумента Минина и Пожарского выставить указание, «сколько повешено и сослано в Сибирь» [9].

Но и этим не исчерпывается общая картина идейной жизни и революционной борьбы за интересующее нас пятилетие. Именно к этому же времени относится попытка открытого выступления во имя освобождения декабристов. Она имела место в 1828 г., в Сибири, в Зерентуйском руднике. Без этой попытки неполон облик пятилетия. Заговор с указанной целью был организован членом Общества соединенных славян декабристом И. И. Сухиновым, активным участником восстания Черниговского полка.

После восстания Сухинов бежал, долгое время скрывался, был арестован и сослан на каторгу. Вместе со своими товарищами, Мозалевским и Соловьевым, он отбывал каторжные работы отдельно от других декабристов — в Зерентуйском руднике. Сухинов принес на каторгу самую жгучую ненависть к правительству: «Вредить правительству чем бы то ни было,— вспоминает о нем М. Н. Волконская,— сделалось для него потребностью; освободить себя и всех было его любимой мыслью. Он жил только для того, чтобы до последней своей минуты быть вредным пра-

вительству. Любовь к отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасла, но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему правительству». Сухинов составил план обширного заговора, имевшего целью освободить декабристов и всех остальных каторжан Нерчинского округа. Он стал вербовать сторонников из среды «уголовных преступников», вероятно, в большинстве случаев крестьянского происхождения. План заговора, по материалам следствия, был таков: решено было навербовать большое количество сторонников, затем в назначенный день и час поднять восстание — сначала на Зерентуйском руднике. Как предполагали заговорщики, восстание охватит затем другие места сибирской каторги. Захват оружия был обязательным условием восстания. Товарищ Сухинова Соловьев рассказывал, что заговорщики, готовясь к выступлению, в лесу тайком «лили пули, делали патроны, которых более 1000 было сделано». Было решено в начале действий прежде всего напасть на цейхгауз, захватить солдатские ружья с патронами, затем идти «в казармы», где проживали рабочие, поднять их, разбить тюрьму, освободить «колодников», а чиновников «посадить в тюрьму и зажечь». Далее восстание должно было перекинуться на Нерчинские рудники. Там также первой заботой должен был быть захват оружия, не только ружей, но и пушек. Восставшие должны были дальше «проходить по заводам и рудникам, забирать в партию людей, с коими пройти свободно до читинского острога и, буде возможно, освободить из оного всех содержащихся там государственных преступников (т. е. декабристов. — *М. Н.*), с коими соединясь, сделать тогда особое распоряжение...». Восстание было назначено на 25 мая 1828 г. в 10 часов вечера, пунктом сбора было кладбище. Но нашелся предатель — участник заговора ссыльный Алексей Казаков, он выдал рудничному начальству заговорщиков и их планы. Предательство было открыто, Казаков был убит заговорщиками, но было уже поздно.

Участники заговора были арестованы и судимы. Генерал Лепарский получил полномочия действовать по законам военного времени. На следствии Сухинов «ни в чем признания не учинил» и держался исключительно стойко. По первоначальному проекту приговора он должен был подвергнуться наказанию плетьми и клеймению лица раскаленным железом. Товарищи тайно оповестили его о приговоре. Сухинов в тюрьме два раза пытался отравиться, но оба раза насильственная врачебная помощь отдаляла смерть. Накануне казни, 1 декабря 1828 г., он повесился на ремнях, поддерживавших его цепи.

Казнь над сообщниками Сухинова была одной из самых ужасных казней, которые видела Сибирь: одновременно производились расстрелы, наказания кнутом и плетьми, «подновление штемпельных на лице знаков». Ружья солдат были ветхи и испорчены, «преступники», раненные многими пулями, но все еще живые, были по приказанию начальства приколоты штыками. К смертной казни были приговорены шестеро: Иван Сухинов, Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Тимофей, не помнящий прозвания, и Василий Михайлов; избежал такой смертной казни один лишь Сухинов... [10].

Неизвестно, стоит ли заговор Сухинова в какой-либо связи с замыслом неосуществленного побега декабристов из Читы. Данными для этого мы не располагаем. Но задуманный побег почти одновременен заговору. Три мемуариста — Н. В. Басаргин, Д. И. Завалишин и А. Е. Розен — оставили об этом убедительные свидетельства. Речка Чита, на которой стояло селение, впадала в судоходную Иногду. Добравшись до слияния Шилки с Аргунью, беглецы достигли бы Амура, выводившего в конечном счете в океан. «Дело состояло в том,— повествует Н. В. Басаргин,—

чтобы обезоружить караул и всю команду, находившуюся в Чите, задержать на время коменданта и офицеров и потом, присоединив к себе тех, которые согласятся пристать к нам, и запасясь провиантом, оружием, снарядами, построить наскоро барку или судно, спуститься реками Аргунью или Шилкою в Амур и плыть до самого устья его, а там уже действовать и поступать по обстоятельствам. Этот план, я уверен, очень мог быть исполнен. Нас было 70 человек молодых, здоровых, решительных людей. Обезоружить караул и выйти из каземата не представляло никакого затруднения, тем более, что бо́льшая часть солдат приняла бы сейчас нашу сторону. Вся команда состояла из ста с небольшим человек, и можно наверное предположить, что половина присоединилась бы к нам»[11].

А. Е. Розен повторяет аналогичный рассказ с незначительным изменением деталей и с подчеркиванием, что «потом» большинство увидело явную невозможность побега. Мы остановимся на этом ниже. В составе декабристов были и сторонники и противники предприятия. Осужденные на вечную и 20-летнюю каторгу принадлежали к первым. Наиболее подробно рассказано о замысле побега в «Записках» декабриста Д. И. Завалишина, текст об этом был исключен из печатного издания «Записок». «При тяжести положения, при отчаянии относительно будущего, при том презрении к смерти и отважном духе, который оживлял всех сначала, было совершенно естественно, что возникла смелая мысль о побеге массою». В отличие от Н. В. Басаргина, Д. И. Завалишин более правдоподобно поясняет вопрос о лодке или барке: ее предполагалось заранее подготовить, а не строить спешно на месте самим,— очевидно, последний вариант был наихудшим. «Необходимую для побега большую лодку или барку подготовить было легко будто бы для сплава грузов, так как все приходящие из Верхнеудинска сухим путем и казенные и частные грузы идут от Читы водяным путем». Преследование беглецов по воде было, по мнению Завалишина, невозможно, потому что «ниже Читы тогда не бывало больших лодок и даже плотов» и предположить можно было лишь стрельбу в беглецов с берега. Собрать же людей для такой стрельбы было, по его мнению, трудно, так как побег был предположен во время покоса (июль 1828 г.), когда деревни обычно пустовали,— все жители от мала до велика уходили «на сено», и собрать их было бы почти невозможно. Пугало другое,— судоходен ли Амур на всем своем протяжении, не прегражден ли он в верхней части порогами? Вопрос о судоходности Амура не был в то время исследован. Поэтому декабристы предприняли предварительную разведку. Узнав от работавших в каземате плотников из ссыльно-поселенцев, что некоторые из них тайком поднимаются по Амуру для промыслов, Завалишин отправил двоих из них «весьма смышленных» на разведку. Оба были раскольниками, догадывались о смысле данного поручения и дали понять, что «очень рады» будут бежать с декабристами. «На исследование употребили они полгода и сведения доставили во время, в марте 1828 года». Исходя из этого, надо предположить, что замысел побега из Читы уже разрабатывался декабристами ранее сентября — октября 1827 г., иначе говоря, сейчас же после того, как все соединились в Чите[12].

Однако мысль о побеге не только не реализовалась, но вскоре была совершенно оставлена. В мае 1828 г. был открыт заговор в Зерентуйском руднике, начались разбор дела, допросы, резкое усиление надзора, описанная выше страшная расправа и перевод декабристов в другую тюрьму. Все это в корне подорвало замысел побега.

Нельзя не отметить, что жены декабристов не только дали согласие на участие в побеге, не только были в курсе соответствующих планов, но

явились даже активной силой замысла. В неопубликованном тексте «Записок» желчный Д. И. Завалишин с раздражением пишет, например, что Александра Григорьевна Муравьева, участвуя в предприятии, хотела, «чтоб вся честь замысла и руководства делом были бы приписаны ее мужу», и вместе со своим братом полагала, что для пользы России «необходимо сохранить Никиту как будущего главу и руководителя либерализма в случае, если совершится переворот в России» [13].

Это свидетельство несколько по-новому освещает вопрос о том, вникали ли жены декабристов, пошедшие за ними в Сибирь, в идеологию сосланных на каторгу мужей, или действовали лишь в силу личной к ним привязанности, не вдумываясь в причины ссылки. На основе свидетельства Завалишина и всей идейной жизни каторжной колонии декабристов, постоянно обсуждавшей прошлое, на это можно дать лишь положительный ответ. Жены вникали в причины ссылки мужей и в суждении о них становились на их сторону. Недаром Мария Волконская при первой встрече опустилась перед мужем-декабристом на колени и, по словам Некрасова, «раньше чем мужа обнять, оковы к губам приложила» (это же засвидетельствовано в ее «Записках»: «Вид его кандалов так взволновал и растрогал меня, что я опустилась перед ним на колени и поцеловала сперва цепи, а затем его»). Нельзя поступить так, не представляя себе, в чем был смысл прежней деятельности мужа. Очевидно, она находила его дело правым. Мать Рылеева, умирая, благословила сына на революционный подвиг. Любимая Михаилом Бестужевым девушка — дочь вице-адмирала Михайловского знала о готовящемся восстании. Жена Н. В. Басаргина, умершая еще до выступления декабристов, была осведомлена, что муж ее — член тайного общества, читала вместе с ним «Войнаровского» Рылеева, обещала ему последовать за ним в ссылку. Почему же жены декабристов, поехавшие за ними в Сибирь, не могли вникать в идеологию сосланных мужей? Дело обстояло, повидимому, иначе, и вопрос этот не надо обходить, характеризуя подвиг этих замечательных женщин.

Первые жены декабристов — Екатерина Трубецкая и Мария Волконская — приехали в Нерчинские рудники разделить участь мужей. Никакие препятствия, чинимые Николаем I, не смогли переменить их решения. Героические женщины, оставив родных, отказались от дворянских прав и привилегий, перешли на бесправное положение жен каторжников и последовали за мужьями. М. Волконская вспоминала, что изба в Благодатске, где она жила вместе с Е. Трубецкой, «была до того тесна, что, когда я ложилась на полу на своем матраце, голова касалась стены, а ноги упирались в дверь. Печь дымила и ее нельзя было топить, когда на дворе бывало ветрено; окна были без стекол, их заменяла слюда».

В Сибирь приехала и А. Г. Муравьева (жена Никиты Муравьева), затем Е. П. Нарышкина, Н. Д. Фонвизина, А. В. Ентальцева, А. И. Давыдова. Позже приехала француженка Полина Гёбль, обвенчавшаяся с И. А. Анненковым на Петровском заводе, и невеста декабриста В. П. Ивашева француженка Камилла Ледантю. Мать и сестра декабриста Торсона и сестра Бестужевых Елена присоединяются к этому героическому списку.

Пребывание жен декабристов в Сибири не только несказанно облегчило тяжелую жизнь каторжников, помогло наладить связи и переписку с центральной Россией, но имело и огромный общественный резонанс. Образ жен декабристов прошел через мировую литературу. «Русские женщины» Н. А. Некрасова прозвучали как агитационная эпопея русского революционного движения. Поэма Альфреда де Виньи привлекла к ним симпатии передового Запада.

Подводя итоги рассмотренному пятилетию, надо признать, что в эти тяжелые годы, ближайшие после восстания, русское освободительное движение не погибло и не замерло совсем. Оно было живо, несмотря на все репрессии царизма, несмотря на вновь образованное III Отделение, жандармов, Бенкендорфа. Связь этой возникающей вновь революционной жизни с только что подавленным восстанием была очевидна. Декабристы из тюрем и каторги вложили в этот итог свою долю.

3

После заговора в Зерентуйском руднике дальнейшее пребывание декабристов в Читинском остроге было сочтено далеко не безопасным. В 600 километрах от Читы, на Петровском заводе была построена для декабристов новая специальная тюрьма — вдали от больших рек и основных проездных путей, в относительно пустынной местности. По приказу Николая I тюрьму построили совсем без окон. Узенькие высоко расположенные окна прорубили позже по настоянию жен декабристов, протестовавших в своих письмах против этой дополнительной жестокости (на Петровском заводе жены некоторое время жили в камерах с мужьями). В августе 1830 г. декабристы пешим передвижением отправились из Читы в Петровский завод, которого достигли в сентябре [14].

Весть о французской революции 1830 г. была получена декабристами во время этого длительного перехода. Н. В. Басаргин вспоминает в своих «Записках» о том ликовании, которое вызвало это известие. «Это сильно взволновало юные умы наши, и мы с восторгом перечитывали все, что описывалось о баррикадах и трехдневном народном восстании». Вечером все пели хором марсельезу и, добыв где-то «бутылки 2—3 шипучего... выпили по бокалу за июльскую революцию. Веселые, с надеждой на лучшее будущее Европы, входили мы в Петровское».

Несколько ранее, на том же переходе из Читы в Петровский завод дошли до декабристов известия и о волнениях внутри страны — о Севастопольском восстании 1830 г. Все это не могло не оживить узников, не возбудить их надежд. Лучшие их поэтические произведения, включившие в себя общую характеристику их освободительной борьбы, значения их дела, относятся к этому времени. Анализируя «состояние умов» в России 1830 г., отмечая оживление массового движения внутри страны и отклики передовых людей на революционные события, нельзя забывать и о доле, вложенной сюда декабристами. Настроения этого времени запечатлены в одном из лучших стихотворений А. И. Одоевского, полном сознания патриотического дела декабристов. Каждая строфа начинается с описания обстановки перехода из Читы в Петровский завод, а кончается оценкой минувшей борьбы:

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь [15].

Ежегодно отмечая «торжественный, святой день 14 декабря», декабристы приурочивали к этой памятной дате некоторые свои произведения. В казематах Петровского завода 14 декабря 1830 г. прозвучало одно из

сильнейших стихотворений о восстании Черниговского полка, созданное Михаилом Бестужевым.

Что ни ветр шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.
И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко,
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит;
На земле пред ним витязь млад лежит.
Конь! мой конь! скачи в святой Киев-град;
Там товарищи — там мой милый брат...
Отнеси ты к ним мой последний вздох,
И скажи: «цепей я нести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!..» [16]

Стихи насыщены реальными воспоминаниями о минувшей борьбе: тут и смерть Ипполита Муравьева и, повидимому, вопрос о неосуществленном направлении восстания (мысль о Киеве). Но главное в высоком революционном пафосе, страстном патриотизме, глубокой уверенности в правоте своего дела и в скорби, что не удалось «купить кровью вольности». Есть еще одна замечательная сторона стихотворения: его народный лад, явно продолжающий традицию созданных еще до восстания народных песен. Как вспоминает сам автор, песню М. Бестужева спел в каземате декабрист А. И. Тютчев, обладавший таким «мягким, таким сладостным тембром голоса, которого невозможно было слушать без душевного волнения в русских песнях». Когда он спел песню, «восторг был необычайный». Распространившись в декабристской среде, песня в силу своей остроты осталась конспиративной и, повидимому, не получила широкого негласного хождения, но едва ли случайно она создана в народной форме [17].

Перечисленными произведениями не исчерпывается вклад декабристов в идейные памятники 1830—1831 гг. Не только оживление массовой борьбы внутри страны, не только известия о революционных событиях 1830—1831 гг. в Западной Европе, но и польское восстание 1830 г., по свидетельству Герцена, имело значение какого-то внутреннего рубежа: «...Вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о Варшавском восстании. Это уже недалеко, это — дома, и мы смотрели друг на друга со слезами на глазах, повторяя любимое: «Nein, es sind keine leere Träume»»*. Кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева, сформировавшийся около этого времени, горячо откликался на польские события. Декабристы не остались им чужды [18].

Воспоминание о декабристах сыграло агитационную роль в польском восстании. 13(25) января 1831 г., в день детронизации Николая I, Патриотическое общество организовало в Варшаве демонстрацию в честь первых русских революционеров. Адам Гуровский произнес политическую речь, на площади была отслужена панихида по пяти декабристам, повешенным Николаем I. Этим актом был заявлен протест против самодержавия и подчеркивалась братская солидарность русских и польских революционе-

* Немецк.: «Нет, это не пустые мечты».

ров в общей борьбе. На этот акт братской признательности прозвучал ответ из тюрьмы на Петровском заводе. А. И. Одоевский писал:

Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.
Мы братья их... Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний... [19].

Мы не располагаем точной датой возникновения замечательного стихотворения А. И. Одоевского «Славянские девы», но, судя по мемуарным данным, оно написано, вернее всего, около этого же времени (есть свидетельство М. Бестужева, из которого можно сделать вывод, что «Славянские девы» сочинены почти одновременно с его песней, посвященной восстанию Черниговского полка, которую надо отнести именно к 1830 г.). Стихи полны чувства братского единения славянских народов. Поэт обращается к польским, сербским, чешским девушкам, спрашивая их, почему они печальны, почему не поют вместе своих звучных песен. Их старшая сестра (Россия) задавлена неволей,— «грустно чело, заплаканы очи, и заунывно песни поет». Поэт надеется, что прозвучит радостная песнь свободы, и Россия соединит в дружный хоровод всех славянских сестер.

Боже! когда же сольются потоки
В реку одну? Как источник один,
Да потечет сей поток-исполин,
Ясный, как небо, как море широкий,
И, увлажая полмира собой,
Землю украсит могучей красой.

У нас нет данных для точной датировки песни Ф. Ф. Вадковского «Помнишь ли ты нас, Русь», которую нельзя назвать иначе, как документом, излагающим программу движения. Судя по недавно найденным воспоминаниям Владимира Толстого, Вадковский еще в Петербурге принимал участие в сочинении декабристских песен для народа. Не относится ли его песня примерно к тому же времени, что и песня того же стиля о восстании Черниговского полка, сочиненная Михаилом Бестужевым, с которым Вадковский был дружен еще по Петербургу? Поскольку она сохранилась в бумагах И. И. Пущина, правдоподобнее всего предположить, что она написана также на Петровском заводе, в пору тесного духовного общения всех декабристов, до выхода Вадковского на поселение, иначе говоря, в период между осенью 1830 г. и летом 1839 г. Это небольшое стихотворение необходимо привести полностью ввиду его программного значения и внутреннего адреса — не к декабристской среде, а к народу. Народ должен знать, во имя чего боролись декабристы.

Помнишь ли ты нас, Русь, святая наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?
Русский бог тебе добрых деток было дал,
А твой бестия царь их в Сибирь всех разослал!

(Вот за что хотели мы нашу кровь пролить:)
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд
И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял,
Чтобы всяк берег те законы пуще глаз,
Помни про себя: глас народа — божий глас!
Чтобы на Руси всюду школы основать,
С тем, чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян.
Вот чего тебе мы хотели добывать;
Вот за что твой царь нас велел заковать!
Вспомни же ты нас: деток ты не забывай...
Хоть за их любовь иногда их вспоминай! [20]

Ф. Ф. Вадковский еще до восстания являлся автором ряда противоправительственных стихотворений,— за одно из них он был переведен из гвардии в армию.

Рассматривая политические программные памятники 30-х годов, надо признать их крайнюю малочисленность. Это — время многочисленных кружков, оживленной и упорной работы над мировоззрением, завоевания материалистического мышления, но работа непосредственно над политической программой мало отражена в документальном наследии эпохи. Все изложенное Вадковским в этом стихотворении сохраняло для 30-х годов жгучее значение ближайших целей борьбы. Один из сохранившихся набросков Вадковского воспринимается как перевод тех же поэтических образов стиха на язык ясных политических формулировок. Декабрист перечисляет следующие пункты программы: «1. Уничтожение самовластия. 2. Освобождение крестьян. 3. Преобразования в войске. 4. Равенство перед законом. 5. Уничтожение телесных наказаний. 6. Гласность судопроизводства. 7. Свобода книгопечатания. 8. Признание народной власти. 9. Палата представителей. 10. Общественная рать или стража. 11. Первоначальное обучение. 12. Уничтожение сословий»[21].

Десятилетие 1830—1840 гг., открывшееся холерным бунтом в Петербурге, польским восстанием 1830 г., волнениями военных поселений, также отмечено в разрезе русского общественного движения особым своеобразием. Как только что сказано, это — время многочисленных кружков, где зреет освободительная идеология и возникают начатки организации. Это — последний период пушкинского творчества, отмеченный яркой печатью все более отчетливого демократизма: к этому периоду относятся «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева», «Сцены из рыцарских времен» — произведения, пронизанные мыслью о народе, его борьбе против угнетения. Гибель Пушкина в 1837 г. вызвала широкую общественную демонстрацию. 50 тыс. человек прошло мимо гроба поэта, хотя царь скрыл от народа место отпеванья и погребенья; боясь широкого общественного отклика, Николай велел похоронить поэта в далеком Михайловском. Весть о гибели Пушкина дошла и до каторжной колонии

декабристов, вызвав глубокую скорбь и страстное негодование. Голос молодого М. Ю. Лермонтова прозвучал на всю Россию мужественным откликом на смерть загубленного царизмом национального поэта. В том же 1837 г. В. Кюхельбекер ответил стихами на смерть друга «в час святой печали» из сибирской ссылки. Конечно, его стихи «Тени Пушкина» (написаны 24 мая 1837 г.) бесконечно слабее разящих лермонтовских строк и приводятся вовсе не в порядке сравнения их художественной силы. Но оглядывая общим взглядом все общественные отклики на пушкинскую смерть, нельзя не остановить внимания и на этом, нередко забываемом, отклике на общую скорбь лицейского друга убитого поэта из сибирской ссылки.

А визги желтой клеветы
Глупцов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты,
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали!
Гордись! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! — Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам,
Гордись! Никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не смеркнешь ты во мгле веков...[22].

Восстанавливая общую картину идейной жизни России 30-х годов, мы должны, описав кипучую деятельность разнообразных московских, петербургских и провинциальных кружков, обратить взор к далекой Сибири и вспомнить об одновременно существовавшей «каторжной академии» декабристов в Чите и главным образом на Петровском заводе. Без нее общая картина идейной жизни России того времени будет явно неполна и лишена ценного и своеобразного штриха. Вслушиваясь в споры, кипевшие сначала в казематах Читы, а затем Петровского завода, мы наблюдаем при всей глубокой разнохарактерности явлений некоторые черты, сближающие идейную жизнь «вольных» русских кружков и «каторжной академии». И там и тут велика роль основной философской тематики в дальнейшей работе над мировоззрением. Как и в «вольной» русской среде, разбор вопросов религии и формирования материалистических взглядов занимает в «каторжной академии» немалое место. Борьба идеализма с материализмом как там, так и тут размежевывает спорящие стороны: «Первое место всегда почти занимали идеи религиозные и философские, так как тут много было неверующих, отвергавших всякую религию,— вспоминает А. П. Беляев.— Были и скромные скептики и систематические ярые материалисты, изучившие этот предмет по всем известным тогда и сильно распространенным уже философским сочинениям». В спорах материалистов и идеалистов рождались и целые письменные произведения. Беляев вспоминает, как представитель антиматериалистического лагеря П. С. Бобрищев-Пушкин написал «обширную статью» о происхождении человеческого слова, именно в последнем полагая принципиальное доказательство божественного происхождения человека. В ответ на его статью последовало письменное же опровержение материалиста — Барятинского. Обсуждалась «философическая история» падения Римской империи, где развивался критический взгляд на христианскую религию: она еще резче развела оба лагеря — материалистов и идеалистов. Борьба так обострилась, что материалисты—члены

Славянского общества П. Борисов и И. Киреев даже хотели было «похитить» у идеалистов братьев Беляевых сделанный ими перевод работы Гиббона, «чтобы сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его».

Нечего говорить, что и в «каторжной академии» и в центре «вольной» России в многочисленных кружках обсуждался опыт первого разгромленного в России революционного выступления, — это также было чертой сближения. «В разговорах очень часто речь склонялась к общему нашему делу, и, слушая ежедневно рассказы, сличая эти рассказы и поверяя их один другим, с каждым днем становилось все более понятным все то, что относилось до этого дела...», — пишет в своих «Записках» И. Д. Якушкин [23].

Таким образом, из общей картины идейной жизни России 30-х годов едва ли можно вычеркнуть, как это обычно делается, «каторжную академию» на далеком Петровском заводе. Ей присущ характер общественного явления, а не просто своеобразной стороны «тюремного быта». Конечно, глубоким отличием от «вольных» кружков было отсутствие перспектив активной борьбы у царских узников.

Тридцатые годы в истории русского общественного движения — время глубинной внутренней подготовки к последующему подъему, но не очень богато выявленное в документах и событиях. На первом плане тут стоит борьба с официальной народностью. Николаевская реакция не ограничила свою деятельность казнями, ссылками, Сибирью. Она выработала официальную идеологию, противопоставленную передовому мировоззрению. Если в центре последнего постепенно начала становиться все более отчетливо тема о народе как об активной силе движения (урок разгромленного восстания декабристов), то — соответственно — в центре отравлявшей сознание «общества» официальной идеологии стояла тема отрицания революционной роли народа. «Основоположник» теории «официальной народности» министр народного просвещения С. С. Уваров (министр с 1833 по 1849 г.) и целая группа приспешников, развивавшая ту же теорию в прессе, школьном и университетском преподавании и литературе (М. П. Погодин, С. Шевырев, Н. Устрялов, М. Корф и другие), ложно утверждали, что русский народ по природе своей якобы не революционен, стоит «за царя», не протестует против крепостного права, видит в помещике родного отца и искони глубоко религиозен. Уваров впервые сформулировал эти положения в 1832 г. в «Отчете о ревизии Московского университета». Самодержавие, православие и толкуемая в вышеизложенном духе «народность» были тремя «китами» официальной теории, — незыблемость крепостного строя была объявлена основой величия России. Якобы «спокойная» и «устойчивая» крепостная Русь противопоставлялась мятущемуся и разложившемуся революционному Западу. Борьба с теорией «официальной народности», ее разоблачение становились в ряду очередных задач русского освободительного движения. Один из первых ударов ей нанес молодой В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» 1834 г., предав осмеянию булгаринское представление о русской литературе. Против теории официальной народности зазвучало гневное, но глубоко пессимистическое «философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Если В. Г. Белинский нападал на врага с правильных демократических позиций, то этого никак нельзя сказать о П. Я. Чаадаеве: он отрицал значение революционной борьбы и не видел выхода для угнетенной России.

Историк передового русского общественного движения совершил бы большую ошибку, если бы, восстанавливая общую картину идейной жизни 30-х годов, обошел вниманием смелое агитационное выступление де-

кабриста М. С. Лунина. В тяжелую пору объявления П. Я. Чаадаева сумасшедшим, в годы, когда царская рука направила пистолет Дантеса в сердце Пушкина, всякое выступление против самодержавия приобретало особое значение. Произведений передовой печати в те годы было крайне мало. Молодой Герцен ушел в ссылку. Он успел напечатать только первую статью в «Телескопе» (1836). В. Г. Белинский вступил в тяжелую полосу «примирения с действительностью», завершившуюся лишь к концу 1839 г. М. С. Лунин, выступая против самодержавия из сибирской ссылки, действовал с полным сознанием поставленной себе цели и последствий предпринятой им агитации. Придав сначала своему выступлению форму писем к сестре (Е. С. Уваровой) и настаивая на их распространении в копиях, он создал целый эпистолярный комплекс в несколько десятков писем — особое по жанру произведение политической агитации. Он обрушился на самодержавие и крепостное право, стал, по собственному выражению, «дразнить медведя» в его берлоге. Разоблачение М. С. Луниным теории «официальной народности», на мой взгляд,— самое сильное из прозвучавших во второй половине 30-х годов. «Министерство объявляет,— пишет М. С. Лунин сестре (1838),— что его основной мыслью есть одновременное развитие православия, самодержавия и народности». Но православие «не дает предпочтения ни самодержавию, ни иному образу правления». Относительно самодержавия «не доказано еще», почему эта политическая форма «свойственнее русским, чем другое политическое устройство, и всегда ли они одинаково будут ее предпочитать. Народы, которые нам предшествовали на поприще гражданственности, начали также с самодержавия и кончили тем, что заменили его конституционным правлением, более свойственным развитию их сил и успехам просвещения». Принцип народности также «требует пояснения», — ведь народность изменяется «сообразно различным эпохам нашей истории». Если «дадут ход» народности «эпохи императоров», то «она скорее чужая, чем наша». Общий иронический вывод письма М. С. Лунина о православии, самодержавии и народности тот, что «три начала, составляющие теперешнюю систему образованности, разнородны, бессвязны и противоречивы по своим результатам. Их бы можно заменить одним началом: меньше слов, больше дела. Это было бы религиозней, потому что скромнее; самодержавней, потому что болтливость противна духу самодержавия; наконец, народней, потому что выражено народной поговоркой» [24].

С острым сарказмом М. С. Лунин разоблачает «догмат» самодержавия, объявленный «господствующей мыслью народа», «путем к спасению» в настоящем и «единственным ручательством» для будущего. «Наемные писатели сочиняют книги в пользу этого предположения, а полиция подкрепляет их своими рукоплесканиями». Впрочем «министерство право, отвергая представительный образ правления, ибо голос ссыльного, затерянный теперь в Сибирских пустынях, раздался бы тогда на трибуне, чтоб уличить его в нарушении пределов власти». Великолепна формулировка ведущей мысли М. С. Лунина, данная в этом же письме: «Народ мыслит, несмотря на свое глубокое молчание» [25].

М. С. Лунин со всею страстью обрушился на крепостное право. Его гневные тирады против рабства — сильнейшее выступление против крепостничества в 30-х годах. «Наши судилища, в которых совершают купчие и закладные, подобны базарам, где торгуют человеческим мясом». Он гневно разоблачает рабовладение Северо-Американских Соединенных Штатов: американцы, «признав торжественно равенство людей перед законом, как основное начало их конституции..., виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета [кожи] в оправдание зло-

действ, оскорбляющих человечество». Лунин смело пропагандирует мысль, что тайное общество декабристов первое восстало против крепостного права и потребовало его уничтожения. «Заметим, что эта важная отрасль трудов Тайного Союза, — иронически замечает он, — заслужила, повидимому, одобрение правительства, ибо ни Следственная комиссия, ни Верховный уголовный суд не рассудили за благо упомянуть об оной ни в Донесении, ни в приговоре» (эти вопросы, как уже говорилось выше, были вычеркнуты из «Донесения» по приказу Николая I).

Распространение писем Лунина не ускользнуло от внимания III Отделения. В начале августа 1838 г. генерал-губернатору Восточной Сибири было предписано запретить Лунину переписку на год (разрешение возобновить переписку было, впрочем, дано лишь 28 октября 1839 г., т. е. через год и три месяца). Правительственная кара, однако, не остановила смелого пропагандиста революционной идеологии, а лишь обострила борьбу. После этого запрещения Лунин написал не только самые яркие письма сестре (например, цитированное выше письмо о рабстве), но и такие значительные политические произведения, как «Общественное движение в России» (1840), «посвященное» 15-летию царствования Николая I, и «Взгляд на дела Польши 1840 г.». Знаменитый «Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии государю императору в 1826 г.» (подлинник которого написан Луниным по-английски), вероятно, возник ранее этих работ. Все эти политические выступления Лунина являются острым и последовательным разоблачением самодержавия и крепостничества, проповедью представительного строя и демократических идей. «Власть, на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее — не что иное, как постепенное отступление под прикрытием корпуса жандармов перед духом тайного общества, который охватывает ее со всех сторон». Восстание декабристов было, по мнению Лунина, «первым официальным выражением народной воли». Дело тайного общества «бросило яркий луч на истинные нужды страны и на прогрессивное развитие культуры». В 1840 г., подводя печальные итоги 15-летнему царствованию Николая, Лунин требовал освобождения крестьян, раскрывая всю враждебность правительства идее освобождения: «Другой вопрос, столь же важный — о рабстве крестьян — остается открытым. Несколько миллионов наших братьев, лишенных гражданских прав, продаваемых оптом и в розницу наравне с вещами, не нашли до сего дня сочувствия нигде, кроме тайного общества». Ни помещики, ни правительство «ничего не сделали для облегчения судьбы крестьян и предотвращения грозы, собирающейся над их головами» [26].

В исходе 30-х — начале 40-х годов выступление Лунина было одним из самых ярких актов идейной борьбы с самодержавно-крепостным строем. Брошенный в ссылку молодой Герцен лишь приступал в эти годы к своей художественно-литературной пропаганде. Его голос, первые произведения Белинского после тяжелого периода «примирения с действительностью» и голос Лунина из сибирской ссылки — вот наиболее яркие явления революционной мысли времени. Выступление Лунина органически принадлежит эпохе и не может быть выделено из общего дела революционного лагеря, облик которого неполон без смелого выступления заточенного декабриста. Агитационная сила лунинского разбора «Донесения» Следственного комитета (вместе с примечаниями Никиты Муравьева) и позже служила ярким документом революционной пропаганды. А. И. Герцен опубликовал его работы в годы революционной ситуации (в 1859 г. — «Взгляд на тайное общество», в 1861 г. — письма к сестре). Позже «Разбор» неоднократно перепечатывался и распространялся, имел хождение в 60-х годах и позже. Несомненны связи сослан-

ных декабристов с Герценом в годы работы Первой русской вольной типографии.

В начале 1841 г. рукопись «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год» попала в III Отделение, и было предписано сделать внезапный обыск на сибирской квартире Лунина (в селении Уриковском или Урике), захватить все его бумаги, а его самого отправить в Нерчинск, «подвергнув его там строгому заключению». Лунина арестовали в Урике в ночь с 26 на 27 марта 1841 г. и заключили в Акатуевский тюремный замок при Нерчинских заводах. Несколько позже арестовали и причастного к этому же делу секретаря Лунина, члена Общества соединенных славян П. Ф. Громнитского, отданного затем под особый полицейский надзор. Страшная Акатуйская тюрьма должна была уничтожить революционера. Тяжелые лишения, голод, одиночество в сыром и тесном каземате, как будто нарочно предназначенном для верной гибели обреченного человека, обрушились на Лунина. Раздирающие душу сцены наказания кнутом каторжников совершались на его глазах. Тайком от начальства он оказывал им медицинскую помощь, леча их раны. Почти пять лет томился Лунин в Акатуе. 3 декабря 1845 г. он умер в тюрьме, поистине заплатив жизнью за смелую попытку присоединить свою открытую агитацию к русскому революционному движению.

К этому же периоду 30—40-х годов относятся и другие произведения декабристов, выражающие их идеологию. Отметим написанную в 1831 г. в Петровском заводе серьезную экономическую работу Н. Бестужева «О свободе торговли и вообще промышленности», являющуюся последовательной защитой фритредерства. Первой причиной упадка земледелия в России Бестужев считал крепостное право — «рабство, которое, делая человека неуверенным в своей собственности, заставляет его не радеть о улучшении оной и пренебрегать совершенствованием своих работ». Он боролся против всех феодально-крепостнических ограничений в промышленности — против гильдий, цехов, монополий и откупов. Укажем на уже упоминавшуюся работу Никиты Муравьева о создании широкой сети взаимно сообщающихся судоходных каналов, которые должны были кардинальным образом улучшить всю систему путей сообщения России [27]. После ареста Лунина, вероятно, ожидая обыска и у себя, Никита Муравьев сжег свой труд. Освободительная идеология и забота о развитии производительных сил России пронизывают интереснейшие работы других декабристов, часть которых, к счастью, сохранилась. В эти же годы создается ряд мемуаров, отмеченных защитой освободительной борьбы и убеждением в правоте революционного дела, — среди них отметим недошедшие до нас обширные записки И. И. Горбачевского, посвященные, согласно свидетельству Прыжова, событиям 14 декабря, «Записки» о Славянском обществе, вероятно, принадлежащие, как указывалось выше, Петру Борисову, и ряд других. Полный анализ сибирских произведений декабристов, как и вообще сибирской их деятельности, не входит в задачу настоящей работы. Необходимо лишь, подводя итоги их движению, указать на факт их позднейшей связи с русской идейной жизнью второй четверти XIX в.

Декабристы оставили незначительный след в культурной истории Сибири. Выйдя на поселение по отбытии каторги, они устраивали школы, распространяли среди населения сведения по сельскому хозяйству и ремеслу, организовывали во многих отношениях образцовые для того времени хозяйства. Особо надо упомянуть о ялуторовском кружке И. Д. Якушкина, в котором участвовали Басаргин, Ентальцев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский, Пущин и Тизенгаузен. Эти декабристы во главе с Якушкиным много сделали для просвещения местного насе-

ления. Якушкин основал два училища — одно для мальчиков (в 1842 г.), другое — для девочек (в 1846 г.). Преподавание велось на основе взаимного обучения, по известной ланкастерской системе. Несмотря на то, что училища назывались «приходскими», программа была довольно обширна: преподавались, например, начальная алгебра, геометрия, механика. До отъезда Якушкина из Ялуторовска в училищах окончило курс свыше 700 человек[28]. Эта хозяйственная и просветительная деятельность также не должна рассматриваться изолированно. Она включается в проблему гораздо более широкого значения: внося свой вклад в развитие производительных сил Сибири — насаждением ли новых полевых и огородных культур в Туруханске, новыми техническими способами сельского хозяйства, декабристы в какой-то мере содействовали продвижению Сибири к новой ступени экономического развития. Просветительная деятельность их также вписана в более широкий контур развития русского просвещения в годы кризиса феодальной системы, накануне перехода к капитализму. Общение декабристов с народами Сибири содействовало историческому продвижению последних — недаром благодарная память о них сохранена в якутском и бурятском народах.

4

В кавказской ссылке оказалось первоначально немного декабристов — в 1826 г. их насчитывалось всего 11 человек. Но в последующие годы еще 25 человек, причастных к движению, были сосланы в «теплую Сибирь», а позже некоторые декабристы, ранее отбывавшие наказание в Сибири и в отдельных тюрьмах, также в порядке «монаршего милосердия» переводились в полки Отдельного Кавказского корпуса. В числе последних были А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. Е. Розен и др.

Жизнь на Кавказе для разжалованных в рядовые была далеко не легкой, хотя при А. П. Ермолове отношение к ним было исключительно внимательным и дружеским. Смена «неблагонадежного» и своеобразно причастного к движению декабристов А. П. Ермолова И. Ф. Паскевичем (апрель 1827 г.) ознаменовала резкий поворот к худшему. Вспышки правительственных преследований — например, связанных с разбором дела о дружеском отношении Н. Н. Раевского (младшего) к разжалованным декабристам, осложняли и ухудшали их положение[29].

Многие декабристы погибли на Кавказе. В боях были убиты А. А. Бестужев, И. Г. Бурцов, Б. А. Бодиско, А. К. Берстель, В. Н. Лихарев, А. С. Войнилович, А. М. Миклашевский. От болезней и ранений умерли А. И. Одоевский, А. О. Корнилович, В. А. Дивов, Д. А. Арцыбашев, Д. А. Искритский, Н. П. Кожевников, А. Е. Ринкевич, Н. Н. Семичев.

Но как бы ни были тяжелы условия пребывания на Кавказе, более широкие, чем в Сибири, возможности общения с людьми делали жизнь декабристов осмысленней и содержательней. Среди друзей декабристов на Кавказе были приезжавший туда А. С. Пушкин, жившие там А. С. Грибоедов, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, одаренные и свободолюбивые представители местных народов—А. Г. Чавчавадзе, М. Ф. Ахундов, А. Бакиханов и др. Вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов. Стихи А. И. Одоевского «Брак Грузии с русским царством», говорившие о крепкой связи двух народов, дружеские отношения А. Бестужева с М. Ф. Ахундовым и А. Бакихановым, сотрудничество декабристов в местной прессе были

примерами подобного общения. А. С. Грибоедов, длительно живший в Грузии и женившийся на дочери А. Чавчавадзе Нине, был живой связью декабристов с кругами местной интеллигенции. Вопросы хозяйственного развития закавказских народов волновали декабристов, привлекали их деятельность. Жизнь народов Закавказья отразилась в их творчестве: А. А. Бестужев-Марлинский в прозе, а А. И. Одоевский в стихах обрисовали местную жизнь и воссоздали романтические картины природы. Влияние общения с декабристами благотворно сказалось на развитии передовой идеологии народов Закавказья. Декабристы оказались живой связью кавказских народов с русским общественным движением [30].

Военная деятельность сосланных декабристов на Кавказе должна быть особо отмечена.

В числе сосланных на Кавказ были такие выдающиеся военные деятели, как И. Г. Бурцов и М. И. Пущин, В. Д. Вольховский, сыгравшие большую роль в войнах с Ираном и Турцией. В этих же войнах участвовали солдаты-декабристы: сосланный на Кавказ Сводный гвардейский полк и опальные солдаты-черниговцы. Всего к 1827 г. в Отдельном Кавказском корпусе насчитывалось не менее 2800 солдат-декабристов.

И. Бурцов был автором стратегического плана обеих войн и руководителем многих тактических операций. М. И. Пущин был фактическим руководителем инженерных работ; в солдатской шинели разжалованного он постоянно присутствовал на военных советах у главнокомандующего. Славу выдающихся знатоков военного дела—декабристов присвоил себе бездарный И. Ф. Паскевич.

Немало декабристов погибло в годы каторги и ссылки. Еще в 20—30-х годах смерть унесла из сосланных в Сибирь и на Кавказ И. Г. Бурцова, А. А. Бестужева, А. О. Корниловича, А. К. Берстеля, Б. А. Бодиско, Ф. П. Шаховского, И. И. Сухинова, А. И. Одоевского, Н. П. Репина, Н. Ф. Заикина, А. С. Пестова, Илью Иванова. В 40-х годах ряды декабристов совсем поредели: погиб М. С. Лунин, умерли Никита Муравьев, В. Кюхельбекер, А. И. Якубович, В. Н. Лихарев, Петр Бестужев, В. П. Ивашев, А. П. Арбузов, А. П. Юшневский, А. П. Барятинский, Артамон Муравьев, Иосиф Поджио, И. С. Повало-Швейковский, Ф. Ф. Вадковский, Я. М. Андреевич. В 50-е годы — до амнистии (1856) — умерли Николай Бестужев, Н. А. Панов, К. П. Торсон, оба брата П. и А. Борисовы, М. М. Спиридов, П. Ф. Громнитский, В. Л. Давыдов, Н. А. Крюков, Ф. Б. Вольф, А. И. Черкасов.

В 1856 г., после смерти Николая I, Александр II в связи со своей коронацией издал манифест о восстановлении декабристов в правах и разрешил им возвратиться из ссылки. Немногие дожили до амнистии. Из 121 человека, приговоренного Верховным уголовным судом, из Сибири, по скорбному подсчету декабриста С. Г. Волконского, вернулось по амнистии лишь 19 человек... В их числе были Е. П. Оболенский, С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой, М. А. Бестужев, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, Матвей Муравьев-Апостол, Н. В. Басаргин, А. В. Поджио, М. К. Кюхельбекер, Г. С. Батеньков, В. А. Бечаснов, Ю. К. Люблинский, Ап. Веденяпин, Д. И. Завалишин. Некоторые по отбытии сроков вернулись раньше амнистии, но их было немного, другие остались, несмотря на амнистию, в Сибири (в их числе И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов). Видимо, не мог вернуться П. Ф. Выгодовский, только что перед этим судимый за «ослушание и дерзость» против начальства и найденные у него нелегальные рукописи (приговор 1855 г. к наказанию плетьми был снят в силу манифеста 1856 г., но амнистия декабристов на него не распространилась). Ущемление в правах оставалось и после амнистии. Так, декабристы не могли, например, проживать в Москве и Петербурге. Для небога-

той семьи Якушкиных это было трагедией, — старого и больного декабриста приютил в своем отдаленном имении прежний однополчанин.

Возвратившись в Европейскую Россию, некоторые декабристы (Е. П. Оболенский и др.) приняли участие в крестьянской реформе 1861 г. Однако это не значит, что правительственная «платформа» реформ полностью отражала их взгляды на крестьянский вопрос. Были декабристы, резко отрицательно отнесшиеся к обманувшей народ реформе. В их числе был И. Горбачевский: «Постепенность, переходное состояние, благоразумная медленность, все это для меня такая философия, которую я никогда не понимал, — писал он своему другу Е. Оболенскому. — Помещикам сказать стоило бы только [крестьянам] — делайте, что хотите, слушайте, кого хотите, берите свое и что вам нужно и необходимо тоже, идите, куда хотите... управляйтесь сами, как знаете». Горбачевский предвидел неизбежность крестьянских восстаний в связи с реформой: «Струна была слишком натянута, чтобы пущенная стрела не пошла прямо к цели...» [31].

5

В революционной прокламации начала 50-х годов «Юрьев день! Юрьев день!», ознаменовавшей начало деятельности русской Вольной типографии за границей, Герцен поместил прочувствованное напоминание о восстании декабристов и звал к сокрушению крепостного права именем Пестеля и Рылеева.

Символ восстания декабристов—профили пяти казненных — изображен был на обложке революционного журнала «Полярная звезда», издававшегося Герценом за границей.

Восстание декабристов изучалось петращевцами, искавшими путей для организации восстания в России. Петрашевцы жадно расспрашивали бывшего в Сибири Черносвитова о сосланных декабристах, вели с ним «исторические разговоры» о тайных обществах в России: «Говорить случилось мне о государственных преступниках в Сибири, сосланных по 14-му декабря, их вообще в Сибири называют декабристами; главные вопросы были о их образе мыслей», —показывал Черносвитов на следствии [32]. Волнующая встреча жен декабристов с сосланными в Сибирь петрашевцами, материалы о которой недавно разысканы, символизирует связь двух поколений русских революционеров [33].

Крестьянский революционер, великий украинский поэт-демократ Т. Г. Шевченко преклонялся перед декабристами. Он называл их «невольниками святыми», хотел на крыльях полететь за Байкал, взглянуть «в вертепы темные и норы», мечтал освободить «поборников святой неволи». С благоговением поцеловал он изображения казненных декабристов на обложке «Полярной звезды» Герцена.

Революционное движение ушло далеко вперед после декабристов; революционеры-демократы, действовавшие в разночинский период революционного движения, были гораздо ближе к народу и гораздо последовательнее декабристов решали задачи революционного движения. Но память о декабристах оставалась дорогой для революционеров, служила целям их агитации.

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов чтили память декабристов. Молодой Добролюбов в нелегальной рукописной газете «Слухи», которую он составлял и распространял еще будучи студентом Петербургского педагогического института, посвящал декабристам целые страницы. № 9 «Слухов» от 17 октября 1855 г. имел подзаголовок «Тайные общества в России 1817—1825 года», где кратко (по Шнитцлеру) рассказана вся история декабристов. Н. Г. Чернышевский умел говорить о декабристах

«эзоповским языком», намеками доводя до «друга-читателя» мысль о восстании 14 декабря, о революционной борьбе декабристов. В декабре 1855 г. Чернышевский начал публиковать в «Современнике» «Очерки гоголевского периода русской литературы». В этом месяце исполнялось 30 лет со дня восстания декабристов. Чернышевский писал: «Чтобы составить себе справедливое понятие о современном состоянии европейской науки и цивилизации, надобно, действительно, изучать его в произведениях передовых мыслителей Запада. И кто поймет значение их трудов, тому общий вопрос о Европе и об отношении России к Западной Европе представится столь же простым, как представлялся, по мнению автора, тридцать лет тому назад»[34].

Прокламации 60-х годов, сыгравшие такую значительную роль в революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х годов, агитировали именем декабристов. Воззвание Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению» начиналось стихотворением Рылеева «Гражданин». Прокламация Заичневского «Молодая Россия» призывала русское войско к восстанию, надеялась, что оно «вспомнит и свои славные действия в 1825 году, вспомнит бессмертную славу, которой покрыли себя герои-мученики».

Дружеская связь сосланного в Сибирь соратника Н. Г. Чернышевского Владимира Обручева, распространителя прокламации «Великорусс», с декабристом И. И. Горбачевским также должна быть отмечена. «Моя душа и сердце всегда с вами»,— писал старый декабрист молодому шестидесятнику. «Одно скажу без украшений и прибавлений, что, сидя дома, в одиночестве..., благословляю тот случай, который мне помог в моей жизни и в моем сердце заменить Вами потерю моих прежде бывших товарищей, которых смерть унесла и которых я любил и высоко уважал; я в Вас встретил их, я их узнал, опять их вижу и слышу, говоря с Вами...». Эти строки Горбачевский писал в Петровском заводе незадолго до своей смерти[35].

Так утвердилась живая связь между первым этапом русского революционного движения и последующими революционерами, между декабристами и поднявшей знамя революции молодой Россией. Эта живая связь свидетельствовала о том, что дело декабристов «не пропало», как сказал В. И. Ленин[36].

6

Декабристы открывают собой историю русского революционного движения. В. И. Ленин начинает периодизацию русской революционной борьбы именно с декабристов. Историческая почва для их выступления уже была подготовлена предшествующей работой русской революционной мысли, но огромное значение открытого революционного выступления с оружием в руках перед лицом народа, начало прямой, организованной борьбы с царизмом дает декабристам, как историческому явлению, существенно новое качество по сравнению с предшествующим этапом развития русской революционной идеологии, включая и деятельность великого Радищева. В. И. Ленин недаром считал, что Россия в 1825 г. «впервые видела революционное движение против царизма», и не случайно дал эту формулировку в революционном 1917 году, в докладе, посвященном памяти 1905 года. В этом докладе он обрисовывал исторический путь русской революции и связывал ее с настоящим. Этими словами он определил место декабристов в истории русского революционного движения. Этим положением В. И. Ленин еще раз осветил роль декабристов в развитии русской революционной борьбы, периодизацию которой он дал с такой глубиной еще в предшествующие годы.

Восстание декабристов имело большое значение в истории революционного движения в России. Это было первое открытое выступление против феодально-крепостного строя, против самодержавия с оружием в руках. До этого времени в России происходили лишь стихийные крестьянские волнения, восстававшее крестьянство героически боролось против крепостного гнета. Значение этой борьбы было прогрессивно — она расшатывала устои крепостного строя и сокращала сроки его существования. Однако стихийное крестьянское движение не было освещено политическим сознанием; крестьяне шли на открытую борьбу против помещиков, но в своей темноте были бессильны подняться до сознательных лозунгов борьбы с царизмом, с крепостным строем в целом; они верили в «доброго царя» и были во власти темной идеологии «наивного монархизма».

Между стихийными крестьянскими восстаниями Разина и Пугачева и выступлением декабристов легла целая полоса мировой истории: ее новый этап был открыт победой революции во Франции конца XVIII в.; вопрос ликвидации феодально-абсолютистского строя и утверждения нового, прогрессивного—капиталистического — строя встал во весь рост, был осознан как очередная задача исторического развития той эпохи. Декабристы принадлежат как сознательные борцы к этому новому времени, и в этом существенная сторона их исторического значения. Их восстание выдвинуло социальную и политическую программу переустройства русской жизни на новых началах, поставило перед собой задачу переделки всего феодально-абсолютистского строя, было освещено передовыми идеями эпохи. Впервые в истории России мы можем говорить о революционной программе, о сознательной революционной тактике, анализировать конституционные проекты.

Радищев был идейным предшественником декабристов, но условия исторического развития России в его годы еще не созрели до такой степени, чтобы можно было создать революционную организацию. Он написал революционную книгу, но не замышлял, а если и замышлял, то еще не мог организовать открытого, стянувшего к себе революционные силы страны выступления с оружием в руках.

Декабристы не только замыслили, но и организовали в истории России восстание против самодержавия. Они совершили его открыто, на площади столицы, перед лицом народа. Их действия отмечены печатью классовой ограниченности, они были «страшно далеки» от народа, но они тем не менее были революционерами, принадлежали к тем передовым деятелям своего времени, которые «...помогли *разбудить* народ» (Ленин) [37].

Восстание декабристов имело международное значение и нашло отклик и высокую оценку в передовом движении Запада. Оно поколебало почву под зданием Священного Союза, нанеся ему удар с той стороны, которую реакционные правительства считали наименее уязвимой. Свидетельствуя о вступлении России на путь активной революционной борьбы, оно вводило в лагерь антифеодального мирового движения такую мощную силу, которая сразу изменяла положение в пользу новаторов и давала опору для последующего притока бойцов.

Лозунги борьбы против крепостного права и самодержавия, выдвинутые декабристами, не были лозунгами случайного и преходящего значения: они имели большой исторический смысл и остались на долгие годы (считая с момента основания общества декабристов — на целое столетие) действенными, актуальными лозунгами русского революционного движения. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция в качестве «побочного продукта» своей пролетарской борьбы до конца выкорчевала в России средневековье. «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как побочный продукт на-

шей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы», — говорил В. И. Ленин, отмечая четырехлетнюю годовщину Октябрьской революции.

Своим горьким опытом декабристы показали следующим поколениям, что протест революционеров бессилен без поддержки народа. Неудачей своего выступления декабристы как бы завещали последующим революционерам строить свои планы в расчете на активное участие народных масс. Тема о народе как о главной силе революционной борьбы прочно входит с тех пор в сознание деятелей революционного движения. «Декабристам на Исаакиевской площади нехватало народа», — сказал преемник декабристов Герцен, и эта мысль уже была результатом усвоения опыта декабристов [38]. Понимая ее не как утверждение о том, что на Исаакиевской площади вообще не было народа (народ был), а как вывод об отсутствии живой действенной связи с народом, мы привлекаем формулу Герцена и до сих пор к объяснению неудачи восстания первых русских революционеров.

Разгром восстания декабристов был важнейшим уроком для последующих поколений России. Декабристы завещали им свой революционный опыт, и опыт этот показал, что восстание, не опирающееся на активное участие народных масс, обречено на поражение.

Восстание декабристов имело большое значение и для живой связи революционных поколений. Поэтому определение места декабристов в истории русского революционного движения органически связано с вопросом о той молодой России, которая явилась преемницей декабристов, подхватила выпавшее из их рук на Сенатской площади знамя русской революции, сберегла это знамя и вновь — еще выше — подняла его над молодым русским революционным движением. Период дворянской революционности в истории русского движения еще продолжался, но оно вступило после восстания декабристов в новый внутренний этап своего развития.

Этап этот оформлялся и развивался, конечно, не как деятельность одиночек или случайных, беспочвенных объединений. Его почвой была незамирающая борьба народа — народное движение. Оно откликнулось на восстание декабристов, и его отклик—звено живой связи декабристов с последующей борьбой поколений и вместе с тем—историческая почва для вырастающих после декабристов явлений революционого общественного движения.

* *
*

«Не пропадет ваш скорбный труд», — говорил декабристам Пушкин.

Он обращал к ним эти пророческие слова всего через год после восстания, в глухой темноте николаевской ночи, в России, где, кроме пушкинских стихов да детской клятвы Герцена в Кремле еще ничего не прозвучало в ответ на разгром движения. Лишь глубочайшая уверенность в силах русского народа и великое убеждение в конечной победе правого дела могли продиктовать Пушкину эти строки. Он говорил это и мог говорить только в будущем времени — в дальнем будущем, лишь издали видимом его взору.

«...их дело не пропало», — перекликаются с пушкинской строкой слова Ленина.

В. И. Ленин сказал эти слова через несколько лет после «первого натиска бури» 1905 г. — первого «движения самих масс» — и сказал это уже в прошедшем времени. Он оценивал дело декабристов в большой

исторической перспективе. Ему уже были видны и великая трудность исторического дела, начатого русскими революционерами в 1825 г., и конечная победа революционной борьбы.

В работе «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^{9}/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...» [39].

Этими словами и можно закончить книгу о движении дакабристов. В стране победившего социализма, в стране, строящей коммунизм, мы чтим память декабристов — первых борцов против крепостничества и самодержавия.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе XI

[1] ВД, т. I, стр. 299, 302, 304, 313—315; т. IV, стр. 162; т. X, стр. 201—202, 227—229.

[2] ВД, т. IV, стр. 162; ЦГИА, ф. 48, д. 400 (Давыдова), л. 81 об.; ВД, т. I, стр. 299, ср. стр. 323, стр. 302; ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 112.

[3] ЦГИА, ф. 48, д. 400, лл. 6—6 об., 22, 36, 58 об.; ВД, т. I, стр. 314, 324; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр 78.

[4] ЦГИА, ф. 48, д. 400, л. 36.

[5] ВД, т. I, стр. 325.

[6] ЦГИА, ф. 48, д. 400, лл. 70—72 об.

[7] ВД, т. I, стр. 230, 234, 235.

[8] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 76.

[9] ВД, т. II, стр. 210, 211; т. VIII, стр. 380; Е. П. Оболенский. Воспоминания.— Сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I, СПб., 1905, стр. 235; И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 76; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 258—264.

[10] И. И. Пущин свидетельствует, что познакомился с Рылеевым уже тогда, когда был «по высочайшему повелению определен сверхштатным членом в С. Петербургскую уголовную палату...». Пущин вышел в отставку 26 января 1828 г., но определен на новую службу сверхштатным членом позже — он «вступил к отправлению должности» в уголовную палату, по данным формуляра, 5 июня 1823 г. Далее Пущин свидетельствует: «Тут познакомился я с Рылеевым. Узнав его хорошо в короткое время, принял членом в общество». Принимая во внимание подчеркнутые мною слова, вполне можно допустить, что Пущин принял Рылеева в том же июне 1823 г., когда приступил к новой службе. Однако сам Рылеев говорит о начале 1823 г. как о времени своего вступления в общество. Это свидетельство не вполне совпадает с приведенными выше расчетами: едва ли июнь можно назвать «началом года». Если принимать дату Рылеева, конечно, исключая из нее январь (т. е. полагая, что Рылеев принят в начале 1823 г., но не ранее февраля), то для этого надо допустить, что Пущин дал не совсем точное показание о времени знакомства и, повидимому, еще до «высочайшего повеления» стал в предварительном порядке входить в дела Петербургской уголовной палаты и уже в это время познакомился с Рылеевым. При таком положении дел наиболее точным являлся бы такой вывод: Рылеев принят Пущиным в тайное общество не ранее февраля и не позже июня 1823 г. Ср. ВД, т. II, стр. 204—206, 210, 230; т. I. стр. 174.

[11] ВД, т. I, стр. 230.

[12] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 42.

[13] ВД, т. IV, стр. 162.

[14] ЦГИА, ф. 48, д. 401 (Барятинского), л. 42; ВД, т. IV, стр. 162, дело Пестеля, ср. стр. 145, 188, 342—343. Замечу, что процитированное выражение Пестеля «лучше совсем разойтиться» надо понимать в единственном смысле: нужно всем вообще разойтись, т. е. распустить общество. Но его в данном контексте нет оснований понимать как предложение о полном разрыве с Северным обществом.

[15] ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 42.

[16] Слова Барятинского переданы в форме прямой речи в деле А. Поджио (ЦГИА, ф. 48, д. 402, лл. 39 об. — 40).

[17] ЦГИА, ф. 48, д. 402 (А. Поджио), лл. 39 об. — 40.

[18] Там же, д. 401, лл. 42, 52, 52 об.

[19] Там же, д. 402, л. 37.

[20] Н. И. Лорер. Записки декабриста. М., 1931, стр. 69—70.

[21] ВД, т. I, стр. 27, 87.

[22] ЦГИА, ф. 48, д. 397, лл. 112, 468, 479, 482, 483, 502, 510, 512.

[23] И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. — «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49 и др. Цифры И. И. Игнатович заведомо неполны. Тяжелое состояние хранения первоисточников в центральных правительственных учреждениях царской России, имевших функцию надзора за крестьянскими волнениями, также заставляет быть настороже. Многочисленны пометы об уничтожении архивных дел о крестьянских волнениях как малоценного и не имеющего значения материала. Очевидно, необходимо привлечь местные губернские архивы для полного изучения вопроса. Заметим, что архивный материал о волнениях крепостного рабочего люда на Урале с несомненностью свидетельствует о росте волнений. Вопрос нуждается в дополнительном исследовании, которое одно может обеспечить окончательный вывод.

[24] Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел. ч. II, кн. 2, СПб., 1862, стр. 123.

[25] Там же, стр. 123—125, 227, 229, 230.

[26] ЦГИАЛ, ф. Горного деп-та, д. 567, т. VII «Исследование господина Лика по Еремшинскому заводу общества мастеровых», лл. 2—5; т. II «Производство г. старшего советника Лаврецова», д. 59, л. 284; д. 567, т. I «По отношению владимирского гражданского губернатора о неповиновении мастеровых...», лл. 1—5, 20—21, 60—65, 78—78 об.

[27] М. В. Нечкина. Рабочие волнения эпохи декабристов. — Журнал «История пролетариата СССР», т. II; ЦГИАЛ, ф. Горного деп-та, оп. 93; М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, М., 1926, стр. 158.

[28] Н. Варадинов. Указ. соч., ч. II, кн. 2, стр. 271—272; М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем (1-е изд.), стр. 142; К. А. Пажитнов. Рабочие волнения в царствование Александра I. — «Архив истории труда», кн. IX, стр. 157; ЦГИАЛ, ф. Горного деп-та, оп. 93.

[29] ПСЗ, т. 38, стр. 1034. Сенатский указ от 13 июня 1823 г., № 29507.

[30] Там же, стр. 621. Сенатский указ вследствие именного повеления от 29 сентября 1822 г., № 29192.

[31] В. А. Федоров. Солдатское движение в годы декабристов (1816—1825). М., 1953. Диссертация (не опубликовано).

[32] ЦГИА, ф. 48, дело «О рассмотрении в комиссии бумаг, найденных в кабинете покойного государя», записка на лл. 67—81. Ср. С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. — Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 119—122.

[33] ЦГВИА, ф. Канц. дежурного генерала по секретной части, св. 4, д. 21 «По отношению министра юстиции о рядовом пехотного принца Вильгельма Прусского полка Иове Гобове, произносившем дерзкие слова нащет высочайшей особы государя императора». Дело началось 4 октября 1823 г. Ср. С. Н. Чернов; указ. соч., стр. 80, 120, 123.

[34] Н. В. Басаргин. Записки, Пг., 1917, стр. 17; В. А. Федоров. Указ соч.: ЦГВИА, ф. Канц. дежурного генерала, 1822 г., св. 5, д. 32 «О случившемся происшествии в Тобольском пехотном полку»; ср. С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 126; ЦГВИА, ф. Канц. дежурного генерала, 1822 г., св. 2, д. 4 «О распространившемся слухе о последовавшем якобы возмущении в Севском пехотном полку, следствием коего было убийство командира сего полка, полковника Колена»; С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 103; ЦГВИА, 1823 г., д. 782, ч. I «О бунте унтер-офицера Севского пехотного полка Никитенко и прочих нижних чинов», лл. 6—71. Ср. С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 102—103.

[35] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 192—193.

[36] Ср. ЦГИА, ф. 48, д. 398 (Юшневского), л. 53 об.; д. 401 (Барятинского), лл. 36, 43 об.; ВД, т. IV, стр. 162, дело Пестеля.

[37] ВД, т. IV, стр. 275, ответ на 9-й вопрос. Ср. ВД, т. IX, стр. 46, 60, 90, 112 и др

[38] ВД, т. IV, стр. 277, 350.

[39] Там же, стр. 277—278, 351—352. Это наиболее подробные показания С. Муравьева-Апостола о Бобруйском плане. Ср. также ВД, т. IV, стр. 104, 186, 188, 194, 224, 258, 267, 275, 282, 390—393, 400, 401, 411; ЦГИА, ф. 48, д. 417 (Норова), лл. 5, 15; д. 404 (Повало-Швейковского), лл. 55—56; д. 415 (И. Поджио), л. 3 об.; д. 26, лл. 124 об. — 125 об., 161.

[40] ВД, т. IV, стр. 188; И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 67; И. В. Порох. Восстание Черниговского полка. Очерки из истории движения декабристов. — Сборник статей под ред. Н М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского, М., 1954, стр. 128—129 Надо заметить, что самый факт приезда Александра I в Бобруйск был давно известен (ср. Н. К. Шильдер. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. IV. СПб., 1898, стр. 282). Однако Шильдер не упоминает о бобруйском смотре, что в соединении с привезенным из Москвы М. П. Бестужевым-Рюминым слухом, что царского смотра не будет, очевидно, н дало повод историкам сделать заключение, что

его не было. Между тем смотр состоялся 12 сентября. Александр I приехал в Бобруйск, где его ожидал великий князь Николай Павлович, откуда они оба после смотра двинулись в Брест-Литовск. 19 сентября уже происходили маневры в Брест-Литовске. Эти даты помогают нам приблизительно определить время поездки Бестужева-Рюмина в Москву и дату его переговоров с Якушкиным и Иваном Фонвизиным. Якушкин определяет эту встречу как происшедшую «летом» 1823 г. Учитывая, что Александр I приехал в Бобруйск 12 сентября, надо предположить, что Бестужев-Рюмин ездил в Москву едва ли позже августа 1823 г., так как желал заранее подготовить почву для предполагавшегося выступления.

[41] ВД, т. IV, стр. 188 (показание Пестеля).

[42] ЦГИА, ф. 48, д. 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжебных дел», л. 113.

[43] С. Г. Волконский. Записки, стр. 434—435.

[44] Н. В. Басаргин. Записки, стр. 28—29.

[45] Там же, стр. 28.

[46] ВД, т. IV, стр. 91, 158.

[47] Там же, стр. 91, 250 (ср. 278), 342, 349, 350, 391; т. I, стр. 350; ЦГИА, ф. 48, д. 399 (Волконского), лл. 90 об., 106, 116, 137; ВД, т. V, стр. 153; ЦГИА, ф. 48, д. 402 (А. Поджио), л. 6 об., ср. л. 7; д. 415 (И. Поджио), лл. 5 и 30 об.

[48] О том, кто присутствовал на совещании в Каменке, упоминает Сергей Муравьев-Апостол: «В Каменке... кроме Юшневского все члены, бывшие в Киеве в начале года, находились...» (ВД, т. IV, стр. 179, ср. 350).

[49] Там же, стр. 350.

[50] Там же, стр. 143 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*), ср. стр. 217—218.

[51] Там же, стр. 349.

[52] С. Г. Волконский Записки.

[53] «Красный архив», т. XV, стр. 178.

[54] А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. III, стр. 182. Из писем и показаний декабристов. Под ред.: А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 69.

[55] ВД, т. I, стр. 433.

[56] Там же, стр. 189, ср. там же (дело А. Бестужева).

[57] Там же, т. IV, стр. 106.

[58] Там же, т. I, стр. 189, ср. т. III, стр. 346—347.

[59] Там же, т. I, стр. 194—195.

[60] Там же, т. I, стр. 230—231; т. II, стр. 221, 225; т. III, стр. 206—207.

[61] Там же, т. II, стр. 221; т. I, стр. 230—231.

[62] ЦГИА, ф. 48, д. 37, л. 115 об.

[63] Там же, д. 60, л. 15 об.

[64] ВД, т. I, стр. 175. Вопросы эти разобраны в работе К. Д. Аксенова «Северное общество декабристов», Л., 1951.

[65] ВД, т. I, стр. 176.

[66] ЦГИА, ф. 48, д. 60, лл. 15 об. — 16; д. 61, лл. 9—10; д. 135, лл. 12—14 об.

[67] ВД, т. I, стр. 176 (конец ответа на 1-й вопрос).

[68] Там же, т. IV, стр. 282—283.

[69] О поездке М. П. Бестужева-Рюмина в Вильну в 1823 г. в следственных делах имеются неоднократные упоминания (ср. ВД, т. IX, стр. 54, 65, 92, 93, 94, 95, 154, 191, 194, 200). Ср. Л. А. Медведская. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. — Сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 280—282. В Вильне М. П. Бестужев-Рюмин, как сам показывает, останавливался у знакомого «надзирателя за гошпиталями» Фридбурга, который, очевидно, и свел его с К. Радзивиллом (ВД, т. IX. стр. 94).

[70] Донесение Варшавского следственного комитета.

[71] ВД, т. I, стр. 300—301; т. IV, стр. 116, 164—165, 208—209, 386, 393; ЦГИА, ф. 48, д. 397, л. 78 об. Ср. С. Г. Волконский. Записки, стр. 413—416 и др.

[72] ВД, т. IX, стр. 69—74.

[73] ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 33; Л. А. Медведская. Указ. соч., стр. 286, 289. Наиболее подробно вопрос о взаимоотношениях декабристов и Польши изложен у Баумгартена (Baumgarten. Dekabrysty a Polsca, Warszawa, 1953).

[74] ВД, т. IX, стр. 66.

[75] Там же, т. IV, стр. 353.

[76] ЦГИА, ф. 48, д. 399, лл. 111—111 об., 112.

[77] ВД, т. X, стр. 166.

[78] Там же, т. IX, л. 255.

[79] Там же, т. IV, стр. 89, показание Пестеля; Письмо Е. И. Пестель, урожд. Крок, от 31 марта 1825 г. из Васильева. См. ЦГИА, ф. 48, д. 476, л. 19 об. Дата 6 мая 1824 г. как день второго приезда Пестеля в Васильево из Петербурга указана в письме родителей от 10 июня 1825 г. См. ЦГИА, ф. 48, д. 477, ч. II, л. 377.

[80] Дата 18 июля устанавливается следующим образом: 20 июля мать Пестеля написала ему письмо, полное живого ощущения разлуки с уехавшим любимым сыном: оно написано сейчас же после его отъезда, ему вслед. Мы узнаем из этого письма, что «hier matin», т. е. утром 19 июля, от только что выехавшего Пестеля принесли записочку, написанную из Смоленска, где тот вынужден был остановиться на день для починки поломанной кареты. Пестель сообщал, что он выедет из Смоленска вечером 19-го. Принимая во внимание дорогу из Васильева в Смоленск (Смоленск — первая станция по дороге Пестеля; до Смоленска его провожает «человек» родителей), можно предположить, что Пестель выехал из родительского дома, вероятнее всего, утром 18 июля 1824 г. (см. письмо матери от 20 июля 1824 в. в деле 477, ч. II; ср. там же письмо отца Пестеля от 23 июля 1824 г.). Это подтверждается, кроме того, еще одним свидетельством — письмом от 20 июля 1825 г., где мать Пестеля пишет, говоря о прошлом 1824 г.: «Il y a trois jours que nous avons pris congé de vous». Местопребывание П. И. Пестеля в Петербурге указано в «Записках декабриста» Н. И. Лорера, стр. 70.

[81] Н. И. Лорер. Указ. соч. стр. 70—71.

[82] ВД, т. I, стр. 256; т. IX, стр. 258. Возобновленная за последнее время в литературе попытка считать поездку И. С. Повало-Швейковского в Петербург лишь случайно совпавшим с петербургскими совещаниями путешествием «по служебным и личным делам», не имевшим якобы отношения к совещанию, не выдерживает проверки (ср. Н. С. Захаров. Петербургское совещание декабристов. — Сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 90). Швейковский вез от Васильковской управы письма к руководителям северной организации и немедленно встретился с Пестелем по его прибытии в Петербург. Желание Пестеля иметь в Петербурге во время совещаний представителей управ не вызывает сомнений. Что касается личных отпусков, командировок и вообще служебных поводов для отлучек по делам тайного общества,— это вообще обычная и совершенно неизбежная при служебном положении декабристов форма связи. Прекрасно знавший все взаимоотношения между обществами «посредник» и представитель южной организации в Петербурге свидетельствует: «В начале 1824 года полковник Швейковский был послан в Северную управу. Я через него получил письмо от брата моего Сергея, в котором он мне писал познакомить Швейковского с директорами Северной Управы. Я с ним был у князя Трубецкого...» (ВД, т. IX, стр. 258, показание Матвея Муравьева).

[83] ВД, т. I, стр. 15, 27. Датировка С. Трубецким свидания с Пестелем (на другой день после приезда последнего) вызывает некоторые сомнения. Переезды на лошадях, как правило, происходили днем, ночи путники проводили на почтовых станциях, в Петербург обычно приезжали к вечеру. Трудно представить себе, чтобы приезд, первоначальное устройство, свидание с братом Владимиром, установление связи с Матвеем Муравьевым, встреча с ним и подробная беседа о положении в Северном обществе, затем последующая организация встречи со Швейковским и также подробная с ним беседа уложились бы в один день. Вернее всего, Пестель увиделся с Трубецким примерно днем позже, чем тот показывает, но при встрече мог сказать ему, что приехал только вчера.

[84] ВД, т. I, стр. 15, 178.

[85] Там же, стр. 178—179. ср. стр. 154 и 174.

[86] К. Пигарев в своей книге «Жизнь Рылеева» (М., 1947) развивает, на мой взгляд, неправильную общую концепцию, но в споре Н. Захарова с К. Пигаревым относительно понимания Рылеевым аграрного закона Пестеля едва ли прав Захаров (сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 100), как показывают приведенные соображения.

[87] ВД, т. I. стр. 174; Н. И. Лорер. Указ. соч., стр. 162, 163.

[88] ВД, т. I, стр. 308, 323.

[89] Там же, стр. 324, 327, 264—265.

[90] Там же, стр. 15; т. IX, стр. 260.

[91] ВД, т. I, стр. 16. Показание С. Трубецкого.

[92] Там же, т. IX, стр. 260.

[93] Там же, т. I, стр. 90, 180, 300.

[94] Там же, стр. 28, 90, 180, 300; т. IV, стр. 165.

[95] Там же, т. IV, стр. 163.

[96] Там же, т. I, стр. 256, 308. Подчеркнуто мною. — *М Н.*

[97] Там же, стр. 271. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*

[98] Н. И. Лорер. Указ. соч., стр. 69—70, стр. 282.

[99] Там же, стр. 70—71.

[100] ВД, т. I, стр. 27. Показание С. Трубецкого: т. IV, стр. 158. Дело Пестеля. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*

[101] Дело Н. И. Лорера (опубликовано в качестве приложения к «Запискам декабриста» Н. И. Лорера, стр. 295).

К главе XII

[1] Ср. показание Е. П. Оболенского, ВД, т. I, стр. 257, 265. Не исключена возможность для предположения, что работа над «пущинским» вариантом велась Никитой Муравьевым и летом 1824 г., когда были свежи впечатления от только что миновавших петербургских совещаний. Ср. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 174.

[2] ВД, т. I, стр. 265 (показание Е. Оболенского).

[3] Там же, стр. 254.

[4] Ср. текст конституционных редакций в приложениях к книге Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», стр. 307 и 323.

[5] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 212—213. Автор тут однако справедливо указывает, что крестьяне арендных имений были поставлены конституционным проектом Н. Муравьева в значительно худшее положение, нежели помещичьи крестьяне,— они оказывались безземельными.

[6] Там же, прилож. стр. 321.

[7] Там же, стр. 325.

[8] Там же, стр. 214.

[9] Замечания на новый проект Конституции Никиты Муравьева, как и самый текст Конституции, опубликованы наиболее точно и исправно Н. М. Дружининым в качестве приложения к его книге «Декабрист Никита Муравьев» (стр. 321—346). Однако и в этой публикации имеются некоторые трудности при пользовании текстом, а именно: замечания на конституционный проект не могли по техническим условиям быть даны на полях в соответствующих местах текста, — они, как обычно при публикациях такого рода, приведены внизу, в виде сносок. Это не дает возможности полностью представить себе, к какому именно месту текста замечание относится и каким образом оно около текста расположено. Невозможно при чтении данной публикации сразу уяснить, какому автору принадлежат замечания, так как авторская аттрибуция сделана в общем виде лишь в соответствующем месте монографии, но от публикатора не воспроизведена с предположительным указанием имени в тексте воспроизводимого документа. Поэтому связать такое-то замечание с именем Штейнгеля, а другое— Николая Бестужева читатель может лишь по косвенному признаку: указанию, применены ли чернила или карандаш (чернила должны вести к имени Николая Бестужева, а карандаш — к Штейнгелю). Но и этот критерий читатель не всегда может применить. Неясна, например, формулировка комментатора на стр. 333 в примечании 2: «тем же почерком». По буквальному смыслу комментария это надо понимать как почерк Штейнгеля, ибо в предшествовавшем примечании речь идет именно о нем. Между тем это должно означать «почерк Н. Бестужева», который всюду в прочих замечаниях обозначен не как «тот же» почерк, а как «другой почерк». Это вносит свои трудности и в применении критерия авторской аттрибуции. Из данного примечания следует, что Штейнгель сменил орудие письма и стал писать не карандашом, а чернилами, — следовательно, читатель лишен возможности с уверенностью приписать такие-то замечания Штейгелю, а такие-то Николаю Бестужеву. Если к этому добавить, что эти замечания все время перемежаются с авторскими (по смыслу) поправками, внесенными «почерком основного текста», то значительные трудности при изучении примечаний становятся еще очевиднее. Желательно было бы поэтому переиздать конституционный текст с прямым указанием предположительных именных аттрибуций, расположив их в соответствующем месте документа на полях, как они действительно и располагаются (близкое к желаемому воспроизведение имеет место в I томе «Восстания декабристов» при публикации первого конституционного проекта Никиты Муравьева в деле С. Трубецкого). Вместе с этим необходимо приложить к публикации полную фотокопию документа. Такое издание облегчило бы дополнительное изучение проекта 1824 г.

[10] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 332.

[11] Не могу согласиться с истолкованием этого пункта, данным в монографии Н. М. Дружинина. По мнению последнего, Николай Бестужев высказался тут «о нецелесообразности выборной полиции» (стр. 158). Нет, наоборот, он подкрепил мнение о целесообразности выборной полиции и сделал оговорку только для пожарной команды («Полицейский надзор, но не пожарная команда») (там же, стр. 325).

[12] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 347—348.

[13] «Конституция Никиты Муравьева (хранящаяся в бумагах И. И. Пущина)», — см. прилож. IV к книге Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», стр. 323.

[14] «Конституция соч[инения] Никиты Муравьева, написанная его рукою в каземате крепости и представленная при ответах».— Там же, прилож. V, стр. 357.

[15] Предположение о влиянии в данном случае замечаний Торсона высказано Н. М. Дружининым в указанной монографии, стр. 239.

[16] ВД, т. I, стр. 324, 325, ср. стр. 301.

[17] А. М. Муравьев. Записки, стр. 175. Полагаю в силу изложенных причин,

что нет оснований относить эту программу Никиты Муравьева к более раннему времени, скажем, к 1821—1822 гг. (Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 130—131).

[18] Двучленная периодизация предложена Н. М. Дружининым в указанной работе, стр. 84—148.

[19] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 84—148.

[20] Б. Пушкин. Арест декабристов. — Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 398; ср. Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 148.

[21] ВД, т. IV, стр. 114, 115 (подчеркнуто П. И. Пестелем).

[22] Там же, стр. 113, 115, 127, 128.

[23] «Былое», 1906, № 5.

[24] Указанный вывод о двух редакциях «Русской Правды» давно стал достоянием декабристоведения, проник в университетское преподавание. Позднейшие исследователи, пользующиеся им, к сожалению, не всегда ссылаются на предложивших его С. Н. Чернова и А. А. Покровского, вложивших огромный труд в изучение «Русской Правды».

[25] Эта и все последующие цитаты взяты из архивного текста «Русской Правды» — ЦГИА, ф. 48, д. 10, л. 139 и сл. Исправное научное издание «Русской Правды» Пестеля, как уже указывалось выше, до сих пор отсутствует. Она издана (неисправно) П. Е. Щеголевым в 1906 г. не с подлинника, а с копии. В настоящее время Главным архивным управлением СССР готовится новое издание «Русской Правды», которое явится VII томом «Восстания декабристов» и в скором времени выйдет в свет.

[26] «История русской экономической мысли», т. I. IX в. — первая четверть XIX в. Под ред. А. И. Пашкова. М., 1953 (верстка, изданная на правах макета), стр. 853 (автором текста об экономических взглядах П. И. Пестеля, где приведена указанная расшифровка, является Ф. М. Морозов). В работе С. М. Файерштейна «Решение аграрного вопроса в «Русской Правде» Пестеля никакой расшифровки значения цифровых колонок не приведено (см. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 56). Рукопись «Дележ земель» (в подлиннике «Делеш земель») была впервые опубликована в фотокопии в юбилейном 1925 г. в «Красном архиве» (т. XII, между 280—281 стр.), однако не в целом, а частично (лишь текст 230 л. рукописи, без продолжения). Неопубликованная часть текста была впервые напечатана в 1941 г. в «Хрестоматии по истории СССР», составленной М. В. Нечкиной и С. С. Дмитриевым, (М., 1941, стр. 353—354), где воспроизведен, за исключением опубликованных в «Красном архиве» цифровых колонок примерного расчета, весь остальной текст документа.

[27] ЦГИА, ф. 48, д. 408, лл. 19—20 (прежде так называемая «Записная книжка Пестеля»; фактически она принадлежала Крюкову 2-му).

[28] Нельзя согласиться с предположением, что первое изложение аграрного проекта «Дележ земель» в ранней редакции «Русской Правды» якобы действительно обеспечивало помещикам «доходы, ими от поместий своих получаемые». Это выражение имеет частное значение и употреблено Пестелем в «Конституции Государственный Завет» лишь для пояснения желательного положения в переходный период, после освобождения, когда уход освобожденного крестьянина с земли мог нанести ущерб землевладельцу — капиталисту, имеющему земли во «второй» половине земли, предназначенной для производства «изобилия». Но это положение не может выражать общий смысл аграрного проекта, изложенного, как известно, и в ранней редакции с делением земли на две половины: при всех условиях оно могло реализоваться лишь при какой-то форме отчуждения помещичьих земель, что, разумеется, не могло не нанести существенного ущерба доходам помещиков от их поместий.

[29] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 552.

[30] ЦГИА, ф. 48, д. 10. Фотокопия—см. «Красный архив», т. XIII, между стр. 176 и 177.

[31] Подчеркнуто П. И. Пестелем.

[32] То же.

[33] Подчеркнуто мною.— *М. Н.*

[34] Тут необходима историческая справка. Идея основного единства движения является ведущей мыслью настоящего исследования. Должна сознаться, что, закончив его рукопись в 1950 г., я чувствовала себя одиноко и не знала, как отнесутся к изложенной концепции специалисты по движению декабристов. Велико было мое удовлетворение, когда все основные рецензенты рукописи (Н. М. Дружинин, Б. Е. Сыроечковский и И. А. Федосов) положительно приняли этот тезис, хотя и высказали по различным вопросам довольно многочисленные критические замечания. Правильность этого же вывода отмечалась и при обсуждении моей рукописи, состоявшемся в 1951 г. в секторе истории капитализма Института истории АН СССР. Но некоторые работы, вышедшие из печати после 1951 г. и положившие тезис о единстве движения в основу своей концепции, не могут тем не менее вызвать моего полного согласия: в ряде случаев они явно упрощают изучаемую историческую действительность, игнорируя противоречия движения, сводя их к «оттенкам», «нюансам», мелким несущественным различиям. Такой подход лишает возможности понять движение в целом с его внутренними закономерностями.

[35] Никита Муравьев и М. Лунин. Разбор Донесения Следственной комиссии. стр. 61.

К главе XIII

[1] ВД, т. I, стр. 174—178.

[2] Там же, стр. 178, 457; ЦГИА, ф. 48, д. 359, лл. 113—116 и др.

[3] ЦГИА, ф. 48, д. 397 (Матвея Муравьева-Апостола), л. 111. Там же, д. 363, л. 2 об. (сводка); д. 358, л. 336; ВД, т. I, стр. 186; т. III, стр. 290; Николай Бестужев. Записки о Голландии 1815 года.— В его книге «Статьи и письма», М., 1933, стр. 177—222

[4] ВД, т. I, стр. 267.

[5] «Из писем и показаний декабристов», под ред. А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 18; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 395.

[6] ВД, т. I, стр. 178, ср. стр. 107—108.

[7] «Из писем и показаний декабристов», стр. 36—39.

[8] М. А. Брискман. Агитационные песни декабристов. — Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, стр. 7—22. Комментарий Ю. Г. Оксмана к песне «Царь наш немец русский» см. «Литературное наследство», т. 60. Записки Владимира Толстого найдены Рукописным отделением Б-ки им. В. И. Ленина, в ближайшее время выходят из печати, подготовленные С. Житомирской.

[9] Нельзя не оспорить чтения «князьков-голяков»: «голяк» — бедняк, сочетание слов «князьков-голяков» не имеет смысла. Рукопись из архива Вяземского дает возможность более ясного чтения. Ср. М. А. Брискман. Указ. соч., стр. 13.

[10] См. ВД, т. IX, стр. 263; ср. фотокопию стихотворения между стр. 264 и 265. Повторение слов «это с радости», «императоров», «сенаторов» является реализацией указания декабриста, поместившего знак повторения — «bis» после указанных слов (там же, стр. 263).

[11] При передаче стихов декабрист явно смешал по ошибке последовательность слов в двух последних строках, которая легко восстанавливается наличием рифм и при помощи ритма песни (у Матвея Муравьева: «А третий нож, молитву сотворя, на вампира на царя». Вся песня передана в контаминации с песней «Вдоль Фонтанки реки»). ВД, т. IX, стр. 262.

[12] Как указывает Т. Снытко, Батеньков цитирует «Ах, где те острова» в первых числах марта 1824 г. («Литературное наследство», т. 60). В письме А. Бестужева к П. А. Вяземскому от 13 октября 1823 г. мы читаем: «Эпиграммы ваши на наших ханжей весьма милы — признаюсь, что мы расхохотались в первый раз, прочитав их. Притча уже ходит по городу и все авторы поют «кому вынется, тому сбудется». Матвей Муравьев уехал из Петербурга в августе 1824 г. Ср. ВД, т. IX, стр. 282.

[13] «Воспоминания Бестужевых», ред., статья и коммент. М. К. Азадовского, М.—Л., 1951, стр. 27—28; ВД, т. I, стр. 267.

[14] ВД, т. IV, стр. 162; т. I, стр. 257, 271; ЦГИА, ф. 48, д. 104 (Депрерадовича). Текст этот неожиданен по содержанию: Пестель, принимая Депрерадовича, будто бы советовал, увеличивая число сочленов, принимать «даже и нижних чинов» (ВД, т. IV, стр. 20), едва ли это так.

[15] В. Туманский и А. Мицкевич. — «Киевская старина», 1899, III, стр. 299—300. Тут опубликовано письмо А. Бестужева и Рылеева к Туманскому, дружески рекомендующее ему Мицкевича; письмо датировано 15 января 1825 г. Между прочим, дата письма и дружеский круг, в котором оно возникло, дают все основания поставить вопрос о знакомстве Грибоедова с Мицкевичем (в датировке письма явная опечатка; 1826 вместо 1825; в январе 1826 г. Бестужев и Рылеев находились уже в тюрьме); ВД, т. I, стр. 153, 230, 276; «Воспоминания Бестужевых», стр. 98, 128—129, 54; «Атеней», III (1926); «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», т. I, стр. 233; ВД, т. II, стр. 165; А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. III, стр. 181, Б. Л. Модзалевский. Роман декабриста Каховского, стр. 49.

[16] М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 383—418.

[17] И. И. Пущин. Записки о Пушкине, стр. 123, 126—127. Приведенный текст с полной бесспорностью доказывает, что Пущин открыл Пушкину существование тайного общества. Под «этим новым служением отечеству» можно единственно подразумевать участие в тайном обществе. Непосредственно перед этим Пущин рассказывает про разговор с Пушкиным на тему о причинах «преображения» Пущина из артиллериста в надворного судью, — на этом основании некоторые авторы пытаются дать последующему тексту иное толкование: слова «это новое служение отечеству» они понимают как «судейство» Пущина, а не как участие в тайном обществе. Полная несостоятельность этого толкования выясняется просто при чтении текста в измышленном этими авторами виде. Текст будет, по толкованию их, читаться так: «Когда я ему сказал, что я не один [стал надворным судьей], он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости»». Получается явная бессмыслица (ср. С. Гессен. Пушкин накануне декабрьских событий. — «Пушкин». Временник Пушкинской комиссии, т. II, М.—Л., 1936, стр. 368). Заметим, что тут упомянуто неверное число лет тюремного заключения Вл. Раевского: последний был арестован 6 февраля 1822 г., следовательно, к 11 января 1825 г. находился в заточении около трех лет.

[18] Н. И. Лорер. Записки, стр. 199.

[19] «Грибоедов в воспоминаниях современников», стр. 269 (здесь впервые воспроизведен по рукописи разговор Д. А. Смирнова с А. А. Жандром).

[20] ВД, т. I, стр. 265.

[21] Там же, стр. 171, 172, 177, 183, 261, 267, 268; т. II, стр. 21, 28, 68, 81; ЦГИА, ф. 48, д. 361 (Торсона), л. 21—21 об.

[22] Публикация дела Якубовича во II томе «Восстания декабристов» (стр. 275—403) не дает возможности точно установить, когда он приехал в Петербург в 1825 г., так как в тексте первого допроса фигурирует «в июле» (стр. 280), в другом показании — «в июне» (стр. 285). Вопрос решается обращением к подлинному делу: предпочесть надо дату «в июне», поскольку она вполне отчетливо записана рукой самого Якубовича. Дата в первом допросе (как и весь его текст) записана рукой генерал-адъютанта Левашова, в котором неясное «н» было при подготовке издания к печати ошибочно принято за «л» (ЦГИА, ф. 48, д. 348, ср. лл. 2 и 11).

[23] «Из писем и показаний декабристов», стр. 77 и др.

[24] ВД, т. I, стр. 269; «Из писем и показаний декабристов», стр. 73—81. Никита Муравьев даже хотел содействовать через давление на высшее начальство высылке Якубовича из Петербурга, чтобы воспрепятствовать его намерениям. ЦГИА, ф. 48, д. 372 (Бриггена), л. 17 об.; д. 360, л. 1 ср. основное показание, л. 11.

[25] Вопросу о «мнимом» Кавказском обществе в следственном фонде декабристов посвящено специальное дело (ЦГИА, ф. 48, д. 6).

[26] ВД, т. I, стр. 303; т. II, стр. 210; т. IV, стр. 109, 117, 118, 214, 337; т. VIII, стр. 251, 259; «Записки С. Г. Волконского», стр. 414—415; Марченко, цит. изд., стр. 74. Ср. Журналы Следственного комитета, ЦГИА, ф. 48, д. 26, л. 85. Участие Александра Чавчавадзе в следствии по делу о вывозе медной монеты из Грузии засвидетельствовано в его формулярных данных: «В 1818 году июля с 13 был командирован командовавшим в Грузии генерал-лейтенантом Вельяминовым в гор. Баку для секретного дознания о вывезенной из Астрахани морем в большом количестве медной монеты пятикопеечного клейма для продажи оной за границу в Персию и по произведенным им розыскам нашел в Баку 9264 р. 10 к. на военных судах, окончив поручение сие 20 сентября того же года» («Исторический вестник», т. II, Тбилиси, 1946, стр. 357). Любопытна ранняя дата следствия. Если положение о существовании Кавказского общества оправдается, а сведения Якубовича о связи с обществом каких-то лиц, замешанных в этом деле, верны, то общество имело довольно длительное существование. Ср. С. Маглакелидзе. Материалы к биографии Александра Чавчавадзе (там же, стр. 154 и сл.).

[27] ВД, т. I, стр. 181.

[28] Там же.

[29] Письма С. Муравьева-Апостола к Тизенгаузену были взяты при обыске и включены в дело В. Тизенгаузена (ВД, т. XI, стр. 244—246). Давыдов свидетельствует, что на контрактах 1825 г. Сергей Муравьев-Апостол «возобновил предложение о начатии возмутительных действий». Очевидно, это было сделано через заменивших его представителей Васильковской управы, потому что командование не разрешило ему отлучиться из полка на контрактовую ярмарку (ВД, т. IV, стр. 401, ср. стр. 196).

[30] Состав присутствовавших на контрактовом съезде 1825 г. приведен в показаниях Пестеля (ВД, т. IV, стр. 104, 169) и Бестужева-Рюмина (там же, стр. 196); ВД, т. IV, стр. 104, ср. стр. 57, 166, 169, 196, ср. ЦГИА, ф. 48, д. 402 (А. Поджио), л. 20; д. 400 (Давыдова), л. 9 об.

Бобрищев-Пушкин показывает, что Пестель стремился привязать к себе А. Барятинского, «пользуясь чем только можно» (ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 18 об.). Следствие обратило большое внимание на «революционный обед» на контрактах 1825 г. Надо отметить, что эти контракты происходили в обстановке, особенно облегчавшей конспиративные собрания членов тайного общества: шли приготовления к свадьбе С. Волконского (свадьба произошла 11 января), под предлогом связанных с нею празднеств легко было встречаться и вести переговоры. В эти дни и произошел тот «революционный обед» в киевском доме В. Л. Давыдова, слухи о котором дошли до следствия в преувеличенном виде. Барятинскому задали вопрос: где и при каких обстоятельствах происходил «революционный обед», на котором присутствовало 30 полковников и «до 5 генералов»? Остроумный Барятинский ответил, пряча иронию под внешне смиренной формой: «Я никогда не слыхал, чтобы были обеды,— и где такое множество набрать полковников и генералов? Может быть другого какого-нибудь общества, но не нашего было собрание» (ЦГИА, ф. 48, д. 401, лл. 21, 44). На самом деле на обеде присутствовали, по показанию того же Барятинского, сам он, Пестель, Юшневский, Волконский, Швейковский, Тизенгаузен, Враницкий и хозяин дома — Давыдов. Показание Пестеля добавляет к перечисленным членам общества Лихарева и обоих Поджио. И Пестель и Барятинский упоминают еще о Михаиле Орлове (ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 44, ср. показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 167). Действительно, можно сказать, что воспетая А. С. Пушкиным Мария Раевская праздновала свою свадьбу с декабристом С. Г. Волконским в революционном окружении (обед относился к празднествам по случаю ее

свадьбы). Однако на обеде были и другие приглашенные, и нет данных, чтобы именно тут были решены какие-либо вопросы, касавшиеся тайного общества.

Об участии Барятинского на Киевском съезде 1825 г. см. ВД, т. IV, стр. 166 и в деле Барятинского (ср. ВД, т. IV, стр. 57 — ответ на 35-й вопрос, ср. дело Н. И. Лорера, ЦГИА, ф. 48, д. 410, л. 29). В письме И. Б. Пестеля, отца декабриста, мы встречаем ценное замечание о дружбе П. И. Пестеля и Барятинского (ЦГИА, ф. 48, д. 276, л. 16 об.); ср. ВД, т. IV, стр. 178 (Пестель подчеркивает, что Барятинский полностью разделял его мнения). В деле В. Давыдова есть свидетельство, что Пестель, приехав на свадьбу С. Г. Волконского, остановился у Давыдова. Заметим, что С. Г. Волконский в своих «Записках» сообщает, что семья Марии Раевской (можно предполагать,— братья и отец) не только была оповещена о том, что он член тайного общества, но что он скорее отказался бы от своего счастья, чем разорвал связь с революционной организацией (С. Г. Волконский. Записки, цит. изд., стр. 414).

[31] ЦГИА, ф. 48, д. 327. «Переводы показаний членов польских тайных обществ»; д. 328. «Выписки из показаний польских тайных обществ»; д. 472. «Дело о польских тайных обществах».

[32] ЦГИА, ф. 48, д. 327, лл. 315—315 об., 327. Ср. Л. А. Медведская. Декабристы и Польское патриотическое общество. — Сб. «Очерки из истории движений декабристов», М., 1954, стр. 292.

[33] ЦГИА, ф. 48, д. 327, л. 412; ВД, т. IX, стр. 111; Л. А. Медведская. Указ. соч., стр. 293—294.

[34] ВД, т. IX, стр. 87.

[35] «Мемуары графа Олизара». — «Русский вестник», 1893, август (сообщено А. Ф. Копыловым).

[36] ВД, т. IV, стр. 85; ЦГИА, ф. 48, д. 398, л. 19 об.

[37] Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в планах декабристов. — Сб. «Очерки из истории движения декабристов», стр. 252.

[38] ВД, т. IV, стр. 28, 82, 107.

[39] Там же, т. IX, стр. 207—212.

[40] Там же.

[41] Имение Хомутец находилось в Миргородском уезде Полтавской губернии.

[42] ВД, т. IX, стр. 242; ЦГИА, ф. 48, д. 476, л. 16 и др.

[43] С. Трубецкой в начале 1825 г. уже был в Киеве. Мы не располагаем точной датой его приезда,— его личные показания об этом противоречивы. Однако его собственное свидетельство («в 1824-м году в исходе отправился я в 4-й корпус») должно все же учитываться: оно соответствует имеющейся в формуляре официальной дате служебного назначения С. Трубецкого дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса (22 декабря 1824 г.) и совпадает со свидетельством Сергея Муравьева-Апостола о том, что «кн. Трубецкой... приехал в Киев в начале 1825 года». ВД, т. I, стр. 10 (ср. формуляр, стр. 4); т. IV, стр. 284 (показание С. Муравьева-Апостола). Позже Трубецкой дал на следствии показание, противоречащее приведенным выше данным Он утверждал, что приехал в Киев «в марте месяце сего 1825 года» (ВД, т. I, стр. 16); важно, что это близко дате его приезда, упоминаемой в одном из частных писем Пестеля. Имеющееся в деле С. Муравьева-Апостола показание, отобранное у подполковника Гротенгельма, говорит о том, что он виделся с Трубецким весной 1825 г. в Киеве, из чего нельзя, разумеется, вывести точную дату приезда Трубецкого. В показании Гротенгельма ценна деталь — приезд в Киев одного Трубецкого, посланного вперед князем Щербатовым, командиром 4-го корпуса, задержавшимся в Петербурге (ВД, т. IV, стр. 237—238).

[44] Эти мнения уже сильно отклонялись от решений петербургских совещаний 1824 г. Ср. ВД, т. I, стр. 34, 35.

[45] ВД, т. IV, стр. 92.

[46] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 46.

[47] ЦГИА, ф. 48, д. 419, л. 25; д. 401, л. 6 об.

[48] Н. И. Лорер. Записки, стр. 79—80.

[49] Заметим, что это — едва ли не единственное свидетельство о том, что свидание 1825 г. в Бердичеве состоялось, все остальные известные мне источники говорят о том, что свидание в Бердичеве организовать не удалось. Нельзя, между прочим, не обратить внимания, что Грибоедов во время его кратковременного пребывания в Киеве в 1825 г. говорит о полученном приглашении посетить ярмарку в Бердичеве («которая начнется послезавтра»). По письму его к В. Ф. Одоевскому от 4 июня мы видим, что он был склонен принять это предложение, но данными о посещении А. С. Грибоедовым Бердичева мы не располагаем (А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. III, стр. 172, 175; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947, стр. 432 и сл.).

[50] Н. И. Лорер. Записки.

[51] Перевод Ф. Сологуба. Подлинник — в сборнике А. П. Барятинского «Quelques heures de loisir à Toulchin» М., 1824, стр. 38. Перевод опубликован в журнале «Былое», 1926, № 1 (35), стр. 13. Ошибка, допущенная Сологубом в последней строке, исправлена мною. У Сологуба: «Прости ошибки мне, особенно стихи». Это явная опе-

чатка, так как в подлиннике стоит «Prends pitié de leurs maux et surtout de mes vers», т. е. буквально: «Сжалься над их страданиями и особенно над моими стихами». Приводим это стихотворение Барятинского в подлиннике.

A P. PESTEL

Quatre lunes dejà — j'y pense avec effroi, —
Prime sodalium! me séparent de toi.
Sans doute, il te souvient, des tranquilles soirées,
Où par l'épanchement nos âmes resserrées,
Trouvaient dans l'amitié tant de charmes nouveaux.
Alors, te reposant de tes nombreux travaux,
Ou las d'avoir sondé quelque grande pensée
Ma muse sous ta main fut souvent caressée.
De deux Natchez, pour toi j'ai tracé les revers,
Prends pitié de leurs maux et surtout de mes vers.

Приведенные выше строки о Пестеле предпосланы большому стихотворению «Le vieillard du Meschacébé», ему посвященному (там же, стр. 39—44). Это произведение бурной романтики, действие которого происходит среди американских саванн (главные действующие лица — отец и сын Начезы (Natchez) — отсюда упоминание о них в предпоследней строке перевода). В этом же сборнике имеются стихи Барятинского, посвященные декабристу Ивашеву (там же, стр. 10—13).

52 Н. И. Лорер. Записки, стр. 77.

53 ЦГИА, ф. 48,, д. 422, л. 31.

54 ВД, т. IV, стр. 142.

55 Французский подлинник стихов А. П. Барятинского опубликован вместе с прозаическим переводом в качестве приложения к делу А. П. Барятинского (ВД, т. X, стр. 300—304, 318—320, ср. 32—33).

56 ВД, т. IV, стр. 92 (ср. дело Юшневского).

57 Там же, стр. 102.

58 Там же, стр. 102—103.

59 Там же.

60 ЦГИА, ф. 48, д. 402, лл. 51, 52 об.; д. 403, л. 32; ВД, т. X, стр. 268, 270.

61 ВД, т. I, стр. 27; т. IV, стр. 350; т. XI, стр. 194, 198, 199.

62 Там же, т. IV, стр. 15, 171; т. IX, стр. 265.

63 Там же, т. IV, стр. 104.

64 Там же.

65 Там же, т. IX, стр. 112.

66 Там же, т. IV, стр. 171.

67 Там же, стр. 104.

68 Там же, стр. 171.

69 Там же, т. IX, стр. 112—113. (Подчеркнуто мною. — *М. Н.*).

70 Там же, т. IV, стр. 206—207.

71 Там же, стр. 93, 100.

72 Там же, т. I, стр. 182; т. IV, стр. 167, 168.

К главе XIV

1 А. Д. Кузьмин в числе других славян был взят с оружием в руках при разгроме восстания Черниговского полка и застрелился в ближайшей корчме. Тем не менее в составе судебных дел, производившихся на юге, о нем имелось специальное дело, поскольку он был судим посмертно и по высочайшей конфирмации его имя было прибито к виселице.

2 В документальном издании «Восстание декабристов» Обществу соединенных славян посвящен пока только один (V) том, где опубликованы следственные дела Петра и Андрея Борисовых, М. Спиридова, И. Горбачевского, В. Бечаснова, А. Пестова, Я. Андреевича, Ю. Люблинского и А. Тютчева. В дальнейших томах будут опубликованы дела всех членов Славянского общества, преданных Верховному уголовному суду.

3 М. В. Нечкина. Три письма декабриста Петра Борисова. — «Каторга и ссылка», 1926, 6 (27), стр. 57—64.

4 Автобиография Ю. К. Люблинского, публикация Н. П. Чулкова.— «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

5 Ранее указание на то, что Ю. Люблинского привели в оковах в Новоград-Волынск из Варшавы, имелось лишь в письме И. Горбачевского к М. Бестужеву от 7 июня 1861 г. («Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского», под ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925, стр. 369; в дальнейшем это издание цитируется сокра-

щенно: «Записки Горбачевского»). Теперь этот факт подтверждается и собственной автобиографией Ю. Люблинского. Надо заметить, что имя Ю. Люблинского ни разу не упомянуто в «Записках Горбачевского».

[6] Источниковедческому анализу «Записок» я посвящаю специальное исследование.

[7] Вполне прав издатель «Записок Горбачевского» Б. Е. Сыроечковский, придя к выводу, что они «представляют не личные мемуары..., а повествование, основанное на рассказах многочисленных участников описываемых событий и только отчасти на собственных воспоминаниях автора. Составителем их проделана большая предварительная работа сопоставления и критической оценки различных вариантов изустной традиции — некоторые замечания и ссылки в тексте вскрывают эту работу. Прошедший через эту проверку материал связан затем в искусно построенный рассказ с продуманным до деталей планом и с определенным, проводимым через все изложение истолкованием излагаемых событий. Мемуары... вырастают, таким образом, в научное исследование, монографию» («Записки Горбачевского», стр. 31).

[8] «Записки Горбачевского», стр. 357.

[9] Л. Н. Пушкарев. Неизвестная работа И. Г. Прыжова о декабристах в Сибири.— «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

[10] «Записки Горбачевского», стр. 357—358.

[11] «Русский архив», 1882, № 2, стр. 311, 355; 1882, № 4, стр. 311; 1890, № 9, стр. 111—112.

[12] «Записки Горбачевского», стр. 28.

[13] Этот и дальнейшие примеры см. в указанном письме И. Горбачевского к М. Бестужеву в «Записках Горбачевского», стр. 340—345.

[14] Привожу весь этот не совпадающий с «Записками» текст из письма И. Горбачевского к Бестужеву: «Кузьмина в это время дома не было; он был в Василькове с прочими членами Славянского общества, ожидая приезда Муравьева-Апостола обратно из Житомира. Но, получивши Записку от Горбачевского через посланного им в Черниговский полк подпоручика Андреевича, они уехали из Василькова тотчас же в Трилесье по разным дорогам с тем, чтобы, встретя на дороге Муравьева, отбить его и освободить из-под ареста» («Записки Горбачевского», стр. 340, ср. 134, разрядка моя. — *М. Н.*).

[15] «Записки Горбачевского», стр. 340.

[16] Вот этот текст: «Когда Бестужева вели на казнь, он сей самый образ, над которым клялись славяне, подарил своему сторожу, который был при нем в каземате. Сторож продал оный образ Лунину, у которого оный и теперь хранится» («Записки Горбачевского», стр. 81; ср. вводную статью Б. Е. Сыроечковского, в которой устанавливается датировка «Записок», — там же, стр. 29—30).

[17] В письме к М. Бестужеву содержится трогательный рассказ о том, как на память о последнем свидании Сергей Муравьев-Апостол подарил И. Горбачевскому свою головную щеточку, которую тот случайно держал в руках во время последнего разговора. Горбачевскому удалось сохранить этот дорогой для него подарок даже в Петропавловской крепости. Реликвия эта привлекала внимание и других декабристов: Трубецкой, Поджио и другие упрашивали отдать им ее на память и всячески «выменивали» ее у него. Трудно представить себе, чтобы реальный Горбачевский, описывая прощание с Сергеем Муравьевым-Апостолом, забыл упомянуть в своих «Записках» об этой столь памятной и дорогой для него детали последней встречи. Между тем в «Записках Горбачевского» об этой детали нет ни слова и весь тон рассказа о последней встрече совершенно иной («Записки Горбачевского», стр. 341—342).

[18] Нет ни малейших оснований предполагать авторство таких членов, как принятые в 1824 г. А. Д. Высочин, П. К. Головинский, Ф. А. Жебровский, Н. Красницкий. Не говоря уже о том, что они значительно менее активны и гораздо менее осведомлены, чем упомянутые члены Славянского общества, имеется и другое основание решающего характера для их «отвода», — все четверо не были в Сибири.

[19] ВД, т. V, стр. 39.

[20] Там же, стр. 82; ср. «Записки Горбачевского», стр. 44.

[21] Там же, стр. 31, 47, 49; ср. «Записки Горбачевского», стр. 82, 87, 88.

[22] Ср. «Пифагоровы законы и нравственные правила». Перев. с франц. В. Сопиков. СПб., 1808, стр. 80 и др. Вопрос о воздействии на славян Сильвена Марешаля и раскрытие понятия «Пифагоровой секты» в применении к славянам см. в работе: Ю. Г. Оксман. «Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов XIX в.». Сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 474—515. Мы употребляем в дальнейшем изложении три термина: Общество соединенных славян, Славянское общество и Славянский союз. Все три термина употреблялись как равнозначные самими декабристами, членами данного общества.

[23] ВД, т. V, стр. 52. По правильному чтению В. И. Семевского — «Платона» («Политические и общественные идеи декабристов», СПб., 1909, стр. 311), по чтению Н. Коробки — «Плотина» («Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян» — «Современник», 1911, кн. 5). В собственноручном тексте показания Борисова 2-го обычно читается «Плотина», но это неправильное восприятие индивидуального

начертания «о» и «и». Ни о какой «республике» философа Плотина в литературе неизвестно. На это справедливо указывает Ю. Г. Оксман в указанной работе, стр. 475.

[24] ВД, т. V, стр. 50—52, 55, 71, 82, 87, 89, 96, 97; ЦГВИА, оп. 847, св. 20, д. 373. «Дело имп. военно-сиротского дома о подпоручике Корсуне 1-м, принадлежавшем к тайному обществу под названием «Друзей Природы». В рапорте Адлерберга 1-го даны неверные сведения о том, что Корсун не упомянут Борисовыми в числе членов «Общества друзей природы»: он упомянут обоими братьями (там же).

[25] Декабрист И. Д. Якушкин, познакомившийся с П. Борисовым в Сибири, передает, что большую роль в образовании последнего сыграла библиотека одного польского помещика. Борисов перечитал там множество произведений просветительной философии. Замечательны размышления П. Борисова о происхождении планетных систем, — его материалистические взгляды на «мироздание» и живой интерес к естественно-историческим наукам выявлены здесь с большой ясностью. Работа, посвященная вопросу возникновения планет (без заглавия), хранится в ЦГИА, ф. Якушкиных, оп. 1, д. 207. Опубликована в «Избранных социально-политических и философских произведениях декабристов», т. III, 1951, стр. 79—82, 415—417.

[26] ВД, т. V, стр. 22.

[27] Вл. Раевский. О рабстве крестьян. Опубликовано у П. С. Бейсова «Новое о В. Ф. Раевском» (Пушкинский юбилейный сборник Ульяновского педагог. ин-та, Ульяновск, 1949, стр. 250—251). Записка датируется 1820 г. См. В. Г. Базанов. Владимир Федорович Раевский. М.—Л., 1949, стр. 109 и сл.

[28] В. Г. Базанов. Владимир Федорович Раевский, стр. 122.

[29] І. Гуржій. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954, стр. 414—415.

[30] ВД, т. V, стр. 83, 60, 88. П. Г. Рындзюнский, на мой взгляд, необоснованно принижает облик братьев Борисовых. В своей статье «Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении» («Труды Гос. истор. музея», вып. XV, М.—Л., 1941) автор характеризует мировоззрение Петра Борисова на основе рукописной «Книги выписок» из иностранных авторов, составленной в Сибири. Конечно, в какой-то мере выписки отражают идеи выписывающего, но весьма ненадежно строить преимущественно на выписках характеристику идеологии. Характеризуя же более ранний этап идеологического развития Борисовых, Рындзюнский также принижает их облик, исключая из характеристики важнейшие факты, каждый из которых по отдельности говорит против предлагаемой концепции, а вместе они, на мой взгляд, полностью опровергают ее. Так, исследователь исключает из орбиты своего внимания по меньшей мере следующие важнейшие факты: 1. Признание Борисовых в генезисе их вольнодумства, о «влюбленности» в демократию, политические споры братьев. 2. Факт вхождения Борисовых в Южное общество (они могли бы и не войти!) и его мотивировку («Целью сего общества есть введение в России чистой демократии; уничтожающей не токмо сан монарха, но и все сословия» и т. д., ВД, т. V). Если Борисовы — либералы и мирные семейные мещане, то зачем они вошли в Южное общество? 3. Расписку Петра Борисова в согласии на цареубийство. 4. Подготовку солдат к восстанию, активную агитацию среди них 5. Подготовку артиллерийских снарядов к восстанию, заботы об этом. 6. Разъезды Андрея Борисова по соседним полкам с призывом к восстанию. 7. Письмо Петра Борисова к юнкеру Головинскому, где положительно оценивается соединение Славянского общества с Южным. 8. Подготовку П. Борисовым мелкой шляхты к восстанию и самостоятельный прием в общество. 9. Знак штыка в славянских правилах.

[31] ВД, V, стр. 53.

[32] Там же, стр. 22.

[33] Там же, стр. 10—11, 80—81; М. П. Погодин. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864, стр. 330 и др.; А. П. Ермолов. Письма к Н. П. Годеину. — «Древняя и новая Россия», 1879, № 2, стр. 116—129; ср. А. С. Грибоедов. Полное собр. соч. (акад. изд.), т. III, стр. 136.

[34] Baumgarten. Dekabryscі a Polska. Warczawa, 1952, str. 29; Н. П. Чулков. Автобиография Ю. К. Люблинского. — «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

[35] В своей работе «Общество соединенных славян», вышедшей в 1927 г., я отдала дань этому спору и, основываясь лишь на истолковании показания самого Люблинского, указывала на его приоритет в вопросе (ВД, т. V, стр. 419). Однако этому показанию противостоит заявление Андрея Борисова (там же, стр. 82). Не могу поддержать и мнения, что Люблинскому принадлежит лишь «нейтральное» пожелание искоренения вражды между русскими и поляками, а вся политическая сторона Славянского союза восходит к Борисову. Очевидно, политическое содержание предложения было поддержано всеми тремя основателями, и нет решительно никаких данных для принижения в этом отношении Ю. Г. Люблинского.

[36] ВД, т. V, стр. 82 (подчеркнуто П. Борисовым), 28.

[37] Там же. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*

[38] Там же, стр. 419.

[39] Там же, стр. 412. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*

[40] Там же, стр. 28—31.

[41] Там же, стр. 82, 88.

[42] Список членов Славянского общества приложен к книге М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян», М., 1927, стр. 214—217.

[43] Данные о жалованье офицеров русской армии с 1816 г. взяты из работы капитана Н. С. Пестрикова «История л.-гвардии Московского полка», т. I (с 1811 по 1825 гг.), СПб., б. г., стр. 198.

[44] «Имущественное положение декабристов», с пред. С. Н. Чернова. — «Красный архив», т. XV, стр. 164—213; Е. Щепкина. Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов. — Сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 367—376. Ср. «Былое», 1925, № 3; ВД, т. V, стр. 10, 21—23, 80, 84—85, 184, 190—193 и др.

[45] «Записки Горбачевского», стр. 45.

[46] Цитирую славянский «Катехизис» по своей книге «Общество соединенных славян» (стр. 96—98), где основной текст документа, приведенный по делу Борисова, сверен с подлинником и сопоставлен со вторым списком, находящимся в деле П. Ф. Выгодовского (это и есть два основных дошедших до нас текста документа).

[47] ВД, т. V, стр. 372, 380—382, 384—387.

[48] В указанной выше работе П. Г. Рындзюнский дал отрицательную характеристику отношения Петра Борисова к крепостному праву. Исследователь пишет: «Просматривая весь материал по революционной идеологии Борисова, мы не найдем в нем ничего (?), что бы непосредственно отвечало на живые вопросы современности, в первую очередь на положение крестьянства. В тех случаях, когда П. Борисов во время следствия высказывает свое отношение к явлениям социальной жизни, наглядно видно, что эти мысли не лежали непосредственно в основе его идеологии: в особенности это ярко чувствуется при сравнении его показаний с показаниями более молодых членов общества» (П. Г. Рындзюнский. Указ. соч., стр. 24). Этот вывод противоречит фактическому материалу. Правила Общества соединенных славян, составленные Петром Борисовым, включали в себя в яркой форме протест против крепостного права («Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь», ВД, т. V, стр. 12). Борисов среди причин, породивших его вольнодумство, в числе первых называет угнетение помещиками крестьян, несправедливости и насилия крепостного права, что и укрепило «в моем уме либеральные мысли» (там же, стр. 22). Далее в ответ на вопрос, что побудило его вступить в Славянское общество, он непрестанно повторяет, что причиной этого были «притеснения» крестьян помещиками (там же, стр. 28). В созвучии с этим он воспринимает и речь М. Бестужева-Рюмина о соединении, сочувственно упоминая о крестьянах, угнетенных «их помещиками и налогами» (там же, стр. 31), и передавая условия освобождения крестьян в южной конституции (там же, стр. 32—33), текст которой списан, кстати говоря, его рукой (это единственный экземпляр «Государственного Завета», до нас дошедший). Для осуществления этой конституции Петр Борисов дал клятву не только поднять оружие во время восстания, но и совершить цареубийство (там же, стр. 34—35 и др.). Во имя этой конституции и вел Борисов опаснейшую агитацию среди солдат. Доказательства можно бы умножить, но чего же еще надо? Вся совокупность документального материала убеждает нас в необоснованности принижения декабриста П. Борисова. Одно из доказательств П. Г. Рындзюнского основано на незаконченной цитате. Рассказывая об одном из объединительных славянских заседаний с участием М. Бестужева-Рюмина, П. Борисов показывает: «После меня многие из присутствующих начали делать Бестужеву различные вопросы и большею частью самые пустые, как, например: «Каким образом вести себя против командиров, прилежать ли к службе, согласятся ли помещики на уничтожение крестьян, не будет ли кровопролития и пр.». Окончив на этом цитату, П. Г. Рындзюнский делает заключение: «Так в противоположность другим членам общества П. Борисов относил к числу «самых пустых вопросов» вопрос о судьбе крестьянства» (П. Г. Рындзюнский. Указ. соч., стр. 24—25. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*). Заключение глубоко неправильное. Во-первых, Борисов относил к числу «самых пустых» вопросов не вопрос о судьбе крестьянства, которым он был глубоко озабочен, что и показано выше, а вопрос о том, «согласятся ли помещики» на освобождение крестьян, что далеко не одно и то же; а во-вторых, П. Борисов далее остроумно поясняет свою мысль; обратившись к товарищам, задавшим вопросы, он «смеявшись» сказал — вы бы еще спросили «нашего иллюминатора» (т. е. в данном случае — просветителя), «позволяют ли правила людей благомыслящих любить и жениться...» Иначе говоря, Борисов считал вопрос об освобождении крестьян предельно ясным и не нуждающимся в комментариях, подобным вопросу, может ли человек жениться. Согласятся или не согласятся помещики на освобождение крестьян, что не имеет никакой важности, крестьян все равно надо освободить, — только так надо понимать его ответ (ВД, т. V, стр. 63).

[49] ЦГИА, ф. 48, д. 442 (Фурмана).

[50] ВД, т. IX (дело включает в себя тексты речей М. Бестужева-Рюмина, являющихся образцами его ораторских выступлений).

[51] ВД, т. V, стр. 39.

[52] Письмо И. И. Горбачевского к Е. П. Оболенскому от 22 марта 1862 г. — «Записки Горбачевского», стр. 273 и сл.

[53] Л. Н. Пушкарев. Неизвестная работа И. Г. Прыжова о декабристах в Сибири. — «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

[54] ЦГИА, ф. 48, д. 443 (Веденяпина 1-го), л. 12 и сл.

[55] «Записки Горбачевского», стр. 57; «Из писем и показаний декабристов», СПб., 1906, стр. 145; С. Г. Волконский. Записки, стр. 402—403; «Записки Горбачевского», стр. 53; П. Е. Щеголев. Петр Григорьевич Каховский. Пб., 1921; См. также П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 173. Об идее Славянской федерации см. дело Гангеблова (ЦГИА, ф. 48, д. 49, лл. 8 об, 12 об. и др.), ср. А. С. Гангеблов. Воспоминания М., 1888, стр. 91. А. И. Одоевский в песне «Славянские девы», написанной в Сибири, в яркой форме развивает идею всеславянского объединения. (А. Одоевский. Стихотворения. М., 1936, стр. 107—108. См. ниже гл. XX настоящей работы).

[56] В этом отношении от проектов декабристов, в особенности проекта Общества соединенных славян, коренным образом отличается, например, панславистский проект А. Чарторыйского, раскрытый в его мемуарах (т. I, стр. 372—373), или проект, порученный Новосильцеву при отправке его в Англию осенью 1804 г. В миссию Новосильцева входила пропаганда идеи Славянской федерации (переговоры с Питтом-младшим). Ср. Vernadsky. Charte constitutionnelle de 1820. Paris, 1940, стр. 69. Ср. Д. Завалишин. Восточный вопрос. Славянство и проливы.—«Русское дело», 1886, № 9.

[57] М. В. Нечкина. Три письма декабриста Петра Борисова. — «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 59—60; она же. Общество соединенных славян, стр. 95—98.

[58] В примечании к цитируемому изданию «Записок» Б. Е. Сыроечковский приводит изъятый текст в передаче «Русского архива»: «осуждали... и все вообще дворцовые революции, не одобряли суд Карла I-го, Людовика XVI...» («Записки Горбачевского», стр. 78). Из этого текста видно, что характернейшее искажение, допущенное Бартеневым или цензором, и состоит в замене «но одобряли» обратным по смыслу «не одобряли».

[59] Цитирую наборную перебеленную рукопись «Записок» из коллекции В. Г. Дружинина (собирателя гл. обр. старообрядческих документов), которая в 1930 г. находилась на просмотре в Пушкинском доме АН СССР и была любезно предоставлена мне Н. В. Измайловым, которому приношу за это свою благодарность. Можно предположить, что эта перебеленная копия, по которой производился набор в редакции «Русского архива», попала к В. Г. Дружинину случайно от какого-либо купившего рукопись старообрядца.

[60] «Записки Горбачевского», стр. 91 и др.

[61] Там же, стр. 58.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] Там же, стр. 59, ср. 58.

[65] Там же, стр. 58, 91.

[66] «Из рукописей декабриста П. Ф. Выгодовского». — «Каторга и ссылка», 1934, т. III, стр. 88. Цитаты включены в краткое изложение рукописей Выгодовского, которое составлено кем-то из чиновников III Отделения (хранится в архиве III Отделения, 1-я эксп., № 61).

[67] О съезде славян в Черникове (Чернихово) сведения сохранились лишь в «Записках Неизвестного» (см. «Записки Горбачевского», стр. 44).

[68] «Записки Горбачевского», стр. 46.

[69] Там же, стр. 46—47.

[70] ЦГИА, ф. 48, д. 434 (Горбачевского); д. 431, л. 55.

[71] «Записки Горбачевского», стр. 48.

[72] На основании следственного материала можно придти к выводу, что собраний было скорее всего четыре: первое — у Борисова 2-го, второе — у Андреевича (с Бестужевым), третье — у него же без Бестужева и четвертое — на котором давалась клятва. Но против этого имеются соображения такого рода: на одном из собраний не были черниговские офицеры, так как Бестужев их не хотел или забыл оповестить; место собрания было внезапно перенесено из квартиры Веденяпина 1-го, где было ранее назначено, в квартиру Андреевича, на прежнее место. По всему ходу событий видно, что это собрание было ранее заключительного и что на нем присутствовал М. Бестужев-Рюмин, но в то же время оно не было первым собранием у Андреевича 2-го. Отсюда можно сделать вывод, что оно было четвертым. Пятым же было заключительное, где была дана клятва. Таким образом, собраний было не менее пяти.

[73] «Записки Горбачевского», стр. 49—50.

[74] М. М. Спиридов был родственником М. Бестужева-Рюмина («Декабристы и их время», т. I, стр. 208).

[75] ЦГИА, ф. 48, д. 435 (Бечаснова), л. 21.

[76] Там же, д. 452 (Берстеля), л. 15; д. 443 (Веденяпина 1-го), л. 13.

[77] «Записки Горбачевского», стр. 50.

[78] Там же, стр. 51.

[79] ЦГИА, ф. 48, д. 435, л. 22. Ср. «Записки Горбачевского», стр. 51 и сл.

[80] «Записки Горбачевского», стр. 52—56.

[81] Многократные свидетельства членов Славянского общества о сообщении им М. Бестужевым июльского плана П. И. Пестеля представляют большую ценность и еще раз подтверждают существование плана Пестеля. Ср. ВД, т. V, стр. 34, 35, 50, 62, 187, 200, 211 и мн. др.

[82] «Записки Горбачевского», стр. 64—65.

[83] Там же, стр. 66—68; ЦГИА, ф. 48, д. 435, лл. 4, 25—26; д. 436, лл. 12—13; д. 434, лл. 19—20.

[84] «Записки Горбачевского», стр. 68; ЦГИА, ф. 48, д. 434, л. 19.

[85] ЦГИА, ф. 48, д. 435, лл. 46—47; «Записки Горбачевского», стр. 69—70.

[86] ЦГИА, ф. 48, д. 443, л. 24; д. 450, лл. 15 об. — 16; «Записки Горбачевского», стр. 70—71.

[87] «Записки Горбачевского», стр. 70—71.

[88] Там же, стр. 72—73.

[89] ЦГИА, ф. 48, д. 431, л. 55.

[90] «Записки Горбачевского», стр. 76 и сл.

[91] ВД, т. IX.

[92] Там же, т. V, стр. 372 и др. Воспоминания о речи М. Бестужева сохранились также в показаниях Борисова 2-го, Горбачевского, Лисовского, Мозгана и Веденяпиных 1-го и 2-го.

[93] Ср. ЦГИА, ф. 48, д. 450 (Лисовского), д. 17.

[94] «Записки Горбачевского», стр. 82—83.

[95] ЦГИА, ф. 48, д. 440, л. 28; д. 434, л. 43; д. 436, л. 17 (ср. д. 431); «Записки Горбачевского», стр. 86—87.

[96] Весь разговор в приведенной форме собственноручно записан в показаниях Петра Борисова (ВД, т. V, стр. 47). Передача разговоров в живой форме вообще была в литературной манере П. Борисова. Некоторые историки несправедливо ссылаются на подобную манеру как на довод, опорочивающий сделанное в данной форме показание. Между тем к этому нет никаких оснований. Очевидно, тут происходит смешение двух явлений. Историк, через много лет пишущий о каких-либо событиях, в которых он не участвовал, и придумывающий вымышленные речи за Юлия Цезаря или Ганнибала, пользуется ненаучным приемом и ставит свои выводы под удар. Другое дело, когда мемуарист, живой свидетель событий, воспроизводит врезавшийся в его память живой разговор, участником которого был он сам. Такое свидетельство сохраняет свою весомость и доброкачественность. Вспомним, например, как много живых разговоров передано в «Былом и думах» А. И. Герцена, — разве в силу живой формы эти свидетельства надо считать недостоверными? (ср. «Очерки из истории движения декабристов», М, 1954, стр. 126—128).

[97] ЦГИА, ф. 48, д. 146.

[98] «Записки Горбачевского», стр. 362 (письмо к М. Бестужеву).

[99] О происхождении и составе памятника «Конституция Государственный Завет»; см. статью М. Нечкиной в «Очерках из истории движения декабристов», стр. 73—83. В литературе высказывалось мнение, что Пестель будто бы продиктовал Бестужеву-Рюмину «Конституцию Государственный Завет» еще в 1823 г. Это мнение голословно, предложенная дата не опирается ни на единое свидетельство; весь контекст показания Пестеля о диктовке документа говорит о 1825 годе, таков и внутренний смысл заданного ему вопроса (ВД, т. IV, стр. 186, 188).

[100] Уточняя дату и место возникновения документа «Конституция Государственный Завет», надо пояснить следующее. Первоначальное совещание южных декабристов со славянами состоялось 29—30 августа, а первое общее собрание, на котором славяне и потребовали знакомства с конституцией Южного общества, — 3 или 4 сентября 1825 г. Второе совещание славян с Бестужевым-Рюминым состоялось спустя два-три дня после первого, т. е. примерно 6—7 сентября. На нем уже фигурировала «Конституция Государственный Завет», сначала прочитанная и комментированная Бестужевым на собрании, а затем переданная им славянам для снятия копий. Лагерный сбор около Лещина закончился 15 сентября. Следовательно, «Конституция Государственный Завет» никак не могла быть продиктована Пестелем ранее последних чисел августа 1825 г. и позже дня, очень близкого к 7-му сентября (дата, когда она уже была передана славянам). Следовательно, те «два-три дня», которые отделили первое общее собрание славян от второго, и были временем, когда Бестужев-Рюмин поспешил в Жарницы (Жарнищи) к Пестелю, где он находился на маневрах, и написал под его диктовку «Конституцию Государственный Завет». Отсюда следует, что текст интересующего нас документа возник между 3 и 7 сентября 1825 г. Где же был он продиктован? Иногда встречаются утверждения, что документ был продиктован Пестелем в Линцах — местечке Липовецкого уезда Киевской губер-

нии, где находилась штаб-квартира Вятского пехотного полка, которым тогда командовал Пестель. Из этого предположения рождается вопрос: мог ли успеть Бестужев-Рюмин из Лещинских лагерей проехать к Пестелю и вернуться с новым документом ко второму собранию. Хотя и в этом случае надо было бы ответить утвердительно, так как Бестужев-Рюмин располагал двумя-тремя днями, но вопрос порожден фактической ошибкой: Пестель в это время был не в Линцах, а в Жарницах, где производились маневры воинских частей, к которым принадлежал Вятский полк. Его местопребывание бесспорно устанавливается многократными свидетельствами самого Пестеля о том, что он был на маневрах 1825 г., и свидетельствами других лиц (ВД, т. IV, стр. 54, 56, 191 и 217, ср. там же, стр. 9, 20—21, 25—26 и др.). Особенно выразительно свидетельство предателя Майбороды, капитана того же Вятского полка. «Во время лагерного сбора, доносит он, съездив в м. Линцы за некоторыми полковника [Пестеля] вещами и доставив оные в лагерь, я испросил у него затем позволение опять ехать в Линцы для взятки оставшихся там вещей моих. Здесь я остановился и под предлогом болезни пробыл почти три недели. Это возбудило в г. Пестеле сильнейшее подозрение, ибо, приехав в лагерь перед самым уже смотром г. главнокомандующего, я нашел г. Пестеля дышущим ко мне злобою...».

Таким образом, Пестель был на месте лагерного сбора более трех недель еще до смотра главнокомандующего, т. е., очевидно, пришел туда вместе с Вятским полком, как и все пехотные части, в начале августа 1825 г.

К главе XV

[1] О строгости Пестеля как командира Вятского полка показывает он сам следствию (ВД, т. IV, стр. 166—167, ответ на 22-й вопрос). Рекомендации Пестеля вести агитацию среди солдат засвидетельствованы в ряде показаний. ВД, т. IV, стр. 20, 173; ЦГИА, ф. 48, д. 369, л. 17 и др.

[2] ЦГИА, ф. 48, д. 433, лл. 33, 68.

[3] Там же, д. 144, л. 22.

[4] Там же, д. 433, лл. 33, 63, 65—68, 71, 72.

[5] Там же, д. 441 (Киреева), лл. 2, 3; д. 439, лл. 34—37, 40.

[6] «Записки Горбачевского», стр. 62—63.

[7] ЦГВИА, оп. 847, св. 14, дело 97 «По показанию Полтавского пехотного полка полковника Тизенгаузена о происшествии, случившемся в одной роте Саратовского пехотного полка во время сбора 3 пехотного корпуса под местечком Лещиным».

[8] «Записки Горбачевского», стр. 382—383.

[9] В показаниях Тизенгаузена неправильно: Борычева.

[10] ЦГВИА, оп. 87, св. 14, д. 97.

[11] «Записки Горбачевского», стр. 89—90.

[12] ЦГИА, ф. 48, д. 446, лл. 15, 16, 17, 18; д. 431, лл. 24, 25; д. 146 («Шеколла — Саратовского пехотного полка юнкер, Островский, Невенгловский — польские дворяне, Головинский — 4-й парочной батарейной роты юнкер, Красницкий, отставной поручик Костыра 10 класса»).

[13] Донос Шервуда и доклад полковника С. Николаева барону И. И. Дибичу от 18 ноября 1825 г. см. «Воля России», Прага, стр. 42—58. О доносе Шервуда см. донесение барона И. И. Дибича от 4 декабря 1825 г., поданное императору Константину, но полученное вместо него Николаем накануне 14 декабря 1825 г. См. Н. К. Шильдер. Император Александр I, его жизнь и царствование, т. IV, СПб, 1905, стр. 408—420; С. Г. Волконский. Записки, стр. 425—426, 427—431.

[14] В конце жизни Шервуд сам состоял под секретным надзором, от которого освобожден лишь в связи с коронационной амнистией 1856 г. Ср. ЦГИА, отчет III Отделения за 1844 г., ф. 109. Подполковник Шервуд Верный заключен в Шлиссельбург за клевету и ложные слухи. В 1843 г. он был выслан в Смоленскую губ. за попытку похитить у чиновника Дероша служебные бумаги (лл. 10, 11).

[15] «Записка А. К. Бошняка». — «Красный архив», 1925, т. II (IX), стр. 195—225; С. Г. Волконский. Записки, стр. 423 и сл.; ЦГИА, ф. 48, д. 398, лл. 32 об. — 36; д. 400, л. 10; д. 401, л. 54; Н. И. Лорер. Записки, стр. 76—77; ЦГИА, ф. 48, д. 410, лл. 4, 11, 12, 16; д. 424 (Заикина), л 21; д. 408, л. 35 об.; д. 415, л. 34 об.

[16] Донос А. Майбороды см. ВД, т. IV, стр. 8—28 и сл. Ср. ЦГИА, ф. 48, д. 422 (Бобрищева-Пушкина 1-го), л. 20; С. Г. Волконский, Записки, стр. 414—415, 428—429.

[17] ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 20 об.

[18] ВД, т. IV, стр. 152, 170, 172, ср. т. I, стр. 10; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 95 (Бурцова), л. 18.

[19] ВД, т. IV, стр. 152; т. I, стр. 182; т. IX, стр. 228.

[20] ВД, т. IV, стр. 169, ср. 284 (показание С. Муравьева-Апостола), ср. 96 и 104; М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.—Л., 1927, стр. 82; ВД, т. IV стр. 278—279 и др., ср. 279, 259; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 400 (Давыдова), л. 11.

[21] ВД, т. I, стр. 16; т. IV, стр. 99.
[22] ЦГИА, ф. 48, д. 398 (Юшневского), л. 50.
[23] ВД, т. IV, стр. 110.
[24] ЦГИА, ф. 48, д. 401 (Барятинского), л. 7 об.; ВД, т. IV, стр. 110; ЦГИА, ф. 48, д. 423 (Бобрищева-Пушкина 2-го), л. 24 об.
[25] ВД, стр. 170; ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 9.
[26] ЦГИА, ф. 48, д. 422 (Бобрищева-Пушкина 1-го), лл. 12 об., 18 об.; д. 398 (Юшневского), лл. 6 об., 47 об., л. 56, ср. д. 422, л. 12 об.; д. 401, л. 44 об.
[27] Показание Барятинского, ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 39.
[28] Показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 170.
[29] Показание Барятинского, ЦГИА, ф. 48, д. 401, л. 37; д. 408 (Крюкова 2-го), л. 35.
[30] ЦГИА, ф. 48, д. 408, л. 33 об.; д. 401, л. 40.
[31] ЦГИА, ф. 48, д. 408, лл. 32 об., 34 об. и сл. В свете этих и последующих событий видно, насколько неправильно утверждение Матвея Муравьева-Апостола в его «Воспоминаниях» (Пб., 1922, стр. 50) о том, что «в конце декабря Павел Иванович Пестель известил брата о кончине императора и о двух доносах, сделанных еще при его жизни»; о доносах декабристы знали еще в августе, а о смерти Александра I узнали в конце ноября.
[32] Об этом изменении настроения в связи с открытием общества показывает сам Пестель — см. его дело, ВД, т. IV, стр. 92, 205; ср. дело Матвея Муравьева-Апостола.
[33] ЦГИА, ф. 48, д. 408, лл. 33 об. — 34 об. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*
[34] М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 80—83.
[35] ЦГИА, ф. 48, дело 269 «Дело о дошедших до комитета сведениях, что генерал-майор кн. Волконский рассказывал о болезни и смерти блаженной памяти государя императора прежде, нежели о том и о другом происшествии были официальные известия»; в деле имеется письмо С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву от 15 ноября 1825 г. ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 21—21 об.
[36] Показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 170. Обращает на себя внимание очень поздняя датировка, даваемая Пестелем: 28 или 29 ноября. Более вероятным казалось бы указание на более раннее получение известия о смерти императора.
[37] ВД, т. IV, стр. 171—172.
[38] Показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 172.
[39] Материал о плане сосредоточен в деле Пестеля и разбросан во многих делах других декабристов. Само собой понятно, что южные декабристы не были склонны распространяться об этом на следствии; реконструировать план приходится на основе отдельных его осколков, частных признаний. См. дело Пестеля, ВД, т. IV, стр. 151—152, 171—172, 196—197, 134, 240, 439, 284; ЦГИА, ф. 48, д. 408, лл. 33 об. — 34 об., 35 об.; д. 424 (Н. Заикина), лл. 9 об. — 2 об.; д. 422, лл. 18 об., 20; д. 428 (Черкасова), л. 16а об.; д. 413 (Вольфа), л. 26 об.
[40] Показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 172.
[41] ВД, т. IX, стр. 56, 68, 235; т. IV, стр. 284.
[42] Показание Бобрищева-Пушкина 1-го, ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 31; показание Пестеля, ВД, т. IV, стр. 192.
[43] ЦГИА, ф. 48, д. 424, л. 9 об.
[44] Там же, 422, л. 18 об.
[45] Там же, д. 424, л. 9 об.
[46] Заметим, что С. Н. Чернов, отвечая на вопросы по своему докладу, прочитанному в Ленинградской секции по изучению декабристов и их времени при Обществе б. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, ответил, что до сих пор неизвестно, какие бумаги прятали декабристы вместе с «Русской Правдой» (см. протоколы секции).
[47] Дело Пестеля, ВД, т. IV, стр. 149, 168, 186, 189, 190, 191; ЦГИА, ф. 48, д. 147 (Лачинова), л. 12 об.; д. 422, л. 18—18 об. д. 408, лл. 33 об. — 34 об.; «Записки Горбачевского», стр. 96; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 424, лл. 18 об. — 19.
[48] Допросные пункты подпрапорщика Федора Заикина в деле Пестеля, ВД, т. IV, стр. 130—134.
[49] ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 18 об.; ср. ВД, т. IV, стр. 132.
[50] ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 19.
[51] ВД, т. IV, стр. 172; Н. И. Лорер. Записки, стр. 82.
[52] ЦГИА, ф. 48, д. 423, л. 25 об.
[53] Там же, 398, л. 54, ср. 27; ср. д. 424.
[54] Его не следует смешивать с А. Е. Ринкевичем, корнетом лейб-гвардии конного полка, членом Северного общества. О И. Рынкевиче см. его дело № 125, включающее большое собственноручное показание Барятинского (см. л. 2 об.). Это дело осталось, повидимому, неизвестным Ю. Г. Оксману, написавшему о Рынкевиче особую статью «Мытарства декабриста Рынкевича» (см. сб. «Декабристы», М., 1925). ВД, т. VIII, стр. 215, 171. В «Алфавите» (стр. 171) неправильно указано, что Рынкевич приезжал к Пестелю «с известием о смерти покойного государя». ЦГИА, д. 125 (Рынкевича), лл. 1, 3.

[55] Н. И. Лорер. Записки, стр. 83, 84.

[56] Там же, стр. 84.

[57] ВД, т. IV, стр. 439.

[58] Н. И. Лорер. Записки, стр. 84.

[59] Секретный рапорт генерал-адъютантов Чернышева и Киселева графу Витгенштейну от 20 декабря, ВД, т. IV, стр. 34.

[60] Арест Пестеля ошибочно относится Б. Л. Модзалевским к 14 декабря. Пестель был арестован на рассвете 13 декабря (ВД, т. IV, стр. 28—29). Ср. работу Б. Пушкина «Арест декабристов», в сб. «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 400. ЦГИА, ф. 48, д. 415 (И. Поджио), л. 4; ВД, т. IV, стр. 235, 45; д. 402 (А. Поджио), л. 28.

[61] ВД, т. IV, стр. 172, 205, 209, 439. Подчеркнуто мною. — *М. Н.*

[62] Там же, стр. 439; ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 19 об. («Кипу такую сжечь нелегко»). Подлинник рапорта генерал-майора Байкова начальнику штаба второй армии генерал-адъютанту Киселеву об опечатании бумаг находится в деле Юшневского № 398, л. 10. Допросные пункты Ф. Заикина см. ВД, т. IV, стр. 130—131.

[63] ЦГИА, ф. 48, д. 422, л. 19 об.

[64] Там же, л. 20.

[65] М. А. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, стр. 50.

[66] Слова К. Ф. Рылеева, переданные на следствии князем С. Трубецким, см. ВД, т. I, стр. 19.

[67] М. А. Корф. Указ. соч., стр. 47—48; ВД, т. IV, стр. 170.

К главе XVI

[1] А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г., стр. 90—93; Сб. «Бунт декабристов», Л., 1926, стр. 129—222; ср. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 109—110.

[2] И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 19.

[3] «Тайные общества в России в начале XIX столетия» (сборник материалов, статей и воспоминаний), М., 1926, стр. 68—87; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 19; ВД, т. I, стр. 6 (дело Трубецкого).

[4] ВД, т. I, стр. 183; «Воспоминания Бестужевых», М., 1931, стр. 80; ЦГИА, ф. 48, д. 360 (Штейнгеля), л. 23 об.; «Воспоминания Бестужевых», стр. 70; ВД, т. I, стр. 37, 248—249, 184. Ср. термин «роковое время» в стихотворении Рылеева «Гражданин» («Я ль буду в роковое время...») и у Пестеля (ВД, т. IV, стр. 106).

[5] Там же, стр. 97, 98, 102, 152, 184; ср. «Воспоминания Бестужевых», стр. 81 и др.; ЦГИА, ф. 48, д. 387 (Розена), л. 8—8 об.; ВД, т. II, стр. 368—369. Об этом собрании у Оболенского свидетельствуют не только Оболенский и Рылеев, но и Розен и др. ЦГИА, ф. 48, д. 387, л. 9; ср. ВД, т. I, стр. 177, 247, 243; 488; т. II, стр. 12, 33.

[6] ВД, т. I, стр. 188, 270 (ответ на 10-й вопрос следствия), 346, 348, 376, 368—369, 188. О том, что план был отвергнут, см. также ВД, т. I, стр. 270 и 203; т. II, стр. 227, 228, 458 и др.

[7] ВД, т. I, стр. 36—37, 65, 66, 69, 98—99, 102; ср. «Записки» Трубецкого, стр. 93 и «Воспоминания Бестужевых», стр. 139; ЦГИА, д. 360, лл. 1, 3. Самый текст манифеста был уничтожен и воспроизведен по памяти при допросах (там же, л. 3). ЦГИА, д. 359, л. 19 об.; ВД, т. I, стр. 449, ср. 443; ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 37.

[8] ВД, т. I, стр. 66; 270 (ответ на 10-й вопрос).

[9] Там же, стр. 184 (ср. свидетельства декабристов о плане на следствии), стр. 18, 31—33, 36—37, 102, 103—105, 154, 161, 165, 187—188, 192, 199; 232; 364, 367, 376; 432; 436; 453; т. II, стр. 31, 33, 108, 211—212, 216—217, 224, 283—284, 363; ЦГИА, д. 367 (Свистунова), лл. 1, 5; д. 359 (Батенькова), д. 411 (Краснокутского), д. 387 (Розена), д. 361 (Торсона), д. 160 (Штейнгеля), д. 159 (Булатова), л. 18 и др. Указанные тут свидетельства, как и многие другие, анализируются ниже. ВД, т. I, стр. 235; 245; ср. А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 63.

[10] В деле Бестужева, см. ЦГИА, ф. 48, д. 359, л. 46 об. Дело Штейнгеля; там же, д. 360, л. 38; «Воспоминания Бестужевых», стр. 81; ВД, т. II, стр. 212; т. I, стр. 186 (ср. многократное употребление термина «план» у Рылеева), стр. 161, 162, 165, 185, 186, 188, 192; т. II, стр. 25; т. I, стр. 235, 444. Вообще в показаниях Оболенского термин «план» фигурирует многократно (см., например, там же, стр. 235, 236; 247, 248, 265, 266, 271). ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 25; ВД, т. I, стр. 452.

[11] ВД, т. I, стр. 187, ср. стр. 104—105; т. II, стр. 225; т. I, стр. 154, ср. стр. 191. Норма представительства, повидимому, не совсем точная, дана также в показаниях А. Булатова. ЦГИА, ф. 48, д. 159; л. 18; ВД, т. I, стр. 65; ср. стр. 154, 232, 458.

[12] Там же, стр. 66; Н. Муравьев и М. С. Лунин. Разбор Донесения Следственной комиссии. — «Полярная звезда», Лондон, 1858, кн. 5, стр. 57.

[13] ВД, т. I, стр. 107—108. Николай I отдавал себе отчет в чрезвычайном значении манифеста, хотя понял его содержание вкривь и вкось. Он картинно описывает, как был потрясен Трубецкой, увидев этот документ в руках следствия. См. «Междуцар-

ствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», стр. 146.

[14] Поручение написать манифест Рылеев тем легче мог передать Штейнгелю, что последний, только что приехав из Москвы, остановился в Петербурге там же, где жил Рылеев,— в доме Американской компании, у Синего моста, в квартире директора компании Прокофьева, с которым Штейнгель был хорошо знаком. Штейнгеля отделяли от рылеевской квартиры лишь сени, и Рылееву в любой момент было легко зайти к нему (ВД, т. I, стр. 187—188; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 360 (Штейнгеля), л. 28 об. О поручении Рылееву написать манифест см. его очную ставку с Трубецким (ВД, т. I, стр. 104). Общее свидетельство Оболенского о поручении Трубецкому написать манифест см. там же, стр. 270; ср. стр. 263. О поручении писать манифест Штейнгелю см. показания Рылеева (ВД, т. I, стр. 188). В деле Штейнгеля его проект манифеста дважды изложен декабристом по памяти; см. ЦГИА, ф. 48, д. 360, лл. 29, 38 об. О наброске манифеста, сделанном Николаем Бестужевым, см. ВД, т. II, стр. 82, 83, а также в деле Торсона, которому Бестужев показывал набросок; см. ЦГИА, ф. 48, д. 361, лл. 1, 20.

[15] ВД, т. I, стр. 102; ср. стр. 18. Свидетельство об авторском участии К. Ф. Рылеева в составлении «Манифеста к русскому народу» находится в письме Е. И. Якушкина (сына декабриста), где описана его вторая поездка в Сибирь для свидания с отцом. (См. сб. «Декабристы на поселении». Из архива Якушкиных. Приготовил к печати и снабдил примеч. Е. Якушкин. М., 1926, стр. 55).

[16] И далее: «И потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом перед судом» (см. там же, стр. 107—108). Один из пунктов манифеста гласил: «отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет» (обязательный срок царской военной службы был тогда 25-летний, в гвардии же по закону 1819 г. нижние чины получали отставку не после 25 лет, а после 22 лет службы). Трубецкой предполагал возможность некоторых уступок в содержании манифеста при переговорах с Сенатом. Однако самый созыв учредительного собрания остается непреложным и обязательным условием; Рылеев более, чем Трубецкой, сужает круг возможных уступок (ВД, т. I, стр. 37, 154).

[17] О проекте Конституции Н. Муравьева, хранившемся в бумагах И. И. Пущина, см. Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 334. Полемизирует с Н. М. Дружининым И. П. Дементьев. Крестьянский вопрос в движении декабристов (Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное общество), диссертация (рукопись).

[18] ВД, т. I, стр. 65—66.

[19] Там же, стр. 66. Есть также свидетельство о намерении одновременно опубликовать извещение от Синода о приведении населения к присяге временному правительству (там же, стр. 167, 260, 266). Не связано ли это с аналогичным решением южных декабристов?

[20] ВД, т. I, стр. 175, 174; ср. то же на стр. 154—155, 178—179; там же, стр. 458, 365, 155; ЦГИА, ф. 48, д. 359, л. 20 об.

[21] О «высоком уважении» народа к Сенату говорит на следствии не только Трубецкой, но и Рылеев (см. ВД, т. I, стр. 158, конец ответа на 4-й вопрос); ср. также ВД, т. III, стр. 375.

[22] ВД, т. I, стр. 18; ЦГИА, ф. 48, д. 411, л. 15. Краснокутский после указания, что он «не помнит» разговора, и уже после своей подписи приписал: «Но, впрочем, может быть, разговор сей и был, чего я отвергнуть не могу и не отвергаю» (ЦГИА, ф. 48, д. 411, л. 45). Краснокутский получил назначение обер-прокурором 11 июня 1823 г. по именному высочайшему указу (там же, л. 24 об.). Ранее он был «за обер-прокурорским столом» в 4-м департаменте Сената (указ от 26 января 1822 г.). Ср. упоминание о Краснокутском в письме Николая I Константину от 28 декабря 1825 г. («Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов», стр. 169).

[23] ВД, т. I, стр. 232, 245.

[24] Там же, стр. 165, 106; ср. показание Рылеева и очная ставка с Трубецким (там же, стр. 104—105).

[25] ВД, т. I, стр. 158. О присуждении Сената Рылеев говорит неоднократно. См., например, там же, стр. 155. Ср. отчетливую формулировку Оболенского (там же, стр. 232); ВД, т. I, стр. 102, 484 (ответ на 9-й вопрос); ЦГИА, ф. 48, д. 411, л. 31 об.; ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 11 об.; ВД, т. I, стр. 346, 452, 347, 488.

[26] ВД, т. I, стр. 452, показание Штейнгеля. ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 25; «Воспоминания Бестужевых», стр. 145 (тут передано свидетельство Пущина); ВД, т. I, стр. 137.

[27] ВД, т. I, стр. 18.

[28] Свидетельство о прежнем обсуждении вопроса о временном правительстве; см. ВД, т. I, стр. 176 и др.

[29] ВД, т. I, стр. 176.

[30] ВД, т. I, стр. 68—69, 374, 375; т. II, стр. 127.

[31] ЦГИА, ф. 48, л. 360 (Штейнгеля), л. 11; ВД, т. I, стр. 10, 34, 158, 342; ЦГИА, ф. 48, д. 359, л. 47.

[32] ВД, т. I, стр. 108, 158—159.

[33] Там же, стр. 66, 108.

[34] ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 3.

[35] ВД, т. I, стр. 182—183; т. II, стр. 81; свидетельство Николая Бестужева; см. ВД, т. II, стр. 81. Характерно, что Пущин, отсутствовавший в Петербурге весной и летом 1825 г., не знает об этом решении; см. ВД, т. II, стр. 222, ср. стр. 226; ср. свидетельство Оболенского, ВД, т. I, стр. 265, ср. стр. 187. См. также дело Торсона. ЦГИА, ф. 48, д. 361, л. 22—22 об.

[36] ВД, т. I, стр. 376; ср. стр. 199; Штейнгель подтвердил это показание (ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 46).

[37] ЦГИА, ф. 48, д. 360, лл. 11—11 об., 24; ВД, т. I, стр. 37, 188; ЦГИА, ф. 48, лл. 361, 29; ВД, т. I, стр. 186, 187, 450, 368, 451; т. II, стр. 216; ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 30—30 об.

[38] ВД, т. I, стр. 62; ср. стр. 37; там же, стр. 185; ср. стр. 162; там же, стр. 193. Ранее Трубецкой усиленно отрицал решение о захвате дворца (там же, стр. 69, 99). Однако его ранние свидетельства все же говорят о решении вывести морской экипаж первым (там же, стр. 71, ср. стр. 38).

[39] ВД, т. I, стр. 188; ср. стр. 162 и особенно — стр. 340; там же стр. 347; ср. т. II, стр. 299; ВД, т. II, стр. 284, 285, 294. «Брату Николаю и Рылееву находиться при экипаже» (ВД, т. I, стр. 452). На площади Рылеев, по показанию А. Бестужева, держался «с гвардейским экипажем» (там же, стр. 444, ср. ВД, т. I, стр. 452).

[40] ВД, т. II, стр. 285. Пущин также ездил к Н. Бестужеву в ночь на 14 декабря (см. там же, стр. 217). ВД, т. I, стр. 126; т. II, стр. 293, 295. Якубович долго отрицал свою прикосновенность к проекту взятия Зимнего дворца и лишь в мае 1826 г., через полгода после ареста, с великим трудом согласился, что «все сие есть истина» (там же, стр. 285, 294, 295). ВД, т. II, стр. 288—289. На ночном совещании у Арбузова с Якубовичем и А. Бестужевым присутствовали двое Беляевых и двое Бодиско (ВД, т. I, стр. 445—446).

[41] ВД, т. I, стр. 188.

[42] Там же, стр. 188—189. П. Е. Щеголев с основанием сомневается в том, что Рылеев никому не говорил о своем убеждении в необходимости истребить всю царскую семью. По следственным материалам, он делился этой мыслью с другими. Для нашей цели какого-либо существенного значения это обстоятельство не имеет (П. Е. Щеголев. Декабрист Каховский. Сб. «Декабристы», стр. 179); ВД, т. I, стр. 188; там же, стр 347; ср. стр. 248 (показание Оболенского); там же, стр. 364.

[43] ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 25; ВД, т. I, стр. 103—104, 105; С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 93; А. Е. Розен. Записки, стр. 63; ВД, т. I, стр. 66, 69, 232.

[44] ВД, т. I, стр. 68; ср. стр. 66. Батеньков вообще был за вывод из города восставших войск, полагая это гарантией успеха. Тогда, по его мнению, к ним стали бы «недовольные присоединяться» и «поселения тотчас же примкнули», «тогда можно было бы овладеть городом на аккорд без кровопролития»,— так показывает о Батенькове Штейнгель (ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 40 об.; ср. ВД, т. I, стр. 66).

[45] ВД, т. I, стр. 69.

[46] А. Бестужев датирует просьбу С. Трубецкого об отъезде на юг: «Кажется, 12-го числа» (ВД, т. I, стр. 450). Ср. ВД, т. I, стр. 162; т. IV, стр. 48, 50; ЦГИА, ф. 48, д. 367, л. 13.

[47] А. Е. Розен. Записки, стр. 63.

[48] ЦГИА, ф. 48, д. 367, лл. 4, 15 об. и др.; ср. д. 83 (М. Орлова), л. 47; д. 393 (Матвея Муравьева-Апостола), лл. 40, 47 об., 84.

[49] ЦГИА, ф. 48, д. 367, л. 6.

[50] ВД, т. I, стр. 41, 44, 58, 59, 164; ЦГИА, ф. 48, д. 367, лл. 1 об., 6, 13, 15 об., ЦГИА, ф. 48, д. 83, лл. 27 об., 28.

[51] А. Е. Розен. Записки, стр. 61.

[52] ВД, т. I, стр. 284, 340, 443; ср. А. Е. Розен. Записки, стр. 62; Корф. Восшествие на престол имп. Николая I, стр. 72—73 и мн. др.; ЦГИА, ф. 48, д. 360, лл. 23 об.—24 и др.

[53] ВД, т. II, стр. 89; ЦГИА, ф. 48, д. 359, л. 21 об.

[54] ЦГИА, ф. 48, д. 411, л. 32 об.

[55] Там же, л. 30 об.

[56] Там же, л. 36 об.

[57] Там же, л. 43 об.

[58] Там же, лл. 37, 31 об., 40, 42 и др. Отметим, что запятая между словами «завтре» и «присяга» принадлежит подлиннику. Как запятая между словами «завтре» и «сигнал», так и кавычки, заключающие всю фразу, принадлежат Краснокутскому. Тире по смыслу вставлено мною. — *М. Н.*

[59] ВД, т. 1, стр. 37, 155, 163, 183—184, 188, 203, 444; т. II, стр. 30, 33—34, 73; ЦГИА, ф. 48, д. 359, лл. 40—40 об. и др.

[60] ВД, т. I, стр. 444; т. II, стр. 73; ЦГИА, ф. 48, д. 159, л. 22—22 об.

[61] ЦГИА, ф. 48, д. 359, л. 40—40 об.

[62] ВД, т. I, стр. 66.

[63] Там же, т. II, стр. 211, ответ на 6-й вопрос. Выразительная формулировка той же мысли в деле Свистунова. См. ЦГИА, ф. 48, д. 367, л. 5; д. 361, л. 21. Интересные данные о настроениях солдат имеются в деле Розена. Там же, д. 387, л. 11; д. 360, л. 23 об.

[64] ВД, т. I, стр. 162—163; ср. там же, стр. 154. Ср. мнение С. Трубецкого: мы «не верили, чтоб можно было подвигнуть полки на полки» (там же, стр. 37). Аналогичные свидетельства рассыпаны по всему следственному материалу, ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 30 об.; ВД, т. I, стр. 151, 355; т. II, стр. 217; ЦГИА, ф. 48, дело Штейнгеля.

[65] Передано Трубецким как мнение ротных командиров (ВД, т. I, стр. 66).

[66] ВД, т. II, стр. 113, 122, 128; т. I, стр. 397; «Воспоминания Бестужевых», стр. 145—146; Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 года.— В книге А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 г.», стр. 178; ВД, т. III, стр. 32.

[67] ВД, т. I, стр. 98. Есть свидетельство Рылеева, что для начала действий Трубецкой полагал достаточным один полк (там же, стр. 185). ВД, т. I, стр. 98, ср. 65, 185, 186; т. II, стр. 38 и др.; «Воспоминания Бестужевых», стр. 14.

[68] ВД, т. I, стр. 104—105, 188; ср. 99, 102. См. также отрицание Оболенского (там же, стр. 270). Розен в своих записках подтверждает, что Оболенский на площади был назначен диктатором вместо Трубецкого. ВД, т. I, стр. 160—161; ЦГИА, ф. 48, д. 359 л. 46 об.; ср. показание в деле Рылеева. ВД, т. I, стр. 160—161, 452, 236. Краткое изложение диспозиции, там же, стр. 428.

[69] Таковым выглядит лишь свидетельство А. Бестужева (там же, стр. 443), однако весь контекст его показаний говорит о том, что эта позиция «скептика» избрана для следствия. ВД, т. I, стр. 69, стр. 201, 162.

[70] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 90; ВД, т. I, стр. 160, 97, 64. Подчеркнем, что Трубецкой многократно и безоговорочно признает на следствии, что он действительно был выбран диктатором восстания 14 декабря. Ср. его довольно надменную самооценку (там же, стр. 105). С этим контрастируют его трусливые и лживые «Записки», в которых он подсовывает фигуру Булатова как начальника восстания (С. Трубецкой. Записки, стр. 38—39). Булатова в Сибири не было — он покончил с собой в Петропавловской крепости, и Трубецкой мог не бояться разоблачений. Имеется прямое свидетельство Булатова, что Трубецкой был избран диктатором 9 декабря (ЦГИА, ф. 48, д. 159, л. 18); ВД, т. I, стр. 184, 443; ЦГИА, ф. 48, д. 360, лл. 24, 39.

К главе XVII

[1] В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч., т. 23, стр. 234 (подчеркнуто мною.— *М. Н.*).

[2] ЦГИА, ф. 48, д. 373 (М. Пущина), л. 20 об.; ЦГИА, ф. 48, д. 366, л. 10 (ср. л. 21); ВД, т. I, стр. 485.

[3] Время посещения Е. П. Оболенским К. Ф. Рылеева в ночь на 14 декабря 1825 г. определяется следующим образом: по собственному показанию, Оболенский выехал в свой утренний объезд казарм «в седьмом часу» утра (ВД, т. I, стр. 224); перед этим он успел побывать у Рылеева, условиться с ним о дальнейших действиях, заехать к себе домой, договориться со своим генералом (Бистромом) «по обязанностям службы» и, наконец, в седьмом часу утра двинуться в объезд казарм. Ясно, что все перечисленные действия должны были взять немалое время до начала седьмого часа, и, таким образом, утреннее посещение Рылеева Оболенским никак не могло произойти позже пяти часов утра. Ср. «Воспоминания» Е. П. Оболенского в кн. «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Т. I. «Декабристы...», СПб., 1905, стр. 249. ВД, т. I, стр. 103—105, 188, 224—225. А. Е. Пресняков в своей работе о 14 декабря упоминает лишь о заезде Оболенского в казармы конной артиллерии, что явно не передает всей картины его деятельности рано утром 14 декабря и стушевывает смысл его разъездов. Ср. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 104.

[4] «Воспоминания Бестужевых», ред., вводная статья и примеч. М. К. Азадовского. М., 1931, стр. 144.

[5] ВД, т. I, стр. 164, 285.

[6] Там же, стр. 182, ср. стр. 68.

[7] Там же, стр. 364. В подлиннике, очевидно, описка Каховского — «бываемых» (ср. там же, стр. 367, 199, 220).

[8] Н. Бестужев. Воспоминание о Рылееве.— В кн. «Воспоминания Бестужевых», стр. 84—85.

[9] ВД, т I, стр. 363. В подлиннике: «не ляжу». В другом показании Каховский говорит о своем нежелании быть «игрушкой в руках Рылеева» (там же, стр. 374).

[10] А. Бестужев свидетельствует, что Якубович приехал к нему с отказом «поутру в 7 часов». ВД, т. I, стр. 7, 436—437.

[11] ВД, т. I, стр. 71.

[12] ЦГИА, ф. 48, д. 366 (Петра Бестужева), лл. 21—23, 33 об.—34 (подтверждение Беляева 1-го); ср. ВД, т. II, стр. 31—32 (показание Арбузова) и т. I, стр. 342 (показание Каховского).

[13] ЦГИА, ф. 48, д. 366, лл. 24, 25, 25 об., 34, 33 об.; д. 392 (Чижова), л. 14, 16; биографические данные о П. Бестужеве — там же, д. 366, л. 9—9 об. Декабрист Чижов — племянник профессора Чижова, «живущего на Васильевском острове»; ср. д. 392, л. 11. О принятии Чижова в тайное общество Петром Бестужевым см. д. 392, л. 3, 9 и д. 366; л. 33. О принятии в общество Петра Бестужева — д. 366, л. 4; д. 374, л. 23.

[14] Ср. следственное дело Н. Бестужева — ВД, т. II, стр. 260.

[15] ВД, т. I, стр. 437; ср. «Воспоминания Бестужевых», стр. 85; ВД, т. II, стр. 61.

[16] ЦГИА, ф. 48, д. 366, лл. 21, 21 об., 22—23; ВД, т. I, стр. 437, 452 (показания А. Бестужева).

[17] ЦГИА, ф. 48, д. 366, лл. 21—23.

[18] «Воспоминания Бестужевых», стр. 85.

[19] ВД, т. I, стр. 71.

[20] О предательстве Ростовцева см. М. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, стр. 97—104; Н. К. Шильдер. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903, стр. 256—260, 273, 274—277; Я. И. Ростовцев. Отрывки из моей жизни, 1825 и 1826 гг. Два документа из бумаг ген.-адъютанта Я. И. Ростовцева. Сообщил Ф. П. Еленев. — «Русский архив», 1873, кн. 1; ср. «Русская старина», 1889. т. 63, сентябрь; «Заметки Н. К. Шильдера на полях книги М. Корфа», сообщил Е. В. Сказин. — «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 150.

[21] Петербург в 1825—1826 годах (по дневнику П. Г. Дивова).— «Русская старина», 1897, т. III, стр. 464, 467 (дается непосредственно текст дневника); К. С. Сербинович. Николай Михайлович Карамзин. — «Русская старина», 1874, т. X, стр. 257 (К. С. Сербинович пишет, что Мордвинов в два часа ночи на 14 декабря вернулся из Государственного совета, а в семь часов утра был уже в Сенате, где читал манифест о вступлении на престол Николая I); «14 декабря 1825 г. в письмах графини М. Д. Нессельроде (ур. Гурьевой)», сообщил Б. Е. Сыроечковский. — «Красный архив», 1925, т. III (10), стр. 276; А. А. Алфеев. Митрополит Серафим на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. — «Исторический вестник», 1905, т. I, стр. 166.

[22] ВД, т. I, стр. 6, 58, 63, 71.

[23] Там же, стр. 38.

[24] Там же, стр. 165; т. II, стр. 217.

[25] ВД, т. I, стр. 165. А. Е. Розен. Записки, стр. 64.

[26] ВД, т. I, стр. 212.

[27] ЦГИА, ф. 48, д. 389, л. 3 об., 8. Декабрист Андреев показывает: «в день присяги, пришед в 9 часов в роту, уговаривал не присягать».

[28] ЦГИА, ф. 48, д. 373, л. 10.

[29] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке в мемуарах членов царской семьи», стр. 15, 25; ЦГИА, ф. 48, д. 383 (Кожевникова), л. 25, ср. рассказ об Измайловском полку у А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 г.», стр. 95—96 (тут дана крайне неполная картина). По свидетельству командира полка Мартынова, вопрос — «что же нейдет сюда ваш полк?» — задавал ему офицер конной гвардии из среды мятежников, очевидно, А. И. Одоевский. А. Е. Пресняков полагает, что «не совсем понятно», почему Рылеев, Оболенский и другие декабристы возлагали надежды на Измайловский полк (А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 95). Свои сомнения он основывает на отсутствии в составе полка влиятельных членов («все молодежь, в младших чинах») и отсутствии «близких связей» у измайловцев с руководителями движения. Вместе с тем А. Е. Пресняков отмечает, что о событиях в Измайловском полку «подробного рассказа не имеется» (там же, стр. 111), и, вероятно, на этом основании ограничивает свой рассказ об Измайловском полку несколькими общими строками. Между тем приведенные данные Преснякова страдают неточностью. Ему остался неизвестен, например, такой документ, как «Подробные сведения о поступках офицеров лейб-гвардии Измайловского полка, участвовавших в возмущении 14 декабря», подписанный бригадным командиром генерал-адъютантом Мартыновым (включен в состав дела Кожевникова, д. 383, л. 25 и сл.). Восстание 14 декабря вообще организовала военная молодежь в небольших чинах: т. к. Московский полк вывели три штабс-капитана (А. А. и М. А. Бестужевы, Д. А. Щепин-Ростовский); гвардейский морской экипаж — капитан-лейтенант (Н. Бестужев) и лейтенант (Арбузов), а лейб-гренадер — два поручика (Сутгоф и Панов). В Измайловском полку на стороне восставших были один капитан (И. И. Богданович) и пять подпоручиков (Кожевников, Андреев, Фок, Вадбольский и Малютин). Малютин был племянником Рылеева. Таким образом, по линии чинов и личных связей едва ли дело в Измайловском полку чем-либо глубоко отличалось от положения в Московском полку.

[30] ЦГИА, ф. 48, д. 389 (Андреева), лл. 3, 8; д. 52 (Малютина), лл. 6—6 об., 8, 10; д. 384, лл. 4 об., 8; д. 383, лл. 3 об., 4—4 об., 8, 10, 13—13 об., 14, 15, 26 об., д. 52, л. 5; д. 51, лл. 7, 8. А. Бестужев показал, что Кожевников, «не быв членом общества, дей

ствовал в его видах»; д. 389, л. 13; д. 121, л. 5—5 об.; ВД, т. I, стр. 428, 448; т. VIII, стр. 22, 23, 94, 49, 194; Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г., стр. 184. Заметим, что сестра Малютина Любовь — племянница Рылеева — была замужем за композитором Титовым

[31] ЦГИА, ф. 48, д. 121, л. 5—5 об.; д. 373 (М. Пущина), лл. 11, 22; А. Е. Розен. Воспоминания, стр. 67; ср. воспоминания В. И. Фелькнера («14 декабря 1825 г. Из записок генерал-лейтенанта В. И. Фелькнера» — Записки. «Русская старина», 1870, т. II, стр. 152) Заметим, что А. Е. Пресняков ограничился в данном вопросе только цитатой Фелькнера («Междуцарствие», стр. 25). О готовности полка выступать и о деятельности офицеров Кожевникова и Малютина имеются свидетельства Рылеева и Бестужева. См. ВД, т. I, стр. 428, 448; т. VIII, стр. 283. А. Ф. Львов (композитор). Записки. «Русский архив», 1884, т. II, стр. 235; В. М. Еропкин. День 14-го декабря 1825 г. в С.-Петербурге. Рассказ очевидца. — «Русская старина», 1885, т. IV, стр. 189; «14 декабря 1825 г.» — «Русская старина», 1855, сентябрь, стр. 523 (поправка к рассказу В. М. Еропкина).

[32] ЦГИА, ф. 48, д. 373 (М. Пущина), л. 13—13 об.

[33] ВД, т. I, стр. 428, 447, 452, 454 (показание Каховского, оспоренное А. Бестужевым); дела Главного штаба № 333 и 334, опубл. в «Красном архиве», т. XIII, стр. 288—292.

[34] ВД, т. I, стр. 428.

[35] А. Шебалов. Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г. — «Красный архив», т. XIII, стр. 291, 289; ВД, т. I, стр. 397, 417, 439; «Воспоминания Бестужевых», стр. 141, В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 136.

[36] ВД, т. I, стр. 412.

[37] Там же («Записка о Щепине-Ростовском»).

[38] Там же, стр. 339, 397, 405, 312, 439; А. Шебалов. Указ. соч., стр. 288, 290, 291; Воспоминания Штейнгеля. — «Общественные движения...», стр. 414; П. Ф. Гаккель Записка о 14 декабря 1825 г. Сообщил Б. Д. Греков («Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.», вып. 1 (34), Л., 1927, стр. 262, и др.; «Русская старина», 1881, январь, стр. 206.

[39] В связи с преобладанием явно совпадающих показаний самых различных источников о времени около одиннадцати часов утра необходимо ввести небольшую поправку к свидетельству Розена о том, что он в десять часов утра выехал из дому и с Исаакиевского моста уже увидел построенное каре. Розен не мог ехать почти час от Финляндских казарм, где квартировал, разве что он задержался дорогой или ехал из какого-либо другого места. Очевидно, именно его показание без поправки на время, потребное для передвижения до моста, берет А. Е. Пресняков для определения в своей работе «14 декабря 1825 г.» (стр. 108) часа начала восстания на площади. Никаких ссылок или сопоставлений перекрестных свидетельств у Преснякова нет. Ср. «Междуцарствие», стр. 21, 22, 23, 57; А. П. Башуцкий. Убийство графа Милорадовича (рассказ его адъютанта). — «Исторический вестник», 1908, т. I, стр. 137; А. А. Алфеев. Митрополит Серафим на Сенатской площади. Исторический вестник, 1905, т. I, стр. 166. Встречающееся в литературе указание гораздо более позднего часа съезда во дворец (два часа дня и т. п.) также правильно и является лишь свидетельством не о первоначально назначенном часе съезда, указанном у Николая, а о перенесенном позднее в связи с развернувшимися событиями 14 декабря (например, в час дня у принца Евгения Вюртембергского, в два часа дня в записях Александры Федоровны и в дневнике Дурново и т. д.) — час торжественного молебна все время отодвигался. См. «Междуцарствие», стр. 88, 111, ср. Н. Д. Дурново. Из дневника.—«Записки отд. рукоп. Всес. б-ки им. В. И. Ленина», вып. 3, 1939, стр. 14; Бутенев. Рукопись о 14 декабря (РОЛБ).

[40] В. Е. Якушкин. Заметки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г. (на полях книги Корфа). — Былое, 1907, IV, стр. 168; «Междуцарствие...», стр. 58—59. А. Е. Розен. Записки, стр. 65; ср. А. Н. Оленин. Частное письмо о происшествии 14 декабря 1825 г. «Русский архив», 1869, т. IV, стр. 734 (Оленин, в прошлом военный, по-своему определяет форму построения у восставших: «en ligne de bataille avec crochets», что явно неверно и противоречит всем другим первоисточникам).

[41] «Междуцарствие...», стр. 24; ВД, т. I, стр. 445; Бутенев, Указ. соч.; П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой. «Четырнадцатое декабря. Из воспоминаний восьмидесятилетнего старца, служившего в военной службе более 30 лет».. «Русский архив», 1882, т. VI, стр. 230 (рукопись этой статьи недавно разыскана проф. А. И. Молоком. — ЦГИА, ф. 925 (Голенищева-Кутузова-Толстого), д. 27; М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. — Сб. «О минувшем», 1909, стр. 112; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр 169.

[42] А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 142; А. С. Андреев. Воспоминание о 14 декабря 1825 г. (из дневника офицера А. С. Андреева). Сообщил С. Борисов. — «Красная новь», 1925, № 53, стр. 1254; И. Я. Телешов. Рассказ о 14 декабря 1825 г. «Красный архив», 1925, т. VI (XIII), стр. 285. В. И. Фелькнер. Указ соч., стр. 158; В. И. Сафонович. Воспоминания. «Русский архив», 1903, т. I, стр. 335. А. П. Ба-

шуцкий. Указ. соч., стр. 142; А. Е. Розен. Записки, стр. 66; Н. К. Шильдер. Император Николай I, стр. 281; Н. В. Вахтин. Артиллерийский огонь 14 декабря 1825 г. «Русская старина», 1880, т. VII, стр. 135. Я предполагала сослаться на официальную регистрацию температуры воздуха, которую в то время вел в Академии наук академик В. Петров (сообщено мне акад. С. И. Вавиловым); но, к сожалению, записки эти не опубликованы ни в одном из официальных изданий.

[43] «Междуцарствие..», стр. 45; ср. «Смерть Милорадовича», Истор. сборник вольной русской типографии в Лондоне, кн. 2, Лондон, 1861, стр. 147—151; ср. Н. П. Огарев. 14 декабря и император Николай. Изд. редакции «Полярной звезды», Лондон, 1853, стр. 272; ср. А. П. Башуцкий. Указ. соч. В книге А. Е. Преснякова о 14 декабря материалы Башуцкого вообще не использованы — ср. «Библиографическое послесловие», приложенное к его работе, стр. 149—152. Утверждение Преснякова, что Милорадович говорил лишь с цепью, неточно; в первый раз он прорывался через цепь пешим, но это еще не были переговоры; последние велись с каре (ср. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 117).

[44] Бутенев. Указ. соч., л. нен.; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 141; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 136, 137, 142; М. И. Семевский. Граф Михаил Андреевич Милорадович. (Материалы для его биографии). — «Военный сборник», 1869, т. XIX, стр. 189; «Смерть Милорадовича». Истор. сборник вольной русской типографии в Лондоне, кн. 2, стр. 147; ВД, т. VIII, стр. 254; Доклад Аудиториатского деп-та № 1034 от 29 апреля 1827 г.

[45] Доклад Аудиториатского деп-та, см. примеч. 49; ВД, т. VIII, стр. 254.

[46] А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 142—144 (ср. В. И. Фелькнер. Указ. соч.); «Смерть Милорадовича», стр. 148; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 141.

[47] А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 144, 145; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; «Рассказ очевидца о 14 декабря». — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее Щукина», ч. V, М., 1899, стр. 243.

[48] А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 144—146, 151; ВД, т. I, стр. 232—233, 277, 354, 355, 359, 369, 377; ср. И. Панаев. Воспоминания, стр. 201; Бутенев. Указ. соч., л. нен.

[49] «Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки», «Русская старина», 1898, т. XI, стр. 331—362; Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 199—202 (Завалишин держится другого мнения о Милорадовиче); ВД, т. I, стр. 354.

[50] ВД, т. I, стр. 355, 356—357, 412; А. Е. Розен. Записки, стр. 67; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 147, 159, 162; М. И. Семевский. Граф Михаил Андреевич Милорадович, стр. 190: В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 143; К. С. Сербинович Николай Михайлович Карамзин. — «Русская старина», 1877, т. X, стр. 258; П. Г. Дивов. Петербург в 1825—26 годах.— «Русская старина», 1897, т. III, стр. 468. Заметим, что врач Милорадовича, его спутник во многих походах В. М. Буташевич-Петрашевский, вынувший пулю, был отцом известного М. В. Буташевича-Петрашевского, организатора революционного кружка, участника русского освободительного движения. Нет сомнений, что сын знал от отца многочисленные подробности о дне 14 декабря и, вероятно, обо всем движении декабристов, а также о следствии и суде. Надо предполагать поэтому, что общество Буташевича-Петрашевского было прекрасно осведомлено о многих событиях декабристского движения, сохраненных устной традицией.

[51] В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 142; ср. А. П. Башуцкий. Указ. соч., Бутенев. Указ. соч., л. нен.; ВД, т. I, дело Оболенского, стр. 219 и сл.

[52] «Междуцарствие...», стр. 24, 117; Бутенев. Указ. соч. л. нен.; А. Е. Розен Записки, стр. 67; ВД, т. II, стр. 229; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 144 (Фелькнер явно неправильно, в противоречии со всеми остальными источниками, определяет время переговоров Воинова. Единственным объяснением этого противоречия может явиться предположение, что Воинов пытался вести переговоры с войсками дважды. Это можно допустить еще потому, что в следственных делах моряков-декабристов есть свидетельства об обращении к ним Воинова, а моряки пришли на площадь поздно). А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 149 («..стал прислушиваться к пульсу, для чего вынул свои часы. Я взглянул на них, было около десяти минут второго часа»).

[53] ВД, т. II, стр. 280; «Междуцарствие...», стр. 24, 113—114.

[54] «Междуцарствие...», стр. 24. «Воспоминания Бестужевых», стр. 142; ВД, т. I, стр. 286, 293; т. II, стр. 170; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 168; И. Я. Телешов. Указ. соч., стр. 286. Много данных о разведке А. И. Якубовича у Башуцкого. Между прочим он упоминает, что Якубович побывал в конногвардейских казармах и заглянул в комнату к умирающему Милорадовичу. Любопытно замечание в записи Андреева: «В числе парламентеров был Якубович, прибывший из Грузии от Ермолова». Бутенев видел, что Якубович троекратно посылался восставшими в императорский стан. Бутенев. Указ. соч., л. нен.; ВД, т. I, стр. 414.

[55] «Воспоминания Бестужевых», стр. 144, 187—188; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 157 (примеч.); Н. Д. Дурново. Из дневника. — «Записки отд. рукоп. Всес. б-ки им. В. И. Ленина», вып. 3, стр. 10, 14, 16; Е. Ф. Комаровский. Записки, под ред.

П. Е. Щеголева. СПб., 1914, стр. 238—239. Записки Комаровского в части переговоров Якубовича с Николаем дают явно неточные сведения; ссылаясь на Дурново, Комаровский говорит, что Якубович ходил к «мятежник м» в сопровождении Дурново. Но дневник самого Дурново дает иные сведения: Якубович возвращался без его сопровождения, сам же Дурново неудачно попытался пройти к каре для переговоров также один, без Якубовича; П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой. Указ. соч., стр. 231.

[56] Н. Д. Дурново. Из дневника, стр. 14; Е. Ф. Комаровский. Записки, стр. 239; ВД, т I, стр. 360; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 168; ВД, т. II, стр. 285; «Воспоминания Бестужевых», стр. 44; ср. показания на следствии.

[57] «Воспоминания Бестужевых», стр. 139, 140, 143, 144, 194; «Междуцарствие...», стр. 24; Три письма А. Воейкова княгине Е. А. Волконской...— Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее Щукина, ч. V, стр. 247. Воейков пишет своей корреспондентке: «Якубович, один из самых отважных заговорщнков, пробыл около императора до конца дела, изыскивая благоприятный миг для цареубийства».

[58] ВД, т. II, стр. 290, 291.

[59] Там же, стр. 170; А. Е. Розен. Записки, стр. 64.

[60] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 184.

[61] ВД, т. I, стр. 105, 161, 432; там же, стр. 105.

[62] Бутенев. Указ. соч., л. нен.

[63] ВД, т. I, Н. Д. Дурново. Из дневника. Указ. соч., стр. 20.

[64] Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки», стр. 337; С. П. Трубецкой. Записки (весь рассказ о собственном поведении в день 14 декабря тут просто опущен; ср. стр. 38—39); ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 39 (заметим, что Штейнгель на допросе называет Трубецкого «мнительным»; С. П. Трубецкой. Записки, стр. 35 (здесь ложно говорится о Булатова как о начальнике восставших войск. Прямого указания на избрание Булатова диктатором нет, но весь контекст таков, что ведет читателя к этому неправильному выводу; о себе как о диктаторе Трубецкой не пишет вовсе); ВД, т. I, стр. 160—161; А. Е. Розен. Записки, стр. 66. Розен пишет: «Предложили [командование] Булатову, он отказался». Это неверно, Булатов не появлялся на площади среди восставших войск, и этого предложения на площади ему не делали. В своем рассказе Розен, на наш взгляд, несколько поддался сибирским рассказам Трубецкого.

[65] ВД, т. I, стр. 67, 161; С. П. Трубецкой. Записки, стр. 135; ЦГИА, ф. 48, д. 159, лл. 5 об., 6—6 об., 17 об. — 18, 24; д. 359, л. 46 об. Не можем согласиться с трактовкой вопроса в работе С. Н. Чернова, посвященной смерти А. М. Булатова.— «Одна из загадок Петропавловской крепости» («Каторга и ссылка», 1928, № 8—9 (45—46), стр. 173—194). Не давая ответа на основные вопросы о роли Булатова, автор, на наш взгляд, держится круга надуманных проблем.

[66] ВД, т. I, стр. 445; ср. «Донесение Следственной комиссии», стр. 57; С. П. Трубецкой. Записки, стр. 93; А. Е. Розен. Записки, стр. 70—71. Булатов, перед тем как разбил голову о стену, пытался уморить себя голодом, но Розен именно последнее обстоятельство считает причиной смерти Булатова, что неверно. ЦГИА, ф. 48, д. 59, л. 2.

[67] А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XXII, стр. 88, ср. 108.

[68] ВД, т. I, стр. 223—224.

[69] А. Н. Оленин. Частное письмо о происшествии 14 декабря.— «Русский архив», 1869, т. IV, стр. 734; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; А. П. Башуцкий Указ. соч., стр. 139; М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года.— Сб. «О минувшем», 1909, стр. 110.

[70] ЦГИА, ф. 48, д. 392, л. 15 об.; Фелькнер. Указ. соч., стр. 143; Башуцкий. Указ. соч., стр. 143; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; А. Е. Розен, Записки, стр. 70; К. Ф. Толь. Журнал генерал-адъютанта о декабрьских событиях 1825 г. СПб., 1910, стр. 25; «Междуцарствие...», стр. 113; А. Е. Розен. Записки, стр. 64, 66.

[71] Бутенёв. Указ. соч., л. нен.

[72] И. Я. Телешов. Указ. соч., стр. 287; «Рассказ очевидца о 14 декабря». Указ. соч., стр. 244.

[73] Ю. К. Арнольд. Воспоминания, вып. I, М., 1892, стр. 91; «Воспоминания Бестужевых», стр. 155 (тут М. Бестужев передает рассказ Борецкого).

[74] А. Е. Розен Записки, стр. 64, 65; «14 декабря 1825 г. в письмах графини М. Д. Нессельроде (ур. Гурьева)».— «Красный архив», 1925, т. III (10), стр. 279.

[75] Бутенев. Указ. соч., л. нен., А. Е. Розен. Записки, стр. 59, 65 (сведения о смерти Александра I Розену передал придворный полотер); Ю. К. Арнольд. Указ. соч., стр. 92; «Междуцарствие...», стр. 235; ВД, т. II, дело Кюхельбекера; Г. Т. Полилов. Быт петербургского купечества в 1820—1840 гг. — «Исторический вестник», 1901, т. VII, стр. 147; Н. Д. Дурново. Из дневника, стр. 14; Иван Головин. Записки Лейпциг, 1859.— «Русская библиотека», т. VI, стр. 21; ВД, т. I, стр. 448; т. VIII, стр 89; Н. И. Греч. Записки о моей жизни. СПб., 1886, стр. 510; ЦГИА, ф. 48, д. 373, л. 6; И. С. Жиркевич. Записки. — «Русская старина», т. X,

стр. 266; М. Корф. Указ. соч., стр. 159—160; «Записки англичанина о 14 декабря».— «Вестник всемирной истории», 1901, № 1, стр. 261.

[76] А. С. Андреев. Воспоминания о 14 декабря 1825 г. — «Красная новь», 1925, № 53, стр. 1255; Бутенев. Указ соч., л. нен.; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 135; И. Виноградов. Записки протоиерея.— «Русская старина», 1878, т. VIII, стр. 575; Ю. К. Арнольд. Указ. соч., стр. 92; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 143; И Я. Телешов. Указ. соч., стр. 286.

[77] М. К. Азадовский. 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. — Сб. «Памяти декабристов», т. I, стр. 241; И. Я. Телешов. Указ. соч., стр. 286—287.

[78] А. Е. Розен. Записки, стр. 66; «Междуцарствие...», стр. 26, 27, 90; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 25; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; И. Виноградов. Указ. соч., стр. 575; «Воспоминания Бестужевых», стр. 155.

[79] ВД, т. I, стр. 448, стр. 352; «Междуцарствие...», стр. 99—100. А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 147, 148; А. С. Андреев. Указ. соч., стр. 1255.

[80] Ю. К. Арнольд. Указ. соч., стр. 92—93; В. И. Сафонович. Указ. соч., стр. 336.

[81] А. Н. Александровский. В своих местах. — «Русское богатство», 1913, август, отд. 1, стр. 173—174.

[82] А. Н. Александровский. Указ. соч., стр. 174 (отметим, что сапожник этот был изобретателем, служил где-то при химической лаборатории, делал духи, варил мыло).

[83] Н. Е. Ончуков. Песни и легенды о декабристах.—«Звенья», т. V, 1935, стр. 89, 11, 13: Сб. «Бунт декабристов». стр. 397.

[84] Н. Е. Ончуков. Указ. соч., стр. 5—43.

[85] Бутенев. Указ. соч., л. нен.; И. И. Велио. Записки. Сообщила Э. Лишина. «Русская старина», т. XI, стр. 547; Рассказ очевидца, стр. 243.

[86] «Междуцарствие...», стр. 117.

[87] А. Н. Оленин. Указ. соч., стр. 49; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, изд. Я. Грот и П. Пекарский, СПб., 1866, стр. 411; «Междуцарствие...», стр. 96; К. С. Сербинович. Николай Михайлович Карамзин. — «Русская старина», 1874, т. X, стр. 258; ВД, т. II, стр. 318; А. Я. Бутковская. Рассказы бабушки. Воспоминания вдовы генерал-лейтенанта... — «Исторический вестник», 1884, т. XII, стр. 622; «Записки англичанина о 14 декабря», стр. 262.

[88] ВД, т. I, стр. 360; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 158. Не останавливаемся подробно на вопросе о брате А. С. Пушкина, поскольку этой теме нами посвящена особая статья (см. М В. Нечкина. Лев Пушкин на площади 14 декабря 1825 г. — «Историк-марксист», 1937, т. I); Иван Головин. Записки, стр. 21; ВД, т. I, стр. 437; Н. П. Огарев. 14 декабря 1825 г. и император Николай; Бутенев. Указ. соч., л. неч.; Три письма А. Воейкова княгине Е. А. Волконской.— «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее Щукина», ч. V, стр. 245 и сл.; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 169.

[89] ВД, т. II, стр. 170, 177—179.

[90] Д. И. Завалишин. Указ. соч., стр. 196—199.

[91] ВД, т. II, стр. 217, 228, 237; А. С. Андреев. Указ. соч., стр. 1255. Конной гвардией командовал А. Орлов, атака была совершена по его приказанию.

[92] ВД, т. II, стр. 170.

[93] «Междуцарствие...», стр. 22.

[94] Там же.

[95] Там же, стр. 23.

[96] Там же, стр. 22; ср. **Велио.**

[97] «Междуцарствие...», стр. 24; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 25; ср. Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 174.

[98] К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 25; «Междуцарствие...», стр. 24; Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 174—175.

[99] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 181; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 25. Общая численность восставших (около 3 тыс. человек) совпадает и в подсчетах Г. С. Габаева и в общем впечатлении очевидца — опытного военного К. Ф. Толя.

[100] «Междуцарствие...», 27; И. И. Велио. Указ. соч., стр. 551; А. А. Алфеев. Указ. соч., стр 168; А. С. Андреев. Указ. соч., стр. 1255.

[101] И. И Велио. Указ. соч., стр. 545, 549; А. П. Башуцкий. Указ. соч., стр. 147.

[102] «Междуцарствие...», стр. 26; И. И. Велио. Указ. соч., стр. 549; «Рассказ очевидца», стр. 244; ВД, т. I, стр. 459.

[103] «Междуцарствие...», стр. 27.

[104] И. И. Велио. Указ. соч., стр. 548; А. Н. Оленин. Указ. соч., стр. 149.

[105] В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 146; И. И. Велио. Указ. соч., стр. 547, Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 169—170.

[106] Пузанов. Описание участия лейб-гренадер в происшествии 14 декабря 1825 года, случившемся в Петербурге. 1853. Фонд Зимнего дворца, д. 2213, л. 16; ВД,

т. II, стр. 156; Н. П. Павлов-Сильванский. Возмущение декабристов на Сенатской площади. — «Историко-революционный альманах». СПб., 1907, стр. 374; «Междуцарствие...», стр. 27, 115; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 169; Н. П. Огарев. 14 декабря 1825 г. и император Николай, стр. 187; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца; д. 2213 (Пузанов), л. 16 об.

[107] Численность конной гвардии определяется следующим образом: всего, как уже сказано выше, против мятежного каре стояло семь эскадронов конной гвардии (пять вдоль Адмиралтейства и два — около Исаакиевского моста). В эскадроне было четыре взвода, по 205 сабель в каждом эскадроне, но в строй выводили не более 150—170 сабель. Следовательно, в конной гвардии, атаковавшей каре, было от 1050 до 1190 всадников (ср. Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 169).

[108] «Междуцарствие...», стр. 25. Трудно предположить, что это были выстрелы в Милорадовича. В него стреляли из пистолета, и едва ли отдаленный пистолетный выстрел, донесшийся с площади, мог быть услышан в гвардейских морских казармах, уже полных шума и криков. Услышать на казарменном дворе можно было, очевидно, лишь повторявшиеся ружейные залпы. Правда, положение несколько меняется, если справедливо показание Каховского, что вслед за ним стрелял в Милорадовича и «весь фас каре». Но адъютант Милорадовича Башуцкий свидетельствует лишь о нескольких выстрелах из рядов после того, как Милорадович упал.

[109] ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213 (Пузанова), л. 11. Бодиско 1-й «изъявил свое сомнение митрополиту» (ЦГИА, ф. 48, д. 374, лл. 5 об., 22 об.). Михаил Кюхельбекер показал: «По приближению преосвященного митрополита и подойдя к нему и желая подать собою пример подчинения, я принял благословение от его преосвященства и некоторые из нижних чинов» (ЦГИА, ф. 48, д. 375, л. 9 об.). Арбузов показывает, что «ходил навстречу митрополиту» (ВД, т. II, стр. 47).

[110] А. А. Алфеев. Указ. соч., стр. 166 (примеч.), 167.

[111] Там же, стр. 168, 169; М. К. Азадовский. 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова, стр. 242; «Междуцарствие...», стр. 89—90.

[112] А. А. Алфеев. Указ. соч., стр. 169; ВД, т. I, стр. 355, 356.

[113] В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 514; А. Д. Боровков. Автобиографические записки, стр. 339; ср. ВД, т. I, стр. 356; В. И. Сафонович. Указ. соч., стр. 335; А. А. Алфеев. Указ. соч., стр. 169, 170; И. Я. Телешов. Указ. соч., стр. 228; А. Е. Розен. Записки, стр. 70.

[114] М. А. Корф. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, стр. 166; 178—180; ср. «Рассказ очевидца...», стр. 244.

[115] Ср. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г., стр. 126.

[116] ВД, т. II, стр. 123.

[117] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 169; ср. М. А. Корф. Указ. соч., стр. 149; «Междуцарствие...», стр. 26, 90, 115.

[118] Голенищев-Кутузов-Толстой. Указ. соч., стр. 232; «Междуцарствие...», стр. 89, 111—112; Н. Д. Дурново. Из дневника, стр. 15; А. Е. Розен. Записки, стр. 66; «Рассказ очевидца...», стр. 243; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; ВД, т. II, стр. 122.

[119] ВД, т. II, стр. 122; С. Н. Чернов. — Сб. «Бунт декабристов», стр. 83; ЦГИА, ф. 48, д. 374, л 4; ВД, т. I, стр. 31—33; т. II, стр. 25, 30, 31, 39, 44, 45—47.

[120] «Воспоминания Бестужевых», стр. 86.

[121] ВД, т. II, стр. 32, 85, 87 (весь документ № 16), 97.

[122] ЦГИА, ф. 48, д. 121, лл. 2, 3 об.; ВД, т. II, стр. 85.

[123] ЦГИА, ф. 48, д. 392, л. 15.

[124] ВД, т. II, стр. 61.

[125] ЦГИА, ф. 48, д. 363, л. 3 об.; д. 374, лл. 7, 14, 22; д. 378, л. 10.

[126] ЦГИА, ф. 48, д. 374, л. 3.

[127] Там же, д. 366, лл. 21—23, 33 об.; ВД, т. I, стр. 412, 490; т. II, стр. 31—32.

[128] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 178; ВД, т. II, стр. 32; ЦГИА, ф. 48, д. 378, лл. 4, 10; И. А. Шестаков. Полвека обыденной жизни. Воспоминания.— «Русский архив», 1873, кн. I, тетр. 2, стр. 193.

[129] ЦГИА, ф. 48, д. 363, л. 3 об. ВД, т. II, стр. 32, 37; т. VIII, стр. 204; ЦГИА, ф. 48, л. 366, лл. 29, 30 об.—31; д. 392, л. 17; д. 363, л. 5.

[130] «Воспоминания Бестужевых», стр. 86; ЦГИА, ф. 48, д. 374, л. 6.

[131] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 169; ЦГИА, ф. 48, д. 366, л. 26.

[132] В. К. Судравский. История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756—1906, т. I, СПб., 1906, стр. 5; Пузанов. История лейб-гвардии Гренадерского полка... СПб., 1845, стр. 70—71, 113, 116—117.

[133] Пузанов. Указ. соч., стр. 128—129 и сл., 140.

[134] Там же, стр. 141.

[135] Там же, стр. 146, 156.

[136] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 173. Г. С. Габаеву не удалось получить во время работы над «Гвардией в декабрьские дни 1825 г.» рукопись Пузанова. Она сохранилась и находится в ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213. Эту рукопись не надо

смешивать с печатной работой Пузанова об истории лейб-гвардии гренадерского полка, цитированной выше. В печатной работе именно эта тема о восстании 14 декабря вообще исключена. Рукопись писалась для Николая I и подавалась ему на просмотр.

[137] Петровские казармы находились на Большой Невке, Карповке в Б. Вульфовой ул.; Г. С. Габаев. Указ. соч, стр. 167.

[138] ВД, т. I, стр. 341, 371, 375, 445; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213 (Пузанов), л. 7; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 167; М. Д. Нессельроде (Гурьева). 14 декабря 1825 г.— «Красный архив», 1925, т. III (X), стр. 274.

[139] ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, лл. 8, 9.

[140] Е. П. Оболенский. Воспоминания.— Сб. «Общественные движения...», стр. 162; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, лл. 34 об.—35; А. П. Башуцкий.

[141] «Междуцарствие...», стр. 99, ср. 235.

[142] ВД, т. II, стр. 109, 113, 122, 124, 127, 128; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 170; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, л. 13; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 149.

[143] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 170; ВД, т. I, стр. 452; т. II, стр. 128 (тут опубликованы материалы полкового следствия); ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, лл. 15, 16; ср. дело Сутгофа; ср. ВД, т. II, стр. 131.

[144] ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, л. 17.

[145] ВД, т. I, стр. 359.

[146] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 181; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 168, 170; ВД, т. I, стр. 445.

[147] ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, лл. 7, 19, 20, 25, 26, 35; ВД, т. I, стр. 341.

[148] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 112; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 139, 147; ВД, т. II, стр. 104, 109, 115; «Междуцарствие...», стр. 112; Муравьев (Лунин). Разбор «Донесения Следственной комиссии»; М. А. Корф. Указ. соч., стр. 162; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, лл. 34 об.—35; А. П. Башуцкий. Указ соч., стр. 158.

[149] М. А. Корф. Указ. соч., стр. 164—165; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, л. 21; ВД, т. II, стр. 104, 106; М. Д. Нессельроде (Гурьева). Указ. соч., стр. 276.

[150] Н. П. Огарев. 14 декабря 1825 г. и император Николай, стр. 278.

[151] ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, л. 23; ВД, т. I, стр. 275, 349, 352, 359; «Междуцарствие...», стр. 116, 146; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 150; «Ведомость о числе людей и лошадей (!), убитых 14 декабря».— «Былое», 1907, № 3/15, стр. 199.

[152] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 170—171.

[153] ВД, т. I, стр. 445; А. Е. Розен. Записки.

[154] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 126; «Междуцарствие...», стр. 26; ВД, т. I, стр. 359.

[155] «Междуцарствие...», стр. 26, 59, 60; ВД, т. I, стр. 459; ЦГИА, ф. 48, д. 366, л. 26.

[156] ВД, т. I, стр. 377, 459; ср. А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 126.

[157] Бутенев. Указ. соч., л. нен.

[158] А. Е. Розен. Записки, стр. 67; «Междуцарствие...», стр. 27; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 147.

[159] «Междуцарствие...», стр. 115, 234; ВД, т. I, стр. 243; т. II, стр. 33, 310; ЦГИА, ф. 48, д. 374; л. 8 (15); д. 366, л. 26; Записки графа Е. Ф. Комаровского, под ред. П. Е. Щеглова, стр. 239; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 146; И. И. Велио. Указ. соч., стр. 547; Иван Головин. Указ. соч., стр. 22; «Рассказ очевидца...», стр. 244; М. Д. Нессельроде (Гурьева). Указ. соч., стр. 274; М. К. Азадовский. 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова. — Сб. «Памяти декабристов», т. I, стр. 239

[160] М. И. Семевский. Полковые историографы. — «Русский вестник», 1860, т. 27, № 10, кн. 2, стр. 277 (о списке раненых конногвардейцев в «Истории лейб-гвардии конного полка» Анненкова); И. И. Велио. Указ. соч., стр. 548; «Междуцарствие...», стр. 27.

[161] «Междуцарствие...», стр. 27; ВД, т. I, стр. 418. А. Е. Розен. Записки, стр. 64.

[162] Там же, стр. 63, 65; ВД, т. VIII, стр. 362—363; «Междуцарствие...», стр. 170; Д. И. Завалншин. Записки декабриста, изд. 2-е б. г., стр. 198. В свете прямых и неоднократных объяснений, дававшихся декабристами в их воспоминаниях о карауле Насакина (Розен, Завалишин), неубедителен комментарий к изданию «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (М., 1926, стр. 170). Здесь сказано, что караул с Насакиным во главе остался верным Николаю, т. е. явно некритически воспроизведена официальная версия, не сопоставленная с другими свидетельствами; не оценен даже тот факт, что якобы «верный» Николаю караул в Сенате свободно допускал «мятежников» греться на Сенатской гауптвахте.

[163] А. Е. Розен. Записки, стр. 64—65; Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 167.

[164] А. Е. Розен. Записки, стр. 65.

[165] «Междуцарствие...», стр. 44; Е. Ф. Комаровский. Указ. соч., стр. 241; М. Ф. Каменская. Воспоминания. — «Исторический вестник», 1894, т. IV, стр. 31—32.

[166] «Междуцарствие...», стр. 60; ЦГИА, ф. 48, д. 392, л. 14; А. Е. Розен. Записки, стр. 70.

[167] Е Ф. Комаровский. Указ. соч., стр. 240; Бутенев. Указ. соч., л. нен.

[168] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 241; М. Ф. Каменская. Указ. соч., стр. 40; А. С. Андреев. Указ. соч., стр. 1254; ВД, т. I, стр. 350.

[169] «Междуцарствие...», стр. 100, 236; Я. И. Ростовцев. Отрывок из моей жизни, 1825 и 1826 годов. — «Русский архив», 1873, т. I, стр. 476, 477; «Общественные движения...», стр. 414; И. Виноградов. Записки протоиерея (1800—1836). — «Русская старина», т. VIII, стр. 576; «Рассказ очевидца», стр. 244; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; ВД, т. I, стр. 398; «Междуцарствие...», стр. 115—116.

[170] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 125.

[171] ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 30 об.; ВД, т. I, стр. 37, 162, 163; «Воспоминания Бестужевых», стр. 81.

[172] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 240.

[173] «Междуцарствие...», стр. 26.

[174] «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства», под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 16.

[175] Бутенев. Указ. соч., л. нен. Письмо П. Г. Каховского из крепости см. в сб. «Из писем и показаний декабрнстов», стр. 16—17; ср. П. Е. Щеголев. — Сб. «Декабристы», стр. 164; «Междуцарствие...», стр. 26, 115, 119; А. Н. Оленин. Частное письмо о происшествии 14 декабря 1825 г. — «Русский архив», т. IV, стр. 735; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 128; П. Ф. Гаккель. Записки о 14 декабря 1825 г. Сообщил Б. Д. Греков («Летопись занятий постоянной Археографической комиссии за 1926 г.», вып. 1 (34). Л., 1927, стр. 260; Ю. К. Арнольд. Указ. соч., стр. 93, 94; Г. Р. Кузьмин. Разработка вопросов стратегии и тактики восстания 14 декабря 1825 г. — «Ученые записки кафедры истории народов СССР Моск. обл. педагог. ин-та», вып. 1. См. стр. 67 (автор без критики повторяет придворный анекдот о том, что солдаты принимали слово «конституция» за жену Константина); Три письма А. Воейкова Е. А. Волконской. — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее Щукина», ч. V, стр. 249; М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 240; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 146; А. Н. Оленин. Указ. соч., стр. 53; ВД, т. I, стр. 420—421.

[176] «Из писем и показаний декабристов», стр. 16—17.

[177] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 180—181, 198—199. Обращаем внимание читателя на явное отсутствие связи между абзацем «Все пространство площади» и «Впрочем это рассказывали те лица» на стр. 198. Здесь надо предположить какой-то пропуск при печатании рукописи, возможно, из цензурных соображений.

[178] ВД, т. I, стр. 242.

[179] Там же, стр. 438, 445; А. Е. Розен. Записки.

[180] ВД, т. I, стр. 225, 242—243, 249, 259; т. II, стр. 217.

[181] «Междуцарствие...», стр. 24; А. Е. Розен. Записки, стр. 66.

[182] «Междуцарствие...», стр. 25, 26; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 24—25.

[183] М. А. Корф. Указ. соч., стр. 158, 171, 172.

[184] «Междуцарствие...», стр. 26; ВД, т. I, стр. 186—187; т. II, стр. 37—39, 42—43; Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 174.

[185] «Междуцарствие...», стр. 27, 234; В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 171—172; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 102, 103, 104; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 515; «Воспоминания Бестужевых», стр. 90; ЦГИА, ф. 48, д. 360, л. 39; А. Е. Розен. Записки, стр. 67.

[186] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 129; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 26.

[187] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 170, Расхождение между правительственной картой и свидетельством Сутгофа, возможно, объясняется тем, что карта зафиксировала более ранний момент — самый приход гренадер.

[188] «Воспоминания Бестужевых», стр. 90.

[189] ВД, т. I, стр. 445.

[190] «Междуцарствие...», стр. 26—27.

[191] Вычислено Институтом теоретической астрономии АН СССР, см. выше, стр. 262.

[192] М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. — Сб. «О минувшем», 1909, стр. 110; Н. Д. Дурново. Из дневника, стр. 15; «Междуцарствие...», стр. 26. 90. 96; П. Г. Дивов. Указ. соч., стр. 464; И. Я. Телешов. Указ. соч., стр. 287; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; М. К. Азадовский. Указ соч., стр. 240; ЦГИА, ф. б-ки Зимнего дворца, д. 2213, л. 33 об.; В. И. Сафонович. Указ. соч., стр. 336; В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 157: К. С. Сербинович. Указ. соч., стр. 258; П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой. Четырнадцатое декабря, стр. 232; «14 декабря 1825 г.» — «Русская старина», 1855, сентябрь, стр. 522 (поправ-

ка к рассказу В. М. Еропкина); К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 24; В. М. Еропкин. День 14-го декабря 1825 года в Петербурге. Рассказ очевидца. — «Русская старина», 1885, т. IV, стр. 190; «Междуцарствие...», стр. 27, 234 и др.; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 411; Н. П. Огарев. 14 декабря 1825 г. и император Николай, стр. 242. Н. П. Огарев справедливо замечает по поводу слов Корфа «измена была робка», — почему же пришлось против «робкой» измены пускать в ход выстрелы, кавалерийские атаки, картечь?

[193] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 202—203; «Междуцарствие...», стр. 27, 60—61, 234; М. А. Корф. Указ. соч., стр. 184—185; В. М. Еропкин. Указ. соч. стр. 190, стр. 522; Н. П. Огарев. Указ. соч., стр. 280.

[194] «Междуцарствие...», стр. 27; А. Е. Розен. Записки, стр. 68; Бутенев. Указ. соч., л. нен.; П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой. Указ. соч., стр. 232; «Рассказ очевидца», стр. 244; «Записки англичанина», стр. 262; Н. В. Вахтин. Артиллерийский огонь 14 декабря 1825 г. — «Русская старина», 1880, т. VII, стр. 135.

[195] «Воспоминания Бестужевых», стр. 90, 91.

[196] «Междуцарствие...», стр. 27, 47, 117 и др.; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 26; П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой. Указ. соч., стр. 232; «Воспоминания Бестужевых», стр. 92.

[197] «Междуцарствие...», стр. 47—48; А. А. Алфеев. Указ. соч., стр. 170.

[198] И. С. Жиркевич. Записки. — «Русская старина», 1876, т. X, стр. 266; А. Н. Оленин. Указ. соч., стр. 51; М. Ф. Каменская. Указ. соч., стр. 30; М. М. Попов. Указ. соч., стр. 111.

[199] О числе жертв 14 декабря 1825 г. — «Былое», 1907, III, стр. 192—199; «Список раненым нижним чинам 14 декабря со стороны противной, которые находятся в госпиталях», там же, стр. 194—198; П. Г. Дивов. Указ. соч., стр. 465; А. С. Андреев. Указ. соч., стр. 1255; Записки англичанина, стр. 262; Бутенев. Указ. соч., л. нен.

[200] «Воспоминания Бестужевых», стр. 148; А. Е. Розен. Записки, стр. 68; М. А. Корф. Указ. соч., стр. 186.

[201] «Воспоминания Бестужевых», стр. 148, 395.

[202] Там же, стр. 92.

[203] В. Е. Якушкин. Указ. соч., стр. 170, 172; ВД, т. II, стр. 104, 110.

[204] И. Виноградов. Записки протоиерея, стр. 576; ЦГИА, ф. 48, д. 52, л. 10 об.; К. Ф. Толь. Указ. соч., стр. 31.

[205] «Воспоминания Бестужевых», стр. 92—95.

[206] «Междуцарствие...», стр. 146; ЦГИА, ф. 48, д. 28, л. 60 и сл.; Е. Ф. Комаровский. Указ. соч., стр. 243—244. Заметим, что Комаровский ближе к истине, чем Николай, указывая численность «пленных» («пленных было до 700 человек»).

[207] «Междуцарствие...», стр. 28, 118; Е. Ф. Комаровский. Указ. соч., стр. 246; ср. В. И. Фелькнер. Указ. соч., стр. 156; Петербург в 1825—26 годах (по дневнику П. Г. Дивова). — «Русская старина», 1897, т. III, стр. 468.

[208] «Рассказ очевидца...», стр. 244.

[209] ВД, т. I, стр. 339; ЦГИА, ф. 48, д. 382, л. 9 об.

[210] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 151—152; А. Ф. Львов. Записки. — «Русский архив», 1884, т. III, стр. 230.

[211] И. Виноградов. Указ. соч., стр. 576.

[212] К. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 214.

[213] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 181, 182.

[214] Там же, стр. 182.

[215] Д. И. Завалишин. Записки декабриста, стр. 196—197.

[216] Там же.

[217] «Воспоминания Бестужевых», стр. 90.

[218] ЦГИА, ф. 48, д. 83, лл. 27, 28 об.

[219] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 69, 71.

[220] Там же, стр. 73.

[221] По делу «Общества военных друзей» было привлечено к военному суду 13 человек и вынесено четыре смертных приговора. По конфирмации Николая I (апрель 1827 г.) К. Г. Игельстром, М. И. Рукевич и А. И Вегелин были сосланы на каторжные работы на 10 лет с последующим поселением в Сибири.

К главе XVIII

[1] Официальные материалы о разгроме восстания Черниговского полка см. «Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола». — «Русская старина», 1905, V, стр. 374—391; Ю. Г. Оксман. Восстание Черниговского пехотного полка.— Сб. «Декабристы», М., 1925, стр. 5—36; «Повстання декабристів на Україні. З матеріялів Київського Центрального історичного архіву». — Сб. «Рух декабристів на Україні», отд. оттиск «Восстание декабристов», т. VI (Восстание Черниговского полка), М.—Л., 1929. Эти материалы содержат первостепенные по значению документы для изучения вопроса о подавлении восстания Черниговского полка. Однако они не могут быть положены

в основу изучения важнейших сторон восстания — его идеологии, стратегических и тактических планов восставших, настроений солдатской массы во время восстания, взаимоотношений ее руководителей, всей сложной внутренней жизни восстания, с одной стороны, и связи восстания с невосставшими частями и членами тайного общества, находившимися за пределами восстания, — с другой. Эти темы мало освещены в материалах о разгроме восстания, документальные издания насыщены преимущественно перепиской начальства о мерах, принятых для подавления выступления.

Гораздо богаче ценными данными о внутренней жизни восстания документы, возникшие в ходе самого восстания («Катехизис», «Воззвание»), показания участников восстания на следствии и мемуарная литература (разумеется, все эти материалы требуют к себе критического отношения). См. «Восстание декабристов», т. IV, IX, X, XI; «Записки Горбачевского»; Ф. Ф. Вадковский. Белая Церковь; «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, М., 1931, стр. 192—201; [І. Руликовський]. Повстання Чернігівського полку. З споминів Йосипа Руликовського. З польської мови переклала Софія Тобилевич.—«Декабристи на Україні», т. І, Київ, 1926, стр. 51—100; Историк. Муравьевский бунт. Некоторые обстоятельства бунта Муравьева в 1825 году, записанные очевидцем доктором Де-ла-Флиз. — «Аргус», IV, стр. 65—80. Исследования: Л. П. Добровольский. Повстання Чернігівського полку; О. Д. Татаринова-Багалій. Участники повстання Чернігівського полку перед військовим судом у Могильові (обе работы см. Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії української культури, ч. IV. Повстання декабристів на Україні. Харків, 1926); М. В. Нечкина. Восстание Черниговского полка. — Сб. «100-летие восстания декабристов», М., 1927; она же. Общество соединенных славян. М., 1927; М. Лисенко. Декабристський рух на Україні. Київ, 1954; он же Повстання Чернігівського полку. — «Вісник Ак. наук Укр. РСР», 1951, № 1, стр. 7—18; И. В. Порох. Восстание Черниговского полка. — «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. 39, 1954, стр. 74—137; он же. Восстание Черниговского полка. Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, стр. 121—185.

[2] ВД, т. IV, стр. 295.

[3] Отношение генерал-лейтенанта Рота и допросы А. Майбороды —там же, стр. 8—40 (упоминания имен Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов и М. Бестужева-Рюмина в списке Майбороды см. там же, стр 38, фамилии за № 10, 25, 45).

[4] ВД, т. IV, стр. 295. Ср показания В Соловьева о поездке к командиру Кременчугского полка П. А. Набокову «Русский архив», 1902, т. VI, стр. 270—287.

[5] ВД, т. IV, стр. 295

[6] ВД, т. VI, стр. 311; ЦГИА, ф. 48, д. 245 («Справки, собранные по отношению главнокомандующего 1-ю армиею...», лл. 54—54 об., 55).

[7] По «Запискам Горбачевского», Андреевич 2-й приехал в Васильков из Киева 27 декабря, на самом же деле — 26-го. Я исправляю дату в соответствии с рапортом командира Киевского арсенала генерал-майора Абамелика и рапортом начальника штаба первой армии генерал-адъютанта барона Толя. Ср. ВД, т. V, стр. 352 и 353; т. VI, стр 311 О том, что Андреевич 2-й приехал, узнав о восстании в Петербурге, имеется свидетельство в воспоминаниях Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь», см. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, стр. 193. О дальнейшем см. «Записки Горбачевского», стр. 104—105 и сл.

[8] «Записки Горбачевского», стр 123—124; ВД, т. IX, стр. 45, 47 (подлинник показания на стр. 45 по-французски, цитируется перевод), там же, т. XI, стр. 110

[9] ВД, т. XI, стр. 110.

[10] В «Записках» о Славянском обществе неточно перечислены фамилии в записке С. Муравьева к Кузьмину (Сухинова С. Муравьев не приглашал). Ср. «Записки Горбачевского», стр. 134. Тем не менее текст, воспроизведенный тут, вероятно, со слов барона Соловьева, представляет интерес. Вот он: «Анастасий Дмитриевич! Я приехал в Трилесы и остановился в вашей квартире. Приезжайте и скажите барону Соловьеву, Щепилле и Сухинову, чтобы они тоже приехали как можно поскорее в Трилесы. Ваш Сергей Муравьев».

[11] ЦГИА, ф. 48, д. 395, л. 52. Ср. первоначальное показание С. Муравьева-Апостола, снятое генералом Левашовым; «Записки Горбачевского», стр. 144. Здесь же упоминается, что Бестужев оставил Швейковскому записку по-французски, где призывает его к восстанию. Станционный писарь после восстания Черниговского полка доставил ее по начальству. Ср. о том же в «Записках декабристов», Лондон, 1863, вып 2—3, стр. 168.

[12] В «Записках Горбачевского» сказано, что Кузьмин ехал с Сухиновым, а Соловьев со Щепиллой. Я придерживаюсь данных Аудиториатского доклада. На основании последнего первыми в Трилесы приехали Кузьмин и Щепилло, а по «Запискам» — Кузьмин и Сухинов («Записки», стр. 135). Но необходимо отметить, что показания С. Муравьева (л. 166 его дела) подтверждают версию «Записок».

[13] Ср. Доклад Аудиториатского деп-та. Позже Сухинов спас Ланга — отвел его в дом священника и посадил в погреб. Сам Ланг при допросе подтвердил это под присягой. «Записки Горбачевского», стр. 137—138.

[14] Сейчас мы располагаем документальным материалом для суждения об убытках, причиненных восстанием жителям Василькова. После восстания правительство собрало о них сведения: чаще всего население (особенно шинкари) жаловались, что восставшие забирали водку и иные хмельные напитки; также на первом месте стоят одежда и провиант. Много крестьянской зимней одежды было солдатами выменено на солдатскую. Стояли сильные холода, и Муравьев эту мену поощрял. Многие «убытки» явно выдуманы: например, шинкари заносят как убыток стоимость вина, которое могло бы быть продано, но по случаю закрытых из-за восстания шинков осталось непроданным. Правительство, выяснив, что убытки от восстания точно учесть невозможно, ассигновало 10 тыс. руб. для раздачи потерпевшим в качестве вспомоществования (см. статью В. Базилевича «Збитки від повстання 1825—1826 pp.», — «Декабристи на Україні», Киев, 1926).

[15] Он именуется то Крупниковым, то Крупенниковым. Командир 4-го корпуса князь Щербатов рапортовал 2 января главнокомандующему, что в Курском пехотном полку Крупникова не оказалось, но «поручик Крупенников оказался отличным во всех отношениях офицером». В связи с близостью фамилий никак нельзя с уверенностью утверждать, что Крупников или Крупенников — вымышленное лицо.

[16] Доклад Аудиториатского деп-та.

[17] «Записки Горбачевского», стр. 150.

[18] Революционный «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина — см. ВД, т. IV, стр. 254—255 и т. VI, стр. 128—129. Дальнейшие цитаты взяты из этих текстов. Разрядка цитат «Катехизиса» в дальнейшем всюду моя. — *М. Н.*

[19] ВД, т. IV, стр. 277.

[20] ВД, т. IX, стр. 60, 123, 184; ЦГИА, ф. 48, д. 26; лл. 124 об. — 125.

[21] П. Е. Щеголев. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (из истории агитационной литературы декабристов) в его кн. «Декабристы», М.—Л., 1926, стр. 245.

[22] ВД, т. IV, стр. 256.

[23] Там же, т. IX, стр. 49; т. IV, стр. 264.

[24] Там же, т. IV, стр. 250.

[25] Там же, т. VI, стр. 148.

[26] Там же, стр. 148, 302, 308, 363—364; «Записки Горбачевского», стр. 156, 160.

[27] ВД, т. IX, стр. 123, 239, 263.

[28] Там же, стр. 239.

[29] Там же, т. VI, стр. 202, 296, 297, 299, 300; т. IV, стр. 260; П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 252, 257 и сл.

[30] ВД, т. VI, стр. 168.

[31] Там же, стр. 134, 146, 283; «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, стр. 196; П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 248; «Записки Горбачевского», стр. 173.

[32] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ...», стр. 197.

[33] «Записки Горбачевского», стр. 166.

[34] Тут было имение помещика Иосифа Руликовского, оставившего интереснейшие мемуары о восстании (см. «Декабристи на Україні». Українська Академія наук. Збірник Історично-філологічного відділу, № 37. У Київі, 1926; статья Леонида Добровольского «Йосип Руликовський» и перевод мемуаров Руликовского с польского на украинский «Повстання Чернігівського полку», цит. изд.); В. С. Иконников. Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени.— «Сборник статей, посв. Л. И. Ламанскому», т. II, СПб., 1908, стр. 684; «Записки Горбачевского», стр. 166—176; Свидетельство И. Руликовского («Декабристи на Україні», Київ, 1924, стр. 71, подлинник по-польски, привожу украинский перевод); ВД, т. VI, стр. 183.

[35] ВД, т. VI, стр. 273, 345.

[36] И. Руликовский (стр. 73) рассказывает, что один из солдат егерского полка, только что ушедшего из Белой Церкви, вернулся за чем-то на ротную квартиру, разузнал все о Муравьеве и предложил начальству «не допустить его до Белой Церкви», для чего нарочно попался Муравьеву в плен и заверил его, что егеря вышли, а на их место прибыли войска для усмирения восстания. Этот рассказ не подтверждается однако правительственными документами и носит характер позднейшего сочинительства.

[37] «Записки Горбачевского», стр. 184.

[38] «Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола». — «Русская старина», 1905, V, стр. 374—391; Доклад Аудиториатского деп-та. Ср. «Записки Горбачевского», стр. 190. Горбачевский передает название деревни по-украински: Пилиниченцы.

[39] «Записки Горбачевского», стр. 176.

[40] Там же, стр. 351.

[41] ЦГИА, ф. 48, д. 434, л. 29; д. 437, л. 51; «Записки Горбачевского», стр. 105, 110.

[42] «Записки Горбачевского», стр. 105, 128—129.

[43] ЦГИА, ф. 48, д. 437 (Андреевича 2-го), лл. 30—31, 48, 51; «Записки Горбачевского», стр. 131—132.

[44] «Записки Горбачевского», стр. 133.

[45] Там же, стр. 132—133.
[46] Б. Пушкин. Арест декабристов. — Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 398.
[47] ЦГИА, ф. 48, д. 444 (Веденяпина 2-го), л. 17.
[48] «Записки Горбачевского», стр. 111; ЦГИА, ф. 48; д. 431. Борисов 2-й показывал, что брат его направлялся в Курскую губернию.
[49] О разъездах Борисова 1-го см. данные в делах Борисова 2-го, Спиридова, Шеколлы, Горбачевского, Бесчаснова и Тютчева; ЦГИА, ф. 48, д. 431.
[50] В «Записках Горбачевского» он ошибочно назван Креницким (стр. 112); ЦГИА, ф. 48, д. 146 (Шеколлы), л. 4; «Записки Горбачевского», стр. 113.
[51] Там же, стр. 113.
[52] ЦГИА, ф. 48, д. 146, лл. 11 об., 12.
[53] «Записки Горбачевского», стр. 113—114; ЦГИА, ф. 48, д. 440 (Громнитского), лл. 15 об., 16.
[54] ЦГИА, ф. 48, д. 440.
[55] «Записки Горбачевского», стр. 116—119. В издании М. М. Зензинова «Декабристы. 86 портретов» (М., 1906) эти слова приписаны Бесчаснову.
[56] Спиридов стоял в это время в Красилове. Ср. «Записки Горбачевского», стр. 119.
[57] ЦГИА, ф. 48, д. 432; д. 435, л. 28; «Записки Горбачевского», стр. 115.
[58] ЦГВИА, оп. 847, св. 14, д. 111 «О прапорщике Саратовского (тут ошибка, следует: Полтавского.—*М. Н.*) пехотного полка Трусове, преданном суду за дерзкие слова, произнесенные им против высочайшей особы государя императора», на 18 листах, 1826 г.
[59] Усматривая в этом ошибочном рассказе «Записок Горбачевского» проявление их отрицательного отношения к Тизенгаузену, невозможно тем не менее признать этот рассказ заведомо и нарочито вымышленным с целью очернения Тизенгаузена. Славяне не знали действительного хода происшествий в Полтавском полку, о выступлении Трусова судили по слухам — в момент выступления они находились сами под арестом, немало их сидело в это время в Петропавловской крепости. Трусова и Троцкого никто из них не видел, поскольку те отбывали каторгу в Бобруйске. Тизенгаузен в годы создания так называемых «Записок Горбачевского» жил в значительном отдалении — в Ялуторовске. Авторы рассказа воссоздали события по смутным слухам и ошибочно передвинули их к моменту восстания Черниговского полка — началу января 1825 г., осмыслив их в тексте «Записок Горбачевского» как непосредственную реакцию на восстание Черниговского полка.

К главе XIX

[1] Это сравнение приписывается ряду декабристов, в том числе Захару Чернышеву, М. А. Назимову, Н. И. Лореру. Ср. Н. И. Лорер. Записки, стр. 92, 404.
[2] Дневник Н. Д. Дурново хранится в РОЛБ. См. «Записки отдела рукописей» Библиотеки им. В. И. Ленина, вып. III «Декабристы», М., 1939, стр. 8—22. Согласно порядку записи присылаемых в Петропавловскую крепость арестованных и по времени их прибытия в крепость Рылеев идет первым (П. Е. Щеголев. Декабристы. М.— Л., 1926, стр. 267). Этот порядок не совпадает с данными дневника Н. Д. Дурново и расходится с «Записками» Николая I: «Не могу припомнить, кто перьвый (так!) приведен был: кажется мне Щепин-Ростовский» («Междуцарствие...», стр. 28). Расхождение объясняется тем, что порядок привода арестованных к Николаю не вполне совпадал с порядком поступления их в крепость.
[3] С. П. Трубецкой. Записки, стр. 41—42; И. Д. Якушкин. Записки, стр. 78.
[4] Н. И. Лорер. Записки, стр. 93.
[5] «Реестр» записок Николая коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину опубликован П. Е. Щеголевым в статье «Николай I — тюремщик декабристов». См. П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 267—276.
[6] ВД, т. VIII, стр. 14; ЦГИА, ф. 48, д. 33, л. 4—4 об.; Б. Пушкин. Арест декабристов.—Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 377—416. Список Б. Пушкина неполон: тут, как он сам отмечает, учтены лишь арестованные и привезенные в Петербург декабристы,— список не включает арестованных и судившихся на юге (см. там же, стр. 383). Не поддаются учету полковые аресты, — учитываются лишь аресты, исходящие от правительства.
[7] А. А. Покровский. Следствие над декабристами. ВД, т. I, стр. XIII—XIX.
[8] А. С. Пушкин. Полное собр. соч. Изд. АН СССР, т. XIII, письмо № 257 от 12 апреля 1826 г.
[9] ЦГИА, ф. 48, д. 447 (И. Иванова), л. 19 и сл.
[10] М. В. Нечкина. Следственное дело о А. С. Грибоедове. М.—Л., 1945, стр. 96; она же. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 472—518.
[11] ВД, т. IV, стр. 47.
[12] Там же, т. II, стр. 115, 121; ЦГИА, ф. 48, д. 83 (М. Орлова), л. 24 об.
[13] Областной Ленинградский архив оп. 253, д. 45-А. «Книга. Происшествие 14 декабря 1825 г.».

[14] Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 276—285.

[15] П. Е. Щеголев. Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном суде над декабристами. — В его сб. «Декабристы», стр. 277—293, особенно стр. 283 («По моим следам сделал открытие о роли М. М. Сперанского и князь Н. В. Голицын...»). Ср. Н. В. Голицын. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами. — «Русский исторический журнал», т. I, 1917, стр. 66 и 76. Лишь пятеро подсудимых сообщили после «ревизии» дополнительные данные, приобщенные к делу, но не повлиявшие на их судьбу.

[16] Л. Н. Пушкарев. Неизвестная работа И. Г. Прыжова о декабристах в Сибири. — «Литературное наследство», т. 60 (печатается); И. Д. Якушкин. Записки, стр. 95.

[17] Н. В. Голицын. Указ. соч., стр. 68—69; «Междуцарствие...», стр. 175 (привожу в данном случае перевод, предложенный Н. В. Голицыным).

[18] Вне общего перечня был поставлен отставной статский советник О. В. Горский, не бывший членом общества, но замешанный в событиях 14 декабря (надел мундир, взял незаряженный пистолет и находился среди восставших на площади, возбуждая народ). Он был предан Верховному уголовному суду, но представлен царю в выписке из особого протокола (был сослан в Березов, переведен затем в Тару и Омск, где умер в 1849 г.). Фактически это 122-й декабрист, преданный Верховному суду.

[19] [Н. П. Огарев]. 14 декабря 1825 г. и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды». По поводу книги барона Корфа. Лондон, 1858, стр. 286—289.

[20] Н. В. Голицын. Указ соч., стр. 85; С. Гессен. За кулисами суда над декабристами. — «Каторга и ссылка», 1931, т. I, стр. 185. Навязывавшийся в родственники Захару Чернышеву член Следственного комитета генерал-адъютант А. И. Чернышев встретил его в момент появления перед столом следствия восклицанием: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» на что остроумный Захар Чернышев ответил: «Coupable peut-être, mais cousin jamais». Это рассказано самим З. Г. Чернышевым (Н. И. Лорер. Записки, стр. 109); Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе.— «Русская старина», 1903, VI, стр. 491; М. В. Юзефович. Памяти Пушкина.— «Русский архив», 1883, кн. 3, стр. 436. По мнению Николая, работа суда шла «очень хорошо», «несмотря на глухоту князя Лопухина и глупость князя Лобанова, которые немало способствуют замедлению дела и нарушают декорум» («Междуцарствие...», стр. 207).

[21] Не обоснованы выводы статьи С. Гессена «За кулисами суда над декабристами» («Каторга и ссылка», 1931, кн. I). Он ошибочно полагает, что, кроме Н. С. Мордвинова, еще пять членов суда не подали своих голосов за смертную казнь, и считает, что некоторые имена этих противников смертной казни «напрашиваются сами собой. Таковы, например, имена сенатора Д. О. Баранова и адмирала Д. Н. Сенявина, в которых многие заговорщики угадывали своих единомышленников» (стр. 182). Между тем простая справка с архивным подлинником баллотировочного листа опровергает этот домысел: против имен Баранова и Сенявина стоит собственноручно начертанное данными лицами «четвертовать». Несовпадение же общего числа голосовавших и количества членов суда произошло потому, что в заседании отсутствовало четверо членов: Воронцов, Воинов, Орлов и Закревский (Орлов «умре», Воинов «за болезнию», причины отсутствия остальных двух в баллотировочном листе не указаны).

[22] Точный текст голосования М. М. Сперанского о казни поставленных «вне разрядов» пятерых декабристов («поступить воинского устава 1716-го [года] Арт[икул] 19») и содержал определение четвертования. Преобладающее большинство членов Верховного уголовного суда воспроизвели эту же запись. Любопытно, что первый пример этой формы голосования дал первый по списку председательствующий князь Лопухин, лишь добавивший после ссылки на артикул 19-й слово «четвертовать» (вероятно, Лопухину эта форма была подсказана Сперанским). Следующим за Лопухиным по списку князь Куракин написал просто «четвертовать»; Мордвинов, как указано, не проголосовал. Сперанский шел по списку двенадцатым.

[23] «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям». — «Декабристы и тайные общества в России», М., 1906, стр. 77—95.

[24] Там же, стр. 107.

[25] «Былое», 1906, т. III, стр. 232.

[26] Н. Р. Цебриков. Воспоминания о кронверкской куртине (Из записок декабриста). — Сб. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов», т. I, стр. 262.

[27] А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 98—99.

[28] В следственных делах декабристов Щепина-Ростовского и Михаила Бестужева находятся две «Записки о подробных действиях» указанных декабристов «в день происшествия 14 декабря 1825», подписанные «презусом» полковником Шлиппенбахом и аудитором Дмитриевым (ВД, т. I, стр. 411—413, 489—490). Аналогичный документ, подписанный капитан-лейтенантом Лермонтовым, имеется в деле моряка-декабриста

Арбузова (ВД, т. II, стр. 45—47), подписанный полковником Малининым — в деле Панова (там же, стр. 112—114) и в деле Сутгофа (там же, стр. 127—129). В последнем случае в публикации «Восстания декабристов» в подписи опечатка: вместо полковника «Мышина» следует читать «полковник Малинин» (ср. ВД, т. II, стр. 114 и 129). Г. С. Габаев. Солдаты — участники заговора и восстания декабристов (биобиблиографическая справка). — «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 357—364; Б. Пушкин. К именному списку солдат Московского полка, участвовавших в восстании 14 декабря 1825 г. (там же).

[29] Г. С. Габаев. Указ. соч., стр. 357—364; Б. Пушкин. Указ. соч.; С. Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930; Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. — В книге А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 г.», М.—Л., 1926; Н. С. Пестриков. История лейб-гвардии Московского полка, т. I; М. К. Одинцова. Солдаты-декабристы. — «Сибирские огни», 1928, № 6; А. Шебалов. Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г. — «Красный архив», 1925, т. 6(13); А. Дрезен. Матросы-декабристы. — «Каторга и ссылка», 1925, № 4; О. Багалій. Салдатські маси в декабрисьткому рухові. — Сб. «Декабристи на Україні», Київ, 1926, стр. 18 и сл.; С. А. Семенов. К вопросу о нижних чинах-декабристах. — «Каторга и ссылка», 1926, № 6; Л. Добровольский. Виправа на Кавказ салд-т Чернігівського полку.— «Декабристи на Україні», т. I, стр. 114 и сл. С. Гессен сделал попытку составить словарь солдат-декабристов (С. Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов, стр. 119—153). Словарь этот крайне неполон.

[30] ВД, т. VI, стр. 266.

[31] Там же, стр. 268.

[32] Постановление Белоцерковской военно-судной комиссии о нижних чинах 8-й артиллерийской бригады см. ЦГИАЛ, д. 74 (Аудиториатского деп-та) «О конфирмации г. Главнокомандующего 1-ю армиею по делу о нижних чинах 8 арт. бригады всего 27 человек, сужденных за мятеж противу правительства». Отношение графа Ф. Сакена к начальнику Главного штаба барону И. И. Дибичу опубликовано в сб. «Дек бристи на Україні», т. I, стр. 165—166.

[33] М. К. Одинцова. Декабристы-солдаты. Иркутск, 1927; она же. Солдаты-декабристы. — «Сибирские огни», 1928, № 6.

[34] Б. Л. Модзалевский. Записка о «Донесении Следственной комиссии». — Сб. «Декабристы», М., 1925, стр. 47.

[35] Д. Свербеев. Записки. М., 1899, т. II, стр. 194.

[36] В. П. Шереметева. Дневник. Из архива Б. С. Шереметева. М., 1916, стр. 134, 139, 161; «Красный архив», 5(36), стр. 217.

[37] «Междуцарствие...», стр. 211; Копия со сведений, представленных поручиком Линицким. — Сб. «Декабристы», М., 1925, стр. 34—36.

[38] «Воспоминания Бестужевых». Ред., статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., 1951, стр. 82—83; ВД, т. II, стр. 133—200.

[39] Б. Модзалевский. Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов. — Сб. «Декабристы», М., 1926, стр. 37.

[40] А. М. Муравьев. Записки. Перевод, пред. и примеч. С. Я. Штрайха. Пг., 1922, стр. 27; «Воспоминания сенатора Дивова». — «Русская старина», 1897, т. III, стр. 457.

[41] В. Ганцова-Берникова. Крестьянские волнения 1826 г. — Сб. «Тайные общества в России в начале XIX столетия», М., 1926, стр. 131, 133.

[42] Б. Е. Сыроечковский. Московские «слухи» 1825—1826 гг. — «Каторга и ссылка», 1934, № 3, стр. 80—85; В. Ганцова-Берникова. Указ. соч., стр. 133.

[43] Л. В. Домановский. Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве. Автореферат (ЛГУ). Л., 1954.

[44] Там же.

[45] Б. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 66.

[46] Бумаги Ф. Г. Гогеля частью опубликовал М. Ф. Шугуров: донесения с 3 по 24 января 1826 г. см. в «Русском архиве», 1871 г., т. I, стр. 257—288; донесения Гогеля на имя главнокомандующего первой армии с 9 января по 20 марта 1826 г. были опубликованы в «Русском архиве» за 1902 г., т. II, стр. 285—302. Третью и, как полагает публикатор, последнюю часть донесений Гогеля опубликовал Ю. Г. Оксман в сборнике «Декабристы» (М., 1925) в отделе, посвященном восстанию Черниговского полка (стр. 21—36). Ценные материалы этого же типа (донесения В. Сотникова, рапорт волынского гражданского губернатора М. Ф. Бутова-Андржейковича и др.) опубликованы в VI т. «Восстания декабристов», подготовленном к печати Ю. Г. Оксманом. Литература о настроениях после восстания довольно обширна. См. П. М. Дораган. Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. Я. Фока А. Х. Бенкендорфу. Июль — сентябрь 1826.— «Русская старина», 1881, т. IX, стр. 163—194; т. X, стр. 303—336; т. XI, стр. 519—560; О. Багалій. Салдатські маси в декабристському рухові. — «Декабристи на Ук-

раїні», т. I, стр. 18—36; В. Ганцова-Берникова. Стан Пензенського пішого полку після повстання, стр. 161—164; О. Багалівна-Татаринова. Таемна агентура на Україні сто років тому. З рапортами и записками В. С. Сотникова.— Там же, т. II, стр. 1—34; Б. Е. Сыроечковский. Из отголосков восстания декабристов. — «Красный архив», 1929, т. V (35), стр. 204—218.

[47] В. Иконников Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—27 гг. в связи с событиями того времени; В. Ганцова-Берникова. Крестьянские волнения 1826 г., стр. 145.

[48] В. Ганцова-Берникова. Указ. соч., стр. 130, 138.

[49] N. P. Wakar. Les rapports de l'ambassade de France à Saint-Pétersbourg sur la conjuration de Décabristes (дипломатическая переписка графа Лаферронэ и принца Сент-При).— «Le monde Slave», 1925, № 12, стр. 447—472.

[50] «Рабочее движение в России в XIX в.». Под ред. А. М. Панкратовой. Т. I, М., 1951, стр. 432.

[51] Там же, стр. 367—369, 445, 450, 458—459.

[52] Л. В. Домановский (указ. соч.) пришел к правильному выводу, что песня-плач об Александре I, записанная Н. Е. Ончуковым в 1902 г. на Нижней Печоре, не является отражением декабристского движения в народном сознании. Она отражает лишь народные слухи и толки о несколько необычных обстоятельствах смерти Александра I: смертью этой воспользовались «бояришка» и выбрали нового царя и его «акитанта» (адъютанта):

Государем-то быть князю Вильянскому,
Акитантом слыть князю Волхонскому.

Под «князем Вильянским» разумелся иностранец — лейб-медик Виллие, которого молва обвиняла в смерти царя, под князем «Волхонским» — министр двора П. М. Волконский, друг и приближенный царя.

К главе XX

[1] Письмо декабриста А. Е. Розена (октябрь 1832 г.) см. в сб. «Декабристы на каторге и в ссылке», 1925, стр. 283. Вопрос о пребывании декабристов в Сибири на каторге и поселении имеет огромнейший документальный материал, даже более обильный, нежели источники, непосредственно относящиеся к самому движению декабристов до ареста и следствия. Имеется и ряд специальных исследований на эту тему. См. С. Максимов. Сибирь и каторга, ч. III, СПб., 1900; А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905; Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897; Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925; он же. Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925; он же. Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925; Сб. «Декабристы на каторге и в ссылке», М., 1925; «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных», М., 1926; В. Н. Соколов. Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1946.

[2] «История Москвы», т. III, М., 1954, стр. 391—394.

[3] А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. XIII. Переписка. 1815—1827. Л., 1937, стр. 293, 298, 313; М. А. Корф. Записки. — «Русская старина», 1900, т. 101, стр. 574 (автор передает тут рассказ Николая I об его разговоре с Пушкиным: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим. — Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он»); [П. А. Ефремов]. А. С. Пушкин. — «Русская старина», 1880, т. 27, стр. 133; П. И. Бартенев. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей. Вступ. статья и примеч. М. Цявловского. М., 1925, стр. 31, 94. Расшифровка: «К у[бийце] г[нусному] явись» принадлежит М. А. Цявловскому.

[4] Послание А. С. Пушкина к декабристам в Сибирь («Во глубине сибирских руд») впервые напечатано А. И. Герценом в «Полярной звезде» за 1856 г. (Лондон, 1856).

[5] М. Н. Волконская. Записки. СПб., 1906, стр. 24, 28, 30; [Д. В. Веневитинов]. Проводы княгини Марии Волконской. — «Русская старина», 1875, т. 12, стр. 822—824.

[6] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы. М., 1939, т. I, стр. 101.

[7] Ошибочна датировка клятвы Герцена и Огарева на Воробьевых горах 1825 годом, зафиксированная М. Лемке в «Канве биографии А. И. Герцена» (см. А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXII, стр. 192), — она не находит подкрепления в документальном материале. Датируя эту клятву, нельзя, однако, опираться на указание возраста давших клятву юношей, так как показания об этом возрасте расходятся в разных упоминаниях и даются как Герценом, так и Огаревым не вполне точно. Так, в посвящении к «Былому и думам» Герцен пишет: «Одна мечта двух мальчиков — одного 13 лет, другого 14 — уцелела» (т. XII, стр. 5). Огарев же пишет так: «Иногда мне кажутся смешны эти 15-летние герои, но в эту

минуту я чувствую, что они были прекрасны» (там же, стр. 177). Отсюда следует, что Герцен и Огарев высчитывали свой возраст во время клятвы на Воробьевых горах приблизительно; особенно ясно это из последней цитаты, где разница возрастов Герцена и Огарева вообще не учитывается. Таким образом, датировать клятву на Воробьевых горах, исходя из определения возраста, нельзя. Другое дело — определение количества лет, протекших со времени клятвы, так сказать, прямое определение ее юбилея, связанное с точной фиксацией протекшего времени. Основываться на таком определении гораздо надежнее: для того, чтобы летом 1860 г. сказать, что клятва на Воробьевых горах была дана «тридцать три года тому назад» и подчеркнуть указанную дату курсивом, конечно, надо было твердо знать отправную дату, т. е. 1827 г. Для того, чтобы в 1853 г. сказать, что клятва была дана «двадцать шесть лет» тому назад (там же, стр. 74), опять-таки надо было совершенно точно знать отправную дату — и опять при расчете мы получаем тот же 1827 г. Отсюда ясно, что при определении даты клятвы на Воробьевых горах надо преимущественно опираться именно на эти данные (более подробно вопрос о датировке клятвы разобран мною в комментарии к «Моей исповеди» Н. П. Огарева, см. «Литературное наследство», т. 61, стр. 673). Правда, датировка клятвы 1826 годом устанавливается самим А. И. Герценом в письме к Н. А. Захарьиной от 25 августа 1836 г. (ср. А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем, т. I, Пг., 1919, стр. 318), поэтому предпочтительность даты 1827 г. поддерживается преимущественно неоднократностью ее повторений в переписке и произведениях А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

[8] А. И. Герцен. Былое и думы, т. I, М., 1937, стр. 149—150.

[9] Показание участника кружка Лушникова. См. Мих. Лемке. Тайное общество братьев Критских. — «Былое», 1906, № 6, стр. 42—45.

[10] М. В. Нечкина. Заговор в Зерентуйском руднике. — «Красный архив», т. XIII, 1925, стр. 258—279.

[11] Н. В. Басаргин. Записки. СПб., 1917, стр. 111—112; А. Е. Розен. Записки. СПб., 1907, стр. 159—160; М. К. Азадовский. Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы (неопубликованная глава Записок Д. И. Завалишина). — Сб. «Декабристы и их время», М., 1927, т. I, стр. 216—228.

[12] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 225.

[13] Там же, стр. 227. Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» глубоко прав, оттеняя, несмотря на цензурные трудности, идейную сторону в действиях жен декабристов. Так он пишет о Е. Трубецкой:

...я слез не принесу
В проклятую тюрьму.
Я гордость, гордость в нем спасу
И силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Или далее:

Но знаю: к родине любовь —
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

[14] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 145—149; Н. В. Басаргин. Записки, стр. 122—123, 129—135; Михаил Бестужев. Дневник путешествия нашего из Читы в Петровский завод. — «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 325—335.

[15] А. И. Одоевский. Стихотворения. 1936, стр. 103—104.

[16] «Воспоминания Бестужевых», стр. 292—295. М. Бестужев датирует свою песню о восстании Черниговского полка «14 декабря 1829-го или 1830-го года, не могу припомнить», однако тут же точно указывает, что дело было в Петровском заводе. Туда декабристов перевели осенью 1830 г., следовательно, точной датой сочинения этой песни надо считать 14 декабря 1830 г. — как раз день пятилетия со дня восстания.

[17] Там же, стр. 293—295.

[18] А. И. Герцен. Былое и думы, т. I, стр. 107.

[19] А. И. Одоевский. Стихотворения, стр. 107—108.

[20] «Красный архив», 1925, № 3 (10), стр. 318.

[21] Там же, стр 319.

[22] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, стр. 176.

[23] И. Д. Якушкин. Записки, стр. 130—131. Ср. стр. 134: «Были и другие кружки, составившиеся по разным личным отношениям. Но при всем том мы все вместе составляли что-то целое. Бывали часто жаркие прения, но без ожесточения противников друг против друга. Небольшие ссоры между молодежью прекращались посредничеством других товарищей, и вообще никогда сор не выносился из избы».

[24] М. С. Лунин. Сочинения и письма, Пг., 1923.

[25] Письмо от сентября 1838 г.

[26] Ср. письмо от 3 ноября (22 октября) 1839 г.

[27] Н. А. Бестужев. Статьи и письма, М., 1933, стр. 119—120; Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 265—266.

[28] Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа. — «Ученые записки Моск. гор. педагог. ин-та», т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 1. М., 1941. Богатый дополнительный материал для сибирского периода жизни И. Д. Якушкина и, в частности, для характеристики его просветительской деятельности дают новые его письма, опубликованные в издании: И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. К печати подгот. и коммент. С. Я. Штрайх. М., 1951.

[29] Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. — «Русская старина», 1903, т. VI, стр. 481—502; М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 519—550; А. В. Фадеев. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе. — «Вопросы истории», 1951, т. I, стр. 100—107.

[30] А. В. Фадеев. Указ. соч., стр. 100; Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953.

[31] «Записки Горбачевского», стр. 24.

[32] «Дело петрашевцев», т. I, М.—Л., 1937, стр. 448.

[33] С. В. Житомирская. Встречи декабристов с петрашевцами. — «Литературное наследство», т. 60 (печатается).

[34] Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полное собр. соч., т. II, СПб., 1906, стр. 71.

[35] Письма И. И. Горбачевского к Вл. А. Обручеву (распространителю «Великорусса») найдены и предоставлены мне для использования Н. Н. Новиковой, которой приношу за это благодарность. Они хранятся в архиве Веры Владимировны Обручевой (дочери В. А. Обручева) и являются копиями, сделанными рукой Вл. А. Обручева на 13 отдельных пронумерованных листах большого формата. В моем распоряжении 11 писем: от 16 июля 1866 г.; от 20 апреля и 12 октября 1867 г.; от 5 января, 8 февраля, 28 марта, 27 июня, 11 июля, 18 июля и 20 августа 1868 г.; последнее перед смертью письмо декабриста, написанное уже ослабевшей рукой, датируется 12 декабря 1868 г. (И. И. Горбачевский умер 9 января 1869 г.). Все письма с Петровского завода.

[36] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

[37] Ср. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14 и т. 19, стр. 294—295.

[38] Приведу полностью эту общеизвестную цитату, традиционная формула которой несколько сокращена по сравнению с подлинником. Последний у Герцена по-французски: «Au jour de l'insurrection, sur la place d'Isaak et au centre de la seconde armée, ce qui manqua aux conjurés, ce fut le peuple». Перевод М. К. Лемке «В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало именно народа». А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем, т. XXII, стр. 88, 108.

[39] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абамелик, ген.-майор 379, 487
Абрамов Клим, фельдфебель 413
Август, римский император 92
Авенариус А. А. 110
Авраам, архиепископ 405
Аврамов, унтер-офицер 374
Аврамов И. Б. 211, 406
Аврамов П. В. 198, 406
Адлерберг В. Ф. (1-й) 144, 395, 468
Азадовский М. К. 463, 477, 482—485, 491, 493
Аксенов К. Д. 459
Акулов Н. П. 330, 407
Алейник, поручик 379
Александр, дворовый 383
Александр I 18, 21, 23, 24, 29, 96, 97, 108, 112, 121, 126, 129, 145, 195—200, 204, 208, 209, 212, 218—221, 224, 239, 240, 247, 248, 258, 259, 269, 290, 309, 315, 323, 420, 421, 425, 458, 459, 472, 473, 481, 492
Александр II 50, 126, 226, 248, 256, 449
Александр III 256
Александра Федоровна, имп. 289, 303, 479
Александров, пристав 292
Александровский А. Н. 290, 482
Алексеев, подполковник 19
Алексеев 2-й, поручик 383
Алексеев А. И. 432
Алексеев И. 390
Алексеев Козьма, солдат 414
Алексей Михайлович, царь 403
Алфеев А. А. 300, 478, 479, 482, 483, 486
Андреев, член Общества соединенных славян 384
Андреев Алексей, солдат 188, 414
Андреев А. Н. 266, 406, 478
Андреев А. С. 272, 293, 297, 479, 480, 482, 485, 486
Андреевич Я. М. (2-й) 133, 138, 153, 155, 156, 158, 160, 164, 170, 171, 173, 174, 176—178, 186, 187, 189—193, 195, 209, 210, 352, 353, 360, 378—382, 384—386, 389, 397, 405, 415, 449, 466, 467, 470, 487, 488
Анна Иоанновна, имп. 70
Анненков И. А. 55, 67, 94, 405, 420, 438
Анненков И. В., флигель-адъютант 484
Анойченко Федор Николаевич, солдат 184—186, 188, 189, 193, 414
Антипов Яков, солдат 414
Апостол-Кегич Е. И. 359, 364, 372
Апраксин С. Ф., флигель-адъютант 295
Аракчеев А. А. 28, 95, 196, 197, 250
Арбузов А. П. 91, 102, 107, 227, 228, 235, 242, 244, 250, 252, 253, 260, 261, 300, 304—308, 317, 330, 392, 402, 405, 429, 449, 476, 478, 483, 491
Аргиров, поручик 187
Арнольд Ю. К. 286—289, 481, 482, 485
Арсеньев И. А. 383
Арсеньев К. И. 20
Арцыбашев Д. А. 448
Афанасьев Гурьян, солдат 414
Ахлестин Иван, церковник 371
Ахундов М. Ф. 448

Бабеф 143
Багалий-Татаринова О. Д. 487, 491, 492
Багреев А. А., зять М. М. Сперанского 249
Базанов В. Г. 468
Базилевич В. М. 488
Базин И. А. 225
Байков, дежурный генерал-майор 214, 215, 474
Бакиханов А. 448
Бакунин И. М. 333
Балабанов М. С. 458
Баранов Д. О. 237, 401, 409
Баратаев М. П. 435
Барклай де Толли М. Б. 309
Бартенов П. И. 135—137, 140, 142, 162, 470, 492
Барятинский А. П. 8—14, 20, 22, 27, 31, 44, 55, 113, 121—124, 127, 129, 131, 196—202, 204, 206—213, 215—217, 405, 429, 443, 449, 457, 458, 464—466, 473
Басаргин Н. В. 19, 23, 24, 215, 405, 436—439, 447, 449, 458, 459, 493
Баташев, заводчик 16
Батеньков Г. С. 90, 91, 93, 107, 226—228, 235—238, 241, 244, 245, 248—251, 253, 337, 400, 406, 408, 449, 463, 474, 476
Баумгартен Л. 459
Бахметев А. Н. 275
Башмаков Ф. М. 352, 360, 374, 381, 413
Башуцкий А. П. 272—277, 280, 286, 287, 289, 290, 314, 479—484

Башуцкий П. Я. 295, 314
Бебутов Д. О. 19
Бейсов П. С. 468
Бечевцов, капитан 319
Белелюбский А. Д. 359, 372
Белинский В. Г. 105, 165, 166, 270, 427, 444—446
Белоголовый Н. А. 492
Белосельская-Белозерская, кн. 15
Беляев А. П. (1-й) 94, 306, 322, 406, 443, 478
Беляев П. П. (2-й) 406
Беляевы 30, 31, 91, 107, 261, 300, 305, 307, 444, 476
Бенкендорф А. Х. 303, 317, 333, 335, 336, 395, 416, 428, 432, 439, 491
Бентам И. 12
Березин, поручик 193, 194
Берстель А. К. 171, 189, 193, 406, 408, 448, 449, 470
Бестужев А. А. (-Марлинский) 6, 7, 27—29, 63, 67, 91—98, 101—104, 106—108, 112, 225—228, 230, 234, 235, 237, 241, 242, 244, 245, 250, 254, 256—263, 267—269, 271, 272, 274, 276, 281, 283, 290, 292, 298, 305, 306, 310, 312, 314, 316, 319, 322, 328, 331—335, 339, 392, 393, 396, 400, 401, 405, 407, 419—422, 429, 448, 449, 459, 463, 476—479
Бестужев М. А. 27, 63, 97, 103, 107, 135, 137—140, 227, 236, 237, 252, 253, 257, 258, 261, 267, 268, 280, 281, 287, 289, 319, 328, 334, 335, 339, 405, 419, 428, 429, 438, 440, 441, 449, 466, 467, 471, 478, 481, 490, 493
Бестужев Н. А. 7, 27, 28, 62—64, 94, 101, 103, 107, 224, 227, 231, 238, 242, 249, 250, 253, 259—263, 305—307, 316, 322, 328, 335, 336, 340, 342, 405, 419, 429, 447, 449, 461, 463, 475—478, 494
Бестужев П. А. 257, 261—263, 305—308, 316, 317, 407, 449, 474, 478
Бестужев-Рюмин М. П. 21, 22, 25, 26, 35—37, 39—41, 44, 56, 81, 84, 102, 112—116, 119, 127, 128, 130—133, 141, 142, 160, 168—187, 195, 199, 202, 203, 206, 207, 209, 210, 345, 347, 348, 351—357, 359, 360, 362, 365—370, 373, 377, 378, 380, 382, 384—386, 388—391, 396, 405, 408, 409, 421, 458, 459, 464, 467, 469—472, 487, 488
Бестужева Е. А. 438
Бестужевы 28, 29, 91, 102, 228, 254, 277, 281, 463, 474, 477—483, 485, 486, 491, 493
Бестужевы-Рюмины 421
Бетанкур А. А. 28
Бечаснов В. А. 140, 152, 153, 158, 170, 173—175, 180, 181, 189—191, 193, 382, 383, 389, 405, 415, 449, 466, 470, 489
Бечаснова, мать декабриста 153
Бибиков И. М. 272, 274, 296, 329, 339
Бистром К. И., ген.-адъютант 257, 322, 329, 477
Блудов Д. Н. 396
Бобрищев-Пушкин Н. С. (1-й) 123, 198, 201—203, 207, 210—213, 217, 406, 464, 472, 473
Бобрищев-Пушкин П. С. (2-й) 200, 210, 211, 217, 406, 443, 473
Бобрищевы-Пушкины 217
Бобров, фельдфебель 304
Бобылев Андрей, солдат 414
Бобылев Федор Николаевич, солдат 185
Богданов А. И. 225
Богданович И. И. 266, 478
Бодиско, братья 305, 476
Бодиско Б. А. (1-й) 300, 306, 406, 408, 448, 449, 483
Бодиско М. А. (2-й) 305, 307, 317, 392, 406, 407
Боков Никита, «казенный денщик» Я. М. Андреевича 379
Боратынский Е. А. 105
Борецкий, артист 289, 481
Борисов Алимпий, солдат 413
Борисов А. И. (1-й) 138, 140, 141, 143—148, 150, 152, 155, 181, 378, 379, 383—389, 397, 405, 449, 466, 468, 489
Борисов И. А., отец декабристов 145, 147
Борисов П. И. (2-й) 84, 134, 140—152, 154, 155, 157, 158, 160, 161, 167—176, 180, 181, 184, 186, 187, 189—192, 195, 209, 210, 378, 379, 383, 385—389, 405, 415, 428, 444, 447, 449, 466—471, 489
Борисов С. 479
Борисовы, декабристы 110, 133, 142, 149, 151, 153, 180, 429, 467
Боровков А. Д. 105, 131, 277, 284, 301, 323, 395, 480, 481, 483
Бородин Иван, солдат 414
Бороздин А. К. 459, 463, 485
Бочаров Василий 436
Бошняк А. К. 197, 198, 201, 264, 472
Брагин Федор, фейерверкер 415
Браницкая А. В. 112, 374, 375, 423
Браницкий И. К. 423
Бригген А. Ф. 31, 112, 132, 196, 199, 240, 406, 464
Брискман М. А. 463
Броке А. А. 267
Брут М.-Ю. 30, 285
Брычев, полковник 194
Булатов А. М. 94, 227, 228, 250, 253, 284, 285, 310, 341, 398, 474, 477, 481
Булгари Н. Я. 406, 408
Булгари Я. Н. 196, 197
Бурнашев А. А. 225
Бурцов И. Г. 125, 448, 449, 472
Буташевич-Петрашевский В. М., отец следующего 480
Буташевич-Петрашевский М. В. 480
Бутенев Л. П. 272, 274, 275, 277, 278, 280, 283, 286—289, 291, 292, 317, 321, 322, 324, 333, 334, 479—486
Бутковская А. Я. 482
Бутковский, ген.-лейтенант 292
Бутов-Андржейкович М. Ф. 491
Бухарин Федор, готлангер 415
Быстрицкий А. А. 133, 134, 356, 369, 372, 374

Вавилов С. И., акад. 480
Вадбольский А. П. 266, 478
Вадковский А. Ф. 359, 360, 375, 376, 382
Вадковский Ф. Ф. 12, 55, 56, 67, 94, 97, 128, 195, 197, 346, 356, 372, 405, 429, 441, 442, 449, 487

Вальховский В. Д. *см.* Вольховский В. Д.
Варадинов Н. В. 458
Василенко Яков, солдат 414
Васильев Андрей, солдат 190, 415
Васильев Павел, солдат 269
Васильев Федор, фейерверкер 415
Васильевский, полковник 202
Васильчиков И. В., ген.-адъютант 300, 330, 336
Вахрушев Д. И. 395
Вахтин Н. В. 273, 480, 486
Вашингтон Д. 45
Вегелин А. И. 107, 486
Веденяпин Ал. В. (2-й) 384, 385, 407, 471, 489
Веденяпин Ап. В. (1-й) 152, 158, 170, 171, 173, 175, 176, 407, 449, 470, 471
Веденяпины 174, 189, 380, 384, 385, 389,
Ведякин, фейерверкер 189, 191
Вейденбаум Е. Г. 490, 494
Вельо Иосиф Иосифович 291, 297, 298, 317, 327, 432, 484
Вельяминов А. А. 464
Веневитинов Д. В. 433, 492
Веселовский П. С. 370
Виллие Я. В., лейб-медик 195, 492
Вильканец, поручик 107
Виноградов И., священник 289, 336, 337, 482, 485, 486
де Виньи Альфред 438
Висковатов С. И. 417
Витгенштейн Л. П. 201
Витгенштейн П. Х. 8, 124, 201, 206, 207, 215, 341, 424, 474
Витт И. О. 197, 198, 201, 206, 213
Вишневский Ф. Г. 306, 307, 392, 407
Воейков А. 481, 482, 485
Воейков Н. П. 111
Воехович, прапорщик 107
Воинов А. Л. 278, 291, 292, 300, 319, 326, 339, 480, 490
Войнилович А. С. 352, 359, 361, 363, 364, 448
Волков, юнкер 143, 144
Волков В. Ф. 267
Волконская Е. А. 481, 482, 485
Волконская З. А. 433
Волконская М. Н. 429, 433, 435, 438, 492
Волконский П. М 101, 492
Волконский С. Г. 7, 8, 20, 22, 23, 25—27, 32, 34, 40—42, 56, 57, 94, 102, 109—111, 113, 115, 116, 119, 129, 159, 198, 204—206, 208, 209, 213, 215, 216, 220, 221, 405, 407, 428, 429, 449, 459, 464, 465, 470, 472, 473
Вольф Ф. Б. 20, 201, 211, 212, 405, 449, 473
Вольховский В. Д. 31, 53, 449
Воронов, солдат 188
Воронцов М. С. 24, 208, 490
Воропанов Н. Ф. 318
Врангель, прапорщик 311
Враницкий В. И. 173, 206, 406, 464
Вульферт С. И. 361
Вульферт Шарлотта 321
Выгодовский П. Ф. 134, 140, 152, 153, 166, 181, 406, 449, 469, 470
Высоцкий, генерал 196
Высочин А. Д. 152, 467
Вяземский П. А. 91, 92, 95, 105, 337, 463
Вяткин А. С. 319

Габаев Г. С. 281, 298, 299, 313, 315, 320, 341, 412, 477, 479, 482—486, 491
Габерзанк, доктор 277
Гагарин, кн., владелец фабрики 425
Гаккель П. Ф. 323, 479, 485
Гангеблов А. С. 30, 31, 470
Ганнибал 471
Ганусовский Викентий, унтер-офицер 188
Ганцова-Берникова В. А. 491, 492
Гарновский, домовладелец 265
Гаршин В. М. 291
Гебель Г. И. 352, 355—358, 362—364, 374, 381, 413
Гебль Полина 438
Гейсмар Ф. К. 138, 370, 377
Георгиевский, солдат 188
Герман К. Ф. 20, 147
Гернгрос, майор 29
Герцен А. И. 92, 134, 165, 230, 257, 273, 286, 342, 401, 403, 411, 416, 434, 435, 440, 445—447, 450, 453, 471, 481, 492—494
Гессен С. Я. 463, 490, 491
Гете И.-В. 95
Гиббон Э. 444
Гладков И. В. 11
Глазов П. А., владелец завода 16, 425
Глебов М. Н. 310, 406, 407
Гнедич Н. И. 91
Гобов Иов, солдат 458
Гогель Ф. Г. 422, 491
Гоголь Н. В. 270
Годеин Н. П. 468
Голенищев-Кутузов П. В. 272, 395, 409
Голенищев-Кутузов-Толстой П. М. 303, 333, 479, 481, 483, 485, 486
Голиков Павел, участник зерентуйского заговора 436
Голицын А. Н. 395
Голицын В. М. 12, 67, 94, 406
Голицын Д. В. 343
Голицын Н. В. 490
Головин, бригадный командир 319
Головин Иван 288, 317, 481, 482, 484
Головинский П. К. 134, 152, 158, 387, 467, 468, 472
Головины 292
Голтгоер А. Ф. 225
Гончаров И. Л., фейерверкер 189, 190, 415
Горбачевский И. В., отец декабриста 153
Горбачевский И. И. 134—140, 142, 143, 150, 152, 154, 157, 158, 161, 163, 164, 167—169, 171, 173—176, 179—181, 189, 191, 193—195, 209, 210, 361, 363, 374, 378, 383, 385, 386, 388, 389, 391, 401, 405, 415, 429, 447, 449—451, 466, 467, 469—473, 487—489, 494
Горбузаст, денщик Я. М. Андреевича 379
Горбунов, унтер-офицер 422
Горленко П. И. 207, 212
Горский О. В. 328, 490
Гофман, подпоручик 107
Грейг А. С. 309
Греков Б. Д., акад. 479, 485
Греков Петр, солдат 414
Греч Н. И. 322, 481

Грибоедов А. С. 19, 27—29, 55, 91, 95, 102—105, 108, 111, 261, 397, 399, 407, 448, 449, 457—459, 463—465, 468, 489, 494
Григорьев Алексей, фельдфебель 267, 268, 413
Гродецкий А. С. 40, 113—116
Громнитский П. Ф. 140, 152, 160, 167—170, 173, 179, 187, 189, 385—388, 396, 405, 447, 449, 489
Громницкий П. Ф. *см.* Громнитский П. Ф.
Грот Я. К. 482
Гротенгельм М. М. 465
Грохольский Д. 351, 352, 361, 370, 374, 413
Грудзинская И. А. (кн. Лович) 218, 323
Губины, заводовладельцы 16
Гульбин Петр, солдат 185, 414
Гуржий I. О. 468
Гурин Василий, солдат 415
Гурко В. И. 343
Гуровский А. 440
Гурьева-Нессельроде М. Д. 287, 315, 317, 323, 478, 481, 484

Даву Л.-Н. 309
Давыдов В. Л. 3—5, 7, 8, 10, 12, 22, 25, 27, 32, 34, 52, 57, 82, 113, 128, 129, 197, 198, 200, 205, 206, 213, 215, 216, 405, 428, 429, 449, 457, 464, 465, 472
Давыдов Д. В. 91, 148
Давыдова А. И. 438
Давыдовы 25, 196
Дантес Ж.-Ш. 445
Де-ла-Флиз, доктор 487
Дельвиг А. А. 91, 337
Дементьев И. П. 475
Демидов, заводчик 15
Демосфен 157
Депрерадович Н. Н. 55, 67, 94, 102, 463
Державин Г. Р. 266
Дерош, чиновник 472
Дибич И. И. 22, 198, 213, 219, 320, 395, 396, 400, 408, 414, 472, 491
Дивов В. А. 261, 264, 305, 405, 420, 429, 448
Дивов П. Г. 264, 333, 334, 337, 419, 420, 478, 480, 485, 486, 491
Дмитриев, аудитор 490
Дмитриев И. И. 92, 292, 482, 486
Дмитриев С. С. 462
Дмитриев-Мамонов А. И. 492
Дмитриев-Мамонов М. А. 159
Дмитриевский Иван, писарь 413
Добровольский Л. П. 487, 488, 491
Добролюбов Н. А. 450
Долговязов Пантелей, солдат 412
Долгоруков Ю. В. 417
Домановский Л. В. 426, 491, 492
Домбровский, штабс-капитан 390
Дораган П. М. 491
Драгоманов Я. А. 152, 175, 186, 390
Дрезеке И.-Г., проповедник 121
Дрезен А. К. 491
Дрешерн, майор 204
Дружинин В. Г. 470
Дружинин Н. М., акад. 58, 62, 457, 458, 461, 462, 475, 486, 490, 494
Дубов Архип, унтер-офицер 413
Дубровин Н. Ф. 71
Дурново Н. Д. 279, 280, 288, 300, 303, 332, 337, 392, 479—481, 483, 485, 489

Евгений, митрополит 300, 327, 405
Евгений Вюртембергский 262, 278, 287, 291, 303, 314, 317, 322, 331, 334, 479
Евдокимов Николай, фейерверкер 415
Екатерина II 404, 405, 423
Еленев Ф. П. 478
Елизавета Алексеевна, имп. 57, 226, 227
Елизавета Петровна, имп. 308, 404
Ентальцев А. В. 194, 195, 406, 447
Ентальцева А. В. 438
Ермолов А. П. 19, 108, 110—112, 148, 207, 221, 237, 397, 435, 448, 468, 480
Еропкин В. М. 479, 486
Ефимов, капитан 388
Ефимович Иван, солдат 415
Ефремка, готлангер 189
Ефремов П. А. 492

Жандр А. А. 105, 464
Жебровский Ф. А. 152, 153, 467
Жиркевич И. С. 481, 486
Житомирская С. В. 463, 494
Жуков И. П. 370, 396
Жуковский В. А. 396
Журдан, содержатель пансиона 288
Жюно 309

Завадовский А. П. 108, 110, 259
Завалишин Д. И. 30, 31, 91, 94, 107, 282, 292, 293, 302, 318, 325, 326, 341, 342, 405, 436—438, 449, 470, 480—482, 484—486, 493
Загорецкий Н. А. 209, 212, 406
Заикин Н. Ф. 208—210, 212, 213, 215, 217, 406, 449, 472, 473
Заикин Ф. Ф. 210, 217, 473, 474
Заичневский П. Г. 451
Закревский А. А. 490
Зальца В. И. 313, 314
Занин Иван, фейерверкер 415
Зарецкий П. А. 153, 387
Засс А. П. 194
Захаров Н. С. 460
Захарьина Н. А. 493
Зеленцов, предприниматель 425
Зензинов М. М. 489
Зенин, фейерверкер 186, 189, 190, 192
Зимбулатов, поручик 421
Зиновьев Никифор, бомбардир 190, 415
Зонненберг К. И. 435
Зосима, грек 197

Иаков II 162
Иван Грозный 403
Иванов Василий, солдат 414
Иванов Игнатий, унтер-офицер 188, 414
Иванов И. И. 152, 153, 167—169, 380, 384, 385, 389, 406, 449, 489
Иванов Константин, фельдшер 419
Иванов Максим, солдат 358
Иванов Павел, дьякон 300
Иванов Прохор, дьякон 264, 272, 297, 300—302
Ивановский А. А. 395
Ивашев В. П. 121, 125, 405, 435, 438, 449, 466

Игельстром К. Г. 107, 344, 486
Игнатович И. И. 15, 458
Игнатьев, офицер конногвардейского полка 277
Измайлов А. Е. 289, 323, 482—484
Измайлов Михаил, студент 318
Измайлов Н. В. 470
Иконников В. С. 488, 492
Ильинский А. И. 153
Ипсиланти А. К. 197
Искритский Д. А. 448

К. (полька) 95
Казаков Алексей, ссыльный 436
Какауров, унтер-офицер 359
Кальм Ф. Г. 202
Камбалюк, солдат 188
Каменская М. Ф. 320, 321, 485, 486
Карамзин Н. М. 143, 291, 333, 478, 480, 482, 486
Карл I 162, 470
Карцов П. К. 405
Каховские 28
Каховский Н. Г. 29
Каховский П Г. 27—29, 90, 91, 94—96, 110, 160, 226—228, 235, 236, 238, 240—244, 252, 254, 257—260, 272, 276, 277, 281, 297, 301, 305, 307, 310, 313, 315, 316, 322—327, 337, 339, 394, 402, 405, 408, 409, 463, 470, 476—479, 483, 485
Качалов П. Ф. 307
Кашкин С. Н. 6, 63
Кашкины 434
Квист О. И. 136
Кейзер Д. Ф. 138, 371
Киреев И. В. 153, 155, 160, 168, 170, 173, 188, 380, 384, 385, 387—389, 405, 406, 444, 472
Кирпиченко, солдат 188
Кирьяков, полтавский помещик 146
Кирьяков Василий, солдат 414
Киселев П. Д. 27, 84, 124, 198, 201, 204, 206, 208, 213, 215, 216, 351, 473, 474
Киселевич, капитан 385, 387
Клементьев, штабс-капитан 194
Клементьевский Никанор, митрополит 274
Кляпов Козьма, солдат 414
Кожевников, солдат 188
Кожевников А. Л. 311
Кожевников Н. П. 227, 266, 310, 311, 337, 402, 407, 408, 448, 478, 479
Козейчук Федор, солдат 415
Козлов, капитан 358, 361, 363
Коколов Михаил, горнист 414
Колен, полковник 458
Колодченко Ефим, солдат 414
Комаровский Е. Ф. 317, 319—321, 336, 337, 343, 394, 480, 481, 484—486
Кондырев В. Я. 364
Конисские 157
Коновницын П. П. 227, 228, 237, 310, 311, 407, 408
Константин Павлович, вел. кн. 38, 115, 116, 211—213, 218—222, 225, 227, 238—241, 245, 247, 248, 251, 263, 264, 266, 267, 269, 270, 276, 279, 280, 286, 289, 290, 299, 303, 309—311, 314—316, 321—325, 336, 343, 344, 348, 351, 358, 361, 368, 371, 401, 411, 417, 422—424, 472, 475, 485
Копылов А. Ф. 465
Копылов Г. И. 110
Корнелий Непот 147
Корнилов, ген.-лейтенант 19
Корнилович А. О. 103, 129, 197, 217, 228, 237, 248, 249, 310, 337, 347, 448, 449
Коробка Н. И. 467
Корсун В. И. 144, 468
Корф, подполковник 382
Корф М. А. 272, 273, 289, 291, 292, 297, 299, 303, 312—315, 320, 323, 325, 330, 331, 334, 335, 403, 444, 474, 476, 478, 479, 482—486, 490, 492
Корчагин Иван, унтер-офицер 413
Косолапов Клим, рабочий 16
Костыра, провиантский чиновник 152, 472
Кочанов, управляющий завода 16
Кочубей С. М. 146
Кошелев А. И. 394
Крайников Григорий, канонир 189, 193, 415
Красков Дмитрий, церковник 371
Красницкий Н. 152, 181, 386, 467, 472
Краснокутский С. Г. 227, 228, 236, 237, 249, 263, 264, 407, 474—476
Красовский Андрей, солдат 269
Кривцов С. И. 406
Критские 493
Критский М. 435
Критский П. 435
Кроун (Крон), адмирал 410, 419
Крупенников (Крупников) 361, 365, 370, 488
Крыжановский С. 36, 37, 113
Крылов И. А. 91, 92
Крюков А. А. (1-й) 405
Крюков Н. А. (2-й) 71, 78, 201—204, 207—210, 212, 215, 217, 405, 449, 462, 473
Крюковы 206
Кубалов Б. Г. 492
Кузнецов Никита, фейерверкер 190, 415
Кузьмин А. Д. 133, 134, 138, 152, 173, 176, 180, 188, 194, 345, 352, 356—359, 361, 363—365, 372, 377, 466, 467, 487
Кузьмин Г. Р. 485
Кулаков Семен, солдат 414
Куницын А. П. 20, 147
Куракин А. Б., кн. 490
Курильной Петр, «кузнечный ученик» 382
Кусовников, помещик 420
Кучков (Кушков) Василий, унтер-офицер 374, 413
Кюхельбекер В. К. 27, 28, 90, 103, 105, 110, 279, 281, 288, 292, 294, 298, 316, 405, 407, 418, 429, 434, 443, 449, 481, 492, 493
Кюхельбекер М. К. 300, 302, 392, 406, 407, 449, 483

Лаваль И. С., домовладелец 224, 281, 282
Лаврецов 458
Лавров Н. Ф. 223, 281, 282
Лазыкин Иван, унтер-офицер 413
Ламанский Л. И. 488
Ламартин А. 123, 124
Ланг, жандармский поручик 355—357, 487
Ланге, фельдъегерь 196
Ланской В. С. 405, 425
Ланской Д. С. 29

Лаппа М. Д. 31, 266, 402, 407
Латышев Федул, солдат 414
Лаферронэ, французский посол 425, 492
Лачинов Е. Е. 212, 473
Лебцельтерн Л. 392
Левашов В. В., ген.-адъютант 316, 323, 327, 336, 392, 393, 395, 400, 464, 487
Левицкий-Лазницкий, подполковник 390
Ледантю Камилла 438
Лелевель И. 151
Леман, поручик 202, 209, 210
Лемке М. К. 492—494
Ленин В. И. 79, 95, 165, 255, 283, 427, 451—454, 462, 477, 494
Леопольдов А. Ф. 432
Лепарский С. Р. 436
Лермантов Д. Н. 412, 490
Лермонтов М. Ю. 443
Ливен, ротный командир 313
Лик И. Х. 458
Линицкий, поручик 491
Лисенко М. М. 487
Лисовский Н. Ф. 152, 170, 178, 179, 189, 385—388, 406, 471
Лихарев В. Н. 197, 198, 406, 448, 449, 464
Лишина Э. 482
Лобанов, солдат 318
Лобанов, кн. 295, 296, 330, 333
Лобанов-Ростовский Я. И. 404, 405, 490
Лович И. А., жена цесаревича Константина, см. Грудзинская И. А.
Лондырь, рейткнехт 295
Лопухин П. В. 405, 408, 490
Лорер Н. И. 13, 43, 54, 55, 57, 104, 118, 121, 122, 197, 202, 207—209, 211, 213, 214, 216, 393, 402, 406, 419, 448, 458, 460, 464—466, 472—474, 489, 490
Лукьянов Емельян, солдат 415
Лукьянович, юнкер 144
Лунин М. С. 3, 87, 139, 291, 397—399, 405, 428—430, 445—447, 449, 462, 467, 474, 484, 494
Луцкий Александр Николаевич, унтер-офицер 274, 412
Лушников, студент 493
Львов А. Ф., композитор 479, 486
Львов И. Ф. 227, 337
Люблинский Ю. К. 134, 135, 140, 149—153, 180, 397, 406, 408, 449, 466—468
Людовик XVI 161, 162, 470
Ляшко Федор, унтер-офицер 188

Магл‑келидзе С. 464
Маевский К. К. 359, 362, 363
Майборода А. И. 57, 102, 183, 198, 213, 214, 217, 219, 264, 348, 472, 487
Маковой Григорий, солдат 415
Максимов, солдат 188
Максимов Игнатий, солдат 414
Максимов С. 492
Малафеев Петр, солдат 414
Малинин, полковник 252, 314, 412, 491
Малютин М. П., племянник К. Ф. Рылеева 266, 478, 479
Малютина Л., племянница К. Ф. Рылеева 479
Малявин, ротмистр 381
Марешаль Сильвен 143, 467
Мария Федоровна, имп. 333, 418
Мартынов, унтер-офицер 188
Мартынов А. 202, 208, 209, 210
Мартынов Павел, солдат 414
Мартынов П. П. 266, 330, 331, 478
Марченко В. Р. 464
Матвеев Василий, готлангер 188, 190, 415
Матюшка Матвей, солдат 415
Медведенко Иван, крестьянин 423
Медведская Л. А. 459, 465
Мещерский А. П. 364
Миклашевский А. М. 448
Миллер П. Ф. 305
Милорадович М. А. 218, 248, 255, 256, 271, 273—279, 286, 287, 289, 290, 292, 295, 297, 300, 326, 339, 350, 351, 401, 410, 416, 418, 479, 480, 483
Минин К. 435
Мирович В. Я. 402
Митьков М. Ф. 6, 12, 31—34, 47, 53, 67, 69, 94, 238, 343, 405, 429
Михаил Павлович, вел. кн. 98, 267, 272, 296, 299, 316, 317, 321, 327, 331—334, 395, 410, 412, 415, 418, 426
Михайлов Василий, участник зерентуйского заговора 436
Михайлов М. Л. 451
Михайлов Федор, солдат 414
Михайловский К. Г. 438
Михельсон И. И. 146
Мицкевич Адам 103, 106, 151, 463
Модзалевский Б. Л. 215, 463, 474, 491
Мозалевский А. Е. 346, 356, 360—365, 369, 370, 372, 374, 375, 382, 435
Мозгалевский Н. О. 187, 407
Мозган П. Д. 152, 176, 191, 192, 406, 471
Моллер А. В. (2-й) 261
Моллер А. Ф. 257
Молодцов Андрей, солдат 413
Молок А. И. 479
Молчанов Л. А. 432
Мордвинов Н. С. 34, 132, 237, 238, 263, 404, 478, 490
Моренщильд А. И. 225
Моренщильд Ф. Б. 225
Морков А. И. 405
Морозов Ф. М. 78, 462
Морш‑ков Федор, участник зерентуйского заговора 436
Мошинский П. И. 114, 172, 181, 351
Муравьев Александр Захарович 206, 350, 380, 381
Муравьев Александр Михайлович, брат Никиты Муравьева 68, 398, 406, 420, 461, 491
Муравьев Александр Николаевич, основатель общества декабристов 406, 408
Муравьев Артамон Захарович 22, 127, 171, 173, 174, 203, 206, 348, 351, 353—356, 360, 365, 380, 381, 383, 393, 405, 422, 429, 449
Муравьев М., историк 223
Муравьев Никита Михайлович 3—6, 8—14, 20, 29—34, 41—44, 46—53, 57—69, 73, 86—88, 90—94, 98, 103, 108, 112, 117, 132, 154, 160, 198, 233, 337, 398, 399, 404—407, 420, 433, 438, 446, 447, 449, 457, 462—464, 475, 484, 486, 490, 494
Муравьев Николай Назарьевич 119
Муравьева А. Г. 433, 438

Муравьева В. А. 383
Муравьевы 238
Мур вьев-Апостол Ипполит Иванович 245, 246, 359, 372, 373, 377, 440
Муравьев-Апостол И. М., отец декабристов 237
Муравьев-Апостол Матвей Иванович 4, 11, 12, 14, 27, 31, 34, 41—44, 47—49, 51, 52, 55, 56, 67, 94, 95, 100, 101, 114, 117—119, 202, 207, 238, 345, 346, 348, 350, 351, 354, 356—360, 366, 370, 372, 373, 376—378, 396, 405, 407, 413, 429, 447, 449, 460, 463, 473, 476, 487
Муравьев-Апостол Сергей Иванович 4, 5, 8, 14, 21, 22, 25, 26, 35, 37, 38, 40, 41, 44, 56, 74, 93, 102, 112—115, 117—119, 122, 127—134, 138—142, 168—177, 179, 180, 184—188, 192—194, 196, 198—200, 202, 203, 205—209, 215, 235, 245, 282, 345, 348—382, 384—386, 388, 389, 391, 405, 408, 409, 413—415, 458—460, 464, 465, 467, 472, 486—488
Муравьевы-Апостолы 118, 119, 352, 355
Муркин Андрей, солдат 414
Мусин-Пушкин Е. С. 407
Муханов П. А. 110, 344, 406, 429
Мышин, полковник 252
Мюрат И. 309
Мякушка Иван, солдат 188

Набоков П. А. 356, 487
Нагель, ген.-майор 390
Назимов М. А. 31, 266, 406, 489
Наполеон I 45, 54, 177, 309, 341
Нарышкин М. М. 31, 32, 34, 53, 69, 199, 343, 406
Нарышкина Е. П. 438
Насакин Г. Г. (2-й) 225
Насакин Я. Г. (1-й) 225, 318, 319, 484
Нащокин П. 384
Невенгловский, шляхтич 386, 472
Нежинцев Карп, фельдфебель 267
Ней М. 309
Нейдгардт А. И. 271, 294
Некрасов Н. А. 438, 493
Нелединский С. Ю. 343
Несмеянов, жандармский поручик 352, 355, 364
Нессельроде (Гурьева) М. Д. см. Гурьева-Нессельроде М. Д.
Нестеровский А. В. 329
Никита, дворовый С. И. Муравьева-Апостола 351, 352
Никитенко, унтер-офицер 458
Никитин Андрей, солдат 414
Никитин Григорий, солдат 414
Никитин Прокофий, унтер-офицер 413
Никитин Степан, солдат 414
Никифораки, поручик 381
Николаев, плац-адъютант 285
Николаев, полковник 472
Николаев Тимофей, унтер-офицер 413
Николаев Федор, солдат 414
Николай I 18, 20, 21, 29, 95, 98, 107, 109, 110, 124, 142, 156, 215, 216, 218—221, 231, 239, 240, 243, 247—250, 252, 256, 259, 263—267, 270—274, 276—280, 282, 285, 288, 289, 291—300, 303, 306, 311, 312, 314—323, 325—327, 329—340, 343, 344, 348—350, 358, 369, 373, 390, 392—397, 400—402, 405, 407—412, 417—419, 421, 424, 425, 428, 431, 432, 435, 438—440, 442, 446, 449, 459, 472, 474—476, 478—484, 486, 489—492
Новикова Н. Н. 494
Новосильцев Н. Н. 470
Новосильцов В. Д. 105, 106
Нольчик, купец 29
Норов В. С. 21, 22, 405, 407, 458
Носов, фабрикант 16
Нуммерс А. Ф. 225

Оболенский, помещик 424
Оболенский Е. П. 6, 7, 10, 12—14, 27, 31, 32, 42—44, 47, 49—54, 56, 58, 59, 63, 67, 69, 89, 94, 101, 102, 107, 109, 112, 119, 132, 157, 183, 219, 225—228, 230, 236, 241, 244, 250, 253, 254, 257, 258, 264, 266, 276, 277, 281, 286, 290, 292, 310, 315—317, 326, 328, 329, 339, 393, 398, 401, 405, 407, 428, 429, 447, 449, 450, 457, 461, 470, 474—478, 480, 484
Обручев, поручик 424
Обручев В. А. 451, 494
Обручева В. В. 494
Овидий 92
Огарев Н. П. 273, 315, 333, 402, 403, 434, 440, 480, 482—484, 486, 490, 492, 493
Огаревы 434
Одинцова М. К. 491
Одоевский А. И. 27—29, 69, 102, 103, 112, 265, 266, 272, 275, 281, 310, 311, 322, 328, 399, 400, 406, 433, 434, 439, 441, 448, 449, 470, 478, 493
Одоевский В. Ф. 105, 465
Оксман Ю. Г. 143, 463, 467, 468, 473, 486, 491
Октавий 141, 176
Оленин А. Н. 272, 286, 479, 481, 482, 485, 486
Олизар Г. Ф. 115, 356, 465
Ончуков Н. Е. 291, 482, 492
Оранский, принц 370, 377
Оржицкий Н. Н. 258, 337, 407, 408
Орлов А. Ф. 275, 277, 292, 293, 295, 335, 402, 482
Орлов М. Ф. 18, 159, 245—247, 342—344, 397, 402, 464, 476, 489
Орлов А. Г. 417
Остолопов Н. Ф. 91
Островский, шляхтич 386, 472

Павел I 161, 196, 218, 404
Павлов-Сильванский Н. П. 71, 483
Пажитнов К. А. 458
Палицын С. М. 305, 310
Панаев И. И. 480
Панкратова А. М. 492
Панов Н. А. 227, 228, 253, 290, 297, 302—304, 310, 311, 313—315, 317, 327, 329—331, 335, 405, 449, 478, 491
Панюра, солдат 318
Паскевич И. Ф. 448, 449
Паскевич М., штабс-ротмистр 370
Пашков А. И. 462
Пекарский П. П. 482
Пересеткин Макар, солдат 185, 414
Перовский В. А. 295

Пестель В. И. 460
Пестель Е. И., мать декабриста 459
Пестель И. Б., отец декабриста 42, 465
Пестель П. И. 3—5, 7—14, 18, 20—23, 25, 26, 30, 33—35, 38—62, 65, 67, 68, 70—87, 89, 90, 93—96, 100, 102, 107, 108, 110—132, 134, 138, 154, 159, 160, 171, 173, 182, 183, 196—217, 220—222, 226, 227, 230, 235, 236, 238, 245, 246, 259, 269, 272, 282, 346—349, 352, 378, 394, 395, 397, 400, 405, 406, 408, 409, 422, 450, 457—460, 462—466, 471—474
Пестерев Анисим, солдат 414
Пестов А. С. 140, 142, 152, 153, 158, 167, 169, 170—173, 175, 176, 179, 180, 405, 429, 449, 466
Пестриков Н. С. 469, 491
Петин В. Н. 352, 359, 363
Петр I 223, 272, 296, 299, 334—336
Петров В. В., акад. 480
Петровский, подпоручик 107
Пивоваров, унтер-офицер 313, 314
Пигарев К. В. 460, 486
Пирожков 246
Пирр 64
Питт (младший) 470
Пифагор 143
Платон 143, 144, 467
Плотин 467, 468
Плутарх 144, 147
Повало-Швейковский И. С. 21, 42, 44, 56, 90, 113, 114, 118, 128, 171—173, 198, 199, 206, 356, 365, 380, 386, 405, 449, 458, 460, 464, 487
Поветкин Николай, фузилер 274, 412, 415
Погодаев Николай, солдат 185, 414
Погодин М. П. 431, 444, 468
Поджио А. В. 8—12, 18, 31, 32, 39, 41, 50, 57, 127, 131, 215, 216, 405, 429, 449, 457, 459, 464, 467, 474
Поджио И. В. 198, 406, 449, 458, 459, 464, 474
Подушкин Е. М. 402
Пожарский Д. М. 435
Поздеев, офицер гусарского принца Оранского полка 370
Покровский А. А. 72, 462, 489
Покровский М. Н. 400
Полевой Н. А. 105
Полежаев А. И. 431, 432
Поливанов И. Ю. 12, 55, 67, 94, 406
Полилов Егор, купец 288, 334, 481
Поляков Иван, солдат 413
Помпей 141
Пономарев, солдат 188
Пономарева, тверская помещица 420
Понятовский Иосиф 309
Попов, штабс-капитан 19
Попов М. М. 479, 481, 485, 486
Попов Н. А. 286, 334
Порох И. В. 22, 458, 487
Посылин, купец 420
Потапов Александр, солдат 414
Потапов А. Н. 395
Потемкин Г. А. 423
Пресняков А. Е. 223, 253, 254, 271, 273, 274, 282, 302, 306, 316, 324, 331, 474, 477—480, 483—485, 491
Прозор, граф 35
Прокофьев 475
Прокофьев Е. А. 494
Прокофьев Макар, солдат 414
Прокофьев Павел, солдат 369, 413
Проскурин Макей, солдат 414
Прыжов И. Г. 137, 158, 447, 467, 470, 490
Пугачев Е. И. 146, 402, 404, 405, 452
Пузанов, историк полка 298, 310, 312, 314, 482—484
Пушкарев Л. Н. 137, 467, 470, 490
Пушкин А. С. 6, 20, 24, 25, 82, 91, 92, 95, 102—105, 108, 292, 337, 396, 399, 431—434, 442, 443, 445, 448, 453, 457, 463, 464, 482, 489, 490, 492
Пушкин Б. С. 462, 474, 489, 491
Пушкин Л. С. 104, 292, 482
Пущин И. И. 6, 7, 11, 14, 31, 32, 34, 47, 53, 58, 60, 63, 66, 69, 90, 103, 104, 227—229, 236, 237, 241, 247, 251—253, 257, 261—265, 275, 281, 283, 292, 293, 313, 316, 319, 328, 332, 337, 340, 342, 343, 405, 429, 441, 447, 449, 457, 461, 463, 464, 475, 476
Пущин И. П., отец декабристов 264
Пущин М. И. 257, 261, 265—267, 407, 408, 419, 449, 477, 479
Пыхачев М. И. 171, 173, 174, 194, 376, 377

Радзивилл К. 36, 459
Радищев А. Н. 91, 156, 165, 451, 452, 454
Радкович, подпоручик 192
Раевская М. Н. 464, 465
Раевский В. Ф. 104, 145, 146, 190, 207, 208, 463, 468
Раевский Н. Н. (старший) 35, 132, 237, 269
Раевский Н. Н. (младший) 448
Разин С. Т. 452
Ракуза Игнатий, солдат 188, 413
Расторгуевы, заводчики 16, 425
Раупах Э. В. 20
Резников Гаврила, солдат 414
Ренненкампф К. П. 351, 370
Репин Н. П. 225, 227, 228, 260, 318, 406, 407, 449
Ринкевич А. Е. 448, 473
Рихтер, батальонный командир 187
Риэго Р. 24, 30, 31, 285
Рогожкин Николай, рабочий 420
Родичев Иван, фейерверкер 193, 415
Розен А. Е. 225, 227, 228, 244, 246, 247, 265, 266, 273, 277, 278, 281, 285, 287—289, 301, 303, 304, 316—321, 329, 331—333, 335, 406, 407, 409, 430, 436, 437, 448, 474, 476—486, 490, 492, 493
Романовы 25, 26, 30, 32, 69, 197, 323, 410
Рославлев А. П. 370
Рослов Тихон, солдат 414
Ростовцев Я. И. 29, 219, 227, 228, 264, 322, 419, 478, 485
Рот Л. О. 22, 194, 198, 348, 350, 355, 377, 386, 487
Рошков Тимофей, унтер-офицер 422
Рубановский, штабс-капитан 19
Рудзевич А. Я. 24, 123
Рукевич М. И. 106, 486
Руликовский И., помещик 346, 373, 487, 488
Румянцев-Задунайский П. А. 308
Рыбаковский В. Н. 364
Рылеев К. Ф. 6, 7, 14, 27—34, 43—48, 50, 52, 53, 59, 60, 62, 63, 67, 90—97, 101—104, 106—109, 111, 112, 132, 183, 199, 219, 223—229, 231, 234—238, 240—246, 248—

254, 256—267, 275, 278, 279, 281, 283—285, 289, 304, 307, 310, 312, 316, 319, 322, 337, 339—341, 392, 393, 396—398, 405, 408, 409, 419, 420, 432, 434, 435, 438, 450, 451, 457, 460, 463, 474—479, 486, 489
Рындзюнский П. Г. 468, 469
Рынкевич И. В. 213, 473
Рытов Семен, солдат 412
Рышков Евсей, солдат 415

Сабанеев И. В. 24, 208
Савенко, денщик П. И. Пестеля 183, 211
Савицкий, солдат 356
Сакен Ф. В. 193, 369, 491
Салтыкова Софья 28
де Сальванди Н. А. 367
Самодаенко Зиновия, крестьянка 423
Сафонович В. И. 273, 290, 301, 479, 482, 483, 485
Сафронов Аким, солдат 369, 413
Сахно-Устимович П. М. 110
Свербеев Д. Н. 416, 491
Свистунов П. Н. 12, 55, 56, 67, 94, 227, 228, 246, 247, 342, 405, 474, 477
Семевский В. И. 71, 72, 467
Семевский М. И. 480, 484
Семенов, инженерный капитан 202
Семенов Алексей, солдат 423, 424
Семенов П. Н. 31
Семенов С. А. 491
Семенов С. М. 247, 342, 343
Семичев Н. Н. 203, 354, 381, 448
де Сент-При Э. М., принц 492
Сенявин Д. Н. 132, 490
Серафим, митрополит 281, 296, 297, 299—303, 306, 316, 327, 405, 478, 479
Сербинович К. С. 291, 333, 478, 480, 482, 485
Сергузеев Александр, унтер-офицер 267, 268
Сивинис, поручик 197
Сидоров, солдат 193
Сизиневский В. О. 359
Симаков И. Ф., печник 288, 290, 311
Ситников, часовой 383
Сказин Е. В. 478
Скоков, жандармский прапорщик 352, 355
Слепцов Н. С., штабс-ротмистр 71
Смирнов Д. А. 105, 464
Снытко Т. Г. 463
Соколов, унтер-офицер 419
Соколов В. Н. 492
Соловьев В. Н. 133, 134, 138, 152, 173, 180, 188, 345, 346, 349, 352, 356—359, 361, 363, 364, 369, 372, 374, 375, 377, 413, 435, 436, 487
Соловьев Даниил, солдат 412
Сологуб Ф. К. 465
Солтык, граф 36
Сомов О. М. 104
Сопиков В. С. 143, 467
Сорокин Григорий, солдат 414
Сорокин Петр, барабанщик 414
Сотников В. С. 187, 191, 193, 194, 422, 491, 492
Сперанский М. М. 34, 237, 238, 248, 249, 263, 400—405, 408, 409, 490
Спиридов М. М. 142, 155, 170, 173—175, 179, 180, 186—188, 191, 193, 195, 355, 386, 388, 389, 405, 449, 466, 470, 489
Сталин И. В. 255, 283
Старков, денщик Артамона Муравьева 383
Стаценко, унтер-офицер 188
Столыпин Д. А. 237
Стрекалов, ген.-майор 294, 295, 300
Стрекалов С. С. 249
Строганов А. Г., флигель-адъютант 16
Стюрлер Н. К. 301, 302, 304, 311—313, 315, 322, 327
Субботин М. Ф. 262
Суворов А. В. 98, 146, 272
Судравский В. К. 483
Сукин А. Я. 393, 419, 489
Сумароков П. И. 405
Сутгоф А. Н. 227, 228, 238, 242, 252, 253, 272, 278, 280, 281, 292, 297—300, 302—304, 308, 310—313, 315, 327, 329, 331, 335, 339, 405, 478, 479, 484, 485, 491
Сухинов И. И. 133, 134, 138, 139, 153, 176, 180, 188, 345, 352, 353, 357—359, 361—364, 369, 372, 375—377, 435, 436, 449, 487
Сухозанет И. О. 267, 300, 330, 331, 333
Сыроечковский Б. Е. 135—137, 140, 458, 462, 465—467, 470, 478, 491, 492

Тазильцев Андрей, солдат 414
Татаринова-Багалій О. Д. *см.* Багалій-Татаринова
Татищев А. И. 100, 395, 396
Телешов И. Я. 273, 287, 289, 333, 479—483, 485
Телешова Е. А. 274
Тизенгаузен В. К. 56, 112, 113, 142, 168, 171, 173, 193, 194, 206, 348, 386, 390, 391, 406, 447, 464, 472, 489
Тимковский В. Ф. 111, 207
Тимофеев Егор, мастеровой 16
Тимофеев Егор, унтер-офицер 413
Тимофей, не помнящий прозвания, участник зерентуйского заговора 436
Тимофей, мальчик 383
Титов Н. А. 319
Титов Н. С., композитор 479
Тиханов Н. И. 172
Тихановский С. Л. 189, 348
Ткачукова Александра, крестьянка 423
Тобилевич София 487
Толстой В. С. 97, 406, 441, 463
Толстой П. А. 343
Толстой Ф. П. 320, 321, 334
Толь К. Ф., ген.-адъютант 287, 289, 329—331, 333, 352, 374, 481, 482, 485—487
Торсон К. П. 30, 31, 58, 62—65, 67, 91, 94, 107, 224, 227, 228, 231, 241, 405, 420, 438, 449, 461, 464, 474—476
Трофимов Федор, барабанщик 412
Троцкий, подпоручик 390, 391, 489
Трощинский Д. П. 118
Трубецкая Е. И. 438, 493
Трубецкой С. П. 14, 30, 31, 34, 42—44, 47—52, 56, 60, 61, 91, 94, 96, 108, 118—120, 127, 129—132, 171, 198, 199, 202, 217, 223—234, 236, 238—242, 244—251, 253, 254, 257, 258, 260, 262—266, 278, 279, 281—285, 319, 322, 326, 328, 337, 338, 340, 342, 343, 351, 392, 393, 405, 428, 429, 449, 460, 461, 465, 467, 474—477, 481, 489
Трусов С. И. 390, 391, 489
Трухин С. С. 359, 362

Туган-Барановский М. И. 458
Туманский В. И. 95, 463
Тургенев Н. И. 3, 5, 29, 31, 32, 34, 46, 47, 49, 53, 67, 91, 94, 132, 238, 405
Турков Василий, солдат 185, 414
Тутолмин Ф. Д. 315
Тучков Н. А. 309
Тыртов В. М. 305
Тютчев А. И. 152, 168—170, 172, 179, 187, 188, 192, 193, 195, 206, 355, 385, 386, 388, 405, 429, 440, 466, 489

Уваров, домовладелец в г. Житомире 384
Уваров С. С. 444
Уваров Ф. П. 386
Уварова Е. С. 445
Усовский А. В. 133, 152, 156, 170, 186, 192, 397
Устрялов Н. Г. 444
Ушаков, штабс-ротмистр 366, 370

Фадеев А. В. 494
Фадеев И. С., фейерверкер 189, 190, 415
Файерштейн С. М. 462
Фаленберг П. И. 406
Фамилят (Фомилят), фельдфебель 415
Федоров Алексей, солдат 369, 413
Федоров В. А. 17, 458
Федоров Федор, дворовый 421
Федосов И. А., историк 462
Федотов, знаменосец 314
Федотов Трофим, унтер-офицер 412, 415
Фелькнер В. И. 268, 273, 286, 289, 301, 317, 479—486
Фердинанд VII 162, 367
Филарет, митрополит 410
Философов А. И., ген.-адъютант 331
Фок А. А. 266, 305, 402, 407, 478
Фок М. Я. 416, 491
Фонвизин И. А. 22, 343, 459
Фонвизин М. А. 69, 247, 343, 406
Фонвизина Н. Д. 438
Фотий, архимандрит 20
Фохт И. Ф. 213, 406
Фредерикс П. А. 267, 269, 270, 307
Фридбург, «надзиратель за гошпиталями» 459
Фролов А. Н. 171, 173, 194
Фролов А. Ф. 152, 170, 187, 192, 406
Фроловы-Багреевы 249
Фурман А. Ф. 110, 156, 186, 406, 469

Харитонов Иван, унтер-офицер 369, 413
Хватов, солдат 318
Хвостов В. С. 405
Хвощинский П. К. 269, 270
Хлудович, чиновник 395
Ходкевич А. 35—37
Хомяков А. С. 431
Хоперский И. П., писарь 372

Цебриков Н. Р. 305, 317, 407, 408, 490
Цицерон 157
Цявловский М. А. 492

Чаадаев П. Я. 444, 445
Чавчавадзе А. Г. 111, 448, 449, 464
Чавчавадзе Н. А., жена А. С. Грибоедова 449
Чарковский А. 40
Чарторыйский А. 470
Челищева 434
Челищевы 434
Челяев, полковник 330
Черевин П. Д. 7
Черкасов, генерал, нач. 1-го кадетского корпуса 322
Черкасов А. И. 211, 212, 406, 449, 473
Чернов К. П. 27, 105, 106
Чернов С. Н. 72, 458, 462, 469, 473, 481, 483
Черноглазов И. М. 189
Черносвитов Р. А. 450
Чернышев А. И. 84, 102, 124, 213, 215, 216, 395, 404, 474, 490
Чернышев З. Г. 4, 404, 489, 490
Чернышева А. Г. 4
Чернышевский Н. Г. 164, 166, 427, 450, 451, 494
Чернышевы 59, 69
Чижов Д. С., дядя декабриста 478
Чижов Н. А. 261, 286, 306, 307, 321, 406, 478
Чирков, фельдфебель 307
Чулков Н. П. 134, 466, 468

Шатобриан Ф.-Р. 24
Шахирев А. И. 180, 189, 407
Шаховской А. А. 248
Шаховской Ф. П. 407, 449
Шварц Ф. Е. 19
Шебалов А. 479, 491
Шебеко Ф. И. 313
Шевченко Т. Г. 166, 450
Шевченко Федор, солдат 414
Шевырев С. П. 444
Шеколла В. И. 153, 180, 181, 472, 489
Шелгунов Н. В. 451
Шеншин В. Н., ген.-адъютант 269, 270
Шервуд И. В. 195—198, 213, 219, 264, 426, 472
Шереметев А. В. 343
Шереметев Б. С. 491
Шереметев В. В. 108, 110, 259
Шереметева В. П. 417, 491
Шестаков И. А. 483
Шильдер Н. К. 273, 458, 472, 478, 480
Шимков И. Ф. 171, 388, 406
Шипов И. П. 6, 10
Шипов С. П. 306, 307
Шишков А. С. 431
Шлегель, доктор 202, 208, 215
Шлиппенбах К. А. 412, 490
Шнитцлер И. Г. 450
Штейнгель В. И. 20, 29, 62, 63, 91, 224, 226—228, 231, 237, 238, 240, 241, 244, 248, 250—252, 254, 260, 262, 301, 331, 337, 406, 410, 461, 474—477, 479, 481
Штрайх С. Я. 491, 494
Шуазель, граф 350
Шугуров М. Ф. 491
Шультен, поручик 172
Шутов Михей, фельдфебель 413

Щеголев П. Е. 71, 73, 367, 371, 393, 462, 470, 476, 481, 484, 485, 488—490
Щепилло М. А. 134, 138, 153, 176, 188, 345, 349, 352, 356—359, 361—364, 372, 376, 377, 413, 487
Щепин-Ростовский Д. А. 252, 266—269, 272, 277, 279, 280, 306, 307, 313, 316, 318, 319,

324, 328, 335, 339, 392, 401, 405, 478, 479, 489, 490
Щепкина Е. 469
Щербатов А. Г. 119, 465, 488
Щербинин Филипп, солдат 414
Щикалин, портупей-прапорщик 188
Щукин П. И. 480—482, 485

Эккартсгаузен К. 191
Энгельгард, юнкер 380

Юзефович М. В. 490
Юлий Цезарь 141, 176, 471
Юрасов И. Ф. 212
Юрашев (Юраш) Федор, греиадер 186, 188
Юшневский А. П. 8, 20, 25, 39, 51, 74, 113, 119, 122, 129, 197, 199—201, 207, 211, 212, 213, 215, 217, 405, 429, 449, 458, 459, 464, 466, 473, 474
Юшневский С. П. 213

Яблоновский А. С. 36, 37, 114—116, 172
Языков Н. М. 105, 396
Яковлев, солдат 422
Яковлев П. Л. 482
Якубович А. И. 69, 90, 91, 108—112, 225—228, 241, 242, 244, 248, 253, 256—262, 267, 269, 272, 278—282, 284, 285, 305, 326, 328, 337—341, 351, 398, 405, 409, 428, 429, 449, 464, 476, 477, 480, 481
Якушкин В. Е. 479—486
Якушкин Е. И. 46, 231, 475
Якушкин И. Д. 22, 120, 135, 224, 282, 343, 344, 393, 397, 401, 405, 407, 409, 429, 430, 444, 447—449, 458, 459, 465, 468, 474, 486, 489, 490, 493, 494
Якушкины 450, 468, 475, 492
Янтарев (Янтарь) Антон, солдат 185, 188, 414
Ярошевицкий, командир Одесского пехотного полка 19
Ярошевич, поручик 385, 387
Ярцев, владелец золотых приисков 425
Яцук, унтер-офицер 188

* * *

Baumgarten L. 468
Eaerle Charles 288
Vernadsky 470
Wakar N. P. 492

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XI. Борьба за соединение Северного и Южного обществ. Петербургские совещания 1824 г. . . . 3

Глава XII. Работа над конституционными проектами в 1824—1825 гг. (поздние редакции Конституции Никиты Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля) 58

Глава XIII. Тайное общество летом 1824—осенью 1825 г. Работа над «Планом действий» 89

Глава XIV. Общество соединенных славян 133

Глава XV. Накануне восстания 183

Глава XVI. План государственного переворота в день восстания 14 декабря 1825 г. 223

Глава XVII. Восстание 14 декабря 1825 г. 255

Глава XVIII. Южное восстание (Восстание Черниговского полка. Попытка выступления в Полтавском полку) 345

Глава XIX. Следствие. Суд. Приговор 392

Глава XX. Каторга и ссылка. Место декабристов в русском революционном движении. Заключение . . 427

Примечания 455

Указатель имен 495

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*
Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР № 15-70В. Сдано в набор 27/VIII 1954 г.
Подп. к печати 27/X 1955 г. Формат бум. 70×108 1/16.
Печ. л. 31,75=43,49. Уч.-изд. лист. 46.4.
Тираж 10 000. Т-08622. Изд. № 617. Тип. зак. 235.

Цена 29 р. 85 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

3-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Савельевский пер., д. 13.